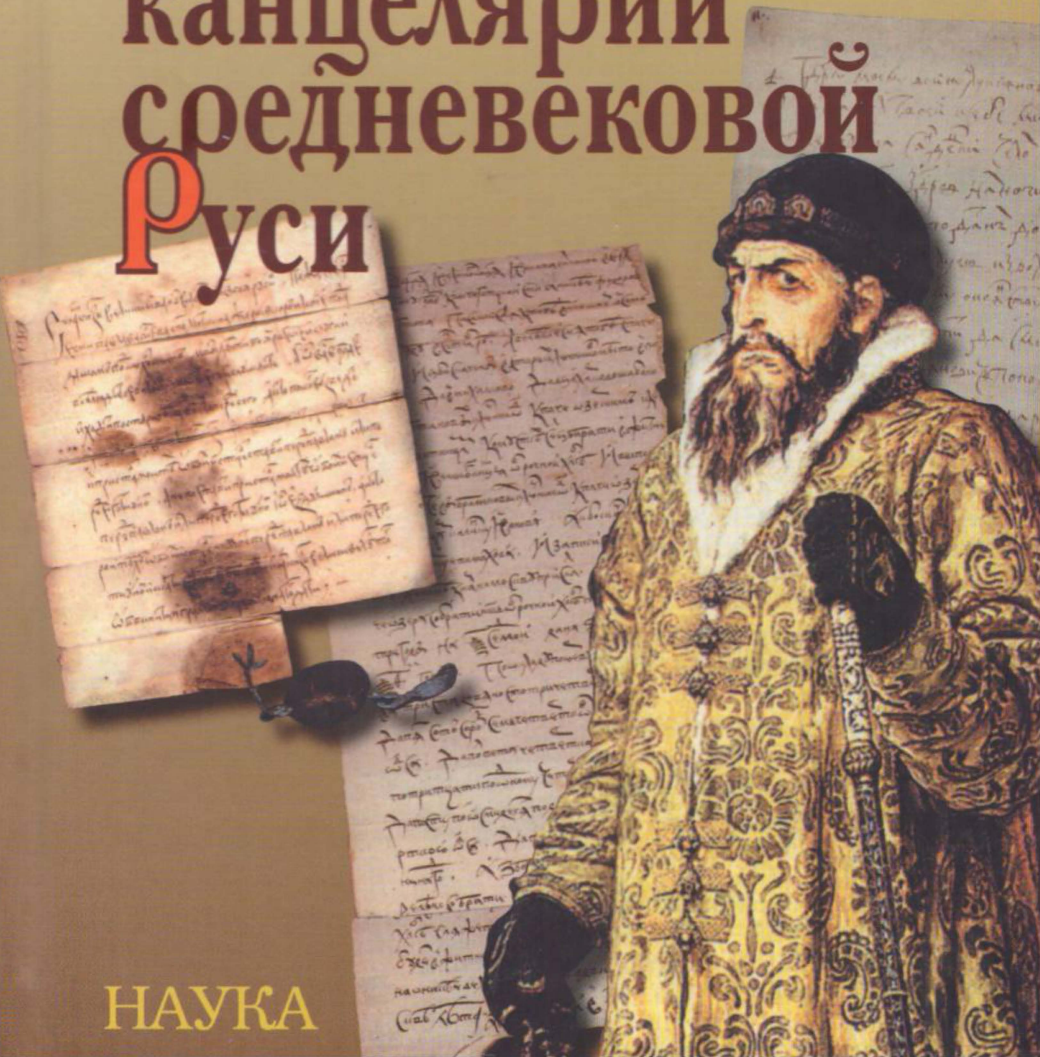
С. М. КАШТАНОВ

Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

С. М. КАШТАНОВ

Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси

МОСКВА НАУКА 2014

УДК 930
ББК 63.3(2)4
К31

Ответственный редактор
академик *В.Л. ЯНИН*

Рецензенты:
доктор исторических наук, академик РАО *С.О. ШМИДТ*,
доктор исторических наук *Л.В. СТОЛЯРОВА*

Каштанов С.М.
Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси / С.М. Каштанов ; [отв. ред. В.Л. Янин] ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука, 2014. – 674 с. – ISBN 978-5-02-035519-4

Монография посвящена дипломатическому анализу сохранившихся подлинников и копий актов XIV–XVI вв. в целях установления их канцелярской принадлежности и на этой основе – определению характерных особенностей деятельности протоканцелярий и канцелярий высшей светской власти средневековой Руси на разных этапах ее существования. Аналогов подобного исследования в отечественной историографии нет. Оно строится на базе современных дипломатических, палеографических, филиграноведческих, сфрагистических методик изучения средневековых актовых источников и базируется на архивных документах РГАДА, ГИМ, Архива Санкт-Петербургского института истории РАН и др.

Для историков.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-035519-4

© Каштанов С.М., 2014
© Институт всеобщей истории РАН, 2014
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 6

Глава I

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВИЗАНТИЙСКОЙ КАНЦЕЛЯРИЕЙ 13

Процедура составления и заключения договоров 15

Заголовки договоров 29

Два типа договоров 35

Титулатура: император и князь 43

Корроборация 58

Глава II

РАННЯЯ КАНЦЕЛЯРСКАЯ ПРАКТИКА. ЖАЛОВАННЫЕ АКТЫ НА РУСИ В XII–XIV ВЕКАХ 80

Глава III

К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БУМАГИ НА РУСИ В XIV–XVI ВЕКАХ 105

Глава IV

О НАПИСАНИИ И УДОСТОВЕРЕНИИ КНЯЖЕСКИХ АКТОВ 132

Писцы грамот 132

Послухи княжеских духовных грамот 141

Удостоверительные знаки княжеских духовных грамот 148

Глава V

НАЧАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ 155

Глава VI

БОГОСЛОВСКАЯ ПРЕАМБУЛА ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ 168

Глава VII

ИНТИТУЛЯЦИЯ АКТОВ X–XIV ВЕКОВ 196

Глава VIII

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО И ЦАРСКОГО ТИТУЛА В ГРАМОТАХ АФОНСКИМ МОНАСТЫРЯМ XVI ВЕКА 212

Глава IX

СИБИРСКИЙ КОМПОНЕНТ В ТИТУЛАТУРЕ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ XVI–XVII ВЕКОВ 246

Глава X

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ В ИНТИТУЛЯЦИИ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ И ЦАРСКИХ ГРАМОТ 267

Глава XI

ИНСКРИПЦИЯ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ ЦЕРКОВНЫМ ИЕРАРХАМ 274

Глава XII

РОЛЬ ПОСРЕДНИКОВ В ВЫДАЧЕ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ 289

Глава XIII

ВЛИЯНИЕ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ КАФЕДРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЕЧНОГО ПРОТОКОЛА КНЯЖЕСКИХ АКТОВ 303

Глава XIV

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНИКА 1497 ГОДА КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА 316

Глава XV

ИНТЕРПОЛЯЦИИ И ПОДДЕЛКИ АКТОВ 340

К вопросу о расшифровке имени “Иг◊шь” в Уставе великого князя Всеволода-Гавриила Мстиславича 340

О жалованной грамоте Пскова Якову Голутвиничу 342

Глава XVI

О НАКАЗАНИИ ПОДДЕЛЬЩИКОВ ДОКУМЕНТОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА НА ЗАПАДЕ И НА РУСИ 347

Глава XVII

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ 363

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 378

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ВОПРОС О КОРОЛЕВСКИХ, КНЯЖЕСКИХ И ГОРОДСКИХ КАНЦЕЛЯРИЯХ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ ПО ДИПЛОМАТИКЕ 383

1. Ранние средневековые канцелярии (IV Международный конгресс по дипломатике) 383

2. Канцелярии суверенных монархов XIII–XV веков (V Международный конгресс по дипломатике) 398

3. Документация европейских городов периода позднего Средневековья (IX Международный конгресс по дипломатике) 430

II. О "ЖАЛОВАННОЙ ЮРИСДИКЦИИ" КАК ФОРМЕ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ПРАКТИКИ 460

III. ДОГОВОР РОССИИ С ЛИВОНИЕЙ 1535 ГОДА 483

Описание рукописи русско-ливонского договора 1535 г. 502

Документ 563

Русский текст договора 1535 г. 563

Немецкий текст договора 1535 г. 571

Примечания к заголовку 582

Примечания к русскому тексту договора 582

Примечания к немецкому тексту договора 595

Разночтения к немецкому тексту по Миллеру 611

Словник к русскому тексту 612

Словник к немецкому тексту 623

Соотношение терминологии русского и немецкого экземпляров договора 632

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 639

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН 643

Посвящаю
жене моей Любе
и детям – Наташе, Оле
и Павлику

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена исследованию истории княжеских канцелярий средневековой Руси. Термин "cancellaria" впервые появляется в средневековых латинских текстах в XII в. Первоначально он обозначал только должность и функцию канцлера. Позднее этот термин стал обозначать и место, где велось делопроизводство[1].

Применительно к средневековой Руси термин "канцелярия" употребляется в значительной мере условно, поскольку учреждений с таким названием до XVIII в. здесь не существовало. В Западной, Центральной и отчасти Восточной Европе канцелярия при монархе возникала из capella regis и образовывала специальное учреждение с определенным штатом и иерархией чинов: архиканцлер – канцлер – протонотарий – нотарии – писцы. В России такого специального учреждения при монархе не было, по крайней мере до Походной канцелярии Петра I или Собственной его императорского величества канцелярии, функции которых значительно отличались от функций средневековых канцелярий остальной Европы.

Вместе с тем по мере развития аппарата управления на Руси стали возникать учреждения, имевшие определенный штат писцов, работавших под руководством дьяков и бояр. Становлению института дьячества и личному составу дьяков XV–XVI вв. посвящены труды Н.П. Лихачева, С.А. Белокурова, В.И. Саввы, С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, С.О. Шмидта и др. В конце XV – первой половине XVI в. делопроизводство велось в Казне, Большом дворце и областных дворцах, Посольском приказе. Как показал П.А. Садиков, в середине и второй половине XVI в. образуются ведомства дьяков, которые перерастают в приказы и чети (Большой приход и др.)[2]. Г. Штаден, немецкий наемник, живший в России в 1564–1574/75 гг. и вступивший в опричнину в 1567–1569 гг.[3], в своих записках неоднократно упоминает die "Canzeleyen", "Canzeleinen",

[1] *Tessier G.* Diplomatique royale française. P., 1962. P. 2.

[2] *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

[3] *Генрих Штаден.* Записки о Московии: В 2 т. М., 2008. Т. 1: Публикация. С. 56.

т.е. канцелярии, под которыми он подразумевает центральные органы управления – дворцы и приказы. С дворцами можно отождествить следующие "канцелярии", названные Штаденом: 1) "Hoffcanzeley"[4] (Большой дворец); 2) "Resanskenn Canzeley"[5], 3) "Kasanskenn vnndt Astrokanskenn Canzeley oder kayserthumbenn"[6]. Если эти учреждения были образованы по территориальному принципу, то большинство других основывалось уже на функциональном принципе. Ими являлись: 1) "gesantten Canzeley"[7] (Посольский приказ); 2) "krigs Canzeley"[8] (Разрядный приказ); 3) "Mörder Canzeley"[9] (Разбойный приказ); 4) "landt Canzeley"[10] (Поместный приказ); 5) "geltt Canzeley"[11] (Большой приход); 5) die "Canzeley da alle Supplicationes apgelesenn worden welche vom Grosfurschtenn kammen vnndt vnderschrieben wahrenn"[12] (Челобитенный приказ)[13]; "Jamsko Ispa oder PostCanzeley"[14] (Ямская изба); 8) "die Canzeley der Pottkletein Coeli"[15] (Приказ подклетных сел). Последнее учреждение по русским источникам неизвестно. Его главой Штаден называет Никиту Романовича. Имеется в виду Н.Р. Захарьин-Юрьев, который был дворецким в 1564–1569 и, возможно, в 1572–1575 гг. Известно, что в 1567 г. он ведал Большим земским дворцом[16].

---

[4] Там же. С. 144, 160 ("Дворцовая канцелярия").

[5] Там же. С. 78 ("Рязанская канцелярия").

[6] Там же. ("Казанская и Астраханская канцелярия, или Канцелярия царств").

[7] Там же. С. 78, 350, 378 ("Посольская канцелярия").

[8] Там же. С. 72, 160, 378 ("Военная канцелярия").

[9] Там же. С. 72, 160 ("Уголовная канцелярия", или "Канцелярия уголовных дел" [дел об убийствах]).

[10] Там же. С. 70, 144, 160, 238, 352, 376, 380 ("Земельная канцелярия" или "Канцелярия по земельным делам").

[11] Там же. С. 72, 120, 160 ("Денежная канцелярия"). Это не "Казна" (как сказано в указателе). Здесь сидит Иван Булгаков, являвшийся в 1564 г. дьяком Большого прихода (см.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 71). Ср.: *Генрих Штаден.* Указ соч. М., 2009. Т. 2. С. 472. В указателе "денежная канцелярия" в одном случае ошибочно отождествляется с Большой казной (в XVI в. была просто "Казна"), а в двух других – правильно, с Большим приходом.

[12] *Генрих Штаден.* Указ. соч. Т. 1. С. 78, 160 ("Канцелярия, где зачитывались все прошения, одобренные великим князем и подписанные").

[13] В предметном указателе Челобитенный приказ не фигурирует, вероятно, потому, что его существование в литературе ставится под сомнение (ср.: Там же. Т. 2. С. 147).

[14] *Генрих Штаден.* Указ. соч. Т. 1. С. 76 ("Ямская изба или Почтовая канцелярия").

[15] Там же. С. 70 ("Канцелярия подклетных сел").

[16] *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 155; *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 199.

С hoffCanzeley Штаден связывает другое лицо – Иосифа Ильина: "Josep Ilyn auff der hoffCanzeley ist schmehlich vmbgebracht"[17], т.е. "Иосиф Ильин из дворцовой канцелярии был с позором убит". Осип Ильин погиб около 1575 г., а до этого (по крайней мере, в 1569 г.) служил в опричнине в должности дворцового дьяка[18]. Таким образом, у нас есть основания предположить, что под "Canzeley der Pottkletein Coeli" Штаден подразумевал Большой дворец в земщине, а под "hoffCanzeley" – Большой дворец в опричнине.

Кроме упоминания отдельных "канцелярий" Штаден говорит о "канцеляриях" вообще как органах управления Московским государством[19], о "канцеляриях", созданных в Слободе, т.е. в опричнине[20], "судных канцеляриях"[21], также о митрополичьих "канцеляриях"[22]. П.А. Садиков, правда, заметил, что Штаден не упоминает "четверти" (чети) – новые финансовые органы, которые начали формироваться в 60-х годах XVI в.[23] Интересно, что Штаден не называет канцелярией и Казну, видя в ней прежде всего сокровищницу, место хранения царских богатств ("Schazhoffe")[24]. С понятием "канцелярия" не связывается и такой орган власти, как Боярская дума. Она вообще институционально неуловима.

Зная, что формально главой приказа является боярин, Штаден не его, а дьяка отождествляет с "канцлером" ("Canzelerr") – ве-

---

[17] *Генрих Штаден.* Указ. соч. Т. 1. С. 144.

[18] *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 218; *Он же.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 388; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 200, 327, 328, 374; *Он же.* В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 29.

[19] *Генрих Штаден.* Указ соч. Т. 1. С. 70, 80, 82, 90, 172.

[20] Там же. С. 110.

[21] Там же. С. 70 ("auff ieder gerichts Canzeley vndt allen anderenn Canzeleyen").

[22] Там же. С. 164 ("Papsts hoff midt allenn seinnenn Canzeleyenn").

[23] *Садиков П.А.* Указ. соч. С. 355.

[24] *Генрих Штаден.* Указ соч. Т. 1. С. 70 ("Schazhoffe"). Казначеев Никиту Фуникова Курцева и Хозяина Юрьевича Тютина Штаден не именует канцлерами. Зато в роли такового у него выступает "Gregori Cokuroff", которого комментаторы издания 2008–2009 гг. ищут "среди Колударовых" (Т. 2. С. 116), хотя вернее его отождествить с известным казенным дьяком Иваном Кожухом Григорьевым сыном Кроткого, сподвижником другого казенного дьяка – Юрия Сидорова. У С.Б. Веселовского он в последний раз упоминается под 1555 г. (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 402; *Он же.* Дьяки и подьячеи... С. 268). Штаден мог знать о нем только с чьих-то слов, не вполне расслышанных, и поэтому до неузнаваемости исказил его фамилию – "Кокуров" вместо "Кроткого". Василий Григорьев Колударов, предложенный комментаторами для идентификации с "Кокуровым", на эту роль не подходит. Он никогда не был казенным дьяком. Известен как дьяк в Казани с 1574 г. (см.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячеи... С. 253).

роятно, потому что именно дьяк командовал делопроизводством, хотя и получал приказы от боярина, и перед дьяком стояла на столе чернильница с перьями ("Es stunt ein Dintefaβ midt feddernn vor dem Canzeler auff dem tische")[25].

Если русское слово "дьяк" Штаден обычно не употребляет, заменяя его немецким "Canzelerr", то термин "подьячий" ("Podiecien") у него встречается[26] наряду с немецким "Vnnderschreiber"[27] в значении "переписчики" или "писцы". Он говорит, что они переписывали документ набело, держа бумагу на коленях, а чернильницу в левой руке, дьяк же только подписывал грамоту в конце текста после даты и по сставам на обороте[28]. В целом это описание достоверно, хотя подпись дьяка на лицевой стороне возле даты встречалась нам очень редко, да и то в документах, отправляемых за рубеж[29]. Несмотря на ряд важных подробностей процедуры изготовления документа, сообщаемых Штаденом, из его описания не вполне ясно, кто был "диктатором" и кто писцом концепта, т.е. чернового текста, написанного под диктовку. Судя по Штадену, исходный момент составления документа – приказ, который боярин, глава "канцелярии" (но не "канцлер"), отдавал "канцлеру" (дьяку). Играл ли сам царь какую-нибудь роль в отдаче "приказа" о написании документа? Принадлежало ли право приказа (jussio) исключительно боярину – руководителю ведомства? Штаден говорит: боярин или князь "dem Canzelerr beffahl zu schreibenn" ("приказывал канцлеру писать")[30]. Но как писать? Под его, боярина, диктовку или самостоятельно, в духе и смысле полученного приказа?" "Das muste ehr thunn" – и он, дьяк, должен был это делать, – добавляет автор Записок. Значит, дьяк сам брал в руки перо и писал черновик грамоты? Или он, в свою очередь, приказывал писать кому-то – подьячему? На этот раз уж наверняка под диктовку или, может быть, снова дело отдавалось на усмотрение и доверялось опыту подчиненного? Ясно только одно: черновик переписывал набело подьячий.

---

[25] *Генрих Штаден.* Указ соч. Т. 1. С. 70.

[26] Там же. С. 84.

[27] Там же. С. 84, 90.

[28] Там же. С. 84, 86, 378.

[29] См., например, подпись дьяка Андрея Щелкалова на лицевой стороне жалованной грамоты Ивана IV 1571 г. афонскому Хиландарскому монастырю на двор в Москве (Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 367). А.Я. Щелкалов поставил свою подпись в самом конце документа, после даты и корроборации о скреплении акта золотой печатью. При этом слово "діак" написано писцом. Автографом дьяка является лишь подпись его имени: "Ондрѣи Яковлев сын Щелкалов".

[30] *Генрих Штаден.* Указ. соч. Т. 1. С. 70.

По утверждению Штадена, на службах в московских приказах 60–70-х годов XVI в. находилось до 2000 человек из низших слоев дворянства[31], а подьячих по приказам ("канцеляриям") могло быть от 20 до 50 человек в каждом[32]. Такие штаты писцов, если верить цифрам Штадена, свидетельствуют о том, что с развитием приказной системы управления в XVI в. Русское государство сделало гигантский бросок вперед от раннесредневековой системы документирования к системе Нового времени, формировавшейся в эпоху Возрождения. Штаден показал, что в этой новой системе процветали коррупция, казнокрадство, насилие и несправедливость, но сама система складывалась по канонам бюрократии раннего Нового времени. Называя российские приказы канцеляриями, а дьяков – канцлерами, Штаден не сумел "сравненье кончить шпицем". Ему не пришло в голову, что начальников приказов – князей и бояр, как бы командующих "канцеляриями", вполне логично сравнить с "эрцканцлерами", и тогда структура приказа будет соответствовать модели классической средневековой "канцелярии" со всеми ступенями ее иерархии. Но Штаден такого сравнения не сделал, вероятно, потому что оно хотя и логично, но искусственно. Средневековые эрцканцлеры – это, как правило, церковные иерархи, архиепископы, начальники же приказов – люди светские, слуги государя, а не церкви.

Можно ли считать приказы-"канцелярии" гетерогенной, или рассеянной (раздробленной) канцелярией государя? Я думаю, нет. Скорее, это комплекс государственных канцелярий. И поэтому говорить, что та или иная грамота вышла из "государевой канцелярии" или "царской канцелярии" (либо же из "митрополичьей канцелярии") применительно к XVI в. так же неверно, как и применительно к более раннему времени.

Отсутствие канцелярии при монархе как конституированного учреждения являлось одним из условий и факторов монаршего произвола и вседозволенности. Пользование для составления документов услугами разных писцов, не имевших статуса и прав членов определенного учреждения, открывало дорогу для беззакония и тирании. Не случайно московские государи уже в конце XV и в XVI в. считались самыми неограниченными монархами в Европе. Возникновение многих "канцелярий"-приказов в XVI в. при отсутствии личной канцелярии монарха никак не ограничивало и не ставило в рамки закона волеизъявление государя всея Руси. Употребление в ученых трудах слова "канцелярия", иногда

[31] Там же. С. 172.
[32] Там же. С. 84.

со ссылкой на отсутствие другого, более подходящего термина[33], не так уж невинно. Оно "европеизирует" и приукрашивает специфику русской системы документирования, искажая тем самым ее сущность. Даже В.А. Водов, вполне сознававший отсутствие на Руси XIV – первой половины XV в. "канцелярии" в западном смысле слова, говорит о "зарождении канцелярии московских великих князей" в это время[34]. Очень любят термин "великокняжеская канцелярия" и современные российские авторы[35]. Между тем подобие "канцелярий" начинает формироваться на Руси не ранее конца XV в., причем "канцелярии" образуются не как одно специальное учреждение при государе, как это было на Западе в период раннего Средневековья, а как составной элемент внутри того или иного центрального учреждения. Это уже бюрократия Нового времени, и тут есть сходство с Западом, но не раннефеодальной, а более поздней эпохи.

Описанный у Штадена "канцеляриям" типа модерн предшествовал, очевидно, такой тип древнерусского делопроизводства, когда государь пользовался услугами отдельных дьяков и писцов, не входивших в состав какого-либо особого учреждения. Уже в XV в. в выдаче грамоты могли принимать участие несколько инстанций: 1) боярин, "приказывавший" выдачу грамоты; 2) дьяк, ответственный за составление текста; 3) писец, непосредственно писавший текст (может быть, под диктовку дьяка); 4) печатник, привешивавший печать. Выполняя поручение князя, эти лица не образовывали еще постоянно действующего института управления. Такую форму делопроизводства едва ли можно назвать "канцелярией" или "бюро письма" в собственном смысле слова. Мы склонны определять этот период в истории княжеского делопроизводства как "протоканцелярский".

Вследствие того, что княжеской "канцелярии" как учреждения в России X–XVI вв. не было, мы вынуждены изучать не столько механизм работы "канцелярии", сколько особенности внешней и внутренней формы документов, являвшихся продуктом делопроизводства "протоканцелярского" периода. Другими словами, в данной монографии во главу угла поставлен анализ формуляра актов. Автор подвергает пересмотру вопрос о процедуре заключения русско-византийских договоров X в. и развивает новую концепцию относительно происхождения дошедших текстов

---

[33] *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 3.

[34] *Водов В.А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. – 1425 г.) // ИЗ. М., 1979. Т. 103. С. 325–350.

[35] См., например: *Пономарева И.Г.* Великокняжеская канцелярия при Василии Темном: (Поименный список) // АЕ за 2006 год. М., 2011. С. 118–142.

в составе летописей. Изучается процесс складывания формуляров жалованных актов XII–XIV вв. в разных регионах Руси. Рассматривается проблема распространения западноевропейской бумаги как материала для письма в России середины XIV–XVI вв. Анализируются данные источников о написании и удостоверении княжеских актов. Предметом специального исследования являются начальная и конечная части актов, такие компоненты формуляра, как инвокация, интитуляция, богословская преамбула, конечный протокол. Автор пытается также проследить общие тенденции документирования социально-экономических и социально-политических отношений на Руси XIV–XVI вв.

Обширность темы исследования не позволила в равной мере осветить все стороны развития как протоканцелярий XIV–XV вв., так и формирующихся канцелярий при различных учреждениях конца XV–XVI в. Поэтому работа носит в значительной мере очерковый характер и требует продолжения в разных направлениях.

Глава I

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВИЗАНТИЙСКОЙ КАНЦЕЛЯРИЕЙ

Раньше всего русские вплотную познакомились с канцелярской практикой на почве заключения договоров с греками. Известно, что русско-византийские договоры X в. дошли до нас только в составе летописных текстов, из которых древнейшие представлены списками начиная с XIV в. Русский текст договоров был включен в Повесть временных лет в начале XII в.

Договорные статьи изложены в Повести под 907 г., однако А.А. Шахматов и ряд других исследователей сомневаются, что эти статьи являются текстом самостоятельного договора 907 г.[1] В современной литературе не вызывает сомнения факт существования договоров 911, 944 и 971 гг., русский текст которых представлен в начальной части многих летописных сводов, отражающих Повесть временных лет[2]. Греческие тексты этих актов не сохранились. Только в византийских хрониках Льва Дьякона, Скилицы и др. рассказывается о переговорах Святослава с Иоанном Цимисхием в 971 г. и заключении соглашения.

Договорам посвящена очень большая литература XVIII–XX вв. Из специальных дипломатических работ второй половины XX в. упомянем труды С. Микуцкого (Польша)[3], И. Сорлен (Франция)[4],

---

[1] ПРП. М., 1952. Вып. 1. С. 64–65; ср. *Горский А.А.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема "договора" 907 г. // Ad fontem = У источника: Сб. ст. в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 147–152.

[2] ПРП. Вып. 1, С. 6–10, 30–35, 58–59.

[3] *Mikucki S.* Études sur la diplomatique russe la plus ancienne, 1-ère partie // Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres. Cracovie, 1953. N 7 supplémentaire. P. 1–40; *Idem.* 2-ère partie // Zeszyty naukowe Univesytetu Jagiellońskiego: Prace historyczne. Kraków, 1960. N 26. Z. 4. S. 137–145.

[4] *Sorlin I.* Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle, (1-ère et 2-ème parties) // Cahiers du monde russe et soviétique. P., 1961. Vol. 2, N 3. P. 313–360; N 4. P. 447–475.

автора настоящих строк[5], А.Н. Сахарова[6], Я. Каковской-Малингудис, или Малингуди (Греция)[7].

Еще Н.А. Лавровский показал, что дошедшие тексты договоров – перевод с греческого[8]. В литературе вставал вопрос о том, прямой ли это перевод на древнерусские язык или опосредствованный через староболгарский перевод[9]. Исследователями было отмечено, что текст договора 911 г. содержит больше ошибок и архаизмов, чем текст договора 944 г., и более слепо следует греческому оригиналу.

---

[5] *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 209–215; *Он же.* Русские княжеские акты X–XIV вв. // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 94–99; *Он же.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 4–57; *Он же.* О выражении "Ивановым написанием" в летописном тексте русско-византийского договора 911 г. // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 12–14 апр. 1993 г.: Тез. докл. М., 1993. С. 33–39; *Он же.* К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Международная договорная практика Древней Руси: IX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апр. 1997 г.: Мат-лы конф. М., 1997. С. 18–22; *Он же.* Византийские σέκρετα и русские приказы: (К постановке вопроса) // Восточная Европа в Древности и Средневековье: X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апр. 1998 г.: Мат-лы конф. М., 1998. С. 44–47.

[6] *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980. С. 84–258; *Он же.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 183–203.

[7] *Kacovska-Malingoudis J.* Zur typologischen Struktur der byzantisch-russischen Verträge des 10. Jh. (Тезисы, врученные мне автором на XVIII Международном конгрессе византинистов в Москве в августе 1991 г., но не вошедшие в публикацию: XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. Москва, 1991. I–II); *Maloungidi J.* Die Russisch-Byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994; *Малингуди Я.* Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики // ВВ. 1996. Т. 56 (81). С. 68–91; 1997. Т. 57 (82). С. 58–87. Вопросу об удостоверительных знаках договоров много внимания уделила Н.А. Соболева (см.: *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С. 80–94).

[8] *Лавровский Н.А.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.

[9] *Истрин В.[М].* Договоры русских с греками X века // ИОРЯС. 1924 г. Л., 1925. Т. 29. С. 383–393; *Обнорский С.П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. М.; Л., 1936. [Т]. 6/7. С. 79–103; *Корнеева-Петрулан М.И.* К изучению состава и языка договоров русских с греками // Учен. зап. МГУ. М., 1952. Вып. 150: Русский язык. С. 255–281.

Процедура составления и заключения договоров

В обширной русской и зарубежной историографии византино-русских договоров издавна поднимался вопрос о порядке их заключения. Этот вопрос имеет очень важное значение для понимания происхождения, а следовательно, и содержания текстов. Можно условно различить два преобладающих подхода к исследуемой проблеме. Первый состоит в изучении договоров самих по себе методами лингвистического и конкретно-исторического анализа. Второй основан на сравнении порядка заключения русско-византийских договоров с правилами составления договоров между Византией и другими странами (Персией, итальянскими республиками, Болгарией). Конечно, эти подходы в той или иной мере переплетаются.

Нам кажется, что работа должна вестись в двух указанных планах одновременно, причем второму направлению надо уделять не меньше внимания, чем первому. Идея сравнения русско-византийских и византино-венецианских договоров принадлежит А. Димитриу, который верно почувствовал большую перспективность выводов статьи К. Неймана о различиях в порядке составления византино-венецианских договоров в Константинополе и Венеции[10]. Еще раньше делалась попытки сопоставить процедуры заключения византино-персидского и византино-русских договоров.

В эксцерптах из "Истории" Менандра Протиктора сохранилось описание порядка заключения византино-персидского договора 561 г.[11] Уже И.Ф.Г. Эверс привел это известие в связи с изучением русско-византийских договоров X в., тексты которых дошли в составе Повести временных лет[12]. Рассказ Менандра Эверс рассматривал как доказательство неслучайности составления договоров

---

[10] *Neumann C.* Über die urkundlichen Quellen zur Geschichte der byzantinisch-venetianischen Beziehungen vornehmlich im Zeitalter der Komnenen // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1892. Bd. I. S. 366–378; *Димитриу А.* К вопросу о договорах русских с греками // ВВ. СПб., 1895. Т. 2. С. 531–550; ср.: *Карышковский П.О.* К истории балканских походов при Святославе // Краткие сообщ. Ин-та славяноведения. М., 1955. [Вып.] 14. С. 26–30.

[11] Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri historiarum. Bonnae, 1829. P. 346–373; Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeneti confecta. Berolini, 1903. Vol. 1: Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. СПб., 1860. С. 329–356.

[12] *Эверс И.Ф.Г.* Древнейшее русское право в историческом развитии. СПб., 1835. С. 147–149.

Олега и Игоря в двух экземплярах: поскольку подобная процедура существовала еще в VI в., значит к моменту заключения договоров с Русью она была давнишним "обыкновением греческого двора"[13].

Позднее С.А. Гедеонов подробно интерпретировал процедуру, описанную Менандром. Он различал в ней "три главных момента", или, вернее, три последовательных этапа изготовления договорных документов: "1) конференция; прения; проект договора, составленный каждою стороною на своем языке; перевод персидского проекта на греческий, греческого на персидский язык; сличение; согласование; 2) изготовление по одобренным проектам двух договорных грамот, персидской и греческой; употребление каждою стороною своих канцелярских и дипломатических форм; приложение печатей; обмен документов: персы получают греческую, греки – персидскую грамоту; 3) Зих вручает Петру греческий перевод с персидского оригинала; Петр Зиху – персидский перевод с греческого оригинала; переводные экземпляры не носят печатей послов"[14].

Интерпретация Гедеонова была полностью принята А.К. Димитриу, который разделил только процедуру составления договора не на три, а на четыре этапа: "1) после прений обеих сторон каждая составляет свой проект договора на своем языке; 2) персидский экземпляр переводится на греческий, а греческий – на персидский язык; обе стороны сличают переводный экземпляр со своим собственным проектом договора и найденные различия согласуют; 3) когда обе стороны нашли проекты договора подходящими, то изготовляются две грамоты – персидская и греческая, причем каждая сторона употребляет свои канцелярские и дипломатические формы; наконец, 4) происходит обмен договорами: греки получают персидский экземпляр, а персы – греческий; кроме того, греческие послы получают греческий перевод с персидского, а персы – персидский перевод с греческого экземпляра; эти последние – переводные экземпляры оригиналов – не имеют печатей послов: они служили только пособием при чтении оригиналов. Итак, каждая сторона получала два экземпляра договора: один на языке той страны, с которой заключается договор, другой в виде копии с того же экземпляра на языке своей страны"[15].

Эверс, Гедеонов и Димитриу не дали развернутого сравнения процедуры составления договора 561 г. с порядком заключения русско-византийских договоров. Эверс заметил лишь, что "при сем деле употребляемы были греческие чиновники... следователь-

---

[13] Там же. С. 137.

[14] *Гедеонов С.* Варяги и Русь. СПб., 1876. С. 265–266.

[15] *Димитриу А.* Указ. соч. С. 535–536. У Гедеонова и Димитриу договор 561 г. указан под 628 г.

но, договорные грамоты писались сначала на греческом языке. Варвары получали для себя экземпляр на своем языке, который, может быть, часто при сем случае должен был терпеть насилие. Сим весьма естественно объясняется тяжесть слога в Олеговом договоре..."[16] Иными словами, согласно Эверсу, на русском языке первоначальный текст не составлялся. Такой же точки зрения придерживался Гедеонов, видевший в этом неравноправии партнера Византии главное отличие византино-русской процедуры от византино-персидской[17].

Димитриу сопоставил данные Менандра с латинскими текстами византино-венецианских договоров, опубликованными в сборнике Г.Л.Ф. Тафеля и Г.М. Томаса[18]. По его мнению, указанные тексты являют собой переводы с греческих оригиналов, сделанные не в Венеции, а в Константинополе, т.е. полученные венецианскими послами от византийцев на последнем этапе процедуры, представляемой по схеме, строящейся на базе известия Менандра[19]. Эту схему, подкрепленную венецианским материалом, автор применяет и для объяснения характера дошедших текстов византино-русских договоров: "... они – перевод с греческого языка и представляют притом вполне надежный текст второй руки; имеем в виду, что есть полное основание думать, что записанные у летописца договоры суть ближайшие копии со вторых экземпляров, которые сопровождали греческие как переводные копии с них. Все договоры, кроме договора 907 г. ... имеют надписи, что они суть копии, сделанные в Константинополе, а не в другом каком-нибудь городе, например в Киеве"[20].

Большинство советских авторов в 1920–1960-х годах не пошли по пути сравнительного изучения процедур заключения договоров, предпочтя метод филологической и логической критики договоров как таковых.

Польский историк С. Микуцкий в своих ценных, насыщенных материалом трудах, опубликованных в 1950-х годах, применил сравнительный анализ в качестве средства определения происхождения договоров лишь в пределах, позволяющих обнаружить частные отступления дошедших текстов от некоего типического формуляра актов императорской канцелярии X в. Автор не ставил вопроса о том, что в самой императорской канцелярия могли быть разные типы формуляров международных договоров[21].

---

[16] *Эверс И.Ф.Г.* Указ. соч. С. 137–138.
[17] *Гедеонов С.* Указ. соч. С. 266.
[18] URV. I.
[19] *Димитриу А.* Указ. соч. С. 537.
[20] Там же. С. 540.
[21] См. выше, примеч. 3.

В 1950-х же годах к анализу византино-итальянских договоров X–XII вв. обратился немецкий историк В. Хайнемаер, который еще в 1930-х годах опубликовал исследование о договорах между византийскими и западными императорами. Русские акты автор не затрагивал, но его работы имеют значение для понимания процедуры заключения договоров Византии с иностранными державами вообще. Рассматривая договоры Византии с Венецией, Пизой и Генуей, Хайнемаер различает два типа процедуры заключения этих соглашений: 1) непосредственное заключение договора ("Unmittelbare Vertragsverfahren") и 2) сложное, опосредствованное заключение договора ("Zusammengesetzte Vertragsverfahren").

В первом случае партнеры, т.е. главы государств, сами вступают в общение по поводу составления договора – обычно посредством писем и через послов как носителей устной и письменной информации; после выработки таким путем текста договора городские власти итальянской республики приносят присягу на верность договору в присутствии императорских послов, а затем итальянские послы отправляются к императору и перед ним приносят клятву в верности договору (о какой-либо клятве со стороны императора известий нет). На этом процедура заключения договора завершается.

Во втором случае один из партнеров назначает своего полномочного представителя, который ведет все переговоры с другой стороной по поводу заключения договора. Уполномоченный имеет право заключить договор и (если он представляет итальянскую республику) принести клятву верности, а также ратифицировать договор. При этом его полномочия и обещания относительно ратификации оформляются в отдельной грамоте, которую представители уполномоченного вручают другой стороне. Подробные указания о ведении дела уполномоченный сообщает своим представителям в секретной инструкции. Последние клянутся ее исполнять, о чем составляется запись. В случае успеха переговоров представители уполномоченного заключают договор с другой стороной. Каждая сторона готовит тексты раздельно. Представители уполномоченного передают свой проект другой стороне, а сами забирают с собой на родину второй экземпляр ("Zweitausfertigung") договора другой стороны для передачи уполномоченному (так, во всяком случае, поступали представители итальянских городов в Константинополе). Итальянские представители клялись перед императором в том, что договор будет ратифицирован их правительством. Во второй половине XII в. эта клятва оформлялась в отдельной грамоте, которая передавалась императору. Противоположная сторона также обычно назначала своих послов, которые вручали

ее проект договора представителям уполномоченного первой стороны. Эти послы принимали одновременно ратифицированную грамоту представителей уполномоченного первой стороны. Император, как кажется, клятву итальянским городам не приносил. Договор вступал в силу после того, как проходил ратификацию в Византии. Она выражалась в том, что император давал обещание соблюдать договор и это обещание закреплялось в специальной грамоте, выдававшейся представителям противоположной стороны. В итальянских республиках органы власти клялись далее в верности договору в присутствии представителей императора, которым выдавалась особая грамота, фиксировавшая эту клятву.

Таким образом, согласно Хайнемаеру, процедура первого типа предполагала составление двух текстов договора и письменной клятвы итальянских послов перед императором, в то время как при процедуре второго типа создавались следующие документы: грамота о полномочиях; инструкция; письменная клятва представителей (о соблюдении инструкции); договор, составленный представителями; письменная клятва представителей (о ратификации договора); договор, составленный противоположной стороной; ратификационные грамоты сторон.

Процедура первого типа в XII в. вела к созданию императорских хрисовулов (chrysobulloi logoi, реже chrysobulla sigillia)[22], для которых характерно включение в себя текста договорного документа второй стороны ("inserierten Vertragsurkunde des italischen Partners")[23].

В начале 1960-х годов увидела свет работа французской исследовательницы И. Сорлен. В изучении порядка составления договоров она в основном следует за Микуцким, иногда дополняя его наблюдения некоторыми логическими построениями. Сорлен считает нецелесообразным сопоставление документов X в. с известием Менандра, относящимся к VI в. Равным образом она отрицает и полезность сравнения летописных текстов с византино-венецианскими договорами XII в. По мнению Сорлен, русско-византийские договоры должны изучаться "сами по себе" ("en eux-mêmes")[24].

---

[22] Χρυσόβουλλος λόγος являлся документом типа жалованной грамоты широкого радиуса действия, близкой к закону, χρυσόβουλλος σιγίλλιον был тоже документом, дававшим определенные привилегии, но меньшего масштаба. И те, и другие скреплялись золотой печатью, откуда и происходит название "хрисовул" ("золотая булла"). См.: Καραγιαννόπουλος *I.E.* Βυζαντινή Διπλωματική. Θεσσαλονίκη, 1968. Σ. 94: *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики: (Частноправовой акт). Л., 1986. С. 9–10.

[23] *Heinemeyer W.* Die Verträge zwischen dem Oströmischen Reiche und den italischen Städten Genua, Pisa uad Venedig vom 10. bis 12. Jahrhundert // Archiv für Diplomatik. Köln; Graz, 1957. Bd. S. 79–161, особенно S. 157–160.

[24] *Sorlin I.* Op. cit., 1-ère partie. P. 328, 344.

Между тем к сравнительному исследованию византино-русских и других византийских договоров подталкивало само развитие византийской дипломатики. Стимулирующим фактором явился выход в свет обобщающего труда по византийской дипломатике Ф. Дэльгера и И. Караяннопулоса. Здесь были довольно четко определены типы формуляров международных договоров, заключавшихся Византией. В книге приводятся четыре схемы формуляров византино-иностранных договоров[25]. Авторы различают два периода в истории договоров – 1) 992–1261 гг., 2) 1261–1448 гг. – и внутри каждого периода два типа формуляров договоров, заключенных в Константинополе: 1) после переговоров в другой стране; 2) без предварительных переговоров в другой стране. Назовем первый тип договоров в первый период типом Iа, во второй период – Iб, второй тип в первый период – IIа, во второй период – IIб.

Приведем схемы по Дэльгеру – Караяннопулосу.

Тип Iа: А. Протокол: 1) invocatio; 2) intitulatio: 3) inscriptio (часто весь протокол отсутствует); Б. "Текст": 1) преамбула (часто отсутствует); 2) narratio; а) клятвенное обещание соблюдать условия договора, даваемое византийскому императору другой стороной; б) упоминание полномочий послов другой страны; в) статьи договора; г) определение срока действия договора (до нарушения его другой стороной); д) заявление, что хрисовул логос выдан в подтверждение взаимного соглашения сторон; В. Эсхатокол: 1) дата (только по летосчислению от Сотворения мира); 2) заключительная фраза; 3) собственноручная императорская подпись (красного цвета).

Тип 1б: А. Протокол: invocatio или intitulatio или 1) invocatio; 2) intitulatio (целиком протокол отсутствует редко); Б. "Текст": 1) (как правило, без преамбулы); 2) а) упоминание византийских послов; обещание императора соблюдать соглашение; б) условия договора; заявление о выдаче правительством другой страны клятвенной грамоты (с присягой на верность договору); в) указание свидетелей; г) указание писца, переводчика; В. Эсхатокол: 1) дата (по византийскому и латинскому летосчислениям); 2) corroboratio; 3) собственноручная императорская подпись (красного цвета).

Тип IIа: А. Протокол: 1) invocatio; 2) intitulatio; 3) inscriptio (в большинстве случаев весь протокол опускается); Б. "Текст": 1) преамбула (часто отсутствует); 2) narratio: а) клятвенная грамота иностранных послов с условиями договора и уверением в подтверждении последних правительством, которое эти послы

[25] *Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. I. Abschn. S. 97–104.

представляют; иногда также упоминание о верительной грамоте послов; б) текст или упоминание предыдущих договоров, связанных с новым договором; в) заявление, что хрисовул логос выдан в подтверждение взаимного соглашения и ради безопасности договаривающихся сторон; г) пункты, гарантирующие соблюдение договора (присутствуют не всегда); 3) собственноручная императорская подпись (красного цвета).

Тип IIб: А. Протокол: invocatio или intitulatio или 1) invocatio; 2) intitulatio (как правило, протокол неполный); Б. "Текст": 1) (обычно без преамбулы); 2) а) перечисление иностранных послов с простым упоминанием или буквальным воспроизведением их верительной грамоты, содержащей клятвенное заявление правительства другой страны о признании им всех условий, которые будут приняты его уполномоченными; б) клятвенное заявление императора о соблюдении договора (с 1342 г. стоит на четвертом месте – см. ниже, пункт "г"); в) условия договора; г) клятва императора (с 1342 г.; ср. выше, пункт "б"); клятва партнера по договору; д) упоминание писца и переводчика; е) corroboratio; В. Эсхатокол: 1) указание места выдачи и дата; 2) указание свидетелей; 3) императорская подпись.

В 1971 г. появилась моя статья о процедуре заключения русско-византийских договоров X в. С учетом схем Дэльгера – Караяннопулоса там было высказано предположение, что договор 911 г. больше всего соответствует типу соглашений, заключенных в Константинополе в 992–1261 гг. без предварительных переговоров византийских послов в чужой (для них) стране (тип IIа), а договор 944 г. согласуется со схемой соглашений, составленных в тот же период после предварительных переговоров византийских послов в чужой стране (тип Iа). Тип договора 971 г. в свете схем Дэльгера–Караяннопулоса нами определен не был[26].

В монографиях А.Н. Сахарова, вышедших в начале 1980-х годов, русско-византийские договоры рассматривались на широком фоне международных отношений X в.[27] Автор высказал несколько критических замечаний по поводу наших построений, сомневаясь в ряде случаев в возможности применения к русским текстам схем Дэльгера–Караяннопулоса. В целом он оказался, пожалуй, ближе к идее И. Сорлен о большей надежности изучения договоров как таковых в составе летописного повествования.

В своих тезисах 1991 г. греческая исследовательница Я. Каковска-Малингудис (Малингуди)[28] исходит из схемы В. Хайне-

---

[26] *Каштанов С.М.* О процедуре заключения договоров... С. 211–215.

[27] См. выше, примеч. 6.

[28] См. выше, примеч. 7.

майера, делящего договоры на заключенные "непосредственно" и "опосредствованно" – с помощью специального уполномоченного. По ее толкованию, при процедуре "непосредственного" заключения договора ("im unmittelbaren Verfahren") действуют сами государи ("die Herrscher selbst"), а при сложной процедуре ("im zusammengesetzten Verfahren") один из государей действует через своих уполномоченных (т.е. послов). Вторая процедура, согласно автору, предполагает: 1) предоставление государем полномочий своим доверенным лицам; 2) заключение этими полномочными представителями самого договора; 3) ратификацию его государем, которого послы представляют.

Среди сохранившихся византино-итальянских договоров XII в. Я. Каковска-Малингудис различает те, которые содержат упоминание полномочий и обещание ратификации, и те, которые лишены подобных пунктов. Договоры второго типа автор считает заключенными непосредственно между Византией и республикой (они не требовали ратификации), а договоры первого типа, требовавшие еще ратификации правительством республики, относит к числу заключенных опосредствованным способом. Их она называет "грамотами посредников" или "посредническими актами" ("Unterhändlerurkunden").

Проецируя эту схему на русско-византийские договоры, автор приходит к выводам, в известной части совпадающим с нашими. Это касается отнесения к разным типам договоров 911 и 944 г. По Каковской-Малингудис, договор 944 г. является "посредническим" (он нуждался еще в ратификации), а договоры 911 и 971 гг. были заключены "непосредственно" государями Византии и Руси, при этом автор считает, что начало заключения договора 911 г. относится к 907 г., когда Олег был с войском в Византии, "царь же Леон со Олександром мир сотвориста со Олгом, имшеся по дань и роте заходивше межы собою, целовавше крест, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир"[29]. Заметим, что рассмотрение заключения договора 911 г. как продолжения переговоров 907 г. свойственно также И. Сорлен[30].

Необходимо подробнее проанализировать структуру текста русско-вазантийских договоров, дошедших в составе летописей. Начнем с договора 911 г. Его состав следующий:

I. Заголовок: "Равно другаго свещания, бывшаго при тех же цесарих Лва и Александра".

---

[29] См.: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910. С. 31.

[30] *Sorlin I.* Op. cit., 1-ère partie. P. 353. А.Н. Сахаров пишет о "переговорах 907–911 гг." (*Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси. С. 245), хотя считает, что в 907 г. был заключен отдельный договор.

II. Характеристика посольства:

1) общее определение послов (“Мы от рода Рускаго”;

2) имена послов (“Карлы, Иньгелд...” и т.д. – всего 14);

3) указание правительств,

а) которое послы представляют (“иже послани от Олга...”),

б) к которому они посланы (“к вам, Лвови и Александру и Костянтину...”);

4) оборот, где формулируется цель приезда послов (сохранение “любви” между договаривающимися сторонами).

III. Заявление от имени князя Олега (“Наша светлость...”) о желании иметь мир, подтвердить его в письменном договоре и закрепить клятвой.

IV. Вступление ко всей диспозиции: “Суть яко понеже мы ся имали о божьи мире и о любви главы таковыа”.

V. Провозглашение верности миру со стороны русских и приказ к грекам соблюдать мир.

VI. Вступление к основному разделу dispositio: “А о главах, иже ся ключить проказа, урядимся сице”.

VII. 13 статей основного раздела dispositio, излагающих юридические нормы, предназначенные для регулирования взаимоотношений частных лиц – русских и византийцев – в делах, связанных с убийством, воровством, торговлей, правом наследования и т.д. (от одной статьи сохранилось только начало: “О взимающих куплю Руси...”).

VIII. Заключение основного раздела dispositio: “Си же вся да сотворять Русь Греком, иде же аще ключиться таково”.

IX. Заявление, что мирный договор составлен

1) для обоюдной безопасности сторон и неизменности отношений между ними (“на утверженье же и неподвижение быть межи вами, Хрестьаны, и Русью бывшии мир сотворихом”);

2) в двух экземплярах (“на двою харатью”).

X. Удостоверение, что

1) один экземпляр император утвердил собственноручной подписью и клятвой и отдал русским послам;

2) русские послы от своего имени и от имени всех русских (“ни нам, ни иному от страны нашея”) поклялись не нарушать договор, а экземпляр, содержащий эту клятву, отдали на хранение византийцам (“и таковое написание дахом цесарства вашего на удержание”).

XI. Признание действительности обоих экземпляров (“Обоему пребывати таковому совещанию на утвержение и на извещение межи нами бывающего мира”).

XII. Дата[31].

---

[31] ПРП. Вып. 1. С. 6–10.

В грамоте нет статей, составленных от имени греков. Вся она написана от лица русской стороны. Как мы уже отмечали, из составленных Дэльгером и Караяннопулосом схем построения хрисовулов лучше всего согласуется с грамотой 911 г. структура договоров 992–1261 гг., заключенных в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов в чужой стране (тип IIa).

В самом деле, в этих хрисовулах на первом месте находился обычно текст клятвенных грамот иностранных послов с условиями договора и уверением в подтверждении последних правительством, которое послы представляют. Текст документа 911 г. от слов "Мы от рода Рускаго" до фразы "Си же вся да створять Русь Греком, иде же аще ключиться таково" включительно (пласты II–VIII) и выступает в виде именно такой клятвенной грамоты с условиями договора, а, судя по летописи, договор 911 г. был заключен в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов с Олегом на Руси, если не рассматривать переговоры византийцев с русскими в 907 г. как часть процедуры заключения договора 911 г.[32]

Слова "На утверженье же и неподвижение быть межи вами, Хрестьаны, и Русью бывший мир сотворихом" (пласт IX-1), вероятно, соответствуют тому месту хрисовулов типа IIa, где содержится заявление, что хрисовул выдан в подтверждение взаимного соглашения и ради безопасности договаривающихся сторон. Текст от слов "на двою харатью" до слов "бывающаго мира" включительно (пласты IX-2, X–XI), по-видимому, согласуется с пунктами хрисовула, гарантирующими соблюдение договора.

Обратимся теперь к структуре договора 944 г. Она такова:

I. Заголовок: "Равно другаго свещания, бывшаго при цесари Романе и Костянтине и Стефане, христолюбивых владык".

II. Характеристика посольства:

1) общее определение посольства ("Мы от рода Рускаго съли и гостье");

2) имена послов (24) с указанием в каждом случае, какого князя или княгиню посол представляет, и имена купцов (29);

3) общее определение правительства, представленного посольством ("послании от Игоря, великого князя Рускаго, и от всякоя княжья и от всех людии Руския земля").

III. Общее определение правительственного задания, возложенного на посольство ("И от тех заповедано обновити ветъхии мир...").

---

[32] Ср. выше, примеч. 30.

IV. Конкретное определение роли посольства:

1) указание отправителей посольства ("И великии князь наш Игорь и боляре его и людье вси Рустии");

2) указание факта отправки посольства ("послаша ны");

3) указание византийских императоров, к кому направлено посольство ("к Роману и Костянтину и Стефану...");

4) декларация официальной цели миссии ("створити любовь с самеми цесари, со всемь болярьством и с всеми людьми Гречьскими на вся лета, донде же сияеть солнце и весь мир стоить").

V. Sanctio № 1: угроза проклятья возможным нарушителям договора из числа русских – крещеным и некрещеным.

VI. Dispositio: 15 договорных статей, излагающих юридические нормы, предназначенные для регулирования взаимоотношений византийцев и русских 1) в частных делах, связанных с торговлей, поиском беглых рабов, выкупом пленных, воровством, убийством, побоями и т.п., и 2) в военно-политических делах, касающихся прежде всего "Корсуньстей" страны (т.е. византийской колонии Херсонес) и других территорий, которые были объектами нападений Руси.

VII. Свидетельство о написании договора "на двою харатью", из которых одна – находящаяся у императора – подписана и скреплена византийской стороной ("на ней же есть крест и имена наша написана");

вторая скреплена русской стороной ("а на друзей сли ваша и гости ваша").

VIII. Требование отправить одну из "харатий" (видимо, вторую, скрепленную русскими) вместе с греческим посольством к вел. кн. Игорю "и к людем его" для принесения ими на ней клятвы в верности договору.

IX. Заявление крещеных [членов русского посольства] о том, что они принесли клятву в верности договору "в сборней церкви" и обязались "не преступити от него ничто же".

X. Sanctio № 2: угроза проклятья возможным нарушителям договора из числа русских – крещеным и некрещеным.

XI. Определение ритуала клятвы для некрещеных русских.

XII. Sanctio № 3: угроза проклятья возможным нарушителям договора из числа русских – христиан и нехристиан.

XIII. Заявление, что если вел. кн. Игорь будет "хранить любовь сию правую", договор не нарушится "донде же солнце сияеть и весь мир стоить, в нынешния веки и в будущая"[33].

---

[33] ПРП. Вып. 1. С. 30–35.

рив все своим уполномоченным, посланным в Константинополь. Считать началом заключения договора 911 г. переговоры Олега с императором в 907 г. нам не кажется возможным. Создается впечатление, что в 907 г. все переговоры закончились взаимными заверениями государей в соблюдении мира. Едва ли потребовалось в 911 г. писать новый договор только для того, чтобы подтвердить устную клятву Олега 907 г.

Пример Святослава, закрепившего в 971 г. письменно свою устную клятву, нас не убеждает. Тогда обе части процедуры совершились в узком хронологическом промежутке, и вторая часть явилась прямым продолжением первой. К тому же Святослав и устно клялся от своего лица ("кляхъся") и письменное подтверждение клятвы давал от своего имени ("утверждаю"), между тем как письменный договор Олега составлялся не самим князем, а его уполномоченными. В договоре лишь упоминалось о желании Олега "такую любовь утвердити" "не точью просто словесем, но и писанием и клятвою твердою", клятву же приносили его уполномоченные.

Как заметил В. Хайнемаер, при "опосредствованном" заключении договора уполномоченные имели право составить и ратифицировать договор. Именно этот случай и представляет договор 911 г.

Согласно схеме "непосредственного" заключения договора, последним этапом процедуры являлась клятва чужеземных послов перед императором после ратификации договора в другой стране ее правительством в присутствии византийских послов. В 944 г. процедура остановилась на ратификации договора Игорем в присутствии императорских послов, которые должны были бы вернуться в Константинополь с русскими послами для окончательного утверждения договора. Однако, судя по летописи, в Константинополь поехали только византийские послы. Об отправке с ними русских послов сведений нет. Не этим ли объясняется отсутствие в договоре конечного протокола, а именно – даты? Процедура заключения договора осталась незавершенной, вследствие чего неясно, приобрел ли он юридическую силу. Не было ли это результатом какого-то хитрого хода византийской дипломатии, желавшей оставить себе лазейку для несоблюдения условий договора? Возможно, византийцы не объявили Игорю о необходимости вторичной поездки русских послов в Константинополь для окончательного скрепления договора.

Таким образом, у нас есть основания сомневаться в юридической полноценности договора 944, а не 911 г.

Охарактеризуем дипломатический состав договора 971 г. Он существенно отличается от двух предыдущих:

I. Заголовок и вступление: 1) "Равно другаго свещанья, бывшаго при Святославе, велицемь князи Рустемь, и при Свеналде, писано при Феофиле синкеле". 2) "И ко Иоану, нарицаемому Цемьскию, цесарю Гречьскому, в Дерестре, месяца июля, индикта 14, в лето 6479".

II. Intitulatio: "Аз, Святослав, князь Руский".

III. Подтверждение клятвы: "яко же кляхъся, и утвержаю на свещанье семь роту свою".

IV. Преамбула с указанием другой договаривающейся стороны ("хочю имети мир... со...").

V. Dispositio:

1) мирные обязательства по отношению к Византии;
2) обязательство вступать в борьбу с возможными врагами Византии;
3) обещание соблюдать договор в соответствии с принесенной клятвой.

VI. Sanctio: угроза проклятья себе в случае нарушения договора.

VII. Засвидетельствование действительности данной договорной грамоты:

1) призыв верить в ее истинность, обращенный к другой стороне;

2) сведение о написании договорной грамоты "на харатьи";

3) corroboratio (сведение о скреплении "харатьи сеи" печатями представителей русской стороны)[36].

Заголовки договоров

У всех трех летописных договоров совпадают первые пять слов: "Равно другаго свещания, бывшаго при...". Наиболее ясен смысл термина "свещание" ("съвѣщание", "совѣщание") – им обозначается договор[37]. Слово "равно" многие исследователи считают переводом греческого слова τὸ ἴσον ("список", т.е. копия)."Равно" имело значения: 1) наравне, вровень, поровну; 2) ровно, не больше и не меньше; 3) одинаково, столько же; 4) тем не менее; 5) список, копия. Слово "равныи" означало: 1) ровный, одинаковый; 2) сходный, подобный; 3) равный по значению; 4) достаточный[38].

---

[36] Там же. С. 58–59.

[37] *Срезневский И.И.* Словарь, М., 1989. Т. 3, ч. 1. Стб. 683–684.

[38] Там же. Стб. 7–10, 128.

В грамоте нет фразы о действительности обоих экземпляров договора и нет даты.

Часть текста составлена от лица русских, часть – от лица греков.

В отличие от договора 911 г., договор 944 г. был заключен в Константинополе после предварительных переговоров византийских послов на Руси. В летописях говорится, что византийские императоры отправили своих послов к Игорю с предложением мира и после этого Игорь снарядил ответное посольство.

Ясное указание летописей позволяет сопоставить грамоту 944 г. со схемой хрисовулов I типа (составленных Византией после переговоров ее послов в другой стране). Текст грамоты 944 г. от слов "Мы от рода Рускаго" до слов "и весь мир стоить" включительно (пласты II–IV) может быть сближен с характерным для хрисовулов типа Ia определением полномочий послов другой страны. Две части текста – 1) от слов "Иже помыслить от страны Руския" до слов "да будуть раби в сии век и в будущии" включительно (пласт V) и 2) от слов "Мы же, елико нас хрестилися" до слов "будеть клят от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву" включительно (пласты IX–XII) – по существу равнозначны клятвенному обещанию соблюдать условия договора, которое давалось византийскому императору другой стороной. В заключительной статье ("Да обаче будеть..." и т.д. – пласт XIII) устанавливается срок действия соглашения точно так же, как в хрисовулах типа Ia, а именно – до нарушения договора партнером Византии (здесь – Игорем).

Текст, идущий в грамоте от лица русских (пласты II–IV, IX–X; очевидно, также V, XI–XII; с некоторой долей вероятия – XIII), по существу равен верительно-клятвенной грамоте иностранных послов. Текст, идущий от лица греков (пласты VI–VIII, возможно, и XIII), содержит в себе прежде всего условия договора (dispositio) и сведения о способах его утверждения обеими сторонами. Таким образом, текст клятвенно-верительной грамоты русских не имеет договорных статей, что свойственно как раз хрисовулам типа Ia, где условия договора находятся вне текста клятвенной записи иностранных послов.

Отсюда и особенности ратификации договора 944 г. Поскольку условия договора отсутствовали в клятвенно-верительной грамоте послов, экземпляр договора, скрепленный послами, нуждался в подтверждении русского правительства, вследствие чего он препровождался Игорю для принесения присяги. Судя по летописи, Игорь и его люди принесли клятву верности договору в присутствии византийских послов, приехавших в Киев вместе

с русскими послами для принятия этой клятвы. Затем византийцы отбыли на родину с богатыми дарами от Игоря. Что стало с экземпляром договора, который послы должны были привести на Русь для утверждения, неясно.

В 911 г. процедура была проще: русские послы приобрели хрисовул уже в Константинополе, а сами оставили там скрепленный ими экземпляр, возможно, получив с него копию. Некоторые исследователи (А. Димитриу и др.) полагают, что из-за неутверждения договора в 911 г. лично Олегом документ не стал действующим актом. При этом не учитывается наличие в клятвенной грамоте 911 г. условий договора, сформулированных от лица русских, хотя данное обстоятельство, видимо, исключало необходимость клятвенного скрепления договора князем.

В грамоте 944 г. прямо предусматривается присяга Игоря, в грамоте же 911 г. о возможной присяге Олега не сказано ничего. В летописи говорится: "Послании же Олгом сли приидоша ко Олгови и поведаша вся речи обою цесари, како сотвориша мир и уряд положиша межю Грецкою землею и Рускою, и клятвы. не преступити ни Греком, ни Руси"[34]. Но слова "и уряд положиша..." (и т.д. до конца) характеризуют рассказ русских послов о заключении договора, а не действия самого Олега после выслушивания этой информации. К тому же его действия не имели бы юридической силы, ибо он общался со своими, а не с греческими послами. Другая ситуация была в 944 г., когда греческие послы прибыли на Русь для выслушивания присяги Игоря, которую он и принес. В летописи недвусмысленно говорится: "Игорь же, утвердив мир с Греки, отпусти слы... Сли же придоша ко цесареви..."[35]. Ничего подобного о действиях Олега мы не знаем.

Если сопоставить особенности договоров 911 и 944 гг. с тем, что говорит В. Хайнемаер о "непосредственно" и "опосредствованно" заключенных договорах Византии, то договор 944 г. надо будет отнести к первому типу, а договор 911 г. – ко второму. Действительно, при заключении договора Игоря все началось с переговоров между византийскими послами и самим князем, т.е. Игорь был "непосредственным" участником этой процедуры, хотя и оставался на Руси.

Я. Каковска-Малингудис (Малингуди) считает, напротив, что договор 944 г. был заключен князем "опосредствованно", а договор 911 г. – "непосредственно". Однако при заключении договора 911 г. византийские послы не общались с Олегом, он никакого непосредственного участия в заключении договора не принимал, передове-

[34] Там же. С. 10.
[35] Там же. С. 35.

Весьма убедительны параллели из переводных памятников, приводимые И.И. Срезневским для показа того, что слово "равьно" означало "список", "копия". В Ефремовской кормчей термин "равьная" неоднократно используется в переводе Послания коринфянам. В соответствующих местах греческого текста стоит термин τὰ ἴσα, а латинского – exemplaria (речь идет о постановлениях Никейского собора). То же слово "равно" употреблено в русском переводе Козьмы Индикоплова вместо оригинального τὰ ἴσα ("прияти равно тому писанию"). Термином τὰ ἴσα пользуется Константин Багрянородный для обозначения списков хрисовула[39].

Судя по материалам книги Ф. Дэльгера и И. Караяннопулоса, выражение "τὸ ἴσον τοῦ" было начальной частью заголовков копий, делавшихся в Византии для получателей грамот ("Empfängerkopien")[40]. Такие копии могли быть официальными или частными – "получательскими" в собственном смысле слова ("die eigentlich Empfängerkopien"). Официальные копии для получателей составлялись представителями светской власти или епископата, а "получательские" в собственном смысле слова – какими угодно светскими или церковными чинами. Епископы и митрополиты любили делать сборники копий. В официальных копиях для получателей после заголовка шел непосредственно "текст", а за ним эсхатокол. Затем могло быть помещено упоминание о цесарской печати[41]. В собственно "получательских" копиях после всего текста делались пометки о том, что в оригинале имелась божественная цесарская подпись, выполненная красными буквами: «εἶχε δὲ καὶ ταῦτα δὶ ἐρυθρῶν γραμμάτων τῆς βασιλικῆς καὶ Θείας χειρὸς»[42].

В отличие от копий для получателей (официальных и собственно "получательских") канцелярские копии полностью передавали весь текст оригинала и не предварялись заголовком. Они писались канцелярским почерком, содержали вставные красные слова и Legimus, как в оригинале. Эти копии не имели только императорской подписи, которая превращала бы их в оригиналы, и золотой печати. Вместо золотой печати к канцелярским копиям нередко привешивалась на шелковом шнуре свинцовая печать, имевшая те же изображения и надпись, что и золотая печать оригинала. В отдельных копиях опускался начальный протокол.

---

[39] Там же. Стб. 10.

[40] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 131–133. Здесь приведен ряд примеров заголовков копий XI в.

[41] Ibid. S. 132.

[42] Ibid.

Дольгер отметил также различия в конечном протоколе оригиналов и канцелярских копий: если в оригинале числа индикта, десятков и единиц года от Сотворения мира передавались словами и писались красными чернилами, то в копиях вся дата года, а начиная с Никифора III Вотаниата (1078–1081) и число индикта писались греческими буквенными цифрами и черными чернилами[43].

Таким образом, судя по словам "Равно другаго свещания", перед нами перевод неканцелярских копий грамот 911, 944 и 971 гг. Одинаковость начальной части всех трех договоров может свидетельствовать об одновременности копирования греческих текстов по какому-то определенному плану. Время создания тех копий, которые дошли до нас в русских переводах, поддается уточнению. Terminus ad quem – 1100–1112 гг., когда переводы попадают в Повесть временных лет. Правда, В.М. Истрин не соглашался с мнением А.А. Шахматова о возникновении первоначальных переводов под пером Нестора: "...я отнес бы их появление к концу первой половины XI в. и приписал бы их тому же переводческому кружку русских книжников, который образовался вокруг Ярослава во второй период его княжения"[44]. Однако показательно, что текстов договоров еще не было, судя по реконструкции А.А. Шахматова, в Начальном своде 1093–1095 гг.

Эта последняя дата не может, однако, служить надежным terminus a quo появления ближайших к Повести греческих копий. Их terminus a quo более неопределенный, но, вероятно, они были созданы не ранее последней четверти XI в. Из русских переводов видно, что греческие тексты имели признаки копирования с канцелярских копий эпохи Никифора Вотаниата или Алексея I Комнина (1081–1118): числа года и индикта выражены в них не словами, а буквенными цифрами. Обозначение индиктов цифрами в канцелярских копиях стало практикой, как уже говорилось, начиная с царствования Никифора Вотаниата. Не исключено, что греческие тексты копировались в форме подборки или сборника (κοντάκιον) с какого-то регистра канцелярии конца XI в. и, может быть, с привлечением для сверки также оригиналов договорных грамот (если они к этому времени еще сохранились).

Весьма интересно наличие в заголовках всех договоров слова "другаго". Некоторые исследователи склонны считать этот термин ошибкой переводчика. Так, А.А. Шахматов писал: «Н.А. Лавровский в своем знаменитом исследовании, не утратившем значения и теперь, объяснил, что "Равно" – это неудачный перевод греческого технического термина τὸ ἴσον, означавшего копию, список,

[43] Ibid. S. 131.

[44] *Истрин В.[М].* Договоры русских с греками... С. 391.

а также вообще экземпляр. Но что такое "другаго свещания"? Н.А. Лавровский понимал это как "другая договорная грамота"; следовательно, все выражение означало "Список с другой договорной грамоты"; по-гречески было поэтому τὸ ἴσον или ἴσον τοῦ ἑτέρου συμβολαίου; ср. такое же объяснение у И.И. Срезневского ("Славяно-русская палеография". СПб., 1885. С. 97). Неясным, однако, представляется, что такое ἕτερον συμβόλαιον – другое совещание. Считаю более правильным предположение, из которого исходил тот же И.И. Срезневский, когда в "Материалах для словаря древнерусского языка" толковал слово "другыи" в заглавиях всех трех договоров как дружественный, ἑταῖρος, εταιρεῖος, φίλος; итак, наши договоры назывались дружественными совещаниями, ἑταῖρον (ἑταιρεῖου, ἑταιρικὸν) συμβόλαιον. Славянский переводчик вместо ἑταίρου (ἑταιρείου, ἑταιρικοῦ) прочел ἑτέρου (тождественное по произношению с ἑταίρου) и передал это через "дроугааго". Такой перевод породил неправильное понимание греческого заглавия не только со стороны современных исследователей, но также и со стороны первого нашего историка, летописца Нестора; впрочем, благодаря догадке Н.А. Лавровского, мы все-таки были ближе, чем Нестор, к действительному значению заглавия, когда передавали его словами: копия с другого договора; Нестор понимал заглавие, по-видимому, так, что оно означает: "согласно с другим договором"»[45]. Концепция А.А. Шахматова была полностью воспроизведена Д.С. Лихачевым[46], а что касается Несторова понимания слова "равно" как "согласно", то из последних исследователей примерно так же интерпретирует этот оборот А.Н. Сахаров.

Обращаясь к конъектуре "дружественного", отмечу ее слабость. Во-первых, чтение "другаго" упорно повторяется из договора в договор. Если бы это была ошибка, летописец, может быть, заметил бы ее на каком-то этапе работы. Во-вторых, мне представляется, что заголовок потерял бы свой смысл, если бы там вместо "другаго" стояло "дружественного". Слово "дружественного",

---

[45] *Шахматов А.[А].* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Зап. Неофилологического общ-ва. Пг., 1915. Вып. 8. С. 389–390. Следует заметить, что в заголовках греческих копий слово "ἑταίρου" ("дружественного") как будто не встречается. Вместе с тем слово "ἑτερον" ("другой") в них употреблялось. Правда, примеры такого употребления – довольно поздние: " Ἕτερον ὅμοιον ("Другой список"); "Ἕτερον ὅμοιον τοῦ ἀνωτέρου" ("Другой список с вышеписанного") – см.: *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op.cit. Σ. 318. N 82 (β, γ); "Ἕτερον πρόσταγμα τοῦ αὐτοῦ κράλη" ("Другая простагма того же короля") – см.: Грчке повеље српских владара / Објавили А. Соловјев и В. Мошин. Београд, 1936. С. 176. № XXIII.

[46] ПВЛ. Ч. 2. С. 272–273.

будь оно в греческом заголовке вместо "другаго", требовало бы указания обоих контрагентов сделки: "Копия дружественного (с кем?) договора..." Вместе с тем после слова "при" в заголовках грамот 911 и 944 гг. указывается только одна из договаривающихся сторон; в грамоте 971 г. упоминается, правда, кроме Святослава и Свенельда, византийский посол, но в составе другого оборота: "писано при".

Слово "τοῦ ἑτέρου" ("другаго") может объясняться тем, что на основании регистра канцелярии составлялась целая подборка копий, своего рода копийная книга. Каждая последующая копия отделялась от предыдущей заголовком, в котором говорилось, что далее следует копия другого договора. Это была логика переписчика, создателя копийной книги. Ранее мы полагали, что заголовок являлся частью текста оригинала и указывал на наличие второго экземпляра договора. Однако данные Дэльгера и Караяннопулоса показывают, что заголовки типа "τὸ ἴσον τοῦ..." встречаются лишь во внеканцелярских копиях и в подлинниках находиться не могли. Употребление слова "другой" в значении "следующий" в высшей степени характерно для заголовков документов в составе греческих копийных книг. Мы встречаем большое количество заголовков, начинающихся со слова "Ἕτερον" ("другой"): "Ἕτερον χρυσόβουλλον..."[47], "Ἕτερον σημείωμα..."[48], "Ἕτερον πρόσταγμα..."[49] (также "Πρόσταγμα ἕτερον")[50], "Ἕτερον γράμμα..."[51], "Ἕτερον ἐμμάρτυρον γράμμα..."[52], "Ἕτερον συμβιβαστικὸν γράμμα..."[53], "Ἕτερον παραδοτικὸν γράμμα..."[54], "Ἕτερον κριτὸν γράμμα..."[55], "Ἕτερον πρατήριον ἔγγραφον..."[56], "Ἕτερον παραδοτικὸν..."[57], "Ἕτερον πρατήριον..."[58], "Ἕτερον πρακτικὸν..."[59], "Ἕτερον ὑπόμνημα..."[60], "Ἑτέρα διάγνωσις..."[61] и т.п. В заголовке могло отмечаться, что текст представляет собой "другой список" (Ἕτερον ὅμοιον) или "другой список с выше-

[47] MM.IV. P. 28.
[48] Ibid. P. 41.
[49] Ibid. P. 45, 54, 208, 214–216, 218–223, 248, 275, 282, 284, 285.
[50] Ibid. P. 154, 240, 241, 247.
[51] Ibid. P. 69, 73, 86, 89, 91, 98, 105, 211, 216, 224, 225, 233–236.
[52] Ibid. P. 92.
[53] Ibid.
[54] Ibid. P. 268.
[55] Ibid. P. 167.
[56] Ibid. P. 89.
[57] Ibid. P. 176.
[58] Ibid. P. 185.
[59] Ibid. P. 329.
[60] Ibid. P. 369.
[61] Ibid. P. 319.

писанного" (Ἕτερον ὅμοιον τοῦ ἀνωτέρου)[62]. Подобные заголовки находим и в копиях греческих документов сербских государей, например: "Ἕτερον πρόσταγμα τοῦ αὐτοῦ κράλη"[63] ("Другая простагма того же короля").

Напротив, слово "дружественного" ("ἑταίρου") в заголовках греческих копий нам не встретилось ни разу. Типичность употребления термина "ἕτερον"в заголовках копий греческих актов позволяет отвергнуть конъектуру "дружественного" и признать, что слово "другаго", которым воспользовался русский переводчик, вполне правильно передавало смысл греческого заголовка. Но слово "другаго" (ἑτέρου) означало лишь то, что перед данным документом в копийном сборнике находился какой-то другой, предшествующий документ. Наличие слова "другаго" в заголовке договора 911 г. показывает, что он был не первым в сборнике копий. Скорее всего, создатель подборки русско-византийских договоров пользовался более ранней копийной книгой канцелярского или внеканцелярского происхождения. Не исключено, что она была посвящена только внешнеполитическим актам. Во всяком случае, употребление в заголовках всех трех византино-русских договоров выражения "другаго свещания" или "другаго свещанья" говорит о собрании копий именно договоров.

Я. Малингуди пришла к той же идее, т.е. к пониманию "другаго" как следующего, идущего после предыдущего, объекта. Ей стало ясно, что речь идет о списке другого документа из той же копийной книги[64]. Об открытии Малигуди мне стало случайно известно из мимолетной беседы с М.Б. Свердловым, и помню то острое чувство досады, которое охватило меня тогда, поскольку я носился с этой идеей начиная примерно с 1991 г., но так и не собрался ее опубликовать вплоть до 1997 г. Парадоксально, что даже опубликовав маленькую заметку со своими наблюдениями в Пашутинских чтениях 1997 г.[65], я ничего не успел изменить в тексте монографии 1996 г.[66], где концепция осталась в варианте 1988 г. (Переработка грозила задержкой и срывом выхода книги в свет!)

Все, что говорится по поводу слова "другаго" в нынешней, новой монографии, было написано мною в самом начале 1990-х годов без какого-либо знакомства с книгой Я. Малингуди 1994 г.

---

[62] *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cti. Σ. 318. N 82 (β, γ).

[63] Грчке повеље српских владара. С. 176. № XXIII.

[64] *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge. S. 79–87; *Она же.* Русско-византийские связи... (окончание). С. 70–85.

[65] *Каштанов С.М.* К вопросу о происхождении текста... С. 39–42.

[66] *Каштанов С.М.* Из истории... С. 4–57.

и ее статьей 1996–1997 гг. Поиск решения вопроса о заголовке договоров X в. привел меня к "практической археографии" копийных книг. Это направление поиска возникло под влиянием прекрасной книги И.П. Медведева, посвященной дипломатике византийского частного акта. Там речь шла, помимо прочего, и о копийных книгах актов[67]. И тут меня как бы осенило! Удивительно, что без этого внешнего воздействия сам я, всю жизнь занимавшийся русскими копийными книгами, не мог "вспомнить", что такие книги существовали и в Византии. Вот пример "зашоренности", как говорит в подобных случаях Н.В. Синицына! Узкий специалист, вращаясь в мире "своих" реалий, забывает, что рядом находятся многочисленные миры "чужих" реалий, которые полны своеобразия и вместе с тем сходства с "его" миром.

Представим общую часть всех трех заголовков в современном переводе: "Копия другого договора, заключенного при..." Заголовки отличаются друг от друга своей второй, индивидуальной, частью, в которой говорится, при ком именно был составлен договор. Иногда в этой второй части упоминаются лица, отсутствующие в тексте договора. Спрашивается, откуда составители копийной книги или последующие переписчики брали столь важную дополнительную информацию: из византийских хроник? из "Истории" Льва Дьякона? из Скилицы? Этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Два типа договоров

Договоры 911 и 944 гг., с одной стороны, и договор 971 г. – с другой, представляют два различных типа договоров. Первые два – это, грубо говоря, торговые договоры, фиксирующие прежде всего нормы международного частного права. Договор 971 г. – типичный "пакт", договор о военном союзе и ненападении. Если договоры 911 и 944 гг. – первые в своем роде, и с ними можно сравнить только более поздние византино-иностранные соглашения о торговле, то договор 971 г. прямо вписывается в вереницу пактов X в., заключенных Византией со своими западными вассалами. Я думаю, что этот договор мог составляться даже не на греческом, а на латинском языке.

То, что в договоре Святослава 971 г. выступает как "адрес", в аналогичных венецианских и юстинопольских пактах имеет вид формулы, характеризующей время и место заключения договора, т.е. заменяющей конечный протокол.

---

[67] *Медведев И.П.* Указ. соч. С. 30–40.

Копийный сборник по материалам регистра канцелярии мог сделать кто-либо из церковных иерархов, отправлявшихся из Константинополя на Русь в качестве митрополита. Для такого деятеля было важно иметь при себе материал, свидетельствующий о тесных политических связях Византии и Руси. Поскольку договоры еще отсутствуют в Начальном своде, но появляются в Повести временных лет, естественнее всего приписать составление копийного сборника митрополиту Никифору I, прибывшему в Киев 6 декабря 1104 г. и умершему в апреле 1121 г.[68] Этот митрополит известен своей литературной деятельностью, распространением культа Феодосия Печерского и антилатинской пропагандой. В своем написанном по-гречески послании Владимиру Мономаху о латинянах Никифор стремился предостеречь князя от союзов с католическими державами[69]. Доказательство благотворности русско-византийского альянса, вероятно, занимало Никифора еще до отъезда его из Константинополя. В этих целях он и мог составить сборник русско-византийских договоров накануне своего отправления на Русь. Византийские власти не мешали, наверное, осуществлению столь полезного для них предприятия. Сборник Никифора был, возможно, более широким по составу, чем это можно предположить на основании текстов трех договоров.

В.М. Истрин писал о договоре 911 г., что он переводился тогда, когда уже не имел практического значения[70]. Это высказывание можно, я думаю, в какой-то мере отнести ко всем русско-византийским договорам X в., с той, однако, оговоркой, что в эпоху их повторного копирования и перевода они приобрели важное идеологическое и пропагандистское значение.

В летописном переводе начальные три слова каждого договора – "Равно другаго свещания" – продолжены оборотом "бывшаго при". Далее в договорах 911 и 944 гг. указываются византийские императоры, а в договоре 971 г. – князь Святослав. Слова "бывшаго при" задали немало работы интерпретаторам текста договоров. Д.С. Лихачев и Б.А. Романов переводят эти слова как "заключенного при"[71], А.А. Зимин – как "находящегося у"[72]. Перевод А.А. Зимина основан на концепции Н.А. Лавровского, считавшего, что в греческом оригинале было γινομένου πρὸς ("сущего у"), но переводчик перевел причастие настоящего времени γινομένου при-

---

[68] *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 195 (составитель исторической справки о митрополитах – А.В. Поппе).

[69] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 82–83.

[70] *Истрин В.[М]* Договоры русских с греками... С. 388.

[71] ПВЛ. Ч. 1. С. 222, 231, 249.

[72] ПРП. Вып. 1. С. 10, 36, 60.

частием прошедшего времени γενομένου и получилось "бывшаго..."[73]. Вероятность наличия предлога πρός в греческом тексте Лавровский обосновывал различием падежных окончаний слов, управляемых предлогом "при" в заголовках трех договоров: в договоре 911 г. после "при" – слова в родительном падеже ("тех же царих Лва и Александра"); в договоре 944 г. – первое слово в неясном падеже: "цари" (или "цесари"), потом слова в предложном (местном) падеже: "Романе и Костянтине и Стефане", затем – в родительном: "христолюбивых владык"; в договоре 971 г. все слова в предложном падеже: "Святославе, велицемь князи Рустемь и при Свеналъде". "Полагаем, – писал Лавровский, – что предлог, управлявший в настоящем случае родительными падежами в подлиннике, был πρὸς, действительно означающий *у*, *при* в сочинении с дательным падежом. Здесь заметим другой недостаток старинных наших переводов с греческого языка: или по безотчетному подчинению букве подлинника, или потому, что, не понимая смысла переводимого места, переводчики не умели обыкновенно сделать удачного выбора из нескольких значений какого-либо слова"[74].

Древнерусский предлог "при" употреблялся с местным (предложным) падежом и обозначал 1) близость по месту – при, у, на; 2) близость по времени – около, к, перед; 3) присутствие – при; 4) одновременность – во время, при; 5) касательство – в, относительно; 6) соответствие – согласно, по[75]. Приводимые И.И. Срезневским фрагменты древнерусских переводов с греческого показывают, что в первом значении предлог "при" соответствовал греческому παρά. Это свидетельствует против концепции Н.А. Лавровского, видевшего в "при" перевод πρός в местном значении ("у"). Во временно́м значении "при" был эквивалентом предлогов πρός и περί, а в значении присутствия – πρός.

Н.А. Лавровский, возводя слово "бывшаго" к причастию настоящего времени γινομένου (род. п.), якобы понятому переводчиком как причастие прошедшего времени γενομένου, ориентировался на формы глагола γίνομαι, представляющего собой дорическо-ионический вариант глагола γίγνομαι – рождаться, происходить, совершаться, становиться, делаться, приходить, наступать, возникать, появляться, получаться, миновать[76]. В заголовках документов, включенных в состав копийных книг, неоднократно встречаются формы причастия прошедшего времени от глагола

---

[73] *Лавровский Н.[А].* Указ. соч. С. 53–60, [162].

[74] Там же. С. 54–55.

[75] *Срезневский И.И.* Словарь... Т. 2, ч. 2. Стб. 1376–1377.

[76] О глаголах γίγνομαι и γίνομαι см.: *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 323–324.

γίγνομαι, чаще всего среднего рода – γεγονὸς[77], реже мужского – γεγονὼς [78] и женского – γεγονυῖα[79].

Это причастие выступает здесь в значении "сделанный" = = "совершенный" = "заключенный" ="составленный" = "выданный". Оно в ряде случаев сопровождается указанием деятеля, который выдал или составил тот или иной документ. Обозначение деятеля дается в родительном падеже с предлогом παρά. Например: "Ἕτερον σημείωμα ...γεγονὸς παρά τοῦ μητροπολίτου Σμύρνης κυριοῦ Γεωργίου τοῦ Καλοκτένους"[80] ("Другая память... составленная митрополитом Смирны господином Георгием Калоктеном"); "Δωρεασικὸν ἔγγραφον γεγονὸς παρά Ξένης μοναχῆς τῆς Ἀγγελίνης..."[81] ("Дарственная запись, сделанная монахиней Ксенией Ангелиной..."); "Γράμμα χαριστικὸν ... γεγονὸς παρ' αὐτοῦ"[82] ("Дарственная грамота... данная тем же", т.е. Мануилом Дукой, который упоминался перед этим); "Πρακτικὸν γεγενὸς παρὰ Κωνσταντίνου κληρικοῦ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας..."[83] ("Акт, составленный Константином, священнослужителем великой церкви...") и т.п.

Предлог παρά с родительным падежом мог иметь значение латинского "a" "ab" при ablativus auctoris, творительном действователя[84]. На русский язык его так же не обязательно переводить, как и латинский предлог "a" "ab" или, скажем, французский предлог "par" в тех случаях, когда они служат лишь для показа совершения действия кем-либо. Переводчик договоров, однако, следовал греческому заголовку буквально и вместо того, чтобы сказать "совершенного" или "составленного" такими-то, перевел: "бывшаго при" таких-то. Перевод этот был неточен. Предлог в значении "при" или "во время" требовал дательного падежа[85]. Между тем стоящие в родительном падеже слова "тех же цесарих Лва и Александра" (заголовок договора 911 г.), "цесари" и "христолюбивых владык" (заголовок договора 944 г.) свидетельствуют об употреблении в греческой копии родительного падежа, некритически воспроизведенного переводчиком вопреки законам русского языка. Одинаковое использование формулы "бывшаго при" во всех трех заголовках с той лишь разницей, что первые два относят предлог

---

[77] MM. IV. P. 4, 34, 41, 46, 141, 142, 229, 263, 265, 278, 305, 315; MM. I. P. 1.
[78] MM. IV. P. 4.
[79] Ibid. P. 312.
[80] Ibid. P. 41.
[81] Ibid. P. 46.
[82] Ibid. P. 141.
[83] Ibid. P. 315.
[84] *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. С. 1233.
[85] Там же.

"при" к византийским царям, а третий к Святославу, может объясняться аблативным значением оборота γεγονὼς (или γεγονὸς, γεγονυῖα) παρὰ. Другими словами, юридическое авторство двух первых договоров в заголовках приписывается исключительно византийским императорам, юридическое же авторство третьего договора – Святославу. Это означает, что два первых договора воспринимались в качестве императорских хрисовулов, а третий договор рассматривался как грамота русского князя.

В русском переводе причастие "бывшаго" согласуется в роде, числе и падеже с существительным "свещания" или "свещанья". Выше уже отмечалось, что Н.А. Лавровский был склонен считать термин "свещанье" переводом слова συμβόλαιον (соглашение, договор, контракт), которое в этом значении употреблялось в древности обычно во множественном числе (τὰ συμβόλαια)[86]. В новеллах Юстиниана (VI в.) данный термин встречается тоже во множественном числе ("τῶν συμβολαίων")[87], но в грамотах XIV в. – в единственном[88]. В договорах XII в. для обозначения договорных документов использовались другие выражения: "χρυσόβουλον σύμφωνον"[89], "ἔγγραφον σύμφωνον"[90], "τῆς ἐγγράφου συμφωνίας"[91], "τῶν προγεγονυιῶν συμφωνιῶν"[92]. (Слова "συμφωνία" и "σύμφωνον" означают "согласие", "договор". Присматриваясь к слову "свещание", можно заметить, что оно является прямой калькой с греческого: "съ" – σύν (предлог "с"), "вѣщание" – φωνή или φωνα (голос, звук, слово, язык, речь), φωνέω (говорить, вещать); συμφωνέω – звучать согласно, соглашаться, συμφώνησις – соглашение, согласие. По-видимому, в заголовках договоров словом "совещание" был передан термин σύμφωνον, или συμφωνία.

Начало всех трех заголовков могло, значит, иметь такой вид: Τὸ ἴσον τοῦ ἑτέρου συμφώνου γεγονότος[93] παρὰ или Τὸ ἴσον τῆς ἑτέρας συμφωνίας γεγονυίας παρὰ...

Вступительная фраза ряда грамот X в., составленных в Риальто (Венеция) и Юстинополе (Каподистрия), строится в форме абсолютного причастного оборота. В ней указываются имя царствующего короля или императора, номер года его царствования, месяц (иногда день и месяц), индикт и место выдачи документа.

---

[86] Подробнее см.: Там же. С. 1532.
[87] См.: *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cti. Σ. 137. Σημ. 2.
[88] Ibid. Σ. 219. Σημ. 7; ср. Σ. 211. Σημ. 3.
[89] MM. III. P. 9.
[90] Ibid.
[91] Ibid. P. 13.
[92] Ibid. P. 14.
[93] Форму родит. падежа от γεγονὸς см., например: MM. IV. P. 341.

О том, что эта фраза не является заголовком, свидетельствует ее помещение на втором месте после инвокации.

Начало "Юстинопольского пакта" от 14 января 932 г. гласит: "In nomine domini nostri Yhesu Christi. Regnante domino nostro Hugone, serenissimo rege, anno VI, die XIIII mensis Januarii, indictione V. Actum in civitate Justinopoli"[94]. Упоминаемый в акте Гуго был королем Италии в 926–947 гг. и претендовал на императорскую корону. Он же вместе с сыном Лотарем фигурирует в "Юстинопольском пакте" от 12 марта 933 г.: "In nomine domini nostri Yhesu Christi. Regnante domino nostro Ugone, serenissimo rege, anno septimo, Lothario filio ejus in dei autem nomine regnante anno secundo, die duodecimo, mense Marcio, indictione sexta. Actum Rivoalto"[95].

В венецианском декрете июня 960 г. в качестве царствующего лица указан византийский император Роман II (959–963): ("In nomine domini dei et salvatoris nostri Jesu Christi. Imperante domino Romano, glorissimo imperatore, anno autem imperii eius [X]XIIII, mense Junii, indictione III, Rivoalto, in curte palatii"[96] (в число лет царствования Романа II вкралась, видимо, ошибка). В венецианском декрете июля 971 г. говорилось: "In nomine dei et salvatoris nostri Jesu Christi. Imperante domino Joanne, magno imperatore, anno autem imperii eius secundo, mense Julio, indictione decima quarta. Rivoalto"[97]. Тут речъ идет о византийском императоре Иоанне I Цимисхии (969–976). Венецианский акт совпадает по времени с договором между Иоанном Цимисхием и Святославом (июль 971 г.).

В "Юстинопольском пакте" от 12 октября 977 г. читаем: "In nomine domini nostri Yhesu Christi. Imperante domino nostro Otone, serenissimo imperatore, anno quarto, die duodecimo, mense Octubrio, indictione quinta. Actum in civitate Justinopolim"[98]. В данном случае Юстинополь ориентируется на германского императора Оттона II Рыжего (973–983).

Начальные части юстинопольских и венецианских актов построены по общей схеме, но все же представляют две разные редакции как инвокации, так и последующего текста вступления. Юстинопольские акты измеряют время годами царствования западных монархов, а венецианские – византийских василевсов. В юстинопольских актах наблюдается западный обычай указания числа дня, венецианские же документы, следуя византийской тра-

[94] URV. I. N 10. S. 6.
[95] Ibid. N 11. S. 11.
[96] Ibid. N 13. S. 19.
[97] Ibid. N 14. S. 26.
[98] Ibid. N 15. S. 31.

дикции, число дня не объявляют. Кроме того, венецианские акты, в отличие от юстинопольских, не называют монарха "нашим" господином (просто "domino", но не "domino nostro").

Первое, что сразу же оправдывает попытку сближения венецианских пактов и русской грамоты 971 г. – это указание даты и места выдачи документа в начальной части договора Святослава. Зная венецианское начало, мы можем, по крайней мере, предполагать, что и в Святославовой грамоте хронологические данные и название города, где договор составлялся ("в Дерестре"), действительно находились во вступительной части, а не были перенесены сюда из отсутствующего сейчас конечного протокола. Кстати, наличие хронологии и топологии во вступительной части венецианских и юстинопольских актов привело к отсутствию в них конечного протокола. Можно думать, что в Святославовой грамоте эсхатокола не было тоже изначально, и отсутствие его – не результат редакторской работы позднейшего копииста, переводчика или летописца, а особенность греческого текста.

В венецианских и юстинопольских актах употреблен ablativus absolutus ("Imperante domino"). Этой форме в греческом языке соответствует genetivus absolutus, а в древнерусском – дательный самостоятельный. Во всех случаях на современный русский язык такой оборот переводится придаточным предложением времени, скажем: "Когда царствовал (= был императором) господин Иоанн, великий император, в лето второе царствования его, месяца июля, индикта 14. В Риальто". По-древнерусски это звучало бы примерно так: "Царствующу (= бывшу цесарю) Иоану, лета втораго царствия его..." и т.д.

Но император фигурирует в тексте как адресат, к которому обращался Святослав: "...и ко Иоану" (или "и к Ивану"). С этим согласовалось помещение слов "в Дерестре" после имени и титула императора, приведенных в дательном падеже. Такое построение вступительной фразы соответствовало представлению летописца о том, что в Дерестре (Доростол, Силистрия) находился не Святослав, а Иоанн Цимисхий. Возможно, эта ошибочная концепция возникла под пером автора Повести временных лет[99] именно из-за неверного понимания и перевода вступительной части договора 971 г.

Несмотря на то что слова "Святославе", "Свенельде", "Феофиле" управляются предлогом "при" и стоят в местном падеже,

---

[99] В рассказе, предшествующем изложению текста договора, летописец говорит: "И посла слы ко цареви въ Деревьстръ, бо бе ту царь... и послаша лепшие мужи ко цареви, и придоша в Деревъстр, и поведоша цареви... Царь же рад бысть и повеле писцю писати вся речи Святославля на харатью..." (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку... С. 70–71).

а слово "Иоану" управляется предлогом "ко" и стоит в дательном падеже, Н.А. Лавровский переводил все эти имена, кроме Феофила, родительным падежом с предлогом "у": "Список с другой договорной грамоты, находящейся у Святослава, великого князя Русского, и у Свенельда, и у Иоанна, именуемого Цимискием, царя Греческого, писанный при Феофиле и т.д."[100]. Несколько иной перевод, но с тем же предлогом "у" предложил А.А. Зимин: "Список с другого (экземпляра) договора, находящегося у Святослава, великого князя русского, и у цесаря греческого Иоанна, называемого Цимисхием, писан Свенельдом и синкелем Феофилом в Доростоле месяца июля, индикта 14, в год 6479"[101].

Обе интерпретации должны быть признаны не столько буквальным переводом слов летописи, сколько попыткой реконструкции первоначальной структуры фразы, при этом А.А. Зимин пошел дальше Н.А. Лавровского, отделив Свенельда от Святослава и сделав его и Феофила составителями грамоты: "писан Свенельдом и синкелем Феофилом". Положительной чертой переводов Лавровского и Зимина является отказ от летописной тенденции представить Святослава как бы адресующимся к Иоанну. Правда, при переводе получилось, будто и у Святослава, и у цесаря находился один и тот же экземпляр договора. (Для ликвидации этого противоречия необходима принципиально иная интерпретация всей фразы.) Вслед за Лавровским и Зиминым мы считаем, что Иоанн в оригинале грамоты должен был упоминаться ранее синкеля Феофила. Вероятно, прав также Зимин, отделяя Свенельда от Святослава. Не исключено, что Свенельд фигурировал наряду с Феофилом как свидетель грамоты.

По аналогии с венецианскими актами X в. можно полагать, что Феофил и Свенельд упоминались в корроборативной или удостоверительной части грамоты, вступительная же фраза содержала упоминание года царствования Иоанна Цимисхия, указание месяца, индикта и места выдачи документа.

Указание имени и титула Иоанна в дательном падеже с предлогом "к" может быть отражением одной из двух ситуаций: 1) либо летописец, желая придать логичность всей фразе, представил ее в виде обращения Святослава к цесарю; 2) либо тут скрывается след более раннего русского перевода абсолютного причастного оборота дательным самостоятельным ("бывшу Иоану ... цесарю Греческому"). В пользу второго предположения свидетельствует наличие союза "и" перед предлогом "к". В оригинале прозвище "Цимисхий" ("Туфелька") едва ли приводилось при имени Иоанна.

---

[100] *Лавровский Н.[А].* Указ. соч. С. 59–60.

[101] ПРП. Вып. 1. С. 60.

В венецианском декрете июля 971 г. говорилось: “Imperante domino Joanne, magno imperatore”[102]. Подпись Иоанна Цимисхия на одном документе 971/72 г., дошедшем в подлиннике, также не содержит прозвища: “†’Ιωάννης ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς Ῥωμαίων†”[103].

Следовательно, мы вправе предположить в Святославовой грамоте начало типа: “Сущу [=бывшу][104] Иоанну же, цесарю Греческому, лета... месяца июля, индикта...”[105]

Указание места (“в Дерестре”) стояло, по-видимому, в конце фразы и было понято переводчиком, не знавшим особенностей византино-венецианского формуляра, как определение местопребывания Иоанна Цимисхия. Прозвище императора – “Цимисхий” (в русском переводе “Цемьский”) – мог добавить еще греческий копиист конца XI – начала XII в.

Титулатура: император и князь

Рассмотрим титулатуру, которая встречается в заголовках, начальной, протокольной или протокольно-хронологической статье договоров. В договоре 911 г. по отношению к греческим императорам употреблен лишь титул “цесарих” (= βασιλέων), который ника-

---

[102] URV. I. № 14. S. 26. Ср. выше, примеч. 97.

[103] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 56. und Anhang 68; *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cti. Σ. 307.

[104] В квадратных скобках помещаем формулы, наличие которых в оригинале сомнительно.

[105] Интитуляция в дательном падеже употребляется в некоторых грамотах сербского царя Стефана Душана: “Благоверному и богомь поставленному Стефану, прьвому цару” (1347 г.); “Темь же и мне, богомь поставленному и светими сьхраненому и благовернному Стефану, прьвому цару все Срьбьские и Грьчкие земле, Поморию, Западнимь странамь” (1354 г.); “Рабоу твоемоу благоверному и богомь поставленномоу Стефаноу, цароу и сь богомь самодрьжцу Срьблемь и Грькомь, Поморию и Западнимь странамь” (1358 г.). См.: *Славева Л., Мошин В.* Српски грамоти од Душаново време. Прилеп, 1988. С. 102, 189, 201. № 36, 65, 71. Однако в ряде грамот 1339–1355 гг. после слов “Темь же” интитуляция идет в именительном падеже (Там же. С. 67, 91, 153, 179, 182. № 26, 33, 54, 60, 62). Интитуляция в дательном падеже везде следует за преамбулой, от которой она, вероятно, зависела как в смысловом отношении, так и синтаксически. Нигде в этих интитуляциях не встречаем причастия настоящего времени. Правда, в одном фальсификате XV в., основанном, возможно, на какой-то подлинной грамоте Стефана Душана, употреблено причастие “царьствующу”: “...мне, прьвомоу благоверномоу и богомь поставленному цароу Стефаноу, обновльшомоу прьвыи царьскыи венць Срьбскои и Поморской земли, и царьствующу ми землею Грьчкою и всемоу Поморию и всемь Западьныимь странамь, и всему Дису” (Там же. С. 155. № 52).

ких сомнений в своей достоверности и соответствии оригиналу не вызывает. В договоре 944 г., кроме титула "цесари", относящегося, возможно, только к императору Роману, есть еще определение "христолюбивых владык", стоящее в конце фразы. Добавление "христолюбивых владык" в заголовке могло идти из копии договорной грамоты, поскольку родительный падеж "владык", не соответствующий русскому согласованию, свидетельствует, скорее всего, как мы уже говорили, о переводе с греческого. В трактате Константина Багрянородного "О церемониях византийского двора" указано, что грамоты, адресованные русскому князю, следует начинать словами: Γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας"[106].

Слова τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων отчасти соответствуют русскому обороту "христолюбивых владык": "христолюбивых" совпадает с φιλοχρίστων, а "владык" является переводом слова (τῶν) δεσποτῶν[107]. Титул δεσπότης как обозначение императора широко употреблялся в разных источниках с I в. н.э., а со времен Юстиниана I (527–567) становится обязательной формой обращения к императору; на монетах появляется впервые при Романе IV (1067–1074). В книге Константина VII "О церемониях..." имеются выражения δεσπόται (τῶν) Ῥωμαίων или δεσπόται τῆς οἰκουμένης. Оборот "христолюбивых владык" полностью равнозначен встречающейся в византийских источниках формуле τῶν φιλοχρίστων δεσποτῶν[108]. Δεσπότης = "владыка" = dominus.

Во вступительной фразе договора 971 г. император Иоанн Цимисхий определяется словами "цесарю Гречьскому". Титул этот вполне достоверен, соответствуя краткому варианту титула: βασιλεὺς Ῥωμαίων, без вводных слов "верный во Христе-бозе" (ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς), которые есть в подписи Иоанна на подлиннике другого документа 991/92 г. В начальной фразе договора 971 г. имя императора поставлено раньше титула. Здесь применен иной принцип, чем при указании имен императоров в заголовках договоров 911 и 944 гг. Там титул ("царих", "цари" или "цесарих", "цесари") предшествует именам, что соответствует построению римского и византийского триумфального

---

[106] *Constantinus Porphyrogenitus.* De ceremoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1829. P. 690–691; *Vodoff W.* La titulature des princes russes du Xe au début du XIIe siècle et les relations extérieures de la Russie Kiévienne // Revue des études slaves. P., 1983. T. 55, fasc. 1. P. 143.

[107] Пример перевода слова δεσπότης словом "владыка" см.: *Амфилохий [Сергиевский].* Палеографическое описание греческих рукописей IX и X века определенных лет. М., 1884. Т. 4. С. 59 (зват. падеж: Δέσποτα = владыкѡ).

[108] См.: *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. Ettal. 1956. S. 131, 134–137, 141.

титула и отличается от структуры интитуляции в грамотах "варварских" королей и герцогов, где имя предшествует титулу. Мы знаем, конечно, и византийские акты, ставящие имя императоров на первое место в интитуляции. Такой порядок слов наблюдается, например, в договоре 992 г. с Венецией, сохранившемся в латинском переводе: "Basilius et Constantinus... fideles in deo imperatores Romanorum"[109]. В Святославовой грамоте на формулу упоминания императора могла повлиять формула упоминания князя, в которой имя стояло перед титулом. Постановка имени Святослава раньше титула отражает, по-видимому, опыт византийской канцелярской практики, учитывавшей особенности построения интитуляции грамот "варварских" монархов.

Общим для заголовка и собственно интитуляции грамоты 971 г. является титул "князь Рускии", но в заголовке ему предшествует еще слово "велицемь" (слово "великии" перед "князь" поставлено также в интитуляции в Хлебниковском списке XVI в. Ипатьевской летописи). Выражение "великии князь Рускии" встречается уже в договорах 911 и 944 гг., причем в последнем – неоднократно. В.А. Водов полагает, что в договоре 911 г. определение "великии" употреблялось в значении похвалы, а в договоре 944 г. – для выделения киевского князя из числа прочих русских князей, находившихся под его эгидой[110].

"Князь Рускии" представляет собой прямой перевод греческого ἄρχον Ῥωσίας. Константин Багрянородный употребляет этот термин применительно к Игорю и его жене Ольге, называя последнюю в женском роде – архонтиссой России[111]. Со второй половины XI в. титулы "архонт" и "архонтисса" появляются в греческих надписях на русских княжеских печатях[112]. Термины "архонт" и "архонтисса" в соединении со словом Ῥωσίας встречаются на немногих печатях: ἄρχοντος Ῥωσίαη – на печати Владимира Мономаха и на печати Давида Игоревича Волынского, αρχοντήσση Ῥωσίας – на печати Феофано Музалон, жены тмутараканского князя Олега Святославича[113]. Титул "архонт всея Руси" обнаружен на печати Андрея-Всеволода Ярославича (1076–1093): ἄρχοντι πασῆς Ῥωσίας[114], а выражение :"Мстислав великий архонт Рос-

[109] URV. I. № 17. P. 36.

[110] *Vodoff W.* Op. cit. P. 142–143.

[111] Подробнее см.: Ibid. P. 143.

[112] *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 16–29, 168–173.

[113] Там же. С. 16, 20, 25.

[114] *Soloviev A.V.* Un sceau gréco-russe au XIe siècle // Byzantion. 1970–1971. Т. 40. P. 435–436; *Vodoff W.* Op. cit. P. 144.

сии" – на печати Мстислава, уверенная идентификация которого затруднительна: Μεστισθλάβος μέγας ἄρχων Ῥωσίας[115]. Всякий раз титул "архонт" или "архонт России" следует за именем князя и никогда не предшествует ему. То же в единственной известной русской надписи на печати, употреблявшей формулу "князя Русьского" (печать Владимира Мономаха)[116]. Поэтому порядок слов в заголовке грамоты Святослава и в ее интитуляции представляется вполне соответствующим греческому оригиналу.

Однако, если титул "князь Русский" в свете текстов Константина Багрянородного и более поздней княжеской сфрагистики не вызывает сомнения в своей достоверности, то добавление "велицемь" несколько настораживает. Слово μέγας в русской княжеской сфрагистике встречается всего один раз – на печати Мстислава, атрибуция которой неясна. Определение μέγας стоит между именем Мстислава и титулом "архонт". Никто не сомневался в том, что μέγας относится к титулу. Но с некоторым основанием его можно отнести и к имени, тем более что один из Мстиславов, а именно Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха, носил прозвище Великий. Полагают, что Мстислав – владелец печати – в крещении был Андреем.

На печати сохранилась только конечная буква имени патронального святого, которая, согласно В.Л. Янину, "может быть прочитана как N или как Н", причем автор склоняется к чтению "Н", а в прописях отчетливо дается $\overset{\text{РЄ}}{N}$, на снимке же разобрать буквы невозможно[117]. В.Л. Янин доказывает, что изображенный на печати святой может быть отождествлен только с Андреем Первозванным. Склоняясь более всего к отождествлению владельца буллы с Мстиславом-Андреем Всеволодовичем Смоленским, автор делает весьма интересную оговорку: "Впрочем, не исключена и еще одна возможная атрибуция, хотя она и маловероятна. Мы уже видели, что иногда патрональное изображение буллы может не совпадать с именем ее владельца, отражая иерархические взаимоотношения феодалов разных рангов. На печати княгини Марии помещено изображение не ее патронессы, а патрона ее мужа. Можно предположить, что белгородская печать была привешана к документу от имени новгородского князя Мстислава-Федора Владимировича между 1088 и 1093 гг., когда он по существу был наместником киевского князя Всеволода-Андрея Ярославича. Однако этому противоречат как отсутствие прямых аналогий подобному сфрагистическому обычаю, так и титулование владельца печати "вели-

---

[115] *Янин В.Л.* Указ. соч. Т. 1. С. 20.

[116] Там же. С. 68, 187, 258. № 97.

[117] Там же. С. 20–21, 172, 252, 284. № 31.

ким князем", малоуместное в случае, когда оформлением буллы выражена идея иерархического соподчинения"[118].

Между тем отнесение определения μέγας не к титулу, а к имени снимает, по крайней мере, второе возражение. Разумеется, данная гипотеза весьма уязвима, тем более что неизвестно, когда Мстислав Владимирович приобрел прозвище "Великий". Мог ли такой эпитет быть прижизненным? Какой смысл в него вкладывался? Возможно ли, наконец, грамматически связывать μέγας с именем, а не с титулом? Попытаемся ответить на последний вопрос. В тех случаях, когда на печатях фигурирует титул "архонт" или "архонтисса" без предшествующего ему прилагательного, этот титул употребляется без члена: Γεοργιῳ ἄρχοντι и т.п. (дательный падеж). Прилагательное перед титулом встречается дважды: на печати Владимира Мономаха и на печати его матери Марии. Каждый раз прилагательному предшествует член: τοῦ πανευγενεστάτου ἄρχοντος Ῥωσίας ("благороднейшего архонта России"), τῆς εὐγενεστάτης ἀρχοντίσσης ("благородной архонтиссы")[119]. На печати Христины, где прилагательное стоит перед именем, оно также употреблено с членом: ἡ ἁγια Χριστηνᾶ ("святая Христина"). Кристина была женой Мстислава Владимировича Великого[120]. Следовательно, если бы μέγας на печати Мстислава относилось к титулу "архонт", мы были бы вправе ожидать: Μεστισθλάβος ὁ μέγας ἄρχων Ῥωσίας.

Правда, в приведенных примерах член стоит после имени перед прилагательными в косвенных падежах, а его постановка перед прилагательным в именительном падеже относится к случаю, когда прилагательное предшествует имени. При титуловании Константина VII или VIII "великим василевсом" перед словом "великого" член не поставлен, хотя тут косвенный падеж. Это может объясняться тем, что в данном случае имя сначала сопровождается эпитетом "порфирородный", а затем титулом "великий василевс": Κωνσταντίνου πορφυρογεννήτου μεγάλο[υ] βασιλέ[ως][121].

И все же считать μέγας рассматриваемой печати прозвищем, а не титулом очень трудно. В императорских подписях на хрисовулах в тех случаях, когда, кроме имени, употреблялось еще и прозвище, оно ставилось в конце всей фразы и обязательно с членом, например: † Κωνσταντῖνος ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς Ῥωμαίων ὁ Μονομάχος. Да и такое определение, как μέγας, едва ли могло стать прижизненным прозвищем, слишком бы это звучало претенциозно.

---

[118] Там же. С. 23.
[119] Там же. С. 16–17.
[120] Там же. С. 33.
[121] *Dölger F.* Byzatinische Diplomatik. S. 136.

Тем не менее крайняя редкость употребления формулы μέγας ἄρχων позволяет поставить вопрос о том, не дополнен ли в договорах титул "князь" словом "великий" при переводе этих грамот или при редактировании Повести временных лет. Вместе с тем словосочетание "великий князь", в котором прилагательное "великий" всегда предшествует существительному "князь", говорит о переводном или, во всяком случае, очень раннем происхождении этого оборота. В отличие от позднейшей титульной формулы "князь великии", где слово "князь" стоит на первом месте, выражение "великии князь" не носит интитуляционного, строго юридического характера. Употребление прилагательних перед княжеским титулом в русских надписях конца XI–XII в. связано с похвалой князю или княгине: "Хвала бога [и] своего осподаря великого князя"; "Анъдрея роусъскыи кънязь благыи"; "Господи, помози рабе своеи Олисаве[те] Святоплъчи матери, русьскыи кънягыни"[122]. Все эти выражения не являются интитуляциями. Постановка прилагательного "великий" перед словом "князь" было началом длительного процесса выработки устойчивого титула "князь великий". Дали ли оригиналы договоров первый толчок этому движению, сказать трудно.

В титулатуре византийских императоров определение μέγας не было постоянным элементом, да и многие другие почетные эпитеты настолько варьировались, что их можно рассматривать как неканонические части титула, вставлявшиеся для торжественности и пышности стиля. В порядке дипломатической любезности греки могли в 911 и 944 гг. назвать киевского князя "великим", не придавая этому эпитету юридического, институционного значения, поскольку он фактически не выполнял такой роли и в византийской интитуляции, когда в некоторых случаях в нее попадал. Во вступительной статье венецианского декрета 971 г. Иоанн Цимисхий был назван "великим императором" (magno imperatore), в то время как в подлинной подписи на документе 971/72 г. он называет себя только "верным во Христе-бозе".

После вступительной части во всех трех договорах идет начальный протокол, который, разумеется, не равнозначен начальному протоколу собственно хрисовулов. В хрисовуле 992 г., оформлявшем договор с Венецией, на первом месте была инвокация, за ней следовала императорская интитуляция со вставленной в нее формулой объявления, которую Дэльгер называет Pertinenzformel,

---

[122] *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. С. 28. № 24; *Высоцкий С.А.* Древние надписи Софии Киевской. Киев, 1966. Т. 1. С. 18–24, 34–37, 73–80. № 4, 6, 27; *Vodoff W.* Op. cit. P. 145; о сравнительно позднем появлении великокняжеского титула см. также: *Poppe A.* O tytule wielkoksiążęcym na Rusi // Przegląd Historyczny. 1984. T. 75, zesz. 3.

хотя под Pertinenz обычно подразумевается принадлежность земель к какому-то владенью. В русско-византийских грамотах императорской интитуляции нет. Интитуляция в них сформулирована либо от лица русского посольства, как в договорах 911 и 944 гг., либо от лица русского князя, как в договоре 971 г.

Интитуляция в договорах 911 и 944 гг. вводится местоимением "мы". Это не pluralis majestatis ("множественное величия"), а форма, соответствующая тому обстоятельству, что в посольство входил целый ряд лиц. В грамоте Святослава 971 г. интитуляция начинается с местоимения "аз". Мною было отмечено, что с местоимения "ego" ("я") в этот период начинаются в Западной Европе преимущественно герцогские, а не королевские грамоты. Поэтому я связывал употребление "аз" в грамоте Святослава с желанием греческой стороны поставить русского князя в положение герцога, а не короля[123].

В грамоте Святослава имя идет раньше титула: "Святослав, князь Руский". Это соответствует практике западных канцелярий той эпохи. В грамотах 911 и 944 гг. после "мы" читаем: "от рода Рускаго". Далее в грамоте 911 г. следует перечень имен, а в грамоте 944 г. именам предшествует еще определение "съли и гостье". Имена послов в договоре 911 г. не сопровождаются пояснениями и указаниями, кого посол представляет. В договоре 944 г. такого рода пояснения даются после некоторых имен в начале перечня. В грамоте 911 г. князь Олег фигурирует сначала в третьем лице: "...иже послани от Олга, великого князя Рускаго". Имя указано раньше титула, как в интитуляции грамоты 971 г., но цитированная фраза не является княжеской интитуляцией в собственном смысле слова, ибо интитуляция должна идти от первого лица. Замаскированной княжеской интитуляцией в грамоте 911 г. можно считать слова "наша светлость", помещенные после первой преамбулы, говорящей о цели посольства. Еще Н.А. Лавровский высказал убеждение, что "наша светлость" – перевод с греческого. Предложив вниманию читателей целый ряд греческих прилагательных, которые могли бы переводиться как "светлый" или "светлейший", автор остановился на двух существительных, более всего соответствующих, по его мнению, титулу "светлость": ἐνδοξότης ... и в особенности περιφάνεια..."[124]. Основное значение

---

[123] *Каштанов С.М.* Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв.: (Опыт первичной классификации) // ВИД. Л., 1976. [Вып.] 8. С. 82–83.

[124] *Лавровский Н. [А].* Указ. соч. С. 111; ср. С. 109–110. С.П. Обнорский без всяких сомнений говорит о термине περιφάνεια (*Обнорский С.П.* Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. М.; Л., 1936. [Т] 6/7. С. 94).

первого слова – слава, известность, второго – блеск, сверкание, ясное представление[125]. По словарю Пассова, ἐνδοξότης – слава, известность[126], по словарю Стефана – то же самое + compellatio honorifica (почетное обращение)[127]. Слово περιφάνεια, по Пассову, означает ясность, четкую видимость предмета со всех сторон, а также ясность в переносном смысле слова, знаменитость, превосходство; еще одно значение – поверхность[128]. По Стефану, это – видимость с двух сторон; известность, слава; поверхность[129].

Думаем, что ни по своему значению, ни по употреблению указанные слова не подходят для адекватного перевода "светлости". В числе прилагательных Н.А. Лавровский приводит на первом месте эпитет λαμπρότατος ("светлейший"), употреблявшийся по отношению к патрициям и консулам[130]. При этом автор почему-то обходит молчанием существительное λαμπρότης, означавшее сияние, ясность, блеск, сверкание, великолепие, блистательность, величие, славу, знатность и чистоту[131]. Кроме того, что корень данного слова прямо восходит к понятиям "свет", "светоч", "светило", источниками засвидетельствовано его использование в качестве титула. В словаре Стефана приводятся примеры употребления λαμπρότης в роли appellatio honorifica (почетное обращение, имя, титул)[132]. В словаре Пассова прямо сказано, что выражение σὴ λ. надо понимать "wie unser: Herrlichkeit, Durchlaucht", т.е. как наше – "Ваша Светлость", "Ваша милость"[133].

Следовательно, в оригинале грамоты 911 г. находились, вероятно, слова ἡμετέρα λαμπρότης, точно переведенные выражением "наша светлость". Опять-таки, как и в примере со Святославом, мы видим, что византийская канцелярия постаралась поставить русского князя в положение герцога, приравняв его по титулу к патрициям и консулам. Еще в XVI в. константинопольский патриарх в письмах к Ивану IV (имеем в виду две грамоты 1549 г.

---

[125] Ср.: *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 539 (есть только прилагательное ἔνδοξος); Т. 2. С. 1306.

[126] Handwörterbuch der Griechischen Sprache / Begründet von Franz Passow. Leipzig, 1847. Bd. 1, Abt. 2. S. 926.

[127] *Stephanus H.* Thesaurus Graecae linguae. Parisiis, 1835. Vol. 3. Col. 1043.

[128] Handwörterbuch... Leipzig, 1852. Bd. 2, Abt. 1. S. 885.

[129] *Stephanus H.* Op. cit. Vol. 6. Col. 965.

[130] *Лавровский Н.[А].* Указ. соч. С. 109.

[131] *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. С. 1011; ср. значения древнерусского слова "свѣтьлость" (*Срезневский И.И.* Словарь... Т. 3, ч. 1. Стб. 298).

[132] *Stephanus H.* Op. cit. Parisiis, 1842–1846. Vol. 5. Col. 88–89.

[133] Handwörterbuch... Bd. 2, Abt. 1. S. 16–17.

в русском переводе)[134] пользовался обращением "светлейшество": "на твоем светлейшестве"[135], "светлейшеству твоему"[136]. Наряду с этим существительным применялось и прилагательное "светлейший" ("светлейшему")[137]. Патриарх, нуждавшийся в материальной и политической поддержке со стороны царя и всячески славословивший его, едва ли хотел унизить своего адресата титулом "светлейшего", и "светлейшества". В данном случае сказалась, скорее, сила традиции.

Титул majesté ("величество") не был в XVI в. еще повсеместно распространен, хотя вообще употреблялся с VII в. Им впервые воспользовался вестготский король Гондемар в 610 г., затем представители итальянской ветви Каролингов: императоры Людовик II (855–875) и Людвик III (901–905), а также король Лотарингии Лотарь II (855–869). Во Франции этот титул утвердился начиная с Людовика XI (1461–1483). Английский король Генрих VIII (1509–1547) сначала титуловался "светлостью" (altesse) и лишь затем "величеством"[138]. Принятие испанским королем Карлом I (V) после избрания его императором Священной Римской империи (1519 г.) титула "величество" вызвало недовольство в Испании, где этот титул до тех пор не употреблялся[139].

Титул "светлейшество" был, по-видимому, выше "светлости". По-гречески он, возможно, формулировался как ὑπερλαμπρότης. П.А. Лавровский отмечает, что титул ὑπερλαμπρότατος относился к префекту претория[140]. После падения Византийской империи значение всех этих титулов существенно изменилось и, надо полагать, утратило свою определенность и прямую связь с теми или иными политическими институтами и социальными группами.

В договоре 944 г. князь Игорь упоминается только в третьем лице как "великии князь нашь Игорь" в описательной статье. Такое упоминание не равнозначно по своей функции интитуляции, хотя и отражает (вполне ли достоверно?) титулатуру князя. Достоверность интитуляции договора 971 г. сомнений не вызывает.

Что касается инскрипции, то в русско-византийских грамотах X в. она не выделяется в отдельную статью, а находится внутри описаний, формулирующих задачи посольства или цель заключе-

---

[134] РГМ. Т. 1. С. 173–175. № 56, 57.

[135] Там же. С. 174. № 56.

[136] Там же. С. 175. № 57.

[137] Там же. С. 174. № 57.

[138] *Quantin* [*M.*] Dictionnaire raisonné de Diplomatique chrétienne... P., 1846. Col. 521–522.

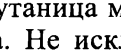
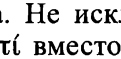
[139] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951. Т. 2. С. 21.

[140] *Лавровский Н.*[*А.*] Указ. соч. С. 109.

ния договора. Так, в грамоте 911 г.: "... иже послани от Олга ...к вам..." (далее – определение второй договаривающейся стороны); в грамоте 944 г.: "И великии князь нашь Игорь и боляре его... послаша ны к ..." (далее – определение второй договаривающейся стороны); в грамоте Святослава 971 г.: "...хочю имети мир и свершену любовь со..." (далее – определение второй договаривающейся стороны).

Поэтому применительно к дошедшим текстам русско-византийских грамот X в. было бы правильнее говорить не об инскрипции в собственном смысле слова, а об определении византийских контрагентов русских князей внутри наррации или преамбулы. Для краткости, однако, будем называть эту часть текста инскрипцией, тем более что в договорах 911 и 944 гг. она стоит в дательном падеже, как и положено инскрипции, а в договоре 971 г. – в творительном, который по-гречески тоже выражается дательным.

В инскрипции договора 911 г. упоминаются три императора, занимавшие престол одновременно в период с 9 июня 911 г. по 11 мая 912 г.: "к вам, Львови и Александру и Костянтину, великим о бозе самодержьцем, цесарем Греческым". В договоре 944 г. из четырех царствовавших в то время императоров фигурируют только три (нет одного из двух Константинов)[141]: "к Роману и Костянтину и Стефану, к великим цесарем Гречьским".

В договоре 971 г. во вступительной части есть упоминание императора Иоанна в дательном падеже, которое производит впечатление инскрипции: "и ко Иоану, нарицаемому Цемьскию, цесарю Гречьскому". Выше мы пытались доказать, что цитированный текст принадлежал протокольно-хронологической статье, сформулированной в оригинале, скорее всего, в genetivus absolutus. Потому данный оборот мы не будем рассматривать как инскрипцию. В основном же тексте грамоты 971 г. инскрипция выглядит несколько странно: "со всяким и великимь цесарем Гречьским и с Василием и Костянтином, и с богодохновеными цесари". Странность заключается в слове "всяким". Вместо "всяким" И.И. Срезневский предлагал чтение "Иванъмъ". Он думал, что первоначальный перевод был написан глаголицей, где слово "Иванъмъ" выглядело как , а переписчик прочел его как ("всакъмъ")[142]. Но подобная же путаница могла произойти и при переписке кириллического текста. Не исключено, что сам оригинал был прочтен неверно: παντί вместо Ἰωάννῃ или Ἰωάνῃ,

---

[141] Подробнее об этом см.: *Каштанов С.М.* Из истории... С. 38–39.

[142] *Срезневский И.И.* Следы глаголицы в памятниках X века // ИОРЯС. СПб., 1858. Т. VII, вып. 5. С. 346.

тем более что буквы ѡ (п) и ω писались похоже. А.А. Шахматов вместо "всяким и" дает реконструкцию "вами, Иоанъмь"[143].

Соправители Иоанна Цимисхия названы в грамоте 971 г. в полном составе. Действительно, ими были Василий (II) и Константин (VIII)[144]. Упоминание их носило формальный характер, ибо они вероятно, не участвовали в выработке договора и не присутствовали при его заключении.

Структура инскрипции во всех договорах более или менее одинакова: 1) предлог; 2) личное местоимение ("вам" в договоре 911 г.; по реконструкции А.А. Шахматова, "вами" в договоре 971 г.); 3) имена императоров в косвенном падеже; 4) хвалебные эпитеты и титул. В договоре 971 г. выделено имя главного императора, которое сразу же сопровождается эпитетом и титулом, имена соправителей следуют за титулом главного императора и, в свою очередь, сопровождаются эпитетом и титулом.

Распишем инскрипцию договора 971 г. по приведенной выше схеме, обозначая цифрами порядковый номер элемента в схеме, а буквами – первый, второй и т.д. случаи употребления элемента данного типа в инскрипции: 1а) "со"; 2а.) *нет*; 3а) "всяким" (= "Иоаном"); 4а) "и великимь цесарем Гречьским"; 1б) "и с"; 2б) *нет*; 3б) "Васильем и Костянтином"; 4б) "и с богодохновеными цесари".

Поскольку в этой инскрипции все элементы, относящиеся к главному императору (1а, 3а, 4а), отделены от элементов, обозначающих соправителей (1б, 3б, 4б), можно усомниться в том, что на месте 2а стояло еще местоимение "вами". Лишнее оно и по количеству букв, если иметь в виду, что "всяким" есть испорченное "Иоаном". Отсутствие местоимения перед именами в договоре 944 г. вообще свидетельствует о неустойчивости и необязательности этого элемента в инскрипции. Помещение имен императоров раньше титулов – явление достаточно характерное и для интитуляций византийских актов, когда применялся не триумфальный титул[145]. Здесь, видимо, сказалось влияние латинских канцелярий раннесредневековых монархий Западной Европы. Прозвища императоров в инскрипции договоров не включались. Только во вступительной части договора 971 г. употреблено выражение "нарицаемому Цемьскию". Но, возможно, это добавление, сделанное при позднейшем копировании или переводе грамоты[146].

---

[143] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I. С. 86; ср.: ПРП. Вып. 1. С. 59, 63.

[144] *Dölger F.* Regesten... Teil 1. S. 93.

[145] *Каштанов С.М.* Интитуляция... С. 87, примеч. 97.

[146] Об этом см. выше.

Во всех инскрипциях после имен императоров помещено прилагательное "великим"; только соправители Иоанна Цимисхия названы не великими, а "богодохновеными". Во вступительной статье византийские императоры, напротив, ни разу не определены в качестве "великих". Титул в инскрипциях, как правило, заканчивается словами "цесарем Гречьскым". Единственное исключение – титул соправителей Иоанна Цимисхия, названных просто "цесари". В инскрипциях договоров 944 и 971 гг. между словами "великим" и "цесарем" нет никаких дополнительных характеристик, в договоре же 911 г. сюда вставлены слова "о бозе самодержьцем". С. Микуцкий считал формулу "о бозе" [ἐν θεῷ] нетипичной для императорской канцелярии, особенно в соединении с титулом "самодержьцем", и находил здесь следы влияния частных бюро письма[147]. Однако формула ἐν θεῷ или, чаще, ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ и как раз в сочетании с титулом αὐτοκράτωρ, переводом которого является термин "самодержец", характерна для византийских императорских интитуляций. Правда, тут нужны хронологические уточнения.

Надпись на скульптуре из слоновой кости, хранящейся в Государственном историческом музее, гласит: Κωνσταντῖνος ἐν θεῷ αὐτοκράτωρ βασιλεύς Ῥωμαίων = "Константин, о бозе самодержец, цесарь Греческий". А. Гольдшмидт и К. Вейцман приписывали ее Константину VII Багрянородному (самодержец с 7 июня 913 по 17 декабря 919 г. и с 16 декабря 944 по 9 ноября 959 г.). Ф. Дэльгер сначала согласился с этой атрибуцией, но потом стал несколько сомневаться в ней, хотя и не отверг ее сколько-нибудь решительно[148]. Титул Константина в цитированной надписи почти полностью совпадает с титулом византийских императоров в договоре 911 г., где имеется лишь одно дополнение: "великим". Это определение также встречается в византийских интитуляциях. Константин Багрянородный в своем трактате о церемониях византийского двора приводит следующую формулу для писем к иностранным правителям: Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανὸς πιστοὶ ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ αὐτοκράτορες αὔγουστοι μεγάλοι βασιλεῖς Ῥωμαίων[149] = "Константин и Роман, верные во Христе-бозе самодержцы, августейшие (божественные) великие цесари Греческие".

И все же сомнения Микуцкого относительно возможности сочетания в официальном тексте X в. выражений "о бозе" и "самодержьцем" не лишены оснований. Если мы посмотрим подписи

---

[147] *Mikucki S.* Op. cit. 1-ère partie. P. 18–20.

[148] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 130.

[149] Ibid.

на подлинных хрисовулах, то заметим, что в 971 и 1052 гг. термин αὐτοκράτωρ ("самодержец") там еще не употребляется, хотя слова ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ ("во Христе-бозе") присутствуют: ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς Ῥωμαίων[150]. В подписях на хрисовулах 1060 и 1081 гг. титул василевса дополняется титулом самодержца: в 1060 г. без союза "и" (βασιλεὺς αὐτοκράτωρ), в 1081 г. – с союзом "и" (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ), при этом старые элементы титула (ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς) сохраняются на своих традиционных местах[151]. Таким образом, наличие термина "самодержьцем" в грамоте 911 г. может свидетельствовать о том, что греческая копия, с которой делался перевод в Повести, появилась не ранее второй половины XI в. О том же, кстати, свидетельствует прозвище "Цемьскию" (Цимисхию) в договоре 971 г. В подписи на подлинном хрисовуле Иоанна I Цимисхия 971 г. прозвища нет, но начиная с 1052 г. в императорских подписях в конце титула приводится прозвище: ὁ Μονομάχος в хрисовуле Константина IX 1052 г., ὁ Δούκας в хрисовуле Константина X 1060 г., ὁ Βοτανειάτης в хрисовуле Никифора III 1081 г.[152]

Выявляющиеся анахронизмы договорных текстов как будто подтверждают наше предположение о времени возникновения греческого копийного сборника, легшего в основу переводов в Повести временных лет, – конец XI – начало XII в.

В инскрипциях русских грамот X в. цесари неизменно именуются "великими": "великим о бозе самодержцем" (911 г.); "к великим цесарем Гречьским" (944 г.); "и великимь цесарем Гречьским" (971 г.). В единственном числе – μέγας βασιλεὺς, μεγάλου βασιλέως – "великий царь" фигурирует в титулах Юстиниана II (685–695) и Константина VII или VIII (X в.). Выражение μεγάλων βασιλέων ("великих царей") встречается в титулах Льва V и Константина (813–820), Михаила II и Феофила (совместно царствовали с 12 мая 821 по октябрь 829 г.)[153]. Цитированный выше образец императорской интитуляции, которую рекомендовал Константин Багрянородный для писем иностранным правителям, включал в себя формулу "великие цесари"[154]. Однако в подписях на хрисовулах X–XI вв. эпитет "великий" не употреблялся. Нет его и в интитуляции византино-венецианского договора 992 г.

---

[150] *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 307. № 68, α–β. Этому соответствует титул в латинском тексте договора с Венецией 992 г.: "fideles in deo imperatores Romanorum" (URV. I. № 17. S. 36). Интересно, что в латинском переводе, как и в русском, опущено имя Христа: просто "in deo" (= "о бозе").

[151] *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 307. № 68, γ–δ.

[152] Ibid. N 68, β–δ.

[153] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 136.

[154] Ibid. S. 130.

Единственный современный нашим договорам официальный документ – венецианских акт 971 г. – называет Иоанна Цимисхия "великим императором" во вступительной протокольно-хронологической статье: "Imperante domino Joanne, magno imperatore..."[155].

Таким образом, термин "великий" или "великие" не был интитуляционным. Он попадал в инскрипцию как эпитет, предназначенный выражать взгляд на греческих императоров со стороны, из внешнего, окружающего империю мира. Этот титул являлся "формулой вежливости" в такой же степени, как эпитет "великий" по отношению к русскому князю.

В инскрипции договора 971 г. титул соправителей Иоанна I неполон: они не названы ни "великими", ни "Греческими". Отсутствие слова "Греческими" ничем не компенсировано, в то время как слово "великими" заменено эпитетом "богодохновеными". Этот эпитет еще менее официален и к тому же, вероятно, менее значителен, чем "великие". Отмечая его необычность для византийской дипломатики, некоторые исследователи видят в нем "следы русской редактуры текста»[156]. Слову "богодъхновеныи" в греческом языке соответствуют прилагательные θεοφόρητος и θεόπνευστος[157]. И.И. Срезневский в качестве параллели к слову "богодъхновеныи" приводит только второй из указанных терминов[158], хотя он относится преимущественно к "боговдохновенным" писаниям, книгам (навеянным божеством), а не людям. Между тем прилагательное θεοφόρητος (увлеченный, одержимый богом) имело более широкое значение. Оно употреблялось еще Эсхилом, затем Плутархом и даже субстантивировалось для обозначения так называемых теофоретов – людей, несущих изображение бога в религиозном шествии (Лукиан)[159]. В русском языке слово "богодохновеныи" появилось как прямая калька с греческого. Поэтому оно, на наш взгляд, никак не может отражать русскую редактуру текста. Думается, напротив, что умаление титула соправителей Иоанна Цимисхия было связано со стремлением подчеркнуть первенствующую роль правящего ("великого") монарха. Не знаем, обусловило ли это обстоятельство в дальнейшем порчу инскрипции и переделку самого имени Иоанна на безликое "всяким" или искажение произошло по другим, возможно, случайным причинам.

---

[155] URV. I. N 14. P. 26.

[156] См.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. С. 188 (автор ссылается на мнение С. Микуцкого).

[157] См.: *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. С. 777–779.

[158] *Срезневский И.И.* Словарь... Т. 1, ч. 1. Стб. 129–130.

[159] *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. С. 778–779; *Поспишиль А.О.* Греческо-русский словарь. Киев, 1901. С. 451; Handwörterbuch ... Bd. 1, Abt. 2. S. 1395; *Stephanus H.* Thesaurus ... Parisiis, 1841. Vol. 4. Col. 317.

В протокол императорских хрисовулов XI–XII вв. включалась так называемая формула нотификации, оказывавшаяся внутри титула и начинавшаяся словами "всем, кому" или "все, кому": omnes (=omnibus) quibus (и далее: istud pium nostrum sigillum demonstretur) = πᾶσιν, οἷς (и далее: τὸ παρόν...)[160] = "всем (все), кому бы эта наша благочестивая (милостивая?) грамота (хрисовул) ни была явлена". Слова πᾶσιν, οἷς ("всем, кому", "всем, которым") и могли быть переведены как "всякому" или "всяким". Но в этом случае структура текста в греческом оригинале договора 971 г. оказывается непонятной, в отличие, например, от протокола договора Василия II и Константина с Венецией 992 г., где сказано: "Basilius et Constantinus omnes, quibus istud pium nostrum sigillum demonstretur, fideles in deo imperatores Romanorum"[161]. Поскольку грамота 971 г. формулировалась от имени Святослава, нотификация в ней тоже должна была идти от его имени. Дэльгер отмечает, что копиисты плохо справлялись с передачей протокола оригиналов, нередко пропускали трудночитаемые места или передавали их частично[162]. Подозревая наличие в переводе грамоты Святослава подобного пропуска и путаницы, мы вправе предположить, что, скажем, слова "утвержаю на свещанье семь роту свою" сопровождались в оригинале нотификацией, смысл которой состоял в объявлении всем (="всякому"), кому будет показана эта грамота ("πᾶσιν, οἷς ..."), о том, что "хочю имети мир и свершену любовь с Иоаном, великимь цесарем..." (и т.д.). Переводчик (или еще до него копиист) не разобрался в этой фразе и понял ее в том смысле, что Святослав хочет иметь мир "со всяким и великимь цесарем Гречьским" и т.д.

Формула, выражающая существо сделки (установление мира), помещена в договорах 911[163] и 971 гг.[164] в диспозиции, в договоре 944 г. – в наррации-преамбуле[165].

Не останавливаясь на статьях диспозиции договоров, которая требует специального монографического изучения типа исследования Д.М. Мейчика[166], перейдем к рассмотрению заключительных частей текста.

---

[160] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 140, 141, 148 (Anm. 106).

[161] URV. I. N 17. S. 36.

[162] *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. S. 143–145.

[163] "... да умиримся с вами, Грекы, да любим друг друга..."

[164] "... утвержаю на свещанье семь роту свою – хочю имети мир и свершену любовь..."

[165] "...обновити ветъхии мир...", "...створити любовь..."

[166] *Мейчик Д.*[*М.*] Русско-византийские договоры // ЖМНП. 1915. Июнь. С. 349–372; Октябрь. С. 292–317; Ноябрь. С. 132–163; 1916. Март. С. 89–128; Ноябрь. С. 57–82; 1917. Май. С. 26–46. Эта работа, основанная на сравнении содержания договорных статей с нормами византийского права, к сожалению, не была закончена: автор остановился на разборе ст. 12 договора 911 г.

Корроборация

В грамотах 911 и 944 гг. после диспозиции говорится о написании и утверждении договора. Данный раздел можно считать корроборацией. Тексты обеих грамот в этой части близки, но все же имеют существенные различия, требующие объяснения. Сопоставим соответствующие разделы грамот (табл. 1).

Таблица 1

Грамота 911 г.	Грамота 944 г.
"На утверженье же и неподвижение быть межи вами, Христианы, и Русью бывшии мир сотворихом Ивановым написанием на двою харатью,	"Мы же свещание се написахом на двою харатью, и едина харатья есть у цесарьства нашего,
цесаря вашего [и]* своею рукою, предлежащим честным крестом и единою единосущною троицею единого истинаго бога вашего,	на ней же есть крест
	и имена наша написана, а на друзей сли ваша и гости ваша.
извести и дасть нашим сълом".	А отходяще со слом цесарьства нашего, да доправадять ю к великому князю Рускому Игорю и людем его; и ти, принимающе харатью, на роту идуть хранити истину, яко же мы свещахом и написахом хартью сию, на ней же суть имена наша написана".

* Союз "и" в некоторых летописных сводах опушен (см.: ПРП. Вып. 1. С. 9, 29).

Из обоих договоров следует, что каждый из них составлялся в двух экземплярах – "на двою харатью". В грамоте 911 г. этим словам предшествует загадочный оборот "Ивановым написанием". Одни исследователи видят в "Ивановым" указание на писца грамоты[167], другие же, исходя из того, что в формуляре X–XII вв. упоминание писца не предусматривалось, предполагают наличие

[167] ПВЛ. Ч. 2. С. 279 ("здесь имеется в виду писец Иван, может быть, переводчик"; ср. *Mikucki S.* Op. cit. 1-ère partie. P. 19; *Sorlin I.* Op. cit. 1-ère partie. P. 335, note 88; P. 352.

здесь какого-то искажения текста. Большой успех имела конъектура Ф.И. Круга (1810 г.), который предложил вместо "Ивановым" читать "киноваревъм" (διὰ κιναβαρέως γράμματα)[168]. Его мнение поддержали Н.М. Карамзин[169], И.Б. Раковецкий[170], М.П. Погодин[171], Н.А. Лавровский[172], А.А. Шахматов[173], Р. Траутман[174], Г. Попа-Лисяну[175], А.А. Зимин[176], Д. Чижевский[177] и др.

Оспаривая эту точку зрения, Фр. Миклошич ссылался на упоминание писцов в сербских документах, во многом подражавших византийскому формуляру[178]. С. Микуцкий отметил, что указание писца, хотя и не принятое в императорской канцелярии X в., все же встречается в частных и церковных актах[179]. Поэтому он считал документ 911 г. копией проекта (черновика) договора, подготовленного в среде русской делегации в Константинополе человеком, знакомым с византийской дипломатикой частных актов[180]. И. Сорлен отвергает конъектуру Ф. Круга на том основании, что определение "Ивановым" содержится во всех списках летописей[181] (однако см. описку в Эттерове списке Львовской летописи: "науном убо"[182]).

Судя по труду Дэльгера и Караяннопулоса, термин κιννάβαρι, κιννάβαρις (родительный падеж – κινναβάρεως) – киноварь – редко употреблялся в византийских актах. Только в копии типика (устава), данного Афону в 1046 г., есть фраза: "τοῦτο μὲν τῇ σφραγῖδι ἐσφραγίσαμεν καὶ κατὰ τὰς συνάψεις ἑκάστης μεμβράδος τῷ διὰ

---

[168] *Krug Ph.* Kritischer Versuch zur Aufklaerung der byzantischen Chronologie. СПб., 1810. S. 79, 108–112, 326.

[169] [*Карамзин Н.М.*] История государства Российского. СПб., [1818]. Т. I. С. 140, 409–410, примеч. 327.

[170] *Rakowieckij J.B.* Prawda ruska. Warszawa, 1822. T. 2. S. 7.

[171] *Погодин М.*[*П.*] Нестор. М., 1839. С. 138–139.

[172] *Лавровский Н.*[*А.*] О византийском элементе... С. 121.

[173] *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Т. 1. С. 378.

[174] Die Altrussische Nestorchronik "Povest' Vremennych Let" In Übers. hrsg. von R. Trautmann. Leipzig, 1931. S. 23.

[175] Cronica lui Nestor / Trad. şi coment. de G. Popa-Lisseanu. Bucureşti, 1935. P. 54. (Izvoarele istoriei Românilor; Vol. 7).

[176] ПРП. Вып. 1. С. 14, 24.

[177] Die Nestor-Chronik / Eingeleitet und kommentiert von D. Tschižewskij. Wiesbaden, 1969. S. 300.

[178] *Miklosich Fr.* Chronica Nestoris. Vindobona, 1860. P. 202.

[179] Об упоминаниях писца или "руки" писца в частных актах X в. (особенно 80-х годов) см. также: *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики. С. 147–148.

[180] *Mikucki S.* Op. cit. 1-ère partie. P. 20–23.

[181] *Sorlin I.* Op. cit. 1-ère partie. P. 335, note 88.

[182] ПСРЛ. Т. 20, 1-я половина. С. 49; ПРП. Вып. I. С. 9, 29.

κινναβάρεως κανικλώματι ἐκυρώσαμεν"[183], т.е. "мы его запечатали печатью и укрепили посредством каникломы, [написанной] на сставах каждого листа киноварью". Учитывая, что глаголы стоят тут в 1-м лице множественного числа, фраза должна пониматься как сформулированная от имени василевса. Авторам "Византийской дипломатики" это место в источнике кажется весьма необычным и крайне подозрительным. В сохранившихся подлинниках императорских актов обычно не встречается заявлений о скреплении их печатью[184], а скрепы по сставам никогда не делались красными чернилами. Поэтому имеющееся здесь известие об употреблении киновари для написания скреп сомнительно. Писец списка, видимо, слышал о каникломах и знал, что они пишутся красными чернилами, но, кажется, не очень ясно понимал значение термина[185]. Слово κανίκλειον означало "чернильница василевса" (emperor's inkstand)[186], а поскольку чернила в ней были красными, все слова в документе, написанные красными чернилами, определялись как "каникломы" (τὸ κανίκλωμα – от τὸ κανίκλειον – "царская чернильница"[187]. Разумеется, весь текст никогда не писался красными чернилами, и с этой точки зрения чтение "киноваревъм написанием" могло бы восприниматься как гипербола или искаженное отражение практики византийской канцелярии.

Красными чернилами писалось слово Legimus[188] и несколько вставных слов, а также подпись императорского имени или менологий[189]. Не красными, но все же отличающимися от остального текста, а именно – более черными чернилами, писалась инскрипционно-нотификационная формула "πᾶσιν, οἱ τὸ παρὸν...", входившая в состав начального протокола и составлявшая в нем

---

[183] *Σμυρνάκης Γ.* Τὸ Ἅγιον Ὄρος. Ἀθῆναι, 1903. Σ. 308; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 36; *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 112. Σημ. 4.

[184] Исключение составляют chrysobulla sigillia, где иногда дается corroboratio с указанием скрепления документа печатью. Древнейший пример – сигиллион Константина IX Мономаха 1046 г.: "...καὶ χρυσῇ βούλλῃ τῆς βασιλείας μου πιστωθέν..." (*Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 49; *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 132–133).

[185] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 56.

[186] *Sophocles E.A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods (From B.C. 143 to A.D. 1100). N.Y., 1888. Vol. 2. P. 626.

[187] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 36.

[188] Ibid. S. 36, 56. После 784 г. императоры уже собственноручно не писали Legimus, хотя это слово могло вноситься кем-то из чиновников канцелярии (Ibid. S. 36).

[189] Так, в одном из хрисовулов (1321 г.) большими буквами и красными чернилами были написаны слово λόγος и слова, обозначающие месяц (ὀκτώβριον), день недели (πέμπτης – четверг), число дня (τριακοστοῦ – тридцатого), а также подпись императора (*Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 236–237. Σημ. 7).

отдельную строку (по Дэльгеру, Pertinenzzeile). В этой формуле обычно употреблялось больше латинских букв, чем греческих: "† Pâsin oἷς tὸ parὸn ἡmῶn εὐsebὲs epideἷknυtai sigillion †". Особый цвет чернил этой строки при неизменности самой формулы наводит исследователей на мысль, что она писалась заранее на листах, предназначенных для будущих хрисовулов[190].

Что касается красных слов, то они были написаны особыми пурпуровыми чернилами, изготовленными по специальному рецепту. Эти "священные чернила" (sacrum encaustum) являлись одним из атрибутов царской власти. Они упоминаются еще в законе Льва I 470 г., по которому употребление их другими лицами, кроме василевса, каралось смертной казнью и конфискацией имущества, ибо незаконное использование "священных чернил" рассматривалось как претензия на престол. В IX в. был, однако, уже специальный чиновник канцелярии, имевший право вносить в хрисовул слово Legimus и другие красные слова ("каникломы"). В соответствии с термином "κανίκλειον" (род. падеж "κανικλείου") – "царская чернильница" – чиновник этот назывался "ἐπὶ τοῦ κανικλείου": "[тот, кто] при царской чернильнице". Изучая сохранившиеся (начиная с XI в.) оригиналы хрисовулов, Ф. Дэльгер пришел к выводу, что красный цвет "каниклом" несколько отличается от красного цвета собственноручной императорской подписи[191]. Может быть, император и его ἐπὶ τοῦ κανικλείου пользовались разными чернильницами и разными запасами чернил.

Кроме термина κανίκλωμα, обозначавшего красные слова, в греческом языке византийского периода употреблялись и другие выражения, с помощью которых определялся красный цвет чернил или написанного ими слова. Прежде всего это было прилагательное ἐρυθρός, -ά, -όν (красный, -ая, -ое) и существительное κιννάβαρις, κιννάβαρι (киноварь). Выше уже упоминалась копия типика 1046 г., в которой говорилось о написании каникломы киноварью (διὰ κινναβάρεως)[192]. Иных примеров использования термина "κιννάβαρι" Дэльгер и Караяннопулос не приводят. Зато Дюканж цитирует тексты, где этим словом определяется цвет императорской подписи. Так, в послании папы Григория II (715–731) императору Льву III Исавру (716–741) грамота последнего характеризуется как подписанная им собственноручно киноварью ("...ἐπιγραφαὶ διὰ κινναβάρεως ἰδιοχειρόν σου") в соответствии с обычаем василевсов. Постановления V–VI Константинополь-

---

[190] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 33–34, 121. Abb. 9.
[191] Ibid. P. 28–30.
[192] См.: Ibid. S. 36, Anm. 2.

ского собора (692 г.)[193] император Юстиниан II подписал "διὰ κινναβάρεως". Дюканж, правда, не уточняет, где содержится это выражение: в самом акте собора или в другом источнике. Лев Грамматик (XI в.) говорил о том, что василевс подписывается киноварью ("...γράψας διὰ κινναβάρεως"). Наконец, новелла Алексея I Комнина (1081–1181) de Foro Ciericor была подписана киноварью ("διὰ κινναβάρεως ὑποσεσημασμένη τυγχάῃ"). Дюканж опять-таки не указывает, откуда взяты эти слова: из самой новеллы или из какого-то сообщения о ней[194]. Он замечает, что киноварные подписи упоминаются во многих литературных источниках ("De ejusmodi cinnabaricis subscriptionibus agunt passim Scriptores...")[195].

В той же статье о киновари Дюканж приводит тексты, в которых цвет чернил императорской подписи характеризуется с помощью прилагательного ἐρυθρός – красный. Обычно оно употребляется во множ. числе среднего рода – ἐρυθρά, так как им определяется слово γράμματα. В издании "Jus Graeco-Romanum" об одном из указов Константина VII Порфирородного (913–920, 945–959) сказано, что он подписан "δὶ ἐρυθρῶν γραμμάτων τῆς βασιλικῆς χειρὸς", т.е. "красными буквами рукой василевса". О хрисовуле Никифора III Вотаниата (1078–1081) там же говорится: "...ὑποσημαιναμένη ἐν αὐτῷ δὶ ἐρυθρῶν γραμμάτων" ("была подписана собственноручно красными буквами"). О "красных буквах" в другом падеже (дательном) пишет и Константин Манассия (XII в.): "Ἐν ἐρυθρώοις γράμμασιν αὐτὸν ἐσημειοῦτο" ("подписывался красными буквами"). Подпись красного цвета упоминает Анна Комнина (1083–1148): "...Ἐρυθροβαφὴς ὑπογραφὴ"[196].

Упоминания о красном цвете чернил собственноручных императорских подписей имени или менология встречаются в некоторых так называемых "включенных копиях" (die inserierten Kopien), находящихся в составе того или иного более позднего

---

[193] Этот собор получил название Quinisexta (лат.), или Penthekté (греч.). См.: *Guillou A.* La civilisation byzatine. P., 1974. P. 186. Ф. Дэльгер отмечает, что василевсы иногда подписывали документы, исходившие не от их имени. Так, по сообщению византийского историка и философа Георгия Пахимереса (1242–1310), император Андроник II Палеолог (1282–1328) подписал διὰ κινναβάρεως декрет (τόμος) патриарха Георгия Киприоса против проекта унии греческой и латинской церквей (см.: Facsimiles byzantinischer Kaiserurkunden: 67 Abbildungen auf 25 Lichtdrucktafeln / zusammengestellt, beschrieben, erläutert und in Umschrift wiedergegeben von F. Dölger. München, 1931. [Bd. 2.]. Sp. 23.

[194] *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ad scriptores mediae & infimae Graecitatis. Lugduni, 1688. Col. 655.

[195] Ibid. Col. 656.

[196] Ibid. Col. 655–656.

акта, выданного либо императорской канцелярией, либо другими органами власти: "εἶχε καὶ τὸ ... δι ἐρυθρῶν γραμμάτων τῆς βασιλικῆς ... χειρός". В качестве примеров Дэльгер и Караяннопулос указывают документы первой половины XIII в. (1227, 1234 и 1235 гг.). Красный цвет императорской подписи отмечается в актах XIV–XV вв.[197]

Наиболее вероятно, что в корроборации самих хрисовулов X в. не было ссылки на цвет чернил императорской подписи. Но могла ли упоминаться эта особенность в экземпляре договора, шедшего от имени другой стороны? О написании "киноварью" говорится главным образом в литературных, эпистолярных и других описательных источниках. Может быть, иногда подобное указание попадало в позднейшую копию или изложение хрисовула. Во всяком случае, для копий XIII в. характерна ссылка на красный цвет, а не на киноварь как таковую.

Вообще говоря, пурпур, который использовался для приготовления царских чернил, и киноварь – вещи совершенно разные. Пурпур добывался из выделений особых желез некоторых моллюсков (Murex, Purpura), часто встречавшихся на морском берегу[198], киноварь же (minium) по составу – сернистая ртуть[199], не имеющая с пурпуром ничего общего, кроме цвета. Отождествлять, императорские чернила с киноварью было свойственно, вероятно, книжникам, употреблявшим киноварь для украшения кодексов, а не чиновникам византийской канцелярии, которые предпочитали в копиях характеризовать цвет чернил как "красный", но не как "киноварь".

Поэтому очень маловероятно, чтобы в грамоте 911 г., представляющей текст хотя и не хрисовула, но все-таки соответствующего ему экземпляра договора, говорилось о "киноварном написании", да к тому же еще "на двою харатью", что в достаточной степени нелепо, как ни толковать сочетание этих двух оборотов: 1) написание всего текста обоих экземпляров "киноварью" исключается; 2) подписание императором обоих экземпляров тоже невозмож-

---

[197] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 134; *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 259, 293, 299. В греческих грамотах сербского короля Стефана Душана середины XIV в. указание на красный цвет букв его подписи приводится только в копиях, где перед подписью употреблялась формула типа: "† Εἶχε καὶ δι' ἐρυθρῶν γραμμάτων τῆς βασιλικῆς καὶ θείας χειρὸς τό". См.: Грчке повеље српских владара. С. 4, 16, 20, 26, 34, 74, 176, 182, 198. № I–V, X, XXIII, XXIV, XXVII. В подлинниках этой формулы нет (см.: Там же. С. 40, 50. № VI, VII и др.). Ср. выше, примеч. 45.

[198] Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. Т. 25а. П/т. 50. С. 805.

[199] Там же. СПб., 1895. Т. 15. П/т. 29. С. 80–81.

но – он должен был подписать только один экземпляр (это ясно видно из корроборации грамоты 944 г.).

Слово "написание" в тексте договора 911 г. И.И. Срезневский интерпретирует как "письменное изложение", находя для него соответствующий греческий термин – ἐπιγραφή[200]. Ф. Круг подставляет вместо слова "написание" слово γράμματα. Однако предлагаемое им прямое сочетание оборота "διὰ κινναβαρεως" ("киноварью") со словом "γράμματα" едва ли возможно.

Ни в одном из цитированных выше греческих упоминаний киноварных подписей такого словосочетания нет. Всюду имеется обозначение какого-то действия по написанию с помощью киновари. Так, в письме папы Григория II: "...ἐπιγρφαί διὰ κινναβάρεως ἰδιοεχειρόν σου"; у Льва Грамматика: "γραψας διὰ κινναβάρεως".

Слово среднего рода τό γράμμα, имевшее в единственном числе значения "рисунок", "знак", "буква" и т.п., во множественном числе – τά γράμματα (форма именит., винит. и зват. падежей) – обозначало различные произведения письменности (в том числе "грамоты" в нашем понимании), а также письменность, науку, просвещение вообще[201]. Предлагаемый Ф. Кругом оборот "διὰ κινναβάρεως γρεμματα" буквально можно перевести как "грамота киноварью". Но γράμματα – это не процесс "написания", который подразумевается под "Ивановым написанием", а готовый текст. Получается, что выражение "мир сотворихом Ивановым написанием на двою харатью" надо перевести примерно так: "мы сотворили мир посредством грамоты, написанной, киноварью, на двух грамотах". Тогда встает вопрос: что же было все-таки написано – грамота киноварью или две грамоты? У Круга конъектура "γράμματα" находится, вероятно, в форме винительного падежа. Следовательно, это дополнение, зависящее от глагола "сотворихом": "мы сотворили киноварью грамоту". Но глагол "сотворихом" относится к стоящему перед ним слову "мир" и не может одновременно управлять словом "γράμματα".

Возвращаясь к примерам, приведенным Дюканжем, мы видим, что слово γράμματα непосредственно сочетается с определением цвета императорской подписи в тех случаях, когда, во-первых, этот цвет характеризуется не существительным "κιννάβαρις", а прилагательным "ἐρυθρόν" ("красное"; средний род соответствует роду существительного – τό γράμμα); во-вторых, когда сама форма "γράμματα" есть множественное число от "γράμμα" в значении "буква". Чаще всего это словосочетание употребляется в роди-

---

[200] *Срезневский И.И.* Словарь... Т. 2, ч. 1. Стб. 307.

[201] *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. С. 332.

тельном падеже с предлогом “διὰ” в элизионной форме “δὶ” перед гласной (“δὶ ἐρυθρῶν γραμμάτων”), реже – в дательном падеже с предлогом “ἐν” (“ἐν ἐρυθρώοις γράμμασιν”). Смысл выражения в обоих случаях одинаков: “красными буквами”.

Однако “ἐρυθρῶν” или “ἐρυθρώοις” не созвучно с “Ивановым” и с опиской Эттерова списка Львовской летописи “науном убо”. По созвучию с этими чтениями больше подошли бы слова “δὶ οὐρανίων γραμμάτων” (“небесными буквами”). Известно, что тип письма императорской канцелярии определялся в законе Валентиниана I 367/68 г. как “litterae caelestes” (“небесные буквы”), в отличие от обычного письма (“litterae communes”), употреблявшегося в других местах[202]. Данная конъектура не противоречит тому, что в грамотах 911 и 944 гг. речь идет о написании всего текста (а не императорской подписи) “на двою харатью”. Однако нам, к сожалению, неизвестно, есть ли примеры употребления в источниках, и особенно в актовых, греческого эквивалента латинской формулы “litterae caelestes”. Такая ограниченность наших знаний не позволяет нам с большей дли меньшей долей уверенности настаивать на предлагаемой конъектуре, хотя она и кажется соблазнительной.

Возможна еще одна конъектура, навеянная непонятным чтением Эттерова списка Львовской летописи (“науном убо”). Не является ли это чтение результатом искажения греческого оборота “κὰν νόμον” (“по [установленному] обычаю” или “согласно закону”[203]? Смысл неясного места получился бы тогда следующий: “...написанием, как это принято (=по обычаю), в двух экземплярах”.

Как видим, конъектур вместо “Ивановым написанием” может быть несколько. Но вправе ли мы полностью отвергать само это чтение? Судя по схемам Дэльгера–Караяннопулоса, указание писца и переводчика характерно для хрисовулов только второго периода (1261–1448). Следовательно, в хрисовуле, соотносящемся с грамотой 911 г., т.е. в другом, несохранившемся экземпляре договора, такого указания быть не могло. Маловероятно, чтобы его внесли в текст Повести временных лет составители и переписчики летописных сводов XIV–XV вв., которые, теоретически говоря, могли знать современные им особенности формуляра византийских хрисовулов.

---

[202] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 31–32; *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 105, 107 (Σημ. 1), 275, 276.

[203] См.: *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. С. 1138. Правда, в византийских актах XV в. употреблялся другой оборот: “по обычаю василевсов” (κατὰ τὸ βασίλειον ἔθος = more imperiali). См.: *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 299. N 59.

Выражение "мир сотворихом Ивановым написанием..." очень запоминает фразу о написании договора, которая содержится в "Юстинопольском пакте" от 12 марта 933 г., составленном в Риальто (Венеция): "Quam vero cartam repromissionis tradidimus scribendam Georgio, dyacono et notario de civitate Justinopolim"[204] ("И эту договорную грамоту мы дали написанием Георгия, дьякона и нотария города Юстинополя" = "...дали написанную Георгием..."). Герундий (точнее, герундив) "scribendam..." и ablativus auctoris "Georgio..." передают суть "написания" как действия. В греческом этой форме соответствует dativus auctoris с отглагольным причастием на -τέος, -τέα, -τέον. Фраза "мир сотворихом Ивановым написанием" могла включать в себя отглагольное причастие γραπτέα (применительно к εἰρήνη, συνθήκη – мир, договор), но могла строиться и иначе – например, с использованием отглагольного существительного γράψιμον, обозначающего, согласно Софоклесу, процесс письма, the act of writing, т.е. "написание".

Упоминание писца не было единичным в юстинопольских актах. Тот же писец Георгий указан в "Юстинопольском пакте" от 14 января 932 г.: "Ego Georgius, dyaconus et notarius, per consensu populorum scripsi atque firmavi" ("Я, Георгий, дьякон и нотарий, с согласия народа, написал и скрепил")[205]. Аналогичная формула – в конце "Юстинопольского пакта" от 12 октября 977 г.: "Ego Rotepertus, dyaconus et notarius hujus civitatis Justinopolim, manu mea propria scripsi atque firmavi"[206] ("Я, Роберт, дьякон и нотарий этого города Юстинополя, своею собственной рукой написал и скрепил").

Имеют подпись писца и венецианские внешнеполитические акты X в. Так, июньский декрет 960 г. кончается фразой: "Ego Dominicus, presbiner et cancellarius, ex mandato domini Petri ducis, senioris nostri, complevi et roboravi"[207] ("Я, Доминик, пресвитер и канцлер, по распоряжению господина герцога Петра, сеньора нашего, совершил и скрепил"). В конце венецианского декрета июля 971 г. читаем: "Ego Marinus, diaconus et notarius, complevi et roboravi"[208] ("Я, Марин, дьякон и нотарий, свершил и скрепил").

Эта венециано-юстинопольская практика была, конечно, известна в Византин. Она могла влиять на оформление если не императорских хрисовулов, то, во всяком случае, грамот, составлявшихся от лица другой договаривающейся стороны. Ведь в грамоте Свято-

[204] URV. I. N 11. S. 14.
[205] Ibid. N 10. S. 10.
[206] Ibid. N 15. S. 35.
[207] Ibid. N 13. S. 25.
[208] Ibid. N 14. S. 30.

слава упомянут синкель Феофил, при котором документ был написан. Таким образом, отсутствие ссылок на писца в императорских хрисовулах 992–1261 гг. еще не доказывает, что подобные ссылки не могли попадать в грамоты, составленные в этот период от лица контрагентов Византии. Когда в 911 г. русские послы приехали в Константинополь, они, скорее всего, не имели готового текста, но были уполномочены заключить договор. В императорской канцелярии проект хрисовула, видимо, также еще отсутствовал, поскольку договор заключался без предварительных переговоров византийских послов в другой стране (России).

С. Микуцкий высказал вполне правдоподобное предположение, что русская делегация стала составлять свой проект договора в Константинополе с помощью какого-то тамошнего специалиста в области византийской дипломатики. Его имя попало в экземпляр, написанный от лица русской стороны. Вероятно, хрисовул и посольская грамота имели несколько различающиеся между собой корроборации. В грамоте 911 г. после слов "мир сотворихом Ивановым написанием на двою харатью" дается описание только одного экземпляра, а именно – хрисовула. Правда, во многих летописных сводах, в том числе и древнейших (Лаврентьевской и Ипатьевской), в рассматриваемой статье имеется союз "и" после слова "вашего": "цесаря вашего и своею рукою". Наличие союза "и" наводит на мысль, что речь тут идет о двух экземплярах – подписанном царем и скрепленном "своею рукою", т.е. русскими послами. Эту гипотезу как будто подкрепляет и содержащееся в договоре 944 г. указание относительно утверждения каждой стороной своего экземпляра.

Большинство толкователей Повести временных лет понимало под "своею рукою" все же только императорскую подпись. Такую интерпретацию встречаем у В.Н. Татищева[209], И.Б. Шерера[210], А.Л. Шлецера[211], Н.М. Карамзина[212], Я.Б. Раковецкого[213], А. Беловского[214], К.Я. Эрбена[215], Л. Леже[216], Т. Траутмана[217], Г. Попа-

[209] *Татищев В.Н.* История российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 38.

[210] *Scherer J.B.* Des heiligen Nestors älteste Jahrbücher der Russischen Geschichte. Leipzig, 1774. S. 65.

[211] *Шлецер А.Л.* Нестор. СПб., 1816. Ч. 2. С. 746.

[212] [*Карамзин Н.М.*] История государства Российского. СПб., [1818]. Т. I. С. 140.

[213] *Rakowiecki J.B.* Prawda ruska. T. 2. S. 7.

[214] *Bielowski A.* Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1864. T. 1. S. 579.

[215] *Erben K.J.* Nestorův letopis ruský: Pověst dávných let. Praha, 1954. S. 44 (это третье издание книги; первое вышло в 1867 г.).

[216] *Leger L.* Chronique dite de Nestor. P., 1884. P. 28.

[217] Die Altrussische Nestorchronik ... S. 23.

Лисяну[218], Ф. Селицкого[219]. Об одном подписанном экземпляре говорит и С. Микуцкий[220]. Л. Парис думал, что подпись императора была на обоих экземплярах: "...sur chacune desquelles (chartes. – *C.K.*) a été apposée la signature du tzar"[221].

Некоторые исследователи, учитывая наличие в изучаемом обороте союза "и", относят "своею рукою" к экземпляру русской стороны. Так, например, переводят это место С.Х. Кросс ("...your Emperor's and our own signatures")[222], Д.С. Лихачев и Б.А. Романов ("...царя вашего и своею рукою")[223], А.А. Зимин ("...вашего царя и собственноручной")[224].

Между тем союз "и" перед словами "своею рукою" имеется не во всех летописных сводах. Нет его, скажем, в Новгородской IV, Софийской I, Погодинской (Сокращенном своде 1493 г.), Эттерове списке Львовской летописи[225]. Отсутствие союза "и" в данном контексте более логично, чем его присутствие. Здесь вслед за оборотом "своею рукою" мы читаем о скреплении акта по христианскому обряду ("...предлежащим честным крестом" и т.д.). Но поскольку в 911 г. среди русских послов христиан не было, эти слова могли относиться исключительно к византийской стороне. Вполне понятно, что царь "извести и дасть нашим сълом" именно тот экземпляр, который он подписал.

Выражение "своею рукою" соответствует, по-видимому, греческому слову или словосочетанию ἰδιόχειρος, ἰδιοχειρόν (VIII в.), οἰκειοχειρον (=proprie manus) (1332 г.), οἰκειοχείρως (1362 г.), οἰκεία χειρὶ (= manu propria nostra) (1433 г.)[226]. Этими и подобными словами обозначалась собственноручная подпись (чаще всего императорская), автограф[227].

В характеристику экземпляра византийской стороны обе грамоты – как 911, так и 944 г. – включают упоминание креста.

---

[218] Cronica lui Nestor. P. 54.

[219] Powieść minionych lat. Powiest' wriemiennych let / Charakterystyka historycznoliteracka, przekład i komentarz Fr. Sielicki. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 238.

[220] *Mikucki S.* Op. cit. 1-ère partie. P. 15, 20.

[221] *Paris L.* La chronique de Nestor. P., 1834. T. 1. P. 43.

[222] The Russian Primary Chronicle / By S.H. Cross // Harvard Studies and Notes in Philology and Literature. Cambridge (Mass.), 1930. Vol. 12. P. 154.

[223] ПВЛ. Ч. 1. С. 225.

[224] ПРП. Вып. 1. С. 14.

[225] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1, вып. 1. С. 23; Т. 5. Вып. 1. С. 22; Т. 20. Первая половина. С. 49; Т. 27. С. 180.

[226] *Du Change C. du Fresne.* Glossarium ... Graecitatis. Col. 655; ср.: *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 167, 189, 292, 297, 299.

[227] *Du Change C. du Fresne.* Glossarium ... Graecitatis. Col. 1030; *Sophocles E.A.* Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. Vol. 2. P. 795; Новогреческо-русский словарь / сост. А.А. Иоаннидис. М., 1961. С. 317.

В грамоте 944 г. сказано: "на неи же есть крест и имена наша написана". В грамоте 911 г. говорится: "своею рукою, предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею, единого истинаго бога вашего". В Византии императоры иногда (вероятно, не часто) подписывались просто крестом. Известно, что Василий I так подписал акты собора 870 г.[228] Однако в грамотах 911 и 944 гг. речь идет не только о кресте, но и о подписях. Поэтому, если здесь говорится не о клятве на кресте, то, вероятно, имеется в виду крест, стоявший в качестве символической инвокации перед именем императора в подписи (которая обычно завершалась вторым крестом)[229]. Местоположение креста отмечается в грамоте 911 г. Здесь он назван "предлежащим", т.е. предшествующим[230] (императорскому имени).

Грамота 911 г. дает расшифровку символической инвокации, переводя ее в словесную: "и святою единосущною Троицею, единого истинаго бога вашего". Данная формулировка совпадает с принятой в византийских актах инвокацией по существу, но не буквально. В VI в. в Византии инвокация посвящалась имени Христа. В законах Юстиниана I 535 и 542 гг. читаем: "Ἐν ὀνόματι τοῦ δεσπότου Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν"[231] (= "Во имя господа Иисуса Христа, бога нашего"); в акте 584 г.: "In nomine dei Jesu Christi"[232] ("Во имя бога Иисуса Христа"). Начиная с Льва III (716–741) в документах, исходивших от василевсов, установилась инвокация: "Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος" = "In nomine patris et filii et spiritus sancti" = "Во имя отца и сына и святого духа"[233]. Она употреблена, в частности, в византино-венецианском договоре 992 г.[234]

Во Франкском государстве до коронации Карла Великого императорской короной (25 декабря 800 г.) инвокация в королевских актах не применялась. После императорской коронации была принята византийская формула: "In nomine patris et filii et spiritus sancti". Однако Людовик Благочестивый (814–840) отказался от этой редакции богословия. В его канцелярии стала использоваться инвокация "In nomine dei et salvatoris nostri Jesu Christi". "Во имя бога и спасителя нашего Иисуса Христа"). Карл Лысый (843–877) вернулся к тринитарной формуле, но в иной, чем прежде, редакции – с упоминанием общего понятия "Троица", однако без

---

[228] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 66.

[229] Ср.: Ibid. Anhang und Abbildung 68, a–d.

[230] *Срезневский И.И.* Словарь. Т. 2, ч. 2. Стб. 1635–1636.

[231] *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 173 (Εημ. 3), 178 (Εημ. 5).

[232] Ibid. Σ. 195. Σημ. 1.

[233] *Tessier G.* Diplomatique royale française. P., 1962. P. 84; *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 173 (Σημ. 4), 239, 277 (N 7), 286 (N 40).

[234] URV. I. N 17. S. 36 (здесь только "In nomine patris etc.").

перечисления трех ее ипостасей: "In nomine sanctae et individuae Trinitatis» («Во имя святой и неделимой Троицы»)[235].

Весьма любопытно, что текст о "единосущной Троице" в грамоте 911 г. ближе всего именно к этому, а не к византийскому варианту инвокации. Это обстоятельство (если оно, конечно не связано с позднейшей редакторской работой летописца) дает повод для подтверждения мысли С. Микуцкого о внеканцелярском происхождении русского экземпляра (по крайней мере, в первоначальном его виде). Может быть, писец, обслуживавший русскую делегацию, находился под влиянием западных формулярных традиций. Правда, мы не видим здесь отражения венециано-юстинопольских формул инвокации, в которых фигурирует не Троица, а Христос. Собственно венецианские инвокации почти целиком повторяют франкские времен Людовика Благочестивого, добавляя лишь слово "domini": "In nomine domini dei et salvatoris nostri Jesu Christi". В юстинопольских актах говорится просто "domini nostri"; слова "dei et salvatoris" там отсутствуют.

Понимать оборот о Троице не как расшифровку символической инвокации, имевшейся при императорской подписи, а как свидетельство о клятве со стороны императора[236], оснований нет.

---

[235] *Tessier G.* Op. cit. P. 84. Та же формула употреблялась в актах X в. См., например, договор западнофранкского короля Карла III Простоватого с восточнофранкским королем Генрихом I Птицеловом от 7 ноября 921 г. (MGH. Hannoverae, 1893. Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum. T. 1. N 1. P. 1). В германских актах X в. встречается как эта формула инвокации – в 948 г. (Ibid. N 14. P. 32), 967 г. (Ibid. N 14. P. 32), 983 г. (Ibid. N 18, 19. P. 40, 43), так и другие: "In nomine domini dei omnipotentis, patris et filii et spiritus sancti" – в 962 г. (Ibid. N 12. P. 23); "In nomine dei eterni" – в 967 г. (Ibid. N 15. P. 36); "In nomine patris et filii et spiritus sancti" – в 983 г. (Ibid. N 17. P. 38). Некоторые отступления от формулы со словом "Trinitatis" произошли в Германии во второй половине X в., вероятно, в связи с приобретением императорского титула королями Оттоном I, а затем и Оттоном II. Употребление инвокации "во имя отца и сына и святого духа" могло быть вызвано стремлением уравняться с византийскими императорами, в чьих актах применялась именно эта формула.

[236] Такой намек содержится в переводе: "вашего царя и собственноручной, и скрепил (клятвой) предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного бога вашего, отдали нашим послам" (ПРП. Вып. 1. С. 14). В самом тексте грамоты 911 г. это место сформулировано довольно двусмысленно, и действительно может создаться впечатление, что состоялась клятва по христианскому обряду. Клятвенные формулы иногда включались в текст договоров. Так, в promissio договора 962 г., заключенного между немецким королем Оттоном I и папой Иоанном XII, король клялся папе именем отца и сына и святого духа, а также животворящим крестом и святыми реликвиями (мощами святых): "Tibi domno Iohanni papae ego rex Otto promittere et iurare facio per patrem et filium et spiritum sanctum et per hoc lignum vivificae crucis et per has reliquias sanctorum" (MGH. Constitutiones... T. 1. N. 10. P. 21).

Известно, что в этот период император при заключении договоров с итальянскими городами клятвы не приносил[237].

Возможность упоминания писца Иоанна в экземпляре русской делегации подкрепляется, как мы уже отмечали, наличием указания "писано при Феофиле синкеле" в грамоте 971 г. Последняя создавалась тоже вне императорской канцелярии, в лагере Святослава в Доростоле. Феофил мог выполнять ту же роль, что и Иоанн в 911 г., если он составлял грамоту для русской стороны на греческом языке с соблюдением византийских канцелярских правил. Однако по сравнению с Иоанном он был лицом более официальным и важным – императорским послом. Поэтому его участие оговорено формулой "писано при". Вероятно, в оригинале был оборот, равнозначный не латинскому герундиву "cartam ... scribendam" (= "написанием"), а, скорее, свидетельству о составлении документа по поручению герцога (= князя): "Ego ... ex mandato domini ducis (или ἄρχοντος)... complevi (или scripsi) et roboravi". Эта фраза должна была находиться в конце грамоты, откуда ее перенесли в заголовок на стадии позднейшего копирования или перевода текста в сокращенном и упрощенном виде. В конце оригинала могли упоминаться Свенельд и Феофил, в присутствии (in presentia) которых как свидетелей сторон писался документ.

Есть еще один вариант объяснения того, почему в тексте грамоты 911 г. оказалось упоминание "Иванова написания". Оно могло взяться из какой-нибудь пометы на хрисовуле и попасть в позднейшую копию в результате осмысления этой пометы переписчиком. Дэльгер и Караяннопулос указывают четыре группы помет. Первая группа – пометы по склейкам на обороте (Klebevermerke). Склеенный из нескольких листов хрисовул скреплялся по ставам каким-нибудь связным текстом, написанным крупными буквами наподобие монокондилиона. В этом тексте фигурировали звание, а иногда и имя того или иного чиновника канцелярии, например: "Διὰ τοῦ μεγάλου λογοθέτου Θεοδώρου τοῦ Μουζάλωνος †" (1289 г.)[238]. Вторая группа помет – регистрационные пометы (Registriervermerke). Хрисовулы, содержавшие определенные финансовые статьи, проходили регистрацию в одном из финансовых органов. Помета начиналась словом "κατεστρώθη" ("зарегистрировано"[239]). Далее чаще всего говорилось: "εἰς τὸ σέκρετον..."

---

[237] *Heinemeyer W.* Die Verträge... S. 158.

[238] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 36, Anm. 8.

[239] Дюканж переводит "καταστρωννύειν" как "insinuare, actis seu monumentis publicis inscribere" – записывать, регистрировать официальные документы (по новелле Алексея I Комнина). См.: *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ad scriptores mediae & infimae Graecitatis. Col. 614–615. В свою очередь, значение термина "insinuatio" Дюканж разъясняет по новелле 15 Юстиниана I (гл. 3): Insinuatio = In acta publica relatio; insinuare – inscribere, insculpere (*Du Cange C. du Fresne.*

или "ἐν τῶ σεκρέτῳ...". Термин "σέκρετον" связан с понятием "σηκρητάριοι" (секретари), который впервые встречается в актах Халкидонского собора 451 г. В VI в. возникает термин "ἀ σηκρῆτις" (= ἀ σηκρῆτις τῆς αὐλῆς) для обозначения личного секретаря императора; затем появляется термин "πρωτοασηκρῆτις" который начинает систематически употребляться с 756 г.[240]

Дюканж переводит "σέκρετον" как "secretarium, forum, tribunal juridicum: vel locus aut aedes in qua de rebus seriis agebatur" (секретариат, присутственное место, суд – иначе говоря, место или здание, где занимались рассмотрением важных дел). Словом "σέκρετον" в особом смысле обозначалась палата, куда поступали государственные налоги и которую возглавлял "секретный логофет"[241]. Однажды при разграблении толпой учреждений, называвшихся σέκρετα, было похищено много золотых монет[242]. Софоклес указывает несколько значений термина, в том числе "secretarium, privy chamber" (секретариат, палата тайных дел), "office, appartment or house of an officer" (ведомство), "association" (ассоциация, сообщество)[243]. Учреждения под названием "σέκρετα" имелись не только у светской, но и у церковной власти[244].

Ф. Дэльгер говорит, что в период между царствованиями Константина Великого (306–337) и Льва VI (886–912), примерно к 900 г., в Византии сложилась система управления, состоявшая из 11 σέκρετα[245]. Византийские σέκρετα и по названию, и по функциям кажутся близкими к русским "приказам" XVI–XVII вв. Дэльгер и Караяннопулос приводят при-

---

Glossarium mediae et infimae latinitatis. P., 1844. T. 3. P. 851–852). Я. Нирмейер указывает шесть значений слова insinuatio, из которых шестое – enregistrement (регистрация), согласно новелле 15 Юстиниана (*Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1958. Fasc. 6. P. 545). Об "инсинуации" частных актов в Византии см.: *Sardi-Mendelovici H.* La ratification des actes privés byzantins par une autorité civile ou ecclésiastique // Revue des Études byzantines. 1988. T. 46. T. 175, note 58 (указана литература, касающаяся insinuatio); *Медведев И.П.* Указ. соч. С. 111 (примеч. 32), 180.

[240] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 59–60; *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 150–151.

[241] *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ... Graecinatis. Col. 1346–1348.

[242] Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Recensuit I. Thurn. Edicio princeps. Berolini; Nove Eboraci, 1973. P. 419.

[243] *Sophocles E.A.* Greek lexicon ... Vol. 2. P. 985. Ср.: Georgius Cedrenus Ioannis Scyliizae ope / Ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Bonnae, 1839. T. 2. P. 934–935; *Heinemeyer W.* Op. cit. S. 148.

[244] "...Erant praeterea secreta duo Patriarchae" (*Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ... Graecitatis. Col. 1347).

[245] *Dölger F.* Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei // XII-e Congrès International des études byzantines. Ochride, 1961. Belgrade; Ochride, 1961. Rapports. IV. P. 83.

меры регистрации документов в трех финансовых приказах: σέκρετον τοῦ γενικοῦ, σέκρετον τοῦ μεγάλου λογαριαστοῦ и σέκρετον τῶν οἰκειακῶν.

Дюканж считал τὸ γενικόν преемником римского aerarium publicum, государственной казны, куда стекались налоги и дани[246]. Согласно Дэльгеру, λογοθέσιον τοῦ γενικοῦ возник из γενικὴ τράπεζα, находившейся в ведении префекта претория. Звание λογοθέτης τοῦ γενικοῦ впервые встречается при Юстиниане II в 692 г. Ведомство этого логофета занималось оценкой и учетом налогов, обновлением земельного кадастра, сбором налогов и пошлин. При Комнинах в XII в. функции логофета τοῦ γενικοῦ временно перешли к ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν, но в 80-х годах того же столетия прежняя должность возродилась, хотя после латинского завоевания 1204 г. от нее остался лишь титул[247]. В σέκρετον τοῦ γενικοῦ был убит, мятежный Константин, сын мятежного Андроника Дукса, во время своего нападения на империю после смерти Льва VI[248]. Видимо, σέκρετον τοῦ γενικοῦ примыкал к дворцу, поскольку отрубленную голову Константина внесли во дворец через ту дверь, на которую в свое время указывал Константину Лев VI, предсказывая ему именно такой конец в случае посягательства на престол. При встрече со Львом Константин и его приспешники получили различные дары, возможно, принесенные из σέκρετον τοῦ γενικοῦ.

Μέγας λογαριαστής, или "великий счетовод"[249], являлся главным казначеем империи. Дэльгер определяет его как "eine Art Budgetmeister" и "höchste Kontrollinstanz". Другими словами, он был как бы министром финансов, ответственным за составление бюджета и осуществляющим контроль за поступленнеи и расходованием средств. Ведомство великого логариаста возникло из ведомства сакелларня (σακκελλάριος[250] или μέγας σακκελλάριος), который перестает упоминаться после 1088 г. Латинское завоевание 1204 г. положило конец существованию бюро великого

---

[246] *Du Cange C. du Fresne*. Glossarium ... Graecitatis. Col. 242.

[247] *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10. und 11. Jahrhunderts. Leipzig; Berlin, 1927 (Byzatinisches Archiv; Hf. 9); 2. Aufl. Hildesheim, 1960. S. 19–20.

[248] Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope. T. 2. P. 268–269; Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. P. 188.

[249] Название происходит от глагола λογαριάζειν – считать, вычислять. См.: *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ... Graecitatis. Col. 818–819; *Sophocles E.A.* Greek lexicon ... Vol. 2. P. 717.

[250] Это слово также значит "казначей" (= ведающий мешком, кошельком, калитой).

логариаста, хотя титул μέγας λογαριαστής иногда употреблялся и в более позднее время[251].

Если σέκρετον τοῦ γενικοῦ допустимо сравнить с приказом Большого Прихода, то σέκρετον τοῦ μεγάλου λογαριαστοῦ – с приказом Большой казны, французской Счетной палатой – Chambre des Comptes (Camera Compotorum) или английской Палатой шахматной доски – Exchequer (Échiquier).

Происхождение σέκρετον τῶν οἰκειακῶν связано с выделением из общегосударственной сферы собственно дворцового хозяйства, императорского домена. Слово οἶκοι (или θεῖοι οἶκοι) означало собственность, являвшуюся личным имуществом императора. По Дюканжу οἰκειακὰ – это "privata imperatorum patrimonia"[252], по Дэльгеру – "Hausgut"[253]. Ведомство ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν ("находящегося при царском имуществе") впервые упоминается в 1044 г. При Мануиле I (1143–1180) οἰκειακός заменяет собой λογοθέσιον τοῦ γενικοῦ, но при Исааке II Ангеле (1185–1195) последнее возрождается, и вместе с тем прекращается функционирование ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν. В XIII в. сохраняется только титул λογοθέτης τῶν οἰκειακῶν[254]. Ведомство τῶν οἰκειακῶν можно было бы сравнить с приказом Большого дворца (XVII, а не XVI в.), хотя точная аналогия тут не подходит, и более правильно считать σέκρετον τῶν οἰκειακῶν просто дворцовым приказом (для Руси такое определение звучит скорее как общее понятие, приложимое к нескольким приказам, а не как название конкретного учреждения).

В регистрационных пометах могло быть указано звание главы того учреждения, где документ проходил регистрацию. Например, в помете на хрисовуле Алексея I 1084 г. упомянута должность логофета: "Κατεστρώθη εἰς τὸ σέκρετον τοῦ γενικοῦ λογοθέτου..."[255]. Иногда в помете называлось имя чиновника, произведшего регистрацию. Так, первая из помет на договоре с Генуей 1192 г. гласит: "† Κατεστρώθη διὰ τοῦ Σγουροῦ Μιχαήλ †"[256]. Состав элементов регистрационных помет варьировался. В одних случаях названо имя чиновника, но нет названая учреждения, в других учреждение указано, но нет имени чиновника. Бывало, что

---

[251] *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung ... S. 15–20.

[252] *Du Cange C. du Presne.* Glossarium ... Graecitatis. Col. 1030. Софоклес переводит наречье "οἰκειακῶς" как "familialy, informally, without parade" (*Sophocles E.A.* Greek Lexicon... Vol. 2. P. 795).

[253] *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung ... S. 42.

[254] Ibid. S. 42–45.

[255] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 153. N 22.

[256] Ibid. S. 160. N 51.

такие пометы дополняли друг друга. Дата ставилась в конце пометы, обычно после указания учреждения и должности его главы: "†Κατεστρώθη ἐν τῷ σεκρέτω τοῦ Μεγάλου Λογαριαστοῦ μηνὶ μαΐῳ ἰνδ. ι' †"[257]. Регистрационные пометы делались на обороте хрисовулов, рядом с пометами на сставах (Klebevermerke), иногда вперемежку с ними[258]. В. Хайнемаер говорит, что регистрацию проходили договоры обоих типов, т.е как "непосредственно", так и "опосредствованно" заключенные[259]. Из помет на договоре 1192 г. с Генуей явствует, что он прошел регистрацию в двух финансовых бюро в течение одного месяца (мая): "... ἐν τῷ σεκρέτῳ τοῦ Μεγάλου Λογαριαστοῦ" и "ἐν τῷ σεκρέτῳ τοῦ γενικοῦ"[260].

Третья группа помет – так называемые Διὰ – Vermerke или Intervenientenvermerke ("посреднические пометы"). В них указывалось лицо, игравшее посредническую роль при выдаче документа, т.е. выступавшее в роли докладчика. Например: "... καὶ διὰ τοῦ Γορνίκη Δημητρίου ἐνσεσημασμένον, ὡς ἔθος, τῶν μεσαζόντων ταῖς βασιλικαῖς ἐνοχαῖς καὶ παρακελεύσεσιν †"[261] ("... и помечено Дмитрием Торникесом по обычаю посредников в царских заботах[262] и попечениях"). Документ представляет собой копию подтвердительной грамоты (ἐπικυρωτικὸν πρὸσταγμα) императора Иоанна III Дуки Ватадзиса[263] марта 1232 г. Текст пометы от слова "ἐνσεσημασμένον" и до конца принадлежит, вероятно, копии, а не оригиналу, и является разъяснительной ремаркой переписчика. Не случайно в работе 1960 г. Дэльгер приводит только первые слова этой пометы: "† διὰ τοῦ Τορνίκη Δημητρίου †"[264]. В несколько иной редакции дается известие о помете Дмитрия Торникеса в

---

[257] Ibid.

[258] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 37.

[259] *Heinemeyer W.* Die Verträge zwischen dem Oströmischen Reiche und den italischen Städten... S. 161.

[260] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 160. N 51.

[261] MM. IV. P. 139. № 70; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 38; *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 115. В более ранней работе Дэльгера эта помета приведена в сокращенном виде: "† διὰ τοῦ Τορνίκη Δημητρίου †" (см.: *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke in graeco-slavischen Urkunden // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1960. Jg. 5, Hf. 3/4. S. 262. N 12).

[262] Так, вероятно, можно перевести слово ἐνοχαῖς, стоящее в дательном падеже мн.ч. ж.р. По Дюканжу, ἔνοχος в м.р. – praefectus, cui rei aliqujus cura incumbit (чиновник, которому поручена забота о каком-то деле, сфере), в ж.р. ἐνοχὴ – cura, praefectura, magistratus (забота; должность; сановник) (см.: *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ... Graecitatis. Col. 388).

[263] В русских текстах летописца патриарха Никифора Иоанн III именуется "Иван Дука Ватацъ" (или "Ватаць") (см.: ПСРЛ. Т. 9. С. XXI; Т. 27. С. 171, 307).

[264] См. выше, примеч. 261.

копии грамоты Иоанна III мая[265] 1234 г.: "καὶ κάτωθεν σεσημειωμένον ὡς ἔθος τοῖς μεσάζουσι τὸ. διὰ τοῦ Τορνίκη Δημητρίου †"[266], т.е. "и ниже (императорской подписи. – *С.К.*) помечено, по обычаю посредников, Дмитрием Торникесом"[267].

В оригиналах текст "посреднической" пометы начинается с предлога "διά" (через, при посредстве), после которого указывались в родительном падеже либо должность и имя посредника[268], либо только его имя[269]. В виде исключения встречаются случаи указания имени перед должностью[270] или только должности (без имени)[271]. В одном случае посредническая помета начинается сразу с указания должности, предлог "διά" в ней опущен (1197 г., оригинал)[272]. Но даже при отсутствии предлога посредническую помету можно определить по ее местоположению. В отличие от скреп по склейкам и регистрационных помет, помещавшихся на обороте, посреднические пометы делались на лицевой стороне после императорской подписи или менология[273].

В оригиналах посреднических помет сам термин "посредник" (μεσάζων) не употреблялся. Дюканж указывает, что посредниками (μεσάζοντες) назывались лица, игравшие главные роли при императорском дворе; им государи поручали ведение своих дел; функция посредника соединялась с должностью логофета для того, чтобы последний всегда был под рукой у государя, записывал его приказы, редактировал их и диктовал писцам[274]. Дэльгер также отмечает, что посредниками оказывались влиятельнейшие люди империи[275]. Часто они были руководителями канцелярии,

---

[265] У Дэльгера эта грамота почему-то отнесена к июню (см.: *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke ... S. 262. N 14).

[266] MM. IV. P. 145. N 77.

[267] Аналогичная формулировка в копии грамоты июня 1233 г.: "καὶ ὡς ἔθος τοῖς μεσάζουσι, κάτωθεν σεσημιωμένον. διὰ τοῦ Τορνίκη Δημητρίου †" (MM. IV. P. 220. N 133).

[268] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke ... S. 261–263. N 1, 5, 7, 19–26; см. также S. 265. Nachtrag.

[269] Ibid. S. 262–263. N 2–4, 8–17.

[270] Ibid. S. 262. N 6.

[271] Ibid. S. 263. N 18.

[272] Ibid. S. 262. N 5. Ср. S. 263–264, Anm. 6.

[273] Ibid.; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 38.

[274] *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ... Graecitatis. Col. 909–910.

[275] Так, упоминавшийся выше Дмитрий Торникес, который выступал как посредник в ряде документов (*Dölger F.* Intervenienten-Vermerke ... S. 262–263, N 7–16), в акте 1198 г. назван "cancellarius" (= λογοθέτης) (см. *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 63, Anm. 9; *Καραγιαννόπουλος Ι.Ε.* Op. cit. Σ. 156, Σημ. 2), в акте 1199 г. – севастом и логофетом дрома (*Dölger F.* Intervenienten-Vermerke ... S. 262, N 7). Он был в родстве с царствующим домом Комнинов (Ibid. S. 264–265).

исполняя должность ἐπὶ τοῦ κανικλείου. Вместе с тем в посреднических пометах фигурируют и лица, чья деятельность в качестве руководителей канцелярии не прослеживается по источникам[276]. Посреднические пометы имеются только на некоторых, но далеко не на всех выданных грамотах. Отсюда Дэльгер делает вывод, что посредничество не было официальной должностью, а пометы посредников не являлись обязательной принадлежностью акта и признаком его достоверности[277].

В работе 1960 г. Дэльгер указывает в качестве самого раннего документа с посреднической пометой хрисовул сигиллион 1119 г., а в качестве самого позднего – хрисовул логос 1344 г.[278] Однако в работе 1968 г. говорится, что древнейшая известная Διά-помета находится в копии грамоты императора Мануила I Комнина 1156 г.[279] (в перечне помет у Дэльгера в статье 1960 г. эта грамота вообще не фигурирует; между тем уже тогда автор сопровождал знаком вопроса дату – 1119 г. – патмосского хрисовула, указанного в перечне под номером 1)[280].

Дэльгер подчеркивает необходимость строго различать два типа помет, употребляющих оборот "διὰ τοῦ [NN]": 1) "† κατεστρώθη ... διὰ τοῦ ..." и 2) просто "† διὰ τοῦ ..." (без "κατεστρώθη"). Лишь пометы второго из двух указанных типов являются посредническими, пометы же первого типа относятся к числу регистрационных[281].

Институт посредников был характерен не только для Византийской империи, но и для стран Запада (с VIII в.) и южных славян (в XIV в.)[282]. В русских актах встречаются сведения о ходатаях ("печальниках"). В жалованных грамотах великих и удельных князей XV–XVI вв. митрополитам и митрополичьим монастырям

---

[276] Интересно, что в пометах на грамотах 1227–1244 гг. тот же Дмитрий Торникес, который был в 1198–1199 гг. севастом и логофетом, фигурирует без указания какой-либо должности: *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke ... S. 262–263. N 8–16; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 38, 112 (Anm. 3); *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 115, 226 (Σημ. 3).

[277] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 264–265; *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 37–38.

[278] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke ... S. 261, 263. N 1, 26.

[279] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 37, Anm. 8; *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 115, Σημ. 2.

[280] Знак вопроса ставил Дэльгер и после названия должности – τοῦ γραμματικοῦ – Иоанна, выступающего в помете на этом документе в качестве посредника. Грамматик Иоанн по другим источникам при Иоанне II Комнине (1118–1143) был автору неизвестен: *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke ... S. 261 (N 1), 264.

[281] Ibid. S. 261.

[282] Ibid. S. 260, 265.

после интитуляции помещался обычно оборот типа: "отца своего для Фотея митрополита Киевскаго и всеа Руси" или "отца своего для Симона митрополита всеа Руси". Следующая за тем формула пожалования, начинающаяся словами "пожаловал есмь", включала в себя уже не имя митрополита, а другие элементы: либо название владения ("пожаловал есмь слободку Святославлю Карашь")[283], либо социальное и топографическое обозначение жителей селения и их имена ("пожаловал есмь его христиан каринцев Тимошку, Олешка, Маркьянка и их товарищев")[284], либо определение типа владения, название митрополичьего монастыря, имя его настоятеля ("пожаловал есмь села домовные святыа Богородици митрополича монастыря Нового, что на Присне, игумена Евфимиа з братею, или кто по нем иныи игумен будет")[285] и т.п. Таким образом, формально князь жаловал не митрополита, а кого-то ради митрополита, иначе говоря, по представлению последнего. Ранг митрополита был настолько высок и "суверенен", что по отношению к митрополиту нельзя было употребить непосредственно формулу "пожаловал есмь". Благодаря особой редакции начальной части княжеских жалованных грамот митрополитам глава русской церкви предстает в них не как прямой получатель грамоты, а как посредник, хотя и в собственном деле.

Итак, едва ли вероятно, что в договоре 911 г. выражение "Ивановым написанием" свидетельствует об участии в составлении грамоты некоего посредника Ивана.

Что касается четвертого типа помет, указанных Дэльгером, то это ἀπελύθη–Vermerke, или выходные пометы, ставившиеся вблизи даты и означавшие "дано". Они представляли собой причастия прошедшего времени страдательного залога, окончание которых (форма рода) зависело от рода имени существительного, определявшего разновидность выдаваемого документа (хрисовул, простагма и т.п.). Пометы такого типа появились лишь в XIII в. под влиянием латинской канцелярии 1204–1261 гг. Они никогда не связывались с именем какого-либо чиновника канцелярии[286] и, следовательно, ни по времени, ни по функции не могут иметь никакого отношения к "Иванову написанию" договора 911 г.

Мы полагаем, что выражение "Ивановым написанием" в грамоте 911 г. не указывает на наличие какого-то лица, по ходатайству или при участии которого был составлен договор. Бессмысленное на первый взгляд чтение Эттерова списка Львовской летописи

---

[283] АФЗХ. Ч. I. № 2. С. 24 (1410–1425 гг.).
[284] Там же. № 116. С. 108 (1448–1461 гг.).
[285] Там же. № 86. С. 86 (1464 г.).
[286] *Dölger F., Karayannopulos J.* Op. cit. S. 38–40.

"науном убо" могло быть отражением древнегреческого оборота "κατὰ νόμον" – "по обычаю", или "согласно закону". Однако такого выражения в дошедших текстах византийских договоров мы не находим. Близко к звучанию "науном убо" и "Ивановым" слово "οὐρανίων" ("небесных"). Подобная конъектура кажется возможной в связи с тем, что письмо императорской канцелярии определялось в законе Валентиниана I 367/68 г. как "litterae caelestes" ("небесные буквы", "небесное письмо") в отличие от обычного письма ("litterae communes"). Но чтение "δε' οὐρανίων γραμμάτων" ("небесными буквами") приходится отвергнуть вследствие отсутствия его в сохранившихся оригиналах договоров.

Вместе с тем в греческих текстах договоров встречается определение "παρών" ("настоящий", "ныне сущий") применительно к "хрисовулу логос", т.е. к данному, заключаемому договору. Так, в договоре императора Исаакия Ангела с Пизой 1192 г. этот термин фигурирует неоднократно: "ὁ παρών χρυσόβουλλος", "διὰ γὰρ τοῦτο καὶ ὁ παρὼν χρυσόβουλλος λόγος", "τὸν παρόντα χρυσόβουλλον λόγον". В латинских переводах слову "παρών" соответствует определение "presens": "et presens chrysobulum verbum", "in presenti chrysobulo", "presente chrysobulo verbo"[287].

Думаем, что под "Ивановым написанием" скрывается греческий оборот, означающий "настоящим письменным договором" – "διὰ τοῦ παρόντος ἐγγραφου". Термин "ἔγγραφος" в договорах употреблялся. Например, в цитированном договоре 1192 г. говорилось: "ἔγγραφον σύμφωνον", "τῆς ἐγγράφου σύμφωνίας ὑμῶν". Слово "παρόντος" скорее всего и превратилось в результате искажений в "Ивановым", "написанием" же является весьма приблизительным переводом слова "ἐγγράφου"[288].

---

[287] Примером употребления в XI–XV вв. термина "παρών" в отношении хрисовулов и простагм см.: *Καραγιαννόπουλος I.E.* Op. cit. Σ. 278–282, 287, 292 (1192 г.), 297–303, 306 (1065 г.), 308 (1084 г.), 309, 310 (1092 г.), 311–312 (1193 г.), 313 (1079 и 1081 гг.), 314, 317–320, 324; *Buchon.* Nouvelles recherches historiques sur la Principanté Française de Morée et ses hautes Baronies... P., 1845. T. 2nd. P. 4, 6 (1112 г.), 9 (1155 г.), 13, 21, 22 (1192 г.).

[288] См.: *Каштанов С.М.* О выражении "Ивановым написанием" в летописном тексте русско-византийского договора 911 г. // Восточная Европа в древности и Средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 12–14 апреля 1993 г.: Тез. докл. М., 1993. С. 33–34.

Глава II

РАННЯЯ КАНЦЕЛЯРСКАЯ ПРАКТИКА. ЖАЛОВАННЫЕ АКТЫ НА РУСИ В XII–XIV ВЕКАХ

Наиболее ранние случаи предоставления иммунитетных привилегий монастырям в России относятся к XII в. От этого времени дошли тексты четырех княжеских грамот, фиксирующих передачу земельных владений двум новгородским монастырям – Юрьеву и Пантелеймонову. О наделении их иммунитетными привилегиями говорится только в двух грамотах: князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю[1] и князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю[2]. Две грамоты князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю содержат лишь земельные пожалования[3]. Ни одна из четырех грамот не имеет в своем тексте даты.

Более или менее узкую датировку – 1130 г. – издавна получила в литературе грамота Мстислава. Ее принимает и новейший исследователь новгородских грамот В.Л. Янин[4]. Т.В. Рождественская датирует грамоту Мстислава 1128 г.[5] Что касается остальных грамот, то в капитальном издании новгородских актов – "Грамоты Великого Новгорода и Пскова" (ГВНП) – они датированы довольно широко. Обе грамоты Всеволода отнесены к 1125–1137 гг. – времени его княжения в Новгороде. Грамота Изяслава датирована 1146–1155 гг., когда он был великим князем. Исходя из тех же хронологических рамок, Л.В. Черепнин предложил уточненную датировку грамоты Изяслава. Он связал ее выдачу с приездом Изяслава в Новгород в 1148 г.[6] В.Л. Янин относит грамоты Все-

---

[1] ГВНП. № 81. С. 140–141.

[2] Там же. № 82. С. 141.

[3] Там же. № 79–80. С. 139–140.

[4] *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 135–136. № 62.

[5] *Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. С. 61–62; *Она же.* Надпись с именем князя Мстислава из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 77–80. О сомнительности этой датировки см.: *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 69, примеч. 6.

[6] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 115.

володa и Изяслава к 1134 г. Он объединяет их под одной датой на основании факта территориальной близости фигурирующих в них объектов пожалования[7].

Из четырех княжеских грамот XII в. новгородским монастырям одна – грамота Мстислава – написана уставом на листе пергамена. Она-то и является первым известным иммунитетным актом на Руси. В этой грамоте киевский великий князь Мстислав приказывает своему сыну, новгородскому князю Всеволоду, отдать Юрьеву монастырю территорию, именуемую "Буице", с данью и другими пошлинами. В самом документе ни Мстислав, ни Всеволод не называются князьями. Не определяется также и административно-территориальный статус владения, названного только собственным именем – "Буице". В Новгородской I летописи младшего извода под 1232 г. говорится: "в Буици, селе святого Георгиа"[8]. Из писцовой книги Деревской пятины 1495–1505 гг. Буице (Буец) предстает как обширная волость, в составе которой насчитывалось 96 деревень вместе "с погостом" и 10 пустых деревень[9].

В литературе существуют расхождения по вопросу о том, к какому типу поселения принадлежало Буице в XII в. В ГВНП оно названо "селом"[10] ("вероятно, с опорой на сообщение Новгородской I летописи младшего извода", как предполагает В.Л. Янин)[11]. Авторы "Аграрной истории Северо-Запада России" думают, что "правильнее говорить о пожаловании не села, а волости Буйцы"[12]. В.Л. Янин также считает, что в ГВНП Буице названо селом "неправомерно... В действительности Буец – обширная волость..."[13]. «Летописное село "в Буице" – несомненный центр волости, собственно погост», – пишет В.Л. Янин[14].

Можно согласиться с тем, что упоминаемый в писцовой книге "погост" был более или менее тождествен "селу" Буице, которое

---

[7] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 136–138. № 63–65.

[8] НПЛ. С. 280; *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 135. № 81.

[9] Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 824.

[10] ГВНП. № 81. С. 140; см. также: *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 114; *Каштанов С.М.* Финансы средневековой Руси XIV–XVI вв. М., 1988. С. 6.

[11] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 135. № 62.

[12] Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV – начало XVI в. / Рук. авт. колл. А.Л. Шапиро. Л., 1971 (далее – Аграрная история. I). С. 68, примеч. 96.

[13] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 135. № 62; см. также: *Носов Е.Н.* Новгородская волость Буйцы: (Историко-археологический комментарий) // ВИД. СПб., 1994. Вып. XXV. С. 41–62.

[14] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 135. № 62; *Гиппиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // Miscellanea Slavica: Сб. ст. к 70-летию Б.Д. Успенского. М., 2008. С. 109–129.

фигурирует в летописи. Однако в летописи говорится не «село "в Буице"», как интерпретирует текст В.Л. Янин, а "в Буици, селе святого Георгиа", т.е, летопись отождествляет Буице с селом, а не с какой-то другой, более крупной территориальной единицей. Нельзя исключать того, что монастырская волость Буице возникла в результате постепенного распространения прав монастыря на земли, окружавшие "село" или "погост" Буице.

В "Аграрной истории" приводятся три аргумента в пользу отождествления Буице с "волостью", а не с "селом": 1) в грамоте Мстислава Буице не называется селом; 2) по писцовой книге конца XV в. Юрьеву монастырю принадлежала целая волость Буице; 3) размер пожалованного монастырю полюдья составлял значительную сумму – 25 гривен, "а с одного села такое значительное полюдье вряд ли могло поступать"[15]. Возможны следующие возражения против этих доводов: 1) в грамоте Мстислава Буице не называется селом, но оно не называется и волостью; 2) Буице не фигурирует среди новгородских "волостей", перечисляемых в договорнах грамотах Новгорода с князьями; 3) между выдачей грамоты и составлением писцовой книги прошло не менее 363 лет, за которые Буице из села могло превратиться в волость; 4) в хронологически более близком к грамоте Мстислава известии Новгородской I летописи, относящемся к 1232 г., когда прошло только 102 года после выдачи грамоты, Буице названо селом; 5) вопрос о том, на какую именно территорию распространялось право монастыря взимать полюдье, неясен.

Статья о полюдье занимает в грамоте особое место и не связана прямо со статьей о пожаловании Буица. Мстислав приказывает "отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и с продажами". К этому перечню пошлин над строкой другим почерком сделано добавление: "и вено во...кое". Полустертое слово "во...кое" читается разными исследователями по-разному: либо как "вотское" (А.И. Ермолаев), либо как "волочкое" или "волоцкое" (И.И. Срезневский)[16]. Ближе всех к истине был, как думается, М.Ф. Владимирский-Буданов, расшифровавший всю вставку как "веновское" и понимавший под этим свадебную пошлину вроде куницы[17]. По свидетельству В.Л. Янина, "фотосъемка документа

---

[15] Аграрная история. I. С. 68, примеч. 96.

[16] *Срезневский И.И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. // ИОРЯС. СПб., 1859–1860. Стб. 346.

[17] Христоматия по истории русского права / сост. М.Ф. Владимирский-Буданов. 6-е изд. СПб.; Киев, 1908. Вып. 1. С. 112–113, примеч. 5. Чтение "веновотское" было открытием не одного А.И. Ермолаева, а целой группы исследователей в составе М. Богучарова, П.К. Фролова, А.И. Ермолаева, А.Н. Оленина. Последний

в разных режимах не дает оснований ни предпочесть одно из этих чтений ("вотское" или "волоцкое". – *С.К.*), ни предложить иное чтение"[18]. Список пошлин, сбор которых переходит в руки монастыря, подкреплен в грамоте угрозой против нарушителей монастырских прав. Затем следует обращение Мстислава к игумену (Исае) с требованием молиться за князя и его детей. И лишь после концовки фиксируется право монастыря на сбор осеннего полюдья: "...и осеннее полюдие даровьное, полътретиядесяте гривнъ, святому же Георгиеви".

В литературе не придавалось значения наблюдающейся в грамоте Мстислава отделенности дани и судебных пошлин от полюдья. Так, Л.В. Черепнин вообще не упоминает полюдье, говоря только о получении монастырем права на сбор дани, вир, продаж и "вена вотского". Эти "судебные и податные привилегии" рассматриваются автором как иммунитет, основанный на праве земельной собственности: "Феодальная собственность на землю непосредственно влечет за собой судебные и податные привилегии ... собственность на землю подразумевает подсудность и подведомственность в податном отношении феодалу населения этой территории"[19]. Несколько иначе подходят к толкованию грамоты Мстислава авторы "Аграрной истории". Они ставят полюдье в один ряд с данью: "Мстислав... передает Юрьеву монастырю не только часть своих доходов от дани, полюдья, вир и продаж, но и право их сбора на территории волости Буйцы. А такой переход права сбора повинностей и суда (виры и продажи являлись судебными пошлинами) давал возможность для превращения черных земель в феодальную собственность... грамота на Буйцы представляет нечто среднее между пожалованием дани и пожалованием земли, причем мы можем заметить, как монастырь превращает первое во второе..." Авторы находят в грамоте "черты, которые связывали пожалование Буец с кормлением"[20].

Мысль о пожаловании Юрьеву монастырю кормления кажется нам плодотворной, однако едва ли можно видеть кормление во всем комплексе прав, закрепленных за монастырем. На наш взгляд, близким к кормлению было право на сбор полюдья, причем это полюдье собиралось, по-видимому, с территории более обширной,

---

сообщил об этом графу Н.П. Румянцеву в отношении от 11 марта 1813 г. (см.: Переписка митрополита Киевского Евгения с господином канцлером графом Н.П. Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно). Воронеж, 1868. Вып. 1. С. 2).

[18] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 135–136. № 62.

[19] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 114; ср. С. 113.

[20] Аграрная история. I. С. 68.

чем погост или село Буице. Право на полюдье, полученное монастырем, точнее может быть квалифицировано в качестве бана. "Bannus", или "bannum", – термин, довольно широко употреблявшийся в средневековой латыни в разных значениях[21]. Он принят и в историографии, особенно немецкой ("der Bann")[22], где под ним подразумевается предоставляемое тому или иному юридическому или физическому лицу право на сбор определенного вида пошлины или пошлин с территории, не являющейся собственностью этого лица, но часто (хотя и не всегда) соседствующей с ней. Сходство бана с кормлением состоит в том, что пользователь бана, как и кормленщик, не является собственником эксплуатируемой территории. Однако бан отличается от кормления тем, что его пользователь – не слуга князя: он действует не как звено государственного аппарата управления, а как некое формально независимое от князя учреждение, например церковь или монастырь.

Пожалование Юрьеву монастырю осеннего полюдья одновременно с пожалованием села Буице может пониматься в том смысле, что Буице должно было служить монастырю опорным пунктом для сбора полюдья не только и не столько с обитателей села, сколько со всего окрестного населения, которое не превращалось от этого в монастырских подданных, по крайней мере сразу. Отсутствие в грамоте указаний на границы того податного округа, с которого монастырь мог собирать полюдье (если не считать им село Буице), компенсировалось фиксацией максимальной суммы сбора – 25 гривен. Эта сумма и служила косвенным обозначением примерного поля деятельности и количества населения, подведомственного монастырю в отношении уплаты осеннего полюдья. Сходного мнения придерживался Я.Н. Щапов[23].

Если полюдье, равно как и серебряное блюдо, пожалованное монастырю князем Всеволодом в той же грамоте, не выступает в качестве непосредственного атрибута собственности на землю, то дань, виры и продажи передаются вместе с селом. Трудно согласиться с мнением авторов "Аграрной истории" о том, что "грамота на Буйцы представляет нечто среднее между пожалованием дани и пожалованием земли". Земля и право на дань предоставляются тут одновременно. Мы бы не стали говорить также, что

---

[21] *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976. P. 81–84; *Blaise A.* Dictionnaire latin-français des auteurs du Moyen-Âge. Turnholi, 1975. P. 94–95.

[22] *Sanders D.* Wörterbuch der Deutschen Sprache: Mit Belegen von Luther bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1860. Bd. 1. S. 80–81; *Stengel E.* Die Immunität in Deutschland bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Innsbruck, 1910. S. 556, 589–598.

[23] *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 152–153; ср.: *Носов Е.Н.* Указ. соч. С. 42, примеч. 4.

"пожалование дани" превращает сделку в "пожалование земли": пожалование земли влечет за собой пожалование дани и судебных пошлин. Недаром среди объектов пожалования на первом месте в грамоте стоит земля (Буице), а на втором – дань. Но пожалование дани не было автоматическим следствием пожалования земли. Пожалование дани всегда требовало особой фиксации в грамоте. Таким образом, в грамоте Мстислава различаются, с одной стороны, податной и судебный иммунитет, непосредственно связанный с владением землей Буице (право монастыря на сбор дани, вир и продаж), а с другой стороны, бан (право на сбор осеннего полюдья – возможно, в пределах, но скорее всего, за пределами села Буице).

"Вено во... кое" добавлено приписью над строкой к перечню пошлин, взимаемых с Буица. Это дополнение сделано другим почерком и не может свидетельствовать о концепции составителя грамоты. Вероятно, приписка появилась в монастыре после получения грамоты. "Вено" известно как выкуп жениха за невесту. В качестве пошлины, идущей не родственникам невесты, а третьему лицу (в данной случае Юрьеву монастырю), вено фигурирует в грамоте Мстислава впервые. В позднейших жалованных грамотах термин "вено" не употребляется. Свадебные пошлины, освобождение от которых начало включаться в жалованные грамоты с середины XV в., носят другие названия: "новоженное", "новоженная куница", "выводная куница", "убрусное", "свадебное", "розвинское" и т.п.[24] Таким образом, упоминание вена как пошлины в грамоте Мстислава уникально. Не менее уникально и то, что термин "вено" соединен в грамоте с прилагательным, определяющим территорию, с населения которой взималась эта пошлина: "во... кое". В жалованных грамотах XV в. и более поздних названия свадебных пошлин не сопровождаются географическими пояснениями. Географическая характеристика вена в грамоте Мстислава служит явным признаком ошибочности интерпретации текста как группой Ермолаева – Оленина, так и Срезневским.

Из двух чтений полустертого слова, указывающих на район взимания вена, – "вотское" и "волоцкое" – мы бы выбрали последнее, считая его более логичным в применении к Юрьеву монастырю и к селу Буице. Юрьев монастырь, расположенный вне Новгорода, южнее р. Волхов, к северу от которого лежала Вотская пятина, едва ли мог осуществлять в этом районе сбор вена. Позднейшая волость Буицы находилась на юго-западе Деревской

---

[24] *Каштанов С.М.* Финансы средневековой Руси... С. 86–89; *Он же.* К проблеме происхождения феодального иммунитета // Научн. докл. высшей школы: Исторические науки. М., 1959. № 4. С. 106–121.

пятины. Отсюда открывались пути в Северо-Восточную Русь, и в том числе на Волок Ламский, который, как известно из договорных грамот XIII–XV вв., управлялся совместно Новгородом и великими князьями. В середине 30-х годов XIV в. Юрьев монастырь получил от Ивана Калиты жалованную грамоту на владения в Волоке Ламском[25]. Л.В. Черепнин датирует ее 1335–1337 гг.[26], В.Л. Янин – 1335 г.[27]

Когда Юрьев монастырь закрепился в районе Волока, точно неизвестно. Не установлена и более или менее точная дата приписки о вене в грамоте Мстислава. Если она была сделана не в XIV, а в XII в., то это может свидетельствовать о том, что уже тогда монастырь стремился распространить свое влияние на Волок. Право сбора вена вне территории собственно Буице, т.е. вне монастырской вотчины, представляло собой привилегию типа бана, а не разновидность иммунитета. В грамоте вено приписано к перечню судебных пошлин с земли Буице и тем самым как бы включено в состав иммунитетных прав. С точки зрения теории права более правильным было бы поместить вено рядом с полюдьем, взимавшимся, по-видимому, тоже вне монастырской территории, но интерполяция, само собой разумеется, преследовала не научные, а практические цели, да и стилистически приписка "вено во... кое" больше подходила к перечню пошлин, чем к отдельной статье о полюдье.

Юридически соавтором Мстислава по грамоте был его сын Всеволод, от лица которого сформулирована единственная статья – о пожаловании серебряного блюда. Таким образом, если киевский великий князь жаловал землю, иммунитет и бан, то новгородский князь – только движимое имущество. Соединение в одной грамоте различных видов пожалования показывает, что с самого начала иммунитетной политики на Руси иммунитет мог фиксироваться в актах, которые наряду с иммунитетом предоставляли и другие права и привилегии. В этом смысле интересна также грамота Изяслава Пантелеймонову монастырю – второй по времени иммунитетный акт XII в. Наряду с землей и иммунитетом монастырь получает нечто вроде бана – право контроля за ловлей рыбы посторонними людьми (вероятно, в водоемах, прилегавших к монастырской вотчине или находившихся в ней): "А хто ловит рыбу, доложа игумена"[28]. Эта статья показывает, кстати, изначаль-

---

[25] ГВНП. № 86. С. 143.

[26] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 116.

[27] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 134. № 84.

[28] *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // ИА. 1955. № 5. С. 204.

ную неопределенность права собственности на воду: несмотря на переход земли в руки монастыря, вода в пределах вотчины оставалась до известной степени общим достоянием, хотя в грамоте и устанавливался контроль земельного собственника за ее использованием. Такой контроль мог, вероятно, повлечь за собой и поборы в пользу собственника земли.

Некоторую трудность для толкования представляет то место грамоты, где определяется объект пожалования. До находки и опубликования В.И. Корецким нового списка грамоты Изяслава, относящегося к концу XVI в., исследователи пользовались публикациями Амвросия и И.И. Срезневского. По последней текст грамоты был переиздан в ГВНП. В качестве объектов пожалования там фигурируют "село Витославиць и Смердъ и поля Ушьково и до Прости"[29]. До середины 50-х годов XX в., т.е. до открытия В.И. Корецкого, исследователи в большинстве своем считали слово "Смердъ" в грамоте Мстислава топонимом. Только С.В. Юшков видел в нем обозначение зависимого населения – смердов[30]. Находка В.И. Корецкого подтвердила возможность и вероятность такой интерпретации. В списке XVI в. говорится: "село Витославлицы и Смерды и поля Ушково и до прости"[31]. Таким образом, здесь "Смерды" указаны во множественном числе. Кроме того, в списке XVI в. содержится текст, отсутствующий в предыдущих изданиях грамоты, и в нем дважды упоминаются "смерды", причем оба раза в значении социальной категории: речь идет о смердах, населяющих село Витославлицы ("А смердам витославлицам"), и о соседних смердах ("ни к смердам ни в какие потуги").

При буквальной интерпретации текста, определяющего объект пожалования, выражение "село Витославлицы и Смерды" с последующим указанием поля Ушкова может произвести впечатление простого перечня пожалованных земель. Но если Витославицы названы в грамоте селом, а Ушково полем, то "Смерды" не определены никак. Неотнесение "Смердов" ни к одному из типов поселений увеличивает в наших глазах вероятность того, что здесь имеется в виду категория жителей, а не земля. Правда, как мы знаем, есть немало случаев, когда топонимы указываются в источниках без всяких типологических определений (например, "Буице" в грамоте Мстислава).

---

[29] ГВНП. № 82. С. 141.

[30] *Юшков С.В.* К вопросу о смердах // Учен. зап. гос. Саратовского ун-та. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 4. С. 56, примеч. 1; *Он же.* Феодальные отношения в Киевской Руси // Там же. Саратов, 1925. Т. 3, вып. 4. С. 39; *Он же.* Курс истории государства и права СССР. М., 1949. Т. 1. С. 293.; ср.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 230; *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 206.

[31] *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 204.

Комментируя выражение "село Витославлицы и Смерды", В.И. Корецкий предположил, что перед словом "смерды" в списке пропущен предлог "с": «В переводе на современный русский язык: "село Витославлицы и с смердами". Переписчики XVI в. часто пропускали предлог "с", когда следующее слово начиналось с той же буквы»[32]. Слово "смерды" действительно могло быть формой творительного падежа (= "смердами"), а пропуск предлога "с" в таком обороте был возможен не только в списке, но и в оригинале грамоты. Если Корецкий прав, перед нами первый и, вероятно, единственный случай употребления формулы пожалования села со смердами (при реконструкции: "село Витославлицы и с смерды"). Возможность такой формулировки для XII в. не исключена. Новгородский князь Всеволод Мстиславич давал Юрьеву монастырю Терпужский погост Ляховичи "съ землею, *и съ людьми* (курсив наш. – *С.К.*), и съ коньми, и лесъ, и борти, и ловища на Ловати"[33].

Упоминание "людей" наряду с конями и недвижимым имуществом не говорит, на наш взгляд, о том, что дело касалось свободных людей. Передача земли с "людьми" выступает как довольно седая старина в жалованной грамоте в. кн. Олега Рязанского Рязанскому Ольгову монастырю (около 1371 г.): "што... прадеди наши подавали которая места *и люди* (курсив наш. – *С.К.*), и што бояре подавали"[34]. Сам Олег отдает монастырю село Арестовское с различными пошлинами, землями и с бортниками: "Арестовское село с винами и с поличьнымь, и с резанъкою, и съ шестьюдесят, и со всеми пошлинами, *и с бортники* (курсив наш. – *С.К.*), и с бортными землями, и поземом, съ озеры, и с бобры и с перевесьищи"[35]. Из договоров между князьями XIV–XV вв. явствует, что княжеские бортники были людьми несвободными. Видимо, это и обусловливало возможность их передачи вместе с землей.

В большинстве жалованных грамот XIV–XVI вв. люди обычно не фигурируют как придаток земли. Чаще всего речь идет о "людях", которые "учнут жити" в монастырской вотчине, и о старожильцах, которые в ней уже живут. В крайне редких случаях в составе жителей вотчины упоминаются "вольные люди". Они названы в числе прочих категорий населения в грамоте тверских

---

[32] Там же. С. 207.

[33] ГВНП. № 80. С. 139; см. также: *Носов Е.Н.* Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловать: (Историко-археологический комментарий) // Археология и история Новгорода: Тез. докл. научн. конф. Новгород, 1988. С. 79–81.

[34] АСЭИ. Т. III. № 322. С. 351.

[35] Там же.

князей Тверскому Отрочу монастырю первой половины 60-х годов XIV в. и в повторяющей ее грамоте второй половины 30-х годов XV в. тому же монастырю[36]. Менее надежный источник – сохранившаяся в списке XVIII в. грамота ярославского князя Александра Федоровича Александру Рудину (около 1435–1463 гг.) – оперирует понятием "мои (т.е. княжеские. – *С.К.*) волные люди"[37]. Этими примерами практически исчерпывается краткий перечень случаев употребления термина "вольные люди" в жалованных грамотах. В отличие от "слуг вольных", постоянно упоминаемых в договорных грамотах, "вольные люди", были, вероятно, менее распространенным явлением. В иммунитетных дипломах франкских королей "ingenui" (свободные) встречаются чаще, чем "вольные люди" в грамотах русских князей, а в "Формулах Маркульфа"[38] говорится даже о вольных людях различных наций – франках, римлянах, бургундах, готах, которые могли поселяться во владениях иммунистов[39].

Упоминающиеся в грамотах князей XII в. "люди" и "смерды", которые передавались монастырям вместе о землей как ее принадлежность, были, скорее всего, людьми, зависимыми от князя. Людей, полученных вместе с землей Ольговым монастырем от "прадедов" князя Олега Рязанского, грамота последнего называет "даными людми": "А хто даныхъ людии прадеды нашими святои Богородици дому где имуть седети или бортници..."[40]. Здесь "даные люди" ставятся в один ряд с бортниками, т.е. людьми явно несвободными.

Авторы "Аграрной истории" считают, что "смерды" села Витославлиц, отданные вместе с селом Пантелеймонову монастырю, были до пожалования не рабами, а "крестьянами, не принадлежавшими еще феодалам-иммунистам"[41]. Однако, если Изяслав передавал смердов вместе с селом, значит, скорее всего, это были его, княжеские смерды. Тут встает вопрос о том, кому принадлежало село Витославлицы: Новгородской республике или князю? Кстати, этот вопрос уместен и в отношении села Буице.

Мстислав "повелелъ" отдать Буице Юрьеву монастырю, не спрашивая на это ничьего согласия, Изяслав же "по благослове-

---

[36] Там же. № 116, 117. С. 152, 154.

[37] Там же. № 225. С. 246.

[38] О разных датировках этого сборника: *Levillain L.* Le formulaire de Marculf et la critique moderne // Bibliothèque de l'École des Chartes. P., 1923. [T.] 84. [N] 1–3, janvier–juin. P. 21–91; *Ganshof F.-L.* L'immunité dans la monarchie Franque: Les liens de vassalité et les immunités. 2-ème éd. revue et augmentée. Bruxelles, 1958. P. 175, note 9. (Recueil de la Société Jean Bodin; I); 3-е изд.: P., 1988; *Tessier G.* Diplomatique royale française. P., 1962. P. 7, note 4.

[39] *Kroell M.* L'immunité franque. P., 1910. P. 102, note 2, 3.

[40] АСЭИ. Т. III. № 322. С. 351.

[41] Аграрная история. I. С. 69, примеч. 100.

нию епископа Нифонта испрошал... у Новгорода святому Пантелемону землю село Витославлицы..."[42] Можно предположить, что Мстислав отдал монастырю село, на которое имел определенные права собственности, приобретенные до пожалования. Имел ли такие права Изяслав в отношении Витославлиц? Чего добивался Изяслав от Новгорода: выделения из республиканских владений села для отдачи монастырю или разрешения отдать в монастырь село, которое уже находилось в его, князя, собственности?

Князья, по-видимому, всяческими способами пытались приобретать села в пределах Новгородской земли. Об этом свидетельствует статья новгородско-княжеских договоров XIII–XV вв., запрещающая князю, его жене-княгине, боярам и дворянам "держать" и покупать села в Новгородской земле[43]. Князья, конечно, нарушали запрет, иначе он не повторялся бы так настойчиво. Село Витославлицы, "испрошенное" князем у Новгорода, вероятно, относилось к числу княжеских владений, но право распоряжения им было ограничено властью Новгорода. О собственности князя на село косвенно свидетельствует то, что Изяслав выступает в роли учредителя монастыря: "И устроил есми святому Пантелемону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия"[44]. Так мог поступать только князь-ктитор, устраивающий монастырь на своей земле. Монастырь находился, видимо, на территории села Витославлицы. Ко времени писцовых книг этого села уже не было: на его месте, как пишет В.Л. Янин, "возникли строения Пантелеймонова монастыря"[45].

Чем же объясняется разница в правах Изяслава и Мстислава в отношении новгородских сел? При датировке грамоты Изяслава временем его великого княжения (1146–1155) ограниченность прав князя в Новгороде может быть вполне логично объяснена изменением новгородско-княжеских отношений после изгнания Всеволода в 1136 г. Предложенная В.Л. Яниным датировка грамоты 1134 годом не позволяет прибегнуть к подобному объяснению. Однако посмотрим, насколько бесспорна сама эта датировка. В.Л. Янин полагает, что грамота Изяслава была выдана раньше грамоты Всеволода Юрьеву монастырю на рель, ибо, во-первых, в грамоте Изяслава в качестве устроителя Пантелеймонова монастыря выступает сам князь-жалователь, а в грамоте Всеволода "Пантелеев" монастырь упоминается как существующий, во-вто-

---

[42] *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 204; ср.: ГВНП. № 82. С. 141.
[43] ГВНП. № 1–3 и сл. С. 10–12 и сл.
[44] *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 204.
[45] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 137. № 64.

рых, рель, отданная по грамоте Всеволода Юрьеву монастырю, в грамоте Изяслава фигурирует как княжеская.

Начнем с вопроса о рели. Словом "рель" обозначалась, согласно В.И.Далю, "выпуклая возвышенная полоса, хребтик, ребро, гребень, гряда... сухая возвышенная полоса по болоту..."[46]. В грамоте Изяслава "*рель*" указана трижды: 1) "и... от Добрыне улицы Мячином вверх подли рель"; 2) "да налево в Великий ручей, ручьем вверх подли *Княжую рель* до Юрьевского межника, что крест стоит под межником"); 3) "от Юрьевского межника логом подле *Юрьевскую рель*, да подле Юрьевскую орамицу логом да по конец логу промеж орамицы Юрьевской и Ушкова поля да в Прость"[47] (курсив наш. – *С.К.*). Всеволод давал Юрьеву монастырю "*рель* отъ Волхова по крьстъ, по ручью въ Мячино" и велел "учинити межу промежь Юрьевымъ монастыремъ и Пантелеевымъ монастыремъ: по излогу ввьрхъ Мачином на горки, да въ болото Дрянь къ Рускому пути, отъ пути на горки, да въ Прость"[48] (курсив наш. – *С.К.*). У нас нет полной уверенности в том, что рель, отданная Всеволодом Юрьеву монастырю, была именно той, которая в грамоте Изяслава называется "Княжей". Ведь в грамоте Изяслава фигурирует еще и "Юрьевская рель". Их разделял "Юрьевский межник", под которым стоял крест, упоминаемый в обеих грамотах. "Межник" – это межевая полоса (или межевой знак)[49]. О таком "межнике" в грамоте Всеволода на рель ничего не говорится, и это понятно: Всеволод лишь давал распоряжение о размежевании владений Юрьева и Пантелеймонова монастырей. Однако к моменту выдачи грамоты Изяслава "Юрьевский межник" уже существовал. Указание на него, содержащееся в этой грамоте, позволяет думать, что она появилась не до, а после грамоты Всеволода.

Остановимся теперь на свидетельстве об устройстве Пантелеймонова монастыря Изяславом. Изяслав "устроил... монастырь и посадил... в нем игумена Аркадия", но это еще не значит, что он был первооснователем монастыря. Фраза об устройстве монастыря Изяславом может означать то, что князь взял монастырь под свое покровительство, обустроил его и посадил в нем нового игумена. При Всеволоде Пантелеймонов монастырь не пользовался как будто княжескими милостями. Все грамоты Всеволода адресованы Юрьеву монастырю. Ни одной его грамоты Пантелей-

---

[46] *Даль В.[И.]* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991 (репринт с издания 1882 г.). Т. 4. С. 91.

[47] *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 204.

[48] ГВНП. № 79. С. 139. О топографии местности см.: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 68.

[49] *Даль В.[И.]* Указ. соч. М., 1989 (репринт с издания 1881 г.). Т. 2. С. 314.

монову монастырю мы не знаем. Вполне возможно, что в 30–40-х годах XII в. Пантелеймонов монастырь запустел, а Изяслав возродил его к жизни и дал новый импульс развитию монастырского землевладения и строительства.

При датировке грамоты Изяслава 1134 годом, т.е. временем, когда в Новгороде сидел Всеволод, совершенно непонятно отсутствие в грамоте какого бы то ни было упоминания о нем. Не очень понятно также, почему два князя одновременно, в 1134 г. (а к этому году Янин относит и грамоты Всеволода), давали грамоты двум разным монастырям, причем один из князей, Всеволод, давал земли Юрьеву монастырю, не согласуясь с Новгородом, а другой, Изяслав, "испрашивал" у новгородских властей право на предоставление земли Пантелеймонову монастырю. Вероятно, в поисках ответа на этот вопрос В.Л. Янин выдвинул предположение, что при Всеволоде в Новгороде были земли двух типов – находившиеся и не находившиеся в распоряжении князя: "Грамота Изяслава Мстиславича в отличие от других грамот того же периода (ГВНП. № 81, 79, 80) демонстрирует существование в Новгороде массива земель, находившихся во времена Всеволода в распоряжении не князя, а вечевой организации"[50]. Трудно себе представить, по какому принципу производилась эта классификация земель.

Логические противоречия, возникающие при датировке грамоты Изяслава 1134 годом, снимаются, если вернуться к старой датировке рассматриваемого документа временем великого княжения Изяслава. Наиболее убедительной представляется датировка, предложенная Л.В. Черепниным: 1148 г. В 1148 г. Изяслав был в Новгороде и пытался добиться союза с ним в борьбе против Юрия Долгорукого. Новгородское вече, на котором князь выступил с речью, поддержало его призывы[51]. В этих условиях согласие Новгорода на выдачу князем грамоты Пантелеймонову монастырю было весьма вероятно. Сам факт выдачи Изяславом грамоты с иммунитетными привилегиями может служить, с нашей точки зрения, доказательством того, что Изяслав являлся в этот момент великим князем. Из трех грамот, выданных Юрьеву монастырю в период княжения Всеволода, только грамота великого князя Мстислава содержала иммунитетные привилегии. Обе грамоты, выданные единолично Всеволодом, предоставляли Юрьеву монастырю права на землю, но не иммунитет. По-видимому, выдача иммунитетных грамот была, по крайней мере в XII в., прерогативой великокняжеской власти. Аналогичным образом обстояло дело во Франкском государстве, где иммунитетные дипломы составля-

---

[50] *Янин В.Л.* Новгородские акты... С. 137.

[51] *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 115.

лись почти всегда от лица носителя верховной власти – короля (из этого правила известны лишь два исключения, подтверждающих, по мнению Гансхофа, правило)[52].

Грамота Изяслава – первый русский акт, в котором употреблена негативная формулировка иммунитета в виде запрещений, образованных с помощью частиц "не" и "ни": "А смердам витославлицам не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в городцкии потуги, ни к смердам ни в какие потуги, ни иною вивирицою". Это постановление дополнено положительной формулировкой иммунитета: "А потянути им ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи"[53]. В грамоте Изяслава ясно определена тягловая подведомственность витославлицких смердов монастырю и запрещение другим сборщикам, будь то князь, епископ, городская или сельская община, требовать с них какие-либо "потуги". Речь, таким образом, идет о запрещении сборов непосредственно со смердов, но при этом не сказано, должен ли монастырь отдавать тому или иному органу власти часть доходов, полученных со смердов или от их труда. Во всяком случае, в отличие от грамоты Мстислава, здесь не говорится о пожаловании села с данью, вирами и продажами. Выражение "ни иною вивирицою" едва ли может свидетельствовать об освобождении от дани, хотя когда-то, в середине IX в., северно-русские племена платили дань варягам именно веверицами[54]. В грамоте Изяслава это выражение скорее подчеркивает запрещение принуждать монастырских смердов к каким бы то ни было платежам, даже к самым мелким (веверица – мельчайшая фракция гривны: $^1/_{100}$ по Н. Бауэру и $^1/_{150}$ по В.Л. Янину)[55]. Вопрос о судебном иммунитете в грамоте Изяслава оставлен открытым.

Разница в формулировке иммунитетных норм в грамотах Мстислава и Изяслава объясняется разницей местоположения объектов пожалования и различием политической обстановки и объема княжеских прав в отношении Новгородской земли в 1130 и 1148 гг. Село Буице находилось на южной границе Новгородской земли, в довольно пустынном районе, где, по-видимому, еще не было постоянной администрации. Поэтому монастырь приобретал вместе с иммунитетными правами роль своего рода местной

---

[52] *Ganshof F.-L.* Op. cit. P. 174.

[53] *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 204.

[54] ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. 2-е изд. (см. то же: ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997). С. 19.

[55] *Бауэр Н.П.* Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 229; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского Средневековья. М., 1956. С. 160.

власти, ведающей не только монастырскими людьми, но и в какой-то мере населением более обширной округи. Село Витославлицы, напротив, было расположено в центре Новгородской метрополии. Его окружали земли, которые, может быть, довольно часто посещались представителями республиканской, княжеской и епископской администрации. Грамота Изяслава является, кстати, первым княжеским актом на Руси, освобождающим монастырских людей от тягловой подведомственности епископу. В дальнейшем это направление иммунитетной политики не получило сколько-нибудь заметного развития в княжеских актах. Мстислав выдавал грамоту в Киеве (куда к нему приехал его сын Всеволод), обладая значительной полнотой власти в отношении Новгорода, Изяслав выдавал грамоту в Новгороде в условиях, когда княжеские права в Новгородской земле были сильно ограничены по сравнению с временами Мстислава и Всеволода.

Иммунитетная политика началась на Руси в XII в., во Франкском государстве – в VII в., на пять веков раньше. Первые иммунитетные дипломы, признаваемые в литературе подлинными, были выданы в 635 г. королем Дагобертом I (Dagobert Ier). Они касались аббатства Сен-Дени (abbaye de St. Denis) и монастыря Ребе (monastère de Rebais)[56]. Несмотря на большой хронологический разрыв, видны общие черты начальной стадии иммунитетной политики на Руси и во Франкском государстве. Первыми получателями иммунитетных грамот были и тут и там крупные монастыри. В историографии подчеркивается, что происхождение франкского иммунитета связано с судебно-финансовой изолированностью земель фиска, т.е. королевской вотчины, хотя первый пожалованный диплом (монастырю Ребе) не касался бывшей земли фиска[57]. На Руси в XII в. иммунитет устанавливается великими князьями на землях, которые они жалуют монастырям, по-видимому, из состава своих владений.

По справедливому замечанию М. Крёля, иммунитет во Франкском государстве появился вследствие того, что тут еще в VI в. у крупных землевладельцев, как светских, так и духовных, на практике возникала "частная юрисдикция" (justice privée) в отношении обитателей их имений и свободных крестьян, становившихся под их патронат. Такой неоформленной и первичной юрисдикцией (la juridiction inorganique et rudimentaire) обладали уже богатые земле-

---

[56] *Kroell M.* Op. cit. P. 335.

[57] *Ganshof F.L.* Op. cit. P. 137; *Magnou-Nortier E.* Étude sur le privilège d'immunité du IVe au IXe siècle // Revue Mabillon: Études d'Histoire monastique en France. Ligugé (Dép. de la Vienne-France), 1984. T. 60. N 297–298, juil.–déc. P. 466; *Kroell M.* Op. cit. P. 64.

владельцы позднеримского периода. По мнению Крёля, "сильные люди" (potentes) франкской эпохи унаследовали власть некоторых низших судебных инстанций (mediocres judices) позднеримской империи – мировых судей (assertores pacis, *фр.* – juges de paix) и адвокатов (defensores, *фр.* – avoués)[58]. Автор совершенно прав, утверждая, что наличие этой юрисдикции нельзя объяснить дипломами, поскольку она предшествует им, будучи засвидетельствована Анжерскими формулами (les formules d'Angers), из которых наиболее ранние относятся к 514–515 гг.[59]

Об иммунитете на Руси до начала выдачи жалованных грамот в XII в. мы ничего определенного не знаем. Однако весьма показательно, что первые дошедшие грамоты касаются Новгородской земли. Именно здесь в XI–XII вв. шел процесс формирования крупного землевладения[60], который неизбежно должен был сопровождаться, как и во Франкском государстве VI в., возникновением начаточной юрисдикции вотчинников. Ситуация, когда крупная земельная собственность сочетается с мелким крестьянским землевладением, обычно порождает судебно-административную власть вотчинника по отношению к населению его владений, а это, в свою очередь, является необходимой предпосылкой пожалования иммунитета[61]. Такова общая закономерность, для которой отсутствие или наличие римского наследия – частный случай, хотя и существенно влияющий на время возникновения и правовые особенности иммунитета. Русский иммунитет появился намного позднее франкского, поскольку процесс образования класса крупных землевладельцев начался здесь не раньше XI в., да и то сначала лишь в Новгородской земле.

О судьбах иммунитета новгородских монастырей в XIII в. судить трудно, так как от этого времени до нас не дошло ни одной жалованной грамоты русским монастырям. После грамот Мстислава и Изяслава наступила длительная остановка в иммунитетной политике русских князей. Только с XIV в. выдача жалованных грамот монастырям и другим землевладельцам становится постоянным элементом внутренней политики – то, что во Франкском государстве произошло в VII в. Вообще по темпам выдачи грамот и по охвату монастырей русские акты XIV в. имеют много

---

[58] *Kroell M.* Op. cit. P. 33–34.

[59] Ibid. P. 34–35.

[60] *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина: (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 272.

[61] *Каштанов С.М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. статей. М., 1970. С. 155–157, 190–199.

общего с меровингскими дипломами VII в., хотя надо сказать, что иммунитетная политика меровингских королей, особенно во второй половине VII в., была более активной, чем политика князей Северо-Восточной Руси в XIV в. Из 23 иммунитетных дипломов 635–700 гг., указанных в перечне М. Крёля, к аббатствам и монастырям относятся 18, к епископствам – 5. Вниманием правительства пользовались в это время аббатства Сен-Дени (l'abbaye de St. Denis), Сен-Бертен (l'abbaye de St. Bertin), Монтьеранде (l'abbaye de Montiérander), Тюссонваль (l'abbaye de Tussonval), монастыри Ребе (de Rebais), Куньон (de Cougnon), Сенон (de Senones), Корби (de Corbie), Ставело-и-Мальмеди (de Stavelot et Malmedy), Кале (de Calais), Аржантей (d'Argenteil), Сен-Мор-де-Фоссе (St. Maur des Fossés[62]). К текстам меровингских дипломов следует относиться с большой осторожностью учитывая наличие среди них многих подложных и частично фальсифицированных актов[63].

Что касается русских жалованных грамот с иммунитетными привилегиями, то в XIV в. их получили монастыри ярославский Спасский, новгородский Юрьев, тверской Отроч, рязанский Ольгов, московский Чудов, Спасо-Преображенский у Медвежьих озер, нижегородский Спасо-Благовещенский[64]. Вероятно, в конце XIV в. иммунитетные грамоты были выданы рязанскому Солотчинскому монастырю (датируются примерно 1390–1401 гг.)[65]. К концу XIV – первой трети XV в. относятся некоторые жалованные грамоты монастырям: Троице-Сергиеву (1392–1425)[66], суздаль-

---

[62] *Kroell M.* Op. cit. P. 333–336. Со времен Фюстель де Куланжа исследователи считают, что дошедшие документы составляют лишь небольшую часть тех многочисленных актов, которые были составлены от имени меровингских королей, и потому они мало репрезентативны (*Atsma H., Vezin J.* Aspect[s] matériels et graphiques de documents mérovingiens // Typologie der Königsurkunden: Kolloqium de Com[m]ission Internationale de Diplomatique in Olmütz 30.8–3.9.1992 / hrsg. von Jan Bistřický. Olomouc, 1998. S. 9). В российской историографии можно встретить подобную же точку зрения в отношении русских грамот XIV–XVI вв. (см., например: *Носов Н.Е.* "Новое" направление в актовом источниковедении // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 261–348; ср.: *Кобрин В.Б.* К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV–XVI вв. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 171–186; *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 111–112, 133–134).

[63] Об этом см., например: *Brühl C.* Das Merowingische Königtum im Spiegel seiner Urkunden // La Naustrie: Les pays au nord de la Loire de 650 à 850: Colloque historique international / publié par H. Atsma. Sigmaringen, 1989. Bd. 1. S. 523–533.

[64] ГВНП. № 86. С. 143; АСЭИ. Т. II. № 340. С. 338–339; Т. III. № 29, 116, 190, 294, 322. С. 52–53, 152–153, 204–205, 321, 350–352.

[65] АСЭИ. Т. III. № 324, 325. С. 353–355.

[66] *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 342. № 1.

скому Спасо-Евфимьеву[67] и Кирилло-Белозерскому (1397–1427)[68]. Таким образом, грамот, выданных несомненно в XIV в., всего семь. Грамот, условно датируемых концом XIV – началом XV в., насчитывается восемь, но не все они вполне уверенно могут быть определены в качестве иммунитетных. Разумеется, не все грамоты сохранились. Так, в грамоте 1399 г. митрополита Киприана владимирскому Рождественскому монастырю упоминаются "старыи граматы великих князии" начиная с Юрия Даниловича и его брата Ивана Даниловича Калиты (первая половина XIV в.). Кроме них в грамоте названы еще пять князей, из которых последний – Василий I Дмитриевич, современник митрополита Киприана. Правда, неизвестно, какой характер носили эти грамоты. Грамота митрополита Киприана только подтверждает владельческие права монастыря на село и запрещает в него "вступаться"[69].

Из княжеских жалованных грамот монастырям XIV в. в подлиннике на пергамене дошла грамота в. кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю[70]. В XIX в. еще существовал пергаменный подлинник жалованной грамоты тверских князей тверскому Отрочу монастырю, опубликованный в 1836 г. в ААЭ[71], но впоследствии он был утрачен, и грамота используется теперь только по публикации[72]. Оригиналом, написанным на бумаге, представлена грамота митрополита Киприана 1399 г. владимирскому Рождественскому монастырю[73]. Все остальные акты сохранились лишь в списках. Поэтому, изучая монастырский иммунитет на Руси XIV в., мы не можем в полной мере следовать принципу Ф.-Л. Гансхофа, который поддержала Е. Манью-Нортье (E. Magnou-Nortier), – опираться исключительно на оригиналы[74] (правда, сам Гансхоф допускает также возможность пользоваться современными оригиналу копиями)[75].

Грамоты с иммунитетными привилегиями выдавали в XIV в. главным образом великие князья, но не киевские, как в XII в., а московские, тверские, рязанские. Московские князья действовали обычно только от своего имени. Никаких ссылок на советников или союзников, подвигнувших их выдать грамоту, мы не находим. Таковы грамоты Ивана Калиты[76], Дмитрия Дон-

---

[67] АСЭИ. Т. III. № 480. С. 465–466.
[68] Там же. Т. II. № 42–45. С. 30–31.
[69] Там же. Т. III. № 86. С. 117–118.
[70] Там же. № 322. С. 350–352.
[71] ААЭ. Т. I. № 5. С. 2–3.
[72] Переиздана по ААЭ: АСЭИ. Т. III. № 116. С. 152–153.
[73] АСЭИ. Т. III. № 86. С. 117–118.
[74] *Ganshof F.-L.* Op. cit. P. 173, note 3; 175; *Magnou-Nortier E.* Op. cit. P. 476.
[75] *Ganshof F.-L.* Op. cit. P. 173, note 3; UM. Hannover, 2001. Th. I–II.
[76] ГВНП. № 86. С. 143.

ского[77] и Василия I Дмитриевича[78]. В тверской грамоте 60-х годов XIV в. кроме великого князя Василия Михайловича юридическими авторами документа являлись также его "братаничи", указанные в количестве семи человек[79]. Участие в выдаче грамоты удельных князей придавало ей значение не только пожалования монастырю, но и договора между князьями. Рязанский великий князь Олег Иванович выдал грамоту Ольгову монастырю, "сгадав" (посоветовавшись, договорившись) с епископом (владыкой Василием) и боярами (названо девять человек)[80]. Указанием бояр грамота Олега напоминает грамоты молдавских господарей конца XIV–XV в. Ссылки на советников встречаются и в более поздних рязанских грамотах, дошедших не в оригинале. Так, одну грамоту Солотчинскому монастырю Олег выдал, "поговоря с зятем своим с Иваном с Мирославичем" (бывший мурза Салахмир, женатый на сестре Олега – Анастасии)[81]. Другая грамота тому же монастырю была выдана Олегом единолично[82].

В грамотах ярославского князя Василия Давыдовича[83] и нижегородского князя Даниила Борисовича[84] употребляется княжеский, а не великокняжеский титул. В них, как и в московских актах, нет ссылок на советников и союзников, но Василий Давыдович рассматривает свою жалованную грамоту в качестве договора с архимандритом: "докончал есмь с архимандритом Пимином... пожаловал есмь". На рубеже XIV–XV вв. появляются жалованные грамоты удельных князей московского дома. Первым, кто стал их выдавать, был можайско-белозерский князь Андрей Дмитриевич, сын Дмитрия Донского[85]. Удельнокняжеские грамоты, как и грамоты московских великих князей, лишены ссылок на юридических соавторов акта.

Типы соотношения монастырского землевладения и иммунитета в XIV в. более разнообразны, чем в XII в. В грамоте Ивана Калиты Юрьеву монастырю иммунитет устанавливается для монастырских владений, происхождение которых неясно. Это просто "земля святаго Юрья на Волоце"[86]. Тут иммунитетное пожалование не связано прямо с пожалованием земли, как это было

---

[77] АСЭИ. Т. II. № 340. С. 338; Т. III. № 29. С. 52.
[78] *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. С. 342. № 1.
[79] АСЭИ. Т. III. № 116. С. 152.
[80] Там же. № 322. С. 350–351.
[81] Там же. № 324. С. 353, 550.
[82] Там же. № 325. С. 354.
[83] Там же. № 190. С. 204.
[84] Там же. № 480. С. 465.
[85] Там же. Т. II. № 42–46. С. 30–32.
[86] ГВНП. № 86. С. 143.

в грамотах князей XII в. Аналогичным образом Василий I Дмитриевич предоставляет Троице-Сергиеву монастырю иммунитет на соляные варницы "в Переяславле у Солци"[87], которые были приобретены монастырем до иммунитетного пожалования (их дал монастырю некий Иван Дмитриевич[88] – вероятно, Всеволож[89]). Напротив, в обеих грамотах Дмитрия Донского – чернецу Савве[90] и Чудову монастырю[91] – иммунитет фиксируется одновременно с передачей земли. Обе грамоты – меновные. Иммунитет предоставляется, естественно, на те земли, которые великий князь дает духовной корпорации в обмен на ее прежние владения. Таким образом, тут связь иммунитета с судебно-финансовым статусом княжеского домена очевидна.

Пожалование иммунитета вместе с землей составляет характерную особенность рязанских грамот. Великий князь Олег Рязанский "далъ" Ольгову монастырю и "придал" Солотчинскому монастырю земли, входившие, вероятно, в состав великокняжеского домена[92]. В грамотах нижегородских князей пожалование монастырям земли является главным содержанием акта, в то время как иммунитет фиксируется весьма неопределенно[93].

В ярославской и тверской грамотах иммунитет не связан с земельными пожалованиями. Он предоставлялся на объекты, видимо, уже давно находившиеся во владении ярославского Спасского[94] и тверского Отроча[95] монастырей. В обоих случаях можно предполагать, однако, что земли были даны монастырям предками князей-жалователей. Василий Давыдович договаривается со спасским архимандритом "по деда своего грамоте", а Василий Михайлович ссылается на грамоты своего отца.

Из четырех наиболее ранних грамот можайско-белозерского удельного князя Андрея Дмитриевича, содержащих разного рода привилегии, лишь одна устанавливает иммунитет одновременно с дарением княжеской земли[96]. В другой грамоте князь разрешает монастырю купить деревни и предоставляет на них иммунитет[97].

---

[87] *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. С. 342. № 1.
[88] АСЭИ. Т. I. № 31. С. 42.
[89] Там же. С. 594. № 31.
[90] Там же. Т. II. № 340. С. 338.
[91] Там же. Т. III. № 29. С. 52–53.
[92] Там же. № 322, 324, 325. С. 350–351, 353–354.
[93] Там же. № 294, 480. С. 321, 465.
[94] Там же. № 190. С. 204.
[95] Там же. № 116. С. 152.
[96] Там же. Т. II. № 44. С. 30–31.
[97] Там же. № 45. С. 31.

Остальные две грамоты не касаются вопроса о дарении или покупке земли[98].

Как обозначалась в документах та совокупность прав, которую монастыри получали в результате пожалования? Если в меровингских дипломах обычно употреблялся термин enmunitas, реже inmunitas[99], то в русских грамотах XIV в. никакого устойчивого определения иммунитета не было. Только в отдельных грамотах мы находим слова и обороты, которые выражают концепцию иммунитета. Так, в грамоте Ивана Калиты новгородскому Юрьеву монастырю иммунитет определяется словом "воля": "далъ есмъ имъ волю"[100]. В грамоте Олега Рязанского Ольгову монастырю читаем: "далъ есмь... манастырь... въ свободь"[101]. В грамоте тверских князей Отрочу монастырю пожалование приравнивается к "милостыне": "дали есмы сю милостыню"[102].

В определении существа иммунитетных прав грамоты XIV в. следуют различным схемам. Попытаемся дать сводку основных постановлений грамот, условно разделив их на типы. Тип I: пожалование пошлин вместе с землей (предлог "с" и названия пошлин в творительном падеже). Тип II: указание на то, к кому, с кем и во что "потянут" или не "потянут" монастырские люди. Тип III: установление подведомственности (или подданства) монастырских людей монастырю (может фиксироваться и в типе II). Тип IV: запрещение органам княжеской администрации и другим лицам посягать а) на монастырскую вотчину и б) на монастырских людей в плане нарушения их подданства монастырю. Тип V: разрешение монастырским людям не давать определенные налоги или пошлины (оборот "не надобе им" и перечень налогов и пошлин в именит.-винит. падеже). Тип Va: указание срока льготы. Тип Vб: оговорка о неперезыве тяглых людей. Тип Vв: запрещение игумену подчинять себе княжеских людей. Тип Vг: обязательство князя не "вступаться" в людей, перезванных монастырем. Тип VI: указание платежа, взимаемого в качестве компенсации за освобождение монастырской вотчины от налогов. Тип VII: оговорка о необходимости уплаты того или иного налога при особых обстоятельствах. Тип VIII: разрешение монастырским людям не выполнять какие-либо повинности ("дела") в пользу князя или его администрации. Тип VIIIa: запрещение требовать от монастырских людей выполнения повинностей. Тип IX: запрещение представителям адми-

[98] Там же. № 42, 43. С. 30.

[99] Форма inmunitas (а иногда и immunitas) чаще встречается в источниках начиная со времен Людовика Благочестивого (Louis le Pieux) (подробнее см.: *Ganshof F.L.* Op. cit. P. 173).

[100] ГВНП. № 86. С. 143.

[101] АСЭИ. Т. III. № 322. С. 351.

[102] Там же. № 116. С. 152.

нистрации и другим подданным князя въезжать в монастырскую вотчину. Тип IXа: запрещение устраивать в монастырской вотчине стан. Тип IXб: запрещение что-либо брать с монастырских людей. Тип X: запрещение княжеским агентам а) "всылать" в монастырскую вотчину; б) посылать непосредственно "по" монастырских людей, минуя игумена. Тип XI: запрещение представителям администрации 1) судить монастырских людей (в тяжбах между ними), 2) брать с них пошлины. Тип XIа: оговорка о преступлениях, остающихся в ведении княжеской администрации. Тип XII: фиксация юрисдикции монастыря в отношении монастырских людей. Тип XIII: разграничение полномочий княжеской администрации и монастыря при "смесном" суде. Тип XIV: установление подсудности самого настоятеля. Тип XIVа: признание права настоятеля распоряжаться монастырем по своему усмотрению. Тип XV: фиксация особых привилегий монастыря. Тип XVI: требование защищать монастырских людей. Тип XVII: обязательство защищать монастырь. Тип XVIII: право игумена назначить себе преемника.

Древнейшей была традиция пожалования пошлин вместе с землей. О ней мы уже говорили, рассматривая грамоту XII в. в. кн. Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю. В XIV в. эта форма определения иммунитета получила развитие в грамотах в. кн. Олега Рязанского Ольгову и Солотчинскому монастырям. Однако в них старая традиция сочетается с некоторыми новыми постановлениями. Так, в грамоте Ольгову монастырю две статьи типа I дополнены статьей типа III (фиксация подданства монастырских людей монастырю: "ать знают дом святой Богородици"), двумя статьями типа IVб (запрещение волостелям, данщикам и ямщикам посягать на монастырских людей) и статьей типа XV (особая привилегия: приписка другим почерком о даче монастырю рязанского мыта и побережного)[103]. Кроме того, князь обязывался защищать монастырь и его вотчину (статья типа XVII).

Архаизму формуляра этой грамоты не противоречит включение в нее постановления о мыте и побережном. Подобное постановление было по существу пожалованием бана, а не иммунитета. Такого рода привилегия закреплялась еще в грамоте Мстислава Юрьеву монастырю (статья об осеннем полюдье). Уникально в грамоте Олега разрешение игумену избрать себе преемника (тип XVIII).

Грамота Олега Рязанского Солотчинскому монастырю на Савицкий остров содержит статью типа I, за которой следует статья типа IX (о невъезде волостелей, чашников, ключников, поездовых, ямника, боровника и княжеских "ловчан")[104]. Другая грамота

[103] Там же. № 322. С. 350–351.
[104] Там же. № 325. С. 354.

Олега Солотчинскому монастырю – на Федорково селище – не имеет статьи I типа. Она начинается с постановлений типа V–Va (освобождение от "тягости" на 3 года). Далее идет статья типа IX (о невъезде ямщика, боровщика и бобровника). Весьма оригинально сформулировано следующее за тем постановление типа III – о подведомственности монастырских людей монастырю: "а резанью, и с 60, виною и с поличным, а те знают святую Богородицу и игумена Федора"[105]. Тут указаны пошлины, обычно упоминаемые в статье типа I, но в этом контексте они фигурируют не как атрибут земельной собственности, а как атрибут власти монастыря.

Оборот типа I употреблен в грамоте можайско-белозерского князя Андрея Дмитриевича Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Великое: "со всеми пошлинами"[106]. Постепенное изживание оборота типа I не привело к полному его исчезновению даже в XVI в. В начале XVI в. новгородские помещики получали жалованные грамоты на земли "з доходом з денежным и хлебным и с мелким доходом, опричь моеи, великого князя, обежные дани"[107]. Во франкских дипломах земля могла дариться "с иммунитетом": "cum emunitate nostra", "sub integra emunitate"[108].

Кроме постановлений типа I, фиксирующих предоставление пошлин вместе с землей, к XII в. восходит традиция определять тягловую подведомственность монастырских людей (тип II). Еще в грамоте Изяслава Мстиславича, если верить в аутентичность ее списка, найденного В.И. Корецким, монастырских смердов запрещалось "потянути" в какие-либо потуги к князю, епископу, городу или к другим смердам. Одновременно формулировалась их обязанность "потянути... ко святому Пантелемону в монастырь к игумену и к братьи"[109]. Из двух возможных формулировок тягловой подведомственности – негативной и позитивной – составитель грамоты Дмитрия Донского Чудову монастырю использовал позитивную: "А хто людеи имет жити в том заводе, потянуть к михаиловскому архимандриту судом и всякими делы"[110]. Противоположное по смыслу постановление находим в грамоте кн. Василия Давыдовича ярославскому Спасскому монастырю, но оно касается не основного населения монастырской вотчины, а только половников, которые должны работать на монастырь на условиях

---

[105] Там же. № 324. С. 353–354.

[106] Там же. Т. II. № 44. С. 30–31.

[107] *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. С. 143; ср.: *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал: Новые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М., 1905. [Т. 1]: Документы. С. 4–6, 23–24, 32.

[108] *Kroell M.* Op. cit. P. 55, 56, 59–61.

[109] *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 204.

[110] АСЭИ. Т. III. № 29. С. 53.

исполы, не переходя в состав монастырских людей: "А кто будет людеи моих святаго Спаса в половницы, а те потянут ко мне данью и виною, до кого что доидет, а игумену ся не вступати"[111].

В отличие от грамоты Изяслава в обеих цитированных грамотах XIV в. оборот типа II начинается словами: "А хто людеи..." или "А кто будет людеи...". Этот оборот предполагает, что состав населения монастырской вотчины может пополняться за счет новых, пришлых людей. Такое начало сближает оборот типа II с началом оборота типа V, которого в грамотах XII в. мы не наблюдаем. Если Изяслав устанавливал иммунитет только для смердов, которых он давал вместе с землей, то князья XIV в. распространяют его на всех, кто придет и поселится в монастырской вотчине. Поскольку население ее пополнялось, в частности, за счет людей вольных, необходимо было обеспечить власть монастыря над ними посредством отрицания прав княжеской администрации в отношении этих людей. Применительно к Франкскому государству VII в. Крёль правильно замечает, что именно приток свободных новопоселенцев делал иммунитет крупных вотчинников уязвимым, ибо в их владения поступали люди, до тех пор находившиеся под другой юрисдикцией, и агенты государя сохраняли по отношению к ним право налогообложения, суда и расправы, в связи с чем только пожалование иммунитета могло обеспечить земельному собственнику власть над всем населением его владения[112].

В грамоте Ивана Калиты новгородскому Юрьеву монастырю мы наблюдаем интересное сочетание старой формулы типа II, дающей монастырским людям право не "потянути къ городу", с новой формулой "не надобе имъ" (тип V): "не надобе имъ потянути къ городу ни в которою дань, ни въ подводы, ни в кормы, ни въ станъ, ни въ которыи проторъ". Грамота содержит также постановления типа XI–XIa (о неподсудности волоцким волостелям, "опроче татбы и розбоя и душегубства"), XII (о праве монастырского суда), XVI (требование "блюсти, а не обидети" монастырских людей), XV (особая привилегия на случай розмирья с Новгородом), Vб (о неперезыве монастырем тяглых людей). Таким образом, хотя в грамоте и можно заметить следы прежней новгородской традиции (оборот типа II), в целом здесь представлен совершенно новый формуляр, подобных которому в XII в. не было.

Новыми и подробно разработанными являются формуляры ярославской и тверской грамот. В ярославской грамоте иммунитетный раздел начинается с постановления типа VI (о взимании с монастырской вотчины 2 руб.). За ним следуют постановления типа V ("не надобе" + перечисление налогов и пошлин), IXa, IXб

---

[111] Там же. № 190. С. 204.

[112] *Kroell M.* Op. cit. P. 102–107.

(запрещение устраивать в монастырских селах стан и брать дворовое), IX (запрещение становщику въезжать), VIIIa (запрещение бегоулям брать монастырских людей в сторожу и в кормы), Хб (запрещение судьям посылать в монастырскую вотчину своих дворян, минуя игумена), XIII (о смесном суде), XII (о монастырской юрисдикции), XI, 1–2 (запрещение княжеским судьям разбирать тяжбы между монастырскими людьми), Vг (о невступлении князя "в людей", перезванных монастырем из другой волости), II, Vв (о половниках, которые потянут к князю "данью и виною" и запрещении игумену в них вступаться), XV (о беспошлинном "торговании на дом святаго Спаса"; о перевозе и бобровом); XVII (о защите монастыря), XIVa (о праве настоятеля распоряжаться монастырем: "А дал есмь дом святаго Спаса на руце отцу своему, примыслит ли, умыслит ли").

В этой грамоте фиксация иммунитетных прав сочетается с предоставлением особых привилегий: таково право беспошлинной торговли монастырских "крылошан и чернцов" и, видимо, право монастыря держать перевоз и пользоваться бобровыми реками ("А перевоз и реки бобровые, а то по давнеи пошлине"). Право держать перевоз являлось привилегией типа бана.

В заключение отметим некоторые черты сходства и различия ранних иммунитетных грамот, выданных русским монастырям, и меровингских дипломов. Во-первых, и те и другие акты выдавались от имени правящего государя (короля во Франкском государстве, великого князя на Руси). Наделение монастыря иммунитетными привилегиями предстает как прерогатива верховной власти. Во-вторых, ранние освобождения касаются и тут и там налогов, связанных с землевладением монастырей. Пожалование таможенных привилегий начинает практиковаться в обоих регионах позже (на Руси – лишь с XIV в.). В-третьих, грамоты великих князей в некоторых случаях содержат статьи о защите настоятеля монастыря и монастыря в целом.

Русские акты не предоставляют монастырской братии права самостоятельного выбора настоятеля. Правда, в них нет и запрещения его выбирать. Только Олег Рязанский дал настоятелю Ольгова монастыря право самому избрать себе преемника.

В подлинных дипломах меровингских королей отсутствуют статьи о королевской защите и праве монастырей самостоятельно выбирать настоятеля. Впервые эти привилегии появляются в грамотах арпульфингских майордомов к их титорским монастырям в VIII в.[113]

---

[113] *Кёльцер Т.* Император Людовик Благочестивый в зеркале его грамот // ПИ. М., 2010. С. 32–34.

Глава III

К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БУМАГИ НА РУСИ В XIV–XVI ВЕКАХ

До середины XIV в. единственным материалом для написания официальных актов на Руси был пергамен. Письма и черновики актов писались также на бересте. Важное значение для развития канцелярской деятельности приобрел новый писчий материал – бумага. Первые попытки наладить собственное производство бумаги в России относятся к середине XVI в.[1], однако эти намерения всерьез реализовались только во второй половине XVII – начале XVIII в. В XIV – первой половине XVII в. Россия пользовалась исключительно привозной бумагой.

До недавнего времени было принято считать, что наиболее ранние бумажные рукописи появились на Руси в середине XIV в.[2]. В 1987 г. О.А. Князевская и Л.В. Мошкова опубликовали заметку, где сообщалось, что рукопись так называемой Архивской Лествицы[3], которую авторы датируют XIII в., написана "в прокладку" на пергамене и бумаге. В восьмилистных тетрадях, составляющих книгу, листы № 1 и 8, 4 и 5 – пергаменные, а № 2 и 7, 3 и 6 – бумажные. "Бумага плотная, хорошо лощеная, без водяных знаков. По качеству выделки она близка к бумаге византийских рукописей XII–XIII вв. ... В данном случае зафиксировано самое раннее употребление бумаги в качестве писчего материала для древнерусских письменных источников"[4].

---

[1] См., например: *Keenan E.L.* Paper for the Tsar: A Letter of Ivan IV of 1570 // Oxford Slavonic Papers. N.S. 1971. N 4. P. 21–29; *Клепиков С.А.* О допетровской бумаге и "бумаге для царя (письма Ивана IV)" Э. Кинана // Книга: Сб. статей. М., 1977. [Вып.] 28. С. 157–161; *Дашкевич Я.* Бумага для царя или государева бумага? О начале производства бумаги в Московском государстве XVI в. // Russia Mediaevalis. München, 1987. T. VI, Th. 1. S. 221–247.

[2] *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. С. 217–218.

[3] РГАДА. Ф. 181 (РО МГАМИД). № 452.

[4] *Князевская О.А., Мошкова Л.В.* Древние славяно-русские рукописи в Центральном государственном архиве древних актов СССР (Москва) // Russian linguistics. 1987. Vol. 11, № 2/3. P. 206; см. также: Каталог. Ч. 1. С. 98–99. № 35; *Гальченко М.Г.* О древнейшей восточнославянской рукописи, написанной на бумаге и пергамене ("в прокладку") // Книга в меняющемся мире: Седьмая научная

Принадлежность рукописи к XIII в. вызывает, однако, сомнения. Н.П. Лихачев указал три славянские рукописи XIV в., писанные вперемежку на пергамене и бумаге, и сделал следующий вывод: "Общее палеографическое наблюдение, которое можно высказать по поводу славянских манускриптов, писанных на пергамене и бумаге в прокладку, то – что подобные рукописи должны быть относимы исключительно к XIV столетию"[5]. Среди исследователей, занимавшихся рукописью Лествицы, нет полного единодушия в датировке этого памятника, А.И. Соболевский (1884 г.), П.В. Владимиров (1890 г.), Н.Б. Шеломанова (1966 г.) предлагали широкую датировку – XIII–XIV вв., Н.В. Волков (1897 г.), Н.Н. Дурново (1927 г., переизд. 1969 г.) – более узкую – XIII в. Авторы двух новейших каталогов славянорусских рукописных книг (О.А. Князевская и др.) отнесли возникновение рукописи ко второй половине XIII в.[6] На л. 86 рукописи имеется киноварная запись на нижнем поле: "В лѣт*м*(о) 6727, м(е)*с*(я)ца сем*т*ября въ 14, соуботѣ..." В переводе на эру от Рождества Христова это дает 1219 г.: 14 сентября приходится на субботу при мартовском начале года, поэтому из 6727 надо вычесть 5508, а не 5509.

А.И. Соболевский считал, что запись, датированная 6727 г., "едва ли указывает на 1219 год как на год написания рукописи; эта последняя, сколько мы можем судить по почерку, относится к несколько более позднему времени"[7]. Составители "Каталога... рукописных книг XI–XIV вв. ..." относят рассматриваемую запись по почерку к XV в.[8]. По аналогии с наблюдениями Л.В. Столяровой относительно надписей на книгах Новгородского Лазарева монастыря можно предположить, что данная запись воспроизводила более раннюю надпись на протографе, с которого писалась Лествица. Ни Соболевский, ни современные исследователи не рассматривают дату 6727 (1219) как указание на время написания рукописи.

Не только соображения Н.П. Лихачева о хронологии рукописей, написанных "в прокладку" на пергамене и бумаге, заставляют усомниться в датировке рукописи XIII в., но и наблюдения над самим кодексом. Во-первых, на некоторых бумажных листах Лествицы с трудом просматривается водяной знак. Увидел этот

конференция по проблемам книговедения. Секция рукописной книги: Тез. докл. М., 1992. С. 12–13.

[5] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXI.

[6] Сводный каталог. № 354. С. 300–301; Каталог. Ч. 1. № 35. С. 98–99.

[7] *Соболевский А.[И.]* Два древних памятника галицко-волынского наречия // Русский филологический вестник. Варшава, 1884. Т. 12, № 3/4. С. 99.

[8] Каталог. Ч. 1. С. 98.

знак и сделал набросок его контуров зам. директора РГАДА Ю.М. Эскин, которого автор настоящей книги привлек к просмотру рукописи. По рисунку Эскина филигрань показалась мне очень похожей на знак типа "сосуд с остроконечным дном" (amphore), приведенный Н.П. Лихачевым. Знак содержится в акте 1387 г., хранящемся в составе Литовской метрики[9]. Во-вторых, разлиновка пергамена и палеографические особенности текста указывают, по мнению Л.В. Столяровой, на 80-е годы XIV в.

От XIV в. дошло крайне мало русских рукописей, написанных на бумаге. Из состава документов, традиционно относимых к числу бумажных[10], надо исключить жалованную грамоту ярославского князя Василия Давидовича Спасскому Ярославскому монастырю, которая датируется примерно 20-ми годами XIV в.[11] (в старой литературе она обычно фигурирует с датой – "до 1345 г."). Подлинник грамоты не сохранился. В списке начала XIX в. сообщается, что грамота "писана на хартии". В русском языке слово "хартия", или "харатия", служило обозначением пергамена (от греческого τὰ χαρτία)[12], хотя в новогреческом и сербско-хорватском слово "χαρτί", "хартија" значит "бумага"[13]. Именно в этом последнем смысле понял слово "хартия" первый издатель ярославской грамоты Амвросий (1815 г.), от которого, видимо, и пошла традиция считать грамоту Василия Давидовича бумажной[14].

---

[9] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. III. № 520; ср.: Ч. II. С. 365.

[10] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 3; *Черепнин Л.В.* Русская палеография. С. 218.

[11] АСЭИ. Т. III. № 190. С. 204–205.

[12] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1361.

[13] *Иоаннидис А.А.* Новогреческо-русский словарь. М., 1961. С. 711; *Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957. С. 1037. В древнегреческом языке словом χάρτης обозначался писчий лист, сделанной из папируса (*Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2. С. 1767). В современном греческом языке для обозначения пергамена употребляются слова περγαμηνή и μεμβράνη (*Иоаннидис А.А.* Русско-новогреческий словарь, 2-е изд. М., 1983. С. 453).

[14] *Амвросий.* История российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 222; ср.: *Черкасова М.С.* Древнейшая ярославская жалованная грамота XIV в. // ВИД. Л., 1987. [Вып.] 19. С. 41, примеч. 14. Н.М. Карамзин не учел публикацию Амвросия и считал, что "сия грамота не была нигде напечатана: для того включаю оную здесь" (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Репринт. М., 1988. Кн. 1. Примечания к IV тому. Примеч. 328. Стб. 126–127). "История" Н.М. Карамзина вышла первым изданием в 1816 г., а вторым – в 1818 г. Вероятно, к тому времени автор не успел узнать о публикации Амвросия и изменить свое примечание, написанное, скорее всего, до 1815 г. Карамзин называет грамоту "харатейной" (Там же. Т. IV. Стб. 152), но не бумажной.

Самыми ранними русскими актами на бумаге следует признать договор смоленского великого князя Ивана Александровича с Ригой (первая половина XIV в.)[15] и договор московского великого князя Семена Ивановича с его братьями Иваном и Андреем (около 1350–1351 гг. – по Л.В. Черепнину, конец 40-х годов – 1350/51 г. – по А.А. Зимину, весна–лето 1348 г. – по В.А. Кучкину)[16]. Сильно обветшавшая грамота Семена еще до 1614 г. была наклеена на пергамен[17], а в XIX в. на плотную бумагу[18]. В ней просматриваются на свет только маленькие ошметки отклеившейся или неприклеившейся бумаги. Нам показалось, что на одном из таких клочков различается водяной знак в вице миниатюрной четырехлепестковой розетки[19], однако это впечатление может быть ложным, и надо ждать, когда встанет на очередь дня реставрация грамоты.

В бумаге грамоты Ивана Александровича просвечивает водяной знак в виде арбалета, известный как итальянская марка с 20-х годов XIV в.[20] Это, пожалуй, единственная русская грамота XIV в., в которой удается найти филигрань. Издатели "Смоленских грамот", правильно определив тип знака в бумаге грамоты Ивана Александровича (арбалет), сослались в общей форме на таблицы 22–23 альбома В. Мошина и С. Тралича, где помещен целый ряд знаков этого типа[21]. Однако ими не был выбран какой-либо один знак, который мог бы считаться наиболее близким к филиграни грамоты Ивана Александровича. Таковым является, на наш взгляд, знак № 197 (табл. 22). Он встречается в бумаге, употреблявшейся в Тревизо в 1325 и 1328 гг. и в Пизе в 1326 г.[22]

Филигрань грамоты Ивана Александровича была зарисована и измерена по моей просьбе А.В. Юрасовым, которому я приношу искреннюю благодарность[23]. Данная филигрань и знак № 197 весьма

---

[15] Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. М., 1963. С. 69–71. Иван Александрович был смоленским князем в 1313–1359 гг. (подробнее см. ниже).

[16] ДДГ. № 2. С. 11–13; *Зимин А.А.* ХДДГ. С. 279–280, 322; *Кучкин В.А.* Договор Калитовичей: (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24.

[17] ОЦА. С. 57 (л. 35 об.–36); ср.: ДДГ. С. 459 (л. 2 об.); ОАПП. С. 33 (л. 2 об.).

[18] ГДХР. № 15. С. 18.

[19] РГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище хартий и рукописей). Отд. I, рубр. II. № 1.

[20] Смоленские грамоты... С. 70 и примеч. 3; ср.: *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 37 (в Фабриано этот знак появляется в 1324 г. и употребляется до 1582 г.).

[21] Смоленские грамоты...С. 70, примеч. 3.

[22] *Mošin V.A., Traljić S.* Vodeni znakovi XIII–XIV vijeka. Zagreb, 1957. [T]. 1. S. 57; Table 22. N 197.

[23] Современный шифр грамоты: LNA LVVA. Ф. 8 (Внутренний архив Рижского магистрата). Оп. 3 (Caps. A). N 18.

близки по очертанию и размерам всех элементов[24]. У них длинная тетива (4,5 см в грамоте, 4,6 – в № 197), округлый верх ложи над дугой, высота которого в грамоте – 1 см, в № 197 – 0,6 см, ширина соответственно – 1,1 и 0,8. Общая протяженность ложи (ствола) сверху вниз равна в грамоте 6, в знаке № 197 – 5,8 см. Близки показатели длины клапана (ручки), составляюшей 2,2 см в грамоте, 2 см – в № 197. Отстояние нижнего конца клапана от ложи в обеих фигурах одинаковое – 0,9 см. Расстояние между правым (или левым) краем тетивы и нижним концом клапана в грамоте – 3,2 см, в знаке № 197 – 3 см. Часть ствола между дугой и тетивой составляет в грамоте 1,3 см, в № 197 – 1 см. Более существенна разница расстояний между нижним концом клапана и подножием ложи. В грамоте это расстояние равняется 0,5 см, в знаке № 197 – 1,05 см.

Таким образом, сравниваемые филиграни не абсолютно тождественны, чего обычно никогда и не бывает на практике, но весьма близки между собой по рисунку и размерам. Особенно показательно, что их ширина (длина тетивы) и высота (общая длина ложи) практически совпадают. Эти знаки вполне могли составлять пару при производстве бумаги двумя формами.

Вероятно, грамота Ивана Александровича, являющаяся договором с ливонским магистром и рижским епископом, была написана на бумаге, привезенной из Западной Европы в Ригу. Отсюда она и попала в Смоленск. Ее могли доставить немецкие послы вместе с проектом договора. В СГГД грамота датируется двояко: 1330 г. и 1330–1359 гг.[25] Ф.Г. Бунге относил грамоту к периоду около 1340 г.[26] Эта дата широко принята в историографии. В последнее время ее поддержал А.А. Горский[27]. Вместе с тем издатели "Смоленских грамот" считали, что особенности почерка документа ("ч" с глубокой чашей, старые типы "н" и "и") позволяют "отодвинуть время возможного написания грамоты к началу княжения Ивана Александровича"[28].

Однако что считать "началом" его княжения? Датированные известия об этом князе немногочисленны. Под 6821 (1312/13) г.

---

[24] Описание устройства арбалета и итальянские названия отдельных его частей см.: Balestra // Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti / Istituto Giovanni Treccani. [Roma], 1930–VIII. T. V. P. 960: arco – дуга; fusto, tiniere – ложа; calcio – подножие ложи; chiave, manetta – клапан, ручка.

[25] СГГД. Ч. II. № 8. С. [1] (оглавление), 10–11 (текст).

[26] *Bunge F.G.* Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Reval, 1855. Bd. II (1301–1367). S. 104–105.

[27] *Горский А.А.* Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.) // Средневековая Русь. М., 1996 [Вып.] 1. С. 81, 102, примеч. 42.

[28] Смоленские грамоты... С. 71.

Никоновская летопись сообщает о смерти смоленского князя Александра Глебовича, оставившего двух сыновей: Василия и Ивана[29]. Принадлежность Василия к числу сыновей Александра Глебовича была поставлена под сомнение Н.А. Баумгартеном, считавшим его сыном Романа Глебовича[30]. А.А. Горский опроверг концепцию Баумгартена ссылками на Тверскую летопись и на Рогожский летописец, где под 6822 г. (1313/14) г. говорится о смерти брянского князя Василия Александровича[31]. Можно полагать, что брат Василия, Иван Александрович, унаследовал смоленский престол сразу или вскоре после смерти отца, т.е. около 1313 г.

В 6842 (1333/34) г. на Смоленск приходил ратью брянский князь Дмитрий[32], который в Указателе к Никоновской летописи определяется как Дмитрий Романович[33] (двоюродный брат Ивана Александровича). На дочери Дмитрия Брянского (Феодосии) женился в 6849 (1340/41) г. московский князь Иван Иванович[34]. Большой поход против князя Ивана Александровича был предпринят по приказу хана Узбека ордынским "послом" Товлубием, вместе с которым под Смоленск пришли рязанский князь Иван Коротопол и пестрая по составу московская рать, посланная Иваном Калитой "по цареву повелению". В Рогожском летописце и Симеоновской летописи поход датируется 6847 г.[35], в ряде других летописей – 6848 г.[36]

Н.Г. Бережков считал появление даты 6848 в Московском своде и иных результатом ошибочного разделения статьи 6847 г. на две: 6847 и 6848 гг. В последнюю часть и попало известие о походе Товлубия[37]. Согласно летописям, Товлубий вышел из Орды "зимой", т.е. в декаб-

---

[29] ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 178.

[30] *Baumgarten N. de.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // Orientalia Christiana. Roma, 1934. Iunio. Vol. XXX-1. N 94. Table. XVII. N 14. P. 94–95, 100–101.

[31] ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 408; 2-е изд. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 36; *Горский А.А.* Указ. соч. С. 80, 101, примеч. 32.

[32] ПСРЛ. Т. 10. С. 206.

[33] ПСРЛ. Пг., 1918. Т. 14, вторая половина. С. 49. В ряде летописей под 6819 (1310/11) г. рассказывается о походе новгородцев на емь с князем Дмитрием Романовичем (Новг. I, Новг. IV, Воскресенская и др.). Этот Дмитрий Романович в литературе отождествляется с брянским князем, сыном Романа Глебовича (см., например: *Baumgarten N. de.* Op. cit. Table XVII. N 16. P. 95, 101; *Горский А.А.* Указ. соч. С. 31).

[34] ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 207; Т. 10. С. 213; СПб., 1910. Т. 23. С. 106; Пг., 1921. Т. 24. С. 118 и др.; см. также: *Baumgarten N. de.* Op. cit. Table II, N 12; Table XVII, N 24. P. 13, 15, 95, 103.

[35] ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 92–93; Пг., 1922. Т. 15. 2-е изд. Вып. 1. Стб. 51–52.

[36] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 172 и др.

[37] *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 296, 345, примеч. 17.

ре феврале. Считая указанный в летописях 6847 год мартовским, поход можно датировать декабрем 1339 – февралем 1340 г. Поскольку московскую рать послал Иван Калита, начало похода едва ли могло иметь место позже февраля 1340 г. (Калита умер 31 марта 1340 г.). А.А. Горский относит поход к зиме 1339/40 г.[38] Осада Смоленска Товлубием и рязанско-московскими войсками оказалась короткой и безрезультатной: "и стояша у града немного, дни 8, и поидоша прочь, граду не успевше ничто же"[39]. Умер Иван Александрович лет через 19 после этого события – в 6867 (1358/59) г.[40]

Договор Ивана Александровича с немецким магистром датируют временем около 1340 г., мотивируя это тем, что в грамоте упомянут Гедимин в качестве "брата старейшего" смоленского великого князя. Признание сюзеренитета Гедимина Иваном Александровичем и вызвало, по мнению А.Н. Насонова, поход Товлубия[41]. В соответствии с такой логикой составление договора надо отнести к периоду до зимы 1339/40 г. Однако нам представляется, что договор был заключен не перед походом 1339/40 г. или после него, а, скорее, после нападения на Смоленск брянского князя Дмитрия Романовича в 1333/34 г. В отличие от похода 1339/40 г., в 1333/34 г. враждующие стороны "бившеся много", после чего "взяша мир". Именно тогда надо было подтвердить великокняжеский титул Ивана Александровича, подкрепив его не только сюзеренитетом Гедимина, но и союзом с немецким орденом.

Если в Италии бумага с филигранью, наиболее близкой к водяному знаку грамоты Ивана Александровича, бытовала в 1325–1328 гг., она вполне могла попасть в Ригу и Смоленск до 1333/34 г. Между тем датировка грамоты 1340 г. делает промежуток между употреблением бумаги в стране-производителе и стране-потребителе слишком большим (12–15 лет). В любом случае договор Ивана Александровича является наиболее ранней русской грамотой, написанной на бумаге, договор же Семена с братьями датируется временем не раньше 1348–1351 гг.

О происхождении бумаги еще одного акта можно судить по характеру вержер. Имеем в виду жалованную грамоту московского великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Евсевке (около 1363–1374 гг.)[42]. По словам современного издателя, она "писана на тонкой хлопчатой бумаге (сморщившейся от сырости и по

[38] *Горский А.А.* Указ. соч. С. 81.

[39] ПСРЛ. Т. 25. С. 172.

[40] ПСРЛ. Т. 10. С. 231.

[41] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 112; *Горский А.А.* Указ. соч. С. 81.

[42] АСЭИ. Т. III. № 238. С. 259–260.

местам стянувшейся)"[43]. Н.П. Лихачев обнаружил в бумаге этой грамоты широкие вержеры, характерные для итальянской бумаги XIV в.[44] Он отмечал наличие широких вержер также в купчей грамоте Спасо-Прилуцкого монастыря начала XV в.[45]

Утраченный к настоящему времени подлинник духовной митрополита Алексея (около 1377 г.) был написан, по мнению И.М. Снегирева (40-е годы XIX в.), на лощеной бомбицине[46].

Сведения о бумаге других русских актов XIV – начала XV в. весьма неопределенны. Во всяком случае, в новейших изданиях этих документов нет никаких указаний на их водяные знаки[47]. Некоторые бумажные акты XIV в. в целях их сохранения еще до 1614 г. наклеивались на пергамен[48], позднее – на тонкую материю[49] или бумагу XVII–XIX вв.[50], что крайне затрудняет изучение их первичного материала.

В сфере изготовления актов пергамен на Руси XIV в. еще далеко не был вытеснен бумагой. Договоры князей с Новгородом и наказы новгородским послам традиционно писались на пергамене[51]. Княжеские[52] и не только княжеские[53] завещания составля-

---

[43] Там же. С. 260; ср.: ГДХР. № 19. С. 22.

[44] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXII.

[45] Там же. С. XXIII–XXIV. Автор датировал купчую 1400–1410 гг. на основании упоминания в ней игумена Михаила, третьего по счету в Спасо-Прилуцком монастыре. Грамота входила в собрание Н.П. Лихачева. Судя по отсутствию ее среди опубликованных актов Спасо-Прилуцкого монастыря XV – начала XVI в. (АСЭИ. Т. III. № 273–277. С. 288–293), документ надо считать утраченным.

[46] АСЭИ. Т. III. № 28. С. 50–52, особенно С. 51.

[47] См.: ДДГ. С. 562 (Таблица "Описание водяных знаков бумаги духовных и договорных грамот"); АСЭИ. Т. I. № 29. С. 40–41; Т. III. № 30, 191. С. 53, 205.

[48] См. известия описей 1614 и 1626 гг. о договорной грамоте Дмитрия Донского с удельным князем Владимиром Андреевичем Серпуховским – ОЦА. С. 57 (л. 35 об.); ДДГ. С. 461 (л. 6 об.); ОАПП. С. 35 (л. 6 об.). В описи 1626 г. говорится, что грамота писана при митрополите Пимене – ср. текст грамоты 1389 г. (ДДГ. № 11. С. 30–33). Имелись и более ранние грамоты тех же контрагентов, составленные при митрополите Алексее, около 1367 и 1374–1375 гг. (Там же. № 5, 7. С. 19–21, 23–24). В.Н. Шумилов указывает, что договорные грамоты Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем (около 1367, 1374–1375 и 1389 гг.) были подклеены в XVIII в. плотной бумагой (ГДХР. № 21, 25, 30. С. 23, 26, 28–29).

[49] АСЭИ. Т. I. № 3. С. 27.

[50] Там же. № 4. С. 27–28; Т. II. С. 18; Т. III. № 86, 192. С. 117–118, 205–206; ГДХР. № 35. С. 30 (см. также № 21, 25, 30. С. 23, 26, 28–29). Ср. выше, примеч. 25.

[51] ГВНП. № 4–15, 17, 18. С. 13–30, 32–34; ГДХР. № 5–12, 23, 24, 26. С. 12–16, 24–27.

[52] ДДГ. № 1, 4, 12. С. 7–11, 15–19, 33–37, 459–461 (л. 2 об.–3 об., 7–7 об.); ОЦА. С. 56 (л. 30 об., 31, 32, 33 об.); ОАПП. С. 33, 35–36 (л. 3–3 об., 7–7 об.); ГДХР. № 14, 17, 18, 32. С. 17–18, 21–22, 29.

[53] АСЭИ. Т. I. № 11. С. 31–32; ср.: Т. III. № 292. С. 316–319.

лись, как правило, на пергамене. Он же послужил материалом для ряда жалованных грамот[54], купчих[55].

Что касается древнерусских рукописных книг XIV в., то здесь пергамен преобладал абсолютно. По каталогу славяно-русских кодексов XI–XIV вв., хранящихся в РГАДА, прослеживается интересная закономерность: среди немногочисленных бумажных рукописей XIV в. нет ни одной древнерусской, но есть одна среднеболгарская[56] и одна сербская[57]. В древнерусских кодексах XIV в. бумага встречается только в виде вставок или замен, произведенных в XV–XVI вв.[58]

В составе различных фондов и коллекций российских архивохранилищ известно восемь датированных "славянских" кодексов XIV в., которые написаны на бумаге. Самый ранний из них – Евангелие 1348 г., являющееся переводом с греческого на болгарский и написанное в Болгарии[59]. Рукопись 1371 г. – "16 Слов Григория Богослова" – была создана на Афоне в сербском Хиландарском монастыре[60]. Устав церковный Лавры св. Саввы Иерусалимского 1372 г.[61] происходит с Ближнего Востока. Сборник Поучений Исаака Сирина 1381 г.[62] иногда фигурирует в историографии в числе "наиболее ранних из датированных рукописных книг, написанных на бумаге" (подразумевается – русских, по принадлежности рукописи библиотеке Троице-Сергиевого монастыря)[63]. Однако, согласно Арсению, эта рукопись имеет "правописание сербское", согласно Н.Б. Тихомирову – "среднеболгарское"[64]. Южнославянского происхождения также перевод Хронографа Георгия Амартола, сделанный в 1386 г.[65] Лествица Иоанна Синай-

---

[54] Там же. Т. III. № 116, 178, 190, 322. С. 152–153, 193, 204–205, 350–352; ГДХР. № 20. С. 23.

[55] АСЭИ. Т. II. № 1. С. 15.

[56] Каталог. Ч. 2. № 78. С. 175–176.

[57] Там же. № 76. С. 171–173.

[58] Там же. Ч. 1. № 42. С. 107–108; Ч. 2. № 132, 156. С. 255–259, 307–308.

[59] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. 78–80; Ч. II: Хронолог. указ. С. 15.

[60] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. 80–83. Лихачев датирует рукопись 1370 г., что неточно. Она была завершена 18 октября 6879, индикта 10. 10-й индикт для 6879 свидетельствует о мартовском или январском, а не сентябрьском начале года. Поэтому из 6879 для месяца октября надо вычесть 5508, а не 5509 (= 1371 г.).

[61] Там же. Ч. II: Хронолог. указ. С. 29.

[62] Там же. С. 36; Там же. Предм. указ. С. 268.

[63] См.: *Черепнин Л.В.* Русская палеография. С. 218.

[64] *Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. I. № 172 (1862). С. 150. Экземпляр НИОР РГБ, где сделана поправка рукой Н.Б. Тихомирова: "сербское" исправлено карандашом на "среднеболг.".

[65] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. II. Хронолог. указ. С. 38–39; Там же. Предм. указ. С. 401.

ского 1387 г.[66] – сербского извода[67]. Эта рукопись была написана митрополитом Киприаном во время его пребывания в Студийском монастыре в Константинополе[68]. В "Диоптре" Филиппа Пустынника 1388 г. бумага чередуется с пергаменом[69]. На л. 90 об.–91 рукой писца указано место возникновения рукописи – монастырь Иперивлепто в Константинополе[70]. К 1388 г. относится еще одна бумажная рукопись – служебная минея на октябрь[71]. Она содержит запись о создании ее в Богородицком Грачанском монастыре (ныне известен как Грачаница, находится на левом берегу р. Грачаницы на юге Сербии, в районе Косова). "Правописание" рукописи – "сербское"[72].

Таким образом, вероятно, все рассмотренные рукописные книги были созданы вне России и не могут характеризовать употребление в ней иностранной бумаги XIV в. Зато они показывают довольно широкое распространение итальянской бумаги у южных славян, в Византии и на Ближнем Востоке во второй половине XIV в.

Что касается недатированных бумажных кодексов русских хранилищ, отнесенных Н.П. Лихачевым к 40–90-м годам XIV в.[73], то бóльшая часть их также была создана сербскими и болгарскими писцами, в том числе и жившими на Афоне – в болгарском Зографском монастыре, в сербской Лавре Хиландарской и др. Происхождение отдельных сборников неясно, некоторые из них характеризуются в литературе как русские изводы[74], однако в этих рукописях нет указаний о написании их в том или ином русском центре.

Определенные данные об этом появляются только с XV в. Так, подробная выходная запись была сделана в Евангелии, на-

---

[66] Там же. Хронолог. указ. С. 39–40; Там же. Предм. указ. С. 269; Там же. Ч. I. С. 84.

[67] *Леонид.* Сведения. Вып. 2. № 29 (152). С. 127; Ср.: *Леонид.* Рукописи сербского письма XIII–XVIII века, находящиеся в библиотеках Московской губернии // Чтения ОИДР. М., 1891. Кн. 2. С. 4. № 30.

[68] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 1. С. 467.

[69] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXI; Там же. Ч. II. Хронолог. указ. С. 41.

[70] Описание рукописей Чудовского собрания / сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. № 15 (15). С. 11.

[71] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. 86; Ч. II. Хронолог. указ. С. 41.

[72] *Попов А.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872. № 146. С. 301–303.

[73] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. 210–245.

[74] См. в частности: Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для "Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно") // АЕ за 1965 год. М., 1966. № 769, 776, 819. С. 232, 235.

писанном на бумаге в Твери в Спасском кафедральном соборе в 1417 г.[75] Бумага этой рукописи, по-видимому, в основном итальянская (может быть, с каким-то добавлением французской). Среди водяных знаков различаются рожок с перевязью (cornet), оленья голова в профиль, лук со стрелой, звезда с крестом, цветок о пяти лепестках, полумесяц с крестом[76].

В бумаге наиболее раннего, Ипатьевского, списка Ипатьевской летописи Н.П. Лихачев обнаружил знаки "дельфин", "сидящая пантера" (un léopard acculé), "дракон" (un dragon), "гусь" (une oie), "лилия", "звезда над полулунием". Наличие этих знаков позволило автору высказать убеждение, что Ипатьевский список "написан на французской бумаге около 1425 года"[77].

Обращаясь к актовому материалу Северо-Восточной Руси XV – начала XVI в.[78], мы находим, что здесь раньше других стала употребляться бумага со знаком "якорь". Первый случай относится к 1417–1423 гг.[79], остальные – к 50–70-м годам XV в.[80] Знак "дельфин" встретился в одном акте 1428 г.[81], в более поздних он не попадается. Знак "корона" обнаружен в одном подлинном документе 1433 г.[82] и в списке, который датирован по филиграни 1421 г.[83] В дальнейшем "корона" встречается в документах начиная с конца 40-х годов XV в.[84]

Знак "ножницы" замечен только в одном акте 1434 г.[85] В более поздних документах его нет. Начиная с 30-х годов XV в. получает особое распространение бумага с водяным знаком "голова быка" разных вариантов. Насчитывается до 70 подлинных документов 1433–1505 гг., написанных на бумаге с этой филигранью[86]. Другой столь же часто фиксируемой в актах филиграни за рассматривае-

---

[75] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. 89.

[76] Там же. Ч. II. Хронолог. указ. С. 57. № 865–877.

[77] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 53.

[78] Учет водяных знаков велся по следующим изданиям: ДДГ; АСЭИ. Т. I–III; АФЗХ. Ч. II.

[79] ДДГ. № 21. С. 563.

[80] Там же. № 63, 65. С. 564; АСЭИ. Т. I. № 266, 271, 278, 304, 334, 340; Т. II. № 165, 170, 373, 388, 472; Т. III. № 207.

[81] ДДГ. № 24. С. 563; *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. 335.

[82] ДДГ. № 30. С. 563.

[83] Там же. № 12. С. 563.

[84] АСЭИ. Т. I. № 349; Т. II. № 101, 113, 172, 406; АФЗХ. Ч. II. № 11.

[85] ДДГ. № 34. С. 564.

[86] Там же. № 28, 35, 38, 45, 46, 51, 61, 64, 69–73, 75, 81, 82, 86, 90, 91, 99. С. 563–566; АСЭИ. Т. I. № 342, 351, 355, 401, 403, 416, 419, 444, 446, 451, 455, 457, 500, 533, 557, 607а, 619, 622, 652; Т. II. № 180, 188, 194, 232, 233, 238, 283, 287, 290, 323, 368, 416, 422, 423а, 470, 474; Т. III; № 44, 48, 54а, 100, 208–210, 214, 218, 249, 305, 500; АФЗХ. Ч. II. № 16, 34.

мый период найти не удается. В двух актах, датируемых примерно 1441–1461 гг., обнаружена филигрань "бык"[87].

В 1447 г. в качестве единичного знака, а с 70-х годов довольно широко встречается филигрань "готическая буква Р"[88]. В 1448–1488 гг. имела некоторое хождение также бумага с филигранью "гроздь винограда" или "виноградная лоза"[89]. В 40–50-х и в 80–90-х годах XV в. иногда употреблялась бумага с филигранью в виде гербового щита[90].

В середине XV в. единичные документы были написаны на бумаге с водяными знаками "крестик" (1445–1453 гг.)[91], "птица" (1445–1471 гг.)[92], "женская фигура" (1447 г.)[93], "олень" (1450–1478 гг.)[94], "топор" (1453, 1470 г.)[95], "медальон" (1455–1469 гг.)[96], "крепостные ворота" (1456 г.)[97], "буква В" (1459 г.)[98], "два шнура с кольцами" (1459/60 г.)[99].

С 60–70-х годов XV в. попадаются акты на бумаге со знаками "колонна" (1463–1478 гг.)[100], "голова мавра" (1465–1470 гг.)[101], "король[102] на троне" (1471 г.)[103], "колесо" (1473 г.)[104]. С 70–80-х годов встречаются в актах филиграни "герб Франции" (около 1470–1480-х годов)[105], "три горы" (1470–1482 гг.)[106], "голова совы" (1477–1494 гг.)[107], "готическая буква Y" (1478–1485 гг.)[108], "ангел" (1482/83 г.)[109].

---

[87] ДДГ. № 38. С. 564; АСЭИ. Т. III. № 37.

[88] ДДГ. № 48, 75. С. 564, 565; АСЭИ. Т. I. № 378, 430, 467, 512, 516, 531, 568, 609, 658; Т. II. № 253, 336, 397, 428, 463; Т. III. № 46, 68, 223, 346; АФЗХ. Ч. II. № 15.

[89] ДДГ. № 51. С. 564; АСЭИ. Т. I. № 508; Т. II. № 106, 107, 121, 193, 195, 235, 354, 361, 387; Т. III. № 55.

[90] ДДГ. № 38, 58. С. 564; АСЭИ. Т. II. № 273, 407.

[91] АСЭИ. Т. II. № 348.

[92] Там же. Т. I. № 400; Т. II. № 108, 345.

[93] ДДГ. № 45. С. 564.

[94] Там же. № 56. С. 564; АСЭИ. Т. I. № 385.

[95] АСЭИ. Т. I. № 243, 393.

[96] Там же. Т. II. № 326; Т. III. № 56.

[97] Там же. Т. II. № 169.

[98] Там же. Т. I. № 280; ср.: Т. II. № 333 (1493 г.).

[99] Там же. Т. II. № 171.

[100] Там же. Т. III. № 200.

[101] Там же. Т. II. № 383.

[102] Не папа ли римский?

[103] АСЭИ. Т. I. № 399.

[104] Там же. Т. III. № 67а.

[105] Там же. Т. I. № 481.

[106] Там же. Т. II. № 327, 476.

[107] АФЗХ. Ч. II. № 2.

[108] ДДГ. № 79. С. 565; АСЭИ. Т. III. № 231, 477.

[109] АСЭИ. Т. II. № 261.

С середины 80-х годов XV в. начинает употребляться бумага с филигранью "собака" (1484–1490 гг.)[110]. В 80-х годах изредка встречается бумага с филигранью "розетка" (1484–1488 гг.)[111], "сидящий человек" (1485 г.)[112], "единорог" (около 1486 г.)[113]. С начала 90-х годов XV в. находит применение бумага, имеющая знаки "кувшинчик" (с 1490 г.)[114], "тиара" (с 1492 г.)[115], "рука" (с 1492 г.)[116], "звезда" (1495–1499 гг.)[117]. В бумаге отдельных актов 90-х годов содержатся филиграни "чаша" (1490–1496 гг.)[118] и "черепаха" (1492 г.)[119].

Этот обзор не является, конечно, исчерпывающим. Надо иметь в виду, что в изданиях актов сами знаки не воспроизводятся, многие из них определены по фрагментам, не вполне уверенно. В целом ряде случаев публикация документа сопровождается замечанием о невозможности увидеть или разобрать водяной знак (подобных указаний мы насчитали 54 для подлинников[120] и 8 – для списков[121]). Некоторые подлинники (особенно первой четверти XV в.) изданы вообще без каких-либо сведений о филигранях, что, вероятно, надо считать признаком их отсутствия. Кроме того, учет знаков по актам следовало бы дополнить учетом их по кодексам XV в.[122]

---

[110] Там же. № 266, 481.

[111] Там же. Т. I. № 509.

[112] Там же. Т. I. № 396.

[113] ДДГ. № 80. С. 565.

[114] АСЭИ. Т. II. № 402; Т. III. № 215; ср.: Т. I. № 660; ДДГ. № 17–18, 95. С. 563, 566; АФЗХ. Ч. II. № 29.

[115] АСЭИ. Т. I. № 577, 651; Т. II. № 285, 289, 309, 338, 415, 417, 430; Т. III. № 185, 213, 224, 471; АФЗХ. Ч. II. № 22, 38.

[116] ДДГ. № 93. С. 566; АСЭИ. Т. I. № 653; Т. II. № 286, 303, 304, 306, 307, 336, 414, 429.

[117] АСЭИ. Т. I. № 583, 586; Т. II. № 487.

[118] АСЭИ. Т. II. № 484.

[119] Там же. Т. I. № 567.

[120] Там же. № 192, 224, 237, 240, 251, 257, 339, 346, 352, 373, 375, 446, 491, 519, 522, 601, 608, 641; Т. II. № 68, 110, 112, 185, 196–198, 203, 249, 268, 278, 284, 294, 298, 322, 364, 366, 382, 399, 450, 467а, 496; Т. III. № 32, 47, 49, 87, 89, 230, 247, 260, 273, 275, 323а, 465, 487; АФЗХ. Ч. II. № 1.

[121] АСЭИ. Т. I. № 287, 335, 473, 490; Т. II. № 330, 332; Т. III. № 13, 21.

[122] В дальнейшем для такой работы открываются широкие возможности в связи с приведением в известность общего состава кодексов XV в. (см.: Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (часть "Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР") / сост. А.А. Турилов. М., 1986). Более ранний случай употребления бумаги с филигранью "кувшинчик" представляет указная грамота в.кн. Ивана Ивановича Молодого 1484/85 г. шухомашским волостелям Несвидским (Гос. архив Ивановской обл. Ф. 22. Ед. хр. 1. Л. 2–2 об.). Этот подлинник, вклеенный в копийную книгу XVIII–XIX вв., обнаружила Е.В. Гувакова. Он изучался мною de visu и в сравнении с фотокопиями, любезно предоставленными мне Е.В. Гуваковой. Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина / сост. альбома филиграней и автор исслед. Е.М. Шварц. М.; Л., 1989.

В Западной Руси XIV – начала XVI в. акты писались на привозной бумаге в основном тех же типов, что и в Северо-Восточной Руси. Об этом можно судить, в частности, по водяным знакам, которые выявила А.Л. Хорошкевич в подлинниках полоцких грамот, хранящихся в Латвийском историческом архиве (LNA LVVA; в прошлом – ЦГИА Латвийской ССР). Достоинством работы А.Л. Хорошкевич является то, что филиграни в ней не только упомянуты и идентифицированы, но и воспроизведены.

В конце XIV – начале XV в. в Полоцке использовалась бумага с водяным знаком "ключи" (два перекрещенных ключа – разрешающий и вяжущий – эмблема папской власти) (1397 г.)[123], геральдическая лилия", увенчанная андреевским крестом на вертикальном стержне (1405 г.)[124], "единорог" (1408 г.)[125], "три горы" (1409 г.)[126]. В грамоте 1420 г. обнаружена филигрань, которую А.Л. Хорошкевич определяет как "три луча"[127]. Возможно, это фрагмент знака типа "звезда". К тому же году относится, кажется, документ с водяным знаком "голова оленя"[128]. Далее, после перерыва в четверть века, во второй половине 40-х годов XV столетия, наблюдаем наплыв бумаги с водяными знаками. В это время наиболее распространенной была филигрань "голова быка" (одна грамота до 1446 г.[129], две – 1448 г.[130]). Из других водяных знаков встречаются "бык" (1446 г.)[131], "виноградная гроздь" (документ до 1446 г.)[132], "лук со стрелой" (1449 г.)[133].

Затем следуют акты 1459 г. В них видим "виноградную гроздь"[134], довольно близкую по форме и размерам к знаку грамоты, датируемой временем около 1446 г., и более редкий знак – "трезубец"[135]. Для грамот 60-х годов XV в. самой характерной маркой была "голова быка". Фиксируется семь случаев ее употребления[136]. Дважды встречается "якорь" с прямым крестиком

---

[123] Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1989. [Вып. VI]: Указатели. С. 198, 205. № 43.

[124] Там же. С. 198, 206. № 48.

[125] Там же. С. 198, 205. № 42.

[126] Там же. С. 198, 206. № 42 (по А.Л. Хорошкевич – "трехгорье").

[127] Там же. С. 198, 205. № 41.

[128] Там же. № 40.

[129] Там же. С. 196, 200. № 14. А.Л. Хорошкевич говорит о голове "с развесистыми ушами", принимая за уши широко расставленные рога.

[130] Там же. С. 197, 201, 202. № 23, 26.

[131] Там же. С. 196, 199. № 1.

[132] Там же. № 2.

[133] Там же. С. 198, 206. № 49.

[134] Там же. С. 196, 199, № 3.

[135] Там же. С. 198, 206. № 53.

[136] Там же. С. 196–198, 201, 202, 204, 205. № 16 (1464 г.), 17 (1465 г.), 18 (1464–1465 гг.), 19 (1464 г.), 21 (1464–1465 гг.), 27 (1463 г.), 37 (1470 г.).

книзу[137]. Известна также бумага со знаками "перекрещенные пушки" с крестом над ними (1464 г.)[138], "греческий крест" прихотливой формы (1469, 1470 гг.)[139], "корона" (без точной даты)[140], "перстень" (1470 г.)[141].

В 70-х годах XV в. в полоцких грамотах по-прежнему преобладает филигрань "голова быка". Более половины маркированных документов этого периода, 8 из 15, содержат филигрань данного типа[142]. Мы не решаемся прибавить к ним еще два знака, которые А.Л. Хорошкевич определяет как "голову быка", но которые по виду совсем на нее не похожи (в одном случае фрагмент знака напоминает улитку или загнутое птичье перо[143], в другом – часть гербового щита[144]). Знаками 70-х годов являются, кроме того, "виноградная лоза" (с гроздью внутри)[145], "скребница"[146], "готическая буква Y"[147]. "Готическая буква P" наблюдается в бумаге двух документов: 1477–1484 гг.[148] и 1480 г.[149] Широкая дата первого из них не позволяет уверенно причислить его к грамотам 70-х годов.

В 80-х годах XV в. распространенным знаком остается "голова быка" (обычно со змеей, обвивающейся вокруг креста, который венчает голову)[150]. Встречаются и другие марки: "готическая буква P" без украшений[151], "готическая буква Y" с голым стержнем наверху[152], "гора"[153], состоящая из трех рядов горок, расположенных снизу вверх в порядке убывающей арифметической прогрессии: 3.2.1; над верхней горкой – узкий и длинный обелиск, увенчанный короной[154].

---

[137] Там же. С. 198, 207. № 56 (1464 г.), 57 (1470 г.).

[138] Там же. С. 198, 206. № 51.

[139] Там же. С. 198, 205. № 45.

[140] Там же. № 44.

[141] Там же. С. 198, 206. № 50.

[142] Там же. С. 197, 198, 201–204. № 20 (1473 г.), 22 (1472, 1475 гг.), 25 (1480 г.), 33 (1480 г.), 34 (1476–1477 гг.), 35 (1476–1481 гг.), 36 (1476 г.).

[143] Там же. С. 198, 204. № 38 (1476–1477 гг.).

[144] Там же. № 39 (1460-е – 1470-е годы).

[145] Там же. С. 196, 199. № 4 (1471 г.).

[146] Там же. С. 198, 206. № 52 (1478 г.).

[147] Там же. С. 196, 200. № 12 (1479–1480 гг.).

[148] Там же. № 8.

[149] Там же. С. 196, 199. № 7.

[150] Этот знак имеется в трех документах 1481 г. (Там же. С. 197, 202, 203. № 28, 29, 32) и в одном 1481–1488 гг. (Там же. С. 197, 203. № 31). Во втором выпуске "Полоцких грамот" последний из указанных документов датирован не 1481–1488, а 1482–1488 г. (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. М., 1978. [Вып.] II. С. 103. № 188).

[151] Полоцкие грамоты... [Вып. VI]. С. 196, 199. № 5 (1481 г.), 6 (1483 г.).

[152] Там же. С. 196, 200. № 13 (1482 г.).

[153] По определению А.Л. Хорошкевич – "трехгорье".

[154] Полоцкие грамоты... [Вып. VI]. С. 198, 207. № 55 (1487 г.).

90-е годы XV в. представлены в публикации А.Л. Хорошкевич всего двумя знаками, из которых один – "готическая буква Р" с четырехлепестковой розеткой[155], другой – ["голова быка"] со змеей, обвивающей крест[156]. Ненамного богаче и состав филиграней начала XVI в., найденных в бумаге полоцких грамот. Здесь мы видим дважды "готическую букву Р" (с трехлепестковым цветком[157] и четырехлепестковой розеткой[158]) и дважды же – "кувшинчик"[159].

Если в западнорусских актах бумага с филигранями систематически присутствует уже с конца XIV в., то ситуация с бумагой в Северо-Восточной Руси до 20-х годов XV в. остается неясной. От второй половины XIV – начала XV в. практически не дошло актов, относительно филиграней которых можно было бы сказать что-то определенное. Русские рукописные книги первой трети XV в. свидетельствуют об употреблении в них итальянской и французской бумаги. С 20–30-х годов XV в. знаки бумаги французского и итальянского происхождения начинают встречаться и в актах. По-видимому, на итальянской бумаге написаны акты со знаками "якорь", "ножницы", "бык", "топор" и некоторые другие. Но одновременно употреблялась и бумага французского производства, имеющая филигрань "дельфин". Что касается бумаги с литерой "Р", то вероятнее всего ее французское происхождение. С. Содби считал "Р" знаком Бургундии, началом имени "Philippe", которое носили некоторые бургундские герцоги: Philippe de Rouvre (1349–1361), Philippe Audax (1363–1404), Philippe le Bon (1419–1467)[160].

Распространение во второй половине XV в. бумаги с такими филигранями, как "герб Франции" и другие французские гербовые знаки, свидетельствует об увеличении ввоза французской бумаги. О том же говорит появление бумаги с филигранями "единорог" и "буква Y". В букве "Y" С. Содби видел начало имени и символ Изабеллы, третьей жены (с 1429 г.) бургундского герцога Филиппа Доброго[161]. Единорог был также бургундским символом[162]. Особенно усиливается приток французской бумаги в конце

---

[155] Там же. С. 196, 200. № 9. В дате знака здесь опечатка: "1469–1502"; во втором выпуске "Полоцких грамот" в заголовке документа указана другая, более правильная дата: 1496–1502 гг. (Полоцкие грамоты. [Вып.] II. С. 140. № 217.).

[156] Там же. [Вып. VI]. С. 197, 203. № 30 (1499 г.). Знак сохранился или воспроизведен фрагментарно: изображение самой головы отсутствует.

[157] Там же. С. 196, 200. № 10 (1508 г.).

[158] Там же. № 11 (1509 г.).

[159] Там же. С. 198, 205. № 46, 47 ("начало XVI в.", по определению А.Л. Хорошкевич).

[160] *Sotheby S.* Principia Typographica. L., 1858. Vol. 3. P. 75–76.

[161] Ibid. P. 79.

[162] Ibid. P. 61.

XV – начале XVI в. (бумага со знаками "собака", "кувшинчик", "рука" и т.д.).

Бумагу со знаком "голова быка", которая столь распространилась на Руси с 30-х годов XV в., принято считать немецкой[163]. Однако вопрос о ее происхождении едва ли может быть решен столь однозначно. Еще в конце XIV в. была известна итальянская бумага с этой филигранью[164]. На бумаге 40-х – первой половины 70-х годов XV в., использовавшейся в Полоцке, "голова быка" обычно дополнена сверху стержнем с небольшим андреевским крестом[165], реже – прямым крестом, над которым – цветок[166]. Картина резко меняется с 1476–1477 гг., когда над "головой быка" появляется королевская корона, увенчанная цветком[167]. Разумеется, это наблюдение нуждается в проверке на более широком круге источников. Тем не менее мы решаемся высказать некоторые предварительные соображения по поводу указанных перемен.

Андреевский крест был, как известно, эмблемой Бургундии (заимствован из Шотландии). Замена его около 1476–1477 гг. королевской короной, вероятно, связана с гибелью последнего бургундского герцога Карла Смелого в битве при Нанси в 1477 г. и последующим присоединением основной части Бургундского государства к Франции (бельгийские и голландские владения бургундских герцогов достались Габсбургам и были отвоеваны у них только при Людовике XIV). Вероятно, французские претензии на все бургундское наследство и выразились немедленно после сражения 1477 г. в появлении королевской короны над бургундской "головой быка". Эти претензии стали несколько менее заметными в маркировке бумаги в 80-х годах XV в., когда над "головой быка" возвысился прямой крест, обвитый змеей. Может быть, это уже было результатом немецкого влияния. Однако сама замена андреевского креста прямым говорит о прекращении использования характерного для "головы быка" бургундского символа, что объясняется исчезновением бургундской государственности.

---

[163] *Черепнин Л.В.* Русская палеография. С. 224.

[164] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 30. "Голова быка" (Testa di bue) – типичный знак бумаги, производившейся в XIV в., например, на мельницах Колле в Тоскане; см. об этом: *Bastianoni C.* Le cariere di Colle di val d'Elsa e i loro segni nella prima metà del secolo XIV // Produzione e commercio della carta e del libro secc. XIII–XVIII: Atti della "Ventitreesima Settimana di Studi" 15–20 aprile 1991 / A cura di Simonetta Cavaciocchi. (Istituto internazionale di storia economica "F. Datini" Prato. Serie II – Atti delle "Settimane di Studi" e altri Convegni; 23). Prato; Firenze, 1992 (далее – Produzione e commercio della carta...). P. 228.

[165] Полоцкие грамоты... [Вып. VI]. С. 196, 197, 201. № 16–22 (1448, 1464–1465, 1472–1473, 1475 гг.).

[166] Там же. С. 197, 202. № 26 (1448 г.).

[167] Там же. С. 197, 204. № 34 (1476–1477 гг.), 35 (1476–1481 гг.).

Требует внимания также вопрос о происхождении бумаги с филигранью "тиара". Н.П. Лихачев называл тиару "высокой короной с крестом". Он отмечал отсутствие этого знака во французских и голландских альбомах и предлагал считать его "германским"[168]. Наличие бумаги с "тиарой" свидетельствует об усилении проникновения немецкой бумаги на Русь в 90-х годах XV в. Вероятно, не вполне прекратился привоз сюда и итальянской бумаги. Например, встречающаяся в 60-х – начале 80-х годов бумага с филигранями "три горы", "колонна", "голова мавра" могла быть итальянской. Все эти предположения нуждаются, однако, в проверке. Происхождение бумаги каждой конкретной рукописи должно стать предметом особого исследования. Только после проведения серии таких исследований мы сможем дать достоверную картину распространения иностранной бумаги в России XV в.

В первой половине XVI в. наиболее употребительной на Руси была французская бумага. В рукописях этого времени часто встречаются филиграни "буква Р", "рука", "кувшинчик", "герб Франции", "единорог", "собака", "круг", "змея", "геральдическая лилия", "корона" и т.п. Во второй половине XVI в. широко распространилась французская бумага со знаками "рука", "кувшинчик", "герб г. Парижа", "сфера" и др. Книга "Апостол" была напечатана в 1564 г. в Москве на французской бумаге с водяными знаками "кораблик" (герб г. Парижа) и "маленькая сфера"[169].

Продолжала поступать в Россию и немецкая бумага. Кроме бумаги со знаками "голова быка" и "тиара", проникала бумага с "вепрем", "орлом" и различными немецкими гербами. Одна из вставок (начала 40-х годов XVI в.) в старейшую копийную книгу Троице-Сергиева монастыря была сделана на бумаге с орлом[170]. Употребление бумаги с немецкими гербами характерно для второй половины XVI в. Так, копийная книга Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в.[171] объединяет в себе французскую бумагу

---

[168] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 68.

[169] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. CLXXXVII. Об использовании французской бумаги с водяными знаками разных типов в 70-х годах XVI в., в частности при составлении Лицевого свода, см.: *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Опыт комплексного источниковедческого исследования: Дис. … д-ра ист. наук. Л., 1991. С. 215–334; *Он же.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. С. 145–222.

[170] НИОР РГБ. Ф. 303. № 518. Л. 334–335 об.; *Каштанов С.М.* Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // Перечень актов архива Троице-Сергиева монастыря: 1505–1537. М., 2007. С. 37, примеч. 100.

[171] НИОР РГБ. Ф. 303. № 519; *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 40–41; *Он же.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 268–305.

с филигранью "кувшинчик" и немецкую бумагу с филигранью "герб г. Шробенхаузена" в Баварии[172].

Польская бумага доставлялась в Россию (вероятно, в небольшом количестве) уже в первой половине XVI в. В одном документе Троице-Сергиева монастыря 1526/27 г. находим водяной знак в виде польского герба "Гоздава" (тип двойной лилии)[173]. С середины и особенно в последней четверти XVI в. употребление польской бумаги учащается. В бумаге нескольких русских рукописей 70–90-х годов XVI в. Н.П. Лихачев установил наличие таких типично польских знаков, как "одноглавый польский орел", "герб Лбданк", "герб Гоздава", "герб Старжа или Топор", "герб Слеповрон", "герб Тенпаподкова"[174]. А.А. Амосов связал с деятельностью каунасской мельницы проникновение в Москву в первой половине 70-х годов XVI в. бумаги, содержащей особую разновидность филиграни "двойная лилия"[175].

Размышляя о путях проникновения бумаги в Россию в XIV – первой половине XVI в., Н.П. Лихачев выдвинул первоначально (1891 г.) следующую гипотезу: "Нетрудно наметить несколько пунктов, через которые древняя Русь могла получать бумагу. Такими пунктами являются: 1) Астрахань для восточной хорассанской и персидской бумаги, 2) Кафа – для бумаги итальянской, 3) Рига и Новгород – для бумаги французской и голландской. Кроме того, из Польши могла привозиться бумага германская и польская"[176]. Впоследствии (1899 г.) Лихачев отказался от мысли, что Россия приобретала и использовала восточную бумагу. Он писал: "... нет ни одного известия о привозе восточной писчей бумаги"[177]; "...мне неизвестно ни одной старой русской рукописи, ни одного документа, написанного на восточной бумаге"[178].

Л.В. Черепнин (1956 г.) повторил, однако, раннюю гипотезу Н.П. Лихачева относительно привоза восточной бумаги: "Через Астрахань могла поступать в Россию бумага с Востока (из Сред-

---

[172] *Briquet C.M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600: A facsimile of the 1907 edition with supplementary material contributed by a number of scholars / Ed. by Allan Stevenson. Amsterdam, 1968. T. I–IV. № 2238; ср.: *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 67. Табл. 49. № 428, 429; *Он же.* Палеогр. знач. Ч. I. С. 359; Ч. III. № 3075, 4029.

[173] АРГ. № 296.

[174] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 72–73.

[175] *Амосов А.А.* Указ. дис. С. 299–309; *Он же.* Лицевой летописный свод... С. 199–205.

[176] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 9; ср. С. 28; *Бахтиаров А.* История бумажного листа: Историко-технический очерк. Б.м., [1905]. С. 15; *Маньков А.Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 241.

[177] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. LXIV.

[178] Там же. С. LXV.

ней Азии и Ирана)"[179]. Вместе с тем он исключил Астрахань из общего перечня пунктов, через которые, по мысли Лихачева, шла в Россию "иностранная бумага", но добавил сюда Смоленск: "Иностранная бумага ввозилась в Русское государство: 1) с юга, через Кафу; 2) через Ригу и Новгород (при посредстве ганзейских купцов); 3) через Смоленск"[180]. Неизвестно, какую бумагу (уж не восточную ли?) имеют в виду О.А. Князевская и Л.В. Мошкова, говоря, что бумага Архивской Лествицы РГАДА (Ф. 181. № 452) "близка к бумаге византийских рукописей XII–XIII вв." (об этом см. выше).

В дореволюционных изданиях и описаниях рукописей бумага XIV – начала XV в. нередко характеризуется как "бомбицина". Под carta bombycina в средние века подразумевалась бумага, сделанная из шелка (но не из хлопка, как долго считалось в литературе). Однако позднее было найдено дешевое сырье для производства бумаги – бумазея: ткань из смеси льняных нитей и хлопчатых волокон. Характер бумаги зависел от соотношения этих элементов[181]. Вероятно, в ранней бумаге из бумазейного тряпья (Brachentlumpen) процент хлопчатых волокон был достаточно велик, что придавало ей такой вид, который побуждал издателей и авторов каталогов называть ее "бомбициной" (неверно понимаемой в качестве бумаги из хлопка). Бумага из бумазейного тряпья изготовлялась в XIV в. в Италии, откуда она попала в Россию. Считать эту бумагу восточной оснований нет.

Возникновению и живучести легенды о "восточной" бумаге на Руси способствовали два термина: 1) "александрийская бумага" и 2) "десть" (мера бумаги – 24 листа; название формата книжного листа – in-folio, а вернее – in-2°)[182]. Термин "александрийская бумага", не прилагавшийся ни на Западе[183], ни на Востоке[184] ни к

---

[179] *Черепнин Л.В.* Русская палеография. С. 219.

[180] Там же.

[181] *Thiel V.* Papiererzeugung und Papierhandel vornehmlich in den deutschen Landen von den ältesten Zeiten bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts // Archivalische Zeitschrift / Hrsg. durch das Bayerische Hauptstaatsarchiv in München. München, 1932. Dritte Folge. Bd. 8 (Der ganzen Reihe Bd. 14). S. 108.

[182] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 7, 28–33; *Он же.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXIX–XXXI. О соответствии "дести" формату in-2° см.: *Каштанов С.М.* По следам троицких копийных книг XVI в.: (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря). [Ч. 3] // Зап. ОР ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 29–30; ср.: *Жуковская Л.П.* О значении исследования понтюзо и некоторых других вопросах филигранологии // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 75.

[183] О форматах и названиях бумаги на Западе см.: *Briquet C.M.* Op. cit. T. I. P. 6; *Резцов Н.Я.* О нормальных форматах бумаг за границей и о установлении их в России. СПб., 1909. С. 7–9.

[184] Египетская бумага называлась "мансури". Известна бумага под названиями "багдадская", "камель", "тумар". Последняя отличалась наибольшим форматом (подробнее см.: *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 31; *Резцов Н.Я.* Указ. соч. С. 3).

одному сорту или формату бумаги, появляется в русских источниках не раньше середины XVI в. (1539/40, 1556 гг.)[185]. В XVI–XVII вв. "александрийской бумагой" назывались на Руси лучшие сорта европейской бумаги, имевшей, разумеется, водяные знаки. П.П. Лихачев писал, что "большою", или "Александрийскою", называли "бумагу двойного формата"[186].

В середине XVII в. Григорий Котошихин рассказывал о том, что грамоты иностранным государям писались в зависимости от их ранга и титула на большой, средней или меньшой александрийской бумаге[187]. Вероятно, принадлежность бумаги к разряду "александрийской" определялась не столько особенностью филиграней, сколько качеством бумаги (плотность, гладкость, размер).

Пóзднее появление термина "александрийская бумага" и обозначение им не восточной, а западноевропейской бумаги позволяет усомниться в том, что этот термин возник на почве употребления восточной бумаги в России XIV–XV вв. Загадка термина "александрийская бумага" до сих пор не разрешена. Может быть, он вошел в обиход в первой половине XVI в. в связи с получением в Москве грамот от александрийского патриарха, вероятно, написанных на роскошной бумаге, ставшей образцом, на который ориентировались при выборе бумаги для ответных грамот иностранным иерархам, а затем и монархам. До нас дошла в копии XVI в. грамота александрийского патриарха Иоакима Василию III, которую А.Н. Муравьев датировал 1533 г.[188], Г.В. Семенченко и А.И. Плигузов –1505–1530 гг., а я – 1526–1529 гг. [189] Известна также грамота александрийского патриарха Иоакима Ивану IV от 20 октября 1556 г.[190] и другие грамоты, относящиеся к тому вре-

---

[185] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 30; *Он же.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXIX.

[186] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXIX.

[187] Подробнее см.: *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 31; *Участкина З.В.* Русская техника производства бумаги. М.; Л., 1954. С. 104. В XVII в. термин "александрийская бумага" был настолько принят, что его употребляют и иностранцы, говоря о привозе бумаги в Россию на немецких и голландских кораблях (см.: *Kilburger J.Ph.* Kurzer Unterricht von dem Rußischen Handel, wie selbiger mit aus- und eingehenden Waaren 1674 durch ganz Rußland getrieben worden // Magazin für die neue Historie und Geographie / Angelegt von Dr. Anton Friedrich Büsching. [Hamburg, 1769]. [Bd.] III. S. 294 ("25 Rieß Alexandrinisches Papier"), 301 ("5 Rieß Alexandrinisch Papier"); ср.: *Кильбургер И.Ф.* Краткое известие о русской торговле, каким образом оная производилась чрез всю Руссию в 1674 году. СПб., 1820. С. 106, 114; *Курц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 135, 140).

[188] [*Муравьев А.Н.*] Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. [Ч. I.] С. 39–42.

[189] РФА. 1987. [Ч.] 3. № 154. С. 544–545; РГМ. Т. 1. С. 341–347. № 4.

[190] РГМ. Т. 1. С. 235–239. № 106.

мени, когда термин "александрийская бумага" уже существовал. Следовательно, для подкрепления нашего предположения имеет значение лишь грамота патриарха Иоакима Василию III.

Особое внимание к грамотам александрийского патриарха могло вызываться как форматом и качеством бумаги этих посланий, так и исключительным ранговым положением их автора. Он носил титул не только патриарха, но и "папы". В статейном списке посольства Бориса Петровича Благово 1585 г. сообщается о приеме у константинопольского патриарха Феолиптоса, где присутствовали также александрийский патриарх Сильвестр и антиохийский патриарх Иоаким. После приема "была обедня, а служили все три патреарха, а на одном на александрейском патреархе была шапка патреаршеская, а нарицают его в папино место и ставят болши всех патреархов"[191]. Учитывая столь высокое ранговое положение александрийского патриарха, ставившее его как бы вровень с римским папой, можно думать, что термин "александрийская бумага" имел значение "папская бумага". Это близко к западноевропейским терминам, обозначавшим "императорскую", "королевскую" и "папскую" бумагу[192].

Соответствующей критериям "александрийской бумаги" оказалась бумага грамот царя Алексея Михайловича Людовику XIV и жалованной грамоты от 19 мая 1669 г. афонскому Иверскому монастырю. Это грамота с печатью красного воска, диаметр которой – 5,55 см, толщина – 0,7–1 см[193]. Грамота написана на плот-

---

[191] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 96 об.

[192] Интересно отметить, что в русско-французском словаре Н.П. Макарова термин "александрийская бумага" переводится как "paier royal", т.е. "королевская бумага" (Полный русско-французский словарь, составленный Н.П. Макаровым. 10-е изд. СПб., 1904. С. 4; то же в других изданиях этого словаря). Термины "royal", "imperial" как обозначения форматов и типов бумаги используются в указе Государственного совета Франции от 18 сентября 1741 г., устанавливающем тариф форматов и веса бумаги разных типов (*Briquet C.M.* Op. cit. T. I. P. 6). Была и бумага под названием "Papale". В великом герцогстве Тосканском в первой половине XVIII в. самый большой формат имели следующие три типа бумаги: Imperiale (78 × 50), Papale (66 × 46) и Real Grossa (60 × 45) (см. об этом: *Piccardi M.* Mercato, consumi e prezzi della carta nel regime monopolistico del Granducato [di Toscana] (1648–1749) // Produzione e commercio della carta... P. 292). К типу Imperiale близка по размерам грамота имп. Анны Иоанновны 1738 г. (74,55×53,6), к типу Papale – две грамоты ц. Алексея Михайловича 1680 г. (63,8×46,7). Это подлинники, хранящиеся в Archives des Affaires étrangères de France (Russie. Folio. N 90, 230, 277 и б.н.).

[193] Печать хорошо сохранилась. Она содержится в металлической коробке диаметром в 6,35 и толщиной в 1,55–1,65 см. Дно и верхняя крышка коробки проклеены с внутренней стороны бумагой с русской скорописью XVII в. Наличие этих приклеек свидетельствует о том, что печать была таким способом "упакована" не в какие-нибудь более поздние времена, а при самом изготовлении

ной бумаге, напоминающей пергамен. Она большого формата и с плохо различимыми понтюзо. Из-за ограниченного времени работы с этим ценным источником[194] мне, к сожалению, не удалось установить наличие водяного знака в главном листе грамоты, на котором написан ее текст (обнаружение водяных знаков на двух других листах, присоединенных к основному, не представило трудности).

Длина (ширина) грамоты по верхнему краю равна 44,55 см, по нижнему – 44,15, высота по левому краю (с лицевой стороны документа) – 57,35 см, по правому – 56,4 (в эти пределы входит и та часть листа, которая скрыта материей, пришитой к грамоте в 11,8–11,9 см выше ее нижнего края). Примерно такого размера (60 × 45) была "большая королевская" бумага (Real Grossa). К формату Papale (66 × 46) приближается размер адресованных Людовику XIV грамот царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича[195], что свидетельствует об исконном тождестве понятий "александрийская" и "папская". Александрийский патриарх-"папа" специально выбирал для своих посланий "папскую" бумагу.

Термин "десть" в пределах Русского государства прослеживается начиная с XVI в. Его употребляет тверской епископ Нил в грамоте (около 1515 г.) константинопольскому патриарху Пахомию. Затем этот термин встречается в источниках 30–50-х годов XVI в. и далее[196]. В Великом княжестве Литовском термин "десть" бытовал уже в конце XV в. Н.П. Лихачев обнаружил его в описи Троицкого Слуцкого монастыря 1494 г.[197] Мы склонны думать, что в Русское государство он перекочевал из Польско-Литовского. Польша и Литва, по-видимому, уже в XIV в. были посредниками в снабжении русских княжеств западноевропейской бумагой. Наиболее ранние случаи употребления бумаги на Руси относятся к Галицко-Волынскому княжеству (Архивская "Лествица", напи-

---

и отправке грамоты в Иверский монастырь в 1669 г. В коробке были сделаны специальные отверстия для шнура, на котором печать привешена к грамоте. Шнур сплетен из золотых или золоченых нитей. Бóльшая его часть и "хвост" находятся, разумеется, вне коробки. Весь документ хранится в продолговатом деревянном ящике.

[194] Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность библиотекарю Иверского монастыря о. Теологосу и архимандриту монастыря о. Василию за предоставленную возможность скопировать и подробно описать грамоту.

[195] См. выше, примеч. 192.

[196] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXIX–XXXI; *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 656; СПб., 1912. Т. 3: Дополнения. Стб. 87; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4: (Г Д). С. 232; ср.: *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 243–245.

[197] Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. I. № 115; *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. XXIX.

санная на пергамене и бумаге) и Смоленску (грамота князя Ивана Александровича, написанная на итальянской бумаге со знаком "арбалет").

Вероятно, через Польшу и Литву западноевропейская бумага поступала и в Золотую Орду. Послание Тохтамыша польскому королю Ягайлу 1393 г. и его русский противень написаны на итальянской (по предположению Н.П. Лихачева) бумаге с филигранью "голова быка"[198]. Возможно, на почве продажи западной бумаги восточным контрагентам купцы Польско-Литовского государства усвоили термин "десть", обозначавший и формат бумаги (от dest – рука), и меру бумажной пачки (от deste – связка, пучок, стопка)[199]. В XVI в. Россия также становится реэкспортером западной бумаги на Восток – в Ногаи (с 30-х годов) и в Персию (с 90-х годов)[200], что способствовало укоренению восточной терминологии в этой сфере торговли.

Если бумага из России в Персию в конце XVI в. действительно шла через Астрахань, то никаких свидетельств о привозе ее из Астрахани в Москву в XIV – первой половине XVI в. у нас нет. Итальянские путешественники XV в. Барбаро и Контарини, имевшие хорошее представление о торговых связях Астрахани и Кафы с Русским государством, не упоминают бумагу в числе товаров, поступавших в Москву с юга. Вообще предположение Н.П. Лихачева и всех повторявших его точку зрения относительно привоза восточной или итальянской бумаги в Россию через Астрахань или Кафу является чисто умозрительным. Так "могло быть", но было ли на самом деле? Путь Контарини на восток пролегал через Германию и Польшу, из Москвы он возвращался в Венецию опять-таки через Польшу и Германию[201]. Его маршруты, по-видимому,

---

[198] Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу, 1392–1393 года. Казань, 1850. С. 12, 14; *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 30; *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 87 (на С. 261 уточнена дата документа).

[199] О термине "десть" см. также: *Каштанов С.М.* По следам... [Ч. 3]. С. 28–29.

[200] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. LXV; *Участкина З.В.* Развитие бумажного производства в России. М., 1972. С. 9; *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 65. (Труды Гос. исторического музея; Вып. 31).

[201] См.: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / вступит. ст., подгот. текста, перевод и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 94–96. Описание путешествия Контарини по Ирану здесь опущено. Ср.: Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Constantinopoli con la descrittioni particolare di città, luoghi, siti, costumi & della Porta del' gran Turco & di tutti intrate, spese & modo di governo suo, & della ultima impresa contra Portoghesi. In Vinegia, 1545.

в значительной мере соответствовали традиционным купеческим путям. Этими путями, скорее всего, и поступала западная бумага в Русское государство в XV в.

Не вполне убедительно мнение Н.П. Лихачева о доставке бумаги в Новгород ганзейскими купцами в XIV–XV вв. В подтверждение своего предположения автор ссылается на два указания новгородских летописей XVI в. (1545 и 1555 гг.) о дороговизне книжной и писчей бумаги[202]. Однако эта информация относится к совершенно другой эпохе, когда бумага была достаточно распространена во всем Русском государстве. В XIV–XV вв. Новгород был областью наиболее устойчивого сохранения пергамена в качестве писчего материала, хотя бумага сюда и проникала. Две жалованные грамоты Новгорода Троице-Сергиеву монастырю середины – второй половины XV в. написаны на пергамене[203], между тем как княжеские жалованные грамоты монастырям, выдававшиеся в это время, сплошь бумажные. Н.П. Лихачев сам отметил, что во всех редакциях Новгородской скры[204], в том числе и последней – 1370 г., бумага не упоминается, а есть лишь указания на пергамен[205]. А.Л. Хорошкевич, специально изучавшая торговлю Новгорода с Ганзой в XIV–XV вв., не включает бумагу в состав новгородского импорта[206].

До 40-х годов XV в. бумажных кодексов в Новгороде было довольно мало. Резкое увеличение их числа приходится на 60–70-е годы[207].

Вообще прямые данные о ввозе иностранной бумаги в Россию появляются только в последней четверти XVI в. Основная масса ее ввозилась в это время через Архангельск англичанами (в XVII в. и голландцами). Кроме того, с бумагой приезжали купцы из Великого княжества Литовского – жители Вильны, Могилева и др. Англичане везли не свою бумагу, а французскую. О путях проникновения немецкой бумаги определенных сведений нет. По аналогии с данными XVII в. можно полагать, что ее тоже ввозили через Архангельск, но частично она могла идти через При-

---

[202] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 73; *Участкина З.В.* Русская техника в производстве бумаги. С. 101–102.

[203] ГВНП. № 95, 101. С. 150–151, 155–156; ср.: АСЭИ. Т. I. № 220, 453. С. 155–156, 339–340.

[204] Скра – устав Немецкого двора в Новгороде.

[205] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 73.

[206] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 160–336.

[207] Хронологическое распределение бумажных кодексов Софийско-Новгородского собрания в пределах XV в. (до 1478 г.) см.: *Шварц Е.М.* Новгородские рукописи XV века. С. 92.

балтику и Польшу. До открытия Архангельского порта ведущую роль в импорте западноевропейской бумаги в Россию играла, по-видимому, Рига. Так, торговый дом Штромеров, основателей первой в Германии бумажной мельницы (в Пегнице, близ Нюрнберга, 1390 г.), поставлял бумагу в Ригу уже начиная с 1401 г.[208]

В 1585 г. среди товаров, привезенных в Архангельск, находилось 400 стоп французской бумаги, в 1600 г. – 1000 стоп, в 1621 г. – 1990 стоп, в 1635 г. – 9150 стоп[209]. В меньшем объеме привозили бумагу купцы из Великого княжества Литовского. В 1595 г. у одного из них было досмотрено 67 стоп писчей бумаги[210].

Стопа в этот период содержала 480 листов бумаги, т.е. 20 дестей (в дести – 24 листа)[211]. Таким образом, 1000 стоп бумаги составляли 480 000 листов. По сравнению с этим 1000 или 500 листов, которые просили прислать ногайцы, кажутся небольшим числом, хотя в середине XVI в. и сам привоз бумаги в Россию был меньше, чем в 80–90-х годах.

В отдельных монастырях содержались разные запасы бумаги, например в Никольском Корельском в 1551 г. – "полчетверты дести", т.е. $3^1/_2$ дести, или 84 листа. В Краснохолмском монастыре в 1575 г. было 2 стопы, т.е. 960 листов бумаги, в Вассиановой Строкиной пустыни в 1581 г. – 34 дести, или 816 листов[212].

В Торговой книге конца XVI в. стоимость одной стопы бумаги определяется в 4 гривны[213], т.е. 80 денег. Такая же цена стопы бумаги указана в документе 1600 г., перечисляющем привезенные из Амстердама товары[214]. Отсюда стоимость дести – 4 деньги. На внутреннем рынке цена дести бумаги колебалась от 3 денег в первой половине XVI в. до 4–7 денег (а иногда и выше) во второй половине[215]. В Новгороде в 1545 и 1555 гг. отмечалась особая до-

---

[208] *Stromer W. von.* Die erste Papiermühle in Mitteleuropa: Ulman Stromeirs "Hadermühle" Nürnberg 1390–1453, an der Wiege der Massenmedien // Produzione e commercio della carta... P. 304 (карта: Der Vertrieb des Hadermühl-Papiers durch das Handelshaus).

[209] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 7; *Он же.* Палеогр. знач. Ч. I. С. LXVII; *Участкина З.В.* Развитие бумажного производства в России. С. 9–10; *Шаркова И.С.* Россия и Италия: Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 52, примеч. 20.

[210] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 72, примеч. 1.

[211] *Участкина З.В.* Развитие бумажного производства в России. С. 9; *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 242.

[212] *Лихачев Н.П.* Палеогр. знач. Ч. I. С. LXXVI; ср.: *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 243–245.

[213] *Костомаров Н.И.* Очерк торговли Московского государства. СПб., 1862. С. 227.

[214] *Шаркова И.С.* Указ. соч. С. 52, примеч. 20.

[215] *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 243–245.

роговизна бумаги: в 1545 г. десть книжной бумаги стоила 2 алтына, т.е. 12 денег; в 1555 г. лист писчей бумаги стоил полденьги[216]. Фактически это одна и та же цена: $^1/_2$ деньги за лист, 12 денег за десть, что составляет 240 денег за стопу, втрое больше нормы, указанной в Торговой книге (80 денег).

Белозерская таможенная грамота 1551 г. устанавливает пошлину со стопы бумаги в размере $^1/_2$ деньги[217]. В 1563 и 1568 гг. десть бумаги на белозерском рынке стоила 6 денег[218], значит стопа – 120 денег. В 1551 г. бумага здесь могла быть и дешевле, равняясь, скажем, 5 деньгам за десть или 100 деньгам за стопу. Таможенная пошлина в $^1/_2$ деньги составляла бы в этом случае 0,5% стоимости бумаги. Потребители приобретали бумагу не непосредственно у иностранных купцов, а через посредство скупщиков из числа русских людей[219].

Относительную устойчивость цен на бумагу в России XVI в. сравнительно с товарами местного производства А.Г. Маньков объясняет монопольным положением иностранцев (во второй половине XVI в. – англичан) на русском рынке. Документы показывают, что английские купцы стремились купить во Франции бумагу по более дешевой цене, чем ее продавали в России. В 80-х годах английский купец мог купить бумагу во Франции по полкроны за стопу, а продать ее в России по полтине (100 денег) за стопу. Одна крона соответствовала 16 алтынам и 3 деньгам, т.е. 99 деньгам, или полтине без деньги. Значит, полкроны равнялись 49,5 деньги, или полуполтине без 0,5 деньги. Отсюда следует, что десть бумаги стоила $2^{19}/_{40}$ ($\approx 2{,}5$) деньги во Франции и 5 денег в России[220]. Разница ровно в два раза.

Каким образом снабжались бумагой в XV–XVI вв. государева казна, дворцы и приказы, не вполне ясно. Возможно, они закупали бумагу непосредственно у иностранных купцов и по цене несколько ниже рыночной.

---

[216] *Лихачев Н.П.* Бумага. С. 73; *Участкина З.В.* Русская техника в производстве бумаги. С. 101–102; *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 242.

[217] Архив П.М. Строева. Пг., 1915. Т. I. № 185. Стб. 327. (РИБ; Т. 32).

[218] *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 243.

[219] Там же. С. 241.

[220] Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 217, 219, 221; *Маньков А.Г.* Указ. соч. С. 242. В середине 80-х годов XVI в. один английский купец хотел купить во Франции 6000 стоп бумаги за 3000 крон, что соответствовало 1522 руб. 16 алтынам и 3 деньгам (≈1522,5 руб.), и намеревался продать эту бумагу в России за 3000 руб. Доход от продажи составил бы в этом случае 1477,5 руб., но чистый доход был бы, разумеется, меньше, учитывая транспортные и другие побочные расходы.

Глава IV

О НАПИСАНИИ И УДОСТОВЕРЕНИИ КНЯЖЕСКИХ АКТОВ

Писцы грамот

Первые сведения о наличии у князей специальных должностных лиц, ведавших составлением, выдачей или утверждением документов, дошли до нас в грамотах, происходящих из западнорусских земель. Так, писца и печатника имел в 1284 г. смоленский князь Федор Ростиславич. В его грамоте 1284 г. по судному делу о немецком "колоколе" (весовой гире) печатник упоминается перед датой ("Моисеи княжь печатникъ Федоров печаталъ"), писец же после даты ("А Федорко писець княжь псалъ")[1]. В подтвердительной грамоте Федора Ростиславича от 8 мая 1284 г. печатник и писец указаны вместе в конце документа: "А Моисеи печатникъ княжь Федоровъ печаталъ. А Федорко писець княжь Федоровъ псалъ"[2]. Фраза о писце написана тем же почерком, что и предыдущий текст, хотя чуть более убористо, и отделена от него знаком окончания текста (• : –), который повторен и после подписи[3]. В подтвердительной грамоте от 18 мая 1284 г. формула, упоминающая писца, написана с таким же размахом, как и предыдущий текст. От предшествующей фразы она отделена точкой, принятой и в остальном тексте для разделения фраз. Знак окончания текста (–:–) стоит только после подписи писца[4]. Во второй грамоте фраза о писце была не приписана, как, вероятно, в первой грамоте, а написана сразу после всего предшествующего изложения.

К обеим грамотам была привешена печать князя Федора Ростиславича с изображением "леопардного льва", в первом случае серебряная, во втором – серебряная позолоченная. Печать подвешивалась

---

[1] Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин; под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 63.

[2] Там же. С. 66.

[3] Там же. С. 64.

[4] Там же; ср.: *Иванов А.[С.], Кузнецов А.[М].* Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в. Рига, 2009. С. 625–631.

к грамотам на шелковом крученом шнуре. В первой грамоте шнур зеленый, во второй – красно-коричневый[5].

В Пскове последней трети XIII в. зафиксировано существование княжеского писца, о котором говорится в рядной Тешаты и Якима. Последняя фраза этого документа гласит: "А псал Довмонтовъ писець"[6]. На свинцовой печати, привешенной к грамоте на нитяном шнурке, на одной стороне имеется изображение св. Тимофея и надпись: "Тимофей", на другой – изображение шестиконечного креста на подножии и по сторонам надпись: "И(су) с Х(ристо)с". Тимофей был патрональным святым князя Довмонта, принявшего при крещении имя Тимофей. Литовский (нальшенайский) князь Довмонт княжил в Пскове в 1266–1299 гг. и лично присутствовал в городе в 1266–1267 и 1287–1299 гг.[7] Его писец, не названный в грамоте по имени, мог действовать как в периоды присутствия, так и в периоды отсутствия самого князя в Пскове, хотя больше оснований думать, что он писал документы в те отрезки времени, когда князь находился в городе. Составление княжеским писцом частного акта свидетельствует об осуществлении им "жалованной юрисдикции" или нотариальной функции[8], вероятно, наряду с канцелярской, о чем, впрочем, прямых данных у нас нет, поскольку собственно княжеские акты Довмонта неизвестны.

Московские великие князья имели своих писцов уже в первой половине XIV в. В первой духовной Ивана Калиты перед санкцией, являющейся последней статьей акта, приведено указание писца: "А грамоту писалъ дьякъ князя великого Кострома"[9]. Во второй духовной Ивана Калиты писец не указан[10]. В духовной в.кн. Семена писец также не упомянут. Но в обеих духовных в.кн. Ивана Ивановича последнюю статью (после санкции) составляет указание писца: "А грамоту писал Нестерко"[11]. Этот Нестерко фигурирует здесь без всякого определения. В отличие от дьяка Кост-

---

[5] Смоленские грамоты... С. 63, 66.

[6] ГВНП. № 331. С. 317; ПРП. Вып. 2. С. 278; ср.: *Янин В.Л.* Вислые печати Пскова // Сов. археология. М., 1960. № 3.

[7] См. также: *Белецкий С.В.* Лично-родовой знак князя Довмонта–Тимофея // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Спорные проблемы истории: Чтения памяти В.Т. Пашуто. Москва, 12–24 апреля 1993 г.: Тез. докл. М., 1993. С. 6–8.

[8] *Каштанов С.М.* Частные акты и начало нотариата в феодальной России // Notariado público y documento privado: de los orígenes al siglo XIV: Actas del VII Congreso Internacional de Diplomática. Valencia, 1986. Valencia, 1989. II. P. 937.

[9] ДДГ. № 1а. С. 8.

[10] Там же. № 1б. С. 11.

[11] Там же. № 4а, б. С. 17, 19.

ромы, писца духовной Ивана Калиты, он не назван дьяком. Но нет оснований считать его духовным лицом. В первом завещании в.кн. Дмитрия Ивановича писец указан, как и в духовной Ивана Калиты, перед санкцией: "А грамоту писалъ дьякъ Нестеръ"[12]. Вероятно, "Нестерко" грамот Ивана Ивановича и "дьякъ Нестеръ" первой духовной Дмитрия Донского – одно и то же лицо. В конце княжения Ивана II он был еще молодым человеком, не дослужившимся до звания дьяка, к середине же 70-х годов XIV в. стал видным лицом в княжеском окружении. Вторая духовная Дмитрия Донского (около 1389 г.) упоминает писца в самом конце текста: "А писалъ Внукъ"[13]. Аналогичным образом кончается духовная удельного князя Владимира Андреевича Серпуховского начала XV в.: "А грамоту писал Мещеринъ"[14].

Указание писца было и в первой духовной Василия I Дмитриевича, хотя из-за повреждения листа имя его не сохранилось: "А сю грамоту писалъ.." (последняя статья)[15]. Во второй духовной Василия Дмитриевича писец в звании дьяка упоминается перед санкцией: "А грамоту писал мои дьякъ Тимофей Ачкасовъ"[16]. Третья духовная Василия I завершается указанием писца, который не определяется в качестве дьяка: "А писал сю мою грамоту Олексеи Стромилов"[17]. Второе и третье завещание Василия I сопровождались подписью митрополита Фотия на греческом языке. В духовной иноки Евпраксии (Елены Ольгердовны), вдовы серпуховского удельного князя Владимира Андреевича, о писце ничего не говорится[18]. Нет сведений о писце и в духовной грамоте галицкого удельного князя Юрия Дмитриевича (около 1433 г.)[19].

Весьма интересно указание писца в конце текста духовной грамоты великой княгини Софьи Витовтовны (около 1451 г.): "Духовную грамоту писалъ митрополич дьяк Ярлык"[20]. Это первое и единственное прямое свидетельство использования дьяка митрополичьей кафедры для составления княжеской духовной грамоты. Возможно, великая княгиня прибегла к помощи митрополичьего дьяка, находясь в стесненных обстоятельствах во время набега татар на Москву. Но дело не ограничилось только использованием митрополичьего дьяка. Грамоту подписал сам митрополит: "Смерены Иона, архиепископ Киевскии, всея Руси". Кроме

[12] Там же. № 8. С. 25.
[13] Там же. № 12. С. 37.
[14] Там же. № 17. С. 50.
[15] Там же. № 20. С. 57.
[16] Там же. № 21. С. 59.
[17] Там же. № 22. С. 62.
[18] Там же. № 28. С. 73.
[19] Там же. № 29. С. 75.
[20] Там же. № 57. С. 178.

того, к грамоте наряду с печатью великой княгини привешена печать митрополита.

Духовную грамоту Василия Темного и приписную к ней грамоту писал фаворит великого князя дьяк Василий Беда, возведенный в дьяки из подьячих после прибытия к Василию Темному с радостным для великого князя известием о смерти Дмитрия Шемяки в Новгороде (1453 г.). Дьяк указывался в духовной в конце текста: "А грамоту сю писал дьяк мои Василеи Беда"[21]. В приписной грамоте отсутствует определение "сю", но в остальном подпись идентична приведенной выше и расположена тоже в самом конце текста документа[22].

Духовная грамота дмитровского удельного князя Юрия Васильевича (около 1472 г.), дошедшая в списке второй половины XV в., имеет две корроборативные статьи: "А грамоту духовную писал диакъ мои Васюк Долматовъ. А запечатал есмь своею печатию"[23]. Указание на печать появляется в этой духовной впервые, хотя печати привешивались к завещаниям князей изначально. В данном случае подчеркнуто, что князь сам приложил свою печать. В предшествующих актах нет упоминания ни печатника, ни факта приложения печати самим завещателем. Однако едва ли привешиванием печатей занимались непосредственно сами князья. Из духовной Юрия Васильевича неясно, о какой печати идет речь – вислой или прикладкой. Может быть, указание о запечатывании грамоты самим князем надо понимать в том смысле, что она была прикладной и он запечатал ее своим перстнем. К подобному предположению склоняет также рассмотрение следующего по времени княжеского завещания – волоцкого князя Бориса Васильевича (около 1477 г.). Этот документ, как и духовная Юрия Васильевича, завершается двумя корроборативными статьями: "А духовную писал дьяк мои Оладья. А запечатал сю духовную отець мои духовнои, поп Иван, своею печатью"[24]. Причем на лицевой стороне грамоты сохранились следы черновосковой печати, принадлежавшей, судя по тексту документа, духовнику князя Бориса Васильевича – попу Ивану, хотя можно думать, что это все-таки была княжеская печать, приложенная духовником.

Скрепление духовной грамоты не вислой, а прикладной печатью в завещаниях Юрия и Бориса Васильевичей является показателем понижения социально-политического статуса удельных князей во второй половине XV в. Подобные перемены отражают,

---

[21] Там же. № 61а. С. 198.
[22] Там же. № 61б. С. 199.
[23] Там же. № 68. С. 224.
[24] Там же. № 71. С. 251.

по-видимому, великокняжескую политику ограничения суверенных прав удельных князей.

Однако суверенность удельных князей проявлялась, в частности, в том, что духовную грамоту каждого из них писал собственный дьяк князя. Такой удельнокняжеский дьяк фигурирует и в духовной грамоте вологодского удельного князя Андрея Васильевича Меньшого (1481 г.), дошедшей в списке конца XV – начала XVI в. и не содержащей сведений о печати; "А сю грамоту духовную писал дьяк мои Василеи Ухтомъскои"[25].

Духовная верейско-белозерского удельного князя Михаила Андреевича (около 1486 г.) известна в трех вариантах. Первый, черновой вариант, составленный по указанию самого князя Михаила, сохранился в списке конца XV в. Текст в нем кончается словами: "А грамоту писал дьячишко мое постельное Неклюдець"[26]. Великий князь Иван III, как явствует из пометы на списке, контролировал составление духовной Михаила Андреевича. Его не удовлетворила редакция первого варианта, привезенного ему князем Василием Ромодановским, и он велел "тот список... перечинити"[27].

Появился второй вариант, составленный по указанию великого князя. Этот вариант дошел тоже в списке XV в. На нем есть помета: "Таков список послан со князем с Васильем с Ромодановским ко князю к Михаилу к Ондреевичю, а велено по тому духовная писати"[28]. В списке великокняжеской редакции так же, как и в первоначальном, удельнокняжеском варианте текста, последняя статья документа посвящена определению писца, но здесь уничижительная характеристика его заменена более официальной и стандартной: "А грамоту сию духовную писал дьяк мои Неклюд". Действительный, т.е. великокняжеский, писец грамоты, разумеется, не назван: упоминается удельнокняжеский дьяк, писавший первый вариант духовной.

Третий, окончательный (беловой) вариант завещания князя Михаила Андреевича дошел в подлиннике. Текст его повторяет великокняжескую редакцию, однако последняя статья – о дьяке – следует этой редакции не до конца. Из нее заимствована формула: "А грамоту сию духовную писал"; само же определение писца совпадает с имеющимся в черновом, удельнокняжеском варианте: "дьячишко мое постелное Неклюдець"[29]. Данная формулировка может служить доказательством того, что беловой подлинник

---

[25] Там же. № 74. С. 277.
[26] Там же. № 80а. С. 305.
[27] Там же.
[28] Там же. № 80б. С. 308.
[29] Там же. № 80в. С. 311.

духовной Михаила Андреевича написан действительно его дьяком, который не принял несвойственное ему определение писца, предложенное в великокняжеской редакции: "дьяк мои Неклюд". Возможно, возвращение к старому определению писца явилось следствием более или менее механического повторения привычной для удельнокняжеского дьяка формулы, а не результатом преднамеренной переделки великокняжеского варианта духовной. Последний, официальный вариант духовной Михаила Андреевича подписал митрополит Геронтий[30].

К завещанию Михаила Андреевича примыкает ряд дополнительных актов. Прежде всего это два "приписных списка"[31]: один о долговых обязательствах князя[32], другой о движимом имуществе, передаваемом его дочери – княгине Анастасии Михайловне и ее мужу – князю Иосифу Андреевичу Дорогобужскому[33]. Оба документа дошли в подлинниках. Они имеют подпись печатника Ивана: "Подписал сеи список Иван печатник"[34]. Наличие слов "Подписал сеи список" показывает, что эта подпись относится к категории subscriptio, необходимой частью которой является характеристика удостоверительного действия (в отличие от signature, представляющей собой подпись в чистом виде)[35]. Подпись принципиально отличается от корроборативной статьи, указывающей писца. Она выполняет роль удостоверительного атрибута в полной мере, в то время как указание писца, написанное самим писцом, удостоверяет дипломатическую подлинность акта, не увеличивая его юридическую силу.

Составление списка долговых обязательств кн. Михаила Андреевича за подписью его дьяка предусматривалось в великокняже-

---

[30] Там же.

[31] Так определена разновидность документов издателем ДДГ Л.В. Черепниным. Сами документы именуют себя просто "списками".

[32] ДДГ. № 80г. С. 311–312.

[33] Там же. № 80д. С. 312–313. Имя дочери в приписном списке не указано, но она названа в самой духовной: "А опосле моего живота господин мои, князь велики, даст дочери моеи, княине Настасьи, триста рублев" (Там же. № 80в. С. 310; ср. № 80б. С. 307); в первоначальном варианте духовной ей завещались два села в Малоярославецком уезде: "А дал есми дочери своеи, княгине Анастасье, в Ярославском уезде свои два села..." (Там же. № 80а. С. 302). Зять удельного князя назван в приписном списке и в духовной только по имени: Осиф (Там же. С. 305, 307, 310, 312; ср. С. 468). Известна жалованная грамота кн. Осипа Андреевича Троице-Сергиеву монастырю (см. АСЭИ. Т. I. № 552. С. 429). В генеалогической литературе муж Анастасии Михайловны отождествляется с Иосифом Андреевичем Дорогобужским (см., например: *Baumgarten N. de.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIII-e au XVI-e siècle. Roma, 1934. P. 31–32. Tabl. V, № 8. (Orientalia Christiana; 1934. Iunio. Vol. XXXV – 1. Num. 94)).

[34] ДДГ. № 80г, д. С. 312, 313.

[35] См.: *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 170–171.

ском варианте духовной удельного князя: "А где ми что долгу дати, ино тому список за своею печатью и за подписью дьяка моего" (далее зачеркнуты слова "именемъ дьяка написати")[36]. Эта статья отсутствовала в черновом удельнокняжеском варианте духовной, но была повторена в беловом варианте, основанном на великокняжеской редакции завещания, с единственной поправкой: "за моею печатью" вместо "за своею печатью"[37].

В долговом списке и в списке имущества, передаваемого Михаилом Андреевичем дочери и зятю, имеется корроборативная статья о подписи духовника и о приложении печати. В долговом списке она звучит так: "А сесь список велел есми подписати духовнику своему, Ивану печатнику. И печать свою приложи"[38]. В списке имущества это же постановление сформулировано без прямого отождествления духовника с печатником: "Сесь список князь Михаило Андреевич велел подписати духовнику своему Ивану. И печять свою приложил"[39].

Во всех трех вариантах духовной Михаила Андреевича упоминается в числе свидетелей акта духовный отец удельного князя – "поп Иван"[40], который ни в одном варианте не назван печатником. Тождество духовного отца и печатника с полной очевидностью выясняется только из текста долгового списка. Поручение духовному отцу функции печатника можно наблюдать и в уже упоминавшейся выше духовной удельного князя Бориса Васильевича Волоцкого, где сказано: "А запечатал сю духовную отець мои духовнои, поп Иван, своею печатью"[41]. Притяжательное местоимение "своею" вместо "моею" дает основания думать, что грамота была скреплена печатью не князя, а его духовника. Мы уже выражали сомнения в допустимости такой интерпретации текста. Скорее всего, духовник Бориса Васильевича, так же как позднее духовник Михаила Андреевича, исполнял роль княжеского печатника. Совмещение в одном лице функций духовника и печатника свидетельствует о том, что русские удельнокняжеские протоканцелярии второй половины XV в. были близки по своей сущности к тем зачаточным формам средневековых канцелярий каролингского периода, которые зарождались в "capella regis". Не светские лица типа референдариев меровингской эпохи, а

[36] ДДГ. № 80б. С. 308.
[37] Там же. № 80в. С. 311.
[38] Там же. № 80г. С. 312.
[39] Там же. № 80д. С. 313.
[40] Там же. № 80а, б, в. С. 305, 308, 311.
[41] Там же. № 71. С. 251.

близкие к князю церковники стояли во главе княжеского делопроизводства[42].

Кроме долгового и имущественного списков, в связи с духовной Михаила Андреевича появился ряд данных грамот этого князя, составленных в дополнение к завещанию и оформляющих в виде особого акта отдельные постановления духовной. Известно и опубликовано шесть таких данных грамот: монастырям Кирилло-Белозерскому, Ферапонтову (Мартемьянову), Симонову, Вознесенскому и московским соборам – Архангельскому и Успенскому[43]. Все грамоты даны на села. В пяти из них имеется статья, указывающая, что в случае если село понадобится великому князю, он может взять его себе, предоставив духовной корпорации денежную компенсацию, сумма которой в каждом случае точно оговорена. Нет подобной статьи только в грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю на село Никольское[44].

Основной текст всех шести данных грамот заканчивается корроборативно-диспозитивной статьей, говорящей о том, что князь велел своему духовнику Ивану подписать выдаваемую грамоту[45]. Внизу каждой грамоты действительно находится подпись типа subscriptio: "Подписал сю грамоту Иван печатник"[46] или "Подписал сию грамоту Иван печатник"[47]. В корроборативно-диспозитивной статье Иван назван духовником, а в подписи печатником, однако едва ли может быть сомнение в том, что это одно и то же лицо. Подпись сделана с лицевой стороны и с лицевой же стороны к каждой грамоте приложена овальная черновосковая печать кн. Михаила Андреевича, на которой – изображение женщины, оде-

---

[42] Меровингские референдарии были также и печатниками. Когда некоторые из референдариев становились епископами, они отходили от канцелярской деятельности (*Tessier G.* Diplomatique royale française. P., 1962. P. 2–4). При Каролингах, в VIII–IX вв., архиканцлер находился в подчиненном положении по отношению к архикапеллану, а штат канцелярии состоял из лиц духовного звания (Ibid. P. 55–56). О роли дворцовой капеллы и принципиальном различии социального состава канцелярии при Меровингах и Каролингах см. также: *Fleckenstein J.* Grundlagen und Beginn der deutschen Geschichte. 2. Aufl. Göttingen, 1974. S. 83–84.

[43] ДДГ. № 80е–л. С. 313–315.

[44] Там же. № 80е. С. 313.

[45] "И велел есми сию грамоту даную подписати духовнику своему Ивану" (ДДГ. № 80е, и, к. С. 313–314); "И велел есми сию даную подписати духовнику своему Ивану" (Там же. № 80з. С. 314); "И велел есми сию грамоту духовную подписати духовнику своему Ивану" (Там же. № 80ж. С. 313); "И велел князь Михаило Андреевич сию грамоту даную подписати духовнику своему Ивану" (Там же. № 80л. С. 315).

[46] ДДГ. № 80е, и. С. 313–314.

[47] Там же. № 80ж, з, к, л. С. 313–315.

той в длинное платье, с палкой в одной руке и мечом в другой, и надпись по овалу: "Печать князя Михаила Ондреевича"[48].

Таким образом, все действия по удостоверению этой группы грамот были сосредоточены в руках одного лица – духовника-печатника. Он и подписывал грамоты, и прикладывал к ним княжескую печать.

Роль духовника как писца завещания выявляется также из духовной грамоты княгини Ульяны, вдовы волоцкого князя Бориса Васильевича (около 1503 г.). О конце документа сказано: "А сию грамоту духовную писал отець мои духовнои, егорьевскои игумен Мисаило"[49]. Грамота Ульяны, сохранившаяся в подлиннике, не имеет ни подписи, ни печати. Не указаны тут и свидетели акта. Возможно, сам факт написания грамоты духовным отцом княгини придавал ей значение аутентичного документа. Близкое по времени к духовной Ульяны завещание ее сына, рузского князя Ивана Борисовича (около 1503 г.), дошедшее в списке первой половины XVI в., демонстрирует противоположный способ придания документу аутентичности. О писце грамоты здесь не говорится ничего, зато текст кончается указанием свидетеля, которым оказывается опять-таки духовный отец завещателя: "А оу сего оу моего списка сидел отець мои духовнои, Пречистые игумен Иосиф"[50]. В духовной грамоте волоцкого князя Федора Борисовича (около 1506 г.), дошедшей в списке, нет сведений ни о писце, ни о свидетелях. Может быть, это объясняется тем, что грамота писалась в спешке или в походных условиях: князь составлял ее, "идучи на дело своего государя, великого князя Василья Ивановича всея Руси, х Казани"[51].

Напротив, духовная Ивана III (около 1504 г.) выдержана в традициях великокняжеских завещаний. Писцом ее являлся великокняжеский дьяк: "А сию мою душевную грамоту писал дьякъ мои Данилко Мамырев"[52] (грамота сохранилась в списке начала XVI в., не имеющем печатей).

Дьяком был и писец духовной грамоты угличского удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки (около 1521 г.), сохранившейся в подлиннике: "А писал сесь список дьяк мои, Небогатои Исаков сын Дубровина". Уникальной особенностью духовной Дмитрия Жилки является то, что сам князь к ней "руку... приложил" в оригинальной приписке внизу грамоты: "А к сему списку яз, князь Дмитреи Ива-

---

[48] См.: Там же. С. 571, 575. № 41/3, 80в–л; ср.: *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Кн. 1. С. 139. 2-е изд. М., 1990. Табл. XI. № 5.

[49] ДДГ. № 87. С. 350.

[50] Там же. № 88. С. 353.

[51] Там же. № 98. С. 406.

[52] Там же. № 89. С. 364.

нович, руку свою приложил. А што есми в сом списку написал, у ково есми сола покупил, и князь бы великии пожаловал, те села им подавал, и купьчие грамоты велел имъ выдати безденежьно"[53].

Большой интерес представляет духовная запись в.кн. Василия III Ивановича 1523 г., дошедшая в подлиннике. Запись составлена великокняжеским дьяком Меншиком Путятиным и датирована: "А сию запись писал диакъ мои Меншык Путятин, лета 7000 тритцать перваго, месяца июня". Внизу документа стоит подпись митрополита Даниила: "Грешныи и худыи инокъ Данилъ, милостию божиею митрополит всеа Русии". С лицевой стороны к грамоте привешены две печати – красновосковая (великого князя) и черновосковая (митрополита)[54].

Наличием даты духовная запись Василия III принципиально отличается от всех великокняжеских и удельнокняжеских духовных, которые не имеют даты. Что касается подписи митрополита на великокняжеской духовной, то подобные прецеденты были, начиная с подписи митрополита Фотия на второй и третьей духовных Василия I. В записи 1523 г. имеется ссылка на более раннюю духовную Василия III, составленную при митрополите Варлааме (1511–1521). Неизвестно, была ли там дата, но ясно, что Варлаам, подобно Даниилу, снабдил духовную своей подписью и печатью: Василий III "наперед сего писал свою духовную грамоту, да список приписнои къ духовнои грамоте, а подписал ту духовную грамоту и список Варламъ, митрополит всеа Русии, своею рукою, да и печять свою Варлам митрополит к тои духовнои грамоте и къ списку свою печать приложил"[55]. Вероятно, кроме митрополичьей, на грамоте была и великокняжеская печать.

Продолжил ли Иван IV эти традиции, сказать трудно, поскольку духовная царя дошла в списке начала XIX в., не имеющем конца. Текст ее кончается словами: "А у сеи моеи душевнои грамоты сидел..."[56].

Послухи княжеских духовных грамот

В первой духовной Ивана Калиты имеется статья: "А на се послуси..." В ней указаны три лица, каждое из которых определяется как "отець мои душевьныи". Последний из них назван еще

---

[53] Там же. № 99. С. 414.
[54] Там же. № 100. С. 415.
[55] Там же.
[56] Там же. № 104. С. 444.

попом. Статья находится перед упоминанием о писце грамоты. Затем следует санкция[57]. Во второй духовной Ивана Калиты статья о послухах полностью повторяет соответствующую статью первой духовной, однако занимает последнее место в тексте, ибо тут не указан писец грамоты, а санкция предшествует статье о послухах[58].

В духовной Семена Гордого, где, как мы помним, писец не упомянут, нет формулы "А на се послуси". Статья о свидетелях помещена намного дальше от конца грамоты, чем в духовных Калиты. Она начинается словами: "А сю грамоту писал есмь перед своими отци". Далее названы три епископа, два архимандрита и духовник князя: "перед владыкою Володимерьскимъ перед Олексеемъ, перед владыкою Переяславьскимъ Офонасеемъ, перед владыкою Коломеньскимъ Офонасьемъ, перед архимандритомъ Петромъ, перед архимандритомъ перед Филимономъ, перед своимъ отцемъ душевнымъ, попомъ Евсевьемъ"[59]. Таким образом, в завещании Семена значительно расширен круг духовных лиц, прежде всего за счет иерархов церкви, и, кроме того, сужено значение термина "отец душевныи". Если у Ивана Калиты все три послуха названы "отець мои душевьныи", то Семен указывает в качестве своего "душевного отца" только одного человека – попа Евсевия. В завещании Семена "отец душевныи" – это, безусловно, духовник князя в собственном смысле слова. Вероятно, во времена Калиты у князя могло быть несколько "отцов душевных" и статус духовника еще не определился.

Опыт Семена, назвавшего лишь одного человека в качестве своего духовника, не слишком повлиял на его преемника, в.кн. Ивана Ивановича, который, как и Иван Калита, не ограничился одним "отцем душевным". В духовных Ивана II вновь употреблен термин "послуси": "А на сю грамоту послуси". Среди последних видим одного епископа, одного игумена и двух попов: "отець мои, владыка Ростовьскии Игнатии, отци мои душевные игумен Иванъ, поп Акинфъ, попъ Патрекеи"[60]. Тут вполне четко три человека (игумен и два попа) выступают как "отци... душевные" великого князя.

В первой духовной Дмитрия Донского (около 1375 г.) также употребляется термин "послуси": "А послуси на сю грамоту". Однако в качестве послухов выступают уже не представители духовенства, а светские лица: "Тимофеи околничии... Иван Родивонович, Иван Федорович, Федор Ондреевич". Поскольку после слова

---

[57] Там же. № 1а. С. 8.
[58] Там же. № 1б. С. 11.
[59] Там же. № 3. С. 14.
[60] Там же. № 4а. С. 17; ср. № 4б. С. 19.

"околничии" в тексте наблюдается пропуск примерно на восемь букв, всего послухов было, вероятно, пять. Впрочем, до статьи о послухах в грамоте есть указание на явку грамоты митрополиту Алексею, который привесил к ней свою печать: "А сю грамоту писал есмь собе душевную и явил есмь отцю своему Олексею, митрополиту всея Руси. И отець мои Олексеи, митрополит всея Руси, и печять свою привесил к сеи грамоте"[61]. Это, кажется, первый случай удостоверения великокняжеской духовной грамоты печатью не только князя, но и митрополита.

Во второй духовной Дмитрия Донского (около 1389 г.) в числе свидетелей фигурируют и духовные, и светские лица. Для указания духовных лиц была избрана формулировка "писал есмь ... перед", которая впервые встречается в духовной Семена Гордого. Перечислению светских лиц предшествует не употреблявшийся ранее оборот: "А туто были бояре наши". Это первый случай, когда послухи великокняжеской духовной названы боярами – ясный показатель начавшегося процесса формирования боярской думы. Всего в грамоте 12 свидетелей: два игумена (Сергий и Севастьян) и десять бояр[62]. Количественное преобладание светских послухов перед духовными очевидно. Появление светских послухов в первой духовной Дмитрия Донского и заметное увеличение их числа во второй духовной свидетельствуют о возросшем значении боярской аристократии в 70–80-х годах XIV в.

Духовная боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича (около 1410 г.) при указании свидетелей следует формуляру второй духовной Дмитрия Донского. Оборот "А писал есмь сю грамоту перед отци своими" предшествует указанию двух игуменов (Никона радонежского и Саввы спасского). После формулы "А туто были бояре мои" перечислено пять человек. Все имена сопровождаются отчествами с "вичем"[63]. С "вичем" написаны отчества светских свидетелей и в духовных Дмитрия Донского. Без отчества указан только "Тимофеи околничии" в первой духовной Дмитрия. В этом проявилась, возможно, разница между статусами окольничего и боярина.

Во всех трех завещаниях Василия I свидетели представлены только светскими лицами. Перечень их вводится оборотом: "А оу сее грамоты были мои бояре..." В первой духовной их указано семь[64], во второй – пять[65], в третьей – шесть[66].

---

[61] Там же. № 8. С. 25.
[62] Там же. № 12. С. 36–37.
[63] Там же. № 17. С. 50.
[64] Там же. № 20. С. 57.
[65] Там же. № 21. С. 59.
[66] Там же. № 22. С. 62.

Другая традиция запечатлена в духовной иноки Евпраксии, в миру Елены Ольгердовны, вдовы боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича (около 1433 г.). Этот акт кончается словами: "А оу грамоты сидел отець мои анхимандрит Фефанъ духовны". Вдова удельного князя следовала стародавнему обычаю призывать в свидетели своего духовного отца. Напротив, галицкий удельный князь Юрий Дмитриевич составлял свою духовную (около 1433 г.) в присутствии бояр, которые, впрочем, не названы поименно: "А писал есми грамоту сю перед бояры"[67]. Возврат к послушеству духовных лиц наблюдается в грамоте в.кнг. Софьи Витовтовны (около 1451 г.): "А оу сее моее духовныи грамоты были священници: спасьскии архимандрит Трифон, симоновьскии архимандрит Геронтии, отец мои духовныи архимандрит Феодосии"[68].

В завещании Василия Темного и приписной грамоте к этому акту возрождается практика, характерная для второй духовной Дмитрия Донского и завещания удельного князя Владимира Андреевича – в свидетели призываются как церковники, так и бояре. В отличие от более ранних грамот, где перечню свидетелей каждой из двух категорий предшествует особая вводная формула ("писал есмь... перед" – для духовных лиц, "а туто были" – для светских), в завещании Василия II употреблено общее введение: "А оу духовные сидели" (в приписной грамоте: "А оу сее грамоты оу приписные сидели"), после чего перечисляются подряд все свидетели, начиная с духовенства и кончая боярами. На первом месте в обеих грамотах (духовной и приписной) указан духовный отец великого князя – спасский архимандрит Трифон. В духовной вслед за ним упоминается симоновский архимандрит Афанасий, отсутствующий в приписной грамоте. Далее в духовной говорится: "да мои бояре", в приписной – "да бояре мои". В духовной названы четыре боярина: "князь Иван Юрьевич, да Иван Иванович, да Василеи Иванович, да Федоръ Васильевич"; в приписной грамоте – два боярина: "князь Иван Юрьевич да Федор Михаилович"[69].

Обратим внимание на то, что в выражении, которое служит введением к перечню послухов, в грамотах Василия Темного употреблен глагол "сидели", который до того в великокняжеских духовных не использовался. Оборот "А оу грамоты сидел..." впервые был употреблен в духовной иноки Евпраксии (кнг. Елены Ольгердовны) около 1433 г. Формуляр духовной Василия Темного оказал, в свою очередь, влияние на последующие княжеские ду-

---

[67] Там же. № 29. С. 75.
[68] Там же. № 57. С. 178.
[69] Там же. № 61. С. 198–199.

ховные. В духовной дмитровского князя Юрия Васильевича (около 1472 г.) читаем: "А оу грамоты седели". Как и в духовной Василия II, первым среди "сидевших" указан духовник завещателя. Им был троицкий игумен Спиридоний, которого Юрий называет "господинъ мои". Далее упомянуты три светских лица, из которых первые два фигурируют с определением "боярин мои"[70]. В завещаниях других удельных князей, сыновей Василия Темного, также используется глагол "седели". В духовной волоцкого князя Бориса Васильевича (около 1477 г.) первое место среди свидетелей занимают бояре, а духовник завещателя указан в конце перечня: "А оу сее духовные седели мои бояре: князь Андрей Федорович, да князь Петр Микитич, да Данило Иванович, да отец мои духовнои, поп Иван"[71]. Очередность упоминания свидетелей здесь явно иная, чем в грамотах Василия II и Юрия Васильевича. Однако в духовной вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого (около 1481 г.) на первом месте вновь оказываются церковники. Боярин указан последним, причем это был боярин великого князя. Собственных бояр вологодский князь к послушеству не привлек, что свидетельствует о его большой зависимости от великого князя. Из трех представителей духовенства, фигурирующих в качестве послухов, духовный отец князя упомянут последним, после ростовского архиепископа и троицкого игумена: "А у сее духовные грамоты сидели: архиепископ Ростовскои Васьян, да троицкии Сергиева манастыря игумен Пасеи, да отецъ мои духовнои, поп Микита, да великого князя боярин, князь Иван Юрьевич"[72].

В духовной грамоте верейско-белозерского князя Михаила Андреевича (около 1486 г.), представленной тремя вариантами текста (а, б, в), статья о свидетелях открывается формулой "А у сее грамоты духовнои были" (а), или "А у сеи грамоты у духовные были" (б, в)[73]. Как видим, вместо глагола "сидели" здесь употребляется глагол "были". Глагол "были" впервые встречается перед перечнем бояр во второй духовной Дмитрия Донского, затем в духовной серпуховского князя Владимира Андреевича и в трех духовных в.кн. Василия I Дмитриевича. Формула духовных Михаила Андреевича в целом ближе всего к соответствующей формуле завещаний Василия I, где говорится: "А оу сее грамоты были..."[74] По-видимому, составители грамоты Михаила Андреевича использовали формуляр несохранившейся духовной грамоты его

[70] Там же. № 68. С. 224.
[71] Там же. № 71. С. 251.
[72] Там же. № 74. С. 277.
[73] Там же. № 80а, б, в. С. 305, 308, 311.
[74] Там же. № 20–22. С. 57, 59, 62.

отца, кн. Андрея Дмитриевича, брата Василия I, под влиянием духовных которого, возможно, создавался текст завещания Андрея.

Во всех вариантах духовной кн. Михаила Андреевича указаны три свидетеля: два церковника и один боярин. На первом месте назван игумен Пафнутьева монастыря Арсений, на втором – поп Иван, духовный отец завещателя, на третьем – "боярин мои, князь Василеи Васильевич Ромодановскои", который в первом черновом варианте упоминается без фамилии[75]. Указание фамилии боярина – явное новшество, появившееся в процессе редактирования духовной Михаила Андреевича по распоряжению Ивана III. До этого бояре в княжеских духовных назывались только по имени и отчеству.

В духовной волоцкой княгини Ульяны (около 1503 г.) статья о свидетелях отсутствует[76]. В завещании ее сына, рузского князя Ивана Борисовича (около 1503 г.), в статье о свидетельстве употреблен традиционный для московских завещаний второй половины XV в. глагол "сидел". Здесь назван всего один свидетель – духовный отец князя, волоцкий игумен Иосиф: "А оу сего оу моего списка сидел отець мои духовнои, Пречистые игумен Иосиф"[77].

В завещании в.кн. Ивана III указание свидетелей духовного и светского звания вводится двумя разными оборотами. В этом смысле статья о свидетелях как бы следует структуре соответствующей статьи второй духовной Дмитрия Донского. Первая часть статьи гласит: "А у сее моеи душевъные грамоты сидел отецъ мои духовнои, ондрониковскои архимандритъ Митрофан"[78]. Вводный оборот с глаголом "сидел" вполне в духе духовных второй половины XV в. В отличие от своего отца, Иван III ограничивает число свидетелей от духовенства одним лишь духовником. В этом не было особой новизны, поскольку так нередко поступали и удельные властители XV – начала XVI в. (кнг. Евпраксия, кн. Юрий Васильевич, кн. Борис Васильевич, кн. Иван Борисович). Вторая часть статьи о свидетелях в духовной Ивана III посвящена светским лицам. Она начинается словами: "А туто были бояре мои". Этот оборот восходит ко второй духовной Дмитрия Донского ("А туто были бояре наши") и к духовной боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича ("А туто были бояре мои"). Можно видеть полное совпадение формулировок в грамотах Ивана III и Владимира Андреевича. В грамоте Ивана III список бояр из трех человек ("князь Василеи Данилович, да князь Данило Васильевич,

---

[75] Там же. № 80а. С. 305. Ср.: № 80б, в. С. 308, 311.

[76] Там же. № 87. С. 350.

[77] Там же. № 88. С. 353.

[78] Там же. № 89. С. 364.

да Яков Захарьичь") дополнен указанием казначея ("да казначеи мои Дмитреи Володимерович"). Казначей появляется в качестве свидетеля в духовной грамоте Ивана III впервые. Этот факт свидетельствует о возросшей роли казны и, возможно, о приобретении ею роли особого учреждения.

В духовной волоцкого князя Федора Борисовича (около 1506 г.) статьи о послухах нет[79]. Имеется она в завещании угличского князя Дмитрия Ивановича (около 1521 г.): "А оу сево списка был отецъ мои духовнои, воскресенскои архимандрит Ефрем, да боярин мои, князь Ондреи Федорович Хованскои"[80]. Вводный оборот статьи довольно близок к тому, который читается в духовной рузского князя Ивана Борисовича (около 1503 г.): "А оу сего у моего списка сидел"[81]. Разница лишь в глаголах, определяющих факт присутствия: "был" в духовной кн. Дмитрия Ивановича и "сидел" в духовной кн. Ивана Борисовича. Употребление в духовной Дмитрия "был" вместо "сидел" могло быть обусловлено влиянием завещания Ивана III, где есть выражение "А туто были..."

Имеется статья о послухах и в духовной записи Василия III. 1523 г. "А коли есми сию запись писал, и тогда был оу отца нашего Данила, митрополита всеа Русии, оу сеи записи старец Васьян княж Иванов, да отецъ мои духовнои Василеи, протопоп благовещеньскои"[82]. Слова "был... оу сеи записи" выражают идею свидетельства. По существу и текстуально эта формулировка вполне сходна с выражениями типа "А оу сево списка был" (см. духовную кн. Дмитрия Ивановича около 1521 г.). Необычным является указание места написания завещания: "оу отца нашего Данила, митрополита всеа Русии". В качестве свидетелей здесь названы только духовные лица: старец Васьян и духовник великого князя, благовещенский протопоп Василий.

В духовной Ивана IV сохранилось лишь начало статьи о послухах: "А у сеи моеи душевнои грамоты сидел..."[83]. Этот оборот совпадает с тем, который употреблен в духовной Ивана III ("А у сее моеи душевъные грамоты сидел..."). Можно полагать, что далее был указан духовник царя. По крайней мере, в духовной Ивана III после приведенных слов назван духовный отец великого князя. Каким было продолжение статьи, сказать трудно.

Известный интерес представляет эволюция терминов, определявших понятие "духовныи отец". Наиболее ранним является тер-

---

[79] Там же. № 98. С. 406–409.
[80] Там же. № 99. С. 414.
[81] Там же. № 88. С. 353.
[82] Там же. № 100. С. 415.
[83] Там же. № 104. С. 444.

мин "отець душевьныи". Его встречаем в духовных Ивана Калиты, Семена Гордого, Ивана II. В первой духовной Дмитрия Донского свидетелей от духовенства нет вообще. Во второй его духовной фигурируют два игумена, которые названы просто "отци": "перед своими отци". Та же формулировка в духовной кн. Владимира Андреевича. В духовных Василия I и Юрия Дмитриевича представители духовенства среди свидетелей не упоминаются. Впервые термин "отець... духовныи" в статье о свидетелях появляется в завещании иноки Евпраксии (около 1433 г.). В дальнейшем он неизменно употребляется в великокняжеских и удельнокняжеских завещаниях XV–XVI вв. для обозначения духовника.

* * *

Существенной особенностью свидетельства княжеских духовных грамот разными лицами было то, что послухи не ставили своих подписей на грамоте. Ни одна из грамот, дошедших в подлиннике, не несет на себе следов таких подписей. Указание послухов нельзя, следовательно, рассматривать как форму корроборации в собственном смысле слова, т.е. как сообщение об удостоверении документа. Тем не менее информация о присутствии послухов предназначалась для придания акту большей аутентичности. Половинчатый характер свидетельства, не подкрепленного подписью, говорит о неразвитости канцелярской практики и юридической мысли того времени. Подписью митрополита, а в одном случае князя едва ли компенсировалось отсутствие подписей послухов.

Удостоверительные знаки княжеских духовных грамот

Судя по двум духовным Ивана Калиты, сохранившимся в подлиннике, ясно, что первоначально единственным удостоверительным знаком княжеских духовных была печать князя. К первой духовной Ивана Калиты привешена серебряная позолоченная печать с изображениями и круговой надписью с обеих сторон: "Печать великого князя Ивана". Такая же печать имелась и на второй духовной Ивана Калиты. В настоящее время она отсутствует[84]. Вопрос о несохранившейся "монгольской печати хана Узбека" на второй духовной Ивана Калиты остается открытым. М.А. Усманов категорически отрицает возможность атрибутировать ее хану и

[84] Там же. № 1а, б. С. 567.

считает, что речь должна тут идти о какой-то позднейшей поделке русского происхождения[85].

Духовная грамота в.кн. Семена Ивановича, дошедшая в подлиннике, была скреплена тремя печатями. Одна из них – серебряная позолоченная печать – принадлежала самому завещателю. В отличие от печати Ивана Калиты изображение находится только на одной стороне печати Симеона. На ней представлен св. Симеон Перс, а надпись гласит: "Сименъ с(вя)ты". Другую сторону печати целиком занимает надпись: "Печать князя великого Семенова всея Руси". Две другие печати – желтого воска - предположительно атрибутируются братьям Семена, удельным князьям Ивану и Андрею Ивановичам[86], которые выступали в тексте духовной как гаранты исполнения воли завещателя, умиравшего бездетным: "А все есмь положилъ на бозе и на своеи братье, на князи Иване и на князи на Андреи"[87].

К обеим духовным в.кн. Ивана II Ивановича была привешена серебряная позолоченная печать. По своему типу она соответствует печати Семена Гордого. Изображение находится только на одной стороне, где представлен патрональный святой князя Иоанн, патриарх Иерусалимский. Изображение сопровождается надписью: "Агиосъ Іо(анн)". На другой стороне печати надпись: "Печать князя великого Ивана Ивановича"[88].

Первая духовная Дмитрия Донского (около 1375 г.) снабжена двумя серебряными позолоченными печатями: самого завещателя и митрополита Алексея. На княжеской печати с одной стороны изображен св. Дмитрий Селунский и поставлена буква "Д", обозначающая начало его имени, на другой стороне надпись: "Печать князя великого Димитрия". На печати митрополита с одной стороны изображена Богородица с младенцем, на другой – надпись: "Б(ож)ьею печать Алексея митрополита всея Русии"[89]. Ко второй духовной Дмитрия Донского (1389 г.) привешена серебряная позолоченная печать завещателя. Изображение св. Дмитрия Селунского на одной стороне печати сопровождается надписью: "Агиос Дмитрии". На другой стороне надпись: "Князя великого Дмитрия Ивановича всея Русии"[90]. На печатях московских великих князей XIV в. титул "всея Русии" встречается дважды: на печати Семена

---

[85] *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 178–179.

[86] ДДГ. № 3. С. 14, 567.

[87] Там же. С. 14.

[88] Там же. № 4а, б. С. 17, 19, 567–568.

[89] Там же. № 8. С. 25, 568.

[90] Там же. № 12. С. 37, 568.

Гордого и на печати второй духовной Дмитрия Донского. Интересно отсутствие слова "печать" в надписи на печати второй духовной Дмитрия. Слово "печать" (sigillum) обычно отсутствует на печатях королей и императоров. Надпись на них начинается с имени монарха. Напротив, на печатях герцогов и других королевских вассалов надпись начинается словом "Sigillum"[91]. Связано ли с этой особенностью западной сфрагистики отсутствие слова "печать" на печати второй духовной в.кн. Дмитрия Ивановича? Или здесь мы имеем дело с простым недосмотром изготовителя буллотирия? Поскольку и имя, и титул Дмитрия даны в родительном падеже, в отсутствии слова "печать" трудно усмотреть попытку сознательной перестройки типа надписи на королевский лад.

Духовная боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича (около 1410 г.) дошла в списке второй половины XV в. Естественно, что печати тут нет. О ней мы можем только догадываться. Как и духовные великих князей XIV в., завещание Владимира Андреевича не имеет корроборативной статьи, в которой говорилось бы о печати. Поскольку еще духовная Семена Гордого скреплялась наряду с великокняжеской удельнокняжескими печатями, можно думать, что к духовной Владимира Андреевича была привешена его печать, – вероятно, не металлическая, а восковая. Восковой, во всяком случае, была печать его отца, князя Андрея Ивановича.

К первой духовной в.кн. Василия Дмитриевича (около 1406–1407) привешена серебряная позолоченная печать, на одной стороне которой изображение Василия Кесарийского и надпись "Васил Кса", на другой – надпись: "Печать князя великого Василиева Дмитриева всея Руси"[92]. По типу эта печать соответствует печатям великих князей Семена Гордого, Ивана Ивановича и Дмитрия Донского. Титул "всея Руси" продолжает традицию печатей Семена Гордого и Дмитрия Донского. Иначе скреплена вторая духовная Василия Дмитриевича (около 1417 г.). К ней были привешены пять печатей, из которых две не сохранились. Об одной из них сведений нет. О второй известно, что она принадлежала самому завещателю, в.кн. Василию Дмитриевичу, и на ней было изображение всадника на коне, вооруженного мечом[93]. Такое изображение не встречается на печатях духовных грамот более раннего времени. Речь должна идти о возникновении при Василии I нового типа великокняжеской печати. Изображение всадника с

---

[91] См., например: *Douët d'Arcq [L.]* Collection de sceaux. P., 1863. T. 1-er. P. 337, 582. № 472, 2167; 1867. T. 2. P. 408, 650. № 2675, 5961 и др.

[92] ДДГ. № 20. С. 57, 568.

[93] Там же. № 21. С. 60, 568; ср.: *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 117.

мечом характерно для литовской великокняжеской геральдики и сфрагистики. Этот геральдический тип носил там название "погоня". Появление погони на печати Василия I можно рассматривать как результат прямого влияния литовской геральдики. Василий Дмитриевич был женат на дочери Витовта Софье. Великий князь Витовт выступает во второй духовной Василия Дмитриевича как главный гарант выполнения воли завещателя, как опекун его сына и жены: "А приказываю своего сына, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту, как ми реклъ, на бозе да на немъ, как ся иметъ печаловати..."[94]

Три сохранившиеся печати второй духовной Василия Дмитриевича принадлежат его трем братьям – Андрею, Петру и Константину Дмитриевичам, которые в тексте грамоты названы после Витовта в качестве доверенных лиц завещателя: "...и своеи братье молодшеи, князю Ондрею Дмитреевичю, и князю Петру Дмитреевичю, и князю Костянтину Дмитреевичю..."[95] Печати всех трех князей – черновосковые. Печати Андрея и Петра – односторонние, печать Константина – двусторонняя. Помимо изображений, не имеющих ничего общего с великокняжеской сфрагистикой, печати содержат надписи с указанием имен их владельцев: 1) "Князя Ондреева Дмитривича"; 2) "Печать княжа Петрова Дмитриевича"; 3) "Печать княжа Константинова Дмитриевича"[96].

Кроме родных братьев Василия I (среди которых нет старшего из удельных князей – Юрия), в числе гарантов в духовной названы князья Семен и Ярослав Владимировичи, сыновья боровско-серпуховского князя Владимира Андреевича, троюродные братья Василия Дмитриевича. Их печатей при духовной нет и, вероятно, не было. Поскольку они занимали последнее место в списке гарантов, едва ли несохранившаяся печать неизвестной атрибуции принадлежала одному из них. Больше оснований предполагать, что это была печать Витовта – первого и главного гаранта, названного в грамоте. Атрибутировать несохранившуюся печать митрополиту Фотию меньше оснований, хотя Фотий и скрепил грамоту посредством подписи (на греческом языке)[97].

К третьей духовной Василия Дмитриевича (1423 г.) была привешена его печать желтого воска. Как и на печати второй духовной, на ней изображен всадник на коне с мечом. Интересно, что переход к новой для великокняжеских печатей иконографии сопровождался переходом и к новому для них материалу – воску,

---

[94] ДДГ. № 21. С. 59.
[95] Там же.
[96] Там же. С. 569.
[97] Там же. С. 59.

которым изначально пользовались удельные князья. Печатей гарантов нет, хотя все они, кроме Константина, вновь указаны в тексте духовной. Отсутствие печатей гарантов объясняется, возможно, тем, что к 1423 г. наследник престола, князь Василий, несколько повзрослел сравнительно с 1417 г. (он родился 10 марта 1415 г.; в июле 1417 г. ему было два года, в марте 1423 г. – восемь лет).

Духовная грамота иноки Евпраксии (кнг. Елены Ольгердовны) около 1433 г. была, по-видимому, скреплена ее печатью, от которой сохранился только след[98].

О печати завещания галицкого кн. Юрия Дмитриевича (около февраля 1433 г.) сведений нет, поскольку текст его дошел в списке XV в., не содержащем никаких сведений на этот счет[99]. Духовная в.кнг. Софьи Витовтовны (1451 г.) была скреплена двумя восковыми печатями – желтого и черного цвета. Желтовосковую печать предположительно атрибутируют самой завещательнице. На ней изображение нагой человеческой фигуры с крыльями, поднявшей другую человеческую фигуру, и остаток надписи: "...ать кня..."[100] Буквы "ать кня" можно реконструировать как "Печать княгини..." Что касается черновосковой печати, то ее атрибуция не вызывает сомнений. Это печать митрополита Ионы, имя которого фигурирует в надписи на печати. Печать Ионы – двусторонняя. На одной стороне ее изображение Богородицы с младенцем, на другой надпись: "Б(о)жиею м(и)л(о)стию смиреныи Иона митрополит всея Руси"[101].

На лицевой стороне духовной грамоты Василия II Васильевича (1461–1462) следы от прикрепления двух печатей[102], которые раньше на ней имелись[103]. Первая печать – великого князя. На одной стороне печати изображение льва, пожирающего змею, и надпись: "Печать великого князя Василия Васильевича". На другой стороне изображены четыре лошади, бегущие попарно в разные стороны, и человек с головой в руках, держащей ветку и как бы правящий лошадьми; круговая надпись: "Печать великого князя Василия Васильевича"[104]. Вторая печать – митрополита Феодосия. На одной стороне ее изображение Богородицы с младенцем; у головы надпись: слева – МРІС, справа – ХСУ. На другой стороне надпись: "М(и)л(о)с(тью) божьею смиреныи Феодосии митрополит всея Руси".

---

[98] См.: Там же. № 28. С. 569.
[99] Там же. № 29. С. 73–75.
[100] Там же. № 57. С. 572.
[101] Там же.
[102] Там же. № 61. С. 198.
[103] СГГД. Ч. I. № 86.
[104] ДДГ. № 61а. С. 572; ср. № 52/1.

На приписной грамоте к духовной Василия II сохранились две висячие печати – великого князя Василия и митрополита Феодосия[105]. По типу они идентичны печатям, которыми был скреплен основной текст духовной Василия Темного[106].

Духовная грамота дмитровского удельного князя Юрия Васильевича (около 1472 г.) дошла в списке второй половины XV в. Из текста грамоты явствует, что она была скреплена печатью князя-завещателя: "А запечатал есмь своею печатию"[107].

Духовная вологодского удельного князя Андрея Васильевича Меньшого (около 1481 г.), сохранившаяся в списке конца XV – начала XVI в., не содержит сведений о скреплении ее печатью, из чего, однако, не следует, что печати при ней не было.

Духовная волоцкого князя Бориса Васильевича (около 1477 г.) была скреплена печатью либо самого князя, либо его духовника. В тексте грамоты сказано: "А запечатал сю духовную отець мои духовнои, поп Иван, своею печатью"[108]. Черновосковая печать, приложенная к подлиннику, не идентифицируется – от нее сохранились только следы[109]. По мнению Л.В. Черепнина, это и была "печать попа Ивана, духовника кн. Бориса Васильевича"[110].

Первый и второй черновые варианты духовной верейско-белозерского князя Михаила Андреевича (1486 г.) дошли в списках XV в. О печатях в них не упоминается. Официально утвержденный беловой экземпляр духовной сохранился в подлиннике, но печатей при нем нет, имеются лишь следы их прикрепления[111]. Ясно, что грамота была скреплена не одной печатью, а по крайней мере двумя, из которых одна могла принадлежать кн. Михаилу Андреевичу, а другая митрополиту Геронтию, чью подпись видим на обороте грамоты. Черновосковые печати кн. Михаила Андреевича сохранились при двух приписных списках к духовной и шести относящихся к ней данных[112]. На печати изображение женщины, одетой в длинное платье, с палкой в одной руке и мечом в другой, и круговая надпись: "Печать князя Михаила Ондреевича"[113].

Дошедшая в подлиннике духовная грамота волоцкой княгини Ульяны, вдовы кн. Бориса Васильевича (около 1503 г.), печати не

---

[105] Там же. № 61б. С. 199.
[106] Там же. № 61б. С. 572–573.
[107] Там же. № 68. С. 224.
[108] Там же. № 71. С. 251.
[109] Там же.
[110] Там же. № 71. С. 574.
[111] Там же. № 80в. С. 311, 575.
[112] Там же. № 80г–л. С. 312–315, 575.
[113] Там же. № 41/3, 80г. С. 571, 575.

имеет[114]. Завещание ее сына, рузского князя Ивана Борисовича (около 1503 г.) сохранилось в списке. Упоминаний о печати в нем нет. Отсутствуют сведения о печати или печатях и в духовной грамоте Ивана III (около 1504 г.), дошедшей в списке начала XVI в.[115] То же можно сказать о духовной волоцкого князя Федора Борисовича (около 1506 г.), сохранившейся в списке начала XVI в.[116] Духовная углицкого князя Дмитрия Ивановича Жилки (около 1521 г.) дошла в подлиннике, без печати и без следов ее прикрепления, а также без упоминания о печати в тексте[117].

Иначе оформлена духовная запись в.кн. Василия III 1523 г., дошедшая в подлиннике. К ней привешены две печати: самого великого князя и митрополита Даниила. Печать Василия III – на красном воску. На одной стороне ее изображение всадника, поражающего копьем дракона, и круговая надпись: "Велики князь Василеи божиею милостию господарь всея Русии". На другой стороне изображение двуглавого орла и надпись: "и велики князь Влад. и Мос. и Ков. и Пск. и Твер. и Угор. и Вят. и Пер. и Бол.". Печать митрополита – на черном воску. На одной стороне печати – изображение благословляющей руки и круговая надпись: "Рука митрополита Данила всеа Русии". На другой стороне надпись: "Божиею милостию смиренои Данил митрополит всеа Русии»[118].

Духовная грамота Ивана IV (около 1572 г.). сохранившаяся в списке начала XIX в., без конца, не содержит упоминаний о печати. Вместе с тем можно думать, что завещания как Ивана III, так и Ивана IV были скреплены великокняжеской печатью, а завещание Ивана III, возможно, и печатью митрополита Симона. Косвенным намеком на это может служить духовная запись Василия III 1523 г., не содержащая упоминаний о печатях в тексте, но скрепленная печатями великого князя и митрополита. Печать Василия III – нового типа. Надпись на ней начинается не со слова "Печать", как это было в XIV–XV вв., а с обозначения ранга монарха: "Велики князь". Такой же, вероятно, была печать на духовной Ивана III.

Вместе с тем в конце XV – первой трети XVI в. удельные князья в ряде случаев не скрепляют свои завещания собственной печатью. Нет княжеской печати на дошедших в подлиннике завещаниях Бориса Васильевича Волоцкого (печать духовника?), его жены княгини Ульяны и углицкого князя Дмитрия Ивановича Жилки. Это говорит о том, что духовные удельных князей имели тенденцию к превращению из актов политических в акты частных лиц.

---

[114] Там же. № 87. С. 349–351.
[115] Там же. № 89. С. 353–364.
[116] Там же. № 98. С. 406–409.
[117] Там же. № 99. С. 409–414.
[118] Там же. № 100. С. 415, 576.

Глава V

НАЧАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ МОСКОВСКИХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ

Большой интерес представляет эволюция формуляра завещаний великих князей в конце XIV – начале XVI в.

К изучаемому времени относятся вторая духовная Дмитрия Донского (1389 г.)[1], три духовных Василия I разного времени: 1) 1406–1407 гг.[2]; 2) 1417 г.[3] (или 1417–1420 гг.)[4]; 3) 1423 г.[5] (или 1418–1423 гг.)[6]; две грамоты Василия II (1461–1462 гг.) – основная[7] и дополнительная, или "приписная"[8]; духовная Ивана III (1503–1504 гг.)[9]. Грамоты Дмитрия Донского, Василия I и Василия II дошли в подлинниках, причем духовная Дмитрия Донского – на пергамене. Духовная Ивана III сохранилась в списке начала XVI в. Символическая инвокация в виде креста имеется на духовных Дмитрия Донского[10], великой княгини Софьи[11] и Василия II[12]. Отсутствие символической инвокации в завещании Ивана III непоказательно, так как оно дошло в списке[13]. Интересное, что символической инвокации нет в трех духовных Василия I[14]. Наиболее ранняя из них составлялась либо после смерти митрополита Киприана, либо в период его болезни[15], когда влияние митрополичьей кафедры могло быть ослаблено. В этом документе

---

[1] ДДГ. № 12.

[2] Там же. № 20. Уточнение датировки см.: *Зимин*. ХДДГ. С. 291, 292.

[3] ДДГ. № 21.

[4] *Зимин*. ХДДГ. С. 292, 293, 323.

[5] ДДГ. № 22.

[6] *Зимин*. ХДДГ. С. 293, 294, 323.

[7] ДДГ. № 61а.

[8] Там же. № 61б.

[9] Там же. № 89. Уточнение датировки см.: *Зимин*. ХДДГ. С. 319, 320; *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 198–202.

[10] СГГД. Ч. I. № 34. С. 58.

[11] Там же. № 83. С. 191.

[12] Там же. № 86, 87. С. 202, 207.

[13] Там же. № 144. С. 389.

[14] Там же. № 39, 41, 42. С. 72, 80, 83.

[15] *Зимин*. ХДДГ. С. 291, 292.

допущен такой странный "ляпсус", как пропуск слова "духа" в словесной инвокации. Несмотря на участие митрополита Фотия в оформлении второй и третьей духовных Василия Дмитриевича, его первая духовная, видимо, служила образцом, от которого в вопросе о символической инвокации не отступили.

В завещаниях Дмитрия Донского и Василия I Дмитриевича редакция словесной инвокации остается той же, что и в более ранних духовных грамотах: "Во имя отця и сына и святаго духа"[16]. Но уже в грамоте Софьи Витовтовны, вдовы Василия I и матери Василия II Васильевича (1451[17] или 1449–1452 гг.[18]) после слов "Во имя" появляется дополнительный элемент – "святыя и живоначальныя Троицы", вследствие чего вся инвокация усложняется: "Во имя святыя и живоначальныя Троицы, отца и сына и святаго духа"[19]. Эта вторая редакция инвокации переходит в духовную Василия II и Ивана III. Включение в духовную Софьи оборота о Троице связано, по-видимому, с влиянием митрополичьей кафедры (грамоту писал митрополичий дьяк).

Начиная со второй духовной Василия Дмитриевича после инвокации помещается указание на благословение митрополита: "по благословенью отца нашего Фотия, митрополита Киевского и всия Руси"[20]. До этого подобный оборот в духовные грамоты князей не вставлялся[21], зато находим аналогичный уже в договорных грамотах Дмитрия Донского[22].

В договорных грамотах ссылка на благословение митрополита носит характер юридической преамбулы, освящающей акт и придающей ему бесспорность. Поскольку в докончаниях словесной инвокации нет вообще, связь преамбулы со словесной инвокацией

---

[16] Цит. по: ДДГ. № 12. С. 33; ср.: № 21, 22. В первой духовной Василия Дмитриевича опущено слово "духа" (см.: Там же. № 20).

[17] Там же. № 57.

[18] *Зимин.* ХДДГ. С. 313, 324.

[19] СГГД. Ч. I. № 83. С. 191. В ДДГ (№ 57. С. 175) текст "Во имя святыя и живоначалныя Троици, от" заключен в квадратные скобки как несохранившийся, но восстанавливаемый. В СГГД он приводится как сохранившийся, без каких-либо комментариев или шрифтовых выделений.

[20] ДДГ. № 21. С. 57; № 22. С. 60.

[21] Следовательно, отсутствие его в первой духовной Василия Дмитриевича не может служить доказательством того, что она была составлена только после смерти митрополита Киприана (см.: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 86). Возражение против решающей для датировки документа роли отсутствия "благословения" митрополита выдвинул еще А.А. Зимин (*Зимин.* ХДДГ. С. 291, 292), но он аргументировал это лишь предположением о времени болезни Киприана.

[22] ДДГ. № 5, 9–11; *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты X–XIV вв. // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 114.

по текстам грамот этой группы не прослеживается. Во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича обособленность преамбулы от инвокации находит выражение в отсутствии между ними союза "и". Впервые он появляется в этом месте формуляра в духовной Софьи Витовтовны, что, возможно, связано с употреблением в ней расширенной редакции инвокации, в которой фигурирует Троица: "Во имя святыя и живоначалныя Троицы, отца и сына и святаго духа, и по благословению отца нашего Ионы, митрополита Киевьскаго и всея Руси".

Соединение инвокации с преамбулой усиливало публично-правовое значение духовной как акта, составленного с согласия и по благословению главы церкви. Соединение же преамбулы с инвокацией приравнивало благословение митрополита к призыванию священного имени. Оба аспекта показывают возросшую роль церкви или, по крайней мере, церковной идеологии в оформлении великокняжеских духовных грамот.

Конструкция инвокации – преамбула типа содержащейся в духовной Софьи Витовтовны была применена затем в завещаниях Василия II и Ивана III.

Титул митрополита в преамбуле духовных грамот великих князей менялся. Если во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича, а также в завещании Софьи Витовтовны митрополит называется Киевским и всея Руси, то в духовных Василия II и Ивана III слова "Киевскаго и" опущены. Это был возврат к первоначальному краткому митрополичьему титулу "всея Руси", характерному еще для преамбулы докончаний Дмитрия Донского.

В интитуляции великокняжеских завещаний, которая помещается после инвокации или (начиная со второй духовной Василия Дмитриевича) после инвокации–преамбулы, сохраняется прежняя структура. Всюду интитуляция открывается оборотом "се яз", далее идет определение "грешныи". В духовных Василия II и Ивана III идея грешности завещателя усиливается заменой слова "грешныи" на "многогрешныи", что также является показателем роста влияния церковной концепции. Следующее за этим выражение "худыи раб божии" остается без изменений. Оно непосредственно предшествует имени князя. Всюду, кроме духовной Семена Гордого, приводится светское имя князя. В интитуляции духовной Семена вместо имени "Семен", характерного для его докончальных грамот, читаем "Созонт"[23]. Это исключение из правила было вызвано, видимо, тем, что Семен, не имея мужского

[23] ДДГ. № 3. С. 13.

потомства, давал "ряд" только "своеи княгине", а фактическими наследниками престола оказывались его братья, желавшие гарантировать себя от возможной конкуренции со стороны какого-нибудь неожиданного "Семеновича". Кроме того, духовная Семена составлялась, наверное, после принятия им монашеского чина, ибо перемена имени формально должна была быть связана с пострижением[24].

Отчество великих князей встречается только в интитуляции духовных грамот Ивана Ивановича и его сына Дмитрия Ивановича[25]. Ни до, ни после них оно не употреблялось. Введением отчества в завещание Ивана II подчеркивалась преемственность его власти от отца – вопреки исторической действительности, заключавшейся в том, что Иван II фактически наследовал брату, а не отцу. В духовную Дмитрия Донского отчество великого князя могло быть включено по аналогии с предшествующим завещанием Ивана II и для утверждения принципа прямого наследования от отца к сыну, нарушенного после смерти Семена Гордого.

Вслед за интитуляцией в духовных великих князей находим заявление о написании грамоты и о физическом и душевном состоянии завещателя в этот момент.

Можно выделить несколько оборотов, которые в разных грамотах в разном сочетании образуют эту завершающую часть первой фразы княжеских завещаний: а) декларация факта написания ("пишу... грамоту..."); б) указание конкретных обстоятельств, при которых писалась духовная; в) указание цели написания; г) признание невынужденности составления духовной; д) формула "целымь своимь умомь"; е) близкая к ней: "в своем смысле"; ж) развивающая предыдущую: "и в своем разуме"; з) формула "в своемь здоровьи"; и) аналогичная ей: "здоров"; к) аналогичная: "при своем здоровье"; л) формула "при своемь животе"; м) формула "добр"[26].

Покажем сочетание выделенных оборотов в конкретных духовных:

---

[24] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 26; М.Н. Тихомиров полагал, что Семен принял имя Созонта потому, что это было его крестильное (патрональное) имя. При этом автор без ссылки на источник утверждал, что Семен родился 7 сентября, на память св. мученика Созонта (*Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 39, примеч. 3). Между тем в летописях не удается найти точную дату рождения Семена. Поскольку на печати этого князя изображен св. Симеон Перс (ДДГ. С. 567. № 3), можно думать, что именно он, а не Созонт являлся патроном Семена Гордого.

[25] ДДГ. № 4 (а, б), 12; *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты... С. 115.

[26] Все цитированные выше формулы приведены в правописании наиболее раннего текста, где они употреблены.

1-я и 2-я Ивана Калиты	а б г д з
Семена Гордого	л д а
1-я и 2-я Ивана Красного	а г д з
2-я Дмитрия Донского	а д
1-я Василия I	а е м и
2-я –"–	к а
3-я –"–	к а
Софьи Витовтовны	а в е ж
1-я Василия Темного	л е а
2-я –"–	е а
Ивана III	л е а

Оборот "а" является обязательным для всех завещаний. Во всех ранних грамотах, за исключением духовной Семена Гордого, он идет сразу после интитуляции. Со второй духовной Василия Дмитриевича он перемещается в конец фразы, и только в духовной Софьи Витовтовны видим его вновь на первом месте. Формулировка данного оборота менялась. Наиболее ранняя – в духовных Ивана Калиты: "пишу душевную грамоту". В том же виде этот оборот повторяется только во второй духовной Ивана Красного. Уже в завещании Семена допущена перестановка слов: "пишу грамоту душевную". Та же редакция – в первой духовной Ивана Красного, во второй духовной Дмитрия Донского и во всех трех духовных Василия Дмитриевича.

Этот утвердившийся порядок слов сохраняется в первой духовной Василия Темного и в духовной Ивана III, в которых дополнительно введено указательное местоимение "сию" перед словом "грамоту": "пишю сию грамоту душевную".

Местоимение "сию" впервые появилось в духовной Софьи Витовтовны, где наблюдается также возврат к раннему порядку слов при замене термина "душевная" на "духовная": "пишу сию духовную грамоту". Термин "духовная" в этом месте формуляра ни в одном другом великокняжеском завещании не употребляется, Исключительность духовной Софьи может быть связана опять-таки с влиянием митрополичьей кафедры. Составитель второй ("приписной") духовной Василия Темного следует духовной Софьи, ставя определение раньше слова "грамота", но в то же время он соблюдает великокняжескую традицию, называя грамоту "душевной", а не "духовной": "...пишу сию душевную приписную грамоту". Зависимость второй духовной Василия Темного от формуляра духовной Софьи определялась тем, что в "приписной" грамоте речь шла преимущественно о выделении наследства жене писцателя – великой княгине Марии. Очевидно, при создании

этого документа было уделено большое внимание содержанию и тексту завещания княгини-матери.

Оборот "б" составляет особенность духовных Ивана Калиты: "ида въ Ворду". Другие великокняжеские завещания не ссылаются на конкретные исторические обстоятельства, при которых они возникли. Это косвенно свидетельствует о неразвитости письменной завещательной практики до Калиты, и выражение "ида въ Ворду" надо понимать не только в том смысле, что князь составлял духовную в предвидении возможной смерти в Орде или по дороге туда или обратно, но и как показатель его намерения утвердить духовную в Орде. Об утверждении грамоты в Орде, казалось бы, свидетельствуют данные, касающиеся утраченной печати на второй духовной Ивана Калиты. Кроме печати князя, к ней, как пишет Л.В. Черепнин, "была привешена монгольская печать хана Узбека с изображением с одной стороны тамги в форме плетенья, с другой – шестиугольной звезды, сложенной из двух треугольников, с четырьмя шариками в центре"[27]. Выдающийся знаток и исследователь татаро-монгольской сфрагистики М.А. Усманов категорически отрицал вероятность принадлежности подобной печати хану Узбеку и не видел в приведенном описании ее никаких признаков соответствия сохранившимся подлинным ханским печатям. Для нас вопрос этот остается открытым.

Ни текст, ни печати последующих грамот великих князей не позволяют говорить об утверждении их в Орде. По крайней мере, с Семена Гордого это стало вполне внутренним русским делом. Представляется, что до Ивана Калиты власть на Московское княжение должна была закрепляться ханским ярлыком. Иван Калита сумел добиться отхода от этой практики и узаконил другой способ передачи власти на Московское княжение – запись княжеского распоряжения в духовной. Может быть связь нового способа со старым нашла выражение в необходимости утверждения духовной в Орде. Следующий шаг – отход и от этой формы зависимости от Орды. Начиная со второй духовной Дмитрия Донского московские князья, передававшие раньше своим наследникам право только на Московское княжество, стали распоряжаться и великим княжением Владимирским. Это был прямой результат победы над татаро-монголами в 1380 г.

Оборот "в" носит опять-таки исключительный характер. Он имеется лишь в духовной Софьи Витовтовны: "управление чиня о своеи души". Формулировка благочестивой цели составления духовной не свойственна великокняжеским завещаниям. В духовной

---

[27] ДДГ. С. 567. № 1б; ср.: *Каштанов С.М.* Русские княжеские акты... С. 115.

Софьи Витовтовны этот оборот мог появиться под прямым воздействием митрополичьей кафедры.

Цель составления духовной, но только не благочестивая, а практическая, указана еще во втором завещании Василия Темного после оборота "а": "Что есмь писал болшую свою душевную грамоту, дая ряд своеи княгине и своим детем, и чего есмь в ту свою душевную грамоту не вписал, и яз в сю грамоту в приписную написал"[28]. Однако эту фразу едва ли можно приравнять к обороту типа "в", поскольку в ней объяснение причины написания духовной преобладает над формулировкой цели. К тому же цитированное предложение не входит в систему оборотов, прямо связанных с интитуляцией.

Обороты "г", "д" и "з" встречаются только в грамотах князей XIV в. – до Дмитрия Донского включительно. Особенно недолговечен был оборот "г" – о невынужденности составления духовной. В духовных Калиты сказано: "никимь не нужен", в духовных Ивана Красного – "ничим же не нужен". Весьма интересно, что в духовных Калиты "г" следует сразу после оборота "ида въ Ворду". Это служит как бы намеком на то, кем мог быть великий князь принужден к составлению духовной и к поездке в Орду – татарами. В духовной Семена оборот "г" опущен, а в духовных Ивана Красного он потерял первоначальный смысл. В формуле "ничим же не нужен" уже нет намека на каких-либо насильников. Оборот приобрел абстрактное значение, оговаривая невынужденность составления духовной какими-либо неблагоприятными обстоятельствами. Неудивительно, что в последующие духовные он перестал включаться.

Общим для всех ранних духовных был оборот "д": "целымь своимь умомь". Вероятно, он считался важным как свидетельство психической полноценности завещателя. Начиная с первой духовной Василия Дмитриевича "д" заменяется равнозначным оборотом "е": "в своем смысле". Этот оборот находится в духовных Василия II, Ивана III и великой княгини Софьи Витовтовны, где он дополнен встречающимся только здесь оборотом "ж": "и в своем разуме". Прямого свидетельства психической полноценности завещателя нет лишь во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича. Косвенно нормальное состояние его ума и духа подтверждалось формулой "при своем здоровье" (оборот "к").

Впрочем, одновременное употребление сходных оборотов о "здоровье" ("з", "и"), с одной стороны, и об "уме" или "смысле" ("д", "е") – с другой, в грамотах Ивана Калиты, Ивана Красного

[28] В ДДГ (С. 198) иная синтаксическая интерпретация этого текста.

и в первой духовной Василия Дмитриевича показывает, что под "здоровьем" подразумевалось прежде всего физическое состояние завещателя. Самая ранняя формула констатации "здоровья" – "в своемь здоровьи" (оборот "з") – применяется в духовных Ивана Калиты и Ивана Красного, следующая по времени формула – "здоров" (оборот "и") – содержится в первой духовной Василия Дмитриевича и, наконец, последняя – "при своем здоровье" (оборот "к") – во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича. Указание на "здоровье" отсутствует в духовных Семена Гордого, Дмитрия Донского (2-й), Софьи Витовтовны, Василия II и Ивана III. В трех из этих грамот – Семена Гордого, Василия II (1-й) и Ивана III – имеется другое выражение: "при своемь животе" (оборот "л").

Выражение "при своемь животе" наводит на мысль, что документ, где употреблялась эта формула, должен был составляться во время тяжелой болезни завещателя, когда смертельный исход ее казался наиболее вероятным. Обстоятельства смерти великого князя Семена неизвестны. По-видимому, он умер от того же морового поветрия, которое, как считает Л.В. Черепнин, унесло жизни его малолетних детей – Ивана и Семена[29]. Л.В. Черепнин убедительно доказал, что духовная Семена Ивановича была составлена после смерти митрополита Феогноста и сыновей великого князя. Феогност, согласно большинству летописей, умер 11 марта 1353 г.[30], по Львовской, Ермолинской и сводам 1497 и 1518 гг. – 14 марта[31], по Воскресенской – 1 марта[32]. Из этих дат верной является первая. В Симеоновской летописи и Рогожском летописце сказано, что Феогност умер 11 марта на память св. Софрония, а в гроб положен 13 марта на память св. Никифора[33]. Действительно, память патриархов Софрония Иерусалимского и Никифора Царьградского празднуется соответственно 11 и 13 марта (ст. стиля)[34].

Точная дата смерти двух сыновей Семена Гордого в летописях не приводится. Они умерли "на той же недели", что и митрополит Феогност. Поскольку 11 марта 1353 г. было понедельником 3-й недели Великого поста (пасха – 14 апреля), выражение "на той же

---

[29] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 25. В летописях нет указаний на смерть Семена и его детей от "морового поветрия".

[30] ПСРЛ. Т. 10. С. 226; Т. 15. 2-е изд. Вып. I. Стб. 62; Т. 18. С. 98; Т. 24. С. 121; Т. 25. С. 179; Т. 30. С. 110.

[31] Там же. Т. 20, первая половина. С. 187; Т. 23. С. 111; Т. 28, С. 73, 234.

[32] Там же. Т. 7. С. 217.

[33] Там же. Т. 15. 2-е изд. Вып. I. Стб. 62; Т. 18. С. 98.

[34] *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. II, ч. 1. С. 63, 65.

недели" могло обозначать время от вторника 12 марта до воскресенья 17 марта включительно[35].

Сам Семен Гордый умер, согласно большинству летописей, 26 апреля[36], по сокращенным сводам 1493 и 1495 гг. – 23 апреля[37], по Воскресенской – 27 апреля[38]. Правильна первая дата. Рогожский летописец и Симеоновская летопись приурочивают смерть великого князя ко дню памяти св. мученика Василия. При проверке подтверждается, что память священномученика епископа Василия Амасийского празднуется 26 апреля (ст. стиля)[39].

Таким образом, духовная Семена возникла в промежутке между 17 марта и 26 апреля 1353 г. Л.В. Черепнин считает наиболее вероятным временем составления духовной середину марта, ибо в документе упоминаются епископы – владимирский Алексей и коломенский Афанасий, – которые, по данным летописей, присутствовали на похоронах митрополита Феогноста[40]. Однако в составе иерархов, присутствовавших на похоронах Феогноста, с одной стороны, и при написании духовной – с другой, наблюдается и разница. В духовной не фигурирует волынский епископ Афанасий, бывший на похоронах Феогноста, и, наоборот, появляется переяславский епископ Афанасий, которого на похоронах Феогноста не было.

Следовательно, духовная была составлена явно не сразу после смерти Феогноста, а, видимо, ближе к моменту смерти самого великого князя. Это подтверждается тем, что Семен в духовной выступает с монашеским именем "Созонт", а пострижение на одре болезни обычно делалось, когда положение больного казалось безнадежным (вспомним историю пострижения умирающего Василия III в 1533 г.)[41].

Завещания Василия II Л.В. Черепнин датирует временем между 3 мая 1461 г. (поставление в митрополиты Феодосия, фигурирующего в обеих духовных в этом сане) и 27 марта 1462 г. (смерть великого князя)[42]. Исходя из нашей интерпретации формулы "при

---

[35] Л.В. Черепнин едва ли прав, считая, что дети великого князя умерли "через неделю после смерти митрополита Феогноста", т.е. 18 марта 1353 г. (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 25; ДДГ. С. 14).

[36] ПСРЛ. Т. 10. С. 226; Т. 15. 2-е изд. Вып. I. Стб. 62; Т. 18. С. 98; Т. 20, первая половина. С. 187; Т. 24. С. 121; Т. 25. С. 179; Т. 28. С. 73, 234; Т. 30. С. 110.

[37] Там же. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 241, 325.

[38] Там же. Т. 7. С. 217.

[39] *Сергий, архим.* Указ. соч. Т. II, ч. 1. С. 108.

[40] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 25.

[41] ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13, вторая половина. С. 417–418; *Каштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 279.

[42] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 158–159; ДДГ, № 61.

своем животе", эту датировку можно сузить. Если считать, что указанная формула содержит намек на безнадежное состояние здоровья завещателя, написание "большой", или основной, духовной Василия II надо отнести ко времени резкого обострения его болезни. Впрочем, уже сам Л.В. Черепнин склонялся к датировке духовной временем болезни великого князя в марте 1462 г.[43]

Согласно сведениям летописей, в "пяток" Федоровой недели 1462 г. великий князь, предполагая наличие у себя "сухотнои болести", "повели жещи ся". Это прижигание привело к тяжелым последствиям: "Егда же разгнишася раны оны, и бысть ему болезнь тяжка, и въсхоте в черньци постричися, и не даша ему воли, и в тои болезни преставися..."[44]. Пятница Федоровой недели приходилась в 1462 г. на 5 марта (пасха – на 18 апреля).

В большинстве летописей сообщается, что Василий Темный умер 27 марта, но в списке Дубровского Новгородской IV, в Тверской, Типографской летописях и в одном из известий свода 1518 г. указано 28 марта[45]. В ряде летописных сводов называется день, на который приходилось 27 число – суббота. Это соответствует действительности. В Типографской летописи с субботой неверно отождествлено 28 марта. В Новгородской IV, Софийской I и сводах 1493 и 1495 гг. 27 марта определяется как день памяти св. Матрены Селунской[46], а в Тверской летописи 28 марта названо днем памяти свв. "Ионы, Варахиси" (т.е. Ионы и Варахисия)[47]. И то, и другое приурочение правильно[48]. Фактически противоречия между датами 27 и 28 нет, ибо великий князь умер "в субботу в 3 час нощи в утрии же день в неделю", т.е. в ночь с субботы на воскресенье или, строго говоря, в воскресенье 28 марта[49].

---

[43] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 158–159.

[44] Цит. по: ПСРЛ. Т. 25. С. 278; ср.: СПб., 1848. Т. 4. С. 132, 148; Л., 1925. 2-е изд. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 493; СПб., 1851. Т. 5. С. 273; СПб., 1853. Т. 6. С. 185, 277; СПб., 1859. Т. 8. С. 150; СПб., 1901. Т. 12. С. 115; СПб., 1863. Т. 15. Стб. 496; Т. 18. С. 215; Т. 20, первая половина. С. 276; Т. 23. С. 157; Т. 24. С. 185; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 220; Т. 27. С. 123, 275, 349; Т. 28. С. 116, 285; Т. 30. С. 135.

[45] Там же. 2-е изд. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 493; СПб., 1863. Т. 15. Стб. 496; Т. 24. С. 185; Т. 28. С. 285.

[46] Там же. СПб., 1848. Т. 4. С. 148; Т. 5. С. 273; Т. 27. С. 275, 349.

[47] Там же. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 496.

[48] *Сергий, архим.* Указ. соч. Т. II, ч. 1. С. 78–79.

[49] В нескольких летописях известие о смерти Василия II непосредственно продолжено сообщением о его погребении в Архангельском соборе. При этом первое известие издатели летописей иногда относят к субботе 27 марта, а второе – к воскресенью (28 марта). В публикациях Воскресенской и Никоновской летописей знаки препинания расставлены еще более или менее осторожно. Так, в Никоновской: "И в тои болезни преставися, месяца марта в 27 день, в суботу, в 3 час нощи; в утрии же день, в неделю, и погребен бысть в церкви святаго

Составление духовных Василия Темного могло иметь место между 5 и 27 марта, и скорее во второй половине марта, – наверное, тогда великий князь поставил вопрос о пострижении, чему его окружение воспрепятствовало (видимо, вокруг проблемы пострижения умирающего великого князя всегда разгоралась острая борьба – об этом ярко свидетельствует история пострижения Василия III). Косвенным показателем написания большой духовной Василия Темного незадолго до его смерти служит, с нашей точки зрения, то довольно необычное обстоятельство, что летописи излагают ее основное содержание (о распределении уделов)[50], причем в прямой связи с рассказом о кончине великого князя. Возможно, духовная публично объявлялась после смерти Василия II.

Что касается "приписной" духовной грамоты Василия Темного, то она возникла, конечно, позже "болшой", и не исключено, что в последние дни или даже часы жизни великого князя. В ней нет оборота "при своем животе", по поводу чего можно высказать те или иные догадки, но все они потребуют дополнительной аргументации, которой мы не располагаем.

Архангела Михаила..." (ПСРЛ. Т. 12. С. 115). Но уже в издании Симеоновской летописи интерпретация совершенно определенная: "... и в тои болезни и преставися месяца марта 27 день в суботу в 3 час нощи. В утрии же день в неделю и погребен бысть в церкви архангела Михаила..." (Там же. Т. 18. С. 215). Точка после "нощи" поставлена также в издании летописного свода конца XV в., летописей Вологодско-Пермской, Никаноровской, сводов 1497 и 1518 гг. (ПСРЛ. Т. 25. С. 278; Т. 26. С. 220; Т. 27. С. 123; Т. 28. С. 116, 285). Эта интерпретация представляется мне весьма спорной, во-первых, потому, что ею снимается сложность определения дня смерти великого князя в летописях – не просто в субботу, а в ночь с субботы на воскресенье; во-вторых, при ней оказывается трудно объяснимым сообщение летописей, оперирующих датой 28 марта; в-третьих, мало вероятно столь поспешное погребение Василия II; в-четвертых, "и" перед "погребен" при такой расстановке знаков препинания имеет лишь усилительное, или эмфатическое, значение, хотя в предложении уже есть усилительная частица "же"; думается, "и" здесь играет роль союза, с которого начинается новая фраза: "И погребен бысть..." – ср. аналогичную в Софийской II, после пересказа завещательного распоряжения Василия Темного о распределении уделов: "И положен во церкви..." (Там же. Т. 6. С. 185). Заметим, что в известиях о событии, случившемся в ночь с одного дня на другой, летописи приводят обычно число уходящего дня: так, смерть Ивана III датируется 27 октября, хотя она произошла "с понедельника на вторник в 1 час нощи" (Там же. С. 244; ср. Т. 12. С. 259 и др.), при этом понедельником было 27 октября, а вторником – 28. Погребение Василия II состоялось, возможно, 4 апреля 1462 г. Существует единственное в своем роде известие Новгородской IV летописи о смерти Василия Васильевича 4 апреля (Там же. Т. 4. СПб., 1848. С. 127). Эта дата противоречит сведениям всех других летописей, но кажется правдоподобной, если считать ее датой не смерти, а погребения великого князя.

[50] В списке Дубровского Новгородской IV летописи большая духовная Василия Темного приведена целиком (ПСРЛ. 2-е изд. Т. 4, ч. I, вып. 2. С. 493–498).

Завещание Ивана III Л.В. Черепнин датировал временем до 16 июня 1504 г., поскольку в договоре великого князя Василия Ивановича с братьями от 16 июня 1504 г. есть ссылка на духовную отца[51]. Тот же исследователь предложил уточненную датировку духовной Ивана III, отнеся ее к апрелю 1504 г.[52] А.А. Зимин датирует этот документ мартом–апрелем 1504 г.[53] Автор настоящей статьи склонялся первоначально к мнению, что ранняя, несохранявшаяся духовная Ивана III была готова уже в ноябре 1503 г., а для второй (дошедшей) принимал датировку Л.В. Черепнина (апрель 1504 г.)[54]. Позднее мы и дошедший вариант духовной считали возникшим в конце 1503 г., примерно в декабре[55].

Иван III умер в ночь с понедельника на вторник 27/28 октября 1505 г. Таким образом, между составлением духовной и смертью великого князя прошло около двух лет, или, во всяком случае, (если принять даже самую позднюю из приведенных выше датировок его завещания) не менее полутора лет. Не говорит ли это против нашего предположения о включении формулы "при своем жывоте"[56] в духовные, писавшиеся в период тяжелой болезни завещателя? Думаем, что нет. В Никоновской летописи под 7011 (1503) г. сообщается: Того же лета, месяца июля в 28, на память святых апостол Прохора и Никанора, Тимона и Пармена, князь великии Иван Васильевич всеа Русити начат изнемогати"[57]. От 6 августа и сентября 1503 г. дошли постановления церковного собора. Возможно, было два собора – один в начале августа, второй между 1 и 21 сентября 1503 г. Ко времени собора в житиях Иосифа Волоцкого и Серапиона Новгородского приурочено "нечто божественно", случившееся с Иваном III[58]. В период с 21 сентября по 9 ноября 1503 г. состоялась поездка Ивана III с сыновьями в Троице-Сергиев монастырь и по городам к северу от Москвы (Переславль-Залесский, Ростов и Ярославль)[59].

---

[51] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 220–223; ДДГ. № 89.

[52] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 221.

[53] *Зимин.* ХДДГ. С. 319–320, 324.

[54] *Каштанов С.М.* Из истории последних уделов // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 10. С. 280–281.

[55] *Каштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 202.

[56] В цитате следуем орфографии списка духовной грамоты Ивана III.

[57] ПСРЛ. Т. 12. С. 257; без указания месяца и числа – в Вологодско-Пермской летописи (Т. 26. С. 296).

[58] Характерно, что в летописях болезнь Ивана III рассматривается как проявление господней любви и наказания одновременно: "его же бо господь любит, наказует".

[59] Подробнее см.: *Каштанов С.М.* Социально-политическаяа история... С. 193–197.

Логичнее всего отнести составление первой духовной Ивана III к тому периоду, когда великий князь "начат изнемогати" и в Москве действовал церковный собор, т.е к 28 июля – 6 августа 1503 г. Именно тогда в завещание могли включить формулу "при своем животе". В дальнейшем в состоянии Ивана III, вероятно, бывали улучшения, о чем, в частности, свидетельствует поездка 21 сентября – 9 ноября 1503 г., но Степенная книга рассматривает ее как "подвиг" больного[60]. Видимо, эта поездка проходила под флагом подготовки к реализации духовной.

Новая духовная (дошедший вариант) с постановлением о Рузе и половине Ржевы была составлена после 28 ноября 1503 г. (смерть рузского князя Ивана Борисовича) и до января 1504 г. (передача Кашина в руки Юрия Ивановича, второго сына Ивана III). Интересующая нас формула перешла туда из первой духовной. Сохранение оборота "л" при создании последней редакции завещания было обусловлено тем, что болезнь Ивана III продолжалась и приобретала угрожающей оборот (по крайней мере, в донесении фогта Нарвы от 8 февраля 1505 г. говорилось, что, по сведениям, полученным от одного человека, пришедшего из устья Нарвы, великий князь Иван смертельно болен)[61].

Таким образом, детальный дипломатический анализ позволяет, с одной стороны, уточнить датировку великокняжеских актов, а с другой – выяснить закономерности употребления формул в зависимости от конкретных обстоятельств создания документа. Все это имеет важное значение для дальнейшего совершенствования методики источниковедческого исследования.

---

[60] ПСРЛ. Т. 21, вторая половина. СПб., 1913. С. 577; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: В 3 т. / отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2008. Т. 2. С. 280.

[61] Подробнее см.: *Каштанов С.М.* Социально-политическая история... С. 233; *Казакова Н.А.* Ливонские и ганзейские источники о внутриполитической истории России в конце XV – начале XVI в. // ВИД. Л., 1976. Вып. VII. С. 156–159.

Глава VI

БОГОСЛОВСКАЯ ПРЕАМБУЛА ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ

Русское "богословие" (по терминологии А.С. Лаппо-Данилевского)[1], вполне тождественное инвокации (invocatio) западных актов, находим в духовных и некоторых данных грамотах: "Во имя отца и сына, и святого духа"; "Во имя святые живоначалные Троицы" (ср.: "In nomine... Trinitatis"; "In Gottes Namen" и т.п.). В русских иммунитетных грамотах богословие в чистом виде, как правило, не встречается. Исключение составляет грамота тверских князей 60-х годов XIV в. Тверскому Отрочу монастырю и повторяющая ее формуляр грамота 30-х годов XV в. тому же монастырю: "Во имя святыя Троицы – отца и сына, и святого духа"[2].

Наличие богословия в грамоте Отрочу монастырю XIV в. показывает, что грамота имела значение не только жалованной, но и духовной. В литературе этот акт датируют временем между 1362 и 1364 гг., так как среди жалователей не упомянут сын великого князя Тверского Василий Васильевич, умерший в 1362 г., и, наоборот, фигурируют князья, скончавшиеся в моровое поветрие 1364 г.[3] Вероятно, грамота составлялась в условиях морового поветрия, незадолго до смерти князей-жалователей. Намеком на тревожные обстоятельства, сопровождавшие выдачу акта, служат, в частности, слова преамбулы: "своего деля спасенья", "на память преставльшимся от сего житья роду нашему, а нам пребывающим в житье семь за въздоровие".

Отсутствие словесной инвокации компенсируется в ряде жалованных грамот наличием инвокации символической – изображения креста в начале текста. О распространении символической инвокации можно судить лишь по подлинникам[4], которые составляют только часть всех дошедших текстов. Поэтому возможности

---

[1] *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 135–136. Так же у Лакиера.

[2] АСЭИ. Т. III. № 116, 117. Здесь и далее без оговорок недатированные грамоты указываются с датами, принятыми в используемых нами изданиях.

[3] Там же. С. 153, примеч. к № 116; ср.: ПРП. Вып. 3. С. 116–119.

[4] В копиях, за исключением отдельных ранних списков, символическая инвокация не воспроизводится.

исследования тут заведомо ограничены. Символическая инвокация имеется в жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю (около 1130 г.)[5]. Встречаем ее и в жалованных грамотах периода образования централизованного государства: в митрополичьих – с 1399 г.[6], в княжеских – с 1425–1427 гг.[7]

Некоторые жалованные грамоты содержат выражения типа: "Святаго деля Спаса", "Святыя деля Троици", "Святого для Благовещения". В отличие от богословия в строгом смысле слова, здесь, во-первых, священное имя не всегда является обозначением Бога-Троицы (см.: "Святого для Благовещениа", "Святыа деля Богородици" и т.д.), во-вторых, подобный оборот в ряде случаев расширяется до формулировки определенной идеальной цели, сводящейся к желанию добиться либо своего спасения, либо милости Бога, Богородицы, патронального святого. Но и без этого расширения предлог "деля", "для" или "ради" (вместо слов "во имя") указывает на цель действия, вследствие чего вся фраза должна быть расценена как преамбула. Однако, поскольку она часто стоит на месте богословия и содержит священное имя, ее можно назвать богословской преамбулой[8].

Первые русские жалованные грамоты относятся к XII в. Их известно четыре: три Юрьеву[9] и одна Пантелеймонову[10] монастырям. В сохранившихся текстах этих грамот богословская преамбула отсутствует. Жалованных грамот XIII в. в нашем распоряжении вообще не имеется.

Наиболее ранний случай употребления богословской преамбулы наблюдаем в жалованной грамоте Ивана Калиты Новгородскому Юрьеву монастырю 1335–1339 гг.[11], где исследуемый компонент условного формуляра[12] слагается из двух оборотов: "... (1) Бога деля (2) и святаго деля Юрья" (тип Ю). В богословской преамбуле жалованной грамоты тверских князей Тверскому Отрочу монастырю 1362–1364 гг.[13] тоже различаются два оборота: "... (1) Бога деля (2) и своего деля спасенья" (тип О).

---

[5] ГВНП. № 81.

[6] АСЭИ. Т. III. № 86.

[7] АСЭИ. Т. I. № 48.

[8] *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 40–41.

[9] ГВНП. № 79–81; ср.: *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 164. № 84.

[10] Там же. № 82; *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // ИА. 1955. № 5. С. 204.

[11] ГВНП. № 86.

[12] О типах формуляров и принципах их членения см.: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 26–47.

[13] АСЭИ. Т. III. № 116.

Таким образом, обе грамоты имеют общий первый оборот богословской преамбулы – "Бога деля". Этот оборот не получил применения в позднейших жалованных грамотах, если не считать грамоты Отрочу монастырю 1435–1437 гг.[14], целиком основанной на формуляре цитированной грамоты 1362–1364 гг. Первый элемент рассматриваемого оборота – "Бога" – не попал и в другие варианты богословской преамбулы жалованных грамот. Единственное исключение составляет преамбула грамоты суздальского князя Ивана Борисовича Спасо-Евфимьеву монастырю 1424–1425 гг.: "Святого великаго Спаса, Бога нашего, милости ради честного его Преображенья"[15]. Однако здесь формула "Бога" – иного происхождения, чем в юрьевской и отроческой грамотах: она явилась результатом раскрытия предшествующей формулы – "Спаса", первичной для грамот Спасо-Евфимьеву монастырю.

Слово "Божьим" входит в состав преамбулы жалованной грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича Ольгову монастырю 1371 г.: "Милосердьемь Божьимь, молитвою святое Богородици и молитвою отця своего князя великого Ивана Олександровича и благословеньем епискупа Рязаньского и Муромского Василья"[16] (тип Ол). Как видим, тип Ол противостоит типам Ю и О не только другой формой упоминания божьего имени, но и всей структурой и содержанием текста. Общность Ол с Ю ограничивается наличием сочетания тут и там двух оборотов, из которых первый оперирует именем Бога, второй – монастырского патрона (в Ю им является св. Юрий – Георгий, в Ол – Богородица). Обороты эти в Ю и Ол – разного характера, а в Ол богословская преамбула дополнена еще двумя оборотами, где на уровне священных лиц фигурируют отец великого князя и рязанский епископ.

До конца XIV – начала XV в. богословская преамбула слабо прослеживается по источникам. Конечно, и самих актов XIV в. мало. Так, дошли тексты лишь четырех жалованных иммунитетных грамот, бесспорно датируемых XIV в. (не рубежом XIV–XV вв.). В трех из них (юрьевской, отроческой и ольговской) богословская преамбула есть. В более ранней грамоте ярославского князя Василия Давидовича Ярославскому Спасскому монастырю (1320-х годов)[17] богословской преамбулы нет, – возможно, потому, что грамота не собственно жалованная, а докончально-жалованная (в ней после intitulatio идет формула "докончал есмь").

---

[14] Там же. № 117.
[15] Там же. Т. II. № 436.
[16] Там же. Т. III. № 322.
[17] Там же. № 190.

Нет богословской преамбулы в двух меновно-иммунитетных грамотах московского великого князя монастырям XIV в.[18], что, вероятно, также объясняется спецификой документов: обычно и в XV в. богословская преамбула составляла принадлежность по преимуществу чисто иммунитетных, реже – данно-иммунитетных грамот князей, мена же как тип сделки не вызывала потребности в формулировании высшей – идеальной – цели или мотивировки действия. Не отражена преамбула в записях содержания шести жалованных[19] и одной докончально-жалованной[20] грамоты рязанских князей рязанским епископам XIV в., хотя это и непоказательно, поскольку записи отнюдь не идентичны подлинным текстам.

Не находим богословской преамбулы в двух жалованных грамотах Олега Рязанскому Солотчинскому монастырю рубежа XIV–XV вв. (1390–1401 гг.)[21].

Отсутствие ее в четырех жалованных грамотах XIV в. светским лицам[22] вполне соответствует предназначение этого компонента условного формуляра, попадавшего и позднее только в грамоты духовным корпорациям. Впрочем, одна из четырех грамот XIV в. светским лицам – грамота Пскова Якову Голутвиничу 1308–1312 гг.[23] – содержит преамбулу: "...за пот и кровь". Однако такого рода преамбула должна быть названа благодарственной, а не богословской.

Богословская преамбула – явление новое для грамот XIV в. Об этом говорит как отсутствие ее в грамотах предшествующего времени, так и место в составе формуляра. В юрьевской грамоте 1337–1339 гг. она встречается дважды: в первом случае – в начале грамоты, где ей предшествуют intitulatio и протокольно-диспозитивная формула "пожаловал есм", во втором случае – в середине акта, в одной из статей диспозиции: "А по великого князя слову волостелем их волоцким блюсти, а не обидети, Бога деля и святаго деля Юрья". В отроческой грамоте 1362–1364 гг. перед богословской преамбулой находятся: 1) заголовок с элементами intitulatio et inscriptio ("Се милостыня... Отрочью монастырю"); 2) invocatio; 3) intitulatio; 4) юридическая преамбула, близкая к narratio ("по отца моего и нашего деда князя великого Михаиловым грамотам"). В отличие от первого случая употребления

---

[18] Там же. Т. II. № 340; Т. III. № 29.
[19] Там же. Т. III. № 309, 311, 315, 318.
[20] Там же. № 314.
[21] Там же. № 324, 325.
[22] ГВНП. № 84, 333; АСЭИ. Т. III. № 2. С. 178; 238.
[23] ГВНП. № 333. О степени подлинности этой грамоты см. гл. XV.

богословской преамбулы в юрьевской грамоте, в отроческой грамоте этот компонент поставлен не после, а до формулы пожалования.

В юрьевской грамоте intitulatio и формула пожалования занимают первые места в полном соответствии с традицией: в грамотах XII в. и начала XIV в. intitulatio помещается на первом месте, протокольно-диспозитивная формула – на втором[24]. Отроческая грамота больше, чем юрьевская, отходит от традиции, вынося богословскую преамбулу перед формулой пожалования.

Итак, при своем возникновении в 30-х годах XIV в. богословская преамбула не заняла предназначенного для invocatio первого места. Ясное различение в это время богословия и богословской преамбулы видно из того, что в юрьевской грамоте богословская преамбула дважды стоит не на том месте, где полагалось быть инвокации. Особенно нагляден второй случай – помещение богословской преамбулы в середине диспозиции, чего с богословием никогда не проделывали.

В 60-х годах XIV в. обнаружилась тенденция пространственного удаления богословской преамбулы от инскрипции и приближения к интитуляции. Если в грамоте 1337–1339 гг. в первом случае богословская преамбула непосредственно связана с инскрипцией, т.е. прямо предшествует ей ("... пожаловал есм, Бога деля и святаго деля Юрья, архимандрита Есифа и всеи братьи"), то в грамоте 1362–1364 гг. она отрезана от инскрипции протокольно-диспозитивной формулой пожалования, т.е. предшествует инскрипции не прямо ("Бога деля и своего деля спасенья, *пожаловали есмы* отца своего архимандрита, кто ни будет у святое Богородицы" (курсив мой. – *С.К.*).

В дальнейшем произошел еще более решительный отрыв богословской преамбулы от инскрипции. Она была поставлена перед интитуляцией и заняла место словесной инвокации. Такое построение характерно уже для ольговской грамоты 1371 г. и для большинства грамот XV в., содержащих богословскую преамбулу.

В XIV в. богословская преамбула могла уживаться с собственно богословием. Сосуществование этих двух компонентов

---

[24] Правда, формула "пожаловал есм" до XIV в. не употреблялась. В новгородских грамотах XII в. читаем: "дал" (ГВНП. № 79, 80), "повелел" (Там же. № 81), "испрошав" или "испрошал" (Там же. № 82; *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 204). Формулу "дал" находим в рязанской грамоте 1299–1303 гг. (АСЭИ. Т. III, № 309). В сомнительной псковской грамоте 1308–1312 гг. сказано: "се жалуеса" (ГВНП. № 333). И только с 20-х годов XIV в. в жалованных грамотах начинает фигурировать формула "пожаловал есмь" (ГВНП. № 84, 86; АСЭИ. Т. III. № 2, 190).

наблюдается в отроческой грамоте. Не исключена возможность присутствия символической инвокации в юрьевской грамоте, если предполагать, что при ее создании учитывались предшествующие юрьевские грамоты (в грамоте Мстислава XII в. символическая инвокация была). Однако, поскольку грамота Калиты дошла только в списке, вопрос о наличии в ней символической инвокации остается открытым.

Очень интересно оформление начальной части ольговской грамоты. На это уже не раз обращали внимание исследователи. Грамота сохранилась в подлиннике. Согласно описанию И.А. Голубцова, первые шесть строк текста "короткие и расположены симметрично в центре страницы, в пространстве между боковыми фигурами деисуса (в 7 лицах), занимающего весь верх грамоты и бока ее до 7-й строки". Первой буквы "м" в первом слове, с которого начинается богословская преамбула и весь текст ("милосердьемь"), в рукописи теперь нет[25]. Находился ли перед исчезнувшим "м" крест (символическая инвокация)? Утратился ли он вместе с "м"?

В семи жалованных грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю 1394–1485 гг. и в двух жалованных грамотах Спасскому Ярославскому монастырю 1463–1478 гг. богословская преамбула состоит из одного оборота: "Святаго деля Спаса" (тип $Сп_1$).

В двух грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю нижегородского князя Данила Борисовича (1394–1404[26] и 1405–1415 гг.[27]), одной грамоте нижегородского великого князя Александра Ивановича (1418–1419 гг.)[28] и трех грамотах московских великих князей Василия Дмитриевича (1425 г.)[29], Василия Васильевича (1445 г.)[30] и Ивана Васильевича (1485 г.)[31] указанная богословская преамбула открывает текст, за ней следует интитуляция. В одной грамоте Спасо-Евфимьеву монастырю московского великого князя Василия Дмитриевича (1405–1415 гг.)[32] богословской преамбуле принадлежит второе место – после интитуляции, перед протокольно-диспозитивной формулой "пожаловал есмь". Все семь грамот сохранились только в списках, поэтому нельзя сказать, была ли в подлинниках перед богословской преамбулой символическая инвокация.

---

[25] АСЭИ. Т. III. № 322. С. 351, 352.
[26] Там же. № 480.
[27] Там же. № 482.
[28] Там же. Т. II. № 435.
[29] Там же. № 437.
[30] Там же. № 447.
[31] Там же. № 482.
[32] Там же. Т. III. № 481.

В обеих грамотах Спасскому Ярославскому монастырю – ярославских князей Данила Васильевича (1463–1469 гг.)[33] и Федора Романовича (1463–1478 гг.)[34] – богословская преамбула идет после интитуляции, которой предшествует символическая инвокация – крест (эти две грамоты дошли в подлинниках).

Выражение "Святаго деля Спаса" совершенно аналогично второму обороту богословской преамбулы юрьевской грамоты 1335–1339 гг.: "... и святаго деля Юрья". И здесь и там священное имя совпадает с посвятительным именем или, иначе говоря, названием монастыря, получающего грамоту.

Имя Спаса входит также в состав нескольких других редакций богословской преамбулы. В двух грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю к обороту "Святаго деля Спаса" прибавлен оборот "честнаго его Преображения – без соединительного союза "и" в грамоте московского великого князя Василия Васильеича 30-х годов XV в.[35] и с союзом "и" в грамоте князей Василия и Федора Юрьевичей (Шуйских) 1445–1446 гг.[36] Назовем эту редакцию богословской преамбулы типом $Сп_2$. Усложненный вариант типа $Сп_2$ представлен в грамоте князя Федора Юрьевича Спасо-Евфимьеву монастырю 1447–1449 гг.[37], где первый и второй обороты соединяются союзом "и", а перед словом "Спаса" вставлено определение "великого" (тип $Сп_{2а}$).

Преамбулы типов $Сп_2$ и $Сп_{2а}$ находятся в формуляре грамот на первом месте (о наличии или отсутствии символической инвокации судить невозможно, так как тексты дошли в списках), однако ближайшим источником характеристики "великого" в $Сп_{2а}$ могла быть богословская преамбула, вкрапленная в одну из статей диспозитивной части жалованной грамоты князей Василия и Федора Юрьевичей Спасо-Евфимьеву монастырю 1445–1446 гг.[38], имеющей в начале другую преамбулу. Эта статья помещена в диспозиции после несудимого раздела и гласит: "А что давали за дань великому князю оброк с своих сирот с монастырьских, весне три рубли, а в осенине три рубли, мы архимандрита з братьею по тому ж пожаловали, *великого деля Спаса*: дают нам за дань с своих сирот со всих оброк, весне два рубли, а в осенине два рубли" (курсив мой. – *С.К.*).

---

[33] Там же. № 194.
[34] Там же. № 198.
[35] Там же. Т. II. № 439.
[36] Там же. Т. III. № 491.
[37] Там же. № 492.
[38] Там же. Т. II. № 448.

Данный вариант богословской преамбулы следует определить как $Сп_{1а}$, ибо он отличается от $Сп_1$ лишь одной характеристикой основного элемента:

$Сп_1$	$Сп_{1а}$
$Э_1 - Х_1$: святаго $Э_2$: деля $Э_1 - Х_2$: Спаса	$Э_1 - Х_1$: великого $Э_2$: деля $Э_1 - Х_2$: Спаса

Сама статья, внутри которой расположена богословская преамбула $Сп_{1а}$, отчасти повторяет протокол. Дипломатический состав ее такой: 1) narratio ("А что... в осенине три рубли); 2) урезанная интитуляция ("мы"); 3) урезанная инскрипция ("архимандрита с братьею"); 4) краткая юридическая преамбула ("по тому ж"); 5) протокольно-диспозитивная формула ("пожаловали"); 6) богословская преамбула ("великого деля Спаса"); 7) dispositio ("дают ... в осенине два рубли"). Компоненты 2, 3, 5 являются принадлежностью протокола. В жалованных грамотах и богословская преамбула обычно либо вклинивается в протокол, либо непосредственно предшествует ему, будучи началом грамоты, хотя по классической западной схеме преамбула – компонент не протокола, а "текста". Включение богословской преамбулы в протокол в русских грамотах объясняется функциональной близостью ее к invocatio.

Место богословской преамбулы типа $Сп_{1а}$ в цитированной статье грамоты 1445–1446 гг. составляет в этом смысле исключение: она поставлена после всего протокола, перед dispositio, иначе говоря, прямо входит в "текст" или "контекст" (по традиционной терминологии), т.е. в "основной текст" (по нашему определению). Здесь исключение подтверждает общее правило – богословская преамбула не тождественна богословию, не только не выходящему за рамки протокола, но и неизменно занимающему в нем первое место.

Характеристика "великого" роднит богословскую преамбулу $Сп_{1а}$ с преамбулой, находящейся в грамоте суздальского князя Ивана Борисовича Спасо-Евфимьеву монастырю 1424–1425 гг.: "Святого великаго Спаса, Бога нашего, милости ради честного его Преображенья" (тип $Сп_3$)[39].

Коренное отличие этой преамбулы от рассмотреннных выше заключается в замене элемента "деля" оборотом "милости ради" и перестройке расположения характеристик основного элемента. Если в преамбулах типа $Сп_1$ и производных основной элемент

[39] Там же. № 436.

"Святаго ... Спаса" распадается на характеристики, разделенные вторым элементом ("деля"), то в типе $Сп_3$ все характеристики основного элемента собраны вместе. Сравним $Сп_3$ с наиболее близким к нему $Сп_{2а}$.

$Сп_{2а}$	$Сп_3$
$О_1 - Э_1 - Х_1$: Святого	$О_1 - Э_{1а} - Х_1$: Святого
$Э_2$: деля	
$Э_1 - Х_2$: великого	$Х_2$: великаго
$Х_3$: Спаса	$Х_3$: Спаса
	$Э_{1б} - Х_1$: Бога
	$Х_2$: нашего
	$О_2 - Э_1$: милости
	$Э_2$: ради
$О_2 - Э_0$: и	$О_3 -$
$Э_1 - Х_1$: честнаго	$Э_1 - Х_1$: честного
$Х_2$: его	$Х_2$: его
$Х_3$: Преображения	$Х_3$: Преображенья

В дальнейшем оборот "милости ради" проявит тенденцию выйти на первое место в богословской преамбуле. В той самой грамоте Василия и Федора Юрьевичей Спасо-Евфимьеву монастырю 1445–1446 гг., где в одной из статей диспозиции применена богословская преамбула типа $Сп_{1а}$, начало формуляра образует другая преамбула: "Милости ради святаго Спаса и боголепного его Преображения"[40] (тип $Сп_4$). Подтвердительная подпись князя Федора Юрьевича 1447–1449 гг. (датируется по игумену) к грамоте нижегородского великого князя Александра Ивановича Спасо-Евфимьеву монастырю 1418–1419 гг.[41] открывается следующей богословской преамбулой: "Милости ради святаго Спаса и преподобнаго Еуфимия молитвы и своего ради спасенья" (тип $Сп_5$).

Наконец, в грамоте князя Константина Федоровича (Льяла Стародубского) Спасо-Евфимьеву монастырю 1451–1464 гг.[42] вместо оборота "милости ради" употреблено слово "милостью": "Милостью великово Спаса и чесного его Преображенья" (тип $Сп_6$).

Цитированные преамбулы, составляя первый компонент формуляра грамот ($Сп_3$, $Сп_4$, $Сп_6$) и подтвердительной подписи ($Сп_5$), по своему характеру сближались, вероятно, с invocatio. Во всяком случае, сохранившиеся в подлинниках грамоты, представляющие богословскую преамбулу типов $Сп_3$ и $Сп_6$, не имеют символической инвокации. Однако все преамбулы с элементом "милости"

[40] Там же. № 448.
[41] Там же. № 435.
[42] Там же. № 455.

или "милостью" отходят от инвокационной функции дальше, чем преамбулы с элементом "деля". В самом деле, в преамбулах типа "Бога деля" или "святаго деля Спаса" благочестивый мотив выступает в бескорыстно-абстрактной форме и своим содержанием еще очень напоминает богословие ("Во имя отца и сына и святаго духа"). В преамбулах же, включающих в себя оборот "милости ради", прямо выражается заинтересованность автора в священной милости, помощи. Новое изменение смысла преамбулы происходит при замене оборота "милости ради" словом "милостью". Здесь уже автор проводит мысль о священной милости как верховном атрибуте его собственных побуждений и действий, стремится освятить свои поступки, а следовательно, и свою личность.

Объяснение эволюции богословской преамбулы будет возможно после обозрения всех ее типов. Сейчас необходимо коснуться более частной проблемы – параллелизма в употреблении преамбул разных типов в жалованных грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю.

Тип $Сп_1$ впервые получил применение в удельнокняжеских грамотах (здесь и далее мы исходим из сохранившегося материала, допуская, конечно, что дополнительные находки могут внести коррективы в наши теперешние наблюдения). Вторая удельная грамота, где использован тип $Сп_1$ (1405–1415 гг.), полностью основана на формуляре первой (1394–1404 гг.) и посвящена тем же самым объектам. Нижегородский великий князь в грамоте 1418–1419 гг. на другие объекты сохраняет и текст и место этой преамбулы в формуляре.

Наиболее раннее употребление типа $Сп_1$ в грамоте московского великого князя 1405–1415 гг. (на варницу, не фигурировавшую в предшествующих грамотах нижегородских князей) примечательно помещением богословской преамбулы не на первом месте, которое она занимала в удельных грамотах 1394–1415 гг., а на втором – после интитуляции, перед формулой пожалования. В этом, вероятно, нашла выражение зависимость составителя московской грамоты от традиций московской и тверской великокняжеских протоканцелярий XIV в. (ср. типы Ю и О).

После 1418–1419 гг. тип $Сп_1$ встречается исключительно в грамотах московских великих князей. В московской грамоте 1425 г. богословская преамбула занимает уже первое место. Сказалось ли тут влияние нижегородских грамот или проявилась общая тенденция развития богословской преамбулы жалованных грамот, сказать трудно. В грамоте 1425 г. объектом пожалования была деревня Филипповская, упоминавшаяся среди прочих и в грамоте нижегородского великого князя 1418–1419 гг. Однако этим все

объяснить нельзя, формуляр 1425 г. не слепо воспроизодит формуляр 1418–1419 гг., но во многом его изменяет (есть дополнения и значительные сокращения). Едва ли простым копированием какого-либо предшествующего формуляра определялось применение богословской преамбулы типа $Сп_1$ и в грамоте Василия II 1445 г. на озеро Боровое (более ранних грамот на это озеро в архиве Спасо-Евфимьева монастыря нет).

Напротив, наличие богословской преамбулы $Сп_1$ в грамоте Ивана III 1485 г. на озеро Нефру и др. – результат прямого заимствования этой грамотой основной части формуляра двух повторяющих друг друга грамот нижегородского князя Данила Борисовича (1394–1405 и 1405–1415 гг.) на те же объекты.

Известная случайность использования богословской преамбулы $Сп_1$ в грамоте 1485 г. доказывается одинокостью рассматриваемого факта: со второй половины 40-х годов XV в. богословская преамбула вообще перестает включаться в грамоты Спасо-Евфимьеву монастырю князей московского дома[43]. Даже употребление ее в грамоте Василия II 1445 г. могло быть вызвано чрезвычайными обстоятельствами – грамота выдавалась накануне сражения и, по мнению И.А. Голубцова, носила характер обетного акта[44].

Приоритет изобретения преамбулы типа $Сп_2$ ("Святаго деля Спаса (и) честнаго его Преображения") принадлежит как будто московской канцелярии. Судя по сохранившимся материалам, впервые она появляется в 30-х годах XV в. в грамоте Василия II, а затем повторяется в середине 40-х годов в грамоте местных князей. Однако оборот "честного его Преображенья", составляющий специфику данного типа, вводился в преамбулу (другого типа – $Сп_3$) уже в грамоте суздальского удельного князя 1424–1425 гг. Поэтому соединение оборота "Святаго деля Спаса" с оборотом "честнаго его Преображения" в грамоте Василия II было не столько изобретением, сколько компиляцией, попыткой подчинить новый оборот старой структуре богословской преамбулы, управлявшейся предлогом "деля".

В грамоте Василия II отсутствует союз "и" между оборотами преамбулы, в грамоте Шуйских союз имеется. В этом плане преамбула московской грамоты ближе к $Сп_3$, преамбула грамоты Шуйских – к $Сп_4$ и $Сп_5$. Указанный признак зависимости грамоты Василия II непосредственно от грамоты 1424–1425 гг. (с преамбулой $Сп_3$) не очень надежен, ибо грамота московского князя дошла в копии (в подлиннике союз "и", может быть, и читался).

---

[43] Там же. № 446, 449, 452–454, 459–461, 466–469, 473, 475, 478–480; Т. III. № 496, 498, 501.

[44] Там же. Т. II. № 447. С. 488.

Обе грамоты с преамбулой типа $Сп_2$ (Василия II и Шуйских) относились к одному и тому же кругу спасо-евфимьевских владений в районе Гороховца и Мещерска. Грамота Василия II – по времени самая близкая предшественница грамоты Шуйских на гороховецкие земли. Вероятно, поэтому богословская преамбула была взята из нее. Другие компоненты формуляра грамоты Шуйских восходят подчас даже в большей мере к грамотам на гороховецко-мещерские вотчины 1418–1419 и 1425 гг., имеющим преамбулу типа $Сп_1$.

Вообще, если проследить территориальную приуроченность грамот, в которых используется богословская преамбула типа $Сп_1$ и развивающих ее типов $Сп_2$ и $Сп_{2а}$, то окажется, что почти все они касаются гороховецко-мещерского комплекса владений. Исключение – грамота Василия I 1405–1415 гг. на варницу у Соли Юрьевской. Неясный случай представляет грамота Василия II 1445 г. на оз. Боровое (тип $Сп_1$). Местоположение этого озера точно неизвестно. И.А. Голубцов предположительно отождествил его с озером Боровым в Алексинском стане Стародубского уезда[45]. Однако часто озера с одинаковыми названиями были в разных местах.

Поскольку применение преамбулы типа $Сп_1$ началось в грамотах Данила Борисовича, на гороховецкие (и мещерские) владения, в последующих актах на те же земли употребляется, изменяясь лишь в сторону дополнения (но не перестройки), этот тип преамбулы.

Ломка структуры типа $Сп_1$ (переделка $Сп_1$ в $Сп_3$) впервые была осуществлена в грамоте 1424–1425 гг. на с. Переборовское, находившееся под Суздалем. Заметное усиление богословской насыщенности в преамбуле $Сп_3$ (замена "деля" на "милости ради", вставка слов "великаго" и "Бога нашего" в первый оборот и прибавка оборота "честного его Преображенья"), по-видимому, связано с участием в составлении грамоты суздальского епископа Митрофана, о чем упоминается в грамоте: "... се яз, князь Иван Борисовичь, с отцом своим с Митрофаном, со владыкою Суздальским, поговоря по духовному делу, и с Олександром, сыном своим, починили есмы по слову..."

Дальнейшее развитие преамбулы типа $Сп_3$, выразившееся в вынесении оборота "милости ради" на первое место, исключении слов "великаго" и "Бога нашего" и замене "честного" на "боголепного" ($Сп_4$), наблюдаем в грамоте 1445–1446 гг. опять-таки на суздальские вотчины, среди которых, в частности, фигурирует уже знакомое нам село Переборово. Князья Шуйские, выдавшие эту грамоту, называют в ней Спасо-Евфимьев монастырь своей богомольей.

---

[45] Там же. С. 567, примеч. к № 467; С. 636; ср. Там же. Т. I. № 5.

Последующая обработка преамбулы, начинающейся с оборота "милости ради", запечатлена в подтвердительной подписи князя Федора Юрьевича (Шуйского) 1447–1449 гг. к грамоте 1418–1419 гг. на гороховецко-мещерские вотчины Спасо-Евфимьева монастыря. В самой грамоте 1418–1419 гг. – преамбула типа $Сп_1$. Преамбула подтвердительной подписи ($Сп_5$) включает в себя четыре оборота, из которых первые два – "(1) Милости ради (2) святаго Спаса" – уже были в грамоте 1445–1446 гг. (тип $Сп_4$), но вместо третьего оборота грамоты 1445–1446 гг. – "и боголепного его Преображения" – здесь два новых оборота: "(3) и преподобного Еуфимия молитвы, (4) и своего ради спасенья". Выражение намерения заслужить молитву св. Евфимия можно считать намеком на особо тесные отношения между жалователем и монастырем. Фактически тут проводится мысль о Спасо-Евфимьеве монастыре как "богомолье" Шуйских (в виде прямого утверждения эта мысль была сформулирована в инскрипции грамоты 1445–1446 гг.). По своему характеру рассматриваемый оборот напоминает второй оборот богословской преамбулы ольговской грамоты 1371 г. ("... молитвою святое Богородици..."), четвертый же оборот очень близок ко второму обороту богословской преамбулы отрочской грамоты 1362–1364 гг. ("... и своего деля спасенья").

Таким образом, в середине – второй половине 40-х годов XV в., вероятно в связи с превращением Спасо-Евфимьева монастыря в "богомолью" Шуйских и распространением их власти не только на суздальские, но и на гороховецко-мещерские земли, происходит небольшое нарушение территориального принципа применения богословской преамбулы в грамотах Шуйских. Хотя $Сп_2$ и $Сп_{2а}$ употребляются в грамотах на гороховецко-мещерские вотчины (1445–1446, 1447–1449 гг.), а $Сп_4$ – в грамоте на суздальские (1445–1446 гг.), возникают и отклонения от нормы. Они состоят в том, что, во-первых, преамбула $Сп_{1а}$, восходящая к преимущественно гороховецко-мещерскому по радиусу действия типу $Сп_1$, включается в середину грамоты (1445–1446 гг.) на суздальские села, которая имеет в начале преамбулу $Сп_4$, во-вторых, преамбула $Сп_5$, восходящая к суздальской по радиусу действия преамбуле $Сп_4$, вносится в подтвердительную подпись (1447–1449 гг.) к грамоте с преамбулой типа $Сп_1$ на гороховецко-мещерские владения (1418–1419 гг.).

Преамбула $Сп_6$ всплывает в тот период (50-е – начало 60-х годов XV в.), когда использование богословской преамбулы в спасо-евфимьевских грамотах по существу прекратилось. Однако родилась она, может быть, раньше. В грамоте князя Константина Федоровича (Льяла Стародубского) 1451–1464 гг., представляю-

щей этот тип преамбулы, есть прямая ссылка на предшествующую грамоту его отца – князя Федора Федоровича ("... возря в грамоту отца своего... пожаловал").

Происхождение первого оборота преамбулы $Сп_6$ ("милостью") неясно. Допустимо видеть в нем результат трансформации первого оборота преамбул типа $Сп_4$ и $Сп_5$ ("милости ради"), но необходим учет и других возможных влияний, о которых не будем говорить до завершения обзора всех типов богословской преамбулы. Второй и третий обороты ("великово... Преображенья") являются, вероятно, воспроизведением преамбулы $Сп_{2а}$ в усеченном виде (без слов "Святого деля").

$Сп_{2а}$	$Сп_6$
$О_1 – Э_1 – Х_1$: Святого	$О_1 – Э_1$: Милостью
$Э_2$: деля	
$Э_1 – Х_2$: великого	$О_2 – Э_1 – Х_1$: великово
$Х_3$: Спаса	$Х_2$: Спаса
$О_2 – Э_0$: и	$О_3 – Э_0$: и
$Э_1 – Х_1$: честнаго	$Э_1 – Х_1$: чесного
$Х_2$: его	$Х_2$: его
$Х_3$: Преображения	$Х_3$: Преображенья

Если предположить, что преамбула типа $Сп_6$ содержалась уже в грамоте князя Федора Федоровича и в качестве источников имела преамбулы типа $Сп_{2а}$ и $Сп_{4,5}$, относящиеся ко второй половине 40-х годов XV в., то примерно этим временем можно датировать и возникновение преамбулы $Сп_6$. Впрочем, принимая во внимание наличие формул "великаго Спаса", "милости ради" и "честного его Преображенья" еще в грамоте 1424–1425 гг. (тип $Сп_3$), нельзя исключать возможность и более ранней датировки, хотя вероятность ее, как нам кажется, меньше.

Сохранившаяся грамота князя Константина Федоровича была выдана Спасо-Евфимьеву монастырю на варницу "у Солци". В указателе ко II тому АСЭИ читаем: "Сольца, в Суздал. у., евф. варничный поселок (?)"[46]. Однако слова грамоты "в своеи вотчине у Солци" надо понимать в том смысле, что Сольца находилась в Стародубском уделе, "вотчине" князя Константина. Преамбула типа $Сп_6$, – по-видимому, стародубского радиуса действия.

Подведем некоторые итоги изучения преамбул $Сп_1$ – $Сп_6$. Исходная преамбула этой группы ($Сп_1$) – нижегородского происхождения. Она зародилась в грамотах нижегородского удельного князя конца XIV – начала XV в. на гороховецкие земли, входив-

[46] Там же. Т. II. С. 665.

шие в состав Нижегородского княжества, и затем применялась в грамотах, касавшихся главным образом гороховецко-мещерских, в одном случае юрьевских и в одном случае, быть может, стародубских территорий, причем расширение сферы ее действия приходится на счет грамот московских великих князей и не затрагивает Суздальское княжение.

Преамбула типа $Сп_1$ отличается простотой построения. По форме и содержанию она является полным аналогом первого оборота преамбул середины XIV в. – юрьевской и отроческой. Изменение и усложнение первоначального вида спасской преамбулы началось, вероятно, в суздальской княжеской или монастырской среде, не без влияния владычной. Включение в преамбулу мотивов "милости" и "Преображения" впервые наблюдается в грамоте суздальского князя 1424–1425 гг. на монастырское село около Суздаля. Так, на основе переделки и дополнения нижегородской традиции возник суздальский вариант богословской преамбулы ($Сп_3$). Свое развитие он получил в грамоте Шуйских на суздальские ($Сп_4$) и подтвердительной подписи к грамоте на гороховецко-мещерские ($Сп_5$) вотчины Спасо-Евфимьева монастыря.

Модернизация $Сп_3$ в $Сп_4$ и $Сп_5$ характеризуется вынесением оборота "милости ради" на первое место. Кроме того, в $Сп_5$ мы сталкиваемся с попыткой ввести в преамбулу имя основателя монастыря – Евфимия, ставшего небесным патроном этой корпорации, и мотив личного спасения.

Московская практика взяла из суздальского варианта только мотив Преображения, не вводя мотива "милости" и не меняя первоначальную структуру преамбулы. Такой дополненный вариант нижегородской преамбулы использован в грамоте Василия II и в двух грамотах Шуйских на гороховецко-мещерские земли ($Сп_2$, $Сп_{2а}$). Суздальские княжеские или монастырские писцы не применяли преамбулу этого типа в грамотах на суздальские вотчины, хотя в одном случае разновидность преамбулы старого типа ($Сп_{1а}$) была вставлена в статью диспозиции при наличии перед интитуляцией преамбулы $Сп_4$.

Изменение оборота "милости ради" на "милостью" в сочетании с усеченным вариантом $Сп_{2а}$ находим в грамоте стародубского князя.

Другими словами, усложнение структуры и уторжествление богословской преамбулы в жалованных грамотах Спасо-Евфимьеву монастырю исходило из среды суздальских княжеских или монастырских писцов. Стародубская удельная протоканцелярия явно испытала влияние суздальской, хотя и внесла качественное изменение в формулировку мотива милости ("милостью" вместо

"милости ради"). Московская власть стремилась сохранить первоначальный нижегородский тип преамбулы, но вынуждена была отчасти учитывать нововведения суздальских писцов. В свою очередь, в грамотах не на суздальские земли суздальские князья следовали, как правило, компромиссной московской редакции богословской преамбулы нижегородского типа.

Возникновение и распространение богословской преамбулы в XIV–XV вв. отражает не только и не столько степень религиозности князей этого времени, сколько специфику социально-политических отношений, складывавшихся между княжеской властью и духовными учреждениями в период феодальной раздробленности.

Богословская преамбула появляется одновременно или почти одновременно с новой формулой, определявшей суть юридического акта, выражаемого выдачей княжеской грамоты, – "пожаловал семь"[47]. В XII в. передача князем монастырю земли, людей, скота, движимого имущества и пошлин не интерпретировалась в качестве "пожалования", нося в значительной мере характер частной сделки. С одной стороны, это говорит о феодальной незрелости монастырского землевладения XII в. даже в Новгороде, от которого только и дошли княжеские грамоты монастырям. Монастыри еще не были политической организацией в полном смысле слова. С другой стороны, здесь можно усмотреть и отсутствие у князей функции распределителей государственных земель и прав – они распоряжаются лишь своими землями, имуществом и доходными статьями.

В жалованных грамотах XIV–XV вв. передача движимого имущества, скота и людей (как вещи) обычно не фиксируется. Объект "пожалования" ограничивается землей и иммунитетом. Именно иммунитетные грамоты с разветвленной схемой освобождений и привилегий оказываются той почвой, на которой вырастает богословская преамбула в XIV в. Все три грамоты 30–70-х годов XIV в., содержащие богословскую преамбулу, – юрьевская, отроческая и ольговская – отличаются подробностью и юридической насыщенностью иммунитетных разделов. В XV в., когда богословская преамбула вошла в плоть и кровь княжеских жалованных грамот, иммунитетность перестала быть обязательным признаком грамот, имеющих богословскую преамбулу (часть из них приходится на данные грамоты)[48], но не потому ли, что монастыри сами по себе

---

[47] См. выше, с. 172 и примеч. 24.

[48] Из 13 спасо-евфимьевских грамот с богословской преамбулой чисто данными являются две – князя Ивана Борисовича на с. Преборовское 1424–1425 гг. (АСЭИ. Т. II. № 436) и Василия II на оз. Боровое 1445 г. (Там же. № 447). Три

рассматривались уже как средоточие иммунитетных прав, а жалуемая им земля – не только как личная княжеская собственность?

Введение в грамоты формулы пожалования ("се жалуеса", "пожаловал есмь" и т.п.) логически требовало обоснования этого выделения субъекта "жалуемых" прав из среды других землевладельцев, т.е. установление особых отношений между носителями верховной власти и грамотчиком нуждалось в мотивировке. В сомнительной грамоте Пскова Якову Голутвиничу 1308–1312 гг. содержится благодарственная преамбула ("за пот и кровь").

В XIV – начале XV в. носители верховной власти еще должны были перед кем-то демонстрировать неоспоримые с религиозной и рыцарской точки зрения предлоги выдачи жалованной грамоты. Вероятно, князья в значительной мере зависели в своих действиях от старейших членов княжеской дружины, бояр, выполнявших конкретные функции управления в центре и на местах. Отношения верховной власти с ними образовывали "вассалитет без ленов или лены, состоящие только из даней", о чем писал К. Маркс применительно к киевскому периоду[49]. По-видимому, фиксация иммунитета землевладельцев известным образом затрагивала интересы представителей правящей верхушки, занимавших должности наместников, волостелей и т.п.[50] В ряде ранних грамот виднейшие сановники указываются либо в качесте соучастников выдачи акта, либо в качестве лиц, по ходатайству которых был пожалован монастырь. В грамотах часто присутствует подпись того или иного знатного человека. Конечно, подписавшийся был не просто свидетелем. Скорее он "приказывал" или санкционировал выдачу грамоты.

Богословская преамбула, декларируя высшие цели "пожалования", поднимала намерения и действия князя до высот религиозного подвига и тем самым способствовала нейтрализации сопротивления недовольных, чьи интересы могли оказаться ущемленными в результате выдачи грамоты. Эту задачу выполняла уже формула "Бога деля". Но, вероятно, она имела и другое предназначение, накладывая на монастырь определенные религиозно-обрядовые обязательства.

Совпадение объекта богословской преамбулы со священным понятием, являвшимся посвятительным именем монастыря, при-

---

грамоты на гороховецкие озера (Там же. № 482; Т. III. № 480, 482), кажущиеся на первый взгляд только данными, имеют заповедные постановления.

[49] "... vassalship without fiefs, or fiefs consisting only in tributes..." (*Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century. L., 1899. P. 76).

[50] Наверное, не случайно в юрьевской грамоте богословская преамбула вторично употребляется в статье, касающейся отношений между монастырем и волостелями: "А по великого князя слову волостелем их волоцким блюсти, а не обидети, Бога деля и святаго деля Юрья".

давало богословской преамбуле более ясно выраженный юридический смысл. Князь-жалователь признавал своим предстателем небесного патрона монастыря, вследствие чего монастырь и князь как бы оказывались под эгидой общего идеального сюзерена. Это обстоятельство вносило элемент равноправия в отношения между жалователем – земным сюзереном монастыря – и монастырем – его вассалом. Идея милости или пожалования, заложенная в формуле "пожаловал есмь", существенно смягчалась и ограничивалась идеей взаимности услуг в деле служения общему небесному сюзерену. Монастырь служил ему всей своей религиозной деятельностью, в процессе которой он оказывал помощь князю, возносся за него молитвы не только Богу непосредственно, но и общему святому предстателю монастыря и князя. Князь же служил общему с монастырем небесному патрону, "жалуя" монастырь его имени. Упоминание в богословской преамбуле лишь "Бога" не создавало идеи служения особому патрону, ибо Бог – господин всех. Поэтому уже в преамбуле юрьевской грамоты 1335–1339 гг. наряду с Богом указан св. Юрий – патрон Юрьева монастыря[51].

Развитие союзеренно-вассальных отношений между местными князьями и монастырями в конце XIV – начале XV в. определило тенденцию уточнения специфики священного понятия, лежащего в основе богословской преамбулы. Так, суздальских авторов не удовлетворила формула "святаго деля Спаса", и в суздальской среде была разработана преамбула, в которой, помимо Спаса, фигурировало его Преображение как более специфическое понятие. На примере преамбул $Сп_1$ – $Сп_6$ видно, что местные удельные князья проявляли бóльшую склонность к употреблению специализированных богословских преамбул, чем великие князья московские. Это обусловливалось, по-видимому, тесными политическими связями суздальских и стародубских князей со Спасо-Евфимьевым монастырем, значительной степенью равноправия в отношениях между князьями и монастырем, превращением монастыря в "богомолью" Шуйских. Московские князья не развивали творчески богословскую преамбулу $Сп_1$ и др., поскольку Спасо-Евфимьев монастырь не был их придворной богомольей.

Богословская преамбула проводила в религиозной форме идею сюзеренно-вассальной взаимности. Именно вассалитет предпо-

[51] В грамоте великого князя Мстислава Владимировича 1130 г. есть следующее обращение к игумену и братии Юрьева монастыря: "И ты, игуменс Исаие, и вы, братие, донеле же ся мир състроить, молите бога за мя и за мое дети, кто ся изостанеть в монастыри, то вы темь дължьни есте молите за ны бога и при животе и в съмьрти" (ГВНП. № 81). Здесь патрон монастыря св. Георгий (Юрий) еще не рассматривается как предстатель князя.

лагал взаимность политических обязательств контрагентов, московские же князья стремились сделать из влиятельного духовного вассала послушную верноподданную корпорацию. В середине XV в., как уже говорилось, они вообще перестали включать богословскую преамбулу в формуляр спасских грамот. Отмирание богословской преамбулы – следствие изживания местных сюзеренно-вассальных отношений. С отменой богословской преамбулы формула пожалования приобрела самодовлеющее значение. Княжеское пожалование стало рассматриваться как односторонняя милость, повеление.

В XIV – первой половине XV в. связь между богословской преамбулой и формулой пожалования была хотя и закономерной, но не жесткой. В юрьевской и отроческой грамотах формула пожалования есть, в ольговской грамоте ее нет. Из 15 случаев употребления богословской преамбулы в спасо-евфимьевских грамотах в трех случаях она дается без формулы пожалования.

Три грамоты, где отсутствует формула пожалования (ольговская и две спасо-евфимьевские), являются данно-иммунитетными, одна (спасо-евфимьевская) – просто данной. Однако не только акт дачи определял наличие в них формулы "дал есмь" вместо "пожаловал есмь". Формула "пожаловал" вполне уживалась с формулой "дал" еще в грамотах середины XIV в., которые даже не были данными: "пожаловал есм ... дал есм им волю" (юрьевская); "пожаловали есмы... дали есми сю милостыню" (отроческая). Не исключено, что отсутствие формулы пожалования в двух грамотах князя Данила Борисовича 1394–1415 гг. обусловливалось сохранением в Нижегородском княжестве конца XIV в. старых представлений о даче земли князем как получастной сделке с монастырем. Этого нельзя сказать по поводу игнорирования формулы пожалования в грамотах ольговской и суздальского князя Ивана Борисовича 1424–1425 гг. Тут дело сложнее. Каждая из названных грамот указывает советников, с согласия и благословения которых она выдавалась. В ольговской грамоте читаем: "... сгадав есмь с своимь отцемь с владыкою с Васильемь и с своими бояры..." (последние перечисляются поименно). В грамоте Ивана Борисовича написано: "...с отцом своим с Митрофаном, со владыкою Суздальским, поговоря по духовному делу, и с Олександром, сыном своим, починили есмы по слову..." Возможно, присутствие и упоминание советников составляло ритуал, несовместимый с употреблением формулы пожалования.

Вернувшись к жалованным грамотам XIV в., лишенным богословской преамбулы[52], мы замечаем, что не все они пользуются

[52] См. выше, с. 170–171 и примеч. 17–23.

и формулой пожалования. В иммунитетной грамоте ярославского князя Спасскому Ярославскому монастырю 1320-х годов формула докончания сочетается с формулой пожалования: "... докончал есмь... пожаловал есмь..."[53]. В двух меновно-иммунитетных грамотах московского великого князя Симонову и Чудову монастырям формулы пожалования нет[54]. В записях содержания четырех жалованных данно-иммунитетных грамот рязанских князей епископам употребляется формула "дал"[55]. В пересказе одной докончально-жалованной данно-иммунитетной грамоты рязанского князя епископу говорится: "... докончал... дал"[56]. В изложении текста двух рязанских грамот епископу – данной[57] и данно-иммунитетной[58], а также в двух данно-иммунитетных грамотах Рязанскому Солотчинскому монастырю[59] вместо "дал" читаем "придал". В пересказе одной данно-иммунитетной грамоты епископу[60] и в одной данно-иммунитетной грамоте Солотчинскому монастырю[61], наряду с формулой "дал" или "придал" в протокольной части, в диспозиции приводится статья о пожаловании духовной корпорации стольником или стольником и чашником. Эта статья начинается словами: "А пожаловал..." Таким образом, в рязанских грамотах сам акт выдачи грамоты расценивается в качестве пожалования, произведенного по ходатайству крупного княжеского сановника.

Во всех трех жалованных иммунитетных грамотах московских великих князей XIV в. светским лицам[62] находим формулу "пожаловал есмь". Аналогичная ей, хотя и сомнительная, формула "се жалуеса" применена в жалованной данной грамоте Пскова светскому лицу[63]. Обязательность употребления формулы пожалования в грамотах светским лицам, может быть, определялась близостью раннего светского иммунитета (во всяком случае, фиксируемого) к кормлению. В кормленой грамоте великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязинову на Печору 1363–1389 гг. присутствует формула "пожаловал есмь"[64].

---

[53] АСЭИ. Т. III. № 190.
[54] Там же. Т. II. № 340; Т. III. № 29.
[55] Там же. Т. III. № 309, 311, 315, 316.
[56] Там же. № 314.
[57] Там же. № 317.
[58] Там же. № 324, 325.
[59] Там же. № 318.
[60] Там же. № 315.
[61] Там же. № 324.
[62] Там же. № 2, 178, 238.
[63] ГВНП. № 333.
[64] АСЭИ. Т. III. № 4.

Перенесение представлений о "жалованной" природе светского иммунитета на иммунитет церковно-монастырский характерно прежде всего для грамот князей московских и тверских. Менее свойственно такое перенесение грамотам князей рязанских и нижегородских.

Из княжеских грамот первой половины XV в., выданных Спасо-Евфимьеву монастырю, не содержат богословской преамбулы пять: данная суздальского князя Александра Ивановича 1426–1433[65]; данная княгини Софьи, вдовы князя Юрия Васильевича (Шуйского), 1440–1444 гг.[66]; докладная данно-иммунитетная княгини Марии, вдовы суздальско-нижегородского князя Данила Борисовича, 1444 г.[67]; данная великого князя Василия II и его матери Софьи Витовтовны 1444–1448 гг.[68]; данная князя Дмитрия Юрьевича (Шемяки) 1447–1449 гг.[69]

Во всех этих актах нет и формулы пожалования. Имеется только формула "дал" (или "дала", "дали"). Похоже, что все пять грамот были оформлены по типу частных актов.

Две из них (грамоты Софьи Шуйской и Марии Суздальской) не вызывают сомнения в своем частном происхождении. Ничто не указывает на существование государственных полномочий Софьи Шуйской в Суздале в 1440–1444 гг. В грамоте Марии Суздальской есть прямая ссылка на доклад великому князю Василию Васильевичу, которого вкладчица называет своим "господином". Грамоту подписал великокняжеский дьяк Терентий. Мария отдавала село Омутское монастырю, "так, как было при моем князи и при мне, и с судом, и с татбою с поличным, и с тамгою, и со всеми пошлинами, занеже то село Омутское к городу не тягивало ничем, никакими пошлинами, ни душегубством". Позитивной формой фиксации иммунитета эта грамота напоминает грамоту Мстислава Юрьеву монастырю 1130 г. и ряд рязанских грамот XIV в. Они также не употребляют ни богословскую преамбулу, на формулу пожалования.

Упоминание о том, что село Омутское "к городу не тягивало ничем, никакими пошлинами, ни душегубством", характеризует исконность или, по крайней мере, древность иммунитета княжеских сел, подтверждая закономерность параллели между иммунитетом собственно княжеских сел на Руси и иммунитетом земель фиска во Франкском государстве[70].

---

[65] Там же. Т. II. № 438.

[66] Там же. № 443.

[67] Там же. № 444.

[68] Там же. № 446.

[69] Там же. № 449.

[70] *Каштанов С.М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте //Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. статей. М., 1970. С. 197–198.

Однако с передачей села монастырю прежде полный княжеский иммунитет нарушался: Мария как бы поделила его между монастырем и великим князем, предоставив последнему право суда по душегубным делам ("А лучится по грехом душегубство, ино судит господин мои, князь велики Василеи Васильевичь"). Таким образом, сама вкладчица де-юре устранялась от выполнения каких-либо политических функцмй в отношении отдаваемого села. Следовательно, Мария выдавала грамоту не как государыня, обладающая политической властью в Суздале, а как частное лицо.

Грамота Дмитрия Шемяки была посвящена тому же селу Омутскому. В ней говорилось: "Что ми дал брат мои старишеи князь велики, в своеи отчине в Суздале за долг отца нашего, князя Юрия Дмитриевича, княгинино Марьино село Омутское в Суздале, что было отцу нашему взяти на князи Даниле Борисовичу триста рублев по кабалам, и яз то свое село Омутское дал в дом великому Спасу".

Грамота Шемяки появилась примерно в 1447–1449 гг., т.е. через несколько лет после выдачи (около 1444 г.) грамоты княгиней Марией Суздальской на село Омутское. В жалованной грамоте князей Василия и Федора Юрьевичей Шуйских Спасо-Евфимьеву монастырю 1445–1446 гг. село Омутское фигурирует в числе монастырских вотчин[71]. В 1447–1449 гг. действовал только князь Федор Юрьевич (его старший брат Василий к этому времени, наверное, умер)[72]. Федор выдавал и подписывал в 1447–1449 гг. грамоты, касающиеся лишь гороховецко-мещерских владений Спасо-Евфимьева монастыря[73].

Возможно, в 1445–1446 гг. между Василием и Федором Юрьевичами установилось разделение сфер влияния: суздальской частью княжения владел Василий, а гороховецко-мещерской – Федор. По договору с Дмитрием Шемякой Федор был поставлен в более подчиненное положение по отношению к Шемяке, чем Василий: Василия Шемяка признавал своим "сыном", а Федора только "братаничем" (сыном брата – племянником)[74]. В марте 1446 г.

---

[71] АСЭИ. Т. II. № 448.

[72] По П.Н. Петрову, умер в 1446 г. (*Петров П.Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 119, 120, 122; АСЭИ. Т. II, № 491. С. 472).

[73] АСЭИ. Т. II. № 435; Т. III. № 492.

[74] ДДГ. № 40. Л.В. Черепнин датирует договор 1445 г., А.А. Зимин самой вероятной датой его считает время после 12 июня 1447 г., допуская, что договор мог возникнуть и весной–летом 1449 г. (*Зимин А.А.* ХДДГ. С. 304–306). Ср.: *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение: Сб. статей. М., 1979. С. 191–197 (датирует договор второй половиной 1445 г.).

Шемяка в качестве великого князя выдал жалованную грамоту Благовещенскому монастырю на земли в Нижегородском уезде[75], что создавало угрозу распространения его власти на гороховецко-мещерские земли.

Новый нажим со стороны Шемяки Федор испытал, вероятно, в 1447–1449 гг., когда умер его старший брат Василий. По-видимому, какое-то время после Василия Суздаль находился в руках Федора. Уже в 1448/49 г. великий князь Василий II выдал Троице-Сергиеву монастырю грамоту на село Шухобалово[76], переход которого во владение Василия и Федора Юрьевичей закреплялся в их договоре с Шемякой. В период правления Федора и мог Шемяка поднять вопрос о селе Омутском.

Наррация грамоты Шемяки 1447–1449 гг. позволяет предположить, что частный по форме акт, каковым являлась данная Марии Суздальской 1444 г., по существу представлял собой направленную против Шемяки трехстороннюю политическую сделку между Василием II, Марией Суздальской и Спасо-Евфимьевым монастырем. Великий князь пообещал отдать Омутское Шемяке за долги бывшего владельца этого села князя Данила Борисовича отцу Шемяки князю Юрию Галицкому, однако санкционировал передачу села вдовой должника в монастырь, нанеся тем самым удар по экономическим и политическим интересам своего соперника.

В 1447–1449 гг. Шемяка решил хотя бы частично отыграться. Использовав шаткость политического положения в Суздале князя Федора Юрьевича, который был его вассалом, Шемяка выступил по отношению к Спасо-Евфимьеву монастырю в роли частного лица, маскируя свою роль сюзерена князя Федора. Фактически он лишь подтвердил монастырское право владения селом, но вклад сделал от своего имени и вместо поминания Данила Борисовича и рода суздальских князей учредил поминание Дмитрия Донского и всего своего рода. За благовидным предписанием архимандриту "кормити" княгиню Марию "ис того села до ее живота", возможно, скрывалась отмена Шемякой прежних иммунитетных прав княгини, которые она, передав монастырю де-юре, могла сохранять де-факто. Это постановление, если позволительно его так интерпретировать, отвечало интересам Федора Юрьевича, чьи политические права укреплялись от ущемления полномочий представительницы старой суздальской династии. Думается, Шемяка действовал с согласия и ведома Федора. И все же, поскольку Шемяка не являлся правящим суздальским князем, грамоту на суздальское село он выдавал как частное лицо.

---

[75] АФЗХ. Ч. I. № 232; АСЭИ. Т. III. № 297 (ср.: Там же. № 294. С. 321).
[76] АСЭИ. Т. I. № 221.

В данной грамоте 1444–1448 гг. Василий II и его мать Софья Витовтовна выступают в качестве душеприказчиков покойного князя Семена Александровича[77] – сына князя Александра Ивановича и внука суздальского князя Ивана Борисовича. Семен Александрович приходился Василию II "сестричичем" (сыном сестры, племянником), а Софье – внуком (мать Семена Василиса, жена Александра Ивановича[78], являлась дочерью Софьи Витовтовны и сестрой Василия II). По "приказу" (завещательному распоряжению) Семена Василий II и Софья отдают в Спасо-Евфимьев монастырь "село его (Семена. – *С.К.*) Мордаш" "на поминок его родителем: по великом князи Костянтине, по его прачюре, и по князи по Борисе, и по князи по Иване, и по его отци по князи по Олександре, и по его матери по княгини по Василисе, и по нем, по князи по Семене, – поминают их души и Бога за них молят".

И.А. Голубцов колебался между двумя возможными датировками этой грамоты: 1444–1445 гг. (до похода Василия II под Суздаль) и 1447–1448 гг.[79] Его аргумент в пользу ранней датировки сводится к мнению, что именно в 1444–1445 гг. делались вклады по душам суздальских князей. Автор имел в виду грамоту Василия II 1445 г. на с. Шухобалово и др.[80], грамоту Марии Суздальской 1444 г. на с. Омутское[81] и, может быть, грамоту Софьи Шуйской 1440–1444 гг. на слободку Чапиху[82]. Однако первая из этих грамот – подложная (факт, отрицаемый И.А. Голубцовым без достаточных оснований)[83], вторая и третья были выданы не московским князем непосредственно, а наследницами местных князей.

В пользу более поздней датировки И.А. Голубцов не привел специальных доказательств, высказав лишь догадку, что выдача могла состояться после утверждения Василия II на престоле "и по возвращении в.кнг. Софии Витовтовны из шемякина плена, в 1447 или 1448 гг."

Село Мордаш (Мордош) находилось в Суздальском уезде. В отличие от Омутского, оно не упоминается в жалованной грамоте Василия и Федора Юрьевичей 1445–1446 гг. на суздальские

---

[77] О дате его смерти см.: АСЭИ. Т. II. С. 566.

[78] Идентификацию Александра Ивановича см.: Там же. С. 565–566.

[79] АСЭИ. Т. II. № 446. С. 487.

[80] Там же. Т. I. № 176.

[81] Там же. Т. II. № 444.

[82] Там же. № 443.

[83] *Зимин А.А.* Актовые подделки Троице-Сергиева монастыря 80-х годов XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 250–251.

села[84]. Поэтому ранняя датировка грамоты Василия II и Софьи (1444–1445 гг.) менее вероятна, чем поздняя (1447–1448 гг.). Видимо, грамота составлялась в тот период, когда Суздаль принадлежал Федору Юрьевичу Шуйскому, вследствие чего великий князь и его мать выдавали грамоту не как суздальские суверены, а как частные лица.

Кажется, при Федоре Юрьевиче шла довольно острая, хотя и не вполне явная борьба между Василием II и Шемякой за преобладающее влияние в Суздале. В борьбе с Шуйскими и Шемякой Василий II пытался ослабить поддержку князей Шуйских Спасо-Евфимьевым монастырем, ставшим их придворной "богомольей". Этой цели служил вклад в монастырь села Мордаш, данного по душам князей той ветви нижегородско-суздальской династии, которая сошла с политической арены. Окружая ее ореолом древности и легитимности, устанавливая обязательность поминания князей, представлявших вчерашний день Суздальского княжения, в придворной "богомолье" Шуйских, Василий II явно подрывал политический престиж правящей шуйской династии.

Шемяка действовал сходными методами, но его поступки имели противоположную направленность. Тем, что он как бы заново давал монастырю село Омутское, Шемяка перечеркивал значение марьиного дара, благодаря чему сопровождающее шемякин "вклад" требование поминать в Спасо-Евфимьеве монастыре галицких князей фактически отменяло распоряжение Марии о поминании прежней династии нижегородско-суздальских князей, которую Василий II противопоставлял Шуйским как потомкам Василия Кирдяпы.

Установление политических мотивов выдачи грамот Василием II и Шемякой подтверждает вывод, что в моменты, когда грамоты составлялись, ни тот, ни другой не владели Суздальщиной на правах государей и, следовательно, их грамоты формально играли роль частных актов.

Итак, отсутствие богословской преамбулы и формулы пожалования в четырех из пяти рассматриваемых грамот, а именно в грамотах Софьи Шуйской, Марии Суздальской, Василия II и Дмитрия Шемяки, может быть объяснено частноправовым характером этих документов. Более странным на первый взгляд кажется отсутствие изучаемых компонентов формуляра в данной грамоте князя Александра Ивановича 1426–1433 гг. на с. Троицкое в Суздальском уезде. Однако нужно учесть два обстоятельства. Во-первых, от второй половины 20-х – начала 30-х годов XV в. не дошло никаких правительственных актов Александра Ивановича. Во-вторых,

[84] АСЭИ. Т. II. № 448.

в 30-х годах жалованную иммунитетную грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю выдал Василий II, правда не на суздальские, а на гороховецкие земли[85], грамоту же на соседние с Гороховцом мещерские владения монастырь получил еще в 1425 г. от Василия I[86].

Встает вопрос, сделался ли князь Александр Иванович полноправным суздальским сувереном после смерти своего отца Ивана Борисовича? И.А. Голубцов предполагал, что князь Александр Иванович "в какие-то годы владел Суздальщиной на правах подручного в.кн. Вас. Васильевичу князя"[87]. Вероятно, данную грамоту на с. Троицкое он выдал в частном порядке.

Таким образом, опущение богословской преамбулы в спасо-евфимьевских грамотах первой половины XV в. во всех случаях связано с отсутствием у лица, выдавшего грамоту, верховной власти в отношении территории (княжения), где находился объект вклада. Это правило позволяет уточнить время, с которого прекращается включение богословской преамбулы в спасо-евфимьевские грамоты[88]. Установив частноправовой характер грамоты Василия II и Софьи Витовтовны на с. Мордаш и грамоты Дмитрия Шемяки на с. Омутское, мы должны признать отсутствие в них богословской преамбулы непоказательным для эволюции жалованных грамот, ибо рассмотренные вкладные не были вообще грамотами жалованными. Беря только грамоты, содержащие формулу пожалования, легко заметить систематический отказ от употребления богословской преамбулы в великокняжеских грамотах начиная с 1451 г.[89]

Применение богословской преамбулы типа $Сп_1$ в двух спасо-ярославских грамотах 1463–1478 гг. нельзя считать результатом сознательного возрождения преамбулы спасо-евфимьевских грамот. Тождество спасо-евфимьевской и спасо-ярославской преамбул типа $Сп_1$ – простое совпадение, вызванное одинаковостью посвятительного имени суздальского и ярославского монастырей.

От периода до 1463 г. сохранилось всего три грамоты Ярославскому Спасскому монастырю. Самая ранняя из них – 20-х годов XIV в.[90] – выше упоминалась: в ней фигурируют формула докончания ("докончал есмь") и формула пожалования ("пожаловал есмь"), но нет богословской преамбулы (возможно, из-за наличия формулы докончания)[91]. В данной грамоте 1392 г. ярослав-

[85] Там же. № 439; ср.: Там же. Т. I. № 94, 95.
[86] Там же. Т. II. № 437; ср.: Там же. Т. III. № 299.
[87] Там же. Т. II. С. 566.
[88] О предполагаемых причинах этого прекращения см. с. 186.
[89] АСЭИ. Т. II. № 452–453 и др.
[90] Там же. Т. III. № 190.
[91] См. выше, с. 170.

ского князя Константина Глебовича (Шаха)[92] отсутствует формула пожалования (есть только формула "дал"), чем соблазнительно объяснить и отсутствие богословской преамбулы (другая грамота 1392 г. – частного лица)[93].

Все остальные акты относятся к периоду после 1463 г., когда Ярославское княжество было присоединено к Москве, хотя внутри присоединенной территории продолжали существовать отдельные мелкие уделы, владетели которых время от времени выдавали жалованные грамоты. Из 11 дошедших жалованных грамот, полученных Спасским Ярославским монастырем в 1463–1498 гг.[94], Ивану III принадлежит пять грамот[95], его матери великой княгине Марии Ярославне – одна[96], местным князьям – пять[97]. Все пять грамот Ивана III – чисто иммунитетные. Они содержат формулу пожалования ("пожаловал есмь" или "пожаловал есми")[98] и не имеют богословской преамбулы. Та же картина – в иммунитетной грамоте Марии Ярославны, но в ней перед текстом помещена символическая инвокация (крест)[99]. Данно-иммунитетные грамоты князей Федора Ивановича Юхотского 1463–1478 гг.[100], Юрия Константиновича (Шаховского) 1460–1470-х годов[101], Ивана Константиновича (Льяловского) и его матери Аксиньи 1478 г.[102] не пользуются ни формулой пожалования, ни богословской преамбулой, ни символической инвокацией (эти акты дошли в подлинниках). Интитуляция и инскрипция связаны здесь формулой "дал" или "дали". Употребляющие богословскую преамбулу грамоты Данила Васильевича (Ярославского) 1463–1469 гг.[103] и Федора Романовича Ярославского 1463–1478 гг.[104] – чисто иммунитетные. Обе оперируют формулой пожалования ("пожаловал есмь"). О наличии в них символической инвокации уже говорилось[105].

---

[92] АСЭИ. Т. III. № 191.

[93] Там же. № 192.

[94] В подсчет входят жалованные грамоты в собственном смысле слова – указные сюда не включаются. За последние годы княжения Ивана III (1499–1505) спасских жалованных грамот нет.

[95] АСЭИ. Т. III. № 195–197, 204, 216.

[96] Там же. № 203.

[97] Там же. № 194, 198, 201, 205, 207.

[98] Просто "пожаловал" (без "есмь" или "есми") читаем только в одном тексте, сохранившемся в качестве "включенного акта" в составе грамоты 1562 г., дошедшей в списке XVIII в. (Там же. № 204).

[99] Грамота сохранилась в подлиннике.

[100] АСЭИ. Т. III. № 201.

[101] Там же. № 205.

[102] Там же. № 207.

[103] Там же. № 194.

[104] Там же. № 198.

[105] См. выше, с. 174.

Невключение богословской преамбулы в грамоты князей Федора Ивановича, Юрия Константиновича и Ивана Константиновича можно объяснить отсутствием в их протокольно-диспозитивной части формулы пожалования и парализующим влиянием частноправовой формулы "дал". Очевидно, несмотря на существование в каждой из этих грамот ряда иммунитетных статей, сформулированных негативно, определял построение начальной части документов факт дачи земли, декларируемый в первом разделе диспозии. Представление о даче земли как частной сделке, даже когда такая дача сопровождалась фиксацией иммунитета, было, конечно, главной помехой для использования сугубо публичноправовой по своему назначению богословской преамбулы.

То обстоятельство, что в двух чисто иммунитетных грамотах ярославских князей богословская преамбула не попала на первое место, а вклинилась между интитуляцией и формулой пожалования[106], – показатель недостаточной развитости этого компонента формуляра в ярославских грамотах. Но, думается, именно удаленность богословской преамбулы от начала грамоты обусловила здесь, как и в отроческих грамотах, возможность сосуществования богословской преамбулы и инвокации (в отроческих грамотах – словесной, в ярославских грамотах – символической).

Сравнивая чисто иммунитетные грамоты ярославских князей Спасскому Ярославскому монастырю второй половины XV в. с чисто иммунитетными грамотами Ивана III и Марии Ярославны того же периода и тому же монастырю, мы видим при наличии тут и там формулы пожалования употребление богословской преамбулы в грамотах местных князей и полное игнорирование ее в великокняжеских грамотах. Значит, местные князья и после 1463 г. продолжали искать более или менее равноправного сюзеренно-вассального союза с крупнейшим ярославским монастырем, в то время как великокняжеская политика уже не прибегала к этому устаревшему приему[107].

В XVI–XVII вв. богословская преамбула, посвященная исключительно Богу-Троице, разрастается в царских грамотах с триумфальным (полным) царским титулом, предшествуя ему. Вместе с тем богословская преамбула, посвященная небесным патронам того или иного монастыря, находит применение в актах частных лиц, особенно в данных грамотах монастырям.

---

[106] Ср. аналогичное расположение преамбулы в отроческих грамотах 1362–1364 и 1435–1437 гг. и в грамоте Василия I 1405–1415 гг. Спасо-Евфимьеву монастырю (АСЭИ. Т. III. № 116, 117, 481).

[107] Ср. выше, с. 194.

Глава VII

ИНТИТУЛЯЦИЯ АКТОВ X–XIV ВЕКОВ

Проблема интитуляции русских актов принадлежит к числу недостаточно разработанных, хотя в литературе и обращено внимание на историю титула древнерусских князей, который изучался по летописям, публицистическим произведениям, отчасти и по актам, а также по известиям восточных и западных писателей, хронистов и анналистов, по печатям и отдельным записям и надписям (труды А.Б. Лакиера, М.Д. Приселкова, Б.А. Рыбакова, В.П. Шушарина, В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич, Н.А. Соболевой, А.П. Толочко, зарубежных исследователей – Л.К. Гетца, К. Рабека-Шмидта, А.В. Соловьева, А. Поппе, В.А. Водова, Ж.-П. Арриньона и др.).

Наибольшую остроту приобрело обсуждение вопроса о том, 1) носили ли киевские князья великокняжеский титул; 2) когда он получил распространение и 3) какое социально-политическое значение имел. Однако при этом актовый материал, отражающий современные его составителям юридические воззрения и притязания[1], не ставился во главу угла, а интитуляция актов в полном ее объеме, т.е. включая не только титул, но и другие элементы (например, имя и отчество князя), практически не анализировалась как развивающийся компонент формуляра.

Отсюда прежде всего строго дипломатическая задача настоящей работы – рассмотреть интитуляцию русских княжеских актов X–XIV вв. с точки зрения ее структуры и дать первичную классификацию интитуляций в рамках этого сравнительно широкого периода. Ставя столь общую проблему, автор, однако, ограничил свою задачу исследованием собственно княжеских интитуляций,

[1] Об относительном несоответствии между титулом и реальной властью (или сферой применения власти) его носителей см.: *Wolfram H.* Intitulatio. Graz; Wien; Köln, 1967. Bd. I: Lateinische Königs- und Fürstentitel bis zum Ende des 8. Jahrhunderts. S. 12–15. (Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung; Ergänzungshand XXI); новое издание см.: *Wolfram H.* Intitulatio. [Bd.] I: Lateinische Königs- und Fürstentitel bis zum Ende des 8. Jahrhunderts. Lisse (The Netherlands), 1984.

т.е. таких, где субъект правовыражения – сам князь. Не стали предметом нашего специального изучения интитуляции, упоминающие княжеское имя или титул, но не идущие от имени князя (например, посольские интитуляции договоров 911 и 944 гг., интитуляции новгородских актов, составленных от имени наместника великого князя), а также те разделы интитуляции княжеского акта, где указываются как авторы документа, наряду с князем, представители других институтов власти (посадники, тысяцкие и т.д.). Обозначение княжеского имени и титула в инскрипции грамот, адресованных князьям, по существу очень важное для понимания эволюции княжеской власти, оставлено нами здесь вне собственно дипломатической сферы исследования, так как инскрипция – другой компонент формуляра. По той же прчине не стали объектом изучения упоминания княжеского имени и титула и в прочих разделах формуляра, в том числе в корроборации и подписи. В русских актах раннего периода подписи как таковой не существует, и проблема изучения как собственно подписи, так и subscriptio возникает при обращении к более позднему материалу. Это ставит изучающего русский материал в иное положение, чем, например, исследователя староболгарских актов, где элементы интитуляции перемещены в подпись, а сама интитуляция в составе начального протокола не развита[2].

В данной главе не рассматриваются и закономерности употребления имени и титула князей в летописях и других нарративных источниках, на печатях, монетах, в отдельных надписях на книгах, стенах храмов и на предметах утвари.

Что касается круга привлекаемых актов, то автор стремился охватить все известные ему княжеские грамоты на русском языке вплоть до 1400 г. При построении схем интитуляций разных типов и видов учитывались не только тексты, бесспорные с точки зрения их подлинности, но и сомнительные, а подчас и заведомо подложные. Это делалось для того, чтобы после общей классификации интитуляций можно было уяснить, на какую схему интитуляции ориентировался поддельщик и насколько интитуляция подделки соответствует схемам, принятым в то время, к которому отнесен сфабрикованный акт.

С грамматической точки зрения интитуляции русских княжеских актов X–XIV вв. делятся на три группы, в которых княжеское имя стоит: А) в именительном падеже, Б) в родительном падеже

---

[2] См.: Грамоты болгарских царей / изд. Г.А. Ильинским. М., 1911. С. 13, 19, 23, 26, 29, 30; 2-е изд.: Gramoty bolgarskich carey / by G.A. Ilyinskiy; with an introduction by Ivan Dujčev. L., 1970.

и В) в дательном (в группе А встречаются также дополнительные к основным интитуляции, стоящие в творительном падеже).

Наиболее обширна по составу первая группа (А). Подходя к интитуляциям этой группы с позиций юридически-тематического членения формуляра, в них можно выделить следующие части: вводную, или вступительную; уничижительную; именную и титульную. Под вводной (вступительной) частью (в) мы подразумеваем оборот типа "се аз"; под уничижительной (у) – различные формулы смирения типа "грешныи", "раб божии"; под именной (и) – указание имени и отчества князя, имени его предков; под титульной (т) – обозначение титула князя. Кроме того, если в интитуляции в качестве дателей документа указано несколько князей, то обычно существует еще часть, определяющая степень их родства. Назовем ее родствоопределяющей частью (р). Она служит для присоединения к основной интитуляции дополнительных, в которых имена князей могут стоять в именительном падеже с союзом "и" или в творительном с предлогом "с" (в группе В – в дательном падеже с союзом "и"). Оборот типа "милостью божьеи", равный латинскому "Gratia Dei", по своему происхождению является преамбулой[3], точнее говоря, разновидностью богословской преамбулы[4]. В западных актах "Gratia-Dei-Formel" или "Devotionsformel" стала устойчивой составной частью интитуляции со времен Каролингов[5]. Оборот такого типа можно считать входящим в состав интитуляции лишь тогда, когда он непосредственно предшествует одной из вышеуказанных частей интитуляции. Эту часть интитуляции мы будем называть богословской (б).

В ряде документов перед интитуляцией находится инвокация – символическая (крест) или словесная ("Во имя отца и сына и святого духа"; "У име отца и сына"; "Во имя божое стансе" и т.п.). Изучение взаимодействия инвокации с интитуляцией представляет несомненный интерес, однако предварительно надо исследовать типы инвокаций. Отметим лишь, что инвокация сохраняет известную независимость от интитуляции, т.е. инвокация одного и того же типа может сочетаться с интитуляциями разных типов. Это позволяет нам пока не касаться взаимосвязи интитуляции с инвокацией.

---

[3] *Fichtenau H.* Arenga: Spätantike und Mittelalter im Spiegel von Urkundenformeln. Graz; Köln, 1957. S. 64, 166, 176, 183 и др. Идея божественного происхождения королевской власти проводится уже в грамотах вандальских королей V в. (*Wolfram H.* Op. cit. [Bd.] I. S. 12, Anm. 12; ср. S. 16).

[4] *Каштанов С.М.* Богословская преамбула жалованных грамот // ВИД. Л., 1973. Т. V. С. 83, 89, 93.

[5] *Wolfram H.* Op. cit. [Bd.] I. S. 12 (Anm. 12), 263. М. Белиньска выделяет этот оборот в отдельный компонент формуляра: "Formuła dewocyjna przy tytule" (*Bielińska M.* Kancelarie i dokumenty wielkopolskie XIII wieku. Wrocław; W-wa; Kraków, 1967. S. 141).

Поскольку важнейшими частями интитуляции являются именная и титульная, их соотношение должно быть положено в основу классификации интитуляций. В группе А различаются с этой точки зрения интитуляции двух основных типов: 1) не имеющие титульной части перед именной; 2) имеющие титульную часть перед именной. Каждый тип делится на ряд подтипов, дипломатическую структуру которых мы обозначим условно с помощью приведенных выше первых букв названий частей.

Тип I представляет собой в общей форме лишь схему, не совпадающую полностью ни с одной конкретной интитуляцией: б в у и б т и.

Реальную картину лучше передают схемы подтипов и видов.

Подтип I: б в и т.

Вид I: в и т. По этому образцу построены интитуляции грамот Святослава Игоревича 971 г.[6], Мстислава Владимировича 1130 г.[7] (интитуляция с именем самого Мстислава, но не его сына Всеволода), подложная грамота Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.[8] Сюда же относятся интитуляции более поздних славянских грамот западнорусских и литовских князей, молдавских и валашских воевод: Юрия Смоленского 1386 г.[9], Дмитрия Корибута 1388 г.[10], Ро-

---

[6] ПРП. Вып. 1. С. 59.

[7] ГВНП. № 81. Недатированные грамоты, а также документы с сомнительной датой нами указываются в большинстве случаев с датой, принятой в последних изданиях, иногда – с поправками, имеющимися в литературе. Наиболее важные уточнения датировок актов см. в работах: ПРП. Вып. 2. С. 31; *Зимин А.А.* Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Грекову Б.Д. ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952; *Он же.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII–XV вв. // ПИ. М., 1956. Вып. V; *Он же.* ХДДГ; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Он же.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. I–II; *Он же.* К вопросу о датировке экземпляров D и K "Смоленской Правды" // АЕ за 1968 год. М., 1970; *Он же.* Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси: Сб. статей, посвященный Н.Н. Воронину. М., 1970; *Он же.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991; *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

[8] *Петрушевич А.* Было ли два Галичи, княжескіи города, один в Угорско-славацкой области, а другій по сю сторону Карпат над Днестром, или нет? // Науковый сборник, изд. Литературным обществом Галицко-русской матицы. Львов, 1865. Вып. 1. С. 38. См. также: *Дашкевич Н.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 // Сб. статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904. С. 369; ПРП. Вып. 2. С. 26.

[9] Смоленские грамоты XIII–XIV веков / подгот. к печати Т.А. Сумникова, И.И. Лопатин, под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 72; Грамоти. № 37.

[10] Грамоти. № 44.

мана и Стефана Молдавских (1393 и 1395 гг.)[11], Ивана Валашского 1400 г.[12] (грамоты, выходящие за рамки изучаемого периода, здесь и далее в расчет не принимаются и ссылки на них не даются).

Вид II: в и. Такова интитуляция с именем Всеволода в последней части текста грамоты Мстислава Владимировича 1130 г. ("А се я Всеволод").

Вид III (совпадает с подтипом): б в и т. Наблюдается в грамоте Любарта 1321/22 г.[13]

Подтип II: в и т и. Реконструируется по уставной грамоте Святослава Ольговича 1137 г., где внутри диспозиции есть фраза: "Урядил есмь аз святеи Софии и написал Никола князь Новогородьскыи Святослав"[14]. Вычленяя отсюда элементы интитуляции, получаем: "... аз ... Никола князь Новогородьскыи Святослав".

Подтип III: в и б т.

Вид I (совпадает с подтипом): в и б т. Его находим в грамотах Ольгерда (1342 г.?)[15], Александра–Витовта 1388 и 1389 гг.[16], Владислава (Ягайла) 1397 и 1399 гг.[17]

Вид II: и б т. Представлен в немецком переводе грамоты новгородского князя Андрея Александровича 1301 г.[18] Из литовско-русских актов XIV в. аналогию ему дают грамоты Владислава (Ягайла) 1387 и 1388 гг.[19]

Подтип IV: в у и. Обнаруживается в заключительном разделе уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. ("Яз грешный сын Мстиславль...")[20] и в духовных грамотах московских великих князей 1339, 1353, 1358 и 1389 гг.[21]

Тип II: б в у $т_1 и_1 б$ $т_2 и_2 т_3$. Общая схема интитуляций второго типа, так же как и первого, является абстракцией, ибо все ее составные вместе не присутствуют ни в одном из конкретных документов. Эта схема базируется на более коротких подтипах и видах.

---

[11] Там же. № 62, 66.

[12] Там же. № 83.

[13] Там же. № 6.

[14] СПИЦП. С. 100; ПРП. Вып. 2. С. 117; *Щапов Я.Н.* Новый список Новгородского устава князя Святослава Ольговича (из собрания Е.Е. Егорова) // Зап. ОР ГБЛ. М., 1963. Вып. 26. С. 397; ДКУ. С. 148.

[15] Грамоти. № 9.

[16] Там же. № 45, 49.

[17] Там же. № 70, 79.

[18] ГВНП. № 33.

[19] Грамоти. № 40, 41.

[20] Смоленские грамоты... С. 78; ср.: ПРП. Вып. 2. С. 42; ДКУ. С. 145. Датировка по Поппэ и Щапову (см.: *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы... С. 136–150).

[21] ДДГ. № 1 (а, б), 3, 4 (а, б), 12.

Подтип I: б в т и.

Вид I: в т и. Данный вид был весьма распространен. Его встречаем в жалованных грамотах Всеволода и Изяслава второй четверти – середины XII в.[22], в уставных грамотах Ростислава и Святослава 1136–1137 гг. (наряду с интитуляциями I типа)[23], в договорах Новгорода с иностранцами конца XII – первой четверти XIV в.[24], в трех смоленских грамотах конца XIII – первой половины XIV в.[25], в ряде жалованных грамот князей Северо-Восточной Руси начиная с 40-х годов XIV в.[26], в договорных грамотах князей с Новгородом 1316–1319 гг.[27] и в договорных грамотах великих и удельных князей 1367, 1389 и 1401–1402 гг.[28]

К тому же виду принадлежат интитуляции в грамотах Мстислава Романовича 1289 г.[29], Льва Даниловича Галицкого конца XIII – начала XIV в.[30], Евнутия и др. (около 1352 г.)[31], Владимира Ольгердовича Киевского (1362–1392 гг.)[32], Дмитрия Волынского 1366 г.[33], Ольгерда и Святослава Ивановича 1371 г.[34], Юрия Холмского 1376 г.[35], жены Ольгерда княгини Ульянии 1377 г.[36], Федота

---

[22] ГВНП. № 79, 80, 82; *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 204; *Семенов А.И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 247. Ср.: *Rahbek Schmidt K.* Soziale Terminologie in Russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964. S. 441–443. *Янин В.Л.* Из истории землевладения в Новгороде... С. 313–324.

[23] ПРП. Вып. 2. С. 41–42 (во второй половине документа), 117 (в составе санкции: "... что я урядил..."); ДКУ. С. 144, 148.

[24] ГВНП. № 28, 29, 31, 38.

[25] Смоленские грамоты... С. 25 (интитуляция с именем князя Александра), 62, 69.

[26] *Кузьмин А.Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Сов. архивы. 1967. № 1. С. 112; АСЭИ. Т. I. № 1 (грамота считается подложной); Т. II. № 9, 24, 42–46, 340; Т. III. № 29, 53, 178, 238, 324, 325, 480; ГВНП. № 87; АФЗХ. Ч. I. № 229; *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 342. № 1.

[27] ГВНП. № 11–13.

[28] ДДГ. № 5, 11, 16.

[29] ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. II (есть воспроизведение: М., 1962). Стб. 932; ПРП. Вып. 2. С. 29.

[30] Грамоти. № 1, 2, 4, 5 (из этих грамот внушают сомнения в подлинности № 1, 4, 5).

[31] Там же. № 14.

[32] Там же. № 18.

[33] Там же. № 19.

[34] ДДГ. № 6; Грамоти. № 23.

[35] Грамоти. № 25.

[36] Там же. № 26.

1386 г.[37], Дмитрия Ольгердовича 1386 и 1388 гг.[38], Семена Лугвеня 1389 г.[39], Федора Любартовича 1393 г.[40], Ярослава Изяславича Полоцкого 1396 г.[41], Анофрия 1399 г.[42], Витовта 80–90-х годов XIV в.[43]

Кроме того, подобная же структура интитуляции характерна для большинства редакций церковного устава Владимира I (списки начиная с XIII–XIV вв.)[44], для всех редакций устава Ярослава (списки начиная с XV в.)[45] и для одного из двух так называемых уставов Всеволода (списки начиная с середины XV в.)[46].

Некоторые из перечисленных грамот представляют особые варианты интитуляции, принципиально не выделяющие их из рассматриваемого вида:

1) договор Александра Невского с немцами 1262–1263 гг.[47]: в т и + [р и (в именит. падеже)];

---

[37] Там же. № 33.

[38] Там же. № 35, 47.

[39] Там же. № 48.

[40] Там же. № 59.

[41] Там же. № 68.

[42] Там же. № 76.

[43] Там же. № 30, 56, 57, 67, 69, 75, 77, 78.

[44] УКВ. С. 4, 12, 13, 29, 31, 35, 67 (та же публикация в кн.: Памятники древнерусского канонического права. Пг., 1920. Ч. II, вып. 1. (РИБ; Т. XXXVI). Русские достопамятности. М., 1843. Ч. II. С. II (ср.: УКВ. С. 3. № 16); *Щапов Я.Н.* Туровские уставы XIV века о десятине // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 263 (ср. С. 271); ДКУ. С. 14, 16, 19, 22, 30, 37, 42, 46, 66.

[45] Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина. СПб., 1780. Ч. III. С. 351, примеч.; Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1788. Ч. III. С. 9; *Максимович Л.* Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы. М., 1803. Ч. I. С. 4; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1816. Т. II. С. 370, примеч. 108; 2-е изд. СПб., 1818. С. 60, примеч. 108; *Болховитинов Евгений.* Описание Киево-Софийского собора и киевской иерархии. Прибавление. Киев, 1825. С. 10, 13; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. № 166/II. С. 191; Летописец Переяславля Суздальского / изд. М.К. Оболенским. М., 1851. С. 42; *Макарий.* История русской церкви. СПб., 1857. Т. II. С. 354, примеч. 455; 2-е изд. СПб., 1868. С. 377; *Варлаам.* Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. Второго отд. имп. Академии наук. СПб., 1859. Кн. V, [отд.] III. С. 54; Памятники древнерусской духовной письменности // Православный собеседник. 1861. Сент. С. 88; Нояб. С. 93; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. XVI. Стб. 267; 2-е изд. Л., 1925. Т. V, вып. 1. С. 120; *Абрамович Дм.* Несколько слов о рукописных и старопечатных собраниях Волынской епархии // Христианское чтение. 1903. Т. 216, ч. 1, июль. С. 117; *Никольский Н.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906. С. 143; СПИЦII. С. 87; НПЛ. С. 481; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / подгот. к печати и ред. К.Н. Сербиной М.; Л., 1950. С. 41 (ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 67); ПРП. Вып. 1. С. 259, 275; НИОР РГБ. Собр. Егорова. № 245. Л. 455; ДКУ. С. 86 и др.

[46] ПРП. Вып. 2. С. 162; ДКУ. С. 154.

[47] ГВНП. № 29.

2) грамота Евнутия и др.: в т и + и + и + и + и;

3) грамота Ольгерда и Святослава Ивановича: в т и + [р т и (в творит. падежс)] + т и;

4) грамота Федота: в т и + [р и + и + р и (в творит. падеже)].

Вид II: т и. Содержится в различных списках XIII–XIV вв. договорной грамоты смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готландом 1229 г.[48], в послании литовского князя Гердеця 1264 г.[49], в пересказах начала XIX в. нескольких рязанских жалованных грамот 40–80-х годов XIV в.[50], в сомнительной с точки зрения подлинности "местной" грамоте нижегородского князя Дмитрия Константиновича 1367/68 г.[51]

Вид III (совпадает с подтипом): б в т и. Находим его в грамотах Владимира Васильковича 1287 г.[52], Олега Рязанского (около 1371 г.)[53] и Витовта 1383 г.[54]

Подтип II: б в $т_1 и_1 т_2 и_2 т_3$. Этот вариант интитуляции отличается тем, что часть титула (например, слова "князь великии") находится перед именем, а другая часть (слова "всея Руси" или "Ярославскии", "Рязанскии" и т.п.) – после имени.

Вид I: в $т_1$ и $т_2$. Наблюдается в грамотах ярославского князя Василия Давыдовича 1320-х годов[55], московских князей Ивана Калиты конца 20-х – конца 30-х годов XIV в.[56], Семена Гордого 1350–1351 гг.[57], Василия I (около 1390 г.)[58], тверских князей Михаила (1375 г.)[59] и Бориса (1393 г.)[60] Александровичей, рязанского князя Олега Ивановича 1393 г.[61]

Аналогичная картина в некоторых западнорусских, польско-литовско-русских, молдавских и валашских грамотах: польского короля Казимира (после 1349 г.)[62], угро-валашского воеводы Мирчи (около 1390 г.)[63], тарнувского пана Яна 1390 г.[64], галицкого

---

[48] Смоленские грамоты... С. 20, 25 (интитуляция с именем Мстислава), 30, 35, 40, 45.

[49] ГССЗР. № IIа; РЛА. № XXVa.

[50] АСЭИ. Т. III. № 311, 314, 317.

[51] Там же. № 307.

[52] ПСРЛ. 2-е изд. Т. II. Стб. 903; ПРП. Вып. 2. С. 27–28.

[53] АСЭИ. Т. III. № 322.

[54] Грамоти. № 31.

[55] АСЭИ. Т. III. № 190.

[56] ГВНП. № 84 (АСЭИ. Т. III. № 2), 86.

[57] ДДГ. № 2.

[58] Там же. № 14.

[59] ГВНП. № 18.

[60] Грамоти. № 63.

[61] Там же. № 61.

[62] Там же. № 12.

[63] Там же. № 52.

[64] Там же. № 51.

старосты Бенка 1398 г.[65], полоцкого князя Андрея 1399 г.[66], львовского воеводы Мацины 1400 г.[67], стародубского князя Александра Патрикеевича 1400 г.[68]

К данному виду относится также интитуляция весьма сомнительной с точки зрения подлинности грамоты рязанского князя Олега Ингваревича 1257 г.[69]

Вид II: в $т_1 и_1 т_2 и_2 т_3$. По этой схеме построена интитуляция вызывающего подозрения в неподлинности "рукописания" (устава) князя Всеволода-Гавриила Мстиславича, жившего в XII в. (списки начиная с XV в.)[70].

Вид III: $т_1$ и $т_2$. Существует в пересказе начала XIX в. грамоты рязанского князя Михаила Ярославича 1299–1303 гг.[71] и в сомнительной "местной" грамоте нижегородского князя Дмитрия Константиновича 1367/68 г.[72]

Вид IV: б в $т_1$ и $т_2$. Фигурирует в грамотах польского короля Казимира 1361 г.[73], Юрга Кориатовича[74] и польского князя Владислава 1378 г.[75]

Подтип III: в $т_1$ и б $т_2$ и $т_3$.

Вид I: в $т_1$ и б $т_2$. Такое построение интитуляции – в грамотах подольского князя Александра Кориатовича 1375 г.[76] и польского короля Владислава 1394 г.[77]

Вид II: $т_1$ б $т_2$ и $т_3$ + ... [р[78] (в творит. падеже) + и + и (в именит. или творит. падеже?)] – в грамоте молдавского воеводы Романа 1392 г.[79]

Подтип IV: в у т и. Данный состав интитуляции запечатлен в жалованной грамоте тверских князей Отрочу монастырю (около 1362–1364 гг.)[80] и в одном виде "Обширной" (III) или "Синодальной"

---

[65] Там же. № 71.
[66] Там же. № 74.
[67] Там же. № 80.
[68] Там же. № 81.
[69] АСЭИ. Т. III. № 347.
[70] ПРП. Вып. 2. С. 175.
[71] АСЭИ. Т. III. № 309.
[72] Там же. № 308.
[73] Грамоти. № 17.
[74] *Costăchescu M.* Documentele Moldovenești. Iași, 1931. Т. 1. № 1; Эта грамота подложная (см.: Documenta Romaniae Historica. A: Moldova. Bucureşti, 1975. Vol. 1: (1384–1448). P. 416–417. N 1).
[75] Грамоти. № 28.
[76] Там же. № 24.
[77] Там же. № 64.
[78] Перед этим протокольно-диспозитивная формула "далъ есмъ".
[79] Грамоти. № 55.
[80] АСЭИ. Т. III. № 116.

Таблица 1

Интитуляции группы А

Ступени классификации	Тип I	Тип II
Общая схема	б в у $и_1$ б т $и_2$	б в у $т_1$ $и_1$ б $т_2$ $и_2$ $т_3$
Подтип I	б в и т	б в т и
Вид I	в и т	в т и
Вид II	в и	т и
Вид III	б в и т	б в т и
Подтип II	в $и_1$ т $и_2$	б в $т_1$ $и_1$ $т_2$ $и_2$ $т_3$
Вид I		в $т_1$ и $т_2$
Вид II		в $т_1$ $и_1$ $т_2$ $и_2$ $т_3$
Вид III		$т_1$ и $т_2$
Вид IV		б в $т_1$ и $т_2$
Подтип III	в и б т	в $т_1$ и б $т_2$ и $т_3$
Вид I	в и б т	в $т_1$ и б $т_2$
Вид II	и б т	$т_1$ б $т_2$ и $т_3$
Подтип IV	в у и	в у т и

редакции устава Владимира (списки XV–XVI вв.)[81], причем в тверской грамоте особый вариант: в у т и + [р + ти + ти + ти + ти + ти + ти (в именит. падеже)].

Ради большей четкости покажем соотношение состава частей различных интитуляций группы А в таблице (см. табл. 1).

В интитуляциях второй группы (Б), ставящих княжеское имя в родительном падеже, вводная часть представляет собой либо формулу "слово", либо предлог "от". Будем считать интитуляцию с формулой "слово" типом I, а с предлогом "от" – типом II.

Тип I: в и т. Нам известен только один образец интитуляции этого типа – в грамоте полоцкого князя Изяслава (не ранее 1265 г.)[82].

Тип II: в т в и.

Подтип I: в т и. Встречается в грамотах князей Северо-Восточной Руси – Ярослава 1266–1272 гг.[83] и Андрея 1301–1302 гг.[84], а кроме того, в грамоте Витовта (после 1389 г.)[85].

Подтип II (совпадает с типом): в т в и ("от князя от..."). Зафиксирован в грамоте тверского князя Михаила 1296–1301 гг.[86] и в

[81] УКВ. С. 13 (РИБ. Т. XXXV. С. 13); СПИЦП. С. 64.

[82] ГССЗР. № II b (РЛА, № XXV b).

[83] ГВНП, № 30, 32 (последний документ считается подложным. См.: *Валк С.Н.* Новгородская проезжая грамота 1269 года // ИЗ. М., 1945. [Т.] 16. С. 198–202).

[84] ГВНП. № 34, 35.

[85] Грамоти. № 50.

[86] ГВНП. № 4 (перед "от" – салютация: "Поклон").

Таблица 2

Интитуляции группы Б

Ступени классификации	Тип I	Тип II
Общая схема	в и т	в т в и
Подтип I		в т и
Подтип II		в т в и

грамоте литовских князей Кестутия и Любарта (после 1341 г.)[87], где этот оборот дан для каждого князя отдельно: 1) в т в и; 2) в т в и.

Представим соотношение интитуляций группы Б в виде таблицы (см. табл. 2).

Интитуляции третьей группы (В), содержащие княжеское имя в дательном падеже, наиболее сложны по своей конструкции. Вводная часть состоит здесь из выражения "ко мнс" или "к нам", причем предлог "к", "ко" – первый элемент этой части – обычно повторяется в разных местах интитуляции. Вводная часть интитуляции группы В с точки зрения общей структуры представляющих ее документов органически входит в состав протокольно-нарративной ("Се приехали ко мне...") или протокольно-диспозитивной ("... целуи ко мне крест...") фразы. В интитуляциях группы В наблюдается болсс широкое, чем в других группах, употребление родствоопределяющей части (р), и обычно тут находится еще особый оборот, указывающий, кем является князь в данной системе феодально-иерархических отношений – сюзереном ("брат старейший"), вассалом ("брат молодший") или равным ("брат"). Назовем этот оборот соподчинительной частью и обозначим его буквой "с". В некоторых случаях родствоопределяющая и соподчинительная части по существу сливаются (когда говорится, например, о младшей братии в прямом и переносном смысле олова) – подобные выражения будут обозначены ниже буквами р/с.

Основой разделения интитуляции дательного падежа на типы служит отношение их к соподчинительной части. К первому типу мы отнесем интитуляции, где соподчинительной части нет.

Тип I: в $т_1$ и $т_2$ (в договоре Дмитрия Донского с Новгородом 1371–1372 гг.)[88].

Тип II (абстрактный формуляр): $в_1$ с (+) $в_2$ т и + р т и + р/с (т и + т и).

---

[87] Грамоти. № 8.

[88] ГВНП. № 16.

Таблица 3

Интитуляции группы В

Ступени классификации	Тип I	Тип II
Общая схема	в $т_1$ и $т_2$	$в_1$ с (+) $в_2$ т и + р т и + р/с (ти + ти)
Подтип I		в с т и + р т и + р/с
Вариант 1		в с т и
Вариант 2		в с т и + р т и
Вариант 3		в с т и + р т и + р/с
Подтип II		$в_1$ с + $в_2$ т и + р/с (т и + т и)

Подтип I (сводный текст) характеризуется отсутствием второго полного вступления ("и ко мне") перед первым титулом: в с т и + р т и + р/с.

Различия конкретных формулировок внутри этого подтипа носят не видовой, а вариантный характер, так как схема остается одной и той же и лишь дополняется оборотами, перечисляющими родственников и союзников князя.

Вариант 1: в с т и (в докончании Олега Рязанского с Дмитрием Донским, около 1382 г.)[89].

Вариант 2: в с т и + р т и (в докончании Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского с Михаилом Тверским, около 1375 г.)[90].

Вариант 3 (совпадает с подтипом): в с т и + р т и + р/с (в докончании Василия I с Владимиром Серпуховским, около 1390 г.)[91].

Подтип II: $в_1$ с + $в_2$ т и + р/с (т и + т и). Содержится в докончании Василия I, Владимира Серпуховского и Юрия Галицкого с Михаилом Тверским (около 1396 или 1399 г.)[92].

Изобразим в табличной форме соотношение интитуляции группы В (см. табл. 3).

Установление различных типов и видов дипломатических структур интитуляции является, на наш взгляд, необходимой предпосылкой дальнейшего анализа отдельных ее частей и элементов, ибо классификация помогает понять закономерности развития интитуляции в целом как компонента формуляра, под определенным углом зрения выражающего специфику объективных тенденций социального и политического развития.

---

[89] ДДГ. № 10.
[90] Там же. № 9.
[91] Там же. № 13.
[92] Там же. № 15.

Классификация интитуляций и хронологизация полученных типов и видов дают основания для некоторых обобщений.

Во-первых, ясно, что приоритет именной части перед титульной был свойствен древнейшим актам. Безразличие к титулу особенно заметно в наиболее ранней пергаменной русской грамоте – Мстислава (1130 г.). Ни сам Мстислав, ни сын его Всеволод не называются князьями (титул Мстислава описательный: "дьржа Русьску землю в свое княжение")[93]. Манкирование титулом проскальзывает и в уставной грамоте смоленского князя Ростислава, определяющего себя в одной из интитуляций только как грешного сына Мстиславля. Аналогичная картина наблюдается в княжеских печатях XI – начала XII в. с греческой или русской благопожелательной формулой, где чаще всего имя князя указано без титула, а в тех случаях, когда фигурирует титул "архонт" или "князь", он стоит обязательно не до, а после имени[94]. Поэтому едва ли можно согласиться с такой реконструкцией уставной протограмоты Владимира, в которой интитуляция строится согласно дошедшим спискам устава по типу в т и.[95] Тот факт, что ни в одном из списков уставов Владимира и Ярослава нет интитуляции типа в и т, может служить признаком того, что даже древнейшие их редакции не восходят прямо к протограмотам.

Приоритет имени перед титулом в древнейших актах связан с особенностями социального строя и с влиянием западноевропейских и византийских интитуляций, ставивших имя обычно раньше титула[96].

---

[93] В последнем издании грамоты Мстислава обороты "дьржа Русьску землю" и "въ свое княжение" разделены запятой, в результате чего описательный титул ограничен первым оборотом – "дьржа Русьску землю", а второй оборот включен в нарративно-диспозитивную часть: "въ свое княжение повелѣл есмь..." (ГВНП. № 81. С. 140), Вместе с тем "держати ... княженье" – целостный фразеологизм, известный источникам XII в. (*Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1397–1398).

[94] *Янин В.Л.* Актовые печати... Т. I. С. 14–33, 67–75.

[95] *Юшков С.В.* Исследования по истории русского права. [Новоузенск, 1925]. Вып. 1. С. 118.

[96] Так в грамотах Одоакра (V в.), вандальских (с V в.), некоторых вестготских VI–VII вв., меровингских (с VI в.), некоторых лангобардских (в законах – с VII в.), каролингских (с VIII в.; иначе только в майордомском титуле рубежа VII–VIII вв. и в особом титуле Пипина Короткого, где имени предшествует формула "inluster vir" – 752 г.), аквитанских и баварских (с VIII в.). Мы абстрагируемся сейчас от факта употребления в ряде актов богословской части интитуляции (Dei-Gratia-Formel), так как наличие ее не мешает увидеть последовательность имени и титула. В меньшей мере в западноевропейских документах был распространен обычай ставить титул раньше имени. Этот порядок наблюдается в римских императорских интитуляциях, где титул "Imperator Caesar Flavius" (последний элемент – "Flavius" – с Константина I, начало IV в.) предшествует имени, а также

В XIV в. этот тип интитуляции получает некоторое распространение в западнорусских актах, чей формуляр, вероятно, зависел от польских канцелярских традиций (в латинских актах польской канцелярии XIII в. имя, как правило, предшествовало титулу)[97].

Во-вторых, можно, видимо, говорить об увеличении роли титула с середины XII в. (двойственная тенденция уставных грамот Ростислава и Святослава). В XIII в. приоритет титула перед именем в восточнорусских актах бесспорен.

В-третьих, "ломаный" титул (окружающий имя с обеих сторон) в русских актах – явление довольно позднее, наблюдающееся с 20–40-х годов XIV в. Аналогию ему составляют некоторые западные интитуляции, и в том числе римский императорский титул, где $т_1$, – Imperator Caesar Flavius; и; $т_2$ – Alamanicus, Gothicus (и т.д.)[98]. Схема "ломаного" титула возникает более или менее синхронно в восточнорусских и западнорусских документах, причем в восточнорусских, может быть, даже раньше. На почве этой структуры образуется вторая половина титула московских великих князей – "всея Руси". Ее употребление находится в связи с включением определения "Русский" и "Русские земли" в титул литовских великих князей и польских королей: см.: "всея Руси" у Калиты в грамотах 1328–1340 и 1335–1339 гг.[99] и "Русский" у Ольгерда (в 1342 г. (или раньше?)[100], "Рускоѣ землѣ" у Казимира (после 1349 г.)[101].

у остготов и вестготов (с VI в.) и лангобардов (с VII в.), заимствовавших в качестве титула "Flavius". Титул стоит перед именем в грамотах герцогов Беневента и Сполето (с VIII в.). В грамотах бургундских королей конца V – начала VI в. могло быть и титульное, и именное начало. Интересную сводку интитуляций см.: *Wolfram H.* Op. cit. Bd. I. S. 262–264. В Византии наряду с торжественными интитуляциями римского образца широко употреблялись более короткие, в которых имя предшествует титулу. Триумфальный титул, начинавшийся словом "Imperator", применялся в эдиктах (составлялись до 1166 г.), мандатах, письмах иностранным правителям (до 678 г.). Интитуляции хрисовулов-привилегий и многих других разновидностей документов строились по схеме и и т или $и_1$ т $и_2$. Примеры византийских интитуляций и подписей, сведения об их употребительности см.: *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik. Ettal, 1956. S. 130–151; *Dölger F., Karayannopoulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. [Bd.] I. S. 76, 77, 80, 91, 92, 114, 120, 121, 123, 149, 156, 157, 159, 161, 171, 172, 184. Надо отметить, что слово "Imperator" в римской и византийской торжественной интитуляции может рассматриваться не только как титул, но и как своеобразное "предъимя" – praenomen (*Wolfram H.* Op. cit. Bd. I. S. 16).

[97] *Bielińska M.* Op. cit. S. 333–353.

[98] *Wolfram H.* Op. cit. S. 263.

[99] ГВНП. № 84, 86.

[100] Грамоти. № 9.

[101] Там же. № 12. В латинских грамотах Гедимина в его королевский титул включалось слово "Ruthenorum": "... Letwinorum et multorum Ruthenorum rex"

В-четвертых, вступительная часть интитуляции, которая в группе А могла состоять из трех элементов [1. А; 2. се; 3. аз (яз, я, мы)], при сопоставлении с западноевропейскими интитуляциями наводит на мысль о политическом, а не чисто стилистическом происхождении ее основного элемента – самоопределения субъекта интитуляции посредством личного местоимения первого лица.

Аналогичный элемент "ego" (я) или "nos" (мы) в раннесредневековых королевских и императорских актах, как правило, отсутствует, но встречается в герцогских грамотах: "ego" включается в интитуляции так называемых служебных герцогов (Amtsherzöge).

В королевском титуле Каролингов "ego" нет, а в герцогском есть (VIII в.). "Ego" содержится в интитуляции баварских герцогов (VIII в.), однако в баварском королевском титуле (IX в.) его уже не видим. "Ego" присутствует в княжеской лангобардской интитуляции (VIII в.) и отсутствует в королевских документах, за исключением законов до 774 г. Элемент "nos" входит в интитуляцию герцогов Беневента (VIII в.)[102].

Местоимение "аз" имеется уже в тексте русского перевода грамоты Святослава 971 г. Учитывая вероятность влияния византийской канцелярии и стесненные обстоятельства, при которых Святослав заключал договор, можно думать, что значительную роль в формировании текста, во всяком случае протокола, играла греческая сторона, и по ее инициативе было употреблено, в частности, местоимение ἐγώ ("аз"), ставившее Святослава в положение не короля, а герцога (чему соответствовал его титул князя).

Что касается указательной частицы "се" (вот), то аналогии ей в раннесредневековых интитуляциях найти не удается. В польских латинских актах XIII в. аналогичную функцию выполняло, по-видимому, наречие "igitur" (итак), стоящее до или после личного местоимения: "Igitur nos"[103], "Nos igitur"[104].

(1322), "...Letphinorum Ruthenorumque rex" (1323–1324). См.: Gedímino Laiškai = Послания Гедимина / подгот. В.Т. Пашуто и И.В. Шталь. Вильнюс, 1966. С. 21, 23, 37, 51, 167; ср.: С. 59, 85, 91, 113; *Пашуто В.Т.* Послания Гедимина как исторический источник // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию проф. С.Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 468–469. (Тр. ЛОИИ; Вып. 7).

[102] Эти наблюдения сделаны по сводке интитуляции в книге: *Wolfram H.* Op. cit. Bd. I. S. 262–264.

[103] *Bielińska M.* Op. cit. S. 342 (1274), 344 (1275), 346, 347, 349 (1283), 350 (1289).

[104] Ibid. S. 339 (1271), 352 (1297). Слово "се" заимствовано, скорее всего, из текста Евангелия, где оно часто употребляется; ср. *Zoltan A. Се азъ...* К вопросу о происхождении начальной формулы древнерусских грамот // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11, N 2/3. P. 179–186.

В-пятых, тот факт, что вводная часть с формулой "слово" уникальна и дошла в грамоте отдаленного от татар Полоцка, вероятно, связан с употреблением этой формулы татаро-монгольскими ханами[105] ("слово" – татарское "сүз"; ср. турецкое "söz"). Не исключена вероятность монополизации ханами этой формулы как средства выражения идеи их сюзеренитета[106]. В домонгольской Руси на печатях встречается загадочная формула "Дьнѣслово"[107], возможно, близкая функционально к формуле "слово"[108]. Поскольку в грамоте Изяслава "слово" предшествует имени, после которого идет титул, есть основания считать эту конструкцию довольно древней.

В-шестых, вводная часть в виде предлога "от" восходит, думается, к старой традиции, хотя она не зафиксирована в княжеских актах раньше XIII в. Известны печати с надписью "От Ратибора", относящиеся к рубежу XI–XII вв.[109] С предлога "от" начинаются и многие частные письма на бересте. Позднее появление этой вводной части в княжеских грамотах, может быть, объясняется трудностью соединения "от" непосредственно с титулом, а не с именем (дошедшие же грамоты все следуют схеме в т и).

В-седьмых, богословская часть интитуляции возникает в русских актах не раньше конца XIII – начала XIV в. и сначала получает весьма слабое применение, особенно в восточнорусских грамотах.

Наконец, в-восьмых, бросается в глаза очень позднее введение в интитуляцию соподчинительной части, выражающей сюзеренно-вассальные отношения (с 70–80-х годов XIV в.). Возникновение этой части стоит в связи с развитием тенденций удельной раздробленности и их преодоления.

---

[105] ГВНП. № 30; ПРП. Вып. 3. С. 466–470.

[106] О таком значении термина "сүз" интересные данные привел М.А. Усманов

[107] *Янин В.Л.* Актовые печати... Т. I. С. 75–86.

[108] *Каштанов С.М.* Древнерусские печати: (Размышления по поводу книги В.Л. Янина) // История СССР. 1974. № 3. С. 180–182.

[109] *Янин В.Л.* Актовые печати... Т. I. С. 60–64.

Глава VIII

ЭВОЛЮЦИЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО И ЦАРСКОГО ТИТУЛА В ГРАМОТАХ АФОНСКИМ МОНАСТЫРЯМ XVI ВЕКА

В данной главе автор не ставит перед собой задачу проанализировать все источники, отражающие эволюцию великокняжеского и царского титула в XVI в. Объект исследования ограничивается в основном грамотами афонским монастырям, которые имели международное значение и потому содержали обычно полный титул, употреблявшийся московскими государями в тот или иной период. Наряду с грамотами афонским монастырям в настоящем исследовании используются по возможности грамоты другим православным корпорациям, расположенным за пределами России, и вселенским патриархам. Кроме того, для сравнения привлекаются и иные источники, в которых автору удалось встретить употребление полного великокняжеского и царского титула.

Прежде чем перейти к рассмотрению титула, дадим общую характеристику состава и дипломатических особенностей русских великокняжеских и царских грамот афонским монастырям XVI в.

Выявление афонских грамот в XVIII–XIX вв. шло двумя путями. Во-первых, предпринимались путешествия на Афон, где и осуществлялся просмотр подлинников, иногда сопровождавшийся снятием с них копий. Во-вторых, работа в русских архивах приводила к открытию списков грамот, оригиналы которых были в свое время выданы представителям афонских монастырей. Сохранность копий в русских архивохранилищах оказалась лучшей, чем сохранность подлинников на Афоне. О частой гибели там документов не раз писали со слов очевидцев путешественники XIX в.

Русских грамот на Афоне было выявлено в XVIII–XIX вв. сравнительно мало, причем большинство из них – XVII в. В. Григорович-Барский-Плака-Албов, побывавший на Афоне в 1744 г., указал 11 русских грамот XVI–XVII вв.[1], архимандрит Порфирий Успенский, работавший в афонских архивах в 1845–1846 гг., называет 23 документа XVI–XVIII вв.[2], но, поскольку он в трех слу-

[1] *Григорович-Барский В.* С. 580, 593, 641, 653–657, 695, 735, 742.

[2] *Порфирий Успенский.* Указатель актов, хранящихся в обителях Св. Горы Афонской // ЖМНП. 1847. Ч. 55. № 7/9. Отд. II. С. 194–196. Сведения Порфирия

чаях считает за отдельные документы позднейшие подтверждения к грамотам, общее количество выявленных им актов должно быть уменьшено до 20. Сербский художник Д. Авраамович, опубликовавший свои книги о Св. Горе в 1847 и 1848 гг., обнаружил семь русских царских грамот в архиве Хиландарского монастыря[3].

Из всех указанных в этих работах документов царскими грамотами XVI в. являются по Григоровичу-Барскому – две (1552 и 1571 гг.), по Порфирию – три (1571, 1588 и 1591 гг.), по Авраамовичу – четыре (все без дат: две Ивана IV и две Федора Ивановича).

Между тем в Архиве иностранной коллегии, где хранился фонд "Греческих дел", на рубеже XVIII–XIX вв. были сняты копии с целого ряда ранних списков грамот XVI–XVII вв. Общее число коллежских копий великокняжеских и царских грамот афонским монастырям XVI в. – девять[4]. Эти копии не охватывают всего состава имевшихся в фонде списков. В XVI–XVII вв. сношения с "православным Востоком" документировались в особых посольских книгах, в составе которых и сохранились наиболее ранние копии великокняжеских и царских грамот афонским монастырям, вселенским патриархам и др.[5]

Сравнительно подробный обзор содержания книг "Греческих дел" был дан в труде А.Н. Муравьева, вышедшем без указания фамилии и инициалов автора[6]. Здесь излагается содержание наиболее важных источников по истории сношений России со всем "православным Востоком". (Выражение "Oriens Christianus" впервые было употреблено в заголовке последнего издания в Париже в 1740 г. труда боландиста Ле Кена (Le Quin). Оно стало использоваться как западными (что логично), так и российскими авторами, хотя для России этот регион – не "Восток", а "Запад"). У Муравьева охарактеризованы не все документы сборников, часто неясно количество грамот по одному и тому же вопросу, источники цитируются с поновлением языка и стиля, в датах встречаются ошибки. Особенности формуляра грамот отражены явно недоста-

---

использованы в указателе В. Ланглуа: *Langlois V.* Le Mont Athos et ses monastères. P., 1867. P. 75, 77, 82, 88, 89, 95.

[3] *Авраамовићь Д.* Описание древностій (живописец) Србски у Светой (Атонской) Гори, с XIII. литографирана таблица. У Београду, 1847. С. 15.

[4] РГАДА. Ф. 52. Оп. 3, № 1, 2, 5–7, 9, 10 (водяной знак: литеры "ДОФЕБ" и число года – "1800"), 3 (водяной знак: литеры "КФДМ", корабль – вероятно, герб Костромы, и число года – "1800"), 8 (водяной знак: литеры "ДОФЕБ" и число года – "1799").

[5] Древнейшие из этих книг – XVI в.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. № 1–3. К настоящему времени кн. 1 издана (РГМ. М., 2004. Т. 1); кн. 2 готовится к печати; кн. 3 опубликована Н.М. Рогожиным и М.П. Лукичевым (М., 1988).

[6] Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. Ч. I–II.

точно. Титул, например, определяется в большинстве случаев как "обычный" и не передается. Вообще обзор ни в коей мере не может служить заменителем текста документов, которые нуждаются в тщательном дипломатическом анализе.

Публикация русских грамот афонским монастырям велась по линии издания подлинников и списков. Из подлинников больше других известна грамота Ивана IV 1571 г. Хиландарскому монастырю на двор в Москве. Ее издавали несколько раз начиная с XVIII в.[7] Издан подлинник проезжей грамоты Ивана IV Хиландарскому монастырю июля 1556 г.[8] Кроме того, была опубликована найденная на Афоне грамота Федора Ивановича сентября 1591 г. Пантелеймонову монастырю[9]. Грамота Ивана IV тому же монастырю от 30 мая 1554 г. напечатана М.М. Щербатовым, вероятно по списку, находящемуся в первой книге "Греческих дел"[10]. По этой книге был опубликован М.А. Оболенским и текст грамоты Василия III проту Семиону от 15 марта 1515 г. о присылке из Ватопедского мона-

---

[7] *Григорович-Барский В.* С. 653–654; *Леонид, архим.* Историческое описание Сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868. С. 100–101; *Порфирий Успенский.* История Афона. СПб., 1892. Ч. III: Афон монашеский. Отд. II. С. 942–944, № 69; Actes de Chilandar publiés par le R.P. Louis Petit et B. Korablev. Пг., 1915. 2-ème partie: Actes slaves publiés par B. Korablev. P. 582–584. № 90. (ВВ; Т. XIX. Прил.) В списке XVI в. эта грамота как будто не дошла. В РГАДА (Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 229–231) помещен текст другой грамоты Ивана IV Хиландарскому монастырю, датируемой тоже мартом 1571 г., но не сохранившейся в подлиннике. С грамоты 1571 г. на московский двор нам известны восемь более поздних списков: 1) XVII в. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2, реестр 2, 1571 г. № 1); 2) рубежа XVIII–XIX вв. (Там же. Оп. 3. № 5); 3) XIX в. (Архив СПб. ФИРИ РАН. Кол. 114: Акты разных лиц и учреждений. № 1–4); В Архиве Сербской академии наук в Белграде хранился список середины XIX в. с той же грамоты (№ 8911). Упоминания о списках см.: ЛЗАК. СПб., 1907. Вып. 17. С. 413; ХП-III. С. 243. № 1–429; РГМ. Т. 1. С. 369–372. Издание по списку XVIII в.: *Димитријевић С.М.* Документи. С. 32–33. Новейшие издания грамоты 1571 г. по подлиннику: *Kämpfer F.* S. 280–282. № 2; РГМ. Т. 1. С. 365–372. № 13. В.Г. Ченцова ошибается, считая, что издание в РГМ осуществлено по списку, – см.: *Tchentsova V.* Patronage et titulature: Chilandar et le tsar on XVIe siècle // Τὸ Ἅγιν Ὄρος στὸν καὶ 160 αἰῶνα. Θεσσαλονίκη, 2012. Σ. 189, Σημ. 34. В РГМ текст подлинника передан более точно, чем у Кемпфера.

[8] *Леонид, архим.* Указ. соч. С. 98–99; № 89. Список XVI в.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 82 об. – 84; РГМ. Т. 1. С. 203–363 (№ 82 по списку), 361–363 (№ 10 по подл.).

[9] Собрание сочинений и писем святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. Новое издание в четырех томах. СПб., 1865. Т. II. С. 111–113, № 1; Акты Русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873. С. 418–420. № 63.

[10] *Щербатов М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1789. Т. V, ч. IV. С. 3–4. Список XVI в.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 75–76; Уп.: ХП-II. С. 143, № 697; РГМ. Т. 1. С. 195. № 77.

стыря "на время" книжного переводчика старца Саввы[11]. По списку сборника XVI в. из бывшего собрания Ф.А. Толстова (в РНБ) издана грамота Ивана IV Пантелеймонову монастырю 1543 г.[12] В 1986 г. Ф. Кемпфер издал подлинные грамоты архива Хиландарского монастыря. В 2004 г. две из них (1556 и 1571 гг.) были переизданы нами по подлинникам[13].

В дореволюционной и советской историографии русские грамоты афонским монастырям не были объектом специального дипломатического анализа, хотя истории сношений России с Афоном касались очень многие исследователи: А.В. Горский, А.Н. Муравьев, Порфирий Успенский, архим. Леонид, Н.Ф. Каптерев,

---

[11] *Оболенский М.А.* Акты, касающиеся до приезда Максима Грека в Россию // ВОИДР. М., 1850. Кн. 5. Смесь. С. 31–32, № 1; РГМ. Т. 1. С. 157–158. № 39.

[12] АЮБ. СПб., 1857. Т. I. Стб., 127–128, № 40. Список XVI в.: ОР РНБ. Q. XVII, № 50. Л. 352–353. Сборник был просмотрен по моей просьбе Т.А. Тутовой, которая отметила наличие на Л. 349–356 водяного знака "Р" с розеткой. Интервал между понтюзо, где помещен знак, составляет, по измерениям Т.А. Тутовой, в среднем 18 мм. "Р" в таком интервале фиксируется в бумаге немецких и французских рукописей 40-х годов XVI в., а в Прибалтике встречается в начале 50-х годов того же столетия (*Piccard G.* Wasserzeichen Buchstabe P. Stuttgart, 1977. Th. 2, Abt. VII. N 261, 269, 750, 781, 790, 792, 796, 797, 807, 811, 812, 823, 828, 1266–1268, 1402–1408). Позднейшая грамота восьмилистной тетради, образуемой листами 349–356, датируется 1547 г. и тоже касается Пантелеймонова монастыря (см.: АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 545–546, № 300). Следовательно, возникновение данной тетради копий относится к 1547 г. (РГМ. Т. 1. С. 350–361, № 6, 9). По АЮБ грамота 1543 г. была перепечатана (с неверным раскрытием даты как 1542 г.) в кн.: Акты Русского на святом Афоне монастыря... С. 428–429. Имеется копия начала XIX в. грамоты 1543 г.: РГАДА. Ф. 197 (А.Ф. Малиновского). Портфель II. Ед. хр. 33 (водяной знак: число года – "1813"). В архивном заголовке этого списка грамота датируется 1500 г. и приписывается Ивану III. Отсюда ошибочные дата и атрибуция перекочевали в справочную литературу и исследования: *Шумилов В.Н.* Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI–XVII вв. М., 1954. С. 65; *Синицына Н.В.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518–1519) // ВВ. М., 1965. Т. XXVI. С. 116; *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. [Т.] I. С. 152 (у Н.В. Синицыной и ссылающегося на ее работу А.А. Зимина грамота фигурирует с датой "1499"). Ошибка объясняется тем, что в списке XIX в. вместо "Н" (50) в числе года стоит "И" (8), что позволяет читать его как "7008" вместо "7050", однако следующее за тем слово "втораго" не может относиться к месяцу как вследствие невероятности конструкции "второго месяца ноября", так и вследствие наличия числа дня: "ноября в 3-и". Кроме того, список около 1813 г. текстуально совпадает со списком XVI в. Упоминания о грамоте 1543 г. см.: *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора е.и.в. действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. 486; ХП-I. С. 361. № 459; РГМ. Т. 1. С. 350–352, № 6.

[13] *Kämpfer F.* S. 271–295 + Abb. 1–3; РГМ. Т. 1. С. 361–372, № 10, 13.

А.П. Касторский, М.Н. Тихомиров, А.А. Зимин, А.И. Клибанов, С.О. Шмидт, Н.В. Синицына, Б.Л. Фонкич, А.Л. Хорошкевич и др.

Историк, обращающийся к изучению русских грамот XVI в., выданных афонским монастырям, имеет дело прежде всего с книгами 1–3 "Греческих дел" РГАДА, где копии более или менее современны подлинникам. В сборниках наблюдается последовательная смена почерков и бумаги XVI в. Подробнее других в палеографическом отношении нами изучена кн. 1, рукопись в малую четвертку. Ее почерки следующие: I – л. 1–4 об., 22–30; II – л. 5–18; III – л. 18 об. – 20 об.; IV – л. 31 (строки 1–4); V – л. 31 (строки 5–8), 31 об. – 67, 70 (строки 3–11), 70 об.–72 об.; VI – л. 67 об. – 69 об.; VII – л. 73; VIII – л. 74–74 об.; IX – л. 75–77 об.; X – л. 78; XI – л. 79–82, 82 об. (строки 1–4); XII – л. 82 об. (строки 5–10), 83–84; XIII – л. 85–100 об., 101 (строки 1–5 до "Миха"), 101 об., 102 (строки 1–12; в строке 13 слово "Смоленские"; строки 14–15), 102 об., 103 (строки 1–7 до "Олга" включительно), 103 об.–113 об., 114–125, 126–135 об., 136–156, 157–170 об.; XIV – л. 101 (строка 5 начиная с "Миха", строки 6–13), 102 (строка 13, слова "Великого князя Ростислава"), 103 (строки 8–15); XV – л. 171–173 об., 174–181 об.; XVI – л. 182–188, 189–193 об., 194–211 об.; XVII – л. 212–238 об.

Филиграни кн. 1: л. 1–4 – может быть, литера "B", 6 вертикальных понтюзо; л. 5–12 – собака, 7 горизонтальных понтюзо; л. 13–20 – голова быка, 6 горизонтальных понтюзо; л. 21–30ж – литера "F", 6 вертикальных понтюзо; л. 30е–52 – рука с шестиконечной звездой или цветком над средним пальцем, с раздвоенным сердцем на манжете и завитком на ладони, большой палец – к $П_3$, 6 основных понтюзо + $П_0$ (горизонтальные)[14]; л. 53–68 – рука двух видов – со звездой над безымянным пальцем, большой палец – к $П_2$, 6 основных понтюзо + бледное $П_0$ (горизонтальные) и рука в маленьком рукавчике, 6 основных понтюзо + $П_0$ (горизонтальные); л. 69–72г – литеры "PB" в прямоугольнике, 6 основных понтюзо + $П_0$ (горизонтальные); л. 73–77в – рука под короной, манжета с 6 фестонами, 7 горизонтальных понтюзо; л. 78, 78а–84 – сфера, 7 основных понтюзо + $П_0$ (горизонтальные); л. 84а–170 – сфера, 7 горизонтальных понтюзо; л. 171–185 – лук со стрелой, 5 вертикальных понтюзо; л. 186–214 – рука с сердцем на ладони, 5 вертикальных понтюзо; л. 215–238 – литеры AF, соединенные цветком, 6 горизонтальных понтюзо.

В книге различаются три типа текстов; 1) записи каких-либо фактов (приезд, прием, отпуск посланцев и т.д.), 2) заголовки до-

[14] Здесь и далее буквой "П" мы обозначаем понтюзо. Цифра под "П" указывает порядковый номер понтюзо при отсчете от края листа; ближайшим к краю бывает обычно нулевое понтюзо – $П_0$. Подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 41–83.

кументов ("А се грамота..."), 3) копии получаемых и отправляемых документов. Последняя группа текстов составляет основное содержание книги. Самая ранняя датированная запись в кн. 1 относится к январю 1509 г. (л. 5). С нее начинается почерк II, которым написаны и наиболее ранние в книге грамоты Василия III – от 27 июля и 19 сентября 1509 г. (л. 13–18). Для копий грамот Василия III 1509 г. был использован иной по сравнению с предыдущим пласт бумаги (л. 13–20 – с филигранью голова быка). На той же бумаге, но уже другим почерком были скопированы грамоты Василия III 1515 г. (л. 18 об. – 20 об.).

На л. 22 помещена запись сентября 1518 г. о приезде из Синайской Горы старца Клементия, а на л. 26–30 – текст четырех грамот Василия III июня 1519 г. Поскольку бумага и почерк л. 22–30 совпадают с бумагой и почерком л. 1–4 об., последние надо отнести также к 1518–1519 гг., тем более что на л. 3–4 об. скопирована грамота (послание) Ватопедского монастыря Василию III о возможности прислать для перевода и толкования греческих книг "брата нашего Максима" вместо священноинока Саввы, которого хотел заполучить великий князь[15].

Ватопедская грамота была написана в ответ на грамоту Василия III от 15 марта 1515 г., т.е. не раньше второй половины 1515 г., а скорее всего в первой половине 1516 г. И. Денисов полагал, что афонские монахи, посланные в Москву, покинули Афон в июне 1516 г., а в июле находились уже в Константинополе, где были задержаны турками на 9 месяцев, до возвращения султана Селима I из сирийско-египетского похода[16]. В мае 1517 г. греческое посольство выехало из Константинополя[17] и прибыло в Москву 4 марта 1518 г. вместе с Василием Копылом и Иваном Варавиным[18]. Следовательно, ватопедская грамота могла быть представлена Василию III не раньше марта 1518 г.

Отсюда ясно, что в кн. 1 л. 1–4 об. должны предшествовать непосредственно листам 21–30, а не более ранним по времени л. 5–20. Возможно, часть материалов, связанных с приездом Максима Грека, была изъята из сборника. Во всяком случае, тот пласт, где находится ватопедская грамота, дошел не полностью. Кроме ватопедской грамоты, в пределах этого пласта сейчас содержатся: 1) окончание (лишь последние слова) грамоты константинопольского патриарха: "археепископ Костянтинаграда Новаго Рима и

---

[15] *Оболенский М.А.* Акты... С. 33. № 2. РГМ. Т. 1. С. 129–131, № 3.

[16] *Denissoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Paris; Louvain, 1943. P. 349–350.

[17] *Синицына Н.В.* Послание Максима Грека... С. 119.

[18] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 260–261; СПб., 1859. Т. VIII. С. 263; СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. 28; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 308; Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 172.

вселенскии патриярх" (л. 1); 2) грамота (послание) игумена Пантелеймонова монастыря Паисия, отправленная с проигуменом Саввой и священноиноком Пахомием (л. 1–2 об.)[19]. По летописям известно, что проигумен Пантелеймонова монастыря Савва прибыл в Москву вместе с Максимом Греком 4 марта 1518 г. В составе посольства были также представители константинопольского патриархата митрополит Григорий и патриарший дьякон Дионисий Грек[20].

Таким образом, пантелеймоновская и патриаршья грамоты оказались в Москве вместе с ватопедским посланием в начале марта 1518 г. Пантелеймоновская грамота может датироваться, как и ватопедская, мартом–июнем 1516 г., патриаршья – июлем того же года.

Наряду с письмами патриарха, Ватопедского и Пантелеймонова монастырей, обращенными к великому князю Василию III, известны их письма к митрополиту Варлааму, дошедшие в копиях в составе митрополичьего формулярника[21]. В АИ эти послания, адресованные митрополиту, датируются 1516–1517 гг.[22], хотя дата "1517" едва ли верна для указанных грамот. Вероятно, рассматриваемые письма являлись ответом на грамоту митрополита Варлаама, посланную вместе с грамотой Василия III. Текст грамоты Варлаама нам неизвестен, но о том, что митрополичья грамота существовала, свидетельствуют некоторые выражения ответных грамот. Так, в ватопедской грамоте Василию III говорится: "по наказанию царствиа твоего и по приказу всесвященнеишаго митрополита господина Варлаама"[23]. В ответе из Ватопеда митрополиту сказано, что старец Савва "не възможе исполнити повеления благовернеишаго великаго князя и твоего величества святителству"[24].

По наличию списков грамот Василию III в великокняжеском регистре, а митрополиту – в митрополичьем формулярнике можно заключить, что документирование отношений с греческим православным миром проводилось в русской столице светской и церковной властями раздельно[25].

---

[19] Весьма неисправно издана: *Щербатов М.* История Российская от древнейших времен. Т. V, ч. IV. С. 1–3. Ср.: РГМ. Т. 1. С. 127–129, № 2.

[20] См. выше, примеч. 18.

[21] ОР ГИМ. Синодальное собр. № 562. Л. 246 об.–249; РГМ. Т. 1. С. 334–338, № 1–2.

[22] АИ. Т. 1. С. 175–177, № 121–123. РГМ. Т. 1. С. 334–340, № 1–3.

[23] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1, кн. 1. Л. 4; ср.: *Оболенский М.А.* Акты... С. 32–33, № 2. РГМ. Т. 1. С. 130, № 3.

[24] РГМ. Т. 1. С. 337, № 2; ср.: АИ. Т. 1. С. 176, № 122 (здесь два последних слова исправлены на "великого святительства").

[25] Н.В. Синицына говорит о пяти грамотах, доставленных в Москву греческим посольством в марте 1518 г.: двух грамотах, адресованных великому князю, и трех, адресованных митрополиту (*Синицына Н.В.* Послание Максима Грека...

Перейдем к дальнейшей характеристике кн. 1. Единый по почерку комплекс (с вариацией на л. 67 об.–69 об.) составляют л. 31–72 об., представленные тремя разновидностями бумаги с водяным знаком рука. Этот раздел книги открывается записью от 1 апреля 1549 г. о приезде купца Мустофы-челибея. Здесь помещены копии грамот Ивана IV ноября 1549 – января 1551 гг., султана Сулеймана I 1548–1549 гг., константинопольского патриарха Дионисия и иерусалимского патриарха Германа 1548–1549 гг., Пантелеймонова и Хиландарского монастырей. Копирование велось по мере поступления входящих и отправления исходящих грамот, поэтому даты записей опережают даты документов. Это явление наблюдалось и в первой части книги. Кроме основного писца, возможно, работал и второй, который в марте–мае 1551 г. вел запись об отпуске и отъезде купца Андреяна Грека (л. 67 об.–69 об.).

Между л. 30 и 31 имеется 7 ненумерованных чистых листов, из которых первые 6 принадлежат, судя по водяным знакам, к пласту с записями 1518–1519 гг., а последний – к пласту с записями 1549–1550 гг. Наличие "пограничных" чистых листов позволяет считать маловероятным, что между разделами 1518–1519 и 1549–1551 гг. когда-то могли находиться тетради с записями и документами периода, ныне совсем не представленного в книге.

Еще А.Н. Муравьев обратил внимание на 30-летний (точнее – 29-летний) перерыв в записях и высказал мысль, не связан ли он с неблагоприятными последствиями дела Максима Грека[26]. Автор был склонен объяснять перерыв в записях ослаблением сношений России с Афоном и другими православными центрами. Однако он сам приводит под 1533 г. грамоту, которую направил Василию III александрийский патриарх Иоаким[27]. Ее копии надлежало бы находиться в великокняжеском регистре, но она дошла в составе митрополичьего формулярника[28]. Ряд грамот 40-годов, относящихся к сношениям с зарубежными центрами православия, также сохранился в копиях вне регистра, начатого при Василии III[29].

С. 119, примеч. 80). На самом деле речь должна идти о шести грамотах, так как в общее число надо включить грамоту патриарха Феолипта Василию III, конец текста которой сохранился в великокняжеском регистре (см. РГМ. Т. 1. С. 127, № 1).

[26] Сношения России с Востоком... Ч. I. С. 42.

[27] Там же. С. 39–42.

[28] ОР ГИМ. Синод. собр. № 562. Л. 446–448. РГМ. Т. 1. С. 341–347, № 4.

[29] Грамота Ивана IV Пантелеймонову монастырю от 3 ноября 1543 г. (ОР РНБ. Q. XVII. Л. 352–353); грамота митрополита Макария от 1 августа 1547 г. о беспрепятственном сборе милостыни старцами Пантелеймонова монастыря (Там же. Л. 349–351); изданы: АЮБ. Т. 1. Стб. 127–128, № 40; АИ. Т. 1. С. 545–546. № 300; РГМ. Т. 1. С. 350–352, 358–361, № 6, 9. Грамоту александрийского патриарха Иоакима от 4 апреля 1545 г. о Максиме Греке (НИОР РГБ.

В описи архива Посольского приказа 1626 г., упоминается присланная "из Грек", но писанная по-русски грамота 1522/23 г. игумена "Дмитреевского монастыря ремета" Василию III "о милостыни"[30]. В той же описи фигурирует "грамота на харатье к великому князю Василью Ивановичю всеа Русии прота Святые Горы Анфимы еромонаха" 1530/31 г.[31] Какая-то из грамот, присланных с "православного Востока" Ивану IV, относится к 1539/40 г.[32]

В письме польского короля Сигизмунда I мунтянскому (валашскому) воеводе Радулу VII от 20 августа 1537 г. речь идет о разборе жалобы на литовских мытнинов со стороны проезжавших через Литву из "земли Московскои" старцев афонского Пантелеймонова монастыря, которые везли якобы 15 тыс. золотых, а также меха белки и горностая[33]. Поскольку заступником за этих "колугеров" выступал валашский воевода, надо полагать, что проезд их через Литву состоялся задолго до написания ответного письма Сигизмунда. В 1538/39 г. в Новгороде побывали два монаха афон-

---

Собр. Н.П. Румянцева (Ф. 256). № 264. Л. 192–193; см. также ОР РНБ. Q. XVII. № 50. Л. 256–258 об. А.Н. Муравьев ошибочно датирует 1543 г. (см.: Сношения России с Востоком... Ч. I. С. 46–48; ср.: *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 152, примеч. 33)). Грамота константинопольского патриарха Дионисия 11 июня 1546 г. (НИОР РГБ. Собр. Румянцева. № 264. Л. 190–191 об.) датируется по индикту 4, который для июня приходится на 1546 г. См.: *Синицына Н.В.* Максим Грек в России... С. 152, примеч. 32. Издание этих двух патриарших грамот и описание списков см.: РГМ. Т. 1. С. 347–350, № 5.

[30] ОАПП. Ч. I. С. 71. Л. 67. К слову "ремета" издатель делает примечание: "Так в рукописи". Однако ошибки в рукописи тут нет. "Ремета" по-сербско-хорватски значит "отшельник, пустынник". Видимо, монастырь был "пустынским", представляя собой то, что на Руси называли "пустынью". А.Л. Хорошкевич датирует грамоту 1523/24 г. и считает Дмитриевский монастырь афонским (*Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1960. С. 204). Но монастырь, или скит с таким названием на Афоне обнаружить не удается (см., например: *Касторский А.П.* Состояние православного восточного монашества со времени завоевания Константинополя турками (1453). Казань, 1919. С. 133). Очевидно, речь должна идти о каком-то сербском пустынском монастыре. За сербскую принадлежность монастыря говорит как написание грамоты по-русски, так и сербский термин "ремета". Согласно тексту грамоты 1622 г., опубликованной С.М. Дмитриевичем, монастырь св. Димитрия Солунского Ремета находился "в подкрылию Фрушкие Горы", т.е. у подножья Фрушки Горы – горного массива, расположенного в Воеводине (Сербия), между городами Нови Сад на северо-западе и Белград на юго-востоке, в междуречье Дуная и Савы (подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 15, примеч. 30).

[31] ОАПП. Ч. I. С. 71. Л. 67 (*Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 204; грамота указана под 1531/32 г.).

[32] ОАПП. Ч. I. С. 71. Л. 67 об.

[33] РГАДА. Ф. 389. Кн. зап. 21. Л. 213–214 (*Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 204, примеч. 778; исследовательница датирует документ 8 августа 1536 г.; этому противоречит не только прямая дата, но и индикт (10), который приходится на 1537. Издание текста см.: РГМ. Т. 1. С. 347–350, № 5.

ского "монастыря святаго великомученика Христова Георгия, иже от Каппадокия, глаголемаго Протия" (этот монастырь отождествляется с Зографом; другие монастыри имени св. Георгия на Афоне – Ксенофонтов и Павлов). Монахи рассказали архиепископу Макарию о подвиге нового мученика Георгия, замученного турками в болгарском городе Средце (София) 26 мая 1514 г.[34] Тот же Макарий, но на этот раз уже в сане митрополита, выслушал в Москве 7 февраля 1547 г. рассказ старца Синайской Горы священноинока Григория о "Египте" (Каире)[35]. Приезды и отъезды таких лиц документировались, а привозимые и вывозимые ими грамоты копировались. Однако кем и где? Отсутствие в кн. 1 записей за 1520–1548 гг. можно объяснять по-разному: механической утратой листов, каким-либо позднейшим изъятием их или, наконец, тем, что записи в этом регистре не велись после 1519 г. и до начала правления "Избранной Рады".

Если остановиться на последнем предположении, встанет вопрос: почему? Не исключено, что после 1519 г. фиксация отношений с "православным Востоком" была доверена сначала Максиму Греку, а затем церкви и монастырям[36]. Связи митрополита с зарубежными православными монастырями и иерархами в 1515–1518 гг. отразились, как упоминалось выше, в митрополичьем формулярнике, где скопированы грамоты 1516 г. от патриарха и двух афонских монастырей. Еще показательнее наличие в митрополичьем формулярнике списка грамоты александрийского патриарха Иоакима, около 1526–1530 гг., адресованной великому князю.

Соседство копий двух грамот – Ивана IV 1543 г. Пантелеймонову монастырю и митрополита Макария 1547 г. о правах того же монастыря – в одной рукописной тетради 1547 г. в составе сборника, возникшего в Иосифо-Волоколамском монастыре, показывает, что монастыри тоже могли быть местом копирования актов, выданных и принадлежавших святогорским монахам[37]. В этой тетради мы не наблюдаем копирования грамот в хронологии их выдачи: грамота Макария 1547 г. (л. 349–351) предше-

---

[34] НИОР РГБ. Собр. В.М. Ундольского (Ф. 310). № 563. Л. 640–654 об.; см.: *Голубинский Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдаво-валашской. М., 1871. С. 666; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 381, примеч. 315.

[35] НИОР РГБ. Рогожское собр. (Ф. 217). № 82. Л. 281 (*Зимин А.А.* И.С. Пересветов... С. 381, примеч. 316).

[36] Подробнее см.: *Каштанов С.М.* К истории русско-греческих культурных связей в XVI в. // Москвіа: Проблемы византийской и новогреческой филологии: К 60-летию Б.Л. Фонкича. М., 2001. С. 209–218.

[37] ОР РНБ. Q. XVII. № 50. Л. 349–353 (АИ. Т. 1. № 300; АЮБ. Т. I. № 40). Подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 350–352, 358–361, № 6, 9.

ствует грамоте Ивана IV 1543 г. (л. 352–353)[38]. Тетрадь являлась единовременной подборкой, а не частью регистра[39]. В сборнике № 264 Румянцевского собрания послания патриархов Дионисия (1546 г.) и Иоакима (1545 г.) тоже помещены в обратно-хронологической последовательности.

После раздела 1549–1551 гг. в кн. 1 идет тетрадь с особым водяным знаком – литеры "РВ" в прямоугольнике (л. [72а–72г]). Далее следует новая тетрадь с водяным знаком рука под короной [л. 73–77в], занятая записями и двумя грамотами Ивана IV Пантелеймонову монастырю 1554 г. (л. 73–77 об.). Заголовок, запись о челобитье и тексты каждой грамоты написаны разными почерками (VII–IX), что говорит о последовательности записей по хронологии событий. Эта хронологическая последовательность видна и из дат грамот (сначала скопирована грамота от 30 мая, потом – от 1 июня 1554 г.). Конец тетради оставлен чистым (л. [77а–77в]).

Следующая восьмилистная тетрадь, в бумаге которой просматривается водяной знак сфера [л. 78, 78а–84], была посвящена двум жалованным грамотам Ивана IV 1556 г. Хиландарскому монастырю. В тетради различаются три почерка: одним (X) написан заголовок жалованной грамоты марта 1556 г. (л. 78); другим (XI) – запись о челобитье Хиландарских старцев и выдаче им грамоты, затем сам текст грамоты марта 1556 г. (л. 79–82 об.); наконец, третьим почерком (XII) написаны запись-заголовок и текст жалованной грамоты Хиландарскому монастырю июля 1556 г. (л. 82 об.–84).

Возможно, заголовок на л. 78, открывающий всю тетрадь, был написан позже следующей за ним грамоты марта 1556 г. На л. 78 перед заголовком три строки оставлены чистыми, после заголовка также нет текста (10 строк оставлены чистыми). Чистым оставлен и л. 79 об. Маловероятно, чтобы один писец сделал только заголовок, а затем передал работу другому писцу. Вернее предположить, что заголовок появился постфактум. В нем, как нам кажется, есть элемент "воспоминания" – указание на дьяка Ивана Михайлова

---

[38] Л. 351 об. и 358 об. – чистые.

[39] Об отсутствии хронологической последовательности грамот в тетради свидетельствует и помещение после текста грамоты Ивана IV 1543 г. копии славянского перевода грамоты папы Евгения марта 1439 г. из Флоренции о свободном проезде русского посланника Фомы (ОР РНБ. Q. XVII. № 50. Л. 354–355 об.). Издание ее см.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. III, т. V: Примеч. Стб. 125, примеч. 296; Acta Slavonica Concilii Florentini: Narrationes et Documenta / ed. J. Krajcar. Roma, 1976. P. 136–137; *Абеленцева О.А.* Охранная грамота папы Евгения IV послу русскому Фоме // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 40–47.

(Висковатого) с предлогом "при": "Грамота жаловалная Хилондаря манастыря лета 7064-го, при дьяке Иване Михаилове".

Водяной знак сфера, но несколько иной формы, чем на л. 78–84, наблюдается в последующих 12 тетрадях рукописи [л. 84(а)–170 об.][40], написанных почерком XIII и содержащих записи, ведшиеся с 1 октября 1556 г. до 11 апреля 1561 г. Здесь зафиксированы приезд и отъезд еврипского митрополита Иоасафа, являвшегося представителем константинопольского патриархата, отпуск хиландарского священника Сильвестра, архимандрита Феодорита (бывшего настоятеля Спасо-Евфимьева монастыря) и купца Матюшки Волкова, софийского архидьякона Геннадия и купца Василия Поздякова, приезд синайских старцев Сильвестра, Иосифа и Малахии, хиландарского архимандрита Прохора, возвращение Феодорита, а затем Василия Поздякова, рассказ синайских старцев об испытании александрийского патриарха зельем.

В рассматриваемых тетрадях помещены грамоты Ивана IV константинопольскому патриарху Иоасафу (две)[41], александрийскому патриарху Иоакиму, иерусалимскому патриарху Герману, антиохийскому патриарху Иоакиму, архиепископу Синайской Горы Макарию, иерусалимской Лавре св. Саввы, Хиландарскому монастырю (две), турецкому султану Сулейману I, польскому королю Сигизмунду II (три), молдавскому господарю Александру Богдановичу, архидьякону Геннадию; "памяти" Ивана IV – константинопольскому патриарху Иоасафу (вместе с помянником русских князей), архимандриту Феодориту (пять, из которых две секретные); роспись катапетазмы, посланной в Хиландарский монастырь; грамоты, адресованные Ивану IV: константинопольского патриарха Дионисия, константинопольского патриарха Иоасафа (три), александрийского патриарха Иоакима (две), иерусалимского патриарха Германа, антиохийского патриарха Иоакима, еврипского митрополита Иоасафа.

После л. 170 об. идут две тетради, где понтюзо расположены вертикально, а водяной знак – лук со стрелой (л. 171–185 об.)[42]. Текст тут написан либо несколько видоизмененным почерком XIII,

[40] Большинство тетрадей – восьмилистные: Л. 84(а–в) – 89 об., 90–97 об., 98–105 об., 106–113 об., 113а–120 об., 121–128 об., 129–135а об., 142–149 об., 150–156а об., 157–164 об.; две тетради – шестилистные: л. 136–141 об., 165–170 об. Границы тетрадей установлены нами на основании анализа полистного соотношения частей водяного знака и понтюзо. Подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 62–72.

[41] В дальнейшем, когда число грамот не указывается, имеется в виду одна грамота.

[42] Первую тетрадь образуют л. 171–173, 173(а–б), 174–177 об., вторую – л. 178–185 об. Подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 78–80.

либо особым почерком XV (до л. 181 об. включительно) и почерком XVI (начиная с л. 182). Текстуально эти две тетради теснейшим образом связаны с предыдущими и последующими: на л. 171 продолжается текст начатой на л. 169 об. грамоты антиохийского патриарха Иоакима; на л. 185 об. не кончается, а переходит на л. 186 текст грамоты константинопольского патриарха Иоасафа.

Следующий пласт бумаги, представленный листами 186–214 об., состоит из четырех тетрадей, водяной знак которых рука с сердцем на ладони[43]. В этих тетрадях господствует почерк XVI, но с л. 212 его сменяет почерк XVII. Записи на л. 171–211 об. были произведены последовательно двумя писцами (почерки XV и XVI) в 1561–1567 гг. Видимо, обладатель почерка XVI начал работать в 1561 г. и вел записи в течение последующих шести лет. На последних листах бумаги данного пласта записи были возобновлены почерком XVII в 1571 г. (л. 212–214 об.).

Почерком XV не только написано окончание грамоты антиохийского патриарха Иоакима (вся грамота помещается на л. 169 об.–173 об.), но и сделаны записи сентября 1561 г. о письме к Ивану IV епископа Семиона из Смоленска, о вторичном приезде в Москву еврипского митрополита Иоасафа, переписана грамота константинопольского патриарха Иоасафа 1560/61 г. и начат текст другой грамоты того же патриарха. Почерком XVI окончен текст этой грамоты (вся грамота находится на л. 181–186), переписаны третья грамота патриарха Иоасафа и "память", поданная еврипским митрополитом Иоасафом Ивану IV. После этого тем же почерком написаны записи сентября 1564 г. о челобитье еврипского митрополита Иоасафа и отпуске его в Константинополь через Грузинскую землю, текст грамоты Ивана IV константинопольскому патриарху Иоасафу и роспись "милостыни", отправляемой патриарху и митрополитам, текст грамот Ивана IV в Черкасы князю Темрюку Айдаровичу и в Грузию князю Леону, запись от 17 декабря 1567 г. о приезде из Кафы Магмет-челибеева человека Магметки с грамотой к Ивану IV от эклесиарха афонской Лавры св. Афанасия старца Феофана, текст челобитной Феофана.

Последний пласт рукописи (л. 215–238 об.) составляют три тетради с шестью горизонтальными понтюзо[44]. Водяной знак –

---

[43] Судя по расположению водяных знаков и понтюзо, здесь содержатся три восьмилистные тетради (л. 186–193 об., 194–201 об., 202–209 об.) и одна семилистная тетрадь (л. 210, 211, 211а–б – 214 об.). Подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 75–78. О водяных знаках рукописи, особенно о знаке сфера, см. также: *Каштанов С.М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 44–67.

[44] Распределение листов по тетради, по-видимому, следующее: 1) л. 215–222 об.; 2) л. 223–230 об.; 3) л. 231–238 об. Подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 72–75.

литеры AF, соединенные цветком или розеткой, – виден отчетливо в первых двух тетрадях, а в третьей тетради – менее четко. Почерк XVII, которым сделаны записи 1571 г., начался не с л. 215, а с л. 212, где другая бумага. Таким образом, новый переписчик использовал чистые листы, оставшиеся в тетради, заполнявшейся в 1567 г. На л. 212–238 об. (почерк XVII) помещены запись от 10 апреля 1571 г. об отпуске купца Семена Борзунова с "милостиною" для иерархов и монастырей, тексты грамот Ивана IV марта 1571 г. турецкому султану Селиму II, константинопольскому патриарху Митрофану, александрийскому патриарху Сильвестру, архиепископу Синайской Горы Евгению, проту и старцам всех монастырей Афонской Горы, Хиландарскому и Пантелеймонову монастырям, текст "памяти" Семену Борзунову, роспись посланных с ним денег и предметов от 5 апреля 1571 г., текст грамоты митрополита всея Руси Кирилла константинопольскому патриарху Митрофану марта 1571 г.

Анализ состава и кодикологических особенностей кн. 1 позволяет сделать вывод, что эта книга велась постепенно, в хронологической последовательности сношений с представителями зарубежных православных иерархов и монастырей. Большой пропуск материалов за 1520–1548 гг. может объясняться частичной передачей документирования этих сношений в руки митрополичьей кафедры. Во второй половине XVI в. самостоятельность митрополичьей кафедры, напротив, стесняется. Уже в 1557 г. "память" о подарках от митрополита Макария в соединении с указанием подарков от удельных князей Юрия Васильевича и Владимира Андреевича была занесена в царский регистр (л. 106 об.–107). В 1571 г. сюда же попал текст грамоты митрополита Кирилла патриарху Митрофану (л. 220 об. – 223).

Кн. 2, содержащая материалы за 1582–1588 гг., состоит из тетрадей с варьирующимися водяными знаками. Как и кн. 1, она писалась постепенно, по ходу событий. К сожалению, у нас нет сейчас возможности дать описание состава и палеографических признаков кн. 2. Отметим только, что в ней уже в записях 1582–1584 гг. начинают делаться указания на то, что тот или иной текст является переводом. Например: "А се перевод с цареградцкого патриаршей грамоты[45] ко государю" (л. 8); "А се перевод [грамоты][46] патреярха Иерусалимского" (л. 9 об); "А се перевод греческие грамоты патриарха Цареградцкого..." (л. 60 об.); "А се перевод з греческие грамоты патриярха Александреиского" (л. 62 об.). В кн. 1 подобных указаний нет. Появление их в кн. 2 свидетельствует о повышении культуры приказного делопроизводства в 80-х годах XVI в.

---

[45] Такое согласование в рукописи.

[46] В рукописи текст утрачен; в квадратных скобках добавлено по смыслу.

В качестве получателей русских грамот на Афоне в XVI в. выделяются следующие духовные корпорации: 1) весь собор афонских монастырей; 2) Пантелеймонов монастырь; 3) Хиландарский монастырь; 4) Ватопедский монастырь.

Из грамот всему собору афонских монастырей пять были выданы Василием III: две – 27 июля 1509 г. проту Паисию[47] и три – в марте 1515 г. проту Симеону[48]. Сохранилась в списке XVI в. грамота Ивана IV марта 1571 г. проту, игуменам и всем старцам св. Горы[49]. О материале, на котором писались эти грамоты, и о способе заверения их печатью данных нет.

Пантелеймонов монастырь, согласно легенде, имел грамоту Василия II, хотя надежнее сведения о его грамотах проту[50]. Возможно, легенда путает Василия II с Василием III, который выдал две грамоты игумену Савве в 1509 г.[51] Материал для письма и способ заверения этих грамот неизвестны. Шесть грамот было выдано Пантелеймонову монастырю Иваном IV: 1543 г.[52], 1551 г.[53],

---

[47] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 13–14; уп.: Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. I. С. 21; ХП–III, № 1–49, 1–50 (во всех упоминаниях неверно число дня: "24" вместо "27"); под 24 "июня" или "июля" в кн. 1 сделана запись о посылке в Пантелеймонов монастырь "5 сороков соболей да 5000 белки" (л. 12), но сама грамота об этом датируется 27 июля 1509 г. (л. 14–14 об.); ср.: РГМ. Т. 1. С. 143–148, № 17–27.

[48] Одна грамота – от 7 марта 1515 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 20–20 об.; список рубежа XVIII–XIX вв. (Там же. Оп. 3. № 1). Две грамоты – от 15 марта 1515 г. (Там же. Оп. 1. Кн. 1. Л. 18 об.–19 об. (уп.: Сношения России с Востоком... Ч. I. С. 23–24; ХП–III. № 1–70); л. 19 об. – 20 (публ.: *Оболенский М.А.* Акты... С. 31–32). Ср.: РГМ. Т. 1. С. 155–159, № 38–40.

[49] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 227–229; РГМ. Т. 1. С. 229–300, № 147.

[50] Акты Русского на святом Афоне монастыря... С. 429 (со ссылкой на Прибавления к изучению творений святых отцов в русском переводе. М., 1848. Год VI. С. 168, примеч. 3). Согласно Исайе (1489 или 1589 г.), "была де в Святой горе грамота великого князя Василья Васильевича, перерезана с угла на угол, за золотою печатью, и тое де грамоты половина у великого князя в казне, а другая половина в Святой горе згорела". (Три древних сказания о св. Горе Афонской и краткое описание св. Горы, составленное в первое посещение оной В. Барским (1725–1726 гг.). М., 1882. С. 3; *Синицына Н.В.* Послание Максима Грека... С. 114–115). Было также послание Василия II проту Пахомию и всем афонским монастырям о действиях митрополита Исидора и осуждении его московским собором 1441 г . (*Смирнов Ф.* Описание 24-х рукописных сборников XVI в. Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1865. Прил. С. 3–11; *Синицына Н.В.* Послание Максима Грека... С. 115, примеч. 40); Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahtsliteratur. München, 1976. S. 303).

[51] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 14–15. РГМ. Т. 1. С. 147–148, № 26, 27.

[52] АЮБ. Т. I. № 40. РГМ. Т. 1. С. 350–352, № 6.

[53] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 72–72 об. (РГМ. Т. 1. С. 193, № 73); см. также: *Савва В.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. // Сб. статей в честь профессора В.Н. Бузескула. Харьков, 1914. С. 151–152; *Каштанов С.М.* Русский ученый в Константинополе

1554 г. мая 30[54] и июня 1[55], 1571 г.[56] и 1583 г.[57] Григорович-Барский упоминает еще грамоту 7060 (1552 г.)[58], но, возможно, он неточно прочел дату, и это одна из грамот 1554 г. О материале и удостоверительных знаках данных нет. Отметим две грамоты царя Федора Ивановича Пантелеймонову монастырю – от 10 августа 1591 г.[59] и от 5 сентября 1591 г.[60] По формуляру они совершенно совпадают. Грамота от 5 сентября 1591 г. была, согласно примечанию издателя, "на пергамине" и имела "печать красного воску на красных снурках"[61].

Хиландарский монастырь получил от Ивана IV первые четыре грамоты в 50-х годах XVI в. Они имеют даты: 1556 г. марта (на двор в Москве)[62], 1556 г. июля (на проезды)[63], 1557 г. февраля (о посылке вещей и денег)[64], 1559 г. мая (о милостыне)[65]. Леонид, издавая подлинник июльской грамоты 1556 г., отметил, что она "на пергаменте, печать потеряна"[66]. Дошел текст двух грамот Ивана IV Хиландарскому монастырю 1571 г.: на двор в Москве[67] и о милостыне[68]. В грамоте 1571 г. на двор сказано: "И золотую есмя печать к сеи грамоте велели привесити". В конце текста грамоты припись дьяка Андрея Яковлева сына Щелкалова". Оригинал грамоты 1571 г. – на пергамене. Внизу к нему прикреплен шнур для печати, но он оборван, и золотая печать хранится отдельно.

и середине XVI века // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. III. С. 201–214.

[54] *Щербатов М.* История Российская... Т. V, ч. IV. С. 3–4.

[55] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 76–77 об.; Оп. 3. № 2. Уп.: *Щербатов М.* История Российская... Т. V, ч. IV. С. 4; ХП–II, № 698. РГМ. Т. 1. С. 195–198, № 78.

[56] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 231–233. РГМ. Т. 1. С. 302–303, № 149.

[57] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 32–33 об.

[58] *Григорович-Барский В.* С. 695.

[59] РГАДА. Ф. 52. Оп. 3. № 14. Копия на бумаге с числом года "1800", обложка имеет водяной знак "1811".

[60] Собрание сочинений и писем святогорца к друзьям... Т. II. С. 111–113, № 1; Акты Русского на святом Афоне монастыря... С. 418–420. № 63.

[61] Акты Русского на святом Афоне монастыря... С. 420.

[62] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 70–82 об.; Оп. 3. № 3. РГМ. Т. 1. С. 199–203, № 81.

[63] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 82 об.–84; Сношения России с Востоком... Ч. I. С. 70–71; *Леонид, архим.* Историческое описание... С. 99. РГМ. Т. 1. С. 203–206 (№ 82), 361–636 (№ 10).

[64] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 108–110.

[65] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 155–156. РГМ. Т. 1. С. 253–254, № 97.

[66] *Леонид, архим.* Историческое описание... С. 99.

[67] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1, реестр 2, 1571 г. № 1; Оп. 3. № 5; СПбИИ РАН. Кол. 114, № 1–4; *Леонид, архим.* Историческое описание... С. 100–101; *Порфирий Успенский.* История Афона. Ч. III, отд. II. С. 942–944. № 69. РГМ. Т. 1. С. 365–372, № 13.

[68] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 229–231. РГМ. Т. 1. С. 301–302, № 148.

Д. Авраамович отмечает наличие в Хиландарском монастыре двух грамот царя Ивана Васильевича "на кожи", т.е. пергаменных. Про одну из этих грамот он говорит, что печать у нее серебряная позолоченная, а про другую, что "печат е бьо од воска, а сад га нема"[69]. Грамота с серебряной позолоченной печатью, скорее всего, должна быть отождествлена с грамотой 1571 г. на двор. Другой пергаменной грамотой (с восковой печатью) могла быть июльская грамота 1556 г. о проезде.

Укажем четыре грамоты царя Федора Ивановича Хиландарскому монастырю: 1584 г. августа (об отдаче риз в Ватопедский монастырь)[70], 1585 г. сентября (на двор в Москве)[71] и ноября (на тот же двор)[72], декабря 30 (о пропуске старцев)[73]. В сентябрьской и ноябрьской грамотах говорится: "и золотую есмя печать к сей грамоте велели привесить". Грамота от 30 декабря не содержит этого указания, но она была выдана не на имя архимандрита, а адресована наместникам и боярам. Следовательно, степень ее торжественности была меньше, чем и объясняется неуместность здесь золотой печати.

Д. Авраамович отмечает две грамоты Федора Ивановича Хиландарскому монастырю – обе "на кожи": одна из них "печат има од црвеногъ воска", другая "одвећъ украшена. Печат іой є златан"[74]. Видимо, грамота с красно-восковой печатью – от 30 декабря 1585 г., грамота с золотой печатью – ноябрьская[75]. Она дошла в подлиннике. Месяц сентябрь в двух списках с нее назван вместо ноября ошибочно. В примечании Порфирия к публикации жалованной грамоты Бориса Годунова тому же монастырю от 8 февраля 1603 г.[76]

---

[69] *Авраамовићъ. Д.* Описание древностій... С. 15.

[70] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 82–83.

[71] Там же. Л. 125 об.–128 об.; Оп. 3. № 6. *Дмитриевић С.М.* Документи. С. 36–37, № 28.

[72] РГАДА. Ф. 52. Оп. 3. № 9. Этот список во всем, кроме названия месяца, повторяет список сентябрьской грамоты (Там же. № 6). В кн. 2 текста ноябрьской грамоты нет. В подборку копий XVII в. с двух хиландарских грамот 7094 (1585) г. включены только ноябрьская и декабрьская грамоты (Там же. Оп. 1, реестр 2, 1586 г. № 1). Сомнительно, чтобы две одинаковые грамоты были выданы почти одновременно – в сентябре и ноябре 1585 г. В Хиландарском архиве мы видели подлинники только ноябрьской и декабрьской грамот 1585 г.

[73] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 129 об.–130 об.; Оп. 3. № 10.

[74] *Авраамовићъ Д.* Света гора са стране вере, художества и повестнице. У Београду, 1848. С. 39–40. Публ.: *Kämpfer F.* S. 282–286, N 4, 5.

[75] Леонид упоминает ноябрьскую и декабрьскую грамоты, но ошибочно под 1586 г. (*Леонид.* Историческое описание... С. 103–104).

[76] *Порфирий Успенский.* История Афона. Ч. III. Отд. II. С. 949–951. № 71; ср.: Actes de Chilandar... P. 593–594. № 94. *Kämpfer F.* S. 286–288, № 6.

указаны слова и строки, написанные золотом[77]. Золотописание было уже в грамотах Ивана IV и Федора Ивановича.

Что касается размера золотой печати, то диаметр ее равнялся: на грамоте 1571 г. – 37–39 мм, на грамоте ноября 1585 г. – 37 мм, на грамоте 1603 г. – 48 мм. Диаметр восковой печати декабря 1585 г. – 42–43 мм[78].

Грамоту ц. Федора Ивановича Ватопедскому монастырю сентября 1588 г. мы изучали в архиве Ватопеда de visu (1999 г.). Это подлинник на пергамене с орнаментальными украшениями и золотым письмом. Печать красного воска на малиновом шнуре (D – 76,5 мм). В РГАДА имеется список начала XIX в.[79]

Василий III, обращаясь за книжным переводчиком и толкователем на Афон, видимо, не отправлял грамоту непосредственно а Ватопедский монастырь. Из письма последнего явствует, что туда были посланы некоторые подарки, но само послание великого князя адресовалось проту Св. Горы[80]. Это послание от 15 марта 1515 г. дошло в списке XVI в.[81] В кн. 1 между записями сентября 1509 и марта 1515 гг. помещена недатированная запись о ненайденных грамотах: "А что приезжали к великому княз(ю) из Святые Горы старцы из Лавры святого Афонасьа, старец Мелентеи еклесиарха да из Ватопета монастыря старца Нифонта духовника з грамотами, и те грамоты были у Юрья Малого, и Юрьи их у себя не доискался"[82]. Цитированная запись находится в начале л. 18 об. Она сделана тем же почерком, что и последующие записи на л. 18 об.–20 об., относящиеся к марту 1515 г. Таким образом, сама запись может датироваться мартом 1515 г. В грамоте из Ватопеда Василию III около 1516 г. упоминается о приеме великим князем Нифонта: "...великия ради любви и чти, юже изъяви к честнеишему брату нашему священноиноку Нифонту, о нем же челом бьем

---

[77] *Порфирий Успенский.* История Афона. Ч. III. Отд. II. С. 949, 950, примеч.

[78] Грамоты и печати изучались нами de visu в Хиландарском архиве (1999 г.). Ср.: *Kämpfer F.* S. 280–288. N. 2–6.

[79] РГАДА. Ф. 52. Оп. 3. № 12. Копия на бумаге с водяным знаком "ДОФЕБ 1800", обложка с водяным знаком "1811". Подлинник уп.: *Порфирий Успенский.* Указатель актов, хранящихся в обителях Св. Горы Афонской. С. 194. № 5.

[80] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 3–4 об.; *Оболенский И.А.* Акты... С. 32–33. № 2. РГМ. Т. 1. С. 129–131, № 3.

[81] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 19 об.–20; *Оболенский М.А.* Акты... С. 31–33. № 1. РГМ. Т. 1. С. 157–158, № 39.

[82] РГАДА Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 18 об. В грамотах содержалась просьба о милостыне: "А писали естя ко мне с ними, требуя от нас милостыни на потребы честным обителем" (Там же. Л. 20 об.).

державе царствиа твоего"[83]. О приезде Мелентия и Нифонта и об отпуске их говорится также в грамотах Василия III проту Симеону от 7 и 15 марта 1515 г. Вместе с этими старцами на Афон были отправлены с милостыней Василий Копыл Спящий и Иван Варавин[84], отъезд которых летопись относит 15 марта 1515 г.[85] Следовательно, приезд старцев в Москву надо датировать примерно 1514 г.

Судя по записи 1515 г., у Нифонта, как и у Мелентия, были грамоты от их корпораций к Василию III. Значит, можно говорить, по крайней мере, о двух грамотах из Ватопеда, адресованных Василию III – недошедшей (до 1515 г.) и дошедшей (около 1516 г.). Создается впечатление, что Василий III не посылал каких-либо грамот в Ватопед в ответ на письма из монастыря. Отказ Ватопеда прислать в Россию старца Савву, приезд вместо него Максима Грека, последовавшее через семь лет осуждение этого бывшего ватопедского монаха, по-видимому, надолго ухудшили отношения между монастырем и русским правительством.

Однако в конце правления Ивана IV Ватопедский монастырь пользовался расположением царя. Когда после смерти царевича Ивана Ивановича (19 ноября 1581 г.)[86] Иван IV, замаливая свои грехи, делал огромные вклады по душе сына в русские монастыри[87]. Он не преминул проявить свою щедрость и в отношении монастырей Св. Горы, в особенности же Ватопеда. По душе Ивана Ивановича царь послал большую денежную милостыню в Константинополь и на Афон, при этом Ватопедский, Хиландарский и Пантелеймонов монастыри должны были получить вклады отдельно от других афонских монастырей, которым на всех давалось 2870 руб., от 50 до 350 руб. каждому, не считая мелких пожертвований в монастырские скиты[88]. Вне рамок этой общей суммы Ватопедский монастырь получил крупнейший вклад – 820 руб. Даже Хиландарскому монастырю было дано несколько меньше – 700 руб.[89] Деньги на Афон привез царский посланец Иван Мишенин, приехавший туда 3 июля 1583 г. (из Москвы он выехал 30 марта 1582 г.)[90].

В ответ на царскую милостыню прот Пахомий, архимандриты, игумены и весь собор Св. Горы написали Ивану IV благо-

---

[83] Цит. по: Там же. Л. 4 об. (ср.: РГМ. Т. 1. С. 130, № 3).
[84] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 19, 20 об. РГМ. Т. 1. С. 156, 158, № 38, 40.
[85] ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 24.
[86] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 90.
[87] Там же. С. 95.
[88] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 66 об.–67, 70 об.–75 об.
[89] Там же. Л. 66 об.–67, 75–75 об.
[90] Там же. Л. 68–70 об.

дарственное письмо, датируемое 5 сентября 1583 г.[91] В заголовке этого письма, помещенном в кн. 2, в качестве авторов ответа называются наряду с протом Пахомием архимандриты Ватопеда и Хиландаря: "А такову грамоту прислали из Святые Горы прот Похомои[92] и Ватопеда монастыря и Хилондаря монастыря архимандриты с Ываном же" (т.е. с Иваном Мишениным)[93]. Впрочем, бóльшую часть вклада, предназначенного Ватопедскому монастырю, а именно 720 руб., архимандрит этого монастыря Акакий получил не на Афоне, а в Москве, где он находился, по-видимому, в 1581/82 г. Остальные 100 руб. монастырю отдал на Афоне Иван Мишенин в 1583 г. В отчете ("списке") Ивана Мишенина о поездке в Константинополь и на Афон сказано: "Ватопети монастыря храм Благовещенье Пресвятые Богородицы, архимариту Акакею с старцы на Москве дано милостины 720 рублев, да в больницу Иван роздал нищим сто рублев"[94]. Далее идет сообщение об отдаче милостыни (700 руб.) 108 старцам Хиландарского монастыря, что произошло, вероятно, на Афоне, а не в Москве[95].

Новым проявлением благорасположения русского правительства к Ватопеду можно считать предписание царя Федора Ивановича эклесиарху Хиландарского монастыря Григорию об отдаче в Ватопедский монастырь риз по душе Ивана IV (август 1581 г.). Эти ризы послал с Григорием еще сам Иван IV по душе царевича Ивана Ивановича в Пантелеймонов монастырь, однако вследствие запустения последнего ризы должны были теперь поступить в собственность Ватопеда[96]. Интересно, что распоряжение в пользу Ватопеда делается здесь не в грамоте, адресованной самому Ватопедскому монастырю, а по традиции в грамоте, направленной в Хиландарский монастырь.

Августовскую грамоту 1584 г. вез на Афон, наверное, архимандрит Ватопедского монастыря Прохор, отпущенный из Москвы 8 августа 1584 г. вместе с настоятелями двух других афонских монастырей – игуменом Павловского монастыря Саввой и игуменом монастыря Симонопетры Иоасафом, приезжавшими в Россию за милостынею[97]. Вскоре после этого Ватопедский монастырь снова

---

[91] Там же. Л. 64 об.–67 об.
[92] Так в рукописи.
[93] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 64 об.
[94] Там же. Л. 75.
[95] Там же. Л. 75 об.
[96] Там же. Л. 82–83.
[97] Там же. Оп. 1. Реестр 2, 1584 г. № 1.

подает челобитную царю Федору[98], затем – еще одну[99]. Ответом на последнюю, вероятно, и явилась жалованная грамота 1588 г.

Сохранился текст челобитной афонского монастыря Ксенофа, обращавшегося к Ивану IV в 1558 г. с просьбой об искуплении великих долгов. Эту челобитную привез в Москву игумен Ксенофа Моисей[100]. Однако какой-либо ответной грамоты Ивана IV Ксенофу мы не знаем.

Кроме грамот, касающихся отдельных корпораций Св. Горы и афонского сообщества в целом, надо упомянуть грамоту XVI в., где фиксируются привилегии не только святогорских старцев, но и некоторых других представителей зарубежного православного духовенства. Это указная грамота царя Федора Ивановича от 10 июня 1585 г. в Смоленск боярам и воеводам В.И. Шуйскому и Богд. Ю. Сабурову об отпуске в Оршу и обеспечении проводниками старцев нескольких афонских монастырей – Лавры св. Афанасия, Кутлумуша, Ксиропота (Ксиропотама), Кастомонита (Констамонита), а также иерусалимского монастыря св. Саввы, сербского Благовещенского и Селунского Никольского монастырей, антиохийской соборной церкви Пречистой Богородицы[101].

Сопоставление текста списков со сведениями о подлинниках грамот Пантелеймонову и Хиландарскому монастырям предрасполагает к выводу, что корроборация с указанием печати в афонских актах появляется обычно только в тех случаях, когда дело касается золотой печати. Однако это наблюдение базируется в основном на текстах, сохранившхся не в составе регистра. Так, имеющийся в кн. 1 список жалованной грамоты Ивана IV марта 1556 г. Хиландарскому монастырю на двор в Москве не содержит указаний на печать[102], но в челобитной Хиландарского монастыря Ивану IV, написанной вскоре после получения этой грамоты, она называется "грамотою съ золотою печатию"[103]. Возможность

---

[98] Там же. Кн. 2. Л. 85 об.–88.

[99] Там же. Л. 210 об.–213 об.

[100] Там же. Оп. 2. № 1А (Оп. 4. № 1А).

[101] Там же. Оп. 1. Кн. 2. Л. 83–84 об.

[102] Там же. Кн. 1. Л. 79–82 об. РГМ. Т. 1. С. 199–203. № 81.

[103] Стари српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типици, поменици, записи и др. / Прибрао их Љуб. Стојановић. У Београду, 1890; С. 47. Челобитная не датирована. В ней упомянуты дары, которые послали монастырю Иван IV (200 руб., катапетазма, псалтирь толковая, 4 книги Златоуста и другое), царевич Иван Иванович (панагия серебряная), князь Георгий Васильевич (50 руб.). В челобитной содержится просьба пожаловать хиландарского архимандрита Прохора, а также побудить к новым пожалованиям "волоского" воеводу Александра (Там же. С. 46–48). Челобитная могла быть написана после февраля 1557 г., когда Иван IV выдал грамоту, где сказано, что он жалует Хиландарскому монастырю катапетазму и 300 руб., царевич Иван Иванович посылает от себя серебряную

скрепления золотой печатью отдельных русских грамот, выданных афонским монастырям до середины 50-х годов XVI в., также не исключена. Следует учитывать упоминание о грамоте Василия II на Афон, скрепленной золотой печатью[104].

И для Пантелеймонова, и для Хиландарского монастырей у нас есть сведения о написании некоторых царских грамот XVI в. на пергамене, но нет сведений о царских грамотах этого времени на бумаге, хотя грамота патриарха Иова Пантелеймонову монастырю от 6 марта 1591 г. – бумажная[105]. Скорее всего большинство великокняжеских и царских грамот, отправлявшихся на Афон, писалось в XVI в. на пергамене.

Интересно распределение во времени грамот разным духовным учреждениям. В первой половнне княжения Василия III безусловным расположением русского правительства пользуется Афонская гора в целом, ее руководство и, кроме того, Пантелеймонов монастырь. Наиболее ранние акты Василия III, сохранившиеся в кн. 1, датируются 27 июля 1509 г.[106] Но еще до этого он посылал грамоты на Св. Гору, о чем свидетельствуют две доставленные в Москву в январе 1509 г. афонские грамоты без даты – от прота Паисия[107] и от игумена Пантелеймонова монастыря Саввы[108]. В обоих посланиях

позолоченную панагию, а князь Юрий Васильевич – 50 руб. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 108–110). Возможно, ответом на челобитную явилась грамота Ивана IV мая 1559 г., в которой сообщалось о новом пожаловании монастырю 300 руб. (Там же. Л. 155–156). В грамоте 1559 г. говорится: "Присылали есте к нам бити челом о милостыне анхимарита Прохора, и мы анхимарита Прохора к вам отпустили, а милостыни есмя к вам послали с ним триста рублев" (Там же. Л. 155 об.). Иван IV, вероятно, отклонил просьбу о ходатайстве перед воеводой Александром, заменив это ходатайство денежным пожалованием. Под "волоским" воеводой Александром в челобитной, очевидно, подразумевается молдавский господарь Александр IV Богданович Лапушняну, правивший с сентября 1552 г. по 18 ноября 1561 г. и с октября 1564 г. по 5 мая 1568 г. Ограниченная рамками февраля 1557 г. и 6 августа 1558 г. (дата подачи), челобитная приурочивается, скорее всего, к 1558 г. В ней имеется в виду грамота 1556 г. Ср.: *Дмитриевић С.М.* Документи. С. 31, № 21; РГМ. Т. 1. С. 224–226, 253–254, № 37, 119.

[104] *Подробнее* см.: *Синицына Н.В.* Послание Максима Грека... С. 114–115.

[105] Акты Русского на святом Афоне монастыря... С. 415–417, № 62.

[106] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 13–14 об., 15–17 об.; ср. грамоту игумену Пантелеймонова монастыря Савве от 27 "июня" 1509 г. (Там же. Л. 14 об.–15), где "и", вероятно, по ошибке написано вместо "л". Запись о посылке в Пантелеймонов монастырь 5 сороков соболей и 5000 белки начинается с даты: "[Лета] 7017 иу [н] я [ь]" (часть букв не сохранилась) (л. 12). В дате грамоты на ту же тему читаем: "Лета 7017, иул(я) 27" (л. 14 об.). Кстати, июльская грамота Пантелеймонову монастырю (л. 14–14 об.) помещена раньше, чем "июньская" (л. 14 об.–15). Ср.: РГМ. Т. 1. С. 143–152, № 17–32.

[107] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 5–5 об.; РГМ. Т. 1. С. 131–134, № 5.

[108] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 5 об.–7; РГМ. Т. 1. С. 134–136, № 6.

подтверждалось получение милостыни и грамот Василия III, отправленных с архидьяконом Пантелеймонова монастыря Пахомием и старцем того же монастыря Иаковом[109]. Названные лица прибыли в Москву в ноябре 1506 г., а уехали на Афон 9 мая 1507 г.[110] Следовательно, грамоты Василия проту и Пантелеймонову монастырю были составлены, скорее всего, в марте–апреле 1507 г.

Приезд старцев в 1506 г. был, вероятно, связан с восшествием Василия III на престол. Пожалование милостыни афонским корпорациям вызывалось стремлением нового великого князя укрепить свой международный авторитет и продемонстрировать заботу о зарубежных центрах православия.

В июле 1509 г. Василий III выдал грамоты о милостыне не только проту Св. Горы и Пантелеймонову монастырю, но и белградскому митрополиту Феофану[111], сербской деспотице Ангелине[112]. Он послал милостыню Спасо-Преображенскому Сысоеву монастырю в Кучайне (Сербия), о чем, в частности, сообщалось в грамоте Ангелине[113]. Устанавливались широкие связи с греческим и сербским миром. Положение Василия III внутри России в это время упрочилось. 14 февраля 1509 г. умер в темнице великий князь Дмитрий Иванович – внук, давний соперник Василия III в роли претендента на престол[114]. В грамотах, посланных на Афон и в Сербию, Василий III проявляет заботу о прославлении своего рода, поминовении родителей – в. кн. Ивана III и в. кнг. Софьи[115]. Упоминание Софьи было очень важно, так как с ней связывалось обоснование преемственности Василия III от византийской династии Палеологов.

Та же тенденция явственно выступает в.одной из трех грамот Василия III марта 1515 г. проту Симеону[116]. Великий князь говорит о посылке с Васильем Копылом Спящим и Иваном Варавиным "болшои милостыни" в 1000 руб. "по приказу отца своего великого

---

[109] В грамоте прота говорится: "и посласмо по граматикию господьства ти съ другу граматикию и сь печат старци наши по заповеди господьства ти" (Там же. Л. 5 об.). В грамоте Пантелеймонова монастыря сказано: "що бо прислал еси к нам съ своею грамо[тою] по архидиакону Пахомию да по старцу Иакову на монастырские потребы пят(ь) сороков соболеи да пят(ь) тысяч белки, да и чяру серебряну, и заповедь свою писал еси" (Там же. Л. 6 об.; РГМ. Т. 1. С. 131–132, 135, № 5, 6.

[110] ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 4–5.

[111] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 15–16 об.; РГМ. Т. 1. С. 150, № 30.

[112] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 16 об.–17 об.; РГМ. Т. 1. С. 151–152, № 32.

[113] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 17–17 об.; ср. Л. 12 об.; РГМ. Т. 1. С. 144–145, 151, № 22, 32.

[114] ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 11.

[115] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 14, 15 об.; РГМ. Т. 1. С. 147, 149, № 26, 29.

[116] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 18 об.–19 об.; РГМ. Т. 1. С. 155–157, № 38.

государя Ивана, божиею милостию государя всеа Русии и великого князя, и по своеи матери, великои государыне великои княгине Софье". К этой "милостыне" Василий III прибавляет от себя еще 1000 руб. Проту предписывалось раздать пожалованные деньги монастырям "по отце нашем" Иване III "и по нашеи матери" в. кнг. Софье, "и по всех наших прародителех". Тут же Василий III упоминает о посылке на Афон "наперед того" списка "своих прародителеи, кого вам в проскомидиах поминати", и сообщает о посылке нового списка. Великий князь требует, чтобы афонские монахи возносили молитвы "о нашем ... здравие и о нашеи великой княгине Соломаниде и о наших детех" (которых тогда еще не существовало в природе).

В грамоте июня 1519 г. Василий III признавал своим "сродником" Карла, деспота Артского и Сербского[117]. В более раннем, недатированном письме Карла к Василию III отправитель определяет себя словами "сестричич и сын царствиа твоего". В адресе, приведенном в кн. 1 после текста письма, он называет Василия III "дядей"[118]. В записи сентября 1518 г. о приезде в Москву старца Климентия с грамотами Карл характеризуется как "сестричич" не Василия III, а великой княгини Софьи[119].

У Софьи Палеолог была сестра Елена, жена сербского деспота Лазаря Бранковича, от которого она имела трех дочерей. Одна из них, Милица, вышла замуж за Леонарда III Токко. Первенец этой супружеской четы получил имя Карл (Карл III Токко). Софье Палеолог он приходился внучатым племянником, а Василию III племянником[120]. Его определение себя в качестве "сына" или "сестричича" Василия III отражает принадлежность Карла к третьему после Софьи поколению Палеологов[121] и его более низкое по сравнению с Василием положение на феодально-иерархической лестнице (ср. термины родства, используемые для установления вассально-сюзеренных отношений, в договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв.). Таким образом, генеалогические связи русской и сербской династий существовали задолго до женитьбы Василия III на Елене Глинской, происходившей по материнской линии из сербского рода Якшичей, чему придавал та-

---

[117] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 27 об.–28; РГМ. Т. 1. С. 164–165, № 46.

[118] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 24 об.–25 об.; РГМ. Т. 1. С. 161–162, № 43.

[119] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 22; РГМ. Т. 1. С. 159, № 41.

[120] *Каштанов С.М.* Кто был Карл, "сестричич" Василия III? // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования: Тез. докл. и сообщ. межвузовской научн. конф. Москва, 31 января – 3 февраля 1989 г., М., 1989. С. 22–26.

[121] Ср.: *Хорошкевич А.Л.* Русское государство... С. 175, 204.

кое значение М.Н. Тихомиров[122]. Просербская политика проводилась Василием III с самого начала его княжения. Правда, сербский Хиландарский монастырь не стал еще объектом особого внимания русской политики при Василии III. До середины XVI в. мы не замечаем интереса к нему и со стороны правительства Ивана IV.

В 1543–1554 гг. в сфере внимания правительства Ивана IV находится русский Пантелеймонов монастырь. Весьма тесными связи с ним были в первой половине 50-х годов XVI в., в начале правления "Избранной Рады". В 1550 г. вслед за пантелеймоновскими старцами в Москве появляются и старцы Хиландарского монастыря[123]. Представители обоих монастырей подали царю пространные челобитные с изложением различных бедствий, которые им приходится претерпевать[124]. В челобитной Хиландарского монастыря особенно интересны два момента: во-первых, ссылка на грамоту, присланную Иваном IV в этот монастырь (вероятно, незадолго до 1550 г.)[125], во-вторых, то, что монастырь ходатайствует не только за себя, но и за Пантелеймонов монастырь, умоляя царя заступиться за них перед турецким султаном и попросить облегчения в данях. Эта просьба была удовлетворена, и грамота турецкому султану составлена в сентябре 1550 г.[126]

Что касается грамот непосредственно монастырям, то Пантелеймонов получил две в 1554 г., а Хиландарский – в 1556 г. После 1554 и до 1571 г. Пантелеймонов монастырь не получал царских грамот. В грамоте Ивана IV марта 1571 г. игумену Диомиду сообщается о посылке в Пантелеймонов монастырь 200 руб. по царице Анастасии, серебряной чары по царице Марии (Темрюковне), 150 руб. по князе Георгии Васильевиче, брате царя[127]. В грамоте Ивана IV сентября 1583 г. игумену Геннадию упоминается о посылке в монастырь 500 руб. по царевиче Иване Ивановиче с Иваном Мишениным, риз и стихаря – с Марком Самсоновым[128]. Однако в грамоте прота Пахомия царю от 5 сентября 1583 г. говорится о деньгах, привезенных Мишениным для Пантелеймонова монастыря, следующее: "... а Пантелеимонов монастырь пуст десять лет, а строитель Матвеи умерл на Москве, и не имам, кому

---

[122] *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 83–93.

[123] Первые прибыли 22 июля (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 49 об.–50), вторые – 28 августа (Там же. Л. 54–55); РГМ. Т. 1. С. 179, 181, № 62, 64.

[124] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 50–54, 55–65; РГМ. Т. 1. С. 179–186, № 63, 65.

[125] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 57 об.; РГМ. Т. 1. С. 183, № 65.

[126] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 65 об.–67.

[127] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 232–232 об.; РГМ. Т. 1. С. 302–303, № 149.

[128] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 32 об.–33 (вместо "Самсоновым" ошибочно – "Копосовым").

дати те денги"[129]. Мишенин прибыл на Афон 3 июля 1583 г.[130] Марк Самсонов выехал из Москвы в конце сентября 1583 г.[131] Он имел, в частности, поручение отвезти ризы в Пантелеймонов монастырь игумену Геннадию[132].

С 1556 г. на московском небосклоне восходит звезда Хиландарского монастыря, который пользуется большим расположением не только Ивана IV, но и Федора Ивановича в начале его царствования (1585 г.). Связь с этим сербским монастырем настолько очевидна и находится в такой зависимости от борьбы за сохранение династии, знаменем которой оказывается Елена Глинская, что тут нельзя не признать справедливым мнение Тихомирова о роли сербской идеи в самосознании Ивана Грозного. Так, посылая дары Хиландарскому монастырю в 1557 г., Иван IV упоминает своего родного брата Юрия Васильевича и его супругу, но обходит молчанием двоюродного брата и соперника Владимира Андреевича[133].

Весьма показательно, что посланцы Ивана Грозного, торговые люди, ездившие на Афон в начале 80-х годов XVI в., должны были останавливаться в Хиландарском монастыре. Так, Иван Мишенин "стал в Хилондарском монастыре у прота"[134]. Марку Самсонову предписывалось жить в Хиландарском монастыре у эклесиарха Григория[135].

Смерть царевича Дмитрия в мае 1591 г. позволила Борису Годунову отказаться от особой приверженности сербской династической идее, и в августе 1591 г. усиливается союз с Пантелеймоновым монастырем[136].

Дипломатическая структура грамот Пантелеймонову и Хиландарскому монастырям разная. В грамотах Пантелеймонову монастырю на первом месте – интитуляция, в грамотах Хиландарскому монастырю – обширная богословская преамбула.

В подавляющем большинстве грамот афонским монастырям содержится развернутая, торжественная интитуляция, ставящая эти документы на уровень международных актов и резко отличающая их от жалованных грамот внутрирусским монастырям, где интитуляция короткая.

---

[129] Там же. Л. 67.

[130] Там же. Л. 70 об.

[131] См. указную грамоту Ивана IV послам Ф.М. Троекурову и др. от 22 сентября 1583 г. (Там же. Л. 36 об.–38).

[132] Там же. Л. 40 об.

[133] Там же. Кн. 1. Л. 109 об. РГМ. Т. 1. С. 225, № 97.

[134] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 70 об.

[135] Там же. Л. 40 об.

[136] Там же. Оп. 3. № 14. Список на бумаге с числом года – "1800".

Структура интитуляции была подвержена частым изменениям. В грамотах 1509 г. всем адресатам (в том числе и Пантелеймонову монастырю) она построена по схеме: и б т (имя + формула: "божиею милостию" + титул)[137]. Постановка имени на первое место отвечала традиции западноевропейских королевских актов, обычно начинавшихся с имени короля или императора. Такой тип интитуляции высоко поднимал престиж великого князя, отказавшегося тут от вступительной части интитуляции "Се яз", характерной для грамот внутреннего предназначения.

Однако в 1515 г. эта схема уже не удовлетворяла правительство, и в грамотах проту Семиону редакция иная: $т_1$ и б $т_2$. Перед именем вводится торжественный титул "великии государь", а вторая часть титула начинается с определения "един правыи государь".

В грамоте 1543 г. Пантелеймонову монастырю в интитуляции появляется вводная часть, но не старая, частноправовая "се яз", а pluralis majestatis – "Мы". Общая схема интитуляций становится: в $т_1$ и б $т_2$. Здесь сохранены определения "великий государь" в $т_1$ и "един правый государь" в начале $т_2$. Такая же схема в грамоте от 30 мая 1554 г., только вместо "един правый государь" говорится "царь и един правый государь". Грамота от 1 июня 1554 г. имеет другую редакцию интитуляции: б $т_1$ и $т_2$, т.е. формула "Божиею милостию" выносится на первое место. Выражение "царь и един правый государь" заменяется более точным, хотя и менее пышным "царь и великий князь".

Кроме того, если до сих пор в приводившихся торжественных интитуляциях царское имя ("Василей", "Иван") фигурировало без отчества, то теперь редактор акта возвращается к формулировке внутриполитических актов и указывает имя и отчество: "Иван Васильевич".

Следовательно, русский акт, освобождаясь от прямого заимствования западных образцов интитуляции, приобретает торжественность путем использования традиционных элементов в рамках схемы, существенно обогащенной территориальными определениями.

В грамотах 1509 г. титул имеет девять территориальных атрибутов (не считая общей формулы "всеа Русии"): "Василей, Божиею милостию государь всеа Русии и великий князь Владимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, и Вятцкий, и Пермьский, и Болгарский, и иных"[138]. Точно

---

[137] О выделяемых нами составных частях интитуляции подробнее см.: *Каштанов С.М.* Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв.: (Опыт первичной классификации) // ВИД. Л., 1976. [Вып.] VIII. С. 71.

[138] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 13–16 об.; ср. л. 18; РГМ. Т. 1. С. 145–152, № 24–34.

такой же титул в грамоте Ивана III папе Александру VI 1499 г.[139] В более ранней грамоте Ивана III римскому королю Максимилиану 1490 г. вместо "государь всеа Русии и великий князь" читаем "господарь всеа Русии"[140]. В двух грамотах 1510 г. псковским монастырям вместо "государь" поставлено "царь и государь"[141]. Однако во всех этих грамотах один и тот же набор территориальных дефиниций. Он сложился, вероятно, после присоединения Твери и Вятки в 1485–1489 гг. Василий II в 1449 г. использовал только четыре территориальных атрибута: "Московский, и Новгородский, и Ростовъский , и Пермъский, и иных"[142]. В титул включались обычно территории, находившиеся под контролем субъекта интитуляции. Территориальный титул на Руси складывался под влиянием дипломатики соседних стран. Так, четырехчленный титул Василия II употреблен в договоре с польским королем Казимиром[143].

В грамотах 1515 г. применена новая, расширенная редакция титула с указанием 22 конкретных географических названий: "Великий государь Василей, Божиею милостию един правый государь всеа Русии и иным многим землям Въсточным и Северным государь, и великий князь Владимерский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тферский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский, и иных, государь и великий князь Новагорода Низовской земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волотцкий, и Ржевский, и Белский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных"[144]. Как видим, тут общая формула "всеа Русии" дополнена указанием восточных северных земель, а в первоначальный девятичленный перечень внесено определение "Смоленский" между словами "Псковский" и "Тферский", что отражает присоединение Смоленска в 1514 г.

Заново составлена вторая часть титула, в которой запечатлено присоединение Волоцкого удела в 1513 г. ("Волотцкий, и Ржев-

---

[139] *Казакова Н.А.* Грамота Ивана III папе Александру VI // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 27.

[140] *Engel Chr.* Die älteste Russische Urkunde in Österreich // Symposium Slavicum: Vorträge der II. Tagung österreichischer und bayerischer Slavisten am 24./25. Oktober 1975 in Regensburg. München, 1976. S. 33–34.

[141] *Каштанов С.М., Робинсон А.Н.* Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям // Зап. ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 252, 255.

[142] ДДГ. С. 160. № 53.

[143] М. Шефтель полагает, что под литовским влиянием в этом договоре могла появиться формула "Божьею милостию" (*Szeftel M.* The Title of the Muscovite Monarch up to the End of the Seventeenth Century // Canadian-American Slavic Studies. 1979. [Vol.] 13, Nos. 1–2. P. 61). Однако данная формула широко использовалась и в более ранних докончаниях между русскими князьями, правда в менее тесной связи с титулом.

[144] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 18 об.–20 об.; РГМ. Т. 1. С. 156–158.

ский"), а также выражены претензии на полное подчинение Рязани. Однако большинство территорий этой второй части титула уже давно находилось под властью московских князей. Они перечислены здесь для полноты картины. Титул грамот 1515 г. следует великокняжескому титулу, помещенному в договорной грамоте Василия III 1514 г. с императором Максимилианом I[145]. В жалованной грамоте Василия III Дмитрию Ивановичу сыну Мирославича от 15 марта 1515 г. состав территорий в титуле в основном такой же, как и в афонских грамотах, только здесь определения "и Волотцкий, и Ржевский" поставлены между "Белозерский" и "и Удорский", а определение "и Белский" опущено или пропущено. Кроме того, в грамоте Мирославичу нет формулы "един правый государь" и выражения "и иным многим землям Въсточным и Северным государь"[146]. Уменьшение титула связано, вероятно, с внутриполитическим предназначением этой грамоты.

В грамотах Василия III 1519 г. игумену Синайской Горы Даниилу, артскому деспоту Карлу и датскому королю "Кристерну" (Кристиану II) титул точно совпадает с тем, который помещен в грамотах 1515 г. афонскому проту Симеону[147]. Этот же титул использован в грамоте Василия III папе Клименту 1526 г., но в ней вместо "един правый" сказано "царь и", опущены слова "и иным многим землям Въсточным и Северным государь". Вместо "государь и великий князь Навагорода Низовской земли" почему-то написано "...государь всеа Русии, великий князь Новагорода Низовские земли" (ошибка?)[148].

В жалованной грамоте Ивана IV 1543 г. Пантелеймонову монастырю титул ограничивается первой частью титула грамот 1514–1525 гг., вторая же часть его опущена: "Мы, великий государь Иван, Божиею милостию един правый государь всеа Русии, и иным многим землям Восточным и Северным государь, и великий князь Володимерский, и Московский, и Новогородцкий, и Псковский, Смоленский, Тферский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский, и иных"[149]. В мае 1554 г. пантелеймоновский старец Евфимий обратился с челобитьем к Ивану IV, указывая, что полученные от него монастырем проездные грамоты не содержат царского "имени" (имеется в виду титул): "И государь бы их пожаловал, велел те их грамоты переписати и написати в них велел

---

[145] СГГД. Ч. V. № 65.

[146] АРГ. С. 120. № 119.

[147] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 26–29 об.; РГМ. Т. 1. С. 163–166, № 45–48.

[148] *Глушакова Ю.П.* Неопубликованные русские грамоты из Ватиканского архива // Вопр. истории. 1974. № 6. С. 128.

[149] АЮБ. Т. 1. Стб. 127–128. № 40; РГМ. Т. 1. С. 350–352, № 6.

свое царево имя"[150]. При выдаче монастырю новой грамоты от 30 мая 1554 г. был в основном повторен титул грамоты 1543 г., но с двумя дополнениями: 1) перед словами "един правый государь" поставили "царь и"; 2) между определениями "Новгородский" и "и Псковский" поместили определение "и Казанский".

В другой грамоте Пантелеймонову монастырю – от 1 июня 1554 г. – названы те же 11 областей, что и в грамоте от 30 мая 1554 г. Вместе с тем здесь иное начало титула, более скромное: "Божиею милостию, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, Володимерский..." (и т.д.). Указание на восточные и северные земли перенесено из начала титула в конец: "...Болгарский, и иных многих земель государь, Въстока и всее Северные страны повелитель". Совсем выпали из титула слова "един правый государь".

В мартовской грамоте 1556 г. Хиландарскому монастырю наблюдается использование пространного титула грамот 1514–1519 гг. с модификациями и добавлением ранговых определений перед географическими названиями: "Мы, великий государь Иван Васильевич, Божиею милостию царь всеа Русии и великий князь Владимерский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астараханский, государь Псковский, великий князь Смоленский, великий князь Тверский, государь Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский, и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Волотцкий, Ржевский, Белский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Оудорский, Обдорский, Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель". Этот титул отражает присоединение не только Казани, но и Астрахани, а также установление вассальной зависимости сибирского хана от русского царя.

В указной грамоте о проездах Хиландарского монастыря июля 1556 г. приведены определения только первой части титула, даваемые тоже с новыми ранговыми характеристиками: "От великого государя Ивана, Божиею милостию царя всеа Русии, и великого князя Владимерского, Московского, Ноугородцкого, царя Казанского, и царя Астараханского, государя Псковского, и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского, и иных, и всея Сибирские земли, и Северные страны повелителя". Такой же состав титула в грамоте января 1557 г. константинопольскому патриарху Иоасафу, хотя в ней отсутствуют слова "Божиею милостию": "Мы, великий государь Иван Васильевич, царь всея Русии, и великий князь Владимерский..." (и т.д.)[151].

---

[150] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 74; РГМ. Т. 1. С. 194, № 76.
[151] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 93; РГМ. Т. 1. С. 212, № 89.

Титул в грамоте февраля 1557 г. Хиландарскому монастырю состоит в основном из тех же элементов, что и в грамоте марта 1556 г., однако интитуляция начинается с предлога "от" и строится в родительном падеже. Начало ее менее пышно, чем в грамоте 1556 г., и звучит так: "От царя и великого князя всея Русии, Владимирского..." (и т.д.). Перед "Югорского" нет слова "государя", после "Кондинского" имеются слова "и иных". Краткий титул употреблен в грамоте Ивана IV Хиландарскому монастырю мая 1559 г.: "Божиею милостию, от царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии".

В грамоте марта 1571 г. Хиландарскому монастырю на двор в Москве повторен титул грамоты 1556 г. на тот же двор, но с одной модификацией: вместо слов "Волотцкий, Ржевский, Белский" написано "Полоцкий". Это изменение связано с присоединением Полоцка в 1563 г. В грамоте Ивана IV грузинскому князю Леону ноября 1564 г. уже фигурирует "Полоцкого" между "Рязанского" и "Ростовского"[152].

Грамота Ивана IV 1571 г. Хиландарскому монастырю о милостыне содержит несколько иной титул, чем грамота на двор. В ней, как и в грамоте июля 1556 г., отброшены ранговые определения перед словами "Тверский", "Югорский", но в конце добавлено: "... и государь земли Вифлянские, и иных многих земель государь". Формула "и государь земли Вифлянские" встречается в грамоте Ивана IV константинопольскому патриарху Иоасафу сентября 1564 г.[153]; выражение "и государя земли Вифлянские, и иных" находим в грамоте Ивана IV ноября 1564 г. грузинскому князю Леону[154]. В грамотах сентября 1558 г. вселенским патриархам, архиепископу Синайской Горы и игумену иерусалимской Лавры Саввы Освященного редакция этого титула была другая: "... и обладатель Ливонские земли града Юрьева и иных"[155]. В грамотах сентября 1558 г. польскому королю, молдавскому господарю и турецкому султану приводилось название Ливонской земли, но не упоминался Юрьев: "и Ливонские земли, и иных" (в грамоте королю)[156], "и обладателя Ливонские земли, и иных" (в грамоте господарю)[157], "и немец Ливонские земли, и Северные страны повелитель" (в грамоте султану)[158].

---

[152] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 208; РГМ. Т. 1. С. 286, № 138.

[153] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 201 об.; РГМ. Т. 1. С. 282, № 135.

[154] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 208; РГМ. Т. 1. С. 286, № 138.

[155] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 137, 140 об., 142 об., 144, 146, 148; РГМ. Т. 1. С. 241, 244, 245, 247, 248, № 109–114.

[156] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 149 об.; РГМ. Т. 1. С. 249, № 115.

[157] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 151; РГМ. Т. 1. С. 250, № 116.

[158] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 152 об.; РГМ. Т. 1. С. 251, № 117.

Помимо отмеченных выше особенностей, грамота 1571 г. о милостыне отличается от грамоты того же года на хиландарский двор в Москве началом интитуляции. В грамоте на двор повторяется формулировка грамоты 1556 г.: "Мы, великий государь Иван Васильевич, Божиею милостью царь всея Русии". В грамоте о милостыне начало интитуляции другое: "Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси".

Грамота о милостыне полностью согласуется в титуле еще с двумя грамотами, адресованными на Афон: 1) проту и всем старцам, 2) Пантелеймонову монастырю. Кроме того, такой же титул содержится в грамотах Ивана IV 1571 г. константинопольскому и александрийскому патриархам, архиепископу Синайской Горы[159]. Несколько иначе сформулирован титул в составленной тогда же грамоте Ивана IV турецкому султану Селиму II: "Вседержителя Бога милостию, царь и великий князь Владимерский, Московский, Новгородцкий, Казанский, Азстороханский, Псковский, Смоленский, Тверский, Полотцкий, Пермьский, Вядтцкий, Болгарский и иных многих земель государь, и всее Полуношные страны, и Сибирские земли повелитель, и государь земли Неметцкие"[160].

Грамота Ивана IV сентября 1583 г. Пантелеймонову монастырю в целом довольно точно воспроизводит титул, содержащийся в хиландарской грамоте 1571 г. о милостыне и в других грамотах 1571 г. церковным иерархам. Изменение коснулось лифляндского титула Ивана IV. Он теперь уже не назывался государем земли Вифлянской. Вместо этого употреблялось скромное прилагательное "Лифлянский", поставленное между словами "Белозерский" и "Удорский".

Краткостью титула отличается грамота царя Федора Ивановича августа 1584 г. в Хиландарский монастырь: "Божиею милостию, от великого государя, царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, Владимерского, Московскаго, Новогородцкого, царя Казанского, царя Астораханского, государя Псковскаго, и великого князя Смоленского, Тверскаго, Югорского, Пермьского, Вятцкого, Болгарского, и иных".

Грамота царя Федора Ивановича ноября 1585 г. Хиландарскому монастырю на московский двор следует схеме интитуляции грамот на тот же двор 1556 и 1571 гг. Правда, в списке начала XIX в. почему-то пропущен титул "царь Астараханский", который есть в подлиннике. По сравнению с грамотой 1571 г. в новой грамоте был добавлен лифляндский титул, причем в доволь-

[159] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 215 об., 223 об., 225 об.; РГМ. Т. 1. С. 291, 295, 298, № 143, 145, 146.

[160] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 213–213 об.; РГМ. Т. 1. С. 289, № 142.

но торжественной формулировке: "...и государь отчинный земли Лифлянские". Далее шло еще одно дополнение: "...и иных многих государств государь, Восточных, и Западных, и Северных, отчичь, и дедичь, и наследник". Эта принципиально важная формула утверждала царя в имущественных правах на все присоединенные при нем и до него территории. Практически тот же титул, только в родительном падеже с предлогом "от", употребляется в грамоте Федора Хиландарскому монастырю от 30 декабря 1585 г.

В сентябрьской грамоте царя Федора 1588 г. Ватопедскому монастырю титул изложен так же, как в грамоте сентября 1583 г. Пантелеймонову монастырю (в частности, употреблено определение "Лифлянский" между словами "Белозерский" и "Удорский"). Интитуляция 1583 г. была использована (в родительном падеже) и в грамоте августа 1588 г. сербскому Благовещенскому монастырю на р. Папороте[161].

Грамота Пантелеймонову монастырю от 10 августа 1591 г. следует схеме 1583 г., но с двумя очень существенными дополнениями. Во-первых, после слов "всеа Русии" и перед определением "Владимерский" вставлено слово "самодержец". Во-вторых, в конце интитуляции добавлено указание на новый круг территорий, попавших под эгиду русского царя: "... и государь Иверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей, и иных государств государь и обладатель". Эта же интитуляция применена в жалованной грамоте от 15 октября 1591 г. сербскому Благовещенскому на Папороте монастырю[162] и в жалованной грамоте февраля 1592 г. Великой лавре Саввы освященного в Иерусалиме[163].

Итак, развитие великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям шло по пути его усложнения и уторжествления. Впрочем, это было общей тенденцией эволюции титула, типичной не только для грамот афонским монастырям. Русское правительство довольно осторожно относилось ко всем тем торжественным титулам и эпитетам, которыми зарубежные православные иерархи щедро наделяли московского государя в своих письмах к нему, содержавшим, как правило, просьбу о милостыне. Большинство из этих эпитетов в интитуляцию грамот не вошло. Русское правительство долго воздерживалось от употребления в интитуляции слова "самодержец"[164], хотя его встречаем в

---

[161] РГАДА. Ф. 52. Оп. 3. № 11.

[162] Там же. № 15.

[163] Там же. № 16.

[164] В сербских актах оно употребилось издавна. См., например, подпись Стефана I Уроша в грамоте (около 1254–1264 гг.) Хиландарскому монастырю:

посланиях из-за рубежа на протяжении всего XVI в. Его еще нет в грамоте сентября 1588 г. Ватопедскому монастырю. В рассматриваемых актах оно впервые появляется в грамоте от 10 августа 1591 г. Пантелеймонову монастырю и помещается в $т_2$ после слов "всеа Русии". В последующих грамотах афонским и другим зарубежным монастырям и иерархам слово "самодержец" обязательно присутствует на избранном в 1591 г. месте. Можно предполагать, что включение в триумфальный титул слова "самодержец" связано со смертью царевича Дмитрия, когда больше не осталось на Руси удельных князей.

В построении интитуляций иногда наблюдалось сохранение старых традиций. Так, грамоты Хиландарскому монастырю на двор в Москве, из которых первая датируется мартом 1556 г., а последующие – 1571 и 1585 гг., унаследовали схему интитуляции пантелеймоновской грамоты от 30 мая 1554 г., т.е. в $т_1$ и б $т_2$. Устойчивым оказалось здесь вступление "Мы", а также употребление отчества великого князя.

Вместе с тем титул никогда не был застывшим, он подвергался постоянном изменениям в связи с территориальными приобретениями или потерями и политикой государства. Изучение эволюции титула по грамотам ограниченного круга, что мы предприняли в настоящей работе, является лишь одним из путей исследования проблемы. В целом же к ней нужен строго хронологический подход с учетом по возможности всех доступных источников. В литературе отмечены некоторые более ранние, чем указанные нами, случаи употребления в интитуляции царских грамот XVI в. как титула "самодержец"[165], так и грузинско-кабардинского атрибута[166]. Но это другие типы и редакции интитуляции.

"Стефань Оурошь, по милости Божиеи краль и самодрьжьць всех Срьбских земль и Поморских" (Actes de Chilandar... P. 383. № 4).

[165] *Binner R.* Zur Datierung des "Samoderžec" – in der russischen Herrschertitulatur // Saeculum: Jahrbuch für Universalgeschichte. Freiburg; München, 1969. Bd. 20, Hf. 1. S. 61. Ср.: *Комочев Н.А.* К истории царского титула XVI в.: эпитет "самодержец" // Дни аспирантуры РГГУ. М., 2011. Вып. 5. С. 120–126.

[166] *Пчелов Е.В.* Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. Нальчик, 2007. С. 40–41.

Глава IX

СИБИРСКИЙ КОМПОНЕНТ В ТИТУЛАТУРЕ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ XVI–XVII ВЕКОВ

Упоминание Сибирской земли стало включаться в официальный титул московских государей после того как сибирский хан Едигер признал свою вассальную зависимость от русского царя. В январе 1555 г. к Ивану IV явились послы Едигера с поздравлениями по поводу подчинения московскому государю Казанского и Астраханского ханств. Они "били челом государю от князя Едигеря и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирьскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил, и дань свою на них положил, и дорогу своего прислал, кому дань собрать". Эта просьба была удовлетворена: "И царь и государь их пожаловал, взял их князя и всю землю во свою волю и под свою руку, и дань на них положити велел"[1]. Для приведения Едигера и всей Сибирской земли к присяге, а также для переписи населения и сбора дани в Сибирь был послан Дмитрий Куров сын Непейцын[2]. Выполнив свою миссию, он вернулся из Сибири в ноябре 1556 г.[3]

Между тем формула "всея Сибирские земли и Северные страны повелитель" стала употребляться в интитуляции грамот Ивана IV еще до возвращения Дмитрия Непейцына. Ее мы находим, например, в грамотах, выданных афонскому Хиландарскому монастырю в марте[4] и июле[5] 1556 г. В составе интитуляции она заняла последнее место, будучи помещена после триады северных титулов: "Удорский, Обдорский, Кондинский". Эти определения вошли в состав великокняжеского титула при Василии III в 1514 г., когда вместо прежнего девятичленного титула, созданного при Иване III, был образован обширный новый титул, состоящий из 22 элементов[6]. В нем различались территориальные титулы пер-

---

[1] ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. 248.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 276.

[4] РГМ. Т. I. С. 202. № 81.

[5] Там же. С. 203. № 82.

[6] См.: *Fiedler J.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vasilji Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514. Wien, 1863. S. 64, 67, 70, 73; СГГД. М., 1894. Ч. V. С. 55, 62, 66. № 65–67. Ср.: РГМ. Т. 1. С. 156–168, № 38–40.

вого ряда, восходившие к старому титулу (определения от "Владимирского" до "Болгарского") и титулы второго ряда (определения от "Новагорода Низовские земли" до "Кондинского").

Титулы "Удорский, Обдорский, Кондинский" являлись выражением претензий московских государей на обладание территориями Коми-края[7] и части Западной Сибири, заселенной ненцами[8], хантами и манси[9]. Таким образом, титул повелителя Сибирской земли и Северной страны оказался вполне на своем месте, распространяя географию предыдущей триады титулов дальше на северо-восток. Весьма интересна ранговая часть этого титула. В отличие от титулов "царя Казанского" и "царя Астароханского", в сибирско-северном титуле государь назван не "царем", а "повелителем". Ранг "повелителя" отличается от ранга "царя" большей неопределенностью. Он отражал факт установления российского протектората над Сибирским ханством, но не прямого включения его в состав Русского государства.

Заслуживает внимания также то, что ранг "повелителя" относится в титуле не только ко "всей Сибирской земле", но и к некой "Северной стране". Еще при Иване III и Василии III в интитуляцию некоторых грамот включалось упоминание Северных и Восточных земель. В двух грамотах Ивана III от 31 августа 1492 г., адресованных одна – крымскому хану Менгли-Гирею[10], другая – турецкому султану Баязету II[11], интитуляция звучит так: "Иоанн, Божиею милостью един правой государь всея Русии, отчичь и дедичь, и иным многим землям от Севера и до Востока государь"[12]. Выражение "и иным многим землям Въсточным и Северным государь" встречаем в двух грамотах Василия III 1515 г. проту

---

[7] Титул "Удорский" происходит от названия р. Удоры (Вашки), протекающей в Коми-крае, северо-западнее Сыктывкара. Удора (Вашка) – левый приток р. Мезени, впадающей в Белое море (см.: РГМ. Т. I. С. 513).

[8] Титул "Обдорский" происходит от названия Обдорской земли, расположенной западнее Обской губы Карского моря. Здесь, в устье р. Полуя, правого притока Оби, в конце XVI в. уже существовало поселение Обдорск (в настоящее время – г. Салехард в Ямало-Ненецком автономном округе). См.: РГМ. Т. I. С. 511.

[9] Титул "Кондинский" происходит от названия р. Конды, правого притока Иртыша. На р. Конде, к северо-западу от Тобольска, находится г. Кондинское в Ханты-Мансийском автономном округе. См.: РГМ. Т. I. С. 510.

[10] СГГД. Ч. V. С. 12. № 22.

[11] Там же. С. 13. № 23.

[12] Цит. по грамоте Менгли-Гирею. В грамоте Баязету II вместо "правой государь" написано "правой осподарь". Ср. грамоту Ивана III 1499 г., где говорится: "и иным многим землям Восточным и Северным государь и великий князь" (СГГД. Ч. V. С. 22. № 36).

Св. Горы Афон Семиону[13] и в двух грамотах 1519 г. – на Синай и Карлу III Токко[14]. Эта часть интитуляции стоит непосредственно после формулы "Божиею милостию единъ правый государь всеа Русии" и является вступлением к перечню территориальных титулов первого ряда. Такая же интитуляция в жалованной грамоте Ивана IV 1543 г. Святогорскому Пантелеймонову монастырю[15]. В жалованной грамоте Пантелеймонову монастырю от 30 мая 1554 г. перед словами "един правый государь" были вставлены слова "царь и". Вся предшествующая и вся последующая части формулы остались без изменений: "Божиею милостью царь и единъ правый государь всеа Русии, и иным многимъ землямъ Восточным и Севернымъ государь"[16].

Что конкретно подразумевалось под Восточными и Северными землями? После 1554 г. выражение "Восточные земли" в титуле, как правило, не употреблялось. Между тем "Северная страна" указывалась всегда после "Сибирской земли". Такие "восточные" земли, как Казанское и Астраханское ханства, были присоединены в 1552–1554 гг. Сибирь подчинилась московскому царю в 1555 г. Эти присоединения получили конкретное отражение в обновленной титулатуре. Оставались ли основания для упоминания в титуле "Восточных земель"? Не заменило ли понятие "Сибирская земля" более расплывчатое понятие "Восточные земли"? В Новом летописце термином "Восточная страна" обозначена Монголия, расположенная где-то "за" Сибирью: "Придоша ко государю послы от Восточные страны, яко же в Московском государстве про то царство и слуху не бяше, из-за Сибирского государства от царя, рекомого Алтына"[17].

Употребляя в титуле выражение "Восточные земли", имели в виду, конечно, не Монголию, а земли к востоку от основной территории Русского государства. С середины 50-х годов XVI в. "Восточные земли" ассоциировались уже не с Казанью и Астраханью, а, скорее всего, с землями к востоку от Уральского хребта, т.е. с Сибирью. Но поскольку Сибирь стала фигурировать в титуле уже не имплицитно, а эксплицитно, актуальность понятия "Восточные земли" утратилась, хотя, как мы увидим далее, это понятие не навсегда исчезло из царского титула.

Сохранение термина "Северная страна" наряду с термином "Сибирская земля" говорит о том, что под "Северной страной"

---

[13] РГМ. Т. I. С. 157, 158. № 39, 40.
[14] Там же. С. 163, 164. № 45, 46.
[15] Там же. С. 351. № 6.
[16] Там же. С. 195. № 77.
[17] ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XIV. С. 152.

подразумевалась территория, не вполне совпадающая с "Сибирской землей" в тех ее пределах, какими она могла ограничиваться в представлении русских людей XVI в. Вместе с тем "Северная страна", упоминаемая рядом с "Сибирской землей", мыслилась как нечто близкое к ней. Скорее всего, имелись в виду земли, расположенные в бассейне Белого, Баренцева и Карского морей. Кстати, между Карским морем и морем Лаптевых находятся острова, носящие название "Северная земля". Но, разумеется, в титуле подразумевались не они, а гораздо более широкий круг земель, в том числе и в европейской России (Кольский полуостров, Поморье и т.д.).

Именно с "Востоком" и "Северной страной" был связан титул "повелитель", впервые употребленный, насколько нам известно, в жалованной грамоте Ивана IV афонскому Пантелеймонову монастырю от 1 июня 1554 г.: "Въстока и всее Северные страны повелитель"[18]. Эта формула занимает последнее место в интитуляции, но она находится не после титулов "Удорский, Обдорский, Кондинский", которых тут нет, а после 11 титулов первого ряда: "Володимерский, Московский, Новгородский, Казанский, Псковский, Смоленский, Тферский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, и иных многих земель государь". Отсюда видно, что титул "государь" перестает использоваться в формулах, касающихся Востока и Северной страны. Эти названия стали соединяться с новым ранговым определением монарха – "повелитель". Таким образом, титул "повелителя" Сибирской земли генетически восходит к титулу "повелителя" Востока.

Оборот "и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель" не всегда попадал в одно и то же место интитуляции. Если в грамоте Хиландарскому монастырю марта 1556 г. он поставлен после титула "Кондинский", то в грамоте января 1557 г. константинопольскому патриарху Иоасафу II этот же оборот помещен после выражения "Болгарский, и иных", т.е. после титулов первого ряда[19]. Так в 1556–1557 гг. наметились два возможных места включения в интитуляцию сибирского и северного титулов: либо после кондинского, либо после болгарского.

Первый вариант включения наблюдается в грамотах Ивана IV февраля 1557 г. польскому королю Сигизмунду II Августу (после слов "Кондинского, и иных")[20], в грамотах сентября 1558 г. патриархам Александрийскому, Антиохийскому, Константинопольскому, архиепископу Синайскому (после слов "Кондинский,

[18] РГМ. Т. I. С. 198. № 78.
[19] Там же. С. 212. № 89.
[20] Там же. С. 227, 228. № 99, 100.

и иных")[21], патриарху Иерусалимскому, игумену иерусалимской лавры св. Саввы Освященного (после слова "Кондинский")[22], польскому королю Сигизмунду II Августу, молдавскому господарю Петру-Александру IV Лапушняну (после слов "Кондинского, и иных")[23].

Второй вариант включения можно видеть в грамоте Ивана IV 1558 г. турецкому султану Сулейману I: "... Болгарский и иных, и всея Сибирские земли, и немец Ливонские земли, и Северные страны повелитель"[24]. В этой редакции вставка "и немец Ливонские земли" разъединяет сибирский и северный титулы. В других грамотах 1558 г. ливонский титул фигурирует после болгарского в виде особого добавления: "...и обладатель Ливонские земли града Юрьева, и иных". Здесь вводится новый статус государя – "обладатель". Этот ранг обычно не связывается с сибирско-северным титулом, в котором государь выступает лишь в роли "повелителя".

Включение сибирско-северного титула по второму варианту, т.е. после титулов первого ряда, характерно для грамот наиболее влиятельным получателям – константинопольскому патриарху в 1557 г. и турецкому султану в 1558 г. Вместе с тем в грамоте константинопольскому патриарху 1558 г. включение произведено по первому варианту.

Адресаты царя отвечали ему с бóльшим или меньшим учетом той титулатуры русского монарха, которая содержалась в полученных ими царских грамотах. Так, константинопольский патриарх Иоасаф II в грамотах середины 1557 г. поставил формулу "всея Сибирские земли и Северные страны" после титулов первого ряда: в одной из грамот – вслед за "Болгарскому, и прочим"[25], в другой – вслед за "Пермьскому, и прочим"[26] (болгарский титул был пропущен). При этом упоминание Сибирской земли и Северной страны сопровождалось специальными оборотами, которые должны были подчеркнуть новизну власти московского государя над этими территориями: "кои суть поручены тебе"[27] или "которые суть приклонились к царствию твоему"[28] ("... καὶ πάσης γῆς Σιμπιρίου, καὶ πάντων τῶν ὑπερβορείων μερῶν τῶν ὑποτεταγμένων τῇ

[21] Там же. С. 241, 244–246. № 109, 111–113; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. XIII, вторая половина. С. 310–311.

[22] РГМ. Т. I. С. 243, 248. № 110, 114.

[23] Там же. С. 249, 250. № 115, 116.

[24] Там же. С. 251. № 117.

[25] Там же. С. 231. № 103; *Regel W.* Analecta byzantino-russica. Petropoli, 1891. P.72–73.

[26] РГМ. Т. I. С. 229. № 102.

[27] Там же. С. 231. № 103.

[28] Там же. С. 229. № 102.

σῇ βασιλείᾳ"[29]). В грамотах патриарха не воспроизведен титул "повелитель". Вместо него употреблено выражение "ὑποτεταγμένων τῇ σῇ βασιλείᾳ" ("подчинившихся царствию твоему").

В грамоте испанского короля Филиппа II и английской королевы Марии от 28 апреля 1557 г. сибирско-северный титул Ивана IV поставлен после кондинского, т.е. включен по первому варианту: "... Kondinsky and Gouuernor over all the Land of Siberia and the North parts"[30]. В копии этой грамоты на итальянском языке тот же титул передан словами: "... Gonduizky et Gouernatore della Siberia, et delle parti boriali"[31]. В обоих текстах титул "повелитель" переведен термином "Gouuernor", "Gouernatore" – правитель.

В грамоте датского короля Христиана III от 13 января 1558 г., сохранившейся в русском переводе, сибирский титул Ивана IV присоединен по первому варианту так же, как и в английской грамоте 1557 г.: "...Кондинскому, и всеа Сибирские земли, иных больших"[32]. Здесь отсутствуют упоминание "Северной страны" и титул "повелитель". Неполнота титула объясняется, очевидно, особенностями оригинала датской грамоты, – возможно, сознательным исключением "Северной страны" из состава русских владений.

В грамоте александрийского патриарха Иоакима 1559/60 г. титулатура Ивана IV воспроизведена с ошибками: "... Удорскому и прочих, Киевскому, и Северные страны"[33]. "Киевский" тут появился, вероятно, вместо "Кондинского", а упоминание Сибирской земли просто потерялось. В грамоте антиохийского патриарха Иоакима (около 1560 г.) был возрожден "восточный" титул русского царя, поставленный в конце титулов первого ряда, куда попал и ливонский титул: "... Ноугороцкому, Ливонскому и прочих мест державы твоеи, и всея Восточныя Инаталийские страны, еже ти от Бога дарованно и покори под нозе твои"[34]. Определение "Инаталийские" составитель грамоты заимствовал из титулатуры турецкого султана[35]. Весь восточноанатолийский титул послужил своеобразным заменителем титула повелителя Сибирской земли. Мы уже высказывали предположение, что восточный титул хронологически предшествовал сибирскому. В данном случае он стал его эквивалентом.

---

[29] *Regel W.* Op. cit. P.72–73.
[30] СГГД. Ч. V. С. 134–135. № 113.
[31] Там же. С. 137. № 114.
[32] Там же. С. 140. № 115.
[33] РГМ. Т. I. С. 259. № 123.
[34] Там же. С. 261. № 124.
[35] Ср.: Там же. С. 251, 290. № 117, 142.

В написанной на латинском языке и плохо сохранившейся грамоте Елизаветы I 1561 г. содержится фрагмент северного титула при отсутствии сибирского: "... et multarum aliarum regionem atque gentium denique Septentrion... " ("... и многих других стран и народов и Северн...")[36]. Этот фрагмент идет после пропуска текста, которому предшествуют титулы Нижегородский, Черниговский и Рязанский, из чего явствует, что далее должны были быть другие титулы второго ряда, в том числе Удорский, Обдорский и Кондинский. Следовательно, включение северного и, возможно, сибирского титулов осуществлялось по первому варианту.

В русском переводе грамоты датского короля Фридерика II марта 1562 г. сибирский и северный титулы стоят в конце титулов второго ряда, т.е. присоединение их произведено по первому варианту: "... Кондинскому, и иных, и Сибирские земли и Северные страны Русских земель"[37]. Здесь отступление от официального титула состоит в том, что нет слова "повелитель" и добавлено пояснение "Русских земель". Такого пояснения в тексте русского происхождения мы не встречаем. Оно, тем не менее, представляет интерес как западная интерпретация термина "Северная страна". Упоминание "Русских земель" до некоторой степени ограничивало и конкретизировало выражение "Северная страна" – давалось понять, что речь идет не вообще о всем севере, куда входила и Скандинавия, а о русском севере, т.е. о северных землях, принадлежащих России.

В грамоте датского короля Фридерика II от 3 декабря 1562 г., дошедшей, как и предыдущая, в русском переводе, сибирский и северный титулы, стоящие после кондинского, сформулированы в полном соответствии с официальной русской редакцией и дополнены ливонским титулом: "... Кондинский, и Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь земли Ливонские, и иных"[38]. Ливонский титул был включен, как мы помним, еще в грамоты 1558 г. В большинстве из них он поставлен после болгарского, а в грамоте турецкому султану вклинивается между сибирским и северным титулами, имея общее с ними подлежащее – "повелитель". Датская грамота декабря 1562 г. отражает более четкое разделение титулов по месту и рангу: "повелитель" связывается только с сибирским и северным титулами, в то время как ливонский титул управляется подлежащим "государь", что свидетельствует о прямом включении завоеванных ливонских земель в состав Русского государства.

---

[36] СГГД. Ч. V. С. 143. № 117.
[37] Там же. С. 145. № 118.
[38] Там же. С. 146. № 119.

В жалованной грамоте Ивана IV от 20 февраля 1563 г. трем польским ротмистрам и 500 полякам на свободный проезд из Полоцка в Россию сибирско-северный титул идет после кондинского и дополняется ливонским: "... Кондинский, и всея Сибирские земли и Сиверския страны повелитель, и государь земли Вифлянские, и иных"[39]. Фактически это та же редакция, что и в датской грамоте декабря 1562 г.

В русском переводе грамоты датского короля Фридерика II от 23 августа 1564 г. заключительная часть титула Ивана IV выглядит следующим образом: "... Кондинскому, и иных болших, государь Сибирские земли и Северные страны, и иных"[40]. В этой формулировке имеются отступления от официальной редакции: добавлено определение "больших", которое в грамотах Ивана IV не встречается (там иногда говорится "многих"), опущен титул "повелитель", проигнорирован ливонский титул. По другим грамотам 1564 г. можно видеть, что в это время сибирско-северный титул включался в интитуляцию по первому варианту. Он помещался в заключительной части титулов второго ряда, но после него ставился еще ливонский титул как последний по времени включения: "... Кондинский, и Сибирские земли и Северныя страны повелитель, и государь земли Вифлянские" (грамота Ивана IV сентября 1564 г. константинопольскому патриарху Иоасафу II)[41]. Та же интитуляция, но в родительном падеже, употреблена в грамоте ноября 1564 г. грузинскому князю Леону (кахетинский царь Леван)[42].

Известная в русском переводе грамота датского короля Фридерика II от 11 января 1566 г. содержит следующее окончание титулатуры Ивана IV: "...Кондинскому, и иных, государю Сибирские земли, и иных"[43]. Здесь отсутствуют и северный, и ливонский титулы, а вместо "повелитель" говорится "государь". Едва ли все эти изменения восходят к оригинальным грамотам русского царя.

В грамоту Ивана IV марта 1571 г. турецкому султану Селиму II сибирский титул включен по второму варианту, так же как и в грамоте ноября 1558 г. султану Сулейману I, однако формулировка и структура сибирско-северного титула в грамоте 1571 г. иные, чем в грамоте 1558 г. В грамоте 1571 г. читаем: "... Болгарский, и иных многих земель государь, и всее Полуношные страны и Сибирские земли повелитель, и государь земли Неметцкие"[44]. Вопреки тра-

[39] ПСРЛ. Т. XIII, вторая половина. С. 363.
[40] СГГД. Ч. V. С. 150. № 120.
[41] РГМ. Т. I. С. 282. № 135.
[42] Там же. С. 286. № 138.
[43] СГГД. Ч. V. С. 152. № 121.
[44] РГМ. Т. I. С. 289. № 142.

диции Сибирская земля упоминается тут не до, а после Северной страны. Само определение последней в качестве "Полуношной" уникально. Вместо "Ливонские земли" использовано выражение "Неметцкие земли".

Однако в ряде других грамот марта 1571 г. сибирский и северный титулы выглядят более традиционно. Во-первых, они включены в интитуляцию по первому варианту, т.е. после кондинского титула, во-вторых завершаются ливонским (лифляндским) титулом: "... Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь земли Вифлянские, и иных многих земель государь" (грамоты константинопольскому патриарху Митрофану III[45], александрийскому патриарху Сильвестру[46], архиепископу Синайской горы Евгению[47], проту и всем монахам Св. Горы Афонской[48], афонскому Хиландарскому монастырю[49], афонскому Пантелеймонову монастырю[50]).

Дошедшая в подлиннике жалованная грамота Ивана IV марта 1571 г. Хиландарскому монастырю на двор в Москве отличается от других тем, что в ней сибирско-северный титул не имеет продолжения в виде ливонского или обобщающего титула. Зато в конце интитуляции указаны дети царя – царевичи Иван и Федор Ивановичи: "... Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и дети наши царевич Иван Иванович и царевич Феодор Иванович"[51].

В грамоте Ивана IV датскому королю Фридерику II от 31 июля 1573 г., сохранившейся в списке, интитуляция завершается сибирско-северным и лифляндским титулами: "... Кондинский и всее Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь отчинные земли Лифляндские, и иных"[52]. В лифляндском титуле права Ивана IV на территорию Ливонии были усилены словом "отчинные". Редакция грамот 1571–1573 гг. получила дальнейшее развитие в грамотах 1576 г., где вся титулатура завершается словами "и иных многих земель государь". Сибирский и северный титулы помещены после кондинского в двух грамотах Ивана IV января 1576 г. панам-Раде в Польшу[53] и Литву[54] и в грамоте июля 1576 г.

---

[45] Там же. С. 291. № 143.
[46] Там же. С. 295. № 145.
[47] Там же. С. 298. № 146.
[48] Там же. С. 300. № 147.
[49] Там же. С. 301. № 148.
[50] Там же. С. 302. № 149.
[51] Там же. С. 366. № 13.
[52] СГГД. Ч. V. С. 154. № 123.
[53] Там же. С. 155. № 124.
[54] Там же. С. 157. № 125.

императору Максимилиану II[55]: "... Кондинский, и всеа Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь отчинныи земли Лифлянские, и иных многих земель государь"[56].

В грамоте Ивана IV 1579 г., адресованной его "голдовнику" (вассалу), лифляндскому королю Арцы-Магнусу, термин "государь отчинныи" заменен еще более выразительным термином "государь отчичь": "... всея Сибирские земли и Северныя страны повелитель, и государь отчичь земли Лифляндские, и иных"[57]. Слово "отчичь", имевшее значение "наследственный владетель", использовалось применительно к Руси, а не к Ливонии, в грамотах Ивана III 1492 г. крымскому хану и турецкому султану. Однако на протяжении большей части XVI в. оно в интитуляцию обычно не включалось.

Чем хуже шли дела в Ливонии, тем важнее для царя становился лифляндский титул. В двух грамотах Ивана IV императору Рудольфу II августа 1580 г. лифляндский титул помещен между белозерским и удорским, в то время как сибирско-северный оставлен на прежнем месте, после кондинского: "... Белоозерский, и государь отчинные земли Лифлянскии Немецкого чину, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и иных многих земель государь"[58].

В списке грамоты английской королевы Елизаветы I от 23 января 1581 г. лифляндский титул поставлен раньше сибирского, но не после белозерского, а после обдорского: "... Удорскому, Обдорскому, Лифлянскому, Кондинскому, и всея Сибирские земли и Северные страны повелителю, и иных многих земель государю"[59]. Едва ли здесь вполне точно отражена иерархия титулов русских грамот, но тенденция очевидна: лифляндский титул стал занимать более почетное место, чем сибирский. В переводе другой грамоты Елизаветы, от 8 июня 1583 г., лифляндский титул расположен, как и в русских грамотах 1580 г., между белозерским и удорским, а сибирско-северный занимает последнее место, после кондинского[60]. Тот же порядок титулов в послании английских сановников, написанном от имени королевы, но не имеющем даты[61].

Сложившаяся последовательность элементов титула наблюдается и в грамоте Ивана IV архимандриту Киево-Печерского

---

[55] Там же. С. 164. № 128.

[56] Цит. по грамоте Максимилиану II; в грамоте польским панам-Раде вместо "Лифлянские" написано "Инфлянские".

[57] СГГД. М., 1819. Ч. II. С. 67. № 48.

[58] СГГД. Ч. V. С. 171, 173. № 131, 132 (цит. по: Там же. № 131).

[59] Там же. С. 179. № 134.

[60] Там же. С. 184. № 138.

[61] Там же. С. 180. № 135.

монастыря Мелентию Хребтовичу, выданной в сентябре 1583 г.: "...Белозерсково, Лифлянсково, Удорсково, Обдорсково, Кондинсково, и всея Сибирские земли и Северные страны повелителя, и иных"[62].

Установившаяся при Иване IV в 1580–1583 гг. интитуляция была использована в грамотах царя Федора Ивановича. Ее мы видим в майских грамотах 1584 г. английской королеве Елизавете[63] и английским купцам[64]. Лифляндский титул стоит тут после белозерского, а сибирско-северный – после кондинского. Такая же последовательность титулов в грамоте царя Федора Ивановича декабря 1585 г. архимандриту Киево-Печерского монастыря Мелентию Хребтовичу[65]. Эта интитуляция с добавлением после "иных" конечной формулы "многих земель государь" употреблена в грамотах царя Федора Ивановича октября 1585 г. иерусалимскому патриарху Софронию[66] и архиепископу Синайской Горы Евгению[67].

Значительный интерес представляет интитуляция жалованной грамоты царя Федора Ивановича Хиландарскому монастырю ноября 1585 г., которая сохранилась в подлиннике с золотой печатью[68]. Интитуляция в ней восходит к тексту жалованной грамоты Ивана IV 1571 г. тому же монастырю. Но если в последней перечень территориальных титулов завершался сибирско-северным, то в грамоте 1585 г. он имеет следующее продолжение: "... и государь отчинныи земли Лифлянские, и иных многих государств государь[69] Восточных и Западных и Северных, отчич и дедич и наследник". Та же интитуляция содержится в копии этой грамоты, датированной (видимо, ошибочно) сентябрем 1585 г.[70] В родительном падеже данная интитуляция сформулирована в указной грамоте царя Федора Ивановича декабря 1585 г. о беспошлинном проезде хиландарских старцев[71].

---

[62] *Каштанов С.М.* О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством Ивана IV в 1583 г. / ИА. 2002. № 4. С. 198. № 5.

[63] СГГД. Ч. V. С. 185, 186. № 139, 140.

[64] Там же. С. 187. № 141.

[65] *Каштанов С.М.* О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. / ИА. 2005. № 1. С. 194. № 4.

[66] РГАДА. Ф.52 (Сношения России с Грецией). Оп. 3. № 7.

[67] Там же. № 8.

[68] Библиотека Хиландарского монастыря на Афоне, по каталогу 1983 г. № 5. Копия XIX в.: РГАДА. Ф.52. Оп.3. № 9. Публ. (по подлиннику): *Kämpfer F.* Die Russischen Urkunden in Archiv des Klosters Hilandar / Хиландарски зборник = (Recueil de Chilandar). Београд, 1986. [Књ.] 6. S. 285–286. № 5.

[69] У Кемпфера слово "государь" пропущено.

[70] РГАДА. Ф.52. Оп.3. № 6.

[71] Библиотека Хиландарского монастыря на Афоне, по каталогу 1983 г. № 4. Копия XIX в.: РГАДА. Ф.52. Оп.3. № 10. Публ. (по подлиннику): *Kämpfer F.* Op. cit. S. 283. № 4.

В хиландарских грамотах 1585 г. лифляндский титул не ставился после белозерского и, следовательно, не предшествовал сибирско-северному, а занимал свое место после него, как в грамотах 70-х годов XVI в. Вместе с тем претензия на лифляндские земли была косвенным образом усилена в заключительной части интитуляции, где вводился беспрецедентный титул государя многих государств "Восточных и Западных и Северных". Упоминание "Западных" государств появилось в русском титуле при царе Федоре Ивановиче впервые. Мы полагаем, что под ними подразумевалась прежде всего Ливония. Претензии на обладание ею сохранились даже после неудачного окончания Ливонской войны. К числу "Западных государств" могла относиться и Корела, находившаяся в 1581–1595 гг. под властью шведов. В 1590–1593 гг. велась война со Швецией, в результате которой ряд территорий, потерянных после окончания Ливонской войны, России удалось вернуть (Ям, Орешек, Иван-город и др.).

Составителей интитуляции не смутило повторение северного титула, который уже имелся в другом варианте рядом с сибирским. По-видимому, титулы повелителя Северной страны и государя Северных государств рассматривались в контексте интитуляции не как взаимоисключающие, а как дополняющие друг друга. Возрожденный восточный титул не означал отмены сибирского титула. Они соседствовали в рамках общей интитуляции.

Принципиальное значение имело введение заключительного оборота интитуляции о наследственных правах русского царя на Восточные, Западные и Северные "государства". Формула "отчич, дедич и наследник" выражала идею исконности этих прав. В 1492 г. Иван III определялся как "отчичь и дедичь" русских земель ("всея Русии отчичь и дедичь").

В грамоте царя Федора Ивановича, выданной в августе 1586 г. князю Вымской земли Лугую на владение городами по р. Оби, лифляндский титул поставлен после белозерского, а сибирский и северный титулы отнесены к двум разным рангам государя: сибирский – к рангу "обладатель", а северный – к рангу "повелитель": "...Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и обладатель всея Сибирския земли и великия реки Оби, и Северныя страны повелитель, и иных многих земель государь"[72]. Грамота 1586 г. в силу специфики ее адресата и объекта действия дает весьма оригинальный вариант сибирского титула. Он не только соединен здесь с рангом "обладатель", который до этого иногда использовался в ливонском титуле (грамоты 1558 г.), но и допол-

[72] СГГД. Ч. II. С. 88. № 54.

нен уникальным оборотом “и великия реки Оби”. Трудно было бы ожидать, что такая интитуляция станет широко применяться в грамотах другим получателям.

Не стал общеупотребителен и вариант интитуляции хиландарских грамот 1585 г. с его постановкой лифляндского титула после сибирско-северного и заключительным оборотом о Восточных, Западных и Северных государствах. Возобладала редакция, ставящая лифляндский титул после белозерского, а сибирско-северный – в конце, перед оборотом “и иных многих земель государь”. Такую интитуляцию находим в грамоте августа 1588 г. сербскому Благовещенскому на р. Папороте монастырю[73] и в грамоте сентября 1588 г. афонскому Ватопедскому монастырю[74]. Последняя сохранилась в подлиннике, который снабжен большой круглой восковой печатью красного цвета (Д – 76,5 мм) на шелковом малиновом шнуре. Эту печать мы изучали de visu. Интересующая нас часть надписи с царским титулом помещена на оборотной стороне печати, где после слова “[БЕЛ]ООЗЕРСКІИ” читаем: “[Г(О)*С*(У)Д(А)]РЬ Ѡ*Т*ЧЇННЫИ І Ѡ*Б*ЛАА[ДАТЕ]*Л*(Ь) ЅЕМЛИ ЛИ*Ф*Л*А*Н*С*КІ*А* НЕМЕЦК(О)*Г*О [Ч]ІНУ, [VДО]РСКІИ ОБДОРСКИЇ КО*Н*ДИНСКІИ І [В]СЕ*А* СІБИРСКІ*А* ЗЕМЛЇ И СЕВЕРНЫ*А* С[Т]РАНЫ ПОВЕЛИТЕЛЬ І ИНЫ[Х] МНОГИ[Х] ЗЕМЕЛЬ Г(О)*С*(У)Д(А)РЬ І Ѡ*Б*[Л]ААДАТЕЛЬ”[75].

Надпись на печати несколько отличается от интитуляции в тексте грамоты. Если в грамоте говорится просто “Лифлянскїи”, то на печати – “государь отчинный і облаадатель земли Лифлянскія Немецкого [ч]ину”. В грамоте сказано: “...и иных многихъ земель государь”; текст на печати гласит: “...и иных многих земель государь і облаадатель”. На печати уложенной грамоты мая 1589 г. об учреждении патриаршества имеются слова “земли Флянскои Немецкои” и “многих земель государь и обладатель” (текст надписи сохранился фрагментарно)[76]. Вероятно, на печати грамоты 1589 г. лифляндский титул был сформулирован близко к тексту, имеющемуся на печати грамоты 1588 г., однако помещен он тут не после белозерского, а после кондинского титула, непосредственно перед сибирско-северным. В самой уложенной грамоте 1589 г. лифляндского титула нет ни после белозерского, ни после кондинского титулов. За кондинским тут следует, в соответствии со старой тра-

[73] РГАДА. Ф.52. Оп.3. № 11.

[74] Библиотека Ватопедского монастыря на Афоне: Славяно-русские грамоты. № 115. Копия XIX в.: РГАДА. Ф.52. Оп.3. № 12.

[75] В квадратные скобки заключены буквы, полностью или частично утраченные; выносные выделены курсивом. Текст восходит к интитуляции грамот Ивана IV 1580 г. императору Рудольфу II (см. выше, с. 255).

[76] СГГД. Ч. II. С. 101. № 59.

дицией, сибирско-северный титул, но в нем термин "повелитель" заменяется на "облаадатель". В заключительном обороте интитуляции вместо термина "облаадатель", фигурирующего в надписи на печати, появляется термин "самодержецъ", который до этого в официальных актах, как правило, не употреблялся[77]: "...Кондинский, и всея Сибирские и Северные страны облаадатель, и иных многих государств государь и самодержецъ"[78].

Таким образом, во второй половине 80-х годов XVI в. проявилась, хотя и не очень явственно, тенденция связывать сибирский титул с рангом не "повелителя", а "обладателя", т.е. более реального, чем "повелитель", владельца территории. Эту тенденцию мы наблюдаем в двух документах – грамоте князю Лугую 1586 г. и уложенной грамоте 1589 г. об учреждении патриаршества. Возможно, включение термина "обладатель" в сибирский титул произошло под влиянием лифляндского титула, в котором термин "обладатель" использовался спорадически начиная с 1558 г. Вместе с тем употребление данного термина в отношении Сибири могло быть обусловлено новыми попытками овладения этой территорией, предпринятыми после смерти Ермака в 1585 г.

В 90-х годах XVI в. большинство известных нам грамот, содержащих полный царский титул, следовало той редакции, где определение "Лифлянский" стояло после "Белоозерский", сибирский же и северный титулы шли после кондинского. Однако концовка интитуляции усложнилась. Во-первых, после сибирско-северного компонента появился новый территориальный титул – грузинско-кабардинский. Во-вторых, несколько изменилась формулировка заключительного оборота об "иных многих землях".

В жалованной грамоте царя Федора Ивановича афонскому Пантелеймонову монастырю от 10 августа 1591 г. интересующая нас часть интитуляции имеет следующий вид: "... Белоозерский, Лифлянский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всея Сибирскиа земли и Северныя страны повелитель, и государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинския земли Черкаских и Горских князей, и иных многих государств государь и обладатель"[79]. Такая же интитуляция в грамоте от 15 октября 1591 г. сербскому Благовещенскому монастырю на р. Папороте[80], в грамоте февраля

[77] Правда, Н.А. Комочев обратил наше внимание на то, что термин "самодержец" применялся в интитуляции грамот Ивана Грозного 70-х годов XVI в., адресованных римскому папе.

[78] СГГД. Ч. II. С. 96. № 59.

[79] РГАДА. Ф.52. Оп.3. № 14.

[80] Там же. № 15.

1592 г. Великой лавре Саввы Освященного в Иерусалиме[81], в грамоте сентября 1592 г. причту соборной церкви Успения Богородицы в г. Львове[82], в грамоте от 14 февраля 1594 г. остяцкому князю Игичею Алачеву и его брату Онже Юрьеву[83].

Интитуляция грамоты царя Федора Ивановича 1597 г. сибирскому хану Кучуму отличается от приведенной выше только отсутствием лифляндского титула между белозерским и удорским[84].

Конечная формула интитуляции этого типа – "и иных многих государств государь и обладатель" – восходит к двум более ранним вариантам: 1) "и иных многих земель государь и облаадатель" (на печатях грамот 1588 и 1589 гг.); 2) "и иных многих государств государь и самодержецъ" (соборная грамота 1589 г.). Слово "земель" было заменено словом "государств" в соответствии с хиландарской грамотой 1585 г. и соборной грамотой 1589 г., а выражение "государь и обладатель" явилось воспроизведением формулы печатей 1588 и 1589 гг. Термин "самодержецъ", стоявший в соборной грамоте 1589 г. на месте слова "облаадатель", ушел наверх – в начало интитуляции, став завершением титула "всеа Русии" ("всеа Русии самодержец"). Теперь термин "самодержец" предшествовал всему набору областных титулов, оказавшись непосредственно перед первым из них ("Владимерский").

Коренная перестройка сибирско-северного титула произошла после смерти хана Кучума (1598 г.), когда русский царь из сюзерена превратился в полновластного суверена Сибирской земли. Тогда возник новый титул – "царь Сибирский", поставленный в интитуляции после титула "царь Астороханский". Образовалась триада царских титулов: "царь Казанский, царь Астороханский, царь Сибирский". Она находилась между новгородским и псковским титулами, в то время как северный титул, потерявший свою пару, остался на прежнем месте, после кондинского и перед грузинско-кабардинским. От сибирского титула он унаследовал местоимение "всея": "всея Северные страны повелитель".

Такая интитуляция, сформулированная в родительном падеже, содержится в опасной грамоте царя Бориса Годунова декабря 1600 г. доктору Каспару Фидлеру на право свободного въезда в Россию и выезда из нее[85]. Лифляндского титула в этой грамоте нет ни после белозерского, ни после кондинского титулов.

---

[81] Там же. № 16.
[82] СГГД. Ч. II. С. 124. № 61.
[83] Там же. С. 127. № 63.
[84] Там же. С. 132. № 68.
[85] Там же. С. 158. № 75.

В жалованной подтвердительной грамоте царя Бориса Федоровича Хиландарскому монастырю на двор в Москве от 8 февраля 1603 г. полная интитуляция дается в именительном падеже. Титул "царь Сибирский" стоит, как и положено, после титула "царь Астарахански", а выражение "и всея Северныя страны повелитель" находится между кондинским и грузинско-кабардинским титулами[86]. В отличие от грамоты Фидлеру, в хиландарской грамоте имеется и титул "Лифлянский", помещенный по традиции после белозерского, перед удорским. После заключительного оборота "и иных многих государств государь и облаадатель" упоминается сын Бориса – царевич Федор: "и нашего царского величества сынъ великий государь царевич князь Федоръ[87] Борисович всеа Русии". Добавление имени наследника престола сделано в соответствии с формуляром грамоты Ивана IV хиландарскому монастырю 1571 г., где названы дети царя – царевичи Иван и Федор Ивановичи.

Интересно, что Борис Годунов не использовал заключительную часть интитуляции предшествующей грамоты Хиландарскому монастырю царя Федора Ивановича 1585 г. В ней после сибирско-северного титула шел лифляндский, а затем обобщающий: "и иных многих государств государь Восточных и Западных и Северных, отчич и дедич и наследник" (см. выше). Видимо, внешнеполитическая ситуация 1603 г. не предрасполагала к возрождению этого широковещательного титула.

После смерти Бориса Годунова (13 апреля 1605 г.) его сын Федор Борисович выступал как наследник всех отцовских титулов, в том числе и титула царя Сибирского. В окружной грамоте от 1 мая 1605 г., составленной от имени вдовствующей царицы Марии Григорьевны и ее сына царя Федора Борисовича, говорилось, что царь Борис Федорович "на все государства, на Владимерское и на Московское и на Ноугородцкое, и на царство Казанское и на Астороханское и на Сибирское, и на все великие государства Российского царствия благословил нас, сына своего, великого государя, царя и великого князя Федора Борисовича всеа Русии"[88].

Традиции царской интитуляции были нарушены при Лжедмитрии I, который пользовался титулатурой другого типа. Еще в мае 1604 г. он именовал себя царевичем всея Руси, Углицким, Дмитровским и проч.[89], в период же пребывания на московском

---

[86] Библиотека Хиландарского монастыря на Афоне, по каталогу 1983 г. № 6. Публ. (по подлиннику): *Kämpfer F.* Op. cit. S. 287. № 6.

[87] У Кемпфера "Феодоръ", что не соответствует оригиналу.

[88] СГГД. Ч. II. С. 188. № 83.

[89] "My Dimitr Iwanowic, z laski Bozey, czarowic Wilkiey Rusy, Ugleczkie, Dimitrowskie etc., książe s pokolenia przodkow swoich, wszistkich panstw Moskiewskich pan y dziedzic" (Там же. С. 159. № 76).

престоле в 1605–1606 гг. в грамотах за рубеж употреблял титул сначала цесаря, затем – императора и великого князя (герцога) всея Руси, господина и короля многих других областей, подчиненных Московской монархии[90]. Вместе с тем на печати, привешенной к его грамоте февраля 1606 г. соборной церкви Успения Богородицы в г. Львове, имя царя Дмитрия Ивановича фигурирует в окружении титулатуры, сложившейся при Борисе Годунове. В частности, между новгородским и псковским титулами тут помещена хорошо известная нам триада областных царских титулов: "царь Казанский, царь Астароханский, царь Сибирский"[91].

Лжедмитрий II в 1608–1609 гг. титуловался царем всея Руси и великим князем Московским, Дмитровским, Углицким, Городецким и иных, государем и дедичем многих государств и орд татарских, подвластных Московской монархии[92]. Для обоих Лжедмитриев упоминание Углича и таких удельных центров, как Дмитров, Городецк (Бежецкий Верх), имело значение прежде всего в качестве доказательства идентичности новоявленных Дмитриев с царевичем Дмитрием Ивановичем Угличским. При этом другие территориальные титулы предавались забвению.

При Василии Шуйском употреблялся традиционный царский титул. В договорной записи, составленной от его имени кн. М.В. Скопиным-Шуйским со шведским военачальником Яковом де ла Гарди 17 декабря 1609 г., интитуляция старого типа употреблена в родительном падеже. Областные царские титулы – Казанский, Астраханский и Сибирский – находятся здесь на своем обычном месте, между новгородским и псковским титулами, а выражение "всея Северные страны повелитель" – между кондинским и грузинско-кабардинским титулами[93]. В этой интитуляции не находим полоцкого и лифляндского титулов. Они уже давно приобрели характер титулов воспоминания или притязания, но упорно продолжали включаться в царские грамоты при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Вместе с тем появилась дополнительная характеристика в грузинско-кабардинском титуле.

---

[90] "Nos serenissimus et invictissimus Monarcha Demetrius Ioannis Dei gratia Caesar et Magnus Dux totius Russiae, atque universorum Tatariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Dominus et Rex" (Там же. С. 227. № 104). Ср.: Там же. С. 234, 237, 251, 254, 265, 275, 279–280. № 108–110, 116, 118, 123, 127, 130.

[91] Там же. С. 280. № 130.

[92] "Dmitr Ywánowicz, z łaski Bożei car wszystkiei Rusi, wielkie xiąze Moskiewskie, Dmitrowskie, Ugleckie, Grodeckie etc. etc. etc. y ynych wielu panstw y ord Tátarskich, monárchyei Moskiewskiei podległych, pan y dziedzic" (Там же. С. 327. № 156). Ср.: Там же. С. 336–340, 348, 361, 362. № 160–164, 169, 179, 180.

[93] Там же. С. 380–381. № 192.

Перед определением "Грузинских" были вставлены слова "Карталинских и". Заключительный оборот интитуляции остался без изменений: "...и многих государств государя и облаадателя".

В первое время после воцарения Михаила Романова, по-видимому, существовала неясность в вопросе о том, какую интитуляцию следует использовать при выдаче грамот иноземцам. В этом смысле весьма интересна жалованная грамота царя Михаила Федоровича июня 1613 г. московскому жильцу иноземцу Андрею Буку на свободную и беспошлинную торговлю[94]. В интитуляции рассматриваемой грамоты после астраханского титула нет сибирского, а после кондинского употреблена старая формула эпохи царей Ивана IV и Федора Ивановича: "...и всея Сибирския земли и Северныя страны повелитель". В духе грамот того же времени после рязанского титула поставлен полоцкий, а после белозерского – лифляндский. В грузинско-кабардинский титул не внесено дополнение "Карталинских и". Таким образом, в грамоте Андрею Буку был использован явно устаревший формуляр интитуляции.

Иная картина в жалованной грамоте от 12 августа 1613 г. торговому иноземцу Ивану Юрьеву[95]. В интитуляции грамоты после астраханского поставлен сибирский титул – "царь Сибирский". В связи с этим после кондинского помещен северный титул без сибирского. В грузинско-кабардинский титул вставлено дополнение "Карталинских и". Вместе с тем остались на своих местах полоцкий и лифляндский титулы.

Еще дальше по пути модернизации идет текст грамоты декабря 1614 г. польским панам-Раде[96]. Здесь помимо изменений, зафиксированных в формуляре грамоты Ивану Юрьеву, сделан следующий шаг в направлении обновления интитуляции: из нее изъяты полоцкий и лифляндский титулы. Достигается шаблон, который уже был установлен в записи М.В. Скопина-Шуйского 1609 г.

Этот шаблон сохраняется на протяжении всей первой половины XVII в.[97]. Исключения из него проявляются главным образом в спорадическом употреблении лифляндского титула (после белозерского)[98]. Чаще всего он встречается в переводных текстах[99]. В одном случае мы наблюдаем отступление от шаблона в северном

---

[94] СГГД. М., 1822. Ч. III. С. 65–66. № 14.

[95] Там же. С. 88. № 17.

[96] Там же. С. 105–120. № 24.

[97] Там же. С. 122, 137, 165, 277–278, 326, 328, 335–336, 353, 370, 373, 449. № 26, 30, 38, 76, 87, 88, 93, 94, 104, 109, 110, 136.

[98] Там же. С. 323–325, 330, 354. № 85, 89, 105.

[99] Там же. № 85, 105.

титуле: термин "повелитель" заменен на "владетель" (1631 г.)[100], но это результат обратного перевода на русский язык.

В подтвердительной жалованной грамоте царя Михаила Федоровича Хиландарскому монастырю на двор в Москве, датированной 30 апреля 1624 г., сибирский и северный титулы даны раздельно и по новому стандарту, т.е. "царь Сибирский" после "царь Астараханский" и "всея Северныя страны повелитель" после "Кондинский". Вместе с тем в грамоте присутствуют полоцкий и лифляндский титулы, а в грузинско-кабардинском титуле нет дополнения "Карталинских и"[101]. Наличие элементов архаики объясняется тем, что интитуляция грамоты 1624 г. воспроизводит формуляр предыдущей грамоты тому же монастырю на двор в Москве, выданной в 1603 г. Борисом Годуновым[102].

Иногда грамоты с новой интитуляцией удостоверялись печатью старого образца. Так, печать грамоты августа 1618 г., направленной в Любек бургомистрам и ратманам, не содержит формулы "царь Сибирский" после астраханского титула[103], хотя в тексте документа говорится: "...царь Казанский, царь Астороханский, царь Сибирский"[104]. Вероятно, на оборотной стороне печати употреблялся старый сибирско-северный титул[105].

До присоединения Левобережной Украины царская интитуляция сохранялась в том виде, в каком она сложилась при Василии Шуйском и закрепилась при Михаиле Федоровиче. О ее стабильности свидетельствуют, например, грамоты царя Алексея Михайловича сентября 1652 г. Хиландарскому монастырю[106] и ноября 1653 г. французскому королю Людовику XIV[107].

Присоединение Украины в 1654 г. внесло существенные изменения в царскую титулатуру. Был создан титул самодержца "всея Великия и Малыя России"[108], вскоре преобразованный в титул

---

[100] Там же. С. 323. № 85.

[101] *Kämpfer F.* Op. cit. S. 289. № 7.

[102] Ibid. S. 287. № 6.

[103] СГГД. Ч. III. С. 166. № 38.

[104] Там же. С. 165.

[105] Оборотная сторона печати в СГГД не воспроизведена.

[106] *Kämpfer F.* Op. cit. S. 291. № 8.

[107] *Grönebaum F.* Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 188. № 1.

[108] Он употреблен уже в грамоте от 8 января 1654 г. запорожского гетмана Богдана Хмельницкого царю Алексею Михайловичу (СГГД. Ч. III. С. 500. № 163), затем в грамоте царя Алексея Михайловича Богдану Хмельницкому о принятии запорожского войска в российское подданство (Там же. С. 511. № 170). Тот же титул в грамотах царя Алексея Михайловича апреля и июля 1654 г. (Там же. № 173, 176).

самодержца "всея Великия и Малыя и Белыя России"[109]. В перечне областных титулов "Владимерский" уступил первое место "Московскому", после которого появился еще "Киевский", так что "Владимерский" оказался на третьем месте. Все это, однако, не повлияло на формулировку ни сибирского, ни северного титулов. Сибирский титул прочно оставался на своем месте – после астраханского, но в связи с добавлением к первым областным титулам "Киевского" он стал седьмым по счету (после московского, киевского, владимирского, новгородского, казанского, астраханского), тогда как до этого был шестым (после владимирского, московского, новгородского, казанского, астраханского).

Что касается северного титула, то если до 1654–1655 гг. он стоял непосредственно после кондинского, то теперь между ним и кондинским вклинились новые титулы – сначала мстиславский[110], затем – витебский и мстиславский[111], которые, впрочем, перестают упоминаться после Андрусовского перемирия 1667 г.[112].

Характерной особенностью интитуляции царских грамот второй половины XVII в. (начиная с середины 50-х годов) стало употребление расширенного заключительного оборота с титулами отчича, дедича и наследника восточных, западных и северных земель. Этот оборот помещался в конце интитуляции, после грузинско-кабардинского титула: "...и иным многимъ государствам и землям Восточнымъ и Западнымъ и Севернымъ отчичь и дедичь и наследникъ, и государь, и облаадатель"[113]. В письме короля Людовика XIV из Версаля от 20 декабря 1685 г. царям Ивану и Петру Алексеевичам заключительный оборот русского титула переводился не совсем точно, но полностью: "...et de plusieurs autres seigneuries et estats Orientaux, Occidentaux et Septentrionaux, paternels, grands paternels, heritiers successeurs, seigneurs et dominateurs"[114].

---

[109] См.: Там же. С. 537. № 183.

[110] См.: ДАИ. СПб., 1848. Т. III. С. 529. № 124.

[111] См., например, следующие грамоты царя Алексея Михайловича: 1) от 13 марта 1656 г. монастырю Рождества Богородицы на острове Милос (*Νυσταζοπούλου Μ.Γ.* Τεσσάρα άγνωστα Ρωσικὰ 'έγγραφα ὑπέρ τῆς ἐν Μήλῳ μονῆς τῆς Θεοτόκου (1656–1705) / Συμμείκτα. 'Εν 'Αθῆναις, 1966. Τ. 1. S. 232. Φωτ. 26; 2) от 3 июня 1658 г. Хиландарскому монастырю (*Kämpfer F.* Op. cit. S. 294. № 9); 3) от 19 декабря 1660 г. французскому королю Людовику XIV (*Grönebaum F.* Op. cit. S. 204. № 3).

[112] Например, в грамоте царя Алексея Михайловича афонскому Иверскому монастырю от 19 мая 1669 г. (Библиотека Иверского монастыря на Афоне), а также в грамоте царя Федора Алексеевича Людовику XIV от 14 сентября 1680 г. (*Grönebaum F.* Op. cit. S. 205. № 4) этих дополнсний уже нет: северный титул идет сразу после кондинского.

[113] Цит. по: *Νυσταζοπούλου Μ.Γ.* Op. cit. Φωτ. 26; см. также: *Kämpfer F.* Op. cit. S. 294. № 9; *Grönebaum F.* Op. cit. S. 204, 205. № 3, 4.

[114] *Grönebaum F.* Op. cit. S. 208. № 5.

Как мы помним, впервые титул такого рода был включен в грамоту царя Федора Ивановича Хиландарскому монастырю ноября 1585 г.[115]. Но в течение ряда десятилетий после этого он не получал применения в государственных актах, хотя титул "дедич" использовался в грамотах Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Потребовалось 70 лет для того, чтобы русский монарх мог снова заявить, и уже последовательно, о своих наследственных правах на многие восточные, западные и северные земли, круг которых оставался столь же неточно очерченным, но, вероятно, более конкретно понимаемым.

---

[115] *Kämpfer F.* Op. cit. S. 285. № 5.

Глава X

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ В ИНТИТУЛЯЦИИ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХ И ЦАРСКИХ ГРАМОТ

Употребление атрибута "Московский" в интитуляции московских великокняжеских актов впервые встречается в договорной грамоте Василия II с Казимиром IV от 31 августа 1449 г. Василий выступает здесь с четырьмя территориальными определениями: "Московъский, и Новгородский, и Ростовъский, и Пермъский". Все эти определения, по-видимому, подкреплялись не только претензиями, но и реальными правами на указанные области. В самом деле, в 1449 г. Василий II владел Московским княжеством. Располагал он и определенными правами на Новгород. Имеется грамота новгородских властей о предоставлении Василию II права "черного бора" с новоторжских волостей, что было признанием сюзеренитета московского князя в отношении Новгорода. В издании "Грамоты Великого Новгорода и Пскова" (1949 г.) грамота о "черном боре" датируется 1448–1451 гг. В.Л. Янин относит ее к 1461 г., мотивируя это тем, что в 1448–1456 гг. в Новгороде сидел Дмитрий Шемяка. Однако сам же Янин доказывает, что еще 23 августа 1449 г. Шемяки в Новгороде не было. Таким образом, не исключена датировка грамоты о "черном боре" 1448 или 1449 г. Договорная грамота августа 1449 г., употребляющая титул "Новгородский", подкрепляет возможность подобного допущения.

Не случайным было и определение "Ростовъский". По наблюдениям Г.В. Семенченко, в 30–40-х годах XV в. в Ростове сидел великокняжеский наместник. Василий II праздновал Пасху и Благовещенье 1448 г. в Ростове. Пермский край был фактически включен в сферу московского влияния в конце XIV в. благодаря деятельности Стефана Пермского и учреждению епископской кафедры. В декабре 1448 г. в Москве на поставлении рязанского владыки присутствовал пермский епископ Питирим. Можно думать, что в великокняжеский титул попали определения тех земель, где власть Василия Темного хотя и признавалась, но была недостаточно прочной. Это касалось и самой Москвы, являвшейся объектом недавней борьбы с Дмитрием Шемякой.

Постановка на первом месте титула "Московский" характеризует идею приоритета Москвы как столицы перед центрами других территорий, так или иначе подчиненных Московскому великому княжеству. Однако в конце XV в., при Иване III, возникает новая редакция великокняжеского полного титула, в которой фигурируют девять областей. Великий князь получает определения: "Владимерский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тферский, и Югорский, и Вятцкий, и Пермьский, и Болгарский, и иных". Интитуляция данного вида употреблена уже в грамоте Ивана III римскому королю Максимилиану от 16 августа 1490 г.

Упоминание в титуле Твери и Вятки позволяет предполагать, что эта редакция появилась не раньше второй половины 80-х годов XV в., после присоединения Тверского великого княжества (1485 г.) и Вятской земли (1489 г.). Титул "Тферский" Иван III мог употреблять, вероятно, не ранее 7 марта 1490 г., когда умер великий князь Иван Иванович Молодой, управлявший Тверью после ее присоединения в 1485 г.

Титул "Болгарский", относящийся к территории бывшей Волжской Булгарии, имел в виду по существу Казанское ханство со всеми подчиненными ему нерусскими народами. Принятие этого определения в великокняжеский титул могло произойти только после 1487 г., когда был установлен русский протекторат над Казанью. Титул "Болгарский" являлся в значительной мере "титулом притязания". Такой же характер носил и титул "Псковский". Употребление этих титулов отражало не прямое вхождение областей Волжской Булгарии и Пскова в состав Русского государства, а их вассальное подчинение ему.

Титул "Югорский" был в 1490 г. также в большей степени титулом притязания, чем реального обладания. Югру удалось покорить только в 1499/1500 г., хотя еще в 1483 г. состоялся победоносный поход на вогуличей и в Сибирь до Оби. Атрибут "Пермский", бывший в 1449 г. на 50% титулом притязания, в 1490 г. выглядел, напротив, как титул реального обладания, ибо Пермская земля была "приведена" "за" Ивана III еще в 1472 г.

Что касается постановки на первое место титула "Владимерский" вместо "Московский", то это обстоятельство, вероятно, связано с начавшейся разработкой легендарной генеалогии великих князей владимирских и возведением их рода к Августу-кесарю. По-видимому, титул "Владимерский" казался в это время более престижным, чем "Московский". Соединение в титуле слов "Владимерский" и "Московский" выражало преемственность Москвы от Владимира. Московские князья оказывались естественными и единственными наследниками великих князей владимирских,

а ведь владимирский стол бывал некогда не только за московскими, но и за тверскими и нижегородскими князьями. В условиях незавершенной централизации в конце XV – начале XVI в., когда оставалось не полностью присоединенным Рязанское княжество, сохранялись и возрождались некоторые московские уделы, титул "Владимерский" ставил московского великого князя в положение высшего сюзерена всех русских князей и земель.

Последующее расширение территориального титула происходит в 1514 г. В договоре, заключенном между Василием III и Максимилианом I, а также в грамотах, посланных в 1515 г. на Афон, у русского государя уже не девять, а двадцать два конкретных территориальных титула: "Владимерский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тферский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский, и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, и Черниговский, и Рязанский, и Волотцкий, и Ржевский, и Бельский, и Ростовский, и Ярославский, и Белозерский, и Удорский, и Обдорский, и Кондинский, и иных". К формуле "всея Руси" был добавлен оборот: "и иным многим землям Въсточным и Северным государь".

Как видим, в 1514 г. между "Псковским" и "Тферским" появился "Смоленский". Это было следствием присоединения в 1514 г. Смоленска, которое, возможно, послужило одним из толчков к расширению титула в целом. Возникла довольно подробная вторая часть территориального титула с указанием ряда земель, давно или недавно вошедших в состав государства. Ликвидация Волоцкого удела в 1513 г. нашла отражение в титульной части грамот 1514–1515 гг., хотя впоследствии присоединение московских уделов не приводило к включению их наименований в титул. Так, не было в титуле атрибутов "Калужский" или "Бежецкий", "Углицкий" или "Дмитровский", "Старицкий", или "Стародубский". Титулы "Углицкий", "Городецкий" и "Дмитровский" употреблялись только в грамотах Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Зато устойчиво сохранялись названия более крупных и более окраинных территорий, таких как "Новагорода Низовские земли" (= Нижегородский), "Черниговский", "Рязанский", "Ростовский, и Ярославский, и Белозерский", "Удорский, и Обдорский, и Кондинский". Они дожили в императорском титуле до 1917 г.

Определение "Рязанский" было в 1514–1515 гг. титулом притязания и обладания одновременно, так как в этот момент еще существовало формально самостоятельное Рязанское великое княжество, хотя часть Рязанской земли была присоединена Иваном III в конце XV в. С 20-х годов XVI в. этот титул стал только титулом обладания.

Территориальный титул на Руси складывался под влиянием дипломатики соседних стран. Не случайно четырехчленный титул Василия Темного появился в договоре с польским королем. Расширению титула в 1514 г. способствовало влияние имперской канцелярии, сотрудничавшей с московскими представителями в составлении текста договора. Вместе с тем порядок расстановки и конкретный состав территориальных титулов определялись русскими государственными деятелями с учетом политических интересов и политической идеологии правящих верхов Русского государства.

Дальнейшее наращивание территориальных элементов титула происходило на базе и в рамках структуры титула 1514 г. В титуле сразу отражались крупные территориальные приобретения и установление сюзеренитета или протектората русского правительства над теми или иными областями. Вместе с тем территориальные утраты также приводили к изменению титула. Не соответствовавшие реальному владению наименования из него исчезали. Титулов "воспоминания" в нем не оставалось, если выход территории оформлялся соответствующим международным соглашением. Так было, например, с титулом "Смоленский", переставшим употребляться после официальной потери Смоленска в 1618 г. и вновь вошедшим в интитуляцию после возвращения Смоленска по Андрусовскому перемирию 1667 г.

Следующее после 1514 г. крупное добавление к титулу было произведено в 50-х годах XVI в. в связи с присоединением Казани и Астрахани. Политическое значение этих центров было столь велико, что они стали указываться сразу после титула "Новгородский" и отодвинули на задний план титулы "Псковский" и "Смоленский". Так, в грамоте марта 1556 г. Хиландарскому монастырю на Афоне читаем:"Мы, великий государь Иван Васильевич, Божиею милостию царь всеа Русии и великий князь Владимерский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский, великий князь Смоленский, великий князь Тверский, государь Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский, и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Резанский, Волотцкий, Ржевский, Белский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Оудорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель".

С 1591 г. в конце интитуляции начинает систематически употребляться еще одно важное добавление: "... и государь Иверские земли грузинских царей, и Кабардинские земли черкаских и горских князей, и иных государств государь и обладатель". Оказавшиеся временными добавления названий Юрьева Ливонского и

Лифляндской земли были характерны для эпохи завоеваний Ивана Грозного в Ливонии. Только после петровских побед над шведами в русский титул вошли определения "Эстляндский и Лифляндский, Корельский".

Во второй половине XVI в. выкристаллизовывается довольно устойчивая, по крайней мере в смысле расположения элементов, структура титула. На первом месте ставятся, как и прежде, определения трех важнейших исторических областей России: "Владимирский, Московский, Новгородский". Это земли, владение которыми давало основание для титула великого князя всея Руси, затем и царя всея Руси. После исконно русских великокняжеских областей указывалось наследие татарских ханов, именовавшихся на Руси "царями" в собственном смысле слова. Титулы "царь Казанский", "царь Астраханский" повторяли и усиливали звучавший в начале интитуляции титул царя всея Руси. Поэтому они и были так важны и заняли близкое к началу место в территориальном титуле. В XVII в. и позже после астраханского титула указывался сибирский: "царь Сибирский". Третий раздел территориального титула занимало определение "государь Псковский". После него шли остальные "великокняжеские" и "государьские" титулы, завершавшиеся указанием "государьства" над землями Грузии и Кабарды.

Употребление в великокняжеской интитуляции территориальных атрибутов вело к развитию других частей интитуляции, в том числе богословской и ранговой. Уже в грамоте Василия II 1449 г. в интитуляцию вошла формула "Божьею милостью". Позднее она стала обязательной принадлежностью интитуляций, содержащих перечень областных титулов. Если ранговый титул Василия II в грамоте 1449 г. ограничивается словами "великий князь", то Иван III в грамоте 1490 г. определяется как "господарь всеа Русии". В грамоте 1499 г. термин "господарь" заменяется титулом "государь". Новые территориальные атрибуты сопровождались новыми ранговыми определениями. В отношении одних областей монарх выступал как "царь и великий князь", в отношении других как "царь", в отношении третьих как "великий князь", в отношении четвертых как "государь" и т.д. Новые ранговые определения, в свою очередь, могли дополняться торжественными эпитетами. Псков заключал в 1503 г. договор с Ливонским орденом от имени "великого государя, царя Русского Ивана, Божией милостью царя и государя всея Руси". Аналогичные формулы использованы в договоре 1509 г., составленном от имени Василия III. В двух грамотах Василия III псковским монастырям, содержащих территориальный титул, употребляется ранговый титул "царь и государь всеа

Русии". Титул "царь" в интитуляции княжеских грамот начинает использоваться прежде всего на почве регулирования отношений Пскова с Ливонским орденом.

С 1547 г. Иван IV титулуется во всех грамотах царем и великим князем всея Руси. С 1589 г. в краткую редакцию царской интитуляции вводится титул "самодержец". С 1591 г. он начинает последовательно употребляться и в пространной редакции. Возможно, это было связано с ликвидацией в мае 1591 г. последнего удела на Руси – Углицкого. Уничтожение удельной системы делало московского государя "самодержцем" в полном смысле слова.

Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. привело к существенной перестройке интитуляции царских грамот. Вместо слов "всея Руси" появляется выражение: "всея Великия, и Малыя, и Белыя России". С этого момента меняется порядок первых элементов великокняжеского титула. "Владимерский" переводится с первого места на третье, на первое ставится "Московский" и вводится новый для русской великокняжеской интитуляции термин "Киевский", поставленный на второе место после "Московского". Титул "Новгородский" уходит с третьего места на четвертое. Так была нарушена или переосмыслена связь времен в интересах политического приоритета Москвы и ее власти над вновь приобретенной территорией Древней Руси со столицей в Киеве, "матери городов русских".

Учреждение патриаршества в 1589 г. и принятие патриархом титула "Московского и всея Руси" не смогло повлиять на структуру царского титула, где слово "Московский" не встало, в отличие от того же атрибута в патриаршьем титуле, на первое место. Вместе с тем не только иностранцы, но и сами русские употребляли термин "Московское государство" еще в XVI в. Этот термин встречается в некоторых грамотах внутрирусского предназначения уже в 40-х годах XVI в. Постановка в середине XVII в. титула "Московский" на первое место, будучи прямо связана с фактом присоединения Украины, не была, вероятно, попыткой воплотить в титуле идею "Москва – Третий Рим". Если бы московское правительство очень тяготело к этой теории, оно могло бы уже в конце XVI в. последовать примеру патриарха и сделать определение "Московский" первым элементом территориального титула.

Принятие Петром I императорского титула, равно как и завоевание Прибалтики, привело к исчезновению из титула формулы о трех Россиях. Вместо выражения "всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержец" появилось более краткое определение: "император и самодержец Всероссийский". Однако собственно территориальная часть интитуляции в своих первых элементах

осталась прежней: "Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский". Присоединив в 1783 г. Крым, Екатерина II сочла нужным вставить в титул после слов "царица Сибирская" новое определение: "царица Херсониса Таврического". Однако после этих слов шла старая формула "государыня Псковская". При дальнейших изменениях и перестановках элементов в территориальном титуле первые его элементы – "Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский" – оставались неизменными вплоть до 1917 г., т.е. до конца существования императорского титула в России.

На последнем этапе своего исторического развития полный титул российского императора имел следующий вид: "Божіею поспѣшествующего милостію, Мы, NN, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсонеса Таврическаго, Царь Грузинскій; Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Угорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая"[1]. В этом титуле 54 территориальных атрибута, а при Василии Темном начинали с четырех.

---

[1] Свод законов Российской империи (Неофициальное издание) / под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. 4-е изд. СПб., 1904. [Т. I, ч. 1]. С. 3.

Глава XI

ИНСКРИПЦИЯ В ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТАХ ЦЕРКОВНЫМ ИЕРАРХАМ

Согласно классической западной схеме актового формуляра – того формуляра, который определяется нами как "условный формуляр"[1], – инскрипция входит в состав начального протокола, образуя третий его компонент (ей предшествуют инвокация и интитуляция). В русских жалованных грамотах между интитуляцией и инскрипцией стоит обычно диспозитивная формула "пожаловал есмь". Наличие диспозитивной формулы во вступительной части жалованных грамот делает неточным определение этой части в качестве "начального протокола". Как и в случае с княжескими духовными грамотами (см. выше, гл. V), мы предпочитаем говорить не о "начальном протоколе", а о "начальной части" жалованных грамот.

Единственной категорией жалованных грамот, где оборот, эквивалентный инскрипции, следует непосредственно за интитуляцией, являются жалованные грамоты митрополитам на их земли и домовные монастыри. В жалованных грамотах великих и удельных князей XV–XVI вв. митрополитам и митрополичьим монастырям после интитуляции помещался оборот типа: "отца своего для Фотея, митрополита Киевскаго и всеа Руси" или "отца своего для Симона, митрополита всеа Руси". Следующая за тем перфектная формула пожалования, начинающаяся словами "пожаловал есмь", включала в себя уже не имя митрополита, а другие элементы: либо название владения ("пожаловал есмь слободку Святославлю Карашь")[2], либо социальное и топографическое обозначение жителей селения и их имена ("пожаловал есмь его христиан каринцев Тимошку, Олешка, Маркьянка и их товарищев")[3], либо определение типа владения, название митрополичьего монастыря, имя его настоятеля ("пожаловал есмь села домовные святыа Богородици митрополича монастыря Нового, что на Присне, игумена

[1] *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 26–27; *Он же.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 169–171.

[2] АФЗХ. Ч. I. № 2. С. 24 (1410–1425 гг.).

[3] Там же. № 116. С. 108 (1448–1461 гг.).

Евфимиа з братьею, или кто по нем иный игумен будет")[4] и т.п. Таким образом, формально князь жаловал не митрополита, а кого-то ради митрополита, иначе говоря, по представлению последнего. Ранг митрополита был настолько высок и "суверенен", что по отношению к митрополиту нельзя было употребить непосредственно формулу "пожаловал есмь". Благодаря особой редакции начальной части княжеских жалованных грамот митрополитам глава русской церкви предстает в них не как прямой получатель грамоты, а как посредник, хотя и в собственном деле.

Употреблявшийся в жалованных грамотах оборот "отца своего для N митрополита ...", будучи инскрипционным по существу, приближался к богословской преамбуле по форме: "Святаго деля Спаса" и т.п.)[5]. Это значение данного оборота выступало особенно явственно в тех грамотах, где не было богословской преамбулы в собственном смысле слова[6]. В XV – начале XVI в. жалованные грамоты митрополичьей кафедре редко начинались с богословской преамбулы. Ее находим, например, в жалованной грамоте дмитровского князя Юрия Васильевича 1464 г.: "Святыа деля Богородици и честнаго еа Введениа ..."[7]

Торжественная богословская преамбула с последующим упоминанием митрополита была помещена после интитуляции в жалованных грамотах Ивана IV июня и сентября 1564 г.: "... милости ради Божия и пречистые Богородицы и великих чюдотворцов Петра и Алексея и Ионы и для отца своего Афанасия, митрополита всеа Русии ..."[8]. Примеру Ивана Грозного последовал удельный князь Владимир Андреевич в грамоте 1567 г. митрополиту Филиппу[9].

Включение богословской преамбулы во вступительную часть грамот после интитуляции и перед квазиинскрипцией ставило митрополита на второе место после небесных покровителей митрополичьего дома, в то время как отсутствие этой преамбулы позволяло видеть в самом митрополите единственного патрона кафедры. Таким образом, можно полагать, что уторжествление формуляра жалованных грамот митрополичьему дому при Иване IV отвечало стремлению царя поставить себя на место исполнителя воли небесных патронов кафедры и ограничить в этом плане роль митрополита.

---

[4] Там же. № 86. С. 86 (1464 г.).

[5] О так называемой богословской преамбуле см. выше, гл. VI.

[6] АФЗХ. Ч. I. № 70, 71, 87–89, 91–94, 96–102, 116 и др.

[7] Там же. № 86. С. 86.

[8] Там же. Ч. III. № 11. С. 29; Ч. I. № 223. С. 197.

[9] Там же. Ч. III. № 14. С. 32.

Специфическая редакция инскрипции в жалованных грамотах митрополитам, а именно – построение ее по типу богословской преамбулы, объясняется не только "суверенностью" митрополичьей власти, но и функцией высших церковных иерархов как заступников и ходатаев перед светским государем. В московских грамотах, в отличие от византийских и южнославянских, не делалось специальных помет о посредниках, содействовавших выдаче документа[10]. Тем не менее сам обычай посредничества существовал, и митрополиты, вероятно, не раз выступали в роли ходатаев по поводу выдачи жалованных грамот различным духовным учреждениям.

Указание на практику митрополичьего посредничества находим в грамоте митрополита Филиппа соловецкому старцу Исааку от 11 августа 1566 г.[11] В грамоте говорится, что новгородец Тучко Цветной прислал к митрополиту своего племянника Семейку "бити челом" о посредничестве или ходатайстве перед царем на предмет обеления от податей двора с садом, которые Тучко передает в Соловецкий монастырь, оговаривая себе право пожизненно владеть этим двором за двухрублевый оброк в пользу монастыря. Речь шла о выдаче царской жалованной или указной грамоты: "... чтоб государь пожаловал, велел Спасу и чюдотворцам тот двор и з садом обелити". Однако митрополит не счел возможным сразу обратиться к царю с этой просьбой: "И ныне мне о том царю государю бити челом невместно, чтоб государь велел тот двор обелити". Филипп обещал на первый случай ("ныне") побить челом только о том, "чтоб государь велел дати свою царьскую грамоту в Новгород к диаком, чтоб того саду никому на оброк из наддачи диаки не отдавали". Просьбу о ходатайстве по поводу обеления двора он обещал исполнить после того, как монастырские власти учинят с Тучком "укрепление" (т.е., видимо, письменный акт), где будут оговорены все обязанности Тучка в отношении монастыря и государевой казны: тогда "государю побьем челом, чтоб государь велел Спасу и чюдотворцам тот двор и з садом обелити".

Самое интересное, что такой акт уже существовал, и митрополит Филипп должен был знать об этом, ибо не кто иной, как он сам, являлся, по крайней мере де-юре, контрагентом Ивана Тучка в качестве игумена Соловецкого монастыря. Мы имеем в виду данную грамоту Ивана Тучка Борисова сына Цветного Соловецкому монастырю на двор и сад на Запольской улице. Она датируется 15 июля 1566 г. и была составлена "по благословению игумена

---

[10] В Византии такие пометы начинались со слова διά (через), после которого указывалось имя посредника в род. падеже. Подробнее см. гл. I, XII.

[11] АСМ. № 293. С. 193.

Филиппа"[12], который через 9 дней, 24 июля 1566 г., стал митрополитом всея Руси[13]. Вероятно, наличие письменной договоренности и побудило Ивана Тучка обратиться к митрополиту с просьбой ходатайствовать о выдаче царской грамоты. Но ставший митрополитом Филипп не захотел быть прямым ходатаем в собственном деле, опираясь на грамоту, выданную с его "благословения". По-видимому, он считал нужным дождаться, когда договор Ивана Тучка с монастырем будет переоформлен на имя другого игумена или старца. В этом проявилось понимание юридической тонкости вопроса: посредник должен представлять не свои собственные, а чьи-то интересы. Специфика данной роли митрополита в какой-то мере созвучна югославянской (сербской) канцелярской практике, в которой митрополитам иногда отводилась роль посредников в выдаче царских грамот (XIV в.)[14].

Приведем еще один случай митрополичьего посредничества, сводившегося, вероятно, к ходатайству о выдаче грамоты. В жалованной грамоте Ивана IV от 29 июня 1541 г. протопопу Вознесенского собора города Балахны Федору изложено челобитье балахонцев, поддержанное митрополитом Иоасафом: "Да и отецъ наш Иасафъ, митрополит всеа Русии, намъ о томъ говорил, что пригоже быти церковному священью и знамена давати на Балахне Вознесенскому протопопу з братьею"[15]. Эта грамота и явилась ответом на челобитье балахонцев и ходатайство митрополита Иоасафа.

Архиепископы и епископы ("владыки"), возможно, тоже могли играть посредническую роль в выдаче княжеских грамот, однако такие случаи нам неизвестны. В жалованных грамотах, выданных им князьями, выражение "пожаловал есмь" обычно предшествует обозначению адресата, т.е. как получатели грамот владыки приравниваются не к "суверенному" митрополиту, а к настоятелям монастырей. Правда, в древнейшей рязанской жалованной грамоте князя Михаила Ярославича епископу Степану 1303 г. после интитуляции и формулы "пожаловал дал есми" названо не имя епископа, а объект пожалования: "...уездом к селу ко владычню к Столпцем...". Однако в следующей фразе формула "даю" относится уже непосредственно к епископской кафедре и к самому епис-

[12] Там же. № 292. С. 191–192.

[13] ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, вторая половина. С. 403.

[14] *Dölger F.* Die Intervenienten–Vermerke in graeco-slavischen Urkunden // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1960. Jg. 5, Hf. 3/4. S. 260.

[15] ОР ГИМ. Патр. (Син.) собр. № 994; ХП–III. С. 221. № 1–222; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 210. № 1.

копу: "А яз также даю святым мучеником и отцу своему владыце Степану..."[16]. В жалованной грамоте рязанского князя Александра Михайловича епископу Георгию (Григорию) около 1340 г. повторяется порядок размещения элементов, характерный для начальной части грамоты Михаила Ярославича, т.е. название объекта пожалования предшествует обозначению кафедры и имени епископа: "...дал есми село Остромерское святым мучеником Борису и Глебу и отцу своему владыце Георгию..."[17]

Таким образом, ранние рязанские грамоты епископам, отделяя формулу пожалования от именования получателя, в какой-то мере приближаются по духу к жалованным грамотам князей митрополитам. Симптоматично и то, что рязанские князья определяют епископа в качестве "отца своего". Московские князья делали это лишь в отношении митрополита, но не владык.

Перестройка рязанского формуляра наблюдается как будто при великом князе Олеге Ивановиче. В двух его грамотах епископу Василию (вторая половина 50-х – 60-е годы XIV в.) обозначение получателя помещено сразу после формулы, выражающей отношения между князем и кафедрой. Грамоты дошли в позднейшем пересказе, что крайне ограничивает возможность получения сколько-нибудь уверенных текстологических выводов. Впервые пересказ этих грамот был опубликован Тихоном Воздвиженским (1820 г.), который не указал своего источника[18]. Затем появилась публикация выписок архим. Иеронима с комментариями И. Добролюбова (1889 г.)[19]. Там обе грамоты излагаются под общим заголовком: "§ 67. Из грамоты княжеской и из списка с правой грамоты". Отсюда можно, кажется, заключить, что одна из грамот (скорее всего, изложенная первой – на место на р. Кишне) дошла до пересказчика в виде отдельного документа (в подлиннике или списке), другая – в списке в составе правой грамоты. Б.Н. Морозов справедливо полагает, что архим. Иероним и Т. Воздвиженский пользовались в качестве источника копийной книгой рязанского архиерейского дома XVIII в., где, в частности, имеется сохранившийся без начала список правой грамоты 1535 г., в составе которой дошел текст грамоты 1303 г.[20]

---

[16] *Морозов Б.Н.* Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги рязанского архиерейского дома // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 299–300. № 1; ср.: АСЭИ. Т. III. № 309. С. 339.

[17] *Кузьмин А.Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Сов. архивы. 1967. № 1. С. 112; ср.: АСЭИ. Т. III. № 311. С. 341.

[18] *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение. С. 49.

[19] Рязанские достопамятности. С. 25. § 67. Автор выписок – Иероним Алякринский.

[20] *Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 298.

Публикации Т. Воздвиженского и Иеронима–Добролюбова воспроизводят один и тот же текст пересказов, хотя и с разной степенью полноты и точности. Так, Воздвиженский опускает последнюю часть пересказа первой грамоты в. кн. Олега епископу Василию (на место на р. Кишне), а Иероним – последнюю часть пересказа второй грамоты (эту недостающую у Иеронима часть текста приводит в примечании И. Добролюбов по публикации Т. Воздвиженского)[21]. В виде отдельных актов с отдельными заголовками жалованные грамоты Олега Ивановича епископу Василию были опубликованы И.А. Голубцовым, который поменял их местами по сравнению с тем, как они расположены в пересказах Т. Воздвиженского и Иеронима[22].

Голубцов передавал текст в основном по изданию Иеронима–Добролюбова. Однако начало грамоты на место на р. Кишне точнее воспроизвел, видимо, Тихон Воздвиженский, сохранивший двойственное число в указании мучеников (св. Бориса и Глеба) и окончание "цѣ" в дательном падеже слова "владыка": "...великий князь Олегъ Ивановичь далъ святома мученикома и отцу владыцѣ Василию мѣсто на Кишнѣ на рѣцѣ"[23].

Начало другой грамоты в. кн. Олега епископу Василию Т. Воздвиженский излагает так: "Онъ же Олегъ договорился со владыкою съ Василиемъ, далъ св. мученикомъ Борису и Глѣбу и владыцѣ Василью Воинской... уѣздъ...". У Иеронима можно заметить лишь мелкие отличия от этого текста: "Васильемъ" вместо "Василиемъ", "святымъ" вместо "св.", "владыкѣ" вместо "владыцѣ", "уѣздѣ" вместо "уѣздъ". Голубцов дает вместо "онъ же" реконструкцию "Князь великий", а имя Олега дополняет отчеством "Ивановичь".

Обе эти поправки издателем никак не оговорены, что создает неверное представление о тексте пересказов. С оговоркой Голубцов заменяет только слово "договорился" на "докончал"[24]. Термин "докончал" в жалованной грамоте XIV в. возможен. Его находим в известной грамоте ярославского князя Василия Давыдовича 1320-х годов Ярославскому Спасскому монастырю: "Се аз, князь Василей Давыдовичь Ярославский, докончал есмь с архимандритом с Пимином про дом святаго Спаса по деда своего грамоте, – пожаловал есмь"[25].

---

[21] Рязанские достопамятности. С. 25, примеч. 234.

[22] АСЭИ. Т. III. № 314, 315. С. 345–346.

[23] Ср. у Иеронима: "... великий князь Олегъ Ивановичъ далъ святымъ мученикомъ и отцу владыкѣ Василию мѣсто на Кишнѣ на рѣцѣ"; у Голубцова: "... великий князь Олег Ивановичь дал святым мучеником и отцу [своему] владыке Василию место на Кишне на реке" (АСЭИ. Т. III. № 315. С. 346).

[24] АСЭИ. Т. III. № 314. С. 345.

[25] Там же. № 190. С. 204.

Термин "докончал" является показателем значительной степени "суверенности" получателя грамоты, но и в ярославской, и в рязанской грамотах за ним следует второй диспозитивный термин, показывающий существо сделки: "пожаловал есмь" или "дал". Однако нас в данном случае интересуют не столько диспозитивные формулы, сколько порядок расположения последующих компонентов: обозначения объекта (условно назовем этот компонент "объект") и обозначения адресата, или получателя (условно назовем его "адрес"). Судя по цитированным выше пересказам двух грамот 1356–1360-х годов, в это время в рязанских грамотах епископам последовательность типа "объект–адрес" сменяется последовательностью типа "адрес–объект". Приближение адреса к диспозитивной формуле "дал" усиливало впечатление зависимости получателя грамоты от жалователя.

Впрочем, поскольку мы имеем дело не с текстами грамот, а с их пересказами, уверенности в том, что такая перемена действительно совершилась, у нас нет. Ведь согласно пересказам Воздвиженского и Иеронима–Добролюбова, и в грамотах 1303 и 1340 гг. "адрес" предшествовал "объекту", и только находка и публикация списков этих грамот (А.Г. Кузьмин, Б.Н. Морозов) позволили убедиться в обратном.

Для суждения о тенденциях дальнейшего развития формуляра начальной части жалованных грамот рязанских князей рязанским епископам материала явно недостаточно. Кроме рассмотренных пересказов двух грамот 1356–1360-х годов, сохранились пересказы еще трех грамот второй половины XIV в.: одной – пронско-рязанского князя Владимира Дмитриевича (Ярославича), названного в пересказе "великим князем" (был им в 1371–1372 гг., но Голубцов из осторожности датирует грамоту 1356–1372 гг., беря в качестве terminus a quo начало епископата Василия, которому давалась грамота)[26] и двух грамот в. кн. Олега Ивановича епископу Феогносту (около 1387 г.[27] и около 1390 г.[28]). В грамоте Владимира и во второй грамоте Олега Феогносту после диспозитивной формулы ("дал" – у Владимира и "придал" – у Олега) расположение компонентов строится по типу "объект–адрес"[29]. В первой

[26] Там же. № 316. С. 346–347.

[27] Там же. № 317. С. 347.

[28] Там же. № 318. С. 347.

[29] В грамоте около 1390 г. в АСЭИ (Т. III. № 318) читаем: "владыце Феогносту". В "Обозрении" Т. Воздвиженского, послужившем источником этой публикации, слову "владыцѣ" предшествует союз "и", Голубцовым опущенный, видимо, в порядке исправления текста, но без оговорки (см.: *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение. С. 50. § 5). Однако союз "и", может быть, свидетельствует о том, что в грамоте перед ним было обозначение кафедры, как обычно: "... святым

грамоте Олега Феогносту (около 1387 г.) за формулой "придалъ" непосредственно следует оборот "въ дом[30] вдадыцѣ[31] Феогносту", а затем называется объект пожалования, т.е. здесь воплощается схема типа "адрес–объект". Таким образом, если судить по пересказам грамот второй половины XIV в., в это время сосуществовали старый и новый принципы формулировки начальной части княжеских грамот рязанским епископам, причем не исключено, что выявленный нами "новый" принцип представляет собой лишь результат поновления текста позднейшими пересказчиками.

В пересказах грамот в.кн. Владимира Дмитриевича епископу Василию и в.кн. Олега Ивановича епископу Феогносту мы уже не встречаем определения владыки в качестве "отца". При всей ненадежности источниковой базы этого наблюдения оно может (наряду с гипотезой о перестройке формуляра по схеме "адрес–объект") служить основанием для предположения, что во второй половине XIV в. "суверенность" рязанских епископов несколько уменьшилась. От XV в. жалованных грамот рязанских князей епископам вообще не дошло.

Жалованная несудимая грамота Ивана IV 1542 г. рязанскому епископу Ионе сохранилась в пересказе, не воспроизводящем текст ее начального протокола[32]. В пересказе Иона титулуется "владыкой Рязанским", но определить место инскрипции в грамоте по имеющемуся изложению невозможно. Жалованная данная грамота Ивана IV рязанскому епископу Касьяну от 30 января 1553 г. дошла в подлиннике[33]. В ней после интитуляции и диспозитивной формулы "пожаловал есми" сразу идет определение получателя: "...богомолца своего, рязанского и муромского владыку Касьяна". Аналогичный протокол был, видимо, и в грамоте 1542 г. Ее пересказ начинается с изложения челобитья епископа: "Бил челом государю...". В грамоте 1553 г. после протокола тоже дается изложение челобитья: "Бил мне он челом..."

Структура начального протокола в грамоте 1553 г. совершенно такая же, как в жалованных грамотах монастырям. Здесь нет той

мучеником Борису и Глебу и (подчеркнуто мною. – *С.К.*) владыцѣ Феогносту" (ср.: АСЭИ. Т. III. № 309, 311, 314, 315).

[30] У Воздвиженского, по-видимому, ошибочно: "домѣ" (*Воздвиженский Т.* Историческое обозрение. С. 50. § 4).

[31] Так у Т. Воздвиженского (Там же) и у Иеронима–Добролюбова (Рязанские достопамятности). С. 29. § 71); у Голубцова – "владыке" (АСЭИ. Т. III. С. 347. № 317).

[32] *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение. С. 45–46; Рязанские достопамятности. С. 40. § 115; ср. ОР РНБ. F.II. 230. Л. 224; ХП–I. С. 358. № 437.

[33] РГАДА. ГКЭ, по Переславлю-Рязанскому, № 5/9825; *Воздвиженский Т.* Историческое обозрение. С. 51–52. № 7; Рязанские достопамятности. С. 41–42. § 116; ХП-III. С. 231. № I–307.

специфики построения вступительной части, которая характерна для жалованных грамот митрополитам. Обратим внимание на состав инскрипции в грамоте епископу Касьяну. Она состоит из двух частей – титульной и именной. В титульную часть входят три элемента: 1) почетный эпитет ("богомолца своего"); 2) территориальные атрибуты титула; 3) сам титул ("владыку"). Эти особенности инскрипции сложились ранее 1553 г. Вероятность их наличия в грамоте 1542 г. епископу Ионе довольно велика, поскольку формуляр образца 1553 г. применен уже в жалованной грамоте Ивана IV 1538 г. коломенскому епископу Васьяну: "... пожаловал есми богомольца своего, коломенского и коширского владыку Васьяна"[34].

В жалованной грамоте Ивана IV новгородскому архиепископу Пимену 1554 г. этот тип инскрипции дополнен формулой о действии грамоты и при следующем архиепископе: "... пожаловал есми богомольца своего, Великого Новаграда и Пскова архиепископа Пимина, или по нем иный богомолец наш в великом Новегороде архиепископ будет"[35]. В жалованной грамоте Ивана IV 1572 г. архиепископу Леониду упоминание Пскова не включено в титул самого Леонида, но фигурирует в титуле его предполагаемого преемника: "... пожаловал есми богомольца своего, великого Новаграда архиепископа Леонида, или кто по нем иный богомолец наш, Великого Новаграда и Пскова архиепископ, будет в Новегороде"[36].

Таким образом, в грамотах новгородскому архиепископу мы видим не только следование структуре протокола, свойственной жалованным грамотам монастырям, но и включение в инскрипцию типичной для этих грамот формулы о преемнике. В грамоте рязанскому епископу Касьяну 1553 г. ее еще не было. Следовательно, можно думать, что в грамотах архиереям она появилась впервые в 1554 г. Вполне вероятно, что указанная формула была употреблена и в несохранившейся грамоте Ивана IV 1554/55 г. ростовскому архиепископу Никандру, о которой сообщается в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича 1622 г. со ссылкой на его же грамоту 1614/15 г.: "А в прежней нашей жалованной грамоте ("123", т.е. 1614/15 г. – *С.К.*) написано: пожаловал блаженные памяти дед

---

[34] *Кучкин В.А.* Жалованная тарханно-несудимая грамота Ивана IV от 3 августа 1538 г. епископу коломенскому и каширскому Вассиану на две слободки в г. Коломне // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 342; ХП–III. С. 218. № I–194.

[35] *Макарий, архим.* Описание новгородского архиерейского дома. СПб., 1857. С. 104; есть подлинник грамоты: РГАДА. ГКЭ, по Москве, № 18/7160; см. ХП-II. С. 142. № 691.

[36] *Макарий, архим.* Указ. соч. С. 134; есть подлинник грамоты: ОР РНБ. Собр. актов и грамот, № I–170 (№ 157 по описи А.И. Андреева); см. ХП-II. С. 176. № 951.

наш государев, государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, Никандра, архиепископа Ростовского и Ярославского, или кто по нем иныи архиепископы будут"[37].

Если в жалованных грамотах Ивана IV новгородским архиепископам преемник архиерея упоминается в единственном числе, то в грамоте ярославскому архиепископу говорится; "...иныи архиепископы будут". Трудно решить, точно ли здесь отражен текст грамоты 1554/55 г., или это поновление XVII в. Из грамот XVI в., дошедших в подлиннике, наиболее ранний случай употребления множественного числа в указании преемников архиерея представлен в жалованной грамоте Ивана IV 1565 г. казанскому архиепископу Герману: "... пожаловал есми богомолца своего, казанского и свияжского архиепископа Германа, или кто по нем иные архиепископы будут"[38].

Последующие грамоты Ивана IV казанским архиепископам известны лишь по пересказам в грамоте 1626 г., не воспроизводящим полностью инскрипцию упоминаемых актов. Этот компонент формуляра совсем опущен в пересказе грамоты 1566/67 г.[39] В пересказе грамоты 1567/68 г. он дан явно в сокращении: "... казанскова и свияжскова архиепископа Германа пожаловал"[40]. В пересказе грамоты 1574/75 г. нет формулы пожалования: "... казанского и свияжскаго архиепископа Тихона"[41].

Что касается более ранних грамот, полученных в 1555[42] и 1556 гг.[43] первым казанским архиепископом Гурием, то они были составлены от имени казанских воевод, а не царя, хотя в преамбуле этих актов давалась ссылка на царское распоряжение[44]. В грамоте 1555 г. отсутствует термин "богомолец" перед именем

---

[37] *Гаврилов А.* Историко-археологическое описание Белогостицкого монастыря. Приложения // Сб. Археологического института. СПб., 1880. Кн. 4 / издана под ред. Н.В. Калачова. С. 99; см.: ХП-III. С. 231–232. № I–316.

[38] Сборник князя Хилкова. Пб., 1879. № 58. С. 156–157; подлинник грамоты: ОР РНБ. Собр. актов и грамот. № I–156 (№ 143 по описи А.И. Андреева); см. ХП-II. С. 162. № 853.

[39] *Покровский И.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 года. Казань, 1906. Грамоты. № IV. С. VIII–IX; см. ХП-II. С. 167. № 893.

[40] *Покровский И.* Указ. соч. Грамоты. № IV. С. X; см. ХП-II. С. 170. № 912.

[41] *Покровский И.* Указ. соч. Грамоты. № IV. С. XIV; см. ХП-II. С. 178. № 968.

[42] АИ. Т. 1. № 162. С. 298–299; см. ХП-II. С. 146. № 726.

[43] *Покровский И.* Указ. соч. Грамоты. № I. С. I; подлинник грамоты см.: РГАДА. ГКЭ, по Казани, № 5/6413; см. ХП-II. С. 148. № 739.

[44] В грамоте 1555 г.: "По царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии приказу и по грамоте" (АИ. Т. 1. С. 298); в грамоте 1556 г.: "По цареву [и] великого князя Ивана Васильевича всеа Русии слову" (*Покровский И.* Указ. соч. Грамоты. С. I).

иерарха, зато имеется весьма пышное определение вновь учрежденной кафедры: "... дали в дом Пречистой Богородице честного и славного ее Благовещенья архиепископу Гурью Казанскому и Свияжскому земли на пашню..." Определение кафедры в этой статье напоминает некоторые инскрипции жалованных грамот рязанских князей рязанским владыкам XIV в. и московских князей всероссийским митрополитам XV–XVI вв. В грамоте 1556 г. агиографического наименования кафедры нет, но архиепископ назван "богомольцем", как это было принято в собственно жалованных грамотах Ивана IV: "... дали царя и великого князя богомольцу, архиепископу Гурию Казанскому и Свияжскому в Казанском уезде озеро Баш-Кабан". Отсутствие в грамотах 1555 и 1556 гг. формулы о преемниках архиепископа объясняется скорее всего тем, что воеводы не имели права от своего имени давать грамоты in perpetuum. Это была прерогатива монарха.

Оборот о преемниках содержится в жалованной грамоте Ивана IV 1578 г. суздальскому епископу Варлааму: "... пожаловал есми суздалского епискупа Варлама, или по нем иные епископы будут"[45].

Будучи государевыми "богомольцами" и стремясь распространить церковные пошлины и церковную юрисдикцию на монастыри, находившиеся в пределах их епархий, архиереи едва ли часто выступали посредниками в выдаче княжеских жалованных грамот третьим лицам, т.е. прежде всего монастырям.

Может быть, казанский архиепископ Гурий обращался к Ивану IV с просьбой о содействии в устройстве Илантова монастыря, результатом чего явилась царская грамота воеводе кн. Д. Палецкому с соответствующими распоряжениями. Однако источник, сообщающий об этом, крайне сомнителен с точки зрения подлинности и достоверности. Он представляет собой текст грамоты Гурию от 5 апреля 1557 (7065)[46] или 1559 (7067) г.[47], написанной якобы са-

---

[45] АИ. Т. 1. № 200. С. 366; см. ХП-II. С. 187. № 1035.

[46] *Татищев В.Н.* История российская в семи томах. Л., 1968. Т. 7. С. 385–387. № 171; Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1789. Ч. 5. С. 241–244; Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26. С. 205–206; *Рыбушкин М.* Краткая история города Казани. Казань, 1834. Ч. I. С. 41–43; История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 152.

[47] *Гавриил.* Историческое описание Казанского Успенского второклассного Зилантова монастыря. Казань, 1840. С. 27–29. № 8; *Баженов Н.* Казанская история. Казань, 1847. Ч. 2. С. 20–22, примеч. (год обозначен как "1067"); ср.: *Рыбушкин М.* Указ. соч. 2-е изд. Казань, 1848 . Ч. I. С. 40–41 (примеч.), 88; ХП-II. С. 154. № 785; *Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв.: (Хронологический перечень документов). Казань, 1980. С. 14–15. № 61.

мим Иваном Грозным[48]. В списке В.Н. Татищева сказано: "... оное писано киноварью"[49]. В примечании к тексту грамоты в издании 1829 г. говорится, что "в сем письме все курсивные слова написаны красными чернилами"[50]. Неясно, откуда взята эта информация и что такое "курсивные слова". В том же издании отмечена утрата подлинника (по которому можно было бы судить о внешних особенностях оригинального текста): "Письмо сие в подлиннике хранилось как драгоценность в здешнем кафедральном Благовещенском соборе; но от временя утрачено или от бывших неоднократно в Казани пожаров сгорело"[51].

По поводу обращения Гурия к царю в грамоте сказано: "Писал еси ко мне: в данной тебе от Бога и от нас пастве, въ Казани, устрояеши монастырь, еже аз начах, и другие хощеши строити. Се дело добро содеваеши: помози тебе Бог за тое. А чтоб старцы не нужны были руками работати и землю орати, семена снедаемая сеяти и во житницы гниющия собирати, а орют сердца, сеют словеса господня, словеса чиста, и собирают в жилище вечное учением, да наследят царство небесное и благая вечная, а на тое просите, и быхом дали есмы отчину в Арской и Нагайской четвертях, слико пригоже"[52]. Далее царь сообщает о распоряжении, которое он дал наместнику Д. Палецкому, и обещает удовлетворить последующие запросы Гурия, если земли для монастыря ему покажется мало: "Послал есмь грамоту к наместнику Димитрию Палецкому, который недавно к вам в Казань поехал, и велел есм дати ему отчины, поговоря с тобою, из Арских и Ногайских и Нагорных волостей пустых да гожих: сколько просите, оныя возмите; а как увидите, что мало, пишите ко мне, а я на дело доброе не пожалею и не откажу..."[53].

В литературе не раз высказывались сомнения относительно подлинности царского послания Гурию[54]. Трудно поверить, что письмо могло быть написано самим царем, да к тому же и

---

[48] У Татищева: "Письмо своеручное"; в Продолжении ДРВ: "Список с своеручного письма"; в "Прибавлении к Казанскому вестнику": "Копия с своеручного письма".

[49] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 7. С. 387.

[50] Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26. С. 206, примеч.

[51] Там же. С. 205.

[52] *Рыбушкин М.* Указ. соч. 2-е изд. Ч. I. С. 40.

[53] Там же. С. 41.

[54] *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. I, кн. 1. С. 111; *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. С. 351 (грамота отнесена к 1555 г. и указано, что "все письмо было исполнено киноварью"); *Каштанов С.М.* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. С. 185–186. (Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та; Вып. 80).

киноварью. Это противоречит всей делопроизводственной практике середины XVI в. Язык и стиль источника, его терминология и фразеология свидетельствуют о том, что мы имеем дело с фальсификатом. Некоторые несоответствия терминов грамоты языку XVI в. уже отмечались нами[55]. Сейчас бы хотелось подвергнуть рассмотрению начальный оборот текста: "Преблагаго единосусчнаго в Троицы славимаго Бога"[56]. Этот компонент формуляра можно определить в качестве либо инвокации, либо богословской преамбулы.

Приведенный инвокационный оборот очень напоминает начало некоторых посланий протопопа Аввакума. В одной из его челобитных царю Федору Алексеевичу читаем: "Благаго и преблагаго и всеблагаго Бога нашего..."[57]. Письмо Аввакума инокине Мелании, вероятно близкое по времени к цитированной челобитной[58], начинается словами: "Благаго и преблагаго Бога[59] отца и господа нашего Исуса Христа..."[60]

Из грамот Ивана IV инвокацию или богословскую преамбулу имеют только наиболее торжественные внешнеполитические акты. В царской грамоте от 18 июня 1550 г. иерусалимскому патриарху Герману на первом месте находится инвокация: "Бог наш Троица, иже прежде век сыи и ныне есть, отец и сын и святыи дух"[61]. Далее в тексте следует элемент аренги, предшествующий титулу: "Божиим велением..." Это разновидность Dei–Gratia–Formel. В грамоте Ивана IV января 1551 г. турецкому султану Сулейману употреблена та же инвокация о Троице, но с аппрекационным завершением: "Аминь"[62]. В такой редакции инвокация дается еще в нескольких грамотах: января 1551 г. константинопольскому патриарху Дио-

---

[55] *Каштанов С.М.* Земельно-иммунитетная политика... С. 185–186.

[56] Цит. по: *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 7. С. 385.

[57] РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 767; ср.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общей ред. Н.К. Гудзия. М., 1960. С. 205.

[58] Предположение о хронологической близости этих источников было высказано мне В.С. Румянцевой.

[59] В некоторых списках слово "Бога" отсутствует.

[60] РИБ. Т. 39. Стб. 401.

[61] РГМ. Т. 1. С. 178. № 61.

[62] Там же. С. 190. № 71. Русское "аминь" и латинское "amen" воспроизводят греческое ἀμήν, которое, в свою очередь, повторяет древнееврейское новозаветное наречие אָמֵן ("воистину", "истинно", "верно"). См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1986. Т. I. С. 76; *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1959. Т. I. С. 98; *Шапиро Ф.Л.* Иврит-русский словарь. М., 1963. С. 39. И.И. Срезневский переводит "аминь" как "так есть, да будет" (см.: *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I, ч. 1. Стб. 21). В чешском слово "amen" имеет значения "аминь" и "конец" (см.: *Павлович А.И.* Чешско-русский словарь. М., 1960. С. 16).

нисию[63], ноября 1558 г. турецкому султану Сулейману[64], сентября 1564 г. константинопольскому патриарху Иоасафу[65].

В грамоте марта 1571 г. турецкому султану Селиму после "Аминь" добавлена фраза: "О нем же живем и движимся и есмы, им же царие царствуют и силнии пишут правду". Этот оборот предваряет интитуляцию, в которой начальная Dei–Gratia–Formel более торжественна, чем обычно: "Вседержителя Бога милостию..."[66]

Обширную богословскую преамбулу находим в грамоте Ивана IV марта 1556 г. афонскому Хиландарскому монастырю на двор в Москве: "Ц(а)ря небеснаѓ(о), Б(ог)а Богомъ и г(о)с(по)да господемъ, всѣми вл(а)д(ы)чествующаѓ(о), и г(о)с(по)да Їс(уса) Х(ри)с(т)а, единочадаго слова б(о)жїя, на сп(а)сение н(а)ше воплотившегося, всѣх сотворителя, мздовоздателя исправляющимъ слово с(вя)тых заповеди его, и г(о)с(по)да утѣшителя, духа с(вя)т(о)го истиннаго, вездѣ сыи, вся исполняющагѡ, во всѣхъ вся дѣиствующаго, животворящаго, всѣмъ бл(а)гим подателя, единаѓ(о) Б(ог)а н(а)шеѓ(о) в трех лицех сл(а)вимъ, поем и превозносимъ, и покланяемъся сотворшему всяческая, утвердившему нас скипетръ держати православия и пастырствовати словеснымъ его ѡвцамъ оустроивша, ему же возсылаем славу во веки. Амин(ь)"[67].

Как видим, инвокационная преамбула грамоты Гурию текстуально ближе к аналогичным оборотам в документах второй половины XVII в., чем к богословиям грамот середины XVI в. Это может служить одним из доказательств неподлинности текста грамоты Гурию, что, в свою очередь, ставит под сомнение упоминаемый в этой грамоте факт обращения казанского архиепископа к царю с просьбой о предоставлении земли для устройства Илантова монастыря.

Прослеживая развитие инскрипции в великокняжеских жалованных грамотах областным иерархам XIV–XVI вв. (до конца царствования Ивана Грозного), можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, расположение компонентов по схеме "объект–адрес", характерное для большинства рязанских грамот XIV в., к XVI в. полностью изживается. В XVI в. инскрипция занимает всегда третье место после интитуляции (1) и диспозитивной формулы пожалования (2) (при схеме же "объект–адрес" инскрипция оказывалась на четвертом месте).

---

[63] РГМ. Т. 1. С. 191, № 72.

[64] Там же. С. 251, № 117.

[65] Там же. С. 282, № 135.

[66] Там же. С. 282, № 142.

[67] Там же. С. 199–201, № 81; *Димитријевић С.* Документи који се тичу односа између српске цркве и Русије у XVI веку // Српска Краљевска Академија. Споменик. Београд, 1903. XXXIX. Други разред 35. С. 25. № 18.

Во-вторых, определение государем местного архиерея в качестве "отца своего", встречающееся в рязанских грамотах XIV в., заменяется в XVI в. словами "богомольца своего" (этот элемент отсутствует в грамоте 1578 г. суздальскому епископу).

В-третьих, агиографическое обозначение кафедры заменяется географическим титулом архиерея (агиографическое определение архиерейского дома встречается только в данной грамоте казанских воевод 1555 г., но и там – наряду с географическим титулом архиепископа).

В-четвертых, титулование областных архиереев "владыками" прекращается после 1553 г. С 1554 г. в инскрипции начинает указываться их точный ранг – архиепископ, епископ.

В-пятых, вводится оборот о преемнике (с 1554 г.) или преемниках (с 1554/55 или 1565 г.) иерарха на занимаемом им посту.

Каковы тенденции этой эволюции? Помещение адреса непосредственно после формулы пожалования означало уравнение архиерея с настоятелем монастыря в плане подданства монарху. Неупотребление по отношению к иерарху определения "отец" исключало идею морального превосходства архиерея над государем. Использование вместо слова "отец" термина "богомолец" подчеркивало известную зависимость святителя от государя и ставило его в ряд других государевых "богомольцев", в том числе и настоятелей крупных монастырей[68]. Отказ с середины XVI в. от термина "владыка" и переход к более конкретным обозначениям архиерейского ранга отражали процесс превращения духовных иерархов в органы церковной власти и управления в рамках общегосударственной системы. Исключительность областного архиерея как политической фигуры умалялась и появившейся в инскрипции формулой о преемнике (преемниках). Эта формула широко употреблялась в жалованных грамотах монастырям уже в XV в. Включение ее в грамоты архиереям как бы снижало значение их личности, индивидуальности, показывая, что грамота дается не только и не столько самому иерарху, сколько учреждению, которое он возглавляет.

Все направления развития формуляра жалованных грамот областным архиереям свидетельствуют о попытках правительства уменьшить их политическую самостоятельность.

---

[68] Термин "богомолец" встречается в инскрипциях жалованных грамот монастырям XVI в. Так, в грамоте Ивана IV 1550 г. Троице-Сергиеву монастырю читаем: "... пожаловал есми ... богомольца своего, игумена Серапиона з братьею..." (см.: *Каштанов С.М.* Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // Зап. ОР ГБЛ. М., 1966. Вып. 28. С. 138; ср. ХП-II. С. 134–135. № 625.

Глава XII

РОЛЬ ПОСРЕДНИКОВ В ВЫДАЧЕ ЖАЛОВАННЫХ ГРАМОТ

Вопрос о том, по чьей инициативе и каким порядком составлялись и выдавались русские жалованные грамоты и близкие к ним по характеру византийские хрисовулы и франкские прецепты, всегда интересовал дипломатистов. В западной дипломатике уже давно было обращено внимание на то, что заинтересованная в получении королевской грамоты сторона в ряде случаев использовала влиятельных ходатаев или "доброхотов", которые вместо нее выступали с просьбой о выдаче грамоты. Иногда это оставалось не отмеченным в тексте акта. Вместе с тем можно быть уверенным, считает Ж. Тесье, что многие лица, упоминаемые в парафе[1] рюши[2] как ambasciatores или impetratores играли роль посредников[3].

Соглашаясь с Гарри Бреслау в том, что слово ambasciare означало буквально "объявлять", "докладывать", "передавать"[4], и амбасциатором являлся тот, кто передавал чиновнику канцелярии приказ (jussio) о составлении грамоты[5], Тесье в то же время подчеркивает, что большинство известных амбасциаторов были людьми значительными, а часть из них представляла собой друзей тех лиц, кому выдавалась грамота. Поэтому, заключает Тесье, они не волей случая оказывались в роли скромных передатчиков приказа. Эти деятели выступали перед государем либо как ходатаи в пользу того или иного получа-

---

[1] Параф (le paraphe) – рисунок, сопровождающий подпись, или орнаментальная форма подписи.

[2] Рюш (la ruche), буквально "улей", фигура, напоминающая улей с сотами: она образовывалась кривой линией с боков и наверху и основанием внизу; пространство между ними было расчерчено горизонтальными и орнаментальными линиями; здесь помещалась восковая прикладная королевская печать, сопровождаемая надписями, сделанными, как правило, тиронскими знаками.

[3] *Tessier G.* Diplomatique royale française. Paris, 1962. P. 103.

[4] В классической латыни глагола ambasciare не было.

[5] *Bresslau H.* Der Ambasciatorenvermerk in den Urkunden der Karolinger // Archiv für Urkundenforschung, 1908. Bd. 1. S. 167–184.

теля, либо как лица, заинтересованные в выдаче того или иного прецепта[6].

В дипломах Меровингов упоминаний о посредниках еще не было[7]. Глагол ambasciare впервые появляется в дипломе Карла Великого от 9 октября 783 г.: "Fulradus ambasciavit". В последний раз эта формула была употреблена в прецепте короля Эда, выданном 13 июля 889 г.: "Frotarius archiepiscopus ambasciavit"[8].

Глагол impetrare имел в классической латыни значение "выпросить", "вымолить", "достигнуть", "добиться", "получить"[9]. Практически в том же смысле употреблялся он и в Средние века. По мнению Тесье, impetrare значило "получить по просьбе" (obtenir par une requête). Импетратором (impetrator) Тесье вслед за Бреслау считает того, кто получил приказ о выдаче грамоты: "Nous admettons donc bien volontier que *l'impetrator* était celui qui avait obtenu l'ordre d'expédition"[10]. Импетратор чаще, чем амбасциатор, воспринимался писцами канцелярии как посредник[11]. Глагол impetrare встречается в документах в течение 40 лет, начиная с диплома Людовика I Благочестивого около июля 824 г. и кончая дипломом Карла Лысого от 15 марта 864 г.[12]

В качестве посредников или ходатаев в деле выдачи грамоты могли выступать крупнейшие духовные и светские сановники империи, а также императрица. Так, при выдаче двух дипломов Людовика Благочестивого (от 4 марта 828 г. и от 10 июня 833 г.) посредническую роль сыграла императрица Юдифь, вторая жена Людовика I, мать Карла Лысого[13].

---

[6] *Tessier G.* Op. cit. P. 107–108.

[7] См.: Die Urkunden der Merowinger / Nach vorarbeiten von C. Brühl; hrsg. von T. Kölzer unter Mitwirkung von M. Hartmann und A. Stieldorf. Hannover, 2001. Teil I. S. XXIV: «Auch Interventionen Dritter finden sich nicht».

[8] *Tessier G.* Op. cit. P. 107.

[9] *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 497.

[10] *Tessier G.* Op. cit. P. 108.

[11] В международном словаре по дипломатике ambasciator определяется как лицо, которое передавало канцелярии приказ о составлении документа; фактически амбасциаторами являлись те, кому делегировалось право заказать изготовление акта. Под импетратором (impetrator или impetrans) подразумевалось лицо, которое было делегировано заказчиком (будущим получателем грамоты) для ведения дела и достижения результата в виде выдачи грамоты (Vocabulaire international de la diplomatique / éd. Mª Milagros Cárcel Ortí. València, 1994. P. 86. Art. 337, 338).

[12] *Tessier G.* Op. cit. P. 108.

[13] *Kölzer T.* Kaiser Ludwig der Fromme (814–840) im Spiegel seiner Urkunden. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2005. S. 24, Anm. 116. Ср.: (Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Geistwissenschaften. Vorträge; G 401). Ibid. Urkundentabelle. № 849, 925.

В грамотах первых Капетингов участие третьих лиц в выдаче документа фиксировалось довольно редко, хотя известно, что при Роберте II Благочестивом, например, прошения некоторых получателей были поддержаны королевой-матерью Аделаидой, королевами Бертой и Констанцией[14]. В английских королевских грамотах начала XIV в. встречается помета: "nuntiante *X*". Под "нунцием" (nuntius) подразумевалось лицо, передававшее канцелярии приказ о выдаче грамоты. В Международном словаре по дипломатике английский nuntius сопоставляется с каролингским ambasciator[15].

Византийская императорская канцелярия также знала посредников. Об участии посредников в выдаче императорских грамот известно из делавшихся на них помет. В оригиналах термин "посредник" (μεσάζων) не употреблялся, зато находим его в копиях. Так, в копии подтвердительной грамоты (ἐπικυρωτικὸν πρόσταγμα) императора Иоанна III Дуки Ватазиса марта 1232 г. читается: "...καὶ διὰ τοῦ Τορνίκη Δημητρίου ἐνσεσημασμένον, ὡς ἔθος τῶν μεσαζόντων ταῖς βασιλικαῖς ἐνοχαῖς καὶ παρακελεύσεσιν †" ("...и помечено Димитрием Торникесом по обычаю посредников в царских заботах[16] и попечениях")[17]. В несколько иной редакции дается известие о помете Димитрия Торникеса в копии грамоты Иоанна III мая[18] 1234 г.: "...καὶ κάτωθεν σεσημειωμένον, ὡς ἔθος τοῖς μεσάζουσι τὸ. διὰ τοῦ Τορνίκη Δημητρίου †" ("...и ниже[19] помечено, по обычаю посредников, Димитрием Торникесом")[20]. Аналогичная формулировка содержится в копии грамоты июня 1233 г.: "...καὶ, ὡς ἔθος τοῖς μεσάζουσι, κάτωθεν σεσημιωμένον. διὰ τοῦ Τορνίκη Δημητρίου †" ("...и, по обычаю посредников, ниже помечено Димитрием Торникесом")[21].

---

[14] *Tessier G.* Op. cit. P. 273.

[15] Vocabulaire international de la diplomatique. P. 86. Art. 337.

[16] Так, вероятно, можно перевести слово ἔνοχαῖς, стоящее в дательном падеже мн.ч. ж.р. По Дюканжу, ἔνοχος в м.р. – praefectus, cui rei aliqujus cura incumbit (чиновник, которому поручена забота о каком-то деле, о какой-то сфере); в ж.р. ἐνοχή – лат. cura, praefectura, magistratus (забота, должность, сановник): *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ad scriptores mediae & infimae Graecitatis. Lugduni, 1688. Col. 388.

[17] MM. IV. № 70. P. 139; *Dölger F. und Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. [Bd.] I: Die Kaiserurkunden. S. 38.

[18] У Дэльгера эта грамота почему-то отнесена к июню (см.: *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke in graeco-slavischen Urkunden // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1960. Jg. 5, Hf. 3–4. S. 262. № 12.

[19] Ниже императорской подписи.

[20] MM. IV. № 77. P. 145.

[21] Ibid. № 133. P. 220.

Дюканж указывает, что посредниками (μεσάζοντες) назывались лица, игравшие главные роли при императорском дворе. Им государи поручали ведение своих дел. Функция посредника часто соединялась с должностью логофета для того, чтобы последний всегда был под рукой у государя, записывал его приказы, редактировал их и диктовал писцам[22]. Дэльгер также отмечает, что посредниками оказывались влиятельнейшие люди империи. Например, упоминавшийся выше Димитрий Торникес, который выступал как посредник в ряде документов[23], в грамоте 1198 г. назван канцлером ("cancellarius", что равнозначно понятию λογοθέτης)[24], в акте 1199 г. – севастом и логофетом дрома[25]. Он был в родстве с царствующим домом Комнинов[26].

Посредники нередко являлись руководителями канцелярии, исполняя должность ἐπί τοῦ κανικλείου, т.е. того, кто "при царской чернильнице"[27]. Вместе с тем в посреднических пометах фигурируют и лица, чья деятельность в качестве руководителей канцелярии не прослеживается по источникам. Интересно, что тот же Димитрий Торникес, который в 1198–1199 гг. был севастом и логофетом, в пометах на грамотах 1227–1244 гг. упоминается без указания какой-либо должности[28]. Посреднические пометы имеются только на некоторых, но далеко не на всех выданных императорских грамотах. Отсюда Дэльгер делает вывод, что посредничество не было официальной должностью, а пометы посредников не являлись обязательной принадлежностью акта и необходимым признаком его подлинности[29].

В оригиналах, где, как уже говорилось, термин "посредник" (μεσάζων) не употреблялся, текст посреднической пометы начинался с предлога "διά" ("через", "при посредстве"), после которого указывались в родительном падеже либо должность и имя посредника[30], либо только его имя[31]. В виде исключения встречаются

---

[22] *Du Cange C. du Fresne.* Glossarium ad scriptores mediae & infimae Graetitatis. Col. 909–910.

[23] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 262–263. № 7–16.

[24] *Dölger F. und Karayannopulos J.* Op. cit. S. 63. Anm. 9.

[25] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 262. № 7.

[26] Ibid. S. 264–265.

[27] Ср.: *Dölger F. und Karayannopulos J.* Op. cit. S. 28–30.

[28] Ibid. S. 38, 112 (Anm. 3); *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 262–263. № 8–16.

[29] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 264–265; *Dölger F. und Karayannopulos J.* Op. cit. S. 37–38.

[30] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 261–263. № 1, 5, 7, 19–26; см.: Ibid. S. 265. Nachtrag.

[31] Ibid. S. 262–263. № 2–4, 8–17.

случаи указания имени перед должностью[32] или только должности, без имени[33]. В одном случае посредническая помета начинается сразу с указания должности, предлог "διά" в ней опущен (1197 г., оригинал)[34]. Но даже при отсутствии предлога посредническую помету можно определить по ее местоположению. В отличие от скреп по склейкам и регистрационных помет, помещавшихся на обороте грамоты, посреднические пометы делались на лицевой стороне после императорской подписи или менология[35].

Дэльгер подчеркивает необходимость строго различать два типа помет, употребляющих оборот "διὰ του [NN]": 1) "† κατεστρώθη ... διὰ τοῦ..." и 2) просто "† διὰ τοῦ..." (без "κατεστρώθη"). Лишь пометы второго из двух указанных типов являются посредническими, пометы же первого типа относятся к числу регистрационных[36].

В статье 1960 г. Дэльгер называет в качестве самого раннего документа с посреднической пометой хрисовул сигиллион 1119 г., а в качестве самого позднего – хрисовул логос 1344 г.[37] Однако в книге 1968 г. говорится, что древнейшая известная Διά-помета находится в копии грамоты императора Мануила I Комнина 1156 г.[38] Последняя вообще не фигурирует в статье Дэльгера 1960 г. Между тем уже тогда автор сопровождал знаком вопроса дату патмосского хрисовула (1119 г.), указанного в перечне помет под номером 1[39].

В XIV в. византийский пример повлиял на сербскую канцелярскую практику, в которой также использовались посредники. Роль посредников играли, в частности, митрополиты[40]. Мы попытались на русском материале XIV–XVI вв. показать посредническую деятельность митрополитов и других иерархов при выдаче жалованных грамот близким к ним духовным корпорациям[41]. Вопрос о светских посредниках представляет не меньший научный

---

[32] Ibid. S. 262. № 6.

[33] Ibid. S. 263. № 18.

[34] Ibid. S. 262. № 5; ср. S. 263–264. Anm. 6.

[35] *Dölger F. und Karayannopulos J.* Op. cit. S. 38.

[36] *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 261.

[37] Ibid. S. 261, 263. № 1, 26.

[38] *Dölger F. und Karayannopulos J.* Op. cit. S. 37. Anm. 8.

[39] Знак вопроса ставил Дэльгер и после названия должности («τοῦ γραμματικοῦ») Иоанна, выступающего в помете на хрисовуле 1119 г. в качестве посредника, поскольку грамматик Иоанн при Иоанне II Комнине (1118–1143 гг.) по другим источникам неизвестен: *Dölger F.* Intervenienten-Vermerke... S. 261 (№ 1), 264.

[40] Ibid. S. 260.

[41] *Каштанов С.М.* Inscriptio в жалованных грамотах светских властей церковным иерархам на Руси в XIV–XVI вв. // Scripta Gregoriana: Сб. в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 385–387, 393–396.

интерес. К постановке этого вопроса побуждает текст некоторых русских грамот конца XIV–XVI вв.

В конце текста жалованной данной, льготной и обельно-несудимой грамоты рязанского великого князя Олега Ивановича около 1390–1401 гг. игумену Солотчинского монастыря Федору на селище Федорково помещена фраза: "А пожаловал есмь стольником своим Александром Глебовичем и чашником своим Григорьем Яковлевичем"[42]. Как понимать эту фразу? Значит ли она, что великий князь назначил указанных здесь стольника и чашника в качестве опекунов, защитников, блюстителей интересов монастыря? С такой целью назначали в XVI в. данных приставов. Или смысл цитированной фразы совершенно иной, и речь идет о том, что пожалование монастырю состоялось по ходатайству княжеского стольника Александра Глебовича и княжеского чашника Григория Яковлевича? Если мы примем второе толкование, станет совершенно ясно, что стольник и чашник выступали в роли посредников и получили от князя разрешение передать приказ о составлении грамоты. Их роль была похожа на роль каролингских амбасциаторов или импетраторов и византийских месазонтов. Должность и имя-отчество посредников давались в грамоте Олега в творительном падеже, что соответствовало греческому обороту с предлогом "διά" и существительными в родительном падеже. Как и в большинстве византийских διά-помет, в грамоте Олега указывались сначала должность, затем имя посредника.

Из всех известных жалованных грамот Олега Рязанского[43] только одна, цитированная выше грамота содержит формулу о посредниках. Это показывает, что на Руси, как и в Византии, данная формула не была обязательной частью грамоты.

Среди выявленных к настоящему времени жалованных грамот рязанского великого князя Федора Ольговича (1402–1427 гг.)[44] имеется лишь одна, говорящая о пожаловании через посредников. Это данная, льготная и несудимая грамота некоему Данилу Александровичу на вотчину "в Сюлемеске". Ее текст заканчивается фразой: "А пожаловал есми боярином своим Семеном Романовичем да Павлом Карандеевичем, боярами своими, да пожаловал есми ево казначеем своим Васильем Созоновичем да стольником

---

[42] АСЭИ. Т. III. № 324. С. 354. Грамота известна только по публикациям 1841 г. со списка XVII в. Даты выдачи грамоты в тексте нет. Датируется приблизительно по изданию АСЭИ.

[43] Там же. № 314, 315, 317, 318, 322, 324, 325.

[44] Там же. № 326, 327, 351; *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // Сов. архивы. 1987. № 1. С. 67. Док. № 1.

своим Иваном Анторовичем[45]"[46]. Здесь четыре посредника – вдвое больше, чем в грамоте в. кн. Олега Ивановича.

При следующем великом князе Рязанском – Иване Федоровиче (1427–1456 гг.) – пожалования с участием посредников совершались довольно часто. Из десяти жалованных грамот, составленных от имени Ивана Федоровича, шесть, т.е. больше половины, содержат статью о посредниках[47], и только в четырех грамотах ее нет[48]. Поскольку грамоты не имеют дат, приведем тексты интересующей нас статьи без учета хронологической последовательности документов. В данной, льготной и обельно-несудимой грамоте в. кн. Ивана Федоровича игумену Солотчинского монастыря Иллариону на село Филипповичи заключительная фраза звучит так: "А пожаловал есми его боярином своим Прокофьем Федоровичем[49], столником Яковом Ивановичем, чашником своим Семеном Глебовичем, чашником же Федором Юрьевичем"[50].

В конце грамоты Семену Повалише и его детям, которых великий князь "приял... к собе в службу" и освободил от повинностей и оброков, сказано: "А пожаловал есмь их и опас им съял чашником Яковом Ковылиным, чашником Юрьем Костянтиновичем, стольником Глебом Рудским[51], ... своим[52] Иваном Измайловичем и сокольничим Шабаном Измайловичем[53]". В данном случае коллективное ходатайство пяти сановников, возможно, сочеталось с их порукой за принимаемых князем на службу лиц. Об этом как будто свидетельствует выражение: "и опас их съял". Оно находится в связи с указанием в начале грамоты: "а пени есмь им, татбы, и разбои, и грабежи, и душегубство отложил им по их приезд".

Данная, льготная и обельно-несудимая грамота в. кн. Ивана Федоровича Афанасию и Василию Бузовлям на село в Острой Луке завершается фразой: "А пожаловал есмь их с окольничем Григорьем Давыдовичем да чашником своим Федором Юрьевичем"[54].

---

[45] Так в публикации.

[46] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Указ. публ. С. 67. Док. № 1.

[47] АСЭИ. Т. III. № 328, 353, 354; *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Указ. публ. С. 67, 68. Док. № 2, 3; *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Акты светского феодального землевладения Великого княжества Рязанского XV в. // Сов. архивы. 1991. № 5. С. 93. Док. № 1.

[48] АСЭИ. Т. III. № 329, 330, 352; *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Указ. публ. С. 69. Док. № 4.

[49] В другом списке XVII в. «Давыдовичем».

[50] АСЭИ. Т. III. № 328. С. 356.

[51] Далее пропуск в тексте.

[52] Перед этим словом было, вероятно, обозначение должности.

[53] АСЭИ. Т. III. № 353. С. 378.

[54] Там же. № 354. С. 379.

Вероятно, следует читать не "с окольничем", а "сокольничем" или, вернее, "сокольничим", как в грамоте Семену Повалише[55].

В жалованной данной грамоте в. кн. Ивана Федоровича и его матери Софьи Глебу Батуриничу на Гужевскую околицу текст о посреднике находится, как обычно, на последнем месте: "А пожаловали есме его дворецким своим Иваном Измайловичем"[56]. Это первый в рязанских грамотах случай, когда посредник указан в единственном числе. Видимо, ходатайства дворецкого было достаточно для решения вопроса о выдаче грамоты. В жалованной данной грамоте в. кн. Ивана Федоровича тому же Глебу Батуриничу на купленную им вотчину Григория Чурляева фигурируют два ходатая – казначей и чашник: "А пожаловал есмь его казначеем своим Прокофьем Давыдовичем и чашником Епифаном Давыдовичем"[57].

Жалованная данная, льготная и обельно-несудимая грамота в. кн. Ивана Федоровича Григорию Давыдовичу (Таптыкову) на его вотчинные села Козлово, Чемрово и др. оканчивается статьей: "А пожаловал есми его боярином своим, чашником князь Семеном Юрьевичем, да Семеном Глебовичем, да Федором Юрьевичем"[58]. Интересно, что получатель этой грамоты, Григорий Давыдович, упоминается в качестве посредника-ходатая в жалованной грамоте в. кн. Ивана Федоровича Афанасию и Василию Бузовлям[59]. Следовательно, роль посредника не исключала для того или иного лица возможности самому становиться объектом ходатайства со стороны других лиц. Посредничество не было должностью. Оно являлось формой временного исполнения определенной социально-политической функции.

В период великого княжения Ивана Федоровича выдавал грамоты еще пронский удельный князь Федор Иванович[60]. Известна, правда, всего одна его грамота, сохранившаяся в списке XVII в.[61] В АСЭИ она датируется 30-ми – 40-ми годами XV в. Получателем грамоты был троюродный дядя князя – Григорий Иванович. Ему давались земли по рч. Кишне с податным и судебным иммунитетом. В конце грамоты говорилось: "А пожаловал есмь его Александром Глебовичем, стольником своим, Григорьем Василье-

---

[55] Ср.: Там же. № 353. С. 378.

[56] *Кротов М.Г., Сметанина С.И.* Указ. публ. С. 67. Док. № 2.

[57] Там же. С. 68. Док. № 3.

[58] *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Указ. публ. С. 93. Док. № 1.

[59] АСЭИ. Т. III. № 354. С. 379.

[60] Подробнее о нем см.: *Baumgarten N. de.* Généalogies des branches régnantes des Rurikides du XIIIe au XVIe siècle // Orientalia Christiana. Roma, 1934. Vol XXXV-1. Num. 94. P. 85, 88. Table XV. № 20.

[61] АСЭИ. Т. III. № 356. С. 380.

вичем". Александр Глебович упоминался в качестве ходатая еще в грамоте великого князя Олега Ивановича (1390–1401 гг.). Там он назван великокняжеским стольником[62]. Его участие в выдаче грамоты пронским удельным князем может свидетельствовать либо о переходе Александра Глебовича на службу в удел, либо о том, что великокняжеские сановники могли пользоваться определенным влиянием при дворе удельного князя.

Из жалованных грамот рязанского великого князя Василия Ивановича (1464–1483) две известны по кратким пересказам в более поздних источниках[63], две дошли в списках XVII в.[64] В пересказах отсутствуют какие-либо сведения о посредниках, в списках же такая информация имеется. Обе дошедшие грамоты датированы. Грамоту от 10 марта 1464 г. получили Афанасий и Василий Бузовли[65]. Она касалась земель, закрепленных за ними еще грамотой великого князя Ивана Федоровича (1427–1456)[66]. В новой грамоте, как и в предыдущей, имелась статья о посредниках: "А пожаловал есмь з бояры своими Назарьем Юрьевичем да с Васильем Григорьевичем". Предлоги "з" и "с", вставленные в этот текст, меняли его смысл по сравнению с прежней редакцией посреднических статей. Бояре из ходатаев превращались в соавторов князя. Творительный орудия (ablativus instrumenti) заменен здесь творительным сопровождения (ablativus sociativus). Можно думать, что подобное изменение традиционной редакции было допущено писцом списка, который не вполне понял смысл данной фразы и постарался сделать ее более "логичной".

В списке другой грамоты в. кн. Василия Ивановича, выданной в 1472/73 г. Федору Григорьевичу Таптыкову, статья о ходатаях сформулирована, согласно традиции, без предлогов "с" или "з": "А пожаловал есми бояры своими Федором Юрьевичем да Денисьем Юрьевичем"[67]. Это подтверждает наше предположение, что в оригинале грамоты 1464 г. предлоги "с" и "з" отсутствовали. В обеих цитированных грамотах в. кн. Василия Ивановича после статьи о посредниках идет конечный протокол – указание даты выдачи грамоты. До сих пор мы видели лишь то, что рассматриваемая статья занимает последнее место в тексте рязанских грамот. Теперь можно уточнить это наблюдение, констатировав, что

---

[62] Там же. № 324. С. 354.

[63] Там же. № 323, 341. С. 352, 365.

[64] Там же. № 355. С. 379; *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Указ. публ. С. 93. № 2.

[65] АСЭИ. Т. III. № 355. С. 379.

[66] Там же. № 354. С. 378–379.

[67] *Беликов В.Ю., Сметанина С.И.* Указ. публ. С. 93. № 2.

статья о посредниках не являлась пометой, а была последней клаузулой основного текста, писанного на лицевой стороне грамоты, и предшествовала конечному протоколу.

Такое же расположение статьи о посредниках и конечного протокола наблюдается в двух жалованных грамотах следующего великого князя Рязанского – Ивана Васильевича (1483–1500). Обе они дошли в списках XVII в. В плохо сохранившемся списке жалованной грамоты от 3 июля неизвестного года, выданной Авдотье, вдове Ивана Кичибеевича Коробьи, и ее детям, статья о посредниках приведена с предлогом "з": "[А пожаловал их] есми з бояры своими [с-Ы]... Денисьем Юрьевичем, Д... Федором Григорьевичем, Иваном Ивановичем Измайловым"[68]. В списке данной, льготной и обельно-несудимой грамоты от 15 августа 1497 г. Федору Васильевичу (Вердеревскому) в интересующей нас статье предлога "с" нет: "А пожаловал есми его своим боярином Яковом Назарьевичем"[69]. Вероятно, в оригинале грамоты Авдотье Коробьиной предлогов "з" и "с" тоже не было.

В годы великого княжения Ивана Васильевича грамоты выдавала также его мать, великая княгиня Анна Васильевна, дочь московского великого князя Василия II Васильевича, вдова рязанского в. кн. Василия Ивановича. Право выдачи грамот сохранилось за ней и после смерти сына. Из пяти жалованных грамот, составленных от ее имени[70], три, т.е. больше половины, содержат статью о посредниках. Льготная и обельно-несудимая грамота Анны игумену Солотчинского монастыря Арсению на село Чешуевское не имеет даты и оканчивается следующей статьей: "А пожаловала есмь его казначеем своим Вельямином Васильевичем"[71]. Грамота касалась земель в Романовской волости, принадлежавшей великой княгине-матери на правах вдовьего удела ("в моей волости в Рамановской"). Можно думать, что эта грамота была выдана княгиней при жизни сына, великого князя Ивана Васильевича, т.е. в 1483–1500 гг.

Выданная при жизни Ивана Васильевича жалованная грамота Анны ее конюшему Федору Васильевичу на село Куликово датируется 4 ноября 1491 г.[72] Статья о ходатаях помещена в ней перед датой: "А пожаловала есми его [боярином[73] великого[73]] князя

---

[68] АСЭИ. Т. III. № 366. С. 387.

[69] Там же. № 360. С. 382.

[70] Там же. № 333, 334, 336, 359, 361.

[71] Там же. № 333. С. 360.

[72] Там же. № 359. С. 382.

[73–73] Слова в квадратных скобках в рукописи утрачены; вставлены издателем.

Иваном Яковлевичем Арлом да козначеем своим Семеном Глебовичем". Ходатаями в данном случае являлись, с одной стороны, великокняжеский боярин, с другой – казначей великой княгини. Это двустороннее посредничество показывает известную ограниченность суверенных прав великой княгини. При выдаче данной, обельно-несудимой грамоты своему конюшему она должна была учитывать волю великого князя, представленного его боярином-посредником.

Как более полновластная правительница действовала Анна после смерти сына (29 мая 1500 г.)[74], когда новым великим князем стал ее внук Иван Иванович. Ему было тогда четыре с половиной года. В жалованной данной, льготной и обельно-несудимой грамоте от 1 апреля 1501 г. Ермоле Федорову сыну Стерлигова на селище Ананьинское великая княгиня Анна упоминает в качестве посредников только "своих" бояр: "Пожаловала есми его бояры своими Яковом Назарьевичем да Федором Васильевичем Верхдеревским"[75]. Эта статья помещена, как обычно, перед датой.

После смерти великой княгини Анны Васильевны 7 апреля 1501 г.[76] регентшей при великом князе Иване Ивановиче стала его мать Аграфена Васильевна, вдова великого князя Ивана Васильевича. Как и при Анне, грамоты периода регентства Аграфены составлялись не от имени малолетнего великого князя, а от имени великой княгини-матери. Так продолжалось до тех пор, пока Иван Иванович не стал совершеннолетним[77]. Из четырех жалованных грамот Аграфены[78] две содержат статью о посредниках. Данную, льготную и обельно-несудимую грамоту на село Турмельево получил в марте 1502 г. боярин великой княгини Федор Иванович Сунбул[79]. В конце основного текста, перед датой, говорится: "А пожаловала есмь его боярином Яковом Назарьевичем". В июле 1504 г. льготная и обельно-несудимая грамота была выдана великой княгиней Аграфеной ее боярину Павлу Васильевичу Вердеревскому на его куплю, село Ковылино[80]. В этой грамоте указан

---

[74] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 251.

[75] АСЭИ. Т. III. № 361. С. 383.

[76] В Никоновской летописи сообщается, что Анна Васильевна умерла в апреле 7009 г. "на светлой недели в среду" (ПСРЛ. Т. 12. С. 253). Светлая, т.е. пасхальная, неделя начиналась в 7009 (1501) г. 5 апреля, а среда приходилась на 7 апреля.

[77] После присоединения Рязанского княжества к Москве в 1520–1521 гг. великая княгиня Аграфена была заточена в монастырь, где и скончалась (*Baumgarten N. de.* Op. cit. P. 85, 89. Table XV. № 27).

[78] АСЭИ. Т. III. № 345, 346, 362, 369.

[79] Там же. № 369. С. 389–390.

[80] Там же. № 362. С. 384.

тот же ходатай, что и в грамоте 1502 г.: "А пожаловала есми боярином своим Яковом Назарьевичем". В обеих грамотах объектами пожалования были села Ростиславского уезда. Возможно, этот уезд являлся вдовьим уделом Аграфены, и боярин Яков Назарьевич играл в нем роль майордома. Но полномочия Аграфены, скорее всего, выходили за пределы одного уезда. В 1507 г., например, она подтвердила жалованную грамоту марта 1501 г. своей свекрови Анны Васильевны Солотчинскому монастырю на лес против Хоткинской поляны на р. Пилесе[81]. В 1509/10 г. служилые кабалы докладывались боярину великой княгини Аграфены[82]. Еще в 1513/14 г. заемная кабала докладывалась ее же боярину Михаилу Дмитриевичу Кобякову[83], но в 1514/15 г. – боярину великого князя Ивана Ивановича Ивану Дмитриевичу Кобякову[84]. В 1515/16 г. и Михаил Дмитриевич Кобяков именовался уже боярином великого князя Ивана Ивановича[85]. С этого времени Иван Иванович, видимо, и стал самостоятельным правителем.

До нас дошли тексты пяти недатированных указных грамот великого князя Ивана Ивановича[86], девяти служилых кабал, составленных с доклада его боярам в 1514/15–1518/19 гг.[87], и трех жалованных грамот 1517–1519 гг.[88] Статья о посреднике или ходатае помещалась, как и раньше, только в жалованных грамотах, и надо сказать, что все три жалованные грамоты великого князя Ивана Ивановича содержат эту статью. В жалованной кормленой грамоте 1517/18 г. великий князь предоставлял своему боярину Михаилу Дмитриевичу Кобякову ростиславское наместничество начиная с Николина дня вешнего 7026 г., т.е. с 9 мая 1518 г.[89] Жалованную данную, льготную и обельно-несудимую грамоту от 8 марта 1519 г. получили дети боярские Иван и Гаврила Ворыпаевы на деревню Вольяшевскую[90]. Такого же типа грамота была выдана 4 июня 1519 г. Григорию Дмитриевичу Кобякову на монастырскую деревню Молодинки, однако за владение ею получателю надлежало платить оброк Покровскому Нищевскому монастырю в размере 25 денег[91].

---

[81] Там же. № 336. С. 361.
[82] Там же. № 370, 371.
[83] Там же. № 379. С. 395.
[84] Там же. № 380. С. 395–396.
[85] Там же. № 381. С. 396.
[86] Там же. № 372–375, 377.
[87] Там же. № 376, 378, 380–384, 386, 387.
[88] Там же. № 385, 388, 389.
[89] Там же. № 385. С. 398–399.
[90] Там же. № 389. С. 401.
[91] Там же. № 388. С. 400–401.

В каждой из трех жалованных грамот Ивана Ивановича статья о ходатае помещена в конце основного текста, перед датой. Все три грамоты называют одного и того же ходатая – Федора Ивановича Сунбула: "А пожаловал есми их[92] боярином своим Федором Ивановичем Сунбулом".

Ограничение состава ходатаев в жалованных грамотах Аграфены, а затем Ивана Ивановича одним боярином может свидетельствовать о превращении последнего в сановника, подобного логофету или главе канцелярии.

Итак, по жалованным грамотам прослеживается существование института светских посредников или ходатаев в Рязанском княжестве с конца XIV – начала XV в. до конца 10-х годов XVI в., когда Рязань была присоединена к Москве. Статья о ходатаях всегда занимает в грамотах одно и то же место – в конце основного текста. С появлением в рязанских грамотах конечного протокола в виде даты (начиная с 60-х годов XV в.) статья о ходатаях оказывается непосредственно перед датой. Число ходатаев по одному делу могло быть от одного до пяти. Роль ходатаев исполняли рязанские бояре и высшие должностные лица княжеского двора (дворецкие, казначеи, стольники, чашники, сокольничьи). Их просьба о выдаче жалованной грамоты касалась как монастырей, так и светских феодалов, последних даже в бóльшей степени.

Была ли распространена практика посредничества в других регионах Руси, кроме Рязанского княжества? В жалованной обельно-несудимой грамоте ярославского князя Александра Федоровича светскому землевладельцу Александру Васильеву сыну Рудина имеется следующая статья: "А пожаловал есми его своею госпожею маткою княгинею Авдотьею"[93]. Грамота лишена даты, а в АСЭИ датирована 1435–1463 гг. Статья о ходатайстве со стороны матери князя, княгини Авдотьи, находится перед корроборацией, в которой сказано: "А грамоту писал князь Александров дьяк Филат". Это позволяет скорректировать наш вывод о месте статьи о посредниках, сделанный на основании материала рязанских грамот. Изучаемая статья могла занимать в основном тексте либо последнее место, перед конечным протоколом (если в грамоте не было корроборации), либо предпоследнее место, перед корроборацией. Исполнение княгиней-матерью роли ходатая вполне соответствовало каролингской и французской практике, когда в такой же роли выступали императрица Юдифь, жена Людовика Благочестивого, или королева Аделаида, мать Роберта II Благочестивого.

---

[92] Так в грамоте Ворыпаевым; в грамотах Михаилу и Григорию Дмитриевичам Кобяковым, выданных каждому отдельно, вместо "их" читаем "его".

[93] АСЭИ. Т. III. № 225. С. 246.

Еще один пример статьи о ходатаях находим в жалованной тарханно-несудимой грамоте от 4 марта 1468 г. ростовского и ярославского архиепископа Вассиана I Рыло игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну на две церкви в слободке Романове: "А пожаловал есмь своими бояры Некрасом Ивановым сыном, да Семеном Кузминым сыном, да Иваном старцем Баскаковым"[94]. Статья эта помещена в конце основного текста, перед конечным протоколом, т.е. вполне по образцу рязанских грамот. Интересно, что в грамоте Вассиана ходатаями выступают не только светские служители архиепископа – два его боярина, но и духовное лицо – старец Иван Баскаков. И.А. Голубцов считал последнего старцем Кирилло-Белозерского монастыря[95]. Если это предположение правильно, перед нами случай, когда посредники действуют вместе с представителем получателя, т.е. ходатайство сочетается с прошением непосредственно заинтересованной стороны.

Бросается в глаза единичность случаев употребления формулы о посредниках в грамотах ростово-ярославского региона. Что же касается Москвы и Твери, то в тамошних грамотах мы подобной статьи вообще не встречаем. Московские князья старались, видимо, ограничить влияние боярства на решение вопросов выдачи грамот и не допускали официальной фиксации посреднической роли бояр.

Сравнивая рязанско-ярославскую практику с каролингской и византийской, нужно отметить имеющиеся между ними различия в способах извещения об участии посредников. Если в каролингских и византийских актах посредники фигурировали в пометах, а не в основном тексте грамоты, то в рязанских и ярославских грамотах о них сообщалось в основном тексте, составленном от лица юридического автора документа – князя или архиепископа ("пожаловал есми"). Близость русских статей о посредниках к пометам можно усмотреть в том, что эти статьи помещались всегда в самом конце основного текста: либо перед корроборацией, либо вместо нее. Но наличие статьи о посредниках в основном тексте исключало непосредственное участие их в оформлении документа и не давало им возможности превратиться в деятелей канцелярии, скрепляющих акт своими подписями.

---

[94] АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 183. С. 116.

[95] Там же. С. 599.

Глава XIII

ВЛИЯНИЕ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ КАФЕДРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЕЧНОГО ПРОТОКОЛА КНЯЖЕСКИХ АКТОВ

Под конечным протоколом (эсхатоколом) в дипломатике подразумевается указание: 1) места и 2) времени выдачи акта. Третьим компонентом конечного протокола может быть аппрекация – формула благопожелания, помещавшаяся обычно в конце всего текста.

До XV в. конечный протокол был одной из самых неразработанных частей формуляра русских актов. В подавляющем большинстве актов он просто отсутствовал. Формально первым случаем упоминания места выдачи русского акта можно было бы считать помещение формулы "Писана грамота на Москве" в жалованной грамоте Дмитрия Донского Троице-Сергиеву монастырю[1]. Однако, как не раз доказывалось в литературе, грамота эта представляет собой фальсификат XVI в., и на ее показания мы не можем опираться.

Из подлинных княжеских актов, содержащих упоминание Москвы в конечном протоколе, наиболее ранним является сохранившееся в копии XV в. докончание московского великого князя Василия I Дмитриевича с рязанским великим князем Федором Ольговичем от 25 ноября 1402 г., где говорится: "А писан на Москве"[2].

По упоминанию Москвы в эсхатоколе грамоты рядом с этим документом надо поставить договорную грамоту (запись) Василия I и митрополита Киприана о подтверждении церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого[3]. Списки подтвердительной грамоты единодушны в указании года ее составления – 6911 (1402/03), но расходятся в определениях индикта, месяца и числа дня.

Из десяти списков пять (по классификации Я.Н. Щапова – РЕ, АрБ, ЯТ, ВС, Лв) называют 11-й индикт[4], в трех списках (Е, Г

---

[1] АСЭИ. Т. I. № 1. С. 25.

[2] ДДГ. № 19. С. 55.

[3] ПРП. Вып. 1. С. 279–280; ДКУ. С. 182–184.

[4] Согласно Я.Н. Щапову, в АрБ – 12-й индикт (ДКУ. 184, примеч. 51). Однако в публикациях списка АрБ (Бальзеровского) везде значится 11-й индикт: ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 86; 2-е изд. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 123; ПРП. Вып. 1. С. 280; АСЭИ. Т. III. С. 484.

и Горюшкинском) номер индикта не указан[5], в одном списке (В II) проставлен 12-й индикт[6], в одном (П) – второй. Название месяца в большинстве списков опущено. В АрБ и восходящем к нему Горюшкинском упоминается ноябрь, в ЯТ и П – декабрь. Число дня в четырех списках (РЕ, ЯТ, ВС, Лв) – 12, в двух (АрБ и Горюшкинском)[7] – 11, в одном (П) – 13, в трех (Е, Г, В II) отсутствует. Для 6911 г. правилен 11-й индикт; для ноября или декабря это дает 1402 г. Я.Н. Щапов датирует грамоту 12 декабря 1402 г.[8] Не менее возможна и другая дата – 11 ноября 1402 г.[9]

Москва фигурирует также в конечном протоколе докончания между великим князем и митрополитом, которое было составлено в виде формуляра, где вместо имен князя и митрополита стоит безличное "имярек"[10]. Грамота дошла в трех списках XVI в.: Синодальном (С), Смоленском (См) и Минейном (М) (принимаем буквенные обозначения списков, предложенные Я.Н. Щаповым)[11]. Все три списка называют месяц и день выдачи грамоты – 28 июня, в С и См указывается также индикт (12-й) и год (6900)[12]. По году (1392) грамота относится к периоду, когда великим князем был Василий I, а митрополитом – Киприан. Однако 6900 г. соответствует не 12-му, а 15-му индикту.

Из годов, ближайших к 1392, индикт № 12 имеют 1389 и 1404 гг. Издатели ААЭ, руководствуясь индиктом, отнесли документ к 1389 или 1404 г.[13] Если бы грамота была написана в 1389 г., в дате оригинала должно было бы стоять "6897". Допустить вероятность последующей переделки "6897" на "6900" весьма трудно. Как уже отмечалось в литературе, датировка докончания 28-м июня 1389 г. невозможна хотя бы потому, что в это время в

---

[5] См.: ДКУ. С. 184, примеч. 49, 50. Поскольку в Горюшкинском списке номер индикта не указан (см.: [*Карамзин Н.М.*] История государстве Российского. СПб., 1819. Т. 5. С. 139, примеч. 233; [*Болховитинов Евгений*]. Описание Киево-софийского собора и киевской иерархии... Прибавление к описанию. Киев, 1825. С. 39), его нельзя считать точной копией Бальзеровского (ср.: ДКУ. С. 183).

[6] ДКУ. С. 183 (это разночтение в примеч. 51 на с. 184 приписано Бальзеровскому списку – АрБ).

[7] Там же. С. 184, примеч. 51.

[8] Там же. С. 182.

[9] ПСРЛ. Т. 6. С. 86; 2-е изд. Т. 5, вып. 1. С. 123; ПРП. Вып. 1. С. 280; АСЭИ. Т. III. С. 484.

[10] ААЭ. Т. 1. № 9. С. 4–6; ПРП. Вып. 3. С. 421–423; АСЭИ. Т. III. № 6. С. 18–20; ДКУ. С. 176–179; РФА. [Вып. I]. № 3. С. 66–68; в переводе на английский язык: *Smith R.E.F.* The Enserfment of the Russian Peasantry. Cambridge, 1968. N 10. P. 42–46.

[11] ДКУ. С. 176–179.

[12] Там же. С. 179, примеч. 66–68.

[13] ААЭ. Т. 1. № 9. С. 4.

Москве не было митрополита. 13 апреля 1389 г. митрополит Пимен, "утаився" великого князя, уехал из Москвы в Константинополь. Он умер 11 сентября того же года в Халкидоне. В его отсутствие, 19 мая 1389 г., в Москве умер великий князь Дмитрий Иванович. Сын Дмитрия Донского Василий Дмитриевич был посажен на владимирское великое княжение ханским послом Ших-Ахматом 15 августа 1389 г. Вновь поставленный в Константинополе митрополит Киевский и всея Руси Киприан покинул византийскую столицу 1 октября 1389 г. и прибыл в Москву в великое говение на Середокрестной неделе, т.е. 6 марта 1390 г.[14] Невозможность датировать грамоту 1389 г. заставила исследователей обратить большее внимание на другой ближайший к 1392 г. год, имеющий 12-й индикт, – 6912 (1404).

Е. Е. Голубинский считал, что грамота "должна быть относима или к 1392-му или к 1404-му году. Вероятнейшим представляется принимать первый год и понимать дело так, что великий князь и митрополит учинили договор в начале правления второго"[15]. Иначе говоря, автор склонялся к датировке грамоты 1392, а не 1404 г. Так же думал и С.Б. Веселовский. По его мнению, "невероятно", чтобы Киприан "сел" договариваться с великим князем в конце своей жизни. Противоречия в датировке грамоты Веселовский объяснял "небрежностью писцов XVI в., когда точные даты старых документов казались совершенно несущественными. В том же Сборнике митрополичьих посланий и в книге, содержащей списки крепостей на владения митрополичьего дома, мы находим немало актов с ошибочными датами, в которых индикты не соответствуют годам от сотворения мира"[16]. Возможность датировки грамоты 1389 г. Веселовский отвергал на основании того, что "в 1389 г. Киприана еще не было в Москве". Следовательно, единственной приемлемой для него датой оставался 1392 г.

Л.В. Черепнин привел в пользу датировки грамоты 1392 г. соображения палеографического и исторического характера. С точки зрения палеографии «гораздо легче допустить, что при переписке произошла ошибка в обозначении индикта, чем года. Буквенными выражениями для цифры 12 служат "в" и "і" десятеричное, для цифры 15 "е" и "і" десятеричное. "Е" легко могло перейти в

---

[14] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 60; СПб., 1897. Т. 11. С. 95, 101, 116, 121, 122; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 214–218.

[15] *Голубинский Е.[Е.].* История русской церкви. М., 1900. Т. 2, 1-я половина. С. 326.

[16] *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 339, примеч. 2.

“В”»[17]. Исторические аргументы, выдвинутые Л.В. Черепниным против датировки грамоты 1389 и 1404 гг., сводятся к тому, что в июне 1389 г. Киприана еще не было в Москве, а июнь 1404 г. – канун отъезда митрополита в Литву, “когда также вряд ли мог быть поднят вопрос об упорядочении отношений в митрополичьих владениях”. Напротив, 1392 г. “совпадает с моментом, когда митрополит и великий князь поставили вопрос о новгородском церковном и светском суде. Таким образом, мы получаем возможность говорить, что в 1392 г. были проведены широкие мероприятия в области церковного суда”[18].

А.А. Зимин полагал, что 6900 г. – «явная описка: на 6900 г. падает 15 индикт. 12 индикт приходится на 6912 (1404) год, когда и был составлен договор. Буквенная цифирь “12” при обозначении года исчезла, возможно, из-за повторения ее в цифре индикта»[19]. Никаких исторических соображений в пользу датировки грамоты 1404 г. автор не привел. Вместе с тем предположение, что описка была именно в числе года, а не в числе индикта, нельзя считать доказанным: почему переписчик должен был обязательно опустить “12” в дате года, если впереди указывался 12-й индикт?

И.А Голубцов датировал грамоту осторожно: “[1392? или 1404 г.] июня 28, индикта 12”[20]. В примечании и комментариях к грамоте Голубцов возразил Черепнину в отношении невозможности составления докончания в 1404 г. накануне отъезда митрополита в Литву: митрополит уехал в Литву только 20 июля 1404 г. – “28 июня еще, стало быть, не канун отъезда”[21]. Как показатель недостоверности даты “6900” Голубцов расценивает ее расположение в списке митрополичьего формулярника XVI в. (Синод. № 562): “написанная на нижнем поле посередине его”, она “выглядит как-то необычно”[22]. Однако помещение даты в середине строки является скорее свидетельством того, что число года приведено полностью, без усечений, которые могли бы быть вызваны, скажем, нехваткой места в конце строки. Новый список XVI в. с той же грамоты, Смоленский, выявленный и опубликованный Я.Н. Щаповым, содержит ту же дату[23].

В пользу датировки грамоты 1404 г. Голубцов приводит следующее соображение: “Кроме указанных списков уставной (дого-

---

[17] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 119.

[18] Там же.

[19] ПРП. Вып. 3. С. 436.

[20] АСЭИ. Т. III. № 6. С. 18, 20.

[21] Там же. С. 20.

[22] Там же.

[23] ДКУ. С. 179.

ворной) грамоты в. кн. Вас. Дмитриевича и митр. Киприана о церковных людях, списки этой грамоты встречаются при списках краткой редакции церковного устава кн. Ярослава Мудрого, возникновение которого относят к XII – нач. XIII в., а окончательное оформление – к деятельности митр. Киприана. Этим последним обстоятельством объясняется то, что списки данной редакции замыкаются часто договорной грамотой в. кн. Вас. Дмитриевича, при которой сделана ссылка на дату использования номоканона, видимо, в связи с подготовкой названной грамоты: работа производилась в лето 6911, индикта 11, ноября 11; это косвенно может подтверждать, что наша грамота могла быть составлена именно в 1404 г., индикта 12"[24].

Не соответствует действительности утверждение Голубцова, что кроме двух (ныне трех) известных списков докончания Киприана и Василия I 6900 г. существуют еще многие другие списки этого памятника, дошедшие в сборниках при списках устава Ярослава краткой редакции. После публикации Голубцова стал известен только один новый список грамоты 6900 г. – Смоленский. Голубцов связывает воедино происхождение двух разных договорных грамот: 6900 и 6911 гг. "Дата использования номоканона" (6911 г.) – это дата договорной грамоты Василия I и Киприана, составленной в ноябре или декабре 1402 г. и представленной десятью списками (о ней говорилось выше).

Наличие грамоты 1402 г., подтверждающей уставы Владимира и Ярослава, никак не доказывает, что другое соглашение между великим князем и митрополитом должно было появиться в 1404 г. Если сближать содержание двух грамот, как это делает Голубцов, то станет как раз непонятным появление второй договорной грамоты в 1404 г., т.е. через полтора года после создания первой грамоты "о церковных людях". В грамоте 6900 г. нет никаких ссылок ни на номоканон, ни на уставы Владимира и Ярослава, ни на предшествующее докончание между Василием I и Киприаном, что было бы естественно ожидать от грамоты, составленной как бы в дополнение и развитие грамоты 1402 г.

Наряду с доводами против датировки грамоты 1392 г. Голубцов приводит и один аргумент в пользу такой датировки: "...не забудем, что этот же год (т.е. 6900. – *С.К.*) выставлен и в уставной грамоте митр. Киприана Царе-Константиновскому м-рю: 6900 (1391) г. октября 21, индикта 15"[25]. Сделанное Голубцовым сопоставление дат докончальной и уставной грамот митрополита Киприана 6900 г. можно подкрепить указанием на то, что обе они

---

[24] АСЭИ. Т. III. С. 484, примеч. к № 6.

[25] Там же. № 6. С. 20.

относятся к одной и той же территории – району Владимира. Следовательно, грамоты сближаются не только по хронологии, но и по территориальной приуроченности.

После публикации И.А. Голубцова доокончальная грамота 6900 г. издавалась еще несколько раз: Я.Н. Щаповым, который в заголовке грамоты принимает дату "1404 г."[26], Р.Э.Ф. Смитом (в переводе на английский язык) с датой "1404"[27], Г.В. Семенченко и А.И. Плигузовым с датой "1404 г." как основной (в квадратных скобках, на первом месте в указании даты) и "1392 г." как предположительно возможной (в круглых скобках, на втором месте в указании даты, со знаком вопроса[28]; этот знак вопроса после "1392 г." перешел сюда из публикации Голубцова, только тот более логично ставил дату "1392" на первом месте, а "1404" – на втором).

Итак, какие же существуют в литературе палеографические обоснования датировки грамоты 6912-м, т.е. 1404-м г.? Это, во-первых, мнение, что переписчик пропустил $\overline{\text{ВІ}}$ в дате года из-за того, что ранее уже указывался 12-й ($\overline{\text{ВІ}}$) индикт (А.А. Зимин), и, во-вторых, впечатление "необычности" расположения даты $\overline{\text{ЅЦ}}$ в середине нижнего поля в Синодальном списке (И.А. Голубцов). Оба аргумента не кажутся нам достаточно убедительными. Во всяком случае, они не более, если не менее доказательны, чем догадка Л.В. Черепнина, объяснявшего превращение 15-го индикта в 12-й тем, что переписчик прочитал букву "Е", обозначавшую 5, как "В", обозначавшую 2. Конечно, буква "Е" могла оказаться неразборчивой в оригинале, переписывавшемся через сто с лишним лет, или в промежуточной копии.

Датировка грамоты 1392-м г. больше согласуется с ее содержанием, чем датировка 1404-м. Ссылки на митрополита Алексея были необходимы Киприану именно в начале его митрополичества, а не в конце. Проведение идеи непосредственной преемственности власти Киприана от власти Алексея соответствовало духу и букве соборного определения константинопольского патриарха Антония февраля 1389 г. о низложении митрополита Пимена и восстановлении Киприана в звании митрополита Киевского и всея Руси. В этом документе напоминалось, что еще при патриархе Филофее Киприан был официально признан наследником Алексея на митрополии всея Руси: "...чтобы по смерти Алексея он один стоял митрополитом всея Руси". Далее в соборном определении говорилось: "... и мы все, единодушно утверждая упомянутое деяние и

---

[26] ДКУ. С. 176.

[27] *Smith R.E.F.* The Enserfment... N 10. P. 42.

[28] РФА. Вып. 1. № 3. С. 66.

как бы сначала поставляя того Киприана, полагаем конец прежде бывшим соблазнам"[29]. Ссылками на Алексея и стоявшую за ним "старину" составители договорной грамоты также стремились положить "конец прежде бывшим соблазнам".

Такими ссылками молчаливо перечеркивалось значение деятельности более близких предшественников и соперников Киприана – Михаила (Митяя), Дионисия, Пимена. Еще в 1391 г., борясь за восстановление права митрополичьего суда ("месяца") над новгородским духовенством, Киприан требовал аннулировать крестоцеловальную запись о неподсудности митрополиту, составленную новгородцами при Пимене в 1385 г. Константинопольский патриарх в грамотах 1393 г. поддержал претензии Киприана[30]. В 1395 г. Киприан признал недействительной грамоту Дионисия, данную псковичам[31].

Зачем надо было бы Киприану опираться на "старину", существовавшую при Алексее и до него, через 15 лет после прихода к власти, когда положение самого Киприана достаточно упрочилось и он мог опираться на свои собственные установления и, в частности, на докончание 1402 г. с великим князем о подтверждении церковных уставов и канонов? Мы уже отмечали, что в договорной грамоте "6900" г. не упоминаются ни "Номаканон", ни церковные уставы Владимира I и Ярослава Мудрого, ни, наконец, докончальная грамота 1402 г., подтверждавшая эти уставы. Вместе с тем в 1404 г. апелляция к "Номаканону" сохраняла для митрополита актуальность. В грамоте вдове Феодосье Филипповой от 4 июня 1404 г. Киприан сообщает, что он "възрел... в намаконун"[32].

Следовательно, как ссылки на митрополита Алексея, так и отсутствие ссылок на "номаканон" и новые постановления, принятые при самом Киприане, свидетельствуют не в пользу датировки договорной грамоты "6900" 1404-м г.

Очень важно и то, что в докончальной грамоте июня "6900" (1392) г., равно как и в митрополичьей уставной грамоте октября "6900" (1391) г.[33], внимание составителей сосредоточено на территории, являвшейся историческим центром и оплотом митрополичьей кафедры, – Владимирской земле. В патриаршьем соборном определении 1354 г. прямо говорится, что "епископия

---

[29] РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Прил. № 33. Стб. 223–224.

[30] ПСРЛ. Т. 8. С. 61–62; Т. 11. С. 126; 2-е изд. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 161; М., Л., 1962. Т. 27. С. 257, 335, 336; РИБ. Т. 6. Прил. № 37, 38. Стб. 235–262.

[31] РИБ. Т. 6. № 28. Стб. 234–236.

[32] Там же. № 31. Стб. 243.

[33] ААЭ. Т. 1. № 11. С. 6–7; АФЗХ. Ч. I. № 201. С. 179–180; ПРП. Вып. 3. С. 423–425; АСЭИ. Т. III. № 5. С. 16–18; перевод на английский язык: *Smith R.E.F.* The Enserfment... N 9. P. 39–41.

Владимирская" "могла доставить" русским митрополитам "постоянные и верные источники доходов", митрополиты "постоянное жительство и пребывание имели во Владимире, получая отсюда свое содержание и довольство"[34]. В этом документе "епископия Владимирская" официально признавалась "вторым (после Киева. – *С.К.*) седалищем и местом постоянного пребывания и упокоения" митрополитов всея Руси. Переселение уже в начале XIV в. митрополита Петра, а вслед за ним и его преемников в Москву не лишило Владимирскую землю большого экономического и политического значения для митрополичьей кафедры.

В самом деле, в уставной грамоте 1391 г. речь шла о размерах повинностей и натуральных поборов с крестьян митрополичьего домовного Царе-Константиновского монастыря. В договорной грамоте "6900" (1392) г. значительная часть текста посвящена определению податного и судебного иммунитета митрополичьих владений во Владимирской земле. Обе грамоты преследовали цель укрепления экономических и политических позиций кафедры в районе Владимира. Незадолго до составления уставной грамоты Киприан вернулся в Москву из Новгорода, где ему не удалось добиться реставрации митрополичьего права суда-"месяца" над новгородским духовенством (митрополит отправился в Новгород из Твери после 15 августа 1391 г.[35] и приехал назад в Москву до 21 октября 1391 г., когда была выдана уставная грамота). Судебная независимость Новгородской епархии ослабляла экономическую и политическую мощь митрополичьего дома. Невозможность получать судебные пошлины с Новгорода побудила Киприана сразу по возвращении в Москву хоть как-то компенсировать этот ущерб установлением твердой ренты с крестьян владимирского домовного монастыря.

Владимирская земля занимала важное стратегическое положение. С востока к ней примыкали Нижний Новгород и Городец, являвшиеся объектом спора между митрополичьим домом и суздальской кафедрой. Еще суздальский архиепископ Дионисий, претендент на звание митрополита, добивался у патриархата закрепления Нижнего Новгорода и Городца в составе Суздальской епархии, мотивируя это тем, что они имеют своего князя. Преемник Дионисия Евфросин получил в 1389 г. сигиллион на принадлежность к его епархии Нижнего Новгорода и Городца. В сигиллионе Евфросин назывался архиепископом Суздальским, Новгородским и Городецким[36]. Из грамот патриарха Антония 1393 г. узнаем, однако, что Евфросин обратился в патриархат с жалобой на мит-

[34] РИБ. Т. 6. Прил. № 12. Стб. 65–70.
[35] ПСРЛ. Т. 11. С. 126.
[36] РИБ. Т. 6. Прил. № 34. Стб. 229–230.

рополита Киприана по поводу Нижнего Новгорода и Городца[37]. Отобрание Киприаном этих владений у Евфросина надо, конечно, связать с присоединением Нижегородского княжества к Москве в 1392 г.

Еще в 1391 г. нижегородский великий князь Борис Константинович вернулся из Орды от хана Тохтамыша "в свою отчину в Новгород в Нижний с пожалованием"[38]. Это, разумеется, укрепило права Евфросина на Нижний Новгород и Городец. Но вскоре московский великий князь Василий Дмитриевич "сложи ... крестное целование к великому князю Борису Константиновичю" и 16 июля 1392 г. отправился в Орду к хану Тохтамышу, где посредством больших даров и платежей сумел получить ярлык на Нижний Новгород, Городец, Мещеру и Тарусу. В Москву великий князь возвратился 24 октября того же года[39]. Можно думать, что цель поездки Василия I была вполне согласована с Киприаном. Недаром последний сразу же после присоединения Нижегородского княжества предпринял попытку изъять Нижний Новгород и Городец из Суздальской епархии и включить их в состав митрополии.

В свете этих данных кажется в высшей степени правдоподобной возможность составления докончания между московским князем и митрополитом 28 июня 1392 г., накануне поездки Василия Дмитриевича в Орду. Становится объяснимой и анонимность грамоты. Стопроцентной уверенности в благополучном возвращении князя ни у самого Василия, ни у митрополита не было. Василий Дмитриевич еще в ранней молодости познакомился с превратностями пребывания в Орде. Наверное, великий князь с пониманием отнесся к желанию митрополита придать бóльшую надежность и долговременность документу путем замены имен реальных контрагентов нейтральным "имярек": в случае невозвращения Василия грамота сохранила бы свое значение (впрочем, переделка текста на формулярный лад могла быть произведена составителями формулярника XVI в., в оригинале XIV в. могли стоять реальные имена). Отсутствие в грамоте упоминаний о нижегородских и городецких землях подтверждает вероятность написания грамоты до поездки Василия I в Орду и до получения им ярлыка на Нижний Новгород и Городец.

Если наши аргументы в пользу датировки договорной грамоты "6900" г. 1392-м г. будут признаны основательными, мы сможем

---

[37] Там же. Прил. № 41, 43. Стб. 277–292.

[38] ПСРЛ. Т. 11. С. 127; ср.: Там же. Т. 8. С. 61.

[39] Там же. Т. 8. С. 62; Т. 11. С. 147, 153, 154 (здесь возвращение Василия I отнесено к 24 ноября); 2-е изд. Т. 15, вып. 1. Стб., 162–164; Т. 25. С. 219–220; Т. 27. С. 257–258, 336.

считать эту грамоту первым русским великокняжеским актом, где в конечном протоколе упоминается Москва. Конечно, наличие здесь имени Москвы связано прежде всего с попытками митрополита Киприана ввести в формуляр русских грамот указание места их выдачи. В эсхатоколе одной его грамоты 1378 г. фигурирует Киев[40]. В трех грамотах 1395 г. в качестве места выдачи назван Великий Новгород[41]. В духовной Киприана 1406 г., составленной в с. Голенищеве под Москвой, тоже есть указание места написания: "у Трех Святителей"[42] (церковь в с. Голенищеве). Большинство ранних грамот Киприана, написанных до 1390 г. (две грамоты 1378 г. и две грамоты около 1381–1383 гг.), а также одна грамота 1404 г. лишены сведений о месте выдачи[43]. Нет таких сведений и в недатированном послании Киприана игумену Афанасию[44].

Первое упоминание Москвы в эсхатоколе содержится в уставной грамоте митрополита Киприана Царе-Константиновскому монастырю 1391 г. Следующей грамотой, в конечном протоколе которой фигурировала Москва, можно, по-видимому, считать докончание июня 1392 г., заключенное между Киприаном и Василием I. "На Москве" же были выданы грамоты Киприана от 29 августа 1392 г.[45] и от 17 апреля неуказанного года (после 1395 г.)[46]. Последними грамотами времени митрополичества Киприана, называющими Москву в конечном протоколе, являются два докончания 1402 г., уже упоминавшиеся выше: Василия I с Киприаном и Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем. Наличие имени Москвы в эсхатоколе междукняжеской грамоты, вероятно, объясняется влиянием Киприана, поскольку документ составлялся по его "благословлению".

Таким образом, включение в конечный протокол публичных актов указания на Москву связано с политической деятельностью митрополита Киприана в период великого княжения Василия I Дмитриевича начиная с момента возвращения этого прелата в Москву в 1390 г. Выходец из Тырнова, болгарин Киприан был, безусловно, знаком с идеей "Тырново – третий Рим", характерной

---

[40] *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 202. Грамота III.

[41] РИБ. Т. 6. № 27–29. Стб. 234, 236, 238 (РФА. М., 1987. [Вып.] III. № 135. С. 498).

[42] ПСРЛ. Т. 8. С. 80; Т. 11. С. 197.

[43] *Прохоров Г.М.* Указ. соч. С. 195–201, 202–204. Грамоты I–II, IV–V; РИБ. Т. 6. № 31. Стб. 241–244.

[44] РИБ. Т. 6. № 32. Стб. 243–270.

[45] Там же. № 26. Стб. 229–232.

[46] Там же. № 30. Стб. 239–242; см. также грамоту 1399 г. (АСЭИ. Т. III. № 86. С. 117–118).

для идеологии Второго Болгарского царства[47]. В 1388 г. Тырновское царство признало вассальную зависимость от Турции; в 1393 г. султан Баязид I захватил Тырново, а затем Никополь, и Тырновское царство окончательно пало. Уже признание Тырновским царством вассальной зависимости от Турции в 1388 г. должно было дискредитировать идею "Тырново – третий Рим" в глазах ее сторонников, в том числе, вероятно, и митрополита Киприана.

Вернувшись в Москву в 1390 г. в заново утвержденном сане митрополита Киевского и всея Руси, Киприан стал ревностным пропагандистом важной роли Москвы как столицы великого княжения и фактической столицы митрополии. Неизвестно, вынашивал ли митрополит Киприан идею типа "Москва – третий Рим", но, во всяком случае, он стремился поднять престиж Москвы в официальных актах. Реальные основания для этого были. В своей второй духовной (1389 г.) Дмитрий Донской завещал своему старшему сыну Василию Дмитриевичу не только основную территорию собственно Московского княжества, но и великое княжение Владимирское[48], что делалось в великокняжеских грамотах впервые. Переезд митрополитов "всея Руси" в Москву в начале XIV в. усилил внутрирусский и международный авторитет московских великих князей. Уже в 1347 г. византийский император Иоанн Кантакузин обращался к Семену Гордому как к "великому князю всея Руси"[49]. Тот же титул употреблен по отношению к великому князю Дмитрию Ивановичу в грамотах патриарха Филофея 1370 г.[50] В соборном определении патриарха Нила 1380 г. упоминается скончавшийся ранее "великий князь Московский и всея Руси" (Иван II)[51]. Титул "великий князь Московский и всея Руси" использует и патриарх Антоний, обращаясь в грамоте 1393 г. к Василию I[52].

Введение Киприаном и под его влиянием в конечный протокол публичноправовых актов указания места и даты выдачи докумен-

---

[47] О связи политических взглядов Киприана с концепцией тырновского патриарха Евтимия в литературе уже говорилось (см., например: *Shaeder H.* Moskau das dritte Rom. Darmstadt, 1957. S. 1–12; ср. также: *Снегаров И.* К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV – начале XV в. // Международные связи России до XVII в.: Сб. статей. М., 1961. С. 265–269 и др.; *Дмитриев Л.А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы: (К русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 215–254).

[48] ДДГ. № 12. С. 33–37.

[49] РИБ. Т. 6. Прил. № 5. Стб. 25–26.

[50] Там же. Прил. № 16, 19–21. Стб. 97–98, 115–118, 121–122; ср. № 18. Стб. 109–110 ("благороднейшие князья всея Руси").

[51] Там же. Прил. № 30. Стб. 165–166.

[52] Там же. Прил. № 40. Стб. 265–266.

та было не просто результатом следования традициям зарубежной дипломатики, но и сознательным оформлением идеи приоритета Москвы в политической системе русских княжеств. Вообще, включая в грамоты указание места их выдачи, Киприан преодолевал традиции как русской, так и византийской дипломатики. Из грамот константинопольского патриархата конечный протокол в собственном смысле слова имели наиболее торжественные акты, где приводилась дата, в которой фигурировали месяц, число, иногда порядковый номер дня недели, индикт и год. Подпись патриарха в таких грамотах состояла из его имени и титула. В менее торжественных актах подпись, сделанная патриаршей рукой, заменяла конечный протокол, поскольку она представляла собой обозначение месяца и индикта (так называемый менологий). Ни год, ни имя и титул патриарха здесь не указывались. Способ подписания грамот менологием существовал и в императорской канцелярии. Что касается торжественных подписей, то в них патриарх определялся как "архиепископ Константинополя, Нового Рима, и вселенский патриарх"[53]. Таким образом, только географическая часть титула патриарха служила намеком на место выдачи документа. Приводя название Москвы в конечном протоколе, Киприан уже одним этим создавал основу для возможного сопоставления Москвы и "Константинополя, Нового Рима", хотя, быть может, так далеко его замыслы не шли.

Заметим, что Киприану отнюдь не чужда была идея преемственности Москвы от первого и второго Рима. Еще в 1380 г. он, если верить летописи, называл Дмитрия Донского "новым Констянтином" и в качестве промежуточных фигур между Константином и Дмитрием указывал Ярослава Мудрого и Александра Невского[54], выстраивая, таким образом, логическую цепь: Рим – Константинополь – Киев – Владимир – Москва. Роль первого Рима в этой схеме выступает нечетко, но само имя Константина как бы связывает первый и второй Рим. Киев и Владимир здесь не приравниваются к Риму, поскольку Ярослав получает лишь эпитет "дивный", а Александр Невский – "чюдный", и только московский князь удостоен определения "новый Констянтин" (сам Дмитрий Донской, правда, не слишком высоко оценивал заслуги Киприана и не раз подвергал его опале).

Интересно, что из своих домовных монастырей Киприан в 1391 г. уделил внимание именно Царе-Константиновскому. Патрональным святыми этого монастыря были император Константин и мать его Елена, а сам монастырь находился вблизи традицион-

---

[53] См., например: Там же. Прил. № 9, 23, 30. Стб. 51–52, 133–134, 183–184.
[54] ПСРЛ. Т. 11. С. 67.

ного центра великого княжения Владимирского. Нельзя недоучитывать пропагандистский момент, имевший значение при выдаче этой грамоты. В ней упоминались одновременно Константин и Москва.

Таким образом, как сама теория третьего Рима в XVI–XVII вв., так и ее предвестники в XIV в. возникают в церковной среде, хотя они и были обусловлены успехами внутренней и внешней политики московских князей.

Появление конечного протокола в жалованных грамотах происходит при Василии I Дмитриевиче. Среди его грамот есть такие, где названа Москва как место выдачи акта[55]. Некоторые грамоты имеют дату[56].

---

[55] См., например: АСЭИ. Т. I. С. 41, 49. № 30 (1415 г.), 44 (1425 г.); Т. II. С. 478–479. № 435 (1425 г.); Т. III. С. 260, 323–324. № 289 (1424 г.), № 296 (1423 г.) и др.

[56] См. выше, примеч. 55.

Глава XIV

КАНЦЕЛЯРСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНИКА 1497 ГОДА КАК ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА

Законодательные памятники принадлежат к определенному виду исторических источников. Мы определяем вид как категорию документов, имеющих "сходные внешние признаки происхождения, содержания и формы"[1]. Нам уже приходилось разъяснять, что под "сходными внешними признаками" понимаются признаки юридической общности, а не признаки внешнего сходства по материалу, письму и другим особенностям, относимым к "внешней форме" документа. Так, например, общий формально-юридический признак происхождения договорных документов (актов) в разных странах и в разное время состоит в том, что во всех случаях эти документы – результат сделки контрагентов. К каким бы классам и сословиям ни принадлежали контрагенты, на каком бы языке ни был составлен документ, как бы он ни назывался, формально-юридические отношения, приведшие к его созданию, – договоренность, сделка заинтересованных сторон[2]. Формально-юридическая общность законодательных источников заключается, наоборот, в отсутствии прямых контрагентов у кодификатора. Доминантой является его воля, его понимание необходимости и целесообразности создания правового кодекса, обязательного не для отдельных лиц, а для всех подданных. Конечно, за этой волей и пониманием стоит сложный клубок запутанных социально-экономических и политических взаимоотношений между классами, сословиями, кланами и т.п., а "юридический автор" документа (государь, государство) отнюдь не тождествен конкретным составителям текста (последнее в ряде случаев можно сказать и об актах).

Общие "внешние признаки содержания" договорных документов (актов) сводятся к тому, что здесь фиксируются взаимные

---

[1] См.: *Каштанов С.М., Курносов А.А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // ИА. 1962. № 4. С. 178; *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 15; *Он же.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 13–14; *Он же.* Актовая археография. М., 1998. С. 10–18.

[2] *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. С. 13.

условия поведения сторон[3], в то время как в законах определяются права и обязанности подданных вообще, регламентируется деятельность различных органов государственной власти, устанавливаются правила их взаимоотношений между собой и с частными лицами. Содержание законодательных документов формулируется в конечном счете односторонне государственной властью, даже если перед этим проводилось "всенародное обсуждение" правовых норм, которые должны были получить закрепление в законе, или если они принимались на соборе или съезде.

Под внешней общностью "формы" документов одного и того же вида подразумевается близость их внутренней формы, или формуляра. В договорных документах, независимо от того, в каких конкретно-исторических условиях они возникли, внутренняя форма состоит из комбинации более или менее устойчивых статей[4]. Статейная форма свойственна и законам, однако в них не всегда присутствуют протокол и эсхатокол, иногда же эти части формуляра представлены лишь отдельными своими компонентами. Многие законы не имеют характерных для актов удостоверительных знаков – подписей, печатей.

В судебниках 1497, 1550, 1589 гг., Сводном судебнике начала XVII в. и в Соборном уложении 1649 г. начального протокола как такового нет. Вместо него мы видим введение в форме повествовательной (летописной) статьи, начинающейся с даты и указывающей авторов закона[5]. Во введении к Соборному уложению эти компоненты дополнены длинным текстом, напоминающим преамбулу и наррацию[6]. В вводной части двух первых судебников и Сводного (повторяющего начало судебника 1550 г.) говорится о совместном издании кодекса государем и его ближайшими советниками – детьми (1497 г.), братьями (1550 г.) и боярами: "... уложил князь великий ... с детми своими и с бояры о суде..."[7] Во введении к судебнику 1589 г. фигурируют, кроме бояр, патриарх, митрополиты, князья и весь "селенский собор"[8]. В вводной статье Уложения 1649 г. названы еще архиепископы, епископы, окольничие и думные люди[9].

Аналогичную структуру и содержание имеет введение к "законнику" сербского царя Стефана Душана 1349 г., где сначала при-

---

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Судебники. С. 19, 141, 351; ПРП. Вып. 4. С. 482; Соборное уложение. С. 17.

[6] Соборное уложение. С. 17–18.

[7] Судебники. С. 19; ср. С. 141; ПРП. Вып. 4. С. 482.

[8] Судебники. С. 351.

[9] Соборное уложение. С. 17.

водится дата, а затем перечисляется состав участников "събора", издавшего кодекс. Правда, в отличие от русских судебников и Уложения на первом месте здесь указаны церковные иерархи, царь же и его "властели" фигурируют в конце перечня: "Сии же законыкь поставляемь оть православнаго събора нашего, преосвештеныимь патриархомь кир Ионикиемь и въсеми архиереи и црьковникы, малимы и великыми, и мною, благовернымь царемь Стефаномь, и всеми властели царства ми, малими же и великыми, законоmь же сложениа быше"[10].

Другую традицию мы наблюдаем в законодательных документах Польско-Литовского государства. Их вступительная часть открывается начальным протоколом. Так, в судебнике Казимира IV 1468 г. на первом месте – интитуляция в чистом виде ("Казимир, Божьею милостью король Полскыи..."), а далее следует промульгация (нотификация) ("Чинимь знаменито симъ нашим листомъ..."), в рамках которой и сообщается о составлении закона королем "съ князми и с паны радою ... и со всимъ посполствомъ погадавши..."[11] Во вступительной части литовских статутов 1529[12], 1566[13] и 1588 гг.[14] интитуляция и промульгация дополнены обширной преамбулой и наррацией, однако в статуте 1529 г. соавторы законодателя (советники) не названы, в статуте 1566 г. говорится только, что он выдан "на сойме Виленском великом валном"[15], в статуте же 1588 г. упоминается о совещании короля "с паны радами нашими и зо всими станы обоего народу на сойме вальном коронацыи нашое будучими"[16]. Более того, вступление к статуту 1588 г. характеризует его как документ, поданный королю на утверждение от имени "всих станов обывателев Великого князьства Литовского"[17].

Стремление сербских, русских и польско-литовских кодификаторов изобразить закон как результат совместной деятельности государя и его советников или даже представителей разных сословий

---

[10] Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354 / на ново издао и објаснио Стојан Новаковић. У Београду, 1898. С. 6.

[11] *Старостина И.П.* Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед.: 1988–1989 годы. М., 1991. С. 336.

[12] Старый Литовский статут 1529 года // Временник МОИДР. М., 1854. Кн. 18. Материалы. С. 1; Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К.И. Яблонскиса. Минск, 1960. С. 31.

[13] Статут Великого князьства Литовского 1566 года // Временник МОИДР. М., 1855. Кн. 23. Материалы. С. 14.

[14] Статут Вялікага княства Літоускага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 42.

[15] Временник МОИДР. Кн. 23. Материалы. С. 14.

[16] Статут Вялікага княства Літоускага 1588. С. 43.

[17] Там же. С. 42.

находится в русле общеевропейской традиции. Так, Хильдеберт II, король Австразии и Бургундии, издает (в 596 г.?) декрет вместе со своими "оптиматами" (una cum nostris optimatibus)"[18]. Майордом Карломан, dux et princeps Francorum, составляет в 742 г. капитулярий, пользуясь советом "рабов Божьих и оптиматов своих – епископов" (cum consilio servorum Dei et optimatum meorum episcopos)[19].

Эта европейская традиция резко контрастирует с древневосточной. Вавилонский царь Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) во введении к своему судебнику не упоминает никого из вельмож или родственников, кто бы мог являться его советником при составлении закона. Он ссылается лишь на богов – Анума и Энлиля, поставивших его царем над Вавилоном, и Мардука, направившего его, "чтобы справедливо руководить людьми и дать стране счастье". Введение содержит многочисленные панегирические самоопределения Хаммурапи, восхваляющие его достоинства и подвиги. Эта гимноподобная "интитуляция" является одновременно повестью о делах и победах царя[20].

Для европейских законов в отличие от актов не характерно употребление инвокации. Почему кодификатор отказывается от призывания имени Божьего, не вполне ясно.

В рассматриваемых памятниках сербского, русского и польско-литовского законодательства отсутствует также и адрес. Однако на Западе включение инскрипции в законодательный документ было не так уж необычно. Например, Великая хартия вольностей английского короля Иоанна Безземельного 1215 г., построенная в основном по актовому формуляру, содержит интитуляцию, инскрипцию, салютацию, нотификацию[21]. Возможность включения инскрипции и салютации в законодательный документ была связана с живучестью римской традиции: начиная с IV в. все императорские постановления составлялись в форме писем[22]. В эпоху

---

[18] Capitularia. T. 1, pars 1. № 7. P. 15–17. Документ датируется 29 февраля 596 г. Согласно Ансельму, Хильдеберт II умер в сентябре или октябре 595 г. (*Anselme P.* Histoire généalogique de la maison royale de France, des grands officiers de la couronne, etc. P., 1712. P. 13). В новейшей "Исторической генеалогии" смерть Хильдеберта отнесена к 22 ноября – 31 декабря 595 г. (Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1995. Вып. 8. Табл. 36. С. LXX). Между тем Ж. Тесье не сомневался в дате документа, приведенной в MGH (см.: *Tessier G.* Diplomatique royale française. P., 1962. P. 14).

[19] Capitularia. T. 1, pars 1. № 10. P. 24–26.

[20] Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963. С. 197–198.

[21] *Петрушевский Д.М.* Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. 2-е изд. М., 1918. С. 147.

[22] *Classen P.* Kaiserreskript und Königsurkunde: Diplomatische Studien zur Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thessaloniki, 1977. S. 60, 65.

Меровингов мы также встречаем некоторые законы, оформленные как письма[23]. Что касается Великой хартии, то она носила законодательно-договорный характер, чем и объясняется в значительной мере соблюдение в ней норм актового формуляра. Между тем тут не видно санкции в собственном смысле слова. Вместо этого говорится о клятве, принесенной обеими заинтересованными сторонами (королем и баронами)[24]. Отсутствие санкции – общая черта русских судебников, Уложения 1649 г., законника Стефана Душана и литовских статутов. Слабо выражена санкция в судебнике Казимира 1468 г.: "Про то ж, как оу нашему листу выписано, по тому бы есте рядили, а с того не выступли"[25]. Наличие санкции типа clause injonctive, возможно, связано с элементом договорности, присущим судебнику 1468 г. Но в нем, как и в других перечисленных выше памятниках, нет угрожающих санкций (clauses comminatoires), свойственных актовым источникам.

В более ранних русских законах – Русской Правде, Псковской судной грамоте, Московской записи о душегубстве – мы также не находим общей санкции. Текст Новгородской судной грамоты сохранился без конца[26], однако едва ли там имелась санкция. Вместе с тем памятник гораздо более древний – судебник Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) – содержит различные угрозы нарушителям закона. Заключительная часть судебника состоит из двух разделов. В первом прославляются мудрость и могущество царя, а законы, данные им, определяются как "справедливые". Во втором разделе заключения формулируются угрозы и проклятия тем, кто нарушит законы Хаммурапи. Все эти грозные санкции носят характер poena spiritualis и адресуются по преимуществу преемникам царя[27]. Естественно, что какие-либо административные меры и, в частности, штрафы здесь не были предусмотрены.

В данном случае исключение подтверждает правило: угрожать подданным за несоблюдение закона в общей форме не имело смысла. Во-первых, каждая статья закона уже заключала в себе определенный запрет и определенную угрозу, всякий раз достаточно специфическую, а не расплывчато общую. Во-вторых, закон не являлся договором с конкретным контрагентом, которого только и можно было обязать к исполнению всех статей договора угрозой общей санкции. В-третьих, поскольку закон не касался конкретного контрагента, он не мог защитить его интерес по-

---

[23] Capitularia. T. 1, pars 1. № 1, 5, 8. P. 1–2, 10–12, 18–19.

[24] *Петрушевский Д.М.* Указ. соч. С. 159.

[25] *Старостина И.П.* Указ. соч. С. 340.

[26] См.: ПРП. Вып. 2. С. 218.

[27] Хрестоматия по истории Древнего Востока. С. 215–217.

средством общих санкций, направленных против определенных групп населения или должностных лиц.

Не столь повсеместно отсутствует в законодательных документах конечный протокол (эсхатокол). Его нет ни в судебнике Хаммурапи, ни в русских судебниках, ни в законнике Стефана Душана. Между тем необходимый компонент эсхатокола – дата – присутствует во вступительной части законника Стефана Душана и русских судебников 1497, 1550 и 1589 гг.

В судебнике Казимира 1468 г. эсхатокол помещен в конце всего документа в соответствии с актовой традицией. В нем указаны место и время выдачи документа[28]. В Первом литовском статуте 1529 г. эсхатокол отсутствует как в конце всего текста, так и в конце введения (нет указания ни места выдачи, ни даты). В двух последующих статутах эсхатокол дается в конце введения, причем в статуте 1566 г. место выдачи документа указывается описательно. Название города выступает здесь в форме прилагательного: "А выдан есть сесь статут на сойме Виленском валном"[29]. Короче и конкретнее определяется место выдачи в статуте 1588 г.: "Писан у Кракове"[30].

Соборное уложение 1649 г. имеет эсхатокол в конце всего текста (после главы XXV), чего не было в судебниках: "Совершена сия книга повелением великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Русии самодержца, в третье лето Богом хранимыя его державы и при сыне его государеве, благоверном царевиче и великом князе Дмитрии Алексеевиче, в первое лето рожения его, лета 7157-го, генваря в 29 день"[31]. Между тем в соответствии с традицией судебников дата была указана и в начале вступительной части Уложения: "В лето 7156-го, июля в 16 день, государь, царь и великии князь Алексей Михайловичь, всея Русии самодержец, в двадесятое лето возраста своего, в третьее лето Богом хранимыя своея державы, советовал..."[32] Дата, приведенная во вступлении (16 июля 1648 г.), свидетельствует о начале работы по составлению Уложения, дата же эсхатокола (29 января 1649 г.) говорит о времени окончания этой работы и принятия закона.

Подобно законнику Стефана Душана и русским судебникам, Уложение не называет место написания документа. Если в судебнике 1497 г. это могло быть связано с русской актовой практикой XIV–XV вв., когда место выдачи грамоты упоминалось в эсхато-

---

[28] *Старостина И.П.* Указ. соч. С. 340.

[29] Временник МОИДР. Кн. 23. Материалы. С. 14.

[30] Статут Вялікага княства Літоускага 1588. С. 43.

[31] Соборное уложение. С. 136.

[32] Там же. С. 17.

коле довольно редко, то для Уложения такое умолчание объясняется скорее стремлением соблюсти традицию судебников, ибо в русских публичных актах XVI – первой половины XVII в. конечный протокол содержал, как правило, указание и места, и времени их составления.

Кроме конечного протокола, Уложение имеет удостоверительные знаки – 315 подписей участников земского собора[33]. Это было еще одно отступление от традиции судебников и приближение к актовой практике. Впервые подписи участников появились на приговоре земского собора 1566 г.[34] Тогда образцом для Ивана Грозного послужила, видимо, грамота константинопольского патриарха Иоасафа II 1560 г. о царском титуле, содержавшая целый ряд подписей церковных иерархов[35]. Вместе с тем подписи самого Алексея Михайловича на Уложении нет. Как и Иван Грозный, он не заключал равноправный договор с подданными, а закреплял с помощью подписей представителей сословий их обязательство неукоснительно блюсти закон.

Иначе поступил Сигизмунд III, издавший III Литовский статут. На двух первых статутах мы не находим подписей государя или его подданных. Зато вступление к статуту 1588 г. завершается подписью короля Сигизмунда, контрассигнацией подканцлера Льва Сапеги и субскрипцией писаря Габриеля Войны[36]. Подпись кодификатора под законом не редкость в документах Нового времени. В издании кодекса Наполеона, осуществленном в 1807 г. (сам кодекс был декретирован в 1803 г.), сообщается о наличии подписи автора (Signé Napoléon). Она была контрассигнирована государственным секретарем Югом Б. Марэ и удостоверена вер-

---

[33] Там же. С. 404–410.

[34] СГГД. М., 1813. Ч. I. № 192. С. 555–556; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 192. См. также подписи на приговоре церковного собора 1580 г. о запрещении передавать и продавать вотчины монастырям (Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. № 40. С. 59).

[35] НИОР РГБ. Ф. 181 (Музейное собрание). № 175; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 175 об.–180 об.; *Regel W.* Analecta byzantino-russica. Petropoli, 1891. P. LI–XCVIII, 75–79. Tabl. I–II; *Оболенский М.А.* Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года. М., 1850. РГМ. Т. 1. С. 266–267 (№ 128), 384–388. О степени подлинности подписей см.: *Фонкич Б.Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 247–251; *Он же.* Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII в.: Греческие документы московских хранилищ: Каталог выставки. М., 1991. С. 9. № 2. См. также: *Каштанов С.М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1993. Вып. 2. С. 45, 47, примеч. 4, 35.

[36] Статут Велікага княства Літоускага 1588. С. 43.

ховным судьей – министром юстиции Ренье. В издании 1807 г. изображена также императорская печать[37].

О том, чтобы законник Стефана Душана, судебник Казимира IV, русские судебники, литовские статуты или Соборное уложение 1649 г. скреплялись государевой печатью, мы не знаем. Сведений такого рода нет. Правда, на титульном листе статута 1588 г. изображена печать Великого княжества Литовского. Вместе с тем известно, что к русским соборным приговорам во второй половине XVI в. печати привешивались. Так, приговор 1580 г. о запрещении давать вотчины в монастыри скреплен семью печатями: царя, митрополита, трех архиепископов и двух епископов[38]. Девять печатей – на соборном приговоре 1584 г. об отмене тарханов: царя, митрополита, трех архиепископов и четырех епископов[39]. Как видим, на эти документы была перенесена средневековая практика скрепления договорных грамот печатями контрагентов. Подобный способ удостоверения приговоров свидетельствует о том, что они представляли собой не только закон, но и договор царя с высшими церковными иерархами.

Элемент договорности больше всего свойствен не общим, а частичным, или специальным, законам, посвященным сравнительно узкому кругу вопросов. Еще сильнее этот момент выражен в так называемых частных законах (privae leges), определяющих статус отдельных юридических или физических лиц. Поэтому выражение "законодательные акты", которое всегда казалось нам неточным[40], есть больше оснований применять к частичным или частным законам, содержащим в себе элемент договора (акта), чем к законам общим. От общих, частичных и "частных" законов следует отличать чисто распорядительные документы верховной власти, написанные по случаю, ad hoc. Если, скажем, капитулярий Карла Великого о поместьях (de villis) является частичным, или специальным, законом, жалованная грамота Ивана III тому или иному монастырю – "частным" законом, то указная грамота великого князя или царя по поводу каких-либо правонарушений или временных мер относится уже к виду не столько законодательных, сколько распорядительных документов.

В Римской империи всякая воля императора считалась законом, и трудно было разграничить императорские рескрипты и собственно законы. По закону Валентиниана III 426 г., изданному по инициативе его матери и опекунши Галлы Плацидии, законом

---

[37] Code Napoléon. Édition originale et seule officielle. Paris, 1807. P. 416.

[38] Законодательные акты... Тексты. № 40. С. 57.

[39] Там же. № 43. С. 61.

[40] *Каштанов С.М.* Актовая археография. С. 14.

было признано считать такое постановление, которое направлялось в Сенат в виде речи императора или определялось как эдикт или lex generalis. Другие распоряжения императора считались обязательными лишь для тех, кого они непосредственно касались[41].

Мы полагаем, что основанием для выделения подвидов в большом виде законодательных источников служит разделение их на четыре группы, из которых первые три уже были названы выше: А) общие законы; Б) специальные (частичные) законы; В) "частные" законы; Г) своды законов. Третий подвид (В) является как бы смешением двух видов: законодательного и договорного. Иногда такой характер приобретают и документы второго подвида (Б). Вместе с тем общие законы (А), как бы ни расширялось их авторство и как бы ни влиял на них актовый формуляр, никогда не становятся "договором" между законодателем и подданными и не превращаются в "общественный договор" в духе Ж.-Ж. Руссо[42].

Дополнительными критериями для уточнения классификации законодательных источников служат: а) происхождение документа: 1) светское, 2) церковное; б) его предназначение для органов: 1) светской власти, 2) церковной власти; в) сфера и объект применения: 1) союз племен, народность или территория, занятая этой народностью, 2) область-государство, 3) район, входящий в состав государства, 4) государство в целом, 5) нация в целом; г) метод составления: 1) запись и обработка обычного права, 2) новации в рамках традиционного права, 3) заимствования из иностранного законодательства, 4) ломка старого и создание нового права; д) содержание закона: 1) вопросы судопроизводства, 2) некоторое регулирование социальных противоречий, 3) широкое регулирование социально-экономических проблем, 4) вопросы церковного права, 5) вопросы политического устройства и государственной безопасности, 6) фиксация некоторых прав и обязанностей сословий или сословных групп, 7) фиксация общегражданских обязанностей подданных, 8) фиксация общегражданских прав и политических свобод подданных без различия сословий.

Указанные признаки могут находиться в самых разнообразных сочетаниях между собой. Так, происхождение церковного устава Владимира I – формально светское, но предназначен он был преимущественно для церковных властей. Церковный устав Ярослава Мудрого можно считать исходящим от светской и церковной властей одновременно, ибо, выдавая его, князь "сгадал" с митрополитом Илларионом. В "Правосудии митрополичьем" автор

---

[41] *Classen P.* Op. cit. S. 35.

[42] См.: *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М., 1998. С. 195–322.

не назван. Считается, что этот памятник возник в среде высшего духовенства, однако на первом месте в нем – защита великокняжеской чести[43].

Раннесредневековые правды (leges) обычно указывают имя народа, с которым связано происхождение закона и для которого он составлен. Вместе с тем нередко эти кодексы предстают и как творение монарха, их издавшего. "Правда Роськая" в Краткой редакции еще не сопровождается именем Ярослава, но в Пространной имеет заголовок: "Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русськая". Лангобардская правда VII в. известна также и как "эдикт Ротари" (643 г.)[44]. Вестготская правда (Liber Iudiciorum) появилась в первой редакции при короле Реккесвинде в 654 г., во второй, дополнительной редакции – при Эрвиге в 681 г.[45]

Ясно, что составлением правд занимался не народ как таковой, а доверенные лица носителей верховной власти – королей и князей. Для записи древнеримского права в обстановке весьма острой борьбы были избраны сначала первая, а затем вторая коллегии децемвиров, получившие прерогативы высшей власти (середина V в. до н.э.)[46].

Объектом применения раннесредневековых законов мог быть как народ, для которого и именем которого создавалась правда, так и все остальное население, находившееся на земле этого народа, в том числе и инородцы. В "Правде Русской" оговаривалось особое положение варягов и колбягов, но, судя по данным исландских саг, к ним применялись общерусские нормы права уже при Владимире I и тем более при Ярославе. Возможно, саги несколько модернизируют картину, однако обращает на себя внимание упорное подчеркивание в них того обстоятельства, что на Руси[47] убийство неосужденного судом человека каралось смертью или

---

[43] ПРП. Вып. 3. С. 426.

[44] Библиографические указания см.: *Herde P.* Die Bestrafung von Fälscher nach weltlichen und kirchlichen Rechtsquellen // Fälschungen im Mittelalter: Internationaler Kongreß der Monumenta Germaniae Historica. München, 16.–19. September 1986. Hannover, 1988.Th. II: Gefälschte Rechtstexte. Der bestrafte Fälscher. S. 586–587. Anm. 35; *Котельникова Л.А.* Эдикт Ротари // СИЭ. М., 1976. Т. 16. Стб. 406–407.

[45] Подробнее см.: *Nehlsen H.* Der Schutz von Rechtsaufzeichnungen gegen Fälscher in den Germanenreichen // Fälschungen im Mittelalter. Th. II. S. 546–549, 553, 555–563.

[46] См., в частности: *Täubler E.* Untersuchungen zur Geschichte des Decemvirats und der Zwölftafeln. Berlin, 1921 (Historische Studien... // hrsg. von E. Ebering; Heft 148). S. 10, 52, 79–105, 113–114, 126; *Martino F. de.* Storia della costituzione Romana. Napoli, 1958. Vol. I. P. 243–256, 259, 304, 308–311, 320–325, 380, 389.

[47] В саге "Хеймскрингла" (Круг земной), написанной около 1230 г. Снорри Стурлусоном, в качестве места действия называется "Хольмгард", т.е. Новгород, а событие относится к концу X в. (до 995 г.) (см. ниже, примеч. 48).

денежным штрафом – "вирой", и этому наказанию подлежали не только аборигены, но и пришлые скандинавы[48].

Между тем могли быть разные кодексы для разных частей населения. В Вестготском королевстве, например, существовал один закон для римских подданных короля, изданный Аларихом II в 506 г. (Lex Romana Visigothorum), и другой – для неримских подданных, изданный в 654 г. Реккесвиндом (упомянутая выше Вестготская правда, или Liber Iudiciorum)[49].

К раннесредневековым правдам восходят законы областей-государств типа Новгородской и Псковской судных грамот или Саксонского зерцала. Главной их темой является, как и в правдах, судопроизводство по уголовным делам, но здесь в большей мере затрагиваются вопросы гражданского права и имущественной документации. Объектом приложения областных законов служит не этнос как нечто целое, а население определенной территории, занятой частью этого этноса, имеющей свои органы власти и управления. Бывали случаи, когда местные законы становились общегосударственными. Например, так называемый Ютский закон 1241 г., изданный как областной (для Ютландии и о-ва Фюн), постепенно вытеснил более ранние областные законы и действовал фактически как общедатский до 1683 г.[50]

Дальнейшее развитие местное законодательство получает в записях обычного права провинций и более мелких районов, находящихся в рамках государства, но обладающих известным самоуправлением под эгидой центральной власти. Эти законы (французские кутюмы, немецкие вайстюмеры) в значительной мере основаны на этническом и областном праве, однако главная особенность их состоит в учете сугубо локальной правовой специфики, происхождение которой, думается, связано с существованием в период феодальной раздробленности многочисленных самостоятельных герцогств, графств, бароний и сеньорий со своими

---

[48] Показательны в данной связи рассказы о пребывании на Руси в отрочестве Олава I Трюггвесона (норвежский конунг в 995–1000 гг.) и Магнуса I Доброго (норвежский конунг в 1035–1047 гг.). Каждый из них убил своего обидчика и должен был понести наказание, но первого спасла "княгиня" (жена Владимира, в "Хеймскрингле" названная странным именем "Аллогия"), уплатив за него виру, второго – сам князь "Ярицлейв" (Ярослав Мудрый), который заплатил виру родственникам убитого (*Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед.: 1988–1989 годы. М., 1991. С. 76–77).

[49] *Nehlsen H.* Op. cit. S. 555.

[50] Danmarks gamle Landskabslove... // Under ledelse af Jøks, Brøndum-Nielsen. København, 1936–1939. Bd. 5–8; Ютский закон (Juske Lov) // СИЭ. Т. 16. Стб. 835.

законами и обычаями. В условиях централизованного государства локальные законы действовали параллельно с королевскими ордонансами, эдиктами и т.п.

В России эта разновидность законодательства не развилась, вероятно, вследствие того, что Русь "счастливо" миновала стадию феодальной раздробленности позднефранкского образца, начавшуюся во Франции в IX в.[51], и постепенно перешла от раздробленности княжеско-родового типа (дробление земель между представителями рода Рюриковичей) к областным монархиям, а затем и к единому централизованному государству каролингского типа, превратившемуся, в отличие от империи Каролингов, в сословно-представительную монархию.

Во Франции в период позднего Средневековья составлялись областные судебники (например, Большой нормандский судебник, середина XIII в.) и даже Большой французский судебник (конец XIV в.). Это были записи кутюм (обычного права). Работа по их сбору завершилась изданием в 1724 г. общего свода кутюм[52]. Однако записи обычного права не являлись основным законом, общегосударственной конституцией. Параллельно с существованием кутюм выходили многочисленные королевские ордонансы и эдикты, определявшие нормы взаимоотношений между подданными и государственной властью.

Судебники как разновидность общего закона возникают на пике централизаторской политики в таких государствах, где отдельные области уже создали свои законы, но локального законодательства, записи местных обычаев в целом не существовало, а издание специальных законов практиковалось центральной властью еще мало. На этой стадии и находилась Россия Ивана III вскоре после присоединения Новгорода и Твери. Судебник 1497 г. распространил на всю страну или во всяком случае на основную ее часть (Псков и Рязань присоединены еще не были) опыт областного законодательства – новгородско-псковского, запечатленного в судных грамотах и договорах с князьями, московско-тверского, зафиксированного в междукняжеских договорах, – и придал ему новое качество.

Развитие специального законодательства усиливается в России после издания второго судебника, 1550 г., и служит признаком того, что судебник как форма общего закона уже не удовлетворяет растущие потребности правового регулирования в стране и нуж-

---

[51] Подробнее см.: *Dhondt J.* Études sur la naissance des principautés territoriales en France (IXe–Xe siècle). Brugge (België), 1948; *Тейс Л.* Наследие Каролингов: IX–X века. М., 1993.

[52] *Шаркова И.С.* Кутюмы // СИЭ. М., 1965. Т. 8. Стб. 338.

дается в постоянных дополнениях (о том же, впрочем, свидетельствовало само появление второго судебника, расширившего тематику первого). О вырождении жанра судебников к концу XVI в. говорит как характер судебника 1589 г., касающегося в основном района северного черносошного землевладения, так и Сводный судебник начала XVII в., являющийся, может быть, одним из первых опытов создания свода законов на Руси (подвид Г по нашей классификации). В Сводном судебнике неоднократно встречаются прямые включения предшествующих специальных законов с указанием их дат[53].

Подобные включения характерны для законов более сложных, чем судебники. Так, перед текстом Литовского статута 1566 г. помещены три виленских привилея – 1563, 1564 и 1565 гг.[54], а после всего статута – образцы "записей", т.е. формуляры частных актов[55]. При Стефане Батории к статуту 1566 г. были сделаны специальные "Поправы статутовыя", принятые на Варшавском "валном" сейме в 1578 г.[56]

Судебник 1497 г. принадлежит к подвиду А и имеет следующие характеристики по нашей схеме критериев (см. выше, с. 324): а – 1; б – 1; в – 4; г – 2; д – 1, 2, 6. Теми же признаками обладает судебник 1550 г. У судебника 1589 г. по его формальному авторству происхождение более сложное: а – 1, 2. Это, однако, не мешает нам отнести все русские судебники к одной разновидности внутри подвида А. Представителем данной разновидности является и судебник Казимира 1468 г. Содержание его сводится в основном к д – 1. По степени охвата социальных проблем судебник 1497 г. занимает промежуточное положение между судебником Казимира и царским судебником 1550 г., который касается более широкого круга социальных отношений, чем кодекс Ивана III. В судебнике Казимира насчитывается всего 25 статей, в судебнике Ивана III – 68, в судебнике Ивана IV – 100 (ст. 100 – дополнительная), в судебнике 1589 г. – 231 статья. Сводный судебник начала XVII в. делится на 25 граней, внутри которых 168 статей. Между прочим весьма богатым юридическим содержанием отличался, несмотря на свою древность, и судебник Хаммурапи, свидетельствующий о развитых отношениях частной собственности на Ближнем Вос-

[53] Здесь приводятся, например, приговоры о вотчинах 1557, 1558, 1562 гг. и др., упоминаются "уложенья" Ивана III и Василия III, посвященные этому же вопросу (ПРП. Вып. 4. С. 524–532).

[54] Временник МОИДР. Кн. 23. Материалы. С. 1–13.

[55] Там же. С. 190–199.

[56] Там же. С. 200–210; ср.: "Конституции сейму Варшавского" 1578 г. (Там же. С. 212–222).

токе в XVIII в. до н.э. В тексте этого судебника издатели выделяют 282 отдельных параграфа[57].

Особую разновидность, близкую к судебникам, представляет законник Стефана Душана 1349 г. В рукописях, где сохранился текст законника, нет его конца. Текст обрывается на 201-й статье[58]. На исследователя русских источников законник производит впечатление некоего подобия смеси судебника и Стоглава. Его признаки по нашей схеме: а – 1, 2; б – 1, 2; в – 4; г – 2; д – 1, 2, 4, 6. В законнике решаются вопросы регулирования светских и церковных дел, в частности уделяется внимание "ереси латинскои", порядку поставления игумена, статусу церковных людей, церковной собственности и т.п.[59]

К иной разновидности подвида А надо отнести, по-видимому, литовские статуты. По содержанию они гораздо шире, чем судебники. Помимо темы судопроизводства, в них затрагивается большой круг вопросов социально-экономического характера и ставятся, в отличие от судебников, вопросы политического устройства и государственной безопасности, упоминаются общие обязанности подданных (например, воинская повинность), сословные права и привилегии шляхты (уже в первом статуте сформулирована идея ее сословного превосходства: "Простых людей над шляхту господар не маеть повышати"[60]). Содержание статутов настолько обширно, что текст их, начиная с первого, поделен на "розделы", внутри которых выделены "артыкулы" (статьи). В статуте 1529 г. 13 разделов, в статутах 1566 и 1588 гг. – по 14. Построение статутов, возможно, повлияло на деление русского Сводного судебника на грани, а Соборного уложения 1649 г. – на главы.

Соборное уложение 1649 г. по своему содержанию и построению примыкает, безусловно, к разновидности статутов, а не судебников. В нем 25 глав, делящихся на статьи.

В судебниках государь выступает как судья высшей инстанции. Все другие аспекты его статуса не являются предметом обсуждения. В судебниках нет статей, защищающих жизнь и достоинство монарха. Под "государьским убойцей", с которого начинается перечень наиболее опасных преступников в судебнике 1497 г. и последующих[61], подразумевается не убийца, покусившийся на жизнь

---

[57] Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // пер. и коммент. под ред. И.М. Дьяконова // Вестник древней истории. М., 1952. № 3 (40). Прил. С. 225–261.

[58] Законик Стефана Душана царя српског 1949 и 1354. С. 146.

[59] Там же. С. 11–13, 19, 24–26 и др.

[60] Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 50.

[61] Судебники. С. 20 (ст. 9), 160 (ст. 61), 393 (ст. 115); ПРП. Вып. 4. С. 507 (ст. 61).

монарха, а зависимый человек (крестьянин или холоп), убивший своего господина ("государя")[62]. Хотя еще "Правосудие митрополичие" начиналось со статьи, угрожавшей смертной казнью (отсечением головы) оскорбителю чести великого князя[63], вопрос о статусе и достоинстве монарха был поставлен на принципиальную высоту лишь в Соборном уложении 1649 г. На первом месте тут главы, посвященные "государьской чести" и здоровью, а также поведению подданных при дворе. Смертной казнью предписывалось карать всех злоумышляющих против царского здоровья, жизни и власти, изменников, самозванцев, узурпаторов, заговорщиков и т.п.[64] Лицам, применяющим оружие против других в присутствии царя, полагались смертная казнь или отсечение руки[65].

Для обозначения преступлений, наносящих ущерб царской власти и достоинству, употреблялись понятия "государево дело и слово", "дело и измена"[66]. Смертная казнь угрожала поддельщикам царских грамот и печатей[67].

Постановления такого рода были уже в литовских статутах. В статутах 1566 и 1588 гг. первый раздел даже носит название "О персоне господарской" (1566 г.) или "О персоне нашой господарской" (1588 г.). Правда, здесь предусматривалась сложная процедура расследования дел об "ображенье маестату нашого", однако общая направленность "артыкулов" соответствует тому, что было развито в Уложении 1649 г. В статутах имеются, в частности, статьи о соблюдении спокойствия при государевом дворе и нестрелянии там из ручниц, аркебузов и луков[68]. В статуте 1529 г. и двух последующих подделка королевских грамот и печатей отнесена к числу государственных преступлений, караемых сожжением ("таковый каждый фалшер маеть каран быти огнем")[69].

Внесение подобных постановлений в Соборное уложение 1649 г. ставило его на один уровень с европейским законодательством периода Средних веков и раннего Нового времени. Употребляемое в Соборном уложении понятие "государево дело и слово"

---

[62] Судебники. С. 57 (ст. 9, коммент.); ПРП. Вып. 3. С. 380–381 (ст. 9, коммент.).

[63] ПРП. Вып. 3. С. 426.

[64] Соборное уложение. С. 20–21 (гл. II). О "коромольниках" говорилось и в судебниках, но там это не связывалось с угрозой власти и жизни государя.

[65] Там же. С. 22 (гл. III, ст. 2–6).

[66] Там же. С. 20–22 (гл. II, ст. 2, 14, 16, 17), 129 (гл. XXI, ст. 103).

[67] Там же. С. 22–23 (гл. IV).

[68] Статут Вялікага княства Літоускага 1588. С. 84–88 (арт. 9–10).

[69] Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 33, [ст.] 5; ср.: Временник МОИДР. Кн. 23. Материалы. С. 20 (арт. 12); Статут Вялікага княства Літоускага 1588. С. 90–91 (арт. 16).

можно приравнять к латинскому "crimen laese maiestatis" или к французскому "crime de lèse majesté" (оскорбление величества). Введение этого понятия в русское право было важным показателем новых тенденций в развитии самодержавной власти в России, где рост абсолютизма сочетался с европеизацией монархической системы.

По схеме критериев, предложенных в нашей классификации (см. выше, с. 324), Соборное уложение 1649 г. имеет следующие признаки: а – 1, 2; б – 1, 2; в – 4; г – 2, 3; д – 1, 3–6, отчасти 7. Тематика и источники этого закона значительно расширились по сравнению с судебниками. Между тем мы не можем назвать данную разновидность закона просто "уложением". Если термин "судебник" использовался на Руси только для обозначения общих законов определенной разновидности (подвида А), то "уложением" именовались как общие законы типа Стоглава или Соборного уложения 1649 г., так и специальные законы вроде "уложений" Ивана III и Василия III о вотчинах (упомянуты в Сводном судебнике)[70] или "уложений" царя Михаила Федоровича по разным вопросам[71].

Из истории мирового законодательства известно, что общие и специальные законы часто определялись одними и теми же терминами. На Западе были распространены разные названия специальных законов: эдикт, конституция, декрет, новелла, капитулярий, хартия, ордонанс, прагматическая санкция и др. Не случайно для наиболее важных из них, приближающихся по характеру к общим законам, литературная традиция использует дополнительные определения: "Великая хартия вольностей" – Magna Charta Libertatum (1215 г.), "Великий мартовский ордонанс" – La Grande Ordonnance de mars (1357 г.) и т.п. Некоторые эдикты также являлись общими законами (например, упоминавшийся выше эдикт Ротари). Слово "конституция" только в Новейшее время стало определением исключительно общих законов.

Иногда, напротив, документы одинакового со специальными законами наименования могли носить по преимуществу договорный характер и были скорее частными (подвид В), чем специальными законами. Так обстояло дело с прагматическими санкциями до 477 г., когда император Зенон запретил их выдачу по просьбам частных лиц, предписав, чтобы они издавались только в ответ на просьбы каких-либо учреждений, общин, городов или провин-

---

[70] ПРП. Вып. 4. С. 524 (ст. 125).

[71] См., например: *Зимин А.А.* Статейные списки уложений 11 января и 17 ноября 1628 г. как источники Соборного уложения 1649 г. // Зап. ОР ГБЛ. М., 1952. Вып. 13. С. 164–176.

ций и при условии проверки достоверности сообщаемых ими фактов[72].

Определение разновидности, к которой относится Соборное уложение 1649 г., требует, на наш взгляд, расширения принятого в науке названия источника. Возможно, эту разновидность надо определить как уложение-статут. Заметим, что в Англии статутами назывались начиная с XIII в. наиболее важные королевские законы, издаваемые с согласия знати. Они отличались от менее важных постановлений – ордонансов (ordinanses), которые лишь в 1537 г. были приравнены к статутам.

После Соборного уложения 1649 г. в России вплоть до 1918 г. не было общих законов (подвид А), но зато широкий размах приобрело издание специальных законов (подвид Б), фигурировавших под разными названиями (приговоры, уставы, указы, уложения, статьи, манифесты, положения и т.д.). По темпам их выдачи Россия в XVIII–XIX вв., вероятно, вполне догнала остальную Европу, хотя для более точного сравнения требуются количественные подсчеты по разным линиям.

Государства, имевшие большой груз накопленного законодательства, издавна стремились создавать монументальные своды законов (подвид Г). Обычно такие своды возникали в крупных государствах имперского масштаба. В Византии уже кодекс Феодосия II 438 г. являлся фактически сводом, куда были включены документы византийского законодательства IV – начала V в. В кодекс Юстиниана I 529–534 гг. вошли императорские постановления, изданные во II – первой трети VI в. Однако этот кодекс составлял только часть еще более обширного свода, созданного при Юстиниане и получившего в XVI в. (в издании Д. Готофреда) название "Corpus juris civilis". В нем различаются: 1) institutiones (краткое изложение права времени Юстиниана в четырех книгах); 2) digesta, или pandectae (более 9000 выписок из сочинений 38 юристов последнего века республики и императорского периода в 50 книгах); 3) собственно codex (в 12 книгах) и 4) novellae (сборник постановлений, появившихся после издания кодекса 534 г.)[73].

Весьма рано (не позднее IV в.) появились сборники церковного права, обобщавшие правила вселенских соборов. Расширение этих сводов связано с деятельностью Иоанна Схоластика, ставшего константинопольским патриархом при Юстиниане I в

---

[72] Καραγιαννόπουλος Ι.Ε. Βυζαντινὴ διπλωματικὴ. Θεσσαλονίκη, [1971]. Σ. 176.

[73] Подробнее см., например: *Муромцев С.А.* Гражданское право древнего Рима. М., 1883. С. 6–7; *Сюзюмов М.Я.* Corpus juris civilis (CJC) // СИЭ. М., 1965. Т. 7. Стб. 978.

565 г. (канон 50 титулов, заменивший несохранившееся собрание 60 титулов). Вскоре после "синагоги" (свода) Иоанна Схоластика возникла синтагма 14 титулов (около 580 г.), дополненная в XII в. комментариями крупнейших юристов. Считают, что Номоканон Иоанна Схоластика в 50 титулах был переведен во второй половине IX в. св. Мефодием. Синтагма 14 титулов третьей редакции легла в основу славянских кормчих, которые начали составляться в Болгарии в X в., на Руси – в XI в. Перевод Номоканона патриарха Фотия (IX в.) с дополнениями получил распространение в Сербии в XIII в.[74] В XIV в., при Стефане Душане, появились две крупные компиляции византийских законов: "Синтагма Матвея Властаря" и "Закон царя Юстиниана". К ним как бы примыкал кодекс оригинального сербского права – знаменитый законник Стефана Душана.

Обобщение светского законодательства в разных странах Европы наблюдается в период позднего Средневековья и раннего Нового времени. Во Франции в XIII–XVIII вв. производились запись и свод памятников территориального обычного права (всего известно около 60 провинциальных и более 300 местных кутюм)[75]. В 1580 г. была осуществлена первая многотомная публикация эдиктов и ордонансов французских королей (начиная с Людовика IX Святого и до 70-х годов XVI в.)[76]. Позднее вышло более полное издание ордонансов королей династии Капетингов[77].

В русском законодательстве второй половины XVI–XVII в. характер сводов имели уставные (указные) книги приказов[78] и упоминавшийся выше Сводный судебник, составленный около 1606 г. Изданием типа "Ordonnances des rois de France" явилось в России "Полное собрание законов Российской империи" (ПСЗ). Первое ПСЗ, подготовленное под руководством М.М. Сперанского, вышло в 1830 г. в 45 томах одновременно и содержало более 30 тыс. законов и постановлений, начиная с Соборного уложения 1649 г. и кончая документами от 12 декабря 1825 г. За первым ПСЗ

---

[74] Подробнее см.: *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 49–100; *Он же.* Кормчие книги // СИЭ. Т. 7. Стб. 961–962.

[75] *Шаркова И.С.* Указ. соч. Стб. 338.

[76] Les édits et ordonnances des Roys de France, depuis Saint Louys jusqu' à présent. P., 1580. T. 1–4; *Королев Г.И.* Медиевистическая археография за рубежом: Труды XVI–XVIII веков. М., 2001.

[77] Ordonnances des rois de France de la troisième race. P., 1723–1849. T. 1–23; Recueil général des anciennes lois françaises / publ. par Isambert. P., [1822]–1833. Vol. 1–29.

[78] См.: ПРП. Вып. 4. С. 353–383.

последовали второе (55 томов) и третье (33 тома), где было опубликовано до 100 тыс. специальных законов конца 1825–1913 гг.[79]

Конституция РСФСР 1918 г. стала первым после Соборного уложения 1649 г. общим законом России. Ее сменили конституции СССР 1924, 1936, 1978 гг. и, наконец, конституция РФ 1993 г.

Характерными чертами общих законов нового и новейшего времени было перенесение внимания с вопросов судопроизводства, доминирующих в судебниках, статутах и уложениях, на фиксацию социальных и политических основ государства, его административно-территориального устройства, прав и обязанностей граждан (пункты д – 3, 5, 7, 8 нашей классификации – см. выше, с. 324). Вопросы судопроизводства становятся предметами специальных кодексов. В новых общих законах расширяется сфера применения национального права. Кодекс Наполеона касался французской нации в целом, независимо от того, где проживал француз, – во Франции или за ее пределами (пункт в – 5 нашей классификации).

Метод составления общих законов, закреплявших переход от одного социально-экономического строя к другому, сводился уже не к новациям в рамках традиционного права, а к ломке старого и созданию нового права (пункт г – 4 нашей классификации). Так, кодекс Наполеона, состоявший из 2281 статьи, перечеркнул старофранцузское кутюмное право, конституция РСФСР 1918 г. и последовавшие за ней конституции СССР ликвидировали право частной собственности, статус и права сословий дореволюционной России.

Что касается заимствований из иностранного законодательства (пункт г – 3 нашей классификации), то они имели место в разные эпохи и были связаны с новациями религиозного, политического и социально-экономического характера. Например, на Руси церковное законодательство формировалось в первую очередь на базе усвоения византийского права. Судебники консервативнее в этом отношении. Они больше перерабатывают местное право, чем заимствуют правовые нормы из-за рубежа. В Уложении 1649 г., напротив, можно заметить довольно значительное влияние иностранного права, особенно зафиксированного в литовских статутах. Законодательство Петра I было, как известно, в высшей степени восприимчиво к иностранным нормам права, однако лишь тем из них, которые касались организации государственных учреждений и системы управления в целом, но не социального строя.

---

[79] Подробнее см.: *Ерошкин Н.П.* Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) // СИЭ. М, 1968. Т. 11. Стб. 280–282.

Казалось бы, меньше всего активная роль и воля законодателя сказывались при записи обычного права. Между тем даже в глубокой древности создатели местных законов обращали внимание на законы, принятые у соседей. Согласно ряду источников, составлению XII таблиц в Риме в середине V в. до н.э. предшествовала посылка делегации в Афины для изучения законов Солона и законодательства других городов собственно Греции и так называемой Великой Греции (Южная Италия). Правда, реконструкция содержания XII таблиц (сами они не сохранились – по преданию, сгорели во время галльского нашествия 390 или 387 г. до н.э.) не дает основания считать, что децемвиры использовали законы Солона. Более вероятно, что на них оказало влияние южноиталийское законодательство и обычное право этрусков. Во всяком случае, определенные шаги в плане ознакомления с чужим законодательством тогда предпринимались[80].

Сама запись обычного права уже была некоторой, пусть не слишком значительной модификацией его. Поэтому ставить китайскую стену между записью обычного права и рациональным (рационалистическим) законодательством, с нашей точки зрения, не совсем верно. И уж совсем неверно считать судебники простой кодификацией обычного права, а законодателя – выразителем мнения всего народа[81]. Нормы обычного права сочетаются в любом законе, изданном властью, с нормами государственного права, в которых есть известный рационализм и политическая направленность.

Мы исходим из убеждения, что принятию каждого более или менее значительного закона, особенно закона общего, предшествовало обострение социально-политической, а иногда и классовой борьбы. Деятельность децемвиров и создание законов XII таблиц в историографии долгое время рассматривались как проявление и результат "классовой" или "сословной" борьбы между плебеями и патрициями[82]. В конце XIX – начале XX в. известия источников на этот счет стали оцениваться более критически. Указывалось, что сама идея борьбы плебеев и патрициев могла получить развитие только в гракханской или послегракханской анналистике (т.е. не раньше II в. до н. э.), а законы XII таблиц лишь закрепили обычное право[83]. Однако отрицать наличие в Риме в середине V в. до н.э.

---

[80] *Martino F. de.* Op. cit. P. 245; *Täubler E.* Op. cit. S. 121–123; *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. М., 1997. Т. V. С. 83; ср.: *Машкин Н.А.* История древнего Рима. М., 1948. С. 102–105.

[81] Ср.: *Puchta G.F.* Das Gewohnheitsrecht. Erlangen, 1828. Theil 1. S. 145.

[82] Об этом см.: *Martino F. de.* Op. cit. P. 244; *Täubler E.* Op. cit. S. 115–119.

[83] *Täubler E.* Op. cit. S. 119–126.

острой социальной борьбы, на гребне которой появились законы XII таблиц, едва ли возможно. О ней свидетельствуют многочисленные факты, сообщаемые источниками, а также чрезвычайный характер децемвирата как органа верховной власти и вхождение в состав 1-й и 2-й коллегий децемвиров представителей не только патрициев, но и плебеев.

Еще один пример записи "обычного права" – издание "Правды Русской" князем Ярославом. А.А. Зимин рассматривает эту акцию на фоне политической борьбы в Новгороде и Киеве в 1015–1016 гг., когда Ярослав, подавив сначала восстание новгородцев, а затем помирившись с ними и захватив с их помощью Киев, готовился к решительной схватке со своим соперником Святополком. Он стремился упрочить свои позиции посредством выдачи новгородцам "Правды Русской", которая давала значительные правовые гарантии местному населению, опасавшемуся насилия со стороны княжеской дружины[84]. По словам исследователя, князь "мог выбрать и кодифицировать лишь часть из комплекса правовых норм Руси X – начала XI в., внеся в них ряд изменений, отразивших требования момента»[85].

И в более поздние времена кодификация часто шла по следам социально-политической или классовой борьбы, будучи ускорена и в значительной мере обусловлена ею. Так, видимо, одной из предпосылок издания Судебника 1550 г. было восстание в Москве в 1547 г. Соборное уложение 1649 г. послужило в известном смысле ответом на московское восстание 1648 г.

Законы, с одной стороны, закрепляли политические успехи кодификатора, его победу над оппозицией. С другой стороны, они содержали какие-то уступки тем, на кого власть рассчитывала опереться или чье недовольство надеялась нейтрализовать.

Судебник Казимира 1468 г. появился на фоне военных триумфов короля. В 1465–1466 гг. был разгромлен Тевтонский орден, который признал себя польским вассалом. По Торуньскому миру 1466 г. Восточное Поморье с Хельминской землей воссоединилось с Польшей. В состав Польши вошла и часть Пруссии с Мальборком и Вармией. Польша вновь получила выход к Балтийскому морю. Положение Казимира IV замстно упрочилось[86]. Вместе с тем король испытывал сильное давление со стороны польских панов[87]. Ему приходилось искать поддержки литовских феодалов, в интересах которых и был издан судебник 1468 г.

---

[84] *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. С. 89.
[85] Там же. С. 90.
[86] История Польши. М., 1956. Т. 1. С. 134, 170.
[87] ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 87.

Законник Стефана Душана укреплял могущество царской власти союзом с церковью и обеспечивал привилегии светских "властелей" и "господарей", получивших право возвращать своих беглых "меропхов". Ограничение крестьянских переходов в судебниках 1497 и 1550 гг. было направлено на удовлетворение интересов светских и духовных феодалов, что усиливало их преданность монарху.

Сигизмунд I предпринял в 20-е годы XVI в. несколько попыток издать литовский статут. Принятию статута предшествовали победоносная война с Тевтонским орденом, завершившаяся его ликвидацией и превращением в светское герцогство (1525 г.), и окончательное присоединение Мазовии (1526 г.). В 1529 г. великим князем Литовским был избран сын Сигизмунда I, будущий король Сигизмунд II Август, тогда еще девятилетний мальчик. Это избрание также обусловливало необходимость составления особого литовского статута.

Сигизмунд II Август издал новый литовский статут в 1566 г. на фоне победоносных военных действий против Москвы[88], явившихся приятным для поляков контрастом по сравнению с неудачей под Полоцком, взятым Иваном IV в 1563 г.

Сигизмунд III осуществил принятие третьего литовского статута вскоре после своей коронации. Закон появился на фоне внешнеполитических успехов короля, соперник которого австрийский эрцгерцог Максимилиан был разбит под Бачиной и взят в плен в 1588 г.

Коронация и другие торжественные акты – это один из моментов, связанных с практикой издания общих законов. Судебник 1497 г. возник незадолго до коронации Дмитрия-внука (1498 г.), судебник 1550 г. – после венчания Ивана IV на царство в 1547 г. Издание третьего русского судебника в июне 1589 г. последовало за учреждением патриаршества в январе того же года. Кодекс Наполеона, декретированный 5 и промульгированный 15 марта 1803 г.[89], появился в период, когда кодификатор был еще первым консулом, но уже в следующем году он стал императором.

Наряду с общими сходными чертами происхождения разных законов каждый из них создавался в силу тех или иных конкретных обстоятельств. Особенностями ситуации конца XV в. на Руси объясняется и возникновение судебника 1497 г. Концентрация земель в руках московского государя достигла в это время высокой степени. Из великих княжеств не до конца присоединенным оставалось только Рязанское, из областей-государств – Псков. Почти

---

[88] Там же. С. 110–111.

[89] Code Napoléon. P. *A.

не сохранилось и уделов, если не считать двух мелких княжеств сыновей Бориса Васильевича Волоцкого. И тем не менее перед Иваном III стояла задача нарушить достигнутую территориальную целостность, ибо предстояло выделить земли в уделы сыновьям-наследникам. Этого требовала традиция, которую нельзя было отменить. Даже коронация Дмитрия-внука не давала выхода из положения. Издание судебника имело целью закрепить успехи централизации, унифицировать правовые обычаи разных регионов и даже при существовании удельной системы обеспечить единство Русского государства. Для этого требовалась консолидация великокняжеской семьи, хотя на практике вскоре после издания судебника произошел ее раскол.

В судебнике 1497 г. и последующих дети (сыновья) государя признаются наряду с ним высшей судебной инстанцией. Доклады по судебным тяжбам могут делаться как государю, так и его детям. Подобно самому монарху, дети имеют своих печатников. Все это явствует из нескольких статей, переходящих из одного судебника в другой[90]. Кроме того, в судебнике 1550 г. имеется дополнительная, последняя статья – "О суде с уделными князи"[91]. Она была включена и в Сводный судебник, где носит несколько измененное название: "О судных делех с удельными князьми"[92].

Как уже отмечалось выше, в заголовках двух первых судебников фигурируют родственники монарха: у Ивана III – дети, у Ивана IV – братья[93]. Вместе с ними и боярами государь и издает судебник. В заголовке судебника 1589 г. родственники царя Федора не фигурируют[94]. Сыновей у него не было, а единокровный младший брат Дмитрий, сидевший удельным князем в Угличе, в силу своего возраста и зависимого положения не мог претендовать на участие в столь ответственном мероприятии. Скорее всего, его просто проигнорировали по политическим причинам. Ведь имя Дмитрия как соавтора судебника могло бы усилить в дальнейшем его права на престол.

Однако в судебнике 1589 г. мы еще не видим радикального отказа от упоминания родственников монарха в качестве носителей высшей власти. В тексте судебника делались традиционные ссылки на царских детей, поскольку, хотя сыновей у Федора в

---

[90] Судебники. С. 21 (ст. 21), 149 (ст. 28), 151–152 (ст. 38, 39), 385 (ст. 75), 387 (ст. 86); ПРП. Вып. 4. С. 484 (ст. 28), 491 (ст. 37), 492 (ст. 38).

[91] Судебники. С. 176–177 (ст. 100).

[92] ПРП. Вып. 4. С. 536–537 (грань 99, ст. 99).

[93] Судебники. С. 19, 141; ср. Сводный судебник, повторяющий заголовок судебника 1550 г. (ПРП. Вып. 4. С. 482).

[94] Судебники. С. 366.

действительности не было, теоретически они могли быть. Другое дело – литовские статуты и Соборное уложение 1649 г. В них нет даже предположения о возможности разделения верховной власти между государем и кем-либо из его родственников (правда, в конечном протоколе Уложения упоминается новорожденный сын Алексея Михайловича – царевич Дмитрий Алексеевич).

Следовательно, русские судебники – это общие законы той эпохи, когда централизованное государство уже возникло, но удельная система еще сохранялась. Верховная власть мыслилась как принадлежность семьи: сыновья и братья государя могли пользоваться своей долей суверенитета. В Уложении 1649 г. перед нами предстает монархия совсем иного типа.

Глава XV

ИНТЕРПОЛЯЦИИ И ПОДДЕЛКИ АКТОВ

К вопросу о расшифровке имени "Иг◆ш" в Уставе великого князя Всеволода-Гавриила Мстиславича

Устав Всеволода-Гавриила Мстиславича дошел в нескольких списках, из которых древнейший помещен в приложении к Новгородской I летописи и датируется серединой XV в[1]. В этом списке интитуляция начинается словами "Се азъ князь великыи Всеволод, нареченныи въ святемь крещении Иг◆ш ..." Так же в двух других списках – Летописи Авраамки (1495 г.) и Погодинском (начало XVI в.). В списке из собрания митрополита Макария, известном лишь по публикации последнего, содержалось чтение "Ига◆ш[2]. В Соловецком списке 1493 г. вместо "Иг◆ш" читается "Василии", в двух списках XVII в. (Толстовском и РГАДА, ф. 181) – "Гавриил"[3].

Попытки заменить таинственное "Иг◆ш" на христианские имена Владимира Мономаха ("Василий") или Всеволода Мстиславича ("Гавриил") принадлежат позднейшим переписчикам, являются их домыслом и не решают загадку первоначального текста. В.Л. Янин выдвинул предположение, что в оригинале было не "Иг◆ш", а "Нг◆ть" – слово, под которым скрывалось имя "Петр", зашифрованное по системе мудрой литореи: П – 2 = Н; Е – 2 = Г; Т + 2 = ◆; Р + 2 = Т; Ъ + 2 = Ь. По мысли исследователя, этим Петром являлся князь Всеволод Мстиславич Борисович (1219–1221), чье христианское имя неизвестно[4]. Я.Н. Щапов, сославшись на то, что примеры мудрой литореи до XVI в. отсутствуют, усомнился в обоснованности гипотезы В.Л. Янина[5].

Бесспорным для второй половины XIV и XV в. являются случаи замены С на Ѡ и А на ◆. Такие замены встречаются в Сара-

---

[1] ДКУ. С. 153–158.

[2] Ср.: ПРП. М., 1953. Вып. 2. С. 162, 171.

[3] ДКУ. С. 153–154, примеч. 4.

[4] *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 91–93.

[5] *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 169.

евской кормчей 1371 г.[6] Поэтому в расшифровке можно уверенно поставить А вместо ѳ: "Игаш". Трудно согласиться с В.Л. Янины м в том, что Ш представляет собой искаженное Т. В XIV–XV вв. буква Ш оставалась обычно неизменной, но в XVI–XVII вв. в руководствах по тайнописи неоднократно фиксировался обмен Ш на Н[7]. Что касается взаимообмена Ь и Ъ, то он был весьма распространен не только в тайнописи. Итак, следующим шагом к расшифровке может быть вариант: "Иганъ".

Это слово уже напоминает имя "Иѡанъ". Ошибка списков Устава заключалась, возможно, в написании Г вместо С. Буквы эти похожи по начертанию, замена ѠѠ на С типична для тайнописи конца XIV–XV в. В валашской грамоте 1500 г. имя "ѠѠнча" зашифровано как "ϾнчѲ"[8]. По греческой системе вместо ИИ писали ϾϾ. Так, запись 1656 г. в Зографском прологе № 178 передает имя "ИѡанъѠ" шифровкой "ИсдєъѠ"[9]. Не исключено, что в первоначальной рукописи Устава стояло сильно наклоненное влево якорное ϾϾ, которое позднее прочли как Ш. Однако более вероятен обмен ИИ на Ш, а не на ϾϾ.

Вопреки гипотезе В.Л. Янина, первая буква И не должна, как нам кажется, восприниматься в качестве искаженного Н. Для такого допущения нет реальных оснований. Она либо представляла самое себя, т.е. И ("иже", "и" восьмеричное), либо заменяла і ("ик", "и" десятеричное). Употребление имени "Иоанъ" вместо "Гавриил" является еще одним показателем позднего происхождения Устава. Имя "Иоанъ" было поставлено не случайно. В документе фигурировала наряду с другими духовными корпорациями церковь св. Иоанна, заложенная Всеволодом-Гавриилом Мстиславичем в 1127 г. и названная именем патронального святого его сына в честь последнего: "... в имя сына своего"[10].

Позднейшие составители Устава перепутали или, может быть, сознательно заменили христианское имя Всеволода именем его сына, исходя из названия церкви и купеческой организации, возникшей под эгидой этой церкви и ее патронального святого – Иоанна Предтечи.

---

[6] *Сперанский М.Н.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4.3. С. 31.

[7] Там же. С. 103–104.

[8] Documenta Romaniae Historica. B: Ţara Românească. Bucureşti. 1966. Vol. 1: (1247–1500). N 300. P. 491.

[9] *Сперанский М.Н.* Указ. соч. С. 35.

[10] НПЛ. С. 21, 205. *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 110.

О жалованной грамоте Пскова Якову Голутвиничу

Грамота Якову Голутвиничу была впервые издана А. Янсоном в 1929 г. по копии в составе свитка Якиманского монастыря 1673 г., хранившегося в Псковском музее[11]. В 1949 г. грамота была переиздана в ГВНП по публикации Янсона[12]. Здесь она датируется 1308–1312 гг. на том основании, что в ней упомянут посадник Борис, фигурирующий в псковских летописях под 6816 (1308) – 6820 (1312) гг.

Дипломатическая структура грамоты следующая: 1) первая диспозитивная формула ("Се желуеса"); 2) inscriptio – указание имен пожалованных в именительном падеже ("Яков Голутвинич") и в творительном падеже с предлогами "с" ("с братом Прокопем и с детемь"); 3) преамбула ("за пот и кровь"); 4) определение объектов пожалования ("селищем Пустухом, да рыбные ловли за Великою рекою на Великом озере на Ревицы Малой, да пожни и сеные покосы"); 5) вторая диспозитивная формула ("Се жалуеса"); 6) определение прав, связанных с пожалованием земель и вод ("селитва ставити да рыбу ловити неводом да мережи"); 7) запрещение распространять права владения на земли, не входящие в объект пожалования ("А что селище за Ревицы Малой, туда Якову не ходити"); 8) диспозитивно-эсхатокольнаая статья, заменяющая интитуляцию ("То воля господина Великого Пскова у святой Троицы на вече"); 9) указание свидетелей ("Послухи сему Борис посадник, да Петр збиручей, да Иван збиручей").

Признаками несоответствия этой грамоты нормам практической дипломатики XIV в. являются: 1) отсутствие интитуляции; 2) формулы "се желуеса" и "се жалуеса"; 3) преамбула "за пот и кровь"; 4) термин "селитва"; 5) выражение "то воля" и вся диспозитивно-эсхатокольная статья; 6) формула "послухи сему"; 7) термин "збиручей".

В тексте документа дается ссылка на "волю господина Великого Пскова". Между тем в актах до 1474 г. Псков никогда не определяется как "Великий" (см. договор Пскова с Ливонским орденом 1417 г.[13], договор Пскова и Новгорода с Ливонским орденом 1448 г.[14]). В договоре 1448 г. новгородцы называют псковичей

---

[11] *Я[нсон] А.* Новооткрытые копии харатейных грамот в свитках XVII в. // Познай свой край: Сб. Псковского общества краеведения. Псков, 1929. Вып. IV. С. 136.

[12] ГВНП. № 333. С. 318.

[13] Там же. № 334. С. 318–321.

[14] Там же. № 73. С. 119–124.

своими "братьями младшими"[15]. Вероятно, до Коростынского договора 1471 г., поставившего Новгород под сюзеренитет московского великого князя, Псков и помышлять не мог об именовании себя "Великим".

Впервые выражение "Великий Псков" встречается в договорной грамоте Новгорода и Пскова с юрьевским епископом 1474 г.[16] Затем мы находим этот оборот в псковско-ливонском договоре 1503 г.[17] и в русско-ливонских договорах 1509 г.[18], 1531[19], 1535[20] и 1550 гг.[21]

По-видимому, с окончательной ликвидацией новгородской независимости в 1478 г. связано начало именования Пскова "господином". Это выражение употребляется в списке XVI в. с грамоты псковского князя В.В. Шуйского польскому королю Казимиру IV 1480 г.: "...и весь господине Псковъ"[22]. В списке ободной грамоты конца XV – начала XVI в. (не ранее 1490/91 г.) слова "господин" и "Псков" не согласуются в падеже. Здесь читаем то "господин Пскова", то "господину Пскова" или "господин Пскову"[23].

Указание о выдаче грамоты "у святой Троицы на вече" невероятно для документа первой четверти XIV в. В псковских летописях вече начинает упоминаться лишь с 1472 г.[24], а в актах оно впервые появляется в 1480 г.[25] ("вече" фигурирует также в ободной грамоте конца XV – начала XVI в.)[26]. Вече действительно могло происходить вблизи Троицкого собора на примыкавшей к нему площади ("буевище")[27], но не раньше 70-х годов XV в.

Составитель грамоты Якову Голутвиничу ссылался на "волю господина Великого Пскова" потому, что не знал, от чьего имени конкретно грамота могла быть выдана. В начале текста он не назвал жалователя, но употребил безличный оборот "се желуеса".

---

[15] Там же. С. 120.

[16] Там же. № 78. С. 133.

[17] Там же. № 347. С. 332 ("grote Plesckaw").

[18] Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. [Т. 2]. № 70. С. 163.

[19] РЛА. № 337. С. 359.

[20] РГАДА. Ф. 64 (Сношения России с Лифляндией и Эстляндией). Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1–2.

[21] РЛА. № 380. С. 370.

[22] ГВНП. № 339. С. 325.

[23] *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. С. 72. № 32.

[24] *Лабутина И.К.* Историческая типография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985. С. 141.

[25] ГВНП. № 339. С. 325.

[26] *Марасинова Л.М.* Указ. соч. С. 72. № 32.

[27] *Лабутина И.К.* Указ. соч. С. 200–201.

В данном контексте это выражение означает "награждается", "одаривается" (селищем). Однако слово "жаловатися" ("жалоуюся", "жалоуеться") известно лишь в значении "приносить жалобу" (XII–XV вв.)[28]. Например, в подлиннике грамоты Пскова Риге 1463–1465 гг. говорится: "Здесе зялуются намъ молодии люди... на вашего брата..."[29]

Конструируя формулу пожалования не в действительном, а в страдательном залоге, больше всего соответствующем греческому medium-passivum, составитель грамоты ориентировался, видимо, не на возвратный глагол "жаловатися", а на глагол "жаловати". Однако последний не мог в XIV в. иметь значение "пожаловати". Первоначальным значением слова "жаловати" было "жаловаться", "негодовать", "роптать", а также "проявлять жалость, сострадание", "жалеть", "беречь" (XII–XV вв.). Значение "милостиво относиться", "благоволить" этот глагол приобрел не раньше второй половины XIV в., и лишь в XVI в. он стал употребляться в значении "предоставлять льготы, привилегии", "одаривать", "награждать"[30].

Таким образом, наличие в грамоте выражения "господина Великого Пскова у святой Троицы на вече" не позволяет отнести документ к периоду ранее 1480 г. Употребление в акте оборотов "се жалуеса", "селитва ставити" побуждает датировать документ XVI–XVII вв. Особенно подозрительным кажется выражение "за пот и кровь". Оно не характерно даже для грамот XVI в. и, скорее, указывает на XVII в. Слово "збиручей" могло быть искаженным вариантом термина "бирич" (глашатай), но в такой форме этот термин в других источниках не встречается. Составитель грамоты производил, возможно, слово "збиручей" от позднейшего "сбир" или "сбирка" в значении "сбор"[31].

Что касается Якова Голутвинича, получателя грамоты, то его идентификация затруднительна. Столь же неясно, кто из исторических лиц подразумевался под его братом Прокопием. Из двух Прокопиев, фигурирующих в псковских летописях, один был судьей в Пскове в 40-х годах XV в., другой – архиепископским наместником в 50-х годах того же столетия.

---

[28] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 844; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 73; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. III. С. 231–232.

[29] ГВНП. № 336. С. 323.

[30] *Срезневский И.И.* Материалы... Т. I. Стб. 843–844; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. С. 73; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. III. С. 230–231.

[31] Ср.: *Даль В.В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV. С. 141.

Посадник Борис, названный в грамоте в качестве послуха, не обязательно должен быть отождествлен с посадником Борисом первой четверти XIV в. Существовал еще один посадник Борис, а именно Борис Андреевич, действовавший в этой должности в 1498–1504 гг.

В августе 1501 г. в Псков съехались на сбор великокняжеские воеводы из нескольких городов. Среди них были "тверские воеводы Иван да Петр, оба Борисовичи, и со тверичи"[32]. Не эти ли Петр и Иван выступали послухами в грамоте Якову Голутвиничу и были определены в качестве "збиручеев" (здесь в смысле сборных воевод)?

В конце XV в. одним из псковских посадников был Яков Афанасьевич Брюхатый. В должности посадника он упоминается в последний раз в 1499 г.[33] Поскольку время деятельности посадника Бориса Андреевича и воевод Петра и Ивана Борисовичей, предположительно отождествленных нами с послухами грамоты Якова Голутвинича, – рубеж XV–XVI вв., нельзя ли пойти в наших догадках дальше и отождествить самого получателя грамоты с Яковом Афанасьевичем (отчество "Голутвинич" напоминает скорее прозвище, чем имя)? Грамота ему могла быть выдана в августе 1501 г., когда в Пскове находились тверские воеводы Иван и Петр Борисовичи, посадником был Борис Андреевич, а сам Яков Афанасьевич уже лишился своей посадничьей должности.

Отсутствие в грамоте интитуляции говорит о том, что перед нами текст, восходящий не к официально утвержденному документу, а, скорее всего, к проекту грамоты или фальсификату. В списке XVII в. нет упоминаний о печати – необходимом атрибуте жалованных грамот XIV–XVI вв. Официальная грамота, будь она составлена в конце XV – начале XVI в., должна была идти от имени прежде всего князя псковского и затем посадников и всего Пскова.

24 марта 1501 г. псковский князь Александр Владимирович Ростовский покинул Псков, а 14 апреля псковичи послали звать на княжение кн. Ивана Ивановича Горбатого Суздальского. При нем состоялось обсуждение на вече вопроса о борьбе с агрессией Ливонского ордена. В августе 1501 г. произошло сражение с немцами под Изборском. Тогда погиб псковский посадник Иван Теншин[34]. Может быть, еще в начале августа 1501 г. возникла идея

---

[32] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 274; Псковские летописи / под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 85.

[33] ПСРЛ. СПб., 1848. Т. IV. С. 271; Псковские летописи. Вып. I. С. 83.

[34] ПСРЛ. Т. IV. С. 273–274; Псковские летописи. Вып. I. С. 84–86; М., 1955. Вып. II. С. 252.

пожалования ("за пот и кровь"?) бывшего псковского посадника Якова Афанасьевича (Голутвинича?). Предполагалось предоставить ему земли в стратегически важном районе – на озере "Великом", т.е. Чудском, по которому проходила граница с Орденом. Однако либо псковский князь не поддержал идею пожалования, либо сама мысль о составлении грамоты возникла позднее, в связи с реминисценциями о событиях 1501 г. и фактом владения Якова Голутвинича или его наследников указанными в грамоте землями и водами.

Во всяком случае, если даже допустить, что в основе дошедшего варианта грамоты Якову Голутвиничу лежал подлинный проект грамоты начала XVI в., едва ли можно признать существующий текст аутентичной копией предполагаемого акта.

Глава XVI

О НАКАЗАНИИ ПОДДЕЛЬЩИКОВ ДОКУМЕНТОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА НА ЗАПАДЕ И НА РУСИ

У истоков правительственной борьбы с фальсификациями документов и печатей на Западе лежит знаменитый закон, принятый в Риме на рубеже 80–70-х годов I в. до н.э., в период диктатуры Луция Корнелия Суллы, и названный по его имени – Lex Cornelia de falsis. Положения этого закона были дополнены и развиты в позднейшем законодательстве. Первоначально дело касалось подделки завещаний и монет, затем – сенатских постановлений и императорских "конституций"[1], особенно грамот, имевших и не имевших печати. В системе наказаний, предусмотренных для фальсификаторов, наблюдался ярко выраженный "классовый подход". В императорские времена поддельщиков из числа "благородных" (honestiores) наказывали конфискацией имущества и высылкой. Более сурово обходились с "низшими" (humiliores): их ожидала ссылка в рудники или смертная казнь. Рабов же распинали на кресте[2].

Указание на смертную казнь как способ наказания фальсификаторов встречается в так называемом эдикте Теодориха, который одни исследователи приписывают остготскому королю Теодориху Великому (512 г.), другие – вестготскому королю Теодориху II (V в.), и в Бургундской правде (Lex Romana Burgundionum, вторая половина V – начало VI в.)[3].

В Византии при Феодосии II (V в.) самовольное снятие и распространение копий с императорского закона расценивались в ка-

---

[1] Словом "constitutio" могло быть обозначено любое постановление императора (*Classen P.* Kaiserreskript und Königsurkunde: Diplomatische Studien zur Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter. Thessaloniki, 1977. S. 55, 57, 116, 192).

[2] *Herde P.* Die Bestrafung von Fälscher nach weltlichen und kirchlichen Rechtsquellen // Fälschungen im Mittelalter: Internationaler Kongreß der Monumenta Germaniae Historica. München, 16–19. September 1986. Hannover, 1988. Th. II: Gefälschte Rechtstexte. Der bestrafte Fälscher. S. 582.

[3] *Nehlsen H.* Der Schutz von Rechtsaufreichnungen gegen Fälscher in den Germanenreichen / Fälschungen im Mittelalter. Th. II. S. 548, Anm. 16.

честве фальсификации, за которую полагались денежный штраф и наложение епитимьи[4].

В 506 г. вестготский король Аларих II издал для римских подданных своего королевства свод законов из 16 книг, обобщивший нормы римского права. Этот кодекс служил вплоть до XII в. главным руководством для правоведов Запада. В литературе он получил название Lex Romana Visigothorum. Интересной особенностью кодекса являлось то, что в нем признавались фальсификацией любые ссылки на законы, не вошедшие в данный свод, а также несанкционированное снятие копий с самого свода. В соответствии с Lex Cornelia de falsis среди возможных фальсификаторов различались, как отмечено выше, "низшие", которые наказывались смертной казнью, и "благородные", которым грозили изгнание и конфискация имущества[5]. Так, судьи, уклоняющиеся от следования цитатам из кодекса Алариха и судящие не точно по его нормам, должны были быть навсегда изгнаны[6].

Кодекс Юстиниана I 529–534 гг. еще более усилил принципы, закрепленные в законах Феодосия II и Алариха II. Фальсификатором считался всякий, кто опирался на другие законодательные документы, кроме изданных Юстинианом. К фальсификации приравнивалось сравнение других законов с законами Юстиниана. Последние нельзя было также интерпретировать и комментировать. Наконец, в разряд фальсификаций попадало и использование аббревиатур, сигл, ибо сокращенное написание слов могло привести к неверному пониманию их. Запрещались схолии и глоссы из опасения, как бы позднейшие переписчики не приняли их за часть оригинального текста. Ссылка на незнание закона не считалась оправданием нарушителя.

Хотя Юстиниан и высказывался против отсечения рук, ног и другого членовредительства (вывих, выдерг), он, однако, признавал подобные наказания допустимыми, если они были предусмотрены законом. В одной из новелл Юстиниан устанавливает кару в виде усекновения руки для переписчиков еретических сочинений и чиновников, подделывающих налоговые квитанции[7].

В таком же духе велась борьба с фальсификациями в королевстве лангобардов в VII–VIII вв. Подлинными считались лишь те экземпляры законов, которые были написаны специальным королевским нотарием. Требовалось, чтобы частные акты не противоречили законам. Для тех, кто действовал вопреки закону, вводился

---

[4] Ibid. S. 546–549.

[5] Ibid.

[6] Ibid. S. 553.

[7] Ibid. S. 550–553, 555, 558, 559.

штраф в размере вергельда преступника. По эдикту Ротари 643 г., за изготовление фальшивой грамоты (cartola falsa) полагалось отсечение руки. Искажение текста закона влекло за собой для свободных изгнание, а для рабов – смертную казнь. Эти правила нашли подтверждение в новеллах короля Лиутпранда 713 г.[8]

В Вестготском государстве для неримских подданных короля был издан особый закон, как бы параллельный более раннему закону Алариха II Lex Romana Visigothorum, о котором говорилось выше. Новый закон получил название Liber Iudiciorum (в литературе он именуется также Вестготской правдой). Его первая редакция появилась при Реккесвинде в 654 г., вторая, дополненная – при Эрвиге в 681 г. Фальсификация тут трактовалась так же широко, как в законах Юстиниана I и Алариха II. Под нею подразумевалось прежде всего использование других законов, кроме данного. Это преступление каралось штрафом в размере 30 фунтов золота. Такой большой штраф легко мог привести к потере виновным платежеспособности, что влекло за собой и потерю свободы. За колебания в выборе закона судья тоже наказывался штрафом.

При определении способов наказания за искажение законов применялся все тот же классово-сословный подход, который был характерен для законов Корнелия Суллы и Алариха II. "Благородные" лишались половины своего имущества, а у людей "низших" отсекали руку. По закону Реккесвинда De principium cupiditate, чиновники, уличенные в фальсификации законов, приговаривались к изгнанию и конфискации половины их имущества.

Право копировать и цитировать королевские законы имели лишь публичные нотарии. Изготовление копий с королевских указов и грамот доверялось публичным нотариям, королевским писцам и их ученикам, а также тем, кому король поручал это лично. Все остальные, кто бы ни взялся за подобное дело, считались фальсификаторами и наказывались 200 ударами плети, лишением волос на голове, или скальпированием, и отсечением большого пальца правой руки. В данном случае не делалось различия между свободными и рабами.

Копии законов, выполненные нотариями, разрешалось продавать всем желающим. Чтобы их могли приобрести не только богатые, но и бедные, цена за копию при Реккесвинде устанавливалась в размере 6 солидов. При Эрвиге она поднялась до 12 солидов. Продажа и покупка экземпляров закона по более высокой цене каралась 100 ударами плети[9].

---

[8] Ibid. S. 564–566; *Herde P.* Op. cit. S. 586–587, Anm. 35.

[9] *Nehlsen H.* Op. cit. S. 555–563.

Борьба с фальсификациями в период раннего Средневековья была больше всего развита в сферах исконного распространения римского права – в Византии, на Апеннинском и Пиренейском полуостровах. Менее заметна она в странах к северу и востоку от Альп. Салическая, Баварская и многие другие правды, в том числе и Русская, игнорируют эту проблему. Только в одном из капитуляриев Карла Великого постановлено, что изготовитель подложной грамоты (falsa carta) должен наказываться отсечением руки, однако эта кара могла быть заменена денежным штрафом[10]. До XII в. еще сильны были нормы племенного права, в котором членовредительство предпочиталось смертной казни. С XII–XIII вв. усиливается влияние римского права, в связи с чем смертная казнь начинает играть важную роль в наказании фальсификаторов в разных регионах Западной Европы.

Наступление этой тенденции шло с юга. В сицилийских законах Рожера II и Фридриха II (XII–XIII вв.) смертная казнь предусматривалась сначала для поддельщиков монет и завещаний (в соответствии с Lex Cornelia de falsis). Фридрих II и Карл Анжуйский распространили ее на изготовителей подложных грамот и печатей. В Германии подделка монет и грамот каралась до XIII в. отсечением руки, а позднее – смертной казнью. В XIII в. смертная казнь пришла на смену членовредительству и во Франции[11].

Вопрос о происхождении такого наказания, как отсечение руки, является спорным. Одни авторы связывают его с германскими обычаями, другие – с римско-византийскими[12].

Фальсификация публичноправовых актов наказывалась в Средние века более сурово, чем подделка частных актов. Об этом свидетельствует, например, содержание юридических трактатов и законов Англии – страны, где централизация власти достигла высокой степени уже при Плантагенетах во второй половине XII в. В двух трактатах – 1187–1189 гг. ("Glanvill") и 20-х годов XIII в. ("Bracton", или "О законах и обычаях королевства Англии") – используется заимствованное из римского права понятие "оскорбление величества" (crimen laese maiestatis)[13]. Подделка королевских грамот включалась здесь в состав преступлений, оскорбляющих величество, а порча или изменение изображения короля на печати

---

[10] Ibid. S. 571.

[11] *Herde P.* Op. cit. S. 587–593.

[12] Подробнее см.: *Nehlsen H.* Op. cit. S. 558–559.

[13] Ср. французскую кальку: crime de lèse-majesté. Этот термин известен во Франции с XIV в. (*Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. 12e tirage. P., [1955]. P. 433).

или монете приравнивались к покушению на личность монарха[14]. В трактате "Fleta" (конец XIII в.) фальсификация королевских печатей относилась к разряду "малой измены" (petty treason) и за нее полагалась смертная казнь через повешение. В другом сочинении конца XIII в. – "Britton" – то же преступление квалифицировалось как "великая измена" (high treason)[15], что нашло законодательное закрепление в "Статуте об измене" (Statute of Treason), изданном при Эдуарде III (1352 г.)[16].

Весьма последовательно велась борьба с фальсификацией "большой" и "личной" (или "секретной") королевских печатей (Great Seal и Privy Seal), а также различных других королевских печатей и штемпелей. К их числу относились, например, штемпель оловянных рудников (расположенных на юго-западе Англии), печать для заверения купеческих обязательств, таможенная печать (cocket seal), печать для сукна и др.[17] Подлежала наказанию фальсификация печати сенешаля королевского двора и печатей других магнатов королевства, их секретарей и бейлифов[18]. "Fleta" и "Britton" признают, что подделка печатей частных лиц может в ряде случаев также считаться уголовным преступлением. В трактате "Fleta" подделка сеньориальных печатей, т.е. прежде всего подделка печати сюзерена вассалом, приравнивалась к petty treason[19]. Однако в "Статуте об измене" речь шла только о "большой" и "личной" королевских печатях.

Подделки текста королевских писем или грамот без повреждения печати или злоупотребления ею не рассматривались до "Статута об измене" как high treason. Еще менее четкими были представления о степени виновности фальсификаторов частных актов. Автор трактата "Glanvill" в конце XII в. предлагал карать их не смертной казнью, а калечением (отсечение части тела), да и то лишь по распоряжению короля. Через 100 лет в трактате "Britton" за такое же преступление рекомендовалось наказывать еще мягче – выставлением к позорному столбу[20].

Фальсификации текста королевских и частных актов, не затрагивавшие печать, нередко совершались в связи с судебными процессами. Подобные проступки до 1352 г. не попадали под дей-

---

[14] *Röhrkasten J.* Zur Behandlung der Fälschung im englischen Strafrecht des Mittelalters // Fälschungen im Mittelalter. Th. II. S. 628–629.

[15] В современном английском языке под "high treason" понимается "государственная измена" вообще.

[16] *Röhrkasten J.* Op. cit. S. 628–629.

[17] Ibid. S. 645–652.

[18] Ibid. S. 653.

[19] Ibid. S. 629, 652–653.

[20] Ibid. S. 629.

ствие ни одного из статутов, и преследование виновных можно было начать не по поводу фальсификации как таковой, а по поводу обманных намерений. На попытки обмана в виде представления в суд подложных материалов судьи реагировали не по критериям уголовного права, а по собственному усмотрению. Реакция зависела от того, шла ли речь о доказанной фальсификации или только об утверждении одной из сторон, что документ подложный. Подложные документы обычно изымались судом и подлежали дальнейшему хранению в нем[21].

В 20-х годах XIII в. в трактате "Bracton" говорилось, что грамота может подвергаться рассмотрению не только в высказываниях сторон, но и посредством изучения ее внешних особенностей (подчистки, изменения почерка, чернил и т.п.). Подделка долговых обязательств и несоответствие их правилам, установленным в "Купеческом статуте" ("Statutum Mercatorum") 1285 г., могли привести к штрафу и аресту. Ошибочное обвинение в представлении подложного документа, в свою очередь, влекло за собой арест или штраф.

Со второй половины XIV в. процессы по фальсификациям стали вестись, помимо общих судов, в специальных судах, более приспособленных для изучения подделок (Королевский совет, суды канцлера, Звездной палаты и др.).

Никакого единства подхода к фальсификациям с точки зрения пенитенциарного права в средневековой Англии, однако, не существовало. В одних случаях поддельщиков ожидала смертная казнь через повешение, в других – выставление у позорного столба, тюремное заключение, штраф и т.п. Общего закона о фальсификациях не было[22].

Большое внимание борьбе с подлогами уделяла в период классического, или центрального, Средневековья римская курия. За основу был взят канон Трибурского собора 895 г., подтвержденный в декреталиях пап второй половины XII в.: Александра III, Луция III, Урбана III и Целестина III. Согласно этому канону, поддельщик папских грамот из числа мирян привлекался к уплате штрафа, а провинившийся клирик приговаривался к пожизненному заключению в монастыре. В декреталии Луция III (1181–1185) под понятие фальсификации подводились не только подложные и интерполированные акты, но и формально подлинные, однако изготовленные без ведома и воли юридического автора документа. Имелись в виду грамоты, составленные в папской канцелярии от имени папы без уведомления его об этом[23].

---

[21] Ibid. S. 654–656.

[22] Ibid. S. 655–659.

[23] *Herde P.* Op. cit. S. 593–594, 597.

По понятиям теоретиков канонического и римского права того времени проситель, т.е. получатель такого документа, считался невиновным, если он мог доказать свою добросовестность и указать по имени создателя фальшивки. Между тем при выдаче привилегий, индульгенций и ряда других документов курия часто не имела возможности проверить сообщаемые просителем данные, которые служили основанием для составления грамоты. И тут вопрос о формальной подлинности акта перерастал в вопрос о достоверности излагаемых в нем фактов. Перед юристами вставала проблема истинности самой просьбы (veritas precum), в связи с чем различались: 1) преднамеренное искажение фактов; 2) незнание их; 3) ошибочная интерпретация фактов[24].

После разоблачения в 1198 г. группы поддельщиков в римской курии Иннокентий III (1198–1216) издал ряд декреталий, которые открыли новый период в папском законодательстве против фальсификаторов. Было постановлено, чтобы папские грамоты выдавались только из рук самого папы или уполномоченного им лица. Во всех церковных провинциях подлинность булл должна была устанавливаться путем сравнения их между собой. В декреталии 1198 г. об отличении подлинных булл от подложных Иннокентий III привел специальный перечень признаков (критериев) подлинности, который сохранял силу в церковном и светском законодательстве вплоть до немецких "зерцал". Эти критерии касались в первую очередь печатей и способов их прикрепления, а также подчисток.

Декреталии Иннокентия III легли в основу трактатов легиста Азо (Azo) и канонистов Готфрида фон Трани (Trani) и Хоштинсиса (Hostiensis). Последними было предложено дожившее до наших дней различение подлогов и интерполяций. Подложными (false) считались такие документы, которые имели признаки подлинных, однако ни по письму, ни по печатям таковыми не являлись. Как интерполированные (falsate) квалифицировались грамоты, в которых первоначальное подлинное состояние (подлинная основа) было изменено позднейшим вмешательством. Современные немецкие дипломатисты (например, П. Херде и др.) употребляют для обозначения подлога термин "Fälschung", для обозначения интерполяции – "Verfälschung"[25].

В декреталии "Ad falsariorum" (1201 г.) Иннокентий III, в отличие от своих предшественников, признавал виновным не только сознательного, но и не ведающего о подлоге пользователя фальсифицированной папской грамоты. Правда, неосознанное использо-

[24] Ibid. S. 595–596.
[25] Ibid. S. 599.

вание фальшивок предлагалось карать менее строго, чем заведомое. Иннокентий III пересмотрел отношение к такому критерию невиновности, как незнание фактов. Начиная с "Декрета Грациана" (1140 г.)[26] в папском суде применялось характерное для римского права различение между ignorantia factis (незнание фактов) и ignorantia iuris (незнание закона). Как и в римском праве, ignorantia iuris не предохраняла от наказания. Что касается незнания фактов, то делалась разница между "фактом, который обязательно знать" (factum quod oportet scire), и "фактом, который необязательно знать" (factum quod non oportet scire). Вторая категория незнания фактов считалась до Иннокентия III основанием для вынесения оправдательного вердикта.

После издания декреталий Иннокентия III незнание изложенных в них критериев подлинности уже нельзя было отнести к числу фактов, "которые необязательно знать", и незнание их не рассматривалось как извиняющее обстоятельство, хотя и не все декреталисты разделяли эту точку зрения. Например, кардинал Синибальдо Фиески, впоследствии папа Иннокентий IV (1243–1254), согласно некоторым свидетельствам, придерживался старой концепции. По его мнению, добросовестный пользователь подложных папских грамот не подлежал наказанию, если он мог доказать, что точно проверял грамоту и она не была признана подложной, и если он к тому же мог назвать имя того, кто являлся фальсификатором[27].

Иннокентий III ужесточил меры наказания для духовных и светских лиц, занимавшихся фальсификацией папских грамот. Если раньше провинившегося клирика пожизненно заключали в монастырь, то теперь его должны были еще отлучить от церкви, лишить сана и бенефиция. Отлучение от церкви (до искупления греха) ожидало и мирян, замешанных в фальсификации. Традиционные формы наказания духовных лиц – такие, как пожизненное заключение в монастырь, и др. – после декреталий Иннокентия III стали применяться только к поддельщикам епископских грамот и документов, исходивших от других духовных и светских властей, кроме папы. Прежний метод обращения за консультацией к самому папе использовался более ограниченно – лишь когда возникало сомнение в виновности подозреваемого.

Иннокентий III обошел действовавший со времен Александра III (1159–1181) запрет выдавать священников в руки светских властей. Ранние декреталии Иннокентия III требовали выдачи

---

[26] Грациан – итальянский монах, создатель сборника папских декреталий ("Decretum Gratiani"). В "Декрет Грациана" были включены декреталии, которые составитель считал подлинными (не подложными).

[27] *Herde P.* Op. cit. S. 599–600.

светскому суду клириков, которые либо сами совершили подделку папских грамот, либо побуждали к этому других. Данное требование не касалось тех лиц, кто только использовал подложные папские грамоты.

В декреталии "Novimus" (1209 г.) Иннокентий III несколько смягчил свои предписания относительно выдачи фальсификаторов светским судьям. Подтверждая, что поддельщик, как и другие виновные в тяжких преступлениях, могут быть переданы в руки светского правосудия, папа подчеркнул, что в этих случаях церковь должна побуждать светских судей воздерживаться от вынесения смертного приговора. Кроме того, он указал, что, хотя церковные судьи имеют право выдавать виновного клирика светскому суду, делать это всякий раз они не обязаны[28].

Таким образом, декреталия 1209 г. означала некоторое отступление от суровых принципов декреталии 1201 г. "Ad falsariorum". Вообще канонисты не приветствовали смертную казнь для фальсификаторов и подвергали критике членовредительство, применяемое к светским лицам[29].

О наказании фальсификаторов в период пребывания пап в Авиньоне (1309–1377) свидетельствует регистр папской тюрьмы (carcer domini pape in Avignon) середины XIV в., сохранившийся в "Секретном архиве Ватикана" и подробно изученный Г. Динером. Из-за отсутствия прямых показаний источника точное местоположение этой тюрьмы исследователю установить не удалось. Он полагает, что она размещалась не непосредственно в папском дворце[30] и в ней могло находиться до 40 заключенных одновременно[31]. Авиньонская "тюрьма господина папы" была главным следственным изолятором курии. Пока арестованные тут сидели, в папской канцелярии или пенитенциарии шла проверка присланных вместе с ними булл, писем и прошений, в подделке которых их обвиняли[32]. За время ведения регистра тюремщиком Стефаном де ля Гаханна, с 8 мая 1344 г. по 23 февраля 1356 г., в авиньонской тюрьме побывало 600 арестованных. Среди них более 90 обвинялись в фальсификации папских, куриальных и других церковных грамот, которые выдавались в большом количестве – по многу тысяч ежегодно ("jährlich viele Tausende", как говорит Динер)[33].

---

[28] Ibid. S. 601–603.

[29] Ibid. S. 603.

[30] *Diener H.* Strafvollzug an der päpstlichen Kurie im 14. Jahrhundert: Aus den Registern des päpstlichen Kerkermeisters und des Großpönitentiars // Fälschungen im Mittelalter. Th. II. S. 623.

[31] Ibid. S. 618; ср. S. 612.

[32] Ibid. S. 618.

[33] Ibid. S. 609.

Папские представители (легаты и нунции), отправляемые в разные диоцезы, снабжались мандатами и инструкциями для борьбы с фальсификаторами и наказания их с помощью brachium seculare (светской власти). В инструкциях речь шла о выявлении фальсификаторов вообще, без указания конкретных имен. Вместе с тем Святому престолу были нередко известны имена и местопребывание поддельщиков. Эти сведения курия получала от своих служителей и доносчиков, которыми иногда становились жертвы фальсификации. В таких случаях посылались папские мандаты архиепископам, епископам и официалам[34] одной или нескольких церквей или епископств. В них поименно назывались фальсификаторы и их помощники и содержалось требование наказать или доставить в курию виновных[35]. Кроме того, фальсификаторов задерживали на основании приказов высших судебных органов курии.

Арестованных вели в Авиньон в цепях под надзором папских вооруженных слуг (servientes armorum). Под конвоем охранников доставлялись фальсификаторы и в другие тюрьмы, куда их направляли из "тюрьмы господина папы". Бывали случаи нападения толпы на такие процессии с целью освободить заключенных[36]. В регистре тюремщика Стефана упоминаются четыре цепи, на которых осужденных вели в тюрьму, и одна длинная цепь, на которой заключенных вели "к приговору" (ad sententiam)[37].

Территория, где выявляли и подвергали аресту поддельщиков папских и куриальных грамот, включала в себя весь западный мир. За 12 лет ведения регистра в авиньонскую тюрьму попали фальсификаторы из Германии, Англии, Ирландии, Франции, Испании, Италии, Сардинии и Сицилии. Чаще других в качестве родины виновного фигурировали французские диоцезы (31 раз). Но не всегда фальсификаторы действовали в родном диоцезе. Среди обвинявшихся в фальсификации были члены светских и духовных орденов, миряне, представители белого и черного духовенства. Как подследственный подвергся аресту даже один архиепископ[38].

Наиболее дерзкие подлоги совершались внутри самой курии. Они выражались в подделке папской резолюции "Fiat" (= "Быть по сему"), сопровождаемой подписью понтифика, и пометы вице-канцлера "Concessum" (= "Согласовано" или "Разрешено").

---

[34] Официал – чиновник при епископе или архиепископе для ведения светских дел, церковный судья.

[35] *Diener H.* Op. cit. S. 609.

[36] Ibid. S. 614–615.

[37] Ibid. S. 611.

[38] Ibid. S. 616.

Такие резолюции и пометы делались на прошениях, подаваемых в курию. На основании псевдосанкционированных прошений составлялись черновики папских грамот. Сам папа не мог уследить за этим процессом вследствие огромного потока входящей и исходящей документации. При Клименте VI (1342–1352) в папскую курию поступили многие тысячи прошений[39].

Разными видами преступлений ведали при папском дворе разные судьи. Дела об убийстве, разбое и воровстве рассматривал генерал-аудитор, фальшивомонетчиков судил камерарий, суд над поддельщиками папских или куриальных булл, писем и грамот, а также прошений, направляемых в курию, вершили вице-канцлер и великий пенитенциарий или их представители[40]. Попавших в тюрьму за фальсификацию по приказу (мандату) вице-канцлера или великого пенитенциария было намного больше, чем тех, кого арестовывали по папским мандатам, выданным легатам, нунциям, епископам и официалам[41].

Смертные приговоры фальсификаторам в этот период не выносились. Наиболее распространенной карой являлось тюремное заключение. В 1344–1356 гг. к пожизненному заключению (ad perpetuum carcerem) были приговорены четыре человека, столько же – к 10 годам пребывания на хлебе и воде. Чаще устанавливались более короткие сроки[42]. Если судьи не находили доказательств вины, они отпускали задержанных после нескольких дней – максимум трех недель расследования.

Сначала арестованных сажали в папскую тюрьму в Авиньоне. После расследования, и в том числе изучения подделанных ими документов, виновным выносился приговор de falsis bullis, de falsis litteris, de uno falso sigillo и т.п. Вслед за вынесением приговора осужденного либо оставляли в "тюрьме господина папы", либо отправляли в другае церковные тюрьмы. В папской тюрьме оставались обычно приговоренные к коротким срокам. Когда же речь шла о заключении на 3, 4 года, 5 лет и более, использовался, как правило, перевод в другие тюрьмы, расположенные в епископстве Прованском и соседних с ним (города Экс, Арль, Авиньон, Кавайон, Гап, Лион, Магелон, Марсель, Ним, Систерон)[43]. Поддельщиков папских резолюций и подписи ("Fiat" + Sigle) после четырех недель содержания в "тюрьме господина папы" отправляли

[39] Ibid. S. 618, 621.
[40] Ibid. S. 612.
[41] Ibid. S. 615–616.
[42] Ibid. S. 617.
[43] Ibid. S. 617–618.

в кармелитскую тюрьму, находившуюся тут же в Авиньоне[44]. По приказу вице-канцлера поддельщики резолюций и помет получали срок от 2 до 8 лет. Случаев заключения навечно (ad perpetuum) в этой группе, численность которой за 12 лет достигла 32 человек, не наблюдается[45].

Некоторых поддельщиков стерегли особенно тщательно. Они не могли покинуть место заключения без специального разрешения. Другие после освобождения изгонялись из курии на время или навсегда[46]. В случае болезни заключенных переводили в тюремную больницу. Некоторые из них умерли там или в тюрьме[47].

Из наказаний, применявшихся вице-канцлером, надо отметить также высокие денежные штрафы, которые он налагал на отдельных арестантов[48].

Духовные наказания (отлучение, анафема и др.) являлись прерогативой великого пенитенциария. Он устанавливал более короткие сроки заключения, чем вице-канцлер, и вообще по сравнению с приговорами последнего решения великого пенитенциария отличались большей мягкостью. Возможно, это объясняется тем, что он рассматривал подделку таких документов, которые не затрагивали интересы третьих лиц[49].

Ежегодно в "святой четверг" (четверг на Святой неделе перед Пасхой) папской курией издавалась "Bulla in coena Domini", где имелась статья, направленная против фальсификаторов. Краткая редакция ее с угрозой отлучения и анафемы оставалась неизменной с 1302 по 1354 г. В 1355 г. была введена еще и формула, упоминавшая санкции со стороны вице-канцлера или его заместителя. Здесь ничего не говорилось о великом пенитенциарии, хотя духовные наказания, предусмотренные буллой, входили как раз в его компетенцию – этим делом занималась Sacra Paenitentiaria Apostolica. Регистры великого пенитенциария сохранились лишь с середины XV в. – начиная с понтификата Каликста III (1455–1458)[50]. Они велись до времен Пия V (1566–1572)[51].

В этих регистрах фиксировались обращения самих фальсификаторов в папскую курию. Виновные признавались в своем преступлении, сообщали его мотивы и просили отпущения грехов[52].

---

[44] Ibid. S. 618.
[45] Ibid. S. 621–622.
[46] Ibid. S. 618.
[47] Ibid.
[48] Ibid. S. 619.
[49] Ibid.
[50] Ibid. S. 622.
[51] Ibid. S. 607.
[52] Ibid. S. 608.

Несмотря на подобный рост "сознательности" фальсификаторов, с конца XV в. отношение к ним ужесточилось. Если авиньонский регистр середины XIV в. не дает примеров вынесения смертного приговора поддельщикам грамот, то в конце XV в. приговоры такого рода известны[53]. Возможно, на папскую политику в этом вопросе повлияло светское законодательство с его возрождением суровых норм римского права.

Сравнительно с Западом актовое делопроизводство на Руси зародилось поздно. Первые княжеские грамоты, касающиеся Новгородской и Смоленской земель, появились в XII в. Актов Северо-Восточной Руси до XIV в. мы не знаем. Чем позже возникают акты, тем позднее развивается и их фальсификация. Трудно предположить, например, что в начале XII в., в эпоху создания "Повести временных лет", кто-то на Руси мог сфабриковать подельные договоры с греками и включить их в летопись. Вместе с тем в конце XIV в. вполне возможной уже была фальсификация новгородских актов, относимых к XII в.[54] Довольно интенсивное производство актов в Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. приводит к возникновению разного рода подделок, в связи с чем во второй половине XV–XVI в. начинают разрабатываться приемы и методы выявления их[55].

Первый известный случай наказания за фальсификацию акта на Руси относится к 1487/88 г.[56] Интересно, что речь шла о подделке грамоты не великого, а удельного князя – Андрея Васильевича Вологодского, умершего в 1481 г. Другой момент, заслуживающий внимания, – форма наказания: битье кнутом или плетью ("торговая казнь"). Наконец, третье – принадлежность виновных к разным сословиям, в том числе и к высшим: среди наказанных

---

[53] Ibid. S. 617.

[54] *Зимин А.А.* Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952. С. 123–131.

[55] Подробнее см.: *Черепнин Л.В.* У истоков архивоведения и актового источниковедения ("практической дипломатики") в России: (Вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV – начале XVI в.) // Вопросы архивоведения. 1963. № 1. С. 56–62; *Каштанов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 146–152.

[56] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 238; СПб., 1910. Т. 20, первая половина. С. 353; СПб., 1910. Т. 23. С. 186; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 319; *Лихачев Н.П.* Дипломатика: (Из лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом институте). СПб., 1901. С. 14; *Трусевич Я.И.* Западная и русская дипломатика и сфрагистика древнего Востока. СПб., 1907. С. 8; *Введенский А.А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР: (Дипломатика). Киев, 1963. С. 5; *Каштанов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики. С. 150–151; *Он же.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 29.

были князь и архимандрит. Состав преступников и способ их наказания вызывают в памяти казусы, предусмотренные вестготским законодательством VII в., когда предписывалось наказывать 200 ударами плети самовольных изготовителей копий королевских грамот и указов независимо от того, свободные они или рабы[57] (ср. выше, с. 349).

В правой грамоте 1547 г. по тяжбе между И.В. Шереметевым Большим и князьями Ю. Токмаковым и А. Ноздроватым сообщается о расследовании подлинности представленных суду документов[58]. Создатель подложного акта определяется тут как "подпищик"[59]. Одним из методов судебного следствия явилась пытка, примененная к "подпищику". Термин "подпищик" был в XVI в. неологизмом. В значении "фальсификатор" он употреблен в грамоте 1547 г. как будто впервые[60].

Борьба с "подпищиками" началась в русском законодательстве с судебника 1550 г. С этого времени "подписка" попадает в категорию "лихих дел", а "подпищики" – в разряд "лихих людей". Статья 8 судебника 1497 г., направленная против "лихих людей", о "подписке" и "подпищиках" еще умалчивает[61]. Развивающая ее ст. 59 судебника 1550 г. помещает "подписку" на последнем месте в перечне "лихих дел" – после разбоя, душегубства и ябедничества[62]. Как и судебник Ивана III, судебник 1550 г. требовал "ведомых" лихих людей "казнити смертною казнью".

Влияние нового судебника отразилось в грамотах 50-х годов XVI в. В важской уставной грамоте 1552 г. приказывалось, "чтоб у них в Шенкурье на посаде и в Велску на посаде, и в станех, и в волостех татей и розбойников, и ябедников, и подписчиков, и костарей, и всяких лихих людей не было"[63]. Виновных в лихих делах, и в том числе в "подписке" ("кто учнет руки подписывати"), шенкурцы должны были отдать "излюбленным головам" – судьям, которые "про то обыскав, управу им и казнь чинят по нашему судебнику"[64].

В уставной грамоте 1556 г. крестьянам царских подклетных сел Переславль-Залесского уезда "подписка" стоит, как и в судеб-

---

[57] См.: *Nehlsen H.* Op. cit. S. 559.

[58] АЮБ. Т. 1. № 52/V. Стб. 192–214; ср.: *Коробков Н.* Русская дипломатика: Краткий очерк // Архивное дело. 1940. № 1. С. 18. *Введенский А.А.* Указ. соч. С. 5–6; *Каштанов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики. С. 147–148.

[59] АЮБ. Т. 1. № 52/V. Стб. 193 и сл.

[60] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 39.

[61] См.: Судебники. С. 20 (ст. 8).

[62] Там же. С. 159 (ст. 59).

[63] Архив П.М. Строева. Пг., 1915. Т. 1. № 189. Стб. 356. (РИБ; Т. 32).

[64] Там же. Стб. 356–357.

нике, на последнем месте среди "лихих дел": "А доведут на кого розбой или душегубство, и пожегу, и ябедничество, и подписку или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой человек, и выборным судьям с губными старостами тех людей судити и управу им чинити по губным грамотам"[65]. Конкретные способы наказания "подписчиков" в грамоте не указаны, но, возможно, они отличались от смертной казни. Думаем так потому, что для "ябедников" из числа местных крестьян предусматривались не смертная казнь, как в судебнике, а битье кнутом и высылка из волости, причем подчеркивалось: "... а животов их не грабити"[66].

Статья 113 судебника 1589 г. упоминает "подписку ручную или кабалную" в конце перечня "лихих дел", за которые полагается смертная казнь. Однако в той же статье делается оговорка: "... а нарядчика и подписщика бить кнутом, а в указе что государь укажет"[67]. Таким образом, судебник царя Федора Ивановича как бы признает смертную казнь слишком суровой карой для "подписщика" и возвращается к той форме наказания, которая применялась в конце XV в. Правда, Сводный судебник начала XVII в. приводит ст. 59 судебника 1550 г. без смягчающей оговорки, помещенной в судебнике царя Федора[68].

В судебнике 1550 г. включение "подписки" в состав дел, караемых смертной казнью, произошло, возможно, под влиянием I Литовского статута 1529 г., где для "фалшера" королевских грамот и печатей предусматривалось наказание "огнем"[69]. Несмотря на то что это постановление повторено и развито во II и III Литовских статутах, 1566[70] и 1588 гг.[71], на Руси смертную казнь для подделыциков считали, видимо, мерой нетрадиционной и слишком суровой. Кроме того, борьба с "подпищиками" в России в XVI в. была еще недифференцированной – не различались подделка частных актов и фальсификация государевых грамот, а последняя не связывалась прямо с государственной изменой и оскорблением величества.

В Соборном уложении 1649 г., наоборот, борьба с "подпищиками" замкнулась на государевых грамотах и печатях, проблема же

---

[65] АИ. Т. 1. № 165. С. 316–317.

[66] Там же. С. 317.

[67] Судебники. С. 393 (ст. 113).

[68] ПРП. Вып. 4. С. 506 (ст. 59).

[69] Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К.И. Яблонскиса. Минск, 1960. С. 33 [арт. 5].

[70] Статут Великого князьства Литовского 1566 года // Временник МОИДР. М., 1855. Кн. 23. Материалы. С. 20–21 (арт. 12).

[71] Статут Вялікага княства Літоускага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 90–91 (арт. 16).

борьбы с подделкой частных актов была оставлена, по-видимому, на волю традиции. Таким подходом к фальсификациям Уложение напоминает английский "Статут об измене" 1352 г. По Уложению, смертная казнь грозила не только самим "подпищикам", но и тем, кто держал у себя фальсифицированные документы, зная об их подложности и надеясь их использовать в корыстных целях[72]. Напротив, если держатели не ведали о подложности документов, они освобождались от смертной казни[73]. Правда, тогдашние методы дознания "в сыску" едва ли служили надежной гарантией справедливости для невиновных. Вместе с тем теоретическое различение "ведомого" и "неведомого" держания подложных грамот вполне соответствовало принципам, которые разрабатывались в антифальсификаторском законодательстве других европейских государств (особенно папской курии) в период центрального и позднего Средневековья.

Подобно папским декреталиям, Уложение по существу различает подделку ("кто... напишет сам себе воровски") и интерполяцию ("что переправит своим вымыслом")[74]. Как и английское средневековое законодательство, Уложение знает несколько форм фальсификации государевых печатей. В Уложении различаются 1) изготовление подложной печати; 2) изъятие печати из подлинной царской грамоты и прикрепление ее к подложному документу ("к иным воровским писмам прикладывати")[75].

Сравнивая раннюю форму наказания, зафиксированную в летописях под 1487/88 г. и как бы возрожденную в судебнике 1589 г. (битье кнутом), с тем, что было декларировано в судебнике 1550 г. и Соборном уложении 1649 г. (смертная казнь), мы приходим к выводу о быстрой эволюции русского пенитенциарного права в области борьбы с фальсификациями грамот и печатей – от раннесредневековых норм, характерных для Вестготского королевства, к нормам римского права, типичным для Европы в период позднего Средневековья. Эта эволюция в какой-то мере отражает ускоренные темпы развития самого Русского государства – от монархии Каролингского типа в конце XV – первой половине XVI в. до сословно-представительной монархии раннего Нового времени в середине XVII в.

---

[72] Соборное уложение. С. 22–23 (особенно гл. IV, ст. 3). Аналогичное постановление имелось уже в I Литовском статуте: "Коли бы хто листы або печати наши фалшовал або их ведомо поживал, таковый каждый фалшер маеть каран быти огнем" (Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 33. [арт. 5]).

[73] Соборное уложение. С. 23 (гл. IV, ст. 4).

[74] Там же. С. 22 (гл. IV, ст. 1).

[75] Там же. С. 22–23 (гл. IV, ст. 2).

Глава XVII

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

При изучении истории русского акта важно понять, какого рода социально-экономические и политические отношения породили тот комплекс документов, который если и не дошел до нас полностью, то, во всяком случае, представлен в сохранившемся материале своими наиболее распространенными разновидностями. Пожалуй, самой многочисленной группой публичноправовых актов XIV–XVI вв. являются жалованные грамоты, среди которых преобладают документы, предоставляющие или закрепляющие разные формы феодального иммунитета. Весьма характерными публичноправовыми актами этого времени были междукняжеские договорные грамоты, духовные грамоты князей, а начиная с XV в. судебные акты – судные списки и правые грамоты, посвященные главным образом тяжбам о земле. Частноправовые акты представлены преимущественно документами, отражающими отношение к земельной собственности. Это акты дарения (вклада), купли-продажи, обмена, заклада земель. С XV в. становятся известны акты на людей, фиксирующие их самопродажу в полные холопы, а с XVI в. – в служилые холопы по займу. С середины XV в. наряду с актовыми источниками появляются документы регистрационно-учетного вида – писцовые книги, которые, судя по наиболее ранним сотницам, первоначально закрепляли лишь состав землевладения того или иного собственника, но вскоре стали перечислять и дворовладельцев, населявших описываемые места (села, деревни и др.). Письменный учет людей с конца XV в. распространяется и на верхушку служилого сословия. В последней четверти XV в. появляются разрядные книги, где фиксировалось погодно распределение воевод по полкам, а в середине XVI в. составляются "Тысячная книга", "Дворовая тетрадь" и, наконец, "Государев родословец", в котором нашло отражение не только настоящее, но и прошлое господствующего класса.

Таким образом, в составе документальных источников XIV–XVI вв. наблюдается определенная динамика. До середины XV в.

мы имеем дело почти исключительно с земельно-иммунитетными актами и княжескими духовными и договорными грамотами.

С середины XV в. явно увеличивается роль "человеческого фактора". Это нашло выражение в распространении актов на холопов, появлении поручных записей по боярам (с 70-х годов XV в.), брачных контрактов – рядных-сговорных (с конца XV в.), разрядных и писцовых книг. В XVI в. наметившаяся тенденция нарастает крещендо. Возникают новые разновидности частных актов – служилые кабалы, крестьянские порядные, в конце столетия – поступные на крестьян. Появляются новые разновидности регистрационно-учетной документации, создаваемые не только в государственной сфере, но и в монастырях – книги типа долговой, "книги ключей", приходо-расходные и т.п.

Вероятно, и в XIII – первой половине XV в. составлялись какие-то документы "учетного" вида. До нас они не дошли. Это могли быть списки людей "купленых"[1] или попавших в татарское "число". Так, в докончании Дмитрия Донского с боровско-серпуховским князем Владимиром Андреевичем (около 1367 г.) есть статья: "А ординьская тягость и проторъ дати ти мне, брату своему стареишему, съ своего оудела по давнымъ сверткомъ"[2]. Характер этих "давных свертков" не вполне ясен[3]. Во всяком случае, их составление вызывалось скорее внешними обстоятельствами, чем органическим развитием русского общества в XIV в. С.Б. Веселовский полагал, что в XIV–XV вв. писцы-данщики, "приезжая ежегодно для сбора дани и налогов в частные владения... вели точный учет налогоплательщиков, регистрировали вновь поселившихся тяглецов, отмечали сроки полученной ими льготы и вычеркивали из своих книг выбывших"[4]. Это утверждение вызывает сомнения. Указания об уплате налогов "по книгам" появляются в грамотах лишь с конца XV в., в то время как в более ранних актах говорится об уплате дани "по силе", т.е. по возможностям данного хозяйства. Да и никаких упоминаний о документах, составлявшихся писцами, в источниках до середины XV в. нет.

---

[1] ДДГ. № 1. С. 8; ср.: *Водов В.А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. – 1425 г.) // ИЗ. М., 1979. [Т.] 103. С. 340; ср.: *Vodoff V.* Les chancelleries des princes russes au Moyen Âge: Hypothèses et réalités // Kanzleiwesen und Kanzleisprachen im östlichen Europa. Köln; Weimar; Wien, 1999. S. 55–67.

[2] ДДГ. № 5. С. 20.

[3] Согласно В.А. Водову, в них "писалось распределение татарского выхода между разными представителями московской династии" (*Водов В.А.* Зарождение ... С. 340).

[4] *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 49.

Акты Северо-Восточной Руси XIV в. немногочисленны. Возникают они здесь в этот период как бы ab ovo. В Северо-Западной Руси, напротив, акты уже в XII в. стали средством регулирования социальных отношений, хотя и тут они насчитываются единицами: четыре княжеские грамоты типа жалованных двум монастырям – Юрьеву и Пантелеймонову (самого термина "жалованная грамота" в это время еще не было). Большинство исследователей склонны считать подлинным актом вкладную новгородца Варлаама Хутынского конца XII – начала XIII в. Против аргумента С.Н. Валка относительно изображенного во вкладной восьмиконечного креста как показателя принадлежности грамоты не к XII, а к XIV в. высказался В.Л. Янин[5]. Что касается духовной новгородца Климента третьей четверти XIII в., то ее подлинность ни у кого не вызывает сомнений. Из Новгорода берет начало и такая разновидность актовых источников на Руси, как княжеские договорные грамоты. Письменные договоры между Новгородом и великими князьями стали составляться с середины – третьей четверти XIII в.

По-видимому, в социально-экономическом отношении Новгород был наиболее развитой областью Северной Руси XII–XIII вв. Но и здесь состав источников ограничивается теми разновидностями, которые характерны для начального этапа письменного регулирования социальных отношений в сфере феодального землевладения (земельно-иммунитетные акты, договорные грамоты). С отставанием от Новгорода на полтора-два века сходные формы управления процессом социально-экономического развития начинают применяться и в Северо-Восточной Руси. Появление этих новых форм управления свидетельствует о возникновении новых форм феодального землевладения, которых до того не было совсем или которые только зарождались. Уже в первом сохранившемся договоре (1264 г.) между Новгородом и великим князем (Ярославом Ярославичем Тверским) формулируется запрещение князю, его жене и приближенным иметь села и слободы в Новгородской земле: "... ни селъ ти держати по Новгородьскои волости, ни твоеи княгыни, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородьскои волости"[6]. Эта статья употребляется и в последующих новгородско-княжеских докончаниях. В первом дошедшем до нас договоре московского великого князя Семена Гордого с его удельными братьями Иваном и Андреем есть

---

[5] См. также: *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Вкладная грамота Варлаама Хутынского // Russian Linguistics, 1992/1993. Vol. 16. N 2/3. P. 185–202; *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 374–377; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 87–88.

[6] ГВНП. № 1. С. 10.

постановление о взаимной непокупке сел в чужих уделах. Так, по крайней мере, позволяет думать плохо сохранившийся текст этой грамоты: "...наших оуделехъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ ...ни нашим бояромъ, ни слугам селъ въ твоемъ оуделе и у численых..."[7]. Аналогичная статья ясно читается в следующей по времени договорной грамоте, регулирующей отношения между великим князем Дмитрием Ивановичем и удельным князем Владимиром Андреевичем (около 1367 г.): "А тобе, брату моему молодшему, в моемь оуделе селъ ти не купити, ни твоимъ бояромъ, ни закладневъ ти, ни оброчниковъ не держати. Тако же и мне в твоемъ оуделе селъ не купити, ни моимъ бояромъ, ни закладнев ми, ни оброчниковъ не держати"[8].

Эти запретительные статьи показывают, что в Новгороде уже в XIII в., а в Московском княжестве в XIV в. существовала разделенная собственность на землю: наряду с верховной собственностью государства возникла корпоративная или частная собственность на определенные хозяйственные единицы – села. Непосредственные обработчики или пользователи этой земли были лишь ее владельцами, обязанными доставлять собственнику феодальную ренту, как это видно из некоторых новгородских берестяных грамот и из уставной грамоты митрополита Киприана 1391 г. владимирскому Царе-Константиновскому монастырю. Если в новгородских договорах речь идет о "держании" сел, то в московских – о купле-продаже. Следовательно объекты частной или корпоративной земельной собственности могли отчуждаться, они были товаром. Вместе с тем из тех же запретительных статей явствует, что государственная верховная собственность на землю не была фикцией. Государство имело право контроля за перераспределением частных земельных фондов и, пользуясь этим правом, предотвращало нежелательное для суверенного государства появление на его территории владений других суверенов или их вассалов в качестве частнособственнических анклавов.

Интересно складывались в этом плане взаимоотношения между Москвой и Тверью. Уже в первом московско-тверском договоре 1375 г. было постановлено, что в случае отъезда бояр и слуг из одного княжества в другое их "села" остаются под сюзеренитетом того князя, в чьем княжестве они расположены: "А кто бояръ и слугъ отъехал от нас к тобе или отъ тобе к нам, а села их в нашеи вотчине, въ великом княженьи, или въ твоеи вотчине, во Тфери, в ты села нам и тобе не въступатися"[9].

---

[7] ДДГ. № 2. С. 12.
[8] Там же. № 5. С. 20; ср. № 7. С. 24.
[9] Там же. № 9. С. 27.

Аналогичное постановление включено в московско-тверской договор конца XIV в., датировка которого вызывает разногласия в исторической литературе[10]. Текст договора, не имеющий даты, сохранился в сборнике середины XV в.[11] Договор написан от имени московского в.кн. Василия I Дмитриевича и адресован тверскому в.кн. Михаилу Александровичу. В договоре есть статья: "А к Витовту ми целование сложити. А тобе, брате, тако же явити Витовту, что есте с нами одинъ человек"[12]. Эта статья согласуется с указанием летописей о том, что великие князья Василий Дмитриевич и Михаил Александрович "покрепиша миру", а все русские князья соединились "заодно" и послали разметные грамоты Витовту. В Софийской II летописи данное известие помещено под 6904 (1395/96) г.[13], а в Рогожском летописце – под 6907 (1398/99) г.[14]

Издатели ААЭ отнесли документ к 1398 г.[15], В.С. Борзаковский не был уверен в правильности этой даты[16]. И.И. Срезневский датировал документ временем до 26 августа 1399 г. – дня смерти тверского в.кн. Михаила Александровича[17]. А.Е. Пресняков высказывал удивление по поводу того, что в Софийской II летописи рассматриваемое событие отнесено к 1396 г., ибо тогда отношения Василия I с Витовтом были еще дружественными. Необходимость заключения договора Пресняков объяснял возникновением опасного для Руси союза между Витовтом и Тохтамышем в 1399 г.[18]

В отличие от Преснякова Л.В. Черепнин опирался на известие Софийской II летописи и датировал договор временем "около 1396 г.". Он полагал, что договор не был официально оформлен, а являлся лишь проектом, предложенным Тверью[19]. А.А. Зимин принял датировку Черепнина, уточнив ее. По его мнению, соглашение состоялось в марте–апреле 1396 г., но представляло собой не проект, а настояний договор, подлинник которого был, однако, сознательно уничтожен[20].

---

[10] Там же. № 15. С. 40–43.

[11] ОР РНБ. Q. XVII. 58. Л. 51 об. – 55.

[12] ДДГ. № 15. С. 41.

[13] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 128.

[14] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 165.

[15] ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 14. С. 9–11.

[16] *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994 (воспроизведение издания 1876 г.). С. 374–375, примеч. 799.

[17] *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). 2-е изд. СПб., 1882. С. 287.

[18] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетия. Пг., 1918. С. 341–342, примеч. 1.

[19] *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 85–86.

[20] *Зимин А.А.* ХДДГ. С. 289, 322.

В.Д. Назаров вернулся к концепции А.Е. Преснякова и датировал договор началом 1399 г.[21] Немецкий историк Э. Клюг (1985 г.), не ссылаясь на Назарова, также обосновывал предпочтительность датировки договора 1399-м годом. Он опирался на показания Рогожского летописца, мнение А.Е. Преснякова и дополнительные собственные наблюдения. Имеющиеся в договоре указания на благословение митрополита Киприана и его третейский суд автор связывает с тем фактом, что Киприан проездом в Литву побывал в Твери в начале февраля 1399 г.[22]

Киприан посетил Тверь "на сырной недели" 6907 г.[23] В 1399 г. сырная неделя (масленица) приходилась на 3–9 февраля. Судя по тому, как события изложены в Рогожском летописце, соглашение между Василием I и Михаилом Александровичем состоялось какое-то время после отъезда Киприана в Литву к Витовту. Когда же он дал благословение на разрыв отношений с литовским великим князем? До февраля или в начале февраля 1399 г.? Логично ли было, дав такое благословение, отправляться к Витовту?

Видимо, в тот период, когда развертывался конфликт между Витовтом и Темир-Кутлуем, Киприан находился в Литве. В сентябре 1399 г. он оказался снова в Москве и выдал грамоту Владимирскому Рождественскому монастырю, датированную 13 сентября 6908 г., индикта 8[24]. Очевидно, Киприан выехал из Литвы сразу после поражения Витовта на Ворскле 12 августа 1399 г.

Ссылка на благословение Киприана в московско-тверском договоре вносит известные сомнения в датировку договора началом 1399 г. Принимая эту датировку, мы должны допустить одно из двух: либо ссылка на благословение носила формальный характер и была сделана в отсутствие митрополита, либо Киприан сильно рисковал, давая благословение на разрыв отношений с Витовтом и тут же отправляясь к нему в гости. Логичнее выглядело бы предположение о заключении договора в августе 1399 г., после разгрома Витовта и возвращения Киприана, но к 15 августа относится начало болезни великого князя Михаила Александровича[25], а 26 августа он умер. Едва ли это было время, подходящее для заключения договора.

---

[21] *Назаров В.Д.* Дмитровский удел в конце XIV – середине XV в. // Историческая география: XII – начало XX в. М., 1975. С. 50–51, примеч. 27.

[22] *Клюг Э.* Княжество Тверское. Тверь, 1994. С. 231–232.

[23] ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 165.

[24] АСЭИ. Т. III. № 86. С. 117–118.

[25] В летописях отмечено, что Михаил Александрович "разболеся" "по празднице Оспожине дни" (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: ср.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 150). "Оспожин день" (Успение Богородицы) – 15 августа (ст. стиль).

В дальнейших ссылках на данный документ мы приводим две даты: "1396 (1399)". Первая из них служит ориентиром для всех, кто пользуется капитальной публикацией ДДГ, вторая указывает наиболее вероятное время заключения договора.

Постановление о вотчинах отъехавших князей сформулировано в договоре 1396 (1399) г. как требование, обращенное к тверскому князю: "А кто моихъ князеи отъедет к тобе, кого ми Бог поручил и моеи братьи молодшеи, в тех ти вочины не встоупатися, ни твоимъ детем, ни твоим братаничем, ни под нашею братьею меншею, ни под нашими детми"[26]. Вероятно, в несохранившемся экземпляре, шедшем от лица тверской стороны, такое же обязательство накладывалось на московского князя. Показателен в этом отношении договор 1456 г., дошедший в двух экземплярах. В тверском экземпляре сказано: "А кто моих князеи служебных к тебе отъедет, в тех ти отчину не вступатися, кого ми Бог поручил, ни твоим детемъ, ни твоеи братье молодшеи"[27]. То же самое говорится в московском экземпляре, где, кроме братьи "молодшеи", упоминается еще братья "меншая" тверского князя[28]. Экземпляры договора 1462–1464 гг. точно следуют формулировке этих статей в договоре 1456 г.[29]

В последнем московско-тверском договоре 1484–1485 гг., в котором тверской великий князь Михаил Борисович признает себя "братом молодшим" московского великого князя Ивана III и его сына в.кн. Ивана Ивановича, статья о служебных князьях сформулирована следующим образом: "А князеи служебных с вотчинами нам, великим князем, от тобя не приимати. А тобе от нас, от великих князеи, служебных князеи с вотчинами не приимати"[30]. Постановление такого рода было уже в докончании 1428 г. в.кн. Василия II с галицко-звенигородским кн. Юрием Дмитриевичем[31] и затем повторялось в договорах между великим и удельными князьями московского дома. В договорах с удельными князьями обязательство не принимать служебных князей давали в одностороннем порядке удельные князья.

Понятие "служебный князь" было новым для второй четверти XV в. Не вполне ясно, что за ним скрывалось. Вероятно, речь шла о Рюриковичах и Гедиминовичах, не имевших удельного статуса

---

[26] ДДГ. № 15. С. 42.

[27] Там же. № 59. С. 188.

[28] Там же. С. 191.

[29] Там же. № 63. С. 204, 207.

[30] Там же. № 79. С. 298; ср. С. 300.

[31] "А князеи ти моих служебных с вотчиною собе въ службу не приимати. А которыи имут тобе служити, и имъ въ вотчину въ свою не въступатися" (Там же. № 24. С. 65; ср. С. 67).

и становившихся "слугами" великих князей[32]. По мнению Г. Алефа, они едва ли играли большую роль в русской истории до второй четверти XV в., но это была первая группа служилых людей, чье право перемены службы подверглось стеснению[33]. Основной смысл великокняжеской политики в отношении служебных князей состоял в том, чтобы не дать их вотчинам превратиться в безусловную собственность, сохраняющуюся в руках владельца независимо от того, кому он служит. Перемена службы вела к потере вотчины. Этот принцип ясно сформулирован в договоре Василия II и Юрия Галицкого 1433 г. В обоих экземплярах докончания речь идет о санкциях против князей, служивших великому князю, при их переходе в удел. В экземпляре, составленном от лица великого князя, говорится: "А князеи ти моих служобных с отчинами собе въ службу не приимати. А которые князи имут тебе служыти, и имъ в вотчину въ свою не въступатися, вотчины лишоны"[34].

Противоположный подход имел бы опасные для великих князей последствия: 1) создание независимых сеньорий внутри их княжества, что означало бы феодальное дробление его территории; 2) наличие внутри княжества сеньорий, вассальнозависимых от другого великого или удельного князя. Очевидно, великокняжеская власть была достаточно сильна, чтобы не допустить развития этого процесса, а служебные князья достаточно малочисленны и неорганизованны для того, чтобы препятствовать невыгодной для них политике великокняжеской власти.

---

[32] О служилых князьях см. также: *Мордовина С.П.* Служилые князья в конце XVI в. // Тр. МГИАИ. М., 1970. Т. 28. С. 326–340; *Зимин А.А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. статей, посвященных памяти А.А. Новосельского. М., 1975. С. 28–56; *Он же.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 122–153; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России: (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 48–89; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 29–73; *Колычева Е.И.* "Служилые" князья и "слуги" в России конца XV–XVI вв. (на примере князей Воротынских) // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 204–209; *Назаров В.Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 175–196; ср.: *Каштанов С.М.* Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // In memoriam: Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 225–226; *Он же.* Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 104–108; *Rüss H.* Herren und Diener: Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9.–17. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 1994. S. 80–86.

[33] *Alef G.* Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. L., 1983. [Article] IV. P. 21.

[34] ДДГ. № 30. С. 79; ср. С. 77.

Территориальная целостность княжеств поддерживалась и другими постановлениями. В первом московско-тверском договоре 1375 г. есть статья о взимании дани со служилых людей: "А кто служит нам или тобе, а живет в нашеи вотчине, в великом княженьи, или въ твоеи вотчине во Тфери, и на тых нам взяти дань, как на своих, по целованью, без хитрости"[35]. В этом постановлении как будто все служилые люди Московского и Тверского княжеств признаются обязанными платить дань московскому князю. Такое положение дел может объясняться поражением тверского князя в войне с московским. В договоре московского великого князя Василия I Дмитриевича с серпуховским князем Владимиром Андреевичем около 1390 г. провозглашен другой принцип. В тексте, сформулированном от лица Василия Дмитриевича, указано: "А хто живеть твоихъ бояръ в наших уделехъ[36] и въ отчине, в великомъ княженьи, а тыхъ ны блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти, какъ и на своихъ. А хто живеть нашихъ бояръ в твоеи очине и въ вуделе, а тыхъ тобе блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти, какъ и на своихъ"[37]. Иначе говоря, дань взимается по месту проживания боярина, а не по его вассальной принадлежности. В московско-тверском договоре 1396 (1399) г. позиция Москвы определяется следующим образом: "А которых бояр и слуг села, а имуть жити в нашеи очине, взяти вы на них дань, как и на своих"[38]. Здесь села и местопребывание бояр как будто противопоставлены друг другу. Создается впечатление, что имеются в виду села в Тверском княжестве. Иначе неясно противопоставление: "... а имуть жити в нашеи очине". Разрешение тверскому князю брать дань с этих сел соответствует тут же сформулированному принципу: "А данью и соудом потянути им по земле и по воде". Сравнение московско-серпуховского и московско-тверского договоров выявляет существенную разницу в решении вопроса о дани: если у тверских бояр, перешедших в Москву, на родине остаются села, которые и облагаются тверской данью, то московские и серпуховские бояре как будто не оставляют после себя сел, сохраняя лишь вассалитет, и потому облагаются данью в местах своего нового поселения.

В дальнейшем договоры московских великих князей с удельными проводят принцип подведомственности бояр и слуг тому князю, в чьем княжестве они живут, будучи вассалами другого князя. Так, в докончании можайского и дмитровского князей с Василием I (около 1401–1402 гг.) говорится: "А хто, господине, имет

[35] Там же. № 9. С. 28.
[36] В ДДГ "уделелъ".
[37] ДДГ. № 13. С. 39.
[38] Там же. № 15. С. 42.

жити наших бояръ в твоей вочине, блюсти их, как и своих. А хто, господине, учнет жити твоих бояръ и слуг в нашей вочине, и нам блюсти, как и своих. А хто которому князю служит, где бы ни был, полести ему с тем князем, которому служит"[39]. В договоре 1428 г. Василия II с Юрием Дмитриевичем последний пункт гласит: "А хто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем ходити". Употребляющийся в договорах термин "блюсти" подразумевает, видимо, и взимание дани, и судебную подведомственность. Во взаимоотношениях с удельными князьями этот принцип сохранил силу вплоть до первой трети XVI в. Еще в договоре Василия III с дмитровским князем Юрием Ивановичем 1531 г. – последнем междукняжеском докончании – встречаем статью: "А бояром и детем боярским и слугам промеж нас волным воля. А кто, брате, нашых бояр, и детеи боярскихъ, и слуг имет жити въ твоеи отчине, и тобе их блюсти, как и своих. А кто, брате, твоих бояр и детеи боярских, и слуг имет жити в нашыхъ государствех, в великих княжествех, въ моем и въ сына моего в Ывановых, и нам ихъ блюсти, какъ и своих. А кто которому князю служит, где б ни жил, с тем ему ехати, которому служит"[40].

Проводимая в договорных грамотах политическая линия исходила из принципа разделения землевладения и службы. Она делала реальным существование "вассалитета без ленов или ленов, состоящих только из даней"[41].

Такая система преследовала в конечном счете все ту же цель, о которой мы говорили: не допустить возникновения на территории княжества независимых от данного князя сеньорий, находящихся в вассальной зависимости от другого князя, т.е. воспрепятствовать спонтанному процессу феодального дробления.

Более противоречивыми были решения изучаемого вопроса в московско-тверских докончаниях второй половины XV в. В докончальной грамоте Бориса Александровича Тверского 1456 г. читаем: "А которых бояръ и слуг села, а имут жити в вашеи отчине, взяти вы на них дань и суд, как и на своих"[42]. Выражение "а которых бояръ и слуг села" в этом контексте нас несколько озадачивает. Что имеется в виду: села, оставленные тверскими боярами в Тверском княжестве, или села, приобретенные ими в Московском княжестве? Делая первое допущение, как при интерпретации договора 1396 (1399) г., мы должны прийти к выводу, что тверской князь ставится в крайне невыгодное положение, поскольку в его княже-

---

[39] Там же. № 18. С. 52.

[40] Там же. № 101. С. 417; ср. С. 419.

[41] Ср. *Marx K.* Secret diplomatic History of the Eighteenth Century. L., 1899. P. 76.

[42] ДДГ. № 59. С. 189.

стве образуются подвассальные ему сеньории, связанные судом и данью с московским князем. Если же предположить, что села тверских бояр находились в московских пределах, то выражение "а которых бояръ и слуг села" кажется ненужным при наличии формулы "а имут жити в вашеи отчине". В грамоте московского в.кн. Василия II Васильевича, составляющей другой экземпляр договора 1456 г., о дани с бояр говорится почти то же самое, что и в грамоте Бориса Александровича, но здесь нет местоимения, указывающего действователя: "А которых бояръ и слуг села, а имут жыти в вашей вотчине, взяти на них дань и суд, как и на своих"[43]. Кому "взяти"? Тверскому князю или московскому? Ясно только, что подразумеваются московские бояре, живущие в Твери, но где их села: в Московском или Тверском княжестве? Казалось бы, можно думать, что в обеих грамотах речь идет о боярах, живущих в селах за рубежом и остающихся вассалами своего сюзерена, будучи под судом и данью местного князя. Однако не имеем ли мы тут дело с попыткой Москвы частично вернуться к нормам договора 1375 г., когда московский князь выговорил себе право взимать дань со служилых людей как Московского, так и Тверского княжеств?

В договоре 1462–1464 гг. московская и тверская грамоты по-разному формулируют статью о подведомственности бояр. В тверской грамоте Михаила Борисовича читаем: "А которых бояръ и слуг села, а имут жити въ вашеи очине, взяти на них дань и судъ, какъ и на своих"[44]. В московской грамоте Ивана III вместо "вашеи" сказано "нашеи": "А которых бояръ и слуг села, а имут жити в нашеи отчине, взяти на них дань и суд, как и на своих"[45]. Местоимения, определяющего действователя, ни в той, ни в другой грамоте нет, однако в обеих подразумевается пребывание бояр в Московском княжестве ("въ вашеи очине" – по тверской грамоте, "в нашеи отчине" – по московской грамоте). Следовательно, и тут и там речь идет о тверских боярах, вероятно оставляющих села в Твери. Распространение на бояр и слуг дани и суда "как и на своих" означает, скорее всего, что в обоих случаях имеется в виду не "свой" для них, а чужой сюзерен, т.е. великий князь Московский.

Совершенно одинаково сформулирована интересующая нас статья в двух экземплярах последнего московско-тверского договора, 1484–1485 гг. В московской грамоте, обращенной к тверскому князю, сказано: "А которых бояръ и слугъ села, а имут жити

---

[43] Там же. № 59. С. 191.
[44] Там же. № 63. С. 204.
[45] Там же. № 63. С. 207.

в вашеи отчине, взяти на них дань и судъ, как и на своих"[46]. То же в тверской грамоте, адресованной московской стороне[47]. Здесь внешне соблюдено равноправие сторон. Дань и суд над боярами и слугами должны были, по-видимому, принадлежать тому государю, в чьем княжестве проживали эти лица. Создавалась система, характерная для взаимоотношений московского великого князя и удельных князей московского дома. Вместе с тем на протяжении XV в. московские князья, заботясь о том, чтобы на их территории не возникали сеньории, пользующиеся иммунитетом по отношению к ним и находящиеся в вассальной зависимости от другого государя, старались благоприятствовать росту подобных сеньорий в пределах Тверского княжества.

О селах бояр и слуг речь заходит вообще довольно поздно. Взаимное обязательство не вступаться в села отъехавших бояр и слуг впервые прозвучало в московско-тверском договоре 1375 г.: "А кто бояръ и слугъ отъехал от нас к тобе или отъ тобе к нам, а села их в нашеи вотчине, въ великом княженьи, или въ твоеи вотчине, во Тфери, в ты села нам и тобе не въступатися"[48].

Распространение письменных актов в Новгороде в XII в., а в Северо-Восточной Руси в XIV в. было следствием развития социально-политических и социально-экономических отношений принципиально иного типа, чем те, которые не требовали письменного воздействия на определенных юридических или физических лиц с целью сохранения или изменения экономической ситуации, социальных связей, расстановки политических сил и т.п. Во Франкском государстве аналогичный переход к актовой форме управления начался в VI в. Н.П. Павлов-Сильванский для доказательства типологической общности институтов "феодального" строя на Руси и в Западной Европе чаще всего сравнивал правовые нормы русских актов XIV–XVI вв. и западных дипломов VII–IX вв.[49] В сходном плане написана одна из ранних работ Л.В. Черепнина[50]. Подобные сравнения, являющиеся стимулирующим фактором развития исторической мысли, требуют, однако, не только установления общего, но и выяснения различий, связанных с различиями места и времени. Н.Н. Павлов-Сильванский, а позднее Л.В. Черепнин, показывая принципиальную однотипность

---

[46] Там же. № 79. С. 299.

[47] Там же. С. 300.

[48] Там же. № 9. С. 27.

[49] См.: *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988.

[50] *Черепнин Л.В.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV–XVI вв. // ИЗ. М., 1940. [Т.] 9. С. 38–80.

русского и западного феодализма, кажется, не придавали особого значения тому, что сопоставляемые ими нормы права и институты разделяются хронологическим промежутком в 600–800 лет. Русский феодализм развивается в совершенно другую эпоху и в совершенно другом историческом контексте, по соседству со странами, прошедшими эту стадию развития еще 600–800 лет тому назад.

Беря за точку отсчета определенную типологическую близость социальных отношений в Русском государстве XIV–XVI вв. и Франкском государстве VI–IX вв., нельзя не обратить внимания на предшествующее и последующее развитие в том и другом регионе. Необходимо представить себе, во-первых, из чего конкретно выросли эти довольно похожие отношения и, во-вторых, к чему привела их дальнейшая эволюция тут и там. Очевидно, что пути развития Западной Европы после IX в. и Русского государства после XVI в. различаются весьма существенно. Россия пришла к развитию феодальных институтов иммунитета, вассалитета, прекария, бенефиция и т.п., по крайней мере, через полтысячелетия после того, как они проделали свою эволюцию в Западной Европе. Феодальное развитие России проходило на рубеже Средневековья и Нового времени. Ее не слишком отдаленными соседями были страны, где уже начинали формироваться буржуазные отношения и буржуазная культура.

При иллюстративном методе сравнения динамика процессов социально-экономического и политического развития в каждом из регионов отступает на задний план. Весьма трудно не отступить от задачи типологического сравнения и вместе с тем учитывать динамику конкретно-исторического развития в каждом регионе, его истоки и результаты. Важно было бы наряду с типологическим провести и синхронистическое сопоставление процессов, происходивших в России и остальной Европе.

Серьезное сравнительно-историческое исследование по намеченному плану может стать темой самостоятельной монографии. Здесь же мы вынуждены ограничиться отдельными наблюдениями и соображениями. При всем желании избавиться от иллюстративного метода при сопоставлении источников и отраженных в них процессов автор не рассчитывает подняться до высот систематического анализа обозреваемого материала.

Для начала надо привести некоторые цифровые данные о составе актовых источников, дошедших от обоих регионов в сравниваемые периоды. Остановимся на численности публичноправовых актов, поскольку они лучше, чем частные акты, представлены в публикациях, перечнях и обзорах. Корпус меровингских дип-

ломов, опубликованный в 1872 г. К. Перцем, включает в себя 97 королевских актов 510–744 гг., которые издатель считал подлинными, 95 подложных королевских актов 479–749 гг., 24 майордомских акта 650–752 гг., признаваемых подлинными, и восемь подложных майордомских актов 687–715 гг.[51]

Ж. Тесье указывает, что из 192 актов, рассматривавшихся Перцем в качестве королевских, шесть таковыми не являются, и сводит число подлинных королевских дипломов, помещенных у Перца, к 96, а подложных – к 90. Автор делает оговорку о приблизительности этих цифр как показателя общей численности королевских дипломов эпохи Меровингов[52]. Из восьми первых дипломов сборника Перца (510–587 гг.) семь являются подделками, а один не относится к категории дипломов[53]. Наиболее ранний диплом, который можно считать подлинным (хотя и не дошедшим в оригинале), датируется 562 г.

В составе меровингских дипломов имеется громадная лакуна между 562 и 625 гг.[54] – от 563–624 гг. дипломов не дошло. Зато начиная с 625 г. некоторые дипломы сохранились в оригинале. Таких известно 38 за время с 625 по 717 г.[55] Кроме дипломов, эпоха Меровингов представлена незначительным числом законодательных и договорных документов, а также посланий[56]. Общее число публичноправовых актов меровингского периода, включая подлинные королевские и майордомские дипломы, законодательные и договорные документы, составляет около 200[57]. Время, в течение которого эта документация создавалась (562–751 гг.), охватывает немногим меньше двух столетий.

В.А. Водов относит к периоду с 20-х годов XIV в. до 1425 г. 104 публичноправовых акта только московского происхождения

---

[51] MGH. Diplomatum imperii. T. 1.

[52] *Tessier G.* Diplomtique royale française. P., 1962. P. 6.

[53] Ibid.

[54] MGH. Diplomatum imperii. T. I. N 9–10.

[55] *Tessier G.* Op. cit. P. 6–7.

[56] Ibid. P. 14–16.

[57] См. также: *Каштанов С.М.* К вопросу о критериях "точности" в исторической науке // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тез. докл. и сообщ. научн. конф. Москва, 4–6 февраля 1999 г. М., 1999. С. 34, 36, примеч. 11–13. В самом начале XXI в. появилось новое капитальное издание грамот Мировингов, подготовленное К. Брюлен и Т. Кёльнером: Die Urkunden der Merowinger / hach Vorarbeiten von Carlrichard Brühl (†); hrsg. von Theo Kölzer, unter Mitwirkung von M. Harzman und A. Stieldorf. Hannover, 2001. Teil I–II. В первой части этого издания опубликовано 196 сохранившихся (подлинных и подложных) грамот меровингских королей начиная с 481–511 и кончая 761 г. Во второй части изданы сведения о 415 утраченных грамотах (Depordita). В отличие от издания Перца 1872 г., майородомские дипломы здесь не публиковались.

(в это число входят и несохранившиеся, но упоминаемые акты). С учетом ярославских, белозерских, тверских, рязанских, нижегородских и новгородских актов это число возрастет в полтора-два раза. Процес документирования социально-политических отношений, протекавший в XIV в. еще довольно вяло и медленно, заметно активизировался в первой четверти XV в.

Среди русских княжеских актов этого периода преобладали земельно-иммунитетные и договорные грамоты. Земельно-иммунитетные акты могут быть сопоставлены с меровингскими praecepta, а судебные – с placita. Духовные грамоты князей, находящие мало аналогий среди меровингских актов, по своему существу были формой договора (с наследниками) и закона (об управлении княжеством). Вместе с тем документы собственно законодательного и эпистолярного видов, образцы которых представлены в документальном наследии Меровингов, в русском княжеском документопроизводстве, по крайней мере до середины XV в., занимали как будто весьма скромное место.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании мы пришли к выводу, что наиболее ранние русские акты – договоры X в. с Византией – являются переводами с греческого копийного сборника второй половины XI – начала XII в. Поэтому есть основания думать, что договорные статьи под 907 г., не имеющие заголовка "Равно другаго свещания...", не могли составлять отдельного документа в этом сборнике, где каждый акт предварялся заголовком. Вопрос о некоем "Иване" как возможном писце грамоты 911 г. решается нами отрицательно, равно как и вопрос о "киноварном" написании грамоты. Под "Иваном" можно было бы подразумевать какого-нибудь референдария, докладывавшего заинтересованной стороне и исполнителям о воле монарха[1], однако обычая упоминать писца или референдария сохранившиеся договоры конца X – середины XIII в. не знают. Поэтому "Ивановым написанием" мы толкуем как искаженное "διὰ τοῦ παρόντος ἐγγράφου", т.е. "настоящим написанием».

В развитии жалованных актов XII–XIV вв. мы наблюдаем постепенное изживание древнейшей – новгородской – традиции, связывавшей иммунитетные привилегии и предоставление бана обязательно с земельным пожалованием. В Северо-Восточной Руси XIV в. судебно-административные и финансовые права становятся самостоятельным предметом регулирования, и объем их детально и четко фиксируется в грамотах. Княжеские писцы становятся одним из характерных институтов управления уже с конца XIII в. В некоторых случаях писцы грамот были одновременно и печатниками. Влияние митрополичьей кафедры на светское делопроизводство проявилось как в порядке удостоверения княжеских духовных грамот, так и в формировании начальной части и конечного протокола договорных грамот. Начиная со второй духовной в.кн. Василия I Дмитриевича (около 1417 г.) вошло в обычай ста-

[1] Ср.: *Tessier G.* Diplomatique royale française. P., 1962. P. 2–3.

вить подпись митрополита на духовных грамотах великих князей. Вторую и третью духовную Василия I скрепил своей подписью на греческом языке митрополит Фотий, духовную в.кнг. Софьи скрепил подписью на русском языке митрополит Иона, духовную Василия II и приписную грамоту к ней подписал митрополит Феодосий, духовную запись Василия III 1523 г. – митрополит Даниил. Со времен Фотия митрополиты стали подписывать и междукняжеские договорные грамоты (первый известный случай – подпись Фотия на докончании Василия II с кн. Юрием Дмитриевичем 1428 г.). Под влиянием Киприана и Фотия в княжеские грамоты начинает вводиться эсхатокол (указание места выдачи акта).

Богословская преамбула – компонент формуляра, в котором цель выдачи грамоты князем сводилась к желанию угодить небесному патрону монастыря, объединяла жалователя и грамотчика принципом поклонения одному небесному патрону и устанавливала определенное равенство между ними как политическими партнерами. С образованием централизованного государства обычаи изменились – богословская преамбула перестала вноситься в жалованные акты. Единственным источником "милости" становился сам государь-жалователь, и видимость равноправия между партнерами исчезла. Зато богословскую преамбулу активно использовали в XVI в. составители частных актов. Их приобщение к культу небесного патрона монастыря придавало равноправие партнерству между частным лицом и монастырем.

Рассматривая развитие интитуляции русских актов X–XVI вв., мы наблюдаем приоритет именной части перед титульной в древнейших документах, в то время как с середины XII в. увеличивается роль титульной части, а с 20-х годов XIV в. появляется так называемый ломаный титул, окружающий имя с обеих сторон. Во второй половине XV – начале XVI в. интитуляция русских внешнеполитических актов испытывает значительное влияние интитуляций актов соседних и более дальних стран – прежде всего Польши и Империи. Становится весьма подробной и разветвленной географическая часть титула. Исчезает вводная часть ("се яз"), имя без отчества занимает, по примеру королевских актов, первое место в интитуляции. В середине XVI в. в титул вводится "множественное величия" – "Мы". Титул варьируется, в него включаются названия новых земель и царств, присоединенных к Русскому государству. Титул "самодержец" появляется в кратком титуле с 1589 г. (как полагает Р. Биннер, под влиянием учреждения патриаршества), в пространном – с 1591 г. (по нашему мнению, в связи с ликвидацией Углицкого удела после смерти царевича Дмитрия).

Общие тенденции развития документирования в XV–XVI вв. сводятся к увеличению разновидностей производимых актов и появлению значительных групп источников других видов – регистрационно-учетного, эпистолярного, распорядительного.

Особое место занимает вопрос о сравнительно-историческом изучении актов Северо-Восточной Руси и соответствующей документации Франкского государства VII–IX вв. Здесь еще многое предстоит выяснить как в смысле соотношения количества и темпов выдачи документов, так и в смысле их роли по существу в развитии социально-экономических и политических отношений в том и другом регионах.

Сходство развития франкского региона в VII–IX вв. и российского в XIV–XVI вв. как в плане экономическом (от свободы производителей к нарастающему закрепощению) так и в политическом (от областных княжеств к империи), в итоге обернулось политическим контрастом, поскольку Каролингская империя в X в. пошла по пути феодальной раздробленности, а Русское государство в XVI в пошла по пути феодальной раздробленности, а Русское государство в XVI в. стало сословно-представительной монархией. Эта разница итогов говорит о том, что и сходство на предыдущих этапах было неполным.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ВОПРОС О КОРОЛЕВСКИХ, КНЯЖЕСКИХ И ГОРОДСКИХ КАНЦЕЛЯРИЯХ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ ПО ДИПЛОМАТИКЕ

1. Ранние средневековые канцелярии
(IV Международный конгресс по дипломатике)

Раннесредневековым королевским и княжеским канцеляриям был посвящен IV Международный конгресс по дипломатике, состоявшийся 1–6 сентября 1973 г. в Будапеште. Труды его не были опубликованы, поэтому обзор работы этого конгресса сохраняет определенный научный интерес.

Здесь уместно напомнить краткую историю конгрессов по дипломатике. Первый из них был созван в Брно в 1968 г., темой его являлись общие проблемы дипломатики как науки; второй – происходил во Фрибурге (Швейцария) в 1969 г.; на нем обсуждались вопросы истории частного акта; третий, Римский, конгресс 1971 г. занимался рассмотрением проблемы дипломатики папских актов; тема четвертого конгресса – происхождение канцелярий средневековых светских государей.

В IV конгрессе приняли участие ученые 21 страны: Австрии, Англии, Бельгии, Ватикана, Венгрии, ГДР, Греции, Дании, Израиля, Испании, Италии, Польши, Португалии, Румынии, СССР, Франции, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Югославии. СССР был представлен на Международном конгрессе по дипломатике впервые.

Общее число делегатов, внесенных в предварительный список, равнялось 141. На деле участников оказалось несколько меньше.

В последнем, типографски изданном варианте программы, фигурировавшем как официальный документ конгресса, числилось 35 научных выступлений (не считая приветствий при открытии и закрытии конгресса), из них 21 доклад, 25 сообщений и 9 выступлений без объявленного статуса.

Наибольшие количество докладом на страну представила ФРГ (6), за ней идут Франция (2) и Англия (2). Наибольшее число сообщений и выступлений без объявленного статуса (в расчете на одну

страну) дали Венгрия (8), Франция (6) и Испания (4). Сочетание одного доклада и двух сообщений было характерно для выступлений делегаций Италии, Чехословакии и Югославии. Один доклад и одно сообщение представила Австрия. По одному докладу дали Греция, Дания, Португалия, Швеция, а из социалистических стран – Польша и СССР. Только сообщениями были представлены Бельгия (2), Израиль (1), Румыния (1). Не выступали представители ГДР, Ватикана и Швейцарии.

Конгресс проходил без прений и без деления на секции. После каждого доклада или сообщения председательствующий давал краткую оценку выступления, поясняя его научное значение (председательствующие менялись в зависимости от тематики и языка докладов).

Официальными языками конгресса были французский, немецкий, английский, итальянский и испанский. Представители стран с другими национальными языками излагали свои доклады и сообщения по-французски или по-немецки.

Доклады и сообщения на конгрессе были разделены организаторами на 11 регионально-хронологических групп: 1) Позднеримские и византийские канцелярии; 2) Княжеские канцелярии Руси и Молдавии; 3) Канцелярии раннего западного Средневековья; 4) Имперская (германская) канцелярия; 5) Французская королевская канцелярия; 6) Латинский Восток[1]; 7) Королевская канцелярии Англии и Шотландии; 8) Королевские канцелярии Скандинавии; 9) Канцелярии пиренейских королевств; 10) Княжеские и королевские канцелярии Италии; 11) Канцелярии Центральной Европы. Вне этих групп стояли три доклада на общие темы, произнесенные на вступительном и заключительном заседаниях, а три других доклада, зачитанных на вступительном и заключительное заседаниях, относились по существу к тематике 11-й региональной группы, так как касались вопросов венгерской дипломатики.

Позднеримские и византийские канцелярии

Эта тема была представлена двумя докладами: Петера Классена (ФРГ) и Иоанна Караяннопулоса (Греция). Классен (Peter Classen) затронул проблему позднеримской основы средневековых канцелярий. Вопрос о преемственности канцелярских традиций Рима в период раннего Средневековья весьма важен для понимания форм развития средневековых актов. Караяннопулос (Ióannis Karayannopoulos) в историографической части своего доклада подчеркнул, что византийская дипломатика как специальная отрасль знания насчитывает не более 40 лет. Основные успе-

[1] В ходе конгресса эта тема обсуждалась после тем № 7 и 8.

хи византийской дипломатики он связал с трудами Ф. Дэльгера и новейшими публикациями (прежде всего французскими), позволившими приступить не только к детальмому анализу формуляра византийских актов, но и к сравнению их с западными актами и актами тех стран, которые испытали влияние Византии.

Доклад сопровождался показом диапозитивов. Автор рассмотрел некоторые канцелярские формулы византийских актов и способы их удостоверения. Он коснулся при этом вопросов палеографии (писчий материал, чернила, почерк подписей и т.п.), а также сфрагистики (печати).

Княжеские канцелярии Руси и Молдавии

Руси были посвящены доклад С.М. Каштанова (СССР) и сообщение Владимира Водова (Франция).

Каштанов показал развитие древнерусских княжеских актов, начиная с византино-русских договоров X в. и кончая княжескими договорными и духовными грамотами XIV в. (до 1380 г.). Опираясь на результаты исследований Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, В.Л. Янина, Я.Н. Щапова и др., автор предложил свою, строго дипломатическую методику изучения актов, до сих пор в этой области в полной мере не применявшуюся. Большое внимание в докладе было уделено установлению связи формуляра с удостоверением актов печатями. Объяснение эволюции формы актов закономерностями социально-политического развития и изменениями в идеологии входит в задачу исторического исследования. Автор на имевшемся материале пытался эту задачу выполнить.

Водов (Vladimir Vodoff) остановился на вопросе о количестве московских княжеских актов XIV – начала XV в. и характере московской великокняжеской канцелярии этого времени.

Используя данные более поздних документов, упоминающих несохранившиеся грамоты, он сделал вывод, что до нас дошла лишь незначительная часть некогда выданных актов. Автор считает невозможным говорить применительно к московскому делопроизводству о "канцелярии" в западной смысле слова, ибо составление актов не было поручено какому-то одному, строго определенному учреждению, а к этому делу привлекались различные лица из окружения князя, как светские, так и духовные. Водов выступает против существующего в литературе отождествления "печатника" с "канцлером", ибо последний термин употреблялся иностранцами, посещавшими Россию, для обозначения лица, ведавшего внешними сношениями. Печатник, по мнение автора, не имел права jussio, т.е. распоряжения о выдаче документа, хотя этим правом обладали некоторые бояре. Подпись дьяка автор рас-

сматривает в качестве recognitio (признание, удостоверение юридической силы) документа.

О публикации и исследовании валашско-молдавских актов говорилось в сообщении Дамаскина Миока (Румыния). Миок (Damaschin Mioc) отметил роль академика И. Богдана в изучении и издании актов. Различая документы прежде всего по языку (латинские акты Трансильвании, славянские и славяно-румынские акты других областей), он особое внимание уделил терминологии, служившей для обозначения дателей, писцов и разновидностей грамот. Кроме того, автор кратко охарактеризовал структуру формуляра документов.

Канцелярии раннего западного Средневековья

Тема разработана в докладах Карлрихарда Брюля (ФРГ), Робера-Анри Ботье (Франция), Теодора Шиффера (ФРГ) и в сообщениях Жана Дюфура (Франция) и Гервига Вольфрама (Австрия).

Брюль (Carlrichard Brühl) рассмотрел особенности актов лангобардских королей VI–VIII вв. Он проанализировал дипломатический состав лангобардских королевских актов (интитуляция, аренга и т.д.), сравнивая их с меровингскими дипломами. Особо остановился докладчик на вопросе о референдариях и нотариях, ведавших выдачей актов.

Ботье (Robert-Henrie Bautier) в своем обширном докладе осветил историю каролингских канцелярий VIII–X вв. Он показал клерикализацию королевской канцелярии после падения Меровингов. Должность архиканцлера в IX в. соединялась с постом архиепископа, вследствие чего функцию реального главы канцелярии исполнял канцлер. Однако в X в. в Германии и Италии произошло также слияние канцлерства и епископата, а в Западной Франции королевская канцелярия пришла в полный упадок. Многие акты составлялись самими получателями и представлялись в канцелярию лишь для удостоверения (иногда лишь для приложения печати). Остановившись на механизме выдачи грамот, Ботье заметил, что часто они возникали по инициативе заинтересованных лиц, действовавших через влиятельных персон, и далеко не всегда приказ о написании грамоты отдавался самим королем (вместо него нередко распоряжались архиканцлер, архикапеллан, королева или вельможи, имевшие силу при дворе). Автор разделил королевские акты на две большие группы, вышедшие: 1) из королевской канцелярии (дипломы, указы, уведомительные письма); 2) не из королевской канцелярии (судебные постановления, с IX в. оформлявшиеся как дипломы; указы о расследовании каких-либо дел; королевские письма частного характера). Существенной вехой в

истории каролингских канцелярий Ботье считает время Людовика I Благочестивого (814–840), когда канцелярия стала независимой от капеллы, удостоверение-"признание" (recognitio) актов было передано из рук архиканцлера в руки нотариев, изменился стиль королевских дипломов. В дипломах Карла Великого, особенно выданных после его императорской коронации (800 г.), наблюдаются признаки византийского влияния, проявившегося в применении инвокации с указанием Троицы, употреблении императорского титула и т.д. В дипломах Карла Лысого (843–877) византийское влияние нашло выражение в заимствовании формулы "Legimus", писавшейся большими красными буквами. Другие важные изменения (переход на летосчисление от Рождества Христова, внедрение денежной санкции и т.п.) Ботье относит к периоду после 870 г. Несмотря на разные пути развития каролингских канцелярий во Франции, Германии и Италии, именно каролингская канцелярия была, по мнению автора, родоначальницей всех королевских канцелярий средневековой Западной Европы.

Дюфур (Jean Dufour) коснулся проблемы составления дипломов в эпоху упадка королевской канцелярии во Франции X в. Он остановился на актах времени царствования вклинившихся между Каролингами королей из дома Робертинов – Роберта I (922–923) и Рауля (923–936). Восемь королевских актов из 20 сохранившихся, т.е. 40%, были составлены самими получателями – духовными учреждениями. Автор считает такое соотношение исключительным. Среди рассмотренных им восьми грамот, большинство которых написано в соответствии с формуляром публичных актовов, есть документ, построенный по образцу частного акта.

Шиффер (Theodor Schiffer) привел сведения о наличном составе грамот бургундских Рудольфингеров за 888–1132 гг. Он указал имена канцлеров, нотариев и диктаторов актов. Акты Рудольфингеров, с точки зрения их дипломатического состава, имели, как полагает автор, все атрибуты каролингских дипломов.

Вольфрам (Herwig Wolfram) избрал в качестве объекта исследования интитуляцию королевских и императорских дипломов. Он проследил влияние титула Карла Великого на формирование позднейших титулов местных королей, соотношение титулов "Rex Francorum" во Франкском государстве и "Rex Romanorum" в Центральной Европе. Кроме того, в связи с вопросом о титуле автор затронул проблему инвокации и формулы "Dei gratia"[2].

---

[2] Сообщение Вольфрама вследствие отсутствия автора на конгрессе было зачитано генеральным секретарем Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье.

Имперская (германская) канцелярия

Тема представлена докладами Петера Ахта (ФРГ), Генриха Аппельта (Австрия) и сообщением Жоржа Деспи (Бельгия). Ахт (Peter Acht) изучил акты имперской канцелярии времени Оттонов и Салье (X – начало XII в.). Он показал их связь с актами предшествующего, каролингского, периода, подробно остановился на роли эрцканцлера (главы канцелярии). Аппельт (Heinrich Appelt) рассмотрел акты имперской канцелярии периода царствования первых Штауфенов (1138–1197). Он коснулся историографии вопроса, начиная со Штенгеля и кончая современными диссертациями, посвященными актам Фридриха Барбароссы. Автор проанализировал структуру дипломов, которые императоры выдавали епископам. Не обошел он и проблему диктата актов. Цель доклада сводилась к тому, чтобы в сравнительном плане проследить изменения в построении грамот и характере деятельности императорской канцелярии, учитывая внешние влияния (французское и итальянское) и внутренние изменения в недрах культуры. Деспи (Georges Despy) исследовал императорские дипломы X–XI вв. для Нижней Лотарингии и сравнил их с дипломами для Италии и др.

Французская королевская канцелярия

История этой канцелярии получила освещение в докладе Жака Буссара (Франция) и в сообщениях Франсуазы Гаспарри (Франция) и Арие Грабоиса (Израиль).

Буссар (Jacques Bussard) наметил четыре этапа в дипломатике первых Капетингов: 1) 987–1005 гг. (относительное соблюдение традиций каролингской канцелярии); 2) 1005–1112/1113 гг. (постепенный упадок канцелярии, особенно при Генрихе I; частое составление актов самими получателями; начало выдачи указных грамот – mandements); 3) 1112/1113–1190 гг. (возрождение королевской канцелярии; устойчивые правила оформления документов; появление жалованных грамот – lettres patentes); 4) 1190–1223 гг. (изживание дипломов, вытеснение их жалованными грамотами). На протяжении всего доклада Буссар касался вопросов дипломатической структуры актов (он отметил, например, позднее проникновение “ego” в интитуляцию, рассмотрел инвокацию, аренгу, наррацию и т.д.). Большое внимание автор уделил подписям, печатям, стилям датировки документов. В сообщении Гаспарри (Françoise Gasparri) речь шла о королевских актах XII в., в том числе и составленных самими получателями, характеризовался почерк документов, определялась принадлежность актов

тем или иным писцам[3]. Личный состав королевской канцелярия в XII в., при Людовике VI и Людовике VII, формировался, по наблюдениям Грабоиса (Aryeh Graboïs), из церковнослужителей, происходивших из мелких дворянских фамилий королевского домена, и из представителей городских слоев, особенно парижских. Привлечение прелатов к канцелярской деятельности и соединение канцлерства с епископатом в это время почти совсем не практиковалось.

Латинский Восток

Тема раскрыта в докладе Рудольфа Хиштанда (ФРГ) и в сообщении Вальтера Превенье (Бельгия). Хиштанд (Rudolf Hiestand) описал основные особенности актов и канцелярий латинского Иерусалимского королевства XII в. Превенье (Walther Prevenier) показал смесь западных и византийских традиций в канцелярии Латинской империи в Константинополе в 1204–1206 гг., при Бодуэне I.

Королевские канцелярии Англии и Шотландии

Английской канцелярии были посвящены доклад Пьера Шапле (Англия) и сообщение Роя Фрэнка Ханнисета (Англия). Шапле (Pierre Chaplais) изложил историю королевских канцелярий с англосаксонских времен до периода царствования короля Джона. Он рассмотрел такие вопросы, как язык и дипломатический состав актов, особенности почерков и печатей, составление документов самими получателями, которые могли поручать написание акта какому угодно писцу. Ханнисет (Roy Frank Hunnisett) попытался установить количественное соотношение сохранившихся и несохранившихся актов. По форме организации материала он различает свитки и дела.

История шотландской канцелярии подверглась исследованию в докладе Джоффрея Бэрроу (Англия) и в сообщении Гранта Симпсона (Англия). Бэрроу (Geoffrey W.S. Barrow) в рамках изучаемого им периода (конец XI – начало XIII в.), включающего в себя время царствования шести шотландских королей, от Дункана II до Вильгельма I, наблюдает появление канцлера лишь с 1120 г. В промежутке между 1120 и 1226 гг. сменилось 12 канцлеров, из которых шесть были избраны в епископы по окончании канцлерства, а два во время канцлерства. Выясняя историю канцелярии по

[3] Сообщение Ф. Гаспарри вследствие отсутствия автора на конгрессе было зачитано генеральным секретарем Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье. Ср.: *Gasparri F.* L'écriture des actes de Louis VI, Louis VII et Philippe Auguste. Genève; Paris, 1973. Мою рецензию на эту книгу см.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 306–318.

почеркам писцов дошедших оригиналов королевских актов, Бэрроу пришел к выводу о заметном количественном преобладании во второй половине XII – начале XIII в. документов, составленных в королевской канцелярии (70–80%), по сравнению с грамотами, написанными по заказу самих получателей посторонними писцами. Сочетание палеографического метода с изучением карьеры канцлеров позволило автору связать между собой два любопытных обстоятельства: сходство почерков шотландских и английских королевских актов времени Дэвида I (1124–1153) и тот факт, что канцлер Дэвида в 1133–1141 гг. Вильям Камин первоначально служил клерком у епископа, который сам был прежде клерком и канцлером английского короля Генриха I. Сравнение с английскими документами входит и в содержащуюся в докладе характеристику четырех разновидностей шотландских королевских актов ("англо-норманские" дипломы; грамоты-указы; указы (brieve); послания). Бэрроу показывает по́зднее (после 1195 г.) появление дат в шотландских актах. Для сравнительной сфрагистики полезно отметить, что шотландская королевская печать уже со времен Дункана II (1094 г.) несла изображение всадника. Принятый при Александре I (1107–1124) тип легенды на печати с указанием королевского титула ("... deo rectore rex Scotorum") сохранился до второй четверти XIV в. Автор рассмотрел также способы прикрепления печатей.

Симпсон (Grant Simpson) описал особую печать, употреблявшуюся во времена малолетства Александра III (1249–1286), когда в Шотландии разгорелись распри баронов. Эта печать не отождествляется с малой королевской печатью, а представляет собой уникальную по типу маленькую печать, созданную специально в целях управления от имени малолетнего короля.

Королевские канцелярии Скандинавии

Шведской канцелярии был посвящен доклад Яна Эберга, а датской – доклад Херлуфа Нильсена. Эберг (Jan Öberg) показал неразвитость шведской королевской канцелярии до середины XIII в., связав этот факт с поздним принятием христианства (XI в.). Наиболее ранние из сохранившихся актов – это десяток жалованных грамот короля Канута (1167–1195). Первым шведским канцлером был епископ Линкэпингский (около 1220 г.), позднее пост канцлера стал государственной должностью. Автор раскрыл палеографическую сторону актов, коснувшись вопроса о писчем материале (пергамен) и почерке. Из собственно дипломатических сюжетов он затронул проблему индивидуального и стереотипного в актах, рассмотрел интитуляцию, способы датировки

и удостоверения актов, фальшивые акты. Эберг констатировал принадлежность печатей при королевских актах к типу вислых. Нильсен (Herluf Nielsen) отметил, что подлинных датских грамот от времени до 1200 г. дошло очень мало, большее количество как подлинников, так и копий относится к 1200–1250 гг., и хотя данные, касающиеся организации канцелярии, весьма скудны, можно указать лиц, занимавшихся диктатом актов.

Канцелярии пиренейских королевств

Испанская тематика была представлена в докладе и сообщении Анхела Каннеласа Лопеса, в выступлении Сантоса Гарсиа-Ларрагеты, в сообщении Антонио М. Араго и Хосе Тренчса Одены и в сообщении Франсискано Севиллано Колома (все – делегаты Испании).

Канеллас Лопес (Angel Canellas Lopez) ознакомил слушателей с ходом работ в области изучения истории вестготской канцелярии и канцелярий Астурии и Леона. Фрагменты пяти оригиналов вестготских актов середины VII в. дошли в форме палимпсестов, из которых один недавно издан профессором Милларесом (Millares), а все в целом исследованы в диссертации профессора Мундо (Mundó). В юридически-дипломатическом исследовании профессора Канелласа о вестготских документах публикуется подборка 235 текстов за 505–718 гг. Канцелярии Астурии и Леона развивались в условиях мусульманской оккупации Пиренейского полуострова (с VIII в.). Автор указал имена современных исследователей этих канцелярий – Виллада (García Villada), Милларес и др. Специально канцеляриям Астурии, Леона и Кастилии был посвящен доклад профессора Саеса (Emilio Sáez), но он отсутствовал на конгрессе и доклад его не зачитывался. Канеллас Лопес в отдельном сообщении остановился на арагонской канцелярии 1035–1134 гг. От этой сотни лет, обнимающей царствования первых пяти арагонских королей, дошло около 300 подлинных королевских актов, а также много копий и подделок. Автор отмечает следование арагонской канцелярии традициям канцелярии наваррской, что естественно, ибо до 1035 г. Арагон представлял собой зависимое от Наварры графство. В составе персонала канцелярии Канеллас различает нотариев и собственно писцов. Почерк документов он характеризует как переходный от докаролингского вестготского письма к каролингскому письму. Среди разновидностей документов в сообщении упоминаются привилегии, указы, акты управления и акты вассалитета. Автор касается также дипломатической структуры актов и способов их удостоверения.

Гарсиа-Ларрагета (Santos García-Larragueta) исследует особенности наваррской (памплонской) канцелярии XI в., прослеживая

продолжение некоторых ее традиций в XII в. Так, к XI в. относится начало употребления в титуле памплонских королей формулы "Dei gratia", сохраняющейся и позже, когда стал применяться титул "Rex Navarrae" (после 1158 г.). Из XI в. в XII перешел обычай удостоверения документа так называемой "королевской подписью", ставившейся писцом. Это наблюдение представляет интерес для специалистов по русским актам, где подпись княжеского или царского имени также делалась не самим монархом, а писцом. Изучение наваррских актов ведется сейчас главным образом в университетах Сарагосы, Валенсии и Памплоны.

Араго (Antonio Ma. Agragó) и Тренчс Одена (Jose Trenchs Odena) рассмотрели эволюцию делопроизводства каталано-арагонской канцелярии с 1160 по 1230 г. При Рамоне Беренгере IV, графе Барселонском, соперничали два стиля делопроизводства, восходящие, с одной стороны, к арагонским обычаям, с другой – к традициям графской каталонской канцелярии. Однако тогда существовала единая канцелярия, и графский нотарий был ответствен за удостоверение документов подписью монарха. Начиная с Альфонса II канцелярия, как и королевская курия, подразделяется на арагонскую и каталонскую. Кроме королевского нотария, имелись писцы трех категорий: королевские, местные и прикомандированные к нотарию. В последующее царствование Педро II Католика происходит дальнейшее размежевание функций нотариев и писцов, а королевская подпись ставится на документах, исходящих не только от короля, но и от его наместников. В период малолетства Хайме I наблюдается стирание границ курии и двора. На протяжении царствования Хайме I из королевской курии постепенно выделяются королевский совет, верховный суд и канцелярия. В это время появляется канцлер и заводится систематическая регистрация документов.

Севиллано Колом (Franciscano Sevillano Colom), изучающий историю канцелярии королевства Майорки в период его независимости от Арагона (1276–1343), поставил вопрос об источниках "Дворцовых законов" ("Leges Palatinae") короля Хайме III (1337 г.) и о степени их применения на практике. Автор приходит к выводу, что эти законы были навеяны арагонским законодательством, хотя сами вскоре послужили прямым источником ордонансов арагонского короля Педро IV (1343 г.). Майорка оказалась первым государством, получившим кодекс постановлений, регулировавших деятельность всех дворцовых учреждений. В их числе фигурирует и канцелярия, предстающая в развитой форме (наличие канцлера, вице-канцлера, писцов, печатников, королевских секретарей и т.д.). В то же время характер составления конкретных документов

не во всем соответствует установкам, изложенным в законодательстве. Автор указал архивы, где хранятся документы, исходящие из канцелярии королевства Майорки.

Истории португальской канцелярии был посвящен доклад Авелино де Жезуса да Косты. Да Коста (Avelino da Jesus Da Costa) проследил развитие королевской канцелярии в Португалии до середины XIII в.

Княжеские и королевские канцелярии Италии

Эта тема получила разработку в двух докладах – Алессандро Пратези (Италия) и Хорста Энценсбергера (ФРГ) – и в трех сообщениях: Серми, Франческо Чезаре Казулы и Эджидио Россини (все – делегаты Италии). Пратези (Alessandro Pratesi) изучил историю канцелярии лангобардских князей Южной Италии. Энценсбергер (Horst Enzensberger) показал, что на дипломатику норманских королей Сицилии в XII в. влияли традиции папской и южноитальянской канцелярий. Автор попытался выяснить роль королевской канцелярии в управлении, особенно судебном. Он подчеркнул распространенность выдачи указов-мандатов, адресованных местным властям. С их помощью, например, оформлялась передача духовным учреждениям части королевских прав на определенные доходы, жалуемые вместо земельных дарений. Серми (Sermi) охарактеризовал деятельность канцелярии венецианских дожей. Казула (Francesco Cesare Casula) рассмотрел этапы истории судебного делопроизводства в Сардинии, где примерно с IX в. существовало четыре отдельных государства. Сначала сардинские канцелярии сохраняли римско-византийский стиль деятельности, но в XI – начале XIV в. испытали сильное влияние канцелярских традиций Пизы и Генуи, а с 1323 г. – Арагонского королевства. Смена этих влияний стоит в связи с политической историей Средиземноморья. Россини (Egidio Rossini) установил, что диплом императора Людовика II, выданный в 873 г. монастырю св. Зиновия в Вероне, дошел в подражательной копии конца XI – начала XII в., в которой часть текста интерполирована. Появление интерполяции автор объясняет тем, что веронская церковь боялась наступления на ее права со стороны возникшей городской коммуны в условиях, когда власть графов сошла на нет.

Канцелярии Центральной Европы

История польской княжеской канцелярии до 1300 г. рассмотрена в докладе Марии Белиньской (Польша), а в планировавшемся, но не состоявшемся сообщении Александра Гейштора (Alexander Gieysztor) должны были характеризоваться способы удостоверения польских княжеских актов до середины XIII в.

Белиньска (Maria Bielińska) отметила, что польская историография конца XIX–XX в. уделила значительное внимание проблеме происхождения канцелярии Пястов, однако ее развитие в эпоху феодальной раздробленности изучено недостаточно, особенно в сравнительном плане. В XI–XII вв. акты служили главным образом для оформления внешних сношений, а канцелярия как место написания княжеских актов и утверждения актов, составленных получателями, возникает в XII в. Сравнение документов Малой Польши, Великой Польши, Силезии и Мазовии показывает, что в XIII в. наибольшей развитостью отличалась великопольская канцелярия, где применялись диктат актов, формула "confirmamus" нотария и др. "Частные" феодалы редко обладали собственной канцелярией, хотя монастырские и церковные скриптории существовали. Специальный вопрос – персонал канцелярий и его функции. В Польше имелись канцлеры, подканцлеры, нотарии и писцы. Языком княжеских и королевских актов была латынь. Разновидности документов в основном соответствовали составу западных актов: дипломы, указы. Дипломатическая структура документов характеризуется наличием инвокации, интитуляции и других комнонентов. Белиньска сравнила канцелярские обычаи средневековой Польши с французскими, немецкими, чешскими и венгерскими, указав, в частности, на близость польских способов удостоверения актов к французским. Докладчица поставила также принципиально важные вопросы общего характера: роль акта в формировании польского права, роль княжеских канцелярий в формировании польской культуры XIII в.

Чешской канцелярии были посвящены доклад Йиндржиха Шебанека и сообщения Саши Душковой и Ивана Главачека (все – делегаты Чехословакии). Шебанек (Jindřich Šebánek) изучил историю канцелярии Пржемысловичей – династии, прекратившейся в 1306 г. Начало чешского акта автор относит к 70-м годам XI в. В XII в. канцелярия находилась в Пласах. В первой половине XIII в. "специальной капеллой" – канцелярией – становится церковь в Вышеграде. Расширение владений чешских королей во второй половине XIII – начале XIV в. приводит к разделению единой канцелярии и созданию особых канцелярий для Чехии, Альпийской области, Польши и Венгрии. Персонал канцелярий составляли нотарии, протонотарии и др., практиковался диктат актов. Консолидация королевских канцелярий сопровождалась уменьшением числа актов, составляемых самими получателями. Во второй половине XIII в., согласно наблюдениям автора, увеличивается количество простых по форме грамот. Душкова (Sáša Dušková) рассмотрела вопрос о составлении и использовании

формулярников (т.е. сборников образцовых документов) в канцелярии Пржемысловичей. До 60-х годов XIII в. в чешской канцелярии преобладали сборники иностранных формуляров, хотя выбор формул зависел от усмотрения нотариев. Во второй половине XIII в. протонотарий Петр скомпановал не дошедший до нас формулярник из документов, выданных им самим, и затем, при составлении новых грамот, заимствовал оттуда целые куски текстов. Другой протонотарий, Генрих, тоже сформировал сборник образцовых документов, включив в него не только иностранные формуляры, но и значительное число документов, которые составил он сам. Последующие нотарии использовали этот сборник, сохраняя, впрочем, свободу выбора из него стандартных оборотов и выражений. Изучение формулярников, подчеркивает Душкова, чрезвычайно важно при исследовании проблемы индивидуального и стереотипного в актах, что является одной из насущных задач современной дипломатики. Главачек (Iván Hlaváček) поставил составление актов в связь с системой административного управления в средневековой Чехии.

История хорватской канцелярии нашла освещение в докладе Анте Мариновича и в сообщениях Якова Стипишича и Мирослава Курелаца (все – делегаты Югославии). Маринович (Ante Marinović), отметив, что хорватские акты появились уже при Трпимире и Мутимире (IX в.), указал количественный состав и распределение документов по их принадлежности отдельным князьям и королям династии Трпимировичей, прекратившейся в 1102 г. Многие акты составляли сами получатели, предъявлявшие изготовленные тексты на утверждение публичной власти. Канцелярия долгое время не имела определенного штата и строго зафиксированного места в составе государственного аппарата, слабо оформленного в целом. Автор считает возможным говорить о канцелярии в собственном смысле слова лишь с 1069 г., когда впервые упоминается в качестве королевского канцлера епископ Анастасий. Тесная связь или даже слияние канцелярии с придворной капеллой и руководящая роль в ней духовенства ставят, по мнению автора, хорватскую канцелярию в один ряд с другими западноевропейскими канцеляриями. Близость или идентичность обычаев хорватской и других западноевропейских канцелярий Маринович объясняет географическим положением Хорватии, которая, единственная среди славянских стран, находилась в непосредственном соприкосновении с романской цивилизацией, и нормы, зафиксированные в хорватских актах, являлись выражением римских правовых взглядов, смешанных с национальными хорватскими воззрениями и юридическими представлениями, характерными для соседней Италии. Стипишич (Jakov Stipišić) рассмотрел некоторые стороны

развития хорватской канцелярии в тот же период (до 1102 г.), а Курелац (Miroslav Kurelac) специально остановился на документах хорватской канцелярии, написанных на хорватском языке, дав интерпретацию глаголического текста.

Истории венгерской королевской канцелярии касались два сообщения: Дьёрдя Дьёрфи и Андраша Кубиньи. Кроме того, венгерской дипломатике были посвящены выступление Иштвана Шинковича на вступительном заседании конгресса, выступления Дьёрдя Бониша и Йожефа Герича на первом заседании и выступление Л. Берната Куморовица на заключительном заседании конгресса (все – делегаты Венгрии). Шинкович (István Sinkovics) охарактеризовал развитие венгерской дипломатики как науки в XVIII–XX вв. Он выделил несколько этапов в рамках капиталистического периода и показал современное состояние дипломатических исследований. Автор рассматривал историю не только изучения и публикации актов, но и преподавания дипломатики в Венгрии. Дьёрфи (György Györffy) проследил зарождение венгерской королевской канцелярии в XI в., Кубиньи (András Kubinyi) – ее дальнейшую эволюцию в середине XII в. Герич (József Gerics) затронул проблему самосознания венгерских легистов XIII в. Акт дарении придворному легисту Павлу был оформлен в дипломе короля Ласло IV 1275 г., имеющем торжественную преамбулу, в которой текстуальные заимствования из законов Юстиниана (VI в.) и постановлений папы Гонория III (1219 г.) служили цели восхваления придворных легистов. Эта тенденция не могла исходить от короля, ибо ему было в то время всего 13 лет, и, следовательно, идеи, выраженные в преамбуле диплома, надо расценивать как проявление самосознания самих легистов королевской канцелярии, подчеркивавших свое особое значение при дворе. Получение ими епископских и кардинальских кафедр в конце XIII в. свидетельствует о том, что и королевская власть признавала их выдающуюся роль в политической жизни общества. Бониш (György Bónis) исследовал социальное происхождение и имущественное положение персонала королевской канцелярии, формирование кадров дипломатистов. До Белы III (1172–1182) королевская канцелярия не выделилась из капеллы, затем капелла стала формой тайной канцелярии. Она являлась хорошей школой для дипломатистов. Если тематика выступлений Дьёрфи, Кубиньи, Герича и Бониша хронологически ограничивалась рамками эпохи Арпадов (до начала XIV в.), то Куморовиц (L. Bernát Kumorovitz) избрал для исследования "новую фазу" развития королевской канцелярии, а именно историю тайной королевской канцелярии и ее штатов в XIV–XV вв.

Особо стояла тема "Канцелярия как факт культуры". В общих чертах она была разработана в выступлении Ласло Мезеи (Венгрия), и некоторые аспекты ее затронул также Бониш в уже упоминавшемся выступлении. Мезеи (László Mezey) отметил, что канцелярия является фактом культуры прежде всего в самом широком смысле. За ней стоит система образования, вся цивилизация в целом. Автор уделил внимание проблеме преемственности канцелярских систем раннего Средневековья от традиций поздней античности, императорского Рима. Бониш подчеркнул различие социальных источников формирования кадров канцеляристов-интеллектуалов в Западной Европе (дворянство и горожане) и в Венгрии (дворянство).

* * *

Еще один вопрос общего характера был поднят в непредусмотренном программой выступлении Ива Метмана (Франция) на вступительном заседании конгресса. Метман (Yves Metman) говорил о необходимости теснейшей связи между дипломатикой и сфрагистикой. Он усомнился в полезности полной автономии сфрагистики от дипломатики.

Доклады и сообщения, зачитанные в ходе конгресса, в совокупности своей естественно подвели к постановке вопроса о сходстве и различиях в развитии раннесредневековых канцелярий отдельных стран и регионов в пределах Европы. Доклад на эту тему планировался и значился в программе. С ним выступил на заключительном заседании конгресса генеральный секретарь бюро Международной комиссии по дипломатике Робер-Анри Ботье (Франция). Он сказал, что заключать и сравнивать весьма трудно вследствие широты хронологических и территориальных рамок, в которых рассматривалась история канцелярий на конгрессе. Он отметил новизну самого термина "канцелярия" и смешение в ряде выступлений понятий "канцелярия" и "бюро" для написания актов. Автор предложил уточнить содержание термина "канцелярия", считая необходимым признаком последней функцию удостоверения подлинности документов (приложение подписей, печатей и т.п.). Ботье указал на неравномерность количественного распределения материала по странам и регионам и асинхронность возникновения актов на Западе и Востоке Европы. Он обратил особое внимание на время, к которому относятся наиболее ранние подлинники актов в разных странах. Автор выделил несколько зон со специфическими особенностями канцелярий. Говоря о влиянии одних национальных канцелярий на другие, Ботье отметил, например, влияние английской канцелярии на шотландскую,

южнофранцузской на испанскую и т.д. К числу специальных вопросов, требующих рассмотрения, автор отнес проблему связи канцелярии с капеллой или архиепископией и проблему составления актов самими получателями.

На наш взгляд, конгресс продемонстрировал высокий профессионализм работ по дипломатике, плодотворность дипломатического анализа как инструмента сравнительно-исторического метода, эффективность взаимосвязи дипломатики, с одной стороны, палеографии и сфрагистики – с другой. Дипломатисты проявили стремление к точности в характеристике своей источниковой базы. Во многих докладах и сообщениях приводились сведения о числе дошедших документов, о количестве подлинников и копий Это нельзя считать признаком "статистического метода". Подсчеты документов стали обязательной чертой дипломатики как науки вследствие самой специфики работы над материалом (подлинники позволяют сделать наиболее полные выводы относительно развития канцелярий, в то время как копии дают на этот счет ограниченные и не всегда достоверные сведения).

Конгресс показал, что дипломатика таит в себе огромные возможности для постановки исследования общего и особенного в истории не только канцелярий и актов как таковых, но и в истории самих социально-политических отношений и культуры, породивших определенные формы делопроизводства.

Сравнение явлений без предварительного сравнения источников, из которых эти явления узнаются, всегда будет нести в себе опасность сомнительных и произвольных сближений. Только через сравнительно-источниковедческий метод открывается дорога к сравнительно-историческому методу. И в настоящее время дипломатика занимает ведущее место в разработке сравнительного источниковедения.

2. Канцелярии суверенных монархов XIII–XV веков
(V Международный конгресс по дипломатике)

V Международный конгресс по дипломатике состоялся в Париже 12–16 сентября 1977 г. Труды его, так же, как и IV конгресса, не были изданы, что позволяет считать полезным обзор деятельности этого конгресса.

Предметом обсуждения на V конгрессе явились "Канцелярии и акты суверенных монархов Европы XIII – середины XV в.".

Число официальных (значащихся в списках) участников конгресса составило 98 человек. Делегаты представляли 19 госу-

дарств: Австрию (1), Бельгию (5), Ватикан (2), Великобританию (3), Венгрию (2), Грецию (1), Данию (2), Испанию (7), Италию (10), Люксембург (1), Нидерланды (1), Польшу (1), Португалию (4), Румынию (1), СССР (1), США (1), Францию (38), ФРГ (16), Швецию (1). Кроме того, был зачитан доклад представителя Канады, хотя он сам на конгрессе не присутствовал.

Надо заметать, что состав участников IV конгресса отличался большей широтой (141 делегат от 21 страны). К сожалению, на V конгрессе отсутствовали ученые из ГДР, Чехословакии и Югославии – стран, представленных на IV конгрессе. Между тем доклады чехословацких и югославских дипломатистов значились в предварительной программе V конгресса.

В представительстве от капиталистических стран новым по сравнению с IV конгрессом было участие ученых из Люксембурга, Нидерландов, США (и заочно – Канады) при отсутствии специалистов из Израиля и Швейцарии.

На заседаниях конгресса было заслушано 26 научых докладов, подготовленных представителями Франции (5), ФРГ (5), Испании (4), Италии (3), Дании (2), Венгрии (1), Польши (1), СССР (1), Румынии (1), Великобритании (1), Канады (1), Португалии (1). Из этих докладов два – Икономидиса (Канада) и да-Косты (Португалия) – были оглашены, так как авторы их на конгрессе не присутствовали.

Как и на IV конгрессе, наибольшее количество докладчиков в расчете на одну страну дали ФРГ и Франция. Сохранили свою активность также дипломатисты Испании и Италии. Уменьшилось по сравнению с IV конгрессом число выступавших от Великобритании. Не выступали с докладами представители Бельгии, Швеции, и Греции, хотя на IV конгрессе докладчики от этих стран были.

Доклады произносились и дискуссия велась на четырех языках: французском, немецком, итальянском и испанском. Заседания 13–15 сентября проходили в Париже в здании Национального архива (Отель Роган) и делились на две части: утреннюю и послеобеденную. 12 сентября утреннее заседание проходило в здании Национального центра научных исследований (набережная Анатоля Франса), вечернее – в Отеле Роган. Заседание 16 сентября состоялось во второй половине дня в новом здании (филиале) Института исследования и истории текстов под Орлеаном после посещения конгрессистами аббатства Флери в Сен-Бенуа-сюр-Луар и осмотра каролингской церкви Жерминьи-де-Пре. По дням доклады количественно распределялись следующим образом: 12 сентября – 6; 13 сентября – 7; 14 сентября – 4; 15 сентября – 8; 16 сентября – 1.

Кроме докладов имели место 13 выступлений различного характера (не считая выступлений в прениях по докладам): 4 при открытии конгресса – 12 сентября; 3 во время чествования генерального секретаря Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье по случаю избрания его академиком (membre de l'Institut de France) – вечером 12 сентября; 4 информационных сообщения представителей Института истории и исследования текстов и 2 заключительных выступления при закрытии конгресса – 16 сентября.

На открытии конгресса выступили г-н Табалони (Tabaloni), глава кабинета государственного секретаря (министра) по делам университетов г-жи А. Сонье-Сеитэ (M-me A. Saunier-Seité); Ж. Фавье (Jean Favier), директор Национального архива Франции; профессор Дж. Бателли (Giulio Battelli), президент Международной комиссии по дипломатике. Табалони, выступивший дважды, зачитал приветствие г-жи Сонье-Сеитэ, в котором отмечались наиболее важные вехи на пути развитая западноевропейской дипломатики (труды Д. ван-Папеброка, Ж. Мабильона, Ш. Дюканжа, Т. Зиккеля, издание "Monumenta Germaniae Historica") и новейшие достижения в этой области (например, факсимильная публикация грамот Каролингов в двух томах, осуществленная на высшем техническом уровне). В приветствии подчеркивалось также значение сравнительного метода в дипломатике и в связи с этим – организованной при конгрессе выставки актов, охватывающей период с VII по конец XV в. и представляющей грамоты различных европейских государств.

Бателли посвятил часть своего выступления памяти незадолго до того скончавшихся выдающихся дипломатистов Й. Шебанека (ЧССР) и Г.О. Мейснера (ГДР). Фавье как директор архива коснулся специально выставки документов. Кроме того, он обратил внимание на связь задач истории и дипломатики, рассматривая последнюю как инструмент исторического доказательства и критического исследования.

Утром же 12 сентября был заслушан доклад генерального секретаря Международной комиссии по дипломатике Р.-А. Ботье (Robert-Henri Bautier) "Филипп IV Красивый (1285–1314). Как позволяет дипломатика судить о личности короля Франции". Доклад Ботье предназначался не только для специалистов по дипломатике, но и для более широкой аудитории. Автор стремился показать значение дипломатического исследования для решения общеисторических вопросов. Личность Филиппа IV казалась загадочной как современникам, так и последующим историкам. Мнения о нем издавна разделились – одни полагали, что он передал все управ-

ление доверенным лицам, другие не могли смириться с мыслью, что король, в царствование которого произошло столько важных и драматических событий (разрыв с папой, процесс над тамплиерами и т.д.), не играл сам активной роли в политике. Ш. Ланглуа считал загадку личности Филиппа IV неразрешимой.

Среди актов, выданных от имени Филиппа, Ботье различает три группы документов с грифом "Par le roy" ("Именем короля"): 1) акты, касающиеся королевского брата Карла Валуа; 2) дарения и пожалования королевским приближенным; 3) документы, относящиеся к духовным учреждениям, пользовавшимся особой милостью короля. В выдаче этих сравнительно немногочисленных актов король, видимо, принимал личное участие. Итинерарий короля показывает, что в первой половине своего царствования Филипп IV уделял много внимания охоте и предпочитал жить в Венсене, Фонтенбло и других замках, а не в столице. Он на месяцы оставлял большую государственную печать своим приближенным – таким, как Этьен де Сюзи, Ногарэ. Пока король охотился в провинции, королевский совет в Париже выдавал от его имени многочисленные грамоты, скрепленные большой государственной печатью. С 1307 г. вся власть фактически перешла к Ногарэ и группе связанных с ним лиц. В последние годы своей жизни Филипп все более погружался в мистицизм. Без свиты, уединенно совершал он поездки по монастырям; сам основывал монастыри. Ногарэ ловко использовал умонастроение короля. Автор сравнивает его с Распутиным. В конце царствования, особенно после смерти королевы, Филипп IV уже не правил. С 1311 г. реальную власть осуществлял королевский камергер (chambellan) Ангеран де Мариньи, ведавший одновременно внешней политикой и финансами. Он получил право бесконтрольно выдавать грамоты.

Оставив большую государственную печать своим советникам, король в случае надобности пользовался малой или секретной печатью, находившейся в ведении его камергера, а также еще более персональной "печаткой" (signet). Личным участием короля отмечена, как указывалось выше, выдача грамот монастырям, которые он посещал, основывал и одарял в благочестивых целях (ради "спасения души" королевы и своей собственной)[4].

Вечернее заседание 12 сентября было посвящено канцеляриям стран восточного Средиземноморья и юго-западного Причерноморья: Византии в 1281–1453 гг. (Н. Икономидис, Канада), Латин-

[4] Доклад Ботье был вскоре после конгресса опубликован: *Bautier R.-H.* Diplomatique et histoire politique: ce que la critique diplomatique nous apprend sur la personnalité de Philippe le Bel // Revue historique. P., 1978. N 525, jan.-mars. P. 3–27.

ской Константинопольской империи в 1204–1261 гг. (А. Кариле, Италия), Оттоманского государства в XV в. (П. Настюрель, Франция), королевств Кипра и Малой Армении в XIII–XIV вв. (Ж. Ришар, Франция), княжеств Валахии и Молдавии в XIV – начале XVI в. (М. Казаку, Румыния).

В докладе Н. Икономидиса (N. Oikonomidis) был дан обзор главным образом внешней формы и языка византийских документов второй половины XIII – середины XV в. Отметив употребление пергамена, автор указал также, что для писем и административных документов использовалась, наряду с ним, бумага. Выбор языка и стиля зависел от предназначения документа. Торжественные акты писались изысканным слогом, на греческом литературном языке (кефаревуса), административные документы – на языке, близком к разговорному (димотика). Грамоты, направляемые в западноевропейские страны, писались по-латыни. Для сношений с югом использовались греческий и латынь одновременно: документ писался в два столбца, из которых один был занят греческим текстом, другой – его латинским переводом. Художественные украшения в византийских документах применялись редко. Так, обычно избегали употреблять украшенные инициалы. В наиболее торжественные акты рисунки иногда вклеивались.

Особое внимание автор уделил конечному протоколу и способам удостоверения документов. В дате выдачи документа (date d'expédition) указывались год, месяц и индикт. Имелись специальные чиновники для recognito (удостоверения) акта. Удостоверительную функцию в документе выполняли слово λόγος, подпись и печать. Подписи были двух типов: 1) подпись императора; 2) менологий (название месяца выдачи документа). Дата, λόγος и подпись императора писались красными (пурпурными) чернилами. Менологий писался стилизованными буквами. Императорская подпись далеко не всегда была собственноручной. Часто ее делали чиновники. Среди печатей различались золотые (bulles d'or), свинцовые и восковые. Наиболее торжественные императорские акты удостоверялись полной подписью и золотой печатью, менее торжественные – менологием и печатями других видов. Простагмы (распоряжения) подписывались всегда менологием. Еще менее торжественными документами были "грамоты" в узком смысле слова (γράμμα). Между торжественными и неторжественными документами имелось большое количество промежуточных разновидностей, удостоверявшихся по-разному. Так, в актах дарения золотая печать сопровождалась восковыми, письма к патриарху скреплялись свинцовыми печатями.

Автор отмечает влияние западной дипломатики на византийскую при Палеологах. Особенно заметно оно в договорах, за-

ключенных Византией со странами Запада. Это влияние нашло выражение в ряде особенностей оформления византийских документов, в том числе в постепенном отказе от употребления свинцовых печатей.

До настоящего времени дошло сравнительно мало подлинников византийских актов, что затрудняет изучение эволюции их внешней формы.

А. Кариле (Antonio Carile) подчеркнул существование в Латинской империи актов, написанных не только по-латыни, но и по-гречески. Он, в частности, показал новые моменты в латинском и греческом вариантах императорского титула, появившиеся в связи с изменениями в господствующей идеологии, унаследованной от Византии. Автор коснулся вопросов организации императорской канцелярии, составления актов в церкви св. Софии и в канцелярии г. Фессалоник. Он рассмотрел сферы канцелярской деятельности таких должностных лиц, как писец (scriptor), нотарий, капеллан, табулярий, судья (judex). Из сделанного автором обзора способов удостоверения актов видно, что в Латинской империи, так же как и в греческой, были распространены подписи двух типов – императорская (красными чернилами) и менологий (греческими буквами), а печати были золотыми, свинцовыми и красновосковыми.

Перечислив основные разновидности документов, Кариле попытался связать состав документации с политической структурой империи.

Доклад базировался в значительной мере на документах, отложившихся в государственном архиве Венеции и возникших на почве сношений Венецианской республики с Латинской империей. В выступлениях по докладу говорилось о желательности использования также других архивов государств Запада, с которыми имела сношения Латинская империя (Ботье), и в том числе папского архива (Бателли).

В докладе П. Настюреля (Pierre Nasturel) получили освещение дипломатические особенности греческих актов оттоманской канцелярии. С. Ламбросу (Sp. Lambros), автору фундаментальной монографии о греческом языке как официальном языке султанов (1908 г.), был известен лишь 21 документ такого рода. Настюрель оперирует уже 50 документами, из которых большинство – подлинники. Древнейшие акты восходят ко времени Баязета I (1389–1402), основная же часть сохранившихся документов относится к периоду царствования Мухаммеда II (1451–1481) и особенно Баязета II (1481–1512). Факсимильным способом издано только шесть оригиналов. Издания других документов не удовлетворяют требованиям дипломатики, а ряд текстов вообще еще не публико-

вался (значительное число неопубликованных актов – в государственном архиве Венеции). Автор доклада и Н. Бельдичану намеревались подготовить новое издание древнейших греческих актов султанской канцелярии.

Использование греческого языка оттоманской канцелярией было продолжением старой традиции, унаследованной от канцелярий арабов, сельджуков и мамлюков. Многие султанские документы дошли только в греческом варианте. Автор перечисляет секретарей, ведших делопроизводство на греческом языке. В основном это были греки или, во всяком случае, люди с греческими именами. В списке фигурируют также Георг Амируцес и Скандербег. Составители документов были полиглотами, знали арабский и многие другие языки. Иногда греческие документы писалась под диктовку. Для придания актам торжественности они украшались рисунками (изображение птиц и т.п.) и золотым письмом. Однако только в одном документе целая строка написана золотом. Имя и титул султана писались тугрой, т.е. в виде монограммы. К титулу присоединялись названия территорий, на которые распространялась власть султана.

Дата приводилась по византийской эре, затем следовал эпилог, прославляющий аллаха. В конце документа указывалось место его выдачи. Самоназвание документов в сохранившихся источниках встречается редко.

В султанской канцелярии составление документов на иностранных языках практиковалось довольно широко. Кроме греко-язычных, известны оттоманские акты, написанные на латинском, итальянском, немецком и славянских языках.

Многоязычность была свойственна и канцеляриям королевств Кипра (1192–1489) и Малой Армении в Киликии (1138–1375), документация которых рассматривалась в докладе Ж. Ришара (Jean Richard). Существование в Малой Армении двух канцлеров – латинского и армянского – обусловило наличие актов на латинском и армянском языках. Все документы XIII в. опубликованы. Среди них различаются акты дарения и привилегии. Интитуляция писалась красными чернилами. На оформление документов определяющее влияние оказала византийская традиция, что нашло выражение, в частности, в способах скрепления актов печатями. Некоторые чиновники канцелярии имели функции судей. В кипрской королевской канцелярии документы писались на латыни, по-гречески и по-итальянски. Поскольку правившие на Кипре Лузиньяны (французские феодалы, выходцы из Пуату) владели в определенные периоды также и престолом Иерусалимского королевства (Амальрик II в 1197–1205 гг., Гуго III в 1269–1276 гг.),

а отдельные представители этого рода царствовали в Малой Армении (Гвидо в 1342–1344 гг., Лев VI в 1374–1375 гг.), они называли себя королями Иерусалима, Кипра и Малой Армении (после падения Иерусалимского королевства в 1291 г. титул короля Иерусалимского, лишенный реального содержания, сохранялся в интитуляции королей Кипра и Сицилии). Подпись короля сопровождалась подписью вельможи. Датировка производилась по первомартовскому стилю. Для печатей употреблялся красный, белый и синий воск. Из дошедших документов особый интерес представляют привилегии Никозии (XIV в.), которая, кстати, имела свою городскую печать. Докладчику были заданы вопросы, в частности следующие: 1) почему один и тот же акт скреплялся двумя печатями – красной и другого цвета? 2) почему королевская подпись контрассигнировалась вельможей, что не характерно для этого времени (Ботье).

В докладе М. Казаку (Matei Cazacu) были приведены сведения о количестве и дипломатических особенностях актов румынских княжеств. По данным автора, известно 750 валашских актов за 1352–1508 гг. (из них 650 подлинных) и 950 молдавских за 1384–1504 гг. (из них 700 подлинных). Автор считает, что эти цифры говорят о неполноте дошедшего состава материалов княжеских и частных архивов XIV–XV вв. 90% сохранившихся актов – на славянском языке, 10% – на латинском. Славянские акты представлены дипломами ("хрисовулы" и повеления) и письмами. Среди актов на латинском языке преобладают письма (послания), которые князья направляли саксонским городам Трансильвании (Кронштадт, Германштадт), и договоры, заключенные с королями Венгрии и Польши.

В формуляре отразились византийское, польское и венгерское влияния. Влияние Византии было как прямым, так и косвенным (через посредство сербской и болгарской канцелярий). Княжеская монограмма писалась красными чернилами, в редких случаях – золотом. Красным писались также титулатура и начальная буква последующего текста. Санкция в ряде актов – подробная и торжественная. Употребление печатей красного воска было княжеской (господарской) монополией.

Штат канцелярий отличался скромными размерами: 5–8 писцов в начале и вдвое больше во второй половине XV в. Все писцы – из числа светских лиц, обычно – сыновья крупных вотчинников. Во главе канцелярии стоял логофет или великий логофет (канцлер).

В выступлении по этому докладу П. Настюрель отметил неудачность многотомной публикации молдавских и валашских грамот, вышедшей в Румынии в 50-х годах XX в.: подлинные славян-

ские тексты приводились в ней только в переводе на румынский язык (позднее в Румынии было осуществлено другое многотомное издание молдавских и валашских документов, где опубликованы подлинные славянские тексты актов).

Утреннее заседание 13 сентября было посвящено канцелярии "Священной Римской империи" в период с конца XII в. до третьей четверти XIV в. включительно. Докладчиками являлись ученые из ФРГ. В. Шлёгель (Waldemar Schlögl) проследил развитие имперской канцелярии в 1198–1291 гг. (последние Штауфены, междуцарствие 1254–1273 гг., Рудольф I Габсбург). По наблюдениям автора, за эти 93 года сменилось 11 канцлеров в сане епископов, 15 протонотариев (из которых только два вышли из числа нотариев и лишь три достигли положения канцлеров) и 120 нотариев. Фактическое руководство канцелярией перешло от эрцканцлера и канцлера к протонотарию, единолично ведавшему работой нотариев. Автор составил и сопоставил между собой два параллельных списка нотариев. Один из них основан на прямых упоминаниях имен нотариев в документах, другой базируется на сравнении данных о написании и "диктате" (диктовке) текста документа. Анонимные нотарии второго списка лишь в редких случаях идентифицируются по первому списку. В западной дипломатике установилась традиция обозначать латинскими литерами анонимных писцов канцелярии того монарха, чьи акты изучаются, при этом для писцов ранних актов выбираются начальные буквы алфавита, для более поздних – последующие. Например, "Konrad A" означает: писец "А" короля Конрада. Некоторые авторы пользуются вместо букв арабскими цифрами.

Шлёгель обратил внимание на известную непрерывность традиций письма в королевской и императорской канцелярии с конца XII в. до конца междуцарствия. Главным связующим звеном между персоналом канцелярий сменявших друг друга государей он считает писца "D" Фридриха II (1212–1250). Этот писец действовал еще при Генрихе VI (1190–1197), а затем отождествляется с писцом "А" Генриха VII (1220–1235)[5], "А" Конрада IV (1250–1254) и "А" Вильгельма Голландского (1247–1256). При Рудольфе I сохраняется преемственность традиций лишь в области диктата актов. Образцовые формуляры использовались при Фридрихе II (с 1215 г.), Конраде IV и Рудольфе I.

Для периода, рассматриваемого автором, характерно сильное увеличение количества документов по сравнению с предшест-

[5] Генрих VII – старший сын Фридриха II, немецкий король, правил в Германии вместо отца в период его отсутствия; не путать с Генрихом VII Люксембургским (1308–1313).

вующим временем. В докладе приведены сведения о процентном соотношении королевско-императорских документов, изготовленных внутри и вне канцелярии (в последнем случае – самими получателями или третьими лицами). При Филиппе Швабском (1198–1208) в канцелярии были составлены 2/3 документов; при Фридрихе II, когда он был только королем (1212–1220), и при Генрихе VII – неполных 50%; при Фридрихе II в императорский период (с 1220 г.) и при Конраде IV – снова 2/3; при Вильгельме Голландском – свыше 80%.

В царствование Фридриха II, проводившего основное время в Италии, наряду с канцелярией императора, существовали канцелярии его сыновей, что не мешает говорить о единстве имперской канцелярии, подвергавшейся в этот период итальянскому влиянию, особенно заметному в делопроизводстве собственно императорской канцелярии.

Наиболее общая черта развития германской канцелярии в течение всей рассматриваемой автором эпохи – упорядочение делопроизводства. Сохранился (в копии?) фрагмент регистра документов, составленного в имперской канцелярии. Recognitio встречается в документах этого времени все реже, но зато используется формула "datum per manus", а ответственные за выдачу документа лица упоминаются в основном тексте.

П. Ахт (Peter Acht) посвятил свой доклад канцелярии Людовика IV Баварского (1314–1347), представителя династии Виттельсбахов. При нем существовали три архиканцлера в сане архиепископов: 1) для Германии, 2) для Галлии и Арелата и 3) для Италии. За время царствования Людовика сменилось четыре канцлера; известны также один вице-канцлер, заменявший канцлера в Итальянском походе с конца 1328 по 1330 г., и два протонотария. Архиканцлер Германии архиепископ Майнцкий Петер (1306–1320) получил подтверждение дарованного ему еще Генрихом VII (1308–1313) права назначения и увольнения канцлера, протонотария и нотариев. Канцлер Герман фон Лихтенберг (1314–1335) и его вице-канцлер Генрих упоминаются в recognitio выданных грамот, но большинство руководителей канцелярии не принимало участия в изготовлении документов. Их деятельность ограничивалась выполнением дипломатических миссий при папском дворе в Авиньоне, при королевских дворах Парижа и Лондона, а также сводилась к политическим и финансовым переговорам с немецкими князьями и имперскими городами.

Рабочим элементом канцелярии являлись нотарии и писцы. Людовик IV пополнил имперскую канцелярию кадрами своей верхнебаварской герцогской канцелярии (он был герцогом Верх-

ней Баварии с 1302 г.). В королевский период (1314–1328) в канцелярии Людовика работало около 50 писцов, лишь частично известных по именам, в императорский (1328–1347) – примерно столько же. Многие из них составили по 100–200 дипломов. Роль получателей в изготовлении актов в это время все более уменьшается.

Автор остановился на характеристике наиболее выдающихся писцов. Самым значительным из них он считает Леонарда Мюнхенского, который, будучи сначала писцом антипапы Николая V (ставленника Людовика Баварского), сделался затем главным писцом в императорской канцелярии. Ему принадлежат иллюстрации в 22 из 30 роскошных по оформлению актов Людовика IV, где выполнены пером портреты императора и императрицы, дан красочный орнамент, изображены гербы империи и Виттельсбахов, сказочные существа, цветы, сцены феодального ритуала (прощения, пожалования леном), аллегорические группы в стиле поздних Штауфенов (орел и лев). С помощью диапозитивов докладчик продемонстрировал 14 украшенных инициалов (особенно интересен инициал "J" – начало титула "imperator": в нем изображен лев в короне – символ верховной власти).

Внимание автора привлек также писец Иоганн Цертамен как проводник связи между практикой канцелярий Генриха VII и Людовика Баварского. Ведение регистров, имевшее место в последние годы царствования Генриха VII, этот писец продолжил при Людовике IV. Из большой серии регистров 1314–1334 гг. дошли в отрывках лишь две рукописи 1322–1327 и 1330–1332 гг., которые можно рассматривать как первые сохранившиеся подлинные регистры немецкой королевской канцелярии.

Другие нотарии продолжали после смерти Людовика IV работать в канцелярии его преемника – Карла IV Люксембургского. Таким образом, поддерживалась непрерывность канцелярской традиции.

Особенности развития германской канцелярии в период царствования Карла IV (1346/47–1378) рассматривались в докладе П. Морава (Peter Moraw). Известно более 8200 актов этого времени, представленных почти исключительно экземплярами, которые были выданы получателям. Из регистров сохранились фрагментарно два (за 1348 и 1358–1359 гг.) и полностью один (за 1360–1361 гг.). На год приходится в среднем 250–300 актов, но в конкретном распределении документов по годам наблюдаются большие отступления от этой условной нормы. Канцелярские отметки в виде подписания документов вводятся еще робко. Что касается занесения в регистры, то ему подлежали прежде всего

наиболее важные в политическом отношении патенты и письма. Канцелярия кочевала вместе с государем, и должность канцлера была скорее придворной, чем "бюрократизированной". С 1354 г. в канцелярии действуют уже не один, а несколько протонотариев. Старая схема канцелярской иерархии сохранялась: эрцканцлер–канцлер–протонотарий–нотарии. В общих рамках канцелярии различались собственно германская (большая), чешская (малая) и итальянская. Протонотариями часто были квалифицированные юристы, представители интеллектуальной элиты. Германская канцелярия находилась под заметным влиянием папской, являвшейся для нее своеобразным образцом. Кроме того, существовала связь между канцелярией и пражской архиепископской кафедрой, основанной в 1344 г.

Вечернее заседание 13 сентября было посвящено канцеляриям стран Центральной и Восточной Европы. В докладе венгерского ученого Д. Дьёрфи (György Györffy) прослеживалась эволюция королевской канцелярии Венгрии в XII–XIV вв., где до 1301 г. царствовали Арпады, а в 1308–1387 гг. – Анжуйская династия[6]. Среди исследователей, занимавшихся актами этого времени, автор назвал И. Сент-Петери, Л. Берната Куморовица, Д. Бониша, Хойнике и др. По перечню Сент-Петери известно всего 150 актов XII в., но от XIII в. их дошли уже тысячи. Канцелярия, являвшаяся первоначально составной частью королевского двора (curia regis), зародилась собственно в королевской капелле (capella regis), из которой она выделилась при Беле III (1172–1196) и затем развивалась как самостоятельное учреждение при его сыновьях – Имре (1196–1204) и Андрее (Андраш, Эндре) II (1205–1235). Особенно упорядочилась деятельность канцелярии в период долгого царствования сына Андрея II – Белы IV (1235–1270), после отражения татаро-монгольского нашествия в 1241–1242 гг. Вопросам организации канцелярии в XIII в. были специально посвящены два закона. Укреплению канцелярии способствовало превращение Буды в постоянную резиденцию венгерских королей (с 40-х годов XIV в.). В XIII в. наряду с канцлером появляется вице-канцлер.

[6] 1301–1308 гг. – период междинастической борьбы, когда венгерскими королями были Вацлав Чешский (1301–1305), сын Вацлава II, впоследствии царствовавший в Чехии и Польше под именем Вацлава III, и Оттон Баварский (1305–1308), а в роли постоянного претендента на престол выступал Карл Роберт Анжуйский, троюродный правнук последнего короля из династии Арпадов – Андрея (Андраш, Эндре) III (1290–1301), у которого он оспаривал власть после смерти своего отца Карла Мартелла (1272–1295), имевшего (по матери) титул короля Венгрии, но никогда не царствовавшего там. Став королем в 1308 г., Карл Роберт (Каробер) явился первым представителем Анжуйской династии в Венгрии.

Канцлер уже не составляет, а только контролирует составление документов. Создается особая канцелярия для Трансильвании. При Карле Роберте (1308–1342) и Лайоше (Людовике) I Великом (1342–1382) канцелярия делится на большую и малую. Возникает должность эрцканцлера (summus cancelarius). Канцлер и вице-канцлер представляли особу короля в юридических вопросах. Секретную канцелярию возглавлял secretarius notarius. Будучи продолжением капеллы, секретная канцелярия во втором десятилетии XIV в. входит в состав curia regis. Канцелярия королевы Марии (1382–1387) ликвидируется после прекращения Анжуйской династии, наступившего в связи с выходом Марии замуж за Жигмонда (Сигизмунда) Люксембургского, который стал венгерским королем (1387–1437).

В структуре канцелярии и построении документов автор видит следы влияния других канцелярий – прежде всего папской и французской. Право скрепления документов золотой печатью (bulle d'or) принадлежало канцлеру, восковой – вице-канцлеру. Золотая печать привешивалась к наиболее торжественным актам. Среди восковых печатей различались прикладные и вислые (большая, средняя и малая). Наименьшего размера была секретная печать. При Анжуйской династии (1308–1387) укрепилось разделение документов на три основные группы: 1) дипломы – торжественные акты, с инвокацией; 2) lettres patentes – менее торжественные акты, обычно без инвокации, но отправлявшиеся, как и дипломы, в открытом виде; 3) lettres closes – закрытые письма, скрепленные прикладной печатью и снабженные адресом на обороте или на специальной полосе пергамена, которой был перевязан документ.

Акты, писавшиеся без инвокации, начинались, как правило, с интитуляции, но в посланиях, адресованных папе, на первом месте стояла инскрипция. В интитуляции королевское имя и титул сопровождались формулой "in perpetuum" (например, в актах Белы III: "Bela Dei gracia Hungarie, Dalmacie, Chroacie Rameque rex, in perpetuum"). В первой половине царствования Андрея III (1290–1301) венгерским королевским титулом пользовался также его троюродный внук и соперник Карл Мартелл (1279–1295), живший в Неаполитанском королевстве. Он был коронован венгерской короной в Неаполе в 1290 г. его матерью Марией Венгерской, старшей сестрой предшествующего короля Венгрии Ласло IV (1272–1230) и женой неаполитано-сицилийского короля Карла II (1285–1309) из Анжуйской династии. В начале 90-х годов XIII в. появлялись акты неаполитанского происхождения, составленные от лица Карла Мартелла как венгерского короля или от лица его родителей (иногда – только отца) и его собственного. Кроме полного титу-

ла венгерского государя, он имел еще титул князя Салернского, впоследствии перешедший к его сыну Карлу Роберту. Сын последнего Лайош (Людовик) Великий был в 1370–1382 гг. королем не только Венгрии, но и Польши, которая поэтому упоминалась в его титуле: "rex Hungarie, Polonie, Dalmacie..." etc. Вследствие избрания Жигмонда (Сигизмунда) Люксембургского императором "Священной Римской империи" (1410 г.) к венгерскому титулу прибавилась формула: "rex Romanorum semper Augustus". С XIII в. распространяются акты, в которых имени короля предшествует местоимение "Nos"[7].

В заключительной части документа выражение "datum per manus" писалось рукой канцлера или вице-канцлера.

В докладе и при его обсуждении были поставлены еще два особых вопроса: 1) о связи между деятельностью канцелярии и летописанием и 2) о "loca credibilia", роль которых из-за отсутствия публичного нотариата играли духовные учреждения.

Польская исследовательница М. Белиньска (Maria Bielińska) посвятила свой доклад истории королевской канцелярии в Польше в 1302–1444 гг. К началу этого периода относится деятельность двух последних королей из династия Пястов – Владислава I Локетка (Короткого) и его сына Казимира III Великого. Воссоздание единого Польского государства при Владиславе Локетке не сопровождалось реорганизацией канцелярии, которая вплоть до его смерти (1333 г.) сохраняла верность старым образцам и функционировала по типу различных княжеских (герцогских) канцелярий, прежде всего – краковской. Этим объясняется сохранение даже до 60-х годов XIV в. должностей нескольких княжеских канцлеров.

Только при Казимире Великом (1333–1370) королевская канцелярия стала главным центром исполнительной власти. Эта роль оставалась за ней и в течение всего периода правления Ягеллонов (1386–1572). В королевской канцелярии сосредоточилось ведание делами, связанными с осуществлением внутренней и внешней политики. В ее компетенцию входили административные, судебные и финансовые вопросы. Уже при Казимире Великом наблюдается

[7] Заметим, что эти акты, в отличие от начинающихся с имени, содержат обычно краткий титул. Из всех подвластных королю стран в нем упоминается только Венгрия: "rex Hungarie" (см., например: Monumenta Hungariae Historica: Diplomataria. Pest, 1861. Bd. VII. N 120; Pest, 1862. Bd. VIII. N 166; Pest, 1864. Bd. X. N 1, 62, 111, 123, 136; Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagreb, 1909. Vol. VII. N 8, 31, 97 и др.). Однако в конце XIII в. можно наблюдать двоякого рода исключения из этого правила: среди актов Андрея III встречаются, с одной стороны, такие, где начало "Nos" уживается с полным титулом (Monumenta ... Diplomataria. X, N 40, 110), а с другой стороны, такие, в которых именное начало сочетается с кратким титулом (Ibid., № 43, 47, 172, 174).

устойчивая дифференциация функций канцелярского персонала, выделяются должности коронного канцлера и вице-канцлера. Канцелярия носила до известной степени "странствующий" характер. Она повсюду сопровождала монарха во время его путешествий.

В период до середины XV в. встречаются признаки существования канцелярского делопроизводства в казне, однако канцелярия казны как определенное учреждение тогда еще не сложилась.

Объем делопроизводства королевской канцелярии был весьма значителен. От рассматриваемой эпохи дошло более 2000 документов.

В докладе поставлен вопрос о степени влияния венгерской канцелярии на польскую. Уния с Венгрией имела место в 1370–1382 гг., когда королем Польши был венгерский король Лайош (Людовик) Великий, представитель Анжуйского дома, и в 1440–1444 гг., когда польский король Владислав III Варненьчик (1434–1444) являлся одновременно королем Венгрии. Первая уния способствовала росту французского влияния (разделение грамот на lettres patentes и lettres closes). Польская канцелярия заимствовала из венгерских обычаев конечные формулы, указывающие на составление документа по инициативе самого короля ("ad relationem", "dominus rex per se") или его уполномоченного ("dominus rex per N."). Со второй унией, может быть, связано усвоение (около 1440 г.) западного правила удостоверения грамот личной подписью короля.

Автор подчеркивает, что венгерское влияние не было глубоким. Еще при Казимире Великом сложились условные формуляры грамот, даваемых навечно (in perpetuum) и на срок, в том числе формуляры привилеев городам и на сельские владения. Эти формуляры дожили с некоторыми изменениями до XVIII в. Они настолько специфичны, что отличить их от формуляра венгерских документов не составляет особого труда. Отсюда автор делает вывод, что польская канцелярия в целом не следовала образцам канцелярии венгерско-анжуйской. Вместе с тем некоторые польские модели были восприняты канцелярией великого княжества Литовского (уния с ним в 1385 г. и далее с перерывами).

Регистры польской королевской канцелярии (коронные регистры) сохранились начиная лишь со второй половины XV в., хотя есть фрагмент, восходящий к регистру 1425 г. Данные источников позволяют предполагать, что регистры велись, по крайней мере, с начала XIV в.

Докладчица отметила, что деятельность польской королевской канцелярии первой половины XV в. освещена наиболее обстоятельно в монографии И. Сулковской-Кураш (1968 г.).

П. Настюрель поставил вопрос о возможности влияния Константинополя на титулатуру польских королей. При этом он сослался на тот факт, что князья Манкупа (в восточном Крыму) назывались князьями Хазарии.

Русским великокняжеским актам и канцелярии были посвящены доклады В. Водова (Франция) и С.М. Каштанова (СССР).

Водов (Wladimir Vodoff), отметив неуклонный рост документации при Василии Темном и Иване III, высказал мысль о том, что эволюция структуры канцелярии, унаследованной от предшествующей эпохи, шла весьма медленно. Он считает, что с выдачей великокняжеских грамот были связаны три основные учреждения: Боярская дума, Дворец и Казна. Право jussio ("приказа" о выдаче грамоты) принадлежало великому князю или кому-то из бояр. Последние играли особенно заметную роль в создании судебных документов, которые они выдавали от своего имени и скрепляли своей печатью. Иногда грамоты составлялись по инициативе дьяков.

Главным способом удостоверения документов было скрепление их печатью. В ряде случаев оно дополнялось подписью дьяка. В течение XV в. роль дьяков в системе управления все более и более возрастает. Само составление грамот осуществлялось подьячими и лишь в порядке исключения дьяками (так, при Иване III ямским дьякам в Москве было поручено составление актов на холопов).

В докладе автора настоящих строк содержалась характеристика основных разновидностей русских великокняжеских грамот конца XIV – начала XVI в., причем главное внимание уделялось анализу формуляра духовных грамот великих князей[8].

По докладам В. Водова и С.М. Каштанова были заданы вопросы: о количестве грамот и способах прикрепления печатей (Р.-А. Ботье) о возможностях применения сравнительного метода к изучению русских актов и канцелярии (П. Ахт). Каштанов выступил с подробным ответом на эти вопросы.

Утреннее заседание 14 сентября было посвящено французской королевской канцелярии. Два доклада на эту тему сделал Р.-А. Ботье. В первом из них он осветил развитие канцелярии с XII по середину XV в., во втором дал типологию французских королевских грамот рассматриваемого периода.

Особенностью французской канцелярии в конце XII–XIII в. была незамещенность должности канцлера (официально с 1172 г.,

---

[8] Основная часть этого доклада опубликована: *Каштанов С.М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // ВИД. Л., 1979. Вып. XI. С. 238–251.

последовательно – с 1227 г.). Управление канцелярией осуществлял королевский клерк – хранитель печати (custos sigilli). Статус хранителя печати повышается при Филиппе IV Красивом (1285–1314), а после его смерти речь снова идет о канцлере (cancellarius). В XIV в. канцлер становится главный лицом в системе управления, играя роль как бы премьер-министра и министра юстиции (в переводе на современные понятия).

Начиная с царствования Филиппа IV канцлером могло быть и светское лицо. Обычно им являлся юрист. С 1372 г. канцлер избирается королевскими советниками. В основе всех его функций лежала обязанность хранения печати. При Филиппе IV королевские нотарии окончательно отделяются от королевских клерков. С 1291 г. нотарии образуют единый корпус. Они могли находиться как при короле или канцлере, так и при центральных учреждениях, остававшихся в Париже во время поездок короля. В 1342–1482 гг. корпус нотариев состоял официально из 60 человек, но фактически число их достигало иногда и 100.

Главой нотариев был канцлер, в отдельные моменты – протонотарий или же старший нотарий (major notarius). Так, Филипп IV выбрал из среды нотариев протонотария. Некоторые нотарии становились личными секретарями короля. Нотарии имели монополию на составление королевских грамот и писем. Их должность была пожизненной. Начиная с 1319 г. всякий акт должен был иметь подпись нотария.

При Карле V (регент в 1353–1364 гг., король в 1364–1380 гг.) отдельные нотарии получили монополию на составление писем по финансовым вопросам. В XV в. таких "секретарей по финансам" было одновременно четыре-пять. Дальнейшее расширение функций этих должностных лиц превратило их в XVI в. в "государственных секретарей" ("secrétaires d'Etat").

В принципе каждый королевский акт должен был скрепляться большой печатью. Однако король обладал еще двумя печатями – так называемой секретной (красного воска) и уже совсем личной – "печаткой" (signet), которыми он мог скреплять акты, касавшиеся непосредственно его особы или его дворца. В связи с разъездами короля и канцлера одной печати столичным учреждениям не хватало. В XIV в. парижский парламент, Королевский совет и другие органы власти и управления стремились использовать свои собственные печати, скрепляя ими документы внутриучрежденческого предназначения и не адресованные третьим лицам. Но при выдаче "официальных" актов эти учреждения должны были либо дожидаться приезда канцлера в Париж, либо посылать ему документы для скрепления их печатью.

Со времен Филиппа Красивого парижские учреждения в случае продолжительного отсутствия канцлера могли прибегать к использованию печати Шатле – резиденции королевского прево Парижа, причем контрпечатью[9] служила "печатка" (signet) [большой] Палаты парижского парламента. В свою очередь, король нередко применял секретную печать как заменительницу большой. При Филиппе VI Валуа (1328–1350) злоупотребление секретной печатью, использовавшейся без какого-либо контроля со стороны королевской канцелярии, привело к созданию как бы второй канцелярии короля – канцелярии секретной печати.

В 1338–1348 гг. король ввел для парижских учреждений "новую печать" – так называемую в "отсутствие большой". Этой печатью учреждения могли скреплять королевские акты в случае отсутствия канцлера и большой печати. Но в 1349 г. произошел возврат к принципу единой канцелярии.

В 1374 г. Карл V восстановил для парламента и парижского суда печать "в отсутствие большой". Печати такого же юридического статуса учредил Карл VII для парламента Пуатье (1420–1428) и для "канцелярии Лангедока" при временном парламенте Тулузы. Создание двух последних печатей было связано с отъездом короля из Парижа вследствие захвата его англо-бургундскими войсками. После возвращения короля в столицу здесь организуется канцелярия парижского суда. Аналогичную канцелярию получил в 1444 г. южный парламент, находившийся в Тулузе.

Таким образом, несмотря на прокламирование принципа единства канцелярии, происходит ее дробление. Наряду с большой канцелярией, функционирующей "при короле" (apud regem), существует канцелярия суда в Париже (действующая более активно, чем королевская). Кроме того, во второй половине XV в. возникают "малые канцелярии" в провинции при королевских судах.

Весьма интересны содержащиеся в докладе соображения относительно числа выданных в королевской канцелярии грамот. В счетах канцелярии имеются сведения о количестве закупавшегося ею воска, который расходовался на печати. По этим и другим данным устанавливается, что грамот, скреплявшихся большой печатью, было выдано в XIV–XV вв. от 20 до 30 тыс., а грамот за малыми красновосковыми печатями – от 12 до 18 тыс. Согласно дальнейшим расчетам получается, что в течение дня работы канцелярией выдавалось около 150 документов.

---

[9] Контрпечать ставилась на обороте основной печати. Обычно она была меньшего размера по сравнению с основной. Практика сопровождения печати контрпечатью введена во Франции Людовиком VII (1137–1180). Подробнее об этом см.: *Douët d'Arcq L.* Collection de sceaux. P., 1863. T. I. P. XXVIII.

Подавляющее большинство канцелярских писем представлено актами "с простым хвостом" (определенный способ прикрепления печати). Это в основном mandements (документы, адресуемые конкретному лицу). В то же время администрация нуждалась в постоянной рассылке многочисленных "циркуляров" местным властям (королевским бальи, сенешалям, сборщикам налогов, прокурорам), а также баронам и городам.

Докладчик коснулся далее весьма важного вопроса об учете актов в канцелярии. Массовое производство документов не позволяло наладить такую систематическую регистрацию их, как это имело место в Англии или Арагоне. Здесь требовалась более сложная система. Возникший при Филиппе II Августе (1180–1223) регистр утраченных документов текущего делопроизводства (1204 г.) был составлен благодаря использованию следственных материалов. Он дополнялся до 1212 г., а в 1211 г. с него была снята копия, где регистрировались также новые акты, выданные между 1211 и 1220 гг. В 1220 г. весь этот материал был заново скопирован и систематизирован. В новый регистр вносились затем акты Людовика VIII (1223–1226) и Людовика IX Святого (1226–1270). Последний приказал скопировать регистр, чтобы взять его с собой в Крестовые походы – VII (1248–1254) и VIII (1270 г.). В регистр записывались акты, составленные во время походов. Вообще регистры XIII в. носили характер картуляриев (копийных книг).

Есть сведения, что после возвращения Людовика IX (из VII Крестового похода) канцелярия начала производить ежегодную регистрацию актов. Эта форма регистров была шагом вперед по сравнению с регистрами-картуляриями. Однако точнее судить о них трудно, поскольку ни один из регистров, составленных до 1300 г., не сохранился.

В царствование Филиппа IV наблюдается несколько параллельно осуществлявшихся регистраций: грамот с печатями красного воска (эти регистры сохранились после 1300 г. и систематически велись начиная с канцлерства Ногарэ в 1307 г.); грамот с печатями на белом воску; политического характера грамот Королевского совета; королевских дарственных грамот. От этих серий остались лишь фрагменты или копии. Так, были набело переписаны регистры грамот Совета и грамот с печатями на красном и белом воску.

Парламент имел журнал для регистрации своей деятельности (registrum Curiae), а для каждой сессии – свиток с записью приговоров и постановлений (Rotulus Parlamenti), что делало ненужным другую регистрацию. Хотя эти материалы утрачены, сохранились экстракты из них, охватывающие 1254–1319 гг. и составлявшиеся

начиная с 1263 г. нотариями – greffiers (делопроизводителями-архивистами суда).

Коренная реформа регистрации документов была проведена в 1319 г. С этого времени в королевской канцелярии стали регистрироваться только грамоты с печатями на зеленом воску. Королевский совет, ведомство по приему прошений и жалоб, адресованных королю (les Requêtes de l'Hôtel)[10], и Счетная палата должны были вести журналы, в которых фиксировалась бы их деятельность. Счетной палате надлежало регистрировать все письма финансового характера, поступавшие в нее из канцелярии. Прекратилась практика составления общего парламентского свитка и полуприватных извлечений из него. Была организована регистрация в хронологической последовательности всех актов суда, а также всех поступающих в него и исходящих документов. Наряду с этим предусматривалась регистрация получателями (ведомством парижского прево, сенешалями и бальи) писем короля и его суда.

При Филиппе VI система регистрации документов приобрела законченный характер. Из грамот с печатями на зеленом воску (имевших постоянную силу действия) канцелярия регистрировала те, которые касались вопросов о помиловании (en matière de grâce). В этой серии, продолжавшейся до 1568 г., акты помилования (lettres de remission) занимают постепенно все более и более значительное место.

Дабы не был нанесен ущерб правам и интересам короля, парламент и Счетная палата осуществляли контроль за выдачей ордонансов, а также "грамот" (chartes) и "открытых писем" (lettres patentes) с пожалованиями в пользу частных лиц. На этой почве в парламенте возникла серия "Ордонансы парижского парламента" (с 1337 г.), а в Счетной палате – серия "Регистры грамот", где находили отражение акты, предоставлявшие какие-либо права частным лицам (серия сгорела в 1737 г.). С 1332 г. Счетная палата вела запись актов, касавшихся короля и его деятельности. Эти записи ("Mémoriaux") являлись как бы продолжением предшествующих полуприватных сборников такого рода.

Судебная деятельность парламента по-прежнему фиксировалась в регистрах, которые постепенно разделились на несколько серий. Аналогичным образом регистрировалась (с 1346 г.) деятельность Суда по монетным злоупотреблениям (Cour des monnaies), а позднее и Суда по вопросам, относящимся к сбору косвенных налогов (Cour des Aides).

---

[10] В переводе на русские понятия это учреждение условно соответствует Челобитенному приказу XVI в.

Следовательно, регистрация документов в канцелярии была во Франции лишь частичной. Так называемые регистры "Сокровищницы хартий" (Trésor des chartes) отражают, может быть, всего 2% общего числа актов канцелярии (грамоты с печатью на зеленом воску по вопросам помилования). Поэтому следы актов, выданных канцелярией, надо искать в других сериях.

Помимо тезисов доклада, Ботье представил весьма подробную библиографию по истории канцелярии и королевских актов 1180–1461 гг., разделив ее на тематические рубрики и снабдив краткими комментариями.

Во втором докладе, сделанном в тот же день (14 сентября), Ботье затронул проблему дипломатической типологии королевских грамот. Этот доклад был тесно связан с открытой при конгрессе выставкой подлинных документов из французского Национального архива и служил до известной степени теоретическим руководством к ней. Автор различает следующие дипломатические типы французских королевских актов XIII–XV вв.: I. Акты канцелярии, скрепленные большой королевской печатью (или заменяющей ее) – 1) дипломы, 2) "грамоты" в узком смысле слова (chartes), 3) "патенты", или "открытые письма" (lettres patentes), 4) указные грамоты (mandements); II. Внеканцелярские акты, скрепленные секретной печатью красного воска – 1) "закрытые письма" (lettres closes) с вислой печатью, 2) письма с прикладной печатью, 3) дипломатические инструкции и регламенты, 4) послания (missives), 5) письма, скрепленные "печаткой" (signet).

"Типология", размноженная на ксероксе и представленная в виде брошюры, содержит снимки с некоторых образцов грамот каждой разновидности. В кратких пояснительных надписях к снимкам указываются разновидность документа, адресант, дата, цвет и способ прикрепления печати. В описании разновидностей, предваряющем снимки, перечисляются наиболее характерные палеографические, сфрагистические и дипломатические особенности каждой разновидности.

Общим палеографическим признаком актов канцелярии является материал для письма – пергамен, однако, если в дипломах и "грамотах" он большого размера, то в lettres patentes и mandements – меньшего, особенно в последней разновидности, для которой характерна форма коротких широких листов. Почерки дипломов тщательны и выписаны, почерки mandements близки к скорописи. Язык дипломов – латынь. Она же преобладает в "грамотах". Зато mandements написаны обычно по-французски. Печать дипломов и "грамот" – зеленого воска, прикрепляемая на шелковых шнурах красного и зеленого цвета. В дипломах эти

цвета шнуров становятся правилом в середине XIII в., хотя сами дипломы во второй половине XIII в. уже редки, а в начале XIV в. исчезают совсем. Печати актов двух младших разновидностей (lettres patentes и mandements) – желтого воска на "двойном хвосте" из полосок пергамена (sur double queue de parchemin).

Специфические компоненты и элементы формуляра дипломов: 1) начальная инвокация (invocation initiale) во имя неразделимой Троицы; 2) монограмма королевского имени, помещаемая в середине канцелярской формулы: "Data vacante cancellaria" или "Data per manus..."; 3) слово "Actum" перед датой, к которой присоединяется список главных должностных лиц королевства. Начальная инвокация и упоминание канцелярии писались в дипломах удлиненными или утолщенными буквами.

"Грамоты" отличаются от дипломов отсутствием начальной инвокации, монограммы и списка главных должностных лиц. Этого нет и в других разновидностях. Все они начинаются с интитуляции.

В дипломах, "грамотах" и lettres patentes адрес всеобщий, в mandements – индивидуальный или коллективный. Салютация свойственна всем разновидностям грамот канцелярии. Диспозиция в mandements начинается с формулы повеления: "mandamus" или "mandons et commandons".

В корроборации дипломов и "грамот" целью удостоверения документа признавалось сохранение за ним значения постоянно действующего акта (corroboration de type perpétuel). В корроборации lettres patentes удостоверение рассматривалось как способ придания документу силы доказательства или свидетельства (corroboration de type probatoire). В mandements корроборации не бывает, за исключением тех случаев, когда речь идет о печати, заменяющей большую.

В дате число дня ставилось в lettres patentes и mandements (его нет в "грамотах").

Внеканцелярские акты писались на пергамене и на бумаге. Так, lettres closes с середины XIV в. часто пишутся на бумаге, имеющей форму коротких широких листов. Материал писем с "печаткой" обычно – бумага. Язык lettres closes почти всегда, а писем с прикладной печатью всегда – французский. По-французски писались и документы других разновидностей.

Секретная печать lettres closes, обеспечивавшая закрытость письма, прикреплялась либо к внешней полоске, которой перевязывался документ, либо к "язычку", вырезавшемуся внизу листа и содержавшему адрес. В письмах с секретной прикладной печатью последняя накладывалась с лицевой стороны. К инструкциям и

регламентам печать прикладывалась также с лицевой стороны, внизу листа. Послания (missives) и личные письма короля запечатывались с оборота – первые секретной печатью, вторые – "печаткой" на красном воску.

В lettres closes и письмах с прикладной печатью над первой строчкой писалась с абзаца формула "De par le roy" ("Именем короля"). В инструкциях и регламентах основному тексту предшествовал заголовок, указывающий предмет изложения.

В lettres closes, письмах с прикладной печатью и в missives текст начинался с апострофы (обращения), без салютации. Для lettres closes характерно наличие наррации, а их диспозиция содержит приказ короля. В письмах с прикладной печатью королевский приказ либо касается вопроса о платежах, либо ставит определенных лиц под защиту короля. В инструкциях и регламентах текст обычно разделен на статьи. В missives и письмах с "печаткой" редакция основного текста свободная. В lettres closes и других нет корроборации, но в королевских письмах, скрепленных "печаткой", могло упоминаться о том, что письмо или его postscriptum – автограф короля. Конечная формула благого пожелания употреблялась в missives.

В дате lettres closes указываются число и месяц, но никогда не фигурирует год. Не упоминается год обычно и в missives. В письмах с прикладной печатью есть все эти три элемента даты.

Личная королевская подпись ставилась в конце инструкций и регламентов, часто в письмах, скрепленных "печаткой". Наличие подписи короля возможно и в lettres closes начиная с Иоанна II Доброго (1350–1364) и особенно Карла V (1364–1380).

Lettres missives с секретной печатью, зародившись во времена Людовика Святого, сохранились как тип документа вплоть до эпохи Наполеона III.

Многие важные акты (особенно канцелярские) составлялись в большом количестве экземпляров (так, один из ордонансов для Наварры – в 44 экземплярах).

"Типология" Ботье более всего согласуется с планом распределения документов в IV разделе выставки, которая в целом состояла из восьми разделов: I. Раннее Средневековье (Византия, Меровинги, Каролинги, Германия эпохи Оттонов, Англосаксонская Британия); II. Государства восточного Средиземноморья (греческая Византийская империя, Латинская Константинопольская империя, Кипр, Рашка и Сербия, Молдавия); III. "Священная Римская империя", центральная и северная Европа (Империя, Чехия, Венгрия, Польша, Дания, Норвегия); IV. Франция и Наварра; V. Великобритания (Англия, Шотландия, Уэльс); VI. Государства

Пиренейского полуострова (Кастилия и Леон, Арагон, Майорка, Португалия); VII. Италия (Сицилийские королевства – Неаполитанское и Тринакри); VIII. Акты, составленные от имени двух монархов (Арагон и Майорка, Чехия и Наварра, Франция и Майорка).

Всего было выставлено 330 документов, начиная с меровингских папирусов VII в. и кончая актами XV в. Подавляющее большинство рукописей – из Национального архива, единичные документы – из Национальной библиотеки. Весьма ценен опубликованный на ротапринте каталог документов выставки, составленный Ботье при участии Ж. Дюфура, П. Гано и Ф. Маяра, с предисловием Ботье[11].

Кроме того, на выставке фигурировали не вошедшие в каталог фотокопии двух русских грамот XIV–XV вв. (духовной Ивана Калиты и жалованной грамоты Ивана III), доставленные автором настоящих строк по просьбе устроителей конгресса. Фотокопии были получены в ЦГАДА и ОР ГБЛ при любезном содействии руководства этих учреждений.

Из двух докладов Ботье, сделанных 14 сентября, обсуждался первый. Дж. Бателли поставил вопрос о связи понятий "секретная печать" (sigillua secretum) и "секретарь" (secretarius). Отмечалось, что ордонанс Филиппа II Августа не сообщает полного состава нотариев – возможно, уже в конце XII – первой четверти XIII в. их было больше, чем принято думать. Должность нотариев оказывалась на практике наследственной – она переходила от отца к сыну. Говорилось, что следует яснее отличать королевских нотариев как таковых от нотариев Шатле, где находился прево Парижа, который, кстати, имел право vidimus (удостоверения подлинности предшествующих документов и выдачи копий с них). Подчеркивалось отличие канцелярии французской от папской в плане структуры и механизма действия.

На вопрос о контрпечати в Англии Ботье ответил, что там ее не было: печать была двусторонней (bi-face). Между тем в литературе оборотная сторона английских королевских печатей (например, печати Вильгельма Завоевателя) иногда трактуется как контрпечать. Дуэ д'Арк в свое время считал, что контрпечать возникла не ради увеличения достоверности печати, а ради возможности поместить дополнительные титулы[12]. Однако часто контрпечать лишь повторяет, причем сокращая, титул, приведенный на печати.

---

[11] V-e Congrès international de diplomatique. Paris, 12–16 septembre 1977. Documents impériaux et royaux de l'Europe médiévale: Catalogue de l'exposition. P., 1977.

[12] *Douët d'Arcq L.* Op. cit. P. XXVIII.

В связи с докладами Ботье надо упомянуть и о его чествовании (12 сентября) по случаю избрания в академики. Отвечая на поздравления, Ботье высказал некоторые общие соображения о задачах дипломатики. По его мнению, три взаимосвязанные дисциплины – дипломатика, архивистика и история государственных учреждений – должны развиваться совместно и обогащать друг друга. Кроме того, Ботье полагает, что надо довести дипломатику до наших дней, т.е. расширить объект ее исследований за счет различных видов современной документации. Эти идеи весьма созвучны тем, которые высказываются и у нас историками-архивистами, документоведами и дипломатистами.

Вечером 14 сентября состоялись доклады П. Шапле (Великобритания) об английских и шотландских средневековых королевских актах, Н. Дамсхольт и Х. Нильсена (оба – представители Дании) – об актах скандинавских королевств.

Шапле (Pierre Chaplais) уделил основное внимание деятельности английской канцелярии в XII в., при королях Генрихе I (1100–1135), Генрихе II Плантагенете (1154–1183) и Ричарде I Львиное Сердце (1189–1199). Главой канцелярии был канцлер, который контролировал составление актов. Почти все акты написаны на пергамене. Язык – латынь. Разновидности документов: 1) chartes (в них фиксировалось дарение или пожалование навечно); 2) lettres patentes (дававшие временное пожалование); 3) brevia, аналогичные французским mandements (указные грамоты); 4) lettres closes, не имевшие силы юридического доказательства.

Chartes скреплялись печатью зеленого воска, lettres patentes – белого, обычно на одном "хвосте". Печать большая, вислая. Документы, в том числе lettres patentes и lettres closes, шли от имени короля. В торжественных документах адрес всеобщий (archibiscibus, baronibus etc.). Салютация всегда простая – saluter. В конце актов употреблялась формула "Data per manum..." Гарантами правомочности акта были король или канцлер. Датировка производилась по эре от Воплощения Христова (date d'Incarnation).

Дамсхольт (Nanna Damsholt) осветила историю канцелярии XIII – первой трети XIV в. в Дании (1202–1332), Норвегии (1217–1319) и Швеции (1234–1343). Она проследила карьеру канцлеров, пытаясь выяснить вопрос об их происхождении, образовательном уровне, функциях и влиянии на политику и выдачу актов. Докладчица рассмотрела основные компоненты формуляра скандинавских актов. Для датской интитуляции было характерно выражение: "N. Dei gracia Danorumque Sclavorum rex". В салютации адрес носил всеобщий характер: "Omnibus hoc scriptorum cernentibus in domino salutem". Корроборация принадлежала к типу probatoire (завери-

тельному): "In cuius rei testimonium sigillum nostrum presentibus litteris duximus apponendum".

В докладе Нильсена (Herluf Nielsen) речь шла о скандинавских канцеляриях в 1340–1445 гг. Это было время уний между Данией, Швецией и Норвегией: в 1319–1363 гг. существовала шведско-норвежская уния, в 1380 г. возникла уния между Данией и Норвегией (длилась до 1814 г.), а в 1397 г. – знаменитая Кальмарская уния, объединившая все три королевства под эгидой Дании (Швеция находилась в составе унии юридически до 1523 г., хотя фактически освободилась от нее раньше).

Большое внимание докладчик уделил деятельности датской канцелярии в период царствования Вальдемара IV Аттердага (1340–1375). Автор изучил состав канцелярии и характер королевских актов. Некоторые из них выдавались без участия самого короля, например привилегии для городов и отдельных лиц в Эстляндии. Борьба между датским королем и ганзейскими городами (особенно острой она была в 1367–1370 гг.) касалась и вопроса о скреплении документов большой королевской печатью.

Историю большой печати автор прослеживает и дальше, останавливаясь на дипломатике преемников Вальдемара IV – Олуфа II (1375–1387), королевы Маргариты (1388–1412) и Эрика VII Померанского (1412–1439) (соправитель Маргариты с 1389 г. в Норвегии, с 1396 г. – в Дании и Швеции). Докладчик рассматривает в этой связи "Акт унии" и "Коронационный акт" 1397 г., хотя они и были выданы не от лица представителей королевской фамилии.

Нильсен отмечает, что почерки актов, написанных на латинском, среднем нижненемецком и стародатском языках, не совпадают между собой, т.е. принадлежали разным писцам, что свидетельствует об определенной дифференциации функций различных групп писцов в канцелярии.

Несколько более бегло говорится в докладе о дипломатических особенностях норвежских и шведских грамот.

Утреннее заседание 15 сентября было посвящено канцеляриям королевств Пиренейского полуострова. Авторами докладов являлись А. Араго Кабаньас и Х. Тренчс Одена, Э. Саэс, А. Канеллас Лопес (все – представители Испании), о. Авелино де Жезус Да Коста (Португалия).

Х. Тренчс Одена (Jose Trenchs Odena) и А. Араго Кабаньас (Antonio Ma. Aragó Cabañas) дали обзор деятельности каталано-арагонской канцелярии в 1218–1479 гг. и канцелярии королевства Майорки в 1276–1344 гг.

В Арагоне должность канцлера возникла в 1218 г., при Хайме I Завоевателе (1213–1276). Канцлером был, как правило, епископ

или архиепископ, доктор права. Помимо функции председателя Королевского совета, он имел обязанность утверждать пожалования, скреплять печатью судебные документы, осуществлять контроль за деятельностью писцов и публичных нотариев. Канцлер получал 10% от печатной пошлины, не считая других доходов.

Уже при Хайме I, кроме канцлера, имелся начальник скриптория, которому поручалось хранение королевской печати и написание знака королевской подписи (signum regis). Из этих функций позднее возникли две новые должности – нотария-хранителя печати и вице-канцлера. Первым вице-канцлером был Рамон де Манреса (1291–1295). Благодаря частым отлучкам канцлера вице-канцлер превращается в ключевую фигуру канцелярии. Он обычно выбирался из числа королевских судей (judices curiae) и должен был быть светским лицом, знатоком письменности и римского права. Его деятельность запечатлена в jussio – приказе о составлении документа, писавшемся рядом с текстом. Там вице-канцлер упоминается в 30% случаев.

Увеличение канцелярской продукции обусловило появление в 1387 г. декрета Хуана I, в котором учреждались должности трех вице-канцлеров: одного для Арагона, второго – для Каталонии, Майорки, Корсики и Сардинии, третьего – для Валенсии.

Жалованье вице-канцлера равнялось 10 000 суэльдо в год (помимо других доходов и пособий), а свобода от должности могла составлять до 4 месяцев в году.

Должность нотария – хранителя печати была установлена Хайме II Справедливым (1291–1327) для Берната д'Аверсо (1291–1322), способного дипломата, являвшегося проводником всей внешней политики короля. При Педро IV эта должность превратилась в должность протонотария, которую первым получил Матэу Адриа (1353–1364), известный своим переводом на каталанский язык "Дворцовых законов" ("Leges palatinae"), созданных на Майорке (1337 г.)[13].

Еще в XIII в. выделились два писца, выполнявшие функцию экспертов по внешнеполитическим вопросам при особе короля. От них происходит должность королевских секретарей, ясно определившаяся при Альфонсе IV Благодушном (1327–1336). Этих секретарей было тоже два, и они вели "Регистры секретной печати" (registra sigilli secreti).

Писцы (нотарии) разделились на две категории – распорядителей и регистраторов. Первые имели право jussio – распоряжения

[13] Подробнее эти законы рассматривал Ф. Севиллано Колом в докладе на предыдущем конгрессе по дипломатике (см.: *Каштанов С.М.* IV Международный конгресс по дипломатике //АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 337).

о выдаче документа, которое они получали от короля через посредство какой-либо промежуточной инстанции. Вторые регистрировали документы. До издания "Ордонансов" Педро IV в канцелярии бывало по 12 распорядителей и по 8 регистраторов.

Для торжественных документов и традиционных юридических актов в Арагоне употреблялся пергамен. Начиная с царствования Хайме I в канцелярию проникает и бумага. Этот новый материал повлиял на структуру документов и способствовал возникновению регистров с типично нотариальными признаками.

Первые регистры, начатые с 1257 г., охватывали документы разного рода. Разделение на серии произошло не ранее царствования Альфонса III (1285–1291), на этот раз под влиянием канцелярий Сицилийского королевства и папской курии. При Альфонсе IV существовало уже 23 серии. Число регистров быстро росло: при Хайме I их было 5,5 томов, при Хуане I (1337–1395) – уже 35,7.

Путь документа начинался с приказа о его составлении, затем создавался черновик, или "минута", после этого – беловик, который проходил серию проверок и удостоверений, и лишь тогда он попадал к заинтересованному лицу – либо прямо, либо через посредство курьеров (cursores).

В докладе рассматривались также другие вопросы – о взимании печатной пошлины (jus sigilli), об ордонансах Педро IV (с новой трактовкой их), о центральном Архиве в Барселоне, который является наследником архива Арагонской короны.

Э. Саэс (Emilio Sáez) охарактеризовал состояние источниковой базы и степень изученности документов леоно-кастильской канцелярии. Документация Кастильского королевства XII–XV вв. представлена многими тысячами дипломов и других разновидностей актов. Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвященных им, в историографии имеются и серьезные пробелы. За время существования единого королевства Кастилии и Леона в XII–XV вв. (до воцарения Изабеллы Католички) сменилось 18 монархов. К настоящему времени изучена история канцелярий только пяти из них: доньи Ураки (1107–1123) – Санчесом Бельдой, Альфонса VII (1126–1157) – Питером Рэссоу и Б.Ф. О'Рейли, Альфонса X Мудрого (1252–1284) – Эвелиной Проктер, Санчо IV (1284–1295) – упомянутым Санчесом Бельдой, Энрике II (1368–1379) – Лопе Паскуалем.

Вследствие больших пропусков в охвате материала исследованиями трудно дать точную типологию актов и историю канцелярии за весь период. Наиболее углубленно показаны автором деятельность канцелярии в течение XII–XIII вв. В рамках этой эпохи он выделяет два периода: 1) 1126–1250 и 2) 1250–1274 гг.

История канцелярии Наваррского королевства в 1234–1441 гг. получила освещение в докладе А. Канелласа Лопеса (Angel Canellas Lopes). В изучаемое им время Наваррой правили последовательно три династии: Шампанская (1234–1285), Капетинги (1285–1328) и Эврё (1328–1441). Автором рассмотрены акты 11 монархов, царствовавшах в течение указанного периода (207 лет), начиная с Теобальда (или Тибо) I Шампанского и кончая королевой Бланкой I, после смерти которой в 1441 г. восстановилась уния Наварры с Арагоном, имевшая место еще до середины XII в.

Докладчик отметил слабую изученность наваррских актов XII – середины XV в. Из существующих 45 работ на эту тему 24 представляют собой частичные издания текстов или каталоги. Главные вопросы остаются неисследованными. Сам автор придерживается современной схемы анализа дипломатического материала. Он отделяет акты канцелярского происхождения от внеканцелярских, изучает персональный состав канцелярии (канцлеры, нотарии, секретари). Французское влияние сказалось на канцелярии Наварры уже при Шампанской династии и проявилось прежде всего в правилах, касающихся печати. Внеканцелярские акты выдавались королевским судом и Счетной палатой.

Механизм выдачи актов канцелярии претерпевал различные изменения. Так, прямое распоряжение о составлении акта ("iussio directa"), существовавшее при Шампанской династии, Людовик X Сварливый (король Наварры в 1304–1316 гг., Франции – в 1314–1316 гг.) заменяет распоряжением "через посредство" ("iussio delegada").

Автор затрагивает проблему изготовления черновых текстов, беловиков, подписания актов и занесения их в регистры, сравнивает "картулярные" и регистровые копии, уделяет внимание сохранившимся прошениям на королевское имя и формулярникам.

Для каждого из трех периодов он стремится выяснить сочетание нового и старого в том, что касается материала для письма, почерков, языка, печатей, датировки, подписей, дипломатической структуры документов.

Доклад имеет приложения: фотокопии 28 печатей и 34 подлинных документов, генеалогические таблицы 11 наваррских монархов и список наместников Наварры.

Да Коста (le P. Avelino de Jesus Da Costa), не присутствовавший на конгрессе лично, посвятил свой доклад истории королевской канцелярии Португалии с 1217 г. до середины XVI в.

На вечернем заседании 15 сентября были заслушаны доклады о канцеляриях Италии. Их сделали Т. Кёльцер (ФРГ), Е. Пастор и П. Коллура (оба – представители Италии).

Доклад Т. Кёльцера (Theo Kölzer) раскрыл количественные и качественные перемены в деятельности сицилийской канцелярии в период пребывания Сицилии под властью Штауфенов (1195–1266). Автор указал, что все государевы грамоты этого времени нуждаются в критическом переиздании, но такая работа ведется пока лишь в отношении документов до 1212 г. (Codex diplomaticus normannus).

Всего сохранилось от изучаемого периода функционирования сицилийской канцелярии около 1950 королевских и императорских актов, не считая дипломов, выдававшихся в 1212–1220 гг. немецкой канцелярией. Это количество в 4,5 раза больше того, что было выдано в норманский период (1130–1194). Вероятно, главной причиной роста документации была активизация управления после 1220 г. Удельный вес оригиналов для 1195–1250 гг. составляет 1/3 от общего количества дошедших документов.

Автор перечисляет канцлеров, стоявших во главе канцелярии в 1195–1221 гг. (Вальтер из Палеарии, епископ Трои, затем Катании; прямое влияние на дела канцелярии он оказывал лишь в 1198–1210 гг.), 1243–1248 гг. (Петр из Винеи и Тадеус из Свессы), 1251–1263 гг. (Вальтер из Окры). Для остального времени устанавливается целый ряд протонотариев, хотя полную последовательность лиц, управлявших канцелярией, выявить не удается. Около 1227 г. заметно влияние на работу канцелярии группы церковных деятелей во главе с камерарием Рихардом.

До 1220 г. канцелярия ориентировалась в основном на старые норманские стандарты. Наиболее заметные изменения произошли только около 1239/40 г. Смысл этих изменений сводился к тому, чтобы разгрузить самого государя от бремени текущего управления и делегировать часть распорядительных функций придворным и канцелярским чинам при соблюдении иерархии и контроля. Эта система давала больше самостоятельности нотариям в изготовлении документов (им делегировалось право "приказа" и т.п.).

За период времени, рассматриваемый в докладе, известно 120 нотариев. На практике их было, видимо, больше. Автор подчеркивает, что сведения об именах нотариев следует сопоставлять с почерками документов. Так, например, писец Иоганн из Лавры упоминается 24 раза, а написал он в действительности 51 грамоту.

Согласно показаниям фрагмента Неаполитанского регистра 1239/40 г., один нотарий мог изготовить в день до 10–12 грамот. Регистр показывает наличие на протяжении 7 месяцев 14 писцов, однако вся тяжесть работы лежала на 6 из них.

определенным формулам политический характер. Особое место в ее деятельности занимали отношения с привилегированными.

Большой интерес представляет вопрос о деятельности канцелярии в период отсутствия короля. Как контролировалась власть, делегированная королем членам канцелярии? Дипломатика должна быть связана с изучением реальной политики.

Вместе с тем надо помнить о консервативности канцелярии (автор продемонстрировал это ее свойство, сравнив особенности канцелярий Сицилии и Анжу).

Имеет значение вопрос о конкретном месте работы канцелярии и механизме ее деятельности. Опять-таки на примере канцелярии Фридриха II Гогенштауфена докладчик показал различные этапы создания документа. Среди нотариев тоже были своего рода лобби, наживавшиеся на изготовлении документов.

Не только доклад Энценсбергера, но и весь ход конгресса показал правомерность комплексного подхода к изучению различных аспектов канцелярской практики составления документов и различных сторон деятельности канцелярии.

Подводя итоги работы конгресса, Дж. Бателли отметил: 1) высокий научный уровень докладов; 2) увеличение трудностей исследования в связи с умножением количества документов в XII–XIV вв.; 3) общность подходов к проблемам дипломатики, проявившуюся в докладах и дискуссиях; 4) необходимость согласования в международном масштабе дипломатической терминологии; 5) важность дальнейшего развития сравнительной дипломатики и сотрудничества ученых разных стран.

3. Документация европейских городов периода позднего Средневековья
(IX Международный конгресс по дипломатике)

Позднее Средневековье, которое в новейшей западной историографии датируется 1200–1492/93 гг.[14], условно называют иногда "эпохой горожан" (Bürgerzeit), в отличие от раннего Средневековья – "эпохи монашества" (Mönchzeit) – и центрального, или классического, Средневековья, – "эпохи рыцарства" (Ritterzeit)[15].

В период позднего Средневековья европейские города, постепенно освобождаясь от власти своих сеньоров, создают органы муниципального управления, которые начинают производить собственную документацию. Рассмотрению ее особенностей во всех

[14] *Leuschner J.* Deutschland im späten Mittelalter. Göttingen, 1975. S. 22.
[15] Ibid. S. 16.

основных регионах Европы был посвящен IX Международный конгресс по дипломатике, состоявшийся в Генте (Бельгия) в конце августа 1998 г.

В списке участников конгресса значилось 90 человек. На этом международном форуме были представлены ученые 18 стран Старого и Нового Света: Австрии, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Польши, Португалии, России, Словакии, США, Франции, Чехии, Швеции. По традиции доклады произносились без перевода на пяти языках: французском, английском, немецком, итальянском и испанском.

Всего на конгрессе прозвучали 33 доклада, которые были распределены по региональным группам в соответствии с их географической приуроченностью. Получила освещение история городской дипломатики Великобритании (3 доклада) и Португалии (1 доклад)[16], Германии (4 доклада) и Австрии (1 доклад)[17], Италии (5 докладов)[18], Франции (5 докладов)[19], Испании (3 доклада) и России (1 доклад)[20], Венгрии и Словакии (2 доклада), Польши (2 доклада), Чехии (2 доклада)[21]. Нидерландов (1 доклад) и Бельгии (2 доклада)[22].Кроме того, состоялся доклад о новых методах дипломатических исследований[23].

В настоящем обзоре мы не будем придерживаться порядка произнесения докладов. Нашей целью не является также последовательная характеристика городской дипломатики по странам в том виде, в каком она предстала на конгрессе. Мы попытаемся выделить некоторые общие проблемы истории муниципальной дипломатики Европы периода позднего Средневековья и рассмотреть их, сопоставляя материал, относящийся к разным городским центрам и регионам.

В докладах, прозвучавших на конгрессе, был поднят ряд вопросов, имеющих принципиальное значение для понимания тенденций социально-экономического, политического и культурного развития городов в эпоху позднего Средневековья и на пороге Нового времени.

Городская автономия часто получала закрепление в грамотах светских властей, предоставлявших городам статус свободной

---

[16] Утро 25 августа 1998 г.

[17] Вечер 25 августа 1998 г.

[18] Утро 26 августа 1998 г.

[19] Четыре из них были сделаны вечером 26 августа и один (о городских печатях) утром 28 августа 1998 г.

[20] Утро 27 августа 1998 г.

[21] Вечер 27 августа 1998 г.

[22] Утро 28 августа 1998 г.

[23] Вечер 26 августа 1998 г. Доклад Ф. Демонти (Бельгия).

Социальное происхождение нотариев трудно поддается изучению. До 1227 г. это были по преимуществу клирики. Приток светских лиц не привел сразу к резкому уменьшению числа духовных. Университетское образование, судя по магистерскому званию, имел только один из нотариев. В территориальном отношении нотарии в большинстве своем были выходцами из области Кампании (Капуя, Салерно). Попасть в состав нотариев было не так просто. Для этого требовались личные связи.

Внешние и внутренние признаки документов до 1266 г. мало изменились по сравнению с норманским периодом. Еще при Танкреде (умер в 1194 г.) исчезла "рота". Со времени Констанции (конец XII в.) перестали употребляться свинцовые буллы. Размер документа стал меньше. В основном выдавались "мандаты" (указные грамоты) и мандатоподобные письма, с помощью которых осуществлялось управление. Привилегии после 1220 г. не играли заметной роли. Их значение несколько возросло при Конраде IV (1250–1254) и Манфреде (1258–1266).

Немецкие традиции не оказали на сицилийскую канцелярию глубокого влияния даже после 1223 г. Вплоть до 1248 г. привилегии для получателей, находившихся в Империи, оформлялись по немецкому обычаю и удостоверялись печатью.

Е. Пастор (Edith Pasztor) избрала темой своего доклада историю канцелярии Неаполитанского королевства при Анжуйской династии в 1268–1343 гг.

П. Коллура (Paolo Collura) охарактеризовал основные особенности сицилийской канцелярии при Арагонской династии (1285–1412). Канцлером в это время всегда было светское лицо высокого ранга, обычно человек, подвизавшийся на политическом поприще. В 1349 г. была учреждена должность вице-канцлера (возможно, временно). Имелись также протонотарий и нотарий. Однако до царствования Мартина (1392–1409) трудно говорить точно о персонале канцелярии, ибо имена ее чиновников – всех, кроме канцлера, не указывались в документах.

Самих документов дошло сравнительно мало. Наиболее ценны пергаменные подлинники в Архиве Арагонской короны в Барселоне и государственном архиве Палермо. Канцелярское письмо двух типов: скорописное (курсивное) и каллиграфическое. При Федериго (Фридрихе) III (1296–1337) было принято красочно оформлять наиболее важные документы. Изменения в интитуляции (например, в 1371 г. по сравнению с 1302 г.) связаны с разными внешнеполитическими событиями и требуют специального изучения. При датировке документов в канцелярии применялся

стиль от Воплощения (dell'Incarnazione) по образцу флорентийского (с запозданием).

Из канцелярского тарифа печатных пошлин первой половины XIV в. можно сделать вывод, что в канцелярии составлялось до 88 разновидностей документов, имевших свои специфические формуляры.

Самые ранние регистры канцелярии погибли в 1356 г. в Мессине во время захвата ее анжуйцами. В архиве Палермо хранится 47 регистров изучаемого времени, из которых 15 относятся к 1299–1377 гг., а 32 – к периоду царствования Мартина. Первая группа представлена неупорядоченными фрагментами. В параллельной серии регистров протонотария числится 22 тома начиная с 1349 г., но они тоже фрагментарны.

К документам, регламентирующим деятельность канцелярии, относятся "Уставы служб" ("Statuta officiorum"), так называемая "Швабско-анжуйская хроника" ("Cronica svevo-angioine") и "Главы о печатной пошлине" ("Capitoli sul diritto di sigillo"), переписанные в 1340 г. в секретный регистр.

15 сентября в новом здании Института истории и исследования текстов под Орлеаном был прочитан последний доклад на конгрессе – "Процедура работы и компетенция светских канцелярий Европы в XIII в.". Его автор Хорст Энценсбергер (Horst Enzensberger) из ФРГ поставил ряд общих, важных для развития дипломатики вопросов. Он говорил о необходимости сравнительного метода, помогающего расширить границы и возможности познания. Следует учитывать влияние не только соседних светских канцелярий, но и папской.

С XII в. наряду с классическими дипломами появляются новые формы документации – прежде всего "мандаты". Их полезно изучать как по подлинникам, так и по записям в реестрах, где они выступают в качестве массового материала.

Анализ деятельности канцелярий является важной предпосылкой исследования финансовой, общеполитической истории, системы судебного управления. Весьма существенно выяснять общие тенденции и региональные отличия в развитии канцелярий. Нельзя забывать и о том, что канцелярия выполняла задачу распространения официальной идеологии (автор указал на примеры пропаганды в деятельности канцелярии Фридриха II Гогенштауфена). С этим связана художественная деятельность в канцеляриях.

Канцелярия играла выдающуюся роль в организации судопроизводства, оформлении отношений королевской власти с подданными по судебной, финансовой, пропагандистской, общеполитической линиям. В канцелярии ставилась задача придать

городской общины. В свое время о грамотах такого рода, выданных графами Савойскими, писала Рут Мариотт-Лёбер[24]. На конгрессе наличие учредительных грамот английских королей и так называемых пограничных лордов (marcher-lords) отмечалось для городов Уэльса (доклад Р. Гриффитса, Великобритания)[25]. Эти акты воспроизводили английский формуляр, не отражая всей специфики уэльских городов XII–XIV вв. Иначе обстояло дело в Брабанте. Касаясь городской привилегии, пожалованной в конце XII в. герцогом Брабанта городу Хертогенбосу (Буа-ле-Дюк), Г. Ван Сингель (Нидерланды)[26] рассматривает ее как результат сотрудничества и согласия представителей города с герцогом. По мнению автора, юридические нормы, зафиксированные в герцогской грамоте, консолидировали систему прав, которые уже существовали ранее. Эта грамота оставалась, по крайней мере, в течение четырех десятилетий единственным документом, созданным в городской сфере, полагает докладчица. Город Регенсбург в Германии получил в период герцогского господства право иметь бургграфа (1198 г.), а в 1245 г. император Фридрих II даровал городу автономию (доклад К.-О. Амброна, Германия)[27].

Довольно сложно складывались отношения городских коммун с органами церковной власти. Дж.Дж. Фиссоре (Италия)[28] показал роль епископов в первоначальной истории коммунального делопроизводства. Так, в Милане в XI в. епископ участвовал в выдаче грамот. Автор подробно проанализировал договор 1170 г. между епископом и коммуной Турина. В заключительной части этого документа фигурируют епископские вассалы и представители горожан и консулата. Первые коммунальные органы начались с консульской магистратуры, соперничавшей с епископской властью. В докладе М. Париса (Франция)[29] подчеркивалось, что еще в XII в. городская община Меца задыхалась под опекой епископа. В Регенсбурге между 1198 и 1245 гг. верховная власть принадлежала епископам, и городское самоуправление сотрудничало с епископскими городскими министериалами (К.-О. Амброн).

---

[24] *Mariotte-Löber R.* Ville et seigneurie: Les chartes de franchises des comtes de Savoie. Fin XIe siècle – 1343. Annecy; Genève, 1973.

[25] *Griffiths R.* The authors of urban records in medieval Wales. Gent, 1998.

[26] *Van Synghel G.* Urban diplomatic in the Northern Netherlands. Gent, 1998.

[27] *Ambronn K.-O.* Die Anfänge der städtischen Kanzlei in Regensburg im 13. Jahrhundert. Gent, 1998.

[28] *Fissore G.G.* Notai, vescovi e comuni: interazioni e sinergie nell'elaborazione del documento (secc. X–XII). Gent, 1998.

[29] *Parisse M.* Pratiques d'écriture de la communauté urbaine de Metz au XIIIe siècle. Gent, 1998.

На севере Франции власть городских магистратов, вставленных в сеть сеньорий, утверждалась с трудом. Это показал в своем докладе А. Сен-Дени (Франция)[30] на примере г. Лана, освободившегося в 1109 г. от власти епископа. В XIII в. главным конкурентом муниципалитетов был капитул кафедральных соборов. Конфликты с ним в Лане подрывали доверие горожан к представителям городского самоуправления. И это при том, что муниципалитет и его писцы выполняли многообразные функции, служившие интересам жителей (фиксация сделок, определение порядка наследования, оформление приданого, осуществление опеки над малолетними и инвалидами, назначение кураторов для бедных семей, управление имуществом лиц, ушедших в монахи, и т.п.). С конца XIII в. соперниками муниципальных органов в оформлении частных актов горожан стали и королевские бальи.

Т. Фогтхер (Германия)[31] считает, что в Саксонии конкурентами муниципалитетов в области делопроизводства были ведомство комтура Немецкого ордена, в редких случаях – монастыри , а во Фрейберге – писец горного ведомства (Bergschreiber).

Развитию городского секретариата в Утрехте препятствовала власть епископа. Более благоприятные условия для становления муниципального делопроизводства сложились в XIII–XIV вв. в Хертогенбосе (Буа-ле-Дюк) в северном Брабанте (ныне в Нидерландах). Здесь у городского секретариата не было серьезных конкурентов: канцелярия брабантского герцогского дома только начинала формироваться (город даже брал на себя производство некоторых герцогских грамот); нотарии, появившиеся лишь с 1317 г., не мешали развитию секретариата и были поставлены на службу городу, который являлся притягательной силой и для сельской округи, ибо в нем фиксировались имущественные сделки всего района (доклад Г. Ван Сингель).

В историографии принято считать, что институт публичного нотариата характерен преимущественно для Италии и южной Франции, в то время как в северной Франции и Центральной Европе в XIII–XV вв. установилась система так называемой "жалованной" ("милостивой"), или "добровольной", юрисдикции (juridiction gracieuse = juridiction volontaire = freiwillige Gerichtsbarkeit = voluntary jurisprudence). Суть ее была в том, что акты частных лиц составлялись от лица органов публичной власти

---

[30] *Saint-Denis A.* La concurrence entre les différents centres de confection des actes dans les villes de commune du nord de la France au XIIIe siècle. Gent, 1998.

[31] *Vogtherr Th.* Die Entstehung des städtischen Urkundenwesens in Sachsen. Gent, 1998.

(светской или церковной) и удостоверялись их печатью[32]. Название "жалованной" (gracieuse) эта "юрисдикция" получила потому, что публичная власть как бы жаловала свое согласие на сделку и признавала ее законной, уменьшая тем самым возможность оспорить акт в суде. Подобная "юрисдикция" могла считаться и "добровольной" (freiwillige, volontaire, voluntary), поскольку контрагенты добровольно позволяли публичной власти оформить и поставить под свой контроль сделку. "Добровольная" юрисдикция противопоставлялась "принудительной" – разбирающей споры (juridiction contentieuse).

Развитие "жалованной юрисдикции" не мешало различным органам власти прибегать также к услугам "публичных нотариев"[33]. Сочетание деятельности городских писцов и нотариев отмечалось в ряде докладов конгресса. Вообще происхождение муниципального делопроизводства тесно связано с историей нотариата. Дж. Фиссоре подчеркнул, что фигура нотария была центральной в делопроизводстве еще раннего Средневековья. Нотарии имелись в королевских канцеляриях. Их находим в городе, вне города, во всех епископских резиденциях. В период классического Средневековья наблюдается тенденция к полной свободе нотариев. Исходной точкой развития нотариата в послекаролингский период являлась епископская власть. Однако нотарии в Италии обслуживали не только епископов, но и нарождающиеся коммуны. Уже в XII в., по наблюдениям Д. Пунку (Италия)[34], коммуна была не пассивным пользователем труда нотариев, а в полной мере включала нотариат в систему коммунальных институтов.

Вне классической зоны распространения нотариата (Италия и южная Франция до Альп) наличие нотариев в городах XIII–XV вв. прослеживается по докладам конгресса в Испании, северной и восточной Франции, Германии, Польше. В городах Астурии (Овьедо и Авилес) различались акты, написанные в канцелярии городского Совета и публичными нотариями (доклад Марии Х. Санс Фуэнтес, Испания)[35]. В Лане в XIII в. группа "нотариев" могла в те или иные периоды работать под руководством "скриптора" (доклад А. Сен-Дени). В Меце XIII в. наблюдается практика, которая смешивала нотариат и канцелярию (доклад М. Париса). Городской нотарий (notarius civium) отмечен в Регенсбуге в середине XIII в.

---

[32] Подробнее см.: *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux et chancelleries: Études de diplomatique et de sigillographie médiévales. P., 1990. [T.] 1. P. 269–436.

[33] Ibid. P. 303 etc.

[34] *Puncuh D.* La diplomatica comunale in Italia: dal saggio di Torelli ai nostri giorni. Gent, 1998.

[35] *Sanz Fuentes M.J.* Diplomática municipal asturiana. Gent, 1998.

(доклад К.-О. Амброна). В XIV в. в Хертогенбосе на севере Брабанта функцию городского писца исполняло большое количество нотариев (доклад Г. ван Сингель). В Польше в конце XIII – середине XIV в. наблюдаются взаимодействие и конкуренция трех форм делопроизводства – церковного, нотариального и городской канцелярии. Здесь существовали понятия "notarius civitatis", "scriptor" (доклад К. Скупеньского, Польша)[36].

Близкими к нотариям были странствующие и "независимые" писцы, которые в XIII в. имелись, например, в западной Фландрии (Брюгге, доклад М. Леруа, Бельгия)[37]. На территории Тевтонского ордена городской писец часто переезжал из одного города в другой (доклад Я. Тандецкого, Польша)[38].

В докладах уделялось определенное внимание органам городского самоуправления, возглавлявшим систему муниципального делопроизводства. В большинстве случаев речь шла о городских советах, которые существовали в XIII–XV вв. в городах Португалии, Испании, Наварры, Саксонии, Австрии, Венгрии, Чехии, Моравии и др. М.Л. Пардо Родригес (Испания)[39] проанализировала работу Большого совета Севильи. Главного писца Совета (escribano mayor del Consejo) она называет протонотарием. Автор отмечает патримонизацию публичных должностей в Совете (господство родственных связей). Протонотарий мог назначить себе заместителя (обычно из числа родственников) – писца городского Совета (escribano del Cabildo), который имел подсобных писцов (в основном из родственников). Зарплата протонотарию выдавалась деньгами и натурой (сукно, ячмень). Оплата труда его заместителя производилась сначала самим протонотарием, а с начала XIV в. – непосредственно Советом. Кроме зарплаты, протонотарий получал от Совета деньги на покупку бумаги и чернил.

В Риме роль городского совета исполнял Сенат, возродившийся к жизни в 1144 г., но на практике входивший в структуру папской власти (Р. Косма, Италия)[40]. В ряде докладов говорилось о деятельности мэров и эшевенов, или ольдерменов, как представителей муниципалитета. Они имели под своим началом писцов. Институт эшевенов явился продолжением более древнего института

---

[36] *Skupieński K.* Les chancelleries urbaines et l'Eglise en Pologne médiévale. Gent, 1998.

[37] *Leroy M.* Les débuts de la production d'actes urbains en Flandre au XIIIe siècle. Gent, 1998.

[38] *Tandecki J.* Anfänge und Entwicklung der Forschungen zur städtischen Diplomatik in Polen. Gent, 1998.

[39] *Pardo Rodriguez M.L.* Diplomática municipal de Sevilla: Las escribanias de Concejo. Gent, 1998.

[40] *Cosma R.* La prima documentazione del Senato di Roma. Gent, 1998.

скабинов (scabini). И те, и другие исполняли в городе судебно-административные функции. Мэр и эшевены (ольдермены) играли главную роль в составлении актов "жалованной юрисдикции" на севере Франции (Эр-сюр-ля-Лис, доклад Б. Дельмера)[41], в Лотарингии (Мец, доклад М. Париса), в западной Фландрии (Брюгге, доклад М. Леруа), в северном Брабанте (Хертогенбос, доклад Г. ван Сингель) и др. М. Леруа отметила, что эшевены, вассалы и дуайены в Брюгге сначала упоминаются только как свидетели сделок, но затем они сами уже выдают грамоты заинтересованным сторонам. Эшевены сельских сеньорий первоначально пользуются услугами публичных писцов, позднее же организуют городские бюро письма – секретариаты. А. Сен-Дени подчеркнул роль городских присяжных (jurés) и их помощников в противостоянии другим органам "жалованной юрисдикции" – *официалам* (представителям епископской власти) и *прево* (агентам короля).

Что касается самой организации городского делопроизводства, то далеко не все авторы докладов считают возможным говорить о раннем возникновении муниципальной "канцелярии". Некоторые исследователи подчеркивают значительный хронологический разрыв между появлением первых городских актов и образованием городской "канцелярии" в собственном смысле слова. Так, Т. Фогтхер указывает, что наиболее ранние городские грамоты в Саксонии датируются концом XIII в., но, по его мнению, они едва ли свидетельствуют о наличии городской канцелярии в это время. Поскольку городские писцы впервые упоминаются здесь в середине XIV в., автор относит зарождение городской канцелярии к XIV в.

Еще более осторожен в своих выводах П. Чендес (Австрия)[42], который сомневается в том, что писавшие городские документы в XIII в. были собственно городскими писцами. Появление городских писцов и городской канцелярии в Австрии он датирует XV в., когда в муниципалитетах формируется юридически образованный персонал. В то же время на западе Австрии уже в XIV в. встречаются, по словам автора, "династии писцов", а в венской городской "канцелярии" находятся документы, начиная с середины XIII в. В некняжеских городах Австрии городские писцы были на службе не у самого города, а у его господина – епископа или графа.

---

[41] *Delmaire B.* La diplomatique urbaine des actes échevinaux d'Aire-sur-la-Lys au XIIIe siècle. Gent, 1998.

[42] *Csendes P.* Die Anfänge des städtischen Urkundenwesens in Oesterreich. Gent, 1998.

М. Мерсьовский (Германия)[43] сосредоточил внимание на составе городских писцов Вестфалии до 1500 г. Наличие в 1211 г. в Регенсбурге городской печати (sigillum civium) К.-О. Амброн считает недостаточным для заключения, что в то время там существовала городская канцелярия. Возникновение последней он связывает с фактом свержения епископской власти в середине XIII в. Тогда канцелярия помещалась в ратуше, впервые упомянутой в 1244 г. (domus civium). В 1248 г. создается новая печать с надписью: "Universitas civium". Нам эта надпись напоминает новгородскую: "Весь Новгород".

По мнению Я. Тандецкого, в Польше формированию городских канцелярий предшествовало создание маленьких скрипториев.

Г. ван Сингель утверждает, что появление постоянного городского писца в Хертогенбосе в северном Брабанте произошло, по крайней мере, через 100 лет после основания города, а первые шаги по созданию городского "секретариата" заметны лишь через 50 лет после выдачи наиболее ранней городской грамоты. Аналогичным образом шло развитие делопроизводства в городах Голландии и Зеландии. Только в XIV в. секретариат в Хертогенбосе был расширен путем создания постоянного штата писцов. М. Леруа, отмечая деятельность писцов в Брюгге, заявляет, что о настоящей городской канцелярии в XIII в. говорить еще нельзя.

Более уверенно термин "канцелярия" употребляется в докладах, касающихся испанских городов ("канцелярия Совета"), Флоренции (доклад П. Херде, Германия)[44], Брно в южной Моравии в 1526–1619 гг. (доклад Л. Сулитковой, Чехия)[45]. Изучение материалов архива Брно за XVI – начало XVII в. позволило Л. Сулитковой нарисовать впечатляющую картину деятельности писцов внутри и вне городской канцелярии. В составлении документов участвовали сами советники, получая за это вознаграждение. С 70-х годов XVI в. за фиксированное годовое жалование в канцелярии работали городской писец, подьячий, судебный и сиротский писцы, один или два вспомогательных писца. Имелся специальный "пивной писец", оплачиваемый городом. Кроме того, роль "таможенного" и "весового" писцов исполняли "присягнувшие" члены городской общины. Общее число лиц, занятых письмом в городском управлении и ведением судебных дел, достигало 15–20 человек в год.

---

[43] *Mersiowsky M.* Städtliches Urkundenwesen und Schriftgut in Westfalen vor 1500, Gent, 1998.

[44] *Herde P.* La cancelleria fiorentina nel prime Rinascimento. Gent, 1998.

[45] *Sulitková L.* Brünner Stadtkanzlei and Diplomatik an der Schwelle der Neuzeit. Gent, 1998.

Некоторые из них были прямо связаны с городской канцелярией, другие находились в неустойчивых отношениях с ней.

По своей делопроизводственной форме документы городов делятся на грамоты, книги и свитки. Грамоты стали составляться раньше, чем книги. Для городов Саксонии насчитывается более 160 грамот конца XIII–XIV вв. Грамоты скреплялись печатями. Вследствие недостаточной самостоятельности саксонских муниципалитетов к грамотам наряду с городскими печатями привешивались и печати других властей. Город имел большую вислую печать (доклад Т. Фогтхера). Вспомним, что и в средневековом Новгороде акты скреплялись не только печатями органов местного самоуправления (посадников и др.), но и печатью архиепископа, а иногда и князя, причем наиболее ранние грамоты не имели печатей собственно городских властей.

Городские грамоты Регенсбурга по внешнему виду напоминали акты папской канцелярии – грамоты с шелковым шнуром (litterae cum filo serico). В отличие от австрийских муниципалитетов, регенсбургский совет не обладал монополией на документирование земельных сделок в городе (К.-О. Амброн). Правда, австрийских городских грамот XIII–XIV вв. сохранилось немного (П. Чендес). Лучше представлено актовое наследие городов северной Франции, Бельгии и Нидерландов.

Так, от небольшого городка Эр в Артуа (Эр-сюр-ля-Лис) дошло 100 актов XIII в., из них половина – оригиналы. В основном это акты "жалованной юрисдикции", фиксирующие продажу или сдачу имущества в аренду. Грамоты писались на латыни от лица мэра и нескольких эшевенов (4–5). Их имена фигурируют либо в интитуляции, либо в перечне свидетелей. Составлялись грамоты не на открытом рынке, а в особом помещении. Материалом для письма служил пергамен. Акт скреплялся печатью на "двойном хвосте" из пергамена[46].

Грамоты другого типа писались на народном языке и в форме хирографа[47], не скрепленного печатью, Этот тип грамот был более новым по сравнению с эрским. Он характерен для больших

---

[46] О "двойном хвосте" см.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 257–258.

[47] Хирографы – грамоты, написанные на одном листе в двух (или более) идентичных экземплярах, "вверх ногами" по отношению друг к другу. Они разделялись словом "CIROGRAPHUM". которое было выведено большими буквами и служило линией разреза, производившегося либо в форме волнистой черты, либо в виде зубцов пилы. Каждый экземпляр отдавался одной из сторон (см.: *Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M.* Diplomatique médiévale. Brepols, 1993. P. 191; Vocabulaire international de la Diplomatique / ed. M. Milagros Cárcel Orti. Valèncіa. 1994. P. 30, art. 44).

городов (например, таких как Дуэ, Валансьенн, Турне), где применение "жалованной юрисдикции" приобрело широкий размах (доклад Б. Дельмера).

В Лане в середине XIII в. группой коммунальных нотариев под руководством мэра и присяжных составлялись акты "жалованной юрисдикции". Сейчас их известно около 50. Текст этих грамот лаконичен, лишен сложных юридических формул, написан на маленьких листах пергамена на французском языке. Пергамен – посредственного качества, и письмо кажется небрежным. По сравнению с актами ведомства официалов стиль муниципальных грамот более шероховат. Вообще писец, оплачивавшийся в конце XII в. сдельно, и руководимые им нотарии не всегда могли успешно конкурировать с другими бюро письма. Уровень образования присяжных был ниже, чем у членов кафедрального капитула – блестящих дипломированных юристов, стремившихся противопоставить муниципалитету свое влияние и делавших это всегда к пользе ведомства официалов. Королевские бальи, которые тоже могли прикладывать к частным актам свою печать[48], располагали компетентным персоналом и получали помощь со стороны крупной буржуазии, держателей почетных должностей (типа "блюстителя королевской башни" или "королевского раздатчика хлеба"). Эта конкуренция и волнения в большинстве коммун после 1270 г. нанесли, вероятно, очень серьезный удар по деятельности коммунальных нотариев. Массовое же уничтожение составленных ими актов определялось преходящим (кратковременным) значением последних (доклад А. Сен-Дени).

В Севилье XIII–XV вв. городские указы – ordenanzas – касались широкого круга вопросов: о распределении налогов, взносе арендной платы и т.д. Акты городского Совета (Actas Capitulares) скреплялись прикладной печатью, а торжественные документы – вислой восковой печатью (М.Л. Пардо Родригес). В городах Астурии различались акты внутреннего управления (Actas de Cabildo) и документы по сношениям с другими органами, написанные, во-первых, в канцелярии Совета, во-вторых, публичными нотариями. Акты нотариев скреплялись печатью Совета, которая

[48] Систему "добровольной юрисдикции" ввел в 1270 г. Альфонс де Пуатье в своих сенешеальствах. Тот же порядок, предусматривающий фиксацию частных сделок в письмах бальи, скрепленных его печатью и печатью двух выборных "лучших людей" ("II preudhommes esleus"), был распространен на все королевские бальяжи Франции ордонансом Филиппа III, текст которого не сохранился, но известен в изложении Бомануара ("Coutumes de Beauvaisis"). Этот ордонанс относят к весне (предположительно до мая) 1281 г. (см.: *Bautier R.-H.* Op. cit. [T.] 1. P. 353–354).

была средством удостоверения документов, созданных вне его (М.Х. Санс Фуэнтес).

Городские писцы, составлявшие грамоты, довольно рано появились в Нидерландах: в Неймегене – с 1263 г., в Голландии и Зеландии – с 1260 г., в Утрехте – с 1330 г. В последней четверти XIII в. каждый значительный город имел своего писца. В Дордрехте в 1280–1290 гг. работало несколько писцов одновременно.

В Хертогенбосе число грамот увеличивалось на 100% в каждое десятилетие начиная с 1260 г. От XIV–XV вв. дошло около 1 тыс. оригиналов грамот. В XIII в. городская продукция состояла только из грамот преимущественно "добровольной юрисдикции". Отмеченное выше процветание городского секретариата в Хертогенбосе было связано с тем, что в этом новооснованном городе отсутствовали другие центры производства грамот типа аббатства или церковного капитула. В Утрехте или Мидделбурге, например, каноники из местных капитулов и писцы аббатства переписывали грамоты по заказу городских органов. Главной причиной, почему люди из всей прилегающей округи предпочитали записывать и удостоверять сделки в Хертогенбосе, являлось принадлежавшее ему право ингебода (ingebod), по которому на основании выданных здесь грамот кредиторы могли вызывать неисправных должников, живших вне города, в Судебную палату шерифа и требовать удовлетворения своих законных притязаний, в том числе посредством продажи с аукциона или конфискации имущества должника.

Подобно большинству актов нидерландских городов, грамоты Хертогенбоса имели печати. Лишены печатей были грамоты из "сундука" ольдермена города Арнема и записи в городах Мидделбург и Кампен. В Арнеме грамоты не выдавались получателям, а сохранялись в "сундуке" ольдермена. Этот "сундук" напоминает нам "ларь", о котором говорится в Псковской судной грамоте. В Мидделбурге и Кампене акты "добровольной юрисдикции" содержались в регистрах. Хирографы, характерные для Нивеля и Турне, здесь не были в употреблении.

На первой стадии развития делопроизводства в Хертогенбосе все грамоты снабжались городской печатью. С 70-х годов XIII в. вместо нее на ольдерменских грамотах появились личные официальные печати ольдерменов, где указывались их имена и должность, которая определялась как "scabinus in Busco (или Buscoducis)". Подобное же явление наблюдалось в Маастрихте, однако в Голландии, Зеландии, Утрехте и юго-западном Брабанте указание должности ольдерменов на печать не выносилось. В западном Брабанте некоторые ольдермены не имели в XIII–XIV вв. собственной печати и просили, чтобы печати были приложены

либо другими ольдерменами, либо местными агентами власти или представителями духовенства. Заметим, что личные печати ольдерменов сопоставимы с печатями новгородских посадников и тысяцких.

Грамоты Хертогенбоса датированы по пасхальному стилю, принятому в Брабанте, причем указывался и день недели по церковному календарю.

Что касается языка документов, то в грамотах городской администрации переход от латыни к голландскому совершился уже в первой половине XIV в., между тем как в актах "добровольной юрисдикции" писцы строго придерживались латыни до середины XVI в. Вообще в документах северного Брабанта народный язык появляется позднее, чем в Голландии и Зеландии, где он употреблялся уже во второй половине XIII в. и совершенно заменил латынь в грамотах XIV в. (Г. ван Сингель).

Относительно Монса, столицы графства Эно (на юго-западе Бельгии), известно, что городские акты составлялись здесь уже в первой половине XIII в. как в форме документов с печатью (с 1218 г.), так и в форме хирографов (с 1247 г.). К концу XIII в. принимают письменный вид так называемые полицейские баны – городские законы и распоряжения (ordonnances communales). Около 700 ордонансов XIII – начала XIV в., большей частью недатированных, сохранились в свитках и регистрах. Они должны были провозглашаться устно и поэтому не имеют удостоверительных знаков. В подлинниках дошло около 30 документов (грамоты с печатью и хирографы).

Изучавший "полицейские баны" Монса Э. Бусмар (Бельгия[49]) различает три периода в их развитии: 1) XIII – начало XIV в.; 2) XIV в.; 3) конец XIV–XV в. Баны первого периода (= первого типа) – это не имеющие выработанного формуляра приказания или запрещения, сопровождаемые санкцией. Баны второго периода (= второго типа) отличаются более устойчивым формуляром, построенным по определенной схеме; по форме они представляли собой либо грамоты с печатью (с 1315 г.), либо хирографы (с 1317 г.). Баны третьего периода (=третьего типа) начинались призывом к населению: "Oyés" ("Слушайте!"). Далее они содержали изложение мотивов постановления, диспозитивную часть, разделенную на статьи, и конечные клаузулы (санкции). В них отсутствовали корроборация и дата. В третий период сосуществовали законодательные хирографы и акты с печатью. Для составления

[49] *Bousmar E.* La diplomatique urbaine montoise dans les textes législatifs: bans de police et ordonnances (fin XIIIe–début XVIe siècle): Une mutation, des permanences. Gent, 1998.

статей диспозиции банов третьего типа продолжала использоваться форма банов первого типа.

М. Леруа проанализировала акты Брюгге XIII–XIV вв., опубликованные в "Corpus van Middelnederlande teksten". Документы, проходившие перед эшевенами, она разделила на три группы: 1) акты "добровольной" и "принудительной" юрисдикции (actes de juridiction gracieuse et contentieuse); 2) акты на установление пожизненной и наследственной ренты; 3) административные акты. Из 50 актов первой группы 44 имеют идентичную формулу подписи. Письма о наследственной ренте составлялись строго по форме. Она же использовалась для документов о пожизненной ренте, но при этом были возможны некоторые отступления от принятой модели текста. Город вмешивался в составление административных документов, в особенности "keurs" (местных законов, bylaws).

Активная деятельность эшевенов и окружавших их писцов способствовала созданию особого "брюжского стиля" (style brugeois). Вместе с тем более половины актов первой группы (30 из 50) было написано не городскими, а "независимыми" писцами, которых нельзя связать ни с определенным автором, ни с определенным получателем. Кроме общей формулы подписи актов первой группы, нет других признаков общности формуляра этих документов, вследствие чего трудно усмотреть тут наличие канцелярии.

В Брюгге находились не только городские эшевены. но также эшевены двух больших сельских сеньорий: Franc de Bruges и Sijseele. Эшевены были более близки к населению, чем другие центры документирования, и могли выдать акты быстрым и эффективным способом. В некоторых "keures" содержалось требование "проводить" акты перед местными эшевенами. Все это обеспечивало успех их деятельности.

Рассматривая эволюцию брюжских актов, автор доклада, М. Леруа, отмечает, что до конца XI в. устные показания свидетелей были достаточны для решения спорных вопросов частного права. Начиная с XII в. приобретают значение письменные свидетельства. Эшевены, бывшие ранее лишь "послухами", становятся в XII в. соучастниками составления актов. Рост значения городского акта в Брюгге обусловливался, в частности, экономическим процветанием города, находившегося в XIII в. на путях оживленной международной торговли. Как говорит докладчица, торговля требовала создания определенной администрации и, следовательно, развития письменной деятельности.

Если первоначально эшевены обращались к услугам публичных писцов, то со временем они организуют городские бюро письма (secrétariats). Некоторые писцы состояли на службе у опреде-

ленных авторов. Большинство городов и сельских сеньорий конца XIII в. были еще слишком малого размера и не имели возможности создать настоящую канцелярию. Они продолжали призывать независимых писцов (как странствующих, так и оседлых) или писцов из церковного учреждения по соседству. Таков вывод докладчицы, несколько выходящий за рамки анализа только брюжских актов.

Доклад Р. Гриффитса был посвящен изучению городской документации Уэльса, где к 1300 г. насчитывалось до 100 городов. Автор рассмотрел различные записи финансового и судебного характера, а также городские указы – *ордонансы* (ordinances). Записи составлялись литературной элитой, главным образом последней четверти XIII в., когда процветали уэльские города. В записях нашли выражение поиски финансового контроля за доходами и расходами горожан. Записи судебных дел велись местными писцами. Записывались и показания, которые жители давали королевским и сеньориальным землемерам (межевщикам). Рост земельных сделок сопровождался записью и регистрацией их в городах. В ордонансах оформлялись отношения городов с королевской властью и местными сеньорами – лордами. Форма и содержание ордонансов и печатей отражают самосознание уэльских городских коммун. О независимости и самосознании английских городов говорил также Дж. Мартин (Великобритания)[50]. В течение большей части Средних веков в официальных документах городов Уэльса преобладали латынь и французский. В менее официальных текстах использовался уэльский язык. Английский язык вошел в употребление с середины XV в.

В городах Саксонии, как показал Т. Фогтхер, городские уставы редко скреплялись печатью. В виде грамот с печатью выдавались обычно акты "добровольной юрисдикции". Акты сношений с внешним миром, например с местными сеньорами, включали в себя иногда текст присяги на верность (Huldigungen). Формуляр сводился к самым необходимым составным частям. Инвокация, аренга, санкция почти всегда отсутствуют. Свидетели упоминались в грамотах ограниченного числа городов (Фрейберг, Гримма, Цвиккау). До 1300 г. нередко встречаются грамоты, написанные книжным письмом, позднее преобладает готический курсив. Удостоверительным знаком служила большая городская печать. В середине XIV в. встречается и так называемая секретная печать. Во второй трети XIV в. в городской документации совершился переход от латинского к немецкому языку. В отличие от больших городов в маленьких городах этот процесс шел быстрее.

---

[50] *Martin G.* The diplomatic of English borough custumals. Gent, 1998.

В австрийских документах, по наблюдениям П. Чендеса, латынь сменилась немецким языком начиная с 80-х годов XIII в., и тогда же формуляр городских актов приобрел значительную устойчивость. В документации Регенсбурга первой половины и середины XIII в. полностью господствовала латынь, но уже в 1259 г. впервые была изготовлена грамота на немецком языке, за которой последовали и другие немецкоязычные акты (К.-О. Амброн).

Интересный анализ миланского документа 1053 г. дал Дж. Фиссоре. Этот акт зафиксировал установление в Милане нового праздника, посвященного культу св. Креста, поддерживаемому патарским движением в северной Италии. Первая часть акта составлена в виде диплома с наррацией и аренгой, выражающей принципы религиозности и морали. Вторая часть документа написана в форме нотариального акта (charta notariale), где помещены подписи представителей духовенства, судей и консульских семей. В эсхатоколе точно указаны место и время создания документа. В корроборации отмечены писцы. Приведена и традиционная формула завершения текста – completio notariale. После подписи нотария неожиданно идет подпись епископа Гвидо, который не фигурировал в предшествующем тексте и появился здесь в противоречии со своей функцией. Автор видит в этом проявление компромиссной политики коммуны.

Феодальный формуляр имел договор 1170 г. между епископом и коммуной Турина: некоторым членам коммуны епископ предоставлял замок (castrum) в обмен на оммаж и вассальную службу (ср. немецкие Huldigungen).

Очень важным является замечание Дж. Фиссоре о том, что итальянские городские институты были озабочены проблемой составления копий, играющих роль оригинала. В этом размножении оригиналов и копий для раздачи заинтересованным сторонам и сохранения в учреждении нашло выражение типично коммунальное развитие "бюрократии" (термин автора доклада).

П. Херде, занимавшийся изучением флорентийских документов более позднего времени (XV в.), обратил особое внимание на смену типов письма в них (документальное готическое письмо, минускульное гуманистическое письмо, книжное гуманистическое письмо и т.п.).

Подробную схему взаимоотношений между городом и королевским двором в Чехии середины – второй половины XIV в. дал И. Главачек (Чехия)[51]. Различным типам отношений соответство-

[51] *Hlaváček I.* Die Kommunikation der Reichsstädte und der böhmisch-königlichen Städte mit der Zentralgewalt unter Karl IV und besonders unter Wenzel IV. Gent, 1998.

вали различные типы документов. Автор подчеркнул посредническую роль влиятельных городов в установлении связей менее значительных городских центров с королевским двором.

Л. Сулиткова изучила около 1 тыс. грамот, писем и других "отдельных документов" (Einzelstücken) архива Брно за XVI – начало XVII в. Внимание автора было сосредоточено на черновиках, неотправленных беловиках актов и канцелярских пометах на оборотах имеющихся оригиналов. Автор исследовала в первую очередь палеографические особенности документов для установления принадлежности их определенным писцам. Вопросы классификации, истории формуляра и содержания грамот в ее докладе не затрагивались.

В отдельных докладах авторы касались проблемы влияния той или иной канцелярии или традиции на складывающийся формуляр городских актов. Так, согласно Т. Фогтхеру, формуляр некоторых разновидностей грамот саксонских городов испытал влияние веттинской канцелярии[52], роль же монастырей в выдаче городских грамот кажется автору преувеличенной в литературе. Напротив, К.-О. Амброн отмечает сходство актов Регенсбурга с формуляром грамот монастыря св. Эмерама и делает отсюда вывод, что городские документы происходят не из епископской канцелярии.

Б.-М. Ток (Франция)[53], изучавшей документацию северофранцузских городов Компьеня, Амьена и других, говорит о влиянии церковного формуляра в тех случаях, когда город зависел от церкви в изготовлении своих актов.

М. Парис указал, что в Меце в 1197 г. была введена кёльнская практика регистрации контрактов о недвижимости в форме de l'amandellerie. П. Херде наметил линии сравнения флорентийской республиканской канцелярии с имперской и папской канцеляриями.

Д. Дьёрфи (Венгрия)[54] рассмотрел городскую дипломатику Восточной Европы в широкой ретроспективе. По его мнению, с XII в. в городском праве Чехии и Польши наблюдается восточнонемецкое влияние, в то время как Венгрия находилась с середины XII в. под влиянием итало-далматинского городского права. Это проявилось в литературном языке венгерских городских грамот и книг.

Вопрос о городских книгах (регистрах) поднимался во многих докладах конгресса. Так, Дж. Мартин изучал сборники местных

---

[52] *Веттины* – саксонский княжеский род.

[53] *Tock B.-M.* La diplomatique urbaine au XIIe s., dans le nord de la France. Gent, 1998.

[54] *Györffy G.* Zum Kongress der CID in Gent am 27 Aug. 1998. Gent, 1998.

правовых норм и финансовые книги английских городов. В городских книгах он отметил компактные массовые записи одной рукой, свидетельствующие о наличии постоянного писца. Э. Эванс (Канада)[55] проанализировала содержание протокольных нотариальных книг шотландских городов. Она констатировала наличие в них записей земельных сделок в городе, брачных контрактов, завещаний, торговых соглашений, генеалогических справок и спорных дел. Регистры и записи, ведшиеся в городах Португалии и Наварры XIII–XV вв., рассматривались в общем докладе португальских историков Ж. Маркеша, Марии Элены да Крус Коельо и А. Карвальо Омема[56]. Авторы демонстрировали образцы документов, в том числе с подписями еврейских купцов, снимки с печатей. Книга муниципального совета г. Порто носила название Livro das vereações.

В городах Саксонии городские книги появляются в первой трети XIV в. (Т. Фогтхер). В XIV в. начинают вестись городские книги разного характера и в Австрии: например, земельные и другие – по видам сделок (Verfachbücher), а также копийные и бухгалтерские книги (П. Чендес).

В городах Италии при составлении новых регистров использовались протоколы покойных нотариев (Дж. Фиссоре). Специально типологии городских книг коммунальной Италии (главным образом XV в.) был посвящен доклад А. Ровере (Италия)[57], которая различает два типа регистров. В книгах первого типа собран материал, дающий общую картину развития коммуны. В книгах второго типа главное внимание уделяется актам, отражающим внутреннюю жизнь коммуны, ее устройство, принадлежность ей определенной территории, иногда – взаимоотношения с другими коммунами. Среди книг второго типа встречаются сборники уставных документов коммуны как юридического лица. Здесь на первом месте – императорские дипломы или папские документы, затем идут документы о связях с другими коммунами, зависимыми территориями, акты внутренней политики коммуны. П. Херде отмечает наличие административных документов и регистров во флорентийской канцелярии XV–XVI вв.

О городских книгах XV в. в Венгрии упомянул в своем докладе Д. Дьёрфи. К. Скупеньский рассматривал судебные регистры польских городов XVI–XVIII вв. как главный инструмент

---

[55] *Ewans E.* The diplomatics of Scottish cities in the late Middle Ages. Gent, 1998.

[56] *Marques J., Da Cruz Coelho M.H., Carvalho Homem A.* A diplomática municipal portuguesa nos séculos XIe–XVe. Gent, 1998.

[57] *Rovere A.* Tipologia documentale nei *Libri iurium* dell'Italia comunale. Gent, 1998.

общественного доверия, поскольку они служили средством разоблачения злоупотреблений. Городские судебные регистры он сопоставлял с церковными и дворянскими регистрами. Решающим фактором развития практики ведения судебных регистров в городе была, по мнению автора, западная тенденция использовать письменность в городской юрисдикции. Вмешательство церкви только ускорило воплощение этой тенденции в Польше. Вместе с тем докладчик признает, что внедрением судебных регистров тормозилось развитие публичного нотариата.

По словам Я. Тандецкого, в польских и больших прусских городах регистр стал лишь с конца XIV в. основополагающей формой канцелярской продукции, и только тогда он отодвинул грамоты на задний план. Между тем в польской историографии городским книгам традиционно уделялось больше внимания, чем городским грамотам. Эту ситуацию до некоторой степени переломило появление в 1977 г. монографии М. Трояновской о люблинских грамотах.

В крупных венгерских городах Словакии делопроизводство зародилось во второй половине XIII в. Здесь имелись нотарии и городской писец. Сначала появились грамоты, затем городские хозяйственные книги, в том числе приходно-расходные. Записей неденежного характера было меньше. Ведение книг являлось функцией городской канцелярии (доклад Ю. Рогача, Словакия)[58].

Л. Сулиткова, помимо грамот, подвергла дипломатическому и палеографическому анализу 407 городских книг брненского архива XVI – начала XVII в., на основании чего и сделала свои интересные выводы о механизме деятельности и штатах городской канцелярии столицы южной Моравии.

По наблюдениям Г. ван Сингель, в Хертогенбосе в северном Брабанте отчеты, записи судебных постановлений, сделок по "добровольной юрисдикции", а также картулярии, гражданские регистры получают распространение только во второй половине XIV–XV в.

Следует еще сказать и о применении в городском делопроизводстве такой формы организации материала, как свитки. В Меце сделки, касающиеся недвижимости, регистрировались каждый год в трех мэриях города на свитках («sur des "rouleaux de bans"»). Эти пергаменные свитки достигали 30 м в длину (М. Парис). Документальные свитки существовали в Хертогенбосе в Брабанте (Т. Ван Сингель) и в Монсе в Эно (Э. Бусмар).

---

[58] *Roháč J.* Les commencements des livres d'administration dans les villes en Slovaquie (Haute-Hongrie). XIIIe–XIVe siècle. Gent, 1998.

Методика работы авторов докладов по изучению истории городских канцелярий заслуживает особого внимания. Г. ван Сингель и Л. Сулиткова прямо говорят о палеографических приемах, с помощью которых только и можно идентифицировать писцов. Палеографический анализ служил для них путеводной нитью при реконструкции деятельности городских писцов и истории зарождения городских канцелярий. Так, Л. Сулиткова установила существование 314 почерков в документах Брно за период с 1520 по 1619 г. Из них $^{1}/_{10}$ принадлежит так называемым официальным делопроизводителям: 11 городским писцам, 3 подьячим, 5 канцеляристам и 12 писцам городского суда. Остальные 86 почерков идентифицированы частично. Примерно $^{1}/_{4}$ этого числа (21) связывается с конкретными лицами, среди которых 17 советников.

На конгрессе прозвучали и чисто методические доклады. Проблеме применения компьютеров были посвящены доклад Инго и Сусанны Кропац (Австрия), избравших в качестве материала данные по Регенсбургу[59], и доклад Ф. Демонти (Бельгия), поставившего вопросы транскрипции, перевода и фотографического воспроизведения документальных текстов с разной степенью увеличения, компьютерного поиска информации о лицах и др.[60]

Методический по преимуществу характер носил и доклад американской исследовательницы Б. Бедо-Резак о роли печатей в городской дипломатике средневековой Франции[61].

Доклад автора настоящей работы касался грамот Новгорода и Пскова периода их независимости[62]. Эти документы не являются актами муниципального самоуправления. Они представляют собой акты внешней и внутренней политики города-государства. Следовательно, объект нашего исследования по природе своей существенно отличался от тех источников, которые анализировались в большинстве других докладов конгресса. Теоретически этот объект можно сблизить лишь с документами Флоренции, также города-государства, канцелярская деятельность которого рассматривалась в докладе П. Херде. Однако будет ли правомерным такое сближение, еще следует выяснить.

Первую группу новгородских публично-правовых актов составляют договоры с князьями. Их известно 27. В оригинале

---

[59] *Kropac I. und S.* Prolegomena zu einer städtischen Diplomatik des Spätmittelalters: das Beispiel Regensburg. Gent, 1998.

[60] *Demonty Ph.* Le *Thesaurus diplomaticus,* un instrument de travail pour une nouvelle approche en diplomatique médiévale. Gent, 1998.

[61] *Bedos-Rezak B.* L'enjeu des sceaux dans la diplomatique urbaine en France. Gent, 1998.

[62] *Kachtanov S.* Les actes des villes de la Russie du Nord-Ouest du XIIIe au début du XVIe siècle. Gent, 1998.

дошло 18 грамот. К древнейшей редакции принадлежат 9 грамот 60-х годов XIII – 20-х годов XIV в. В XIII–XIV вв. новгородские договорные грамоты с князьями писались на пергамене. С новгородской стороны в составлении договоров участвовали носители высшей церковной и светской власти, причем церковная власть в лице архиепископа играла тут первенствующую роль. В Западной Европе становление городской дипломатики связано как раз с освобождением от епископской власти, чего мы в Новгороде не видим. Правда, в некоторых новгородских договорах с князьями архиепископ не упоминается. Так, грамота 1371 г. начинается с формулы "Поклонъ от посадника". Можно отметить еще два подобных случая. Один из них относится все к тем же 70-м годам XIV в., другой – к 1461 г.

В XV в. роль новгородского архиепископа в составлении договоров с князьями вообще несколько меняется. Вместо "Благословление от владыки..." в грамотах 1435, 1456 и 1471 гг. говорится: "По благословению владыки". Этот новый оборот может как будто свидетельствовать о том, что архиепископ уже не глава новгородского правительства, а его главный советник, освящающий своим пастырским авторитетом действия светских властей.

Прямая зависимость Новгорода от московских князей в XV в. прослеживается по некоторым формулам, особенно по начальному протоколу одной из грамот 1471 г., где сказано: "Се добилъ челом великому князю... наречены на архиепископство Великого Новагорода и Пскова священноинокъ Феофилъ и посадники новгородские..."[63].

Бросается в глаза слабое развитие заключительных компонентов условного формуляра в тексте новгородско-княжеских договоров. Санкция (в виде poena spiritualis – угрозы наказания от Бога и св. Богородицы) встречается здесь всего один раз (грамота 1375 г.[64]). Корроборацию находим лишь в грамоте 1456 г. об уплате посланниками Новгорода 1100 руб. казначею великого князя: "А запечатали есмя сю грамоту печатию посадничею степенного Ивана Лукинича и тысяцкого степенного печатию Михаиловою Андреевича"[65]. Конечный протокол отсутствует повсеместно, кроме новгородско-московских грамот 1471 г., однако в них указывается только время, но не место заключения договора.

Грамоты не подписывались. Они скреплялись печатями. Сохранившиеся печати – вислые свинцовые буллы. Самые ранние договоры скреплены со стороны Новгорода печатью архиепископа;

---

[63] ГВНП. № 25. С. 44.
[64] Там же. № 18. С. 34.
[65] Там же. № 24. С. 44.

с 1371 г. встречаются грамоты, скрепленные печатями посадника и тысяцкого. В XV в. для скрепления договоров с князьями употребляли также специальную городскую печать. Так, на грамоте Новгорода тверскому великому князю Борису Александровичу 1446–1447 гг. две городские печати: 1) "Печать Новг[о]родцкая" (на обороте ее изображен барс с поднятым хвостом); 2) "Печать Великого Новагорода" (на обороте – фигура зверя, схожего с барсом)[66].

Вторая группа новгородских публично-правовых актов – договоры с иностранными государствами и купеческими корпорациями. Их известно более 50. Из них 21 сохранились в форме пергаменных оригиналов. Ряд грамот представлен оригиналами или переводами на немецкий и – реже – латинский языки. В конце XII–XIII вв. новгородские внешнеполитические акты писались от имени князя[67]. Первенствующая роль князя в заключении договоров Новгорода с иностранцами наблюдается иногда и в XV в. (грамоты 1420–1421, 1448, 1474 гг.)[68]. Собственно новгородские представители светской власти (посадник, тысяцкий) упоминаются в этих актах либо как советники князя, "сгадав" с которыми он составляет договор[69], либо как его соавторы[70].

С начала XIV в. прослеживается участие архиепископа в заключении новгородских внешнеполитических актов. В грамоту 1302 г. после упоминания князя и до упоминания посадника вставляется формула: "от владыкы благословение"[71]. Грамота 1303–1307 гг. в Ригу – первый внешнеполитический акт Новгорода, составленный не от имени князя, а от имени только новгородских властей. Начальный протокол грамоты построен по формуляру новгородско-княжеских договоров: "Благословление от владыкы Феклиста, и от посадника, и от тысяцького, и от всего Новагорода"[72]. Таким образом, первенство князя сменилось первенством архиепископа, что опять-таки свидетельствует о неразвитости собственно городского самоуправления. Система управления типа архиепископ–посадник–тысяцкий выступает также из договоров 1323 и 1326 гг.[73]

В грамоте января 1342 г. после владыки указан наместник великого князя, затем тысяцкий (посадник отсутствует)[74]. Институт

---

[66] Там же. № 20. С. 36.

[67] Там же. № 28, 29, 31, 32, 34, 38.

[68] Там же. № 59, 60, 72, 73, 78.

[69] Там же. № 28, 31.

[70] Там же. № 29, 32 (подложная), 34, 38, 59.

[71] Там же. № 35.

[72] Там же. № 36.

[73] Там же. № 37, 39.

[74] Там же. № 41. В 1338–1389 гг. – два наместника, посадник и тысяцкий (см.: АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 272).

великокняжеского наместничества в Новгороде обладал, видимо, известной устойчивостью в середине XIV в. Архиепископ, наместник великого князя, посадник и тысяцкий фигурируют в двух грамотах 1371–1372 гг.[75] В одной грамоте 1373 г. из этой системы выпадает владыка[76], зато другая грамота, близкая к первой по времени, не упоминает великокняжеского наместника, возвращаясь к триаде архиепископ–посадник–тысяцкий[77]. Та же триада наблюдается в грамотах 1405, 1410–1411, 1436, 1440–1447, 1441, 1470–1471 гг.[78] Некоторые послания за рубеж были составлены от имени только архиепископа (1411, 1417, 1418–1421, 1435 гг.)[79].

В грамоте 1448 г. вместо формулы "Благословление от владыки" употреблено выражение "По благословению архиепископа... владыки..."[80]. Оно, как мы уж отмечали при характеристике эволюции формуляра новгородско-княжеских докончаний, могло свидетельствовать о совещательной роли главы новгородской церкви. В начале XV в. и позже появляются грамоты, написанные от лица одних лишь светских властей Новгорода – посадника, тысяцкого и др. (1413–1433, 1439, 1452 гг.)[81]. Еще в грамоте 1409 г. (немецкий текст) говорилось, что послы приехали в Новгород "к посаднику... и к тысяцкому... к старостам купеческим"[82]. Аналогичная информация содержится в грамотах 1423 и 1448 гг.[83] Правда, в грамотах 1450 и 1466 гг. упоминанию посадника предшествует указание имени владыки[84].

Следовательно, наметившаяся в XV в. тенденция освобождения новгородского самоуправления от верховенства церкви пробивала себе дорогу с трудом. С этой тенденцией, возможно, связано включение в текст договора указания о составлении его "на вече на Ярославовом дворе". Такое указание мы находим в грамоте 1439 г., написанной от лица посадника, тысяцкого и "всего господина Великого Новгорода"[85].

Некоторые, но далеко не все новгородско-иностранные договоры имеют санкцию, корроборацию и конечный протокол. Последний содержится в большинстве случаев в актах, где применяется

---

[75] Там же. № 42, 43.
[76] Там же. № 44.
[77] Там же. № 45.
[78] Там же. № 48, 50, 66. 70, 71, 77.
[79] Там же. № 52, 54, 57, 65.
[80] Там же. № 73.
[81] Там же. № 53, 55, 56, 58, 68, 69, 75; АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 337–338.
[82] ГВНП. № 49.
[83] Там же. № 62, 67.
[84] Там же. № 74, 76. С. 24, 127.
[85] Там же. № 68. С. 113.

западная система летосчисления. Наиболее ранний пример – договор с Ливонским орденом 1323 г.[86] В Ореховецком договоре со Швецией 1323 г. дата дана по русской системе, но без указания года: "В пятьницу за три дни передь Успениемъ святыя Богородиця"[87].

Русские экземпляры договоров скреплялись свинцовыми, а в XV в. и восковыми печатями, экземпляры другой стороны – восковыми вислыми печатями послов. Наиболее ранний документ, скрепленный печатями архиепископа, князя и "всего Новагорода" – договорная грамота 1262–1263 гг. с Готским берегом (о. Готланд)[88]. На договорной грамоте 1301 г. с Любеком и Готским берегом – печати князя, посадника и тысяцкого[89]. На грамоте Риге 1303–1307 гг. – печати архиепископа, посадника и тысяцкого[90].

Грамота 1373 г., составленная от лица великокняжеского наместника, посадника и тысяцкого, имеет печати только двух последних[91]. Другая грамота 1373 г., называющая в начальном протоколе архиепископа, посадника и тысяцкого, характеризуется тем же составом печатей, т.е. печать владыки при ней отсутствует[92]. Нет ее и на грамоте 1410–1411 гг., которая начинается формулой "Благословенье от архиепископа...": здесь две черновосковые печати – посадника и тысяцкого[93]. Таким образом, в последней трети XIV – начале XV в. намечается как будто ограничение права архиепископа скреплять своей печатью международные договоры Новгорода. Приоритет в этой области отдается печатям светских городских властей: посадника и тысяцкого. Правда, личные послания архиепископа скреплялись его печатью[94].

К грамоте 1417 г., написанной от лица посадника, тысяцкого и "всего Великого Новагорода", были привешены две свинцовые общегородские печати: "Печать Великого Новагорода" и "Печать Новгорочкая"[95]. Другую грамоту того же времени с аналогичным начальным протоколом скрепила свинцовая "Новгорочкая печать"[96]. Две восковые новгородские печати с этой надписью были привешены к грамоте Новгорода Риге 1418–1421 гг.[97]

---

[86] Там же. № 37. С. 67.
[87] Там же. № 38. С. 68.
[88] Там же. № 29.
[89] Там же. № 34.
[90] Там же. № 36.
[91] Там же. № 44.
[92] Там же. № 45.
[93] Там же. № 50.
[94] Там же. № 57 (1418–1421 гг.).
[95] Там же. № 53.
[96] Там же. № 56.
[97] Там же. № 58.

Тенденция заменять именные печати должностных лиц общегородскими (= общегосударственными) печатями была, возможно, прервана в 1421 г., когда в Новгороде сидел князь Константин Дмитриевич. На договоре 1421 г. с Ливонским орденом – шесть вислых восковых печатей: княжеского наместника, двух посадников и трех послов без титула[98]. Возрождение роли архиепископа можно заметить в договоре 1440–1447 гг. с Казимиром, где имеются две свинцовые печати: посадника и владыки (в тексте договора владыка назван первым среди русских контрагентов литовского князя)[99]. Восковыми печатями архиепископа, посадника и тысяцкого была скреплена грамота Новгорода Колывани 1441 г.[100] На договоре Новгорода с Ливонским орденом 1448 г. – печать архиепископа и две новгородские общегородские (= государственные) печати[101].

Широкое распространение общегородских печатей в 1417–1448 гг. говорит о ярко выраженной тенденции развития городского самоуправления и, возможно, зарождении городской канцелярии или, по крайней мере, создании предпосылок для ее возникновения.

Третья группа новгородских публично-правовых актов – грамоты внутреннего управления делами Новгорода и Новгородской земли. До XV в. эти вопросы решались в княжеских грамотах. Первый собственно новгородский административный акт – грамота о сиротах (крестьянах) Терпилова погоста, датированная издателями ГВНП 1411 гг.[102], а В.Л. Яниным – 1422–1423 гг.[103] Всего актов управления, выданных в XV в. новгородскими властями, насчитывается 13, но четыре из них представляют собой грамоты архиепископа, составленные без участия светской администрации[104]. Правда, в трех архиепископских грамотах затрагиваются полномочия светских властей Новгорода: их агентам запрещалось вызывать в суд монастырских людей, юрисдикция над которыми оказывалась целиком в руках владыки[105]. Одна владычная грамота оформляет земельное пожалование монастырю[106]. Жалованные грамоты архиепископов 50–70-х годов XV в., ограничивающие

---

[98] Там же. № 60.

[99] Там же. № 70.

[100] Там же. № 71.

[101] Там же. № 72.

[102] Там же. № 89.

[103] *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 304–306. № 324.

[104] ГВНП. № 94, 97, 99, 100.

[105] Там же. № 94, 97, 100.

[106] Там же. № 99.

полномочия светских властей, свидетельствуют о возрождении в это время церковного верховенства в делах Новгорода, которое наблюдалось нами и по международным договорам.

Из 13 актов внутреннего управления 6 сохранились в виде подлинников на пергамене. Основная часть документов рассматриваемой группы представлена актами пожалования определенных прав и привилегий. Таковыми являются все архиепископские грамоты, а также жалованные грамоты Новгорода Палеостровскому, Саввино-Вишерскому, Соловецкому, Троице-Сергиеву монастырям, сиротам Терпилова погоста. Имеются один судебный акт (правая грамота)[107], одна откупная грамота на суд в Обонежье[108], грамота о сложении крестного целования Новгороду[109]. Грамоты вызова в суд – "позовницы", или "позовные", упоминаемые в Новгородской и Псковской судных грамотах XV в., а также в архиепископских жалованных грамотах, до нас не дошли.

Жалованные грамоты выдавались от лица посадника, тысяцкого и различных социальных групп населения Новгорода, часто "на вече на Ярославле дворе"[110]. Архиепископ не выступает обычно в качестве одного из юридических авторов светского документа, хотя он указан на первом месте в грамоте Соловецкому монастырю[111]. В грамотах Троице-Сергиеву, Соловецкому монастырям и Двинской земле отмечено наличие владычного благословения: "По благословлению господина преосвященнаго архиепископа богоспасаема Великаго Новагорода владыкы..."

Посадник, тысяцкий и другие жалователи фигурируют в начале документа иногда в именительном[112], иногда в дательном падеже[113]. Своеобразная интитуляция в дательном падеже, известная нам также по некоторым сербским актам XIV в.[114], как будто отражает челобитье заинтересованных лиц. В правой грамоте и в грамоте Двинской земле о сложении присяги Новгороду авторы документа указаны в родительном падеже с предлогом "от"[115].

В жалованных актах Новгорода нередко встречается санкция. В одном случае это угроза небесного наказания (грамота Славен-

---

[107] Там же. № 92.
[108] Там же. № 93.
[109] Там же. № 98.
[110] Там же. № 89, 95, 96, 101.
[111] Там же. № 96.
[112] Там же. № 90, 91, 95, 101.
[113] Там же. № 89, 96.
[114] *Славева Л., Мошин В.* Српски грамоти од Душаново време. Прилеп, 1988. С. 102, 189, 201, № 36, 65, 71.
[115] ГВНП. № 92, 98.

ского конца Саввино-Вишерскому монастырю)[116], в других – установление денежного штрафа в размере 100 или 50 руб. в пользу Новгорода. Между прочим, впервые в этом регионе денежный штраф за нарушение документа был зафиксирован в псковском частном акте последней трети XIV в. – рядной Тешаты и Якима[117]. Штраф равнялся 100 гривнам серебра – сумме, по-видимому, совпадающей с максимальным размером штрафа в новгородских актах.

Интересно, что сторублевый штраф предусматривался для нарушителей грамот, пожалованных местным, новгородским землевладельцам – обладателям Терпилова погоста, и Соловецкому монастырю[118], в то время как за нарушение проезжих грамот подмосковному Троице-Сергиеву монастырю сумма штрафа была вдвое меньше[119].

В новгородские жалованные грамоты включалась и корроборация – свидетельство о скреплении документа печатями. Ее находим в грамоте Соловецкому монастырю и во второй грамоте Троице-Сергиеву монастырю[120].

Конечный протокол в большинстве новгородских административных грамот отсутствует. В откупной грамоте 1434 г. дата дана описательно: "А купиле тогды, коли быль князь велики Василеи Васильевичь в Великомъ Новегороде, ино после того с того лета с того Петрова дни"[121]. Прямая дата указана только во второй жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю: "698[5]" (последняя цифра отсутствует из-за повреждения текста, восстанавливается по списку[122]).

Жалованные грамоты скреплялись вислыми свинцовыми печатями архиепископа, посадника, тысяцкого и новгородских концов – Неревского, Антоновского, Словенского, Людина, Загородского. В публикациях засвидетельствовано наличие этих восьми печатей на первой грамоте Троице-Сергиеву монастырю (две из них ныне отсутствуют) и на грамоте Соловецкому монастырю[123]. На второй грамоте Троице-Сергиеву монастырю сохранилось только восемь отверстий и обрывки шнурков, которыми печати были прикреплены к пергамену[124]. На грамоте Палеостровскому

---

[116] Там же. № 91.
[117] Там же. № 331.
[118] Там же. № 89, 96.
[119] Там же. № 95, 101.
[120] Там же. № 96, 101.
[121] Там же. № 93. С. 149.
[122] Там же. № 101. Ср.: АСЭИ. Т. I. № 453. С. 340; *Янин В.Л.* Указ. соч. С. 344. № 345.
[123] ГВНП. № 95, 96. Ср.: АСЭИ. Т. I. № 220.
[124] ГВНП. № 101; АСЭИ. Т. I. № 453.

монастырю имеется лишь печать архиепископа (не именная). Юридическими авторами этой грамоты являлись светские лица, в том числе посадник и тысяцкий, но грамота начиналась с преамбулы-богословия, наличие которого выдает участие архиепископа в выдаче документа: "Милостью божиею и пречистеи его матери святей Богородице"[125].

Одна дошедшая в оригинале грамота архиепископа Феофила скреплена владычной печатью[126] – такой же, какая имеется на грамоте Палеостровскому монастырю, хотя их и разделяет значительный промежуток времени: печать не именная. Правая грамота первой четверти XV в. (по В.Л. Янину, до 1418 г.), составлявшаяся без участия архиепископа, несет на себе вислые свинцовые печати двух посадников – юридических авторов документа[127].

Акты внутреннего управления Новгорода, как и акты двух первых групп, не имеют подписей. Только в списке с одной грамоты архиепископа Феофила 1471–1482 гг. в конце текста читаем: "Се азъ преосвященныи архиепископ Великаго Новаграда и Пскова владыка Феофилъ"[128]. Возможно, в оригинале эта фраза представляла собой подпись иерарха. Ведь на документах Северо-Восточной Руси, сохранившихся в подлиннике, подпись митрополита встречается неоднократно.

В новгородских актах мы не находим никаких упоминаний о писцах актов. Это ограничивает возможность предполагать, что в Новгороде могла сложиться городская канцелярия как определенное учреждение. Собственно городской juridiction gracieuse в Новгороде не было, но скрепление частных актов печатью владычных тиунов позволяет сопоставить новгородскую практику с юрисдикцией епископских официалов на Западе.

Среди псковских публично-правовых документов различаются: 1) внешнеполитические договоры; 2) послания; 3) жалованные грамоты; 4) правые грамоты; 5) купчая князя Скиргайла у Пскова на землю. Известны договоры Пскова с Ливонским орденом 1417, 1503 и 1509 гг., с литовским великим князем Казимиром 1440 г.[129]; послания, направленные в Ригу (начало XIV в., 1463–1465 гг.)[130], Ивану III (1477 г.)[131], Казимиру (1480 г.)[132]; жалованная грамота

---

[125] ГВНП. № 90.

[126] Там же. № 99.

[127] Там же. № 92.

[128] Там же. № 100.

[129] Там же. № 334, 335, 347.

[130] Там же. № 332, 336; ср. послания в Колывань 1418–1419 гг. (ИА. 1956. № 1. С. 234).

[131] ГВНП. № 338.

[132] Там же. № 339.

Якову Голутвиничу 1308–1312 гг.[133]; правая грамота рожичанам на спорный мох (без уверенной датировки)[134] и правая грамота Снетогорскому монастырю 1483 г.[135]

В подлиннике дошли только грамоты Пскова Риге. В них речь ведется от лица псковского посадника и всех сотских в начале XIV в. и от лица псковского князя, посадника степенного и всех посадников псковских в 1463–1465 гг. Ивану III в 1477 г. писали псковские посадники, но к Казимиру в 1480 г. обращался уже князь псковский с посадниками, причем вопрос об отправке послов решался "на вечи". Грамота в Колывань была послана в 1418–1419 гг. от имени князя, посадских и сотских.

Договор с Ливонией составлялся в 1417 г. от лица псковского посадника и всего Пскова, в 1503 г. договор заключался по указу Ивана III, а представителями Пскова являлись великокняжеский наместник – князь псковский, степенные посадники и старые посадники. Переговоры с Казимиром в 1440 г. вел "сынъ посадничъ". Автор жалованной грамоты 1308–1312 гг. четко не обозначен. В начале документа употреблено безличное выражение "се жалуеса", однако в конце текста говорится: "То воля господина Великого Пскова у святой Троицы на вече". Впрочем, степень подлинности рассматриваемого акта неясна. Есть в нем выражения, которые более характерны для XV в., чем для XIV в. Купчая князя Скиргайла 70–80-х годов XIV в. начинается словами: "От посадника Юрья и от соцких и от всех плесковицъ"[136].

Правая грамота 1483 г. называет на первом месте "господина псковского" – князя Ярослава Васильевича, а затем посадников степенных и сотских. Суд происходил, видимо, в княжеской резиденции – "на сенехъ". Правая грамота на спорный мох, датировка которой неясна, начинается оборотом: "От великого князя Александра и от посадника Твердила". Грамоту относили и к XIII, и к XIV, и к XV вв. Не исключено, что текст ее, особенно начальный протокол, дошел с искажениями. Интересен заголовок списка XVI в. с этой грамоты: "Списокъ с указнои харатеинои грамоте (*зачеркнуто:* великого) князя Александра (*зачеркнуто:* Васильевича Оболенского) и посадниковъ псковскихъ и Рожитцкого исаду"[137].

---

[133] Там же. № 333.

[134] Там же. № 348.

[135] Там же. № 340.

[136] *Марасинова Л.М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966. С. 46. № 1.

[137] ГВНП. С. 337. № 348.

Возможно, под Александром надо подразумевать не великого князя, а псковского князя Александра Васильевича Чарторыйского (1456–1460) или князя Александра Владимировича Ростовского (1496–1501). Князь и посадник начинают действовать в псковских актах совместно не раньше XV в. С 60-х годов XV в. псковское городское самоуправление осуществляется под эгидой великокняжеского наместника, выступающего в роли псковского князя.

В Пскове, по-видимому, не было должности тысяцкого. В псковских актах тысяцкие не фигурируют.

Санкция в псковских публично-правовых актах не встречается. Корроборация (свидетельство о приложении печати немецкими послами) читается в договоре с Ливонией 1503 г.[138] Интересной особенностью жалованной грамоты 1308–1312 гг. является наличие конечной статьи о послухах, среди которых первое место занимает посадник: "Послухи сему Борис посадник, да Петр збиручей, да Иван збиручей"[139].

Конечный протокол присутствует в договорах Пскова с Ливонией и Казимиром (всюду указаны место и время заключения соглашений), а также в правой грамоте 1483 г. (указана только дата). Нет эсхатокола в псковских посланиях, жалованной грамоте и правой грамоте на спорный мох.

О печатях изучаемых актов сведений мало. Послание Пскова Риге начала XIV в. имеет печать с изображением Богородицы "Знамение". Утверждение издателей ГВНП о близости этой печати по типу к печати князя Довмонта[140] представляется сомнительным. Изображение Богородицы "Знамение" на печати послания говорит о принадлежности ее не князю, а владычному наместнику. На печати Довмонта был изображен св. Тимофей[141]. В псковском послании Риге Довмонт не упоминается.

В Пскове уже при Довмонте (в последней трети XIII в.) был княжеский писец. Он указан, хотя и не назван по имени, в конце текста древнейшего псковского частного акта – рядной Тешаты и Якима[142]. Вновь княжеский писец, на сей раз уже с именем, появляется в правой грамоте 1483 г., последняя фраза которой гласит: "А грамоту правую писалъ княжь Ярославъ Васильевича диякъ Ивашко Микитинъ в лете 6991 месяца июня в 11 день"[143].

---

[138] Там же. С. 337. № 347.
[139] Там же. № 331.
[140] Там же. С. 317. № 332.
[141] Там же. № 331.
[142] Там же.
[143] Там же. С. 328. № 340.

Княжеские писцы в какой-то мере обслуживали городское делопроизводство. Сведений о существовании в Пскове собственно городских писцов у нас нет. Признаком наличия "добровольной юрисдикции", но не городской, а княжеской, может служить написание частных актов княжеским писцом и скрепление их княжеской печатью. Пример такого рода дает все та же рядная Тешаты и Якима, к которой была привешена печать князя Довмонта-Тимофея. В XIV–XV вв. частные акты скреплялись печатями городских властей Пскова. Косвенным проявлением "добровольной юрисдикции" города в отношении частных лиц было также существование в Пскове общественного ларя, в котором хранились документы, в том числе и частные акты. Этот знаменитый ларь упоминается в Псковской судной грамоте XV в.

Муниципального делопроизводства в городах Северо-Восточной Руси, по-видимому, вообще не было. Едва ли можно считать формой "городской дипломатики" делопроизводство воеводских изб XVII в. Русский "нотариат" в лице площадных подьячих появился в XVI в., но только создание при Петре I городских ратуш и магистратов открыло путь к муниципальному делопроизводству городов в России[144].

---

[144] Через два года после окончания IX Международного конгресса по дипломатике большинство его докладов было опубликовано в сборнике: La diplomatique urbaine en Europe an moyen âge: Actes du congrès de la Comission international de Diplomatique, Gand, 25–29 août 1998 / publ. par W. Prevenier et Th. de Hemptinne. Louvin; Apeldoom, 2000. (Studies in Urban Social, Economic and Political History of the Medieval and Early Modern Low Countries / M. Boone, general editor (series founded by W. Prevenier); N 9).

II

О "ЖАЛОВАННОЙ ЮРИСДИКЦИИ" КАК ФОРМЕ КАНЦЕЛЯРСКОЙ ПРАКТИКИ

Термином "жалованная юрисдикция" мы переводим принятое во французской историографии понятие "juridiction gracieuse", которым определяются процедуры участия органов публичной власти в оформлении частных сделок и созданных на их основе актов для придания им авторитета подлинных документов, обладающих юридической силой.

Название "gracieuse" ("милостивая", "благосклонная") эта юрисдикция получила потому, что публичная власть как бы жаловала свое согласие на сделку и признавала ее законной, уменьшая тем самым возможность оспорить акт в суде[1]. "Жалованная юрисдикция" противопоставляется судебной юрисдикции, рассматривающей споры сторон (juridiction contentieuse – буквально "спорная юрисдикция", или, точнее, "юрисдикция, касающаяся споров").

Для определения существа "жалованной юрисдикции" во франкоязычной литературе используется еще термин "juridiction volontaire", соответствующий немецкому "freiwillige Gerichtsbarkeit" и английскому "voluntary jurisprudence", – "добровольная юрисдикция". "Добровольной" данная юрисдикция могла считаться на том основании, что контрагенты по собственной воле обращались к публичной власти и позволяли ей оформить и поставить под свой контроль заключаемую сделку[2].

"Жалованная юрисдикция" и нотариат – это две различные системы оформления частных актов, пришедшие в XIII в. на смену раннесредневековой системе простого написания актов самими участниками сделки или их доверенными лицами. Существовавший в Римской империи институт табуляриев, которым было поручено составление контрактов между частными лицами, исчез во

---

[1] Прилагательное "gracieuse" имеет также значение "даровая", "бесплатная". Однако "juridiction gracieuse" не была вполне бесплатной, вследствие чего едва ли возможно переводить данный термин словами "бесплатная юрисдикция".

[2] См. также: *Каштанов С.М.* Документация европейских городов периода позднего средневековья: (IX Международный конгресс по дипломатике) // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 68.

времена германского нашествия. Этот институт, имевший публичный характер (табулярии рассматривались как personae publicae), обеспечивал частным актам общественное признание в качестве юридически подлинных документов[3]. Напротив, подлинный раннесредневековый акт, когда он не являлся автографом лица, от чьего имени совершалась сделка, и не был скреплен печатью, с юридической точки зрения мало чем отличался от подделки[4].

Различные формы "жалованной юрисдикции" сложились в Западной Европе к XIII в. в процессе довольно длительного развития и получили распространение главным образом в регионе к северу от линии Бордо–Женева в то время, как юг Франции и Италия представляли собой зону господства публичного нотариата[5].

Р.-А. Ботье выделяет пять основных типов "жалованной юрисдикции": 1) публичное объявление сделки перед лицом суда с использованием показаний "добрых людей", в особенности эшевенов (скабинов), и составление частных актов городскими властями; 2) удостоверение частных актов печатью светских или духовных феодалов; 3) удостоверение частных актов церковными органами; 4) оформление частных актов в виде "lettres de Châtelet" под эгидой прево Парижа; 5) удостоверение частных актов государевой печатью, оформление их в качестве "lettres de baillie" и "lettres de prévôté", создание системы королевского нотариата – табельйонажа[6].

Первый тип "добровольной юрисдикции" обязан своим происхождением германскому обычаю устного объявления сделок перед судом (mallum), когда о наличии сделки давали показание ее свидетели. Их заявление, или "воспоминание", определялось термином "record". Юрисдикцию mallum'а унаследовали каролингские эшевенажи и вотчинные суды. Городские общины, получавшие свободу от сеньора, также обзаводились судом эшевенов, которых первоначально назначал местный граф, а позднее – сами жители. Такое развитие характерно для городов северной Франции и Фландрии уже в конце XI–XII в. Свидетельство о сделке – record –

---

[3] *Canellas Lopez A.* El notariado en España hasta el siglo XIV: estado de la cuestion // Notariado público y documento privado: de los orígenes al siglo XIV: Actas del VII Congreso Internacional de Diplomática. Valencia, 1986. València, 1989. [Vol.] I. P. 103.

[4] *Bautier R.-H.* L'authentification des actes privés dans la France médiévale: Notariat public et juridiction gracieuse // Ibid. València, 1989. [Vol.] II. P. 714; *Idem.* Chartes, sceaux et chancelleries: Études de diplomatique et de sigillographie médiévales. P., 1990. [T.] I. P. 282.

[5] *Bautier R.-H.* L'authetification... P. 736; *Idem.* Chartes, sceaux... [T.] I. P. 304.

[6] *Bautier R.-H.* L'authentification... P. 737–772; *Idem.* Charles, sceaux... [T.] I. P. 305–340.

здесь принимали эшевены и специальные присяжные (veri jurati и т.п.).

С конца XII – начала XIII в. стали составляться предварительные записки о содержании акта (автором их могла быть одна из контрактирующих сторон). Эти записки не имели значения официальных подлинных актов и служили лишь для подкрепления устного свидетельства – record'a – на случай возникновения тяжбы. Образцы таких записок находят в различных городах, например в Сент-Омере. Они хранились в архиве города в мешках или, чаще, в сундуках и шкафах. Отсюда их названиие "écrits d'arche" (arca), "écrits de huche" – записи из ларя (сундука). Таким образом, городской архив приобретал значение "locus credibilis", куда документы клались для придания им авторитета подлинности ("mise en ferme").

Существование сундучных актов (scrinii acta) засвидетельствовано в Кёльне в 1135 г. ("Schreinsurkunden"). Кёльнская система была в 1197 г. перенесена в Мец епископом, который до этого исполнял обязанности судьи в Кёльне. В целях борьбы с муниципальной юрисдикцией он велел установить в каждом приходе города ларь, которым ведали два должностных лица, названные "amans". Это название происходит от немецкого "Amtmann" (чиновник, окружной начальник), произвольно сближенного с латинским amanuensis (писец, секретарь). Аманы составляли записку о сделке и, никак ее не удостоверяя, клали в приходский ларь. Однако прежде, чем положить записку в ларь, они давали с нее копию контрактирующим сторонам с тем, чтобы те могли реализовать юридический акт. На копии делалась помета о ларе, где хранился оригинал записки. Сама записка приобретала юридическую силу лишь тогда, когда аман "свидетельствовал" о ней устно.

Эта система оставалась в какой-то мере неподвижной в своем архаизме, в то время как в Кёльне она породила регистрацию сделок сначала в свитках ("Schreinskarten"), а в XIII в. – в регистрах ("Schreinsbücher"). В Меце записки, положенные в ларь, постепенно приобретали относительную юридическую значимость, тем более что с конца XIV в. они снабжались заметкой амана, на основании которой он делал свое устное заявление. В XV в. вместо копии с записки стал составляться черновик акта и участникам сделки давалась копия с него. Несмотря на конкуренцию со стороны нотариев, эта система, получившая название "аманделери" ("système dit de l'amandellerie")[7], просуществовала до 1728 г.[8]

---

[7] Название происходит от слова "aman".

[8] *Bautier R.-H.* Charles, sceaux... [T.] I. P. 307–308; о докладе М. Париса, посвященном делопроизводству и актам Меца, см.: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 67, 76 (на с. 76 опечатка: вместо "de l'amandellerie" напечатано "Le l'amandellerie").

В нидерландском городе Арнеме грамоты хранились в сундуке ольдермена. Они не имели печатей и не выдавались контрагентам акта[9].

В мелких городах власти часто ограничивались внесением записки, а иногда и "свидетельства" (record) в регистры вперемежку со своими собственными актами, счетами и другими документами. В нидерландских городах Мидделбург и Кампен "свидетельства" (records) не удостоверялись печатями[10].

С развитием городов и подъемом их экономической деятельности начинают составляться уже не записки, а настоящие акты. Они были особенно необходимы в тех случаях, когда дело касалось передачи недвижимости. Отдельные образцы таких документов привел Б. Дельмер, изучавший грамоты города Эра в Артуа, от которого дошло 100 актов XIII в. Половина из них – оригиналы на пергамене, написанные на латыни[11].

Из трех документов, опубликованных Дельмером, приведем один:

(Заголовок = "анализ" Дельмера, на фр. яз.):

"Эр, февраль 1271 г.

Мэр и эшевены Эра извещают, что Берта ля Русс с помощью своего адвоката продала Жану де Кафор свой дом в Путэнрюелле, возле дома, который принадлежал Жану Фурнье, капеллану; затем он, [Жан де Кафор][12], вернул его ей и ее наследникам за 3 су годовой ренты и 3 су штрафа за каждую неуплату [в срок]".

(Легенда Дельмера, на фр. яз.):

"A. Оригинал [на пергамене]: Аррас, Архив департамента Па-де-Кале, 4 G 19, Глава "Эр"; высота: 11 см, ширина: 16,5 см; фрагменты печати на двойном хвосте пергамена; пометки на обороте: Berta Ruffa (XIII в.); chap. premier, III, XIX (XV–XVI вв.); III s. par. sur une maison en la Putain ruelle (XVI–XVII[13] вв.); 4-e cotté № 246; en 1270 (XVIII в.)".

Латинский текст:

---

[9] *Van Synghel G.* Urban Diplomatics in the Northern Low Countries // La diplomatique urbaine en Europe au moyen âge: Actes du congrès de la Commission Internationale de Diplomatique, Gand, 25–29 août 1998 / publiés par W. Prevenier et Th. de Hemptinne. Louvain; Apeldoom, 2000. P. 530–531; ср.: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 72.

[10] *Van Synghel G.* Op. cit. P. 530–531.

[11] *Delmaire B.* La diplomatique des actes échevinaux d'Aire-sur-la-Lys au XIII-e siècle // La diplomatique urbaine... P. 101–122; о докладе Дельмера см. также: *Каштанов С.М.* Указ.соч. С. 71.

[12] Здесь и далее в квадратных скобках – наши добавления.

[13] В издании опечатка: "XVIe–XVIe" (Ibid. P. 120).

"Johannes de Gardino, tunc temporis major, et Willelmus Capellarius, Johannes Hele, Thomas de Scopa et Andreas, *de Pelices*[14], scabini Ariensis, omnibus presentes litteras inspecturis. Notum facimus quod Berta dicta Rufa, assumpto sibi advocato, in presentia nostra constituta, mansionem suam quam habebat sitam in viculo qui dicitur *Putain ruelle* juxta mansionem que quondam fuit Johannis Fornarii, capellani, vendidit Johanni dicto *de Cafort,* burgensi Ariensi, et eidem bene et legitime werpivit hereditarie possidendam. Postmodum idem Johannes eandem mansionem eidem reddidit hereditarie tenendam de se et heredibus suis per tres solidos annui redditus annuatim in festo beati Johannis Baptiste persolvendos, sub tribus solidis de lege quolibet termino quo dictus non fuerit redditus persolutus et per redditus fundi pristinos. Facta fuit hec werpitio coram domo Roberti quondam dicti Lupi, Andrea Cisore loco justicie assistente, presentibus scabinis superius nominatis, anno Domini M°CC° septuagesimo mense februario"[15].

Перевод (наш):

"Иоанн де Гардино, в настоящее время мэр, и Вильгельм Капелларий, Иоанн Хеле, Томас де Скопа и Андреас де Пелицес, эрские скабины, – всем, кто настоящую запись увидит. Мы свидетельствуем, что Берта называемая Руфа, взяв себе адвоката [и] став в нашем присутствии, свой дом, который она имела в населенном месте называемом переулок Путэн, возле дома, который некогда был [собственностью] Иоанна Форнария, капеллана, продала Иоанну называемому де Кафор, эрскому горожанину, и честно и законно отказалась от владения им по наследству. После чего он же, Иоанн, этот дом вернул ей и ее наследникам в наследственное владение за три солида годовой ренты, которые должны выплачиваться ежегодно на праздник блаженного Иоанна Крестителя, а если в указанный срок рента не будет выплачена, [взимаются] три солида штрафа и рента за время просрочки. Эта верпиция[16] совершена возле дома Роберта, некогда называемого Лупус, во время нахождения на месте [отправления] правосудия Андреаса Цизоре, в присутствии вышеупомянутых скабинов, в лето Господне 1270, месяца февраля".

Как видим, городской частный акт составляется тут не от лица самих контрагентов, а от лица мэра и скабинов, которые упоминаются в конце документа и как свидетели (при наличии еще одного свидетеля, не фигурировавшего в интитуляции).

---

[14] Здесь и далее курсив в публикации Дельмера.

[15] *Delmaire B.* Op. cit. P. 120.

[16] Верпиция (werpitio) – отказ от всех прав на передаваемый в другие руки объект, в том числе отказ от права наследования по закону или завещанию (подробнее см.: *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux...[T.] I. P. 180, 274).

Новейшие исследователи городской дипломатики полагают, что в XIII в. большинство существовавших тогда муниципалитетов Франции и Германии не имело собственной канцелярии, а пользовалось услугами отдельных писцов[17]. В XIV в. крупные города Фландрии уже располагали своими "секретариатами". Во главе "секретариата" стоял "секретарь" (secretarius) или протонотарий. Некоторые из этих лиц получали инвеституру публичного нотария от императора или папы, что приводило к частичному смешению функций городской канцелярии и нотариата[18].

По мере приобретения мэрами и эшевенами персональных печатей последние стали использоваться для удостоверения городских актов. Печатью был скреплен, например, цитированный эрский акт 1271 г. В Ипре в конце XIII в. акты удостоверялись личными рукописными знаками писцов (les seings manuels des scribes). Последние превращались, таким образом, в разновидность нотариата, хотя их подпись и не рассматривалась как абсолютно бесспорный признак подлинности документа.

В графстве Эно "жалованная юрисдикция" эшевенов была лишь в 1357 г. признана достаточной для придания акту авторитета подлинности[19]. В Эно существовали две разные системы "жалованной юрисдикции". Одна принадлежала эшевенам, другая – феодальным сеньорам. Через городские и сельские эшевенажи могли оформляться акты на недвижимость, через феодальные суды – завещания, брачные контракты, заемные, акты аренды и т.п. В большей части Лотарингии установилась практика выдачи частных актов в форме хирографов (la charte partie)[20], причем наряду с экземпляром для каждой стороны делался еще экземпляр, предназначенный для хранения в городском ларе или в сундуке сеньориального суда. Система хирографов распространилась в конце XIII–XIV вв. в городах Фландрии, Брабанта, Турне, графства Намюр, и была столь же типична для Севера, как нотариальные регистры для Юга.

Хирографы, хотя и самодостаточные с точки зрения подлинности, стали удостоверяться еще и печатями эшевенов, что усиливало аутентичность актов. В Турне хирографы, снабженные личной печатью эшевенов, появились уже в 1203–1204 гг. В Брюсселе начиная с 1258 г. акты регулярно удостоверялись двумя вислыми

---

[17] См.: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 70.

[18] *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux... [T.] I. P. 309.

[19] Ibid. P. 310–311.

[20] О хирографах подробнее см.: *Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M.* Diplomatique médiévale. Brepols, 1993. P. 189–191; *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 71, примеч. 34.

печатями эшевенов. Благодаря употреблению печатей постепенно свелась на нет необходимость составлять акты в форме хирографов. Так, в Сент-Омере хирографы с 1294 г. уступили место коммунальным актам с печатью. В районе верхней и нижней Сены, где никогда не было практики хирографов, муниципальная "жалованная юрисдикция" сразу началась с выдачи актов, снабженных городской печатью (Мант в 1203 г., Труа в 1230 г.). Это явление наблюдалось и в некоторых других городах Иль-де-Франса, Нормандии, Шампани, а также в Нефшато в Лотарингии.

Употребление большой городской печати, сопровождаемой контрпечатью, обходилось дорого и было связано с разного рода неудобствами. Поэтому с последней четверти XIII в. для удостоверения частных актов обычно использовалась "малая печать" (sigillum parvum) и реже – "секретная печать" (sigillum secretum). Употребление таких печатей известно в Эльзасе в 70–90-х годах XIII в.

Появилась и особая печать – sigillum ad causas, скреплявшая судебные акты города и акты "жалованной юрисдикции". Первые упоминания о ней относятся к Понтуазу (1258 г.), Лану (1271 г.) и Сент-Омеру (1280 г.). От 1300–1312 гг. сохранились печати ad causas 12 городов севера Франции. Из института печатей ad causas, предназначенных в основном для судебных дел, выделился особый разряд печатей для "жалованной юрисдикции", скреплявших частные акты: sigillum ad contractos или sigillum ad recognitiones.

В отличие от нотариальных актов Юга, сохранявших верность латыни, городские акты "жалованной юрисдикции" очень рано стали писаться на национальных языках. Имеются акты на французском языке, составленные в начале XIII в. в Дуэ (1204 г.), Турне (1206 г.), Аррасе, Сент-Омере и Сен-Кантене (1213 г.), Меце (1215 г.). С середины XIII в. в сельских эшевенажах Фландрии, а с конца XIII в. и Брабанта для написания частных актов использовался фламандский язык[21].

Второй тип "жалованной юрисдикции", выделенный Р.-А. Ботье, – удостоверение частных актов печатью светских или духовных феодалов. По мере распространения во Франции практики употребления печатей для заверения частных актов всякий человек, имевший печать, мог снабдить ею акт, составленный от его имени. Приложение персональной печати придавало некоторый ореол подлинности документу, однако такая печать не рассматривалась как "вполне признанная" (bene cognitus). Поэтому уже с XII в. было принято, чтобы простой человек для удостове-

[21] *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux...[T.] I. P. 311–315; ср.: *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 71–75.

рения касавшегося его акта обращался к своему сеньору и просил его приложить к этому акту свою феодальную печать. Такая система аутентификации частных актов постепенно распространилась на большей части территории средневековой Франции.

Каждый раз, когда какой-либо фьеф, зависимый от сюзерена или получателя цензивы, передавался из одних рук в другие, участники сделки должны были обратиться к сеньору за одобрением (laudatio) и согласием (consensus ut dominus). Письменный акт составлялся агентом сюзерена и удостоверялся печатью последнего.

Таким образом, "жалованная юрисдикция" становилась неотъемлемым элементом реализации сеньориальной юстиции. В актах упоминалось о том, что контрактирующие стороны предстали перед сеньором, его представителем или двором (судом). Определяемые как in jure personaliter constituti, участники сделки "признавались" (confessi sunt или recognoverunt) в том, что совершили тот или иной юридический акт (дали, продали, сдали в аренду и т.п. какой-либо объект). Согласно принципу римского права, по которому "признавшиеся" считались "осужденными" (confessi pro judicatis habentur), признание в суде (confessio in jure) придавало контракту юридическую силу судебного приговора.

Начальная часть текста подобных актов выглядела примерно так: "Nous seigneur de X faisons assavoir que pardevant nous vindrent N. et N. ..."[22], т.е. "Мы, сеньор [такого-то места], объявляем, что перед нами явились (или встали) N. и N. ..." Следовательно, интитуляция составлялась от имени сеньора; от его же имени шла нотификация ("faisons assavoir"), а далее указывались контрагенты сделки в роли своего рода подсудимых. После этого говорилось о том, что стороны "признались" в совершении того или иного юридического акта: "... en nostre presence personnellement establis ils ont reconnu en droit pardevant nous que ils avoient vendu...", т.е. "... в нашем присутствии персонально поставленные, они в законном порядке признались, что продали..." Могла быть и латинская формулировка: "...in nostra curia in jure constitutus N. vendidit..." – "... в нашем суде в законном порядке поставленный N. продал..." Заключительная формула гласила: "...et fu fait ceste vente en court par jugement" – "...и эта продажа была совершена в суде по приговору".

Акты такого рода именовались "reconnaissances", т.е. "признания"[23].

Р.-А. Ботье не вполне последователен в распределении по типам различных видов "жалованной юрисдикции" церкви. В общей

---

[22] *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux... [T.] I. P. 317.

[23] Ibid.

краткой схеме он объединяет в один тип "les lettres des juridictions d'Eglise: doyens de chrétienté et officialités"[24] (акты церковной юрисдицкции – ведомства протоиереев и официалов). При более подробном рассмотрении автор выделяет в особый, третий тип "lettres d'officialité", в то время как "жалованную юрисдикцию" епископов, архидиаконов и протоиереев (дуайенов или, по латыни, деканов) он характеризует во втором разделе, видя в ней продолжение феодальной юстиции[25].

К печати епископов прибегали уже в XII в. для того, чтобы использовать духовные санкции, которые в одних случаях могли усилить текст частных актов, в других – препятствовать их реализации. Для контрагентов преимущество епископской юрисдикции заключалось еще и в том, что тяжбы, возникавшие по поводу актов, санкционированных печатью епископа, должны были рассматриваться в церковном суде, где процедура, основанная на письменном праве, грозила меньшим произволом, чем в суде светских сеньоров. Но при обилии частных сделок епископ не мог удостоверять их все лично, поскольку у него были и другие многообразные и часто более важные функции. Отсюда – децентрализация епископской "жалованной юрисдикции". С одной стороны, нотификация частных актов стала осуществляться посредством удостоверения их печатью архидиакона, компетенция которого распространялась на территорию диоцеза. С другой стороны, "жалованная юрисдикция" перешла и к протоиереям кафедральных соборов (doyens de chrétienté), а также к сельским протоиереям, чья компетенция охватывала несколько приходов. Последняя система была особенно характерна для больших северных диоцезов – Камбре, Реймса и Льежа. Печатями всех упомянутых церковных органов было удостоверено большое количество частных актов.

В особый, третий тип "жалованной юрисдикции" Р.-А. Ботье выделяет ведомство официалов. Этот институт формировался непосредственно при главе епархии. В отличие от архидиакона, лица автономного по отношению к епископской власти, официал был агентом епископа, назначаемым и отзываемым по воле последнего. Как представитель епископа, он выносил приговор от его имени. "Жалованная юрисдикция" являлась лишь частью компетенции официала. Кроме нее, он обладал правом суда по духовным и светским делам (juridiction contentieuse), мог выносить приговоры

---

[24] Ibid. P. 305. Под "doyens de chrétienté" (decani) подразумевались "архипресвитеры", или протоиереи (ср. рус. "протопоп"): *Niermeyer J.F.* Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1956, Fasc. 4. P. 305, § 8. Оцифиалами же назывались судебные агенты епископа.

[25] *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux... [T.] I. P. 317–318.

по церковным делам и назначать наказания (la justice pénale). Ему же принадлежала дисциплинарная власть в отношении служителей культа (la justice disciplinaire). В области "жалованной юрисдикции" обязанностью официалов было исследовать обстоятельства дела, выслушать контракт, составить или поручить составить его текст и удостоверить этот документ печатью.

Впервые официалы появились в Реймсе в промежутке между 1168 и 1175 гг. Они действовали попарно и были весьма активны. Первоначально официалы скрепляли акт печатью архиепископа, затем иногда – своей собственной. В интитуляции наиболее ранних актов упоминалось только имя прелата – главы епархии, затем сюда стали вноситься имена официалов как представителей того или иного епископа. Наконец, позднее вместо имен указывалась лишь должность: субъект интитуляции определялся в качестве официала определенного диоцеза. Так родилась курия официалов, и акты скреплялись печатью курии. По примеру Реймсской провинции институт официалов образовался в провинциях сначала Санса, затем Буржа и Тура.

Печать официалитета появилась почти одновременно в 1210–1212 гг. в Бурже, Реймсе, Камбре и Лане, около 1216 г. – в Бове, в 1221 г. – в Сансе, в 1222 г. – в Париже и Турне, в 1225 г. – в Труа. Около 1235 г. все диоцезные и даже архидиаконские курии Северной Франции имели свою печать[26].

Официалитет быстро приобрел значение главного инструмента "жалованной юрисдикции", в особенности в районе южнее линии, соединяющей устье Соммы с течением Мёза (Маасса), ибо севернее этой линии господствовали городская "жалованная юрисдикция" и система хирографов. Официалитет играл роль аналогичную той, которую на юге выполнял нотариат. Обилие частных сделок, поступавших на суд официалов, потребовало уже во втором десятилетии XIII в. создания вспомогательных должностей в этом ведомстве. Общим определением для них было слово "clericus", изначальное значение которого – клирик, представитель духовенства. Однако уже со времен "высокого Средневековья" данным термином обозначались не только клирики вообще, но и клирики-писцы, клирики-нотарии, что соответствует позднейшему понятию "клерки"[27]. При переводе с латинского слова "clericus" Р.-А. Ботье обычно использует французское слово "clerc". Оно имеет значение "писец, клерк; письмоводитель"[28].

---

[26] Ibid. P. 319, 345.

[27] Подробнее см.: Vocabulaire international de la diplomatique. València, 1994. P. 76, 77, art. 288, 293.

[28] *Ганшина К.А.* Французско-русский словарь.7-е изд. М., 1977. С. 165.

Сначала под эгидой официала действовали анонимные клерки: receptor actorum ("приемщик актов"), с 1240 г. – clerici fideles curie ("клерки, верные курии"), mandati curie ("уполномоченные курии"), clerici jurati ("поверенные клерки"), иногда tabellionnes ("письмоводители") или notarii. Официалу оставалось только нотифицировать акт, где употреблялась формула типа: "...in presentia clerici nostri jurati a nobis specialiter destinati, cui fidem plenariam adhibemus" – "...в присутствии наших поверенных клерков, специально нами назначенных, которым мы полностью доверяем". Именно члены вспомогательного аппарата официалитета выслушивали в качестве комиссии заявления сторон, изготовляли акт и представляли его официалу для приложения печати курии ad relationem jurati ("по докладу поверенных"). Поверенный удостоверял подлинность акта формулой ita est, которая довольно рано стала сопровождаться и его подписью. Этот порядок вещей вскоре превратился в правило. Исключение составляли случаи, когда поверенный (особенно если он был папским или имперским нотарием) пользовался своим особым нотариальным знаком.

В Париже, однако, стороны часто представали перед самим официалом, а тот мог послать двух поверенных клерков для расследования на месте обстоятельств, связанных с волеизъявлением контрагентов. Отсюда возник обычай ставить стороны перед двумя клерками официалитета, что совпало с практикой Шатле, где стороны также являлись перед двумя клерками. Предполагая, что официалитет повлиял на практику Шатле, Р.-А. Ботье выражает неуверенность в правильности такого допущения, поскольку оба института приняли эту систему одновременно[29].

"Жалованная юрисдикция" церкви распространилась в области господства обычного права (en pays coutumier). В конце XIII в. в значительной части французского королевства клерки официалитета рассеялись по разным городкам и поселкам диоцезов, что привело к децентрализации юрисдикции. В некоторых диоцезах, особенно на севере (Камбре и Реймс), помощниками курии становились деканы кафедральных соборов (doyens de chrétienté). Они либо сами принимали "признания" и затем посылали их для приложения печати официалу, либо официал присылал к ним комиссию для принятия акта в их ведение. Вся эта сеть "жалованной" церковной юрисдикции служила тому, чтобы в случае тяжбы по контрактам право судебного рассмотрения дел и связанные с ним доходы принадлежали епархии. К тому же очень рано статья об отлучении от церкви стороны, которая нарушит договор, была

[29] *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux... [T.] I. P. 320–321.

дополнена, а затем заменена статьей, где заранее предусматривалось, что при возникновении тяжбы обе стороны должны быть подведомственны юрисдикции курии.

К середине XIII в. в Северной Франции, по крайней мере к югу от Соммы, а также в западных франкоязычных диоцезах империи (Туль, Верден, Безансон, Камбре) большое количество частных сделок оформлялось в виде актов официалитета, причем в имперских диоцезах, в отличие от королевских, очень рано, по примеру сеньориальной и муниципальной юрисдикции, акты стали писаться на французском языке (в Вердене – с 1231 г., в других районах чуть позднее). Нотарии официалитета отличались большей искушенностью в юридических тонкостях, чем работники других юрисдикций, и этим, по мнению Р.-А. Ботье, может объясняться успех делопроизводства официалов. Именно в их акты раньше всего включаются клаузулы обещания, обязательства подчинения определенной юрисдикции, санкции на случай невыполнения обязательств, клаузула неустойки (о возмещении ущерба и уплате процентов) и, наконец, декларация об условиях расторжения договора. Все эти статьи, более или менее прямо заимствованные из римского права, со временем стали занимать весьма значительное место в тексте актов официалитета, причем большее, чем в нотариальных актах Юга. Самое интересное, что появились они тут как будто даже раньше, чем в южных документах[30].

Регистры актов официалитета не сохранились, хотя есть отдельные упоминания о том, что они велись, по крайней мере для судебных дел. Черновики (так называемые "минуты") не считались матрицами документов. С того момента, как акт был скреплен печатью, его "минута" теряла всякую ценность и, естественно, не хранилась.

"Жалованная юрисдикция" церкви была разрушена королевской властью в конце XIII в. Бомануар в своих "Coutumes de Beauvaisis" утверждает, что грамота официалитета имеет авторитет подлинности только в церковном суде, в светском же суде она играет роль лишь одного из свидетельств. Однако известна пословица: "Один свидетель – никакого свидетеля" ("Testis unus, testis nullus"). Это объясняет, почему в Шампани на протяжении всего XIII в. акт нотифицировался совместно двумя властями – светской и духовной, например деканом капитула или кюре, с одной стороны, мэром или прево – с другой, причем каждый прикладывал свою печать.

Во французском королевстве развитие официалитета было прервано в период его расцвета – грубо и внезапно. Он сохранился

---

[30] Ibid. P. 321–322.

лишь в городах, управляемых непосредственно епископами, таких, как Реймс или Лангр[31]. Отмирание официалитета связано с зарождением системы королевского табельйонажа.

Под четвертый вид "жалованной юрисдикции" Р.-А. Ботье подводит "грамоты королевского Шатле Парижа"[32]. Как и другие территориальные князья и многочисленные бароны, король подтверждал и нотифицировал сделки, которые его непосредственные подданные заключали между собой. Эту обязанность за него и по его приказу могли выполнять также его агенты. В 1204 г. Филипп II Август учредил в каждом превотэ Иль-де-Франса и Нормандии особую печать для актов, заключаемых между евреями и христианами. Это делалось для того, чтобы придать таким сделкам публичность и помешать развитию разросшейся практики ростовщичества. Данная печать, называвшаяся sigillum Judeorum и несшая изображение взлетающего орла, употреблялась до 1229 г. в Париже и Понтуазе. Несколько актов, удостоверенных ею, сохранилось.

В начале самостоятельного правления Людовика IX Шатле, королевское превотэ Парижа, распространило свою юрисдикцию на добровольные акты и получило собственную печать как судебная инстанция, в чьем ведении находился ряд городов на севере королевства. С 1234 г. упоминаются "грамоты Шатле", а печать этого превотэ впервые была привешена к акту 1238 г.

В Шатле имелись клерки, которые могли составлять документы, в том числе и частные акты, от имени прево и снабжать их печатью превотэ. Первоначально контракт заключался перед самим прево, а клерки должны были написать акт, что они делали в специальной зале, отведенной для этого в Шатле. Однако, чтобы узнать волю контрагентов, которые по болезни или другим причинам не могли лично предстать перед прево, последний направлял к ним комиссию в составе двух клерков. Им надлежало выслушать заявления заинтересованных лиц и устно доложить об этом прево.

С конца XIII в. клерки стали приобретать известную автономию по отношению к юрисдикции прево: весьма часто они составляли акт на дому у контрагентов или даже в собственном доме. Их "доклада" было при этом достаточно для того, чтобы прево удостоверил акт печатью. Клерки фигурировали в актах сначала анонимно. С 1274 г. встречаются уже их подписи в конце актов.

---

[31] См.: *Fournier P.* Les officialités au Moyen Age, 1180–1328. P., 1880; *Carolus-Barré L.* L'organisation de la juridiction gracieuse à Paris dans le dernier tiers du XIII-e siècle // Le Moyen Age. 1963. T. 69. P. 418–435; *Bautier R.-H.* Charles, sceaux... [T.] I. P. 318–323.

[32] *Bautier R.-H.* Charles, sceaux...[T.] I. P. 323.

Причем даже в тех случаях, когда акт составлял только один клерк (а эта практика была довольно распространенной), требовалась подпись и его коллеги. Соблюдение формальностей выражалось также в том, что акты "жалованной юрисдикции" прево писались всегда от его имени (или от имени хранителя превотэ – garde de la prévoté), а при незамещенности данной должности – от имени генерального прокурора парламента, и вплоть до 1697 г. скреплялись печатью и контрпечатью Шатле.

По реформе 1300 г. Филиппа IV Красивого "поверенные клерки" (les clercs jurés), приносившие раньше присягу прево, были, как говорит Р.-А. Ботье, "национализированы": они превратились в королевских нотариев, обязанных присягать не прево, а самому королю, который их и назначал. Официально такой служитель назывался "клерк, нотарий, поставленный королем, нашим государем, в его парижском Шатле" ("clerc, notaire établi de par le roi notre sire en son Châtelet de Paris")[33]. В 1301 г. число нотариев Шатле, прежде неограниченное, было сведено к 60. Королю пришлось бороться с попытками прево пользоваться другими клерками, привлекаемыми помимо королевских нотариев. Одновременно для службы в Шатле и исполнения приговоров прево или его заместителей назначались полицейские – "сержанты" (sergents). По ордонансу 1302 г. учреждалось 80 конных "сержантов" Шатле, по ордонансу 1309 г. – 60 конных и 90 пеших. В 1321 г. Филипп V "национализировал" и этот корпус служителей; право их назначения перешло от прево к королю.

Хотя в принципе нотарии должны были сами составлять и писать грамоты, некоторые из них имели подсобных клерков или слуг для изготовления копий с выдаваемых документов. В свою очередь, королевская канцелярия прибегала к помощи королевских нотариев Шатле, когда возникала необходимость составить какой-либо документ во многих экземплярах. Эти экземпляры оформлялись как видимусы, написанные от имени "хранителя превотэ" Парижа, и скреплялись печатью Шатле.

Со второй четверти XIV в. нотарии Шатле стали все больше освобождаться от опеки со стороны превотэ. Так, они иногда ограничивались составлением черновика акта ("минуты"), заверяли его подписью, удостоверяли контрпечатью Шатле, после чего и выдавали контрагентам. В случае позднейшей тяжбы заинтересованные лица могли предъявить "минуту", и на ее основании составлялся акт по полной форме. Эти черновики, получившие название "brevets", скреплялись печатью на "простом хвосте",

[33] Ibid. P. 326.

продетом, во избежание разрыва, сквозь прорезь в пергамене по системе, которую Р.-А. Ботье называет "парижским хвостом"[34].

Практика удостоверения черновиков рассматривалась все же как злоупотребление, и ее пытались искоренить. В XV в. парижские нотарии продолжали составлять "brevets", но уже не скрепляли их контрпечатью, а просто подписывали. Обычно это были квитанции, сертификаты всякого рода, не имевшие целью служить доказательством заключения сделки. Вместе с тем оформление сделок в виде "brevets" иногда практиковалось, и возможность создать на их основе документ, обязательный для исполнения, сохранялась. "Бреве", выданные сторонам, подлежали хранению. Хранить другие черновики, лишенные печатей, не считалось нужным. Правда, Карл VII, вернувшись в 1437 г. в Париж, побуждал своих нотариев заводить регистры нотариальных минут. Около 1470 г. также регистры были у некоторых парижских нотариев, однако регулярным ведение регистров нотариальных минут (minutiers) стало лишь в начале XVI в. Практика ведения регистров усилила сходство королевских нотариев Шатле с публичными нотариями Юга.

Так возник нотариат нового типа, для которого, как и для официалитета, характерно то, что аутентификация акта производилась не рукой нотария, а через приложение печати – в данном случае печати превотэ с королевским гербом.

Парижская модель была скопирована другими городами Иль-де-Франса, имевшими превотэ. В городах Понтуаз, Санлис, Бомон-сюр-Уаз, Мелен, Корбей частные акты, заверенные печатью превотэ, появились в 1258–1271 гг. Их примеру последовал и аббатиальный город Сен-Дени. В 1265–1280 гг. во всех северных бальяжах установилась практика удостоверения королевской печатью административных актов[35].

Начальной формой пятого типа "жалованной юрисдикции" было скрепление частных актов печатью того или иного государя. Этот тип зародился на Юге. Его возникновение связано с присоединением Лангедока. Около 1234 г. по распоряжению Людовика IX была создана печать королевской юрисдикции для новых южных сенешальств. Альфонс де Пуатье[36], в свою очередь, приказал,

---

[34] Подробнее см.: Vocabulaire international de la sigillographie. Roma, 1990. P. 81, art. 72; ср.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 257.

[35] *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux...[T.] I. P. 327–329.

[36] Альфонс – граф Пуатье и Тулузы, сын Людовика VIII и Бланки (Бланш) Кастильской, один из младших братьев Людовика IX Святого, дядя Филиппа III. Родился в 1220 г., умер в 1271 г., не оставив потомства. Графство Пуату он получил в качестве апанажа от Людовика IX в 1241 г. В 1229 г. Альфонс был помолвлен с Жанной, единственной дочерью и наследницей Раймонда VIII, графа

чтобы в его тулузских владениях все бальи имели печать. Сначала речь шла о персональной печати, но в 1255 г. Альфонс решил, что печать тулузского викария должна быть безымянной, обозначающей лишь данное ведомство. Так возникла sigillum curiae vicarii Tolose. В 1265 г. по просьбе жителей Оверни была учреждена печать для удостоверения актов добровольной юрисдикции в Риоме. В последующие годы в каждом сенешальстве появился хранитель печати (garde du scel).

Еще до отъезда Альфонса в Крестовый поход 1270 г. хранители графской печати имелись в городах Пуатье, Фонтене-ле-Конт, Сен-Мексан и др. В 1270 г. Альфонс принял решение, имевшее большое значение для дальнейшего развития "жалованной юрисдикции". Он постановил, чтобы в каждой шателени[37], где проводятся ассизы[38], было учреждено по два публичных нотария, действующих от имени графа, для протоколирования дел, которые рассматриваются судьями. Их следовало набрать из числа уже существовавших нотариев и обязать проживать постоянно в данном округе. Роль этих нотариев не ограничивалась записью судебных процессов. Им вменялось в обязанность составлять также письменные акты по сделкам с недвижимостью, пошлины с которых (droits de lods[39] et ventes) поступали в пользу графа. Один из этих публичных нотариев считался хранителем графской печати (custos sigilli) в пределах каждого округа, как бы он ни назывался (шателени, превотэ, сенешальство).

Постепенно употребление "печати юрисдикции" ("sceau de juridiction") распространилось на всем пространстве от северной границы области публичного нотариата Юга до Луары, охватив владения как самого короля, так и его вассалов. Печать эта вводилась в рамках сенешальств, бальяжей и шателени, о чем имеются сведения, относящиеся к 1259–1275 гг.[40]

В 1271 г. герцог Бургундский полностью преобразовал свою канцелярию, превратив ее в судебную инстанцию, наделенную "жалованной юрисдикцией", распространяющейся на все герцог-

---

Тулузского. В 1241 г. Альфонс женился на ней, а в 1258 г. вступил во владение графством Тулузским, которое досталось его жене по наследству от отца (подробнее см.: *Anselme P.* Histoire généalogique de la maison royale de France, des grands officiers de la couronne, &c. P., 1712. P. 48–49).

[37] Шателени (châtellenie) – округ, подчиненный сеньору.

[38] Assises – (выездные) заседания суда.

[39] Термин "lods" происходит от старофранцузскогого "los" (из латинского "laus", "laudis") – "одобрение": имелась в виду необходимость получить одобрение сеньора на совершение сделки с недвижимостью (*Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. 12-e éd. P., [1954], P. 441).

[40] *Bautier R.-H.* Chartex, sceaus... [T.] I. P. 330–331.

ство. Отныне герцогский канцлер, поставленный во главе этого суда, скреплял печатью последнего все частные акты, а в случае тяжбы на суд перед канцлером должны были явиться контрагенты сделки. Затем по примеру Альфонса де Пуатье бургундский герцог децентрализовал этот суд, учредив в 1275 г. институт присяжных нотариев ("clercs notaires jurés") в различных городах своего герцогства. Нотарии принимали акты от частных лиц и посылали их в Дижон (столицу герцогства), где канцлер утверждал состоявшиеся сделки и удостоверял печатью экземпляры акта, выдаваемые заинтересованным сторонам.

В 1286 г. при герцогском суде были учреждены "сержанты" для контроля за исполнением контрактов, заключенных с приложением печати суда, и этому суду были подведомственны все процессы по контрактам, принятым к оформлению герцогскими нотариями. Тогда же возникла особая "печать для случаев" ("sceau aux causes"), которая, в отличие от большой печати суда, предназначалась для удостоверения частных актов. С 1302 г. канцлер начал делегировать свои полномочия судьям-заместителям, учрежденным в различных городах. Они получили право на месте скреплять акт печатью и ведать делами, возникавшими по поводу выполнения заключенных сделок. Окончательно эта система оформилась в 1329 г.

В тот же период было предписано вести регистры. Сохранилась целая серия регистров, из которых дижонские восходят к 1311 г. Герцогские нотарии и табельйоны не могли сами справиться со всем объемом работ по "жалованной юрисдикции". У них имелись помощники (coadjuteurs) и "заместители" (lieutenants de tabellion) для того, чтобы "принимать акты" (prendre les actes) даже в сельской местности. В Бургундии сеть таких клерков существовала с 1271 г., причем в пограничных с Югом районах некоторые из них являлись одновременно публичными нотариями, обладающими правом удостоверять акт своей собственной подписью. Другие были клерками официалитета. Они могли при случае оформить акт, снабдив его печатью официалитета Лангра.

Описанная система, установившаяся в Бургундском герцогстве, стала внедряться в начале XIV в. и во Франш-Конте. Правда, в Безансоне она встретила сопротивление со стороны архиепископского официалитета.

В Лотарингии нотариат с герцогской печатью появился в 1276 г. С 1295 г. здесь наблюдается децентрализация нотариата, аналогичная той, которая произошла в Бургундии: в различных превотэ возникло ведомство герцогской печати, делегированной герцогским судом. В развитие этой практики около 1315 г. в каж-

дом превотэ была учреждена "печать табельйонажа" ("sceau du tabellionage"). Соседние с герцогством графства вскоре последовали его примеру: с 1295 г. известны печать суда графства Водемон и печать суда Бара, в 1297 г. – печать суда графства Монбельяр.

Заслуга распространения данного типа "жалованной юрисдикции" на земли собственно королевской Франции принадлежит Филиппу III Смелому. Восприняв инициативу своего дяди Альфонса де Пуатье, Филипп III постановил, чтобы в каждом городе, где бальи проводят ассизы, т.е. фактически во всех городах превотэ, было выбрано по два прюдома (prudhommes), "добрых человека", специально для выслушивания контрактов, подлежащих удостоверению печатью бальяжа. За выдачу акта, скрепленного печатью, бальи взимал пошлину в размере одного мая (maille) с ливра, что составляло 1/480, или немногим более 0,2 (0,208) % стоимости сделки[41].

Ордонанс Филиппа III, содержащий описанное постановление, до нас не дошел и известен в изложении Бомануара в его "Coutumes de Beauvaisis" 1282 или 1283 г. Р.-А. Ботье относит этот ордонанс к марту–апрелю 1281 г., ("весна 1281 г., вероятно, до мая")[42]. Его датировка основана на том, что наиболее раннее из числа сохранившихся "писем бальи" (lettres de baillie) было выдано в мае 1281 г. в бальяже Санлиса[43].

Ордонанс Филиппа III стал немедленно проводиться в жизнь во всех королевских бальяжах, т.е. всюду, кроме южных сенешальств и Иль-де-Франса, в пределах которого сохранялась установленная ранее юрисдикция Шатле и других превотэ. Ордонанс получил применение также в Шампани, которая еще не принадлежала королю, но находилась под его влиянием. Успех новой системы определялся тем, что королевская печать обеспечивала актам авторитет неоспоримой подлинности.

Официалитеты, чья печать не считалась отныне достаточной для признания подлинности акта в светских судах, быстро потеряли свою клиентуру и в течение нескольких лет опустели. Для епископов это означало утрату доходов, которые в большом количестве шли от применения печати "жалованной юрисдикции", и они обратились в парламент с жалобой на нарушение своих прав. Жалобы архиепископа Буржа, епископов Лиможа, Периге и Мо, равно как и аббата Сен-Мексана, были отвергнуты.

В Шампани начиная с 1281 г. местные феодалы предпочитали пользоваться "письмом бальи" вместо того, чтобы скреплять акты

---

[41] Ibid. P. 333, 354.

[42] Ibid. P. 354; ср. P. 333, note 154. На стр. 333 издание ордонанса отнесено к началу 1280 г. ("le début de l'année 1280").

[43] Ibid. P. 333, note 154.

собственной печатью. Новую систему приняли также Лотарингия и Франш-Конте (la Comté de Bourgogne). Однако на Севере сопротивление феодалов, боровшихся за сохранение старых форм "жалованной юрисдикции", было очень упорным. Так, в графстве Ретель новая система победила лишь в 1312–1316 гг. В графстве Эно и во Фландрии продолжала существовать практика хирографов.

Между тем система "писем бальи" получила такое быстрое и значительное распространение, что сами бальи уже не имели возможности выслушивать доклады прюдомов и проверять принятые ими акты. Необходимость ожидать приезда бальи для приложения печати к актам задерживала вступление их в силу. Поэтому вскоре после возникновения этой системы был создан специальный институт "хранителя печати" (garde du scel) наподобие custos sigilli во владениях Альфонса де Пуатье. Должность "хранителя печати" устанавливалась в каждом городе, где бывали ассизы, т.е. в центрах шателени, превотэ или, как в Нормандии, виконтэ. Сначала такая печать рассматривалась как местная реплика печати бальяжа ("scel de la baillie de N. establi en la prevosté de N."). Наиболее ранние случаи подобной децентрализации печати бальи характерны для городов типа Реймса или Лана, где король не обладал всей полнотой юрисдикции и где светскую власть осуществляли прелаты.

Новая система внедрялась с разной степенью активности в разных регионах, что зависело от местных традиций развития письма и форм управления. Быстро установилась она в бальяжах Санлиса (1288 г.), Вермандуа (1291 г.) и Шампани (1295 г.), позднее – в бальяжах Амьена (1331 г.) и Руана (1345 г.). В Амьене ее распространению препятствовала устойчивость системы жалованной муниципальной и окружной юрисдикции, в Руане – традиции централизации управления, укоренившиеся со времен нормандских герцогов[44].

Система "писем превотэ" ("lettres de prévôté") отождествляется с табельйонажем ("tabellionage"). Акты нотифицировались либо одним только хранителем печати превотэ, либо им же совместно с прево. Последнее особенно типично для Иль-де-Франса, где еще до установления этой системы, по крайней мере на протяжении жизни одного-двух поколений, функционировали печати превотэ и именно прево нотифицировал акты. За короткое время табельйонаж продвинулся на юг, к границе господства публичного нотариата, и обе системы сосуществовали в пограничных районах – в Ангумуа, Лимузене, Марше, Оверни, Веле. В 1367 г. королевским

[44] Ibid. P. 336.

ордонансом, не получившим, правда, реализации, новую систему пытались распространить даже на Турнези, где господствовала практика хирографов. В XV в. Людовик XI, будучи еще дофином Вьеннуа, хотел ввести табельйонаж с печатью в Дофинэ, но эта попытка не удалась.

Р.-А. Ботье указывает, что систему табельйонажа представляли должностные лица трех категорий: 1) хранитель печати (garde du scel); 2) присяжные, или аудиторы (jurés ou auditeurs); 3) табельйон (tabellion). Хранитель печати был королевским чиновником, часто буржуа или женатым клириком. Функции хранителя печати могли составлять для него лишь ступеньку на пути продвижения вверх по служебной лестнице. Присяжные, или аудиторы, являлись наследниками прюдомов. Это были привилегированные свидетели, обязанные выслушивать контракты и докладывать о них в соответствии с устаревшей традицией послушества ("record"). Первоначально из двух присяжных, необходимых для доклада о контракте, либо оба принадлежали к числу буржуа, либо один являлся буржуа, а другой клириком. Они исполняли свою должность всего несколько лет. Однако вскоре возникла тенденция превращения их в экспертов по юридическим вопросам. Если в том или ином превотэ не хватало двух присяжных для доклада о контрактах, число их могло быть увеличено в соответствии с возросшими потребностями.

Табельйоном назывался письмоводитель, имевший монополию на изготовление документов превотэ и на доходы от этой деятельности. Обычно он брал свою должность на откуп. У него могли быть свои писцы. Табельйон облекал в письменную форму контракты, "принятые" присяжными. Он делал это либо собственноручно, либо при посредстве своих писцов. Кроме того, он сам мог составлять акты или протоколы (например, заседаний), если такая потребность возникала. Табельйон мог также заменять одного из присяжных для "принятия" контрактов, и в некоторых превотэ подобная практика являлась обычной. Значительная цена откупа побуждала иногда двух лиц брать табельйонаж на откуп совместно. Срок аренды был, как правило, ограниченным. В одних случаях должность табельйона давалась всего на год, в других даже пожизненно. Так, Филипп IV Красивый предоставлял эту должность бесплатно кое-кому из своих дворцовых служителей или бывших нотариев и некоторым другим лицам в качестве пенсии или вознаграждения за службу.

Однако в XIV в. система откупа себя изжила и табельйоны превратились в королевских чиновников. В отдельных превотэ они нотифицировали акты совместно с хранителями печати.

В некоторых регионах, в частности в Нормандии и Дюнуа, в обязанности табельйона входила регистрация актов, "принятых" присяжными. Это касалось, по крайней мере, актов на недвижимость. Регистры табельйонажа сохранились в Руане начиная с 1360 г., в Шатодене – с 1369 г., в Кане – с 1395 г.[45]

Развитие системы табельйонажа происходило по-разному в различных районах. В ряде бальяжей и превотэ ведущей была роль табельйонов, которые присвоили себе и функции присяжных. Бóльшая часть контрактов совершалась здесь "перед" табельйоном. В XIV в. у него появляется заместитель (substitut), или коадъютор (coadjuteur), затем – несколько заместителей (lieutenants du tabellion) и, наконец, подтабельйоны (soustabellions). Во второй половине XIV в. подобная эволюция наблюдается в бальяжах Мо и Руана. В последнем было 8 подтабельйонов, на месте которых в XV в. возникло 16 королевских нотариев (notaires royaux). Регистры табельйонажа перестают тут быть сводом кратких записей содержания актов, но становятся местом записи содержания "минут", или черновиков актов, снабженных подписями участников сделки.

В других регионах, напротив, система развивается за счет увеличения роли и числа присяжных, в то время как участие табельйонов сводится к минимуму. В Труа, например, число присяжных в превотэ возросло с трех в 1300 г. до 15 в 1500 г., а должность табельйона, которую коллективно выкупили присяжные, исчезла в конце XIV в. В 1431 г. все присяжные здесь стали именоваться нотариями.

Присяжные перестали быть простыми "проводниками" актов (passeurs d'actes), т.е. свидетелями, выслушивающими содержание сделки. Они сами стали составлять сначала черновики ("минуты"), а затем беловики актов, готовые для скрепления печатью и выдачи заинтересованным сторонам. Их свидетельства и доклад выражались теперь в том, что они прикладывали собственные печатки (subsigilla) на кончике "двойного хвоста", предназначенного для прикрепления печати и контрпечати превотэ[46]. За табельйоном при этом оставалась роль простого получателя печатных пошлин.

Таким образом, те, кто стал называть себя "нотариями", постепенно приобретали независимость от табельйона. Данная система медленно приближалась к типу нотариата парижского Шатле, никогда не знавшего табельйонажа. Ботье видит в этой эволюции влияние обычаев Парижа, которые имели тенденцию превращаться в обычное право всего королевства[47].

---

[45] Ibid. P. 337–338.

[46] Подробнее о subsigilla см.: Vocabulaire international de la sigillographie. P. 93–94, art. 38.

[47] *Bautier R.-H.* Chartes, sceaux... [T.] I. P. 338–339.

На практике, какими бы ни были местные особенности, шел процесс сближения функций присяжных нотариев, заместителей табельйона, подтабельйонов, клерков табельйона. Этому не могли помешать королевские указы, имевшие целью сохранить традиционное положение вещей. Функция "королевского нотария" (notaire royal) приобрела характер официальной должности только в 1542 г. В 1597 г. королевская власть признала фактически происшедшее слияние функций табельйонов и нотариев. С этих пор и те, и другие стали королевскими нотариями. На Юге так было и раньше.

Введение общего для Севера и Юга статуса королевского нотария не перечеркнуло, однако, ту кардинальную разницу, которая существовала в нотариальных порядках этих регионов. На Юге нотарий брал и хранил черновики ("минуты") составленных им актов. По просьбе клиентов он выдавал на основании "минут" беловые экземпляры актов, удостоверяя их своим особым знаком (в более ранние времена) или подписью (в более поздние времена). На Севере, напротив, подлинность акта удостоверялась не нотарием, который его составлял, а печатью превотэ, прилагаемой к беловику, изготовленному нотарием. Поэтому здесь "минута" не имела ценности сама по себе. По ней нотарий мог сделать только один беловой экземпляр, имеющий значение подлинника. Второй подлинник с той же самой "минуты" сделать было нельзя; нужен был новый акт. Вот почему на Севере регистры "минут", как правило, не заводились. Исключение составляют Нормандия и Бургундия. В первой регистры "минут" вели табельйоны, во второй – нотарии герцогской канцелярии.

Как уже упоминалось выше, Карл VII предписывал своим нотариям сохранять нотариальные "минуты", однако его указы не достигали цели. Лишь к концу царствования Людовика XI в результате нормального развития канцелярии нотарии начали вести регистры нотариальных "минут" и хранить сами "минуты". Около 1470 г. такой порядок наблюдался в Париже у некоторых королевских нотариев Шатле. Впрочем, вполне обязательным хранение "минут" стало только в XVI в., особенно после издания в 1539 г. эдикта в Виллер-Котре.

Вплоть до 1697 г. приложение печати к нотариальным актам совершалось формально от имени хранителя печати, а в Париже – от имени хранителя королевского превотэ. В 1697 г. парижским нотариям была доверена служба хранения печати и они получили право самим скреплять свои акты печатью с королевским гербом. В 1706 г. это право распространилось и на провинциальных нотариев. С тех пор нотариальные акты Севера и Юга все более и более сближались между собой по характеру. Однако полное сближение

произошло только в период Великой французской революции и сразу после нее. В 1791 г. и окончательно по закону от 25 вантоза X года Республики (1803 г.) все нотарии были слиты в единый корпус. Они считались делегированными суверенной властью для придания их актам авторитета подлинности актов публичной власти[48].

Таким образом, заключает Ботье, до современного унифицированного состояния нотариата Франция дошла очень сложным путем. История нотариата отмечена многообразием институтов, занимавшихся оформлением частных актов. В XII–XIII вв. на Юге была принята система публичного нотариата, которая начала действовать в Италии и других странах западного Средиземноморья. На Севере аутентификация частных актов имела различные формы. Из них наиболее известны следующие: 1) публичная декларация сделки перед судом; 2) доклад привилегированных свидетелей о сделке; 3) хранение актов в местах, пользующихся общественным доверием (lieux crédibles), – коммунальных архивах и приходских сундуках; 4) система муниципальных хирографов – сначала простых, затем скрепленных печатью; 5) регистры эшевенов; 6) письма с печатью сеньориальных властей; 7) установление сети юрисдикций церкви с печатью деканов кафедральных соборов (doyens de chrétienté) и позднее официалитета; 8) письма Шатле; 9) акты, скрепленные печатью "канцелярии" (Форе, Бургундия, Лотарингия и др.); 10) королевский табельйонаж с письмами сначала бальи, а затем – превотэ.

Взаимопереплетение указанных систем и превращение их в королевский нотариат произошло в конце Средних веков, "если не в Новое время"[49]. Эта эволюция шла параллельно с процессом централизации монархии и совпала с торжеством обычая, испытывавшего влияние римского права.

---

[48] Ibid. P. 339–340.

[49] Ibid. P. 340.

III

ДОГОВОР РОССИИ С ЛИВОНИЕЙ 1535 г.

Русско-ливонский договор 1535 г. является ценным источником по истории международных отношений и внешней политики России и Ливонии в XVI в. Сохранившийся в подлиннике, этот документ представляет большой интерес также с точки зрения дипломатики, палеографии и сфрагистики. Договор 1535 г. был первым русско-ливонским письменным соглашением, заключенным при Иване IV. Государю всея Руси тогда не исполнилось еще и пяти лет, и всеми делами заправляла его мать-регентша – Елена Глинская. Договор 1535 г. послужил продолжением серии русско-ливонских мирных трактатов, заключенных при Иване III (1503 г.) и Василии III (1509, 1514, 1521, 1531 гг.).

Договор 1535 г. обеспечил мирное развитие русско-ливонских отношений в течение последующих 17 лет. Срок его действия истекал в октябре 1551 г. Уже в августе 1550 г. правительство Ивана Грозного заключило новый договор с Ливонией. Кроме договора 1550 г., до нас дошел договор 1554 г. – последний мирный трактат, регулировавший русско-ливонские отношения в XVI в. В 1558 г. началась Ливонская война, приведшая к ликвидации Ливонского ордена 5 марта 1562 г.

В XIX–XX вв. договор 1535 г. неоднократно упоминался в научной литературе, но не был опубликован и не стал объектом специального исследования.

Подлинник договора 1535 г. написан на двух листах пергамена, скрепленных вислыми печатями. Первоначально печатей было семь, однако из них сохранились только три. На первом листе грамоты помещен русский текст договора, написанный четкой и красивой скорописью первой половины XVI в. На втором листе находится немецкий текст, написанный неготическим курсивом. Договор был заключен в Великом Новгороде, о чем прямо говорится в конечном протоколе обоих текстов. Помимо подлинника существует список XVIII в. русского и немецкого текстов договора 1535 г. С немецким списком меня впервые познакомил К.В. Баранов, сделавший с него копию.

В русском экземпляре договор датирован 7043 (1534/35) г. по эре от Сотворения Мира: "в лета седмъ тысящъ четыредесят третьяго" (см. ниже: Русский текст, строка 59). В немецком экземпляре наряду с этой датой указан 1535 г . по эре от Рождества Христова: "vnd nach Christj geburth viffteinhunderth vnd viff vnd derttich" (см. ниже: Немецкий текст, строка 82).

Месяц и число, когда договор был составлен, ни в русском, ни в немецком тексте не названы. Вместе с тем в обоих текстах договора определяется срок его действия: с Покрова Богородицы (1 октября) 7043 г. до Покрова Богородицы (1 октября) 7060 г. (см. ниже: Русский текст, строки 4–5; Немецкий текст, строки 6–7), т.е. с 1 октября 1534 г. до 1 октября 1551 г. По начальной дате действия договора (1 октября 7043 г.) можно было бы подумать, что он составлен 1 октября 1534 г. или около этого времени. Однако такой датировке противоречит прямое указание 1535 г. по эре от Рождества Христова в немецком тексте.

Как же датировали публикуемый договор архивисты и историки? О пребывании документа в Царском архиве XVI в. прямых сведений нет, однако очень вероятно, что он находился в 154-м ящике Архива в числе других 12 русско-ливонских грамот, взятых в сентябре 1564 г. к царю Ивану IV в Походную палату[1]. В XVII в. договор хранился в Архиве Посольского приказа, в описях которого он упоминается с датой "7043"[2]. О судьбе документа в первой половине XVIII в. мы ничего не знаем. Во второй половине XVIII в. договор находился в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел.

В 1766–1783 гг. архивом коллегии заведовал Г.Ф. Миллер. При нем был составлен сборник копий русско-ливонских договоров 1509–1554 гг.[3] Русский текст договора 1535 г. помещен здесь на л. 48–56. Первые восемь листов этой копии (л. 48–55 об.) образуют правильную тетрадь, водяной знак которой состоит из двух частей: 1) Pro Patria с соответствующим девизом, 2) латинские литеры IV. Аналогичные филиграни известны под 1720 и 1780 гг.[4] На последнем, девятом листе копии (л. 56) водяной знак – Ярославский

---

[1] ОЦА. С. 32, примеч. ****; ср.: Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / подгот. текста и комментарии А.А. Зимина; под ред. и с предисловием Л.В. Черепнина. М., 1978. [Ч.] I. С. 71.

[2] ОЦА. С. 80 (датой договора по ошибке назван "7093" г. вместо "7043"); ОАПП. Ч. 1. С. 162; Опись архива Посольского приказа 1673 года / подгот. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1. С. 234–235.

[3] РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 1. № 299. Ч. V (указал К.В. Баранов).

[4] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. № 1187.

герб 3-го типа. Парой к этому листу служит расположенный после л. 64 об. ненумерованный чистый лист, который мы обозначим как л. 64а. Его водяной знак – литеры ЯМАЗ, означающие "Ярославская мануфактура Алексея Затрапезного". Подобные филиграни (Ярославский герб 3-го типа + литеры ЯМАЗ) датируются 1756 и 1765 гг.[5] На л. 57–64 об., где скопирован немецкий текст договора 1535 г., водяной знак также состоит из двух частей: 1) Pro Patria без девиза и с литерами АГ вместо льва, 2) волюта (архитектурный завиток). Схожие филиграни с вензелем AG (а не волютой) С.А. Клепиков отмечает под 1762 – 1763[6] и 1766 гг.[7] (литеры АГ и AG являются инициалами владельца бумажной фабрики – Афанасия Гончарова).

Таким образом, на основании идентификации водяных знаков листов, содержащих русскую и немецкую копии договора 1535 г., мы можем предположить, что весь сборник возник в середине – второй половине 60-х годов XVIII в., скорее всего, в 1766–1767 гг., на начальном этапе работы Г.Ф. Миллера в Московском архиве коллегии иностранных дел.

Перу самого Г.Ф. Миллера в сборнике принадлежат, может быть, некоторые немецкие копии договоров 1550 и 1554 гг. Их почерк (см., например, л. 86–91 и 114–119) напоминает почерк ответов Миллера на письмо И.-Х. Гаттерера от 14 июля 1766 г.[8] Этот почерк резко отличается своей небрежностью и размашистостью от аккуратного почерка немецких копий договоров 1509–1535 гг. Русский и немецкий тексты договора 1535 г. написаны в сборнике разными почерками XVIII в. Почерк русского текста идентичен почерку копий ряда других договоров, написанных в сборнике на русском языке. Почерк немецкой копии также находит аналогии в сборнике. Им написаны немецкие тексты договоров 1509 г. (л. 1–8 об.), 1514 г. (л. 9–14 об.), 1521 г., датированного здесь 1522 г. (л. 15–22), двух договоров 1531 г., датированных в сборнике 1532 г. (л. 23–30 и 38–47), две копии договора 1554 г. (л. 120–127 об., 132–135). Это каллиграфический ровный почерк с выдержанным наклоном букв справа налево.

В конце копии договора 1509 г. есть прямое указание имени переписчика: "Списывалъ и с подлиннымъ читалъ переводчикъ Петръ Миллеръ"[9]. Поскольку немецкая копия договора 1535 г. на-

---

[5] Там же. № 749. Ср.: *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. № 1054 (1765 г.).

[6] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели... С. 22, 38, 162. № 20.

[7] *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства... № 20; ср.: Там же. № 19 (1761 г.).

[8] См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 389. Ч. 2. № 5. Л. 13–14 об.; подробнее об этом см.: *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 50.

[9] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 299. Ч. V. Л. 8 об. Ср.: СГГД. М., 1894. Ч. V. № 57. С. 47, где: "Списывалъ актуаріусъ Петръ Миллеръ".

писана тем же почерком, что и копия договора 1509 г., мы можем считать ее также принадлежащей перу Петра Миллера. Последний приходился Г.Ф. Миллеру племянником[10].

Немецкий текст договора 1535 г. предваряется в сборнике коротким заголовком наверху л. 57: "Copia къ № 5-*му* | 1535|." Русскому тексту того же договора предшествует в копийном сборнике более пространный заголовок на л. 48: "1535 | грамота перемирная, что учинено пере|мирье с Лиѳлянскою землею въ Новѣгородѣ 7043-*г*(о) го*ду*|". В обеих копиях грамота датируется 1535-м годом. Под этой же датой публикуемый договор фигурирует в общем заголовке к сборнику на л. I: "Копіи съ трактатовъ и перемирныхъ лифляндскихъ | грамотъ | 1509, 1514, 1522, 1532, 1535, 1550, 1554 годовъ | на нѣм. языкѣ съ россійскимъ переводомъ".

Водяной знак л. I – лилия и буква М. Перед цитируемым заголовком: "Tractate mit Lifland".

Обратим внимание на то, что в заголовке немецкой копии грамота 1535 г. указана под номером "5". Именно этот номер, написанный черными чернилами почерком XVIII в., поставлен в подлиннике на нижнем поле л. 1 и 2[11]. Следовательно, при Миллере грамота была датирована 1535 г. и снабжена номером "5".

В 1783–1814 гг. Московским архивом Государственной коллегии иностранных дел заведовал Н.Н. Бантыш-Каменский. Он составил обзор документов архива в четырех частях. Сведения о русско-ливонских договорах XVI в. содержатся в третьей части, которая в рукописи носит название: "Сокращенное известие о взаимных между россійскими монархами и европейскими державами посольствах, переписках и договорах, хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве с 1481–1798 год. Часть III. Собранное и по алфавиту государств расположенное действительным статским советником Николаем Бантышем-Каменским. 1804 г."[12]

Третья часть труда Н.Н. Бантыша-Каменского была опубликована в 1896[13] и 1897 гг.[14] по двум экземплярам авторской рукописи – беловому и черновому, причем за основу был взят беловой

---

[10] За справку приносим благодарность С.С. Илизарову.

[11] РГАДА. Ф. 64 (Сношения России с Лифляндией и Эстляндией). Оп. 2. № 7. Л. 1–2.

[12] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. III (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). С. б/н после С. IV.

[13] [*Бантыш-Каменский Н.Н.*]. Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1896.

[14] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений… М., 1897. Ч. III.

экземпляр. По замечанию С.А. Белокурова, являвшегося издателем работы Н.Н. Бантыша-Каменского, беловик третьей части не содержит авторской правки. Черновик использовался при издании только для исправления описок, встречающихся в беловике. С.А. Белокуров сообщает, что оба экземпляра рукописи Н.Н. Бантыша-Каменского поступили в МГАМИД после смерти автора (т.е. после 1814 г.), но когда именно, он не указывает[15].

Таким образом, опубликованная в 1896 и 1897 гг. работа может считаться трудом Н.Н. Бантыша-Каменского, законченным в 1804 г. Поэтому всю имеющуюся в изданиях 1896 и 1897 гг. информацию о ливонских договорах мы вправе рассматривать как прямое отражение того, что знал и думал об этих документах Н.Н. Бантыш-Каменский в 1804 г. Судя по указанным публикациям, Н.Н. Бантыш-Каменский датировал договор 1-м октября 1534 г. и утверждал, что он хранится в Архиве коллегии под номером "6"[16].

Сопоставим с этим архивные пометки, сопровождающие подлинник грамоты. Подлинник сложен вдвое по горизонтали и вертикали и завернут в грубую бумагу XVIII в., на которой имеются чернильные надписи, сделанные почерками XVIII–XIX вв. "Упаковка" грамоты была произведена, вероятно, при Миллере, когда и появился заголовок на лицевой стороне обложки-обертки. Он начинался с даты "1535". Конечное "5" этой даты исправлено другим почерком и другими чернилами на "4" и тем же почерком после числа года приписано "окт: 1". Другое характерное исправление было сделано в надписи наверху лицевой стороны обложки слева, где указан архивный номер документа. Первоначально после знака номера здесь стояла цифра "5". Затем ее частично стерли и заменили на "6". Позднее и "6" было стерто. После него написали "7". Номер "7" сохранился за рукописью в архиве до настоящего времени. Все эти перемены в нумерации документа, наблюдаемые по следам полустертых цифр, не отразились на подлиннике грамоты, где "№ 5" на нижнем поле л. 1 и 2 остался в нетронутом виде и не был дополнен другими пометками.

Исправление числа года ("1535" на "1534"), добавление после него названия месяца и числа дня ("окт: 1"), изменение номера документа ("5" на "6") – все эти факты соответствуют тому, как характеризует грамоту 1535 г. Н.Н. Бантыш-Каменский в своем обзоре материалов Московского архива иностранной коллегии. Следовательно, нет сомнения в том, что установление для дого-

---

[15] Там же. С.III, IV.

[16] [*Бантыш-Каменский Н.Н.*] Курляндские, лифляндские... дела... С. 65 и примеч.**; *Он же.* Обзор внешних сношений... Ч. III. С. 65 и примеч.**.

вора даты "1534 окт. 1" и номера "6" было произведено в Архиве при Бантыше-Каменском, и, вероятнее всего, до 1804 г.

О договоре 1535 г. Бантыш-Каменский писал в своем обзоре следующее: "1534 г. В сем году умер лифляндской князь Плетенберг. На его место вступил Герман Бриггеней Газен-Камп (то-есть Заячье поле). Он тотчас прислал в Новгород послов своих Иоганна Лоде и Федора Корфе обновить перемирие. Вследствие сего 1 октября постановлена была при новгородском наместнике князь Борисе Ивановиче Горбатом и при Михаиле Васильевиче[17] Воронцове с псковскими старостами Богданом Ковыриным, Назаром Онисимовым Глазатым и Андреем Анкудиновым запись – быть перемирию на 17 лет, а рубежу меж Пскова и Лифляндии старому"[18].

Н.Н. Бантыш-Каменский ошибся дважды. Во-первых, он полагал, что магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг умер в 1534 г. На самом деле это произошло в начале 1535 г. Во-вторых, ученый думал, что новый магистр Герман фон Брюггеней отправил послов непосредственно в Новгород. Между тем в действительности послы заключили договор в Новгороде лишь после того, как посетили Москву в марте 1535 г.

В 1817 г. вышел в свет восьмой том "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. В нем автор коснулся, в частности, и русско-ливонского договора 1535 г.[19] Карамзин впервые в историографии поставил текст договора 1535 г. в связь с известием Никоновской летописи[20] о приезде в Москву послов ливонского магистра Германа. Сопоставляя эти источники, он писал: "Там (в летописи. – *С.К.*) сказано, что послы ливонские приехали в Москву 16 марта 1535; а в грамоте, что перемирие заключается от 1 октября 1534"[21]. Карамзин правильно датировал договор не 1534, а 1535 г. Тем самым он как бы продолжил миллеровскую традицию и избежал ошибки Бантыша-Каменского.

Карамзин был первым (и, может быть, единственным), кто дал краткое изложение основного содержания договора 1535 г. Характеризуя его происхождение, историк подчеркивал заинтересованность в договоре ливонской стороны: "... Герман фон Брюггеней и рижский архиепископ от имени всех *златоносцев* или рыцарей,

---

[17] Так в опубликованном тексте; должно было бы быть "Семеновиче".

[18] [*Бантыш-Каменский Н.Н.*]. Курляндские, лифляндские... дела... С. 65; *Он же.* Обзор внешних сношений... Ч. III. С. 65.

[19] См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. II, т. VIII. Стб. 13; Примеч. к т. VIII. Стб. 8, № 18.

[20] Карамзин пользовался Синодальным списком Никоновской летописи (о нем см.: ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. IV).

[21] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примеч. к т. VIII. Стб. 8, № 18.

немецких бояр и *ратманов* Ливонии убедительно молили великого князя о дружбе и покровительстве"[22]. Данный акцент, навеянный летописной интерпретацией событий, кажется несколько тенденциозным. В самом договоре о "молении" магистра и архиепископа не говорится ничего.

Из лиц, участвовавших в заключении договора 1535 г., Карамзин упомянул всех, кроме двух псковских наместников. Что касается указанного Карамзиным номера, под которым договор хранился в Архиве иностранной коллегии ("№ 3")[23], то он вызывает удивление. Такого номера мы не находим ни на оригинале грамоты, ни на покрывающей его обложке XVIII в. Если не считать буквы "в", написанной без титла почерком XVI в. на л. 1 об. и 2 об. (номер "2"?), самым "старшим" номером грамоты была цифра "5", написанная почерком XVIII в. на нижнем поле л. 1 и 2. Вероятно, номер "3" Карамзин указал по ошибке вместо номера "5", хотя в его время на обложке номер "5" уже был стерт и заменен на "6" (номер "7" появился, наверное, позже).

Не исключено также, что Н.М. Карамзин имел в виду номер не русско-ливонского договора 1535 г., а русско-шведского договора 1537 г., дошедшего в трех сокращенных копиях XVIII в., которые хранились в Архиве коллегии под номером "3"[24]. Карамзин рассматривал русско-ливонский договор 1535 г. в тесной связи с русско-шведским договором 1537 г. и даже приписал заключение последнего тем же лицам, которые заключали договор 1535 г., т.е. кн. Б.И. Горбатому и М.С. Воронцову. В 1537 г. новгородским наместником действительно оставался Б.И. Горбатый, но второго наместника – М.С. Воронцова – тогда уже не было: его заменил дворецкий С.Н. Бутурлин[25].

В 1856 г. появился шестой том "Истории России с древнейших времен" С.М. Соловьева. В обзоре внешней политики Русского государства в период регентства Елены Глинской автор упоминает договор со Швецией 1537 г. и очень глухо говорит о русско-ливонском договоре, не называя его конкретной даты: "Подтверждены прежние договоры с Ливониею"[26]. Этому глухому упоминанию

---

[22] Там же. Кн. II. Т. VIII. Стб. 13. курсив Карамзина.

[23] Там же. Примеч. к т. VIII. Стб. 8, № 18: "См. сию грамоту в Архиве Иностран. Коллегии № 3 между лифляндскими".

[24] РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 3. № 3. Л. 1–7 об.

[25] Об этой путанице у Карамзина подробнее см.: *Каштанов С.М.* Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978. С. 215–216.

[26] См.: *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III: История России с древнейших времен, т. 5–6. С. 405.

соответствует и глухая ссылка на Архив МИД: "Договоры шведский и ливонский в архиве Мин. ин. дел"[27].

Как уже говорилось выше, в 1896 и 1897 гг. был опубликован труд Н.Н. Бантыша-Каменского, в котором русско-ливонский договор 1535 г. датировался 1-м октября 1534 г. В дальнейшем договор упоминался в литературе обычно с датой "1534". Под этой датой он фигурирует в "Обзоре" В.Н. Шумилова (1954 г.)[28], в новом Путеводителе по Архиву древних актов (1991 г.)[29], в статьях наших крупнейших знатоков истории русско-ливонских отношений Н.А. Казаковой[30] и И.П. Шаскольского[31], которые, впрочем, не занимались изучением ни происхождения, ни содержания договора 1535 г.

И.П. Шаскольский писал, в частности, что "по данным дерптского архива XVI в." обязательство об уплате Дерптом дани Пскову "заключалось также в договорах 1493, 1531 и 1534 гг."[32] (имеются в виду особые договоры Пскова с Дерптом, составлявшиеся наряду с общими русско-ливонскими договорами). Книга Ф.К. Гадебуша, на которую при этом ссылается Шаскольский, не содержит прямых указаний дат договоров XVI в. Об их хронологии можно судить только по именам послов, названных Гадебушем в качестве участников заключения договоров. Гадебуш упоминает пять старых крестоцеловальных грамот ("fünf alte Kreuzküssingen"), из которых две (1493 г.) хранились в городе, а три другие – в епископском архиве в замке. В числе составителей трех последних грамот были следующие лица: 1) "Lubbert Kawer und Reinhold Salis"; 2) "Gürgen Loden und... Friedrich Korf"; 3) "Friedrich Dücker und Reinhold Dumpian"[33]. Первая пара послов участво-

---

[27] Там же. С. 702, примеч. 8.

[28] *Шумилов В.Н.* Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI–XVI вв. М., 1954. С. 39.

[29] Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель в четырех томах. М., 1991. Т. 1. С. 259. В первом Путеводителе по ЦГАДА русско-ливонские договоры XVI в. упоминались в общей форме под 1509–1554 гг. (Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1946. Ч. I. С. 80).

[30] *Казакова Н.А.* Русско-ливонские договоры 1509 г. // ВИД. Л., 1972. Вып. IV. С. 213, примеч. 76.

[31] *Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 380–381; *Он же.* Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 16.

[32] *Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. ... С. 381.

[33] *Gadebusch F.K.* Livländische Jahrbücher. Riga, 1780. Erster Theil. Letzter Abschnitt. S. 432.

вала в заключении договора 1531 г.[34], вторая – 1535 г.[35] и третья – 1550 г.[36]

Таким образом, приводимая Шаскольским дата договора – "1534 г." – базируется не на прямом показании источника, а на представлении автора о том, когда действовали послы Иоганн Лоде и Фридрих Корф.

В статье, опубликованной в 1978 г., С.М. Каштанов вслед за Н.М. Карамзиным сопоставил дату договора, содержащуюся в подлиннике (7043 г. по эре от Сотворения Мира), с известиями летописей о приезде в Москву в марте 1535 г. послов от ливонского магистра Германа. Автор высказал предположение, что договор был составлен в промежутке между 16 марта и 1 сентября 1535 г.[37]

О заключении договора 1535 г. можно найти информацию в справочнике В.В. Похлебкина (1995 г.)[38]. Правда, датировка договора здесь весьма противоречива. С одной стороны, автор определяет этот документ как "протокол 1534 г.", с другой стороны, говорит, что заключение договора состоялось "скорее всего" в марте 1535 г. Можно подумать, что текст договора ("протокол"?) был составлен в 1534 г., а утвержден в марте 1535 г., т.е. что его подготовили в Новгороде в 1534 г., а заключили в Москве в 1535 г. Однако последовательность событий была обратной.

Перечисляя участников составления договора и говоря о причинах и поводах его заключения, В.В. Похлебкин не ссылается ни на источники, ни на литературу вопроса. Создается впечатление, что он пользовался трудами Н.Н. Бантыша-Каменского и Н.М. Карамзина.

Инициатива составления договора 1535 г. исходила от магистра Ливонского ордена, о чем можно судить не только по факту

---

[34] См.: СГГД. Ч. V. № 106. С. 117. В грамоте названы четыре ливонских посла. Из них на первом месте были "Иван Бокгорст да Тебек Патин" ("Johann van Buckhorsth vnnde Sheners Patiner"), на третьем и четвертом – "Лебрехт Кавер да Леонард Салис" ("Liebrecht Kauer, Renold Salis").

[35] См. ниже публикуемый договор 1535 г.: Русский текст, строка 4 ("Ива*н* Лоде*н* да θедо*р* Корθъ"); Немецкий текст, строка 5 ("Johan Lode vnd Frederich Korff"). У Гадебуша "Gürgen" вместо "Johan" поставлено, видимо, по ошибке.

[36] РЛА. № 380. С. 370. Всего здесь названо шесть ливонских послов, из них три – магистра ("Johan Wrangell, Otto Grothus u. Georg Pipenstock") и три – дерптского епископа ("Fredorich Duiker, Reinolt Dumpian u. Henrich von Affelen"). У Гадебуша третий епископский посол не упомянут.

[37] *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 215 и примеч. 79.

[38] *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995. Вып. II, кн. 1. Войны и мирные договоры: Справочник. С. 123. № LXXIV. На эту работу наше внимание обратили О.И. Хоруженко и М.В. Голиков, которым выражаем признательность.

присылки им своих послов в Москву, но и по совокупности обстоятельств, сложившихся в это время в Ливонии. 28 февраля 1535 г. умер Вальтер II фон Плеттенберг[39], являвшийся магистром Ордена в течение 40 лет и 8 месяцев (он был избран 7 июля и утвержден в сане магистра 9 октября 1494 г.)[40]. Сразу после смерти Плеттенберга пост магистра занял Герман II фон Брюггеней по прозвищу Хазенкамп. Историк конца XIX в. Эрнст Серафим характеризует его как человека жесткого, решительного и вспыльчивого[41]. Карьера Брюггенея началась в 20-х годах XVI в., когда он исполнял должность фогта Бауске (ныне – г. Бауска) в Курляндии, к юго-востоку от Митавы (современная Елгава)[42]. Это был стратегически важный пункт, через который проходила дорога в Литву. В 1532 г. Брюггеней стал ландмаршалом Ордена[43], а в начале 1534 г. – коадъютором магистра, сохранив при этом звание ландмаршала[44].

Хронист Дионисий Фабрициус пишет, что Хазенкамп был первым из магистров Ливонии, кто узурпировал княжеский титул: "Plettenbergio successit H a s e n c a m p i u s, qui primus inter magistros Livoniae principis titulum vsurpare coepit, anno circiter 1535"[45]. Име-

---

[39] В письме Ревелю от 3 марта 1535 г. Герман фон Брюггеней сообщал, что магистр Лифляндии умер "am vorgangen sundage oculi" (Akten und Recesse der Livländischen Ständetage / hrsg. von Oskar Stavenhagen. Riga, 1910. Bd. III / bearb. von Leonid Arbusow. Lfg. 6. № 344. S. 889). Oculi ("глаза") – название 3-го воскресенья перед пасхой, которое приходилось в 1535 г. на 28 февраля.

[40] [*Napiersky C.E.*]. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Riga; Dorpat, 1835. Zweiter Theil. S. 351.

[41] *Serafim E.* Geschichte Liv-, Est- und Kurlands von der "Aufsegelung" des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich. Reval, 1895. Bd. 1. S. 325.

[42] Фогт Бауске упоминается без имени в документах января 1522 г. (Akten und Recesse... Riga, 1909. Bd. III. Lfg. 3. № 121. S. 360; ср. № 122. S. 366), июля 1525 г. (Ibid. Lfg. 4. № 207. S. 526), декабря 1525 г. (Ibid. № 218a. Anm. 1. S. 551), марта 1526 г. (Ibid. № 231. S. 591), июня 1527 г. (Ibid. № 237. S. 614); идентифицируется как Герман Брюггеней в указателе к изданию (см.: Ibid. Riga, 1910. Bd. III, Lfg. 6. S. 903).

[43] Упоминается в документах марта 1532 г. (Akten und Recesse... Riga, 1909. Bd. III. Lfg. 5. № 303. S. 783 – назван по имени), февраля 1533 (Ibid. Riga, 1910. Bd.III. Lfg.6. № 323. S. 835 – имя не указано), апреля 1533 г. (Ibid. № 324. S. 837, 839 – назван по имени).

[44] Упоминается как "lantmarschalk" и "coadjutor" в документах января – февраля 1534 г. (Akten und Recesse... Bd. III. Lfg. 6. № 328. S. 847, 860 – не назван по имени), февраля 1534 г. (Ibid. № 330. Anm. S. 866 – указан только как "lantmarsschalck" и не назван по имени; № 333. S. 870, 872 – назван по имени и фигурирует как "landtmarschalck"), февраля 1535 г. (Ibid. № 343. S. 889 – подписался под письмом магистру полным именем и как ландмаршал: "Hermann van Bruggeney, genannth Hasenkamp, lantmarschalck D.o. tho Lifflande").

[45] Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland. Riga; Leipzig, 1848. Bd. II. S. [463] (напечатан неверный номер страницы – 663).

ется в виду, вероятно, не присвоение титула "furste mester" (им пользовался и Плеттенберг), а то, что Брюггеней захватил власть без процедуры выборов, воспользовавшись своим положением коадъютора. В письме в Ревель, написанном 3 марта 1535 г., через два дня после смерти Плеттенберга, Брюггеней именует себя "избранным ленным магистром" Лифляндии. Его подпись гласит: "Hermann van Bruggeney gnanth Hasenkampp, erwelter bolenter meyster und lantmarschalck Duitzsches ordens tho Lifflande"[46]. В подтвердительной жалованной грамоте г. Риге от 23 июля 1535 г. Брюггеней выражает благодарность божественному провидению за то, что он был посажен на магистерство (Meisterthum) при жизни своего предшественника[47]. Апологет Брюггенея хронист Томас Хорнер (1562 г.) говорит, что Брюггеней был "возведен" в сан магистра: "Hermannus ad magisterij dignitatem euectus est"[48]. Брюггеней умер 4 февраля 1549 г.[49] Он правил 13 лет и 11 месяцев. У хронистов в списках и жизнеописаниях ливонских магистров Брюггеней фигурирует либо под номером "42"[50], либо под номером "44"[51].

При Брюггенее в Ливонии получил значительное распространение протестантизм. Католический хронист Дионисий Фабрициус осуждает Брюггенея за попустительство "лютеранской ереси" и нерадение к католической вере. Хронист не жалеет красок, чтобы представить Брюггенея в дурном свете. Описывая его попойки, он говорит, что Брюггеней насильственно удерживал собутыльников за столом и не выпускал их даже для отправления естественных надобностей[52].

Лютеранин Хорнер, напротив, называет Брюггенея мужем набожным и умеренным ("uir pius ac moderatus"), который не отвергал евангелическое учение и позволил даже отменить некоторые устаревшие церковные обряды, основанные на суеверии[53]. В таком же духе, со ссылкой на Хорнера, характеризует Брюггенея и другой хронист – Иоганн Реннер[54]. В упоминавшейся жалованной грамоте г. Риге июля 1535 г. Брюггеней давал торжественное

---

[46] Akten und Recesse... Bd. III, Lfg. 6. № 344. S. 889.

[47] *Gadebusch F.K.* Livländische Jahrbücher. Th. 1. Letzter Abschnitt. S. 349; ср.: [*Napiersky C.E.*] Index... Th. II. S. 310. № 3512.

[48] Scriptores rerum Livonicarum. Bd. II. S. 386.

[49] [*Napiersky C.E.*]. Index... Th. II. S. 351.

[50] Scriptores rerum Livonicarum. Bd. II. S. 35 (Б. Руссов), [463] (ошибочно пронумерована как 663) (Д. Фабрициус).

[51] Ibid. S. 386 (Т. Хорнер), 436 (Д. Фабрициус).

[52] Ibid. S.[463]–464.

[53] Ibid. S. 386.

[54] Johann Renner's Livländische Historien / hrsg. von Richard Hausmann und Konstantin Höhlbaum. Göttingen, 1876. S. 139.

обещание защищать евангелическое учение и городские свободы[55].

Церковную иерархию в Ливонии представляли архиепископ Рижский и епископы Дерптский, Эзельский, Курляндский, Ревельский. Рижским архиепископом в 1527–1539 гг. был Томас Шёнинг (Thomas Schöning)[56]. В июле 1530 г. ландтаг в Вольмаре избрал маркграфа Бранденбургского Вильгельма коадъютером архиепископа Рижского. Архиепископ Томас и орденмейстер Вальтер Плеттенберг подтвердили это постановление в марте 1532 г.[57] Что касается дерптского епископа, то, согласно Гадебушу, в 1527–1542 гг. им был Иоганн VIII[58]. Между тем Напьерский относит к 1527–1535 гг. епископство Иоанна VII Бея (Johann VII. Bey), а под 1535 г. отмечает начало епископства Иоганна VIII Геллингсхаузена (Johann VIII. Gellingshausen)[59].

В заключительном документе Феллинского ландтага февраля 1534 г. фигурируют рижский архиепископ Томас (Thomas) и епископы: дерптский – Иоганн (Johannes tho Derpth), эзельский – Рейнхольд (Reinoldus tho Osell), курляндский – Герман (Hermannus tho Cuirlandt), ревельский – Иоганн (Johannes tho Revall)[60]. В русско-ливонском договоре 1535 г. никто из них не назван по имени, а все епископы, кроме дерптского, упоминаются только во множественном числе.

В начале 1535 г., когда умер Плеттенберг и к власти пришел Брюггеней, политическая обстановка в Ливонии была напряженной. Продолжалась борьба за обладание Эзель-Викским епископством, которую вели между собой Вильгельм, маркграф Бранденбургский и коадъютор архиепископа Рижского, с одной стороны, и Рейнхольд Буксхёвден (Buxhöwden), "избранный" (electus) епископ Эзельский – с другой. Эзель-Викское епископство было самой западной епархией Ливонии. В нее входила, кроме острова Эзель (Сааремаа), еще и область Вик (Wiek, по-эстонски Läänemaa) – северо-западная прибрежная часть Эстонии с островами Даго (Даген, Хийумаа) и Вормс (Вормси).

Вильгельм начал борьбу за Эзель и Вик в 1531 г., вскоре после того, как стал коадъютером рижского архиепископа. Вильгельм был человеком влиятельным, носителем многих титулов:

---

[55] См.: *Gadebusch F.K.* Op. cit. Th. I. Letzter Abschnitt. S. 349–350.

[56] [*Napiersky C.E.*]. Index... Th. II. S. 379.

[57] Ibid. S. 228. № 3041; ср.: *Костомаров Н.[И.]* Ливонская война. СПб., 1864. Ч. I. С. 24.

[58] *Gadebusch F.K.* Op.cit. Th. I. Letzter Abschnitt. S. 335–372.

[59] [*Napiersky C.E.*] Index... Th. II. S. 379.

[60] Akten und Recesse... Bd. III, Lfg. 6. № 333.

"marggrave tho Brandenburg, tho Stettin Pomern, der Cassuben und Wenden hertzog, burggrave tho Nuremberg und furst tho Ruegen"[61]. Кроме того, он являлся братом герцога Альбрехта Прусского, хохмейстера (высшего магистра) Ливонского ордена в 1511–1525 гг. В борьбу за Эзельское епископство оказались втянутыми не только власти, рыцарство и города Ливонии, но и государи соседних стран (Дании и Польши), император Священной Римской империи Карл V и его брат римско-германский король Фердинанд, папская курия.

В 1532–1533 гг. Вильгельм преуспел в своей борьбе и стал "постулированным господином Эзельского епископства" ("postulierter herr des stiffts tho Ozell")[62]. Рейнхольд не сдался и в 1534 г. добился восстановления своих прав на епархию[63]. Вильгельм был вынужден уйти из Вика и освободил тамошнее рыцарство от вассальной присяги, принесенной ему как епископу в 1532 г., но от своих прав на епархию не отказался[64]. Его уполномоченные оспаривали решение Феллинского ландтага февраля 1534 г., восстановившего права Рейнхольда[65].

В начале 1535 г. конфликт вокруг Эзельской епархии продолжал оставаться в центре внимания орденских властей и церковных иерархов Ливонии. 27 января 1535 г. рижский архиепископ Томас направил Рейнхольду письмо, касающееся его тяжбы с маркграфом Вильгельмом[66]. 7 февраля 1535 г. Герман фон Брюггеней в качестве ландмаршала обратился с письмом к магистру Ордена Вальтеру фон Плеттенбергу, призывая его созвать в ближайшее время общее собрание сословий для обсуждения эзельского вопроса. Промедление в этом деле он считал опасным[67]. В письме от 3 марта 1535 г. г. Ревелю Брюггеней, уже ставший магистром, просил бургомистров и ратманов прислать полномочных представителей на ландтаг, созываемый в Вольмаре 14 марта 1535 г.[68] Не бездействовал и маркграф Вильгельм. 12 марта 1535 г. был составлен нотариальный документ, в котором Вильгельм выступил

---

[61] Ibid. № 324. S. 837.

[62] Ibid. См. также: [*Napiersky C.E.*] Index... Th. II. S. 227–236. № 3035–3038, 3040, 3052–3055, 3058–3064, 3067, 3069–3081, 3083, 3085, 3086, 3088.

[63] [*Napiersky C.E.*] Index... Th. II. S. 236–239. № 3087, 3089, 3091–3102.

[64] Ibid. S. 238. № 3097, 3098.

[65] Ibid. S. 236. № 3087.

[66] Monumenta Livoniae Antiquae: Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuchterung der Geschichte Liv-. Ehst- und Kurland's dienen. Riga; Leipzig, 1847. Bd. V. S. 433–434. № 137.

[67] Akten und Recesse... Bd. III. Lfg.6. S. 887–889. № 343.

[68] Ibid. S. 889. № 344.

с протестом против восстановления Рейнхольда в правах эзельского епископа[69].

Польский король Сигизмунд I также не остался безучастным к продолжающейся политической борьбе в Ливонии. 13 мая 1535 г. он обратился к Брюггенею с призывом созвать в июне того же года общий ландтаг для урегулирования спорных вопросов, существующих между маркграфом Вильгельмом и Орденом[70]. Одновременно Сигизмунд направил письмо Вильгельму, предлагая свое посредничество в деле примирения противников[71]. Что касается собственно польско-ливонских отношений, то еще в январе 1535 г. уполномоченные обеих стран встречались для уточнения границы между Ливонией и Литвой[72], однако само размежевание произведено не было из-за разногласий между представителями договаривающихся сторон[73].

Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация побуждала Брюггенея как можно быстрее добиться подтверждения мирного договора Ливонии с ее могущественным восточным соседом – Россией. В марте 1535 г. срок действия предыдущего русско-ливонского договора (1531 г.)[74] еще далеко не истек. Он был заключен на 20 лет: с 1 октября (Покрова Богородицы) 7040 (1531) г. до 1 октября 7060 (1551) г.[75] Однако в начале марта 1535 г. уже больше года как не было в живых Василия III, гаранта договора со стороны России (умер 3 декабря 1533 г.), и не стало Вальтера фон Плеттенберга, гаранта того же договора со стороны Ливонии. Смерть Василия III в декабре 1533 г. не вызвала у ливонской стороны попытки заключить новый договор с Россией при малолетнем Иване IV и его матери-регентше. Смерть Плеттенберга 28 февраля 1535 г., напротив, привела к немедленному осознанию такой необходимости.

Можно удивляться той быстроте, с которой Брюггеней отправил своих послов в Россию. По одним известиям, они приехали к великому князю 8 марта 1535 г., по другим – 16 марта, т.е. через неделю или через две недели после смерти Плеттенберга, значит, выехали почти сразу после этого события. О приезде ливонских послов под 8 марта 1535 г. сообщают летописи Воскресенская[76],

---

[69] Monumenta Livoniae Antiquae... Bd. V. S. 434 – 439. № 138.

[70] *Gadebusch F.K.* Op.cit. Th. I. Letzter Abschnitt. S. 351.

[71] Ibid.

[72] [*Napiersky C.E.*] Index... Bd. II. S. 310. № 3511.

[73] См.: *Gadebusch F.K.* Op .cit. Th. I. Letzter Abschnitt. S. 348.

[74] Ливонское посольство было "в Новегороде и на Москве" осенью 7040 (1531) г. – ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 60.

[75] СГГД. Ч.V. № 105, 106. С. 111, 117.

[76] ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С.289.

Александро-Невская[77], Никоновская по списку Оболенского и сходным[78], Царственная книга[79], Пискаревский летописец[80]. Ту же дату приводит В.Н. Татищев[81]. 16-м марта 1535 г. приезд послов датируется в Никоновской летописи по спискам Акад. XIV (основной список), Синодальному и др.[82], в Львовской летописи[83], Летописце начала царства[84]. Без месяца и числа приезд ливонских и шведских послов зафиксирован под 7043 г. в Отрывке русской летописи, помещенном в VI томе ПСРЛ[85].

Известие о приезде послов 8 марта 1535 г. во всех летописях отличается краткостью. Цель приезда сводится в нем лишь к намерению приветствовать нового государя по случаю восшествия на престол, о заключении же договора не говорится ничего: "Марта же 8 приидоша к великому князю послы от маистра короля Ливоньского от Гермона, Иван Лодень да Федор Онтанов, да Ганос, здравьствовати великому князю на великых государствех"[86].

В текстах, относящих приезд послов к 16 марта, различаются две части: первая – о приезде послов, вторая – о заключении договора. В Никоновской летописи всему сообщению предпослан заголовок: "О немецких послех". В первой части читаем: "Того же месяца, марта 16, приидоша на Москву к великому государю Ивану Васильевичю, всея Русии самодръжьцу, послы от маистра Ливоньского от Германа, Иван Логден да Феодор Онтонов, да Ганус, здравьствовали великаго князя на великых государьствех... ". Далее идет продолжение, или вторая часть: "... и били челом, чтобы государь жаловал и берег их тако же, как их жаловал отець его, князь великий Василий Ивановичь, магистра и всю землю Ливоньскую. И князь великий Иван Васильевичь магистра и всю землю Ливоньскую хочеть жаловати и беречи тако же, как отець его жаловал их и берег. И пожаловал их князь великий, велел с ними взяти перемирие в своей вотчине в Великом Новеграде наместником новоградским таково же, как преже сего было с отцем

---

[77] ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 130.

[78] ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 84.

[79] ПСРЛ. СПб., 1906. Т. XIII. вторая половина. С. 423.

[80] ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 169.

[81] *Татищев В.Н.* История российская в семи книгах. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 142; *Он же.* Собрание сочинений в восьми томах. М., 1996. [Кн. III], т. VI: История российская. Часть четвертая. С. 142.

[82] ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 93.

[83] ПСРЛ. СПб., 1914. Т. XX, вторая половина. С. 429.

[84] ПСРЛ. Т.29. С. 17.

[85] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 295.

[86] Цит. по: ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 84.

его, с великым князем Василием Ивановичем всея Русии; и почтив послов, отпустил в свою отчину в Великий Новъград"[87].

Сравним сообщение от 8 марта с первой частью сообщения от 16 марта. В сообщении от 8 марта не говорится, куда именно, в какой город пришли послы, в сообщении же от 16 марта ясно сказано, что они "приидоша на Москву". В сообщении от 8 марта указана объявленная послами цель их прихода: "здравьствовати великому князю на великых государствех". В сообщении от 16 марта констатируется, что послы осуществили это намерение: "здравьствовали великаго князя на великых государьствех". Итак, 8 марта является, вероятно, датой прихода послов не в Москву, а в какое-то другое место в пределах России, скорее всего, в Великий Новгород, где они объявили о своем намерении идти в Москву поздравить юного государя с восшествием на престол. Придя из Новгорода в Москву, послы выполнили эту церемониальную задачу и приступили к осуществлению главной цели своего приезда: переговорам о заключении перемирия. Вести их в Новгороде до посещения Москвы было бессмысленно.

Вторая часть летописного сообщения от 16 марта дает четкое представление о том, как развивались события: великокняжеское правительство выразило согласие на заключение договора на прежних основаниях, т.е. в соответствии с текстом грамоты 1531 г., и отпустило послов в Новгород, где, согласно обычаю, должно было состояться оформление перемирной грамоты.

В летописях названы по имени три члена ливонского посольства 1535 г.: Иван Лоден (Лодень, Логден), Федор Онтонов (Онтанов) и Ганус (Ганос). В подлиннике договора 1535 г. фигурируют только первые два: в русском тексте это "Иван Лоден да θедор Корθъ", в немецком – "Johan Lode vnd Frederick Korff". По ливонским документам известны два Иоганна Лоде в 30-х годах XVI в. Один из них являлся деканом эзельской церкви, другой – советником магистра[88]. Предполагаем, что послом в Россию в 1535 г. был направлен советник, а не декан. Имя Лоде не сопровождается в договоре никакими ранговыми определениями.

Фредерик Корф хорошо известен по ливонским документам как бургомистр Нарвы[89]. Он исполнял эту должность еще в 1519 г.[90] В немецком тексте договора 1535 г. Корф упоминается с определением "burgermeister thor Narue". В русском тексте соответствую-

---

[87] Там же. С. 93.

[88] Akten und Recesse... Bd. III. Abt. 6: Personenregister. S. 911.

[89] Ibid. S. 910.

[90] *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 39.

щее определение отсутствует. Почему русские летописи называют Корфа "Онтонов", неясно. Может быть, он сообщил русским имя своего отца (по немецким источникам оно не устанавливается). Что касается не упомянутого в самом договоре "Гануса" или "Ганоса", то, видимо, это был писец, составлявший немецкий текст договора.

Сколько времени провели ливонские послы в Москве, неизвестно. Полагаем, что не менее двух недель. В Новгороде они оказались, вероятно, в апреле 1535 г. Договор едва ли мог быть заключен позже 20 июня 1535 г., когда начались военные действия против Литвы, в связи с чем новгородские наместники кн. Борис Иванович Горбатый и Михаил Семенович Воронцов вышли с войском из Новгорода и стояли на Опочках[91]. Согласно тексту договора, заключение последнего состоялось именно при этих наместниках. Следовательно, наиболее вероятным временем составления договора можно считать период с 1 апреля 1535 г. (terminus a quo) до 20 июня 1535 г. (terminus ad quem). Более осторожной, хотя и менее правдоподобной является датировка договора промежутком между 8 марта (самое раннее упоминание о ливонских послах) и 31 августа 1535 г. (окончание календарного 7043 г., который фигурирует в конечном протоколе грамоты).

Указанный в грамоте начальный срок ее действия (1 октября 1534 г.) не совпадал с моментом заключения договора. Он был заимствован из предшествующего договора 1531 г. и устанавливался как бы post factum. Основой текста договора 1535 г. послужила вторая из двух договорных грамот 1531 г.[92]

Оригинал договора 1535 г. был скреплен семью печатями. Из них две принадлежали новгородским наместникам кн. Борису Ивановичу Горбатому и Михаилу Семеновичу Воронцову (обе сохранились), две другие – псковским наместникам кн. Михаилу Ивановичу Кубенскому (сохранилась только "птичья лапа"[93] шнура на пергамене) и Дмитрию Семеновичу Воронцову (сохранилась), одна – магистру Ливонского ордена Герману фон Брюггенею (сохранилась лишь пергаменная лента, соединявшая печать с грамотой), одна – рижскому архиепископу Томасу (осталось только отверстие для пергаменной ленты, соединявшей печать с грамотой), одна – вероятно, дерптскому епископу Иоганну (сохранилась часть шелкового шнура, вдетого в пергамен).

Наличие на грамоте атрибутов ливонских печатей означает, что грамота после скрепления ее печатями четырех наместников

---

[91] ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 94–95.

[92] СГГД. Ч.V. № 106. С. 116–123.

[93] Об этой форме прикрепления шнура см.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 266.

побывала в Ливонии, где была скреплена печатями магистра, рижского архиепископа и дерптского епископа. Кто отвез грамоту в Ливонию? Возможно, ливонские послы. Но кто привез ее обратно? Вероятно, посол новгородских наместников, чья поездка в Ливонию для присутствия при ратификации документа предусматривалась в ст. LII договора. Что же осталось у ливонцев? Надо думать, что второй противень договора, не дошедший до нашего времени.

Итак, скорее всего, договор составлялся в четырех экземплярах – двух на русском и двух на немецком языке. Соединенные попарно русский и немецкий экземпляры образовывали два противня. Сначала они скреплялись печатями на Руси, затем в Ливонии. После этого один из противней возвращался в Новгород, а другой оставался в Ливонии.

И.П. Шаскольский считал загадочным сам факт наличия в фонде 64 ЦГАДА (ныне РГАДА) нескольких подлинных пергаменных договорных грамот, составленных, как он писал, "русской стороной". Ученый полагал, что эти оригиналы могли быть захвачены в Ливонии[94]. Однако нет никаких оснований думать, что хранящиеся в РГАДА (а ранее в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, позднее – в МГАМИД) оригиналы являются какой-то случайной добычей, захваченной в Ливонии. Опись Царского архива XVI в. и описи архива Посольского приказа XVII в. свидетельствуют об исконном пребывании этих оригиналов на Руси, что и неудивительно: ведь они представляли собой противни договоров, остававшиеся в руках русских. Аналогичные противни были и у ливонцев. Позднее, при разделе территории Ливонского ордена некоторые ливонские противни попали в Швецию и оказались в шведских архивах и библиотеках, о чем свидетельствует каталог К. Ширрена.

Сведения о пергаменных оригиналах русско-ливонских договоров 1509, 1521 и 1554 гг. содержатся и в обзоре Бантыша-Каменского[95], и в каталоге Ширрена[96]. Объяснить это можно лишь тем, что договоры составлялись в виде двух аутентичных противней. Правда, сведений о договорах 1531 и 1535 гг. мы у Ширрена не находим. Скорее всего, ливонские противни этих договоров безнадежно утрачены.

---

[94] *Шаскольский И.П.* Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. С. 16, примеч. 27.

[95] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор... Ч.III. С. 64–66.

[96] *Schirren C.* Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat, 1861. Bd. I, Hf. 1. S. 18–20. № 167, 173, 197.

В настоящей работе издаются русский и немецкий тексты договора 1535 г., при этом полностью сохраняется орфография подлинника. В русском тексте устаревшие буквы кириллического алфавита не заменяются на новые. Выносные буквы передаются курсивом. Буквы, вносимые в текст при раскрытии аббревиатур, помещаются в круглых скобках. В немецком тексте орфография не модернизируется в соответствии с современными нормами правописания. Буква "v" не заменяется на "u" и наоборот. Не производится замена "i" на "j" и наоборот. Буквосочетание "sh" не заменяется на "sch". Такие поновления текста мы наблюдаем в немецкой копии XVIII в., сделанной П. Миллером. Суспенсии, весьма частые в немецком тексте, раскрываются: недостающие буквы добавляются в круглых скобках. Двоеточие, стоящее в подлиннике после ряда сокращенно написанных (недописанных) слов типа "f: " "ved: " и т.п., в публикации не воспроизводится.

Буквы, утраченные или поврежденные и неясно читаемые в тексте русского и немецкого оригиналов, вносятся в публикацию в квадратных скобках. Знаки препинания в публикации обоих текстов расставляются с учетом смысла фразы и современных правил пунктуации. Знаки препинания, имеющиеся в рукописи, не передаются. О знаках препинания немецкого текста в некоторых случаях сообщается в примечаниях.

В издании обоих текстов, русского и немецкого, концы строк отмечаются вертикальными линиями. В начале каждой строки в круглых скобках ставится ее номер, отсутствующий в рукописи. Номер дается арабскими цифрами и набирается курсивом. Текст русского и немецкого оригиналов в публикации разделяется на статьи, пронумерованные римскими цифрами, которые помещаются в фигурных скобках. Нумерации статей, как и нумерации строк, в рукописи нет. Она введена при издании для удобства соотнесения совпадающих по содержанию частей русского и немецкого текстов.

В примечаниях к публикуемым текстам используются следующие сокращения: в.кн. – великий князь; вын. – выносная; д.б. – должно быть; доб. – добавлено; док. – документ; дрб. – другая буква; дрбб. – другие буквы; дрп. – другой почерк; дрч. – другие чернила; зач. – зачеркнуто; зпт. – запятая; испр. – исправлен. -а, -о, -ы; кв.ск. – квадратные скобки; кн. – князь; л. – лист, -ы; м.б. – может быть; нап. – написан, -а, -о, -ы; оставл. – оставлен, -а, -о, -ы; отс. – отсутствует; подпр. – подправлен, -а,- о, -ы; публ. – публикация; ркп. – рукопись; сохр. – сохранился, -лась, -лось, -лись; схп. – схожий почерк; схч. – схожие чернила; тжп. – тот же почерк;

тжч. – те же чернила; тчк. – точка; уп. – упомянут, -а, -о, -ы, упоминается, упоминание, -я; черн. – чернила.

К оригиналу немецкого текста даны разночтения по копии XVIII в. Они носят главным образом орфографический характер. Текст этой копии был обнаружен и скопирован К.В. Барановым. Его копия послужила существенным подспорьем при чтении и интерпретации текста немецкого оригинала, в ряде мест поврежденного (во многих случаях текст стерся в конце и начале строк). В последнее время К.В. Барановым были сделаны увеличенные снимки оригинала немецкого текста договора и печати № 2 (см. рис. 6), что позволило уточнить некоторые неясные чтения и трактовку иконографии данной печати. Подготовка текста оригинала и другие виды работ были произведены С.М. Каштановым, который является инициатором данного издания.

Хотелось бы выразить искреннюю признательность И.Ю. Айрапетян, И.А. Балакаевой, А.И. Гамаюнову, И.Р. Ивановой, Н.А. Лузанову, А.Г. Мельнику, М.Р. Рыженкову, С.И. Хазановой и Ю.М. Эскину, оказавшим помощь в работе советами и содействием. Компьютерный набор текста авторской рукописи осуществлен О.С. Каштановой, П.С. Каштановым и Л.В. Столяровой, которым приносим глубокую благодарность.

Описание рукописи русско-ливонского договора 1535 г.

Место хранения и архивный шифр: РГАДА. Ф. 64 (Сношения России с Лифляндией и Эстляндией). Оп. 2. № 7. Л. 1–2. Подлинник XVI в.

Размеры

Рукопись на двух соединенных между собой листах пергамена, нижняя часть которых загнута и прошита слева шнурами вислых печатей. Размеры листов с лицевой стороны: 1) без учета частей, скрытых в загибе: л. 1 – 57,8 см по верхнему краю; 59,75 см по нижнему краю; 59,15 см по левому краю; 61,4 см по правому краю; л. 2 – 63,7 см по верхнему краю; 59,75 см по нижнему краю; 55,7 см по левому краю; 55,6 см по правому краю; 2) с учетом частей, скрытых в загибе (т.е. полная величина листов): л. 1 – 57,8 см по верхнему краю; 55,8 см по нижнему краю; 64,6 см по левому краю; 67,4 см по правому краю; л. 2 – 63,7 см по верхнему краю; 60,25 см по нижнему краю; 65,55 см по левому краю; 67,45 см по правому краю.

Л. 1 был загнут снизу вверх на высоту 5,5 см слева и 6 см справа. Высота загиба составила примерно $^{1}/_{13}$ длины листа по вертикали.

Обозначим загнутую часть л. 1 как полосу 1А. Л. 2 был загнут снизу вверх сначала на высоту 9,85 см слева и 11,85 см справа, что составило примерно $^1/_6$ его длины по вертикали. Однако затем верхняя часть этой полосы была загнута вниз. Образовалась складка из двух полос. Одну из них, охватывающую пространство от первого загиба до второго, обозначим как полосу 2А, другую – идущую от второго загиба вниз до конца листа – как полосу 2Б. Высота полосы 2А – 5,55 см слева и 6,4 см справа; высота полосы 2Б – 4,3 см слева и 5,45 см справа. В складку между полосами 2А и 2Б вошла полоса 1А, высота которой равняется высоте загиба л. 1, т.е. 5,5 см слева и 6 см справа. Так нижняя часть л. 1 оказалась с обеих сторон охвачена загибом нижней части л. 2.

Высота полосы 2А превосходит высоту полосы 1А очень незначительно: на 0,05 см слева и 0,4 см справа. Слева полоса 1А практически упирается в верхний сгиб полос 2А и 2Б, а справа немного не доходит до него. Полоса 2Б короче полос 2А и 1А: она не доходит до первого (нижнего) сгиба полосы 2А на 1,25 см слева и на 0,95 см справа.

Лицевая сторона полосы 2А внешне играет роль нижней части л. 1, а на самом деле является продолжением оборотной стороны л. 2. Оборотная сторона полосы 2А представляет собой, напротив, продолжение лицевой стороны л. 2. Она соприкасается с лицевой стороной полосы 1А. Лицевая сторона полосы 2Б продолжает лицевую, а оборотная – оборотную стороны полосы 2А. Таким образом, лицевая сторона полосы 2Б служит окончанием л. 2 об., а оборотная – окончанием л. 2. Лицевая сторона полосы 2Б прилегает к верхней части нижнего поля л. 1, оборотная же соседствует с оборотной стороной полосы 1А. Лицевая сторона полосы 1А является окончанием л. 1 об., оборотная – окончанием л. 1. Лицевая сторона полосы 1А примыкает к оборотной стороне полосы 2А, оборотная – к оборотной стороне полосы 2Б.

И лицевая, и оборотная стороны полос 1А и 2Б находятся внутри загиба и скрыты от взоров зрителей. Не видна также и оборотная сторона полосы 2А. Наружу выходит только ее лицевая сторона, служащая нижней частью лицевой стороны л. 1.

Ширина полос 2А и 2Б по общему для них верхнему краю (второму загибу л. 2) – 60,1 см. Ширина полосы 2А по нижнему краю (первому загибу л. 2) – 59,75 см. Оконечность полосы 2Б скрыта в складке 2А – 2Б. Однако края полосы 2Б выступают из-под полосы 2А на 0,1–0,15 см слева и 0,35–0,4 см справа – всего на 0,5 см. Эту величину надо прибавить к длине полосы 2А по нижнему краю, тогда получим длину нижнего края полосы 2Б: 59,75 + 0,5 = = 60,25 см.

Длину полосы 1А по горизонтали нельзя измерить ни сверху, ни снизу, поскольку вся она находится внутри загиба 2А – 2Б. Полоса 2А выступает своими боковыми краями в стороны от находящейся выше нее основной части л. 1: на 0,9–1 см слева и 3,35–3,4 см справа. Разница ширины л. 1 и полосы 2А не превышает в целом 4,3–4,4 см. Учитывая, что протяженность полосы 2А по верхнему краю составляет 60,1 см, а по нижнему – 59,75 см, можно допустить, что ширина полосы 1А наверху равна 60,1 – 4,3 = 55,8 см, а внизу 59,75 – 4,3 = 55,45 см. Однако маловероятно, чтобы постепенно суживающийся книзу л. 1 вдруг расширился в самом конце – на уровне верхнего края полосы 2А. Поэтому вычисленный показатель ширины полосы 1А на уровне нижнего края полосы 2А (т.е. 55,45 см) мы принимаем лишь условно.

В настоящем виде лицевая сторона л. 1 состоит как бы из двух частей – верхней, большей в высоту, и нижней, меньшей в высоту, но более широкой. Эта нижняя часть представляет собой полосу 2А. Верхняя, или основная часть л. 1 содержит русский текст договора 1535 г. Верхние уголки листа обтрепаны, и ширина его по верхнему краю составляет 57,8 см, в то время как чуть ниже (если опустить линейку на 0,8–1 см) она достигает уже 58,1 см. Внизу основной части, перед верхним краем полосы 2А, ширина л. 1 не превышает 56 см. Ширина полосы 2А по верхнему краю, примыкающему к основной части л. 1, равняется 60,1 см, по нижнему краю, который воспринимается зрителем как нижний край л. 1, – 59,75 см.

Высота верхней части л. 1 (до полосы 2А) составляет 53,6 см по левому краю и 55 см по правому краю. Вместе же с полосой 2А протяженность левого края л. 1 равняется 53,6 + 5,55 = 59,15 см, правого края – 55 + 6,4 = 61,4 см. Таким образом, л. 1 в целом (основная часть и полоса 2А) может быть охарактеризован как имеющий следующие размеры: 57,8–58,1 см по верхнему краю, 59,75 см по нижнему краю (низ полосы 2А), 59,15 см по левому краю и 61,4 см по правому краю.

В 0,9–1,2 см от верхнего загиба полосы 2А и в 1,2–1,5 см от ее нижнего загиба расположены крепления шнуров четырех вислых печатей, сформированные по типу "птичьей лапы"[97]. Они начинаются в 3,5 см от левого края полосы 2А и занимают около трети ее длины по горизонтали – 19,5–19,6 см (сюда входит и величина трех промежутков между четырьмя креплениями). Сами печати держатся на продолжениях шнуров, которые идут только от трех

[97] Об этом типе крепления шнура см.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 266.

креплений: № 1, 2 и 4 (по счету слева). В отличие от последних, крепление № 3 не имеет продолжения вне листа. Печать № 3 не сохранилась.

В 5,7 см вправо от четвертого крепления находится полоска (лента) пергамена, вставленная в довольно узкую горизонтальную прорезь (щель) в полосе 2А. Длина прорези – 1,3–1,4 см. От верхнего края полосы 2А она отстоит на 1,3 см, от нижнего – на 4,9–5,1 см. Пергаменная лента тянется от прорези до нижнего края полосы 2А и выходит за ее пределы, составляя в длину 7,3 см. Ширина ленты на уровне нижнего края полосы 2А – 1,1 см. На этой ленте, безусловно, крепилась печать, ныне отсутствующая. Обозначим ее как печать № 5.

Двигаясь вправо, в 5 см от прорези с лентой находим еще одну прорезь. Длина ее по горизонтали – 1,1 см. Она расположена в 1,2 см от верхнего и в 5,2 см от нижнего края полосы 2А, т.е. почти на том же уровне, что и прорезь для ленты печати № 5. Наличие этой второй прорези говорит о существовании в прошлом печати № 6, которая тоже утрачена.

Чуть выше полосы 2А над прорезью для ленты печати № 6 наблюдается разрыв пергамена в л. 1. Он тянется на протяжении 1,2 см по косой сверху вниз. Ближайшее к этому месту слово в русском тексте – "дати". Оно находится в последней, 59-й строке текста в составе оборота "арцыбискѹпу Ризскомѹ рѹка дати...".

Продолжая движение вправо, в 4,7 см от прорези, предназначенной для крепления печати № 6, обнаруживаем шнур, при котором печать наверняка была, но, как и две предшествующие, не сохранилась. Две прорези для шнура этой печати были сделаны немного ниже уровня двух ранее описанных прорезей: в 2,15–2,2 см от верхнего и в 4,1–4,4 см от нижнего края полосы 2А. Расстояние между внешними сторонами шнура около прорезей – 3,3 см. Расстояние между его внутренними сторонами на том же уровне – 1,7 см. Шнур прогибается дугой, сужаясь книзу, и немного выходит за пределы полосы 2А. Его высота от уровня прорезей до оконечности дуги – 5,8 см. Печать, которая держалась на этом шнуре, может быть обозначена как печать № 7. Правая внешняя сторона шнура печати № 7 на уровне прорезей отстоит от правого края полосы 2А на 15,8 см. Этот промежуток свободен от печатей и не имеет следов их прикрепления.

Посмотрим теперь, как выглядит л. 1 с оборота. Произведем его измерение с этой стороны. Листы пергамена изобилуют складками и сгибами – неровностями поверхности, препятствующими точности измерения с помощью линейки. Поэтому вполне возможны мелкие расхождения в результатах измерения одних и

Таблица 1

Соотношение результатов измерения л. 1 и л. 1 об.

	Ширина (см)		Высота (см)	
л.	верхний край	нижний край	левый край	правый край
1	57,8–58,1	59,75	59,15	61,4
1 об.	59	[55,45]	59,6	59,9
1 об.			правый край	левый край

тех же участков листа с лицевой и оборотной сторон. И тут нет смысла подгонять одни результаты под другие ради достижения абсолютного математического тождества, предполагаемого априори.

В л. 1 об., как и в л. 1, различаются две части – верхняя и нижняя. Верхняя часть л. 1 об. свободно соприкасается с верхней частью л. 2, где помещен немецкий текст договора 1535 г. Нижняя часть л. 1 об. прижата к нижнему полю л. 2, на котором текста нет. Таким образом, нижняя граница верхней части л. 1 об. проходит по линии соединения этого листа с л. 2 сразу после окончания немецкого текста.

Ширина л. 1 об. составляет по верхнему краю 59 см, по линии соединения с л. 2 – 56,2 см, по нижнему краю (= загибу в сторону л. 1 = переходу в полосу 1А) – 55,45 см (согласно вычислениям размеров полосы 1А). Высота верхней части л. 1 об. по левому краю – 54,4 см, по правому краю – 53,4 см. Высота нижней части л. 1 об. по левому краю – 5,5 см, по правому краю – 6,2 см. Общая высота л. 1 об. по левому краю равна 54,4 + 5,5 = 59,9 см, по правому краю – 53,4 + 6,2 = 59,6 см.

Сопоставим результаты измерения л. 1 и л. 1 об. по всем четырем параметрам, имея в виду, что левая сторона л. 1 соответствует правой стороне л. 1 об., а правая сторона л. 1 соответствует левой стороне л. 1 об. (см. табл. 1).

Расхождение показателей ширины по нижнему краю понятно: на л. 1 это величина полосы 2А, т.е. практически ширина л. 2, а на л. 1 об. – ширина собственно л. 1 Точно так же объяснимы расхождения результатов измерения высоты по боковым сторонам листа. Они не могли полностью совпасть, поскольку края нижнего поля л. 1 представлены полосой 2А, т.е. опять-таки л. 2, а на л. 1 об. края нижней части листа принадлежат самому л. 1. Наиболее удивительно несовпадение ширины по верхнему краю, где нет никакого постороннего наслоения на л. 1. Вероятно, поверхность л. 1 об. более гладкая, чем л. 1, поэтому здесь протяженность

верхнего края оказалась при измерении больше, чем на лицевой стороне.

Длина верхней части л. 1 об. по правому полю (53,4 см) весьма близка к расстоянию от верхнего края л. 1 до верхней части шнура первой печати слева (54,5 см). Такое совпадение не случайно. Именно по границе верхней и нижней частей л. 1 об. проходят шнуры печатей № 1–4, которыми л. 1 об. был пришит к л. 2. Пришитая часть составляет около 22,5 см по ширине л. 1 об. справа. Середина и левая сторона нижней части л. 1 об. не столь тесно прижаты к нижнему полю л. 2, ибо здесь нет скрепляющих листы шнуров. Левая нижняя часть л. 1 об. свободно отгибается от л. 2.

В 5,5 см влево от крепления шнура печати № 4, на границе между верхней и нижней частями л. 1 об., находится прорезь длиною в 1,1 см. Она имеет аналог на лицевой стороне, где из прорези выходит пергаменная лента, сохранившаяся от печати № 5. На л. 1 об. лента отсутствует. Возможно, ее верхний конец застрял между листами внутри складки 2А–2Б. Еще через 4,6 см влево следует другая прорезь (щель) примерно такой же длины, как и предыдущая. В ней помещалось, наверное, крепление (пергаменная лента?) утраченной печати № 6. В 1,1–1,5 см выше прорези – косой разрыв в пергамене на протяжении около 1,1–1,2 см.

В 5,5 см влево от прорези для ленты печати № 6 находятся два конца одного и того же шнура, выходящие из двух соседних прорезей, но не связанные в общий узел. Прорези для этого шнура были сделаны на 1 см ниже предыдущих. Расстояние между внешними сторонами двух концов шнура на уровне прорезей – 3,5 см. Ясно, что описанный шнур является частью (продолжением) шнура, который имеется на л. 1 (точнее, на полосе 2А). Он принадлежал отсутствующей сейчас печати № 7.

При установлении размеров л. 1 в полном, или разогнутом, виде надо учитывать результаты измерения как лицевой, так и оборотной сторон листа, а также полосы 1А. Ширина л. 1 по верхнему краю может быть признана равной 57,8–59 см. Ширина л. 1 по нижнему краю равняется ширине полосы 1А в районе верхнего загиба полос 2А–2Б. Приблизительные расчеты показали, что ее протяженность в этом месте не превышает 55,8 см.

Для реконструкции подлинной высоты л. 1 с лицевой стороны необходимо к длине его открытой (или основной) части, доходящей до полосы 2А, прибавить длину незагнутой части поля, скрытой под полосой 2А, и загнутой нижней части поля (полоса 1А), находящейся внутри складки 2А–2Б. Протяженность всех трех частей составляет по левому краю листа 53,6 + 5,5 + 5,5 = 64,6 см, по правому краю – 55 + 6,4 + 6 = 67,4 см. Определение истинной

Таблица 2

Соотношение результатов реконструкции размеров л. 1 и л. 1 об. в развернутом виде

Ширина (см)			Высота (см)	
л.	верхний край	нижний край	левый край	правый край
1	57,8–58,1	[55,8]	64,6	67,4
1 об.	59	[55,8]	65,1	65,9
1 об.			правый край	левый край

высоты л. 1 об. требует сложения его установленной ранее высоты с высотой полосы 1А. Это дает 59,9 + 6 = 65,9 см для левого края и 59,6 + 5,5 = 65,1 см для правого края.

Представим наглядно, в таблице 2, результаты вычисления размеров обеих сторон л. 1 с учетом полосы 1А.

Цифры показывают, что лист несколько сужался книзу и был чуть длиннее с правого края по сравнению с левым. Правда, последнее наблюдение больше подтверждается данными измерениями лицевой стороны, чем оборотной, где разница высоты левого и правого краев составляет всего 0,8 см, в то время как на лицевой стороне она равна 2,8 см.

На лицевой стороне л. 2 различаются две части: верхняя, открытая, на которой помещен немецкий текст договора 1535 г., и нижняя, закрытая листом 1, который пришит к ней слева шнурами печатей № 1–4. С левой стороны нижняя часть л. 2 плотно прилегает к л. 1 об., а с правой стороны соединение их не столь жесткое благодаря отсутствию здесь связующих шнуров печатей.

Ширина л. 2 в его нынешнем виде составляет по верхнему краю 63,7 см, по линии прошнуровки и ухода нижнего поля под л. 1 об. – 60,3 см, по нижнему краю (= нижнему сгибу полосы 2А) – 59,75–59,9 см. Высота открытой верхней части л. 2 равняется по левому краю 49,2 см, по правому краю – 48,4 см. Высота нижнего поля л. 2, скрывающегося под л. 1 об., – 6,5 см по левому краю и 7,2 см по правому краю. Высота л. 2 в целом (но без полос 2А и 2Б) составляет по левому краю 49,2 + 6,5 = 55,7 см, по правому краю – 48,4 + 7,2 = 55,6 см. Следовательно, л. 2 выглядит как более широкий, но более короткий по сравнению с л. 1 (см. табл. 1).

С левой стороны л. 2, на 1,6 см ниже соединения его с л. 1 об., т.е. примерно на 50,8 см ниже верхнего края л. 2, проходят шнуры четырех вислых печатей, приковывающие левую часть нижнего поля л. 2 к л. 1 об. Эта часть листа, включая сюда левое поле,

шнуры для печатей и промежутки между ними, занимает в длину 23,1 см. Далее прикованность л. 2 к л. 1 об. ослабляется, и последующая правая часть нижнего поля л. 2 поддается некоторому обозрению. Так, в 5,7 см вправо от крайнего правого шнура "птичьей лапы" четвертой печати на поле наблюдается тонкая прорезь (щель) длиной в 1,4 см. Ее можно отождествить с прорезью для пергаменной ленты печати № 5. Здесь, как и на л. 1 об., самой ленты нет. Через 1,5 см вправо обнаруживается треугольное отверстие в пергамене, острием вверх, равное 1,5 см по горизонтали и 1,2 см по вертикали. Продолжая следовать вправо, через 1,4 см после первой дыры встречаем вторую, гораздо более значительных размеров. По своим очертаниям она напоминает ботфорт, обращенный носком влево, с широким отворотом наверху, узким голенищем и удлиненной плоской ступней (последняя представлена щелью в пергамене). Высота "ботфорта" – 4,8 см; длина его частей по горизонтали: "отворота" наверху – 2 см, "ступни" внизу – 2,3–4 см, "голенища" в середине – 0,05–0,2 см. Отверстие находится в 2,1–2,2 см от нижнего края листа и доходит до верха нижнего поля л. 2.

В 3,8 см вправо от верхней части этой дыры находится прорезь длиною в 1,15 см. Промежуток в 1,6 см отделяет ее от следующей прорези, равной по длине 1,1 см. Обе последние прорези расположены на одном уровне: на расстоянии 4–4,5 см от нижнего края листа. Они, безусловно, соответствуют прорезям для шнура печати № 7, имеющимся на л. 1–1 об. Правый конец второй прорези удален от правого края л. 2 на 16 см. Этот участок нижнего поля не носит следов прикрепления печатей.

На л. 2 мы не находим прорези для пергаменной ленты печати № 6. Она существовала, по-видимому, на том месте, где сейчас расположена большая дыра, имеющая сходство с очертаниями ботфорта. От нее до прорези, относящейся к печати № 5, примерно 4,4 см. Такое же расстояние составляет в аналогичном месте на л. 1 об. промежуток между прорезями для лент печатей № 5 и 6. В то же время можно полагать, что на месте маленькой треугольной дыры прорези для прикрепления печати не было. Дыра расположена в 1,5 см от прорези для ленты печати № 5 и в 1,4 см от большой, "ботфортовидной" дыры. На л. 1 (полоса 2А) и на л. 1 об. на участке, отстоящем на 1,5 см от прорези для ленты печати № 5, никаких следов прикрепления печати нет. Следовательно, в этом месте не могло быть прорези и на л. 2, ибо прорези имели сквозной характер и затрагивали непременно оба листа.

Опишем теперь л. 2 об., не касаясь пока его загнутых частей 2А и 2Б. Из всех четырех поверхностей л. 1–2 об. поверхность л. 2 об. наиболее цельная и однородная. Она не имеет ни чуждых

ей наслоений типа полосы 2А, которую мы видим на л. 1, ни соединения листа по нижнему краю со смежной стороной другого листа, как это наблюдается на л. 1 об. и 2. Поэтому размеры л. 2 об. в его настоящем (нереконструированном) виде можно дать без каких-либо оговорок о разных частях листа. Л. 2 об. равен по верхнему краю 63,6 см, по нижнему краю – 60,1 см, по левому краю – 55,2 см, по правому краю – 56,35 см.

В 3,55 см от правого края л. 2 об. расположены "птичьи лапы" шнуров четырех печатей, являющиеся продолжениями и двойниками "птичьих лап", помещенных на полосе 2А внизу л. 1. На л. 2 об. "птичьи лапы" четырех креплений и промежутки между ними занимают в длину 19,7 см. Их верхняя часть находится в 4,6–4,9 см от нижнего края листа. Промежуток между верхним левым краем "птичьей лапы" № 4 и следующей за тем прорезью (для отсутствующей здесь пергаменной ленты печати № 5) составляет 5,5–5,7 см. Длина прорези – 1,3 см. Ее отстояние от нижнего края л. 2 об. равно справа 5 см, слева – 4,95 см. В 1,65 см влево от данной прорези находится треугольное отверстие в пергамене, длина которого –2 см, высота – 1,2 см. На расстоянии 1,4 см от него расположено второе отверстие – "ботфортовидное". Оно начинается в 6–7 и кончается в 2,1–2,2 см от нижнего края л. 2 об. Его протяженность по горизонтали: наверху – 2 см, внизу – 2,3–4 см, в середине – 0,05–0,2 см.

На л. 1 об. напротив большого отверстия в л. 2 просматривается прорезь, предназначенная для крепления печати № 6. На л. 1 прорезь в этом месте отстоит от нижнего края полосы 2А на 5,2 см и равняется в длину 1,1 см. Можно полагать, что на л. 2 об. она занимала примерно такое же положение.

На л. 2 об. в 3 см от верхней широкой и в 4,8 см от средней узкой части "ботфортовидного" отверстия видна прорезь длиною в 1,15 см. За ней на расстоянии 1,6 см следует другая прорезь длиною в 1,1 см. Эти прорези принадлежали шнуру печати № 7, который здесь отсутствует, но сохранился на л. 1–1 об. От нижнего края л. 2 об. прорези находятся на расстоянии 4–4,15 см (правая) и 4–4,5 см (левая). Между левым краем последней прорези и левым краем л. 2 об. почтенная дистанция, составляющая 15,9 см. На этом участке нижнего поля л. 2 об. следов прикрепления печатей нет.

Сопоставим в табличной форме данные о размерах л. 2 и 2 об.

Таблица позволяет уверенно говорить о понижении ширины листа книзу. Такая же тенденция наблюдается на л. 1. Интересно, что если на лицевой стороне л. 2 его высота по краям почти одна и та же, то на обороте левый край оказывается короче правого на

Таблица 3

Соотношение результатов измерения л. 2 и 2 об.

Ширина (см)			Высота (см)	
л.	верхний край	нижний край	левый край	правый край
2	63,7	59,75–59,9	55,7	55,6
2 об.	63,6	60,1	56,35	55,2
2 об.			правый край	левый край

Таблица 4

Соотношение реконструкции размеров л. 2 и 2 об. в развернутом виде

Ширина (см)			Высота (см)	
л.	верхний край	нижний край	левый край	правый край
2	63,7	[60,25]	65,55	67,45
2 об.	63,6	[60,25]	66,2	67,05
2 об.			правый край	левый край

1,15 см. На л. 1 об. картина противоположная: левый край длиннее правого на 0,3 см (см. табл. 1, 3).

Впрочем, полную длину листов можно установить только путем "распрямления" их. Для этого к высоте левого края л. 2 надо прибавить высоту левого края полос 2А и 2Б: 55,7 + 5,55 + 4,3 = 65,55 см. Высота правого края л. 2 должна быть дополнена высотой соответствующего края тех же полос: 55,6 + 6,4 + 5,45 = 67,45 см. Подобную же операцию следует произвести со сторонами л. 2 об. Тогда его левая сторона будет равна 55,2 + 6,4 + 5,45 = 67,05 см. Высота л. 2 об. по правому краю составит 56,35 + 5,55 + 4,3 = 66,2 см. Длиной нижнего края л. 2–2 об. нужно считать протяженность оконечности полосы 2Б, находящейся внутри складки 2А – 2Б. Согласно сделанным ранее измерениям и подсчетам, она равняется 60,25 см. Представим в таблице 4 результаты произведенных вычислений.

Из таблицы видно, что сужение листа книзу осталось его характерной чертой и в развернутом виде. Между тем боковые края соотносятся в развернутом виде иначе, чем в загнутом: левый край л. 2 об. длиннее правого на 0,85 см. Значительнее разница высот с лицевой стороны: правый край больше левого на 1,9 см. Аналогичная картина наблюдается на л. 1–1 об. (см. табл. 2).

Сравнение цифровых данных, приведенных в таблицах 2 и 4, показывает, что в развернутом виде л. 1 и 2 были практически одной и той же высоты. Однако в современном виде л. 2 короче

л. 1. Русский текст л. 1 выступает сверху над немецким текстом л. 2. При наложении л. 2 на л. 1 об. обнаруживается, что верхний край л. 2 ниже верхнего края л. 1 на 3,9 см с левой лицевой стороны, на 4,7 см в середине и на 6,2–6,8 см с правой лицевой стороны. Правда, судя по показателям таблиц 1 и 3, разница длины боковых сторон л. 1 и 2 чуть менее велика: левый край л. 1 длиннее левого края л. 2 на 59,15–55,7 = 3,45 см, а правый край л. 1 длиннее правого края л. 2 на 61,4–55,6 = 5,8 см. Разница длины тех же краев с оборота равна в первом случае 59,6–56,35 = = 3,25 см, во втором случае – 59,9–55,2 = 4,7 см.

Описанная разница высот возникла оттого, что л. 1 и 2, в исходном виде практически равные по длине, были загнуты неодинаково: л. 1 – единожды, л. 2 – дважды, причем загиб л. 2 составил в общей сложности 9,85–11,85 см, в то время как загиб л. 1 – только 5,5–6 см. Разница длины загибов равнялась, таким образом, 4,35–5,85 см. Заметим, что 4,35 – это разница по левому краю, а 5,85 – по правому. Первая цифра довольно близка к показателю разницы, полученному при наложении л. 2 на л. 1 об. (3,9 см), вторая цифра равна показателю разницы, вычисленному по таблицам при сравнении длины л. 1 и 2 с лицевой стороны (5,8 см).

Материал

Пергамен л. 1, на котором написан русский текст, отличается значительной плотностью. На его поверхности, что особенно заметно с оборота, как будто выдавлены белые линии, образующие узор. Вероятно, это следы жилок кожи животного, из которого был изготовлен лист. Создается впечатление, что пергамен л. 2, содержащего немецкий текст, немного тоньше пергамена л. 1. На нем тоже наблюдаются белые выдавленные линии в виде узоров – следы жилок. Может быть, в силу большей тонкости пергамена края л. 2 более потерты и потрепаны, чем края л. 1.

Текст

Русский текст договора на л. 1 состоит из 59 строк. Первым семи строкам предшествует инициал “П”, занимающий почти половину ширины левого поля. Вместе с этим инициалом строки 1–7 равны в длину 54,7–55 см, без него – 53,5–53,6 см. Длина строк 8–34 колеблется в пределах 53–53,7 см. Во второй половине текста длина строк понемногу уменьшается: с 52,8 см в строке 35 до 51 см в строке 56. Предпоследняя, 58-я строка имеет в длину 50,7 см. Последняя, 59-я строка – неполная. В ней всего 20,9 см. Высота строк – 0,15 см, интервал между строками – от 0,5 до 0,7 см. Общая протяженность (высота) текста по левому полю составляет 50,8 см, по правому – 51,4 см.

Для определения размеров "кадра", т.е. всей площади, занятой текстом, найдем среднее арифметическое 1) длины строк, 2) высоты текста по краям строк. Первое искомое равно (55 + 51) : 2 = = 53 (см), второе – (50,8 + 51,4) : 2 = 51,1 (см). Отсюда примерная площадь текста: 53 см × 51,1 см = 2708,3 кв. см.

Ширина верхнего поля л. 1 с левой стороны колеблется в пределах от 2,1 до 2,8 см, равняясь в среднем 2,7 см. В средней части верхнего поля ширина его составляет 2,9–3,1 см, а в правой – 3,2 см. Левое поле л. 1 напротив первых семи строк текста частично занято инициалом "П". Из-за этого оно на протяжении 5,9–6 см предстает в суженном (до 1,4–1,8 см) виде. Ниже инициала "П" и далее до конца текста на л. 1 ширина левого поля равняется 2,5 см. Ширина правого поля в верхней части листа составляет 2,25–2,5 см, в середине и внизу листа – 2,25–2,7–2,9 см. Нижнее поле л. 1 практически отсутствует, будучи закрыто полосой 2А. Напомним, что высота полосы 2А слева – 5,55 см, а справа – 6,4 см. Эти величины можно считать показателями ширины нижнего поля л. 1, как прикрытого полосой 2А, так и представленного ею.

По правому краю левого поля л. 1 проходит след выдавленной вертикальной линии, с помощью которой была оттиснута граница текста. Она отстоит от левого края на 2,5–2,6 см и ясно видна напротив строк 7–29, 42–59. По правому полю на расстоянии 2,5–2,6 см от края листа также была оттиснута граница текста. Она прослеживается на всем его протяжении и даже видна ниже текста на л. 1 под полосой 2А–2Б.

Следов разлиновки строк не наблюдается. Начало строк слева расположено обычно чуть ниже их продолжения в середине и правой части листа. Особенно это заметно в строках 39–51.

Текст написан четкой скорописью первой половины XVI в. коричневыми, довольно яркими чернилами, хотя в некоторых местах они и выцвели. Жирно написанные инициалы имеют темнокоричневый цвет. Весь текст написан одним почерком. Преобладающая высота строчных букв – 1,5–2 мм, но встречаются и такие, которые достигают в высоту 6 или 8, а подчас и 12 мм. Средняя ширина строчных букв – 1,5–2 мм, хотя есть и более широкие – до 3–3,5 мм. Высота прописных букв колеблется от 6 до 9 мм, однако бывает и больше. Ширина прописных букв составляет 2–3–4,5 мм, иногда – 7 мм. Угол наклона букв к основанию строки – 60°–90°. Большинство букв расположено под углом 90° к основанию строки. В целом письмо л. 1 производит впечатление прямого и выглядит красиво.

Приведем выборочные данные о количестве букв в строке русского текста, различая при этом буквы, написанные непосредственно

Таблица 5

Число букв в строке русского текста договора

№ строки	Число букв			№ строки	Число букв		
	нап. в строке	вын.	всего		нап. в строке	вын.	всего
1	184	25	209	30	196	15	211
10	212	26	238	40	189	11	200
20	179	16	195	50	178	13	191

в строке, и выносные. Возьмем для этого произвольно шесть строк, например строки № 1, 10, 20, 30, 40, 50 (см. табл. 5).

Выведем среднее арифметическое по каждому разряду цифр. Букв, написанных в строке, оказывается в среднем 189,6, т.е. 189–190 на строку; выносных – 17,6, т.е. 17–18 на строку; всего – 207,3, т.е. 207–208 букв на строку. Выносные составляют 8,49% от общего количества букв в строке.

Соотнесем количество букв, написанных в строке, со средней протяженностью строки. Как было показано выше, она равняется 53 см, или 530 мм. Разделив 530 (мм) на 189,6 (букв), получаем 2,79 мм. Эта величина, которую можно назвать коэффициентом плотности письма, намного больше средней ширины строчных букв (1,5–2 мм). В коэффициент плотности входит ширина не только буквы как таковой, но и интервалов между буквами и словами. Средний размер интервала между буквами – 0,5–1 мм. Есть, конечно, и более значительные интервалы, особенно когда они делаются между словами. В ряде случаев интервал между буквами отсутствует: некоторые буквы примыкают одна к другой, но все же это не связное письмо типа курсива, где одна буква соединяется с другой общей линией. Особым типом соединения в русском тексте являются лишь лигатуры, но их число ограничено.

Перейдем к характеристике немецкого текста. В нем 82 строки. Длина строк в начальной части текста – 59,5–59,9 см, в середине – 58–58,5 см, в последней, нижней части – 56,5–57 см. В предпоследней, 81-й строке – 55,8 см. Последняя строка неполная. Ее длина – 24,7 см. Интерлиньяж – 0,4 см в строках 1–5; 0,4–0,5 см в строках 6–56; 0,3–0,4 см в строках 57–82. Общая высота немецкого текста по левому полю – 45,5 см, по правому – 43 см. Вообще же длина строк в немецком тексте на 4–5 см больше, а интервал между строками на 0,1–0,4 см меньше, чем в русском тексте; по вертикали немецкий текст на 5,3–8,4 см короче русского.

Среднее арифметическое длины строк в немецком тексте составляет (59,9 + 55,8) : 2 = 57,85 см, или 578,5 мм. Среднее арифметическое высоты текста по краям строк равно (45,5 + 43) : 2 = = 44,25 см. Отсюда примерная площадь "кадра": 57,85 × 44,25 = = 2559,86 кв. см. Условно вычисленная площадь немецкого текста на 148,44 кв. см меньше столь же условно вычисленной площади русского текста. Как внешнее впечатление, так и измерения и подсчеты позволяют сделать вывод, что немецкий текст написан более убористо, чем русский. Это получилось, в частности, благодаря более коротким интервалам между строками.

Верхнее поле листа в немецком тексте значительно больше, чем в русском. Ширина его с левой стороны – 5,1–5,5 см, в середине и справа – 5,35 см. Левое поле в немецком тексте почти такое же по ширине, как в русском, – 2 см наверху, 2,3 см в середине, 2,4 см внизу (в русском тексте левое поле равно 2,5 см). Зато правое поле в немецком тексте намного у́же, чем в русском: 1,1–1,5 наверху, 1,1–1,25 см в середине, 1,8–2 см на уровне последних семи строк (в русском тексте ширина правого поля равняется 2,25–2,7–2,9 см).

Нижнее поле л. 2 составляет 5,9 см слева и 7,3 см справа, т.е. оно немного больше нижнего поля л. 1, представленного полосой 2А (5,55 см слева и 6,4 см справа). Вместе с тем нижнее поле немецкого текста на л. 2 скрыто под л. 1 об. Левая сторона нижнего поля л. 2 пришита шнурами печатей № 1–4 к нижней части л. 1 об. и не поддается обозрению. Правая сторона поля, где теперь креплений для печатей нет, тоже покрыта л. 1 об., но может быть от него отогнута и подвергнута рассмотрению. До того, как печати с этой стороны были утрачены, середина и правая часть нижнего поля л. 2 оставались, вероятно, недоступными для обозрения, ибо их прикрепляли к л. 1 об. ленты печатей № 5 и 6, а также шнур печати № 7, расположенный в 16 см от правого края л. 2.

Немецкий текст местами выходит за границы строк. На верхнем поле имеется несколько росчерков, сделанных от букв, которые написаны в словах первой строки. Высота этих росчерков колеблется от 1,5 до 4,4 см, длина – от 1,8 до 5,4 см. Текст ряда строк оканчивается на правом поле, а иногда достигает и правого края листа.

На л. 2 нам не удалось заметить признаков отчеркивания (выдавливания) вертикальных границ полей ни слева, ни справа, хотя отдельные выдавленные отрезки линий и вертикальные складки на полях имеются. Следов разлиновки строк нет. По сравнению с русским текстом уклонение строк от горизонтали в немецком тексте более очевидно и более значительно. Строка обычно поднимается слева по кривой к началу второй четверти листа и идет

более или менее ровно до последней четверти, где опускается вниз направо. Левый уклон особенно заметен в строках 56–82. Правый уклон довольно слабо выражен в строках 1–9 и 56–81. Очень силен он в строках 43–52.

Немецкий текст написан неготическим курсивом первой половины XVI в. светлокоричневыми чернилами. Они заметно бледнее, чем чернила русского текста. В немецком тексте различаются как будто два почерка. По нашим наблюдениям, в точности которых мы не вполне уверены, границы почерка I таковы: 1) от начала текста до слова "parten" включительно в строке 28 ("... van beiden parten"); 2) от слова "gefangen" в строке 29 ("gefangen weren... ") до слова "Lifflande" включительно в строке 56 ("... den landen tho Lifflande"); 3) от слова "sollen" в строке 60 ("sollen des f: mes: ... ") до конца текста[98]. Почерк II прослеживается 1) от слова "vpt" в строке 28 ("vpt olde... ") до слова "beholde" включительно в строке 29 ("... vnd ehrem beholde"); 2) от слова "etzwelche" в строке 56 ("etzwelche saken vpstunden... ") до слова "Derglieken" включительно в строке 60 ("... alle bohendicheit. Derglieken")[99].

Таким образом, почерком I написана основная часть текста, почерком II – конец статьи XVIII (указываем номера "статей" в соответствии с нашим членением текста, которое, разумеется, отсутствует в рукописи), первая часть статьи XIX, бóльшая часть статьи XXXIII, весь текст статей XXXIV–XXXV.

Различение почерков I и II осложняется тем, что у них трудно найти принципиальную разницу в форме написания отдельных букв, за исключением, может быть, "b" и "l". В почерке I верхняя часть указанных букв представлена косой линией вправо без закругления на конце, в почерке II вместо косой пишется петля. Впрочем, и в том, и в другом почерке можно встретить оба написания этих букв. Все дело в том, какое из них преобладает.

Почерк II отличается от почерка I большей сжатостью письма, миниатюрностью букв и иным углом их наклона к основанию строки. В почерке I угол наклона – 60°–90°, с преобладанием наклона вправо. В почерке II угол наклона – 90°–110°, с выраженной тенденцией наклона влево. Правда, весь немецкий текст производит волнообразное впечатление. Местами господствует наклон вправо, местами влево, местами письмо кажется прямым. Так, в начале и в конце текста (строки 1–5, 75–82) наклона почти нет,

---

[98] См.: ниже: Примечания к немецкому тексту договора. № 141, 148, 247, 262,

[99] См.: Там же. № 142, 147, 248, 260.

Таблица 6

Число букв в строке немецкого текста

Почерк I						Почерк II	
№ строки	число букв	№ строки	число букв	№ строки	число букв	№ строки	число букв
1	202	7	175	40	184	57	222
2	199	8	185	50	186	58	195
3	184	9	191	63	181		
4	195	10	173	70	175		
5	182	20	176	80	174		
6	183	30	180	81	181		

или он идет скорее влево, чем вправо. Значит ли это, что текст здесь написан почерком II, а не I?

Одним из критериев почерковой атрибуции текста может служить количество букв в строке. В немецком тексте, в отличие от русского, нет выносных букв. Все буквы написаны в строке, что не мешает отдельным элементам буквы выходить, как и в русском тексте, в надстрочное или подстрочное пространство. Некоторые буквы (“u”, “i”, “y”) снабжены надстрочными знаками. Средняя высота строчных букв – 1,5–2 мм, ширина – 0,5–2 мм. Высота прописных букв – 4–7 мм (иногда она достигает 10 мм), ширина – 2,5–6 мм.

Приведем выборочные данные о количестве букв в строках немецкого текста. Из текста, написанного, согласно нашему первоначальному предположению, почерком I, возьмем строки 1–10, 20, 30, 40, 50, 63, 70, 80, 81, из текста, написанного почерком II, – строки 57–58 (см. табл. 6).

В большинстве строк I почерка, например, в строках 3, 5–8, 10, 20, 30, 40, 50, 63, 70, 80, 81, число букв колеблется от 174 до 186. Их среднее арифметическое равно $2519 : 14 = 179{,}92 \approx 180$. Среднее арифметическое букв в строках II почерка составляет $417 : 2 = 208{,}5$. К этой величине приближается число букв в строках 1, 2, 4, 9. Следовательно, есть основания заподозрить, не написаны ли они почерком II. Такое предположение весьма вероятно в отношении строк 1–2. Бросается в глаза разница в написании буквы “l” в слове “vederliche”, которое во второй строке расположено над тем же словом, что и в третьей строке. Во второй строке буква “l” написана в этом слове с петлей, в третьей – без петли, с наклоном вправо. Вместе с тем в слове “aller” в первой строке оба “l” косые, без петель.

Наиболее похожим на почерк II является письмо в начале строки 1 ("... Godes vnd nach bouelh des grothen herschers") и строки 2 ("... sind gekomen in des grothen herschers, des Ruschen keisers"). Причем кажется, что приведенные слова написаны более темными чернилами, чем последующий текст в тех же строках. Не был ли обладатель почерка II "диктатором" или редактором текста, который лишь изредка сам участвовал в процессе письма, возложив основную работу на обладателя почерка I? Писец II не только делал зачины некоторых строк и писал отдельные статьи договора. Он мог вносить и поправки в написанное. Так, в начале строки 51 текст "schlotte vnd die guden lude" написан по смытому другими чернилами и, скорее всего, именно почерком II[100].

Перейдем к вопросу о плотности письма немецкого текста. Как показывают наблюдения, плотность письма тем больше, чем меньше коэффициент плотности, который определяется путем деления средней длины строки на среднее количество букв в строке. Для почерка I немецкого текста это дает 578,5 (мм) : 179,92 (буквы) = = 3,21 (мм), для почерка II – 578,5 (мм) : 208,5 (буквы) = 2,77 (мм). Обе полученные величины значительно превосходят указанную ранее ширину одной строчной буквы (0,5–2 мм) и приближаются к ширине заглавных букв (2,5–6 мм). Такое расхождение понятно. Коэффициент плотности находится в прямом отношении к ширине буквы, но не тождествен ей. В строке, кроме букв как таковых, определенное место занимают соединительные линии между ними, иногда интервалы между буквами, которые бывают даже в курсивном письме (например, в публикуемой рукописи "s" обычно отделяется от последующего "a" коротким интервалом), интервалы между словами, знаки сокращения (здесь в виде двоеточия) и знаки препинания, росчерки и другие украшения. Интервал между словами в немецком тексте – 2,5–4 мм, а иногда и больше.

Коэффициент плотности немецкого текста в районе почерка I (3,21) превосходит коэффициент плотности русского текста (2,79), т.е. плотность немецкого текста меньше плотности русского: немецкое письмо более размашисто. Однако коэффициент плотности немецкого текста в строках почерка II (2,77) чуть меньше коэффициента плотности русского текста (2,79) – почерк II отличается несколько большей плотностью, чем почерк русского текста. Правда, почерк II не доминирует в немецком тексте.

---

[100] См.: Там же, примеч. 230–230.

При описании л. 1–2 об. было установлено наличие на них атрибутов семи печатей, хотя самих печатей сохранилось только три.

На полосе 2А, составляющей как бы нижнюю часть л. 1, для шнуров каждой из первых четырех печатей были проделаны четыре отверстия. Три из них находятся в верхней, четвертое – в нижней части полосы 2А. Отверстия сквозные. Они проходят через пять слоев пергамена, которыми являются: 1) полоса 2А; 2) полоса 1А; 3) полоса 2Б; 4) л. 1; 5) л. 2. Отверстия на л. 2 об. находятся на том же уровне, что и сделанные на полосе 2А. Впрочем, самих отверстий мы практически не видим, поскольку через них пропущен закрывающий их шнур.

Обозначим латинскими буквами A, B, C, D и E точки прохождения шнура через пергамен на полосе 2А. Первые три буквы вводятся для обозначения верхних точек: левой (А), средней (С) и правой (В). Буква D обозначает нижнюю точку (узел), где лучи шнура сходятся. Далее шнур идет к точке E (край листа), откуда он, покидая пределы пергамена и удваиваясь в толщине, направляется к печати.

Печати № 1, 2 и 4 представляют собой массивные куски воска не вполне правильной треугольной формы с круглящимися углами. Они имеют изображения только на лицевой стороне. Обозначим верхний угол печати буквой F, нижний левый угол – буквой G, нижний правый угол – буквой H. Середину основания печати, откуда можно провести высоту к точке F, обозначим буквой P. Шнур выходит из печати двумя хвостами. Конец левого хвоста обозначим буквой M, конец правого – буквой N.

На л. 2 об. та же картина в зеркальном отражении. Принципиальная разница лишь в том, что здесь левые точки становятся правыми, а правые левыми. Все они могут быть обозначены теми же буквами, что и на схеме лицевой стороны, только со знаком "1" внизу.

Дадим для образца схему расположения печати № 1 на лицевой и оборотной сторонах грамоты (см. рис.1, 2). Печати № 2 и 4 подвешены таким же способом, а сохранившаяся часть шнура печати № 3 свидетельствует о том, что и она была прикреплена точно так же. Приведем общую картину расположения четырех печатей на лицевой и оборотной сторонах грамоты, отмечая буквами лишь крайние точки слева и справа (см. рис. 3, 4).

Шнур несохранившейся печати № 3 был оборван около нижнего края листа и не доходит до него на л. 2 об. Мы вводим дополнительные буквы d и d_1 для обозначения окончания шнура печати № 3 вблизи E и E_1 (см. рис. 5).

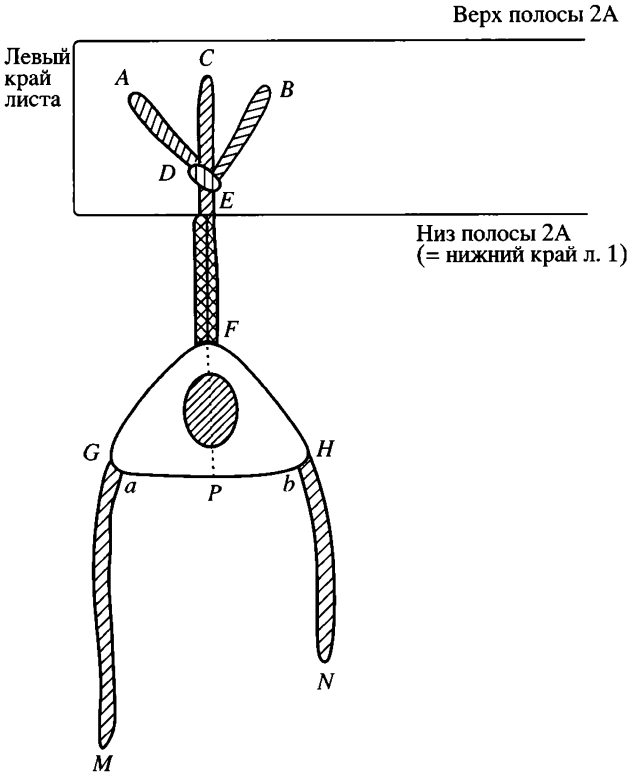

Рис. 1. Расположение печати № 1 на лицевой стороне грамоты **(л. 1 – полоса 2А)**

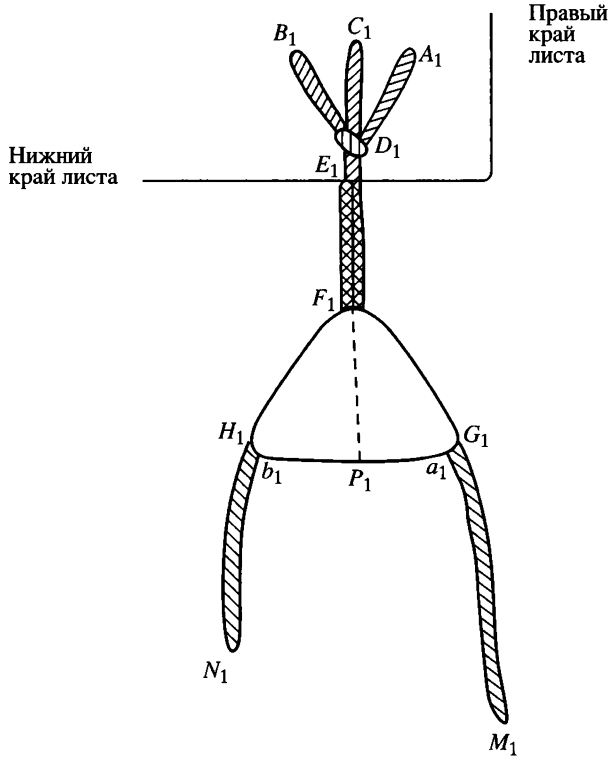

Рис. 2. Расположение печати № 1 на оборотной стороне грамоты **(л. 2 об.)**

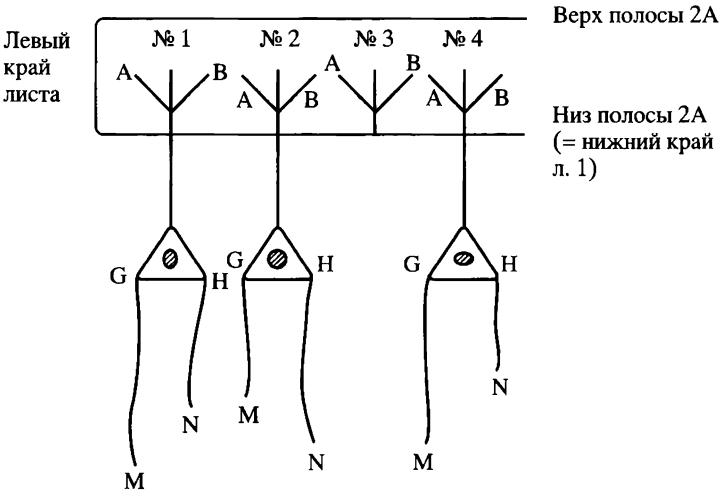

Рис. 3. Расположение печатей № 1 – 4 на лицевой стороне грамоты (л. 1 – полоса 2А)

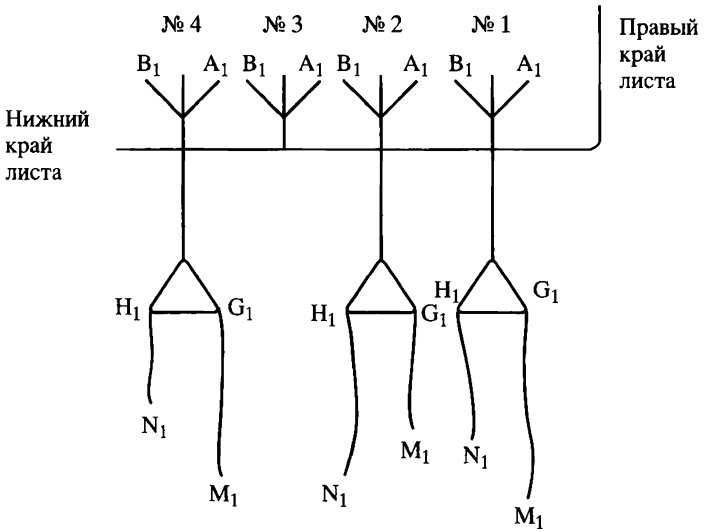

Рис. 4. Расположение печатей № 1–4 на оборотной стороне грамоты (л. 2 об.)

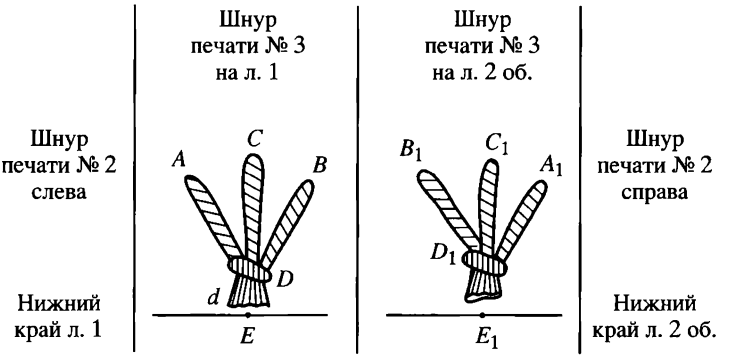

Рис. 5. Шнур несохранившейся печати № 3 на л. 1 и 2 об.

Шнуры печатей № 1–4 состоят из двух переплетающихся шелковых прядей – красно-малиновой и зеленой. На шнурах печатей № 1 и 3 зеленая прядь кажется более светлой, чем на шнурах печатей № 2 и 4. Пряди идут перемежающимися стежками, причем красные стежки обычно выше (шире) зеленых. У печатей № 1, 2, 4 в промежутке EF части шнура с лицевой и оборотной сторон грамоты сплетаются вместе и представляют собой сложное соединение четырех прядей – двух красных и двух зеленых. Их переплетение производит впечатление чередования красных ромбиков и зеленых полосок.

Опытным путем, используя любого типа шнур и лист бумаги или картона с отверстиями, проделанными по схеме изучаемой рукописи, можно проследить ход шнура при создании крепления, подобного тому, которое характерно для печатей № 1–4. Один конец шнура продевается со стороны A_1 в отверстие A и направляется в D (получается линия AD). Этот конец шнура, выйдя из D в D_1, остается в свободном состоянии на оборотной стороне листа. Между тем другой конец, свисающий из A_1, идет к D_1 и выходит в D (получается линия A_1D_1). Из D он соединяется с C и появляется в C_1 (так создается линия CD). Следуя из C_1 в D_1, шнур образует линию C_1D_1 и выходит в D. Путь шнура из D в B формирует линию BD. Выйдя из B в B_1, шнур идет по оборотной стороне грамоты в D_1 (получается линия B_1D_1). Из D_1 он попадает в D и обхватывает с наружной и внутренней стороны концы лучей AD, BD и CD, сходящиеся в точке D, после чего выходит из D в D_1. Между тем свободный конец шнура, болтавшийся на обороте, обхватывает с наружной и внутренней стороны концы лучей A_1D_1, B_1D_1 и C_1D_1, сходящиеся в точке D_1, и выходит из D_1 в D. Каждый из двух обра-

зовавшихся узлов – на лицевой и оборотной сторонах – направлен сверху вниз и слева направо.

Концы шнура, выходящие из D и D_1, доходят – один с лицевой, другой с оборотной стороны – до точки $E–E_1$ и здесь соединяются под нижним краем листа. В утолщенном и уплотненном виде шнур направляется к печати. Из нее он выходит двумя хвостами (GM и HN), которые по составу прядей равны исходному, а не удвоенному шнуру. Это говорит о том, что внутрь печати шнур закладывался не в соединенном, а в раздвоенном виде.

Реконструировав процедуру соединения шнура с пергаменом и печатью, дадим для каждой из печатей № 1–4 сведения о размерах частей шнура, длине промежутков и величине углов между этими частями (см. табл. № 7–12).

Таблица 7

Размеры частей шнура печати № 1 (мм)

Часть шнура	Длина	Ширина	Высота стежков		Примечания
			красн.	зелен.	
AD	33	5	4–4,5	2	
A_1D_1	35	4–5	4–5	1,5	
BD	33	4	3–5	2	
B_1D_1	35	5–6	8–9	2–3	
CD	30	5–6	5	1–1,5	
C_1D_1	29	5	4–5	1	
CE	48				
C_1E_1	46				
DE	12	5–6	5	1	
D_1E_1	17	7–8	5	2	
EF	55	6–10	4	1	Шир. 10 возле E; ниже – 6
E_1F_1	59	5–8	4–5	1–1,5	Шир. 8 возле E_1; ниже – 5–6
GM	165	5	5–6	2	Узелок в 50 мм выше M; после него хвост распушается
G_1M_1	162	4–5	4–5	1,5–3	Узелок в 50 мм выше M_1; после него хвост распушается
HN	140	5	5–7	2–3	Узелок в 25 мм выше N
H_1N_1	152	4–5	5–7	1,5–3	Узелок в 20 мм выше N_1

Таблица 8

Размеры частей шнура печати № 2 (мм)

Часть шнура	Длина	Ширина	Высота стежков		Примечания
			красн.	зелен.	
AD	37	3	3	1,5	В AD и других частях зеленая прядь несколько более темного оттенка, чем на шнуре печати № 1.
A_1D_1	38	4	3–3,5	2–2,5	
BD	35	3–4	2–2,5	1,5–2	
B_1D_1	37	3–4	2,5–3	1,5–2	
CD	31	4	3	1–1,5	
C_1D_1	30	4	3–5	2,5–4	
CE	48				
C_1E_1	48				
DE	15	5	4	1–1,5	
D_1E_1	14–15	4	2–2,5	2,5	
EF	62	4–6	3–5	2,5–3,5	Шир. 6 возле E; ниже – 4–5.
E_1F_1	62	5	3–5	2,5–3	
GM	140	5; 1–1,5 (красно-зелен. хвостик в конце)	6–7	4	Узелок в 25 мм выше M; после него хвост распушается; в конце тонкий хвостик (длина – 15 мм).
G_1M_1	145	5; 1 (красно-зелен. хвостик в конце)	7–8	2–4	Узелок в 21 мм выше M_1; после него хвост распушается; в конце тонкий хвостик (длина – 20 мм).
HN	218	4–6	5–7; 15 (предпоследний)	2–4	Шир. 5 возле H; ниже – 4; в конце, где хвост распушается, – 5–6. Узелка нет.
H_1N_1	215	5	7–8	3; 15 (предпоследний)	Узелка нет.

Таблица 9

Размеры частей шнура печати № 4 (мм)

Часть шнура	Длина	Ширина	Высота стежков		Примечания
			красн.	зелен.	
AD	35	5–6	8	1–1,5	
A_1D_1	38	5–6	3–5	1,5	В AD и других частях зеленая прядь примерно такого же оттенка, как на шнуре печати № 2.
BD	36	4–6	4–6	1,5–2	
B_1D_1	35	4	5–7	1,5	
CD	32	4	5	1	
C_1D_1	35	5	4–6	1,5–2	
CE	52				
C_1E_1	51				
DE	19	5	3–4	0,5–2	
D_1E_1	16	4	3–5	1,5–2	
EF	63	5–7	3–5	1–1,5	Шир. 7 возле E; ниже – 5.
E_1F_1	62	5–7	3–4	1,5	Шир. 7 возле E_1; ниже – 5.
GM	180	6 (сверху); ниже – 4–5 (красн., слева) и 3–4 (зелен., справа)	10–12	10–12	Узелка нет; в 25 мм ниже G хвост разделяется на две пряди.
G_1M_1	180	6 (сверху); ниже – 3 (зелен., слева) и 4 (красн., справа).	12–13	10–12	Узелка нет; в 13 мм ниже G_1 хвост разделяется на две пряди.
HN	130	6; 1,5 (зелен. хвостик в конце).	10	2–4	Узелка нет; в 107 мм ниже H хвост распушается (длина – 15 мм) + зелен. хвостик в конце (длина – 8 мм).
H_1N_1	130	6–8; 1,5–2 (зелен. хвостик в конце).	7–10	2–4	Узелка нет; в 111 мм ниже H_1 хвост распушается (длина – 11 мм) + зелен. хвостик в конце (длина – 8 мм).

Таблица 10

Размеры частей шнура несохранившейся печати № 3 (мм)

Часть шнура	Длина	Ширина	Высота стежков		Примечания
			красн.	зелен.	
AD	35	5	5–6	5	В AD и других частях зеленая прядь более светлого оттенка, чем на шнурах печатей № 2 и 4. Она близка по цвету к зеленой пряди шнура печати № 1.
A_1D_1	40	4	3–5	2–3	
BD	35	3	2–4	2	
B_1D_1	34	4–7	8–11	6–7	
CD	30	4	3–5	3–4,5	
C_1D_1	31	4,5–5	4–8	5–10	
CE	50				
C_1E_1	49				
Cd	50				
C_1d_1	43				
Dd	14	10–15	6	12 –15	Красная прядь скрыта под зеленой.
D_1d_1	10	7–13	3–4	4	Внизу красная прядь выступает из-под зеленой.
DE	14				
D_1E_1	13				
dE	0				
d_1E_1	6				

Таблица 11

Длина промежутков между частями шнура одной печати (печати № 1–4)

Промежуток	Длина (мм)				Примечания
	печать № 1	печать № 2	печать № 3	печать № 4	
AB	40	35	37	40	Включая ширину шнуров.
A_1B_1	40	36	38	40	– ” –
AC	15	15	12	15	Не включая ширину шнуров.
A_1C_1	15	13	12	14	– ” –
BC	13	12	14	13	– ” –
B_1C_1	13	11–12	13	11	– ” –
ab	40	45		35	– ” –
a_1b_1	38	44		36	– ” –

Таблица 12

Величина углов между частями шнура одной печати на пергамене (печати № 1–4)

Угол	Величина углов			
	печать № 1	печать № 2	печать № 3	печать № 4
ADC	32°	20°	30°	30°
$A_1D_1C_1$	40°	30°	30°	30°
ADE	148°	160°	150°	150°
$A_1D_1E_1$	140°	150°	150°	150°
BDC	30°	30°	30°	30°
$B_1D_1C_1$	30°	30°	30°	30°
BDE	150°	150°	150°	150°
$B_1D_1E_1$	150°	150°	150°	150°

Таблица № 13

Длина сторон и высота печатей № 1, 2, 4

Сторона	Длина (мм)		
	печать № 1	печать № 2	печать № 4
GH	50	58	55
G_1H_1	52	60	54
FG	45	58	57
F_1G_1	46	58	56
FH	50	57	55
F_1H_1	50	55	57
Высота	печать № 1	печать № 2	печать № 4
PF	47	47	50
P_1F_1	44	51	51

Два смежных угла (ADC и ADE, $A_1D_1C_1$ и $A_1D_1E_1$, BDC и BDE, $B_1D_1C_1$ и $B_1D_1E_1$) в сумме равны во всех случаях 180°.

Сохранившиеся печати № 1, 2, 4, которые подвешены на шнурах к пергамену, представляют собой неправильные восковые треугольники с не вполне ровными и не вполне прямыми сторонами. При измерении их с лицевой и оборотной сторон мы не всегда получаем одни и те же показатели длины (см. табл. 13). Печати отличаются значительной толщиной, необычной для русских восковых печатей. Толщина печати, т.е. расстояние между ее лицевой и оборотной сторонами, не поддается геометрически точному из-

Таблица 14

Толщина печатей № 1, 2, 4

Промежуток между сторонами	Толщина (мм)		
	печать № 1	печать № 2	печать № 4
$GH - G_1H_1$	22	23–24	20–21
$FG - F_1G_1$	20–21	22–24	21–23
$FH - F_1H_1$	20	21–22	20–22

Таблица № 15

Величина углов печатей № 1, 2, 4

Угол	Величина углов		
	печать № 1	печать № 2	печать № 4
F	60°	60°	85°
F_1	65°	65°	90°
G	60°	65°	70°
G_1	55°	60°	75°
H	60°	55°	65°
H_1	65°	65°	70°

мерению вследствие неровностей и особенно округлости поверхности печатей по краям (см. табл. 14).

Неправильность треугольников больше всего отражается в данных о величине их углов (см. табл. 15), которые в правильном треугольнике должны составлять в сумме 180°. Здесь же эта величина иногда больше, поскольку стороны идут не всюду по прямой от вершины к вершине, а подчас по ломаной или кривой. У печати № 4 нижняя часть (на протяжении 30 мм по FG и FH) представляет собой трапецию, которая наверху переходит в треугольник со сторонами 35 мм по FG и 25 мм по FH. Печати № 1, 2 по форме ближе к правильному треугольнику, чем печать № 4. В печати № 1 сумма углов F, G, H = 60 + 60 + 60 = 180°; $F_1G_1H_1$ = 65 + 55 + 65 = 185°. В печати № 2 сумма углов F, G, H = 60 + 65 + 55 = 180°; F_1, G_1, H_1 = = 65 + 60 + 65 = 190°. В печати № 4 углы F, G, H составляют 85 + + 70 + 65 = 220°; сумма углов F_1, G_1, H_1 равна 90 + 75 + 70 = 235°.

В печатях № 1, 2, 4 различаются материковая и штемпельная части. Материковая часть – это материальная основа печати, т.е. та

восковая глыба треугольной или квазитреугольной формы, которая привешена на шнуре к пергамену. По цвету материковая часть печатей № 1 и 2 – пестрая. В ней преобладают коричневые и светло-коричневые тона с желтоватыми и беловатыми вкраплениями. На печати № 1 внизу большое светлое "пятно", оборот пестрый. На печати № 2 – светлые "пятна" слева, справа, внизу и на обороте. Печать № 4 отличается более цельной и при этом более темной, а именно темно-коричневой окраской с несколькими маленькими светлыми "пятнами" на обороте.

Штемпельная часть представляет собой углубление в середине лицевой стороны печати. Оно имеет округлую или овальную форму и залито красным воском, на котором оттиснута матрица печати. Об особенностях расположения штемпельной части на лицевой стороне материковой части может говорить степень ее удаленности от углов треугольника и от точки P (начало высоты) на основании GH (см. табл. 16). Отстояния штемпельной части от G и H почти одинаковы, и это характерно для всех печатей. Штемпельная часть располагалась симметрично относительно боковых сторон печати. Удаленность штемпельной части от вершины F на печати № 1 немного, а на печати № 4 значительно превосходит величину отстояния ее от точки P. На печати № 2 это разница почти отсутствует. Но во всех случаях штемпельная часть находится ближе к основанию и дальше от вершины треугольника.

Итак, для приложения матрицы печати в средней части треугольного воскового слепка на лицевой его стороне делалось углубление, которое заливалось красным воском. На печати № 1 углубление расположено на 4,5–5 мм ниже поверхности материковой части. Оно имеет треугольно-овальную форму. Горизонтальная ось овала составляет 25 мм, вертикальная – 24 мм. Полоска красного воска, непосредственно примыкающая к стенкам

Таблица 16

Отстояния (удаленность) штемпельной части печатей № 1, 2, 4 от углов треугольника и точки P на его основании

Точки	Величина отстояния (мм)		
	печать № 1	печать № 2	печать № 4
F	13	10	21
G	18	19–20	21
H	15–20	20–21	24
P	10	7	13

углубления, окаймляет оттиск печати. Она и возникла, видимо, в результате давления на воск при приложении матрицы. Ширина этой полоски слева – 2 мм, справа 2 мм вверху и внизу, 4,5 мм в середине. В верхней части данной полоски, напротив угла F, в стенке овала пробито прямоугольное углубление. Его длина (по вертикали) – 4,5 мм, ширина – 2 мм, глубина – около 2,5 мм.

Оттиск матрицы печати № 1 представляет собой также овал, но с более выраженной устремленностью вверх: горизонтальная ось этого овала (17–17,5 мм) заметно меньше вертикальной (21 мм). Внутри матричного овала различаются ободок шириною в 2–2,5 мм и центральная часть, горизонтальная ось которой равна 12,5 мм, вертикальная – 16 мм. В центральной части изображена собака под деревом, обращенная геральдически влево (от зрителя вправо). Передней правой лапой собака прижимает к земле зайца. Задние лапы собаки согнуты в позе полуприседания. Признаком того, что пойманный ею зверь является зайцем, служат, в частности, его длинные откинутые назад уши. Передняя лапа собаки положена на вытянутые задние лапы зайца. Малозаметная передняя правая лапа зайца вытянута внизу вдоль туловища в сторону головы.

По ободку, окружающему центральную часть оттиска, идет надпись, которая начинается правее углубления в верхней части печати: “ПЄУѦТЬ КНѦЖЄ БОР[ИС]ОВѦ[101] И[Н]ОВ[ИУ]Ѧ[102]”. Высота букв – 1,5 мм, ширина – 1–1,5 мм.

На рисунке при копии Миллера печать № 1 представлена в форме овала с осями 18 мм (по горизонтали) и 20 мм (по вертикали). Здесь в целом правильно воспроизведена изобразительная часть печати, хотя у пойманного собакой зверя показаны более короткие уши, чем в оригинале. Вместо передней длинной лапы зайца, вытянутой вдоль туловища, изображены две короткие лапы. Эти отступления от подлинника делают сомнительной идентификацию изображенного животного как зайца. Надпись на ободке печатной матрицы передана с искажением: “ПЄУѦТЬ КНѦЖЄСТВО ИВѦНѦ ИВѦННОВИЧѦ”[103].

Штемпельная часть печати № 2 представляет собой круг неправильной формы (но не овал). Диаметр его по горизонтали –

---

[101] После “Р” буквы стерлись на протяжении 2,5 мм и прикрыты сверху полоской красного воска; в кв. ск. доб. по смыслу.

[102] Так на печати. Слог “ВѦ”, необходимый после первого “И”, был пропущен, возможно, из-за наличия букв “ВѦ” в предшествующем слове – “БОР[ИС] ОВѦ”. Второе “И” как будто испр. из “У”, после него буква неясна; в кв. ск. – буквы, читаемые неуверенно.

[103] РГАДА. Ф.199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп.1. № 299. Ч. V. Л. 65.

34 мм, по вертикали – 31 мм. Круг находится в углублении, ниже поверхности материковой части на 3,5–4 мм. Внутренняя стенка углубления покрыта красным воском – местами наполовину, местами полностью. С левой стороны снизу к ней примыкает пологая полоска красного воска длиною в 25 и шириною в 1–1,5 мм. Подобная же, но более помятая полоска имеется справа. Ее длина – 20 мм, ширина – 1–2 мм. Обе эти полоски – побочный продукт отгискивания воска матрицей печати. Они расположены в 15–20 мм ниже верхней точки окружности, находящейся напротив угла F.

Сам оттиск печати, так же как и внешняя граница углубления, не вполне правильной круглой формы. Диаметр оттиска – 32 мм по горизонтали и 29 мм по вертикали. Оттиск состоит из ободка шириной в 3,5 мм и центральной круглой части, диаметр которой – 22 мм.

С правой стороны ободка имеется заляпанное воском место (5 мм в длину, 3–3,5 мм в ширину), рядом с которым у вертикальной стенки штемпельного круга в воске проделано отверстие на глубину около 2,5 мм. Под восковой заляпушкой скрыты две буквы надписи на ободке – одна из них исчезла полностью (вероятно, буква "С"), другая – частично ("Є"). Они входили в число букв, составлявших отчество владельца печати – "[СЄ]МЄНОВИҮ" (подробнее о надписи см. ниже).

В круге изображены две человеческие фигуры: одна – крупная, сидящая почти в центре, ближе к правой (от зрителя) стороне, другая – более мелкая, идущая или стоящая, с левой (от зрителя) стороны. Фигура идущего сохранилась полностью, чего нельзя, к сожалению, сказать о фигуре сидящего. В том месте, где должна была находиться его голова, воск, видимо, растопился и выщербился широкой полосой сверху вниз, слева направо, и теперь тут только продолговатая выемка (длина ее по косой – 15 мм, ширина – 2,5–3 мм).

Крупный человек сидит на скамье или троне, внизу которого видны две ножки. Ноги сидящего обнажены – по крайней мере, от ступни до колен, а может быть, и выше. Правая рука, согнутая в локте, обращена в сторону идущего и почти касается его живота. Плечо правой руки сидящего расположено под углом 105° к предплечью, а наверху раздваивается: его внутренняя сторона (длиною в 4 мм) входит в грудь под углом 35°, а внешняя (длиною в 6 мм) как будто продолжается вверх до упомянутой выемки в воске. Изображение левой руки сидящего сохранилось частично. Рука согнута в локте и при этом полностью видны предплечье и кисть. Плечо, расположенное под углом 65° к предплечью, идет вверх на протяжении 2,5 мм до восковой выемки и там прерывается.

Предплечье и кисть левой руки лежат горизонтально на груди сидящего и служат опорой для каких-то спускающихся с верхней части груди предметов. Эти предметы представлены четырьмя вертикальными линиями, из которых две находятся над кистью, а две другие – над предплечьем. Линии над кистью строго параллельны друг другу и в совокупности производят впечатление какого-то орудия, возможно, зажатого в руке сидящего. Это впечатление усиливается тем, что из-под кисти внизу выглядывает как бы оконечность данного предмета в виде двух очень коротких черточек. Две линии над предплечьем не столь параллельны между собой, как первые две: правая, которая немного короче левой, расходится с ней под тупым углом. Эти линии изображают, возможно, какую-то деталь одежды: нижнюю часть накидки, плаща и т.п.

Правый бок сидящего выглядит так, как будто к нему приставлен некий плоский предмет, опускающийся из-под правого плеча на правое бедро. Возможно, тут изображена спинка скамьи (трон?), на котором восседает человек, или щит, поставленный ребром.

Выше восковой выемки различаются фрагменты верхней части фигуры сидящего. Слева, под буквой "Х" круговой надписи, входящей в состав слова "МИХАИЛО", – небольшая округлость, которую можно принять за макушку головы или затылок человека. Вокруг головы угадывается нимб. Правее, под буквой "И" (первое "И" в слове "МИХАИЛО"), – прямоугольный узкий предмет, похожий на стержень (длина его снизу вверх – 2,3 мм, ширина – 0,53 мм). Он торчит из выемки под углом 72° к мысленной горизонтальной оси. Ю.М. Эскин, с которым я консультировался, высказал предположение, что торчащий стержень представляет собой верхнюю часть того предмета, который находится над кистью левой руки сидящего. Это предположение кажется весьма правдоподобным. Орудие, которое поддерживается левой рукой сидящего, расположено под углом 75° к мысленной горизонтальной оси, т.е. почти под тем же углом, что и стержень. Это орудие можно было бы отождествить с мечом. Увеличенное в 3,4 раза изображение оттиска печати позволяет различить эфес меча: над кистью левой руки видна поперечная линия, отделяющая лезвие меча от рукоятки.

Правее стержня, под буквой "М" в слове "МИХАИЛО", изображена дуга, идущая от восковой выемки вверх к ободку и далее опускающаяся вдоль его внутренней линии до восковой заляпушки на ободке. Дуга похожа на верхнюю часть крыла. Под восковой выемкой, правее трона, наблюдается косая черта (1,6 мм). Не обозначена ли ею внутренняя сторона нижней части крыла?

А.Г. Мельник, известный знаток иконографии, с которым мы также советовались по поводу идентификации изображения на печати № 2, высказал (в порядке рабочей гипотезы) мысль, что здесь мог быть представлен архангел Михаил, являвшийся, по-видимому, патрональным святым владельца печати – Михаила Семеновича Воронцова. Эту концепцию подтверждает факт наличия предмета типа меча в левой руке сидящего и предмета, похожего на щит, с его правого бока. Поза идущего по направлению к сидящему говорит о поклонении человека небесному патрону. Руки идущего воздеты в религиозном экстазе и обращены к лицу сидящего. Правая рука сидящего покровительственно протянута в сторону идущего. Последний изображен практически голым, нуждающимся в защите патрона. Возможно, образ этого человека символизирует личность владельца печати. Надпись "МИХѦИЛО" расположена прямо над головой сидящего, и хотя формально она передает только имя владельца печати, ее скрытая функция могла состоять в указании имени его небесного патрона.

Круговая надпись на ободке печати сделана весьма неискусно, некоторые буквы даны в перевернутом виде, имя владельца написано справа налево, отчество разделено на две части вклинившейся между ними фамилией. Правильное чтение надписи следущее: "МИХѦИЛО[104] [СҀ]МҀ | НОВИ[Ꙋ][105] ВОРОНЦОВЪ"[106]. Высота букв – 2 мм, ширина – 1–2,5–3,5 мм. Как сами буквы, так и промежутки между буквами и словами на печати № 2 значительно больше, чем на печати № 1.

На рисунке при копии Миллера печать № 2 представлена в форме круга с диаметром, равным 31 мм. Сидящий человек изображен

---

[104] Слово находится над верхней частью изображения и нап. справа налево, в направлении от крыла и головы сидящего в сторону головы идущего. Буква "М" нап. как "ⵏ". Буква "И" в обоих случаях нап. как уставная: "Н".

[105] Правая часть слова ("[СҀ]МҀ") нап. на правой (от зрителя) стороне печати, после буквы "М" в слове "МИХѦИЛО". Первая буква отчества (предполагаемое "С") полностью скрыта под восковой заляпушкой на ободке. У второй буквы ("Ҁ") виден верх, а низ закрыт восковой заляпушкой. Обе эти буквы даны нами в кв.ск. Буква "М" между двумя "Ҁ" нап. вверх ногами и читается как "W". Вторая часть слова ("НОВИ[Ꙋ]") нап. на левой (от зрителя) стороне печати, после конечной буквы "О" в слове "МИХѦИЛО". Буква "И" нап. как уставная: "Н". Последняя буква ("Ꙋ") почти полностью стерлась, хотя следы чашечки "Ꙋ" можно рассмотреть. Даем ее в кв. ск. Между первой и второй частями отчества помещена фамилия "ВОРОНЦОВЪ" в нижней части печати.

[106] Слово находится внизу ободка между второй ("НОВИ[Ꙋ]") и первой ("[СҀ]МҀ") частями отчества. Фамилия начинается после второй буквы "Ҁ" первой части отчества; буквы "Р", "Ц" и "Ъ" нап. вверх ногами, причем у "Ц" хвост расположен не справа, а слева, что позволяет читать эту букву как "Ч" в зеркальном отображении.

в виде ангела с крыльями. Вместо восковой выемки, которая, думаем, была на печати уже в XVIII в., нарисована голова с длинными волосами, наклоненная в сторону идущего. На рисунке восстановлены также отсутствующие в оригинале верхняя часть груди и шея сидящего. Его плечи изображены выходящими из коротких рукавов какой-то накидки, которая переходит в крылья. То, что в оригинале напоминает стержень, здесь приобрело вид едва заметной верхней части правого крыла. Левое крыло изображено коротким и не опускающимся даже до локтя левой руки. Вертикальные линии на груди над предплечьем и кистью левой руки представлены как автономные элементы, не связанные с верхней частью изображения. Правый бок не оснащен вертикальной подпоркой.

Фигура голого человека слева передана на рисунке правильно. Его воздетые руки обращены к лицу сидящего. В оригинале, как мы помним, изображение лица сидящего не сохранилось. Здесь оно добавлено, наверное, по смыслу, произвольно. Правая рука сидящего протянута к животу идущего так же, как это представлено в оригинале.

Круговая надпись на печати была прочитана автором рисунка слева направо: "ОЛНВХНѢWЄ ВОБОНѢОВ Р НѦОН"[107]. В этом прочтении имеется несколько ошибок. Неправильно поставлена буква "В" вместо "Ѧ" в слове "МИХѦИЛО". Не приведена частично сохранившаяся буква "Є" перед "МЄ" в полуслове "[СЄ]МЄ". Полуслово "НОВИ[Ꙋ]" передано искаженно – как "НѦОН". В фамилии "ВОРОНЦОВЪ" вместо "Р" нап. "Б"; буква "Ъ" выделена в отдельное слово и прочитана как "Р", хотя на печати у перевернутого "Ъ" ясно просматривается загнутый назад козырек.

В печати № 4 углубление, сделанное для заполнения его красным воском, имеет форму прямоугольника с закругленными углами. Полоска красного воска, составляющая ободок прямоугольника и расположенная на уровне материковой части, в ширину равна примерно 2–2,5 мм. Длина сторон этой полоски – 28 мм сверху, 27 мм снизу, 18 мм слева и 17 мм справа. Глубина выемки – 5 мм. Внутри нее – несколько вогнутая в середине поверхность овальной формы с осями симметрии – 21 мм по горизонтали, 12,5 мм по вертикали. На этой поверхности – оттиск овальной же печати с еще меньшими осями симметрии: 16,5 мм по горизонтали и 11 мм по вертикали.

Печать без надписи и, следовательно, без ободка для нее. На печати – изображение, местами весьма нечеткое и трудно поддающееся истолкованию. В данном случае нам кажется необходимым

[107] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 299. Ч. V. Л. 65.

начать интерпретацию с "историографии вопроса", а именно с миллеровского сборника. Там печать № 4 (третий рисунок на л. 65) представлена в виде овала с горизонтальной осью, равной 19 мм, и вертикальной, равной 13 мм[108]. Слева (от зрителя) на рисунке изображен крылатый конь, как будто сидящий на задних ногах с подобранным вправо хвостом. Он стоит на одной передней ноге, в то время как другая передняя нога поднята и согнута под прямым углом. Возле него справа на земле сидит человек с ногами, вытянутыми вправо, и головой, повернутой влево, в сторону коня. Одна его рука простерта налево вверх, к морде коня, другая тянется направо вниз, к колену.

Еще правее изображен человек в полный рост, идущий быстрым шагом навстречу сидящему и коню (одна его нога устремлена вперед, другая отставлена назад). Руки идущего широко расставлены. Правая рука вытянута вперед в приветственном жесте, адресованном скорее коню, чем сидящему. В левой руке, свободно откинутой в сторону, идущий человек несет нечто круглое, напоминающее по размеру футбольный мяч.

Есть на картине и дополнительные объекты. Так, над конем изображены облака в форме двух полотнищ, отделенных друг от друга небольшим промежутком. Рядом с ними справа – какая-то птица, похожая на утку, с головой, обращенной вправо (от зрителя). Дальше справа – три крючковатые черты, которые символизируют неизвестно что (горы? облака?).

Смысл картины неясен: поклонение крылатому коню (Пегасу)?

При изучении оригинала, т.е. самой печати, и увеличенных фотовоспроизведений ее создается впечатление, что крылатый конь (если это действительно конь, а не птица) не сидит на земле, а стоит на подставке, которую художник XVIII в. принял за опущенный вправо конский хвост. Животное стоит на двух задних ногах и, вероятно, на одной передней, в то время как другая передняя нога приподнята и согнута в колене в боевой позе. Хвост свисает над задними ногами, но не доходит до земли. Крыло в виде короткого стержня идет от спины вверх под углом 66° к шее. Благодаря округлости морды и наличию четырех ног это животное едва ли может быть принято за птицу. Скорее, прав был художник XVIII в., увидевший в нем коня.

Самое интересное заключается, однако, в том, что подставка, на которой стоит конь, как будто загибается налево кверху и соединяется с объектом, расположенным над конем. В копийной книге XVIII в. этот объект представлен в виде раздвоенного облака,

---

[108] Там же.

хотя он больше напоминает фигуру летящего человека в горизонтальном положении с приподнятой вверх головой. Напротив него справа мы видим обращенную в его сторону (т.е. влево от зрителя) голову непонятного зверя в профиль – с ушами, глазом и, кажется, открытой пастью. В сборнике Миллера эта голова изображена как птица в небе, причем смотрящая не влево, а вправо. Правее и ниже описанной головы выделяются три выпуклости, обозначающие, возможно, завитки гривы или воротник оперения. У Миллера они фигурируют в форме трех крючков, символизирующих то ли горы, то ли облака.

Голова зверя представлена на печати не сама по себе (как птица у Миллера), а в связи с туловищем. Линия шеи хотя и малозаметна, но все же прослеживается. Более рельефно выделяется линия груди и живота, переходящая в линию левой ноги, выступающей вперед. По типу нога могла принадлежать как копытному животному, так и птице. Правда, характерной для птичьей лапы перепончатой ступни тут нет. От верха ноги вправо отходит прямая линия, очерчивающая низ живота зверя и поворачивающаяся под углом 55° вверх налево, обозначая, по-видимому, его спину. Она останавливается напротив второго выступа "гривы", но не доходит до него. Как сочетается "грива" со спиной, неясно.

Между линией груди и спины сверху вниз идет еще одна линия, как будто прерывающаяся в середине живота, но имеющая продолжение под животом, где она обозначает, вероятно, правую ногу, которая изображена (с учетом законов перспективы) более короткой, чем левая. Она тоже не имеет перепончатой ступни и может восприниматься как нога копытного.

Самая задняя часть животного, правее и ниже угла, образованного линиями живота и спины, видна плохо. Но, во-первых, тут просматриваются очертания еще одной (задней левой?) ноги животного, которая сильно отставлена назад, вправо. Во-вторых, из угла задней части зверя исходит кривая линия, идущая направо. Она доходит до кромки печати и поворачивает налево, достигая почти верха видимой линии спины. Здесь она прерывается и продолжается уже слева от линии груди. Далее рассматриваемая линия разделяется на две нити, а затем возникает вновь и имеет форму угла в 80°, лежащего между крылатым конем слева и стоящим зверем справа.

Всю эту линию в целом можно, по-видимому, считать хвостом зверя. Полуобрубленный конец хвоста, ворсистый в своей горизонтальной части и в целом напоминающий угол, был принят рисовальщиком XVIII в. за человека, сидящего перед крылатым конем. Разрыв в виде двух нитей в левой части хвоста и образо-

вание его обрубленного конца в форме угла надо воспринимать, вероятно, как результат действий летящего человека, который пустил в него стрелу или копье. Верхняя часть последнего видна слева от головы человека, а нижняя часть едва заметна, но все же может быть обнаружена вблизи пораженного хвоста зверя.

Созданная рисовальщиком XVIII в. фигура человека с распростертыми руками, идущего навстречу коню, основана на ошибочной интерпретации линий, образующих тело зверя. Точка на линии груди животного была принята за голову человека, а выступ хвоста с левой стороны груди зверя преобразился в правую вытянутую руку человека. Для изображения его левой руки основой послужила либо линия спины животного, либо косая линия между грудью и спиной зверя. Корпус человека и его ноги появились как следствие неверного осмысления линий груди, живота и левой ноги животного.

Поскольку на печати крылатый конь и летящий человек связаны общей для них подставкой, можно предположить, что это условное изображение древнегреческого героя Беллерофонта, поднятого на воздух Пегасом для борьбы с Химерой. Изображение зверя на печати до известной степени соответствует образу Химеры, которая, согласно Гомеру, была "лев головою, задом дракон и коза серединой" ("Илиада", песнь шестая)[109]. Показательно наличие у зверя на печати длинного, как змея, хвоста и гривы на голове. Его ноги более или менее похожи на козьи. Кроме того, бросается в глаза огромная величина зверя по сравнению с Пегасом и летящим человеком. Зверь выше коня в 3 раза и шире в 2 раза, в то время как человек и конь примерно одного роста.

Возможность привязки сюжета изображения на печати к древнегреческой мифологии не противоречит тому известному факту, что на Руси XIV–XVI вв. часто использовались в качестве печатей античные геммы (интальи и камеи), вывезенные из Византии и Западной Европы[110]. Наше толкование смысла изображения на печати № 4 является лишь гипотезой. Тем не менее, данная интерпретация кажется нам более правдоподобной, чем то осмысление картины, которое воплотилось в рисунке на л. 65 копийного сборника Миллера.

Кроме печатей № 1, 2, 4, при грамоте не сохранилось других печатей, но остались следы и элементы прикрепления к пергамену еще четырех печатей. Имеющиеся в наличии части шнура печати № 3 уже были подробно охарактеризованы выше.

---

[109] *Гомер.* Илиада / пер. Н.И. Гнедича. М., 1960. С. 104, строфа 181.

[110] См.: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 81–83.

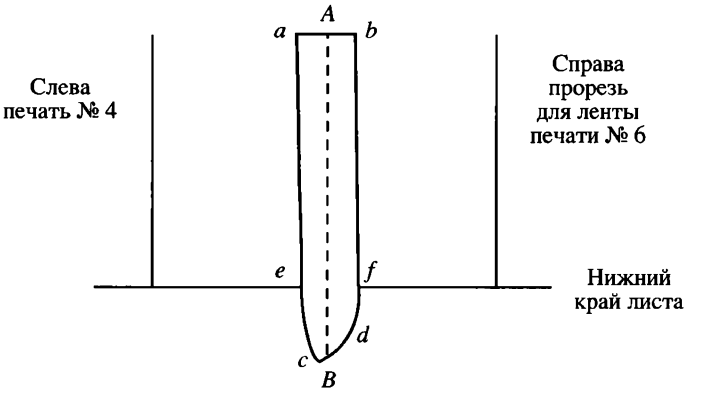

Рис. 6. Пергаменная лента несохранившейся печати № 5 на л. 1 (полоса 2А)

От печати № 5 на л. 1 сохранилась пергаменная лента, на которой печать была подвешена. Дадим ее изображение и обозначим латинскими буквами основные точки, по которым можно описать размеры этого крепления (рис. 6).

Приведем данные о длине и ширине ленты и отдельных ее частей (см. табл. 17).

Лента печати № 5 прочно держится в щели ab на л. 1, но не выступает на его оборотной стороне и тем более не присутствует на л. 2–2 об., хотя прорезь для нее на всех этих листах имеется. Вероятно, верхний конец ленты застрял где-то в загибе внутри полос 2А–1А–2Б–л. 1 об. Укажем длину щелей, предназначенных для ленты печати № 5 на л. 1 об.–2 об.: a_1b_1 = 12,5 мм (л. 1 об.); a_2b_2 = 12,5 мм (л. 2); a_3b_3 = 13 мм (л. 2 об.).

От печати № 6 сохранилась только щель для ленты на л. 1 и 1 об. Обозначим ее буквами ab для л. 1 и a_1b_1 для л. 1 об. Длина ab = 10,5 мм, a_1b_1 = 8 мм. На л. 1 об. щель несколько сжалась под влиянием сгибов пергамена. Выше нее в 11 мм находится трещина в пергамене длиною в 11 мм. На л. 2–2 об. щели, предназначенной для ленты печати № 6, нет, ибо в этом месте в пергамене рваная дыра.

Таблица 17

Размеры частей ленты печати № 5 на л. 1 (= полоса 2А)

Расстояние (мм)	Части ленты									
	ae	ec	ac	AB	bf	fd	bd	ab	ef	cd
Длина	49	23	72	71	49	20	69			
Ширина								13,5	11,5	9,5

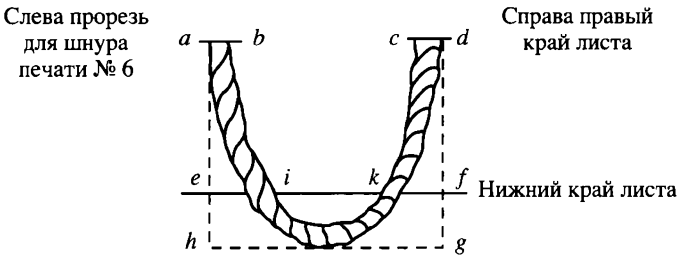

Рис. 7. Шнур печати № 7 на л. 1 (полоса 2А)

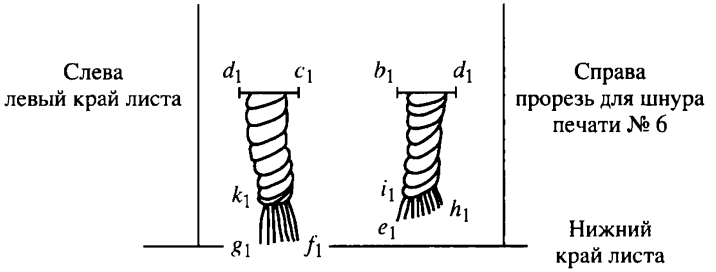

Рис. 8. Концы шнура печати № 7 на л. 1 об.

От печати № 7 сохранился шнур, состоящий из двух переплетенных шелковых прядей красного цвета. Толщина шнура – 5 мм. Шнур представлен ниспадающей дугой на л. 1 и двумя висящими концами на л. 1 об. Дадим изображение шнура на л. 1 и 1 об. (см. рис. 7, 8) и расставим точки, по которым можно указать размеры частей шнура. Эти размеры приведены в табл. 18, 19.

Таблица 18

Размеры частей шнура печати № 7 и промежутков между ними на л. 1 (= полоса 2А)

Расстояние	Части шнура и промежутки					
по вертикали	ae	eh	ah	df	fg	dg
мм	44	13	57	42,5	12,5	55
по горизонтали	ab	cd	ad	bc	ik	
мм	10 (щель)	10 (щель)	40	20	12	

Таблица 19

Размеры частей шнура печати № 7 и промежутков между ними на л. 1 об.

Расстояние	Части шнура и промежутки						
по вертикали	a_1h_1	b_1i_1	i_1e_1	c_1f_1	d_1k_1	k_1g_1	d_1g_1
мм	35	25	10	41	32	10	42
по горизонтали	a_1b_1	c_1d_1	b_1c_1	a_1d_1	e_1h_1	f_1g_1	
мм	10 (щель)	11 (щель)	20	40	18 (хвост)	18 (хвост)	

Таблица 20

Размеры щелей (прорезей) для шнура печати № 7 и промежутков между ними на л. 2 и 2 об.

Расстояние (мм)	Щели и промежутки между ними							
	a_2b_2	c_2d_2	b_2c_2	a_2d_2	a_3b_3	c_3d_3	b_3c_3	a_3d_3
по горизонтали	10	11	16	37,5	12	11,5	16	40
по вертикали	1–2	1,5			1–2	2		

На л. 1 об. концы шнура печати № 7 распушаются в точках i_1 и k_1. Длина этих распушенных хвостов – около 10 мм, ширина – около 18 мм.

На л. 2–2 об. печать № 7 представлена только щелями на пергамене, через которые был продет шнур. Щели, находящиеся на л. 2, мы обозначаем буквами a_2b_2 и c_2d_2. Щели, расположенные на л. 2 об., получают соответственно обозначения a_3b_3 и c_3d_3. Размеры этих щелей и промежутков между ними приведены, в табл. 20. Поскольку на л. 2–2 об. щели от шнура печати № 7 не сомкнуты, а отверсты, целесообразно указать их размер не только по горизонтали, но и по вертикали. Это даст представление о высоте (= ширине) отверстий. Линии a_2b_2 и c_2d_2 расположены на л. 2 так же, как линии ab и cd на л. 1 (см. рис. 7). Линии a_3b_3 и c_3d_3 расположены на л. 2 об. так же, как линии a_1b_1 и c_1d_1 на л. 1 об. (см. рис. 8).

Подробно охарактеризовав положение всех элементов и атрибутов печатей № 1–7 на листах пергамена, приведем общую сводку сведений о том, какие из этих атрибутов наблюдаются на лицевой и оборотной сторонах обоих листов грамоты (см. табл. 21).

Пустые ячейки означают, что атрибут печати на том или ином листе не поддается рассмотрению или отсутствует. Так, атрибуты

Таблица 21

Атрибуты печатей № 1–7 на л. 1–2 об.

л.	Атрибуты печатей №						
	1	2	3	4	5	6	7
1	“птичья лапа”	“птичья лапа”	“птичья лапа”	“птичья лапа”	пергам. лента	щель	шнур
1 об.	часть шнура (А)			часть шнура (В)	щель	щель	концы шнура
2	часть шнура (А)			часть шнура (В)	щель		две щели
2 об.	“птичья лапа”	“птичья лапа”	“птичья лапа”	“птичья лапа”	щель		две щели

Таблица 22

Ширина (длина по горизонтали) атрибутов печатей № 1–7 на л. 1–2 об. (мм)

№ листа	Ширина атрибутов печатей №						
	1	2	3	4	5	6	7
1 (наверху)	40 (“лапа”)	35 (“лапа”)	37 (“лапа”)	40 (“лапа”)	13,5 (щель) 13,5 (лента)	10,5 (щель)	40 (шнур)
1 (внизу)	5–6 (шнур)	5 (шнур)	10–15 (шнур)	5 (шнур)	9,5 (лента)		12 (шнур)
1 об. (наверху)					12,5 (щель)	8 (щель)	40 (шнур)
1 об. (внизу)							36 (шнур)
2 (наверху)					12,5 (щель)		37,5 (две щели)
2 об. (наверху)	40 (“лапа”)	36 (“лапа”)	38 (“лапа”)	40 (“лапа”)	13 (щель)		40 (две щели)
2 об. (внизу)	7–8 (шнур)	4 (шнур)	7–13 (шнур)	4 (шнур)			

печатей № 1–3 скрыты между соединенными частями л. 1 об. – 2 и не просматриваются, а атрибут печати № 6 отсутствует на л. 2–2 об., ибо в том месте, где он должен был бы находиться, в пергамене дыра.

В таблицах № 22–24 приводятся данные о длине (= ширине) и высоте атрибутов всех семи печатей грамоты 1535 г., а также

Таблица 23

Высота (длина по вертикали) атрибутов печатей № 1–7 на л. 1–2 об. (мм)

№ листа	Высота атрибутов печатей №						
	1	2	3	4	5	6	7
1	48 ("лапа")	48 ("лапа")	50 ("лапа")	52 ("лапа")	71 (лента)	0,5 (щель)	57 (шнур)
1 об.					0,5 (щель)	0,5 (щель)	35–42 (шнур)
2					0,5 (щель)		1–2 (две щели)
2 об.	45 ("лапа")	48 ("лапа")	42 ("лапа")	51 ("лапа")	0,5 (щель)		2 (две щели)

Таблица 24

Ширина (длина по горизонтали) промежутков между атрибутами печатей на л. 1–2 об. (мм)

№ листа	Ширина промежутков между атрибутами печатей							
	K_1–1	1–2	2–3	3–4	4–5	5–6	6–7	7–K_2
1 (наверху)	35	12	12	13	56,5	51	46	160
1 (внизу)	49	43,5	48	47	76	55	56	167
1 об.					58	46	46	127
2					56			159
2 об. (наверху)	36	13	13	13	56			159
2 об. (внизу)	54	40	46	48	75			159

о промежутках между атрибутами печатей, расположенных по соседству друг с другом. В таблицах 22, 23 "птичья лапа" для краткости обозначается словом "лапа". Слова "наверху" и "внизу" относятся не к верху или низу листа, а к верху или низу атрибута печати. Буквой K_1 обозначается левый край лицевой стороны листа (он же – правый с оборота), буквой K_2 – правый край лицевой стороны листа (он же – левый с оборота).

Мы предлагаем вниманию читателей еще четыре таблицы (№ 25–28), в которых характеризуется положение атрибутов

Таблица 25

Удаленность (по вертикали) атрибутов печатей № 1–7 от нижнего края л. 1–2 об. (мм)

№ листа	Удаленность атрибутов печатей №						
	1	2	3	4	5	6	7
1	42 (A) 48 (C) 45 (B) 0 (E) –265 (M) –250 (N)	45 (A) 48 (C) 46 (B) 0 (E) –261 (M) –334 (N)	47 (A) 50 (C) 49 (B) 0 (E)	49 (A) 52 (C) 51 (B) 0 (E) –301 (M) –245 (N)	49 (a) 49 (b) 49 (A) –23 (B)	51 (a) 51 (b)	44 (a) 44 (b) 42 (c) 42,5 (d) –13 (g)
1 об.				44,5 (B)	50 (a) 48,5 (b)	47,5 (a) 52,5 (b)	41 (a) 40 (b) 41 (c) 42 (d) 6 (h) 0 (g)
2				44 (B)	46,5 (a) 45,5 (b)		40 (a) 39 (b) 43 (c) 39 (d)
2 об.	42,5 (A) 46 (C) 46 (B) 0 (E) –265 (M) –252 (N)	50 (A) 48 (C) 47 (B) 0 (E) –254 (M) –330 (N)	48 (A) 49 (C) 49 (B) 6 (d)	49 (A) 51 (C) 50 (B) 0 (E) –300 (M) –245 (N)	48,5 (a) 49 (b)		41 (a) 41 (b) 44,5 (c) 41 (d)

печатей № 1–7 относительно нижнего и верхнего края листов, верха полосы 2А и нижней границы русского и немецкого текстов. В этих таблицах точки отстояния атрибутов от соответствующих ориентиров обозначаются буквами без дополнительных цифр внизу (т.е. во всех случаях стоит “A” или “a”, но не “A_1”, “A_2” или “a_1”, “a_2”). Бóльшая детализация в данном случае не нужна, ибо на отличие точки “a” л. 1 от соответствующей точки л. 2 указывает уже сам номер листа. Со знаком минус приводятся цифры, показывающие величину отстояния тех точек, которые находятся вне пределов пергамена, т.е. расположены не выше, а ниже нижнего края листа.

Сравнивая данные промеров, зафиксированные в таблицах № 7–10, 17–19, с одной стороны, и в таблицах № 25–28, с другой, можно заметить отсутствие в некоторых случаях полного соответствия между величиной отрезков и размером общей линии, обра-

цова, печать № 4 роднит оттенок цвета зеленой пряди шнура. Этот оттенок ближе к тому, который наблюдается на шнуре печати № 2, и отличается от более светлого оттенка зеленого на шнурах печатей № 1 и 3 (см. выше, табл. 8, 9). Несохранившаяся печать № 3 принадлежала, по-видимому, первому псковскому наместнику – князю Михаилу Ивановичу Кубенскому.

Владельцем несохранившейся печати № 5, которая была подвешена на пергаменной ленте, являлся, наверное, магистр Ливонского ордена Герман фон Брюггеней. От печати № 6 сохранилась только щель, однотипная с той, из которой выходит лента печати № 5. По этой однотипности методов подвешивания печатей № 5 и 6 можно догадаться, что последняя тоже принадлежала представителю ливонской стороны. Им был, скорее всего, архиепископ Рижский, неоднократно упоминающийся в договоре наряду с магистром. Статья LII договора предусматривала, что магистр и архиепископ должны приложить к грамоте свои печати.

Печать № 7 была подвешена на красном шелковом шнуре, который частично сохранился на л. 1–1 об. Тип привешивания печати явно не русский, хотя и не магистерский или архиепископский. Отличительной особенностью расположения шнура этой печати является то, что его верхняя часть находится ниже верхней части других печатей. Так, на л. 1 верхняя часть крепления печатей № 1–6 отстоит от верхнего края полосы 2А на 12,5–14 мм, в то время как верхняя часть крепления печати № 7 – на 21–23 мм, т.е. на 8,5–9 мм больше (см. табл. 27). Аналогичная разница наблюдается при сравнении показателей удаленности печатей № 1–6, с одной стороны, и печати № 7 – с другой, от нижнего и верхнего краев л. 1–2 об. (см. табл. 25, 26). Это может свидетельствовать о том, что владельцем печати № 7 было лицо более низкого ранга, чем, например, архиепископ Рижский, печать которого находилась рядом. Мы полагаем, что печать № 7 принадлежала дерптскому (юрьевскому) епископу, упомянутому один раз в конце договора (см. ст. LI).

Что касается печати № 6, то в ее расположении усматривается очевидное желание поместить крепление печати выше соседних. Архиепископская печать (№ 6) была прикреплена намного выше епископской (№ 7) и даже чуть выше магистерской (№ 5). Об этом определенно говорят цифры, приведенные в табл. 25–28.

Пометы и пометки

Перейдем к описанию помет и пометок, имеющихся на листах рукописи. На обороте л. 1, у самого верхнего края листа, почерком XVI в. написана буква “В”. Она находится в 19,1 см от левого и в 39 см от правого края л. 1 об. На обороте л. 2, тоже у самого

верхнего края, тем же почерком написана та же буква "В", расположенная в 20,8 см от левого и 42,7 см от правого края л. 2 об. В обоих случаях над буквой "В" нет титла, хотя назначение ее, по всей вероятности, цифровое. Буква "В" под титлом означает "2". Если допустить, что верхний край листов, где имелось титло, был отрезан, букву "В" можно расценить как обозначение второго экземпляра договора. Значит ли это, что первым ("А") являлся экземпляр, переданный ливонской стороне? О существовании другого экземпляра договора мы ничего не знаем, хотя он должен был быть. Конечно, буквенная цифра "В" могла обозначать не экземпляр, а порядковый номер документа в составе какого-то хранилища.

На л. 2 об. внизу, в 7,5 см от левого края и в 8,2 см от нижнего края полусмытые буквенные цифры "ЧГ" под титлом, означающие "93". Может быть, грамота была когда-то положена в 93-й ящик Царского архива, а потом изъята из него. Согласно Описи Царского архива, в 93-м ящике лежала "грамота перемирная арцыбископа Ризского с Великим Новымгородом и Псковом, что привез Шарап же Замытцкой"[111] (по мнению А.А. Зимина, здесь имелась в виду несохранившаяся грамота 1474 г.)[112]. Вместе с тем число "93", так же, как и число "2", могло быть просто порядковым номером документа в архиве (например, в архиве Посольского приказа).

На нижнем поле л. 1, прикрытом полосой 2А–2Б, справа сделана пометка черными чернилами почерком XVIII в.: "№ 5". Такая же пометка, написанная тем же почерком и теми же чернилами, находится на нижнем поле л. 2 в 6,4 см от правого края. Это был номер грамоты в составе фонда материалов по истории сношений с Эстляндией в Архиве коллегии иностранных дел. Когда грамоте был присвоен номер "5", мы точно не знаем, но в 60-х годах XVIII в. она числилась именно под этим номером. В миллеровском сборнике копий перед списком с немецкого текста договора 1535 г. значится: "Copia къ № 5-*му*"[113]. При Н.Н. Бантыше-Каменском (1804 г.) грамота уже носила номер "6"[114], а позднее – "7" (об этом см. ниже).

Кроме пометок в собственном смысле слова, на грамоте имеются чернильно-мастичные оттиски круглой печати МГАМИД

---

[111] ОЦА. С. 27; ср.: Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / подгот. текста и коммент. А.А. Зимина. М., 1978. [Ч.] I. С. 59.

[112] Государственный архив... [Ч.]. II. С. 259.

[113] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 299. Ч. V. Л. 57.

[114] См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. III: (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). С. 65, примеч. **.

Таблица 29

Длина чернильных отметок на левом поле л. 2 (мм)

Номер отметки	Длина отметки	Номер строки	Первые слова строки напротив отметки
1	12	5	[An]d[re]as Onkudinow…
2	13	10	[tre]d[en]. Derglieken…
3	11	16	[de]s furste[n] mes(ters)…
4	14	21	d[e]r lande tho Lifflande…
5	14	27	nhemen. Ock sollen…
6	15	32	nicht weddergegeuen hebben…
7	9	38	[gr]othen hers(chers) tho…
8	13	43	Ples(chowischem) lande in…
9	13	48	als einen Ples(chower)…
10	13	54	weddergeuen nach…
11	17	59	van beiden parte(n)…
12	3	65	vorsamlinge alle den…
13	10	70	die krutzkussinge, auer…
14	4	76	D[erg]l[iec]k[en] s[a]l die…

(синего цвета). Д – 22 мм; в центре – изображение двуглавого орла; круговая надпись: “Моск. Гл. Архивъ М.И.Д”. Два оттиска этой печати – на лицевой стороне л. 1: 1) на верхнем поле справа, в 7,5 см от правого края; 2) на правом поле внизу, в 7,6 см от нижнего края листа. Два других оттиска той же печати – на лицевой стороне л. 2: 1) в середине верхнего поля, в 27,5 см от левого и в 33,9 см от правого края; 2) на нижнем поле под текстом справа, в 4,5 см от нижнего загиба листа и в 10,2 см от правого края (этот оттиск прикрывается сверху листом 1 об.).

Листы рукописи пронумерованы карандашом арабскими цифрами на лицевой стороне в левом верхнем углу. На л. 1 цифра “1” написана на верхнем поле в 4,7 см от левого края. На л. 2 цифра “2” помещена на верхнем поле в 5,2 см от левого края.

Напротив некоторых строк немецкого текста на л. 2 черными чернилами сделаны отметки в виде горизонтальных черточек разной длины. 14 таких отметок находятся на левом поле, одна – на правом поле. Укажем их длину, пользуясь при этом нашей условной (отсутствующей в ркп.) нумерацией строк и отметок (табл. 29).

На правом поле л. 2 имеется только одна чернильная отметка. Длина ее – 4 мм. Она находится напротив 13-й строки, кончающейся словами: "...nicht thornen". На л. 2 встречаются также карандашные пометки. Непонятная карандашная пометка ("65^{b}" или "05"?) расположена на правом поле напротив 62-й строки, кончающейся словом "denn"[115]. Четырехконечный прямой крестик начертан карандашом над строкой после слов "stadholdern" в строке 3, "vnd" в строке 26, "vorfelth" в строке 44, "Nienshlotte" в строке 49[116]. Шестиконечный крестик (с двумя равновеликими перекладинами) поставлен после слова "inn" в строке 66[117]. Знак угла стоит после слова "setten" в строке 46[118]. В строке 6 карандашом слабо подчеркнуты слова "ve: erue".

Повреждения рукописи

На л. 2 в районе второй половины строк 34–39 – следы очень мелких капель разбрызганных черных чернил. На л. 1 небольшое чернильное пятно на левом поле напротив промежутка между строками 9 и 10. Кое-где на л. 1 об. и 2 об. – чернильные пятна и помарки незначительных размеров.

На л. 1 в пергамене имеются трещины: 1) внизу строки 36 под словом "людем" (длина – 4,5 мм)[119]; 2) между строками 37 и 38 под словами "бѡж(ь)и рѕ[скіе] и" (длина – 30 мм)[120]; 3) ниже строки 58 (предпоследняя строка русского текста), под словом "дати", выше прорези для печати № 6 (длина – 11 мм). Кроме того, в л. 1 существует небольшая дыра над словом "по[с]л[ѕ]" в строке 42 (площадь – 4,5 × 3 мм^2)[121].

Л. 2 тоже не лишен повреждений. В нем имеются две довольно внушительных размеров дыры на нижнем поле. Прежде всего это большая "ботфортовидная" дыра, неоднократно упоминавшаяся выше. Высота ее – 48 мм, длина по горизонтали – 20 мм наверху, 23–40 мм внизу и 0,5–2 мм в середине (носок "ботфорта" направлен влево). Дыра находится в 234 мм от правого и 21–22 мм от нижнего края л. 2. На пространстве, занятом ею, когда-то была прорезь для ленты печати № 6. Правая сторона "ботфорта" отстоит на 38 мм влево от первой (левой) прорези для шнура печати № 7. Левая сторона "ботфорта" расположена в 14 мм правее другой дыры – треугольной формы, острием вверх. Основание ее

---

[115] См. ниже: Примечания к немецкому тексту договора. № 268.
[116] Там же. № 23.
[117] Там же. № 278.
[118] Там же. № 210.
[119] См. ниже: Примечания к русскому тексту договора. № 173.
[120] Там же. № 184–184.
[121] Там же. № 221.

равно 15 мм, высота – 12 мм. Низ дыры находится в 50 мм от нижнего края листа. От этой дыры до правого конца прорези для ленты печати № 5–15 мм влево. На месте самой треугольной дыры прорези для крепления печати, видимо, не было.

Небольшие повреждения пергамена на л. 2 наблюдаются также в пределах текста. В середине 41-й строки пергамен слегка надорван в начале слова "[w]elcherer"[122]. В 24-й строке под буквой "a" в слове "thall" пергамен проколот (Д отверстия – 1,5 мм)[123]. Следы мелких уколов на поверхности пергамена обнаруживаются в строке 76 ниже букв "er" в слове "mester"[124].

Верхний левый угол л. 1 загибается вовнутрь. Аналогичным образом загибается и верхний левый угол л. 2, который заметно загрязнен. На обоих листах многочисленные складки, которые отрицательно повлияли на состояние текста.

На л. 1 несколько больших темных пятен (вероятно, от сырости). Они имеются в начале строки 1, во второй половине строк 1–4, вдоль строк 18, 34, 36, в нижней половине листа в середине строк 40–47, в начале строк 51–52 и в других местах. Степень интенсивности темного цвета пятен в разных местах разная. Пятна и разводы от сырости наблюдаются и на полосе 2А – правее "птичьей лапы" печати № 4, между прорезями для креплений печатей № 6 и 7, на участке от прорезей для шнура печати № 7 до правого края листа.

На л. 2 пятна тоже есть, но они гораздо бледнее. Наиболее значительные по величине – на верхнем поле над строкой 1, в строках 4, 7–10, 37–38, в первой половине и середине строк 63–82, во второй половине строк 74–82. Края л. 2 слева и справа обтрепаны, левое и правое поля сильно потерты.

Сгибы пергамена и сложенность рукописи

Документ хранится в сложенном виде. На рис. 9, 10 схематично представлены линии сгибов с лицевой и оборотной стороны листов. Наряду с продольным (вертикальным) сгибом AF на листах имеются два поперечных (горизонтальных сгиба) IK и LM. Глубокая складка, существующая между верхней частью листа и нижним полем, проходит по линии NO и PR. По ним, однако, лист не складывался.

В таблицах 30, 31 приводятся сведения о размерах частей продольной и поперечной складок. Складка, образованная линиями NO и PQ, на обороте л. 2 менее выражена, чем на л. 1–1 об. и 2.

---

[122] См. ниже: Примечания к немецкому тексту договора. № 197.

[123] Там же. № 126.

[124] Там же. № 319.

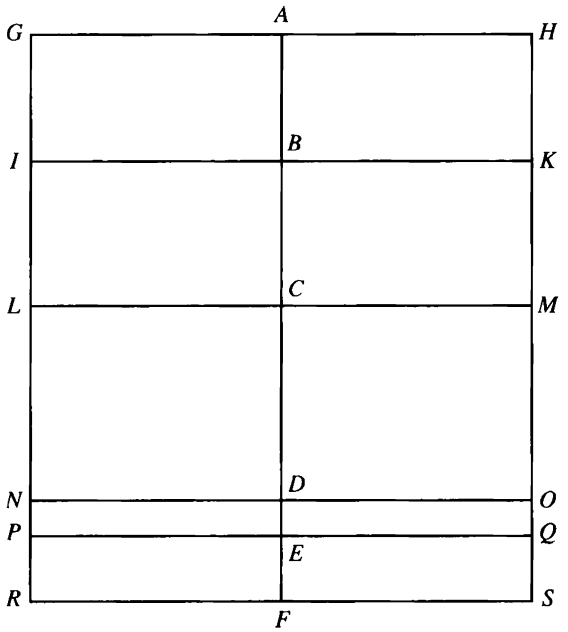

Рис. 9. Схема сгиба листов с лицевой стороны

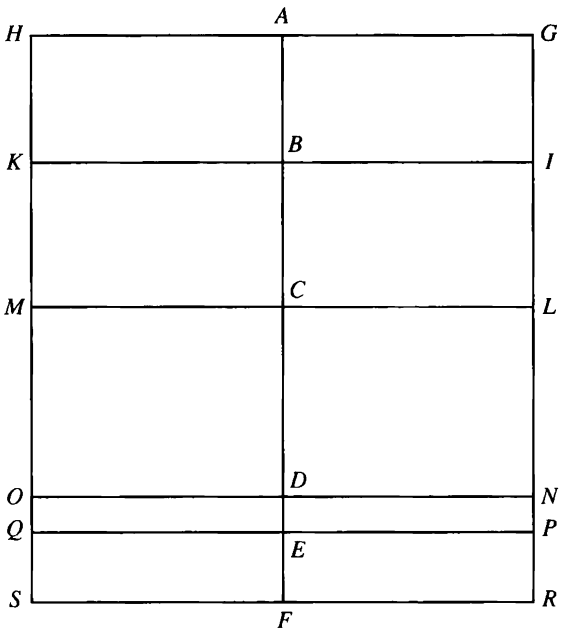

Рис. 10. Схема сгиба листов с оборотной стороны

Таблица 30

Размеры частей продольного (вертикального) сгиба л. 1–2 об. (см)

Части сгиба	л. 1	л. 1 об.	л. 2	л. 2 об.
AB	16,5	16,8	12	11,4
BC	15,5	15,3	17	16,8
CD	20	19,9	20,2	19,8
DE	1,8	1,8	1,7	
DF	8,15	7,6	8,3	8,3
EF	6,35	5,8	6,6	

Таблица 31

Размеры частей поперечных (горизонтальных) сгибов л. 1–2 об. (см)

Части сгиба	л. 1	л. 1 об.	л. 2	л. 2 об.
IB (BI)	29,7	28,1	31,9	30,7
BK (KB)	28,3	29,7	30,8	32
LC (CL)	29,3	28,1	31,6	30,5
CM (MC)	28,3	29	30,1	31
ND (DN)	28,5	28,2	29,5	31
DO (OD)	27,8	28,2	30,7	28,8
PE (EP)	28,5	28,1	[29,5]	
EQ (QE)	31,3	28,1	[30,7]	
RF (FR)	28,8	[28,2]	[29,5]	30,4
FS (SF)	31,2	[28,2]	[30,7]	28,5

Поэтому размеры DE, EF, QE и EP для л. 2 об. в таблицах не указываются.

Рукопись складывается вдвое по продольному сгибу AF и по поперечному сгибу LM. В сложенном виде она составляет 30,1 см по горизонтали и 33,6 см по вертикали. Получающаяся при сложении "гармошка" состоит из 8 пластов. Каждый пласт имеет две стороны – лицевую и оборотную. Отдельно взятую сторону мы будем называть частью. Всего таких частей 16. В таблице 32 показано расположение частей в той последовательности, в какой оно наблюдается в сложенной рукописи. Расположение идет сверху вниз, от правой верхней части л. 2 об. до правой нижней части того же листа. Существующая последовательность частей могла

Таблица 32

Расположение сложенных частей л. 1–2 об. в порядке сверху вниз

№ части	Условное обознач. части	№ листа	Половина листа		Располож. текста
			сторона	положение	
I	AGLC – 2	2 об.	правая	верх	
II	GACL – 2	2	левая	верх	прямое
III	AGLC – 1	1 об.	правая	верх	
IV	GACL – 1	1	левая	верх	прямое
V	AHMC –1	1	правая	верх	прямое
VI	HACM –1	1 об.	левая	верх	
VII	AHMC –2	2	правая	верх	прямое
VIII	HACM –2	2 об.	левая	верх	
IX	MCFS – 2	2 об.	левая	низ	
X	CMSF – 2	2	правая	низ	переверн.
XI	MCFS – 1	1 об.	левая	низ	
XII	CMSF – 1	1	правая	низ	переверн.
XIII	LCFR – 1	1	левая	низ	переверн.
XIV	CLRF – 1	1 об.	правая	низ	
XV	LCFR – 2	2	левая	низ	переверн.
XVI	CLRF – 2	2 об.	правая	низ	

возникнуть в результате сложения рукописи сначала по вертикали слева направо, затем по горизонтали снизу вверх. Поскольку л. 2 немного короче л. 1 и начинается ниже последнего, часть I не полностью закрывает часть V, и из-под л. 2 об. видна выступающая над ним правая верхняя часть л. 1 с русским текстом, причем в прямом, а не перевернутом положении.

Архивный "конверт" рукописи

Данный порядок складывания рукописи установился, видимо, давно. Грамота обернута грубой бумагой XVIII в. без водяных знаков. Размер ее в развернутом виде: 92,5 × 62,5 см^2. Обертка подогнана под размеры грамоты в сложенном виде и создает для нее покрытие наподобие конверта (36 × 37 см^2) с отворачивающимися краями. На лицевой стороне обертки почерком XVIII в. написано: «№ 5 ("5" зачеркнуто), 4 (зачеркнуто). 7043-го… 1534-го ("4" испр. из "5" дрп. и дрч.) окт: 1. (тжп., что и "4" в числе года).

Грамота перемирная лифлянского князя Германа | фонъ Брянхина пословъ Ивана Лодена да Федора Корфа | с новгородскими и псковскими намѣстники при царѣ | Иванѣ Васильевичѣ, перемирье учинено на "17" лѣтъ 7043-го | годѵ, у которой три печати восковыя, привешенныя на шнѵрах | шелковыхъ, писана на пергаминѣ рѵскимъ и немѣцкимъ | языкомъ, ветха». |

На обертке пометки черными чернилами (конца XVIII – начала XIX в.) – наверху слева: "№ 7" (перед "7" полустертое "5", которое, кажется, было испр. на "6", тоже стертое); внизу слева: "Лифлянская"; выше справа: "испр."; на загибе бумаги: "Лифлянъ. № 7". Пометки карандашом (XX в.) – наверху справа: "ф. 64, оп. 64/2"; после "окт: 1" (в начале заголовка): "I".

Списки договора 1535 г.

В XVIII в. русский и немецкий тексты договора 1535 г. были воспроизведены в сборнике копий русско-ливонских договоров 1509–1554 гг., хранящемся в фонде "портфелей" Г.Ф. Миллера. Сборник в лист, на 135 (+ I) нумерованных листах[125]. Нумерация сделана на верхнем поле листов карандашом, причем чистые листы не пронумерованы. Тексты документов предваряются общим заголовком сборника на л. I: "Копіи съ трактатовъ и перемирныхъ лифляндскихъ | грамотъ | 1509, 1514, 1522, 1532, 1535, 1550, 1554 годовъ | на нѣм. языкѣ съ россійскимъ переводомъ". Копия русского текста договора 1535 г. помещена на л. 48–56, немецкого – на л. 57–64 об. Листы, содержащие русский текст, имеют помимо общей карандашной нумерации еще особую чернильную в правом нижнем углу, где почерком XVIII или XIX в. написаны номера с 1 по 9.

Русскому тексту договора 1535 г. предшествует заголовок на л. 48 (1): "1535 | грамота перемирная, что учинено пере|мирье с Лиѳлянскою землею въ Новѣгороде 7043-*г*(о) го*ду*". | Немецкий текст снабжен более коротким заголовком наверху л. 57: "Copia къ № 5-*му* | 1535". | Русский и немецкий тексты написаны разными почерками XVIII в. Почерк русского текста идентичен почерку копий ряда других договоров, написанных в сборнике на русском языке. Почерк немецкой копии также находит аналогии в сборнике. Им написаны немецкие тексты договоров 1509 г. (л. 1–8 об.), 1514 г. (л. 9–14 об.), 1521 г., датированного здесь 1522 г. (л. 15–22), двух договоров 1531 г., датированных в сборнике 1532 г. (л. 23–30 и 38–47), две копии договора 1554 г. (л. 120–127 об., 132–135). Это каллиграфический ровный почерк с выдержанным наклоном букв справа налево.

[125] РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 1. № 299. Ч. V.

Другим почерком (или другими почерками?) написаны немецкие копии договора 1550 г. (л. 77–85 об., 86–91) и еще две немецкие копии договора 1554 г. (л. 114–119, 128–131 об.). Почерк л. 86–91 и 114–119 весьма напоминает почерк Г.Ф. Миллера – по крайней мере, в том его варианте, который представлен текстом ответов ученого на письмо И.-Х. Гаттерера от 14 июля 1766 г.[126] Этот почерк резко отличается своей небрежностью от каллиграфического почерка копий договоров 1509–1535 гг. Ясно, что немецкую копию договора 1535 г. писал не Г.Ф. Миллер.

Вместе с тем в конце копии договора 1509 г. есть прямое указание имени переписчика: "Списывалъ и с подлиннымъ читалъ переводчикъ Петръ Миллеръ"[127]. Поскольку немецкая копия договора 1535 г. написана тем же почерком, что и копия договора 1509 г., мы можем считать ее также принадлежащей перу Петра Миллера[128].

Точная дата русской и немецкой копий договора 1535 г. неизвестна. Попробуем определить примерную дату этих копий на основании водяных знаков бумаги, на которой они написаны. Текст русской копии занимает 9 листов. Из них первые 8 (л. 48–55 об.) равны в ширину (по горизонтали) 19,5–20,1 см, в высоту – 30,9–32 см. Их водяной знак – *Pro Patria* и латинские литеры IV. Понтюзо расположены вертикально. На основной части знака представлены женщина с поднятым жезлом (справа от зрителя) и лев (слева) – оба за оградой; над оградой слева надпись: "PRO PATRIA". Эта часть знака имеет в ширину и высоту по 9 см и находится между пятью понтюзо в пределах четырех интервалов, ширина которых 2,2–2,5 см. Высота литер IV – 1,2 см, ширина – 2,3 см. Литеры умещаются в интервале между двумя понтюзо, не пересекаясь с ними. Рельефные (выдавленные) линии основной части знака *Pro Patria* наблюдаются с оборотной стороны л. 48, 49, 51, 53; выдавленные очертания литер IV обнаруживаются на лицевой стороне л. 50, 52, 54, 55. Обе части знака расположены вверх ногами по отношению к тексту.

В таблице 33 показано полистное распределение частей знака *Pro Patria* в пределах л. 48–55 об. В первой строке таблицы приводятся номера листов по общей пагинации в сборнике. Если контуры знака выдавлены с лицевой стороны, номер листа указывается без каких-либо дополнений; если же очертания знака выдавлены

---

[126] РГАДА. Ф. 199. Оп. 389, ч. 2. № 5. Л. 13–14 об.; подробнее см.: *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 50.

[127] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 299. Ч. V. Л. 8 об.

[128] В СГГД (Ч. V. № 57. С. 47) после текста договора 1509 г. читаем: "Списывалъ актуаріусъ Петръ Миллеръ".

Таблица 33

Полистное распределение частей водяного знака "Pro Patria" на л. 48–55 об.

№ листа в сборнике	48 об.	49 об.	50	51	52	53 об.	54	55
Условн. № листа в тетради	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Часть знака	PP	PP	IV	PP	IV	PP	IV	IV

с оборотной стороны, номер листа сопровождается буквами "об.". Во второй строке таблицы вводятся (римскими цифрами) условные номера листов в том порядке, в каком они должны идти в восьмилистной тетради (I–VIII). В третьей строке фиксируется, какая именно часть знака находится на данном листе. Изобразительная часть знака с надписью "PRO PATRIA" обозначается буквами PP, буквенная часть – буквами IV.

Как видим, листы с разными частями знака правильно сочетаются между собой попарно: 1) 48 об., 55 (I, VIII); 2) 49 об., 54 (II, VII); 3) 50, 53 об. (III, VI); 4) 51 об., 52 (IV, V). К тому же между л. 51 об. и 52 пролегает нитка – физическое доказательство деления восьмилистной тетради на две равные половины, по четыре листа в каждой. Итак, по всем признакам, л. 48–55 об. представляют собой нормальную восьмилистную тетрадь.

Бумагу с литерами IV и знаком *Pro Patria* С.А. Клепиков упоминает под двумя далеко отстоящими друг от друга датами – 1721 и 1780 гг.[129] По мнению Клепикова, бумага с такой филигранью производилась не в России, а за ее пределами. Указанные Клепиковым широкие хронологические рамки бытования бумаги, имеющей водяной знак IV | *Pro Patria*, не позволяют достаточно точно датировать копию русского текста договора 1535 г.

Обратимся к изучению бумаги последнего, девятого листа этой копии (л. 56), не входящего в состав рассмотренной выше восьмилистной тетради. Л. 56 расположен ниже верхнего края предшествующих л. 48–55 об., но он почти такого же формата, как они (ширина – 20 см, высота – 32,4 см). Ничего не теряя в своей длине (высоте), этот лист опускается на 2 см ниже нижнего края предшествующих листов. Водяной знак л. 56 – ярославский герб 3-го типа (по С.А. Клепикову). Высота знака – 12,4 см, ширина – 8 см. Знак находится между пятью вертикальными понтюзо в пределах четырех интервалов, ширина которых – 2,2–2,4 см. Контуры

[129] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX веков. М., 1959. № 1187.

знака выдавлены с лицевой стороны, а сам он расположен вверх ногами по отношению к тексту.

Парой к л. 56 является, вероятно, ненумерованный чистый лист, затесавшийся между л. 64 об. и 65. Обозначим его как л. 64а. В составе сборника он находится на том же уровне, что и л. 56, и имеет одинаковые с ним размеры. Филигрань л. 64а – литеры ЯМАЗ (означающие "Ярославская мануфактура Алексея Затрапезного"). Длина всей надписи – 12,3 см, высота букв – 2,5 см. Контуры букв выдавлены с оборотной стороны листа. Знак расположен вверх ногами по отношению к верхнему краю листа, т.е. таким же образом, как и филигрань на л. 56. Филиграни л. 56 и 64а представляют собой не что иное, как части одного и того же водяного знака: ЯМАЗ | *Ярославский герб 3-го типа.*

Парность л. 56 и 64а теперь очевидна. Во-первых, уровень их расположения в сборнике и размеры одинаковы. Во-вторых, филиграни двух листов дополняют друг друга, давая картину одного водяного знака. В-третьих, филиграни обоих листов находятся в одном и том же (перевернутом) положении по отношению к верхнему краю листа (или тексту), что свидетельствует об их правильном сочетании. В-четвертых, выдавленность одной части знака на лицевой стороне листа, а другой – на оборотной служит опять-таки признаком правильности сочетания листов.

По Клепикову, бумага с водяным знаком ЯМАЗ | *Ярославский герб* (Тип 3, 4) датируется 1756 и 1765 гг.[130], бумага же только с литерами ЯМАЗ относится к 1765 г.[131]

Л. 57–64 об., где помещена копия немецкого текста договора 1535 г., имеют следующие размеры: 19,7–20 см по основанию, 32,45–32,6 см по высоте. На л. 57, 59, 61, 63 – знак *Pro Patria*, но другого вида, чем на листах русской копии: слева от зрителя – женщина за оградой с поднятым вверх жезлом, справа – литеры АГ над оградой (нет изображения льва и надписи PRO PATRIA). Максимальная высота знака – 9 см, ширина – 10,7 см, при этом высота букв АГ – 2,2 см, ширина по верху – 3,3 см, по низу – 2,8 см. Знак расположен между пятью вертикальными понтюзо в четырех интервалах по 2,3–2,5 см. Он выдавлен с оборота и стоит прямо (не перевернут) на л. 57, 59, выдавлен с лицевой стороны и перевернут (расположен вверх ногами) на л. 61, 63.

На л. 58, 60, 62, 64 водяной знак – волюта (*фр.* – volute – архитектурный завиток). На л. 58, 60 знак выдавлен с оборота и расположен вверх ногами, на л. 62, 64 он выдавлен с лицевой стороны

---

[130] Там же. № 749.

[131] *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. № 1054.

Таблица 34

Полистное распределение частей водяного знака "Pro Patria" на л. 57–64 об.

№ листа в сборнике	57 об.	58 об.	59 об.	60 об.
Условн. № листа в тетради	I	II	III	IV
Часть знака	PP	вол. бол.	PP	вол. мал.
Положение знака	прям.	перев.	прям.	перев.

№ листа в сборнике	61	62	63	64
Условн. № листа в тетради	V	VI	VII	VIII
Часть знака	PP	вол. мал.	PP	вол. мал.
Положение знака	перев.	прям.	перев.	прям.

и стоит прямо. Изображение волюты на всех листах однотипно, но знак л. 58 отличается от остальных по размеру. На л. 58 волюта большая: высота – 5 см, ширина верхней части – 3,8 см, нижней – 5 см (поскольку знак перевернут, верхняя часть обращена к низу листа, нижняя – к верху). На л. 60, 62, 64 волюта маленькая: высота – 3,5 см, ширина верхней части – 2,8 см, нижней – 3,7 см (на л. 60, где знак предстает в перевернутом виде, его верхняя часть обращена к низу, а нижняя – к верху листа).

Знаки *Pro Patria* и *волюта* являются частями одного водяного знака. В таблице 34 представлено распределение частей водяного знака по листам в составе тетради, содержащей копию немецкого текста договора 1535 г. Как и в таблице 33, в первой строке здесь указываются номера листов по пагинации сборника с учетом того, на какой стороне листа обнаруживаются выдавленные следы сетки: если на лицевой, то номер не сопровождается дополнительным обозначением; если на оборотной, то к номеру добавляются буквы "об.". Во второй строке приводятся условные порядковые номера листов в восьмилистной тетради. В третьей строке сообщается, какая часть знака помещена на листе: буквами PP обозначается знак *Pro Patria*, словами "вол. бол." – *волюта большая*, словами "вол. мал." – *волюта малая*. В четвертой графе отмечается положение знака – прямое ("прям.") или перевернутое ("перев.").

Попарно сочетаются 1) л. 57 об., 64 (I, VIII); 2) л. 58 об., 63 (II, VII); 3) л. 59 об., 62 (III, VI); 4) л. 60 об., 61 (IV, V). Правиль-

ность сочетания листов доказывается тем, что, во-первых, сочетаются разные части знака; во-вторых, у сочетающихся частей совпадает положение относительно нижнего и верхнего краев листа (прямое или перевернутое); в-третьих, у сочетающихся частей не совпадает сторона листа, с которой знак выдавлен. Между л. 60 об. и 61 пролегает нитка – еще один признак того, что восьмилистная тетрадь правильная: она делится на две равные половины, по 4 листа в каждой.

Вместе с тем не все пары листов этой тетради одного и того же происхождения. Наиболее однородную группу составляют л. 59–62 об. (третья и четвертая пары). Все они равны в длину 32,6 см (по вертикали). Л. 57, 58, 63, 64 немного короче. Их высота – 32,45 см. Л. 58 отличается от других еще и наличием большой волюты. Исходный большой лист второй пары (л. 58, 63) принадлежал явно к другому варианту бумаги, чем исходные листы третьей и четвертой пары (л. 59–62 об.). Исходный лист первой пары (л. 57, 64) по высоте примыкает к листам второй пары, но по величине волюты близок к листам третьей и четвертой пары.

Вне тетради, содержащей немецкую копию договора, находится л. 65, на котором помещены зарисовки печатей грамоты. Его размеры составляют 19,7 см по основанию и 32,9 см по высоте. Филигрань л. 65 – того же типа, что и на л. 57, 59, 61, 63, – *Pro Patria* с литерами АГ наверху. Где искать пару к л. 65? Между л. 47 об. и 48 имеются два ненумерованных чистых листа, размер которых совпадает с форматом листов немецкой копии договора 1535 г. Присвоим первому из этих чистых листов номер 47а, второму – номер 47б. На л. 47а водяной знак – *волюта*, на л. 47б – *Pro Patria* с буквами АГ. С л. 65 может сочетаться л. 47а, поскольку на нем расположена та часть филиграни, которая дополняет часть, имеющуюся на л. 65. По своим размерам *волюта* л. 47а ближе к малой, чем к большой: ее высота – 4 см, ширина по низу – 3,8 см, по верху – 3,1 см. На л. 47а знак предстает в перевернутом виде: верх его обращен к нижнему, а низ к верхнему краю листа.

Литеры АГ на знаке *Pro Patria* являются инициалами владельца бумажной фабрики – Афанасия Гончарова. С.А. Клепиков привел изображение филиграни *Pro Patria* с литерами АГ, совершенно подобное тому, которое мы видим в изучаемой рукописи[132]. Знак датируется 1762–1763 гг. В качестве второй части знака Клепиков всегда указывает вензель AG (латинские инициалы Афанасия Гончарова), а не волюту. Филигрань *Pro Patria* с литерами АГ

[132] *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели… С. 22, 38, 162. № 20.

и вензелем AG он упоминает еще под 1761 г. (вензель большого размера)[133] и 1766 г.[134]

Идентификация водяных знаков изучаемой рукописи дает основание полагать, что бумага тетради с немецкой копией договора 1535 г. была произведена в 60-х годах XVIII в. Тогда же, видимо, возникла и бумага русской копии, последний лист которой имеет водяной знак, относящийся к 1754–1765 гг. Листы бумаги русской и немецкой копий связаны между собой промежуточными чистыми листами. Так, л. 56 (конец русской копии) соединяется с л. 64а, находящимся между предпоследним и последним листами немецкой копии. Последний лист немецкой копии (л. 65 – с рисунками печатей), вероятно, соединяется с л. 47а, предшествующим л. 47б, который расположен непосредственно перед первым листом русской копии (л. 48).

Копии создавались одновременно разными писцами и тут же сплетались между собой. Можно думать, что вся работа производилась под руководством Г.Ф. Миллера, который в марте 1766 г. возглавил Московский архив Государственной коллегии иностранных дел[135]. Таким образом, рассматриваемые копии возникли, наверное, в период после марта 1766 г. Учитывая, что для них была использована бумага достаточно ранняя, датируемая временем не позже 1765–1766 гг., копии надо признать относящимися к начальному этапу работы Г.Ф. Миллера в Московском архиве коллегии, а именно к 1766–1767 гг.

Упоминания рукописи в архивных описях

Перейдем к вопросу об упоминаниях русско-ливонского договора 1535 г. в архивных описях. Опись Царского архива XVI в. не содержит прямых свидетельств о пребывании в нем договорной грамоты 1535 г. В Описи упоминается как находившаяся в 98-м ящике Архива "грамота о новом маистре"[136]. По мнению А.А. Зимина, под "новым маистром" подразумевался Герман фон Брюгген, сменивший умершего в 1535 г. Вальтера фон Плеттенберга на посту магистра Ливонского ордена[137]. Однако, даже если предположение А.А. Зимина верно, упоминаемая в Описи грамота едва ли могла быть перемирной грамотой 1535 г. Перемирные грамоты описывались иначе. Поэтому надо думать, что здесь имелось

---

[133] *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства... № 19.

[134] Там же. № 20.

[135] Подробнее см.: *Илизаров С.С.* Академик Г.Ф. Миллер – гражданин и историк Москвы // Москва в описаниях XVIII века / подгот. текста, статьи С.С. Илизарова. М., 1997. С. 51.

[136] ОЦА. С. 28; ср.: Государственный архив... [Ч.] I. С. 59.

[137] Государственный архив... [Ч.] II. С. 260.

в виду какое-то письмо с информацией о вступлении в должность нового магистра.

Ливонские перемирные грамоты хранились в Царском архиве в разных ящиках. Грамоты XVI в. имелись, в частности, в ящиках 142, 154, 169. Грамоты, находившиеся в первом из них, упомянуты весьма глухо, без указания дат и сроков действия: "Ящик 142. А в нем грамоты перемирные маистра Ливонского, арцыбископа Ризского и бископа Юрьевского с намесники ноугоротцкими и псковскими"[138]. А.А. Зимин полагает, что тут идет речь о договоре 1550 г.[139] Более конкретно характеризуются в Описи документы ящика 169: "Ящик 169. А в нем три грамоты перемирные ливонских послов, за их печатьми, на пятнадцать лет и о дани"[140]. А.А. Зимин отождествляет эти грамоты с договором 1554 г.[141] Конечно, в 169-м ящике хранилась не грамота 1535 г., в которой отсутствует статья о дани и срок действия перемирия определен не в 15, а в 17 лет.

Обращает на себя внимание содержание ящика 154: "А в нем грамоты перемирные маистра Ливонского и арцыбископа Ризского, и бископа Юрьевского, и всее Ливонские земли с новогородскими намесники и с псковскими, от лета 7060-го на год до лета 7061-го, а справятца, ино им вперед перемирье на 5 лет"[142]. Перемирные грамоты 1551/52 г. сроком на один год до нас не дошли[143]. Однако из более поздней (1564 г.) пометы явствует, что в ящике 154 хранились не одна, а 12 грамот. На л. 302, где начинается описание ящика 154, по правому полю вдоль края листа написано: "7073-го, сентября в 3 день сесь ящик, а в нем 12 грамот, взяты в Походную полату"[144].

Представляется весьма вероятным, что грамота 1535 г. находилась в числе тех 12 грамот, которые лежали в ящике 154, а потом были взяты в Походную палату. Возможно, в ящике 154 грамота 1535 г. занимала второе по счету место, о чем косвенно свидетельствует помета "В" (2) на обороте ее русского и немецкого экземпляров. Допускаем, что по возвращении грамоты в архив она могла какое-то время храниться не в ящике 154, а в ящике 93, где уже лежала одна ливонская грамота. Не намекает ли на это полустертый буквенный номер "**ЧГ̃**" (93) на л. 2 об. грамоты 1535 г.? (о пометах на грамоте 1535 г. подробнее см. выше).

---

[138] ОЦА. С. 31; ср.: Государственный архив... [Ч.] I. С. 67.
[139] Государственный архив... [Ч.] II. С. 334.
[140] ОЦА. С. 34; ср.: Государственный архив... [Ч.] I. С. 75.
[141] Государственный архив... [Ч.] II. С. 378.
[142] ОЦА. С. 32–33; ср.: Государственный архив... [Ч.] I. С. 71.
[143] Государственный архив... [Ч.] II. С. 361.
[144] ОЦА. С. 32, примеч. ****; ср.: Государственный архив... [Ч.] I. С. 71.

Если в Описи Царского архива прямых сведений о грамоте 1535 г. нет, то в Описи Посольского приказа 1614 г. о ней говорится уже вполне определенно: "2 грамоты перемирные, писаны по противнем, одна по-руски, другая по-неметцки, вифлянского маистра Германа фан[145] Брюгина[145] послов Ивана Ландена[146] да Федора Кофа[147], как приезжали бити челом в Великий Новгород к наместником к Борису Ивановичю Горбатого да к Михаилу Семеновичю Воронцову, учинили перемирье на 17 лет, писаны лета в 7093-го[148] году, у грамоты привешено 7 печатей"[149].

В Описи архива Посольского приказа 1626 г. русско-ливонский договор 1535 г. охарактеризован следующим образом: "2 грамоты перемирные, на харатье, одна писана по-немецки, а другая по-руски, учинено перемирье с Вифлянскою землею в Новегороде, а договаривалися и крест целовали в Новегороде со псковскими старосты з Богданом Ковыриным с товарыщи, лета 7043-го, а у них было пять печатей, и две оторваны и тут же приверчены"[150]. В описи 1626 г., в отличие от описи 1614 г., не упоминаются магистр, немецкие послы и новгородские наместники, зато фигурируют псковские старосты, из которых один – Богдан Ковырин – назван по имени. Опись архива Посольского приказа 1673 г. сообщает о русско-ливонском договоре 1535 г. в тех же выражениях, что и опись 1626 г.[151], но при этом дает некоторые дополнительные сведения о печатях: "а у них было пять печатей, и две оторваны и тут же приверчены; тех печатей двух, что были приверчены, нет"[152].

Таким образом, судя по описям архива Посольского приказа, в 1614 г. все семь печатей грамоты 1535 г. еще имелись в наличии. К 1626 г. печатей осталось только пять, причем две из них оказались оторванными, хотя их как-то прикрепили к грамоте. В 1673 г. эти две ранее "приверченные" печати уже отсутствовали – потерялись окончательно. Вероятно, в 1673 г. при грамоте были лишь те три печати, которые сохранились до нашего времени.

[145–145] В издании "Фанбрюги на".

[146] Так в издании; следовало бы "Лодена".

[147] Так в издании; следовало бы "Корфа".

[148] Так в издании; следовало бы "7043-го".

[149] ОЦА. С. 80.

[150] ОАПП. Ч. 1. С. 162.

[151] Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подгот. к печ. В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1. С. 234–235.

[152] Там же. С. 235.

Документ

1535 г. [марта 8 – августа 31][1]. Новгород. – Договор о перемирии на 17 лет, с 1 октября 1534 г. до 1 октября 1551 г., между Псковской землей (= Русским государством) и Ливонией, заключенный "по ... веленью" вел. кн. Ивана IV Васильевича послами псковских наместников – псковскими старостами Богданом Микитиным сыном Ковырина, Назаром Онисимовым сыном Глазатым и Андреем Онкудиновым – с послами магистра Ливонского ордена Германа фон Брюггенея по прозвищу Хазенкамп – Иоганном Лоде и Фридрихом Корфом – при участии новгородских наместников кн. Бориса Ивановича Горбатого и Михаила Семеновича Воронцова, а также псковских наместников кн. Михаила Ивановича Кубенского и Дмитрия Семеновича Воронцова.

л. 1 [Русский текст]

(*1*) {I}. **П**о[1, 2] Б(о)жіеи[3] воли и по[3] велик[о]*г*(о)[4] г(о)*с*(у)д(а)рꙗ[5] велѣ*н*(ь)ю, ц(а)рꙗ Рꙗ*ск*ог(о) Івана[5, 6], Бѡ*ж*(ь)ею[7] м(и)л(о)*с*тію[1, 8] ц(а)рѧ и г(о)*с*(у)д(а)рꙗ всеꙗ Рꙗсіи, и велико*г*(о) кн(я)зꙗ Володіме*рск*ог(о), и Моско*вск*огѡ, и Ноꙗгород*цк*ог(о), и Псков*ск*ог(о), и Смолен*ск*огѡ[9], и[10, 11] Тверск(о)*г*(о), и[11] Югѡр*ск*ог(о)[10, 12], и Пермьск(о)*г*ѡ, и Вꙗ*т*скогѡ, и Болгарск*ог*(о), и иныхъ.

{II}. **С**е[13] пріѣхаша | (*2*) в велико*г*(о) г(о)*с*(у)д(а)рꙗ и ц(а)рꙗ Русскогѡ ѡ*т*чиноу[14] в Великіи Новъгород[15] к[16] велико*г*(о)[17] г(о)*с*(у)д(а)рꙗ[18] и ц(а)рꙗ Русского к боꙗромъ и к намѣстнико*м* к ноꙗгѡрод*цк*им[19], ко кн(я)зю Борисꙋ Ивановичю Гѡр*б*атомꙋ[20] и к Михаилꙋ Семеновичю[21] Воронцовꙋ[22], *из*[22] велико*г*(о)[23] г(о)*с*(у)д(а)рꙗ и ц(а)рꙗ Рꙗ*ск*огѡ ѡ*т*чины изо Пскова ѡ*т* его намѣстнико*в*, | (*3*) [ѡ*т*][24, 25] кн(я)зꙗ Михаила[24] Ивановіча[26] Кꙗ*б*ен*ск*огѡ и ѡ*т* Дмитріѧ Семеновіча[27] Вѡронцова, и ѡ*т* всего Велико*г*(о) Пскова, ѡ*т*ч(и)ны велико*г*(о) г(о)*с*(у)д(а)рꙗ и ц(а)рѧ Русского, послы намѣстников[28] псков*ск*их – старосты псков*ск*іе Богда*н* Микити*н*[29, 30] с(ы)нъ[29] Ковырина[31], Наза*р* **Ѡ**нисимов с(ы)нъ[32] Глазато*и*, **Ѡ**ндрѣи **Ѡ**нкꙋдинов.

А[33] также пріѣхаша | (*4*) [ѡ*т*][34] ч(е)*с*тна*г*(о)[35] кн(я)зꙗ[36] Ли҂ленскогѡ[37] ѡ*т* Германа ҂ан Брюгина[38] послы Иван Лоде*н* да ҂е҂едо*р* Кор҂ъ[39] и прикончаша перемир(ь)е с послы намѣстников псков*ск*их ѡ*т*ч(и)ны велико*г*(о) г(о)*с*(у)д(а)рꙗ[40] и ц(а)рꙗ Рꙗ*ск*ог(о)[40], с старостами псков*ск*ими, на сем*н*[а]тца*т*(ь)[41] лѣтъ, ѡ*т* Покрова с(вя)тіи Б(огороди)ци лѣта 7000 четыредесѧтъ трет(ь)ꙗгѡ до Покрова | (*5*) с(вя)тіи[42] Б(огороди)ци до лѣта 7000[42] шестьдесѧтнаг(о), за кн(я)зꙗ местера[43] Ли҂ленскогѡ и за арцибискꙋпа Ризского, и за *их* кн(я)зи, и за *их* зѡлотоносцы, и за

их земныхъ бѡтар, и[44] за[45] посадниковъ, и за ратмановъ, и за всѣ ихъ гѡроды[45], и за всю местеровѹ державѹ и за арцибискѹпову.

{III}. А в тѹ семънатцат(ь) лѣтъ по сеи | (*6*) перемирнои[46] грамоте сесь мир держати крѣпко на ѡбе стороны. А великоѓ(о) г(о)с(у)д(а)рѣа и ц(а)рѣа Русскогѡ намѣстником[47,48], кн(я)земъ Псковским[47], и ѡтч(и)ны егѡ Псковѹ в ту семнатцат(ь) лѣтъ кнѣаж местеровы[49] державы[50] и арцибискѹповы не воевати, ни зацеплѣати ничѣмъ, ни на земли, ни на воды их не настѹпати. |

(7) Также[51] кн(я)ѕю местерѹ і арцибискѹпу, и за всѣ ихъ[52] державы в ту семънатцат(ь) лѣтъ[53] великогѡ[54] г(о)с(у)д(а)рѣа и ц(а)рѣа Русскоѓ(о) ѡтч(и)ны[55], Псковскои землѣ, не воевати, ни зацеплѣати ничѣмъ, ни на земли, ни на воды не наступати[56].

{IV}. А[57] землѣ и водѣ промеж Пскова и кн(я)ѕѣа местера и арцибискѹпа[58] старои рѹбєж[59] по | (*8*) старым грамотам.

{V}. А ѡзеро Великое ловити псковічам к своемѹ бєрегу[59]. А за ѡзеро Великое псковічам ловити не ѣздити на немецкѹю сторону. А станет [п]о[47, 60] грехом изнеможен(ь)е[61], занесет вѣтром псковскогѡ ловца на немецкѹю сторону, ино в том пени нѣту.

Также и нѣмцом ѡзеро Великое ловити к своемѹ[62] | (*9*) бєрегу[59]. А за ѡзеро Великое нѣмцом ловити не ѣздити на псковскѹю сторону. А по грехомъ станетъ изнеможен(ь)е, занесет вѣтром немецкоѓ(о) ловца на псковскѹю сторону, ино в том пени нѣтъ.

{VI}. А[63] во Псковское[64] ѡзеро нѣмцем ловити[65] не ѣздити.

{VII}. А на Клиѧно ѡстров нѣмцом не наступати ж.

{VIII}. А[66] межа промежъ | (*10*) Пскова[67] и кн(я)зѣа местера по Норове рекѣ стержнем.

{IX}. А[68] что ѡтч(и)ны великоѓ(о) г(о)с(у)д(а)рѣа[69], ц(а)рѣа всеѣа Русіи, Псковскіе земли люди били челом Ивану, Божь(ь)ею м(и)л(о)стью ц(а)рю и г(о)с(у)дарю вс[е]ѣа[70] Рѹсіи и великомѹ кн(я)зю, о том, что деи маистровы і арцибискѹпли люди встѹпалис(ь) во Псковскіе земли через старои рѹбєж[59]; также били челом ма|(*11*)истровы[71] державы люди, что будто великоѓ(о) г(о)с(у)д(а)рѣа люди его ѡтчины Пскова встѹпаютца в маистровѹ землю, – и[72] великоѓ(о) г(о)с(у)д(а)рѣа намѣстником новѓгѡродцким[73] на тѹ землю послати[74] сѹдеи на съѣздъ, а[75] великоѓ(о) г(о)с(у)д(а)рѣа намѣстником[76], кн(я)земъ Пьскѡвским, и[77] ѡтч(и)не великоѓ(о) г(о)с(у)д(а)рѣа Пьсковѹ, с маистром и са арцибискѹпом ѹчинивши | (*12*) срок, да на тѹ землю послати людеи ч(е)стных на съѣздъ. А маистрѹ и арцыбискѹпу к томѹ срокѹ на ту землю послати своих ч(е)стных людеи на съѣздъ.

И[78] тѣ судь(ь)и великоѓ(о)[79] г(о)с(у)д(а)рѣа и люди добрые с обѣихъ[80] сторон, на тѹ землю съѣхавсѣа да ѡбыскав по кр(е)стномѹ цолован(ь)ю[81], ѹчинѣат землѣ и водѣ рубеж пѡ |

(*13*) стары*м* перемирны*м* грамота*м* и по семѹ кр(е)стномѹ цолова*н*(ь)ю.

{X}. А впере*д* на чюжую землю і[6] вѡдѹ не полѣсти на ѡбе стороны. А *х*то с которо*и* сторо[н]ы[82] полѣзе*т* на чюжѹю землю или на водѹ, ино томѹ живота не дати.

{XI}. А[83] из велико*г*(о) г(о)*с*(у)д(а)рꙗ, ц(а)рꙗ Рѹсскогѡ ѡт*ч*ины, изо Пьсковско*и* землѣ, | (*14*) гѡсте*м* и кѹпцѡ*м* по маистрове дер*ж*аве и по а*р*цибискупли земли, и по[47] бискѹплимъ землѣ*м* на Ригу и на Колыва*н*(ь)[84], и на Рѹгѡди*в*, и во всѣ гѡроды Ли*ѳ*ленско*и* земли гѡрою и во*д*ою[85] пѹть имъ чистъ, приѣхати и ѡт*м*(ъ)ѣхати бєзо[59] всꙗкіе зацепки, и кѹпити и продати дѡброволно всꙗ|(*15*)ко*и* това*р*[86] бєз[59] вывета, и сол(ь).

{XII}. Да и на матерѹю рекѹ псковічем торгѡва*ти* ѣздити по старинѣ[76], и на розницю или вмѣсте това*р* свои пьсковічемъ продавати дѡброволно во всѣ*х* гѡрода*х* Ли*ѳ*ленскои земли. И дрова пьсковічемъ на матеро*и* земли в лѣсе и всꙗко*и* запа*с*, что по надобе, сѣ|(*16*)чи[76] дѡброволно же по старинѣ и по кр(е)стномѹ цолова*н*(ь)ю.

{XIII}. А маистрѹ и егѡ кн(я)ѕе*м*, и арцыбискѹпу, и бискѹпо*м*[87], ихъ люде*м* ѹ пьсковских гѡсте*и* и ѹ кѹпцовъ[88] товару[89] цены не[89] ѹставливати[90] и гѡстинцо*в* ѡт того не имати, и числа ноче*м* на*д* пьсковичи[47] не ѹставливати, и колодо*м*[91] по доро|(*17*)го*м*[92] не быти[93], и гѡ[с]тинцо*в*[94] ѡт тогѡ оу псковских гѡсте*и* і ѹ кѹпцо*в* не имати.

{XIV}. Та*к*же и маистровы*м* люде*м*[95], и арцыбискѹплимъ, и бискѹплим людем, и всѣ*х* гѡродо*в*, и их де*р*жавы в[96] велико*г*(о) г(о)*с*(у)д(а)рꙗ ѡт*ч*ину, во Пьсковскую землю, во всѣ гѡроды гѡрою и водою пѹть чисть, приѣха*ти* | (*18*) и[97] ѡт*м*(ъ)ѣхати[98] бе*з*(о) всꙗ[к]іе[99] зацепки, и кѹпити и продати[100] доброволно[101] всꙗко*и* това*р* без[102] вывета, и сол(ь).

{XV}. А корчмы[103] нѣмцо*м* во Псковско*и* земли не про-[д]авати[104].

{XVI}. А цены товарѹ у немецки*х* гѡсте*и* і ѹ кѹпцо*в*[105] пьсковічемъ не ѹставлива*ти*[106] и гѡстинцо*в* ѡт того не имати.

{XVII}. А воску ѹ пьско*в*|(*19*)[с]ки*х*[107] гѡсте*и*[108] нѣмцо*м* не колѹпати[109], ѡприч того, что, ѹколѹпи*в* немногѡ на ѡпытъ, да емѹ ѡт*м*дати[110] наза*д*[111].

{XVIII}. А вѣсчее имати с товарѹ у гѡстеи и ѹ кѹпцо*в*[112] ѹ пьскови*ч*[113] в Немецко*и*[114], земли, а ѹ нѣмецъ[115] во Пьсковско*и* землѣ, на обе стороны по старинѣ.

{XIX}. А[116] что написано в[117] первы*х* в пере|(*20*)мирны*х*[118] грамота*х* великих г(о)*с*(у)д(а)реи, Ивана, Бѡ*ж*(ъ)ею м(и)л(о)*с*тію ц(а)рꙗ и г(о)*с*(у)д(а)рꙗ всеꙗ Рѹсіи и велико*г*(о) кн(я)ѕꙗ[119], которые

кѹпцы пьсковские в местеровых гѡродех и в в-арцыбискѹповых[120], и во всеи ихъ державе поиманы, и товар ихъ ѹ них повт(ъ)иман, и местерѹ и арцыбискѹпу тѣх | (*21*) кѹпцов[47,121] всѣх втпѹстити сѡ всѣми ихъ животы. А которых будет кѹпцов в том нѧтствѣ[76] не стало или которые ис тогѡ нѧтства ѹтекли, а товар ихъ ѡсталсѧ в местеровых гѡродех или во арцыбискѹповых, или которои товар псковскои положен ѹ когѡ в местеровых[122] | (*22*) гѡрод[е]х[123] и в арцыбискѹповых, и кн(я)ꙗю местерѹ и арцыбискѹпу тѣх кѹпцов всѣх животы втдати псковічем.

{XX}. И чегѡ будет тогѡ товарѹ местеръ[124] и арцыбиск(у)пъ[52, 124] и[125] их[125] люди по тѣм перемирнымъ грамотам в тѣ гѡды пьсковічем не ѡтдали, и что послѣ тог(о) перемир(ь)ѧ пьсковског(о)[126] | (*23*) посла ѳакова[127] Анѳімова в Кеси ѹ местера ѡграбили, и тѣм дѣлом всѣм великог(о) г(о)с(у)д(а)рѧ намѣстником, кн(я)земъ Пьсковским, ѡбославсѧ с маистром и с арцыбискѹпом, ѹчинити срок на съѣздъ. А пъсковічем[52] на съѣзде на том целовати кр(е)стъ, комѹ будет тогѡ товарѹ чего не ѡтдали, | (*24*) и маистровым людем и арцыбискѹплимъ то платити. И что ѹ ѳакова ѹ посла грабежу взѧто, и послѹ пьсковскомѹ на том целовати ж(е), что ѹ негѡ грабежѹ[128] взѧто, а маистру емѹ заплатити.

{XXI}. А вперед в ту в семнатцат(ь) лѣтъ ѡ обидных дѣлех, на котором гѡроде почнетца каково | (*25*) дѣло пьсковітинѹ в местерове державе и в в-арцыбискѹпове державе, і[6] в бискѹплихъ державах, и во всей земли Лиѳленскои, ино тѹто емѹ і управа дати по исправѣ и по кр(е)стномѹ целован(ь)ю не в великих дѣлех, до десѧти рѹблевъ пьсковских.

А выше десѧти рѹблевъ бу|(*26*)дет каково дѣло[129], ино в тѣх в немецких гѡродех в маистровѣ державе и во арцибискѹплих, і[6] в бискѹплих гѡродех пьсковітина с нѣмчином не сѹдити, а дати ѡтвѣтчика, псковітина, на порѹку; а по котором не будет поруки, ино[130] егѡ держати на крѣпости[76, 130], да ѡ томъ имъ | (*27*) сослатисѧ с намѣстники[76] великог(о) г(о)с(у)д(а)рѧ, со кнѧзми Пьсковскими, и со ѡтчиною воликогѡ[131] г(о)с(у)д(а)рѧ со Пьсковом.

{XXII}. А во Пьсковскои земли каково дѣло будеть нѣмчинѹ Лиѳленскіе земли, ино также тѹто емѹ и ѹправа дати по исправѣ и по кр(е)стномѹ целован(ь)ю не в великих же дѣлехъ, | (*28*) до десѧти рѹблев псковских.

А выше десѧти рѹблев каково будет дѣло, ино во Пскове нѣмчина со пьсковітином[132] не сѹдити ж(е), а дати ѡтвѣтчика, нѣмчина, на порѹку; а по котором[133] не будет порѹки, ино егѡ дотоле держати на крѣпости, да ѡ том великогѡ г(о)с(у)д(а)рѧ намѣстни|(*29*)ком, кн(я)ꙗземъ Псковскимъ[134], сослатисѧ[47] с магистром, да срок ѹчинити ѡбоим истцом с обѣих сторон на съѣзде стати.

{XXIII}. А намѣстникомъ[135] великогѡ г(о)с(у)д(а)рꙗ, кн(я)ѕемъ Пьсковскимъ, и маистрꙋ, и арцыбискꙋпу, и бискꙋпомъ, и бергаместером, и ратманомъ, гдѣ бꙋдет то дѣло въ чьеи державе, сослатис(я) к томꙋ | (*30*) срокꙋ[136] на съѣздъ сꙋдеи. А[137] сꙋд(ь)ꙗмъ тѣ дѣла сꙋдивше на съѣзде сꙋдом вопчим, да и ꙋправа имъ тѣмъ дѣломъ всѣм чинити[138] с[136] обыском, напрꙗме, по кр(е)стномꙋ цолован(ь)ю.

{XXIV}. А доидет которои[139] нѣмчин до казни в каковѣ дѣле ни буди в Псковскои земли, ино егѡ во Пьскове не казнити, а сослатис(я) | (*31*) ѡ[140] том[141] великогѡ г(о)с(у)д(а)рꙗ[142] намѣстником[143], кн(я)ѕемъ Пьсковским, с маистром, да срок ꙋчинивше, поставити того нѣмчина на съѣзде перед суд(ь)ꙗми.

{XXV}. А доидеть в какове дѣле ни буди пьсковитинъ[144] до казни в немецких гѡродех в маистровѣ державе и в арцибискꙋплих, і[6] в бискꙋплих гѡродех, и тог(о) псковітина | (*32*) в немецких гѡродех также не казнити, а ѡбослатис(я) маистру или арцыбискупꙋ, и бискупом с великог(о) г(о)с(у)д(а)рꙗ намѣстники, со кнꙗзми Пьсковскими, да срок ꙋчинивше, поставити тог(о) пьсковитина на съѣзде перед вопчими суд(ь)ꙗми, а[145, 146] сꙋд(ь)и вопчіе ꙋчинꙗт тѣм дѣлом конецъ на съѣз|(*33*)де[147], с[148] обыском[149], напрꙗме[150], по кр(е)стномꙋ цолован(ь)ю.

{XXVI}. А[146, 151] съѣздꙋ быти на том мѣсте, гдѣ сꙋд(ь)и вопчіе земли і[6] водѣ межꙋ учинꙗтъ.

{XXVII}. А взыщет пьсковитин на нѣмчине, а досꙋдꙗт до цолован(ь)ꙗ, ино цоловати ѡтветчикꙋ, нѣмчинꙋ. А взыщет нѣмчинъ на псковітинѣ, а досꙋдꙗт до цоло|(*34*)ван(ь)ꙗ[152], ино[153] цоловати ѡтветчикꙋ ж(е), пьсковітину.

{XXVIII}. А судіти нѣмчина въ Пьсковскои землѣ как своего[154] пьсковітина. А в Нѣмцех сꙋдити пьсковітина[155] как[156] своего немчина. А знати истцꙋ истца по своеи исправѣ, а порꙋбу[157] в том не быти на ѡбе сторѡны.

{XXIX}. А намѣстни|(*35*)кꙋ[158] вдовскомꙋ[159] кн(я)ѕеи Пьсковских[160] и посаднику, и людемъ[161] дѡбрым[162] вдовским[163] целовати кр(е)стъ[164] на том, каково дѣло будеть Сыренца гѡродка[165] маистровым людем и рꙋгѡдивцом[166] до[167] вдовлꙗн, и имъ того ѡбыскивати і ꙋправа давати всꙗким ѡбидным дѣлом напрꙗме, по кр(е)стно|(*36*)мꙋ[167] целован(ь)ю[168].

Также и рꙋгѡдивскомꙋ кн(я)ѕю, и Сыренца[169] гѡродка[170] кн(я)ѕю, и судьꙗм рꙋгѡдивским и сыренским[171], и[172] людем[172, 173] добрым кр(е)стъ целовати на[170] том, каково дѣло будеть[174] вдовлꙗном до сыренецких людеи и до рꙋгѡдивцов[175], и имъ тог(о)[175] ѡбыскивати и ꙋправа давати всꙗким[174, 176] дѣлом | (*37*) ѡбидным[177] напрѧме, по кр(е)стномꙋ цолован(ь)ю.

{XXX}. А тата и[178] бѣглеца[59, 179], и холопа[180], и рабу, по кр(е)стномꙋ цолованꙗ(ь)ю ѡбыскав[181, 182], по[181] исправе выдати.

{XXXI}. А[183] ц(е)ркві Бѡж(ь)и[184, 185] рꙋс[скіе][186] и[184] концы рꙋсскіе в местерове державе і[6] в[187] арцыбискꙋпле[188], и в бискꙋплих державах, гдѣ[188] ни буди, и тѣ ц(е)ркви[187] | (*38*) б(о)жьи рꙋсскіе и концы[47] рꙋсскіе магистрꙋ і арцыбискꙋпу, и бискꙋпом[189] ѡчистити и держати по стар[и]не[190], а ихъ не[191] ѡбидити. А взата[е][192] ц(е)[рк]овное[193] ѡ[т]дати[194] все ч(и)сто[195] по кр(е)стномꙋ цолованꙗ(ь)ю.

{XXXII}. А в[196] котором гѡроде в местерове державе[196] и[197] в арцыбискꙋплих, и въ | (*39*) бискуплих ꙁемлах ꙋ псковѣтина бѡроду выдеруть, ино[47] того немчина со псковѣтином поставити на сѣзде[198] перед сꙋд(ь)ами на вопчем[47, 199] сꙋде. А доведꙋт[200] на тогѡ нѣмчина на вопчем сꙋдѣ перед сꙋдьми сꙋдом и исправою, и сꙋд(ь)амъ томꙋ нѣмчину ꙋчинити віна и ка|(*40*)знь по судꙋ. А порꙋбу не быти не в чемъ на ѡбє[59, 120, 201] стороны.

{XXXIII}. А хота будет промеж великогѡ г(о)с(у)д(а)рꙗ ѡтчинъ, Великого Новагѡрода[202] и[203] Пьскова[204], [с][205] Лив[ленс]кою[206] землею и дѣло[76] каково, ино в обѣихъ сторонах, в великог(о) г(о)с(у)д(а)рꙗ ѡтчинах, в Великом Новѣгѡроде и во Пскове, и во всѣх | (*41*) городех[207], а в Нѣмцех в магистровѣ державе і[6] в арцибискꙋплих[207], і[6] в бискꙋплих[208] гѡродех, и во всеи земли Ливеньскои, посла и гѡстꙗ не пѡрꙋбати и не грабити[209], и товарꙋ у[210] гостеи[211] [не][212] ѡт(ъ)имати[213]. А ѡтпꙋскати послов и гѡстеи со всѣмъ[214] на ѡбє[59] стороны[215] дѡброволно, без(о) всꙗкіе зацѣпки[216].

{XXXIV}. А послꙋ пьсковско|(*42*)мꙋ и кн(я)же магистровꙋ, и арцибискꙋповꙋ[217] ѡт подвор(ь)ꙗ наимꙋ не платити – то ѡтложихом на ѡбє[59] стороны[218].

{XXXV}. А[116] в тꙋ семънатцат(ь)[219] лѣ[т]ъ[220] по[с]л[ꙋ][221] намѣстников[222] пьсковских пꙋть[223] ч(и)сть гѡрою и водою, и на Ригу[223], и на Колыван(ь), и на Рꙋгѡдивъ, і[6] во всѣ гѡроды кнаж | (*43*) местеровы и арцыбискꙋповы[224], и во всю кнаж местеровꙋ державꙋ[225] и[226] арцыбискоупову[14, 227], прихати имъ[228] и ѡт(ъ)ѣхати доброволно[229], без(о)[59] всꙗкіе[230] [з]ацѣпки[231]. А[232] блюсти кн(я)зю[233] местерꙋ[234] и[235] арцыбискꙋпу пьсковскогѡ[235] посла на своих гѡродех, на землѣ и на водѣ, как своегѡ немчина, | (*44*) без(о)[236] всꙗкіе хитрѡсти.

{XXXVI}. Также и кнаж[237] местеровꙋ[238] послу и арцыбискꙋпову[239] по[240] великогѡ[241] г(о)с(у)дарꙗ и[242] ц(а)рꙗ[243] Рꙋсскогѡ[244] ѡтчинѣ, по Пьсковскои землѣ[245], и[246] до П[ь]скова[246, 247] пꙋть[248] ч(и)сть, прихати[249] имъ[250] и ѡт(ъ)ѣхати[251] дѡброволно[251], без(о) всꙗких зацѣпокъ.

{XXXVII}. А ѡ обидныхъ дѣлехъ ѡ всѣкихъ посы|(*45*)лати ѹправы проси*ти*[252] до[253] трижды на[253] обѣ[59, 254] стороны. И дадѹть чемѹ оуправѹ[255], ино даи[256] Бѡг[257] такъ[258]. А не дадѹ*т* в чемъ ѹправы[259] в обидныхъ дѣлех[260], и тѣ*м* дѣло*м* срокъ[261] учинити на съѣзде; да ѹчинѧ*т* тѣмъ дѣло*м*[262] конецъ судьи на съѣзде по кр(е)*с*тномѹ цолова*н*(ь)ю.

{XXXVIII}. А что | (*46*) по[263] первы*м* перемирны*м*[264] грамота*м*[265] которы*м*[265] дѣломъ с которые стороны конца не ѹчинѧтъ[266], и[267] псковічи с[267] нѣ*м*ци[268] в то*м* проме*ж* собѧ[269] порѹбалисѧ, а имали[270] за[271] свое на рубежи, и[272] вперед которымъ дѣло*м* с которые стороны сами конца[272] не ѹчинѧтъ, и тѣ*м* дѣломъ всѣ*м* быти на съ|(*47*)ѣзде[273] перед[274] вопчими[274] суд(ь)ѧми. А[275] сѹдьѧмъ[275] вопчи*м* на съѣзде всѣ*м* дѣломъ чинити коне*ц*, с об[ы]ско*м*[276], по[277] [кр](е)*с*[т]номѹ[278] цолова*н*(ь)ю[279] и по сеи перемирно*и* грамоте. А порубѹ не быти ни в чо*м* на обе стороны.

{XXXIX}. А[280] рати і[6] воины не подыма*ти* никоторою нѹжею[281] на[281] ѡбе стороны[282].

{XL}. А стары*м* дѣлѡмъ[283] | (*48*) [вс]тѣ*м*[284] дерть[285], оприч всѣх дѣл, которые в сеи перемирнои грамоте писано.

{XLI}. А се перемир(ь)е[286] кн(я)ѕю менестерѹ[287] і арцыбискѹпу издержати крѣпко, бѣз(о)[59, 288] всѧк[і]е[289] хитрости[290], по кр(е)*с*тномѹ цѡлованью и по сеи перемирнои грамотѣ.

{XLII}. А какъ отоидѹтъ сѣ лѣта по се*и* перемирнои грамоте, | (*49*) ино[291] быти м(е)*с*(я)цю на[291] ѡбѣ[59, 292] стороны; а в то*м* м(е)*с*(я)це рати и воины не[293] ѡбе стороны не подымати[294] по кр(е)*с*тному цолова*н*(ь)ю. А[295] посломъ в то*м* м(е)*с*(я)цѣ ѣздити[296] пѹть ч(и)*с*ть на ѡбе стороны по кр(е)*с*тномѹ цолован(ь)ю[296]. А не[297] порѹбати[297] посла, ни гѡстѧ, и сь и*х* товаро*м*, ни в велико*м* дѣле, ни | (*50*) в[298] мало*м*[299] ни[к]оторою[300] нужею[301], по[302] кр(е)*с*тному[47, 303] цолова*н*(ь)ю.

{XLIII}. А с которые стороны не ѹчнутъ правити кр(е)*с*тногѡ цолова*н*(ь)ѧ, ино на то Бѡ*г* и кр(е)*с*тное целова*н*(ь)е, и мо*р*, и гѡлод, и огнь[304], и мечь.

{XLIV}. А[305] ѡ*т*(ъ)идѹтъ лѣта, и намъ жити в старо*м* мирѹ.

{XLV}. А коли будеть нелюбѡв(ь) | (*51*) велик(о)*г*ѡ[306] г(о)*с*(у)д(а)рѧ ц(а)рѧ всеѧ Рѹсіи намѣстнико*м* пьсковскимъ до[47] менѧ, кн(я)зѧ местера, и до мои*х* кн(я)зеи, или мнѣ[76, 307], кн(я)ѕю местерѹ[308], или мои*м* кн(я)ѕемъ коли буде*т* нелюбѡв(ь) до велико*г*(о)[309] г(о)*с*(у)д(а)рѧ[310], ц(а)рѧ[310] всеѧ Рѹсіи намѣстнико*в* пьсковских*х*[311], ино на*м* ми*р* ѡтослати[311]; а по тѡ*м*, | (*52*) ѡли[312] же м(е)*с*(я)цъ[312], четыре[313] недѣли[314], проидеть[315] на ѡбе стороны, то же сѧ воевати.

{XLVI}. А в тотъ м(е)*с*(я)цъ послу ѣздити на ѡбе стороны бѣз(о)[59] всѧкіе хитрости.

{XLVII}. А на се*м* перемирье и на се*и* перемирно*и* грамоте[316] рѹ́ки дали и печати свои приложи*ли*[316] великогѡ г(о)*с*(у)д(а)рꙗ | (*53*) и[317, 318] ц(а)рꙗ Рѹ́[*с*]скогѡ[318,319,320] намѣ́стники[321] Великогѡ[322, 323] Новагѡрода[322,324] кнꙗз(ь)[325] Бѡрис[325] Іванѡвич[6, 326, 327] и Михаило Семенович[328]. Также[329] великогѡ[330] г(о)*с*(у)д(а)рꙗ, ц(а)рꙗ Рѹсскогѡ намѣ́стники пьскоѳскіе кн(я)зь Михаило Иванович[331] да Дмитреи Семенович[332, 333] руки дали и[334] печати[334] свои приложили.

{XLVIII}. А старостамъ[283] | (*54*) пьсковьскимъ[335] Бѡгданѹ́ Микитинѹ́[336] с(ы)ну Ковырина, Назару Ѡнисимовѹ́ с(ы)ну Глазатомѹ́, Ѡндрѣ́ю[337] Ѡнкѹ́диновѹ́[338] кр(е)*с*тъ[339] целовати и[340] людем добрым за Пьсков и[341] за[341] вс҃ѣ[342] пьскоѳскіе гѡроды[343], и за[343] всю Пьсковскѹ́ю землю[344], за ѡтчину[345] великог(о) г(о)*с*(у)д(а)рꙗ[346] и[347] ц(а)рꙗ[347, 348] Рѹ́сского[349].

{XLIX}. Также и кн(я)зю местеровѵ[350] | (*55*) кр(е)*с*та целова*ти* и печа҂*т*(ь) своꙗ[351] приложи*ти*[351] за вс҃ѣ свои[352] гѡроды[352] и за всю свою[353] державѹ́[353].

{L}. А[354] на семь перемирье[355] кр(е)*с*тъ целѡовали старосты пьскоѳскіе в[356] Новѣгѡрод҃ѣ[356], Бѡгдань[357] Микити*н*[358] с(ы)нъ[52, 358] Ковырина[359], Назаръ[360] Ѡнисимовъ[361] с(ы)нъ Глазатои, Ѡндрѣ́и Ѡнкѹ́діновъ[362], и[363] за[363] всю | (*56*) Пьскоѳскѹ́ю землю, велик(о)гѡ г(о)*с*(у)д(а)рꙗ[364], ц(а)рꙗ[365] Рѹ́сскогѡ ѡтч(и)ну.

{LI}. А ѡт кн(я)ꙁꙗ[366] местера[367] и ѡт арцыбискупа Ризск(о)гѡ[368], и[369] ѡт бискѹ́па[369] Юрьевскагѡ[370], и ѡт вс҃ѣх бискупов[371], кои в се[и][372] грамоте писаны[373], и[374] ѡт[374] все҃ѣ[375] Лиѳленскіе[376] земли, местеровы[377] державы, на сеи грамоте целовали[378] | (*57*) кр(е)*с*тъ послы немецкіе Иванъ[379] Лѡде[380] да Ѳедѡр Корѳъ[381].

{LII}. А[382] пришлютъ велик(о)гѡ г(о)*с*(у)д(а)рꙗ[383] и ц(а)рꙗ Рѹ́сскогѡ намѣ́*с*(т)ники[384, 385], намѣ́стники[385, 386] новгѡродцкіе[387] своего[388] посла ко кн(я)ꙁю[384, 389] местерѹ́[390], ино[391, 392] кн(я)зю[391,393] местерѹ́[394] на сеи грамоте самомѹ́ кр(е)*с*тъ целѡвати перед тѣмъ посломъ, и за-*р*цы|(*58*)бискупа, и за бискѹ́пов, и за вс҃ѣ свои гѡроды, и за всю[395] свою державу, и печать[396] своа҂[397] кн(я)зю[398] местерѹ́ к сеи грамоте[399] п[р]ивѣсити[400]. А[401] арцыбискѹ́пу[402] Ризскомѹ́[403] рѹ́ка дати за свою державу и печа҂*т*(ь) своꙗ[404] к сеи[404] грамотѣ́[405] привѣсити[406].

{LIII}. А кончали[407] перемир(ь)е в великогѡ | (*59*) г(о)*с*(у)д(а)рꙗ[408] и ц(а)ра҂[409] Рѹ́сскогѡ ѡтч(и)не в Великом[410] Новѣгѡроде, в лѣ́та[411] седмъ[411] тысꙗщъ[412] четыредеса҂т[413] третьꙗгѡ[414, 415, 416]. |

(1){I}. [Nach][1] de[m][2, а] willen[3] Godes vnd nach bouelh des grothen[4] herschers Iwan, van[4] Gots gnaden keysers[5] vnd herschers aller Russen, vnd [g]rothfursten[6] tho Wolodimer[7], Muschow[8], Nowgarden, Pleschow, Smalenschi[9], Otpher[10], Iuhorschi[10], Perempschi[11], Vetzkj[12], Bolgar[sc]h[i][12, 13, 6] [vn]d[14] | *(2)* [an]d[ern][15, 16].

{II} [Hi]r[15, 17, в] sind gekomen in des grothen herschers, des Ruschen keisers vederliche[г] erue tho Grothnowgarden[18] tho des grothen h[e]rshers[19, д], des Russischen keysers boyarn vnd stadholdere tho Nowgarden, tho fursten Borys Iwanewitz[е] Gorbathoj[20, ж] [vnd[21] Michael][21] | *(3)* [Semen]owitz[22] Worontzow, vth des grothen hershers[3], des Rus(sischen) key(sers) vederliche erue van Pleschow, van des grothen herschops[и], des Rus(sischen) key(sers) stadholdern[23], van[к] fursten Michael Jwanewitz[л] Kubensky vnd Dimiterj[24, м] Semenowitz Worontzo[w][25], [vn]de[26] | *(4)* va[n[27] all]e[27] G[ro]the[n][28] Pleschow, der ve(derliche) er(ue) des grothen hershers[и], des Russischen keysers, der stadholdere ehre boden van Pleschow[29] – die olderlude des ved(erlichen) eruen key(sers)[30] aller Russen[30] Bogdan Mikitin sonne Kowirin, Natzar[31] Onisimow sonne Glas[a]th[oj][32, о] vnd[32, 33] | *(5)* [An]d[re]as[34] Onkundinow.

Derglieken[н] sind gekomen van dem eddelen fursten tho Liflande Herman van Bruggeney gnanth[35,36] Hasenkamp[36], f(urste) meister, seine bodschafter Johan Lode vnd Frederich Korff, burgermeister[37] thor Narue[37], vn[d][38] h[ebb]en[39] | *(6)* [geen]d[i]get[40] den biefrede mith der botschafter der stadholdere[41] tho Pleschow, des ve(derlichen) erue des grothen hershops[р], des Russischen[42] keisers, mith den olderluden van Pleschow, tho seuenthein iaren, anthogaende van dem ers[ten][43] d[age][44] | *(7)* [octo]b[r]is[45] im iare seuendusenth vnd dre vnd vertich beth tho dem iare seuendusenth vnd sestich beth vp den [e]rsten[46] dach octobris, vor den f(ursten) mester tho Liflande, ertzbishop[с] tho Riga, vnd vor ehre hern ritte[r]sch[a]ft[47] [vn]d[48] | *(8)* [lan]dsathen[49], vnd vor die[50] burgermeistere[51] vnd raidmanne, vor alle ehre stede des fursten mesters, ertzbisschops beholdinge[52].

{III}. Sal men dussen seuentheiniarigen[53] biefrede nach dussen breuen van beyden[54] parten vastiglich ho[lde]n[55]. | *(9)* [De]s[56] grothen[57] hers(chers), des Rus(sischen) key(sers) seine stadholdere, die f(ursten) tho Pleschow, vnd sine ved(erliche) erue Pleschow sollen in dussen seuenth[ei]n[58] iaren des f(ursten)[59] mes(ters)[т], ertzb(ischops) beholdinge nicht bofeiden ock nergens mede boschedig[e]n[60], vp ehre wathere vnd lan[de][61] [nicht][62] | *(10)* [tre]d[en][63].

Derglieken[у] sal die furste mester vnd ertzb(ischop) vor alle ehre boholdinge in den seuenthein iaren des groth[en][64] [her]s(chers)[65], des

Rus(sischen) key(sers) ved(erliche) er(ue), Ples(chowisches) land[66], nicht[67] bofeiden vnd nergens mede boschedigen, vp ehre watere[68] v[nn]d[e][69, ф] | (*11*) [lan]d[e][70] nicht treden.

{IV}. Den watheren vnd lande tuschen Pleschow vnd dem f(ursten) mes(ter)[x], ertzb(ischop) sal sein die olde grentze na[c]h[71] den olden breuen.

{V}. Die Grothe see sollen die Ples(chower) vischen ahn ehrer siden. Auer die Grothen see sollen die Ples(chower) v[p][72] d[er][73] | (*12*) Du[i]tschen[74] siden nicht vischen faren. Kumpt durch sunde of vnmacht haluen dath die winth den Ples(chowischen) vischer ahn die Duitshe[75, ц] side versettet, darumb sal men nicht boschuldigen.

Derglieken[ч] sollen die Duitschen[76] die Grothen see ahn[77] [ehren][78]| (*13*) [ou]e[r][79] vischen. Auer die Grothen[80] see sollen die Duitshen[ш] nicht vischen tehen vp die Ples(chowische) side. Kumpt durch sunde of [v]nmacht[81] haluen dath die winth den Duitshen[ш] vischer ahn[82] die[82] Ples(chowische) side versettet, darumb sal men nicht thor[nen][83]. |

(*14*) {VI}. [Ahn][84, ъ] [di]e[85] Ples(chowischen) see sal die Duitsche nicht vischen.

{VII}. Vp denn[86, ы] holme Klitzar[87] sollen die Duitshen[ъ] nicht treden.

{VIII}. Die grentze tusch[e]n[88] dem f(ursten) mes(ter)[э] vnd Ples(chow) is die stroem der Narue becke.

{IX}. Als denne vth des grothen key(sers) vnd herschers aller R[u]s[sen][89, ю] ved(erliche)[89] | (*15*) [erue][90] die lude vth Ples(chowischen) lande schlogen ehre houede Iwan, von Gots gnad(en)[91] key(ser) vnd hers(cher) aller Russen vnd grotf(urste), vmb sodan[t][92] so dat des f(ursten) m(esters), ertzb(ischops) lude sind in Ples(chowisches) land auer die olde grentze getreden; dergliecken hebben ehre houede ge[schlo]g[e]n[93] | (*16*) [de]s[94] furste[n][95] mes(ters)[я] lude, wue dath des grote(n) hers(chers) ved(erlichen) erue lude van Ples(chow) sind in des f(ursten) mes(ters) lande getreden, – vnd des gr[o]te(n)[96] hers(chers) stadholdere[97] van Nowgarden sollen vp einen bostemmeden dach richtere vp dath land senden, ock des[98] g[r]ote(n)[99] h[ers](chers)[100] | (*17*) [sta]dhol(dere)[101], die f(ursten) tho Ples(chow), vnd van des grothen hers(chers) ved(erliche) er(ue) Ples(chow) sollen mith dem[18] f(ursten) m(ester), ertzb(ischop) eine tid beramen vnd erw(irdige)[102, 103] lude van beiden parte(n) vp dath land vp die versamlinge senden. Derglieken sollen die f(urste) m(ester), ertzb(ischop) vp den bostemmed[en][104, аа] | (*18*) [dach][105] ehre[106] erw(irdige)[103] lude tho der versamlinge senden.

Vnd die richtere des grote(n) hershers[66] vnd die guden[вв] lude, als die van beiden parte(n) vp dat land tho samen komen, sollen sie bosoken nach der krutzkus(singe) vnd setten den landen vnd

wath[er]n[107] | (*19*) [eine][108, гг] g[r]entze[109] nach den fredebreuen vnd nach der krutzkussinge.

{X}. Vnd ock vordan sal men vp frombde lande vnd wathere nicht treden van beiden parte(n). Wer van beiden parte(n) vp frombde lande vnd wathere tredt, dem sal[110] | (*20*) [me]n[111] dat leuenth[112] nicht lathen.

{XI}. Ock vth des grote(n) hershers[дд], des Rus(sischen) key(sers) veder(liche) er(ue), vth Ples(chowischen) lande, die koplude vnd geste sollen in des f(ursten) m(esters), ertzb(ischops) vnd bischope ehre beholde[113] vnd lande nach Riga, Reuel vnd Narue in alle ehre ste[de][114] | (*21*) d[e]r[115] lande tho Lifflande[116] tho wather vnd tho lande hebben einen frien wech, tho komende vnd tho tehende ahne alle anholdinge, tho kopen vnd tho[117]uorkopen[117] allerleie ware frie, nichts buthen bosheiden[ее], vnd mith solthe[жж].

{XII}. In der embecke[118] | (*22*) [m]o[g]en[119] die Pleschower kopschlagen tehen vp dath olde, mogen ehre ware ock bie portzelen of in der summen verkopen frie in allen steden in Lif(lande). Ock mogen die Ples(chower) ahn der embecke frie holth howen in dem busche tho[120] | (*23*) [alle]r[121] nottruft vpt olde nach der krutzkussinge.

{XIII}. Ock sollen die f(urste) m(ester) vnd sine hern, ertzb(ischop) tho Riga, bischope vnd ehre lude dem Ples(chowischen) kopmanne of gaste ehrer ware keine werde setten vnd dar keine gifte vor nhemen. Ock sal[122] | (*24*) men[123] dem P[l]es(chowischen)[124] kopmanne[125] geine thall[126] der nachtleger setten, vnd keine rennebome sollen bie dem wege sin[127], ock sal men van dem Ples(chowischen) kopmanne dar geine gifte van nhemen.

{XIV}. Derglieken[33] sollen des f(ursten) m(esters), ertzb(ischops) lude vth alle[128] ehr[en]n[129]| (*25*) b[e]ho[l]de[130] vnd vth[131] allen steden in des grote(n) hers(chers) vederliche erue, in Ples(chowischem)[132] land, in allen steden tho wather vnd lande hebben einen frien wech, tho komende vnd tho tehende ahne alle hindernisse, frie tho kopen vnd tho[133] uorkopen[133] allerl[eye][134] | (*26*) [w]are[135], nichts nicht buthen boscheiden, vnd[23] mith solthe.

{XV}. Vnd die Duitshen[ии] sollen in Ples(chowischem) lande nicht krogen.

{XVI}. Ock sollen die Ples(chower) dem Duitshen[кк] kopmanne vnd gaste die werde siner war nicht setten ock geine giffte daru[an][136, лл] | (*27*) nhemen[137].

{XVII}. Ock sollen die Duitschen gein was bokloppen van den Ples(chowern), bosunder ein weinich tho[138] bosende[138] datsuluige, sollen sie ehn weddergeuen.

{XVIII}. Wage gelth sal men nhemen van der Ples(chowischen) koplude vnd geste waer in den Duitschen l[an]den[139] | (*28*) [va]n[140]

denn Ples(chowern), vnd van den Duitschen in Ples(chowischem) lande, van beiden parten[141] vpt[142] olde.

{XIX}. Ock so dar geschreuen stehet in den vorigen fredebreuen des grothen herscher Iwan, van Gots[143] gnaden keyser vnd herscher aller Russen vnd grotf(urste), vnd[144] sines sons Was[silie]n[145], | (*29*) vann Gots[146] gnaden key[ser] vnd hers(cher) aller Russen vnd grothf(urste)[144], welche Ples(chowische) koplude in des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) steden vnd in alle dem lande tho Liflande vnd ehrem beholde[147] gefangen[148] weren vnd ehre war van ehn genhomen, die f(urste) mes(ter), ertzb(ischop) solle[n][149, mm] | (*30*) alle die koplude loss geuen mith alle ehrem gude. Welche koplude in der gefengknisse[nn] nicht gebleuen of verlopen sind, vnd ehre ware is gebleuen in des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) steden, eder welche ware die Ples(chower) gelathen hebben in ver[w]a|(*31*)ringe[150] in des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) steden, sall die furste mester, ertzb(ischop) dem Ples(chowischen) kopmanne alle ehre ware weddergeuen.

{XX}. Vnd wes van der ware die furste[151] mester, ertzb(ischop) vnd ehre lude nach den fredebreuen inn den iaren den Ples(chowern)[152]|(*32*) nicht[153] weddergegeuen[154] hebben, alse ock nach dem frede die Ples(chowische) bode Jacob Anphimowa tho Wenden bie dem f(ursten) m(ester) bestroefet word, vmb alle der saken willen sollen[155] des grothen hershers[oo] stadholdere, die f(ursten) van Ples(chow), mith dem f(ursten) mes(ter)[156] | (*33*) vnd[157] ertzb(ischop) sich bosenden vnd beramen einen dach of tid der versamlinge. Vp der versamlinge sollen die Ples(chower) dath krutze[158, 159] kussen[159], wes der ware ehn nicht weddergegeuen is, sollen des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) lude sodane ware bothalen. Vnnd[160] | (*34*) wes[161] dem Ples(chowischen) boden Iacoba genhomen is, dar sall der Ples(chowische) bode dath krutze[162] kussen[162, 163] so sal die furste[164] mester[165] ehn bothalen[166].

{XXI}. Ock forder in dussenn seuenthein[pp] iaren vmb aller klegelichen[167] saken, in wath stede einem Pleschow[er][168] | (*35*) die[169] gescheen in des f(ursten) m(esters), ertzb(ischops) vnd bis(chope) ehren steden vnd in alle dem lande tho Liflande, sal men darsuluest recht dhoen nach rechte vnd krutzkussinge nicht in grothern saken, dan tho thein stucke suluers P[les](chowisch)[170]. |

(*36*) [W]elche[171, qq] sake sich bauen thein stucke suluers treffende is, sal men in den Duitshen[cc] steden des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) vnd bis(chope) ehren steden den Pleschower mith einem Duitshen[cc] nicht richten. Men sal den anthwordes[172, rr] m[an][173, 174, yy], | (*37*) den[175] Ples(chower)[176], geuen vp burge hand; heft hie keine burgen, so sal men ehne thor[177] tid[177] in die veste setten, vmb ein sodant[178] sal men sich mith den stadhol(dern) des grote(n) hers(chers), mith dem f(ursten)

tho Ples(chow), vnd mith den ve(derlichen) eruen de[s][179] | (*38*) [gr]othen[180] hers(chers) tho Ples(chow) bosenden.

{XXII}. Ock heft ein Duitshe[фф] vth Lif(lande) ienige sake in Ples(chowischem) lande tho doende, sal men darsuluest[181] derglieken recht geuen nach rechte vnd krutzkussinge nicht in grothern saken, dan tho thein stucke suluers[182] | (*39*) Pleschowisch[183].

Welche sake sich hoger dan thein stucke trefft, sal men einen Duitshen[xx] tho Ples(chow) mith einem Ples(chower) ni[c]ht[184] richten. Den anthworder, den Duitshen[цц], sal men borgen[167]; heft hie keine borgen[185], sal in die veste gesath werd(en)[186, чч], | (*40*) der[187, шш] haluen[188, шш] sollen[189, щш] sich des grothen her(schers) stadhol(dere), die f(ursten) tho Ples(chow), mith dem f(ursten) mes(ter) bosenden vnd setten den beiden[190] sa[kew]olden[191] eine tid vp den dach vor den semptlichen richtern tho staende.

{XXIII}. Des[192] sollen[192] die stadhol(dere) des grote(n) he[r]schers[193], | (*41*) die f(ursten)[194, ъъ] van[195] Ples(chow)[196], mith dem f(ursten) m(ester), ertzb(ischop) vnd bisschope, burgermeistern, raidmannen, vth [w]elcherer[197] beholde die dar[198] sake tho doende hebben, sollen vp die tid alle der versamlinge ehre richtere senden. Als die richtere [v]p[199] der[200] | (*42*) versamlinge die saken semptlich gerichtet hebben vpt rechteste, sollen sie semptlichen alle den saken ein ende maken[201] mith[202] bosokinge vp dath rechteste vnd nach der krutzkussinge.

{XXIV}. Verfelth ein Duitshe[ыы] watterleie sake, id sind, in[n][203] | (*43*) Ples(chowischem) lande in straffe, sal men tho Ples(chow) nicht straffen, sollen sich der sake haluen des grote(n) hers(chers) stadhol(dere), die f(ursten) van[204] Ples(chow), mith dem f(ursten) mes(ter) bosenden vnd beramen eine tid, vnd stellen den Duitshen[ьь] vp die versa[mlin]ge[205] | (44) vor die richtere.

{XXV}. Vorfelth[23, 206] ein Ples(chower) watterleye sake in den Duitshen[ээ] steden in des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) vnd bis(chope) beholth in straffe, sal men derglieck(en)[207, юю] den Ples(chower) in den Duitshen[яя] steden nicht straffen, der sake haluen sal sich der f(urste) mes[te]r[208], | (*45*) ertzb(ischop) vnd bis(chope) mith des grothen hers(chers) stadhol(dern), mith dem f(ursten) van Ples(chow), eine tid beramen vnd stellen den Ples(chower) vor die semptlichen richtere, vnd die semptlichen richtere sollen vp der versamlinge den saken maken [e]in[209] | (*46*) ende mith bosokinge vpt rechteste nach der krutzkussinge.

{XXVI}. Die versamlinge sal sin vp der stede, dar die semptlichen richtere den landen vnd watheren eine grentze setten[210].

{XXVII}. Fordert ein Ples(chower) einen Duitshen[аб], vnd werth gerichtet t[h]o[211] | (*47*) der krutzkussinge, so sal die anthworder, die

Duitshe[aв], kussen. Fordert ein Duitshe[ar] einen Pleshower[aд], vnd werth gerichtet tho der krutzkussinge, so sal die anthworder, die Ples(chower), dath[212] krutz[213] kussen[213].

{XXVIII}. Einen Duitshen[ae] sal men in Ples(chowischem)[214] lande richt[en][215] | (*48*) als einen Ples(chower). In Duitshen[216, aж] landen sal men einen Ples(chower) richten als ehren Duitshen[aж]. Ein sakewolde sal seinen sakewolden bokennen[217] nach seinen rechten[218], dar sal keine anholdinge[219, 220] vnd bosettunge[220] van beiden parten nicht gescheen[221]. |

(*49*) {XXIX}. Die f(ursten)[222] van Ples(chow) ehre stadhol(der) tho Woldow vnd die burgermeister, vnd gude lude van Woldow sollen dath krutze darup kussen[18] wattelley[223, aз] sake, die lude des[224] f(ursten) m(ester) van dem Nienshlotte[23, aи] vnd von der Narue tho doende hebbe[n][225] | (*50*) mith den Woldowschen, sollen sie verhoren vnd ouer[226, aк] klegeliche sake recht geuen vp dat rechteste nach der krutzkussinge.

Derglieken sal der stadhol(der)[227] thor Narue vnd van dem[18] Nienschlotte, die richtere thor Narue vnd van[228] dem[229] Nyen | (*51*) schlotte[229,230] vnd die guden lude[230] sollen dath krutze[231] kussen[231] darup[232, aл] watterley sake, die Woldower tho den van[233] dem[18] Nyenschlotte vnd thor Narue tho doende hebben[234], dath sollen sie bosoken vnd auer alle klegeliche sake recht geuen vp dath[234, 235] | (*52*) rechteste vnd krutzkussinge.

{XXX}. Einen deeff, loper[236], ein eigen man vnd ein eigen wiff sal men nach der krutzkussinge bosoken vnd nach rechte vthgeuen.

{XXXI}. Vnd[237] die kercken Godes der Russen vnd der Ruschen[aм] ende in des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops)[238] | (*53*) vnd bisschope ehrem[aн] beholde, vnd die kercken Godes vnd die Ruschen ende, wur die sin, sal die f(urste) m(ester), ertzb(ischop) vnd bisschope reinigen vnd holden nach dem olden, nicht boschedigen. Vnd dath genomen vth den kercken, sal men alle reyne[239] | (*54*) weddergeuen nach der krutzkussinge.

{XXXII}. In welcherer stad in des f(ursten)[240, aо] m(esters), ertzb(ischops) vnd bisschope ehre lande vnd beholdinge einem Ples(chower) sin bardth[241] vthgropet[241, 242], sal men den Duitshen[aп] mith dem Pleschower stellen vp die versamlinge vor die[243] | (*55*) semptlichen[244] richtere. Auerthugen sie dan dath dem Duitshen[ap] vor dem semptlichen gerichte[245] vor den richtern mith gerichte vnd rechte, sollen die richtere dem Duitshen[18, ac] setten eine schult vnd straffe nach dem gerichte. Men sall v[a]n[246] | (*56*) beiden parten vmb keinerley sake willen bosetten.

{XXXIII}. Off dar tuschen beiden, des grote(n) hershers[aт] ved(erliche) er(ue) tho Grothnowgarden vnd Pleschow mith den lan-

den tho Lifflande[247], etzwelche[248] saken vpstunden, so sall men van beiden parten, des grothenn[249, ay] | (*57*) herschers ved(erliche) er(ue) tho Grothnowg(arden) vnd[250] Ples(chow), vnd in allen[18] steden, vnd inn denn Duitschen steden inn des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) vnd bis(chope) ehren steden vnd beholde, vnd in alle dem lande tho Liff(lande), einen boden[251], koplude[252] vnd geste nicht bosetten ock nicht berouen[aф], ock v[a]nn[253] | (*58*) dem gaste keine waer[ax] nhemen. Men sall die boden vnd koplude guthwillich tehen lathen mith alle dem ehren van beiden parten ahne vpholdinge.

{XXXIV}. Die boden von Ples(chow) vnd des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) sollen vor die herberge keine huishur geuen – dath hebben[254] w[i]e[255] | (*59*) van beiden parte(n) afgestalt.

{XXXV}. In dussen seuenthein jaren sal die bode[256] der stadhol(dere) tho Ples(chow) hebben einen frien wech nach Riga, Reuell vnd nach der Narue tho wather vnd tho lande, vnd inn alle des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) stede vnd beholde, frye[257] | (*60*) tho komen vnd tho tehende, ahne alle vpholdinge. So sall die f(urste) mes(ter), ertzb(ischop) vnnd bishope[aц] die Ples(chowischen) boden inn ehren steden, tho wather vnnd tho lande, boshermen[aч] als ehren Duitshen[aш], ahne alle bohendicheit[258].

{XXXVI}. Dergliecken[259, 260] sollen[261, 262] des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops)[263] | (*61*) vnd bisschope ehre boden in des grothen herschers, keys(ers) aller Russen ved(erlichem) er(ue), in Ples(chowischem) lande, beth tho Ples(chow) einen fryen[264] reynen wech hebben, tho komen vnd tho tehende friewilligen, ahne allerleie vpholdinge.

{XXXVII}. Vmb aller klegelichen sakenn | (*62*) haluen sal men sich van beiden parte(n) dre mall recht tho bogerende bosenden. Vnd gifft men dar auer recht, God geue dath jd[265] geschee[266]. Vnd gifft men auer klegeliche sake gein recht, so sal men den saken setten eine tid der versamlinge; denn[267, 268] | (*63*) saken sollen die semptlichen richtere ein ende maken nach der krutzkussinge.

{XXXVIII}. Off welche sake nach den fredebreuen van beiden parte(n) gein ende gemaketh worde, so hebben die Ples(chower) vndermalckander[269, aщ] mith den Duitshen[aъ] sich boschedigeth vnd[e][270, aы] | (*64*) hebben vor dath ehre genhomen vp der grentze, vordan[271] in welchn[aь] saken sie vndermalckander[269, aэ] kein ende konnen maken, so sollen sie alle die sake vp den dach vor die[272] semptlichen richtere stellen. Sollen die semptlichen richtere vp der | (*65*) vorsamlinge[273] alle den saken ein ende maken[274] mith bosokunge nach der krutzkussinge vnd nach dussenn[275] fredebreuen. Sal keine bosettunge gesheen[aю] vmb keinerley dinge van peithen parten.

{XXXIX}. Men sall keinen krich off orlech kei[ner]l[ey][276, aя] | (*66*) wise of gedrenge haluen van beiden parte(n) anboginnen, ock[277]

die fredebreue in dussen bostemmeden iaren nicht afsenden van beiden parte(n)[277].

{XL}. Alle die olden sake sollen tod sin, bosunder die inn[278] dussem breue geshreuen[6a] sin.

{XLI}. Dussen[279] | (*67*) biefrede sal die f(urste) m(ester), ertzb(ischop) vestiglichen holden ahne alle bohendicheit, nach der krutzkussinge vnd nach dessem fredebreue.

{XLII}. Alse dusse jare vthgaende werden nach dussen fredebreuen, sal staen ein monath van beiden parte(n)[280]; | (*68*) in[281] der monath sal men keine veide of orlage boginnen van beiden parte(n) nach der krutzkussinge. In der monath sollen die boden tho tehende hebben einen frien veligen wech van beiden parte(n) nach der krutzkussinge. Men[282] | (*69*) [sa]ll[283] den boden vnd kopman mith siner ware noch in grothern eder kleinen saken vmb keines gedrenges haluen nicht bosetten, noch[284] anholden[284], nach der krutzkussinge.

{XLIII}. Van[285] welcher siden nicht werth geholden richtich[286] | (*70*) die krutzkussinge, auer deme sie God vnd die krutzkussinge, sterffte[287], smacht[287], fuer vnnd dath shwerd[6в].

{XLIV}. Vnd[288] so dusse jare vorbie sind, so solle wie leuen in dem olden frede.

{XLV}. Wanner des grothen herschers stadholdere vann[289] | (*71*) Ples(chow) nicht werth boleuen tho my, den f(ursten) mes(ter), vnd tho sinen hern, eder[290] die f(urste) mes(ter) vnd sine hern tho des grote(n) hershers[6г], key(sers) aller Russen stadhol(dere) tho Ples(chow), so moge wie den frede auesenden; darnach[291] wan ein monath[292, 293], | (*72*) veer wecken, vorbie sind, so sal men van beiden[294] parte(n) veyden.

{XLVI}. Vnd in der monath sollen die boden reisen[295] van beiden parte(n) ahne alle bohendicheit.

{XLVII}. Vp[296] dussen biefrede bref[297] hebben die hande gestrecket vnd ehre segele[298] | (*73*) daran[299] gehangen des grote(n) hers(chers), des Rus(sischen) key(sers) boyaren[300, 301] vnd[302] stadholdere tho Grothnowgard(en)[303], f(urste) Boris Jwanewitz Gorbathoj[304, 6д] vnd Michael Semenowitz Worontzow[304]. Derglieken[305] sollen[306] des grothen herschers, des Rus(sischen) key(sers)[307] stadhold[ere][308] | (*74*) tho Pleschow, f(urste) Michael Iwanewitz Kubenskij[304, 6е] vnd Dimiterj[6ж] Semenowitz Worontzow[304], die hande strecken[309] vnd ehre segele ahn dussen breff hangen.

{XLVIII}. Vnd[310] die olderlude van Pleschow Bogdan Mikitin sonne Kowir[i]n[311], | (*75*) Nazar Onisimow sonne Glasathoj[6з] vnd Andreas Onkudinow sollen dath krutze[312] kussen[312] vnd ander[313] gude lude tho Pleschow vor alle Ples(chowische) stede vnd vor alle dath land tho Pleschow, des veder(lichen) er(ue) des grote(n) hers(chers), des Rus(sischen) keys(ers)[314]. |

(*76*) {XLIX}. D[erg]l[iec]k[en][315] s[a]l[316] die[317] f[ur]ste[318] mester[319] dath[320] krutze[321, 322] kussen[321] vnd[322] sin segel daran doen hangen vor alle sine stede, vor alle sin beholth.

{L}. Vp dussen fredebref hebben dath krutze gekusset tho Nowgarden[323] die olderlude van Pleschow[324] | (*77*) Bogdan[325] Mikitin sonne[325] Kowirin[326, 327], Nazar Onisimow sonne Glasathoj[6и] vnd Andreas Onkudinow vor alle dath land tho Ples(chow), des ved(erlichen) er(ue) des gro(ten) her(schers), des Rus(sischen) key(sers).

{LI}. Vnd van wegen des furste(n) mesters[328], ertzb(ischops)[329] tho Riga[330, 331], | (*78*) bisschops[332] tho Darpte[333] vnd vor alle bisschope[334], die in dussem breue geschreuen sin, van wegen[335] alle der[336] lande tho Liflande, des f(ursten) mes(ters) beholdinge[337], vp dussen breff heben gekusseth dath[338] krutze[339, 340] die[338] Duitschen[341] | (*79*) baden Johan[6к] Lode vnd Frederich Korff, burgermeister[342] thor Narue[342].

{LII}. Vnd wanner des grote(n) hers(chers), des Rus(sischen) key(sers) boya[r]n[343, 344] vnd stadholdere[344] tho Nowg(arden)[345] ehre baden senden werden ahn den furste(n) mester, sal die fur[ste][346] | (*80*) mester vp dussen breff[347] dath krutze[348] kussen[348] in iegenwerdicheit der baden vor den ertzb(ischop) vnd vor die bissch o[p]e[349], vnd vor alle sine stede vnd[350] alle sine boholdinge, vnd[351] sin segel ahn den breff doen hangen. Vnd[352] die ertzbis(chop)[353] | (*81*) tho Riga sal die hande strecken vor alle sine beholdinge[354] vnd sin segel ahn dussen bref doen hangen[354, 355].

{LIII}. Dusse frede is geendigeth inn des grothen herschers, keysers aller Russen vederliche[356] eru tho Grothnowgarden inth iare[357] | (*82*) seuendusenth[358, 359] vnd[360] dre[361] vnd verttich[361], vnd[362, 363] nach[360] Christj[364] geburth[364] viffteinhunderth vnd viff[365,366] vnd derttich[362, 365, 367, 368, бл]. |

[Легенда]

РГАДА. Ф. 64 (Сношения России с Лифляндией и Эстляндией). Оп. 2. № 7. Л. 1–2. Подлинник на двух соединенных между собой листах пергамена, нижняя часть которых загнута и прошита слева шнурами вислых печатей.

К грамоте были привешены 7 печатей, из них сохранились (в порядке слева направо по лицевой стороне л. 1) № 1, 2 и 4.

Печати № 1–4 – на шелковых шнурах, состоящих из двух прядей; красно-малиновой и зеленой.

Печать № 1. Восковой слепок коричневато-желтовато-беловатого цвета треугольной формы. Надпись по кайме: “ПЕ Ꙗ Ѧ ТЬ КНѦЖЄ БОР[ИС]ОВѦ[1] И[Н]ОВ[И Ꙗ]Ѧ[2]” Печать принадлежала новгородскому наместнику кн. Борису Ивановичу Горбатому.

---

[1] После “Р” буквы стерлись на протяжении 2,5 мм и прикрыты сверху полоской красного воска; в кв.ск. доб. по смыслу.

[2] Так на печати. Слог “ВѦ”, необходимый после первого “И”, пропущен. Второе “И” как будто испр. из “Ꙗ”, после него буква неясна; в кв.ск. – буквы, читаемые неуверенно.

Печать № 2. Восковой слепок коричневато-желтоватого цвета треугольной формы. Круговая надпись на ободке сделана сбивчиво и крайне неискусно.

Правильное прочтение ее следующее: "МИХѦИЛО[3] [СѲ]МѲ | НОВИ[Ꙋ][4] ВОРОНЦОВЪ"[5]. Печать принадлежала новгородскому наместнику Михаилу Семеновичу Воронцову.

Печать № 3 не сохранилась, но на л. 1 и 2 об. имеются крепления шнура этой печати в форме "птичьей лапы"[6], совершенно подобные креплениям печатей № 1, 2 и 4. Печать принадлежала, по-видимому, псковскому наместнику кн. Михаилу Ивановичу Кубенскому.

Печать № 4. Восковой слепок темно-коричневого цвета неправильной треугольной формы. На оборотной стороне слепка оттиска печати нет. Владельцем этой печати был, вероятно, псковский наместник Дмитрий Семенович Воронцов.

Печать № 5 не сохранилась. От нее осталась пергаменная лента, вставленная в прорезь на л. 1. Печать принадлежала, вероятно, магистру Ливонского ордена Герману фон Брюггенею.

Печать № 6 не сохранилась. На л. 1–1об. имеется прорезь, куда когда-то была вставлена пергаменная лента, на которой держалась печать. Можно думать, что печать принадлежала рижскому архиепископу Томасу.

Печать № 7 не сохранилась, но имеется часть шнура, на котором печать была подвешена. Предполагаем, что печать № 7 принадлежала дерптскому епископу Иоганну.

Пометы и пометки на грамоте. На л. 1 и 2 об. у самого верхнего края почерком XVI в. нап. "В" без титла (2 ?). На л. 2 об., внизу, полусмытые или полустертые буквы "ЧГ" под титлом (93). На нижнем поле л. 1 и 2 почерком XVIII в. нап. "№ 5". Печать Московского Главного Архива МИД оттиснута два раза на лицевой стороне л. 1 (на верхнем поле справа и на правом поле внизу). Два ее оттиска имеются и на лицевой стороне л. 2 (в середине верхнего поля и на нижнем поле под текстом справа). Оттиски печати МГАМИД – синего цвета.

Листы пронумерованы карандашом арабскими цифрами на лицевой стороне в левом верхнем углу.

---

[3] Слово нап. справа налево; буква "М" нап. как "Ɱⰻ", буква "И" в обоих случаях нап. как "Н".

[4] Первая часть слова ([СѲ]МѲ) нап. на правой (от зрителя) стороне печати, после буквы "М" в слове "МИХѦИЛО". Первая буква отчества (предполагаемое "С") полностью скрыта под восковой заляпушкой на ободке. У второй буквы ("Ѳ") виден верх, а низ закрыт восковой заляпушкой. Буква "М" между двумя "Ѳ" нап. вверх ногами и читается как "W", Вторая часть слова ("НОВИ[Ꙋ]") пап. на левой стороне печати, после конечной буквы "О" в слове "МИХѦИЛО". Буква "И" нап. как "Н". Последняя буква ("Ꙋ") почти полностью стерлась. Между первой и второй частями отчества находится фамилия "ВОРОНЦОВЪ" в нижней части ободка.

[5] Слово нап. внизу ободка, между второй ("ПОВИ[Ꙋ]") и первой ("[СѲ]МѲ") частями отчества. Фамилия начинается после второй буквы "Ѳ" первой части отчества; буквы "Р", "Ц" и "Ъ" нап. вверх ногами, причем у "Ц" хвост расположен не справа, а слева, что позволяет читать эту букву как "Ч" в зеркальном отображении.

[6] О креплении шнура в такой форме подробнее см.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 266.

На левом поле л. 2 сделаны чернильные отметки в виде горизонтальных черточек. В немецком тексте карандашом поставлены крестики над некоторыми словами. Очень мелкие следы разбрызганных черных чернил имеются на л. 2. На л. 1 наблюдаются трещины в пергамене и небольшая дыра. Нужно отметить наличие двух довольно значительных дыр на нижнем поле л. 2.

На обоих листах многочисленные складки. На л. 1 несколько больших темных пятен от сырости. На л. 2 пятна тоже есть, но они гораздо бледнее. Края л. 2 слева и справа обтрепаны. Левое и правое поля потерты.

Документ хранится в сложенном виде. Рукопись складывается вчетверо по продольному и поперечному сгибам.

Грамота обернута грубой бумагой XVIII в. Обертка подогнана под размеры грамоты в сложенном виде и создает для нее покрытие наподобие конверта с отворачивающимися краями. На лицевой стороне обертки почерком XVIII в. написано: "№ 5 ("5" зач.), 4 (зач.). 7043-го... 1534-го ("4" испр. из "5" дрп. и дрч.) окт.: 1 (тжп., что и "4" в числе года). | Грамота перемирная лифлянского князя Германа | фонъ Бряхина пословъ Ивана Лодена да Федора Корфа | с новгородскими и псковскими намѣстники при царѣ | Иванѣ Васильевичѣ, перемирье учинено на "17" лѣтъ 7043-го | годѣ, у которой три печати восковыя, привешенныя на шнурах | шелковыхъ, писана на пергаминѣ рѣскимъ и немѣцкимъ | языкомъ, ветха". |

На обертке пометки черными чернилами (конца XVIII – начала XIX в.) – наверху слева: "№ 7" (перед "7" полустертое "5", которое, кажется, было испр. на "6", тоже стертое); внизу слева: "Лифлянская"; выше справа: "испр."; на загибе бумаги: "Лифлянъ. № 7". Пометки карандашом (XX в.) – наверху справа: "ф. 64, оп. 64/2"; после "окт.: 1" (в начале заголовка): "I".

Списки XVIII в. [1766–1767 гг.?]: РГАДА. Ф. 199. (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 1. № 299. Ч. V. Л. 48–56 (русский текст), 57–64 об. (немецкий текст – список П. Миллера), 65 (зарисовки оттисков печатей № 1, 2, 4).

Публ.: *Каштанов С.М., Баранов К.В.* Русско-ливонский договор 1535 г. // АЕ за 2004 год. М., 2005. С. 465–503; *Каштанов С.М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // ПИ. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 167–297.

Уп.: 1) Опись архива Посольского приказа 1614 г. – см.: ОЦА. С. 80; 2) ОАПП. С. 162; С. 162; 3) Опись архива Посольского приказа 1673 года / подгот. к печ. В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1. С. 234–235; 4) *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. III: (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). С. 65 и примеч.**; 5) *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1817. Т. VIII. – см.: То же, изд. 5-е. СПб., 1842. Кн. II, т. VII. Стб. 13 и Примечания к т. VIII. Стб. 8. № 18; 6) *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1856. Т. VI – см.: *Он же.* Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III: История России с древнейших времен, т. 5–6. С. 405, 702, примеч. 8; 7) *Шумилов В.Н.* Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI–XVI вв. М., 1954. С. 39; 8) *Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 380–381; 9) *Шаскольский И.П.* Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 16; 10) *Казакова Н.А.* Русско-ливонские договоры 1509 г. // ВИД. Л., 1972. Вып. IV. С. 213, примеч. 76; 11) *Каштанов С.М.* Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб.статей. М., 1978. С. 215; 12) *Похлебкин В.В.*

Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995. Вып. II, кн. 1: Войны и мирные договоры: Справочник. С. 123. № LXXIV; 13) *Каштанов С.М.* Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии: (предварительные заметки) // Историк среди историков: [Сб. статей, посвященный А.Л. Литвину]. Казань, 2001. С. 147–149, 153 (примеч. 9, 14), 156 (примеч. 114, 122); 14) *Он же*. Институты государственной власти... // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 312–314.

Примечание к заголовку

[1] Договор не мог быть составлен ранее приезда ливонских послов – 8 или 16 марта 1535 г. (подробнее см. выше, с. 496–499). Самая ранняя из указанных в летописях дат их приезда (8 марта 1535 г.) может служить terminus a quo публикуемого акта. В немецком экземпляре документ прямо датирован 1535 г. по эре от Р.Х. Но в обоих текстах – и русском, и немецком – фигурирует 7043 г. как время написания договора. 7043 г. от С.М. начинался 1 сентября 1534 г. и заканчивался 31 августа 1535 г. Последняя дата принимается нами в качестве terminus ad quem издаваемого источника. Можно думать, что приезд немецких послов из Москвы в Новгород состоялся не ранее апреля 1535 г., а договор был заключен, скорее всего, в апреле–мае 1535 г.

Примечания к русскому тексту договора

[1–1] Текст находится в зоне большого темного пятна от сырости, занимающего 155 мм – более четверти длины 1-й строки.

[2] "П" – крупн. украшенный инициал полууставного типа (высота – 73 мм, минимальная ширина – 8 мм, максимальная ширина – 17 мм). Составные элементы инициала: вертикальное навершье над крышей (высота – 10 мм, ширина – 1–1,5 мм); крыша (высота – 7 мм по краям, 10 мм в середине, ширина – 12 мм); две ножки (высота – 43 мм, толщина каждой ножки – 1,5–2 мм, расстояние между внутренними сторонами ножек – 5–6,5 мм, между внешними сторонами – 9 мм); мелкие завитки по внешним сторонам ножек, от крыши до середины ножек (общая протяженность по вертикали – 25 мм, ширина – 1 мм); украшение под левой ножкой (высота – 9 мм, ширина – 1–4 мм); украшение под правой ножкой (высота – 8 мм, ширина – 1–5 мм); расстояние между внутренними сторонами левого и правого подножных украшений – 5 мм наверху, 10–11 мм внизу; расстояние между внешними сторонами подножных украшений – соответственно 12 и 16,5–17 мм. Ширина инициала на разных уровнях: над крышей – 1–2 мм, по крыше – 12 мм, под крышей – 11 мм, в средней части ножек – 10–11 мм, у закруглений ножек – 14 мм, в верхней части подножных украшений – 12 мм, в нижней части подножных украшений –

16,5–17 мм. Левая ножка “П” нап. на левом поле. Удаленность инициала от левого края листа – 23 мм (навершье), 16,5 мм (крыша), 18,3 мм (середина левой ножки), 17 мм (нижняя часть левой ножки); 14 мм (нижняя часть левого подножного украшения). Правая ножка “П” проходит рядом с началом 2–6-й строк и завершается в начале 7-й строки текста. Нижняя часть навершья и крыша покрыты темным пятном; средняя часть ножек частично выцвела; вся буква заметно потускнела от сырости.

[3–3] Все буквы затемнены пятном от сырости.

[4] Все буквы, кроме “к”, затемнены пятном от сырости; после “к” буква частично смыта, но довольно уверенно читается как “о”; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 48).

[5–5] Все буквы затемнены пятном от сырости.

[6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6] В ркп. “і” и последующее “в” нап. лигатурой.

[7] Все буквы, кроме вын. “ж”, затемнены пятном от сырости.

[8] Буквы “млт” затемнены пятном от сырости; вын. “с” и строчные “ію” – вне пятна.

[9] Буква “ѡ” затемнена пятном от сырости.

[10–10] Текст находится в зоне темного пятна от сырости протяженностью в 38 мм.

[11–11] Все буквы затемнены пятном от сырости.

[12] Буквы “Югѡрск” затемнены пятном от сырости, буквы “о*г*” – вне пятна.

[13] “С” – средн. инициал полууставного типа (высота – 11 мм).

[14, 14] Буква “ѵ” (ижица) нап. над “о” (ср. ниже, примеч. 350).

[15] Вын. “д” затемнено пятном от сырости.

[16] Верхняя часть “к” затемнена пятном от сырости.

[17] Слово затемнено пятном от сырости.

[18] Буква “г” затемнена пятном от сырости.

[19] Первое “о” нап. сходно с “а”.

[20] Буквы “ба” нап. лигатурой.

[21] Буква “ю” затемнена пятном от сырости.

[22–22] Текст затемнен пятном от сырости.

[23] Буквы “вел” затемнены пятном от сырости.

[24–24] Текст частично выцвел и поблек от сырости.

[25] Буквы сильно потерты или выцвели от сырости, но след буквы “ѡ” различается; в копии XVIII в. “от” (л. 48); в кв. ск. уточн. по аналогии с предыдущим чтением того же слова во 2-й строке.

[26] Низ ножки “ч” стерся.

[27] Второе “е” подпр. тжч.

[28] Буква “и” частично стерлась или выцвела.

[29–29] Текст затемнен пятном от сырости.

[30] Буква “к” частично стерлась на складке пергамена.

[31] Буквы “Ковы” затемнены пятном от сырости; левая часть “ы” частично стерлась.

[32] Перекладина и правая ножка буквы “н” частично стерлись.

[33] “А” – мал. инициал полууставного типа (высота – 8,5 мм).

[34] Буквы почти совсем стерлись и затемнены следами сырости, но, тем не менее, контуры букв "ѡ*т*" различимы; в копии XVIII в. "от" (л. 49 об.); в кв. ск. уточн. по аналогии с предыдущими чтениями того же слова во 2-й и 3-й строках.

[35] Буквы "чт" сильно потерты или выцвели.

[36] Буквы потерты и затемнены следами сырости; буква "ꙁ", м.б., испр. на "з" схч. или тжч.

[37] Буквы "Ли҃ле" несколько поблекли от сырости.

[38] В немецком экземпляре далее "gnanth Hasenkamp, f(urste) meister" (строка 5).

[39] В немецком экземпляре далее "burgermeister thor Narue" (строка 5).

[40–40] Текст затемнен пятном от сырости.

[41] Первое "а" частично стерлось на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 48 об.).

[42–42] Текст немного затемнен следами сырости.

[43] Буквы "ме" немного затемнены следами сырости.

[44] Правая сторона буквы "и" стерлась на складке пергамена.

[45–45] Текст затемнен следами сырости.

[46] Буквы "переми" и "ои" немного затемнены следами сырости.

[47, 47, 47, 47, 47, 47, 47, 47, 47, 47, 47, 47] Внутри "о" чернила расплылись.

[48] По правой стороне "о" проходит хвост буквы "з" из слова "за", написанного строкой выше (см. 5-ю строку: "за *их* ѕѡлотоно*с*цы").

[49] Буква "ы" испр. из дрб. ("ꙋ"?) тжп. и тжч.

[50] Буква "ы" затемнена следами сырости.

[51] "Т" – мал. инициал полууставного типа (высота – 9,5 мм).

[52, 52, 52, 52] Внутри округлой нижней части "ъ" чернила расплылись.

[53] Средняя часть буквы "ѣ" потерта на складке пергамена.

[54] "В" – мал. инициал скорописного типа (высота – 6 мм).

[55] После "ѡ*т*ч(и)ны" в ркп. поставл. жирная тчк. (Д – 1 мм) дрч. (более светлыми).

[56] Правая ножка "п" стерлась или смыта; вын. "т" затемнено следами сырости.

[57] Буква "а" нап. фигурно – с хвостом налево, вверх и вправо: ᎐ (длина хвоста по прямой – 17 мм).

[58] В ркп. "б" как будто испр. из "в" тжп. и тжч.

[59, 59, 59, 59, 59, 59, 59, 59, 59, 59, 59, 59, 59, 59] В ркп. "б" и стоячее якорное "е" нап. лигатурой.

[60] Левая сторона "п" частично, а правая полностью стерлись; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 49).

[61] Буквы "немож" затемнены следами сырости, причем буквы "ож" заметно выцвели.

[62] Вын. буквы "мꙋ" нап. лигатурой.

[63] "А" – мал. инициал скорописного типа (высота – 8,5 мм).

[64] Верх буквы "е" частично выцвел.

[65] Левая ножка "л" потерта или выцвела.

[66] Буква “а” нап. фигурно – с хвостом налево, вверх и вправо: (длина хвоста по прямой – 12 мм).

[67] Правая ножка “п” скрыта в складке пергамена.

[68] “А” – мал. инициал полууставного типа (высота – 10 мм).

[69] Буква “г” нап. по дрб. (“о”?) тжп. и тжч.

[70] Правая часть “е” стерлась на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 49 об.).

[71] Левая сторона “и” стерлась на складке пергамена.

[72] “И” – мал. инициал полууставного типа (высота – 10 мм).

[73] Внутри последнего “о” чернила расплылись.

[74] Левая сторона “а” стерлась на складке пергамена.

[75] “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 5 мм).

[76, 76, 76, 76, 76, 76, 76, 76] Внутри округлой нижней части “ѣ” чернила расплылись.

[77] “И” – мал. инициал скорописного типа (высота – 9,5 мм).

[78] “И” – мал. инициал полууставного типа (высота – 7,5 мм).

[79] Правая сторона “е” стерлась на складке пергамена.

[80] В ркп. “бѣ” нап. лигатурой.

[81] Внутри первого “о” чернила расплылись.

[82] В ркп. “н” частично стерлось на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50).

[83] “А” – средн. инициал полууставного типа (высота – 13 мм).

[84] Левая сторона “в” потерта, основание стерлось.

[85] Вын. “до” нап. лигатурой.

[86] Левая сторона “а” частично стерлась на складке пергамена.

[87] Буквы “би” покрыты пятном от сырости.

[88] Буквы “въ” затемнены следами сырости.

[89–89] Текст затемнен пятном от сырости.

[90] Буквы “ѫстали” затемнены пятном от сырости.

[91] Внутри третьего “о” чернила расплылись, и буква напоминает тчк.

[92] Буквы “го*м*” сильно потерты.

[93] Буква “ы” частично стерлась.

[94] Буква “с” сильно потерта; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50 об.).

[95] В середине левой стороны “ю” небольшая клякса тжч. (Д – 1 мм).

[96] “В” – средн. инициал скорописного типа (высота – 13 мм).

[97] Левая сторона “и” стерлась; вся буква сильно потерта.

[98] Буквы “ѡ*м*ѣха” потерты.

[99] Левая сторона “к” стерлась; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50 об.).

[100] Буквы “дати” скрыты под складкой пергамена.

[101] Буквы “добро” скрыты под складкой пергамена.

[102] Буквы “бе” нап. лигатурой.

[103] Буква “ы” заметно выцвела.

[104] Буква “д” повреждена на складке пергамена: от нее сохр. только полустершаяся головка; левая сторона второго “а” стерлась; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50 об.).

[105] Буква “о” частично стерлась.

[106] Верхняя часть буквы “л” частично стерлась. Между верхом “л” и вын. “т” небольшая клякса дрч.

[107] Вын. “в” почти совсем стерлось; следующая буква стерлась на складке пергамена; в кв. ск. доб. по копии XVIII в. (л. 50 об.).

[108] Буква “ѡ” сильно потерта.

[109] Буква “п” испр. из дрб. (“г” или “б”?) схч. (более темными).

[110] Вын. “т” скрыто под складкой пергамена.

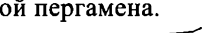
[111] Вын. “д” скрыто под складкой пергамена.

[112] Вын. “в” скрыто в складке пергамена.

[113] Вын. “ч” сильно потерто на складке пергамена.

[114] Вын. “и” скрыто в складке пергамена.

[115] Перекладины букв “ѣ” и “ъ” скрыты под складкой пергамена.

[116, 116] В ркп. “а” нап. фигурно – с хвостом налево, вверх и вправо: (длина всей фигуры по прямой – 17 мм).

[117] Буква “в” нап. утолщенно.

[118] Правая часть “п” и второе “е” потерты.

[119] В немецком экземпляре далее “vnd sines sons Was[silie]n, vann Gots gnaden key[ser] vnd hers(cher) aller Russen vnd grothf(urste)” (строки 28–29).

[120, 120] Внутри округлой нижней части “б” чернила расплылись.

[121] Буквы потерты.

[122] Левая сторона и низ буквы “в” выцвели.

[123] Буквы потерты; “е” почти совсем стерлось на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 51).

[124, 124] Буква “ъ” испр. из дрб. (“а”?) схп. и схч. (более темными).

[125–125] Буквы “и и” нап., возможно, по смытому или стертому.

[126] Козырек вын. “г” потерт на сгибе пергамена.

[127] Буквы “к” и “в” частично стерлись на складках пергамена.

[128] Буквы “ежѳ” заметно выцвели.

[129] Буквы “д” и “л” потерты с правой стороны.

[130–130] В немецком экземпляре в соответствующем месте сказано: “so sal men ehne *thor tid* in die veste setten” (строка 37; подч. нами. – *С.К.*). Иначе говоря, здесь вводится ограничение времени заключения: “до срока”.

[131] Так, по ошибке, в ркп.; в копии XVIII в. “великого” (л. 52).

[132] Средняя линия второго “и” (восьмеричного) частично выцвела или стерлась.

[133] Над первым “о” справа клякса тжч. (Д – 1 мм).

[134] Правая сторона вын. “в” выцвела или стерлась.

[135] Буквы “ико” заметно выцвели.

[136, 136] Буква “с” заметно выцвела.

[137] “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 7 мм).

[138] Правая сторона последнего “и” выцвела.

[139] Внутри второго “о” чернила расплылись.

[140] Левая сторона буквы “ѡ” несколько выцвела от сырости.

[141] Левая сторона вын. “м” частично выцвела или стерлась.

[142] Буквы “рꙗ” затемнены следами сырости.

[143] Буквы “на” затемнены следами сырости.

[144] Внутри округлой нижней части “ь” чернила расплылись, а верхняя короткая часть спинки сильно выцвела, вследствие чего буква “ь” напоминает “о”.

[145] “А” – средн. инициал скорописного типа (высота – 12 мм).

[146, 146] Буква “а” украшена тремя точками, одна из которых в середине дуги слева, две другие справа – наверху (начало дукта) и внизу (конец дукта): ∝

[147] Буквы “де” поблекли от сырости.

[148] Буква “с” поблекла от сырости.

[149] Буквы “обы” поблекли от сырости.

[150] Буква “е” подпр. или испр. из дрб. (“о”?) схч. (тжч.?).

[151] “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 10 мм).

[152] Буквы “аꙗ” затемнены пятном от сырости.

[153] Буквы “ин” затемнены пятном от сырости.

[154] Буквы “св” затемнены пятном от сырости.

[155] Буквы “тина” затемнены следами сырости.

[156] По титлу над вын. “к” проведена косая черта сверху вниз, справа налево, дрч. (черными).

[157] В немецком экземпляре “anholdinge vnd bosettunge” (строка 48).

[158] Буква “к” затемнена следами сырости.

[159] Все буквы, кроме “ом”, затемнены следами сырости.

[160] Верхняя часть букв “Пско” и вын. “в” затемнены следами сырости.

[161] Буквы “емъ” затемнены следами сырости.

[162] Буквы “дѡбры” затемнены следами сырости.

[163] Буквы “вдоски” затемнены следами сырости.

[164] Вын. “с” затемнено пятном от сырости.

[165] Буква “о” (после “р”) заметно выцвела.

[166] Буквы “вцо*м*” затемнены следами сырости.

[167–167] Все буквы, кроме трех вын. “м” и вын. “с”, затемнены следами сырости.

[168] Корпус буквы “ц” затемнен следами сырости; буквы “лов” потерты на складке пергамена.

[169] Буква “а” затемнена пятном от сырости.

[170–170] Текст находится в зоне пятна от сырости.

[171] Буквы “нски*м*” сильно затемнены пятном от сырости.

[172–172] Буквы “и люде” сильно затемнены пятном от сырости.

[173] Около левой ножки и у основания буквы “д” в пергамене трещина.

[174–174] Текст находится в зоне пятна от сырости.

[175–175] Слова сильно затемнены пятном от сырости.

[176] Левая ножка “к” выцвела.

[177] Левая часть вын. “м” частично выцвела, по-видимому, от сырости.

[178] Буква “и” затемнена пятном от сырости.

[179] Буквы “бє” затемнены следами сырости.

[180] Слово сильно затемнено пятном от сырости.

[181–181] Текст сильно затемнен пятном от сырости.

[182] Буква “б” расплылась или испр. из дрб.; буква “ы” испр. как будто из дрб. (“б”?).

[183] “А” – мал. инициал полууставного типа (высота – 9–9,5 мм).

[184–184] Под строкой, в интервале между 37-й и 38-й строками, – трещина в пергамене (длина – 30 мм).

[185] Нижняя часть букв “ѡи” затемнена пятном от сырости.

[186] Все буквы, кроме вын. “с”, сильно затемнены пятном от сырости; хвост буквы “р” и правый усик “ѣ” покрыты следами плесени; низ буквы “ѣ” выцвел; от буквы “к” остались слабые очертания; от буквы “і” сохр. лишь две точки над строкой; верхняя часть “е” отс.; в копии XVIII в. “рѣские” (л. 53 об.); в кв. ск. уточн. и доб. по аналогии с написанием того же слова дальше в 37-й и 38-й строках.

[187–187] Текст находится в зоне пятна от сырости.

[188–188] Текст сильно затемнен следами сырости.

[189] Буквы “иск” затемнены пятном от сырости.

[190] Слово затемнено пятном от сырости; буква “и” сильно, а буквы “не” в значительной мере выцвели; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 53 об.).

[191] Верхняя часть буквы “н” выцвела или стерлась на складке пергамена.

[192] Буква “о” затемнена следами сырости; верхняя часть буквы “е” выцвела и покрыта следами плесени; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 53 об.).

[193] Слово затемнено пятном от сырости, буквы сильно выцвели; от букв “рк” сохр. слабые очертания, покрытые следами плесени; в кв. ск. уточн. по копии XVIII (л. 53 об.).

[194] Нижняя часть вын. “т” скрыта в складке пергамена.

[195] В ркп. “что” и вын. “с”; в копии XVIII в. “чисто” (л. 53 об.); в немецком экземпляре “reyne” (строка 53).

[196–196] Текст затемнен пятном от сырости.

[197] Буква “и” нап. с утолщением в середине перекладины.

[198] Буквы “ѣзде” слегка затемнены следами сырости.

[199] Буква “о” частично стерлась.

[200] На буквах “едѣm” следы плесени, причем буква “е” сильно выцвела.

[201] Буквы “ѡб” затемнены пятном от сырости.

[202] Первое “а” затемнено пятном от сырости.

[203] На букве “и” следы плесени.

[204] На буквах “Пьс” и “в” следы плесени; левая сторона “в” и правая сторона “а” частично выцвели.

[205] Буква покрыта пятном от сырости и различается с трудом; перед "с" как будто была нап. и полусмыта буква "б", над которой след смытого вын. "м". В кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).

[206] Слово затемнено пятном от сырости; все буквы до "кою" сильно выцвели; в середине слова следы почерневших букв "ленс"; в копии XVIII в. "Лифлянскою" (л. 54); в кв. ск. уточн. по написанию этого слова в других местах ркп. (см., например, строки 4, 5, 14, 15, 25, 27, 41, 56).

[207–207] Текст затемнен следами сырости.

[208] Буквы "скѳ" затемнены следами сырости.

[209] Первое "и" немного помято на складке пергамена.

[210] Буква "у" выцвела, в ее верхней части следы плесени.

[211] Слово покрыто пятном от сырости; буквы "еи" сильно выцвели.

[212] Слово покрыто пятном от сырости; буквы почти полностью выцвели; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).

[213] Слово покрыто пятном от сырости; все буквы, кроме "ти", сильно выцвели; в копии XVIII в. "*от*нимать" (л. 54).

[214] Буква "в" затемнена следами сырости.

[215] Буквы "он" поблекли от сырости.

[216] Буквы "пк" затемнены следами сырости.

[217] Буквы "арци" затемнены пятном от сырости; оба "и", оба "ѳ", а также "ск" заметно выцвели.

[218] Написание "ы" сходно с начертанием буквы "а", встречающимся в ркп. в конце слова или в конце строки.

[219] Буквы "ц" и вын. "т" покрыты следами плесени, причем левая сторона "ц" выцвела от сырости.

[220] После "лѣ" буквы затемнены пятном от сырости; на "т" следы плесени, его правая ножка почти совсем выцвела; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).

[221] Слово покрыто пятном от сырости; буквы "слѳ" сильно выцвели; от "ѳ" сохр. только нижняя часть; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54). Над строкой, выше "лѳ", небольшая дыра в пергамене (4,5 × 3 мм^2).

[222] Буквы "намѣст" покрыты пятном от сырости, причем на буквах "на" следы плесени, верх первого "н" выцвел или стерся.

[223–223] Текст затемнен следами сырости.

[224] Буквы "овы" покрыты пятном от сырости.

[225] Все буквы, кроме "вѳ", покрыты пятном от сырости; особенно сильно поблекли буквы "е" и "а".

[226] Буква "и" затемнена следами сырости.

[227] Буквы "арцы" затемнены пятном от сырости.

[228] Так в ркп.; выше в тексте говорилось о после в ед. ч. ("послѳ"). В немецком экземпляре "die bode" (строка 59).

[229] Левая ножка вын. "л" нап. в виде едва заметной волосяной линии.

[230] Буквы "всѣкїѣ" потускнели от сырости, причем на буквах "всѣ" и "ї" – следы плесени; буква "е" покрыта пятном от сырости.

[231] Слово покрыто пятном от сырости, буквы выцвели; верх буквы "з" почти не виден; над "з" и на буквах "ѣп" – следы плесени; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).

[232] Нижняя часть спинки буквы "а", опускающаяся под строку, затемнена пятном от сырости.

[233] Правая часть "ю" потерта или полусмыта.

[234] Левая ножка "м" выцвела.

[235–235] Текст слегка затемнен следами сырости.

[236] Вын. "з" нап. над вын. "б".

[237] Слово затемнено следами сырости.

[238] Буквы "мест" затемнены следами сырости.

[239] Буквы "ву" затемнены следами сырости.

[240] Слово затемнено пятном от сырости.

[241] Буквы "вел" затемнены пятном от сырости.

[242] Нижняя часть "и" покрыта пятном от сырости.

[243] Буквы "цр" покрыты пятном от сырости, причем буква "ц" заметно выцвела.

[244] "Буквы "Р" и "скогѡ" затемнены следами сырости.

[245] Буквы "зем" затемнены следами сырости и заметно выцвели; буквы "лѣ" покрыты пятном от сырости.

[246–246] Текст покрыт темным пятном от сырости.

[247] Буквы поблекли: "ь" едва виден; в копии XVIII в. "Пскова" (л. 54 об.); в кв. ск. уточн. по аналогии с некоторыми другими чтениями этого слова в ркп. (см., например, строки 11, 27, 30, 40, 54).

[248] Буква "п" покрыта пятном от сырости.

[249] Правая часть "т" и последующее "и" затемнены следами сырости.

[250] Слово затемнено следами сырости.

[251–251] Буквы "ѣхати дѡбро" слегка затемнены следами сырости.

[252] Буква "с" потерта на сгибе пергамена.

[253–253] Текст слегка затемнен следами сырости.

[254] Буквы "об" затемнены следами сырости.

[255] Буквы "прав" затемнены следами сырости.

[256] Буквы "да" затемнены следами сырости; буква "и" покрыта пятном от сырости.

[257] Слово покрыто пятном от сырости.

[258] Буквы "къ" затемнены пятном от сырости, причем загнутая влево крыша "ъ" нап. бледнее, чем округлая часть буквы, которая поэтому м.б. принята за "о"; в копии XVIII в. "тако" (л. 54 об.).

[259] Средняя часть буквы "ы" смята на складке пергамена.

[260] Буквы "ѣлех" покрыты темным пятном от сырости; на "ѣ" следы плесени; буквы "ле" выцвели.

[261] Буквы "ок" затемнены пятном от сырости.

[262] Буквы "ло" заметно выцвели.

[263] Буквы "по" потерты или частично выцвели.

[264] Левая ножка "п" заметно выцвела.

[265–265] Текст покрыт бледными следами сырости.

[266] Буквы “ѳ”, “и” и “н” частично, а буквы “ѧтъ” полностью покрыты пятном от сырости.

[267–267] Текст покрыт пятном от сырости.

[268] Буква “н” покрыта пятном от сырости.

[269] В копии XVIII в. “себя” (л. 54 об.).

[270] Верх буквы “л” и последующее “и” покрыты пятном от сырости.

[271] Буква “з” выцвела; буква “а” покрыта пятном от сырости.

[272–272] Текст находится в зоне бледных следов от сырости.

[273] Буквы “де” сильно потерты или выцвели от сырости.

[274–274] Буквы покрыты следами сырости.

[275–275] Текст находится в зоне бледных следов от сырости.

[276] Слово покрыто пятном от сырости; буквы частично выцвели; между “б” и “с” буква съедена плесенью; в кв. ск. доб. по копии XVIII в. (л. 54 об.).

[277] Буквы покрыты пятном от сырости и частично – следами плесени.

[278] Слово покрыто пятном от сырости; буквы “крт” сильно затемнены, выцвели и несут на себе следы плесени; в кв. ск. доб. по копии XVIII в. (л. 54 об.).

[279] Корпус и конец хвоста буквы “ц” затемнены пятном от сырости.

[280] “А” – мал. инициал скорописно-полууставного типа (высота – 8 мм).

[281, 281] Буква “н” нап. сходно с “п”, но все же она имеет на вершине правой ножки тонкое ответвление вверх направо, и в ней нет выступающих в стороны краев крыши.

[282] В немецком экземпляре далее “ock die fredebreue in dussen bostemmeden iaren afsenden van beiden parte(n)” (строка 66).

[283, 283] Вын. буквы “мъ” нап. лигатурой: ⸗

[284] Буквы сильно потерты или выцвели от сырости; первые две буквы почти не видны; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54 об.).

[285] Все буквы, в особенности “е”, сильно потерты или выцвели от сырости.

[286] Буквы “еми” и головка вын. лежачего “р” покрыты пятном от сырости.

[287] Буквы “мен”, а также левая сторона и низ буквы “ѳ” покрыты пятном от сырости.

[288] На букве “б” следы плесени.

[289] Слово частично затемнено следами сырости; левая сторона “в”, низ правой ножки “к” и буква между “к” и “е” съедены плесенью; в копии XVIII в. “всякие” (л. 55); в кв. ск. уточн. и доб. по аналогии с написанием этого слова в других местах ркп. (см., например, строки 41, 43, 44, 52).

[290] На буквах “хи” и “ти” следы плесени.

[291–291] Буквы потерты или выцвели от сырости.

[292] Буква “ѡ” потерта.

[293] Так, по ошибке, в ркп. вместо “на”; в копии XVIII в. “на” (л. 55).

[294] Буквы “по” слегка затемнены следами сырости. Левая ножка “т” состоит как бы из двух точек, написанных одна над другой схч. (дрч.?).

[295] “А” – средн. инициал полууставного типа (высота – 11 мм).

[296–296] Текст находится в зоне бледных следов от сырости.

[297–297] В немецком экземпляре в соответствующем месте говорится: “nicht bosetten, noch anholden” (строка 69).

[298] Буква “в” потерта.

[299] Все буквы сильно потерты.

[300] Буквы “ни” сильно потерты; от “к” остался только бледный след правой ножки; буквы “то” потерты, но различимы; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 55).

[301] Буква “ю” потерта.

[302] Буквы потерты или выцвели от сырости.

[303] Буквы “к” и “н” потерты или выцвели от сырости, причем на “н” следы плесени.

[304] Буква “н” нап. сходно с “и” и затемнена пятном от сырости или кляксой тжч.

[305] Буква “а” испр. из “и” схп., но дрч. (более темными).

[306] Все строчные буквы заметно потерты или выцвели от сырости.

[307] В немецком экземпляре местоимение после “eder” отс. (строка 71).

[308] Буквы “ме” заметно потерты или выцвели от сырости.

[309] Правая сторона “и” потерта на складке пергамена; буквы “ко*г*” затемнены следами сырости.

[310–310] Слова покрыты бледными следами сырости.

[311 311] Текст покрыт бледными следами сырости.

[312–312] Буквы очень сильно потерты и частично скрыты под складкой пергамена.

[313] Текст потерт, причем буквы “ре” частично скрыты в складке пергамена.

[314] Слово почти целиком скрыто в складке пергамена.

[315] Буквы “про” частично скрыты в складке пергамена.

[316–316] Текст покрыт бледными следами сырости.

[317] Над “и” диакритический знак, напоминающий вын. “т”.

[318–318] Текст затемнен следами сырости.

[319] Вын. “с”, написанное, кажется, над “ѕ”, почти совсем стерлось на складке пергамена; слева от него сохр., как будто, титло; в копии XVIII в. “Рѕского” (л. 55 об.); в кв. доб. по аналогии с написанием этого слова в других местах ркп. (см., например, далее в той же строке, а также строки 1–4, 6, 7, 13, 37, 38, 44, 54, 56, 59).

[320] В немецком экземпляре далее “boyaren vnd” (строка 73).

[321] Перекладина буквы “ѣ” почти совсем стерлась на складке пергамена; буквы “ики” сильно потерты или выцвели.

[322–322] Текст затемнен пятном от сырости.

[323] Буквы “ве” потерты.

[324] Буквы “ва” потерты; левая часть конечного “а” почти совсем стерлась.

[325–325] Текст несколько затемнен следами сырости.

[326] Буквы “Іван” и вын. “ч” немного затемнены следами сырости.
[327] В немецком экземпляре далее “Gorbathoj” (строка 73).
[328] В немецком экземпляре далее “Worontzow” (строка 73).
[329] “Т” – мал. инициал полууставного типа (высота – 8 мм).
[330] Левая и правая ножки “л” в средней части стерлись.
[331] В немецком экземпляре далее “Kubenskij” (строка 74).
[332] Буквы “Се” нап. лигатурой: ѥ
[333] В немецком экземпляре далее “Worontzow” (строка 74).
[334–334] Текст несколько затемнен следами сырости.
[335] Буквы “ковьским” слегка затемнены следами сырости.
[336] Буквы “Микитин” покрыты бледными следами сырости.
[337] Буквы “дрѣю” затемнены следами сырости.
[338] Буквы “ѡнкѹд” немного затемнены следами сырости.
[339] Внутри головки “р” чернила расплылись.
[340] В немецком экземпляре после “vnd” следует “ander” (строка 75).
[341–341] Текст несколько затемнен пятном от сырости.
[342] Верх буквы “с” потерся на складке пергамена.
[343–343] Текст немного затемнен пятном от сырости.
[344] Буквы “ем” слегка затемнены следами сырости.
[345] Буквы “чину” и вын. “т” затемнены следами сырости.
[346] Буквы “дря” затемнены пятном от сырости.
[347–347] Текст затемнен пятном от сырости.
[348] Левая стенка буквы ꙗ (= “і”) вплотную присоединена к “а”, которое покрыто перекладиной.
[349] Буква “Р” и нижняя часть строчных букв “ѹского” затемнены пятном от сырости.
[350] Буква “ѵ” (ижица) нап. над “о” (ср. выше, примеч. 14), причем из правого усика ижицы опускается хвост, заканчивающийся в интервале между 54-й и 55-й строками: ꙋ
[351–351] Буквы “ꙗ прилож” немного затемнены следами сырости.
[352–352] Буквы “и гѡро” немного затемнены следами сырости.
[353–353] Буквы “ою держав” слегка затемнены следами сырости.
[354] “А” – крупн., но не жирно написанный инициал скорописно-полууставного типа (высота – 18–19 мм).
[355] Буквы “ере” затемнены следами сырости.
[356–356] Текст слегка затемнен следами сырости.
[357] Буквы “да” затемнены пятном от сырости.
[358–358] Текст слегка затемнен следами сырости.
[359] Буквы “Ковыр” затемнены пятном от сырости.
[360] Буквы “азаръ” затемнены пятном от сырости.
[361] Буквы “мов” и нижняя часть буквы “ъ” затемнены пятном от сырости.
[362] Буквы “кѹдиновъ” затемнены пятном от сырости; низ букв “въ” смыт.
[363–363] На букве “и” и левой части “з” пятно от сырости; на “и” следы плесени.
[364] Буквы “дрꙗ” и вын. “с” немного затемнены следами сырости.

[365] Буква “ц” несколько затемнена следами сырости.

[366] Буквы “ns” слегка затемнены следами сырости.

[367] Буквы “стера” немного затемнены следами сырости.

[368] Буква “ѡ” слегка затемнена следами сырости.

[369] Буквы “и ѡ б”, а также “ꙋ” немного затемнены следами сырости.

[370] Буквы “агѡ” покрыты пятном от сырости.

[371] Буква “п” смята складкой пергамена.

[372] Буква “е” затемнена пятном от сырости; следующая буква съедена плесенью, но контуры “и” различимы; в копии XVIII в. “сѣи” (л. 56); в кв. ск. доб. по смыслу.

[373] Буквы “аны” затемнены следами сырости.

[374–374] Все буквы, особенно вын. “т”, затемнены следами сырости.

[375] Буква “в” затемнена следами сырости.

[376] Буквы “Лиѳле” слегка затемнены следами сырости.

[377] Буквы “ме” затемнены пятном от сырости.

[378] Хвост буквы “ц” нап. как будто по смытому.

[379] Буквы “ванъ” потерты или поблекли от сырости.

[380] На нижней части буквы “л” бледные следы сырости.

[381] В немецком экземпляре далее “burgermeister thor Narue” (строка 79).

[382] “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 3 мм, с хвостом – 8 мм); нап. фигурно:

[383] На буквах “гд” бледные следы сырости.

[384] Буква “к” смята складкой пергамена; низ ее правой ножки стерся; на обоих “и” бледные следы сырости.

[385–385] Так в ркп. (двукратное написание слова “намѣстники”). В немецком экземпляре вместо этого нап.: “boyarn vnd stadholdere” (строка 79).

[386] Буквы “намѣст” затемнены следами сырости, причем буквы “на” и “ст” потерты или частично выцвели.

[387] Буквы “роцкіе” затемнены следами сырости, причем буквы “оц” потерты.

[388–388] Текст затемнен следами сырости.

[389] Левая сторона буквы “к” несколько смята складкой пергамена.

[390] Буквы “стерꙋ” затемнены следами сырости, причем нижняя часть букв “рꙋ” находится в складке пергамена.

[391–391] Текст затемнен следами сырости.

[392] Буква “и” смята складкой пергамена.

[393] Буквы “кнз” смяты складкой пергамена.

[394] На буквах “ме” бледные следы сырости.

[395] В верхней петле буквы “в” чернила расплылись.

[396] Буква “ь” подпр. тжч.

[397] На букве “ѧ” следы сырости.

[398] На буквах “кнз” бледные следы сырости; верхняя часть буквы “з” выцвела или стерлась на складке пергамена.

[399] Середина буквы “т” помялась на вертикальной складке пергамена.

[400] Буквы “прив” потерты и помяты на складке пергамена, причем буква “р” почти совсем стерлась; нижняя, округлая часть “ѣ”, а также буквы “сити” скрыты под складкой пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 56).

[401] Буква “а” скрыта под складкой пергамена; наружу выходит только ее хвост.

[402] Слово скрыто под складкой пергамена; наружу выходит лишь хвост букв “р”, “ц”, “у”, а также ножки “п”; усики буквы “ѕ” смяты складкой пергамена.

[403] Верхняя часть букв прикрыта складкой пергамена; вын. лежачее “з” находится частично внутри этой складки, а частично – на ней; буква “ѕ” смята, нижняя левая часть ее стерлась.

[404–404] На тексте бледные следы сырости.

[405] Нижняя часть букв прикрыта складкой пергамена.

[406] Все слово, кроме последней буквы “и”, затемнено пятном от сырости; нижняя часть букв “привѣс” прикрыта складкой пергамена.

[407] В нижней части “ч” и в верхней части “л” пятна от сырости.

[408] Буква “ꙗ” потерта с правой стороны.

[409] Правая сторона корпуса буквы “ц” сверху выцвела.

[410] Буква “в” и стоячее якорное “є” нап. лигатурой.

[411–411] Буквы “а” и “с” так тесно соприкасаются спинками, что встает вопрос, не испр. ли “а” из “о” тжч. В копии XVIII в. “лѣто” (л. 56).

[412] Слово находится внутри складки пергамена; наружу выходит только хвост буквы “щ”.

[413] Слово находится внутри складки пергамена; наружу выходят только ножки “д” внизу и верхняя часть конечного вын. “т” наверху.

[414] Буквы “тр” и верхняя часть буквы “ь” прикрыты складкой пергамена.

[415] После “третьꙗгѡ” в ркп. поставл. тчк. Далее в конце 59-й строки оставл. чистое место длиною в 300 мм (вместе с правым полем оно составляет 328 мм).

[416] В немецком экземпляре далее “vnd nach Christj geburth viffteinhunderth vnd viff vnd derttich”.

Примечания к немецкому тексту договора

[1] В начале 1-й строки текст на протяжении 11 мм стерся – лакуна на 3–4 буквы; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57). “Nach” читается также в договоре 1503 г. (ГВНП. № 347. С. 332). В других договорах иначе: “Na” в договоре 1509 г. (РЛА. № 306, 307. С. 257, 263; СГГД. Ч. V. № 57. С. 40) и в договоре 1531 г. по публикации К.Е. Напьерского (РЛА. № 377. С. 358); “Nha” в договоре 1521 г. (РЛА. № 369. С. 329, 340; СГГД. Ч. V. № 95. С. 87), в обоих договорах 1531 г. по изданию в СГГД (см.: СГГД. Ч. V. № 105, 106. С. 109, 116) и в договоре 1550 г. (РЛА. № 380. С. 370). Чтение “Nach”, не совпадающее с началом большинства договоров XVI в., все же является для договора 1535 г. наиболее вероятным, ибо в той же

фразе далее в аналогичном обороте снова употреблено слово “nach”, на сей раз вполне сохранившееся и ясно читаемое.

[2] Буквы потерты; “m” читается неуверенно; оно, скорее, напоминает “n” с загнутой вправо и закругленной ножкой: . Такое начертание, впрочем, не характерно для графики “n” в конце слова в публикуемой ркп., где правая ножка конечного “n” чаще всего подгибается вниз налево: . В большинстве других договоров в данном обороте стоит “dem”. Миллер читал это слово, однако, как “den” (л. 57).

[3] Буквы “will” потерлись и поблекли от сырости.

[4–4] Над этими словами размашистый росчерк на верхнем поле: (длина – 54 мм, высота – 15 мм).

[5] Буква “k” нап. с завитком на верхнем поле: (длина завитка по горизонтали – 18 мм, высота – 25 мм).

[6] Буква “g” в значительной своей части стерлась на сгибе пергамена; в кв. ск. уточн. по смыслу.

[7] Буква “W” нап. с росчерком на верхнем поле: (длина по горизонтали – 29 мм, высота – 20 мм).

[8] Буква “s” нап. с росчерком на верхнем поле: (длина по горизонтали – 36 мм, высота – 39 мм).

[9] Над этим словом широкий овальный росчерк на верхнем поле: (длина по горизонтали – 35 мм, высота – 44 мм).

[10–10] Над этими словами росчерк на верхнем поле: (длина по горизонтали – 40 мм, высота – 14 мм).

[11] Начальное “P” нап. с завитками на верхнем поле: (расстояние между завитками – 11 мм, высота левого завитка – 19 мм, правого – 12,5 мм).

[12–12] Над этими словами росчерк в виде овала на верхнем поле: (длина по горизонтали – 29–47 мм, высота – 42 мм).

[13] Буквы “gar” сильно потерты; конец слова стерся в складках пергамена и под действием сырости; в кв. ск. восстановлено предположительно по аналогии с окончаниями определений “Smalenschi”, “Iuhorschi”, “Perempschi”. Миллер читал “Bolgarschen” (л. 57).

[14] Слово частично стерлось; следы двух первых букв различаются нечетко; в кв. ск. доб. по смыслу и с учетом чтения “und” у Миллера (л. 57).

[15–15] В начале 2-й строки текст стерся на протяжении 21 мм – лакуна на 7–9 букв; см. ниже, примеч. 16 и 17.

[16] Среди стершихся букв более или менее определенно различается след “d”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57). Приводимое Миллером окончание “n” как будто угадывается по фрагменту стершейся буквы, но в то же время вызывает сомнения при сравнении с текстами других договоров. Так, в договоре 1509 г. в этом месте читается “andre” или “anderer” (РЛА. № 306, 307. С. 257, 263; СГГД. Ч. V. № 57. С. 40); в договоре 1521 г. – “andere” (РЛА. № 369. С. 329; СГГД. Ч. V. № 95. С. 87) или “anders” (РЛА. № 369. С. 340); в договорах 1531 и 1550 гг. – “anderer” (Там же. № 377, 380. С. 358, 370; СГГД. Ч. V. № 105, 106. С. 109, 117).

[17] Перед "r" – фрагмент буквы, более всего напоминающей "i". В кв. ск. доб. по смыслу. Слово "hir" содержится в соответствующем месте текста договоров 1521 и 1550 гг. (РЛА. № 369, 380. С. 340, 370). Во втором договоре 1531 г. – "herr" (СГГД. Ч. V. № 106. С. 117). В копии Миллера – пропуск (л. 57).

[18, 18, 18, 18, 18, 18, 18] Внутри головки "e" чернила расплылись.

[19] После первого "h" буква стерлась на сгибе пергамена; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).

[20] Хвост "j" частично стерся.

[21–21] В конце 2-й строки текст на протяжении 24–28 мм стерся – лакуна на 8–10 букв. На правом поле недалеко от края листа виден как будто верх буквы "l"; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).

[22] В начале 3-й строки текст на протяжении 20 мм стерся – лакуна на 5–77 букв; буквы "owitz" стерлись частично; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).

[23, 23, 23, 23] После этого слова над строкой карандашом поставл. крестик.

[24] Буква "r" потерта на складке пергамена.

[25] Правая сторона конечного "w" стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57).

[26] Начало слова стерлось в складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57).

[27–27] В начале 4-й строки текст на протяжении 20 мм в значительной своей части стерся, хотя следы и фрагменты отдельных букв сохр., – лакуна на 4–5 букв между "va" и "e"; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).

[28] Между "g" и "t" текст частично стерся; после "e" буква полустерта; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).

[29] Буквы "ho" частично стерлись на складке пергамена.

[30–30] Текст несколько затемнен пятном от сырости.

[31] Верхняя часть буквы "z" стерлась на складке пергамена.

[32–32] В конце 4-й строки после "Gla" текст на протяжении 22 мм очень сильно потерт; плохо видны буквы между "s" и "t", "h" и "d"; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57) и по чтению слова "Glasathoj" в 75-й и 77-й строках.

[33] Буквы "vn" потерты, но различимы.

[34] В начале 5-й строки текст стерся на протяжении 7 мм перед "d" (лакуна на 2 буквы) и на 7 мм после "d" (лакуна на 2 буквы); буквы "as" различаются с трудом; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).

[35] Левая сторона второго "n" частично скрыта в складке пергамена; над ним клякса дрч. (черными): 1 мм по горизонтали, 1,5 мм по вертикали.

[36–36] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[37–37] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[38] Правая часть "d" стерлась в складке пергамена, поврежденного сыростью; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[39] Текст поврежден сыростью в складке пергамена; буквы “h” и “en” различаются с трудом; остальные буквы практически нечитаемы; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[40] В начале 6-й строки, до буквы “d”, текст на протяжении 11 мм стерся – лакуна на 4 буквы; также после “d” буква стерлась; конечные три буквы различаются с трудом; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[41] Буква “r” сильно потерта и выцвела.

[42] Буква “R” почти вся стерлась в складке пергамена; видны лишь ее вершина и левая сторона.

[43] Конец слова поврежден сыростью в складке пергамена; буквы “t” и “n” частично, а буква “e” почти полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[44] После “d” текст на протяжении 8–10 мм стерся – лакуна на 3 буквы; следы букв “ag”, однако, различимы; буква после “g” читается неуверенно; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[45] В начале 7-й строки текст на протяжении 13–14 мм стерся – лакуна на 4–5 букв; после “b” буква частично стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[46] Левая часть первого “e” стерлась в складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[47] Слово затемнено пятном от сырости или, м. б., было нап. по смытому дрп. и дрч. Первое, заглавное “R” нап. с росчерком влево: ~~ꝛUR~~ (длина росчерка по горизонтали – 14 мм); второе “r” и “a” повреждены сыростью и частично стерлись; в кв. ск. уточнено по Миллеру (л. 57 об.).

[48] Буква “d” частично стерлась, но читается уверенно; перед “d” текст на протяжении 10–11 мм стерся – лакуна на 2–3 буквы; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[49] В начале 8-й строки текст на протяжении 12 мм стерся – лакуна на 3–4 буквы; перед “d” можно различить нечеткие очертания “n”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[50] Левая сторона и нижняя часть буквы “e” стерлись.

[51] Левая сторона первого “r” находится на складке пергамена.

[52] Буквы “ld” слегка смяты складкой пергамена, верх их потерся.

[53] В ркп. слова “seuenthein” и “iarigen” нап. раздельно, хотя и близко друг к другу; раздельное написание и у Миллера (л. 57 об.).

[54] Правая сторона первого “e” частично стерлась на складке пергамена.

[55] Между “o” и “n” текст поврежден сыростью на складке пергамена, буквы почти полностью стерлись и читаются неуверенно; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[56] В начале 9-й строки текст на протяжении 6–7 мм стерся – лакуна на 2 буквы; далее как будто читается “s”, левая сторона которого стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[57] Буквы “the” повреждены сыростью на складке пергамена; верх буквы “h” частично стерся.

[58] Между “h” и “n” текст стерся на складке пергамена, видна лишь точка над строкой (от “i”?); в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[59] Под перекладиной буквы “f” слева чернила расплылись.

[60] Второе “e” частично стерлось; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[61] Правая сторона “n” частично стерлась; далее текст почти полностью стерся, следы букв “de” различаются с трудом; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[62] После “lan[de]” текст на протяжении 12 мм стерся – лакуна на 5 букв; в конце 9-й строки смутно различается верхняя часть буквы “t”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[63] В начале 10-й строки текст на протяжении 10 мм стерся – лакуна на 3 буквы; далее неясно различается буква “d”, после которой угадываются почти совсем стершиеся буквы “en”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

[64] Правая сторона “e” и левая сторона “n” стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[65] После “groth[en]” текст на протяжении 8–9 мм поврежден на сгибе пергамена, где видны только полустершиеся буквы “er”, за которыми идет хорошо сохранившаяся буква “s”; в кв. ск. доб. и уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

[66] Буквы “an” частично стерлись или выцвели на сгибе пергамена.

[67] Буквы “ni” частично стерлись или выцвели на сгибе пергамена.

[68] Буква “r” частично стерлась на сгибе пергамена; чтение уточн. по Миллеру (л. 58).

[69] В конце 10-й строки текст на протяжении 15–17 мм поврежден сыростью и почти полностью стерся. После “watere” читается полустертая буква “v”, за ней очень нечеткий след “n”. Перед “d” как будто след второго “n”. Буквы “nn” доб. по аналогии с чтением “vnnd” в конце 33-й строки, где это слово имеет такую же протяженность, как здесь (15–17 мм). В конце 10-й строки, после “d”, следы либо сырости, либо какой-то буквы (“e”? “t”?). Чтение “vnnd” встречается в строках 60-й (дважды) и 70-й, чтение “vnde” – в строках 3-й и 63-й. Чтение “vnnde” или “vnndt” в ркп. не встречается. У Миллера слово в конце 10-й строки передано как “und” (л. 58). Буква “e” доб. предположительно.

[70] В начале 11-й строки текст на протяжении 9 мм стерся – лакуна на 3 буквы; затем видны следы двух букв, из которых первая может быть отождествлена с “d”, вторая неясна; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

[71] Между “a” и “h” буква смята и стерлась в складке пергамена; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

[72] Буква “v” частично, а следующая за ней буква полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

[73] Буква “e” частично, а следующая за ней буква полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

[74] Все слово сильно потерто; буква “i” почти полностью стерлась; буквы “sch” как будто испр. из дрбб. схп. и схч.; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

[75] Левая сторона буквы “u” стерлась в складке пергамена.

[76] Левая сторона буквы “u” частично стерлась на складке пергамена; под “u” небольшая дыра в пергамене (Д – 1,5 мм).

[77] Буква “n” сильно потерта.

[78] Слово почти полностью стерлось; неуверенно различаются лишь верхняя часть предполагаемого “h” и правая сторона “n” или “m”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58). В договоре 1531 г. “erem” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 117).

[79] В начале 13-й строки текст на протяжении 11–12 мм стерся; более или менее определенно просматривается след буквы “e”, перед ним как будто фрагмент “u”; в кв. ск. уточн. по Миллеру, где “over” (л. 58), и договору 1531 г., где “ouer” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 117).

[80] Левая сторона “e” стерлась на складке пергамена.

[81] Левая сторона “v” стерлась на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

[82–82] Буквы потерлись и утратили яркость.

[83] Буквы “hor” сильно выцвели. В конце 13-й строки текст на протяжении 10 мм стерся – лакуна на 3 буквы; из них конечное “n” более или менее различимо; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

[84] В начале 14-й строки, перед словом “die”, текст на протяжении 11 мм стерся – лакуна на 3–4 буквы; в кв. ск. доб. по Миллеру, где “an” (л. 58), но после “a” нами поставл. “h”, поскольку в ркп. нет ни одного случая написания этого предлога без “h”.

[85] Буквы “di” почти совсем стерлись, но различимы; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

[86] Чтение “dem” едва ли возможно.

[87] В ркп. точка стоит не над “i”, а над “t”.

[88] Буква “e” почти полностью стерлась на складке пергамена; левая часть “n” смята и стерлась на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

[89–89] Буква “u” частично стерлась, буквы “ve” сильно потерты или выцвели; между “s” и “v” на протяжении 8 мм неясные следы каких-то букв; ниже строки, в середине этого промежутка, видны как будто три точки, занимающие 3 мм; в кв. ск. доб. по формуляру (ср. строки 4, 15, 28, 29, 61, 71, 81). У Миллера “Russ.” (л. 58). Однако в ркп. всегда либо “Rus:” (а не “Russ:”), либо “Russen”.

[90] В начале 15-й строки текст на протяжении 11 мм полностью стерся – лакуна на 4 буквы; в кв. ск. доб. по формуляру с учетом чтения Миллера: “erve” (л. 58).

[91] В ркп. “d” нап. с росчерком вниз (ꝺ) , что свидетельствует о суспенсии – недописке окончания слова. У Миллера подобное же написание “d” с росчерком вниз: ꝺ (л. 58).

[92] Правая сторона “n” и левая сторона “t” смяты складкой пергамена, причем “t” различается с трудом; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

[93] После первого “e” текст на протяжении 11 мм стерся – лакуна на 4–5 букв; второе “g” частично стерлось; далее в конце строки текст стерся на протяжении 3–4 мм – лакуна на 2 буквы; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

[94] В начале 16-й строки текст на протяжении 4–5 мм стерся – лакуна на 2 буквы; от буквы “d” сохр. смутный след; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

[95] Буквы “fu” частично, а буква “n” полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[96] Между “r” и “t” буква стерлась на складке пергамена; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[97] На правой стороне верхней части второго “e” клякса тжч. (Д – 1,5 мм).

[98] Левая сторона “e” частично стерлась.

[99] Буквы потерты; между “g” и “o” буква стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[100] Буква “h” частично стерлась; после нее в конце 16-й строки текст стерся на протяжении 7 мм – лакуна на 2–3 буквы; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[101] В начале 17-й строки текст на протяжении 5 мм полностью стерся – лакуна на 1–2 буквы; далее смутно различаются частично стершиеся буквы “ta”; буквы “dhol” потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[102] Буква “w” потерта.

[103] После “w” над строкой знак типа апострофа (’).

[104] Правая ножка первого “m” стерлась; буквы “ed” сильно потерты; буквы “en” почти совсем стерлись в конце строки; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[105] В начале 18-й строки текст на протяжении 13 мм полностью стерся – лакуна на 4–5 букв; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[106] Нижняя часть первого “e” стерлась; буква “h” потерта.

[107] Нижняя часть буквы “h” стерлась; далее на протяжении 4–5 мм текст полностью стерся – лакуна на 2 буквы; конечное “n” сильно потерто; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[108] В начале 19-й строки текст на протяжении 9 мм стерся – лакуна на 4 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу с учетом чтения “ene” в договоре 1531 г. (СГГД. Ч. V. № 106. С. 118). У Миллера в этом месте пропуск (л. 58 об.).

[109] Между “g” и первым “e” текст на протяжении 3 мм стерся – лакуна на 1 букву; буквы “entze” сильно потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

[110] Далее в конце 19-й строки пергамен на протяжении 4 мм потерт – пробел на 1–2 буквы. Судя по контексту, пропуска букв тут нет. Однако не исключено, что какие-то буквы были в этом месте стерты.

[111] Буквы “me” частично стерлись и различаются с трудом; буква “n” сильно потерта, но видна; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58 об.).

[112] Верхняя часть буквы “l” стерлась.

[113] В нижней части буквы “d” чернила расплылись.

[114] Буква “d” частично, а второе “e” почти полностью стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58 об.).

[115] Буква “e” почти полностью, а буква “r” с левой стороны стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58 об.).

[116] Верхняя часть буквы "i" стерлась.

[117–117] В ркп. эти слова нап. слитно, у Миллера – раздельно (л. 59).

[118] Буквы "ecke" сильно потерты.

[119] Буквы "m" и "g" сильно потерты; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

[120] Буква "o" сильно потерта.

[121] В ркп. стерлись левая часть буквы "a", нижняя часть первого "l", верхняя часть второго "l", низ буквы "e", левая часть "r"; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

[122] Буквы "al" потерты.

[123] Буквы "en" потерты.

[124] Буква "l" частично стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

[125] Правая сторона головки "p" частично стерлась на складке пергамена.

[126] Внизу буквы "a" и под ней пергамен проколот (Д отверстия – 1,5 мм).

[127] После "sin" в ркп. поставл. тчк.

[128] Нижняя часть второго "l" стерлась.

[129] После "r" буква стерлась; левая часть первого "n" также стерлась; последние две буквы слова вышли за границу 24-й строки на правое поле; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59).

[130] Первое "e" и "l" почти совсем стерлись или выцвели; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

[131] Средняя часть буквы "v" потерта на складке пергамена; буква "t" сильно потерта или выцвела.

[132] В ркп. после "Ples" нет двоеточия, обычно ставившегося в конце недописанных слов; у Миллера двоеточие есть (л. 59).

[133–133] В ркп. эти слова нап. слитно, у Миллера – раздельно (л. 59).

[134] Второе и третье "e" сильно потерты; буква между ними почти совсем стерлась; третье "e" вышло за границу 25-й строки на правое поле; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

[135] Буквы потерты; левая часть "w" стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

[136] После "u" две сильно потертые буквы, по очертаниям похожие на "a" и "n", причем в ркп. "dar" и "u..." нап. слитно, у Миллера – "dar von" (л. 59); в кв. ск. доб. с учетом чтения "dar van" в договоре 1531 г. (СГГД. Ч. V. № 106. С. 118).

[137] Буквы "nhe" потерты.

[138–138] В ркп. эти слова нап. слитно; так же у Миллера (л. 59 об.).

[139] Между "l" и "d" текст на протяжении 5 мм стерся – лакуна на 2 буквы; буквы "de" сильно потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59 об.). Окончание слова ("den") вышло за границу 27-й строки и нап. на правом поле. Далее на поле как будто поставл. двоеточие, а за ним – буква "z".

[140] Первая буква сильно потерта; левая часть второй буквы стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59 об.).

[141] На этом слове кончается почерк I.

[142] С этого слова начинается почерк II.

[143] Внутри буквы “s” чернила расплылись.

[144–144] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[145] Буква “W” как будто испр. из дрб. (“V”?) тжч.; из вершины правой мачты “W” проведена на протяжении 13,5 мм горизонтальная черта вправо дрч. или карандашом. Второе “s” потерто, после него буква стерлась (д.б., первое “i”?). Между “l” и “n” текст сильно потерт на протяжении 3–4 мм, причем частично сохр. очертания двух букв (“ie”?). В кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59 об.). Конец слова (буквы “[ilie]n”) вышел за границу 28-й строки и нап. на правом поле.

[146] Буква “t” потерта.

[147] На этом слове кончается почерк II.

[148] С этого слова возобновляется почерк I.

[149] Буква “n” сильно потерта на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59 об.); у второго “n”, которое приводит Миллер, в ркп. можно рассмотреть как будто лишь верх правой ножки; наличие второго “n” кажется нам сомнительным.

[150] Левая часть “w” стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59 об.).

[151] Конечное “e” подпр. тжч.

[152] Нижняя часть буквы “s” стерлась на складке пергамена; двоеточие после “s” сильно выцвело.

[153] Левая сторона “n” сильно выцвела.

[154] Левая сторона “w” потерта или выцвела.

[155] Головка “e” оказалась внутри хвоста буквы “z” из слова “ertzb:”, написанного строкой выше (см. 31-ю строку).

[156] Нижняя часть букв “es” стерлась на складке пергамена; над стоящим после “s” двоеточием знак типа апострофа.

[157] Нижняя часть буквы “v” стерлась; буква “n” потерта.

[158] Правая сторона буквы “u” сильно потерта.

[159–159] В ркп. эти слова нап. слитно; так же у Миллера (л. 60). В договоре 1531 г. “Krutze kussenn” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 119).

[160] Низ правой ножки второго “n” стерся на складке пергамена.

[161] Буква “w” потерта.

[162–162] В ркп. эти слова нап. слитно; у Миллера между “krutze” и “kussen” промежуток в 1,5 мм (л. 60). В договоре 1531 г. “Krutze kussenn” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 119).

[163] После “kussen” в ркп. поставл. зпт.

[164] Верхняя правая часть “r” стерлась на складке пергамена.

[165] Верхняя часть обоих “e” стерлась на складке пергамена.

[166] После “bothalen” в ркп. поставл. зпт.

[167–167] В районе второй половины строк 34–39 на пергамене следы очень мелких капель разбрызганных черных чернил.

[168] Нижняя часть второго “e” и следующая за ним буква стерлись на складке пергамена; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 60).

[169] Левая сторона нижней части “d” стерлась; буквы “ie” потерты.

[170] Буква “l” сильно потерта; верх буквы “e” и низ буквы “s” стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60).

[171] Левая сторона и середина буквы “w” полностью стерлись; у второго “e” потерта верхняя правая часть; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60).

[172] Так в ркп. (“s” в конце слова); у Миллера “anthworder” (л. 60).

[173] Правая сторона “a” и следующая буква стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 60).

[174] После “m[an]” текст на протяжении 6–8 мм стерся, следы стершихся букв неразборчивы – лакуна на 3–4 буквы.

[175] Буквы потерты.

[176] Правая часть головки “p” и верх буквы “1” стерлись на сгибе пергамена.

[177–177] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[178] Левая ножка “n” потерта на сгибе пергамена.

[179] Буквы “de” сильно потерты; буква “s” почти полностью стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60).

[180] Буква “g” в значительной своей части стерлась; буква “r” потерта и выцвела; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).

[181] Верхняя часть буквы “t” стерлась на сгибе пергамена.

[182] Буквы “uers” сильно потерты.

[183] Буквы “Pleschow” потерты.

[184] Буква “c” почти полностью стерлась на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).

[185] После “borgen” в ркп. поставл. зпт.

[186] Буквы “werd” потерты; “d” нап. с росчерком вниз (ꝺ), что свидетельствует о суспенсии – недописке окончания слова.

[187] Буквы заметно потерты.

[188] Буквы сильно потерты; “a” и “u” частично стерлись.

[189] Буквы “ll” частично выцвели.

[190] Второе “e” немного помято на складке пергамена.

[191] Между “a” и “o” текст частично стерся на складке пергамена: видны верхние части “k” и “e”, а также правая часть “w”; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).

[192–192] Так в ркп. Написав “des”, писец, видимо, хотел продолжить текст словами “groten herschers stadholdere”, но на ходу перестроил фразу, и артикль “des” остался без дополнения. Возможно, это дефект диктата. Его можно квалифицировать как анаколуф.

[193] После первого “e” буква стерлась; буквы “schers” сильно потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 60 об.).

[194] Буква “f” и следующее за ним двоеточие потерты.

[195] Буквы заметно потерты.

[196] Буквы потерты; верхняя часть букв “le” стерлась; над “1” отверстие в пергамене, вероятно, от прокола иглой.

[197] В месте расположения левой части “w” пергамен слегка надорван; левая сторона “w” частично стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).

[198] Буква “d” помята на складке пергамена.

[199] Буква "v" почти полностью стерлась; верх головки "p" также стерся; в кв. ск. доб. по смыслу и с учетом копии Миллера, где "up" (л. 60 об.).

[200] Левая нижняя часть "d" стерлась.

[201] Правая ножка "n" стерлась на сгибе пергамена.

[202] Левая ножка "m" частично стерлась на сгибе пергамена.

[203] Правая ножка второго "n" нап. с хвостиком внизу; при этом она сильно потерта; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).

[204] Буквы потерты на складке пергамена.

[205] Правая ножка "m" стерлась; буквы "lin" сильно потерты; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61). Буквы "ge" вышли за границу 43-й строки и нап. на правом поле.

[206] Буква "V" нап. с росчерком влево: (длина росчерка – 6 мм).

[207] Буква "k" нап. с росчерком вниз направо (), что свидетельствует о суспенсии – недописке окончания слова. У Миллера окончание "en" имеется (л. 61).

[208] Буквы "ester" потерты, причем буквы "te" затемнены еще пятном от плесени; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

[209] Буква "e" сильно потерта и различается с трудом; буквы "in" выцвели от сырости; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

[210] После "setten" в ркп. поставл. тчк.; после тчк. сделана отметка карандашом в форме угла острием вверх:

[211] Буквы выцвели от сырости; нижняя часть "h" стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

[212] По букве "d" проходит хвост буквы "s" из слова "setten", написанного строкой выше (см. 46-ю строку).

[213–213] Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 61). В договоре 1531 г. "Krutze" и далее лакуна в тексте (СГГД. Ч. V. № 106. С. 120).

[214] Средняя часть буквы "s" оказалась внутри хвоста буквы "h" из слова "werth", написанного строкой выше (см. 46-ю строку).

[215] Буквы "cht" сильно потерты; буква "e" частично, а буква "n" почти совсем стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

[216] Буква "i" нап. без тчк. над строкой.

[217] Последнее (третье) "n" нап. с округлым росчерком влево, пересекающим первое "n" в середине по вертикали: " ". Росчерк напоминает большое "C", длина его по горизонтали 12 мм.

[218] Внутри головки первого "e" чернила расплылись.

[219] Буква "l" оказалась внутри хвоста буквы "h" из слова "dath", написанного строкой выше (см. 47-ю строку).

[220–220] В русском экземпляре "порѣбу" (строка 34).

[221] Далее в конце 48-й строки оставл. чистое место длиною в 12 мм (пространство на 3–4 буквы).

[222] По двоеточию, стоящему после "f", нап. левая часть буквы "v", с которой начинается следующее слово – "van".

[223] Так в ркп. (возможно, первое "l" нап. по ошибке вместо "r"); у Миллера "watterley" (л. 61 об.).

[224] По низу буквы “d” проведена короткая черта (1,5 мм) дрч. (более темными).

[225] Правая ножка “n” почти полностью стерлась на сгибе пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61 об.).

[226] Так в ркп.; возможно, д.б. “auer”, но “a” нап. как “o” (без спинки справа); у Миллера “aver” (л. 61 об.).

[227] Речь идет о наместниках двух городов, хотя глагол и артикль стоят в ед. ч. (“sal der”); ср. русский текст, где “князь” каждого города указывается отдельно и в ед. ч.

[228] Левая ножка “n” стерлась на сгибе пергамена.

[229–229] Текст “dem Nyen:” вышел за границу 50-й строки, достигнув края листа. Он написан на правом поле схп. и схч. (м.б., дрп. и дрч.?), причем буквы заметно потерты.

[230–230] Текст “schlotte vnd die guden lude” нап. более мелко по смытому схп. (м.б. почерком II?) дрч. (более темными).

[231–231] В ркп. эти слова нап. слитно; так же у Миллера; в договоре 1531 г. “Krutze kussen” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 120).

[232] Над “u” не дуга, как обычно, а кружок: «ů». У Миллера “dar up” (л. 61 об.); в договоре 1531 г. “dor vp” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 120).

[233] Правая сторона “a” частично стерлась.

[234–234] Текст нап. с заметно бóльшим, чем в первой части строки, наклоном букв вправо.

[235] Далее в конце 51-й строки оставл. чистое место длиною в 8 мм (пространство на 2–3 буквы).

[236] После “loper” в ркп. поставл. зпт.

[237] “V” нап. с росчерком влево: ᵾ (длина росчерка по горизонтали – 16 мм).

[238] Буквы “tzb” и стоящее после них двоеточие сильно потерты.

[239] Буква “n” потерта; головка второго “e” затемнена следами сырости; после него в пергамене трещины и затемнения, среди которых едва ли можно усмотреть следы одной или двух букв. У Миллера – “reyne” (л. 61 об.); в договоре 1531 г. – “rene” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 121); в русском экземпляре – “чисто” (строка 38).

[240] В ркп. после “f” нет обычного знака суспенсии – двоеточия; у Миллера оно есть (л. 62).

[241–241] Текст “bardth uthg” нап. как будто по смытому тжп. схч. (более яркими).

[242] После “uthgropet” в ркп. поставл. зпт.

[243] Буква “e” затемнена пятном от сырости.

[244] Внутри головки “p” чернила расплылись.

[245] Внутри головки первого “e” с левой стороны чернила расплылись.

[246] Буква “a” затемнена следами сырости; буква “n” сильно потерта; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 62).

[247] На этом слове кончается почерк I.

[248] С этого слова возобновляется почерк II.

[249] Буквы “nn” затемнены следами сырости.

[250] Над “n” поставл. тчк. тжч.

[251] После “boden” в ркп. поставл. зпт.

[252] После “koplude” в ркп. поставл. зпт.

[253] Буква “a” почти полностью стерлась (повреждена сыростью?); буквы “nn” заметно потерты и затемнены следами сырости; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 62).

[254] Буквы “en” потерты или повреждены сыростью.

[255] Буквы “w” и “e” заметно выцвели (возможно, повреждены сыростью); буква “i” почти совсем стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 62).

[256] Левая сторона “d” начинается в верхней части “o”, что придает последнему сходство с “a”.

[257] Правая сторона головки “e” частично стерлась или съедена сыростью.

[258] Буква “d” слегка подпр. снизу тжч.

[259] Буква “D” написана с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 12 мм).

[260] На этом слове как будто кончается почерк II.

[261] Буквы “ollen” покрыты пятном от сырости.

[262] С этого слова как будто возобновляется почерк I.

[263] Напротив конца 60-й строки на правом поле различаются затертые буквы “ert[z]”.

[264] Чернила на перекладине “f” справа немного расплылись.

[265] Буква “j” испр. тжч. из дрб., написанной дрч.

[266] Буква “g” как будто подпр. или испр. из дрб. тжч.

[267] Правая ножка первого “n” потерта на складке пергамена; после второго “n” как будто поставл. двоеточие.

[268] Напротив конца 62-й строки на правом поле карандашом нап. “65^{b}” или “05”.

[269, 269] Так в ркп.; у Миллера “under malckander” (л. 62 об.); в издании договора 1531 г. “vndr malk ander” (СГГД. Ч. V. № 106. С. 122).

[270] В головке “e” чернила расплылись; Миллер читал эту букву как “t” (л. 62 об.); в кв. ск. уточн. по аналогии с чтением “[vn]de” в конце 3-й строки.

[271] Буква “v” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 7 мм).

[272] Над “i” в ркп. нет точки.

[273] Буква “o”, возможно, испр. из дрб. (недописанного “e”?); буква “r” потерта.

[274] После “maken” в ркп. поставл. зпт.

[275] Над “u” не дуга, как обычно, а овал.

[276] Правая ножка “n” стерлась; от второго “e” сохр. только полустертая правая часть головки; третье “e” и “y” сильно потерты; в кв. ск. уточн. по аналогии с предшествующим написанием “keinerley” в 65-й строке, а также в строке 56. Буквы “[r]l[ey]” вышли за границу 65-й строки и нап. на правом поле, достигая самого края листа. У Миллера “keinerleie”

(л. 63), хотя в ркп. последняя буква – явно не “e”: в ее левой части – “i”, в правой – “y” (так писалась буква ипсилон).

[277–277] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[278] После “inn” в ркп. карандашом поставл. шестиконечный крестик: ✻.

[279] Буквы “en” затемнены следами сырости.

[280] Буквы “rte” затемнены следами сырости.

[281] Нижняя часть буквы “i” почти совсем стерлась; левая часть “n” потерта.

[282] Буква “M” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 12,5 мм); правая ножка “n” немного затемнена следами сырости.

[283] Буквы “sa” сильно потерты и выцвели; в кв ск. уточн. по Миллеру (л. 63).

[284–284] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[285] Буква “V” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 15 мм).

[286] Буквы “tich” заметно потерты и затемнены следами сырости, причем буквы “ch” вышли за границу 69-й строки и нап. на правом поле.

[287, 287] После этого слова в ркп. поставл. зпт.

[288] Буква “V” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 11 мм).

[289] Правая часть “v”, левая часть “a” и второе “n” потерты.

[290] В русском экземпляре далее “мнѣ” (строка 51).

[291] Буква “d” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 10 мм).

[292] Буквы “pa” потерты, причем буква “a” слегка выцвела.

[293] Далее в конце 71-й строки оставл. чистое место длиною в 7 мм (пространство на 2–3 буквы).

[294] Буквы “ei” испр. из дрбб. тжч.

[295] Низ буквы “s” частично стерся.

[296] Буква “V” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 4 мм).

[297] В ркп. буква “b” как будто испр. из дрб. (м.б., “t”?) тжч.

[298] Далее в конце 72-й строки оставл. чистое место длиною в 7 мм (пространство на 2–3 буквы).

[299] Буквы “aran” заметно выцвели.

[300] Буквы “boyar” затемнены следами сырости (или нап. по смытому тжп. и тжч.?).

[301] В русском экземпляре слово “бояре” отс.

[302] Буква “v” затемнена следами сырости (или нап. по смытому тжп. и тжч.?).

[303] Буква “d” нап. с росчерком вниз в виде загибающегося хвоста (ꙗ), что свидетельствует о суспенсии – недописке окончания слова. У Миллера “d” также нап. с хвостом: ꙗ (л. 63 об.).

[304, 304, 304, 304] В русском экземпляре фамилия наместника отс.

[305] Буква “D” нап. с росчерком влево: ⁓ (длина росчерка по горизонтали – 10 мм).

[306] Буквы “lle” внизу потерты. Все слово, возможно, испр. из “sal” тжп. и тжч.: буква “o” подпр., первое “l” нап. как будто по правой стороне “a”, буквы “en” втиснуты между вторым “l” и следующим словом (“des”).

[307] Внутри головки первого “e” чернила расплылись.

[308] После второго “d” буквы сильно потерты; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об.). Буквы “ld[ere]” вышли за границу 73-й строки и нап. на правом поле.

[309] Слово затемнено следами сырости (или нап. по смытому схп. и схч.).

[310] Буква “V” нап. с росчерком влево: ↄ (длина росчерка по горизонтали – 9,5 мм).

[311] Буквы “r” и “n” сильно потерты; буква “i” между ними почти совсем стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об.). Буквы “r[i]n” вышли за границу 74-й строки и нап. на правом поле.

[312–312] Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 63 об.).

[313] В русском экземпляре определения “другим” нет (см. строку 54).

[314] Буквы “ys” немного повреждены складкой пергамена.

[315] Слово повреждено сыростью на складке пергамена, но видны очертания буквы “D” и верхние части букв “l” и “k”, точка над “i”; по смутным следам угадываются первое и второе “e”, а также “n”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 63 об.).

[316] Низ буквы “s” и буква “a” частично съедены сыростью; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об.).

[317] Нижняя часть “d” и “i”, а также левая часть “e” выцвели от сырости на складке пергамена.

[318] Слово повреждено сыростью на складке пергамена: от “u” сохр. только надстрочный знак (кружок) и верх стенок; левая часть “r” выцвела; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об.–64).

[319] Буквы частично выцвели от сырости; ниже букв “er” следы мелких уколов, сделанных на поверхности пергамена.

[320] Буквы частично выцвели от сырости.

[321–321] Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 64).

[322–322] Текст затемнен следами сырости.

[323] Буква “N” нап. с росчерком влево: ∿ (длина росчерка по горизонтали – 5,5 мм).

[324] Далее в конце 76-й строки оставл. чистое место длиною в 6 мм (пространство на 1–3 буквы).

[325–325] Слова находятся внутри складки пергамена.

[326] Буквы “Kow” смяты складкой пергамена.

[327] После “Kowirin” в ркп. поставл. зпт.

[328] Слово смято складкой пергамена.

[329] Буквы “ertz” смяты складкой пергамена.

[330] Правая сторона буквы “a” частично стерлась на складке пергамена.

[331] Далее в конце 77-й строки оставл. чистое место длиною в 5 мм (пространство на 1–2 буквы).

[332] Верх буквы "b" смят складкой пергамена.

[333] Буква "D" нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 8 мм).

[334] Буква "B" нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 5,5 мм).

[335] Средняя часть буквы "w" в значительной мере выцвела на складке пергамена.

[336] Буква "r" нап. в виде латинского "v", без промежуточной дуги между стенками внизу.

[337] Слово находится на складке пергамена; после него как будто стояло двоеточие, зачеркнутое косой линией, напоминающей необычно длинную зпт. (6 мм).

[338–338] Слова находятся на складке пергамена.

[339] Слово затемнено следами сырости; буква "e" частично выцвела.

[340] После "krutze" в 78-й строке оставл. чистое место длиною в 8 мм (пространство на 2–3 буквы).

[341] Слово сильно смято складкой пергамена; нижняя часть буквы "s" потерта; чтение уточн. по Миллеру (л. 64).

[342–342] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[343] Слово находится на складке пергамена; буква "r" сильно выцвела; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 64).

[344–344] В русском экземпляре вместо этого нап.: "нам҃с(т)ники нам҃стники" (строка 57).

[345] Буква "N" нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 6 мм).

[346] Слово смято на складке пергамена, причем буква "u" частично выцвела, верхняя часть букв "st" стерлась, после "t" буква ("e"?) частично стерлась; в кв. ск. уточн. и доб. по Миллеру (л. 64).

[347] Головка буквы "e" частично стерлась на складке пергамена.

[348–348] Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 64). В договоре 1531 г. – "Krutze kussen" (СГГД. Ч. V. № 106. С. 123).

[349] Слово смято на складке пергамена; буквы "o" и "e" заметно потерты; от буквы "p" сохр. только полустершаяся головка; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 64).

[350] Буквы "vn" заметно выцвели.

[351] Буква "v" нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 6 мм).

[352] Буква "V" нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 10 мм).

[353] Слово помято на складке пергамена; буквы "tz" частично выцвели.

[354–354] Текст смят на складке пергамена.

[355] В слове "hangen" буквы заметно выцвели.

[356] Последнее "e" подпр. тжч.

[357] Буквы "re" слегка затемнены следами сырости и потерты на складке пергамена.

[358] Слово прикрыто складкой пергамена.

[359] Надстрочный знак над вторым "u" стерся.

[360–360] Текст находится внутри складки пергамена.

[361–361] В ркп. эти слова нап. с очень небольшими промежутками, близко друг к другу, но не слитно; у Миллера они также нап. раздельно (л. 64 об.).

[362–362] В русском экземпляре соответствующий текст отс.

[363] Буква "v" нап. с росчерком влево: ϒ (длина росчерка по горизонтали – 6,5 мм).

[364–364] Слова прикрыты складкой пергамена.

[365–365] В ркп. эти слова нап. с очень небольшими промежутками, близко друг к другу, но не слитно; у Миллера они также нап. раздельно (л. 64 об.).

[366] Буквы "ff" как будто испр. из дрб. (м.б., "er"?) тжч.

[367] Второе "t" и "i" частично стерлись на складке пергамена.

[368] После "derttich" в ркп. поставл. тчк. Далее в конце 82-й строки оставл. чистое место длиною в 310 мм (вместе с правым полем оно составляет 333 мм).

Разночтения к немецкому тексту по Миллеру

[а] den (*л. 57*) [б] Bolgarschen (*л. 57*) [в] *отс.* (*л. 57*) [г] vederlicke (*л. 57*) [л] herschers (*л. 57*) [е] Jwanowitz (*л. 57*) [ж] Gorbathoi (*л. 57*) [з] herschers, *причем буквы* er *как будто зач. схч.* (*л. 57*) [и] herschers (*л. 57*) [к] van *или* vom (*л. 57*) [л] Jwanowitz (*л. 57*) [м] Dimiteri (*л. 57*) [н] herschers (*л. 57*) [о] Glasathoi (*л. 57*) [п] dergliken (*л. 57*) [р] herschops (*л. 57 об.*) [с] ertzbischop (*л. 57 об.*) [т] mest: (*л. 57 об.*) [у] dergliken (*л. 57об.*) [ф] und (*л. 58*) [х] mest: (*л. 58*) [ц]duitsche (*л. 58*) [ч] dergliken (*л. 58*) [ш] duitschen (*л. 58*) [щ] duitschen (*л. 58*) [ъ] an (*л. 58*) [ы] den (*л. 58*) [ь] duitschen (*л. 58*) [э] mest: (*л. 58*) [ю] Russ (*л. 58*) [я] mest. (*л. 58 об.*) [аа] bostemmeden, *причем первое* e *испр. из* i *тжп. и тжч.* (*л. 58 об.*) [бб] herschers (*л. 58 об.*) [вв] guten (*л. 58 об.*) [гг] *отс.* (*л. 58 об.*) [дд] herschers (*л. 58 об.*) [ее] boscheiden (*л. 59*) [жж] solche (*л. 59*) [зз] dergliecken (*л. 59*) [ии] duitschen (*л. 59*) [кк] duitschen (*л. 59*) [лл] dar von (*л. 59*) [мм] sollenn (*л. 59 об.*) [нн] gefengkniße (*л. 59 об.*) [оо] herschers (*л. 60*) [пп] seventhen (*л. 60*) [рр] welcke (*л. 60*) [сс, сс] duitschen (*л. 60*) [тт] anthworder (*л. 60*) [уу] man (*л. 60*) [фф] duitsche (*л. 60 об.*) [хх] duitschen (*л. 60 об.*) [цц] duitschen (*л. 60 об.*) [чч] werden (*л. 60 об.*) [шш–шш] derhalven (*л. 60 об.*) [щщ] sallen (*л. 60 об.*) [ъъ] fu: (*л. 60 об.*) [ыы] duitsche (*л. 60 об.*) [ьь] duitschen (*л. 61*) [ээ] duitschen (*л. 61*) [юю] dergliecken (*л. 61*) [яя] duitschen (*л. 61*) [аб] duitschen (*л. 61*) [ав] duitsche (*л. 61*) [аг] duitsche (*л. 61*) [ад] pleschower (*л. 61*) [ае] duitschen (*л. 61*) [аж, аж] duitschen (*л. 61*) [аз] watterley (*л. 61 об.*) [аи] Nienschlotte (*л. 61 об.*) [ак] aver (*л. 61 об.*) [ал] dar up (*л. 61 об.*) [ам] Russchen, *причем буквы* che *испр. из дрбб.* (en?) (*л. 61 об.*) [ан] ehren (*л. 61 об.*) [ао] f: (*л. 62*) [ап] duitschen (*л. 62*) [ар] duitschen (*л. 62*) [ас] duitschen (*л. 62*) [ат] herschers (*л. 62*) [ау] grothen (*л. 62*) [аф] berowen (*л. 62*) [ах] ware (*л. 62*) [ац] bicshope (*л. 62 об.*) [ач] boschermen (*л. 62 об.*) [аш] duitschen (*л. 62 об.*) [ащ] under malckander (*л. 62 об.*) [аъ] duitschen (*л. 62 об.*) [аы] undt

(*л. 62 об.*) [аь] welche (*л. 62 об.*) [аэ] under|malckander, *причем после* under *знак переноса* (*л. 62 об.*) [аю] gescheen (*л. 63*) [ая] keinerleie (*л. 63*) [ба] geschreven (*л. 63*) [бв] schwerd (*л. 63*) [бг] herschers (*л. 63 об.*) [бд] Gorbathoi (*л. 63 об.*) [бе] Kubenskii (*л. 63 об.*) [бж] Dimiteri (*л. 63 об.*) [бз] Glasathoi (*л. 63 об.*) [би] Glasathoi (*л. 64*) [бк] Johan *или* Jahan (*л. 64*) [бл] *Далее, на л. 64 об., одна строка в копии Миллера оставл. чистой, после чего, отступя вправо на 32 мм больше, чем предыдущий текст, нап.:* Ohne Unterschirift. Dabey befindet | sich auch ein Russisches Exemplar, | welches mit dem Deutschen durch | drey Siegel, die vorhanden sind, | zusammengehangen ist. Diesel|ben Siegel sind folgende. | *Затем 14 строк до конца листа оставл. чистыми. Рисунки с изображениями печатей помещены на л. 65.*

Словник к русскому тексту

Предисловие

В указатель включены все слова оригинального русского текста договора (см. л. 1 публикуемой ркп.): имена существительные и прилагательные (собственные и нарицательные), местоимения, числительные, наречия, глаголы, причастия и деепричастия, частицы, предлоги и союзы. Слова располагаются в порядке условного древнерусского алфавита[1] в соответствии с их написанием в рукописи. Падежные окончания существительных, прилагательных, местоимений и числительных, времена и формы глаголов даются в том виде, в каком они представлены в оригинале, без каких-либо изменений. Разные формы написания одного и того же слова приводятся как отдельные слова. Орфография подлинника сохраняется полностью.

Буквы "е" и "ѣ", "ѕ" и "з", "и" и "і", "о" и "ѡ", "ѫ" и "ѧ" "ф" и "ѳ" рассматриваются как разные буквы и не заменяются одна на другую. К тому же, буква "ф" в ркп. не встречается. Буквы "е" и "є" признаются разными начертаниями одной и той же буквы. Из одинаковых слов, различающихся только употреблением этих букв, в словнике приводятся сначала те, где имеется "е", потом те, где вместо "е" написано "є". Подобная же ситуация с буквами "оу", "ov", "ꙋ" и "у". Они воспринимаются как разные начертания буквы "у". Одинаковые слова, в которых разница написания состоит лишь в разном начертании этой буквы, располагаются в словнике в следующем порядке: сначала идут слова с "оу" или "ov", затем – с "ꙋ" и после них – с "у". Причем, слова, начинающиеся с "оу", приводятся не только в разделе "у", но и в разделе "о" (с перекрестными ссылками).

Слова, подвергшиеся гаплографии (пропуск первой буквы после предшествующего предлога), помещаются в двух разделах: там, где находится предлог, явившийся причиной гаплографии ("в", "с"), и там, где слово должно быть в полном написании, – пропущенная буква восстанавливается в круглых скобках (см. например: "(а)рцыбискупа". В этих случаях также даются перекрестные ссылки. Явно ошибочные чтения подлинника ("воликогѡ" вместо "великогѡ", "не" вместо "на"), которые намеренно не исправлены нами в публикации текста, но оговорены в примечаниях, указываются в словнике дважды: в неисправленном варианте оригинала и в варианте, необходимом по смыслу. Опять-таки здесь сделаны пересылки от одного варианта к другому.

---

[1] а, б, в, г, д, е, ж, ѕ, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ѡ, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѫ, ѧ, ѩ, ѫ, ѭ, ѯ, ѱ, ѳ, ѵ (см.: *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. С. 96–98).

Употребление прописных и строчных букв в словнике полностью соответствует тексту нашей публикации. Те слова, которые там даны с прописной буквы, с такой же буквы начинаются и в словнике. Как и в тексте публикации, выносные буквы в словнике передаются курсивом; буквы, привносимые издателем при раскрытии аббревиатур и вставляемые до или после выносной буквы, заключаются в круглые скобки; буквы, восстанавливаемые на месте поврежденных или утраченных букв, помещаются в квадратных скобках. При размещении в словнике одинаковых слов текста, различающихся отсутствием или наличием тех или иных выносных букв, сначала даются варианты, где на месте выносных имеются строчные буквы. Потом идут варианты с выносными буквами. Но, разумеется, в случаях, когда есть выбор между словом с конечной выносной буквой и тем же словом с конечной строчной буквой, за которой следует "ъ", пальма первенства отдается варианту с конечной выносной. Последнее место в списке одинаковых слов занимают обычно слова с буквами в квадратных скобках, восстановленными предположительно.

Цифрами после слова обозначаются номера строк русского текста на л. 1 публикуемой рукописи. Этих цифр нет в самом документе. Как уже говорилось во введении, нумерация строк введена издателем. В нашей публикации текста договора номера строк даются курсивом и приводятся в круглых скобках. В словнике они указываются без скобок и набираются прямым шрифтом.

Каждый случай употребления слова в тексте отмечается в указателе номером строки. Один и тот же номер приводится столько раз, сколько раз данное слово встречается в данной строке.

а 3, 5, 6, 7, 8, 8, 8, 9, 9, 9, 9, 9, 10, 11, 12, 13, 13, 13, 16, 18, 18, 18, 19, 19, 19, 21, 21, 23, 24, 24, 25, 26, 26, 27, 28, 28, 28, 29, 30, 30, 30, 31, 32, 32, 33, 33, 33, 33, 33, 34, 34, 34, 34, 34, 37, 37, 38, 38, 38, 39, 40, 40, 41, 41, 41, 42, 43, 44, 45, 45, 46, 47, 47, 47, 47, 48, 48,49, 49, 49, 50, 50, 50, 51, 52, 52, 53, 55, 56, 57, 58, 58
Ан◦◦імова 23
арцибискѹпа 5,7
арцибискѹпли 10
а*р*цибискупли 14
арцибискѹплих 26, 31,41
арцибискѹповѹ 42
арцибискѹпову 5
а*р*цибискѹповы 6
а*р*цибискѹпом 11
арцибискѹпу 7
арцыбискупа 56
(а)*р*цыбискупа 57/58 (*см. также* за-*р*цыбискупа)
арцыбискѹпле 37
арцыбискѹплимъ 17, 24
арцыбискѹплих 38
а*р*цыбискѹпове 25 (*см. также* в-а*р*цыбискѹпове)
арцыбискоупову 43
арцыбискѹпову 44
арцыбискѹповы 43
арцыбискѹповых 20 (*см. также* в-арцыбискѹповых), 21, 22
арцыбискѹпом 23
арцыбискѹпу 12,16, 20, 22, 29, 38, 43, 48, 58
арцыбискупѹ 32
а*р*цыбиск(у)*п*ъ 22

бєглеца 37
без 18
бєз 15
бе*з*(о) 18, 41, 44, 44, 48
бєзо 14
бе*з*(о) 43, 52
бе*р*гаместро*м* 29
бєрегу 8, 9
били 10
бил*и* 10
бискѹпа 56
бискѹплим 17
бискѹплимъ 14
бискѹплих 26, 31, 37, 41
бискуплих 39
бискѹплихъ 25

бискꙋпов 58
бискупов 56
бискꙋпом 16, 38
бискупом 32
бискꙋпомъ 29
блюсти 43
Богдан 3
Б(огороди)ци 4, 5
Б(о)жіеи 1
Б(о)жьи 38
Болгарског(о) 1
Борисꙋ 2
боѫромъ 2
Брюгина 4
будет 21, 22, 23, 25/26, 26, 28, 28, 29, 40, 51
будеть 27, 35, 36, 50
буди 30, 31, 37
будто 11
Бѡг 45, 50
Бѡгдан 54
Бѡгданъ 55
Бѡж(ь)ею 1, 10, 20
Бѡж(ь)и 37
Бѡрис 53
бѡроду 39
бѡѫар 5
быти 17, 33, 34, 40, 46, 47, 49

в 2, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 15, 17, 19, 19, 19, 20, 20, 20 (*см. также* в-арцыбискꙋповых), 21, 21, 21, 22, 22, 23, 24, 24, 25, 25, 25 (*см. также* в-арцыбискꙋпове), 25, 25, 26, 26, 26, 26, 27, 30, 30, 31, 31, 31, 31, 31, 32, 34, 34, 37, 37, 37, 38, 38, 38, 40, 40, 40, 40, 41, 41, 41, 42, 45, 45, 46, 47, 48, 49, 49, 49, 50, 50, 52, 55, 56, 58, 59, 59
в 41
в-арцыбискꙋпове 25 (*см. также* арцыбискꙋпове; в)
в-арцыбискꙋповых 20 (*см. также* арцыбискꙋповых; в)
вдовлѫан 35
вдовлѫаном 36
вдовским 35
вдовскомꙋ 35
великих 20, 25, 27
Великіи 2
Великого 40
великог(о) 1, 2, 2, 2, 3, 4, 6, 10, 11, 11, 11, 11, 12, 13, 17, 20, 23, 27, 32, 40, 51, 54
Великог(о) 3
велик[о]г(о) 1
Великогѡ 53
великогѡ 7, 27 (*см. также* воликогѡ), 28, 29, 31, 40, 44, 52, 53, 58
велик(о)гѡ 51, 56, 57
Великое 8, 8, 8, 9
Великом 40
великом 49
Вєликом 59
великомꙋ 10
велѣн(ь)ю 1
взыщет 33, 33
взѫато 24, 24
взѫато[е] 38
віна 39
вмѣсте 15
во 9, 10, 14, 15, 17, 17, 18, 19, 20, 21, 25, 26, 27, 28, 30, 40, 40, 41, 42, 43
водою 17, 42
водою 14
воды 6, 7
водѣ 7, 12, 33, 43
воевати 6, 7, 52
воины 47, 49
воли 1
воликогѡ 27 (*ошиб.; см. также* великого)
Володімерског(о) 1
вопчем 39, 39
вопчим 30, 47
вопчими 32, 47
вопчіе 32, 33
Воронцовꙋ 2
воску 18
вперед 13, 24, 46
все 38
всего 3
всеи 25
всеи 20, 41
всѣѣ 56
всеѫа 1, 10, 20, 51, 51
вс[е]ѫа 10
встꙋпалис(ь) 10
встꙋпаютца 11
всѣѣ 5, 7, 14, 17, 42, 54, 55, 58
всѣѣм 23, 30, 46, 47
[вс]ѣѣм 48

всѣми 21
всѣмъ 41
всѣх 15, 17, 21, 22, 40, 48, 56
всю 5, 43, 54, 55, 55, 58
всѧкимъ 35, 36
всѧкихъ 44, 44
всѧкіе 14, 41, 43, 44, 52
всѧк[і]е 48
всѧк[к]іе 18
всѧкоѵ 14/15, 15, 18
вѡдѫ 13
Вѡронцова 3
въ 29, 34, 38
вывета 15, 18
выдати 37
выдеруть 39
выше 25, 28
вѣсчее 19
вѣтромъ 8, 9
Вѧтскогѡ 1

гдѣ 29, 33, 37
Германа 4
Глазатои 55
Глазатоѵ 3
Глазатомѫ 54
городех 41
гостеи 41
г(о)с(у)д(а)реи 20
г(о)с(у)дарю 10
г(о)с(у)д(а)рѧ 1, 1, 2, 2, 2, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 11, 11, 11, 12, 13, 17, 20, 23, 27, 27, 28, 29, 31, 32, 40, 40, 44, 51, 51, 52, 53, 54, 56, 57, 59
грабежѫ 24
грабежу 24
грабити 41
грамотам 8, 13, 22, 46
грамотах 20
грамоте 6, 47, 48, 48, 52, 56, 56, 57, 58
грамотѣ 48, 58
грехомъ 8
грехомъ 9
гѡды 22
гѡлод 50
Гѡрбатомѫ 2
гѡроде 24, 38
гѡродех 15, 20, 21, 26, 26, 31, 31, 32, 41, 43
гѡрод[е]х 22
гѡродка 35, 36
гѡродов 17
гѡроды 5, 14, 17, 42, 54, 55, 58
гѡрою 14, 17, 42
гѡстеи 16, 17, 18, 19, 19, 41
гѡстинцов 16, 18
гѡ[с]тинцов 17

да 4, 12, 12, 15, 19, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 53, 57
давати 35
даватиѵ 36
дадѫт 45
дадѫтъ 45
даи 45
дали 52, 53
дати 13, 25, 26, 27, 28, 58
деи 10
державах 25, 37
державе 20, 26, 29, 31
державе 14, 25, 25, 37, 38, 41
державѫ 55
державѫ 5, 43
державу 58, 58
державы 6, 7, 11, 17, 56
держати 38
держатиѵ 6
держати 26, 28
дерть 48
десѧти 25, 25, 28, 28
Дмитреи 53
Дмитріѧ 3
до 4, 5, 25, 28, 30, 31, 33, 33, 35, 36, 36, 44, 45, 51, 51, 51
доброволно 18, 43
добрые 12
добрыѵ 36, 54
доведѫт 39
доидет 30
доидеть 31
дорогоѵ 16/17
досѫдѧт 33, 33
дотоле 28
дрова 15
дѡброволно 41
дѡброволно 14, 15, 16, 44
дѡбрыѵ 35
дѣл 48
дѣла 30
дѣле 30, 31, 49
дѣлех 24, 25, 45
дѣлехъ 27, 44
дѣло 25, 26, 27, 28, 29, 35, 36, 40
дѣлоѵ 23, 32, 35, 36, 45, 46

дѣломъ 30, 46, 46, 47
дѣлѡмъ 47

его 2, 11
егѡ 6, 16, 26, 28, 30
емꙋ 19, 24, 25, 27

ж 9
же 16, 27, 52, 52
ж(е) 24, 28, 34
живота 13
животы 21, 22
жити 50

ѕанесе*т* 8
ѕемлѫ*х* 39

ѯ*з*(= 7000) 4, 5
за 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 7, 8, 9, 46, 54, 54, 54, 54, 55, 55, 55, 57/58 (*см. также* за-*р*цыбискупа), 58, 58, 58, 58
занесе*т* 9
запа*с* 15
заплати*ти* 24
за-*р*цыбискупа 57/58 (*см. также* за; (а)*р*цыбискупа)
зацепки 14, 18
зацепля*т*и 6
зацепля*т*и 7
зацѣпки 41
[з]ацѣпки 43
зацѣпокъ 44
землею 40
земли 10, 10, 14, 14, 15, 15, 18, 19, 25, 27, 27, 30, 33, 41, 56
зе*м*ли 6, 7
землѣ 7, 12, 13, 19, 43, 44
зе*м*лѣ 7, 34, 44
землю 11, 12, 13, 17, 54
зе*м*лю 11, 12, 12, 13
земля*м* 14
земны*х* 5
*з*нати 34
*з*ѡлотоносцы 5

и 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 2, 2, 2, 2, 2, 3, 3, 3, 4, 4, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 5, 6, 6, 6, 7, 7, 7, 7, 7, 8, 10, 10, 10, 11, 11, 11, 12, 12, 12, 12, 13, 14, 14, 14,14, 14, 14, 14, 14, 14, 14, 15, 15, 15, 15, 15, 16, 16, 16, 16, 16, 16, 16, 16, 17, 17, 17, 17, 17, 17, 17, 18, 18, 18, 18, 18, 19, 20, 20, 20, 20, 20, 20, 22, 22, 22, 22, 22, 22, 22, 23, 23, 24, 24, 24, 24, 25, 25, 25, 26, 27, 27, 27, 29, 29, 29, 29, 29, 30, 31, 31, 32, 35, 35, 35, 35, 36, 36, 36, 36, 36, 36, 36, 36, 37, 37, 37, 37, 37, 37, 38, 38, 38, 38, 38, 39, 39, 39, 40, 40, 40, 40, 41, 41, 41, 41, 41, 42, 42, 42, 42, 42, 42, 43, 43, 43, 43, 43, 43, 44, 44, 44, 44, 44, 45, 45, 46,46,46, 47, 48, 49, 49, 50, 50, 50, 50, 50, 50, 51, 52, 52, 53, 53, 53, 54, 54, 54, 54, 54, 55, 55, 55, 56, 56, 56, 56, 57, 57, 58, 58, 58, 58, 58, 59
Ива*н* 4
Ивана 20
Иванович 53
Ивановичю 2
Ивановіча 3
Ивану 10
Иванъ 57
из 13
*и*з 2
издержати 48
изнеможе*н*(ь)е 8, 9
изо 2, 13
или 13, 15, 21, 21, 21, 32, 51, 51
имали 46
имати 16, 17, 18, 19
имъ 14, 26, 30, 35, 36, 43, 44
ино 8, 9, 13, 25, 26, 26, 27, 28, 28, 30, 33, 34, 39, 40, 45, 49, 50, 51, 57
иныхъ 1
ис 21
исправе 37
исправою 39
исправѣ 25, 27, 34
истца 34
истцо*м* 29
истцꙋ 34
и*х* 5, 5, 5, 5, 6, 17, 22, 49
ихъ 7, 16, 20, 20, 21, 21, 38

і 7, 10, 13, 17, 18, 25, 25, 26, 31, 33, 35, 37, 38, 41, 41, 42, 47, 48
Івана 1
Іваноѡвич 53

к 2, 2, 2, 2, 2, 8, 8, 12, 29, 58, 58
казни 30, 31
казнити 30, 32
казнь 39/40
ка*к* 34, 34, 43, 57

какове 31
каково 24, 26, 27, 28, 35, 36, 40
каковѣ 30
какъ 48
Кеси 23
Клиⷨно 9
кнѧж 6, 42, 43, 44
кн(я)же 42
кн(я)ѣеи 35
кн(я)ѣем 16, 29
кн(я)ѣемъ 29, 31, 51
кн(я)ѣю 7, 22, 36, 36, 48, 51, 57
кн(я)ѣꙗ 1, 3, 4, 5, 7, 20
кн(я)зеи 51
кн(я)зем 6, 11
кн(я)земъ 23
кн(я)зи 5
кнѧзми 27, 32
кнѧз(ь) 53
кн(я)зь 53
кн(я)зю 2, 10, 43, 54, 57, 58
кн(я)зꙗ 10, 51
ко 2, 57
Ковырина 3, 54, 55
когѡ 21
кои 56
коли 50, 51
колодом 16
колѵпати 19
Колыван(ь) 14, 42
комѵ 23
конеⷨ 47
конецъ 32
конца 46, 46
концы 37, 38
кончали 58
корчмы 18
Корѡѣъ 4, 57
которои 13, 21, 30
котором 24, 26, 28, 38
которые 20, 21, 46, 46, 48, 50
которым 46
которымъ 46
которых 21
кр(е)стногѡ 50
кр(е)стное 50
кр(е)стномѵ 12, 13, 16, 25, 27, 30, 33, 35/36, 37, 37, 38, 45, 48, 49
[кр](е)с[т]номѵ 47
кр(е)стному 49, 50
кр(е)стъ 23, 35, 36, 54, 55, 55, 57, 57
крѣпко 6, 48
крѣпости 26, 28
Кѵбенскогѡ 3
кѵпити 14, 18
кѵпцов 17, 18, 19, 21, 21, 22
кѵпцовъ 16
кѵпцѡм 14
кѵпцы 20

Лиѡленскіе 27, 56
Лиѡленскогѡ 5
Лиѡленскогѡ 4
Лиѡленскои 15, 25
Лиѡленскои 14
Лиѡ[ленс]кою 40
Лиѡленьскои 41
ловити 8, 8, 9, 9
ловити 8
ловца 8, 9
Лоден 4
Лѡде 57
лѣсе 15
лѣта 4, 5, 48, 50, 59
лѣтъ 4, 5, 6, 7, 24
лѣ[т]ъ 42
людеи 12,12
людем 16, 17, 17, 24, 35, 36, 54
людемъ 35
люди 2
люди 10, 10, 11, 11, 12

магистровѵ 42
магистровѣ 41
магистром 29
магистрѵ 38
маистрове 14
маистровѵ 11
маистровы 10, 10/11
маистровым 17, 24, 35
маистровѣ 26, 31
маистром 11, 23, 31
маистрѵ 12, 16, 24, 29
маистру 32
малом 50
матероѝ 15
матерѵю 15
межа 9
межѵ 33
менестерѵ 48
менꙗ 51
местера 5, 7, 10, 23, 51, 56
местерове 25, 37, 38
местеровѵ 5, 43, 44
местеровы 6, 43, 56
местеровых 20, 21, 21

местерov 54
мастерѹ 7, 20, 22, 43, 51, 57, 57, 58
местеръ 22
м(е)с(я)це 49
м(е)с(я)цъ 52, 52
м(е)с(я)цѣ 49
м(е)с(я)цю 49
мечь 50
Микитин 3, 55
Микитинѹ 54
м(и)л(о)стію 1, 20
м(и)л(о)стью 10
мир 6, 51
миръ 50
Михаила 3
Михаило 53, 53
Михаилѹ 2
мнѣ 51
моим 51
моих 51
мор 50
Московскогѡ 1
мѣсте 33

на 4, 6, 6, 6, 7, 7, 8, 8, 9, 9, 9, 11, 11, 12, 12, 12, 12, 12, 13, 13, 13, 13, 14, 14, 14, 15, 15, 15, 19, 19, 23, 23, 23, 24, 24, 26, 26, 28, 28, 29, 30, 30, 31, 32, 32, 33, 33, 33, 34, 35, 36, 39, 39, 39, 39, 40, 41, 42, 42, 42, 42, 43, 43, 43, 45, 45, 46, 46, 47, 47, 47, 49, 49 (*по ошибке* не *вместо* на), 49, 50, 52, 52, 52, 52, 55, 56, 57
над 16
надобе 15
назад 19
Назар 3
Назару 54
Назаръ 55
наимѹ 42
нам 51
намъ 50
намѣстники 27, 32, 53, 53, 57
намѣс(т)ники 57
намѣстников 2, 3, 4, 42, 51
намѣстником 2, 6, 11, 11, 23, 28/29, 29, 31, 51
намѣстникѹ 34/35
написано 19
напрѧме 30, 33, 35
напрѧме 37
настѹпати 6,7
наступати 9
не 6, 6, 7, 7, 8, 9, 9, 9, 13, 13, 16, 16, 16, 17, 17, 18, 18, 18, 19, 21, 22, 23, 25, 26, 26, 27, 28, 28, 30, 32, 34, 38, 40, 40, 41, 41, 42, 45, 46, 46, 47, 47, 49 (*ошиб. вместо* на), 49, 49, 50
[не] 41
негѡ 24
недѣли 52
нелюбѡвь(ь) 50, 51
немецкіе 57
немецкогѡ 9
немецкѹю 8, 8
немецких 18, 26, 31, 32
Немецкои 19
немногѡ 19
немчина 34, 39, 43
никоторою 47
ни[к]оторою 50
них 20
ничѣм 6, 7
Новагѡрода 40, 53
новгѡродцкіе 57
Новъгѡрод 2
Новѣгѡроде 40, 59
Новѣгѡродѣ 55
Норове 10
Новѹгородцкогѡ 1
новѹгѡродцким 2, 11
ночем 16
нѹжею 47
нужею 49
нѣмецъ 19
нѣмцем 9
Нѣмцех 34, 41
нѣмци 46
нѣмцом 8, 9, 9, 18, 19
нѣмчин 30
нѣмчина 28, 28, 31, 34, 39
нѣмчине 33
нѣмчинѹ 27, 33
нѣмчину 39
нѣмчинъ 33
нѣту 8
нѣтъ 9
нѣатства 21
нѣатствѣ 21

о 10
обе 19, 47
обѣ 45
обидных 24, 44, 45

обыском 30, 33
об[ы]ском 47
обѣих 29
обѣихъ 12, 40
огнь 50
оприч 48
отоидѫтъ 48
оу (*см. также под* ѹ)
оуправѫ 45 (*см. также под* ѹ)

пени 8, 9
первым 46
первых 19
перед 31, 32, 39, 39, 47, 57
перемирнои 48
перемирноu 47, 52
перемирнои 6, 48, 48
перемирным 13, 46
перемирнымъ 22
перемирных 19/20
перемирье 52, 55
перемир(ь)е 4, 48, 58
перемир(ь)ѿ 22
Пермьск(о)гѡ 1
печати 52, 53
печать 58
печѿm(ь) 58
печѧm(ь) 55
писано 48
писаны 56
платити 24, 42
по 1, 1, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 14, 14, 15, 15, 16, 16, 16, 19, 22, 25, 25, 26, 27, 27, 28, 30, 33, 34, 35, 37, 37, 37, 38, 38, 40, 44, 44, 45, 46, 47, 47, 48, 48, 48, 49, 49, 50, 51
[п]о 8
подвор(ь)ѿ 42
подымати 49
подымати 47
поиманы 20
Покрова 4, 4
положен 21
полѣзет 13
полѣсти 13
порѹбалисѧ 46
порѹбати 49
порѹбу 34, 40
порубѫ 47
порѹки 28
поруки 26
порѹку 26, 26
посадников 5
посаднику 35
посла 23, 24, 41, 43, 49, 57
послати 11, 12, 12
послов 41
посломъ 49, 57
послѹ 24, 41
по[с]л[ѹ] 42
послу 44, 52
послы 3, 4, 4, 57
послѣ 22
поставити 32, 39
поставити 31
посылати 44/45
почнетца 24
поѡm(ъ)иман 20
правити 50
привѣсити 58
п[р]ивѣсити 58
прикончаша 4
приложили 53
приложили 52
приложити 55
пришлютъ 57
пріѣхати 14, 43, 44
пріѣхати 17
пріѣхаша 3
пріѣхаша 3
продавати 15
про[д]авати 18
продати 14, 18
проидеть 52
промеж 7, 40, 46
промежъ 9
просити 45
Пскова 2, 3, 7, 10, 11
Пскове 40
Пскове 28
псковітина 26, 31, 39
псковітином 39
псковітинѣ 33
псковічам 8, 8
псковічем 15, 22
псковічи 46
Псковским 6
псковскими 4
Псковскимъ 29
псковских 3, 4, 17, 28
псковскіе 3
Псковскіе 10
Псковскіе 10
Псковског(о) 1
псковскогѡ 8
Псковское 9

Псковскои 30
Псковскои 7, 18
псковскои 21
псковскоую 9,9
Псковъ 6
пѫть 14, 17, 42, 44, 49
пѡ 12
пѡрѫбати 41
пъсковічем 23
Пьсков 54
Пьскова 40
П[ь]скова 44
Пьскове 30
пьсковитина 32
пьсковитинъ 31
пьсковичь 19
пьсковичи 16
пьсковітин 33
пьсковітина 26, 34, 34
пьсковітином 28
пьсковітинъ 25
пьсковітину 34
пьсковічем 22
пьсковічемъ 15, 15, 18
Пьсковом 27
пьсковские 20
Пьсковским 23, 29, 31
Пьсковскими 27, 32
пьсковскимъ 51
Пьсковских 35
пьсковских 16, 25, 42, 51
пьсков[с]ких 18/19
пьсковскіе 53, 54, 55
пьсковского(о) 22
пьсковскогѡ 43
Пьсковскои 34, 44
Пьсковскои 13, 19, 27
пьсковскомъ 24, 41/42
Пьсковскоую 54, 56
Пьсковскую 17
Пьсковъ 11
пьсковьскимъ 54
Пьскѡвским 11

рабу 37
рати 47, 49
ратманов 5
ратманомъ 29
рекъ 15
рекѣ 10
Ригу 14, 42
Ризского 5
Ризск(о)гѡ 56
Ризскомъ 58
розницю 15
рѫбєж 7, 10
рубеж 12
рубежи 46
рѫблев 28, 28
рѫблевъ 25, 25
Рѫгѡдив 14
рѫгѡдивским 36
рѫгѡдивскомъ 36
рѫгѡдивцов 36
рѫгѡдивцом 35
Рѫгѡдивъ 42
рѫка 58
рѫки 52
руки 53
Рѫсіи 1, 10, 20, 51, 51
Русіи 10
рѫсске 37, 38, 38
рѫс[скіе] 37
Рѫсского 54
Рѫсског(о) 1, 4
Русского 2, 3
Русског(о) 7
Рѫсскогѡ 2, 13, 56, 57, 59
Рѫ[с]скогѡ 53
Русскогѡ 2, 6, 44, 53

с 4, 4, 11, 12, 13, 19, 23, 23, 26, 27, 29, 29, 30, 31, 32, 33, 46, 46, 46, 47, 50
[с] 40
са 11
сами 46
самомъ 57
свое 46
своего 34, 34, 57
своегѡ 43
своеи 34
своемъ 8
своем҃ъ 8
свои 52, 53, 55, 58
свои 15
своих 12, 43
свою 55, 58, 58
своѫ 55, 58
своѧ 58
с(вя)тіи 4, 5
се 1, 48
седмъ 59
сеи 47, 48, 48, 56, 57, 58, 58
сеи 5, 48, 52
се[и] 56

сем 52
Семенович 53, 53
Семеновичю 2
Семеновіча 3
семнатцат(ь) 6, 24
семн[а]тцат(ь) 4
семѵ 13
семъ 55
семънатцат(ь) 5, 7, 42
сесь 6
Смоленскогѡ 1
со 27, 27, 27, 28, 32, 39, 41
собѣ 46
сол(ь) 15, 18
сослатис(я) 29, 30
сослатисѣ 29
сослатисѧ 27
срок 12, 23, 29, 31, 32
срокѵ 12, 30
срокъ 45
стало 21
станет 8
станетъ 9
стар[и]не 38
старинѣ 15, 16, 19
старои 7, 10
старом 50
старостами 4
старостамъ 53
старосты 3, 55
старым 8, 13, 47
стати 29
стержнем 10
сторон 12, 29
сторонах 40
сторону 8, 8, 9, 9
стороны 6, 13, 19, 40, 41, 42, 45, 46, 46, 47, 47, 49, 49, 49, 50, 52, 52
сторо[н]ы 13
сторѡны 34
сѵде 39
сѵдеи 30
сѵдеи 11
сѵдивші 30
сѵдити 26, 28, 34
судіти 34
сѵдом 30, 39
судѵ 40
сѵд(ь)и 32, 33
суд(ь)и 12
судьѣм 36
сѵдьѣми 39
суд(ь)ѣми 31, 32, 39, 47, 47
сѵд(ь)ѣмъ 30, 39, 47
сѵдѣ 39
сѡ 21
съѣзде 32/33, 45, 46/47
съѣздѵ 33
съѣздъ 11, 12, 12, 23, 30
с(ы)ну 54
с(ы)нъ 3, 3, 55, 55
сыренецких 36
сыренским 36
Сыренца 35, 36
сь 49
сьѣзде 23, 29, 30, 31, 32, 39
сьѣхавсѣ 12
сѣ 48
сѣчи 15/16
сѣ 52

также 53
также 3, 7, 8, 10, 17, 27, 32, 36, 44, 54
такъ 45
татѣ 37
Тверск(о)г(о) 1
то 24, 29, 42, 50, 52
товар 15, 15, 18, 20, 21, 21
товаром 49
товарѵ 18, 19, 22, 23
товарѵ 41
товару 16
того 16, 18, 19, 31, 35, 39
тог(о) 22, 31, 32, 36
тогѡ 17, 21, 22, 23, 39
том 8, 9, 10, 21, 23, 24, 28, 31, 33, 34, 35, 36, 46, 49, 49
томѵ 12, 13, 29, 39
томъ 26
торгѡвати 15
тотъ 52
третьѣгѡ 59
трет(ь)ѣгѡ 4
трижды 45
тѵ 5, 6, 11, 12, 12, 42
ту 7, 12, 24
тѵто 25, 27
тѡм 51
тысѧщъ 59
тѣ 12, 22, 30, 37
тѣм 22, 23, 32, 45, 46
тѣмъ 30, 57
тѣх 20, 22, 26

оу 17 (*см. также под* о)

ѹ 16, 16, 17, 18, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 24, 24, 39
у 18, 19, 19, 19, 41
ѹколѹпив 19
ѹправа 27, 30, 35, 36
управа 25
оуправѹ 45 (*см. также под* о)
ѹправы 45, 45
ѹставливати 16, 16
ѹставливати 18
ѹтекли 21
ѹчинивші 11, 31, 32
ѹчинити 23, 29, 39
учинити 45
ѹчинѫт 12, 32
ѹчинѫтъ 46, 46
учинѫтъ 33
ѹчнутъ 50

хитрости 48, 52
хитрѡсти 44
холопа 37
хотѧ 40
хто 13

ѡ 24, 26, 28, 31, 44, 44
ѡбе 6, 13, 34, 47, 49, 49, 52, 52
ѡбѣ 40, 41, 42, 49
ѡбидити 38
ѡбидным 35, 37
ѡбоим 29
ѡбославсѧ 23
ѡбослатис(я) 32
ѡбыскав 12, 37
ѡбыскивати 35
ѡбыскивати 36
ѡграбили 23
ѡзеро 8, 8, 8, 9, 9
ѡли 52
Ѡндрѣи 55
Ѡндрѣи 3
Ѡндрѣю 54
Ѡнисимов 3
Ѡнисимовѹ 54
Ѡнисимовъ 55
Ѡнкѹдинов 3
Ѡнкѹдиновѹ 54
Ѡнкѹдіновъ 55
ѡприч 19
ѡпытъ 19
ѡсталсѧ 21
ѡстров 9
ѡт 2, 3, 3, 4, 4, 16, 17, 18, 42, 56, 56, 56, 56, 56

[ѡт] 3, 4
ѡтвѣтчика 26, 28
ѡтветчикѹ 34
ѡтветчикѹ 33
ѡтдали 22
ѡтдали 23
ѡтдати 19, 22
ѡ[т]дати 38
ѡтложихом 42
ѡтослати 51
ѡтпѹскати 41
ѡтпѹстити 21
ѡтчинах 40
ѡтч(и)не 11, 59
ѡтчиною 27
ѡтчиноу 2
ѡтчину 17, 54
ѡтч(и)ну 56
ѡтчинъ 40
ѡтчины 2, 11, 13
ѡтч(и)ны 3, 4, 6, 7, 10
ѡтчинѣ 44
ѡт(ъ)идѹтъ 50
ѡт(ъ)имати 41
ѡт(ъ)ѣхати 14, 18, 43, 44
ѡчистити 38

ц(а)рю 10
ц(а)рѧ 1, 2, 2, 2, 4, 6, 7, 10, 13, 20, 44, 51, 51, 53, 53, 54, 56, 57
ц(а)рѧ 1, 3, 59
целовали 56
целован(ь)е 50
целован(ь)ю 35
целовати 23, 35, 36, 54
целовати 55
целѡвали 55
целѡвати 57
цены 16, 18
ц(е)ркви 37
ц(е)ркві 37
ц(е)[рк]овное 38
цолован(ь)ю 12, 13, 16, 25, 27, 30, 33, 37, 37, 38, 45, 47, 49, 49, 50
цолован(ь)ѧ 33, 33/34, 50
цоловати 24, 33, 34
цѡлованью 48

чего 23
чегѡ 22
челом 10, 10
чемѹ 45
чемъ 40, 45
через 10

ч(е)стнаг(о) 4
ч(е)стных 12, 12
четыре 52
четыредесѧт 59
четыредесѧтъ 4
чинити 30, 47
числа 16
ч(и)сто 38
чистъ 14, 47
ч(и)стъ 42, 44, 49
чом 47
что 10, 10, 11, 15,19, 19, 22, 24, 24, 45
чьеи 29
чюжꙋю 13
чюжую 13
шестьдесѧтнаг(о) 5
ѣздити 8, 9, 9, 15, 49, 52
Югѡрског(о) 1
Юрьевскагѡ 56
ѧкова 23, 24
ѳан 4
ѳедор 4
ѳедѡр 57

Словник к немецкому тексту

Предисловие

В указатель включены все слова оригинального немецкого текста договора (см. л. 2 публикуемой ркп.) независимо от их принадлежности к той или иной части речи: имена существительные и прилагательные (собственные и нарицательные), местоимения, числительные, наречия, глаголы и причастия, артикли, предлоги и союзы. Слова располагаются в порядке немецкого алфавита в соответствии с их написанием в рукописи. Падежные окончания и формы глаголов сохраняются в том виде, в каком они представлены в оригинале, т.е. без каких-либо изменений. Разные формы написания одного и того же слова приводятся как отдельные слова. Все слова даются в орфографии подлинника. Замена одних букв на другие в соответствии с современными нормами немецкой письменности не производится. Это значит, что "v" не меняется на "u" (и наоборот), "i" не меняется на "j" (и наоборот), "sh" не заменяется на "sch", и т.п. Разные значения одинаково написанных слов (например, "sin" в роли глагола и местоимения) не учитываются. Все омонимы даются как одно слово.

Суспенсии (слова без окончания), сопровождаемые в рукописи двоеточием, приводятся с двоеточием и без тех дополнений, которые помещены нами в круглых скобках в тексте публикации. Эти дополнения являются реконструкциями и могут оказаться неверными или спорными. Суспенсии же, не сопровождаемые двоеточием, расшифровываются более однозначно – в них обычно не хватает одной-двух букв, которые мы вставляем в круглых скобках достаточно уверенно. Такого рода суспенсии приводятся в указателе-словнике, как и в публикации текста, с необходимыми окончаниями в круглых скобках. Причем в указателе они даются раньше полных вариантов написания тех же слов в ркп.

Реконструкции, в которых использованы квадратные скобки для обозначения утраченных или поврежденных букв, даются отдельно от вариантов написания тех же слов без квадратных скобок. При этом, в отличие от суспенсий, слова-инвалиды (с квадратными скобками) помещаются в указателе после неповрежденных вариантов.

Цифрами обозначаются номера строк немецкого текста на л. 2 публикуемой рукописи. Напомним, что этих цифр нет в самом документе: номера строк введены нами. В публикации текста номера строк приводятся в круглых скобках и даются курсивом, в словнике же они указываются без скобок и набираются прямым шрифтом.

Каждый случай употребления слова отмечается в указателе номером строки. Поэтому один и тот же номер приводится столько раз, сколько раз данное слово встречается в данной строке.

afgestalt 59
afsenden 66
ahn 11, 12, 13, 22, 74, 79, 80, 81
[ahn] 14
ahne 21, 25, 58, 60, 60, 61, 67, 72
alle 8, 10, 20, 21, 24, 25, 29, 30, 30, 31, 32, 35, 41, 42, 51, 53, 57, 58, 59, 60, 60, 64, 64, 66, 67, 72, 75, 75, 76, 76, 77, 78, 78, 80, 80, 81
[all]e 3
allen 22, 25, 25, 57
aller 1, 4, 14, 15, 28, 29, 34, 61, 61, 71, 81
[alle]r 23
allerleie 21, 61
allerl[eye] 25
als 14, 18, 41, 48, 48, 60
alse 32, 67
anboginnen 66
ander 75
[an]d[ern] 2
Andreas 75, 77
[An]d[re]as 5
anholden 69
anholdinge 21, 48
Anphimowa 32
anthogaende 6
anthworder 39, 47, 47
anthwordes 36
auer 11, 13, 15, 51, 62, 62, 70
auerthugen 55
auesenden 71

baden 79, 79, 80
bardth 54
bauen 36
becke 14
beholde 20, 29, 41, 53, 57, 59
b[e]ho[l]de 25
beholdinge 8, 9, 54, 78, 81
beholth 44, 76
beiden 17, 18, 19, 19, 28, 40, 48, 56, 56, 56, 58, 59, 62, 63, 66, 66, 67, 68, 68, 72, 72
beramen 17, 33, 43, 45
berouen 57
bestroefet 32
beth 7, 7, 61
beyden 8
bie 22, 24, 32
biefrede 6, 8, 67, 72
bis: 35, 36, 44, 45, 57
bischope 20, 23
bishope 60
bisschope 41, 53, 53, 54, 61, 78
bisscho[p]e 80
bisschops 78
bode 32, 34, 39
boden 4, 34, 57, 58, 58, 60, 61, 68, 69, 72
bodschafter 5
bofeiden 9, 10
Bogdan 4, 74, 77
bogerende 62
boginnen 68
bohendicheit 60, 67, 72
boholdinge 10, 80
bokennen 48
bokloppen 27
boleuen 71
Bolgar[sc]h[i] 1
borgen 39, 39
Boris 73
Borys 2
boschedigen 10, 53
boschedig[e]n 9
boschedigeth 63
boscheiden 26
boschuldigen 12, 53
bosende 27
bosenden 33, 38, 40, 43, 62
bosetten 56, 57, 69
bosettunge 48, 65
bosheiden 21
boshermen 60
bosoken 18, 51, 52
bosokinge 42, 46
bosokunge 65
bostemmeden 16, 66
bostemmed[en] 17
bosunder 27, 66
bothalen 33, 34
botschafter 6
bouelh 1
boyaren 73
boyarn 2
boya[r]n 79
bref 72, 81
breff 74, 78, 80, 80
breue 66, 78
breuen 8, 11
Bruggeney 5
burge 37
burgen 37
burgermeister 5, 49, 79
burgermeistere 8

burgermeistern 41
busche 22
buthen 21, 26

Christj 82

dach 7, 16, 33, 40, 64
[dach]18
d[age] 6
dan 35, 38, 39, 55
dar 23, 24, 28, 34, 41, 46, 48, 56, 62
daran 73, 76
darnach 71
Darpte 78
darsuluest 35, 38
daru[an] 26
darumb 12, 13
darup 49, 51
dat 15, 18, 20, 50
dath 12, 13, 16, 16, 17, 22, 33, 34, 42, 47, 49, 51, 51, 51, 53, 55, 58, 62, 64, 70, 75, 75, 76, 76, 77, 78, 80
datsuluige 27
deeff 52
dem 5, 6, 7, 11, 14, 14, 17, 19, 22, 23, 24, 24, 24, 26, 29, 31, 32, 32, 32, 34, 35, 37, 40, 41, 43, 45, 49, 50, 50, 51, 53, 54, 55, 55, 55, 55, 57, 58, 58, 70
de[m] 1
deme 70
den 6, 6, 7, 7, 10, 11, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 27, 27, 28, 28, 31, 31, 31, 36, 36, 36, 37, 37, 37, 39, 39, 40, 40, 40, 42, 43, 44, 44, 44, 45, 45, 46, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 62, 63, 63, 64, 65, 69, 71, 71, 79, 80, 80
denn 28, 57, 62
denne 14
der 4, 4, 6, 6, 14, 18, 18, 19, 21, 22, 22, 23, 24, 27, 30, 31, 32, 33, 33, 33, 34, 40, 41, 41, 42, 43, 44, 44, 45, 46, 46, 47, 47, 49, 50, 50, 52, 52, 52, 54, 59, 59, 62, 63, 64, 64, 65, 67, 68, 68, 68, 68, 69, 72, 78, 80
d[e]r 21
d[er] 11
derglieck(en) 44
dergliecken 15, 60
d[erg]l[iec]k[en] 76
derglieken 5, 10, 12, 17, 24, 38, 50, 73
derttich 82
des 1, 2, 2, 2, 2, 3, 3, 3, 3, 4, 4, 4, 6, 6, 6, 8, 9, 9, 10, 10, 14, 15. 16, 16, 16, 16, 17, 18, 20, 20, 20, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 40, 40, 40, 43, 44, 45, 49, 52, 54, 56, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 70, 71, 73, 73, 73, 73, 75, 75, 75, 77, 77, 77, 77, 78, 79, 79, 81
de[s] 37
[de]s 9
[des] 16
dessem 67
dhoen 35
die 4, 8, 9, 10, 11, 11, 11, 11, 11, 12, 12, 12, 12, 13, 13, 13, 13, 13, 14, 14, 14, 14, 15, 15, 17, 17, 17, 18, 18, 18, 20, 22, 22, 23, 26, 26, 26, 27, 29, 30, 30, 31, 31, 32, 32, 33, 34, 35, 37, 39, 40, 40, 41, 41, 41, 41, 42, 43, 43, 44, 45, 45, 46, 46, 47, 47, 47, 47, 49, 49, 49, 50, 51, 51, 52, 53, 53, 53, 53, 54, 54, 55, 58, 58, 58, 59, 60, 60, 63, 63, 64, 64, 64, 66, 66, 66, 67, 68, 70, 70, 71, 72, 72, 74, 74, 76, 76, 78, 78, 79, 80, 80, 81
[di]e 14
Dimiterj 3, 74
dinge 65
doen 76, 80, 81
doende 38, 41, 49, 51
dre 7, 62, 82
Duitsche 14
Duitschen 12, 27, 27, 28, 57, 78
Du[i]tschen 12
Duitshe 12, 38, 42, 47, 47
Duitshen 13, 13, 14, 26, 26, 36, 36, 39, 39, 43, 44, 44, 46, 47, 48, 48, 54, 55, 55, 60, 63
durch 12, 13
dusse 67, 70, 81
dussem 66, 76, 78
dussen 8, 8, 9, 59, 66, 66, 67, 72, 74, 78, 80, 81
dussenn 34, 65

eddelen 5
eder 30, 69, 71
ehn 27, 29, 33, 34
ehne 37
ehre 4, 7, 8, 9, 10, 10, 15, 15, 18, 20, 20, 22, 23, 29, 30, 31, 31, 41, 49, 54, 61, 64, 72, 74, 79

ehrem 29, 30, 53
ehren 35, 36, 48, 57, 58, 60, 60
[ehren]12
ehr[en]n 24
ehrer 11, 23
eigen 52, 52
ein 27, 37, 38, 42, 42, 44, 46, 47, 48, 52, 52, 63, 65, 67, 71
[e]in 45
eine 17, 40, 43, 45, 46, 55, 62
[eine]19
einem 34, 36, 39, 54
einen 16, 21, 25, 33, 39, 46, 47, 47, 48, 48, 52, 57, 59, 61, 68
embecke 21, 22
ende 42, 46, 52, 53, 63, 63, 63, 64, 65
er: 4, 10, 17, 20, 56, 57, 61, 75, 77
ers[ten] 6
[e]rsten 7
ertzb: 9, 10, 11, 15, 17, 17, 20, 23, 24, 29, 29, 30, 31, 31, 31, 33, 33, 35, 36, 41, 44, 45, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 60, 67, 77, 80
ertzbis: 80
ertzbishop 7
ertzbisshops 8
erue 2, 3, 6, 9, 16, 25, 81
[erue] 15
eruen 4, 37
erw: 17, 18
etzwelche 56

f: 5, 7, 9, 9, 11, 14, 15, 16, 17, 17, 17, 20, 23, 24, 29, 29, 30, 31, 32, 32, 32, 33, 35, 36, 37, 40, 40, 41, 41, 43, 43, 44, 44, 45, 49, 52, 53, 57, 58, 59, 60, 60, 67, 71, 71, 73, 74, 78

f[:] 49, 54
faren 12
forder 34
fordert 46, 47
frede 32, 70, 71, 81
fredebref 76
fredebreue 66, 67
fredebreuen 19, 28, 31, 63, 65, 67
Frederich 5, 79
frie 21, 22, 22, 25
frien 21, 25, 59, 68
friewilligen 61
frombde 19, 19
frye 59
fryen 61
fuer 70
furste 10, 31, 31, 34
furst[e] 79
f[ur]ste 76
furste(n) 77, 79
fursten 2, 3, 5, 8
furste[n] 16

gaste 23, 26, 58
gebleuen 30, 30
geburth 82
gedrenge 66
gedrenges 69
g[een]d[i]get 6
geendigeth 81
gefangen 29
gefengknisse 30
gehangen 73
geholden 69
gein 27, 62, 63
geine 24, 24, 26
gekomen 2, 5
gekusset 76
gekusseth 78
gelathen 30
gelth 27
gemaketh 63
genhomen 29, 34, 64
genomen 53
gerichte 55, 55, 55
gerichtet 42, 46, 47
gesath 39
geschee 62
gescheen 35, 48
ge[schlo]g[en] 15
geschreuen 28, 66, 78
gesheen 65
geste 20, 27, 57
gestrecket 72
getreden 15, 16
geue 62
geuen 30, 37, 38, 50, 51, 58
gifft 62, 62
giffte 26
gifte 23, 24
Glas[a]th[oi] 4
Glasathoj 75, 77
gnad(en) 15
gnaden 1, 28, 29
gnanth 5
God 62, 70
Godes l, 52, 53
Gorbathoj 2

Gorbatoj 73
Gots l, 15, 28, 29
grentze 11, 14, 15, 46, 64
g[r]entze 19
gro:77
grote(n) 16, 18, 20, 25, 37, 40, 43, 56, 71, 73, 75, 79
gr[o]te(n) 16
g[r]ote(n) 16
grotf: 15, 28
Grothe see 11 (*см. также* see)
grothen 1, 2, 2, 3, 3, 4, 6, 9, 14, 17, 28, 32, 40, 45, 61, 70, 73, 81
groth[en] 10
[gr]othen 38
G[ro]the[n] Pleschow (*см. также* Pleschow)
Grothen see 11, 12, 13 (*см. также* see)
grothenn 56
grothern 35, 38, 69
grothf: 29
[g]rothfursten 1
Grothnowg: 57
Grothnowgard(en) 73
Grothnowgarden 2, 56, 81
gude 30, 49, 75
guden 18, 51
guthwillich 58

haluen 12, 13, 40, 43, 44, 62, 66, 69
hand 37
hande 72, 74, 81
hangen 74, 76, 80, 81
Hasenkamp 5
hebben 15, 21, 25, 30, 32, 41, 42, 51, 58, 59, 61, 63, 64, 68, 72, 76, 78
hebbe[n] 49
h[ebb]en 5
heft 37, 38, 39
her: 40, 77
herberge 58
Herman 5
hern 7, 23, 71, 71
hers: 9, 15, 16, 16, 17, 25, 29, 37, 38, 43, 45, 73, 75, 79
h[ers:] 16
[her]s:10
herscher 28, 28
herschers l, 1, 2, 14, 57, 61, 70, 73, 81
he[r]schers 40
herschops 3
hershers 3, 4, 18, 20, 32, 56, 71
h[e]rshers 2
hershops 6
hie 37, 39
[hi]r 2
hindernisse 25
hoger 39
holden 53, 67
ho[lde]n 8
holme 14
holth 22
houede 15, 15
howen 22
huishur 58

Iacoba 34
iare 7, 7, 81
iaren 6, 9, 10, 31, 34, 66 (*см. также* jaren)
iarigen 8 (*см. также* seuentheiniarigen)
id 42 (*см. также* jd)
iegenwerdicheit 80
ienige 38
im 7
in 2, 9, 10, 15, 16, 20, 20, 21, 22, 22, 22, 22, 25, 25, 25, 26, 27, 28, 28, 29, 29, 30, 30, 30, 31, 34, 34, 35, 35, 35, 36, 37, 38, 38, 39, 43, 44, 44, 44, 44, 47, 48, 52, 54, 54, 57, 57, 59, 61, 61, 64, 66, 68, 68, 69, 70, 72, 78, 80
inn 31, 57, 57, 59, 60, 66, 81
in[n] 42
inth 81
is 14, 30, 33, 34, 36, 81
Iuhorschi 1
Iwan 1, 15, 28
Iwanewitz 2, 74 (*см. также* Jwanewitz)

Jacob 32
jare 67, 70
jaren 59 (*см. также* iaren)
jd 62 (*см. также* id)
Johan 5, 79
Jwanewitz 3, 73 (*см. также* Iwanewitz)

kein 64
keine 23, 23, 24, 37, 39, 48, 58, 58, 65, 68
keinen 65
keinerley 56, 65
kei[ner]le[y] 65
keines 69

keisers 2, 6
kercken 52, 53, 53
key: 3, 3, 4, 9, 10, 14, 15, 20, 29, 71, 73, 73, 77, 79
keys: 61, 75
keyser 28
keysers 1, 2, 4, 81
klegeliche 50, 51, 62
klegelichen 34, 61
kleinen 69
Klitzar 14
komen 18, 60, 61
komende 21, 25
konnen 64
kopen 21, 25
koplude 20, 27, 29, 30, 30, 57, 58
kopman 69
kopmanne 23, 24, 24, 26, 31
kopschlagen 22
Korff 5, 79
Kowirin 4, 77
Kowir[i]n 74
krich 65
krogen 26
krutz 47
krutze 33, 34, 49, 51, 75, 76, 76, 78, 80
krutzekussen 33, 34, 51, 75, 76, 80 (*см. также* krutze *и* kussen)
krutzkus: 18
krutzkussen 47 (*см. также* krutz *и* kussen)
krutzkussinge 19, 23, 35, 38, 42, 46, 47, 47, 50, 52, 52, 54, 63, 65, 67, 68, 68, 69, 70, 70
Kubenskij 74
Kubensky 3
kumpt 12, 13
kussen 33, 34, 47, 47, 49, 51, 75, 76, 80

land 10, 15, 16, 17, 18, 25, 75, 77
lande 11, 15, 16, 19, 19, 20, 20, 21, 21, 25, 26, 28, 29, 35, 38, 43, 47, 54, 57, 59, 60, 61, 78
lan[de] 9
[lan]d[e] 11
landen 18, 46, 48, 56
l[an]den 27
[lan]dsathen 8
lathen 20, 58
leuen 70
leuenth 20
Lif: 22, 38
Liff: 57
Lifflande 21, 56
Liflande 5, 7, 29, 35, 78
Lode 5, 79
loper 52
loss 30
lude 15, 15, 16, 16, 17, 18, 18, 23, 24, 31, 33, 49, 49, 51, 75

m:15, 17, 17, 20, 23, 24, 32, 41, 49, 53, 54, 67
maken 42, 45, 63, 64, 65
malckander 63, 64 (*см. также* vndermalckander)
mall 62
man 52
m[an] 36
mede 9, 10
meister 5
men 8, 12, 13, 19, 24, 24, 27, 35, 36, 36, 37, 37, 38, 39, 39, 43, 44, 47, 48, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 62, 62, 62, 62, 65, 68, 68, 72
[me]n 20
mes: 9, 11, 14, 16, 16, 29, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 40, 43, 44, 52, 57, 58, 59, 60, 60, 71, 71, 78
mester 7, 10, 31, 31, 34, 76, 79, 80
mes[te]r 44
mesters 8, 77
Michael 3, 73, 74
[Michael] 2
Mikitin 4, 74, 77
mith 6, 6, 17, 21, 26, 30, 32, 36, 37, 37, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 45, 46, 50, 54, 55, 56, 58, 63, 65, 69
moge 71
mogen 22, 22
[m]o[g]en 22
monath 67, 68, 68, 71, 72
Muschow 1
my 71

nach l, 8, 18, 19, 19, 20, 23, 31, 32, 35, 38, 42, 46, 48, 50, 52, 52, 53, 54, 55, 59, 59, 63, 63, 65, 65, 67, 67, 67, 68, 68, 69, 82
na[c]h 11
[nach]l
nachtleger 24
Narue 5, 14, 20, 49, 50, 50, 51, 59, 79
Natzar 4
Nazar 75, 77

nergens 9, 10
nhemen 23, 24, 27, 27, 58
nicht 9, 10, 11, 12, 12, 13, 13, 14, 14, 19, 20, 26, 26, 26, 30, 32, 33, 35, 36, 38, 43, 44, 48, 53, 57, 57, 66, 69, 69, 71
ni[c]ht 39
[nicht] 9
nichts 21, 26
Nienschlotte 50
Nienshlotte 49
noch 69, 69
nottruft 23
Nowg: 79
Nowgarden 1, 2, 16, 76
Nyenschlotte 51
Nyen|schlotte 50–51

ock 9, 16, 19, 20, 22, 22, 23, 23, 24, 26, 26, 27, 28, 32, 34, 38, 57, 57, 66
octobris 7
[octo]b[r]is 7
of 12, 13, 22, 23, 30, 33, 66, 68
off 56, 63, 65
olde 11, 15, 22, 23, 28
olden 11, 53, 66, 70
olderlude 4, 74, 76
olderluden 6
Onisimow 4, 75, 77
Onkudinow 5, 75, 77
orlage 68
orlech 65
Otpher 1
ouer 50
[ou]e[r] 13

parte(n) 17, 18, 19, 19, 59, 62, 63, 66, 66, 67, 68, 68, 72, 72

parten 8, 28, 48, 56, 56, 58, 65
peithen 65
Perempschi 1
Ples: 10, 11, 11, 12, 13, 13, 14, 14, 15, 15, 16, 17, 17, 20, 22, 23, 24, 26, 26, 27, 27, 28, 28, 29, 30, 31, 31, 32, 32, 33, 34, 34, 37, 37, 38, 38, 39, 39, 40, 41, 43, 43, 43, 44, 44, 45, 45, 46, 47, 47, 48, 48, 49, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 61, 63, 71, 71, 75, 77
Ples[:] 25
P[l]es: 24
P[les:] 35
Ples: see 14 (*см. также* see)
Pleschow 1, 3, 4, 4, 6, 6, 9, 9, 11, 56, 74, 74, 75, 75, 76
Pleschower 22, 36, 54
Pleschow[er] 34
Pleschowisch 39
Pleshower 47
portzelen 22

raidmanne 8
raidmannen 41
recht 35, 38, 50, 51, 62, 62, 62
rechte 35, 38, 52, 55
rechten 48
rechteste 42, 42, 46, 50, 52
reinigen 53
reisen 72
rennebome 24
Reuel 20
Reuell 59
reyne 53
reynen 61
richten 36, 39, 48
richte[n] 47
richtere 16, 18, 41, 41, 44, 45, 45, 46, 50, 55, 55, 63, 64, 64
richtern 40, 55
richtich 69
Riga 7, 20, 23, 59, 77, 81
ritte[r]sch[a]ft 7
Rus: 3, 3, 9, 10, 20, 73, 73, 75, 77, 79
Ruschen 2, 52, 53
Russen l, 4, 15, 28, 29, 52, 61, 71, 81
R[u]s[sen] 14
Russischen 2, 4, 6

sake 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 44, 49, 50, 51, 51, 56, 62, 63, 64, 66
saken 32, 34, 35, 38, 42, 42, 45, 56, 62, 63, 64, 65, 69
sakenn 61
sakewolde 48
sakewolden 48
sa[kew]olden 40
sal 8, 10, 11, 12, 13, 14, 19, 19, 23, 24, 27, 34, 35, 36, 36, 37, 37, 38, 39, 39, 39, 43, 44, 44, 46, 47, 47, 47, 48, 48, 48, 50, 52, 53, 53, 54, 59, 62, 62, 65, 67, 67, 68, 72, 79, 81
s[a]l 76
sall 31, 34, 55, 56, 58, 60, 65
[sa]ll 69
samen 18 (*см. также* tho samen)
schlogen 15

schult 55
see 11, 11, 12, 13, 14
segel 76, 80, 81
segele 72, 74
sein 11
seine 5, 9
seinen 48, 48
Semenowitz 3, 73, 74
[Semen]owitz 3
semptlich 42
semptlichen 40, 42, 45, 45, 46, 55, 55, 63, 64, 64
senden 16, 17, 18, 41, 79
sestich 7
setten 18, 23, 24, 26, 37, 40, 46, 55, 62
seuendusenth 7, 7, 82
seuenthein 6, 8, 10, 34, 59 (*см. также* seuentheiniarigen)
seuenth[ei]n 9
seuentheiniarigen 8
shwerd 70
sich 33, 36, 37, 39, 40, 43, 44, 62, 63
side 12, 13, 13
siden 11, 12, 69
sie 18, 27, 42, 50, 51, 55, 64, 64, 70
sin 24, 46, 53, 54, 66, 66, 76, 76, 78, 80, 81
sind 2, 5, 15, 16, 30, 42, 70, 72
sine 9, 23, 71, 76, 80, 80, 81
sinen 71
siner 26, 69
sines 28
smacht 70
Smalenschi 1
so 15, 28, 34, 37, 47, 47, 56, 60, 62, 63, 64, 70, 70, 71, 72
sodane 33
sodant 15
soda[n]t 37
solle 70
sollen 9, 11, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 17, 18, 20, 23, 24, 24, 26, 26, 27, 27, 32, 33, 33, 40, 40, 41, 42, 43, 45, 49, 50, 51, 51, 55, 58, 60, 63, 64, 64, 66, 68, 72, 73, 75
solle[n] 29
solthe 21, 26
sonne 4, 4, 74, 75, 77, 77
sons 28
stad 54
stadhol: 37, 40, 40, 43, 45, 49, 50, 59, 71
[sta]dhol: 17
stadholdere 2, 4, 6, 9, 16, 32, 70, 73, 79
stadhold[er]e 73
stadholdern 3
staen 67
staende 40
stede 8, 34, 46, 59, 75, 76, 80
ste[de] 20
steden 22, 25, 29, 30, 31, 35, 36, 36, 44, 44, 57, 57, 57, 60
stehet 28
stellen 43, 45, 54, 64
sterffte 70
straffe 43, 44, 55
straffen 43, 44
strecken 74, 81
stroem 14
stucke 35, 36, 38, 39
suluers 35, 36, 38
summen 22
sunde 12, 13

tehen 13, 22, 58
tehende 21, 25, 60, 61, 68
thall 24
thein 35, 36, 38, 39
tho 1, 2, 2, 2, 2, 5, 6, 6, 7, 7, 7, 9, 17, 18, 18, 21, 21, 21, 21, 21, 21, 22, 23, 25, 25, 25, 25, 25, 27, 29, 32, 35, 35, 37, 38, 38, 38, 39, 40, 40, 41, 43, 47, 49, 49, 51, 51, 56, 56, 57, 57, 59, 59, 60, 60, 60, 60, 61, 61, 61, 62, 68, 71, 71, 71, 71, 73, 74, 75, 75, 76, 77, 77, 78, 78, 79, 81, 81
t[h]o 46
tho samen 18
thor 5, 37, 50, 50, 51, 79
thor[nen] 13
tid 17, 33, 37, 40, 41, 43, 45, 62
tod 66
treden 11, 14, 19
[tre]d[en] 10
tredt 19
treffende 36
trefft 39
tuschen 11, 56
tusch[e]n 14

uorkopen 21, 25

van 1, 3, 3, 3, 4, 5, 5, 6, 6, 8, 16, 16, 17, 17, 18, 19, 19, 24, 24, 27, 27, 28, 28, 28, 29, 31, 32, 41, 43, 45, 48, 49, 49, 49, 50, 50, 51, 56, 58, 58,

59, 62, 63, 65, 66, 66, 67, 68, 68, 69, 72, 72, 74, 76, 77, 78
va[n] 4, 28
v[a]n 55
vann 29, 70
v[a]nn 57
vastiglich 8
ve: 4, 6, 37
ved: 4, 9, 10, 16, 17, 56, 57, 61, 77
[ve]d: 14
veder: 20, 75
vederliche 2, 3, 25, 81
veer 72
veide 68
veligen 68
verfelth 42
verhoren 50
verkopen 22
verlopen 30
versamlinge 17, 18, 33, 33, 41, 42, 45, 46, 54, 62
versa[mlin]ge 43
versettet 12
vertich 7
verttich 82
ver[w]a|ringe 30–31
veste 37, 39
vestiglichen 67
Vetzkj 1
veyden 72
viff 82
viffteinhunderth 82
vischen 11, 12, 13, 13, 14
vischer 12, 13
vmb 15, 32, 34, 37, 56, 61, 65, 69
vnd 1, 1, 1, 2, 3, 5, 7, 7, 7, 7, 8, 8, 9, 9, 10, 10, 11, 11, 14, 14, 15, 15, 16, 17, 17, 18, 18, 18, 18, 19, 19, 19, 19, 20, 20, 20, 20, 21, 21, 21, 21, 23, 23, 23, 24, 25, 25, 25, 25, 26, 26, 26, 27, 28, 28, 28, 28, 29, 29, 29, 29, 29, 29, 30, 31, 31, 33, 33, 35, 35, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 43, 44, 45, 45, 45, 46, 46, 47, 48, 49, 49, 49, 50, 50, 50, 51, 51, 51, 52, 52, 52, 52, 52, 53, 53, 53, 53, 53, 53, 54, 54, 55, 55, 56, 57, 57, 57, 57, 57, 57, 57, 58, 58, 59, 59, 59, 59, 60, 61, 61, 62, 62, 65, 67, 69, 70, 70, 71, 71, 72, 72, 73, 73, 74, 74, 74, 75, 75, 75, 76, 77, 77, 78, 79, 79, 79, 80, 80, 80, 80, 80, 81, 82, 82, 82, 82, 82
[vn]d l, 4, 5, 7
[vnd] 2
vnd[e] 63
[vn]de 3
vnder 63, 64 (*см. также* vndermalckander)
vndermalckander 63, 64
vnmacht 12
[v]nmacht 13
vnnd 33, 60, 60, 70
v[nn]d[e] 10
von 15, 49
vor 7, 7, 8, 8, 10, 23, 40, 44, 45, 54, 55, 55, 58, 64, 64, 75, 75, 76, 76, 77, 78, 80, 80, 80, 81
vorbie 70, 72
vordan 19, 64
vorfelth 44
vorigen 28
vorsamlinge 65
vp 7, 9, 10, 13, 14, 16, 16, 17, 17, 17, 18, 19, 19, 22, 33, 37, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 51, 54, 64, 64, 64, 72, 76, 78, 80
v[p] 11
[v]p 41
vpholdinge 58, 60, 61
vpstunden 56
vpt 23, 28, 42, 46
vth 3, 14, 15, 20, 20, 24, 25, 38, 41, 53
vthgaende 67
vthgeuen 52
vthgropet 54

waer 27, 58
wage 27
wage gelth 27
wan 71
wanner 70, 79
war 26, 29
ware 21, 22, 23, 30, 30 31, 31, 33, 33, 69
[w]are 26
was 27
Was[silie]n 28
watere 10
wath 34
wather 21, 25, 59, 60
wathere 9, 19, 19
watheren 11, 46
wath[er]n 18
wattelley 49
watterleie 42

watterley 51
watterleye 44
wech 21, 25, 59, 61, 68
wecken 72
weddergegeuen 32, 33
weddergeuen 27, 31, 54
wege 24
wegen 77, 78
weinich 27
welche 29, 30, 30, 39, 63
[w]elche 36
welcher 69
welcherer 54
[w]elcherer 41
welchn 64
Wenden 32
wer 19
werde 23, 26
werd(en) 39
werden 67, 79
werdicheit 80 (*см.* iegenwerdicheit)
weren 29
wersettet 13
werth 46, 47, 69, 71
wes 31, 33, 34
wie 70, 71
w[i]e 58
wiff 52
willen 1, 32, 56
winth 12, 13
wise 66
Woldow 49, 49
Woldower 51
Woldowschen 50
Wolodimer 1
word 32
worde 63
Worontzow 3, 73, 74
Worontzo[w] 3
wue 16
wur 53

Соотношение терминологии русского и немецкого экземпляров договора

Помещаемый ниже список соотносящихся русских и немецких терминов не является вполне исчерпывающим. Он охватывает не весь словарный состав русского и немецкого текстов, хотя и включает в себя наиболее существенные понятия (главным образом юридического характера). Список не ограничивается только именами существительными и прилагательными. В него входят также глаголы, наречия, некоторые предлоги и др.

В основу списка положены русские термины. К ним приводятся немецкие эквиваленты, содержащиеся в тех же статьях договора в соответствующих русскому тексту предложениях и оборотах. Ссылки даются на номера статей, обозначенных римскими цифрами (в публикации текста обоих экземпляров договора эти номера помещены в фигурных скобках). Нумерация статей, отсутствующая в самом документе, введена нами для того, чтобы сравнение русского текста с немецким могло быть наиболее наглядным и конкретным.

Надо иметь в виду, что одно и то же русское (или немецкое) слово, повторяющееся в ряде статей, может иметь разные немецкие (или русские) эквиваленты в разных статьях. Это в какой-то мере отражено в нашем списке. Но в некоторых случаях смысловые соответствия в текстах двух разноязычных экземпляров выражаются не с помощью слова-эквивалента, а посредством определенных грамматических конструкций, флексий других слов и т.п. Подобные косвенные соотношения текстов в нашем списке не фиксируются.

Арцыбискуп – ertzbishop II и др.

Беглец – loper XXX
Без, безо – ahne XI и др.
Бергаместеры – burgermeister(e) XXIII
Берег – side V, ouer V

Бискуп – bisschop LI
Бискупы – bischope XIII и др.; bisschope LI и др.
Бити челом *см.* Чело
Блюсти – boshermen XXXV
Борода – bardth XXXII
Бояре земные – landsathen II
Быти делу (спорному) – vpstunden XXXIII

В (по поводу, в чем-л.) – auer XXXVII
Веленье – bouelh I
Великий государь – grothe herscher I, II и др.; grothe herschop II
Великий князь – grotf(urste) IX и др.
Весчее – wage gelth XVIII
Взыскати – [fordern]; взыщет – fordert XXVII
Взяти – [nhemen]; взято – genhomen is XX
Взятое – genomen XXXI
Вина – schult XXXII
Вместе (оптом) – in der summen XII
Вода – wather, wathere III и др.
Воевати – bofeiden III; veyden XLV
Война – orlech XXXIX, orlage XLII; *ср.* Рать
Воля – [wille]; по воле – nach dem willen I
Вопчие судьи *см.* Судьи вопчие
Воск – was XVII
Вперед (впредь) – forder XXI
Всеа Русии – aller Russen I и др.
Вступатися – [treden]; вступаются; вступались – sind getreden IX
Всякий: 1) любой, каждый – allerleie XI и др.; 2) никакой – alle XI и др., allerleie XXXVI
Вывет; без вывета – nichts buthen bosheiden XI, nichts nicht buthen boscheiden XIV
Выдати (отдать) – vthgeuen XXX
Выдрати – [vthgropen]; выдерут (бороду) – sin bardth vthgropet XXXII

Где – dar XXVI; wur XXXI
Голод – smacht XLIII
Гора; горою и водою – tho wather vnd tho lande XXXV
Город – stad XXXII
Города – stede XI, LII и др.
Гости – geste XI, XVIII, XXXIII; gaste XIII, XVI, XXXIII
Гостинцы – gifte XIII; giffte XVI
Гость – kopman XLII
Государь – herscher I, II и др.; herschop II
Грабити – berouen XXXIII
Грамота – [breue]; nach dussen breuen III, nach den olden breuen IV, in dussem breue XL, LI; bref XLVII, LII; breff XLVII, LI, LII
Грамота перемирная – fredebreue IX, XIX, XX, XXXVIII, XL, XLI; biefrede bref XLVII
Грехи – [sunde]; по грехом – durch sunde V

Дати: 1) живота (не) дати *см.* Живот
2) на поруку *см.* Порука

3) руку *см.* Рука дати
4) управу *см.* Управа
Дела обидные – klegeliche sake XXI, XXIX, XXXVII
Дело, дела – sake, saken XX, XLII и др.
Дело великое – grote sake XLII
Дело малое – kleine sake XLII
Держава — beholdinge II, LI; beholde XI, XXXI; beholth XXV, XLIX
Держати – setten; на крепости (в заключении) – in die veste setten XXI
Держати (владеть) – holden; держати по старине – holden nach dem olden XXXI
Дерть – tod XL
Десять – thein XXI, XXII
До – beth II, XXXVI; dan XXI, XXII
Добровольно – frie XII, XIV; frye XXXV; guthwillich XXXIII, friewilligen XXXVI
Добрые люди *см.* Люди добрые
Довести (доказать вину) – auerthugen XXXII
Доро́ги – [wege]; по дорогам – bie dem wege XIII
Досудити; досудят – werth gerichtet XXVII
Дрова – holth XII

Ездити – fahren V; tehen V, XII; reisen XLVI

Живот (жизнь) – leuenth; живота не дати – dat leuenth nicht lathen X
Животы (имущество) – gude (XIX); ware (XIX)
Жити – leuen XLIV

За [пределы] – auer V
Запас ("что по надобе") – nottruft XII
Заплатити – bothalen XX
Зацепка (помеха, препятствие) – anholdinge XI; vpholdinge XXXIII, XXXV, XXXVI; hindernisse XIV
Зацепляти (вредить, посягать) – boschedigen III
Земля, земли – land, lande III, XXXII и др.
Земля матерая – embecke XII
Земля чужая – frombde lande X
Золотоносцы – ritterschaft II

Издержати (соблюдать) – holden; издержати крепко – vestiglichen holden XLI
Изнеможенье – vnmacht V
Или – of XII, XIX и др.; eder XIX
Имати (брать) – nhemen XIII
Исправа – [rechte]; по своей исправе – nach seinen rechten XXVIII
Истец, истцы – sakewolde, sakewolden XXII, XXVIII

К – vp; к тому сроку – vp den bostemmeden dach IX
Казнити – straffen; не казнити – nicht straffen XXIV, XXV
Казнь – straffe XXIV, XXXII
Князь – furste II и др.; князья – fursten II и др.
Князь местер – furste meister, furste mester II и др.
Колоды – rennebome XIII
Колупати (воск) – bokloppen XVII
Конец (делам судебным) – ende; учинят тем делом конец – sollen... maken ein ende XXV, sollen... ein ende maken XXXVII
Концы (территор. единицы) – ende XXXI

Кончати (заключать договор о мире) – [endigen]; кончали перемирье – dusse frede is geendigeth LIII
Корчмы (держать) – krogen XV
Крепко – vestiglichen; издержати (соблюдать) крепко – vestiglichen holden XLI
Крепость (заключение) – veste; держати на крепости – in die veste setten XXI
Крест целовати – dath krutze kussen XLVIII, XLIX и др.
Крестное целование – krutzkussinge IX, XII и др.
Купити – tho kopen XI, XIV
Купцы – koplude XI, XVIII и др.; kopmanne XIII, XVI, XIX

Лес – busche XII
Лета (годы) – jare; отойдут се лета – dusse jare vthgaende werden XLII, dusse jare vorbie sind XLIV
Ловец (рыболов) – vischer V
Ловити (рыбу) – vischen V, VI
Люди – lude IX, XIII, XX, XXIX, XLVIII
Люди добрые – gude lude XXIX, XLVIII, die guden lude IX
Люди маистровы – des fursten mesters, ertzbischops lude XIV
Люди честные – erw(irdige) lude IX

Маистр (магистр) – furste mester XIII
Матерая земля *см.* Земля матерая
Матерая река *см.* Река матерая
Местер (магистр) – furste meister II; furste mester II, III, XIX, XX, XLIX, LII и др.
Межа – grentze VIII, XXVI; *ср.* Рубеж
Меч – shwerd XLIII
Милость – gnade; божьею милостию – van Gots gnaden I, IX, XIX
Мир – biefrede III, frede XLIV, XLV
Мор – sterffte XLIII

На земле и на воде – tho wather vnnd tho lande XXXV и др.
На обе стороны – van beiden parten III, XVIII и др.
На опыт ("уколупив немного" воска) – tho bosende XVII
"На розницю" – bie portzelen XII
"На то" (по поводу чего-л.) – auer deme XLIII
Наем (плата за постой) – huishur XXXIV
Назад *см.* Отдати назад
Наместники – stadholdere II, III, IX и др.
Написати – [schreuen]; написано – geschreuen stehet XIX
Напряме – vp dath rechteste XXIII, vpt rechteste XXV, vp dat rechteste XXIX
Наступати (нарушать границу) – treden; не наступати – nicht treden III, VII
Не грабити – nicht berouen XXXIII
Не обидити – nicht boschedigen XXXI
Не порубати – nicht bosetten XXXIII
Нелюбовь (= не будут любить) – nicht werth boleuen XLV
Нет пени *см.* Пеня
Никоторою нужею – keinerley wise of gedrenge XXXIX, vmb keines gedrenges XLII
Ничем – nergens mede III
Ночи (ночевки) – nachtleger XIII
Нужа (принуждение) – gedrenge XXXIX, XLII
Нятство (тюремное заключение) – gefengknisse XIX

Обе стороны *см.* На обе стороны; С обеих сторон
Обидити – boschedigen; не обидити – nicht boschedigen XXXI
Обидные дела *см.* Дела обидные
Обослатися ("обослався") – sich bosenden XX
Обыск (расследование) – bosokinge; с обыском – mith bosokinge XXIII, XXV, XXXVIII
Обыскати ("обыскав") – bosoken IX
Обыскивати (расследовать) – verhoren (XXIX), bosoken (XXIX)
Огнь – fuer XLIII
Ограбити – [bestroefen]; ограбили – bestroefet word XX
Оприч (кроме) – bosunder XVII, XL
Опыт (проба); "на опыт" = испытать – tho bosende XVII
Остаться (быть оставленным, о товаре) – [bleuen]; "остался" – is gebleuen XIX
Остров – holme VII
Ответчик – anthwordes man XXI, anthworder XXII, XXVII
Отдати – weddergeuen XIX
Отдати все чисто – alle reyne weddergeuen XXXI
Отдати назад – weddergeuen XVII
Отложити (отменить) – [afstalen]; отложихом – hebben wie... afgestalt XXXIV
Отойти (истечь, о сроке) – [vthgaen]; отойдут – vtgaende werden XLII, vorbie sind XLIV
Отослати (расторгнуть) – auesenden; мир отослати – den frede auesenden XLV
Отпускати – tehen lathen XXXIII
Отчина – vederliche erue II, III, IX, XIV, XXXIII, LIII и др.
Отъехати (уехать) – tehende XIV, XXXV; tho tehende XI и др.
Очистити – reinigen XXXI

Пеня; [накладывать пеню – boschuldigen, thornen]; "пени нету" – sal men nicht boschuldigen V, "пени нет" – sal men nicht thornen V
Перемирие (перемирье) – biefrede II, XLI, XLVII
Перемирная грамота *см.* Грамота перемирная
Печати – segele XLVII
Печать – segel XLIX, LII
Писати – [schreuen]; писано – geschreuen sin XL, писаны – geschreuen sin LI
Платити – bothalen XX
По грехом *см.* Грехи
По дорогам *см.* Дороги
По исправе *см.* Исправа
По старине *см.* Старина
Подворье – herberge XXXIV
Подымати (начинать) [войну] – boginnen XLII, anboginnen XXXIX
Полезти (выступить, напасть) – treden X
Положити (товар) [на сохранение] – [lathen in verwaringe]; "положен" (= положили) – gelathen hebben in verwaringe XIX
Поруб – bosettunge; "порубу в том не быти" – dar sal keine anholdinge vnd bosettunge XXVIII: "порубу не быти не в чем" – vmb keinerley sake willen bosetten XXXII
Порубати – bosetten; "не порубати" – nicht bosetten XXXIII
Порубатися; "порубалися" – sich boschedigeth XXXVIII
Порука – burge, burgen; дать на поруку – geuen vp burge hand XXI, borgen XXII; "а по котором не будет поруки" – heft hie keine burgen XXI
Посадник – burgermeister XXIX; посадники – burgermeistere II

Послати – senden IX
Посол, послы – bode XX, XXXV; boden II, XXXIII–XXXVI; baden LI, LII; bodschafter II
Правити (соблюдать) – geholden, geholden richtich; "не учнутъ правити" – nicht werth geholden richtich XLIII
Привесити (печать) – doen hangen LII
Приехати – komen XXXV, XXXVI; komende XI, XIV
Приложити (печать) – hangen; "печати свои приложили" – hebben... ehre segele... gehangen XLVII; sollen... ehre segele... hangen XLVII
Прислати – senden; "а как пришлют..." – wanner... senden werden LII
Продати – tho uorkopen XI, XIV
Промеж – tuschen IV, VIII, XXXIII
Промеж собя – vndermalckander XXXVIII
Просити – bogerende; управы просити – recht tho bogerende XXXVII
Путь – wech XI, XIV, XXXV, XXXVI, XLII
Путь чист – einen frien wech XI, XIV, XXXV; einen fryen reynen wech XXXVI; einen frien veligen wech XLII

Раба – eigen wiff XXX
Ратманы – raidmanne II, XXIII
Рать – krich XXXIX, veide XLII; *ср.* Война
Река – becke VIII
Река матерая – embecke XII
Розница; на розницю – bie portzelen XII
Рубеж – grentze IV, IX, XXXVIII; *ср.* Межа
Рубль – stucke suluers XXI, XXII
Рука, руки – hande XLVII, LII
Рука дати – sal die hande strecken LII, sollen... die hande strecken XLVII; руки дали – hebben die hande gestrecket XLVII

С обеих сторон – van beiden parten IX
Сечи – howen; "дрова ... сечи" – holth howen XII
Соль – solthe XI, XIV
Сослатися – bosenden XXI, XXII, XXIV; senden XXIII
Срок – tid IX, XX, XXII–XXV, XXXVII; dach XX, XXII; bostemmeden dach IX; к тому сроку – vp den bostemmeden dach IX
Срок учинити — eine tid beramen IX, XXV; beramen einen dach of tid XX; beramen eine tid XXIV; setten eine tid XXXVII
Старина – olde XII, XVIII, XXXI; по старине – vp dath olde XII, vpt olde XII, XVIII; nach dem olden XXXI
Старосты – olderlude II, XLVIII, L
Старый, старая – olde, olden IV, IX, XL, XLIV
Стержень (реки) – stroem VIII
Сторона (берег) – side V
Сторона, стороны (контрагенты) – parte III, IX, XVIII, XXVIII, XXXII–XXXIV, XXXVII–XXXIX, XLII, XLV, XLVI; side XLIII
Суд – gerichte XXXII
Суд вопчий – semptliche gerichte XXXII; "судивши... судом вопчим" – die saken semptlich gerichtet hebben XXIII
Судити – richten XXI, XXII, XXVIII; "судивши..." – gerichtet hebben XXIII
Судьи – richtere IX, XXIII–XXVI, XXIX, XXXII, XXXVII, XXXVIII
Судьи вопчие – die semptichen richtere XXV, XXVI, XXXVIII

Съезд – versamlinge IX, XX, XXIII–XXVI, XXXII, XXXVII
Съехатися ("съехався") – tho samen komen IX

Тать – deeff XXX
Товар, товары – war XVI, XIX; ware XI–XIV, XIX, XX, XLII; waer XVIII, XXXIII
Товар "всякой" – allerleie (allerleye) ware XI, XIV
Торговать – kopschlagen XII
Трижды – dre mall XXXVII

Управа давати – recht geuen XXIX
Управа дати – recht dhoen XXI
Управа просити – recht tho bogerende XXXVII
Управа чинити – ein ende maken XXIII
Утечь (убежать) – verlopen; "утекли" – verlopen sind XIX
Учинити делам конец – den saken maken ein ende XXV; denn saken... ein ende maken XXXVII
Учинити рубеж – setten eine grentze IX
Учинити срок *см.* Срок учинити

Хитрость – bohendicheit; без всякие хитрости – ahne alle bohendicheit XXXV, XLI, XLVI
Холоп – ein eigen man XXX

Царь – keiser, keyser I, II и др.
Целование крестное *см.* Крестное целование
Целовати крест *см.* Крест целовати
Цена – werde XIII, XVI
Церкви – kercken XXXI

Чело – houede; челом били – schlogen ehre houede IX, hebben ehre houede geschlogen IX
Через (за пределы) – auer IX
Честные люди *см.* Люди честные
Честный (высокочтимый) князь – eddele furste II
Чинити управа *см.* Управа чинити
Число – thall XIII

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГБЛ	– Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (совр. РГБ)
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГКЭ	– Грамоты коллегии экономии (РГАДА, ф. 281)
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
МГАМИД	– Московский государственный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	– Московский государственный историко-архивный институт
МОИДР	– Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОР	– Отдел рукописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГБ	– Российская государственная библиотека
РНБ	– Российская национальная библиотека
СПбИИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
ЦГАДА СССР	– Центральный государственный архив древних актов СССР (совр. РГАДА)

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1835. Т. 1–3.

АЕ – Археографический ежегодник

АИ – Акты исторические, собранные Археографическою комиссиею.

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг. М., 1975.

АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1988.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М.; Л. Т. 1–3.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М.

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России / изд. Археографической комиссии; под ред. Н.В. Калачева. СПб., 1857. Т. 1.

ВВ – Византийский временник

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

Воздвиженский Т. Историческое обозрение... – Историческое обозрение рязанской иерархии и всех церковных сел сея епархии.../ собр. трудами кол. асессора, бывш. рязан. гимн. ст. учителя Тихона Воздвиженского. М., 1820.

ВОИДР – Временник Общества истории и древностей российских

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ГДХР – Государственное древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов фонда 135 / сост. В.Н. Шумилов; под ред. Л.В. Черепнина. М., 1971.

Грамоти. – Памя'ятки української мови: Грамоти XIV ст. / упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники покажчики М.М. Пещак. Київ, 1974.

Григорович-Барский В. – Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского. Путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писаное. 3-е изд. СПб., 1793.

ГССЗР – Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веках. Найдены в Рижском архиве К.Э. Напиерским и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1857.

ДАИ – Дополнения к актам историческим. СПб.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печати Л.В. Черепнин; ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950.

ДКУ – Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

Зап. ОР ГБЛ – Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина.

Зимин. ХДДГ – *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6.

ИА – Исторический архив

ИЗ – Исторические записки

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности

Каталог – Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / сост. О.А. Князевская, Н.С. Коваль, О.Е. Кошелева. М., 1988. Ч. 1.

Леонид. Сведения. – *Леонид.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящиеся в библиотеке Московской Духовной академии). М., 1887.

ЛЗАК – Летопись занятий Археографической комиссии

Лихачев Н.П. Бумага. – *Лихачев Н.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.

Лихачев Н.П. Палеогр. знач. – *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.

ОАПП – Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. к печати В.И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1.

ОЦА – Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.

ПВЛ – Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1–2.

ПИ – Проблемы источниковедения. М.

ПРП – Памятники русского права. М., 1952–1956. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. 1952; Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / под ред С.В. Юшкова; сост. А.А. Зимин. 1953; Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина: сост. А.А. Зимин. 1956.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГМ – Россия и греческий мир в XVI веке / подгот. к публ. С.М. Каштанов, Л.В. Столярова, при участии Б.Л. Фонкича. М., 2004. Т. I.

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.

РЛА – Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напиерским. СПб., 1868.

РФА – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М., 1986. Вып. I.

Рязанские достопамятности. – Рязанские достопамятности / собр. архим. Иеронимом, с примеч. И. Добролюбова. Рязань, 1889.

Сб. РИО – Сборник императорского Русского исторического общества. СПб.

Сводный каталог – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М., 1984.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813–1894. Ч. 1–5.

Соборное уложение – Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987.

СПбИИ РАН – Санктпетербургской институт истории Российской академии наук

СПИЦП – Сборник памятников по истории церковного права / сост. В.Н. Бенешевич. Пг., 1915.

Судебники. – Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома).

УКВ – Устав святого великого князя Владимира о церковных судах и десятинах. Пг., 1915.

ХП-1 – *Каштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Часть первая] // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302–376.

ХП-2 – *Каштанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть вторая // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200.

ХП-3 – *Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть третья // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 197–253.

Capitularia – Capitularia regum Francorum / ed. A. Boretius, V. Krause. Hannoverae, 1881. T. 1. (Monumenta Germaniae Historica. Legum sectio II).

Димитријевић С.М. Документи. – *Димитријевић С.М.* Документи који се тичу односа између српске цркве и Русије у XVI. веку // Српска Краљевска Академија: Споменик. Београд, 1903. Књ. XXXIX, Други разред 35.

Dölger F. Regesten... – Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reichen von 565–1453 / bearb. von F. Dölger. München, 1925. Th. I.

Köpfer F. – *Köpfer F.* Die russischen Urkunden im Archiv des Klosters Hilandar // Хиландарски зборник (Recueil de Chilandar). Београд, 1986. Књ. 6.

LNA LVVA – Исторический архив Национального архива Латвии (Рига).

MGH. Diplomatum imperii. – Diplomatum imperii. Hannoverae, 1872. T. 1. (Monumenta Germaniae Historica / ed. G.H. Pertz).

MGH – Monumenta Germaniae Historica.

MM. I – Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / collecta et ediderunt F. Miklosich et G. Müller. Vindobonae, 1860. Vol. I: Acta Patriarchatus Constantinopolitani 1315–1402, t. 1.

MM. III – Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / collecta et ediderunt F. Miklosich et G. Müller. Vindobonae, 1865. Vol. III : Acta et diplomata graeca res Graecas Italasque illustrantia e tabularis Anconitano, Florentino, Meliten-

si, Taurinensi, Veneto, vindobonensi sumptus praebente Caesarea Scienciarum Academia.

MM. IV – Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / collecta et ediderunt F. Miklosich et G. Müller. Vindobonae, 1871. Vol. IV: Acta et diplomata monasteriorem et ecclesiarum orientis sumptus praebente Caesarea Scientiarum Academia Vondobonensi, vol. I.

Produzione e commercio della carta... – Produzione e commercio della carta del libro secc. XIII–XVIII: Atti della "Ventitreesima Settimana di Studi" 15–20 aprile 1991 / a cura di Simonetta Cavaciocchi. Prato; Firence, 1992. (Instituto internazionale di storia economica "F. Datini" Prato. Seria II: Atti della "Settimana di Studi" e altri Convegni; 23).

UM – Die Urkunden der Merowinger / nach Vorarbeiten von C. Brül; hrsg. von Th. Kölzer. Hannover, 2001. Teil I–II.

URV. I – Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien, 1856. Th. I: (814–1205).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН*

Настоящий указатель включает все упомянутые в тексте фамилии и имена. Исключение составляют собственные имена, входящие в наименование учреждений и включенные в словники к русско-ливонскому договору 1535 г. (Приложение III. С. 613–632). Фамилии и инициалы издателей, рецензентов, авторов Нового и Новейшего времени даны без пояснений и выделены курсивом. Имена древних и средневековых авторов набраны прямым шрифтом. Имена, встречающиеся в русской и иностранной транскрипциях, приводятся в обоих вариантах. При иностранном варианте дается отсылка к русской транскрипции, где указываются номера страниц. Как правило, имена и отчества лиц обозначаются инициалами. Однако персоналии, упоминаемые в источниках, по возможности, названы полностью. В указателе не приводятся наименования родов и династий.

В указателе приняты следующие сокращения: ап. – апостол; архиеп. – архиепископ; архим. – архимандрит; б-рь – библиотекарь; в. кн. – великий князь; в. кнг. – великая княгиня; д. – дочь; еп. – епископ; ж. – жена; иг. – игумен; иером. – иеромонах; имп. – император; имп-ца – императрица; кн. – князь; кнг. – княгиня; кр-н – крестьянин; митр. – митрополит; митр-ч – митрополич; мон. – монашество; м-рь – монастырь; муч. – мученик; нам. – наместник; патр. – патриарх; св. – святой (святая); св.-римск. – священно-римский; у. – уезд; ц. – царь; ц-ца – царица; ц-ч – царевич; чуд. – чудотворец.

Абеленцева О.А. 222
Абрамович Д.И. 202
Аванесов Р.И. 132, 199
Аввакум, протопоп 286
Август Октавиан, имп. римский 268
Авдотья, ж. И. Коробьи 298
Авдотья, кнг. яросл. 301
Авраамовић Д. см. Авраамович Д.
Авраамович Д. (*Авраамовић Д.*) 213, 228
Аграфена Васильевна, в. кнг. рязан. 299–301
Аделаида, королева Франции 291, 301

* Указатель составил Н.А. Комочев.

Азо (Azo), легист 353
Айрапетян И.Ю. 502
Акакий, архим. Ватопед. м-ря на Афоне 230, 231
Акинф, поп, послух духовной в. кн. Ивана II Ивановича 142
Аксинья, кнг. льяловск. 194
Аларих I, король вестгот. 326, 348, 349
Александр, имп. визант. (соправитель Льва VI) 22, 23, 27, 38, 52
Александр I, король Шотландии 390
Александр III, король Шотландии 390
Александр III, папа римский 352, 354
Александр IV Богданович *см.* Петр-Александр IV Богданович
Александр VI, папа римский 239
Александр Васильевич *см.* Рудин
Александр Васильевич *см.* Чартерыйский
Александр Владимирович *см.* Ростовский
Александр Глебович, кн. смолен. 110, 201
Александр Глебович, стольник рязан. 294, 296, 297
Александр Иванович, в. кн. нижегород. 173, 176, 179, 186, 188, 191–193
Александр Кориатович, кн. подольск. 204
Александр Михайлович, кн. рязан. 278
Александр Патрикеевич, кн. стародуб.-северск. 204
Александр Федорович, кн. яросл. 89, 301
Александр Ярославич Невский, в. кн. владимир., кн. новг. 202, 314
Александр-Витовт *см.* Витовт
Алексеев Ю.Г. 222
Алексей, митр. всея Руси, чуд., св. 112, 143, 149, 275, 308, 309
Алексей (Олексей), еп. владимир. (суздл.) 142, 163
Алексей (Олешка), кр-н митр-ч 78, 274
Алексей I Комнин, имп. визант. 31, 62, 71, 74
Алексей Михайлович, ц. всея Руси, затем всея Вел., Мал. и Бел. России 125–127, 264, 265, 321, 322, 339
Алеф Г. (*Alef G.*) 370
Аллогия *см.* Анна Романовна (Аллогия)
Альбрехт Прусский, герцог 495
Альтамира-и-Кревеа Р. 51
Альфонс II, король Арагона 392
Альфонс III, король Арагона 425
Альфонс IV Благодушный, король Арагона 424, 425
Альфонс VII, король Кастилии и Леона 425
Альфонс X Мудрый, король Кастилии и Леона 425
Альфонс де Пуатье, герцог 439, 474–478
Алякринский см. Иероним Алякринский
Амальрик II, король иерусалим. 404
Амброн К.-О. (*Ambronn K.-O.*) 432, 435, 437, 438, 444, 445
Амвросий (*Орнатский*) 87, 107
Амируцес Г., деятель оттоман. канцелярии, албанец 404
Амосов А.А. 122, 123
Амфилохий Сергиевский 44
Анастасий, еп., канцлер хорватской канцелярии 395
Анастасия Ивановна, сестра рязан. в. кн. Олега Ивановича, ж. мурзы Салхимира 98
Анастасия (Настасья) Михайловна, кнг., д. кн. Мих. Андрея Верейско-Белозерского, ж. кн. Иосифа Андреевича Дорогобужского 137

Анастасия Романовна, д. Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, 1-я ж. ц. Ивана IV Васильевича Грозного 236
Ангелина, ж. Стефана Бранковича, деспотица сербская, потом монахиня 234
Андреев А.И. 282, 283
Андрей, кн. "русский" (?) 48
Андрей Александрович, в. кн. владимир., кн. новг. 200, 205
Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологод. 136, 145, 153, 359
Андрей Дмитриевич, кн. можайско-белозер. 98, 99, 102, 146, 151
Андрей Иванович, кн. серпухов. 108, 149, 150, 365
Андрей Ольгердович, в. кн. полоцк. 204
Андрей Первозванный, ап. 46
Андрей Федорович, кн., боярин, послух духовной кн. Михаила Андреевича Верейско-Белозерского 145
Андрей (Андраш, Эндре) II, король Венгрии 409
Андрей (Андраш, Эндре) III, король Венгрии 409–411
Андрей-Всеволод Ярославич, в. кн. киев. 45, 46
Андреян Грек, купец турецк. 219
Андроник II Палеолог, имп. визант. 62
Андроник Дукс, претендент на престол визант. 73
Анкудинов Андрей (Onkudinow Andreas), староста псков. 488, 548, 563, 570, 571, 578, 579, 593, 622, 624, 629
Анна Васильевна, в. кнг. рязан. 298–300
Анна Иоанновна, имп-ца всерос. 126
Анна Комнина, принцесса визант. 62
Анна Романовна (Аллогия), в. кнг., ж. в. кн. Владимира I 326
Анофрий, в. кн. полоцк. 202
Ансельм П. (*Anselm P.*) 319, 475
Антоний, патр. константиноп. 308, 310, 313
Анум, бог вавилон. 319
Анфимов Яков (Anphimow Jacob), посол псков. 566, 574, 613, 623, 624, 627
Аппельт Г. (*Appelt H.*) 388
Араго А.М. (*Aragó A.M.*) 391, 392
Араго Кабаньяс А. (*Aragó Cabañas A.*) 423
Аркадий, иг. новг. Пантелеймонова м-ря 90, 91
Арл Иван Яковлевич, боярин рязан. 299
Арриньон Ж.-П. 196
Арсений, иг. боровск. Пафнутьева м-ря 146
Арсений, иг. рязан. Солотч. м-ря 298
Арсений, иером. 113
Арцы-Магнус, титульный король лифлянд., "голдовник" Ивана IV 255
Афанасий, архим. моск. Симонова м-ря 144
Афанасий, еп. волын. 163
Афанасий, иг. [новг. Антониева м-ря?] 312
Афанасий, митр. всея Руси 275
Афанасий (Офонасий), еп. коломен. 142, 163
Афанасий (Офонасий), еп. переслав. (залесск.) 142, 163
Ахт П. (*Acht P.*) 388, 407, 413
Ачкасов Тимофей, дьяк 134

Баженов Н. 284
Балакаева И.А. 502
Бантыш-Каменский Н.Н. 486–488, 490, 491, 500, 547, 581
Баранов К.В. 483, 484, 502, 581
Барбаро Иоасаф, венец. путешеств. 128

Баскаков Иван, старец Кирилло-Белозер. м-ря 302
Бателли Дж. (*Batelli G.*) 400, 403, 421, 430
Баторий Стефан *см.* Стефан Баторий
Баумгартен Н.А. (*Baumgarten N. de*) 110, 137, 296, 299
Бауэр Н.П. 93
Бахрушин С.В. 640
Бахтиаров А. 123
Баязет I (Баязид I), султан турецк. 313, 403
Баязет II, султан турецк. 247, 403
Беда Василий *см.* Василий Беда
Бедо-Резак Б. (*Bedos-Rezak B.*) 448
Бела III, король Венгрии 396, 409, 410
Бела IV, король Венгрии 409
Белецкий С.В. 133
Беликов В.Ю. 295–297
Белиньска М. (*Bielińska M.*) 197, 209, 210, 393, 394, 411
Беллерофонт, герой греч. мифологии 537
Беловский А. (*Bielowski A.*) 67
Белокуров С.А. 6, 487
Бельда С. 425
Бельдичану Н. 404
Бенешевич В.Н. 641
Бенко, староста галицк. (волын.) 204
Бережков Н.Г. 110
Бернат д'Аверсо, хранитель печати короля Арагона Хайме II 424
Берта, королева Франции 291
Биннер Р. (*Binner R.*) 245, 379
Благово Борис Петрович, рус. посол к константиноп. патр. 126
Бланка (Бланш) Кастильская, королева Франции 474
Бланка I, королева Наварры 426
Богдан И. 386
Богучаров М. 82
Бодуэн I Фландрский, имп. константиноп. 389
Бокгорст Иван (Buckhorsth Johann van), посол ливон. 491
Болховитинов Евгений 83, 202, 304
Бомануар Филипп де Реми, франц. юрист 439, 471, 477
Бонгард-Левин Г.М. 293
Бониш Д. (*Bónis G.*) 396, 397, 409
Борзаковский В.С. 367
Борзунов Семен, купец 225
Борис Александрович, в. кн. тверск. 203, 372, 373, 450
Борис Андреевич, посадник псков. 342, 345, 358
Борис Васильевич, кн. волоцк. 135, 138, 140, 145, 146, 153, 154, 338
Борис Константинович, в. кн. нижегород. и суздл. 191, 311
Борис-Давид Владимирович, кн. ростов., св. 278, 279, 281
Ботье Р.-А. (*Bautier R.-H.*) 386, 387, 389, 397, 400, 401, 403, 405, 413, 418, 420–422, 434, 439, 461, 462, 464–475, 477, 479, 480, 482
Бреслау Г. (*Bresslau H.*) 289, 290
Брокгауз Ф.А. 63
Брюгтеней II *см.* Газенкамп
Брюль К. (*Brühl C.*) 96, 290, 377, 386, 652
Брюхатый Яков Афанасьевич *см.* Яков Афанасьевич Брюхатый
Бузескул В.Н. 226
Бузовль Афанасий, землевлад. рязан. 295–297
Бузовль Василий, землевлад. рязан. 295–297
Бук Андрей, жилец моск. 263
Булгаков Иван сын Коренева, дьяк 7
Бунге Ф.Г. (*Bunge F.G.*) 109
Бусмар Э. (*Bousmar E.*) 441, 447
Буссар Ж. (*Bussard J.*) 388

Бутурлин Семен Никитич, дворецкий новг. 489
Бычкова М.Е. 370
Бэрроу Д. (*Barrow G.*) 389, 390

Валентиниан I, имп. римский 65, 79
Валентиниан III, имп. римский 323
Валк С.Н. 205, 210, 365
Вальдемар IV Аттердаг, король Дании 423
Вальтер II фон Плеттенберг *см.* Плеттенберг
Вальтер из Окры, канцлер корол. Сицилии 427
Вальтер из Палеарии, канцлер корол. Сицилии 427
Ван Сингель Г. (*Van Synghel G.*) 432, 433, 435–437, 441, 447, 448, 463
Варавин Иван, рус. посол на Афон 217, 229, 234
Варахисий, муч. перс., св. 164
Варлаам 202
Варлаам, еп. сузд. 284
Варлаам, митр. всея Руси 141, 218
Варлаам Хутынский, новгородец 365
Василий I, имп. визант. 69
Василий (Basilius) II Болгаробойца, имп. визант. 45, 52, 53, 57
Василий I Дмитриевич, в. кн. 97–99, 134, 141, 143, 145, 146, 148, 150, 151, 155–157, 159, 161, 162, 173, 179, 193, 195, 203, 207, 303–305, 307, 311–313, 315, 367, 368, 371, 378, 379
Василий II Васильевич Темный, в. кн. 11, 135, 144, 145, 151–153, 155–157, 159, 161–165, 173, 174, 178, 179, 182, 183, 188–193, 226, 233, 239, 267, 270, 271, 273, 298, 369, 370, 372, 373, 379, 413, 455
Василий III Иванович (Vasilij Ivanovič), в. кн. всея Руси 125, 126, 140, 141, 147, 154, 163, 165, 166, 214, 215–220, 226, 229, 230, 233–236, 238–240, 246, 247, 269, 271, 328, 331, 372, 379, 483, 496–498, 586, 631
Василий IV Иванович Шуйский, ц. всея Руси 232, 262, 264
Василий, архим. Иверского м-ря на Афоне 127
Василий, еп. рязан. и муром. 98, 170, 186, 278–281
Василий, протопоп моск. Благовещенского собора 147
Василий Александрович (Романович), кн. брянск. 110
Василий Амасийский, св. 163
Василий Беда, дьяк 135
Василий Васильевич, кн. кашинский 168
Василий Григорьевич, боярин рязан. 297
Василий Давыдович, кн. яросл. 98, 99, 102, 107, 170, 203, 279
Василий Данилович [Холмский], кн., боярин моск. 146
Василий Дмитриевич Кирдяпа, кн. сузд.-нижегород. 192
Василий Иванович, боярин моск. 144
Василий Иванович, в. кн. рязан. 297, 298
Василий Кесарийский, св. 150
Василий Кирдяпа *см.* Василий Дмитриевич Кирдяпа
Василий Михайлович, в. кн. тверск. 98, 99
Василий Созонович, казначей 294
Василиса [Васильевна], кнг., ж. сузд. кн. Александра Ивановича 191
Вассиан (Васьян) I Рыло, архиеп. ростов. и яросл. 145, 302
Васьян, еп. коломен. 282
Васьян, старец 147
Вацлав II, король Чехии 409
Вацлав III, король Чехии, Венгрии и Польши 409
Введенский А.А. 359, 360

Вейцман К. 54
Вельямин Васильевич, казначей рязан. 298
Вердеревский (Верхдеревский) Федор Васильевич, боярин, конюший рязан. 298, 299
Вердеревский Павел Васильевич, боярин 299
Веселовский С.Б. 6–8, 305, 364
Виллад Г. (*Villad G.*) 391
Вильгельм, маркграф бранденбургский 494–496
Вильгельм Голландский, король герм. 406, 407
Вильгельм I Завоеватель, король Англии 421
Вильгельм I, король Шотландии 389
Вильгельм Капелларий (Willelmus Capellarius), должностное лицо г. Эр в Артуа 464
Висковатый Иван Михайлович, дьяк 222–223
Витовт (Александр-Витовт), в. кн. литов. 151, 200, 202, 203, 205, 367, 368
Владимир I Святославич, в. кн. киев. 202, 205, 208, 303, 307, 309, 324, 325, 641
Владимир Андреевич Храбрый, кн. боровско-серпухов. 112, 134, 143–146, 148, 150, 207, 364, 366, 371
Владимир Андреевич, кн. старицкий 225, 237, 275
Владимир Василькович, кн. 203
Владимир Дмитриевич (Ярославич), кн. пронско-рязан. 280, 281
Владимир Всеволодович Мономах, в. кн. киев. 36, 45–47, 340
Владимир Ольгердович, кн. киев. 201
Владимиров П.В. 106
Владимирский-Буданов М.Ф. 82, 199
Владислав III Варненьчик, король Польши 412
Владислав Локеток (Короткий), король Польши 411
Владислав Ягайло, в. кн. литов., король Польши 128, 200, 204
Властарь Матвей 333
Внук, писец 134
Водов В.А. (*Vodoff W.*) 11, 44, 45, 48, 196, 364, 376, 385, 413
Воздвиженский Т. 278–281, 639
Война Габриэль, писарь 322
Волков А.Ф. 273
Волков Матюшка, купец 223
Волков Н.В. 106
Волос (Велес), бог языч. 22
Вольфрам Г. (*Wolfram H.*) 196, 197, 209, 210, 386, 387
Воронин Н.Н. 199
Воронцов Дмитрий Семенович (Worontzow D.S.), нам. псков. 499, 545, 563, 570, 571, 578, 580, 593
Воронцов Михаил Семенович (Васильевич) (Worontzow M.S.), нам. новг. 488, 489, 499, 533, 534, 545, 562, 563, 570, 571, 578, 580, 593
Ворыпаев Гаврила, сын боярский 300
Ворыпаев Иван, сын боярский 300
Всеволод-Гавриил Мстиславич, кн. новг. 4, 80–82, 84, 86, 88, 90–92, 94, 199–202, 204, 208, 340, 341, 359
Всеволод-Мстиславич Борисович, кн. новг. 340
Высоцкий С.А. 48

Гавриил 284
Гаврилов А. 283
Гадебуш Ф.К. (*Gadebusch F.K.*) 490, 491, 493, 494, 496
Газенкамп Брюггеней II Герман (Герман фон Бряхин, Герман ван Брюгин, Hermann van Bruggeney gnanth Hasenkampp),

магистр Ливонского ордена 488, 491–497, 499, 546, 554, 560, 562, 563, 571, 580, 581
Галла Плацидия, мать имп. римского Валентиниана III 323
Гальцов В.И. 484, 562, 581, 640
Гальченко М.Г. 105
Гамаюнов А.И. 502
Гано П. 421
Гансхоф Ф.-Л. (*Ganshof F.-L.*) 89, 93, 94, 97, 100
Ганус (Ганос), посол ливон. 497, 498
Ганшина К.А. 469
Гарди Яков де ла (Делагарди), военачальник шведский 262
Гардино Иоанн де (Gardino J. de), мэр г. Эр в Артуа 464
Гарсиа-Ларрагета С. (*García-Larragueta S.*) 391
Гаспарри Ф. (*Gasparri F.*) 388, 389
Гаттерер И.-Х. 485, 555
Гаханн Стефан де ла, комендант папской тюрьмы в Авиньоне 355, 356
Гвидо, еп. миланский 444
Гвидо Лузиньян, король Иерусалима, Кипра и Малой Армении 405
Гедеонов С.А. 16, 17
Гедимин, в. кн. литов. 111, 209, 210
Гейштор А. (*Gieysztor A.*) 393
Геннадий, архидьякон новг. Софийского собора 223
Геннадий, иг. Пантелеймонова м-ря на Афоне 236
Генрих I Птицелов, король герм. 70
Генрих I, король Англии 390, 422
Генрих I, король Франции 388
Генрих II Плантагенет, король Англии 422
Генрих VI, король герм. 406
Генрих VII Люксембургский, король герм. 406
Генрих VII, король герм. 406–408
Генрих VIII, король Англии 51
Генрих, вице-канцлер герм. 407
Генрих, протонотарий чешский 395
Георгий, муч. 221
Георгий Амартол, автор хроники 113
Георгий Калоктен (Γεωργίος Καλοκτενος), митр. Смирны 38
Георгий Пахимерес, историк и философ. визант. 62
Георгий (Григорий), еп. рязан. 278
Георгий (Григорий) Киприос, патр. константиноп. 62
Георгий (Юрий), св. 81–83, 98, 169–172, 174, 184, 185
Георгий (Georgius), дьякон и нотарий венец., юстинопольский 66
Гердень, кн. литов. 203
Герич Й. (*Gerics J.*) 396
Герман фон Лихтенберг, канцлер герм. 407
Герман, архиеп. казанск. 283
Герман, патр. иерусалим. 219, 223, 286
Германн (Hermannus), еп. курлянд. 494
Геронтий, архим. моск. Симонова м-ря 144
Геронтий, митр. всея Руси 137, 153
Гетц Л.К. 196
Гиббон Э. 335
Гиппиус А.А. 81
Главачек И. (*Hlaváček I.*) 394, 395, 444
Глазатый Назар Онисимов (Glasathoj N.O.), староста псков. 488, 563, 570, 571, 578, 579, 593, 597, 611, 612, 615, 618, 622, 626, 628, 629
Глеб Батуринич, землевлад. рязан. 296
Глеб-Роман Владимирович, кн. муром., св. 278, 279, 281

Глинская Елена Васильевна, в. кня., 2-я ж. в. кн. Василия III Ивановича 235, 236, 483, 489
Глушакова Ю.П. 240
Гнедич Н.И. 537
Годунов Борис Федорович, ц. всея Руси 228, 237, 260–262, 264
Годунов Федор Борисович, ц-ч, затем ц. всея Руси 261
Годунова Мария Григорьевна, ц-ца, ж. ц. Бориса Федоровича 261
Голиков М.В. 491
Голубинский Е.Е. 221, 305
Голубцов И.А. 173, 178, 179, 191, 193, 279–281, 302, 306–308
Гольдшмидт А. 54
Гомер, поэт древнегреч. 537
Гондемар, король вестгот. 51
Гонорий III, папа римский 396
Гончаров Афанасий, владелец бумажной мануфактуры 485, 559
Горбатый Борис Иванович (Gorbathoj B.I.), кн., нам. новг. 488, 489, 499, 530, 545, 562, 563, 570, 571, 578, 593, 611, 612
Горский А.А. 13, 109–111
Горский А.В. 215
Готофред Д. 332
Грабоис А. (*Graboïs A.*) 388, 389
Грациан, монах болонский 354
Греков Б.Д. 87, 199, 359
Григорий II, папа римский 61, 64
Григорий Богослов 113
Григорий Васильевич, стольник рязан. 296, 297
Григорий Иванович, кн., троюродный брат кн. пронск. Федора Ивановича 296
Григорий Яковлевич, чашник рязан. 294
Григорий, митр. янинский 218
Григорий, священноинок синайский 221
Григорий, эклесиарх Хиландар. м-ря на Афоне 231, 237
Григорович-Барский-Плака-Албов В. 212–214, 226, 227, 640
Гриффитс Р. (*Griffiths R.*) 432, 443
Гувакова Е.В. 117
Гуго (Hugon), король Италии 40
Гуго III Лузиньян, король Иерусалима, Кипра и Малой Армении 404
Гудзий Н.К. 286
Гурий, архиеп. казанск. 283–285, 287

Да Коста А.Ж. (*Da Costa A.J.*) 393, 423, 426
Да Крус Коельо М.Э. (*Da Cruz Coelho M.H.*) 446
Давид Игоревич Волынский, кн. 45
Дагоберт I (Dagobert I[er]), король франков 94
Даль В.И. 91, 344
Дамсхольт Н. (*Damsholt N.*) 422
Даниил Борисович, кн. сузд.-нижегород. 98, 173, 178, 179, 186, 188–190
Даниил, иг. Синайской Горы 240
Даниил, митр. всея Руси 141, 147, 154, 379
Данила Александрович, землевлад. рязан. 294
Данила Васильевич, кн. яросл. 174, 194
Данило Васильевич, кн., боярин моск. 146
Данило Иванович, боярин волоцк. 145
Дашкевич Н. 199
Дашкевич Я. 105
Дворецкий И.Х. 37, 38, 50, 56, 64, 65, 107, 286, 290
Дексипп (Dexippus), историк визант. 15
Делагарди *см.* Гарди де ля
Дельмер Б. (*Delmaire B.*) 436, 439, 463, 464
Демонти Ф. (*Demonty Ph.*) 431, 448

Денисий Юрьевич, боярин рязан. 297, 298
Денисов И. (*Denissov E.*) 217
Деспи Ж. (*Despy G.*) 388
Джаксон Т.Н. 326
Джон (Иоанн Безземельный), король Англии 319, 389
Димитријевић С.М. см. Димитриевич С.М.
Димитриевич С.М. (*Димитријевић С.М.*) 214, 220, 228, 232, 287
Димитриу А. 15–17, 27
Динер Г. (*Diener G.*) 355, 356
Диомид, иг. Пантелеймонова м-ря на Афоне 236
Дионисий, архиеп. сузд., затем митр. всея Руси 309, 310
Дионисий II, патр. константиноп. 220, 222, 223, 286, 287
Дионисий Грек, дьякон патриарха константиноп. 218
Дмитриев Л.А. 313
Дмитрий Алексеевич, ц-ч, сын ц. Алексея Михайловича 321, 339
Дмитрий Владимирович Ховрин, казначей 147
Дмитрий Данилович, кн. волын. 201
Дмитрий Иванович, ц-ч, сын ц. Ивана IV 237, 245, 262, 338, 379
Дмитрий Иванович Внук, в. кн., сын в. кн. Ивана Ивановича Молодого 234, 337, 338
Дмитрий Иванович Донской, в. кн. 97–99, 102, 111, 112, 134, 142–146, 148–150, 155–162, 187, 190, 206, 207, 303, 305, 313, 314, 364, 366
Дмитрий Иванович Жилка, кн. углич. 140, 141, 147, 154
Дмитрий Иванович сын Мирославич 240
Дмитрий Константинович, в. кн. нижегород. 203, 204
Дмитрий Корибут Ольгердович, кн. литов. (новг.-северск.) 199, 202
Дмитрий Романович, кн. брянск. 110, 111
Дмитрий Селунский (Солунский), св. 149
Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. рузск., затем в. кн. 135, 188–190, 192, 193, 267
Добролюбов И. 278–281, 641
Довмонт (Тимофей) [Миндовгович], кн. литов., затем псков. 133, 458, 459
Долматов Василий Васильевич Третьяк, дьяк 135
Доминик (Dominicus), пресвитер и канцлер венец. 66
Дорогобужский Иосиф Андреевич, кн. 137
Дубровин Небогатой Исаков сын, дьяк 140
Дункан I, король Шотландии 389
Дункан II, король Шотландии 390
Дурново Н.Н. 106
Душкова С. (*Dušková S.*) 394, 395
Дуэ д'Арк (*Douët d'Arcq L.*) 150, 415, 421
Дьёрфи Д. (*Györffy G.*) 396, 409, 445, 446
Дьякон Лев *см.* Лев Дьякон
Дьяконов И.М. 329
Дэвид I, король Шотландии 390
Дэльгер Ф. (*Dölger F.*) 20, 21, 24, 30, 31, 33, 43, 44, 47, 49, 53–55, 57, 59–63, 65, 69, 71–78, 209, 277, 291–293, 385, 641
Дюканж Ш. (*Du Cange C. De Fresne*) 61, 62, 64, 68, 71–76, 291, 292, 400
Дюфур Ж. (*Dufour J.*) 386, 387, 421

Евгений IV, папа римский 222
Евгений, архиеп. Синайской Горы 225, 254, 256
Евгений, митр. см. Болховитинов Евгений

Евнутий-Иоанн Гедиминович, кн. литов. 201, 203
Евсевий (Евсейка), новоторжец 111
Евсевий, духовник в. кн. Семена Гордого 142
Евфимий, иг. митр. Домовного м-ря Богородицы Нового на Пресне 78, 274
Евфимий, св. 176, 180, 182
Евфимий, старец Пантелеймонова м-ря на Афоне 240
Евфросин, архиеп. сузд. 310, 311
Егоров Е.Е. 200, 202
Едигер, хан сибирский 246
Екатерина II, имп-ца всерос. 273
Елена Ольгердовна (Евпраксия), кнг. 134, 144, 146, 148, 152
Елена Палеолог, старшая сестра Софьи Палеолог 235
Елена, имп-ца, мать имп. Константина I, св. 314
Елизавета (Олисавета)-Гертруда, кнг., ж. в. кн. Изяслава Ярославича, мать кн. Святополка Изяславича 48
Елизавета I, королева Англии 252, 255, 256
Епифан Давыдович, чашник рязан. 296
Ермак Тимофеевич, атаман казацкий 259
Ермолаев А.И. 82, 85
Ермолаев И.П. 284
Ерошкин Н.П. 334
Есиф, архим. новг. Юрьева м-ря 172
Ефрем, архим. углич. Воскресенского м-ря, духовник кн. Дмитрия Ивановича Жилки 147
Ефрон И.А. 63

Жанна, д. Раймонда VIII, графа тулузского 474
Жигмонт (Сигизмунд) Люксембургский, король Венгрии 410, 411
Жуковская Л.П. 124

Зализняк А.А. 365
Замыцкий Шарап, рус. посол в Ливонию 547
Затрапезный Алексей, владелец бумажной мануфактуры 485
Захарьин-Юрьев Никита Романович, дворецкий 7
Зенон, имп. визант. 331
Зиккель Т. 400
Зимин А.А. 6–8, 36, 42, 59, 68, 108, 155, 156, 166, 189, 191, 199, 216, 221, 230, 306, 308, 322, 331, 336, 359, 367, 370, 385, 484, 547, 560, 561, 640
Зих, посол перс. 16

Иаков, старец Пантелеймонова м-ря на Афоне 234
Иван, "збиручей" псков. 342, 345, 458
Иван, духовник и печатник верейско-белозер. кн. Михаила Андреевича 137–139, 146
Иван, иг., духовник в. кн. Ивана II Красного 142
Иван, поп, духовник и печатник волоцк. кн. Бориса Васильевича 135, 138, 145, 153
Иван (Иоанн), (мнимый?) писец рус.-визант. договора 911 г. 58, 59, 64–67, 71, 78, 79, 378
Иван I Данилович Калита, в. кн. 86, 97, 98, 100, 103, 110, 111, 133, 134, 141, 142, 148, 149, 159–162, 169, 173, 203, 209, 421
Иван II Иванович Красный, в. кн. 108, 110, 133, 134, 142, 148–150, 158, 159, 161, 162, 313, 365
Иван III Васильевич, в. кн. всея Руси 136, 140, 146, 147, 154–157, 159, 161, 162, 165–167, 173, 178, 194, 195, 215, 234, 239, 246, 247, 255, 257, 268, 269, 271, 323, 327, 328, 331, 338, 360, 369, 373, 413, 421, 456, 457, 483, 564, 565, 572, 574

Иван IV Васильевич (Ivan IV) Грозный, в. кн., затем ц. всея Руси 9, 50, 105, 122, 125, 141, 147, 154, 213–215, 219–233, 235–237, 240–243, 246, 248–251, 253–256, 258, 261, 263, 270–272, 275, 277, 281–288, 322, 328, 337, 338, 483, 484, 496, 497, 554, 563, 571, 581
Иван V Алексеевич, ц. всея Вел., Мал. и Бел. России 265
Иван Александрович, в. кн. смолен. 108–111, 128
Иван Александрович, кн. рязан. 170
Иван Анторович (так!), стольник рязан. 295
Иван Борисович, кн. рузск. 140, 146, 147, 154, 167
Иван Борисович, кн. суздальский 170, 175, 179, 183, 186, 191, 193
Иван Васильевич, в. кн. рязан. 298, 299
Иван Дмитриевич (Всеволож?) 99
Иван Иванович, боярин 144
Иван Иванович, в. кн. рязан. 299–301
Иван Иванович, ц-ч, сын Ивана IV 230–232, 236, 254, 261
Иван Иванович Горбатый Суздальский, кн. псков. 345
Иван Иванович Коротопол, кн. рязан. 110
Иван Иванович Молодой, в. кн. 117, 268, 369
Иван Измайлович, дворецкий 295, 296
Иван Константинович Льяловский, кн. 194, 195
Иван Лукинич, посадник новг. 449
Иван Мирославич (мурза Салахмир) 98
Иван [Петра сын], воевода валашский 200
Иван Родионович (Родивонович), послух 142
Иван Ростиславич Берладник, кн. 199
Иван Семенович, кн. (малолетний сын в. кн. Семена Гордого) 162
Иван Теншин *см.* Теншин Иван
Иван Федорович, в. кн. рязан. 295–297
Иван Федорович, послух 142
Иван Юрьевич, кн., боярин в. кн. Василия II 144
Иван Юрьевич, кн., боярин в. кн. Ивана III 145
Иван Яковлевич *см.* Арл Иван Яковлевич
Иванов А.С. 132
Иванова И.Р. 502
Игичей Алачев, кн. остяцкий 260
Игнатий, еп. ростов. 142
Игорь Рюрикович, в. кн. киев. 16, 24–28, 32, 45, 51, 52, 58
Иероним Алякринский, архим. 278–281, 641
Изабелла Католичка, королева Кастилии и Леона, затем Испании 425
Изабелла, герцогиня бургунд. 120
Измайлов Иван Иванович, боярин 298
Изяслав Мстиславич, в. кн. киев. 80, 81, 86, 87, 89–95, 102, 103, 169, 201, 211
Изяслав, кн. полоцк. 205
Иконников В.С. 285
Икономидис Н. (*Oikonomidis N.*) 401
Илизаров С.С. 486, 560
Илларион, иг. рязан. Солотчинского м-ря 295
Илларион, митр. киев. 324
Ильин Иосиф (Осип), дворцовый дьяк 8
Ильинский Г.А. (*Ilyinskiy G.A.*) 197
Имре, король Венгрии 409
Иннокентий III, папа римский 353–355
Иньгелд, посол в. кн. Олега в Византию 23

Иоаким, патр. александрийский 125, 126, 219, 221–223, 251
Иоаким IV Джума, патр. антиохийский 126, 223, 224, 251
Иоанн I Цимисхий (Joanne, Ιωάννης), имп. визант. 13, 29, 40–44, 48, 52–57
Иоанн II Добрый, король Франции 420
Иоанн II Комнин, имп. визант. 77, 293
Иоанн III Дука Ватадзис, имп. визант. 75, 76, 291
Иоанн XII, папа римский 70
Иоанн (Джон) Безземельный *см.* Джон
Иоанн, грамматик (визант. чиновник) 77, 293
Иоанн VI Кантакузин, имп. константиноп. 313
Иоанн Креститель (Johann Baptist), св. 341, 464
Иоанн Синайский Лествичник, св. 113, 114
Иоанн III Схоластик, патр. константиноп., св. 332, 333
Иоанн, патр. иерусалим. 149
Иоаннидис А.А. 68, 107
Иоасаф II, патр. константиноп. 223, 224, 241, 242, 249, 250, 253, 287, 322
Иоасаф, иг. м-ря Симонопетры на Афоне 231
Иоасаф, митр. всея Руси 277
Иоасаф, митр. еврипский 223, 224
Иов, патр. моск. и всея Руси 233
Иоганн (Johannes), еп. ревельский 494
Иоганн VII Бей (Johann VII. Bey), еп. дерптский 494, 580
Иоганн VIII Геллингсгаузен (Johann VIII. Gellingshausen), еп. дерптский 494
Иоганн из Лавры, писец герм. канцелярии 427
Иона, еп. рязан. 281
Иона, митр. всея Руси, св. 134, 152, 157, 275, 379
Иона, муч. перс., св. 164
Ионикий (Иоанникий), патр. сербский 318
Иосиф Волоцкий, иг. Иос.-Волок. м-ря, духовник рузск. кн. Ивана Бор., св. 140, 146, 166
Иосиф, старец Синайской Горы 223
Исаак (Исаакий) II Ангел, имп. визант. 74, 79
Исаак Сирин, св. 113
Исаак, старец Соловец. м-ря 276
Исайя, автор Сказания о Св. Горе 226
Исайя, иг. новг. Юрьева м-ря 83, 185
Исидор, митр. всея Руси, осужден за принятие унии 226
Истрин В.М. 14, 31, 36

Кавер Лебрехт (Kawer Lubbert), посол ливон. 490, 491
Казакова Н.А. 167, 238, 490, 581
Казаку М. (*Cazacu M.*) 402, 405
Казимир III Великий, король Польши 203, 204, 209, 411, 412
Казимир IV, в. кн. литов., король Польши 239, 267, 318, 320, 321, 323, 328, 336, 343, 453, 456–458
Казула Ф.Ч. (*Casula F.C.*) 393
Каковска-Малингудис Я. (*Малингуди Я., Kacovska-Malingoudis J., Malingoudi J.*) 14, 21, 22, 27, 34
Калайдович К.Ф. 215
Калачов Н.В. (*Калачев Н.В.*) 283, 639
Каликст III, папа римский 358
Каменцева Е.И. 537
Камин Вильям, канцлер шотл. короля Дэвида 390
Кандид, историк визант. 15
Канеллас Лопес А. (*Canellas Lopez A.*) 391, 423, 426, 461
Канут (Кнут Эриксон), король Швеции 390

Капелларий *см.* Вильгельм Капелларий
Каптерев Н.Ф. 215
Карамзин Н.М. 59, 67, 107, 202, 222, 304, 488, 489, 491, 581
Караяннопулос И. (*Καραγιαννόπουλος I.E., Karayannopulos J.*) 19–21, 24, 30, 32–34, 39, 43, 55, 59–61, 63, 65, 68, 69, 71, 72, 74–79, 209, 291–293, 332, 384
Карвальйо Омем А. (*Carvalho Homem A.*) 446
Кариле А. (*Carile A.*) 402, 403
Карл, посол в. кн. Олега в Византию 23
Карл I Великий, король, затем имп. франков 69, 290, 323, 350, 387
Карл I Анжуйский, король неаполитано-сицил. 350
Карл I (V) Габсбург, король Испании, имп. св.-римск. 51, 495
Карл II Анжуйский, король неаполитано-сицил. 410
Карл II Лысый, король, имп. западных франков 69, 290, 387
Карл III Простоватый, король западных франков 70
Карл III Токко, титульный деспот Артский и Сербский 234, 235, 240, 248
Карл IV Люксембургский, имп. св.-римск. 408
Карл V Мудрый, король Франции 414, 415, 420
Карл VII, король Франции 415, 474, 481
Карл Валуа, брат франц. короля Филиппа IV Красивого 401
Карл Мартелл, троюродный внук Андрея III, претендент на венг. престол, титульный король Венгрии 409, 410
Карл Роберт (Каробер) Анжуйский, король Венгрии 409–411
Карл Смелый, герцог бургунд. 121
Карломан, майордом 319
Каробер *см.* Карл Роберт
Карышковский П.О. 15
Касторский А.П. 215, 220
Касьян, еп. рязан. 281, 282
Касьян, иг. Кирилло-Белозер. м-ря 302
Кафор Жан (Иоанн) де (Johannus de Cafort), житель г. Эр в Артуа 463, 464
Каштанов П.С. 6, 502
Каштанов С.М. (*Kachtanov S.*) 2, 13, 14, 21, 34, 49, 52, 53, 79–81, 85, 95, 96, 98, 99, 102, 122, 124, 128, 133, 137, 155, 156, 158, 160, 163, 166, 167, 169, 188, 197, 201, 211, 221, 224, 226, 235, 237, 238, 256, 274, 277, 285, 286, 288, 293, 316, 322, 323, 359, 360, 365, 370, 376, 385, 413, 424, 438, 448, 460, 462, 463, 465, 466, 474, 485, 489, 491, 499, 502, 504, 555, 580–582, 641
Каштанова О.С. 6, 502
Кёльцер Т. (*Kölzer T.*) 104, 290, 377, 426, 427, 642
Кестутий Гедиминович, в. кн. литов. 206
Кильбургер Иоганн Филипп (Kilburger Johann Philip), шведский дипломат 125
Кинан Э. (*Keenan E.L.*) 105
Киприан, митр. всея Руси 97, 114, 155, 156, 303–314, 366, 368, 379
Кирилл, митр. всея Руси 225
Классен П. (*Classen P.*) 319, 324, 347, 384
Клементий (Климентий), старец Синайской Горы 217, 235
Клепиков С.А. 105, 484, 485, 556, 557, 559, 560
Клибанов А.И. 216
Климент, новгородец 365
Климент VI, папа римский 357

Климент VII, папа римский 240
Клюг Э. 368
Князевская О.А. 105, 106, 124, 640
Кобрин В.Б. 96, 370
Кобяков Григорий Дмитриевич, землевлад. рязан. 300, 301
Кобяков Иван Дмитриевич, боярин рязан. 300
Кобяков Михаил Дмитриевич, боярин рязан. 300, 301
Коваль Н.С. 640
Ковылин Яков, чашник рязан. 295
Ковырин Богдан Микитин (Kowirin B.M.), староста псков. 488, 562, 563, 570, 571, 578, 579
Козьма (Косма) Индикоплов, визант. купец, путеществ., писатель 30
Кокуров Григорий (Cocuroff G.), искаж. *см.* Кроткого Иван Кожух Григорьев
Коллура П. (*Collura P.*) 426, 428
Колом Ф.С. (*Colom F.S.*) 391, 392, 424
Колударов Василий Григорьев, дьяк 8
Колычева Е.И. 370
Комочев Н.А. 245, 259
Конрад IV Штауфен, король герм. 406, 407, 428
Константин I Великий, имп. римский, св. 72, 208, 314, 315
Константин VII Багрянородный (Порфирородный) (Constantinus Porphyrogenitus, Κωνσταντίνος), имп. визант. 15, 23 (?), 24 (?), 25 (?), 30, 37 (?), 44–47, 52 (?), 54, 55, 62
Константин VIII, имп. визант. 47, 52 (?), 53, 55, 57 (?)
Константин IX Мономах, имп. визант. 55, 60
Константин X, имп. визант. 55
Константин, имп. визант., соправитель Льва V 55
Константин, имп. визант., соправитель Льва VI и Александра (Константин VII?) 23, 52
Константин, имп. визант., соправитель Романа I Лакапина и Стефана (Константин VII?) 24, 25, 37
Константин, имп. визант., соправитель Иоанна I Цимисхия и Василия II Болгаробойцы (Константин VIII?) 52
Константин, имп. визант., соправитель Василия II Болгаробойцы (Константин VIII?) 57
Константин (Κωνσταντίνος), священносл. визант. 38
Константин, сын мятежного Андроника, претендент на визант. престол 73
Константин Васильевич, кн. суздн.-нижегород. 191
Константин Глебович (Шах), кн. яросл. 194
Константин Дмитриевич, кн. тошненский и устюженский 151, 152, 453
Константин Манассия, хронист визант. 62
Константин Федорович Льял, кн. стародуб. (Стародуба Ряполовского) 176, 180, 181
Констанция, королева Сицилии 428
Констанция, королева Франции 291
Контарини Амброджо, венец. путеществ., автор записок 128
Копыл Василий Спящий *см.* Спящий (Спячий) Василий Копыл
Корецкий В.И. 86–88, 90, 91, 93, 102, 169, 172, 201
Корнеева-Петрулан М.И. 14
Коробков Н. 360
Коробья Иван Кичибеевич, землевлад. рязан. 298
Королев Г.И. 333

Корф Фридрих (Онтонов Федор, Korff Frederich), посол ливон. 488, 490, 491, 497–499, 554, 562, 563, 570, 571, 579, 581
Косма Р. (*Costma R.*) 435
Костомаров Н.И. 130, 494
Кострома, дьяк 133
Котельникова Л.А. 325
Котошихин Григорий, подьячий, автор трактата 125
Кошелева О.Е. 640
Крёль М. (*Kroell M.*) 89, 94–96, 102, 103
Кристиан II, король Дании 240
Кристина (Христина), кнг. 47
Кропац И. (*Kropac I.*) 448
Кропац С. (*Kropac S.*) 448
Кросс С.Х. (*Cross S.H.*) 68
Кроткого Иван Кожух Григорьев сын (искаж. Кокуров), казенный дьяк 8
Кротов М.Г. 294–296
Круг Ф.И. (*Krug Ph.*) 59, 64
Ксения Ангелина (Ξένης Αγγελίνης), монахиня 38
Кубенский Михаил Иванович (Kubensky M.J.), кн., нам. псков. 499, 546, 563, 571, 578, 580, 593, 612
Кубиньи А. (*Kubinyi A.*) 396
Кузнецов А.М. 132
Кузьмин А.Г. 201, 278, 280
Куморовиц Б.Л. (*Kumorovitz B.L.*) 396, 409
Курелац М. (*Kurelac M.*) 395, 396
Курносов А.А. 316
Куров-Непейцын Дмитрий, сын боярск., посланец ц. Ивана IV в Сибирь 246
Курц Б.Г. 125
Кучкин В.А. 108, 189, 282
Кучум, хан сибирский 260
Кэмпфер Ф. (*Kämpfer F.*) 214, 215, 228, 256, 261, 264–266, 641

Лабутина И.К. 343
Лавровский Н.А. 14, 31, 32, 36, 37, 39, 42, 49, 50, 51, 59
Лазарь Бранкович, деспот сербский 235
Лайош (Людовик) I Великий, король Венгрии 410–412
Лакиер А.Б. 140, 150, 168, 196
Ламброс С. (*Lambros Sp.*) 403
Ланглуа В. (*Langlois V.*) 213
Ланглуа Ш. 401
Лаппо-Данилевский А.С. 168
Ласло IV, король Венгрии 396, 410
Ле Кен (*Le Quin*) 213
Лев I, имп. визант. 61
Лев III Исавр, имп. визант. 61, 69
Лев V, имп. визант. 55
Лев VI Мудрый, имп. визант. 22, 23, 37, 38, 52, 72, 73
Лев VI, король Иерусалима, Кипра и Мал. Армении 405
Лев Грамматик 62, 64
Лев Данилович, кн. галицк. (волын.) 201
Лев Дьякон, историк визант. 13, 35
Леже Л. (*Leger L.*) 67
Ленхоф Г.Д. 167
Леон (Леван), кн. грузинский, ц. кахетинский 224, 242, 253
Леонард III Токко, титульный деспот Артский и Сербский 235
Леонард Мюнхенский, писец герм. 408
Леонид 114, 214, 215, 227, 228, 640
Леонид, архиеп. новг. 282
Лепехин И. 202
Леруа М. (*Leroy M.*) 435–437, 442
Лжедмитрий I (Dimitr Iwanowic, Demetrius Ioannis), ц. всея Руси 261, 262, 266, 269
Лжедмитрий II (Dmitr Ywánowicz), ц. всея Руси 262, 266, 269
Либерзон И.З. 639
Литвин А.Л. 582
Лиутпранд, король лангобард. 349
Лихачев Д.С. 32, 36, 68

Лихачев Н.П. 6, 11, 106–108, 112–115, 121–125, 127–131, 359, 640
Лоде Иоганн (Лоден Иван, Lode Johan, Loden Gürgen), посол ливон. 488, 490, 491, 497, 498, 554, 562, 563, 570, 571, 579, 581
Лопатин В.В. 108, 132, 199
Лотарь (Lothario), сын Гугона, короля Италии 40
Лотарь II, король Лотарингии 51
Лугуй, кн. 259
Лузанов Н.А. 502
Лукиан Самосатский, греч. писатель-сатирик 56
Лукичев М.П. 213
Лупус Роберт (Lupus R.), житель г. Эр в Артуа 464
Лурье Я.С. 370
Луций III, папа римский 352
Любарт Гедиминович, кн. литов. 200, 206
Людовик I Благочестивый, имп. франков 69, 70, 100, 290, 301, 387
Людовик II, имп. (итал.) 51, 393
Людвиг III, имп. (итал.) 51
Людовик IV Баварский, имп. св.-римск. 407, 408
Людовик VI (Louis VI), король Франции 389
Людовик VII (Louis VII), король Франции 389, 415
Людовик VIII, король Франции 416, 474
Людовик IX Святой, король Франции 333, 416, 420, 472, 474
Людовик X Сварливый, король Франции 426
Людовик XI, король Франции 51, 479, 481
Людовик XIV, король Франции 121, 126, 127, 264, 265
Ля Русс Берта, жительница г. Эр в Артуа 463, 464

Мабильон Ж. 400
Магметка, человек Магмет-челибея 224
Магмет-челибей 224
Магнус I Добрый, конунг норвежский 326
Макарий 202, 282
Макарий, архиеп. Синайской Горы 223
Макарий, архим., еп. новг., затем митр. 219–221, 225, 340
Макаров Н.П. 126
Максим Грек, богослов, писатель 215, 217–221, 226, 230, 233
Максимилиан I (Maximilian I.) Габсбург, имп. св.-римск. 238, 239, 240, 246, 268, 269
Максимилиан II Габсбург, имп. св.-римск. 255
Максимилиан, эрцгерцог австрийск., сын имп. Максимилиана II 337
Максимович Л. 202
Малахия, старец Синайской Горы 223
Малингуди Я. см. Каковска-Малингудис Я.
Малиновский А.Ф. 215
Малх (Malchus), историк визант. 15
Мамырев Данила, дьяк 140
Манасия *см.* Константин Манассия
Мануил I Комнин, имп. визант. 74, 77, 293
Мануил Дука, вкладчик (даритель) 38
Манфред, король неаполитано-сицил. 428
Маньков А.Г. 123, 127, 130, 131
Манью-Нортье Е. (*Magnou-Nortier E.*) 94, 97
Марасинова Л.М. 343, 457
Маргарита, королева Дании 423
Мардук, бог вавилонск. 319
Марин (Marinus), дьякон и нотарий венец. 66
Маринович А. (*Marinović A.*) 395
Мариньи Ангеран де, камергер Филиппа IV Красивого 401

Мариотт-Лёбер Р. (*Mariotte-Löber R.*) 432
Мария, кнг., ж. сузд.-нижегород. кн. Данила Борисовича 188–192
Мария, кнг., мать в. кн. Владимира Мономаха 46, 47
Мария, королева Венгрии 410
Мария Темрюковна, ц-ца, 2-я ж. ц. Ивана IV 236
Мария Тюдор Кровавая, королева Англии 251
Мария Ярославна, в. кнг., ж. в. кн. Василия II Темного 159, 194, 195
Маркеш Ж. (*Marques J.*) 446
Маркс К. (*Marx K.*) 184, 372
Маркульф (Marculf), сост. формулярника 89
Маркьян (Маркьянко), кр-н митр-ч 78, 274
Мартин Дж. (*Martin G.*) 443, 445
Мартин, король неаполитано-сицил. 428, 429
Марэ Юг Б., гос. секретарь Франции 322
Матвей, строитель Пантелеймонова м-ря на Афоне 236
Матрона Селунская (Солунская), св. 164
Матэу Адриа, протонотарий арагонск. 424
Мацин, воевода львовский 204
Машкин Н.А. 335
Маяр Ф. 421
Медведев И.П. 19, 35, 59, 72
Мезеи Л. (*Mezey L.*) 397
Мейснер Г.О. 400
Мейчик Д.М. 57
Мелания, инокиня 286
Мелентий, старец лавры св. Афанасия на Афоне 230
Мельник А.Г. 502, 533
Менандр Протиктор (Menandrus), историк визант. 15–17, 19
Менгли-Гирей, хан крымск. 247
Мерсьовский М. (*Mersiowsky M.*) 437
Метман И. (*Metman I.*) 396
Мефодий, св. 333
Мещерин, писец духовной серпухов. кн. Владимира Андреевича Храброго 134
Микитин Иван, дьяк псков. кн. Ярослава Васильевича 458
Миклошич Фр. (*Miklosich Fr.*) 59
Микуцкий С. (*Mikucki S.*) 13, 17, 19, 54, 56, 58, 59, 67, 68, 70
Миларрес (*Millares*) 391
Милица, мать Карла III Токко 235
Миллер Г.Ф. 484–487, 530, 554, 555, 560, 581
Миллер П. 485, 486, 501, 530, 533, 536, 537, 555, 581, 596–612
Миок Д. 386
Мирославич *см.* Дмитрий Иванович сын Мирославич
Мирча, воевода угро-валашский 203
Мисаил (Мисайло), иг., духовник волоцк. кнг. Ульяны 140
Митрофан, архим. Андроникова м-ря 146
Митрофан, еп. сузд. 179, 186
Митрофан III, патр. константиноп. 225, 254
Михаил, архангел 533
Михаил, иг. Спасо-Прилуцкого м-ря 112
Михаил II, имп. визант. 55
Михаил (Митяй), митр. всея Руси 309, 312
Михаил [Александрович], в. кн. тверск. 171, 203, 207, 367, 368
Михаил Андреевич, кн. верейско-белозер. 136–140, 145, 146, 153
Михаил Андреевич, тысяцкий новг. 449
Михаил Борисович, в. кн. тверск. 369, 373
Михаил Федорович, ц. всея Руси 263, 264, 282, 331

Михаил Ярославич, в. кн. рязан. 204, 277, 278
Михаил [Ярославич], в. кн. тверск. 205
Мишенин Иван, посланник ц. Ивана IV 230, 231, 236, 237
Моисей, иг. м-ря Ксенофа на Афоне 232
Моисей, печатник смолен. кн. Федора Ростиславича 132
Морав П. (*Moraw P.*) 408
Мордовина С.П. 370
Морозов Б.Н. 278, 280
Мошин В.А. (*Mošin V.A.*) 32, 43, 108, 454
Мошкова Л.В. 105, 124
Мстислав Владимирович Великий, в. кн. киев. 45–47, 80–83, 85–87, 89, 90, 92–95, 101, 169, 173, 185, 199, 200, 208
Мстислав-Андрей Всеволодович Смоленский, кн. 46
Мстислав-Борис Романович, в. кн. волын. 201
Мстислав Федор Давыдович, кн. смолен. 203
Мундо (*Mundó*) 391
Муравьев А.Н. 125, 213, 215, 220
Муромцев С.А. 332
Мустофа-чилибей, купец турецк. 219
Мутимир, кн. Хорватии 395
Мухаммед I, султан турецк. 403

Назарий Юрьевич, боярин рязан. 297
Назаров В.Д. 368, 370, 641
Напиерский К.Э. см. Напьерский К.Е.
Наполеон (Napoléon) I, имп. франц. 322, 323, 334, 337
Наполеон III, имп. франц. 420
Напьерский К.Е. (*Напиерский К.Э., Napiersky C.E.*) 492–496, 595
Насонов А.Н. 111, 345, 640
Настюрель П. (*Nasturel P.*) 402, 405, 413
Нейман К. (*Neumann C.*) 15
Неклюд (Неклюдец), постельный дьяк верейско-белозер. кн. Михаила Андреевича 136, 137
Некрас Иванович, боярин архиеп. ростов. Вассиана Рыло 302
Непейцын Дмитрий Куров *см.* Куров-Непейцын
Нестор (Nestor), летописец 31, 32, 59, 68
Нестор (Нестерко, Нестер), писец духовных в. кн. Ивана II Красного и Дмитрия Донского 133, 134
Никандр, архиеп. ростов. 282, 283
Никанор, ап., св. 166
Никита (Микита), духовник вологод. кн. Андрея Васильевича Меньшого 145
Никифор I, митр. киев. 36
Никифор I, патр. константиноп., св. 75, 162
Никифор III Вотаниат, имп. визант. 31, 55, 62
Николай V, антипапа 408
Никольский Н. 202
Никон, иг. "радонежский" (Тр.-Серг. м-ря) 143
Нил, еп. тверск. 127
Нил, патр. константиноп. 313
Нильсен Х. (*Nielsen H.*) 390, 391, 422, 423
Нирмейер Я. (*Niermeyer J.F.*) 72, 84
Нифонт, еп. новг. 90
Нифонт, старец Ватопедского м-ря на Афоне 230
Новаковић С. 318
Новосельский А.А. 191, 370
Ногарэ, фаворит короля Филиппа IV Красивого 401, 416
Ноздроватый (Звенигородский) Андрей Петрович, кн. 360
Ноннос, историк визант. 15
Носов Е.Н. 81, 84, 88
Носов Н.Е. 96

О'Рейли Б.Ф. 425
Обнорский С.П. 14, 49

Оболенский М.А. 202, 215, 217, 218, 226 , 229, 322
Одена Х.Т. (*Odena J.T.*) 391, 392, 423
Одоакр, король Италии, предводитель скиров 208
Олав I Трюггвесон, конунг норвежский 326
Оладья, дьяк волоцк. кн. Бориса Васильевича, писец его духовной 135
Олег, в. кн. киев. 16, 17, 22–24, 27, 28, 32, 49, 52
Олег (Иаков) Иванович, в. кн. рязан. 88, 89, 97–102, 104, 170, 171, 203, 207, 278–281, 294, 295, 297
Олег Ингваревич, кн. рязан. 204
Олег Святославич, кн. тьмутараканский 45
Олег Святославич, кн. черниговский 216
Оленин А.Н. 82, 85
Олешко *см.* Алексей (Олешка)
Олимпиодор, историк визант. 15
Олисава *см.* Елизавета (Олисавета)-Гертруда
Олуф II, король датский 423
Ольга, в. кнг., ж. в. кн. Игоря Рюриковича 45
Ольгерд-Александр Гедиминович, в. кн. литов. 200, 201, 203, 209
Онже Юрьев, брат остяцкого кн. Игичея Алачева 260
Онкудинов *см.* Анкудинов
Оттон I (Otto), король герм., затем имп. св.-римск. 70
Оттон II Рыжий, король герм., затем имп. св.-римск. 40, 70
Оттон Баварский, король Венгрии 409

Павел Карандеевич, боярин рязан. 294
Павел, легист венг. 396
Павлович А.И. 286
Павлов-Сильванский Н.П. 374
Паисий, иг. Пантелеймонова м-ря на Афоне 218
Паисий, прот Св. Горы на Афоне 226, 233
Палецкий Дмитрий Федорович, кн., воевода 284, 285
Папеброк Д. ван 400
Пардо Родригес М.Л. (*Pardo Rodriguez M.L.*) 435, 439
Парис Л. (*Paris L.*) 68
Парис М. (*Parisse M.*) 432, 434, 436, 445, 447, 462
Пармен, ап., св. 166
Пасий (Пасей), иг. Тр.-Серг. м-ря 145
Паскуаль Л. 425
Пассов Ф. (*Passow F.*) 50
Пастор Е. (*Pasztor E.*) 426, 428
Патин Тебек (Patiner Sheners), посол ливон. 491
Патрикей (Патрекей), поп, послух духовной в. кн. Ивана II Ивановича 142
Патриций П. (Patricius P.), историк визант. 15
Пахомий, архидьякон Пантелеймонова м-ря на Афоне 234
Пахомий I, патр. константиноп. 127
Пахомий, прот Св. Горы Афон 226, 231, 236
Пахомий, священноинок Пантелеймонова м-ря на Афоне 218
Пашуто В.Т. 14, 36, 79, 133, 210, 370
Педро II Католик, король Арагона 392
Педро IV, король Арагона 392, 424, 425
Пелицес Андреас де (Pelices A. de), скабин г. Эр в Артуа 464
Пересветов Иван Семенович, публицист 221
Перун, бог язык. 22, 26
Перц Г. (*Pertz G.H.*) 376, 641
Петер, архиканцлер, архиеп. 407

Петр, архим. [Новоспасского (Спасо-Преобр.) м-ря], свидетель духовной в. кн. Семена Гордого 142
Петр, "збиручей" псков. 342, 345, 458
Петр из Винеи, канцлер сицил. 427
Петр, митр. всея Руси, св. 275, 310
Петр, протонотарий чешск. 395
Петр, дипломат визант. 16
Петр I Алексеевич, ц. всея Вел. и Мал. и Бел. России, затем имп. всерос. 6, 265, 272, 459
Петр Дмитриевич, кн. дмитр. и углич. 151
Петр Никитич (Микитич), кн., боярин волоцк. 145
Петр (Petrus), герцог, дож венец. 66
Петр-Александр Богданович IV Лапушняну, господарь молд. 223, 232, 250
Петров П.Н. 189
Петрушевич А. 199
Петрушевский Д.М. 319, 320
Пещак М.М. 640
Пий V, папа римский 358
Пимен, архиеп. новг. 282
Пимен, архим. яросл. Спасского м-ря 98, 279
Пимен, митр. всея Руси 112, 305, 308, 309
Пипин III Короткий, король франков 208
Питирим, еп. пермский 267
Плацидия Галла *см.* Галла Плацидия
Плеттенберг Вальтер II фон, магистр Ливонского ордена 488, 492–496, 560
Плигузов А.И. 125, 308
Плутарх 56
Повалиша Семен, землевлад. рязан. 295, 296
Погодин М.П. 59
Поздяков Василий, купец моск., посланник ц. Ивана IV 223
Покровский И. 283
Покровский Н.Н. 167
Пономарева И.Г. 11
Попа-Лисяну Г. (*Popa-Lisseanu G.*) 59, 67, 68
Попов А. 114
Поппэ А. (*Poppe A.*) 48, 196, 200
Порфирий (*Успенский*) 212–215, 227–229
Похлебкин В.В. 491, 581
Пратези А. (*Pratesi A.*) 393
Превенье В. (*Prevenier W.*) 389, 459, 463
Пресняков А.Е. 367, 368
Приселков М.Д. 196
Прокопий, "брат" Якова Голутвинича, житель Пскова 342, 344
Прокофий Давыдович, казначей рязан. 296
Прокофий Федорович (Давыдович), боярин рязан. 295
Проктер Э. 425
Протасьева Т.Н. 114
Прохор, ап., св. 166
Прохор, архим. Ватопедского м-ря на Афоне 231
Прохор, архим. Хиландарского м-ря на Афоне 223, 233
Прохоров Г.М. 312
Пунку Д. (*Puncuh D.*) 434
Путятин Григорий Никитич Меньшик, дьяк 141
Пчелов Е.В. 245

Рабек-Шмидт К. (*Rahbek Schmidt K.*) 196, 201
Радул VII, воевода мунтянский (валашский) 220
Раймонд VIII, граф тулузский 474
Раковецкий И.Б. (*Rakowieckij J.B.*) 59, 67
Рамон IV Беренгер, граф барселонский 392
Рамон де Манреса, вице-канцлер арагон. 424

Распутин Григорий Ефимович 401
Ратибор-Климонт, боярин киев. 211
Рауль, король франков 387
Редер Д.Г. 319
Резцов Н.Я. 124
Рейнхольд Буксхёвден (Reinholdus Buxhöwden), еп. эзельский 494–496
Реккесвинд, король вестгот. 325, 326, 349
Реннер Иоганн (Renner J.), хронист ливон. 493
Ренье, министр юстиции Франции 323
Рихард, камерарий сицил. 427
Ричард I Львиное Сердце, король английский 422
Ришар Ж. (*Richard J.*) 402, 404
Роберт (Rotepertus), дьякон и нотарий юстиноп. 66
Роберт I, король франков 387
Роберт II Благочестивый, король Франции 291, 301
Робинсон А.Н. 238
Ровере А. (*Rovere A.*) 446
Рогач Ю. (*Roháč J.*) 447
Рогожин Н.М. 213
Рождественская Т.В. 80
Рожер II, король Сицилии 350
Роман, воевода молд. 200, 204
Роман Глебович, кн. 110
Роман I Лакитин, имп. визант. 24, 25, 37, 44, 52, 54
Роман II (Romano), имп. визант. 40
Роман IV, имп. визант. 44
Романов Б.А. 36, 68
Ромодановский Василий Васильевич, кн., боярин верейско-белозер. 136, 146
Россини Э. (*Rossini E.*) 393
Ростислав Мстиславич, кн. смолен. 200, 201, 208, 209, 216
Ростовский Александр Владимирович, кн. псков. 345, 458
Ротари, король лангобард. 325, 331, 349
Рудин Александр Васильевич, землевлад. яросл. 89, 301
Рудольф I Габсбург, имп. св.-римск. 406
Рудольф II Габсбург, имп. св.-римск. 255, 258
Рудской Глеб, стольник рязан. 295
Румянцев Н.П., граф, канцер Рос. имп. 83, 220
Румянцева В.С. 286
Руссо Ж.-Ж. 324
Рыбаков Б.А. 48, 196
Рыбушкин М. 284, 285
Рыженков М.Р. 502
Рэссоу П. 425

Сабуров Богдан Юрьевич, боярин, воевода смолен. 232
Савва В.И. 6, 226
Савва, иг. [моск.] Спасского Андроньева м-ря, св. 143
Савва, иг. Павлова м-ря на Афоне 231
Савва, иг. Пантелеймонова м-ря на Афоне 226, 233
Савва Иерусалимский, св. 113
Савва, проигумен Пантелеймонова м-ря на Афоне 218
Савва, старец Ватопедского м-ря на Афоне, книжный переводчик 215, 218, 230
Савва, чернец Спасо-Преобр. м-ря (позднее церкви) у Медвежьего оз. 99
Садиков П.А. 6, 8
Саес Э. (*Sáez E.*) 391, 423, 425
Салис Леонард (Salis Reinhold), посол ливон. 490, 491
Самоквасов Д.Я. 102
Самсонов Марк, посол ц. Ивана IV на Афон 236, 237
Санс Фуэнтес М.Х. (*Sanz Fuentes M.J.*) 434, 440
Санчо IV, король Кастилии и Леона 425

Сапега Лев, подканцлер литов. 322
Сахаров А.Н. 14, 21, 22, 32, 56
Свенельд (Свенальд), воевода киев. 29, 33, 37, 41, 42
Свердлов М.Б. 34
Святополк Ярополкович Окаянный, кн. 336
Святослав Иванович, к. кн. смолен. 201, 203
Святослав I Игоревич, в. кн. киев. 13, 14, 28, 29, 33, 35–37, 39–43, 45, 46, 49, 50, 52, 57, 66, 67, 71, 199, 210
Святослав-Николай Ольгович, кн. новг. 200, 201, 209
Севастьян (Савастьян), иг., свидетель духовной в. кн. Семена Гордого 143
Селим I, султан турецк. 217
Селим II, султан турецк. 225, 243, 253, 287
Селицкий Ф. (*Sielicki Fr.*) 68
Семейка, новгородец 276
Семен Александрович, кн. суздальский 191
Семен Владимирович, кн. боровск. 151
Семен Глебович, казначей рязан. в. кнг. Анны 299
Семен Глебович, чашник рязан. в. кн. Ивана Федоровича 295, 296
Семен (Созонт) Иванович Гордый, в. кн. 108, 111, 133, 142, 143, 148–150, 157–163, 203, 313, 365
Семен Кузьмич, боярин ростов. архиеп. Вассиана Рыло 302
Семен Лугвень Ольгердович, кн. литов. 202
Семен Романович, боярин рязан. 294
Семен Семенович, кн., сын в. кн. Семена Гордого 162
Семен Юрьевич, боярин, чашник рязан. 296
Семенов А.И. 201
Семенченко Г.В. 125, 267, 308
Семион, еп. смолен. 224
Сен-Дени А. (*Saint-Denis A.*) 433, 434, 436, 439
Сент-Петери (*Сентпетери*) *И.* 409
Серапион, еп. новг., св. 166
Серафим Э. (*Serafim E.*) 492
Сербина К.Н. 202
Сергиевский см. Амфилохий Сергиевский
Сергий Радонежский, иг. Тр.-Серг. м-ря, св. 143
Сергий (*Спасский*)162–164
Серми (*Sermi*) 393
Сигизмунд I Старый, король польск. и в. кн. литов. 220, 337, 496
Сигизмунд II Август, король польск. и в. кн. литов. 223, 249, 250, 337
Сигизмунд III Ваза, король польск. и литов. 322, 337
Сидоров Юрий (Софроний), казенный дьяк 8
Сильвестр, патр. александрийский 126, 225, 254
Сильвестр, священник Хиландарского м-ря на Афоне 223
Сильвестр, старец Синайской Горы 223
Симеон Перс, св. 149, 158
Симеон (Семион), прот 226, 229, 234, 237, 240, 248
Симон, митр. всея Руси 78, 154, 274
Симпсон Г. (*Simpson G.*) 389, 390
Синицына Н.В. 35, 216–220, 226, 233
Скандербег Георг, кн. Кастриоти 404
Скилица Иоанн (Scilitza I.), хронист визант. 13, 35, 72, 73
Скиргайло-Казимир Ольгердович, кн. литов. 457

Скопа Томас де (Scopa T. de), скабин г. Эр в Артуа 464
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, кн., боярин и воевода 262, 263
Скржинская Е.Ч. 128
Скупеньский К. (*Skupieński K.*) 435, 446
Славева Л. 43, 454
Сметанина С.И. 294–297
Смирнов Ф. 226
Смит Р.Э.Ф. (*Smith R.E.F.*) 304, 308, 309
Снегаров И. 313
Снегирев И.М. 112
Соболева Н.А. 14, 196
Соболевский А.И. 106
Содби С. (*Sotheby S.*) 120
Созонт, муч., св. 158
Соловьев А.В. (*Соловјев А., Soloviev A.V.*) 32, 45, 196
Соловьев С.М. 489, 581
Соломонида (Соломония, в мон. София) Юрьевна Сабурова, в. кнг., 1-я ж. в. кн. Василия III Ивановича 234
Солон 335
Сонье-Сеитэ А. (*Saunier-Seité A.*) 400
Сорлен И. (*Sorlin I.*) 13, 19, 21, 22, 58, 59
Софоклес (*Sophocles E.A.*) 60, 66, 68, 72–74
Софроний I, патр. иерусалим., св. 162
Софроний V, патр. иерусалим. 256
Софья Витовтовна, в. кнг. 134, 144, 151, 152, 155–157, 159–162, 188, 191–193, 379
Софья Фоминична Палеолог, в. кнг., ж. в. кн. Ивана III Васильевича 235
Софья Дмитриевна, кнг. рязан. 296
Сперанский М.М. 333
Сперанский М.Н. 341
Спиридоний, иг. Тр.-Серг. м-ря, духовник дмитр. кн. Юрия Васильевича Меньшого 145
Спящий (Спячий) Василий Копыл, посол Василия III на Афон 217, 229, 234
Срезневский И.И. 29, 30, 32, 37, 50, 52, 56, 64, 69, 82, 85, 87, 107, 127, 208, 286, 344, 367
Старостина И.П. 318, 320, 321
Степан, еп. рязан. 277, 278
Стерлигов Ермола Федорович, землевлад. рязан. 299
Стефан, имп. визант. 24, 25, 37, 52
Стефан (I) Молдавский, воевода 200
Стефан I (III) Урош, король Сербии 244, 245
Стефан VI Душан, ц. (король) Сербии 43, 63, 317, 318, 320, 321, 323, 329, 333, 337, 454
Стефан Баторий, король польск. и в. кн. литов. 328
Стефан Пермский *см.* Стефан Храп
Стефан Храп, 1-й еп. пермск., св. 267
Стефан Г. (*Stephanus H.*) 50, 56
Стипишич Я. (*Stipišić J.*) 395
Стојановић Љ. 232
Столярова Л.В. 2, 106, 107, 502, 641
Строев П.М. 131, 215, 360
Стромилов Алексей, писец духовной в. кн. Василия I Дмитриевича 134
Струве В.В. 319
Стурлусон Снорри, автор саги "Круг земной" 325
Сулейман I (II) Кануни, султан турецк. 219, 223, 250, 253, 286, 287
Сулиткова Л. (*Sulitková L.*) 437, 445, 447, 448
Сулковская-Кураш И. 412

Сулла Луций Корнелий, диктатор римский 347, 349
Сумникова Т.А. 108, 132, 199
Сунбул Федор Иванович, боярин 299, 301
Сюзи Этьен де, доверенное лицо короля Филиппа IV Красивого 401
Сюзюмов М.Я. 332

Табалони (Tabaloni) 400
Тадеус из Свессы, канцлер герм. 427
Тандецкий Я. (*Tandecki J.*) 435, 437, 447
Танкред, король Сицилии 428
Таптыков Григорий Давыдович, окольничий, землевлад. рязан. 295, 296
Таптыков Федор Григорьевич, землевлад. рязан. 297
Татищев В.Н. 67, 284–286, 497
Тафель Г.Л.Ф. 17
Твердило, посадник псков. 457
Тейс Л. 327
Темир-Кутлуй (Тамерлан, Тимур), эмир 368
Темрюк Айдарович, кн. черкасский 224
Теншин Иван, посадник псков. 345
Теобальд (Тибо) I Шампанский, король Наварры 426
Теодорих II, король вестгот. 347
Теодорих Великий, король остгот. 347
Теологос, б-рь Иверского м-ря на Афоне 127
Терентий, дьяк в. кн. Василия II Васильевича 188
Тесье Ж. (*Tessier G.*) 6, 69, 70, 89, 139, 289–291, 319, 376, 378
Тешата, псков. 133, 455, 458, 459
Тимон, ап., св. 166
Тимофей, окольничий, послух духовной в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 142, 143
Тимофей, св. 133, 458
Тимошка, кр-н митр-ч 78, 274
Тихомиров М.Н. 158, 216, 236
Тихомиров Н.Б. 113
Тихон, архиеп. казанск. 283
Товлубий, "посол" хана Узбека 110, 111
Ток Б.-М. (*Tock B.-M.*) 438, 445, 465
Токмаков Звенигородский Юрий Иванович, кн. 360
Толочко А.П. 196
Толстой И.И. 107
Толстой Ф.А. 215
Томас Г.М. 17
Торникес Д. (Τορνίκης), визант. чиновник 75–77, 291, 292
Тохтамыш, хан ордынский 128, 311, 367
Тралич С. (*Traljić S.*) 108
Трани Готфрид фон (Trani), канонист 353
Траутман Р. (*Trautmann R.*) 59, 67
Трифон, архим. моск. Новоспасского (Спасо-Преобр.) м-ря 144
Троекуров Федор Михайлович Ахметов, кн., посол 236
Трояновская М. 447
Трпимир, кн. Хорватии 395
Трусевич Я.И. 359
Турилов А.А. 117
Тутова Т.А. 215
Тютин Хозяин Юрьевич, моск. казначей 8

Узбек, хан Золотой Орды 110, 148, 160
Ульяна, кнг. волоцк. 140, 146, 153, 154
Ульяния, в. кнг. литов., 2-я ж. в. кн. Ольгерда Гедиминовича 201
Ундольский В.М. 221
Урака донья, королева Кастилии и Арагона 425
Урбан III, папа римский 352
Усманов М.А. 128, 148, 149, 160, 211
Успенский Б.Д. 81

Успенский Порфирий см. Порфирий Успенский
Устюгов Н.В. 537
Ухтомский Василий Иванович, дьяк вологод. кн. Андрея Васильевича Меньшого 136
Участкина З.В. 125, 128–131

Фабрициус Дионисий, хронист ливон. 492, 493
Фавье Ж. (*Favier J.*) 400
Фасмер М. 286
Федериго (Фридрих) III, король Сицилии 428
Федор, иг. Солотчинского м-ря 102, 294
Федор, протопоп Вознесенского собора г. Балахны 277
Федор (Федорко), писец смолен. 132
Федор I Иванович, ц. всея Руси 213, 214, 227–229, 231, 232, 236, 243, 244, 254, 256, 257, 259–263, 266, 338, 361
Федор II Алексеевич, ц. всея Вел. и Мал. и Бел. России 126, 127, 265, 286
Федор Андреевич (Ондреевич), послух 142
Федор Борисович, кн. волоцк. 140, 147, 154
Федор Васильевич, боярин, свидетель духовной в. кн. Василия II Васильевича 144
Федор Васильевич *см.* Вердеревский (Верхдеревский) Федор Васильевич
Федор Григорьевич [Вердеревский], боярин рязан. 298
Федор Иванович, кн. пронск. 296
Федор Иванович Юхотский, кн. 194, 195
Федор Любартович, кн. [новг.]-северск. 202
Федор Михайлович, боярин, свидетель духовной в. кн. Василия II Васильевича 144
Федор Ольгович, в. кн. рязан. 294, 303, 312
Федор Романович, кн. пронск. 174, 194
Федор Ростиславич, кн. смолен. 132
Федор Федорович, кн. стародуб. 181
Федор Юрьевич, чашник, боярин рязан. 295–297
Федот [Вигонт?] Ольгердович, кн. литов., брат кн. Семена Лугвеня 201, 203
Феклист, архиеп. новг. 450
Феогност, еп. рязан. 280, 281
Феогност, митр. всея Руси, св. 162, 163
Феодорит, бывш. архим. суздальского Спасо-Евфимиева м-ря 223
Феодосий II, имп. визант. 332, 347, 348
Феодосий Печерский 36
Феодосий, архим., духовник в. кнг. Софьи Витовтовны 144
Феодосий Бывальцев, митр. всея Руси 152, 153, 163, 379
Феодосия Дмитриевна, в. кнг., ж. моск. в. кн. Ивана II Ивановича Красного 110
Феолипт I, патр. константиноп. 219
Феолипт II, патр. константиноп. 126
Феофан (Фефан), архим., свидетель духовной кнг. Елены Ольгердовны 144
Феофан Византиец, историк визант. 15
Феофан, митр. белградский 234
Феофан, старец, эклесиарх лавры св. Афанасия на Афоне 224
Феофано Музалон, кнг., ж. тьмутараканского кн. Олега Святославича 45
Феофил, архиеп. новг. 449, 456
Феофил, имп. визант. 55

Феофил, синкель визант. 29, 41, 42, 67, 71
Фердинанд I Габсбург, король герм. 495
Фехнер М.В. 128
Фидлер Каспар, доктор 260, 261
Фиески Синибальдо, кардинал, затем папа Иннокентий IV 354
Филат, дьяк яросл. 301
Филимон, архим., свидетель духовной в. кн. Семена Гордого 142
Филипп II, король Испании 251
Филипп II Колычев, иг. Соловецк. м-ря, митр. всея Руси 275–277
Филипп II Август (Philippe Auguste), король Франции 389, 416, 421, 472
Филипп III Смелый, король Франции 439, 474, 477
Филипп IV Красивый (Philippe le Bel), король Франции 400, 401, 414–416, 473, 479
Филипп V Длинный, король Франции 473
Филипп VI Валуа, король Франции 415, 417
Филипп Добрый (Philippe le Bon), герцог бургунд. 120
Филипп Пустынник, церковн. писатель 114
Филипп Швабский Штауфен, король герм. 407
Филиппов Ю.Д. 273
Филиппова Феодосья, вдова, адресат послания митр. Киприана 309
Филофей, патр. константиноп. 308, 313
Фиссоре Дж.Дж. (*Fissore G.G.*) 432, 434, 444, 446
Флоря Б.Н. 189, 641
Фогтхер Т. (*Vogtherr Th.*) 433, 436, 438, 443, 445, 446
Фома, боярин, посланник тверской на ферраро-флорентийском соборе 222
Фонкич Б.Л. 216, 221, 322, 641
Фотий, патр. константиноп., св. 333
Фотий (Фотей), митр. всея Руси 78, 134, 141, 151, 156, 274, 379
Фредерик II, король Дании 252–254
Фридрих *см.* Федериго III
Фридрих I Штаден Барбаросса, имп. св.-римск. 388
Фридрих II Штауфен, король Сицилии, имп. св.-римск. 350, 406, 407, 429, 430, 432
Фролов П.К. 82
Фрязинов Андрей, нам. перчорск. 187
Фуников Курцев Никита, казначей моск. 8
Фурнье Жан (Форнарий Иоанн), капеллан г. Эр в Артуа 463
Фюстель де Куланж Н.Д. 96

Хазанова С.И. 502
Хайме I Завоеватель, король Арагона и Каталонии 392, 423–425
Хайме II Справедливый, король Арагона и Каталонии 424
Хайме III, король Арагона и Майорки 392
Хайнемаер В. (*Heinemeyer W.*) 18, 19, 21–22, 27, 28, 71, 72, 75
Хаммурапи, ц. вавилонский 319–321, 328
Ханнисет Р.Ф. (*Hunnisett R.F.*) 389
Хеле Иоанн (Hele J.), скабин г. Эр в Артуа 464
Херде П. (*Herde P.*) 325, 347, 349, 350, 352–354, 437, 444, 445, 448
Хилков 283
Хильдеберт II, король франков 319
Хиштанд Р. (*Hiestand R.*) 389
Хлудов А.И. 114
Хмельницкий Богдан, гетман Украины 264

Хованский Андрей Федорович, кн., боярин волоцк. 147
Хойнике 409
Хорнер Т., хронист ливон. 493
Хорошкевич А.Л. 118–120, 129, 196, 216, 220, 235, 498
Хоруженко О.И. 491
Хоштинсис (Hostiensis), канонист 353
Хребтович Мелентий, архим. Киево-Печерского м-ря 256
Христиан III, король Дании 251
Хуан I, король Арагона, Каталонии и Майорки 424, 425

Цветной Иван Тучко Борисов сын, новгородец 276, 277
Целестин III, папа римский 352
Цертамен Иоганн, писец герм. 408
Цизоре Андреас (Cisore A.), судья г. Эр в Артуа 464

Чарторыйский Александр Васильевич, кн. псков. 458
Чендес П. (*Csendes P.*) 436, 438, 444, 446
Ченцова В.Г. (*Tschentsova V.*) 214
Черепнин Л.В. 14, 80, 81, 83, 86, 92, 105, 107, 108, 113, 121, 123, 124, 137, 153, 156, 158, 160, 162–164, 166, 189, 285, 305, 306, 308, 359, 367, 374, 385, 484, 612, 639, 640
Черкасова М.С. 107
Чижевский Д. (*Tschižewskij D.*) 59
Чурляев Григорий, землевлад. рязан. 296

Шабан Измайлович, сокольничий рязан. 295
Шапиро А.Л. 81
Шапиро Ф.Л. 286
Шапле П. (*Chaplais P.*) 389, 422
Шаркова И.С. 130, 327, 333
Шаскольский И.П. 490, 491, 500, 581
Шахматов А.А. 13, 31, 32, 53, 59
Шварц Е.М. 117, 129
Шебанек Й. (*Šebánek J.*) 394, 400
Шеломанова Н.Б. 106
Шёнинг Томас (Schöning Thomas), архиеп. рижский 494, 495, 499, 580
Шереметев Иван Васильевич Большой 360
Шерер И.Б. (*Scherer J.B.*) 67
Шефтель М. (*Szeftel M.*) 239
Шинкович И. (*Sincovics I.*) 396
Ширрен К. (*Schirren C.*) 500
Шиффер Т. (*Schieffer T.*) 386, 387
Ших-Ахмат, кн. ордынск., шурин хана Тохтамыша, его посол 305
Шлёгель В. (*Schlögl W.*) 406
Шлецер А.Л. 67
Шмидт С.О. 2, 6, 216, 484, 562, 581, 640
Штаден Генрих, нем. наемник, опричник, автор записок 6–11
Шталь И.В. 210
Шуйская Софья, кнг., ж. кн. Юрия Васильевича Шуйского 188, 191, 192
Шуйский Василий Васильевич, кн. псков. 343
Шуйский Василий Иванович *см.* Василий IV Иванович Шуйский
Шуйский Василий Юрьевич, кн. 174, 176, 189–191
Шуйский Федор Юрьевич, кн. 174, 176, 180, 189–192
Шуйский Юрий Васильевич, кн. 188
Шумилов В.Н. 112, 215, 490, 581, 639
Шушарин В.П. 196

***Щ**апов Я.Н.* 36, 84, 199, 200, 202, 303, 304, 306, 308, 333, 340, 385, 640
Щелкалов Андрей Яковлевич, дьяк 9, 227
Щербатов М.М. 214, 218, 227

***Э**берг Я.* (*Öberg J.*) 390, 391

Эванс Э. (*Ewans E.*) 446
Эверс И.Ф.Г. 15–17
Эвнапий (Eunapius), историк визант. 15
Эд, король Франции 290
Эдуард III, король Англии 351
Энлиль, бог вавилонский 319
Энрике II, король Кастилии и Леона 425
Энценсбергер Х. (*Enzensberger H.*) 393, 429, 430
Эрбен К.Я. (*Erben K.J.*) 67
Эрвиг, король вестгот. 325, 349
Эрик VII Померанский, король Дании, Швеции и Норвегии 423
Эскин Ю.М. 107, 502, 532
Эсхил, поэт древнегреч. 56

Юдифь, имп-ца франков, 2-я ж. Людовика I Благочестивого 290, 301
Юрасов А.В. 108
Юрг Кориатович, кн. литов., господарь молд. 204
Юрий (Георгий) Васильевич, кн. угич., брат ц. Ивана IV 225, 233, 236, 237
Юрий (Георгий) Васильевич, кн. дмитр., брат в. кн. Ивана III 135, 145, 146, 153, 275
Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, в. кн. 92
Юрий (Георгий) Данилович, кн. моск., брат в. кн. Ивана I Калиты 97
Юрий (Георгий) Данилович, кн. холмский 201
Юрий (Георгий) Дмитриевич, кн. звенигород.-галицк., затем в. кн. моск., брат в. кн. Василия I Дмитриевича 134, 144, 148, 151, 152, 189, 190, 207, 369, 370, 372, 379
Юрий (Георгий) Дмитриевич Малый, казначей моск. 229
Юрий (Георгий) Иванович, кн. дмитр. 167, 372
Юрий (Георгий) Константинович, чашник рязан. 295
Юрий (Георгий) Константинович Шаховской, кн. 194, 195
Юрий (Георгий) Святославич, кн. смолен. 199
Юрий (Георгий) Филиппович Козачкович, посадник 457
Юрьев Иван, торговый иноземец 263
Юстиниан I, имп. визант. 44, 69, 71, 332, 333, 348, 349, 396
Юстиниан II, имп. визант. 39, 72, 55, 62, 73
Юшков С.В. 87, 208, 640

***Я**блонскис К.И.* 318, 361
Яким 133, 455, 458, 459
Яков Афанасьевич Брюхатый, посадник псков. 345
Яков Голутвинич, пскович 4, 171, 184, 342–344, 346, 457
Яков Захарьич Кошкин-Захарьин, боярин, послух духовной в. кн. Ивана III 147
Яков Иванович, стольник рязан. 295
Яков Назарьевич, боярин, рязан. 298–300
Ян, пан тарнувский 203
Янин В.Л. 2, 45, 46, 80–83, 86, 90–93, 95, 133, 169, 196, 199, 201, 208, 211, 267, 340, 341, 365, 385, 453, 455, 456
Янсон А. 342
Ярицлейв *см.* Ярослав (Ярицлейв) Георгий Владимирович
Ярлык, дьяк митр-ч 134
Ярослав-Афанасий Владимирович, кн. малоярослав. и хотунск. 151
Ярослав-Афанасий Ярославич, в. кн. новг., в. кн. тверск. 205, 365
Ярослав Васильевич, кн. псков. 457, 458
Ярослав Изяславич, кн. полоцк. 202

Ярослав (Ярицлейв) Георгий Владимирович Мудрый, кн. новг., в. кн. киев. 31, 202, 208, 303, 307, 309, 314, 324–326, 336

Acht P. см. Ахт П.
Affelen Heinrich von, посол ливон. 491
Alef G. см. Алеф Г.
Ambronn K.-O. см. Амброн К.-О.
Anphimow J. *см.* Анфимов Яков
Anselm P. см. Ансельм П.
Appelt H. см. Аппельт Г.
Aragó A.M. см. Араго А.М.
Aragó Cabañas A. см. Араго Кабаньяс А.
Arbusow L. 492
Atsma H. 96
Azo *см.* Азо

Barrow G. см. Бэрроу Д.
Bastianoni C. 121
Batelli G. см. Бателли Дж.
Baumgarten N. de см. Баумгартен Н.А.
Bautier R.-H. см. Ботье Р.-А.
Bedos-Rezak B. см. Бедо-Резак Б.
Bekkero I. 72
Bielińska M. см. Белиньска М.
Bielowski A. см. Беловский А.
Binner R. см. Биннер Р.
Bistřický J. 96
Blaise A. 84
Bodin J. 89
Bónis G. см. Бониш Д.
Boone M. 459
Boretius A. 641
Bouchon 79
Bousmar E. см. Бусмар Э.
Bresslau H. см. Бреслау Г.
Briquet C.M. 123, 124, 126
Brühl C. см. Брюль К.
Buckhorsth Johann van *см.* Бокгорст Иван
Bunge F.G. см. Бунге Ф.Г.
Büsching A.Fr. 125
Bussard J. см. Буссар Ж.

Canellas Lopez A. см. Канеллас Лопес К.
Capellarius W. *см.* Вильгельм Капелларий
Cárcel Orti M.M. 438
Carile A. см. Кариле А.
Carolus-Barré L. 472
Carvalho Homem A. см. Карвальйо Омем А.
Casula F.C. см. Казула Ф.Ч.
Cavaciocchi S. 121, 642
Cazacu M. см. Казаку М.
Chaplais P. см. Шапле П.
Cisore A. *см.* Цизоре Андреас
Classen P. см. Классен П.
Cocuroff G. *см.* Кроткого Иван Кожух Григорьев сын
Collura P. см. Коллура П.
Colom F.S. см. Колом Ф.С.
Constantinus Porphyrogenitus *см.* Константин VII Багрянородный
Cosma R. см. Косма Р.
Costăchescu M. 204
Cross S.H. см. Кросс С.Х.
Csendes P. см. Чендес П.

Da Costa A.J. см. Да Коста А.Ж.
Da Cruz Coelho M. см. Да Крус Коельо М.
Dagobert Ier *см.* Дагоберт I
Damsholt N. см. Дамсхольт Н.
Dauzat A. 350, 475
Delmaire B. см. Дельмер Б.
Demonty Ph. см. Демонти Ф.
Denissov E. см. Денисов И.
Despy G. см. Деспи Ж.
Dexippus *см.* Дексипп
Dhondt J. 327
Diener G. см. Динер Г.
Dölger F. см. Дэльгер Ф.
Douët d'Arcq L. см. Дуэ д'Арк Л.
Du Cange C. De Fresne см. Дюканж Ш.
Dücker Friedrich (Duiker Fredorich), посол ливон. 490, 491
Dufour J. см. Дюфур Ж.
Dujčev I. 197

Dumpian Reinhold (Dumpian Reinolt) 490, 491
Dušková S. см. Душкова С.

Ebering E. 325
Engel Chr. 238
Enzensberger H. см. Энценсбергер Х.
Erben K.J. см. Эрбен К.Я.
Ewans E. см. Эванс Э.

Favier J. см. Фавье Ж.
Fichtenau H. 197
Fiedler J. 246
Fissore G.G. см. Фиссоре Дж.Дж.
Fleckenstein J. 139
Fournier P. 472

Gadebusch F.K. см. Гадебуш Ф.К.
Ganshof F.-L. см. Гансхоф Ф.-Л.
Garcia-Larragueta S. см. Гарсиа-Ларрагета С.
Gardino J. de *см.* Гардино Иоанн де
Gasparri F. см. Гаспарри Ф.
Gerics J. см. Герич Й.
Gieysztor A. см. Гейштор А.
Glasathoj N.O. *см.* Глазатый Назар Онисимов
Gorbathoj B.I. *см.* Горбатый Борис Иванович
Graboïs A. см. Грабоис А.
Griffiths R. см. Гриффитс Р.
Grönebaum F. 264, 265
Grothus Otto, посол ливон. 491
Guillou A. 62
Guyotjeannin O. 438, 465
Györffy G. см. Дьёрфи Д.

Hartmann M. 290, 377, 642
Hausmann R. 493
Heinemeyer W. см. Хайнемаер В.
Hele J. *см.* Хеле Иоанн
Hemptinne Th. de 459, 463
Herde P. см. Херде П.
Hermann van Bruggeney gnanth Hasenkampp *см.* Газенкамп Брюггеней II Герман
Hiestand R. см. Хиштанд Р.
Hlaváček I. см. Главачек И.
Höhlbraun K. 493
Hunnisett R.F. см. Ханнисет Р.Ф.

Ilyinskiy G.A. см. Ильинский Г.А.
Isambert 333

Kachtanov S. см. Каштанов С.М.
Kacovska-Malingoudis J. см. Каковска-Малингудис Я.
Kämpfer F. см. Кэмпфер Ф.
Karayannopulos J. см. Караяннопулос И.
Kawer Lubbert *см.* Кавер Лебрехт
Keenan E.L. см. Кинан Э.
Kilburger J.Ph. *см.* Кильбургер И.Ф.
Kölzer T. см. Кёльцер Т.
Korablev B. 214
Korf Friedrich *см.* Корф Фридрих
Kowirin B.M. *см.* Ковырин Богдан Микитин
Krajcar J. 222
Krause V. 641
Kroell M. см. Крёль М.
Kropac I. см. Кропац И.
Kropac S. см. Кропац С.
Krug Ph. см. Круг Ф.И.
Kubensky M.J. *см.* Кубенский Михаил Иванович
Kubinyi A. см. Кубиньи А.
Kumorovitz B.L. см. Куморовиц Б.Л.
Kurelac M. см. Курелац М.

Lambros Sp. см. Ламброс С.
Langlois V. см. Ланглуа В.
Le Quin см. Ле Кен
Leger L. см. Леже Л.
Leroy M. см. Леруа М.
Leuschner J. 430
Levillain L. 89
Lode Johan *см.* Лоде Иоганн
Lothario *см.* Лотарь
Louis le Pieux *см.* Людовик Благочестивый

Ludwig der Fromme *см.* Людовик Благочестивый
Lupus R. *см.* Лупус Роберт
Luther M. 84

Mabillon J. 94
Magnou-Nortier E. см. Манью-Нортье Е.
Malchus *см.* Малх
Malingoudi J. см. Каковска-Малингудис Я.
Marinović A. см. Маринович А.
Marinus *см.* Марин
Mariotte-Löber R. см. Мариотт-Лёбер Р.
Marques J. см. Маркеш Ж.
Martin G. см. Мартин Дж.
Martino F. de 325, 335
Marx K. см. Маркс К.
Menandrus *см.* Менандр Протиктор
Mersiowsky M. см. Мерсьовский М.
Metman I. см. Метман И.
Mezey L. см. Мезеи Л.
Miklosich F. 641
Miklosich Fr. см. Миклошич Фр.
Mikucki S. см. Микуцкий С.
Milagros Cárcel Ortí M. 290
Millares см. Миларрес
Moraw P. см. Морав П.
Mošin V.A. см. Мошин В.А.
Müller G. 641
Mundó см. Мундо
Napiersky C.E. см. Напьерский К.Е.

Napoléon *см.* Наполеон (Napoléon) I
Nasturel P. см. Настюрель П.
Nehlsen H. 325, 326, 347, 349, 350, 360
Neumann C. см. Нейман К.
Nielsen H. см. Нильсен Х.
Niermeyer J.F. см. Нирмейер Я.

Öberg J. см. Эберг Я.
Odena J.T. см. Одена Х.Т.
Onkudinow Andreas *см.* Анкудинов Андрей

Pardo Rodriguez M.L. см. Пардо Родригес М.Л.
Paris L. см. Парис Л.
Parisse M. см. Парис М.
Passow F. см. Пассов Ф.
Pasztor E. см. Пастор Е.
Patiner Sheners *см.* Патин Тебек
Pertz G.H. см. Перц Г.
Petit L. 214
Philippe Audax, герцог бургунд. 120
Philippe de Rouvre, герцог бургунд. 120
Philippe le Bel *см.* Филипп IV Красивый
Philippe le Bon *см.* Филипп Добрый
Philippe Auguste *см.* Филипп II Август 389
Piccard G. 215
Piccardi M. 126
Pipenstock Georg, посол ливон. 491
Popa-Lisseanu G. см. Попа-Лисяну Г.
Poppe A. см. Поппэ А.
Pratesi A. см. Пратези А.
Prevenier W. см. Превенье В.
Priscus, историк визант. 15
Puchta G.F. 335
Puncuh D. см. Пунку Д.
Pycke J. 438, 465

Quantin M. 51

Rahbek Schmidt K. см. Рабек-Шмидт К.
Rakowieckij J.B. см. Раковецкий И.Б.
Regel W. 250, 251, 322
Reinholdus Buxhöwden *см.* Рейнхольд Буксхёвден
Renner J. *см.* Реннер И.
Richard J. см. Ришар Ж.
Roháč J. см. Рогач Ю.

Röhrkasten J. 351
Rossini E. см. Россини Э.
Rovere A. см. Роверe А.
Rüss H. 370

Sáez E. см. Саес Э.
Saint-Denis A. см. Сен-Дени А.
Salis Reinhold *см.* Салис Леонард
Sanders D. 84
Sanz Fuentes M.J. см. Санс Фуэнтес М.Х.
Sardi-Mendelouici H. 72
Saunier-Seité A. см. Сонье-Сеитэ А.
Scherer J.B. см. Шерер И.Б.
Schieffer T. см. Шиффер Т.
Schirren C. см. Ширрен К.
Schlögl W. см. Шлёгель В.
Schöning Thomas *см.* Шёнинг Томас
Scilitza I. *см.* Скилица И.
Scopa T. De *см.* Скопа Томас де
Šebánek J. см. Шебанек Й.
Seemann K.-D. 226
Serafim E. см. Серафим Э.
Sermi см. Серми
Shaeder H. 313
Sielicki Fr. см. Селицкий Ф.
Simpson G. см. Симпсон Г.
Sincovics I. см. Шинкович И.
Skupieński K. см. Скупеньский К.
Smith R.E.F. см. Смит Р.Э.Ф.
Soloviev A.V. см. Соловьев А.В.
Sophocles E.A. см. Софоклес
Sorlin I. см. Сорлен И.
Sotheby S. см. Содби С.
Stavenhagen O. 492
Stengel E. 84
Stephanus H. см. Стефан Г.
Stevenson A. 123
Stieldorf A. 290, 377, 642
Stipišić J. см. Стипишич Я.
Stromeir U. 130
Stromer W. von 130
Sulitková L. см. Сулиткова Л.
Szeftel M. см. Шефтель М.

Tabaloni *см.* Табалони
Tandecki J. см. Тандецкий Я.
Täubler E. 325, 335
Tessier G. см. Тесье Ж.
Thiel V. 124
Thurn I. 72
Tock B.-M. см. Ток Б.-М.
Traljić S. см. Тралич С.
Trautmann R. см. Траутман Р.
Treccani G. 109
Tschentsova V. см. Ченцова В.Г.
Tschižewskij D. см. Чижевский Д.

Van Synghel G. см. Ван Сингель Г.
Vezin J. 96
Villad G. см. Виллад Г.
Vodoff W. см. Водов В.А.
Vogtherr Th. см. Фогтхер Т.

Wolfram H. см. Вольфрам Г.
Worontzow D.S. *см.* Воронцов Дмитрий Семенович
Worontzow M.S. *см.* Воронцов Михаил Семенович
Wrangell Johan, посол, ливон. 491

Zoltan A. 210

Ζμυρνάκης Γ. 60
Θεοδώρος, логофет 71
Καραγιαννόπουλος Ι.Ε. см. Караяннопулос И.
Μιχαήλ, чиновник-регистратор 74
Νυσταζοπούλου Μ.Γ. 265
Ξένης Αγγελίνης *см.* Ксения Ангелина
Τορνίκης *см.* Торникес Д.

Научное издание

Каштанов Сергей Михайлович

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ КНЯЖЕСКИХ КАНЦЕЛЯРИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Редакторы *Н.Ф. Лейн, М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *Е.А. Желнова, Р.В. Молоканова, Т.А. Печко*
Компьютерная верстка *С.В. Ишутиной*

Подписано к печати 16.01.2014
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 42,5. Усл.кр.-отт. 43,0. Уч.-изд.л. 45,1
Тип. зак. 3068

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

АДРЕСА МАГАЗИНОВ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины с отделом "Книга-почтой"

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-78-01
Сайт: **http://LitRAS.ru/** e-mail:**okb@LitRAS.ru**

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
e-mail: **ak@akbook.ru**

Магазины с букинистическим отделом

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; (код 3952) 42-96-20 akademkniga@list.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)

101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19

142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 (код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)

199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12

199034 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б" (код 812) 230-13-28
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24
Сайт:http://LitRAS.ru/
e-mail: info@LitRAS.ru
Отдел логистики, телефон (код 495) 932-74-71
Факс (код 499) 143-84-24

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ISBN 978-5-02-035519-4

